

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

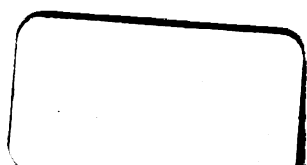
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

СЕДЬМОЙ ГОДЪ.—ТОМЪ V.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЬ

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

ТРИДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ТОМЪ

СЕДЬМОЙ ГОДЪ

ТОМЪ V

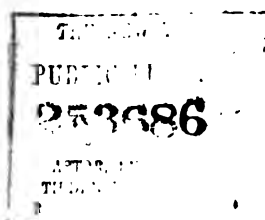
РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Невскомъ просп., у Казан. моста
№ 30.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академ. переулокъ
№ 9.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1872.

КТО ВИНОВАТЪ

ВЪ

СМУТНОМЪ ВРЕМЕНИ?

И. Е. Забылну.

Мои сочиненія по русской исторіи не разъ подвергались въ печатной критикѣ превратнымъ толкованіямъ ихъ смысла и междустрочному чтенію. Мнѣ почему-то не разъ приписывали въ нѣкоторомъ родѣ коварные умыслы унижать или, какъ выражались нѣкоторые: сводить съ пьедестала знаменитыя лица отечественной исторіи. М. П. Погодинъ отличился въ этого рода обличеніяхъ еще въ 1864-мъ году, по поводу моей статьи о «Куликовской битвѣ», потомъ въ текущемъ году, выступивъ защитникомъ Скопина-Шуйскаго, противъ моей статьи «Личности смутнаго времени». Однако, въ то же время, когда одни, подобно г. Погодину, порицали меня за низведение съ пьедестала героевъ, — другіе, признавая за мною то же самое, отзывались съ похвалою. Я не могу принимать на свой счетъ ни порицаній, ни похвалъ въ такомъ смыслѣ, потому что никогда не задавалъ себѣ задачу сводить кого-нибудь съ пьедестала или вообще унижать и умалять историческія достоинства героевъ прошедшаго; о личностяхъ же смутнаго времени могу сказать это болѣе всего, такъ какъ я указывалъ только на неясность, темноту, недоразумѣнія и вопросы, возникающіе относительно опредѣленія характера, способностей и образа дѣйствій нѣкоторыхъ

личностей означенной эпохи. Само собою разумѣется, что такого рода приѣмъ не можетъ считаться унижительнымъ; напротивъ, если кто, обративъ вниманіе на поставленные вопросы, постарается разрѣшить ихъ въ смыслѣ самомъ благопріятномъ для означенныхъ личностей и успѣетъ покрыть ихъ самыми яркими лучами славы, тотъ собственно разъяснитъ только то, что я намѣтилъ, и слѣдовательно его сочиненія не имѣли бы никакого полемическаго значенія противъ моей статьи.

Ученый споръ съ г. Погодинымъ — невозможенъ. Тотъ, кто станетъ отвѣчать ему, невольно будетъ похожъ на чловека, котораго полицейскій чиновникъ притянулъ напрасно къ слѣдствію, и который на всѣ вопросы только и можетъ отвѣчать: не знаю, не говорилъ, это не такъ было сказано и пр. Г. Погодинъ относится къ явленіямъ отечественной исторіи такъ, какъ относился когда-то Ломоносовъ въ нападкахъ на Миллера, и состязаніе съ г. Погодинымъ не представляетъ никакого интереса для той части любителей русской исторіи, которая въ своихъ понятіяхъ шагнула далѣе ломоносовскихъ временъ.

Совсѣмъ иначе является другой мой антагонистъ И. Е. Забѣлинъ, напечатавшій въ «Русскомъ Архивѣ», издаваемомъ при Чертковской библіотекѣ, статью: «Мининъ и Пожарскій. Прямые и кривые въ смутное время». Статья эта посвящена разрѣшенію именно тѣхъ сторонъ, которыя я указалъ темными или двусмысленными, и заключаетъ въ себѣ взгляды и мнѣнія, діаметрально противоположныя моимъ. И. Е. Забѣлинъ — одна изъ самыхъ даровитыхъ, почтенныхъ и глубокосвѣдущихъ личностей, занимающихся и занимавшихся русскою исторіею и археологіею; мы привыкли уже такъ высоко уважать этого писателя, что еслибы намъ пришлось въ ратоборствѣ съ нимъ и положить оружіе, то намъ все-таки останется то утѣшеніе, что труды нашихъ писаній не пропали даромъ, если вызвали съ его стороны произведеніе, достойное его таланта и знаній.

Мы рѣшаемся вступить съ нимъ въ состязаніе съ цѣлью высказать еще яснѣе нѣкоторые наши взгляды, несходные съ его взглядами. Просвѣщеннымъ читателямъ предоставляется оцѣнить силу и справедливость нашихъ взглядовъ.

I.

И. Е. Забѣлинъ очень мало придаетъ значенія полякамъ въ смутное время; они у него, какъ говорится, съ боку припека: это главное не въ нихъ; великій врагъ, волновавшій Русь въ началѣ XVII-го вѣка—это смута, засѣвшая въ боярствѣ и служиломъ сословіи, сословіи, которое представляется какъ бы скопищемъ мерзавцевъ, тогда какъ противъ этого скопища стоитъ другая стихія, здоровая, нравственно крѣпкая, чуждая смутѣ, стихія эта, пользующаяся большимъ сочувствіемъ автора—народъ, сирота-народъ, какъ онъ его называетъ, употребляя старинный терминъ челобитныхъ.

Вотъ этотъ-то сирота-народъ поднялся по зову Минина, уже готовый прежде, бодрый духомъ, крѣпкій смысломъ и единодушіемъ, вручивъ предводительство достойному великому человѣку, князю Пожарскому, для спасенія отечества, растерзаннаго смутю, произведенною боярствомъ и служилыми.

Такой взглядъ на служилыхъ и неслужилыхъ преувеличенъ и показываетъ какъ-будто, что тѣ и другіе были людьми иного племени, языка, словно турки и греки въ оттоманской имперіи или какіе-нибудь остъ-готы, либо лонгобарды съ одной стороны, и римляне съ другой—въ Италіи. Мы не только сомнѣваемся въ возможности такого раздвоенія въ русскомъ народѣ, при которомъ служилые и неслужилые казались бы враждебными и какъ бы разноплеменными лагерями, но считаемъ это положительно невозможнымъ. Если у служилыхъ и у остальнаго народа и были свои интересы, то несравненно было болѣе признаковъ жизни общихъ тѣмъ и другимъ. Люди родовитые, люди служилые принадлежали къ одному и тому же народу съ тѣми земствомъ, которое такъ любить г. Забѣлинъ, противопоставляя его служилымъ. Между тѣми и другими не было еще того различія, такое въ болѣе позднее время возникло между высшими и низшими классами вслѣдствіе образованности, распространившейся въ высшихъ слояхъ; при томъ же, несмотря на всѣ предразсудки родовой чести (измѣрявшейся однако службою), служилые и неслужилые не оставались какими-нибудь восточными кастами. Частыя верстанья безпрестанно пополняли ряды служилыхъ людьми неслужилыми; даже въ дѣти боярскія верстали изъ гулящихъ людей, всякаго званія, давали имъ помѣстья, а дѣти боярскія выходили въ дворяне. Не говоримъ уже о болѣе низшихъ разрядахъ служилыхъ людей, безпрестанно пополняемыхъ тѣми, которые принадлежали къ массѣ сироты-народа. Не

только у дворянъ и дѣтей боярскихъ — у знатнѣйшихъ бояръ, даже въ царскихъ палатахъ мы видимъ одни нравы, одинакія понятія какъ и у народа. Понятно, что служилые и неслужилые имѣли одинъ складъ ума, однѣ добродѣтели, одни пороки. Общихъ тѣмъ и другимъ свойствъ и признаковъ жизни было такъ много, что невозможно приписывать исключительно одной только части русскаго народа явленій, обнимавшихъ строй всей русской исторіи.

Г. Забѣлинъ видитъ въ предшествовавшихъ временахъ исторію развитія той смуты, которую ставитъ въ вину однимъ служилымъ. «Ея историческіе корни, говоритъ онъ, уходятъ далеко въ глубину прожитыхъ вѣковъ и могутъ быть указаны чуть не на первыхъ страницахъ нашей исторіи. Ея корни скрывались всегда въ мятежномъ, самовластномъ, своевольномъ и крामольномъ духѣ той среды боярства, которая помнила свою первобытную старину. А этою стариною для боярства въ оное время было непререкаемое право княжеской дружины властвовать даже надъ самимъ княземъ, указывать ему, не выпускать его изъ своей воли: право очень древнее, которое въ первое время возникло естественно, было историческою необходимостью, и такъ сказать историческою нравственностью, твердымъ и благимъ уставомъ самой жизни. Но съ теченіемъ вѣковъ, по ходу исторіи, оно, если хотѣло быть добрымъ уставомъ жизни, должно было бы переродиться во что-либо новое, политически годное для дальнѣйшаго развитія народной исторіи. Между тѣмъ въ теченіи этихъ вѣковъ, особенно въ періодъ княжескихъ междоусобій, оно еще больше усиливало свои старья, допотопныя начала жизни, и поддерживало въ Землѣ такую же нескончаемую смуту.

«Началомъ дружинной жизни (если объяснять ихъ одними только существенными, хотя и рѣзкими чертами) были самоволіе и самовластіе, властолюбіе и честолюбіе, добываніе высокихъ столовъ для своего князя, т.-е. великихъ старшихъ волостей или княженій, слѣдовательно жадность къ захвату новой власти и многого имѣнія. Все это, конечно, утверждалось на первобытномъ историческомъ корнѣ отношеній дружины-боярства къ лицу своего князя, и въ первую пору выполнѣло единило интересы дружины съ интересами князя по той причинѣ, что въ ту пору и самъ князь, въ собственныхъ глазахъ, былъ столько же главою Земли, сколько главою дружины, былъ самъ только первымъ дружинникомъ, и въ своихъ дѣйствіяхъ преслѣдовалъ лишь свои эгоистическія цѣли. Очень понятно, что такіа начала и даже задачи жизни должны были воспитывать дру-

живую боярскую среду особымъ образомъ, должны были вырабатывать ея нравы и обычаи по особому складу, нисколько не помня о благѣ и добрѣ всей Земли».

Нельзя не признать въ этихъ словахъ значительной доли правды, но также нельзя не видѣть односторонности, преувеличенія и смѣшенія понятій. Не слѣдуетъ, во-первыхъ, смѣшивать дружину княжескую съ боярами. Въ числѣ дружинниковъ были бояре, но въ то же время можно было быть бояриномъ, не будучи дружинникомъ. Бояре въ древней Руси принадлежали землѣ; то были богатые и вліятельные землевладѣльцы. По крайней мѣрѣ, въ Новгородѣ и Псковѣ, которыхъ исторія намъ извѣстнѣе, бояре являются никакъ не въ значеніи княжеской дружины: борьба противъ нихъ чернаго народа, иногда вспыхивавшая въ Новгородѣ, была борьбою не противъ княжескихъ дружинниковъ, а противъ своей же земской братіи, возвысившейся надъ прочими, противъ земскихъ аристократовъ. Въ «Русской Правдѣ» бояре разительно отличаются отъ дружины: «аже въ боярѣхъ или въ дружинѣ кто умреть?»; и въ лѣтописяхъ бояре нерѣдко именуются принадлежащими городу или землямъ (что, конечно, одно и то же, такъ какъ городъ былъ средоточіемъ своей земли и по старинному образу выраженія означалъ землю), а не особѣ князя: бояре кievскіе, вышегородскіе, галицкіе, ростовскіе. Что бояре земскіе были близки къ князю—это естественно, такъ какъ князь былъ правитель земли, а бояре богатѣйшими и вліятельнѣйшими ея членами; что, при добрыхъ отношеніяхъ къ князю, они поддерживали его и, такимъ образомъ, составляли лучшую часть его дружины—это также вполне естественно. Но не только бояре, и княжеская дружина (за исключеніемъ развѣ отдаленныхъ языческихъ временъ или же тѣхъ аномалій, которыя замѣтны на югѣ, когда князья ходили въ походъ на чело инородческихъ шаекъ) не составляла по существу своего чего-то составленнаго изъ иныхъ элементовъ, отличныхъ отъ земщины и тѣмъ самымъ не была діаметрально противоположна земщинѣ. Дружина была неизбежнымъ явленіемъ при удѣльности князей, а удѣльность князей соотвѣтствовала древней раздѣльности земель. Сбивчивости нашихъ представленій о многихъ явленіяхъ старой жизни способствуетъ усвоенное со школьной скамьи понятіе, будто вначалѣ была какая-то единая русская земля, а потомъ раздробилась на княженія и отсюда потекли на нее всякія бѣдствія. Наоборотъ, въ глубокой древности жили разрозненные народцы, у которыхъ, если быть можетъ и существовали начатки сознанія племенной связи, то ужъ никакъ не настолько зрѣлые, чтобы образовать между народцами прочное единеніе. Народцы эти, какъ гласятъ

преданія и какъ слѣдовало ожидать по свойствамъ человѣческой природы, то и дѣло что ссорились между собою. Кіевскіе князья языческаго періода начали ихъ сшивать на живую нитку, но сшивка эта ограничивалась тѣмъ, что ихъ обдирали, когда можно было, да призывали вмѣстѣ грабить византійскую имперію. Только съ распространеніемъ христіанства и съ развѣтвленіемъ одного княжескаго рода по всѣмъ Землямъ наступаетъ періодъ единенія, которое, начинаясь съ крайней разрозненности, клонилось прежде къ федеративному строю, а потомъ уже, вполнѣдствіи, въ силу новыхъ толчковъ, повернуло къ иной формѣ. Стало обычаемъ, что земля должна имѣть у себя князя изъ одного на Руси дома; стало необходимостію, чтобы при князѣ, правителѣ и охранителѣ земли была постоянная военная сила: то была дружина. Откуда же набиралась эта дружина? Были въ ней и иностранцы, были русскіе изъ иныхъ земель, но главная сила ея, по крайней мѣрѣ въ большей части русскихъ земель, состояла изъ уроженцевъ той земли, гдѣ княземъ былъ тотъ, кому она служила; такимъ образомъ, дружина не теряла связи и общихъ интересовъ съ землею. Что дружина князя состояла изъ людей той же земли—рѣзко и наглядно показываетъ примѣръ изъ многомятежной жизни Изяслава Мстиславича кіевского, который, будучи изгнанъ изъ Кіева, вмѣстѣ съ дружиною, говорилъ послѣдней: «вы есте по мнѣ изъ рускыя земли вышли своихъ селъ, а своихъ живнѣй лишився, а язъ пакы своея дѣдины и отчины не могу перезрѣти, но любо голову свою слою, пакы ли отчину свою налѣзу и вашу всю жизнь». Изъ кого же состояла дружина этого князя? Конечно, изъ тѣхъ же земскихъ людей, клянъ, которые прежде признали его своимъ княземъ на вѣчѣ отъ мала до велика. Собственно дружина была только органомъ земской дѣятельности. Дружинники не составляли замкнутого сословія; люди всякаго происхожденія возвышались и достигали большого значенія. Такъ мы встрѣчаемъ въ чинѣ знатныхъ лицъ поповичей, напр. Александра Поповича или Судыча, попова внука и даже происходившихъ изъ смердовъ (два беззаконника отъ племени смерды). Въ Новгородѣ въ болѣе позднее время дружина князя или намѣстника состояла изъ пришельцевъ не-новгородцевъ, но все-таки русскихъ.

Конечно, бывали не рѣдкіе случаи, когда дружинники съ своими князьями преслѣдовали эгоистическія цѣли и наносили вредъ русскимъ землямъ; и это бывало особенно тогда, когда князь съ дружиною, составленною изъ жителей той земли, гдѣ онъ жилъ и княжилъ прежде, нападалъ на чужую землю и княженіе, а на готовѣ у него была помощь инородцевъ; но вина зла этого не можетъ

падать на однихъ дружинниковъ: вина эта крылась во всемъ строеніи русскаго общества, и свойства дружинниковъ не были ихъ исключительными свойствами, чуждыми остальной массы земщины, изъ которой они происходили.

Задавшись мыслию отыскивать вездѣ враждебныя отношенія дружины къ земщинѣ, можно и не обратить вниманія на то, что въ нашихъ лѣтописяхъ подъ «дружиною» разумѣется не всегда только военная сила князя, но это слово принималось и въ смыслѣ болѣе широкомъ, въ значеніи кружка людей вліятельныхъ или благопріятствующихъ, хотя бы они не составляли княжеской дружины въ тѣсномъ смыслѣ. Такъ, между прочимъ, въ повѣствованіи о тѣхъ новгородцахъ, которые, во времена Ярослава Владимировича, готовившагося идти на Кіевъ, перебили поставленныхъ у нихъ въ домахъ варяговъ, а потомъ были сами коварно избиты княземъ въ Ракомѣ, этотъ князь, жалѣя о погибшихъ, называетъ ихъ своею «любою дружиною». А вѣдь это были земскіе люди, нарочитые мужи, домовладѣльцы новгородскіе, и конечно у Ярослава была иная дружина, дружина въ тѣсномъ значеніи, которая и содѣйствовала избіенію новгородцевъ въ Ракомѣ. Мы находимъ также основаніе предполагать, что въ словахъ лѣтописи о томъ, какъ Владимиръ, «любя дружину и съ нею думая о строи землянѣмъ, о ратѣхъ и уставѣ землянѣмъ», разумѣется дружина въ обширномъ смыслѣ, такъ что къ этой дружинѣ, то-есть къ кругу людей, близкихъ къ князю, относились даже духовныя лица; именно: вслѣдъ за тѣмъ, какъ бы для поясненія, какимъ образомъ Владимиръ думалъ съ дружиною о строи землянѣмъ, и о ратѣхъ и о уставѣ землянѣмъ, повѣствуется, какъ онъ, по совѣту епископовъ, сталъ казнить разбойниковъ, а потомъ, по совѣту епископовъ и старцевъ, вмѣсто смертной казни, началъ брать виры, принимая въ расчетъ необходимые расходы на войну (и рѣша епископы и старцы: рать многа: оже вира, то на оружьи и на конехъ буди. И рече Володимиръ: тако буди). Точно также нѣсколько строкъ предъ тѣмъ, гдѣ описывается, какъ пировавшіе съ Владимиромъ изъявили желаніе ѣсть серебряными ложками, а не деревянными, слово «дружина», по ходу рѣчи, имѣетъ обширное значеніе. На пиру у Владимира были: бояре, гриды, сотскіе, десятскіе, и нарочитые мужи. Когда они подпили, то начали роптать на князя за ложки. Владимиръ, потакая ихъ прихоти, называетъ ихъ общимъ именемъ «дружины» (повелѣи исковати лжицѣ сребрены ясти дружинѣ, рекъ сие: яко сребромъ и златомъ не имамъ налѣзти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато). Слова о невозможности найти дружину за золото и серебро показываютъ, что здѣсь

идеть рѣчь о нравственно близкихъ людяхъ, о друзьяхъ Владимира, а не о наемныхъ воинахъ, состоящихъ на платѣ, какихъ именно и можно приобрести за серебро и золото. Въ иномъ мѣстѣ лѣтописи, въ описаніи изгнанія изъ Кіева Ізяслава Ярославича, происшедшаго въ 1067 году, кіевляне, готовясь освободить полоцкаго князя изъ темницы съ его двумя сыновьями, говорятъ: «Пойдемъ высадимъ дружину свою изъ погреба.» Здѣсь слово «дружина» еще въ болѣе обширномъ смыслѣ, чѣмъ прежде; здѣсь она вообще означаетъ лицъ дружелюбныхъ, друзей. Такимъ образомъ, самое слово «дружина» на нашемъ старомъ языкѣ не означало всегда только того, что подъ этимъ словомъ разумѣютъ историки, составившіе теорію о противоположности дружины и земщины. Понятно, какъ слѣдуетъ осторожно приступать къ какому бы то ни было выводу по этому вопросу.

Но болѣе всего г. Забѣлинъ не правъ по отношенію къ временамъ болѣе позднимъ, ко временамъ усиленія московскаго государства и объединенія Руси подъ властію Москвы. «Не захотѣвши сдѣлаться слугою Землѣ, она (дружина) за это самое должна была сдѣлаться слугою князя. Ея общіе съ нимъ интересы стали расходиться все дальше, древняя дружба стала разстраиваться. Стремясь за общеземскими цѣлями, князь въ Москвѣ выросъ цѣлою головою выше старыхъ дружинныхъ связей и отношеній. Стремясь исключительно только за своими личными цѣлями и интересами, дружина понизилась до значенія холопства. Но не выучившись ничему новому, она вѣрно держала въ памяти свое старое, вѣрно жила своими старыми преданіями, и не думала измѣнять своимъ древнимъ нравамъ и обычаямъ. Собравшись въ Москвѣ около своего государя самодержца, она все еще думала, что это только первый дружинникъ, и стала постоянно заводить тѣ же самыя исторіи, какими была ознаменована жизнь прежнихъ волостныхъ и удѣльныхъ князей. Главнѣйшимъ пунктомъ дружиннаго самоволія и властолюбія, какъ прежде такъ и теперь, являлось наслѣдованіе престола и вообще малолѣтство или неспособность наслѣдника. Въ эти времена съ необыкновенною силою просыпались необузданныя и ничѣмъ неукротимыя стремленія дружинниковъ захватить господство надъ властію и Землею въ свои руки. Здѣсь въ полной мѣрѣ обнаружилось самое существо древнедружиннаго обычая—это неизмѣнное стремленіе властвовать надъ Землею, а не служить Землѣ... Въ государственной Москвѣ древніе дружинники долго старались заводить эту рознь, поддерживая удѣльныхъ, возбуждая споры и смуты о разныхъ наслѣдникахъ, вообще же стремясь овладѣть государственною властію. Однако, идея государственнаго единства, перешаг-

или черезъ множество неповинныхъ жертвъ, восторжествовала. Но въ этой беспощадной борьбѣ за единодержавіе и самодержавіе государя, династія, по весьма понятнымъ причинамъ, уничтожая самое себя, должна была въ концу истощить свои силы и совсѣмъ угаснуть».

Историческій ходъ событій представляетъ намъ совсѣмъ противоположное тому, что здѣсь высказано. Конечно, можно все это подтвердить отдѣльно взятыми исключительными фактами, насильственно давая имъ предумышленное значеніе; но историкъ долженъ составлять свои приговоры не на основаніи только единичныхъ отрывочныхъ явленій, а принимать во вниманіе то, что совершалось въ ихъ цѣльности, въ связи, отъ начала до конца; такимъ только образомъ можно указывать и опредѣлять характеръ и направленіе вѣка, народа или сословія.

Дружинникамъ ставить въ вину, что они сдѣлались слугами князя, а потомъ его холопами. Но какъ же могло быть иначе, когда сами князья были холопами и рабами завоевателей, и съ ними вся Русь охолопѣла до мозга и костей. Татарское господство совершенно сбило ее съ той, хотя и своеобразной, но по духу исторіи все-таки средневѣковой европейской дороги, по которой она шла до половины XIII-го вѣка. Мы не думаемъ искать какихъ-нибудь высокихъ идеаловъ, осуществившихся въ до-татарской Руси. Нѣтъ; и тогда было варварство, но варварство европейское, тогда какъ, послѣ татарскаго завоеванія, Русь погрузилась въ варварство азіатское. Первое, при всѣхъ своихъ темныхъ сторонахъ, хотя медленно, хотя съ уклоненіями, хотя болѣе или менѣе узкимъ и туго расширявшимся кругомъ участниковъ движенія, а все-таки шло на пути къ идеалу личной свободы чело-вѣка, къ выработкѣ политическихъ и гражданскихъ правъ, понятій о чести и долгѣ; для послѣдняго не было другихъ общественныхъ идеаловъ, кромѣ постоянного страха за существованіе, самоуничтоженія и хитраго раболовства передъ безграничною эгоистическою силою, чѣмъ бы ни была эта сила: верховною ли властію деспота, твердо сидящаго на своемъ тронѣ, или разнузданною наглостію успѣвающаго бунтовщика. Понятно, что московскіе князья, освобождаясь, въ силу обстоятельствъ, отъ чужеземнаго деспотизма и захватывая въ свои руки ту верховную власть, которая выпадала изъ одряхлѣвшихъ рукъ хановъ Золотой Орды, послѣдовали за тѣмъ образцомъ, который былъ имъ близокъ отъ отца и дѣда, за образцомъ восточнаго деспота; понятно, что и пособники ихъ должны были слѣдовать за образцомъ подчиненія, съ какимъ были знакомы и дѣлаться холопами. Мы не скажемъ, впрочемъ, чтобы на Руси не оста-

валось уже ни жизненныхъ слѣдовъ, ни воспоминаній о прошломъ, но эти слѣды и воспоминанія были до того, такъ сказать, завалены наносами прожитой народомъ въ послѣдующія времена исторіи, что развѣ великія бури и крутыя потрясенія могли бы снести эти наносы. Слѣдуетъ замѣтить, что остатки византійскихъ государственныхъ понятій, хотя въ нихъ уже издавна было много азіатскаго, не дали восточной Руси сдѣлаться совершенною ордою; ихъ вліяніе вмѣстѣ съ религіею сообщило ей образъ государственнаго механизма.

Ничто такъ не содѣйствовало возвышенію московскихъ князей и ихъ стремленію къ собиранію русскихъ земель, какъ дружинное или служилое (какъ оно послѣ стало называться) сословіе. Москва наполнялась людьми этого сословія — боярами и вольными слугами, приходившими отовсюду служить московскимъ великимъ князьямъ. При сохраненіи права свободнаго отъѣзда бывали случаи и противныя — отъѣзжали изъ Москвы въ удѣлы, но число такихъ, въ сравненіи съ числомъ приставившихъ къ московскимъ князьямъ изъ удѣловъ, было незначительно. При ихъ-то помощи и содѣйствіи эти князья укрѣплялись, расширяли свои владѣнія, возвышались надъ прочими князьями. Покореніемъ удѣловъ, напр. Нижняго, Владиміра, Рязани, Твери они были обязаны тѣмъ, что тамошніе дружинники перешли на московскую сторону. То же, вѣроятно, дѣлалось и въ мелкихъ удѣлахъ; за дружинниками князья ихъ, оставленные безъ вооруженной силы, стали именовать себя холопами московскаго князя. Вначалѣ, пока московскіе великіе князья не были еще слишкомъ сильны, пока имъ предстояла борьба съ удѣльными князьями, которой успѣхъ зависѣлъ отъ перехода служилыхъ на московскую сторону, понятно, что они относились къ своимъ боярамъ какъ къ совѣтникамъ. Но отношенія перемѣнились уже съ Ивана III: это былъ самовластный деспотъ, нетерпѣвшій вокругъ себя никого, кромѣ холоповъ. Сынъ его Василій превзошелъ родителя, такъ что современникамъ Иванъ III, въ сравненіи съ своимъ преемникомъ, представлялся добродушнымъ и привѣтливымъ государемъ. Герберштейнъ, посѣщавшій Москву при Василии, говоритъ: «никто не смѣетъ разноголосить съ государемъ, не только, что противорѣчить ему: воля государя—Божья воля!» Иностранцу того времени строй московской державы представлялся безпредѣльно самодержавнымъ. А кто же довель до этого, какъ не служилое сословіе, покорявшееся обстоятельствамъ? Не только не препятствовало оно развитію идеи государственнаго единства, какъ увѣряютъ насъ, а напротивъ — оно-то и было главнѣйшимъ органомъ этого развитія.

Вържи словамъ г. Забѣлина, будто дружинное самоволіе произошло во время малолѣтства наслѣдника, мы просимъ читателей припомнить тотъ многозначительный фактъ, какъ во время малолѣтства Дмитрія Донского бояре успѣли сохранить за нимъ великое княженіе, преслѣдуя какъ будто приросшую къ Москвѣ идею первенства надъ Русью. Вѣроятно, г. Забѣлинъ намекаетъ на смуты во время малолѣтства Ивана Грознаго. Но много ли г. Забѣлинъ покажетъ намъ примѣровъ въ исторіи монархическихъ государствъ, когда малолѣтство сироты-государа, требовавшее регентства, не было временемъ пререканій, недоразумѣній и смутъ? Явленіе—черезъ-чуръ, общен историческое, чтобы на немъ основывать характеристику цѣлаго сословія. Да и что же въ самомъ-то дѣлѣ мы видимъ: ссоры лицъ, не болѣе, а не борьбу партій за какіе-нибудь принципы. Вотъ, если бы Бѣльскіе, Шуйскіе, Воронцовы стояли за какія-нибудь измѣненія порядка въ государствѣ съ цѣлію расширить и упрочить права своего сословія или своей партіи на счетъ самодержавной власти—иное дѣло; но этого мы не видимъ.

Гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, эти необузданныя, ничѣмъ неуручимаго стремленія дружинниковъ захватить господство надъ властію и Землею въ свои руки? Гдѣ эта безпощадная борьба за единодержавіе и самодержавіе государя? Пусть намъ покажутъ ее! Мы видимъ только вѣрныхъ и ревностныхъ рабовъ: только тогда, когда уже тяжело кому-нибудь покажется жить, тотъ убивается! Неужели это борьба, да еще безпощадная? Покажите намъ хотя одинъ примѣръ, когда представитель самодержавной власти выходилъ съ войскомъ противъ полчища враговъ самодержавія? Покажите намъ хоть одинъ заговоръ съ цѣлію ниспровергнуть форму правительства? Мы видимъ безчисленное множество казней, совершавшихся по подозрѣнію, а не видимъ дѣйствительныхъ попытокъ произвести перевороты въ государствѣ, съ цѣлію подорвать единодержавіе и самодержавіе государя. Мы видимъ, какъ при дворѣ одни противъ другихъ враждуютъ, строятъ одни другимъ козни, роютъ одни подъ другими ямы, но по отношенію къ верховной власти всѣ они покорные холопы. При Иванѣ Грозномъ представляется намъ единственный примѣръ, когда царь, какъ онъ самъ въ послѣдствіи сознавался, нѣкоторое время управлялъ по совѣту Сильвестра, Адашева и ихъ сторонниковъ, и какъ бы находился подъ ихъ опекою. Но все это касалось только личности Ивана, а не царскаго самодержавія вообще въ его идеѣ. Самъ Иванъ, по трусости, поддался нравственному вліянію умныхъ личностей, успѣвшихъ въ короткое время именемъ царя совершить истинно великія дѣла; но какъ мало расположены

были эти люди поставить прочныя границы самодержавію и единодержавію, показываетъ то, что царь всѣхъ ихъ разогналъ, истребилъ, а потомъ уже многіе годы совершалъ чудеса тираниства, и все сходило ему съ рукъ. Мысль г. Забѣлина, что рюрикова династія должна была къ концу истощить свои силы и совсѣмъ угаснуть, болѣе, чѣмъ непонятна. У Ѳедора могли быть дѣти, и Рюриковъ родъ преспокойно бы размножался. По отношенію къ политическимъ событіямъ московскаго государства, предшествовавшимъ смутамъ, возникшимъ по прекращеніи рюриковой династіи, это прекращеніе есть фактъ чисто случайный, зависѣвшій отъ физическихъ причинъ и не состоящій съ ними въ связи.

Едвали въ силахъ доказать г. Забѣлинъ, будто закрѣпощеніе крестьянъ было дѣломъ интригъ боярскаго властолюбія. Мѣра эта, насколько намъ извѣстно, предпринята была въ тѣхъ видахъ, чтобы остановить усилившіеся побѣги и народныя переселенія, грозившія опустѣніемъ центру государства, и была въ свое время нужнѣе для государственныхъ цѣлей, чѣмъ для интересовъ землевладѣльцевъ.

Вѣрный своей задачѣ—накладывать какъ можно болѣе черноты на бояръ и служилое сословіе, и какъ можно болѣе въ привлекательномъ видѣ изображать своего «сироту-народъ», г. Забѣлинъ, переходя къ эпохѣ смутъ въ началѣ XVII-го вѣка, причину всѣхъ этихъ смутъ взваливаетъ исключительно на тотъ же служилый классъ: «Смуту искони производилъ, а теперь распространилъ ее на всю Землю именно пласть служебный, по древнему дружинный, а нынѣ уже холопій». Авторъ изображаетъ прекращеніе Рюриковой династіи въ видѣ смерти хозяина дома, послѣ котораго слуги-холопи бросились расхищать его достояніе, а сирота-народъ долго стоялъ предъ домомъ покойника и все видѣлъ и все слышалъ, что тамъ творилось, и прямо назвалъ все это дѣло воровствомъ и всѣхъ заводчиковъ смуты ворами. Изъ ближайшаго разсмотрѣнія событій и обстоятельствъ той эпохи, о которой идетъ рѣчь, оказывается не то: напротивъ, смуту распространялъ тотъ самый сирота-народъ, который г. Забѣлинъ возводитъ въ идеалъ, а служилые только отчасти примыкали къ нему. Мы говоримъ о казачествѣ, разумѣя не особый родъ войска, извѣстный подъ этимъ именемъ, а вообще ту массу народа, которая искала воли и принимала это названіе въ его первоначальномъ, болѣе общемъ значеніи вольнаго человѣка. Казачество въ этомъ смыслѣ выражало собою протестъ народа противъ государственныхъ тягостей. Люди, какъ скоро имъ становилось или казалось невыносимымъ отъ суровости властей и тяготы поборовъ и повин-

людей — бѣжали. Крестьянинъ уходилъ изъ волости, посадскій изъ посада; и тотъ и другой избавлялся побѣгомъ отъ участія въ платежахъ, работахъ и службахъ, увеличивая тѣмъ самымъ тягость тѣхъ, которые оставались на мѣстѣ жительства, — боярский холопъ бѣжалъ изъ боярскаго дома, бѣгалъ подѣ часть и служилый человѣкъ, избавляясь отъ государственной службы. Бѣжать было дѣломъ обычнымъ: посадскіе люди и крестьяне безъ зазрѣнія въ своихъ челобитныхъ обѣщали, въ случаѣ отягощеній, разбѣгаться врознь. Бѣжать было куда: на югъ и на востокъ было много пустыхъ пространствъ, гдѣ можно было селиться, укрываясь отъ руки правительства. Но сосѣдство съ хищническими ордami дѣлало этихъ бѣглецовъ воинами; такимъ образомъ, сложилось военное общество, носившее названіе казаковъ, названіе, безъ сомнѣнія, заимствованное отъ татаръ. Къ сожалѣнію, племя казачества до сихъ поръ остается еще неизслѣдованнымъ. Замѣчательно, что почти одновременно тяга народа на югъ и образованіе казачества совершалось какъ изъ московскаго государства, такъ и изъ русскихъ земель, принадлежавшихъ Польшѣ, и въ образованіи великорусскаго казачества, котораго ядро было на Дону, участвовалъ элементъ малорусскій. Это усматривается, во первыхъ, въ нарѣчій, которое до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ въ южномъ краѣ Донской Земли, обличаетъ смѣсь малорусской рѣчи съ великорусскою; во-вторыхъ — въ одинаковости названій чиновъ и въ сходствѣ устройства; въ-третьихъ, въ томъ, что въ движеніяхъ великорусскихъ казаковъ всегда почти принимали участіе малоруссы. Хотя война была главнымъ занятіемъ казаковъ, но у нихъ слагались своего рода идеалы общественнаго строя, которые они хотѣли видѣть осуществимыми: идеалы эти были противоположны государственнымъ порядкамъ. вмѣсто подчиненія, казакъ считалъ личность свою ни отъ кого независимой; вмѣсто разверстоковъ, разрубовъ, даней — казакъ зналъ равный дуванъ дохода отъ добычи и добровольную складку на общее дѣло; вмѣсто міра — у казаковъ былъ вольный казачій кругъ; казакъ не признавалъ для себя законною иной власти, кромѣ той, которая выбрана въ этомъ вольномъ кругу и могла быть имъ же смѣнена; не терпѣлъ казакъ никакого тягла и прикрѣпленія, признавая право каждому приходить откуда угодно и уходить куда угодно, не терпѣлъ никакой неволи, господства чловѣка надъ чловѣкомъ, никакого холопства: казакъ днѣпровскій сталъ прирожденный врагъ польскаго пана, а донской ненавидѣлъ московскаго боярина; и тотъ и другой съ радостію принимали въ свою братскую семью бѣжавшихъ панскихъ и боярскихъ рабовъ и подданныхъ. У казака сложилась и своя, единственно допускаемая имъ, форма земле-

владѣнія: право каждому считать своею собственностію ту усадьбу, на которой онъ живетъ, и ту землю, которую самъ обрабатываетъ. Казакъ не зналъ различія людей по породѣ и ненавидѣлъ его. Всѣ власти, сверху поставленныя именемъ царя, или короля, были ему равно противны, и только по отношенію къ самымъ коронованнымъ особамъ казаки удерживались отъ открытой вражды, готовы были помогать имъ и служить, но съ тѣмъ чтобъ послѣдніе не мѣшались въ ихъ дѣла, и сами казаки считали себя отъ нихъ независимыми, а на свои услуги они смотрѣли какъ на добровольныя. Такъ какъ казацкое общество непрерывно пополнялось новыми бѣглецами, то они не могли отрѣшиться отъ прежняго своего отечества, оторваться отъ всѣхъ его интересовъ, и потому, при удобномъ случаѣ, покушались къ враждебнымъ выходкамъ противъ государства. Ихъ казацкая страна была безъ границъ, какъ ихъ казацкая воля; отъ этого они стремились расширить ее на счетъ того государства, изъ котораго бѣжали сами или ихъ отцы. Такъ украинскіе казаки успѣли захватить и оказачить значительную часть южной Руси, хотя за то, во многомъ, измѣнили первоначальнымъ казацкимъ идеаламъ. Въ XVII-мъ вѣкѣ мы видимъ подобное стремленіе у великорусскихъ казаковъ: во время возстаній, предпринимаемыхъ противъ государства, казаки старались захватить города и уѣзды, истребить въ нихъ поставленное отъ верховной власти начальство и ввести казацкое устройство.

Такъ было при Стенькѣ Разинѣ; то же повторялось во время бунтовъ Булавина и Некрасова. Смутное время московскаго государства въ началѣ XVII-го в. было такъ сказать школою, воспитавшею и укрѣпившею казачество. Правда, мы въ это время еще почти не видимъ положительнаго стремленія къ оказаченію страны, введенія формъ новой организаціи, но за то казачество сильно дѣйствовало отрицательнымъ способомъ, разбѣдая и истощая ненавистное ему государство. Народъ почувалъ, что сковывающія его государственныя цѣпи ослабѣли, искалъ воли, но для него идеалъ свободнаго человека былъ только идеалъ казака или подобіе его. Украинныя земли на югъ отъ Оки сильно прониклись казачествомъ: тамъ не было ни промысловъ, ни торговли, жители были и бѣднѣе и отважнѣе; сосѣдство съ казаками увлекало ихъ. На сѣверѣ, гдѣ въ городахъ были промышленники и торговцы, люди зажиточные и домовитые, казацкій духъ распространялся сравнительно менѣе. Тогда, какъ извѣстно, къ казакамъ примыкали не только тѣ, которые носили это званіе, но и вообще всякіе искатели воли, и въ томъ числѣ разбойничьи шайки также величали себя казаками; да и другіе не отнимали отъ нихъ.

такого званія, только къ слову казаки прибавляли слово «воровскіе». Всѣ казацкія и казачествующія шайки составлялись изъ голы-голытьбы, бѣдняковъ, дышавшихъ ненавистью столько же къ богатымъ, сколько къ знатымъ. Черный народъ, именно тотъ сирота-народъ, который г. Забѣлинъ выставляетъ противникомъ смуты, производимыхъ будто бы служилымъ сословіемъ, былъ главнѣйшею стихіей тогдашней смуты. Онъ-то приставалъ къ тушинскому вору, онъ наполнялъ его казацкія шайки, именемъ обманщика волновались населенные этимъ народомъ посады и волости; этотъ же сирота-народъ давалъ подмогу и поддержку всѣмъ другимъ ворами той же эпохи. Только тогда, когда для него стало ясно, что желанная воля такимъ путемъ не добывается, когда и поляки и свои удалыцы проучили его — онъ опомнился, однако все-таки склоняясь покорно подъ гнетомъ властей, сохранилъ за собою способность, при всякомъ удобномъ случаѣ, приставать къ воровскому знамени и доставлять изъ своей массы контингентъ для разбѣданія государственнаго порядка: это и въ будущемъ показали всякіе народные бунты до Пугачева включительно. Люди родовитые и вообще служилые, въ своемъ большинствѣ, всегда составляли консервативный элементъ: и въ смутное время Шаховскіе, Мосальскіе, Трубецкіе составляли временное исключеніе, точно такъ, какъ, напримѣръ, въ полчищѣ Богдана Хмельницкаго были исключеніями пристававшіе къ нему шляхтичи. Странно на такомъ основаніи утверждать, что шляхта сочувствовала казацкимъ возстаніямъ, но мало чѣмъ менѣе странно утверждать, вмѣстѣ съ г. Забѣлинымъ, что смуту производили бояре и служилые, а сирота-народъ постоянно былъ охранителемъ спокойствія и государственнаго порядка. Если единодержавіе и самодержавіе вели съ кѣмъ беспощадную борьбу, то именно съ этимъ «сиротою».

Мы, однако, не станемъ, въ обратномъ смыслѣ, поступать подобно г. Забѣлину, и, взваливая вину смуты на черный народъ, признавать правыми родовитыхъ и служилыхъ. Уже если кого обвинять, то прежде всего послѣднихъ, вмѣстѣ съ верховнымъ правительствомъ, которое они поддерживали и служили его органами, обвинять за то, что они своимъ неумѣльнымъ управленіемъ ставили народъ въ такое положеніе, что онъ получилъ наклонность производить смуты. Но мы обвинять кого-нибудь считаемъ неумѣстнымъ. Виноваты ли тѣ и другіе, когда предшествовавшіе вѣка и обстоятельства воспитали ихъ поколѣнія за поколѣніями въ извѣстныхъ понятіяхъ, обычаяхъ и привычкахъ? Виноваты могутъ быть люди только тогда, когда имъ

предстоятъ возможность и удобство отличать лучшее от худшаго и выбирать одно изъ другого. Подобнаго положенія относительно сферы политической жизни въ московской исторіи не было тамъ, гдѣ не было такого умственного развитія, при которомъ возможенъ былъ выборъ. Люди дѣйствовали сообразно положеніямъ, въ которыя, мимо ихъ намѣреній, ставили ихъ обстоятельства, истекавшія изъ естественнаго сцѣпленія фактовъ.

II.

Г. Забѣлинъ считаетъ немѣяущею историческаго значенія легендою записанный въ лѣтописи, отысканной г. Мельниевымъ, разсказъ о томъ, какъ Мининъ говорилъ нижегородцамъ о бывшемъ ему явленіи св. Сергія, какъ Биркинъ заявилъ-было сомнѣніе, а Мининъ заставилъ его замолчать, пригрозивъ объявить православнымъ кое-что такое, что зналъ за Биркинымъ. Г. Забѣлинъ смущается даже тѣмъ, что лѣтописный отрывокъ этотъ извѣстенъ только по рукописи XVIII-го вѣка.

Во всемъ этомъ разсказѣ, какъ и во всемъ повѣствованіи, къ второму онъ принадлежитъ, нѣтъ ничего неправдоподобнаго. Повѣствованіе, очевидно, составлено было во времена очень близкія къ описываемымъ событіямъ. Явленія святыхъ и разныя таинственныя видѣнія были въ ходу въ эту эпоху: объ этомъ говорится и въ Никоновской лѣтописи. Народъ, утомившись отъ бѣдствій, послѣ многихъ неудачныхъ усилій избавиться отъ нихъ, ожидалъ помощи свыше и потому всякое возбужденіе, обращенное къ народу, должно было дѣйствовать сильно, когда подтверждалось свидѣтельствомъ объ участіи высшихъ силъ. При томъ же, явленіе св. Сергія Минину наканунѣ воззванія его къ нижегородцамъ записано и въ чудесахъ св. Сергія: это обстоятельство подтверждаетъ справедливость извѣстія, передаваемого лѣтописью. Являлся ли чудотворецъ Сергій дѣйствительно Минину, или Мининъ выдумалъ это нарочно для того, чтобъ лучше подѣйствовать на народъ, мы не беремся рѣшать; по духу вѣка могло быть и то и другое. Люди умные вѣрили въ чудеса и явленія святыхъ, но также, при случаѣ, для благой цѣли, не считали предосудительнымъ и ссчинить. Такимъ образомъ, Курбскій, восхваляя Сильвестра, соглашается, что, быть можетъ, чудеса, которыми онъ дѣйствовалъ на царя Ивана, были мечтательныя, однако не только не находитъ такого обмана дурнымъ дѣломъ, а напротивъ еще прославляетъ за это мнимаго чудотворца, называя его благовозненнымъ льстецомъ и сравниваетъ

съ прачемъ, прибѣгающимъ иногда въ обману, когда приходится ему подавать непріятное лекарство дѣтямъ. Отчего же Мининъ не могъ себѣ позволять того, что позволялъ Сильвестръ, личность не менѣ знаменитая и почтенная въ русской исторіи?

Что касается до Биркина, то отношеніе къ нему Минина въ томъ положеніи, въ какомъ находились тотъ и другой, вполне заслуживаетъ вѣроятія. Г. Забѣлинъ порицаетъ меня за то, что я слово «сумняшеся» понялъ и выразилъ въ томъ смыслѣ, что Биркинъ сомнѣвался въ дѣйствительности видѣнія, бывшаго Минину. Но въ лѣтописномъ разсказѣ смыслъ, къ чему относится слово «сумняшеся», черезъ-чуръ ясенъ. Передъ тѣмъ только было сказано, что Мининъ говорилъ нижегородцамъ: мы являлся св. Сергій и велѣлъ разбудить спящихъ; затѣмъ говорится, что Биркинъ усомнился. Въ чемъ же Биркинъ могъ усомниться, какъ не въ томъ, что Мининъ говоритъ правду, что Минину дѣйствительно было видѣніе? Все здѣсь такъ ясно, что и толковать-то нечего! Драгоцѣнное сказаніе рисуетъ намъ событіе безъ всякой легендарности и наглядно представляетъ черты того времени, разъясняя намъ то, на что, безъ этого, у насъ были только намѣки. Биркинъ былъ соперникъ Минина, но собственно не врагъ самому началу; ему, какъ человѣку завистливому и себялюбивому, хотѣлось быть первымъ; ему досадно было, что первымъ дѣлается не онъ, а Мининъ. Это качество проявляется и въ послѣдующихъ поступкахъ этой личности (такъ понялъ Биркина и нашъ историкъ Соловьевъ, т. VIII, стр. 448). Биркину сразу хотѣлось подорвать авторитетъ Минина. Но Мининъ, съ своей стороны, какъ человѣкъ умный и осторожный, разсчелъ, что не слѣдуетъ въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ возбуждать домашнія ссоры, тѣмъ болѣе, что въ прочитанной передъ тѣмъ грамотѣ всѣ слышали убѣжденія оставить всякія недоразумѣнія и неудовольствія. Мининъ зналъ нехорошія дѣла за Биркинымъ и имѣлъ возможность ихъ обличить, но уличая соперника всенародно, онъ тѣмъ самымъ бросилъ бы съ перваго раза зародышъ раздоровъ; у Биркина, конечно, были свои благопріятели, которые стали бы за него заступаться, да наконецъ уже одно то было бы дурно, что вниманіе нижегородцевъ отъ великаго общественнаго предпріятія, къ которому ихъ хотѣлъ подвинуть Мининъ, отвлечено было бы къ домашнимъ дразгамъ. И вотъ благоразумный Мининъ довольствуется только угрозою Биркину употребить, въ случаѣ крайности, то оружіе, которое у него есть въ запасѣ, если Биркинъ не перестанетъ заявлять себя противъ Минина. И Биркинъ, естественно, не будучи увѣренъ, что одолѣетъ Минина, не

рѣшается вступать съ нимъ въ открытую вражду, и уступаетъ до поры до времени. Все это до чрезвычайности правдоподобно отнюдь не легендарно и не могло быть никакъ составленнымъ въ позднее время, когда уже самое имя Биркина должно было забыться или во всякомъ случаѣ потерять живой интересъ современности. Мой достопочтенный критикъ ставитъ мнѣ въ вину и то, что, передавая слова, произнесенныя Мининымъ Биркину, я прибавилъ—*тихо* сказалъ. Однако, тотъ же мой критикъ говорить слѣдующее: «Мы вовсе не думаемъ отнимать у историка принадлежащее ему право возстановлять сухой и черствый фактъ во всей его живой истинѣ, при помощи даже поэтическихъ и драматическихъ прикрасъ». А если такъ, то какое же преступленіе, когда я, для объясненія и полноты, употребилъ черту, въ живой истинѣ которой едва ли можетъ возникнуть сомнѣніе? Какъ же могъ сказать Мининъ Биркину, если не тихо? Если бы онъ сказалъ эти слова громко, то это равнялось бы исполненію той угрозы, которая заключалась въ произнесенныхъ Мининымъ словахъ.

Что касается до того обстоятельства, что повѣствованіе, отысканное г. Мельниковымъ, извѣстно по списку XVIII-го вѣка, то это само по себѣ не можетъ умалять достоинства источника до того, чтобъ лишать его достовѣрности. Иначе пришлось бы уничтожить древнюю лѣтопись, называемую «Несторовою», такъ какъ списковъ ея нѣтъ ранѣе XIV-го вѣка.

Г. Забѣлинъ силится доказать несправедливость моего вывода, состоящаго въ томъ, что, по силѣ приговора, составленнаго Мининымъ, бѣдные отдавались въ кабалу богатымъ. «Фантазія эта, — говоритъ мой достоуважаемый противникъ — основана на буквальной толкованіи извѣстной рѣчи Минина: дворы, женъ и дѣтей закладывать и продавать, слова, которыя онъ самъ внесъ въ приговоръ». Да въ томъ-то и вся суть, что *внесъ въ приговоръ*. Въ этомъ приговорѣ положительно говорится: «быти имъ во всемъ послушнымъ и не противитися ни въ чемъ, а для жалованья ратнымъ людямъ имать у нихъ деньги, а если денегъ не достаетъ, имати у нихъ не точію животы ихъ, но и женъ и дѣтей имая отъ нихъ закладывать, чтобъ ратнымъ людямъ скудости не было» (Нов. Лѣт. 145). Мы не имѣемъ поводовъ не вѣрить существованію приговора, а смыслъ приведенныхъ изъ него словъ до того ясенъ, что не допускаетъ никакихъ изворотовъ. Намъ говорятъ, что до этого не должно было доходить, потому тогда брали пятую, а по другому извѣстію третью часть, слѣдовательно во всякомъ случаѣ извѣстный процентъ. Но, во-первыхъ: въ самомъ приговорѣ указывается, какъ поступать, если

денегъ не достанетъ, во-вторыхъ: нельзя понимать этого такъ, чтобы слова пятая или третья деньга относились исключительно къ наличной звонкой монетѣ, иначе была бы допущена вопіющая несправедливость: брали бы съ тѣхъ, у кого были наличныя деньги и не подвергали бы участію въ общей повинности тѣхъ, у кого не было на-готовѣ монеты, но были промыслы и имущества, приносящія доходъ. Слова третья или пятая деньга мы понимаемъ такъ, что они означаютъ вообще третью или пятую часть цѣнности имущества. Если же только хозяева принуждены были отчуждать значительную часть своего имущества, то понятно, что кабала была неизбѣжнымъ явленіемъ, какъ она вообще въ древней русской жизни была дѣломъ обычнымъ и истекала изъ народныхъ правовъ того времени. Даже и тогда, когда у хозяевъ было имущество, они могли находить для себя болѣе легкимъ отдавать въ кабалу членовъ своей семьи богачей, которые за нихъ заплатятъ часть слѣдующую отъ нихъ на общее дѣло, и поступившіе въ кабалу могли въ теченіи годовъ отслужить заплаченное; это для отцовъ семействъ было удобнѣе, чѣмъ сразу лишиться значительной части имущества, черезъ то самое разориться, и въ концѣ концовъ идти уже быть можетъ въ вѣчную кабалу съ семействомъ. Сомнѣваться въ практическомъ примѣненіи составленнаго Мининимъ приговора значить увлекаться тою театральностію, которую г. Забѣлинъ отыскиваетъ у другихъ, и которою напротивъ г. Забѣлинъ самъ страдаетъ. У него Мининъ настоящій театральнѣйшій герой псевдоклассической трагедіи, по правиламъ которой великій человѣкъ непременно долженъ быть представленъ ходячимъ магазиномъ всѣхъ добродѣтелей, идеально-прекраснымъ существомъ высшей породы, чуждымъ не только пороковъ, но даже слабостей своего вѣка. Г. Забѣлину не нравится, что у меня Мининъ выходитъ какъ будто диктаторомъ, потому что «въ старомъ земствѣ нашемъ всякій, даже копѣечный сборъ и на всякій случай всегда неотмѣнно производился миромъ, по его разверсткамъ и разрубамъ, по самому возможно вѣрному распредѣленію, кому что въ силахъ платить». Наконецъ уже то, что Мининъ выбранъ былъ земскимъ старостою, достаточно, по мнѣнію моего противника, указываетъ въ пользу Минина: «онъ долженъ былъ имѣть типическія черты, которыми народъ вообще опредѣлялъ это важное въ его быту званіе и которыя, конечно, не могли быть худыя или сомнительныя черты».

Ужъ если нашъ почтенный противникъ для характеристики дѣйствій Минина ссылается на формы обычнаго въ тѣ времена выборнаго управленія, которыя такъ превозноситъ, то и намъ позволено будетъ указать на примѣръ, какъ земскій староста, вы-

бренный всенародно, показавъ такіа «худія или сомнительныя черты», которыя могли повести къ подачѣ на царское имя челобитной въ томъ, что этотъ староста, по словамъ посадскихъ, «въ нашихъ мірскихъ дѣлахъ учинилъ большое дурно, а въ денежныхъ приходахъ и въ расходахъ чинилъ большую хитрость, а себѣ корысть. Да онъ же староста подговаривался къ воеводѣ и къ таможенному откупщику, пить и ѣсть съ ними безпрестанно, и ночи просиживаетъ, а на насъ сиротъ твоихъ, посадскихъ людей, воеводѣ и откупщику наговариваетъ, и воевода, ставаясь съ откупщикомъ и имъ земскимъ старостою насъ сиротъ твоихъ продаютъ и убытчатъ болѣею продажей и убытками, и мы сироты твои отъ такова озорничества и отъ напрасныхъ продажъ и убытковъ промыслишковъ своихъ отбыли и въ конецъ погibli и оскудѣли. Да онъ же староста Иванъ Смолянинъ, будучи у нашихъ мірскихъ дѣлъ, ставаясь съ воеводою, порядился у уѣздныхъ людей на нынѣшій 173-й годъ съ цѣловальники въ денежному сбору избиралъ онъ, Иванъ, ямскіе и пологьяныя деньги и законнаго даточнаго сборовъ и съ недорослей, по рублю съ двора, и отъ тѣхъ зборныхъ денегъ онъ, Иванъ Смолянинъ, имѣлъ себѣ большую подмогу, а насъ, сиротъ твоихъ, ввелъ въ смуту съ уѣздомъ и въ остуду великую» (Акты гор. Шуи, I. 324).

Мы бы могли привести также мѣста изъ наказовъ воеводамъ, гдѣ послѣднимъ поручается охранять посадскихъ и волостныхъ людей отъ ихъ же братіи, находившейся въ выборныхъ должностяхъ, но не хотимъ утомлять читателей выписками, тѣмъ болѣе, что г. Забѣлину, какъ знатоку нашей внутренней исторіи, это хорошо извѣстно. Мы указываемъ на эти черты, вовсе не желая тѣмъ сказать, что Мининъ былъ такой же земскій староста, каковы представляются подобныя Ивану Смолянину; мы думаемъ только видѣть въ этихъ примѣрахъ опроверженіе того мнѣнія, какое имѣетъ г. Забѣлинъ о важности мірскаго управленія, разверстовъ и разрубовъ и о характерѣ земскихъ старостъ вообще. Г. Забѣлинъ доказываетъ, что Мининъ, по своему положенію, не могъ быть диктаторомъ. Достаточно можно видѣть, что даже въ качествѣ земскаго старосты, Мининъ имѣлъ возможность быть диктаторомъ, а тѣмъ болѣе въ томъ положеніи, въ какомъ находился исключительно передъ всѣми земскими старостами, будучи избранъ къ важному дѣлу, касавшемуся всей русской земли, получивъ приговоръ, въ которомъ всѣ общажи повиноваться ему во всемъ, имѣя такимъ образомъ, по словамъ лѣтописателя, власть и силу. Г. Забѣлинъ, толкуя слова «власть въ людяхъ», говорить, что это вовсе не значитъ, чтобъ Мининъ имѣлъ власть надъ людьми, это означаетъ только, что возбуждалъ въ себѣ

дѣлѣ. Но если такъ, то тѣмъ крѣпче и неограниченнѣе была его власть. По мнѣнію г. Забѣлина, Мининъ не могъ быть жюльковъ суроваго и крутого нрава, потому что онъ былъ выбранъ, а по нашему — оттого-то, вѣроятно, его и выбрали, что знали его за человѣка суроваго и крутого нрава; тогда именно таковъ и былъ нуженъ, а не добродушный мамля. Многіе примѣры въ исторіи разныхъ народовъ указываютъ намъ, что въ критическія минуты общество для своего спасенія, довѣряя власть одному изъ своей среды, всегда предпочитаетъ человѣка энергическаго и крутого, потому что только такой характеръ и въ состояніи навести страхъ на эгоистическія побужденія отдѣльных личностей и направить ихъ въ общей цѣли. Если вѣрить г. Забѣлину, при Мининѣ все шло согласно, всѣ должны были принести долю своего достатка: каковъ былъ достатокъ, такова была и доля; дѣло тѣмъ и кончалось. Свидѣтельства истинности, однако, говорятъ не совсѣмъ такъ. Въ томъ же лѣтописномъ сказаніи, на которое г. Забѣлинъ опирается, говоря о третьей и пятой деньгѣ, прибавляется (Арх. Калач. I. 37): «а у нихъ и силою начали отнимать». Да и самъ Мининъ не слишкомъ полагался на единодушіе нижегородцевъ, когда, получивъ отъ нихъ приговоръ, поспѣшилъ отправить его подальше «бояся, да не отнимутъ его паки».

Г. Забѣлинъ касается также толоконцовскаго дѣла, упомянутого мною въ моей статьѣ: «Личности Смутнаго Времени». Г. Забѣлинъ замѣтилъ въ немъ невѣрность времени, и въ этомъ мы съ нимъ совершенно соглашаемся. Приводя прежде извѣстіе объ этомъ дѣлѣ, я не имѣлъ права перемѣнить указанія года и числа, не видѣвъ самъ лично акта, о которомъ мнѣ сообщилъ достопочтенный П. И. Мельниковъ. Оказывается, что просьба бортниковъ была подана царю Михаилу. Такъ какъ, по изысканіямъ г. Забѣлина видно, что лица, поименованныя въ грамотѣ, вѣдали большимъ дворцомъ уже съ воцаренія Михаила, то, вѣроятно, въ доставленномъ мнѣ спискѣ сдѣлана описка и 7120-й годъ поставленъ вмѣсто 7122-го. Сущность дѣла отъ этого неизмѣняется; она состоитъ въ томъ, что по жалобѣ толоконцовскихъ бортниковъ отправленъ для обыска Антонъ Рмбушкинъ, и по обыску толоконцовскіе бортники, жаловавшіеся на Минина, оказались правы. «Но толоконцовцы—говоритъ г. Забѣлинъ—могли легко и прибавить о посулахъ, какъ въ подобныхъ челобитныхъ обыкновенно прибавлялись всякія вещи для большаго объясненія своей правоты». Конечно, могли, но точно также можно наводить сомнѣніе на справедливость какъ всѣхъ вообще жалобъ на противозаконные поступки начальныхъ людей, такъ равно и всѣхъ вообще

обвинительныхъ рѣшеній по такимъ жалобамъ. Дѣйствительно, обвиненіе на Минина въ посуловзимательствѣ и кривосудіи могло быть поклепомъ, но оно могло быть и справедливымъ, такъ какъ эти пороки были въ духѣ онаго времени и въ нравахъ общества, среди котораго жилъ и родился Мининъ.

Г. Забѣлинъ подробно излагаетъ біографію Пожарскаго упоминаетъ о всѣхъ его дѣяніяхъ, доказывающихъ его безупречное поведеніе. Такъ какъ на счетъ этого я уже высказалъ свой взглядъ (Смутн. Вр. III. 245, 260. — Личн. Смутн. Врем. «В. Е.» іюнь 1871), непротиворѣчащій г. Забѣлину, то не считаю нужнымъ теперь распространяться. Замѣчу только, что достопочтенный авторъ не безпристрастно относится къ Пожарскому, стараясь обратить во вредъ Лыкову его заявленіе о томъ, что Пожарскій при царѣ Борисѣ доводилъ на Лыкова «многіе затѣйные доводы, что будто онъ, Лыковъ, сходясь съ Голицынымъ да съ княземъ Татевымъ, про него, царя Бориса, разсуждалъ и умышлялъ всякое зло, а его мать, Дмитріева, княгиня Марья, въ ту же пору доводила царицѣ Марьѣ на мать его, Лыкова, что будто она, Лыкова, съѣзжаючи съ княгинею Оленою, женою князя Василя Ѳеодоровича Шуйскаго-Сюпина и будто ся разсуждали про нее, царицу и про царевну Оксенью злыми словесы, и за эти затѣйные доводы царь Борисъ и царица Марья на мою мать и на меня (говоритъ Лыковъ) положили опалу и стали гнѣвъ держать безъ смыслу». По мнѣнію г. Забѣлина, Лыковъ клеветалъ на Пожарскаго. Очень могло быть, что Пожарскій доводилъ на Лыкова не по затѣйнымъ доводамъ, и доносъ его былъ не «лганье», какъ выражался Лыковъ, а дѣйствительно Лыковъ съ Татевымъ разсуждали о царѣ Борисѣ. Но едва ли Лыковъ указывалъ Шуйскому на такое дѣло, которое вовсе никогда и никакъ не происходило; едва ли Лыковъ рѣшился бы лгать такъ, что его могли тотчасъ обличить; болѣе вѣроятія, что со стороны Пожарскаго были доносы на Лыкова. Тогда было время доносовъ. Г. Забѣлинъ, называя заявленіе Лыкова сплетнею, на той же сплетнѣ основывается самъ: «изъ сплетни Лыкова—говоритъ онъ—видно, что Пожарскій съ матерью были въ приближеніи у царя Бориса». Слѣдовательно, изъ одного и того же извѣстія г. Забѣлинъ принимаетъ то, что не вредитъ чести Пожарскаго, а противное отвергаетъ. Впрочемъ, если Пожарскій въ числѣ многихъ очутился въ числѣ наущниковъ тирана, этого ставить ему въ упрекъ нельзя; дѣло было обычное и въ тогдашнихъ нравахъ. Черта эта показываетъ только, что Пожарскій былъ въ то время, если не ниже, то не выше другихъ по своему нравственному достоинству. То же можно вывести и

изъ споровъ о мѣстничествѣ. Пожарскій былъ до нихъ охотникъ, и то и платился, даже уже послѣ своей славы, и мы не можемъ согласиться съ нашимъ достопочтеннымъ противникомъ, что Пожарскій носитъ въ себѣ черты наиболѣе гражданскія, и наименѣе боярскія и дворянскія; мѣстнические счеты, которыми такъ испещряется біографія Пожарскаго, противорѣчатъ этому приговору и представляютъ Пожарскаго лицомъ чисто служилымъ.

III.

Теперь перейдемъ къ самому важному вопросу. Г. Забѣлинъ держится такого мнѣнія, что поляки были менѣе опасные враги, чѣмъ своя внутренняя смута, и поэтому не только оправдываетъ Пожарскаго за его медленность въ Ярославлѣ, но видитъ въ этомъ доказательство высокаго благоразумія и способностей. Выстъ съ тѣмъ онъ очень не жалуется Авраамію Палицына, который не одобрялъ этой медленности, видитъ въ его исторіи пустое риторство, умышленную ложь, хвастовство и желаніе преувеличить заслуги своего Троице-Сергіева монастыря.

Намъ кажется, что задачею Пожарскаго было только прогнать изъ Москвы чужестранцевъ, разрушить ту тѣнь русскаго правительства, которая, прикрываясь личиною законности, могла еще, при удобномъ случаѣ, даже противъ собственнаго желанія членовъ, составлявшихъ это правительство, волновать край именемъ Владислава, надобно было уничтожить фактически призрачное царствованіе Владислава и открыть путь къ избранію царя изъ русскихъ людей; усмирять же смуту и умиротворять землю было задачею новоизбраннаго царя и его правительства, а не Пожарскаго. До того времени необходимо было, сосредоточивъ дѣятельность на изгнаніи поляковъ, сходиться даже и съ противными себѣ элементами, если только и они были противъ чужеземцевъ. Надобно было помнить русскую пословицу: свои собаки грызутся, чужая не приставай! Признать за поляками того времени мало опасности, значить относиться слишкомъ легко къ тогдашней исторіи. Неудача поляковъ происходила отъ той легкомысленности, съ какою поляки очень часто не умѣли пользоваться собственными силами, но нельзя не обращать вниманія на эти силы, такъ какъ при нѣкоторыхъ условіяхъ была возможность ими и воспользоваться. Польша въ тѣ времена обладала обаятельною, искусительною нравственною силою. Не говоря уже о превосходствѣ польской цивили-

заціи передъ такими странами, какъ московская Русь, польскія шляхетская свобода была могучее орудіе. Польша была та нація, которая способна была всякую страну, добровольно къ ней прильнувшую или покоренную оружіемъ, привязать себѣ дарованіемъ своихъ шляхетскихъ правъ высшему сословію этой страны, передавая ему, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ поработившихъ низшіе свои народы. Такъ Польша поступила въ Литвѣ и въ тѣхъ русскихъ провинціяхъ, которыя уже были соединены съ нею. Всѣмъ извѣстно, какъ скоро успѣла Польша въ эти послѣднихъ не только привязать къ себѣ, но совершенно ополчить туземное высшее сословіе. Не далѣе какъ внуки, а иногда даже дѣти тѣхъ, которые отличались ревностію въ православіи, стали фанатиками латинства, господствовавшего въ Польшѣ. Обыкновенно такое перерожденіе приписываютъ іезуитамъ. Конечно, іезуиты играли здѣсь важную роль, но и безъ нихъ Польша въ своемъ строѣ имѣла много поглощающихъ и преобразующихъ силъ. Безъ іезуитовъ распространеніе католичества было бы ту же, православіе держалось бы долѣе, но перерожденіе дворянства совершилось бы одинаково: извѣстно, что самые ревностные защитники православія, долѣе другихъ державшіеся противъ увлекающаго потока, уносившаго отеческую вѣру, писали по-польски сочиненія въ защиту православной церкви, усвоили себѣ совершенно польскую рѣчь, польскіе нравы и были истинными поляками по своимъ понятіямъ и политическимъ симпатіямъ. То же произошло бы и въ московской Руси, еслибъ только поляки успѣли хоть сколько-нибудь установиться на ея почвѣ. Вначалѣ избраніе Владислава не было дѣломъ противнымъ боярамъ и дворянамъ: они, какъ извѣстно, бросались просить милостей у Сигизмунда, когда онъ стоялъ подъ Смоленскомъ, русскимъ городомъ, пытались отнять его у державы, избравшей его сына въ цари. Не даромъ въ актахъ того времени мы встрѣчаемъ такую характеристику русскихъ людей: «только бѣ не отъ Бога посланъ и такого досточуднаго дѣла патріархъ не учинилъ, и за то кому было стоять; не токмо вѣру попрали, хотя бы на всѣхъ холмы хотѣли учинити, и за то бѣ никто слова не смѣлъ молити» (А. А. Эксп. II, 321). Еслибы Сигизмундъ дѣйствовалъ иначе, и Владиславъ былъ коронованъ въ Москвѣ, коренное перерожденіе русскихъ пошло бы какъ по маслу. Бояре и дворяне сейчасъ бы почувствовали, что имъ дышется легко, что надъ ними не стало всемогущаго батога и, напротивъ, этотъ батогъ очутился въ ихъ рукахъ надъ остальнымъ русскимъ народомъ. Все, что только возвышалось по происхожденію, по званію надъ прочими,—все это пристало бы въ

ливной сторонѣ; все начало бы полячиться и отвращаться отъ народности своихъ предковъ. Вотъ тогда наступило бы на самомъ дѣлѣ такое раздвоеніе народа, которое воображаетъ себѣ существовавшимъ г. Забѣлинъ и котораго не было еще; это раздвоеніе наступило бы вовсе не оттого, чтобы въ служиломъ сословіи были располагавшія въ этому свойства, чуждыя остальному русскому народу; это раздвоеніе возникло бы потому, что полякамъ, по ихъ натурѣ и по ихъ цѣлямъ, нужно было бы вырвать одну часть народа изъ цѣлой его массы и возвысить для того, чтобы привязать къ себѣ, но возвысить ее можно было не иначе, какъ даровавши ей преимущества, вредныя для остального народа, доводящія его до порабощенія. Конечно, прочности въ этомъ порядкѣ вещей не могло быть; польскому торжеству скоро наступилъ бы конецъ: по мѣрѣ большаго порабощенія и униженія, народная громада терала бы терпѣніе, возбуждался бы въ ней національный духъ, ненависть къ иноземному, стремленіе сбросить съ себя иноземное тяжелое ярмо; въ Руси былъ уже готовый элементъ для противодѣйствія давленію сверху; этотъ элементъ было казачество, народъ нашелъ бы въ немъ для себя опору и средоточіе: поднялось бы страшное народное возстаніе, произошло бы то же, что черезъ полѣвка происходило въ южной Руси, только въ большемъ размѣрѣ. Но то было еще вдалекѣ, а въ ближайшемъ—успѣхъ поляковъ повелъ бы за собою измѣну высшихъ слоевъ русскаго народа.

Дѣло было попорчено, но еще могло поправиться для Польши. Еще въ Кремлѣ былъ польскій гарнизонъ; еще тамъ находилось русское правительство въ лицѣ бояръ, которые, даже и по неволѣ, должны были дѣлать угодное полякамъ. Сигизмундъ съ Владиславомъ могли пріѣхать въ Кремль; казаки не выдержали бы: они ужъ и такъ боялись прихода Ходкевича и умоляли земское ополченіе выручить ихъ. Но у поляковъ были не одни только Гонимые да Струси, у нихъ былъ Жолѣвскій—человѣкъ высокаго таланта, уже показавшій себя московскимъ людямъ, умѣвшій въ равной степени и поражать и обольщать ихъ. Бояре разослали бы грамоты по всему государству о прибытіи законнаго царя, съ успокоительными завѣреніями на счетъ вѣры и съ обѣщаніями разныхъ льготъ и милостей служилому сословію. Появленіе этого царя произвело бы сильное волненіе, образовалась бы многочисленная партія въ его пользу. Владиславъ могъ бы скоро короноваться: элассонскій архіерей былъ въ услугахъ. Обрядъ коронованія возвысилъ бы его еще болѣе. Если уже въ царствованіе Михаила Федоровича, когда на престолѣ въ Москвѣ сидѣлъ царь вполнѣ законный, избранный

всею землею, прибытіе Владислава не осталось безъ вліянія были случаи измѣны, въ Москвѣ народъ волновался,—то что же было бы, если бы Владиславъ прибылъ въ то время, когда кроме него не было еще лица, носившаго, по праву избранія титулъ царя, когда Москва со всею ея святынею была бы въ его рукахъ, когда первѣйшіе бояре московскаго государства уговаривали бы покориться царю, котораго они выставляли въ качествѣ законнаго государя? Что бы дѣлалъ тогда Пожарскій въ Ярославлѣ? Неужели его защитники стануть приписывать ему невозможную прозорливость, скажутъ, что онъ предвидѣлъ, что будетъ такъ, какъ сдѣлалось? Неужели Пожарскій могъ знать то, чего не знали и поляки? Вѣдь сидѣвшіе въ Кремлѣ держались до такой крайности, что начали ѣсть другъ друга, именно оттого, что были увѣрены въ скоромъ прибытіи Сигизмунда и Владислава!

Но казаки? Но примѣръ Ляпунова? говорятъ намъ. На это мы замѣтимъ, что время, когда дѣйствовалъ князь Пожарскій, было уже не то, когда дѣйствовалъ Ляпуновъ. Вліяніе и могущество Заруцкаго ослабѣли. Явнымъ доказательствомъ этому служить то, что какъ только приблизилось земское ополченіе—онъ бѣжалъ. Казаки въ большинствѣ не послѣдовали за нимъ. Самое гнусное покушеніе на жизнь Пожарскаго только свидѣтельствуетъ о слабости Заруцкаго; злодѣй чувствовалъ, что проиграетъ, когда явится Пожарскій, и можетъ быть еще поставленъ будетъ въ необходимость дать отчетъ въ своихъ поступкахъ, а потому и прибѣгнулъ въ такому средству. Спрашиваютъ: что вышло бы по отношенію къ казакамъ, если бы Пожарскій послушался увѣщаній троїцкихъ властей и явился бы подъ Московскою рѣкѣ? Вышло бы то же, что случилось, когда Пожарскій пришелъ и позже. Казаки ворчали на земскихъ людей, а все-таки вмѣстѣ съ ними бились противъ поляковъ. Казаки не любили земскихъ, но ненавидѣли поляковъ еще болѣе.

Ставятъ даже Пожарскому въ заслугу то, что онъ посылалъ отряды противъ казаковъ, появившихся около Антоньева монастыря и Пошехонья. Полагаютъ, что и по этой причинѣ ему не слѣдовало идти къ Москвѣ. Но что значить Антоньевъ монастырь около Бѣжеца и какое-нибудь Пошехонье, когда дѣло шло объ освобожденіи Москвы, сердца государства, о предупрежденіи опасности новаго вторженія иноземной силы и возможности страшныхъ потрясеній и волненій во всемъ государствѣ? Однако, не случилось такихъ бѣдствій, которыя могли бы случиться, скажутъ намъ, слѣдовательно Пожарскій своею медленностію не принесъ вреда. Да; не случилось, и оттого-то теперь есть возможность превозносить подвиги Пожарскаго и воз-

идитъ его въ великіе люди. Сигизмундъ съ Владиславомъ не пришли въ пору—и Московское государство было избавлено отъ тѣхъ невзгодъ и смятеній, какія послѣдовали бы за ихъ своевременнымъ приходомъ. Но исторія не можетъ разсматривать событій безотносительно къ причинамъ ихъ. Избавленіе Руси отъ грозившихъ ей бѣдствій можно приписывать скорѣе заступничеству святыхъ московскихъ чудотворцевъ, чѣмъ Пожарскому.

По нашему убѣжденію, изъ всей подробной біографіи Пожарскаго, изложенной г. Забѣлинымъ, оказывается не то, чего хотѣлъ достопочтенный авторъ. Пожарскій является личностію политически-честною, человѣкомъ благодущнымъ, но по своимъ способностямъ совершенно рядовымъ, дюжиннымъ, однимъ изъ многихъ. Случай временно вынесъ его изъ ряда, поставилъ его на видномъ мѣстѣ, а ошибки его враговъ помогли тому, что его собственные ошибки не принесли вреда. Тѣмъ не менѣе, однако, по сравнительной скудости источниковъ для уясненія его характера, мы считаемъ все-таки опрометчивостію произвести объ немъ такой приговоръ. Замѣтимъ одно немаловажное обстоятельство. Уже послѣ воцаренія Михаила мы встрѣчаемъ не разъ Пожарскаго больнымъ. Онъ страдалъ чернымъ недугомъ. Что же, если, быть можетъ, эта болѣзнь играла роль и въ его прежней дѣятельности? Онъ могъ быть дѣйствительно человѣкомъ съ гораздо большими способностями, чѣмъ кажется по дѣламъ своимъ, но болѣзнь препятствовала ему проявить ихъ во всей силѣ. Поэтому-то, какъ и по другимъ признакамъ, возбуждающимъ безотвѣтные вопросы, мы все-таки, какъ прежде говорили, причисляемъ Пожарскаго къ личностямъ, которыя, по недостатку источниковъ, тускло отпечатались въ исторіи.

Скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ за старца Авраамія Палицына.

Г. Забѣлинъ обвиняетъ его въ слѣдующемъ: «Дабы выставить на видъ благочестивому читателю, что все хорошее и доброе дѣлалось и совершалось въ то время починомъ троицкаго монастыря, старецъ беззащитчиво расписываетъ, что лапуновское ополченіе было собрано и подвинуто къ Москвѣ именно троицкими грамотами, которыя будто разосланы были тотчасъ послѣ московской разрухи».

Развертываемъ Сказанія Авраамія Палицына и находимъ не совсѣмъ то.

На стр. 248 (изд. 1822) въ главѣ 70-й мы встрѣчаемъ такое извѣстіе:

«Рязанскія же земли жители дворяне, и дѣти боярскіе и всякіе воинскіе люди видяще толико насильство поляковъ, въ нихъ же начальствуя тогда на Рязани воевода Прокопей Петровичъ Ляпуновъ и сослалася съ Володимерцы и съ Ярославцы и съ Костромичи и съ Нижегородцы и съ государствомъ казанскимъ и съ волскими городами и со всѣми татари. Потомъ же того врага Заруцкаго увѣщааша многими дарми и посланми, съ нимъ же многіе казаки и сѣверскіе города изволеніемъ Божиимъ обратившася, и тако извоу всѣхъ градовъ Литву начаша изгоняти».

До этого времени ни о какихъ грамотахъ отъ троицкаго монастыря въ Сказаніи не говорится. Уже впоследствии, когда Ляпуновъ былъ подъ Москвою и поляки зажгли столицу, троицкія власти узнали объ этомъ отъ прибѣжавшаго изъ Москвы боярскаго сына Якова Алеханова (стр. 247) и потомъ уже «разослаша грамоты во всѣ города російскія державы», (стр. 249). Правда, уже послѣ этого, на стр. 251—253, Палицынъ исчисляетъ бояръ и воеводъ пришедшихъ подъ Москву, но нельзя этому мѣсту давать такого смысла, какъ будто авторъ хочетъ сказать, что всѣ эти лица пришли подъ Москву и подвинулись первоначально на свой подвигъ по грамотамъ троицкаго монастыря, такъ какъ о первомъ ихъ движеніи сказано выше (на стр. 242) и этотъ фактъ отнесенъ во времени, предшествовавшему разсылкѣ троицкихъ грамотъ.

Г. Забѣлинъ представляетъ Авраамія пристрастнымъ благопріятелемъ казаковъ, человѣкомъ особенно державшимся Трубецкаго. «Вся Земля теперь знала, что въ Москвѣ сидятъ собственно два врага отечеству: поляки и казаки, съ которыми требуется вести почти одинакіе счеты. Объ этомъ очень мало знали только троицкія власти съ своимъ келаремъ, Аврааміемъ Палицынымъ. Впрочемъ, могло и то случиться, что живя вблизи казаковъ и казацкихъ воеводъ они по необходимости должны были мирволить имъ». (Арх. 3. 4. 583). На стр. 602 г. Забѣлинъ говоритъ: «Обвиняетъ Пожарскаго (и не въ одной медленности) одинъ только человѣкъ, троицкій келарь старецъ Авраамій Палицынъ. По всему видно, что онъ держался ближе къ Трубецкому, чѣмъ къ Пожарскому, ближе къ казацкому ополченію, чѣмъ къ нижегородскому: онъ здѣсь, подъ Москвою, былъ знакомѣе, былъ свой человѣкъ.» На стр. 603: «За кого, слѣдовательно, стоялъ Авраамій? Не иначе, какъ за свои личныя связи или за пріятельство, или за короткое знакомство съ Трубецкимъ, которому въ «Сказаніи» онъ даетъ видное мѣсто».

И это не совсѣмъ такъ. Просмотримъ, напр., хоть то мѣсто, гдѣ Авраамій съ соболѣзнованіемъ говоритъ о смерти Ляпуно-

и рисуетъ яркими красками злодѣянія казаковъ и представляетъ ихъ виновниками того, что войско, стоявшее подъ Москвой, разошлось. «Исполнишася зависти и ярости мужества ради и разума, зѣло бо той Прокофѣй ревнуя о правотѣ, ненавидя же до конца хищенія и неправды, бывшія тогда въ казачьемъ воинствѣ, и призвавше его въ стѣздѣ возложивша на нѣмъ измѣну и воставше убиша его. По неправедномъ же ономъ убіеніи Прокофѣевъ бысть во всемъ воинствѣ мятежъ великъ и скорбь всѣмъ православнымъ христіаномъ, врагомъ же полюбомъ и русскимъ измѣнникомъ бысть радость велика; казакъ же начаша въ воинствѣ великое насиліе творити, по дорогамъ грабити и побивати дворянъ и дѣтей боярскихъ, потомъ же начаша и села и деревни грабити, крестьянъ мучити и побивати, а такова ради отъ нихъ утѣсненія мнози разыдошася отъ царствующаго града... разыдошася вси насилія ради казачьихъ» (стр. 256). Эта картина не показываетъ въ авторѣ пристрастнаго благопріятеля казаковъ, челоуѣка, который мирволитъ имъ. Мы увѣрены, что троїцкія власти съ своимъ келаремъ, точно также какъ и «вся Земля» знали и понимали, что у московскаго государства было двое враговъ: поляки и казаки, и что съ тѣми и съ другими надобно было вести почти одинакіе счеты, только они, какъ благоразумные люди, также понимали и то, что нельзя было вести счетовъ съ обоими разомъ, а слѣдовало сначала окончить счеты съ одними, чужими, а потомъ уже считаться и съ другими, своими.

Можетъ быть съ большимъ основаніемъ г. Забѣлинъ могъ догадываться о расположеніи Палицына къ самому Трубецкому. Но тѣмъ, въ сущности, это доказывается? Тѣмъ только, что онъ нигдѣ не порицаетъ Трубецкаго, хотя послѣдній и былъ достоинъ порицанія за прежнее служеніе вору и за потачку Заруцкому. Но вѣдь Авраамій его особенно и не прославляетъ. Современники, однако, также не смотрѣли на Трубецкаго такими глазами, какими теперь смотримъ на него мы, припоминая всѣ предшествовавшія его дѣянія. По соединеніи съ Пожарскимъ Трубецкой тотчасъ же получилъ первенство какъ главный воевода, а земская дума признавала за нимъ великія заслуги, когда награждала его Вагою. Очевидно, современники забыли его темныя дѣянія, не подозрѣвали его въ участіи въ убійствѣ Ляпунова, принимали въ уваженіе его долговременное стояніе подъ Москвою. Вообще мы видимъ здѣсь то благодушное свойство великорусскаго характера, который, по пословицѣ: былъ мору не укоръ, — прощаетъ и забываетъ дурныя поступки за по-

слѣдующіе хорошіе. Чѣмъ же виноватѣе Авраамій земскою думою и своихъ современниковъ?

Въ сказаніи Авраамія много риторства, но у кого же изъ грамотнаго люда его не было. Развѣ меньше риторства въ томъ отрывкѣ, который приводитъ г. Забѣлинъ о Мининѣ, гдѣ Мининъ сравнивается съ Гедеономъ и Зоровавелемъ.

Но мы далеки отъ того, чтобъ довѣрять безусловно Авраамію. Въ его разсказахъ, очевидно, есть легенды, неимѣющія за собою объективной истины, хотя все-таки сохраняющія для историка достоинство произведеній чувства и воображенія современниковъ. Мы согласимся съ г. Забѣлинымъ, что старецъ немного и прихвастываетъ. По крайней мѣрѣ, въ его разсказѣ о томъ, какъ онъ въ день битвы съ Ходѣвичемъ уговорилъ казаковъ, чувствуется, что если онъ здѣсь и не сочинялъ вовсе, то поставилъ себя уже слишкомъ на первомъ мѣстѣ и далъ описываемому событію такое освѣщеніе, какого могло бы и не быть, если бы другой очевидецъ, не пристрастный къ личности Авраамія, описывалъ то же. Но это не болѣе какъ чувствуется. Повѣрить — нечѣмъ, и отвергать вовсе также нѣтъ основанія. Поэтому-то въ своемъ сочиненіи «Смутное время» я, передавая эти событія, счелъ нужнымъ оттъннить его словами: «Если только довѣрять сказанію, которое передается самимъ тѣмъ, кто здѣсь играетъ столь блестящую роль», — и тѣмъ самымъ относилъ его къ ряду такихъ многочисленныхъ въ исторіи мѣстъ, когда чувствуется, что дѣло происходило не совсѣмъ такъ, какъ гласитъ источникъ, но нѣтъ основанія сказать, что оно не могло такъ происходить, а еще болѣе — нѣтъ никакихъ данныхъ для того, чтобы даже предположить, что оно происходило иначе. Что касается до укоровъ Пожарскому за медленность, то намъ вполне понятно, что троицкія власти съ своимъ беларемъ были правы, и еслибъ даже никто изъ современниковъ не укорялъ Пожарскаго за эту медленность, то мы бы все-таки сочли ее дѣломъ неумѣстнымъ, потому что она подвергала опасностямъ все государство.

Н. Костомаровъ.

ВОЗСОЕДИНЕНІЕ

УНІИ

Историческій очеркъ *).

(Окончаніе)

VI.

Въ февралѣ 1839-го года Іосифъ Сѣмашко отправился въ Полоцкъ, гдѣ предполагено было составить соборный актъ о присоединеніи уніатовъ къ православной церкви и прошеніе на имя государя императора. Сюда же къ назначенному числу долженъ былъ пріѣхать Антоній, викарій Іосифа; такимъ образомъ, здѣсь къ 12-му февраля должны были быть три унитскихъ епископа: Іосифъ литовскій, Василій Полоцкій и викарій литовскій Антоній Зубко. 12-е число февраля въ 1839-мъ году приходилось въ недѣлю православія. Въ этотъ день подписанъ былъ соборный актъ о возсоединеніи уніатовъ съ православною церковію и составлены всеподданнѣйшія прошенія отъ уніатовъ, — одно о желаніи присоединиться, а другое объ оказаніи уніатамъ снисхожденія относительно нѣкоторыхъ обыкновеній, временемъ вкоренившихся, но единству церкви не противныхъ.

Іосифъ служилъ въ этотъ день литургію въ полоцкомъ Софійскомъ соборѣ. Служеніе это отличалось особенностію, предвѣщавшею конецъ такъ-называемой уніи: вмѣсто папы, Іосифъ

*) См. выше: апр. 606; іюнь, 588; іюль, 60; авг. 524 стр.

поминалъ всѣхъ православныхъ патріарховъ, митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ. Въ то же время онъ причастилъ лично какъ наставниковъ и воспитанниковъ семинаріи, такъ и довольно значительное число прихожанъ. Молебенъ послѣ обѣдни совершенъ былъ съ большою торжественностію; Іосифу сослужили епископы Василій и Антоній, молебенъ этотъ былъ благодарственный о здравіи и благоденствіи государя и всей августѣйшей фамилии. Но предоставимъ лучше говорить за насъ самому пр. Іосифу, который въ порывѣ радости вотъ что писалъ Протасову отъ 26-го февр. 1839-го года: «Слава въ вышнихъ Богу! благое дѣло довершается. Въ 12-й день настоящаго февраля мѣсяца, въ недѣлю православія подписанъ окончательно всѣми греко-унитскими епископами и начальствующимъ духовенствомъ соборный актъ о возприсоединеніи уніатовъ къ православной греко-восточной католической церкви. Въ сей день служилъ я торжественно въ полоцкомъ кафедральномъ Софійскомъ соборѣ, и причастилъ лично какъ наставниковъ и воспитанниковъ семинаріи, такъ и довольно значительное число прихожанъ. Во время служенія вмѣсто папы поминалъ я всѣхъ православныхъ патріарховъ, митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ. Послѣ литургіи отслуженъ мною вмѣстѣ съ преосвященными Василенъ и Антоніемъ благодарственный молебенъ о здравіи и благоденствіи Государя Императора и всей августѣйшей фамилии. Во время обѣда, на которомъ находились важнѣйшія духовныя и гражданскія лица въ Полоцкѣ бывшія, послѣ тоста за здравіе всемилостивѣйшаго Государя былъ кубокъ за благоденствіе и преуспѣяніе православной церкви».

Для сохраненія на мѣстѣ официального слѣда о бытности въ то время въ Полоцкѣ всѣхъ трехъ греко-унитскихъ епископовъ записано по журналу консисторіи и правленія семинаріи о посѣщеніи ими этихъ присутственныхъ мѣстъ.

Впечатлѣніе, произведенное служеніемъ въ Полоцкѣ, описывалъ Скрипицынъ въ своемъ донесеніи Протасову такъ: «12-го числа, въ день Православія служилъ литургію епископъ Іосифъ, а потомъ всѣ три епископа служили соборно благодарственный молебенъ, при большомъ стеченіи народа; во время всего богослуженія воспоминаемы были только православные патріархи, что не произвело ни малѣйшаго неблагопріятнаго впечатлѣнія, а наружный видъ епископа Антонія, какъ бы свидѣтельствуя о готовности литовской епархіи, кажется поколебалъ и послѣднія надежды неблагонамѣренныхъ ¹⁾».

¹⁾ Въ канц. об.-пр. св. син. донесеніе состоящаго за оберъ-прокурорскимъ сто-

На другой день всѣ три епископа отправились въ Витебскъ, а съ ними вмѣстѣ поѣхалъ туда и Скрипицынъ. Епископы Антоній и Василій вмѣстѣ посѣтили здѣсь всѣ церкви, а въ томъ числѣ и православный соборъ, гдѣ при большомъ стеченіи народа были встрѣчены со звономъ всѣмъ духовенствомъ въ облаченіи, со крестомъ и пѣніемъ; тутъ же послѣ св. синода имъ вмѣстѣ съ епископомъ Исидоромъ провозглашено многолѣтіе. Пробывши два дня въ Витебскѣ, архіереи отправились въ свои мѣста, а Скрипицынъ остался здѣсь. Іосифъ долженъ былъ приготовиться къ отъѣзду въ Петербургъ. Но онъ хотѣлъ прежде своего прибытія извѣстить Протасова о счастливомъ исходѣ дѣла, а потому, кромѣ вышеприведеннаго письма, отправилъ къ Протасову и всѣ документы, касающіеся окончательнаго рѣшенія унитскаго дѣла, какъ-то: соборный актъ о возсоединеніи, два вышеупомянутыя прошенія, именную роспись духовенства литовской епархіи, давашаго собственноручныя объявленія о готовности присоединиться къ православію, въ числѣ 938, а при этомъ и самыя подлинныя объявленія, сшитыя въ 27 тетрадей; въ первой тетради помѣщены были объявленія духовенства монашествующаго, а также наставниковъ духовныхъ училищъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, по благочиніямъ не показанныхъ; въ слѣдующихъ 25-ти тетрадяхъ находились объявленія духовенства по благочиніямъ, при церквяхъ состоящаго; а въ послѣдней тетради объявленія семинаристовъ, кончившихъ курсъ наукъ въ прошломъ году; именную роспись духовенства бѣлорусской епархіи, давашаго также собственноручныя объявленія о готовности присоединиться къ православной греко-россійской церкви, въ числѣ всего 367.

Число духовныхъ унитскихъ, давшихъ подписки присоединиться къ православію, распредѣлялось по двумъ унитскимъ епархіямъ такимъ образомъ. По литовской: бѣлыхъ священниковъ 834, іеромонаховъ и монаховъ 62, секретарь консисторіи и свѣтскихъ наставниковъ по духовнымъ училищамъ 20-тъ; по бѣлорусской епархіи: бѣлыхъ и монаховъ 367; итого всѣхъ 1305 человекъ. Что касается до недавшихъ подписокъ на присоединеніе, то ихъ по литовской епархіи было: — бѣлыхъ священниковъ 116, монаховъ 95, а по бѣлорусской: бѣлыхъ священниковъ 305, а монаховъ 77, итого 593 человека. Впрочемъ, пр. Іосифъ въ письмѣ своемъ къ Протасову говоритъ объ этихъ лицахъ, что ихъ должно считать скорѣе сомнительными, нежели неблагонадежными. Изъ этихъ лицъ считалось по литовской епархіи 59 без-

ломъ въ св. синодѣ камергера Скрипицына и послѣдовавшія на имя его отъ прорада св. синода предписанія относительно возложеннаго на него порученія.

мѣстныхъ священниковъ, а остальные были престарѣлые, которыхъ, какъ и безмѣстныхъ, не признано было нужнымъ тревожить требованіемъ подписокъ, такъ что едвали остается и 20 священниковъ, коихъ настоятъ надобность или устранить, или приобрѣсть для православной церкви. По бѣлорусской епархіи было безмѣстныхъ священниковъ 136-ть, отъ которыхъ, какъ и отъ прочихъ, необязавшихся присоединиться къ православной церкви, не требованы еще подписки, и хотя по этой епархіи оказалось до 150-ти священниковъ, обнаружившихъ сопротивленіе въ дачѣ помянутыхъ подписей, но по всей вѣроятности, послѣ разстройства нынѣ бывшей здѣсь интриги и высылки зачинщиковъ ея, весьма также малое окажется число дѣйствительно неблагонадежныхъ.

Скоро послѣ отправленнаго къ Протасову письма и вышеупомянутыхъ документовъ, Іосифъ явился самъ въ Петербургъ. 1-го марта Протасовъ при всеподданнѣйшемъ докладѣ представилъ государю вышеупомянутыя два прошенія и соборный актъ.

По исторической важности этихъ документовъ мы приведемъ ихъ въ подлинникѣ.

Вотъ содержаніе перваго прошенія:

«Всеавгустѣйшій монархъ, всемилостивѣйшій государь!

«Съ отторженіемъ отъ Руси въ смутныя времена западныхъ ея областей Литвою и послѣдовавшимъ затѣмъ присоединеніемъ оныхъ къ Польшѣ, русскій православный народъ подвергся въ нихъ тяжкому испытанію отъ постоянныхъ усилій польскаго правительства и римскаго двора отдѣлить ихъ отъ церкви православно-каеолической восточной и присоединить къ западной. Лица высшихъ состояній, стѣсняемыя всѣми мѣрами въ ихъ правахъ, совратились скоро въ чужое имъ римское исповѣданіе, и забывъ собственное происхожденіе и народность, давно уже считаютъ себя поляками. Мѣщане и поселяне были отторгнуты отъ единенія съ восточною церковію посредствомъ уніи, введенной въ концѣ XVI-го столѣтія. Съ того времени сей народъ отдѣлился отъ матери своей — Россіи; постоянныя ухищренія политики и фанатизма стремились къ тому, чтобы сдѣлать его совершенно чуждымъ древняго отечества его, и уніаты испытали въ полномъ смыслѣ всю тягость иноплеменнаго ига.

«По возвращеніи Россіею древняго ея достоянія, большая половина уніатовъ восприсоединились къ прародительской своей греко-россійской церкви, а остальные нашли покровительство и защиту отъ преобладанія римскаго духовенства. Въ благословенное же царствованіе вашего императорскаго величества, при благодѣтельномъ возрѣніи вашемъ, всемилостивѣйшій государь,

у нихъ уже по большей части возстановлены въ прежней чистотѣ богослуженіе и постановленія греко-восточной церкви; ихъ духовное юношество получаетъ воспитаніе, соотвѣтственное своему назначенію; они могутъ уже быть и называть себя русскими.

«Но греко-унитская церковь въ отдѣльномъ своемъ видѣ, среди другихъ исповѣданій, не можетъ никогда совершенно достигнуть ни полнаго благоустройства, ни спокойствія, необходимаго для ея благоденствія, и многочисленные принадлежащіе къ ней жители западныхъ губерній, русскіе по языку и происхожденію, подвергаются опасности остаться въ положеніи, колеблемомъ переменчивостію обстоятельствъ, и нѣсколько чуждыми своимъ православнымъ собратіямъ.

«Сія причина, наипаче же забота о вѣчномъ благѣ вѣрною намъ паствы, побуждаютъ насъ, твердо убѣжденныхъ въ догматахъ святыя, апостольскія, православно-каѳолическія восточной церкви, припасть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества и всеподданнѣйше молить васъ, державнѣйшій Монархъ, упрочить дальнѣйшую судьбу уніатовъ, дозволеніемъ имъ присоединиться къ прародительской православной всероссійской церкви. Въ удостовѣреніе же общаго нашего на сіе согласія, имѣемъ счастье поднести составленный нами, епископами, начальствующимъ духовенствомъ греко-унитской церкви въ городѣ Полоцкѣ сего числа соборный актъ и при ономъ собственноручныя объявленія 1305 лицъ остальнаго греко-унитскаго духовенства. Всемиловитѣйшій Государь, вашего императорскаго величества вѣрноподданнѣйшіе: Іосифъ, епископъ литовскій.

Василій, епископъ оршанскій,
управляющій бѣлорусскою епархіею.

Антоній, епископъ брестскій,
викарій литовской епархіи¹⁾».

Во второмъ прошеніи уніаты писали слѣдующее:

«Всеавгустѣйшій Монархъ, Всемиловитѣйшій Государь!

«Во всеподданнѣйшемъ прошеніи нашемъ, съ приложеніемъ соборнаго акта, о намѣреніи греко-унитской церкви восприсоединиться къ православно-каѳолической-восточной церкви, мы изложили подробно побудительныя къ тому причины и главное желаніе составлять по прежнему часть нашей прародительской всероссійской церкви. Вмѣстѣ съ симъ не дерзаемъ покрывать молчаніемъ, что, за исключеніемъ немногихъ духовныхъ лицъ

¹⁾ Въ канц. Об.-Пр. св. синод. дѣло 1839 года, № 48 о присоединеніи такъ именовавшейся въ Россіи греко-унитск. церкви къ св. православной восточной.

изъ числа изъявившихъ письменное сіе желаніе, почти всѣ прочіе въ объявленіяхъ своихъ изложили и просьбу о дозволеніи имъ нынѣшнихъ, привычкою вкорененныхъ мѣстныхъ обычаевъ непротивныхъ сущности православія. Мы будучи убѣждены, что нынѣшнее неслужебное одѣяніе греко-унитскаго духовенства, бритье бородъ, употребляемая во время постовъ пища и нѣкоторыя молитвенныя обыкновенія, не нарушающія догматовъ св. восточной католической церкви, отъ долговременной привычки въ немъ духовенства и самаго народа, не могутъ быть въ скоромъ времени измѣнены безъ всякихъ неудобствъ, и между прочимъ скорая перемѣна въ наружномъ видѣ священниковъ можетъ даже ихъ лишить полезнаго вліянія на паству, осмѣливаемся всеподданнѣйше испрашивать, дабы по приведеннымъ нами причинамъ, оказано было восприсоединенному духовенству и народу въ отношеніи къ таковымъ мѣстнымъ обычаямъ снисхожденіе, и въ семъ обстоятельствѣ полагаемъ все наше упованіе на отеческое сердце Вашего Императорскаго Величества, всеавгустѣйшій Монархъ,—источникъ благоденствія вѣтренныхъ Богомъ высокому скипетру вашему народовъ¹⁾».

Подъ прошеніемъ подписались тѣ же самыя лица, которыхъ имена значатся подъ первымъ прошеніемъ.

Соборный актъ гласилъ слѣдующее:

«Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа.

Мы, благодію Божіею, епископы и освященный соборъ греко-унитской церкви въ Россіи, въ неоднократныхъ совѣщаніяхъ, приняли въ разсужденіе нижеслѣдующее:

«Церковь наша отъ начала своего была въ единствѣ святая, апостольскія, православно-католическія церкви, которая самымъ Господомъ, Богомъ и Спасомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ на Востокѣ насаждена, отъ востока возсіяла міру и до селѣ цѣло и неизмѣнно соблюла божественныя догматы ученія Христова, ничего къ оному не прилагая отъ духа человѣческаго суетумудрія. Въ семъ блаженномъ и превосходѣнномъ вселенскомъ союзѣ церковь наша составляла нераздѣльную часть греко-россійскія церкви, подобно какъ и предки наши по языку и происхожденію всегда составляли нераздѣльную часть русскаго народа. Но горестное отторженіе обитаемыхъ нами областей отъ матери нашей—Россіи, отторгнуло и предковъ нашихъ отъ истиннаго, католическаго единенія, и сила чуждаго преобладанія подчинила ихъ власти римской церкви, подъ названіемъ уніатовъ. Хотя же для нихъ и обезпечены были отъ нея фор-

¹⁾ Вышеприведенное дѣло подъ № 48.

нашими актами восточное богослуженіе на природномъ нашемъ русскомъ языкѣ, всѣ священныя обряды и самыя постановленія восточныхъ церкви, и хотя даже воспрещенъ былъ для нихъ переходъ въ римское исповѣданіе (яснѣйшее доказательство, сколь чистыми и непреложными признаны были наши древніе восточные уставы), но хитрая политика бывшей польской республики и согласное съ нею направленіе мѣстнаго латинскаго духовенства, нетерпѣвшіе духа русской народности и древнихъ обрядовъ православнаго Востока, устремили всѣ силы свои къ изглаженію, если бы можно было, и самыхъ слѣдовъ первобытнаго происхожденія нашего народа и нашей церкви. Отъ сего сугубаго усилія предви наши, по принятіи уніи, подверглись самой бѣдственной долѣ. Дворяне, стѣсняемые въ своихъ правахъ, переходили въ римское исповѣданіе, а мѣщане и крестьяне, неизмѣняя обычаямъ предковъ, еще сохранившимся въ уніи, терпѣли тяжкое угнетеніе. Но скоро обычаи и священныя церковныя обряды, постановленія и самое богослуженіе нашей церкви стали значительно измѣняться, а на мѣсто ихъ вводились латинскіе, вовсе ей несвойственные; греко-унитское приходское духовенство, лишенное средствъ къ просвѣщенію, въ бѣдности и униженіи, поработчено римскимъ и было въ опасности подвергнуться наконѣцъ совершенному уничтоженію и превращенію, еслибы Всевышній не прекратилъ сихъ вѣковыхъ страданій, возвративъ россійской державѣ обитаемыя нами области—древнее достояніе Руси. Пользуясь столь счастливымъ событіемъ, большая часть уніатовъ воссоединилась тогда же съ восточною, православно-кафолическою церковію и уже по прежнему составляетъ нераздѣльную часть церкви всероссійскія; остальные же нашли по возможности въ благодѣльномъ русскомъ правительствѣ защиту отъ превозможенія римскаго духовенства. Но отеческимъ щедротамъ и покровительству нынѣ благополучно царствующаго благочестивѣйшаго Государя нашего Императора Николая Павловича обязаны мы нынѣшней полной независимостію церкви нашей, нынѣшними обильными средствами къ приличному образованію нашего духовнаго юношества, нынѣшнимъ обновленіемъ и возрастающимъ благолѣпіемъ святыхъ храмовъ нашихъ, гдѣ совершается богослуженіе на языкѣ нашихъ предковъ и гдѣ священныя обряды возстановлены въ древней ихъ чистотѣ. Повсюду вводятся постепенно въ прежнее употребленіе всѣ уставы нашей искони восточной-русской церкви. Остается же лишь только, дабы сей древній, боголюбивый порядокъ былъ упроченъ и на грядущія времена для всего уніатскаго въ Россіи населенія; дабы полнымъ возстанов-

леніемъ прежняго единства съ церковію російскою сіи прегнѣнія чада ея могли на лонѣ истинной матери своей обрѣсти то спокойствіе и духовное преуспѣяніе, котораго лишены были во время своего отъ оной отчужденія. По благодати Господней мы и прежде отдѣлены были отъ древней матери нашей православно-каѳолическія восточныя и въ особенности російскія церкви не столько духомъ, сколько внѣшнею зависимостію и неблагоприятными событіями; нынѣ же, по милости всещедрaго Бога, таѣ снова приблизились къ ней, что нужно уже не столько возстановить, сколько выразить наше съ нею единство.

«Посему въ теплыхъ, сердечныхъ моленіяхъ призывавъ на помощь благодать Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа (который единъ есть истинная Глава единыя истинныя церкви) и Святаго, всесовершеннаго Духа, мы положили твердо и несомнѣнно:

1) Признать вновь единство нашея церкви съ православною, каѳолическою, восточною церковію и посему пребывать отнынѣ купно со вѣренными намъ паствами въ единомысліи съ святѣйшими восточными православными патріархами и въ послушаніи святѣйшаго правительствующаго всероссійскаго синода.

2) Всеподданнѣйше просить благочестивѣйшаго Государя Императора настоящее намѣреніе наше въ свое августѣйшее покровительство принять, и исполненію онаго къ миру и спасенію душъ, высочайшимъ своимъ благоусмотрѣніемъ и державною волею споспѣшествовать, да и мы подъ благотворнымъ его скипетромъ со всѣмъ русскимъ народомъ совершенно едиными и неразнствующими устами и единымъ сердцемъ славимъ Тріединаго Бога, по древнему чину апостольскому, по правиламъ святыхъ вселенскихъ соборовъ и по преданію великихъ святителей и учителей православно-каѳолическія церкви.

«Въ увѣреніе чего мы всѣ, епископы и начальствующее духовенство, сей соборный актъ утверждаемъ собственноручными нашими подписами, и въ удостовѣреніе общаго на сіе согласія прочаго греко-унитскаго духовенства, прилагаемъ собственноручныя же объявленія священниковъ и монашествующей братіи, всего тысячи-трехъ-сотъ пяти лицъ.

«Данъ въ богоспасаемомъ градѣ Полоцкѣ, лѣта отъ сотворенія міра семь тысячъ триста сорокъ седьмаго, отъ воплощенія же Бога-Слова тысяча восемь сотъ тридцать девятого, мѣсяца февраля въ двѣнадцатый день, въ недѣлю православія.

Смиренный Іосифъ, епископъ литовскій.

Смиренный Василій, епископъ оршанскій, управляющій бѣлорусскою епархіею.

Смиренный Антоній, епископъ брестскій, викарій литовскій.

Засѣдатель греко-унитской духовной коллегіи, соборный протоіерей Игнатій Пильковский.

Засѣдатель греко-унитской духовной коллегіи, соборный протоіерей Іоаннъ Конюшевскій.

Засѣдатель греко-унитской духовной коллегіи, соборный протоіерей Левъ Паньковский.

Засѣдатель литовской консисторіи, соборный протоіерей Антоній Тупальскій.

Предсѣдатель бѣлорусской консисторіи, ректоръ семинаріи, соборный протоіерей Михаилъ Шелепинъ.

Вице-предсѣдатель литовской консисторіи, соборный протоіерей Михаилъ Голубовичъ.

Въ должности ректора литовской семинаріи, соборный протоіерей Фердинандъ Гомолицкій.

Вице-предсѣдатель бѣлорусской консисторіи, протоіерей Константинъ Игнатовичъ.

Членъ бѣлорусской консисторіи Іосифъ Вылинскій.

Членъ бѣлорусской консисторіи Іосифъ Новицкій.

Инспекторъ бѣлорусской семинаріи, соборный протоіерей Оома Малишевскій.

Инспекторъ литовской семинаріи Игнатій Желяговскій.

Кустошъ софійскаго кафедральнаго полоцкаго собора Михаилъ Бопецкій.

Экономъ бѣлорусской семинаріи, соборный протоіерей Іоаннъ Шесновичъ.

Соборный протоіерей, ассессоръ литовской консисторіи, Платидъ Янковскій.

Ассессоръ бѣлорусской консисторіи, протоіерей Іоаннъ Глыбовскій.

Ассессоръ литовской консисторіи, Григорій Куцевичъ.

Ассессоръ бѣлорусской консисторіи, священникъ Іоаннъ Сченевичъ.

Ассессоръ бѣлорусской консисторіи, Оома Оволовичъ.

Секретарь при литовскомъ епископѣ, іеромонахъ Фавстъ Михневичъ.

Секретарь при епископѣ Антоніѣ, іеромонахъ Петръ Михалевичъ».

Всѣ эти документы представлены были Протасовымъ государю императору въ аничковскомъ дворцѣ.

1-го марта послѣдовалъ высочайшій указъ на имя синода такого содержанія:

«Епископы греко-унитской церкви имперіи нашей представили намъ чрезъ завѣдующаго духовными дѣлами сего исповѣданія,

оберъ-прокурора св. синода графа Протасова, прошеніе свое о дозволеніи имъ вмѣстѣ съ ввѣренною имъ паствою присоединиться къ ихъ прародительской православной церкви, отъ которой ихъ предки были отторгнуты въ смутное время преобладанія Польши въ обитаемыхъ ими западныхъ русскихъ областяхъ. Они съ тѣмъ вмѣстѣ поднесли намъ и составленный ими съ прочимъ начальствующимъ духовенствомъ ихъ епархій въ городѣ Полоцкѣ 12-го сего февраля соборный актъ, коимъ изъявляютъ твердое намѣреніе признать единство ихъ церкви съ православно-каѳолическою восточною церковію, и быть въ послушаніи св. всероссійскаго синода, а въ доказательство согласія на то и всего остальнаго ихъ духовенства прилагаютъ къ акту собственноручныя объявленія 1305 священниковъ и монашествующей братіи. Воздавъ изъ глубины души благодареніе всемогущему Богу, подвигнувшему сердца столь многочисленнаго, искони русскаго духовенства возвратиться вмѣстѣ съ ихъ паствою на лоно истинной ихъ матери—православной церкви, мы повелѣли оберъ-прокурору св. синода означенный актъ и объявленія внести въ св. синодъ на разсмотрѣніе и сообразное съ правилами св. церкви постановленіе ¹⁾».

Въ то же время государь чрезъ Протасова приказалъ оказать воссоединенному духовенству просимое имъ снисхожденіе ²⁾.

Синодъ, разсмотрѣвши вышеупомянутыя греко-унитскія прошенія, соборный актъ и объявленія, опредѣленіемъ 6-го и 13-го марта положилъ: поднести государю императору при особомъ докладѣ синодальное дѣяніе, подписанное 23-го марта, содержащее въ себѣ постановленіе о принятіи греко-унитской въ Россіи церкви въ полное и совершенное общеніе святыхъ, православно-каѳолическія восточныя церкви и въ нераздѣльный составъ церкви всероссійской. Докладъ синодальный отъ слова до слова былъ такой:

«Всепресвѣтлѣйшему, Державнѣйшему,
«Великому Государю Императору и Самодержцу Всероссійскому
всеподданнѣйшій докладъ Синода.

«Именнымъ высочайшимъ указомъ отъ 1-го дня сего мѣсяца, ваше императорское величество соизволили повелѣть синоду войти по церковнымъ правиламъ въ разсмотрѣніе соборнаго акта, постановленнаго епископами и прочимъ духовенствомъ греко-унитской въ Россіи церкви, для воссоединенія ея съ церковью всероссійскою.

¹⁾ Вышеприведенное дѣло подъ № 43-мъ.

²⁾ Тамъ же.

«Синодъ входилъ въ разсмотрѣніе сего предмета со вниманіемъ, соотвѣствующимъ важности оного; и состоявшееся по сему постановленіе о принятіи греко-унитской въ Россіи церкви въ полное и совершенное общеніе святыя православно-каѳолическія восточныя церкви и въ нераздѣльный составъ церкви всероссійскія, изложенное въ подносимомъ при семъ синодальномъ дѣяніи, всемирно представляемъ на благовольтельное вашего величества усмотрѣніе, и въ державное покровительство исполненіе оного.

«Всемиловѣйшій Государь!

«При семъ событіи, синодъ, исполненный духовнаго утѣшенія и благодаренія къ Богу, благодѣющему церкви своей, и благословляющему царствованіе вашего величества, отъ лица всея церкви Россійскія благоговѣнно привѣтствуетъ ваше императорское величество мирнымъ торжествомъ духовнаго возсоединенія съ нею многочисленныхъ сыновъ Россіи, столь благоприятнаго естественному и гражданскому между ими единству, вознося купно вашему императорскому величеству благодареніе за предшествовавшее благопримыслительное устроеніе, которое открыло греко-унитской церкви свободный и ничѣмъ не преграждаемый путь возвращенія въ объятія древней и истинной ея матери, церкви всероссійской.

«Обращаясь къ послѣдствіямъ возсоединенія, синодъ полагаетъ:

1) Управление возсоединенныхъ епархій и принадлежащихъ къ нимъ училищъ оставить на прежнемъ основаніи, впредь до ближайшаго усмотрѣнія, каковымъ лучшимъ и удобнѣйшимъ образомъ оное можетъ быть соглашено съ управленіемъ древле-православнымъ.

2) Греко-унитскую духовную коллегію поставить въ отношеніи къ св. синоду, по іерархическому порядку, на степень московской и грузино-имеретинской св. синода конторъ, и именоваться ей бѣлорусско-литовскою духовною коллегіею.

3) Іосифу, епископу литовскому, быть предсѣдателемъ бѣлорусско-литовской духовной коллегіи, съ возведеніемъ его въ санъ архіепископа.

«Всемиловѣйшій Государь!

«Син положенія представляя на всемиловѣйшее усмотрѣніе ваше, синодъ всеподданнѣйше испрашиваетъ высочайшаго вашего величества указа.

«Вашего императорскаго величества
всеподданнѣйшіе:

Серафимъ митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій.

Смиренный Филаретъ митрополитъ кievскій и галицкій.

Смиренный Филаретъ митрополитъ московскій.

Смиренный Іона митрополитъ.

Смиренный Владиміръ архіепископъ казанскій.

Смиренный Наанаилъ архіепископъ псковскій.

Духовникъ протопресвитеръ Николай Музовскій.

Оберъ-священникъ Василій Кутневичъ».

«23-го марта 1839-го года.

На этомъ докладѣ государь собственноручно чернилами не карандашемъ, какъ обыкновенно водилось) написалъ: «Благодарю Бога, и принимаю. Николай».

«С.-Петербургъ 25-го марта 1839-го года.

Синодальное дѣяніе, приложенное къ докладу, заключалось въ слѣдующемъ:

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

«Лѣта Господня 1839-го, марта въ шестой день, по державному изволенію благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича самодержца всероссійскаго, въ присутствіи святѣйшаго правительствующаго всероссійскаго синода внесены и въ ономъ слушанъ соборный актъ, постановленный въ 12-й день прошедшаго февраля епископами и прочимъ духовенствомъ такъ именовавшейся до нынѣ греко-унитской въ Россіи церкви въ которомъ они, изложивъ свое древнее и первоначальное единеніе со святою апостольскою православно-каѳолическою церковію вообще и въ особенности съ руссійскою церковію потомъ произвольное въ предкахъ своихъ отторженіе отъ сего единенія силою бѣдственнаго отторженія отъ державы руссійскія, торжественно изъявили свою твердую и неизмѣнную рѣшимость признать вновь единство своей церкви съ православно-каѳолическою восточною церковію, и потому пребывать отнынѣ купно со вѣрными имъ пастырями въ единомысліи со святѣйшими восточными православными патріархами и въ послушаніи св. правительствующаго всероссійскаго синода; и такое намѣреніе свое представили въ августѣйшее покровительство благочестивѣйшаго Государя Императора. Актъ сей подписанъ всѣми греко-унитскими въ Россіи епископами и старѣйшимъ по нимъ духовенствомъ, а въ удостовѣреніе общаго на сіе согласія прочаго греко-унитскаго духовенства приложены собственноручныя же объявленія 1305 священниковъ и монашествующихъ.

«По выслушаніи сего, первымъ и общимъ движеніемъ св. синода было благодарственное прославленіе Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа, который неизслѣданными путями своего

благочестиваго смотрѣнія непрестанно приводя въ исполненіе свое предположенное обѣтованіе, яко врата ада не одолѣютъ истинной церкви Его, и нынѣ многообразныя, продолжительныя и повидному даже успѣшныя усилія человѣческія отчуждить отъ православныя церкви Россійскія немалое число единовѣрнаго и единоплеменнаго народа, содѣлалъ ничтожными, положивъ въ сердце благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича оградить греко-унитское священноначаліе отъ посторонняго вліянія; а потомъ невидимымъ мановеніемъ подвигнуть сердца отчужденныхъ обратиться къ первоначальному и истинному православно-каѳолическому единству, съ такимъ свободнымъ многочисленнаго духовенства единодушіемъ, которое должно составить достопамятный примѣръ въ церковныхъ лѣтописяхъ.

«Вступая въ ближайшее разсмотрѣніе подлежащаго предмета, св. синодъ принялъ во вниманіе слѣдующее:

«1) Отторженіе такъ именуемыхъ греко-унитовъ въ Россіи отъ православныя восточныя церкви произведено собственно чрезъ устраненіе ихъ отъ іерархическаго съ нею общенія, но такъ, что они сохранили древній восточный чинъ богослуженія и священныхъ обрядовъ, который будучи проникнутъ духомъ православныхъ догматовъ и преданій, внутреннею силою противодействовалъ совершенному уничтоженію прежняго единства, не взирая на то, что оно внѣшно расторжено было подчиненіемъ чуждой власти.

«Хотя же въ продолженіи времени чинъ сей постороннимъ вліяніемъ начиналъ быть измѣняемъ, чрезъ что и примѣшеніе мудрованій человѣческихъ къ древнему чистому ученію сдѣлаюсь сильнѣе; но лишь только чуждымъ усиліямъ поставлена была преграда, предстоятели греко-унитской церкви незамедлили пещись о возстановленіи онаго въ древней чистотѣ. Сіе въ особенности усмотрѣно св. синодомъ въ 1834-мъ году, когда всѣ греко-унитскіе архіереи единогласно опредѣлили заимствовать главнѣйшія богослужебныя книги отъ св. синода, въ чемъ они тогда и были удовлетворены.

«Торжественное нынѣ въ поставленномъ соборномъ актѣ исповѣданіе, что Господь Богъ и Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ единъ есть истинная глава единыя истинныя церкви, и обѣщаніе пребывать въ единомысліи со святѣйшими восточными православными патріархами и св. синодомъ, не оставляютъ ничего требовать отъ греко-унитской церкви для истиннаго и существеннаго соединенія вѣры, а потому не остается также ничего, что могло бы препятствовать единенію іерархическому. По

такowymъ разсужденіямъ св. синодъ, по благодати, дару и власти, данной отъ Великаго Бога и Господа нашего Іисуса Христа, по священнымъ правиламъ и примѣрамъ св. отецъ, принялъ въ полное и совершенное общеніе святыя православно-каѳолическія восточныя церкви и въ нераздѣльный составъ церкви всероссійскія.

«2) Въ особенности епископамъ и священству преподавъ соборное благословеніе св. синода, съ молитвою вѣры и любви къ Верховному Святителю исповѣданія нашего Іисусу Христу, да утверждаетъ ихъ выну въ изреченномъ ими исповѣданіи и да благоуправляетъ дѣло служенія ихъ къ совершенію святыхъ.

«3) Въ управленіи вѣранныхъ имъ паствъ поступать имъ на основаніи слова Божія, правилъ церковныхъ, государственныхъ постановленій, и согласно съ предписаніями св. синода, и утверждать вѣранныя имъ паствы въ единомысліи православныя вѣры, а къ разнообразію нѣкоторыхъ мѣстныхъ обычаевъ, некасаящихся догматовъ и таинствъ, являть апостольское снисхожденіе, и къ древнему единообразію возвращать оныя посредствомъ свободнаго убѣжденія, съ кротостію и долготерпѣніемъ.

«Въ заключеніе сего св. синодъ положилъ принести благодареніе благочестивѣйшему императору и самодержцу всероссійскому отъ лица всероссійскія церкви за явленное споспѣшествованіе сему благу и душеспасительному начинанію, и за тѣмъ исполненіе настоящаго синодальнаго постановленія смиренно представить въ его державное покровительство.

«Возсоединеннымъ же преосвященнымъ епископамъ дать во извѣщеніе и благословеніе синодальную грамоту. Писано въ богоспасаемомъ царствующемъ градѣ св. Петра, въ лѣто отъ сотворенія міра семь тысячъ триста чотыредесятъ седмое, отъ воплощенія же Бога-Слова тысяча восемьсотъ тридцать девятое, марта въ двадцать третій день ¹⁾.

Серафимъ митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій.

Смиренный Филаретъ митрополитъ кіевскій и галицкій.

Смиренный Филаретъ митрополитъ московскій.

Смиренный Іона митрополитъ.

Смиренный Владиміръ архіепископъ казанскій.

Смиренный Наѳанаилъ архіепископъ псковскій.

Духовникъ, протопресвитеръ Николай Музовскій.

Оберъ-священникъ Василій Кутневичъ.

Оберъ-прокуроръ св. синода графъ Протасовъ».

¹⁾ Синодальное дѣяніе написано на пергаментѣ; заглавныя буквы разрисованы красною краскою, а слова «Іисусъ Христосъ», также другіе выраженія, взятые изъ св. писанія, написаны золотомъ.

Протасовъ, поднося государю докладъ синода и синодальное постановленіе о принятіи греко-унитской церкви въ нѣдра православія, предпослалъ ему свой всеподданнѣйшій докладъ.

«Унія въ Россіи, писалъ Протасовъ въ своемъ докладѣ, существовала въ продолженіи 243 лѣтъ: началась въ 1596-мъ году соборнымъ актомъ брестскимъ и кончилась въ 1839-мъ году актомъ полоцкимъ. Такимъ образомъ, милосердый Богъ, благодѣющій Россіи и вложившій въ сердце вашего величества великую мысль о возвращеніи на лоно истинной церкви и отечества дѣтей ихъ, нѣкогда отторгнутыхъ насиліемъ, вѣнчаетъ нынѣ полнымъ успѣхомъ сіе исполненное предпріятіе, столь же важное въ политическомъ, сколько въ религіозномъ смыслѣ, которое займетъ блестящую страницу въ лѣтописяхъ имперіи и въ исторіи славнаго и поистинѣ русскаго царствованія вашего императорскаго величества.

«Всемилоостивѣйшій государь! Съ свойственною вамъ милостію примите въ избытокъ радости излившіяся изъ сердца строки сіи, какъ изъясненіе вѣрноподданническаго чувства, которое при семъ событіи должно одушевлять каждаго сына отечества и которое при имени вашего величества громкими отголосками отзовется въ благословеніяхъ позднѣйшаго потомства ¹⁾».

Пока синодъ составлялъ актъ и опредѣленіе о принятіи греко-унитской церкви въ составъ церкви русскоѣ, состоялся 17 марта 1839-го года высочайшій указъ о подчиненіи греко-унитской духовной коллегіи святѣйшему синоду. Впрочемъ печатаніе его въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ» отложено было до нѣкотораго времени. 30 марта 1839 года (это было въ четвергъ недѣли Пасхи) въ синодѣ происходило чрезвычайное собраніе или засѣданіе членовъ его по дѣлу унитской церкви. Засѣданіе это было сперва внутреннее, а потомъ открытое. Во внутреннемъ засѣданіи происходило слѣдующее. Слушаны были:

1) Высочайшее его императорскаго величества соизволеніе, заключающееся въ словахъ: «Благодарю Бога и принимаю», собственноручно написанное государемъ въ 26-й день марта на всеподданнѣйшемъ докладѣ св. синода. Положено было: 1) О совершившемся въ синодѣ и принятомъ его императорскимъ величествомъ присоединеніи именовавшейся въ Россіи греко-унитской церкви въ полное и совершенное общеніе св. православно-каѳолическія восточныя церкви и въ нераздѣльный составъ церкви всероссійской, объявить въ присутствіи св. синода преосвященному Іосифу, архіепископу литовскому, причемъ вручить ему

¹⁾ Императорское дѣло подъ № 48.

и синодальную грамоту ко всѣмъ воссоединеннымъ епископамъ. 2) О совершившемся благодатию Божіею воссоединеніи принести въ синодальной церкви благодарственное Господу Богу молебствіе, при которомъ быть и преосвященному Іосифу, какъ представителю воссоединенныхъ. 3) О семъ же событіи преосвященному Іосифу и преосвященнымъ епископамъ: Василию оршанскому и викарію Антонію брестскому, предписать указами, съ тѣмъ, чтобы они въ управленіи вѣрренныхъ имъ паствъ поступали на основаніи слова Божія, правилъ церковныхъ, государственныхъ постановленій и согласно съ данною имъ синодальною грамотою, и предписаніями св. синода, въ особенности же наблюдали и впредь наблюдали, чтобы во вѣрренныхъ имъ церквахъ употребляемъ былъ восточный никео-цареградскій символъ православной вѣры, и чтобы въ церковныхъ моленіяхъ воспоминаемъ былъ св. правительствующій синодъ, по установленному чину. 4) Въ бѣлорусско-литовскую духовную коллегію, какъ о семъ, такъ и о настоящемъ ея именованіи послать указъ. 5) Православнымъ архіереямъ древле православныхъ епархій, сопредѣльныхъ къ новоприсоединеннымъ, увѣдомить о семъ указами съ тѣмъ, чтобы они, принявъ сіе къ собственному свѣдѣнію, сообразно съ обстоятельствами входили въ общеніе съ воссоединенными и братолюбнымъ обращеніемъ съ ними старались сохранять и утверждать возстановленный союзъ единства. 6) О бытіи преосвященному Іосифу предсѣдателемъ бѣлорусско-литовской духовной коллегіи, съ возведеніемъ его въ санъ архіепископа, объявить ему, преосвященному, въ присутствіи св. синода, съ приведеніемъ его къ присягѣ, и о томъ послать къ нему указъ, каковымъ объявить о семъ коллегіи и прочимъ мѣстамъ и лицамъ по духовному вѣдомству.

II) Вѣдѣніе правительствующаго сената отъ 21-го марта, съ прописаніемъ высочайшаго указа, послѣдовавшаго 17-го дня сего же марта, о подчиненіи греко-унитской духовной коллегіи, вмѣсто правительствующаго сената, св. синоду. Положено: принять къ свѣдѣнію.

III. Рапортъ бывшей греко-унитской духовной коллегіи о полученіи указа правительствующаго сената о томъ же. Положено: приобщить къ дѣлу.

Въ открытомъ засѣданіи происходило слѣдующее: по облаченіи членовъ синода въ мантии и по занятіи ими своихъ мѣстъ, оберъ-прокуроръ Протасовъ ввелъ въ присутствіе синода преосвященнаго Іосифа, который также облаченъ былъ въ мантию. Тогда: 1) первенствующій членъ синода, митрополитъ Серафимъ, объявилъ ему о совершившемся воссоединеніи и принятіи онаго

его императорскимъ величествомъ, и вмѣстѣ отъ имени св. синода и всей церкви російской привѣтствовалъ его съ столь важнымъ событіемъ, и въ лицѣ его все присоединенное духовенство. 2) Членъ св. синода митрополитъ кievскій Филаретъ прочиталъ синодальную грамоту къ возсоединеннымъ епископамъ, а митрополитъ с.-петербургскій вручилъ ее Іосифу. 3) Членъ св. синода, митрополитъ московскій Филаретъ прочиталъ высочайше утвержденныя положенія св. синода о бытіи преосвященному Іосифу предсѣдателемъ коллегіи, съ возведеніемъ его въ санъ архіепископа, и о переименованіи той коллегіи. 4) Затѣмъ члены св. синода и преосвященный Іосифъ, какъ представитель возсоединенныхъ, дали взаимное цѣлованіе мира, и всѣ вмѣстѣ выступили въ синодальную церковь, и соборнѣ съ преосвященнымъ Іосифомъ, съ чередными архимандритами Анатоліемъ и Теофиломъ и двумя александровскими іеромонахами, принесли Господу Богу благодарственное моленіе, съ провозглашеніемъ многолѣтія государю императору и всему царствующему дому, св. синоду, православнымъ вселенскимъ патріархамъ, въ присутствіи оберъ-прокурора св. синода и старшихъ чиновниковъ духовнаго вѣдомства. 5) Въ заключеніе преосвященный Іосифъ принялъ въ св. алтарѣ присягу по установленной формѣ».

Присяга происходила такъ: Іосифъ въ мантии сталъ у престола; московскій митрополитъ разогнулъ ему евангеліе и положилъ на него крестъ; тогда Іосифъ самъ началъ читать присяжный листъ; по прочтеніи присяги, Іосифъ подписался подъ присяжнымъ листомъ.

Такъ совершилось торжество возсоединенія униатовъ. Событіе это радовало всѣхъ, хотя не скроемъ, были и такіе, даже между православными архіереями, которые не стѣснялись выражать свое презрѣніе къ Іосифу, называли его Іудою предателемъ, какъ, напримѣръ, полтавскій епископъ Гедеонъ; но всѣхъ болѣе радовался покойный государь. По этому случаю онъ награждалъ членовъ синода, Протасова и другихъ лицъ, болѣе или менѣе принимавшихъ участіе въ унитскомъ дѣлѣ. Митрополитъ Серафимъ получилъ посохъ, осыпанный брилліантами, цѣною въ 28,000 руб. сер.; митрополитъ кievскій — орденъ Андрея, московскій — Владиміра 1-й степени, Іона митрополитъ — брилліантовые знаки на Александра Невскаго, архіепископы казанскій и псковскій, а также духовникъ Музовскій Владиміра 2-й степени, Кутневичъ Владиміра 3-й степени, Протасовъ Анны 1-й

степени, Іосифу, кромѣ возведенія его въ санъ архіепископа и въ должность предсѣдателя бѣлорусско-литовской духовной коллегіи, пожалована была пожизненная пенсія въ 6000 руб. асс. въ годъ ¹⁾).

Въ Ѳомино воскресенье члены синода, и въ числѣ ихъ Іосифъ, которому съ тѣхъ поръ приказано было государемъ являться на всѣ духовныя церемоніи вмѣстѣ съ православными архіереями во дворецъ и представляться государю, явились въ Зимній дворецъ въ 12 часовъ. По окончаніи литургіи, которую служилъ Музовскій въ присутствіи царской фамиліи, синодъ вышелъ изъ придворнаго алтара, предшествуемый своимъ президентомъ, митрополитомъ Серафимомъ. У митрополита была въ рукахъ икона Спасителя; это одно уже говорило, что члены синода собрались принести своему государю не одно поздравленіе съ праздникомъ Пасхи, но нѣчто иное.

Дѣйствительно, Серафимъ, поднося икону къ Государю, обратился къ нему съ такою рѣчью: «Удостойте, благочестивѣйшій Государь, принять сей подносимый мною Вашему Величеству отъ всего сословія св. синода Образъ Христа Спасителя, яко нѣкій священный памятникъ того великаго и въ церковныхъ лѣтописяхъ безпримѣрнаго событія, каковое нынѣ въ благословенное царствованіе ваше совершилось, событіе возвращенія въ нѣдра православныя церкви чадъ ея, нашихъ же единоплеменныхъ братій, насиліемъ въ прошедшія несчастныя для нихъ и для насъ времена изъ матернихъ ея объятій исторженныхъ. Поелику же событіе сего ихъ возвращенія къ ней совершилось безъ всякаго принужденія, а было со стороны ихъ добровольное, искренное и усердное; то посему оно для церкви Христовой есть истинно весьма радостно, для отечества вождедѣнно, а для нихъ самихъ, для спокойствія совѣсти ихъ, что они по особенной благодати Божіей паки содѣлались нынѣ православно вѣрующими, должно быть особливо утѣшительно и спасительно. Слава событія сего по истинѣ весьма чуднаго принадлежитъ Господу Богу, ибо Онъ *единъ есть творяй чудеса*; но смѣемъ сказать, что по Немъ она принадлежитъ и Тебѣ, помазанникъ Его; ибо Онъ за живую вѣру Твою въ Него и за Твое благочестіе избралъ Тебя въ орудіе сего истиннаго великаго дѣла Своего. Да возрадуется убо днесь душа Твоя о Господѣ Вozѣ; мы же сорадуясь Тебѣ, молимъ и никогда молить Его со всею святою церковію не перестанемъ, да сохранить Онъ Тебя, яко зеницу ока, для блага ея и для блага Россіи, толико Тобою любимыя и то-

¹⁾ Тамъ же, марта 26-е.

любю Тебя, яко истиннаго отца своего, всею душою и всѣмъ сердцемъ своимъ любящія.» ¹⁾ Государь, помолясь иконѣ, поцѣловалъ ее, потомъ взялъ ее въ руки и сказалъ: «Я очень радъ столь важному для православія событію.»

Такъ совершилось формальное воссоединеніе уніатовъ съ православною церковію. Посмотримъ теперь, какъ оно приведено было въ исполненіе въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ главнымъ образомъ было пребываніе и мѣсто уніи; какъ оно совершилось среди унітскаго народа.

Преосвященные Василиій и Антоній получили извѣщеніе формальное о совершившемся воссоединеніи: 1) чрезъ синодальную грамоту, 2) чрезъ синодальный указъ.

Синодальная грамота была такого содержанія:

«Божіею милостію

Святѣйшій правительствующій всероссійскій синодъ.

«Боголюбезнѣйшимъ епископамъ: литовскому Іосифу, оршанскому Василию и брестскому Антонію, со священствомъ и духовными паствами.

«Благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца и Господа Іисуса Христа и Святаго Духа.

«Благословенъ Богъ, положившій въ сердца ваши правыя, блага и спасительныя помышленія мира, и чрезъ то даровавшій вамъ утѣшеніе простирать къ вамъ словеса мира и любви.

«По истинѣ, сколь прежде болѣзненно было, что отъ вѣковъ соединенные съ нами единствомъ рода, отечества, языка, вѣры, богослуженія, священноначалія, горестнымъ отторженіемъ подверглись многимъ затрудненіямъ и бѣдствіямъ и опасности совершеннаго духовнаго отчужденія: столь нынѣ возжелѣнно скрѣпленіе вновь древняго прерваннаго союза и возстановленіе совершеннаго единства.

«Надежду сего возжелѣннаго событія мы полагали преимущественно въ томъ, что въ церквахъ вашихъ, по благодати Божіей, сохранился восточный священный чинъ богослуженія, пронынутый духомъ православныхъ догматовъ и преданій. По ибѣ какъ вы, державнымъ покровительствомъ благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича, бывъ освобождены отъ посторонней зависимости, усугубляли ревность вашу о возстановленіи сего священнаго чина въ его древней чистотѣ, чваніе наше возрастало, и наконецъ, боголюбезные братія, вы совершенно исполняете оное, обратясь къ древнему и истинному священному единству съ такимъ многочисленнымъ священства

¹⁾ См. журналъ Прохора, г. 1839-й, 1-е апрѣля.

единогласіемъ, которое должно составить достопамятный примѣръ въ церковныхъ лѣтописяхъ.

«Мы вняли вашему общему и торжественному обѣту признанію вновь единство церкви вашей съ православно-каѳолическою восточною церковію, и пребывать отнынѣ, купно со вѣренными вами паствами, въ единомысліи съ святѣйшими восточными православными патріархами и въ послушаніи святѣйшему всероссійскому синоду: и приѣмля отъ васъ обѣтъ сей предъ лицемъ Господа, по благодати, дару и власти, данной намъ отъ великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и отъ Святаго и всесовершеннаго Духа, послѣдуя священнымъ правиламъ и примѣрамъ святыхъ отецъ, приѣмлемъ васъ и сущее съ вами священство и духовныя паствы въ полное и совершенное общеніе святыя православно-каѳолическія восточныя церкви и въ нераздѣльный составъ церкви всероссійскія, вознося молитву вѣры и любви къ великому Архіерею, прошедшему небеса, Верховному Святителю исповѣданія нашего Іисусу Христу, да утверждаетъ васъ вышнему изреченному вами исповѣданію, и да благоуправляетъ дѣло служенія вашего къ совершенію святыхъ. Въ управленіи вѣренными вами паствами, какъ и вѣдаете, подобаетъ вамъ послѣдовать слову Божію, правиламъ святыхъ апостоловъ, святыхъ соборовъ седми вселенскихъ и помѣстныхъ и святыхъ отецъ, а также и государственнымъ постановленіямъ. Такъ утверждайте, боголюбивые братія, вѣренныя вамъ паствы въ единомысліи вѣры. Къ разнообразію же нѣкоторыхъ мѣстныхъ обычаевъ, не касающихся догматовъ и таинствъ, мы положили являть апостольское снисхожденіе, и къ древнему единообразію возвращать оныя посредствомъ свободнаго убѣжденія съ кротостію и долготерпѣніемъ».

Указомъ синодскимъ извѣщались преосвященные Василиій и Антоній не только о совершившемся воссоединеніи уніатской церкви съ православною, но и о подчиненіи бѣлорусской литовской духовной коллегіи синоду. Но при разсылкѣ какъ преосвященнымъ воссоединеннымъ, такъ и древле православнымъ, этого указа, дано было Протасовымъ секретное предписаніе, не оглашать этого указа впредъ до особаго повелѣнія, а только давать прочитывать его, съ подпискою въ прочтеніи, всѣмъ членамъ консисторіи, начальствующимъ лицамъ семинаріи, благочиннымъ и вообще только благонадежнымъ священникамъ, приѣзжающимъ въ каѳедральный городъ, по мѣрѣ признаваемой къ тому возможности. Благочиннымъ разосланы были экземпляры этого указа съ тѣмъ, чтобы они также давали прочитывать его благонадежнымъ духовнымъ въ своемъ благочиніи. Съ тѣми же предосто-

разностями разосланы были экземпляры этого указа генераль-губернаторамъ и губернаторамъ западныхъ губерній. При этомъ Протасовъ обращался къ нимъ еще съ такого рода просьбою, чтобы они сдѣлали распоряженіе по ввѣреннымъ имъ губерніямъ о томъ, чтобы мѣстныя гражданскія начальства, предоставляя собственному усмотрѣнію приходскаго возсоединеннаго духовенства все касающееся богослуженія, хотя бы оное и не во всемъ согласно было съ богослуженіемъ православнымъ, ограничивались однимъ лишь тѣмъ этому духовенству содѣйствіемъ, въ которомъ оно само станетъ нуждаться; и чтобы генераль-губернаторы извѣщали его о всемъ, что будетъ происходить по этому случаю во ввѣренной имъ мѣстности.

Въ литовской возсоединенной епархіи дѣло объявленія указа происходило совершенно по программѣ, начертанной правительствомъ. Преосвященный Антоній вызывалъ въ Жировицы благочинныхъ, настоятелей монастырей, и объявлялъ имъ указъ о возсоединеніи. Поводомъ къ вызову духовныхъ въ Жировицы служило то обстоятельство, что въ то время правительствомъ назначено было вспомоществованіе бѣднѣйшимъ духовнымъ изъ возсоединенныхъ; раздача этой суммы должна быть произведена чрезъ благочинныхъ, которые будто бы за полученіемъ ея и являлись въ каѳедру, гдѣ они и прочитывали указъ о возсоединеніи и дѣйствительно получали и вспомогательную сумму на бѣднѣйшіе причты своего благочинія, и гдѣ, кромѣ того, получали извѣщеніе, что скоро все возсоединенное духовенство будетъ получать отъ правительства постоянное денежное пособіе. Последнее обстоятельство производило самое благопріятное дѣйствіе на возсоединенныхъ и парализовало всякую оппозицію. Долгоруковъ и Антоній писали Протасову, что въ Жировицахъ вмѣсто папы поминается уже св. синодъ и символъ вѣры поется, какъ въ православныхъ церквахъ, и эти перемѣны не производятъ надъ прихожанами никакого дѣйствія: народъ по прежнему собирается на молитву въ храмы Божіи. Одинъ только іеромонахъ Яковъ Шахновскій, бывшій учителемъ въ мелицкомъ училищѣ Волынской губерніи и вытребованный въ Жировицы вслѣдствіе замѣченной въ немъ неблагонамѣренности, отказался отъ дальнѣйшаго участія въ богослуженіи ¹⁾. Но Шахновскаго тотчасъ за это выслали въ Курскъ, и поступокъ его не имѣлъ никакого вліянія на другихъ.

Въ бѣлорусской епархіи допущено было отступленіе отъ правительственной программы въ способѣ объявленія указа о совер-

¹⁾ Вышеприведенное дѣло подъ № 48-мъ.

шившемся воссоединеніи. Въ недѣлю мироносицъ пр. Василій служилъ по окончаніи литургіи благодарственный молебенъ; но предъ начатіемъ этого молебна секретаремъ консисторіи прочитанъ поминутый указъ о воссоединеніи и о подчиненіи бывшей унитской коллегии св. синоду. На благодарственномъ молебнѣ уже воспоминаемъ былъ св. синодъ вмѣсто папы. Все это, по свидѣтельству пр. Василія и Скрипицына, не произвело ни малѣйшаго безпокойства или удивленія въ молившихся въ полоцкомъ соборѣ; городъ былъ также спокоенъ; только полоцкій уѣздный предводитель произнесъ такую фразу предъ Скрипицынымъ: «стало быть все кончено, и мы всѣ давно этого ждали» ¹⁾. Но въ Петербургѣ этимъ были встревожены и опасались дурныхъ послѣдствій; Протасовъ послалъ Скрипицыну строгій выговоръ, сваливая вину этого поступка главнымъ образомъ на него. «Получивъ рапортъ вашъ отъ 11-го апрѣля, писалъ Протасовъ, считаю нужнымъ изъяснить, что торжественное чтеніе чрезъ секретаря въ кафедральной церкви указа, котораго даже печатаніе въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ» отложено до времени, и молебствіе суть такіа событія, которыми нарушена постепенность предначертанныхъ высшею властію мѣръ, вамъ извѣстныхъ и изъ моихъ словесныхъ наставленій и изъ тѣхъ бумагъ, кои даны были здѣсь мною вамъ къ прочтенію и собственному вашему свѣдѣнію и о коихъ сказано было, что первый указъ публикуется обыкновеннымъ образомъ; а чтеніе въ церкви и молебствіе необыкновеннымъ при публикаціи сенатскихъ указовъ. Тогда какъ, по предположенному выше плану надлежало совершить воссоединеніе образомъ незамѣтнымъ, съ вѣдома одного только духовенства и гражданскихъ властей, безъ оглашенія публичнаго, и слѣдственно безъ всякаго впечатлѣнія на народъ,—вы, допустивъ прочтеніе указа въ церкви и торжественное преждевременное молебствіе, подали всѣмъ свидѣтелямъ того явный поводъ официально знать то, что каждый изъ воссоединяемаго духовенства долженъ былъ знать про себя, къ своему собственному удовольствію и въ потребныхъ случаяхъ соображенію. Такимъ образомъ уничтожается въ публикѣ и народѣ та неопредѣленность понятія о правительственныхъ мѣрахъ, которая именно почтена была необходимою на извѣстное время, ибо народъ еще не вездѣ приготовленъ къ православію, и еще могутъ неблагонамѣренные люди мутить спокойствіе его совѣсти внушеніями, будто духовенство измѣняетъ вѣрѣ отцевъ. Ежели въ главномъ

¹⁾ Въ канц. Об. Пр. дѣло подъ № 19-мъ, донесенія состоящаго за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ св. синодѣ камергера Скрипицына.

протѣ епархіи при чтеніи указа и воспоминаніи новой духовной власти не послѣдовало безпорядковъ, въ чемъ и сомнѣваться нельзя было, ибо тутъ неблагонамѣренные конечно не могли бы рѣшиться на какой-нибудь дерзкій поступокъ въ виду всѣхъ властей: то сіе еще не доказываетъ, чтобы вслѣдствіе столь преждевременнаго дѣйствія не приключилось нарушенія спокойствія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ вы не можете присутствовать. Сообщаю единственно къ свѣдѣнію вашему, что въ минувшемъ посту прихожане нѣсколькихъ селеній въ Овручскомъ уѣздѣ не оказали ни малѣйшаго сопротивления при преобразованіи церквей, и между тѣмъ нѣкто изъ нихъ не пошелъ къ исповѣди: такое предубѣжденіе противъ того, что они почитаютъ измѣненіемъ вѣры, стоить самого безпорядка и явно обличаетъ несвоевременность распоряженія о преобразованіи, кому ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало-бы быть во время поста.

«Остаюсь въ недоумѣніи, какъ вы могли думать, что столь важное обстоятельство, каково публичное возвышеніе прекращенія уніи, я предоставилъ бы вамъ безъ особенной на сей случай инструкціи. Что касается мнѣнія преосвященнаго Василя о необходимости публично прочесть указъ и проч., то вамъ надлежало бы помнить свою обязанность не только поддерживать его въ случаѣ, когда бы онъ терялъ бодрость духа, но, и еще болѣе, воздерживать его отъ всякаго поспѣшнаго стремленія.

«Онъ самъ писалъ ко мнѣ по сему вопросу, который представлялъ на мое рѣшеніе; почему же вы не присовѣтовали ему подождать отвѣта? Мудрено предполагать тутъ мысль преосвященнаго, а не вашу собственную. Но какъ важная ошибка уже сдѣлана, и въ Полоцкѣ и въ окрестностяхъ его нигдѣ уже никто не считается въ неизвѣстности не только на счетъ подчиненія коллегіи (что еще можно бы было допустить въ народномъ понятіи и безъ принятія ими православія), но даже и на счетъ самаго принятія ими православія, и затѣмъ нѣтъ возможности вполне возвратиться къ предначертанному высшею властію порядку; то предписываю вамъ къ непремѣнному исполненію слѣдующее:

«1. Сообщить преосвященному Василю, чтобы оставить дѣло воссоединенія въ томъ положеніи, какъ оно есть, не дѣлая ни шагу впередъ и дожидаясь синодскаго указа, а при немъ и моихъ особенныхъ по сему случаю отношеній о способѣ публикованія онаго.

«2. Не простираетъ никакихъ требованій къ измѣненію настоящаго образа богослуженія, а вездѣ лично, а не письменно строго наблюдать, чтобы не были измѣняемы никакіе вкоренившіеся

временемъ такъ-называемые уніатскіе обряды, молитвословія и другіе обычаи, потому что разница въ сихъ обрядахъ и обычаяхъ не составляетъ никакой разницы въ вѣрѣ.

«3. Строго наблюдать за дѣйствіями православныхъ духовныхъ лицъ, чтобы они не смущали бывшихъ уніатовъ неумѣстными замѣчаніями касательно несходства обычаевъ и надобности измѣнить ихъ, и о таковыхъ дѣйствіяхъ, буде случатся, доносить мнѣ немедленно.

«4. Не подвергать безъ особаго разрѣшенія взысканію священниковъ, кои не подражали бы кафедрѣ въ повиновеніи, но внушить вообще благонадежнымъ священникамъ, чтобы до времени дѣйствовали смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ.

«5. Поелику вы изъясняете, что къ публичному извѣщенію указа и проч. вы приступили по зрѣломъ совѣщаніи, то донести мнѣ, изъ чего именно состояло это совѣщаніе, и кто какого мнѣнія держался, и также по собственному ли вашему убѣжденію одобрили вы помянутую мѣру вопреки даннымъ вамъ наставленіямъ.

«6. Доносить мнѣ какъ можно чаще и подробнѣе прежняго о всемъ происходящемъ по дѣлу возсоединенія, и о томъ, въ какихъ именно городахъ и мѣстахъ сдѣлалось извѣстнымъ публичное воспоминаніе въ Полоцкѣ св. синода, и гдѣ именно оно нашло подражателей, какое производитъ впечатлѣніе на умы и проч.

«7. Внутри церкви никакихъ публикацій впредь не допускать ни теперь, ни послѣ втораго указа.

«8. Молебствій никакихъ не дѣлать безъ разрѣшенія отсюда ¹⁾».

Скрипицынъ конечно оправдывался, какъ могъ въ поступкѣ, совершенномъ Василиемъ; объяснялъ его своимъ искреннимъ усердіемъ и желаніемъ воспользоваться благопріятными мѣстными обстоятельствами къ успѣшнѣйшему достиженію благой цѣли; твердою увѣренностію въ благопріятномъ исходѣ этого дѣла, бесполезностію далѣе скрывать его, такъ какъ о немъ знали уже польскіе помѣщики прежде нежели полученъ былъ указъ въ Полоцкѣ ²⁾).

Изъ Литвы и Бѣлоруссіи получались самыя благопріятныя извѣстія: нѣкоторые священники сами, по собственному движенію, пропускали въ служеніи имя папы и вмѣсто его упоминали св. синодъ. Но правительство, несмотря на всѣ эти благо-

¹⁾ Вышеприведенное дѣло подъ № 19.

²⁾ Тамъ же.

притѣ признаки, дѣйствовало крайне осторожно; формальное ~~тѣмъ~~ или объявленіе указа о совершившемся воссоединеніи было все-таки еще дѣломъ тайны, доступной только для нѣкоторыхъ избранныхъ.

Но наконецъ нужно же было показать массѣ унитскаго народа въ самыхъ центрахъ ея пребыванія чѣмъ-нибудь болѣе виднымъ, болѣе яснымъ и формальнымъ, чѣмъ всѣ доселѣ происходившія дѣйствія, что воссоединеніе ея съ православною церковію совершилось. И вотъ, положено было воспользоваться случаемъ отправленія кievскаго митрополита Филарета изъ Петербурга въ Кіевъ, чтобы торжественнымъ образомъ извѣстить бывшій унитскій народъ о совершившемся воссоединеніи; для этой цѣли митрополитъ долженъ былъ ѣхать въ Кіевъ чрезъ Витебскъ, гдѣ назначено было торжественное служеніе. Напередъ извѣщены были о прибытіи митрополита въ Витебскъ Скрипицынъ, епископы Исидоръ и Василій, а также и мѣстныя гражданскія власти. Пріемъ митрополиту приготовленъ былъ самый торжественный; Скрипицынъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу за 40 верстъ отъ Витебска; оба епископа напередъ прибыли въ Витебскъ и ожидали его пріѣзда; когда пріѣхалъ митрополитъ въ Витебскъ, то при звонѣ колоколовъ встрѣченъ былъ въ соборѣ обоими епископами, духовенствомъ древле православнымъ и воссоединеннымъ, также генералъ-губернаторомъ и другими гражданскими чиновниками въ полной формѣ. На другой день, который былъ Троицынъ-день, митрополитъ прибылъ изъ Маркова монастыря, гдѣ назначено ему было пребываніе, въ витебскій успенскій соборъ и вмѣстѣ съ двумя епископами Исидоромъ и Васи́ліемъ, также 8-ю священниками, изъ которыхъ 4 были древле православные, а 4 воссоединенные, служилъ литургію, на которой возложилъ камилавку на воссоединеннаго протоіерея Голембіовскаго и скуфью на священника, также воссоединеннаго, Валюшевича.

Послѣ литургіи отслужена была положенная въ тотъ день по уставу вечерня. По окончаніи вечерни соборный протоіерей прочелъ синодальный указъ о воссоединеніи, съ нѣкоторыми выпусками. Въ это время митрополитъ громогласно провозгласилъ: «Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ!» И пѣвчіе отъѣчали: «Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человецѣхъ благоволеніе!» Наконецъ, провозглашено было многолѣтіе государю императору и всему царствующему дому, также синоду и восточнымъ патріархамъ. Результатъ этого служенія превзошелъ ожиданіе православныхъ и воссоединенныхъ: народъ толпился около митрополита, чтобы получить его благословеніе.

Въ дворянскомъ домѣ, куда приглашенъ былъ митрополитъ

предводителемъ дворянства, ему представлялись всѣ чиновники безъ различія вѣроисповѣданій; городское общество поднесло хлѣбъ-соль и просило митрополита служить на другой день воссоединенной унитской церкви Петра и Павла. Митрополитъ встрѣченъ былъ въ этой церкви почетными гражданами со свѣчами въ рукахъ; послѣ литургіи былъ молебенъ, на который являлись священники православные и воссоединенные не только городскіе, но многіе и изъ деревень. Само собою разумѣется, что какъ на литургіи, такъ и на молебнѣ поминался св. синодъ. Народъ съ какимъ-то одушевленіемъ стремился къ митрополиту, но это воодушевленіе достигло крайнихъ предѣловъ, когда митрополитъ благословилъ городское витебское общество иконю Спасителя: всякій изъ членовъ общества хотѣлъ владѣть этою иконою, и дѣло дошло даже до серьезнаго спора. Радость митрополита и всѣхъ друзей православія была самая живая, а Вислія—неописанная.

Государь былъ въ восторгѣ отъ этихъ извѣстій и на докладахъ Протасова о всемъ этомъ писалъ: «Слава Богу! Утѣшительное читать!» Хотя указъ о воссоединеніи не былъ читанъ, по приказанію Протасова, въ приходскихъ воссоединенныхъ церквяхъ, но теперь, послѣ митрополитскаго служенія въ Витебскѣ, всѣмъ уже стало извѣстно, что унія перестала существовать, а потому приходскіе воссоединенные священники теперь сами перестали поминать въ богослуженіи папу. Теперь уже получены были благочинными и экземпляры синодскаго указа о воссоединеніи и показывались священникамъ.

Богослуженіе кіевскаго митрополита въ Витебскѣ было 14-го и 15-го мая, а въ первыхъ числахъ іюня Іосифъ служилъ въ Полоцкѣ и въ Минскѣ совмѣстно съ православными нашими архіереями Исидоромъ и Никаноромъ. Протасовъ заблаговременно извѣстилъ объ имѣющемъ быть служеніи Іосифа въ упомянутыхъ городахъ Скрипицына и двухъ древле православныхъ архіереевъ. Скрипицынъ долженъ былъ сопровождать Іосифа во всѣхъ его поѣздкахъ и присутствовать при его служеніяхъ. По описанію Скрипицына, это торжество происходило такъ: 4-го іюня, архіепископъ вмѣстѣ съ епископами Исидоромъ и Василиемъ, также съ многочисленнымъ духовенствомъ обѣихъ епархій совершилъ литургію въ древле православномъ кафедральномъ соборѣ. Стеченіе народа для уѣзднаго города было необыкновенное: впереди стояли кадеты, за ними семинаристы; по правую сторону дворянское училище, на хорахъ уѣздныя училища обѣихъ епархій, а все прочее пространство огромнаго собора наполнено было разными сословіями городскихъ и сельскихъ жи-

тѣхъ, всего до 1,500 человекъ. На одномъ клиросѣ были пѣвчіе пр. Исидора, на другомъ пр. Василия. Дискось на великомъ мѣстѣ принималъ Іосифъ, а потомъ Исидоръ; по окончаніи литургіи отправленъ былъ благодарственный молебенъ, за который провозглашено многолѣтіе государю императору, царствующему дому, св. синоду и патріархамъ. Къ молебну облачился и все прибывшее по разнымъ причинамъ изъ епархіи духовенство, всего до 34-хъ священниковъ. Когда архіепископъ разоблачился, то Скрипицынъ поспѣшилъ принять его благословеніе; примѣру Скрипицына послѣдовали многіе изъ бывшихъ въ церкви, что придадо выходу его изъ храма полную торжественность.

Въ домѣ, гдѣ остановился Іосифъ, ему представилась депутація отъ полоцкаго городского общества, состоявшая изъ городского головы и почетнѣйшихъ гражданъ, частію древле православныхъ, частію воссоединенныхъ, и принесла ему благодарность за доставленную имъ радость его торжественнымъ служеніемъ. Торжество заключилось обѣдомъ у пр. Исидора, гдѣ были Іосифъ и Василій, первый былъ въ рясахъ и влобухѣ.

«Все это, пишетъ Скрипицынъ, дало пищу разговорамъ о великолѣпномъ, необыкновенномъ здѣсь богослуженіи, о походкѣ, манерахъ, голосѣ служащихъ и проч., о важнѣйшемъ же, т.е. о сомнѣнномъ служеніи почти и рѣчи не было и нѣтъ, потому что, почитая это дѣло конченнымъ, находятъ и событіе правильнымъ, и всякое сужденіе о немъ несвоевременнымъ. Во все время доброе согласіе между главнѣйшими дѣйствующими лицами не нарушалось; но самая строгая справедливость побуждаетъ меня по совѣсти свидѣтельствовать предъ вашимъ сіятельствомъ о искреннемъ радушіи, съ которымъ древле православное духовенство приняло въ семь случаевъ новыхъ собратій своихъ, и о прихвальной уступчивости, съ которою каждый изъ нихъ готовъ былъ пожертвовать и правами старшинства по службѣ и занимаемаго мѣста для того только, чтобы не оскорбить самолюбіе новыхъ товарищей, къ чему неоспоримо расположили ихъ наставленія и примѣръ епископа».

Для полноты картины считаемъ нужнымъ упомянуть объ одномъ обстоятельстве, имѣвшемъ нѣкоторое отношеніе къ служенію Іосифа въ полоцкомъ православномъ соборѣ. «Наканунѣ служенія, говоритъ тотъ же Скрипицынъ, нѣкоторые малодушные гражданскія лица, вѣроятно тайно движимыя неблагонастроенными, вздумали остерегать меня вслѣдствіе слуховъ на счетъ личной моей безопасности, и сообщили даже о томъ военному уѣздному начальству, которое я просилъ не давать ника-

кого этому хода, а самъ обратилъ это въ шутку, выслушавъ какъ бы забавную сказку, принимая въ соображеніе, что преслѣдованіе гласнаго толка дастъ ему видъ правдоподобія; а еслибы тутъ и скрывалась искра истины, то въ дѣлѣ государственномъ одно лицо не заслуживаетъ вниманія. Послѣдствія доказали, что это, вѣроятно, былъ послѣдній опытъ, которому хотѣли меня подвергнуть. Доношу же о семъ единственно изъ опасенія, чтобы какіе-либо ложные о семъ слухи не дошли до вашего сіятельства, всепокорнѣйше прося благоволить не обращать на то ни малѣйшаго вниманія, какъ на вздоръ, который кончился, какъ былъ принятъ — шуткою ¹⁾).

Въ Минскѣ по мѣстнымъ обстоятельствамъ можно было опасаться не махинацій польскихъ, не злоухищреній всендзовъ, а умышленнаго равнодушія къ торжественному служенію Іосифа — здѣсь нужно было заботиться о возбужденіи вниманія и любопытства. Скрипицынъ съ свойственною ему энергіею привелъ въ движеніе всѣ средства для достиженія этой цѣли; по его распоряженію, Іосифъ ѣхалъ въ каретѣ, запряженной 6-ю лошадьми, съ двумя конными жандармами впереди и въ сопровожденіи полиціймейстера; предъ минскимъ соборомъ стоялъ церковный парадъ. Іосифъ и Никаноръ взошли въ соборъ оба вмѣстѣ, въ мантияхъ, и вмѣстѣ облачались на амвонѣ; по распоряженію Никанора царскія врата не затворялись во время всей литургіи, чтобы всякій, даже иновѣрецъ, могъ видѣть совершенное единеніе; даже и во время причащенія св. тайнъ царскія двери были открыты какъ въ Пасху.

По окончаніи литургіи былъ по обычаю благодарственный молебенъ, на которомъ было 24 священника, провозглашено многолѣтіе государю и всему царствующему дому, синоду и вселенскимъ патріархамъ.

Впечатлѣніе, произведенное служеніями въ Витебскѣ, Полоцкѣ и Минскѣ было огромное: оно пересилило всѣ тѣ впечатлѣнія, которыя получалъ народъ отъ римскихъ процессій и церемоній, бывавшихъ въ этихъ мѣстностяхъ, и располагало умы народа въ пользу православія; а главное, теперь народъ унитскій до очевидной ясности увѣрился, что унія кончилась и воссоединеніе съ православною церковію совершилось. «На возвратномъ пути изъ Жировицъ какъ дорогою, такъ и въ Минскѣ, писалъ Скрипицынъ Протасову, я старался узнавать, какое впечатлѣніе и какіе толки произвело служеніе двухъ архіепископовъ, и оказалось, что простой народъ совершенно покоенъ,

¹⁾ Вышеприведенное дѣло подъ № 19-мъ.

а духовенство (латинское) и помѣщики убѣдились, что дѣло совершенно кончено, и уніи болѣе нѣтъ. Между послѣдними распространилась благодѣтельная мысль, что теперь всякое сужденіе объ этомъ будетъ уже принято правительствомъ, какъ открытое дѣйствіе противъ высочайшей воли, что всѣхъ ихъ удерживаетъ въ границахъ совершеннаго благоразумія¹⁾).

Пребываніе Іосифа и служеніе его въ Жировицахъ привело его къ мысли, что теперь уже настало время официальнымъ образомъ сообщить свѣдѣніе о совершившемся воссоединеніи уніатовъ, такъ что онъ, прежде главный поборникъ идеи непубликованія указа объ окончаніи уніи, теперь сталъ доказывать Протасову, что какъ можно скорѣе нужно опубликовать во всеобщее свѣдѣніе указъ о воссоединеніи. «Таковая гласность необходима, писалъ онъ Протасову, какъ для дѣйствія духовнаго воссоединеннаго начальства, такъ и для сношеній онаго съ другими вѣдомствами». Потомъ въ другомъ письмѣ къ Протасову онъ мотивируетъ свою мысль такъ: «вотъ я еще пробылъ недѣлю въ Жировицахъ, и все по прежнему благополучно. Въ субботу была здѣсь ярмарка, и по сему случаю довольно значительное стеченіе народа. Все было совершенно тихо, хотя полиція почти никакой не было. Народъ молился по обыкновенію усердно, несмотря, что вмѣсто папы номинируется св. синодъ; что слово: «и Сына» пропускается; что епископъ Антоній, Тунальскій, одинъ благочинный и полоцкій діаконъ съ бородами; что я нарочно присутствовалъ при богослуженіи въ рясѣ и клобуцѣ. Однихъ бывшихъ въ сей день у исповѣди и св. причастія было 600 человекъ. Вчера мы торжествовали день царя нашего отца; я служилъ съ многочисленнымъ духовенствомъ, а къ молебну вышелъ и преосвященный Антоній. Благочинные и духовенство привезли мнѣ въ Жировицы совершенно удовлетворительныя извѣстія.... Я желалъ бы сдѣлать ваше сіятельство совершенно спокойнымъ на счетъ дальнѣйшаго хода дѣла. Я не предвижу ничего важнаго; а на мелочи и не слѣдуетъ обращать вниманія; все, дастъ Богъ, уладится безъ большихъ неудобствъ и шума. Еще разъ прошу ваше сіятельство о скорѣйшемъ публикованіи указа о воссоединеніи уніатовъ къ православной церкви; это, кажется, необходимо. Къ нашему духовенству по многимъ мѣстамъ обращаются уже римляне о принятіи ихъ на лоно православія, или къ вѣнчанію, а между тѣмъ мы еще не можемъ воспользоваться откровенно правами господствующей церкви. При публикаціи покорнѣйше прошу прислать для литовской

¹⁾ Вышеприведенное дѣло подъ № 19-м.

епархіи около 50-ти печатныхъ экземпляровъ, для храненія одному у каждаго благочиннаго и настоятеля монастыря, да указъ сей могъ быть объявляемъ безъ затрудненія тѣмъ, изъ нѣшнихъ сомнительныхъ еще духовныхъ, кои впоследствии являютъ желаніе присоединиться къ православію ¹⁾).

Торжественныя служенія воссоединенныхъ архіереевъ съ древле-православнымъ духовенствомъ шли своимъ чередомъ: кро-тройственного служенія въ Жировицахъ, по случаю нареченія Любовича въ санъ епископа пинскаго, гдѣ съ Іосифомъ участвовали Исидоръ и Антоній, 8-го сентября было торжественное служеніе въ самой Вильнѣ, по случаю посвященія того же Любавича въ епископы. Здѣсь уже сами римляне были свидѣтелями торжества православія.

Обильный такими важными для Россіи событіями 1839-го года близился къ концу, всѣ предначертанія Государя касательно уніатовъ исполнились успѣшно, всѣ опасенія разсѣялись, теперь уже таинственность была неумѣстна, и даже необходимо было формально, торжественно, во всеуслышаніе всей Европы провозгласить, что уніи нѣтъ въ русскихъ владѣніяхъ, она не можетъ быть въ православной Россіи.

Мало-по-малу стали исходить изъ мрака эти объявленія въ первыхъ числахъ октября было обнародовано о совершившемся воссоединеніи уніатовъ съ православною церковію; потомъ закрытъ былъ секретный комитетъ по унитскимъ дѣламъ ²⁾, наконецъ выбита была медаль на воссоединеніе уніатовъ, изображающая І. Христа на одной сторонѣ, съ такою надписью: «таковъ подобаше намъ архіерей», т.-е.: не папа есть глава церкви, а І. Христосъ, а въ то же время намекала надпись и на то, что архіерей долженъ быть съ бородою, съ длинными волосами, по подражанію пастыреначальнику І. Христу, а не бритый, какъ латинскій папа и латинскіе архіереи. На другой сторонѣ медали надпись: «отторженные насиліемъ воссоединены любовію», — резюмировала всю прошедшую исторію унитской церкви и весь процессъ возвращенія ея въ лоно-православія. А по мысли кievскаго генераль-губернатора Библикова, утверждено было какъ для древле-православныхъ, такъ и воссоединенныхъ, одно общее названіе «православныхъ», чѣмъ давалось разумѣть, что всякое различіе между православными и бывшими унитами теперь уничтожено, и что духовенство воссоединенное и семей-

¹⁾ Вышеприведенное дѣло подъ № 48-мъ.

²⁾ Всеподданнѣйшіе доклады Об.-Пр. св. синода за 1839-й годъ №№ 222, 223.

сти и пользуются тѣми же правами, какими вообще пользуются православное духовенство.

Въ началѣ 1840 года произошло окончательное устройство воссоединенныхъ епархій въ іерархическомъ отношеніи и совершенное сглаженіе слѣдовъ бывшей уніи—правительство разграничило предѣлы воссоединенныхъ епархій, т.-е.: перенесло церкви бѣлорусской епархіи, состоящія въ Минской губерніи, въ минскую епархію, а церкви полоцкой епархіи, состоящія въ Виленской губерніи, причислило къ епархіи литовской, а церкви бывшія унитскія, состоящія въ епархіяхъ кіевской, подольской, волынской, могилевской, передало вѣдѣнію православныхъ архіереевъ этихъ епархій. При этомъ распредѣленіи Іосифу и его преемникамъ назначено имѣть кафедру въ Вильнѣ и именоваться литовскимъ и виленскимъ и священно-архимандритомъ Свято - Троицкаго виленскаго монастыря. Епархія литовская въ то же время поставлена была во 2-мъ классѣ и въ порядкѣ епархій должна занимать мѣсто прямо послѣ херсонской. Реформа коснулась и бѣлорусской епархіи: Василю велѣно было именоваться полоцкимъ и витебскимъ¹⁾.

Такъ какъ унитскіе духовные, будучи постоянными свидѣтелями обращенія нашихъ древле-православныхъ архіереевъ съ подчиненнымъ имъ духовенствомъ, болѣе всего возмущались мыслью о томъ, что и ихъ участь будетъ зависѣть отъ такихъ грубыхъ и невѣжественныхъ начальниковъ, и между прочимъ многие изъ нихъ единственно по этому не принимали православія; то правительство сдѣлало съ своей стороны все, чѣмъ могли быть уничтожены опасенія воссоединеннаго духовенства: въ Минскъ назначенъ былъ Антоній Зубко на мѣсто Никанора, котораго преимущественно боялось и не любило уніатское духовенство; древле-православнымъ архіереямъ, къ которымъ переходила часть воссоединенной паствы, посланы были секретныя правила касательно образа управленія воссоединенными церквами, гдѣ между прочимъ предписывалось архіереямъ, чтобы они, примѣняясь къ обстоятельствамъ и по уваженію того, что воссоединенное духовенство мало еще ознакомилось съ правилами, принятыми въ порядкѣ управленія древле-православными епархіями, не стѣснялись общими положеніями, и въ исполненіи упущеній и проступковъ употребляли мѣры, сколько возможно, снисходительныя и негласныя²⁾.

¹⁾ Въ канц. Об.-Пр. св. синод. дѣло 1840 года, № 4, о распредѣленіи границъ некоторыхъ изъ западныхъ губерній.

²⁾ Тамъ же.

Нѣтъ нужды распространяться намъ о важности и значеніи факта воссоединенія униатовъ съ православною церковію; для него уже настаетъ исторія, и она-то произнесетъ надъ нимъ свой судъ, называя его событіемъ, имѣющимъ огромную важность не только въ церковномъ, но еще болѣе въ государственномъ отношеніи,—событіемъ, укрѣпляющимъ на вѣчныя времена западный нашъ край за Россіей, дающимъ Россіи въ полутора-милліонной массѣ народа, вмѣсто прежнихъ враговъ Россіи и православія, вмѣсто пособниковъ Польши и сторонниковъ латинства, друзей, вѣрныхъ сыновъ Россіи.

Но мы, еще слишкомъ близкіе свидѣтели этого событія, вполне не можемъ измѣрить и обнять всей обширности значенія его; въ дальнѣйшихъ поволѣніяхъ, въ дальнѣйшихъ судьбахъ Россіи яснѣе, выпуклѣе и полнѣе обозначится громадность этого факта, несмотря на тѣ махинаціи, на тотъ туманъ, которыми окружали повоиннаго Государя польско-латинская интрига и продажность и лукавство русскаго чиновничества, и несмотря на глупость и тупоуміе отечественныхъ администраторовъ.

Впрочемъ, мнѣ кажется, что въ эпоху совершенія этого событія больше сознавалось значеніе его для Россіи противною стороною, чѣмъ самими русскими, безъ сомнѣнія за немногими исключеніями. По крайней мѣрѣ то извѣстно, что польско-латинская партія пришла въ сильное движеніе и, не имѣя возможности открыто противопоставить силѣ силу, боясь полиціи и плачемъ выражая свою злобу¹⁾, она тѣмъ усиленіе начала вести свои подкобы подъ землю, тайно, дома и за границею. Первымъ дѣломъ ея было возбудить общественное мнѣніе въ Европѣ, а преимущественно въ Римѣ. Польскіе мятежники 1830 года, разные бѣглые католическіе попы, монахи всѣхъ римскихъ орденовъ явились изъ нашихъ западныхъ губерній въ Римъ и осадили римскую курію, съ воплями о гоненіяхъ римской вѣры въ Россіи. Папа Григорій XVI (Каппеллари), человекъ самый чувствительный, любившій много ѣсть и почти всегда выходившій изъ-за стола пьянымъ, жившій съ женою своего цырюльника и прижившій съ нею сына, котораго всѣ жители Рима не иначе называли, какъ Grigoriolo—Гриша, огромный ростомъ, съ весьма развитыми мускулами, грубый и любящій самыя вульгарныя удовольствія, былъ современникомъ

¹⁾ Въ канц. Об.-Пр. св. синод. дѣло 1839 года № 19-й. Довесеніе состоящаго за оберъ-прокур. столомъ въ св. синод. епископ. Скрипичкина и въ немъ письмо священника Голубіовскаго къ Скрипичкину, и письмо Скрипичкина къ Протасову.

соединившагося у насъ возсоединенія униатовъ¹⁾. Онъ былъ нѣтъ свою государственныхъ секретарей, сначала Бернеттѣ, а потомъ Ламбрускини. Послѣдній управлялъ Григоріемъ XVI-мъ самымъ тиранническимъ образомъ и внушалъ ему къ себѣ такой страхъ, что когда папа встрѣчалъ въ своихъ комнатахъ своего секретаря, идущаго къ нему съ бумагами, то, не заглядывая въ нихъ, вскрикивалъ: «весьма хорошо, ваше преосвященство, весьма хорошо; ваше преосвященство дѣлаетъ чудесно; продолжайте, продолжайте! 2)». Этотъ секретарь папы, управлявшій всѣми дѣлами латинской церкви, былъ человѣкъ гордый, упрямый, горячій ультрамонтанъ, а потому и другъ іезуитовъ. Къ нему — то по преимуществу и устремилась польско-іезуитская партія съ своими воплями о гоненіяхъ и преслѣдованіяхъ католицизма въ Россіи. Въ конфиденціальномъ объясненіи съ нашимъ посланникомъ въ Римѣ, Потемкинымъ, Каппачини, помощникъ Ламбрускини, прямо сказалъ, что — *les Polonais pros crits recherchent par tous les moyens de soulever l'opinion en leur faveur, en représentant le gouvernement Impérial comme persécuteur du catholicisme et s'efforçant constamment à susciter l'animadversion du Siège par les rapports clandestins qu'ils adressent à S. Siège; que tout récemment encore lui-même avait remis à sa Sainteté une lettre, qui lui était parvenue sous l'enveloppe du cardinal Lambruschini, de la part d'un Polonais résidant à Paris et qui contenait des détails sur les prétendues persécutions*³⁾.

Партія эта въ Римѣ и Парижѣ старалась увлечь папу или лучше Ламбрускини къ какой-нибудь крайней мѣрѣ, тѣмъ болѣе, что она считала себя побѣдительницею въ недавнихъ столкновеніяхъ римскаго двора съ прусскимъ правительствомъ въ дѣлѣ кельнскаго архіепископа и въ такъ-называемыхъ смѣшанныхъ бракахъ лютеранъ и протестантовъ съ католиками, или по крайней мѣрѣ ей удалось увлечь римскій дворъ въ крайніе мѣрамъ. Напрасно просвѣщенный и умѣренный Каппачини употреблялъ всѣ съ своей стороны усилія, чтобы поставить римскій дворъ на прямую и вѣрную точку воззрѣнія на дѣло униатское и убѣждалъ папу ограничиться въ этомъ дѣлѣ простыми только увѣщаніемъ къ возсоединившимся епископамъ⁴⁾;

¹⁾ Histoire diplomatique des Conclaves par Petruccelli Della Gattina, VI vol. 409—421; также La Rome des papes, tom. II, 315—343.

²⁾ Histoire diplomatique des Conclaves, t. IV, pag. 417.

³⁾ Денеша подъ №№ 9468-й, 9479-й.

⁴⁾ Ib. № 8443.

вліяніе Ламбрускини, подстрекаемаго поляками и іезуитами, все болѣе и болѣе одерживало верхъ надъ Григоріемъ XVI-мъ. Отношеніе къ намъ папскаго двора становилось день ото дня враждебнѣе, и нашъ посланникъ въ Римѣ писалъ гр. Нессельроду: «il faut bien le dire, nous sommes regardés depuis quelque temps surtout avec une méfiance affreuse, et telle qu'elle peut dégénérer d'un moment à l'autre en une inimitié ouverte¹⁾». Мало того: бѣглецы польскіе и іезуиты изъ поляковъ, изгнанные въ 1820-мъ году изъ Россіи, задумали планъ, совершенно достойный этого святаго общества: бывшіе польскіе мятежники должны были вступить въ іезуитскій орденъ, переимѣнить свои имена, и въ одеждѣ духовныхъ пробраться въ Краковъ, Галицію и отсюда въ Польшу и тамъ произвести мятежъ. Руководителемъ этого плана былъ нѣкто Непомученъ, ректоръ іезуитскаго коллежъ въ Фрибургѣ, уроженецъ бѣлорусскій, изгнанный изъ Россіи въ 1820-мъ году и переимѣнившій во время удаленія изъ Россіи свое имя Непомученъ на Галичъ, по всей вѣроятности, съ заднею мыслію и съ намѣреніемъ нѣкогда попасть въ Россію подъ покровомъ фальшиваго имени и произвести тамъ іезуитскія козни²⁾. Въ этомъ планѣ приняло участіе высшее духовенство Рима, какъ достовѣрно узнало наше правительство, и одинъ изъ римскихъ сановниковъ, близкихъ къ папѣ, монсиньоръ Гарибальди, прямо обѣщалъ одному знатному поляку выхлопотать папское одобреніе и содѣйствіе осуществленію этого плана³⁾. Сильныя представленія и объясненія нашего посланника въ Римѣ съ Ламбрускини остановили осуществленіе этого плана, или по крайней мѣрѣ отстрочили исполненіе его. За то, тѣмъ усиленнѣе стала работать эта партія надъ тѣмъ, чтобы заставить папу рѣшиться на какой-нибудь крайній шагъ по отношенію къ Россіи вслѣдствіе унитскаго дѣла. Потемкинъ постоянно выражалъ въ своихъ депешахъ къ Нессельроду свои опасенія на счетъ будущихъ дѣйствій папы въ отношеніи къ русскому двору. Государь при этихъ извѣстіяхъ сохранялъ полное спокойствіе, совершенное сознаніе своего достоинства, и велѣлъ сообщить своему посланнику въ Римѣ такія его слова папѣ касательно унитскаго дѣла: «La

¹⁾ Ib. №№ 8903, 8905, 9478.

²⁾ Ib. №№ 9479,—8905.

³⁾ Ib. №№ 8903, 1929, 1920. Аугсбургская газета отъ 16 сентября 1839 года передавала извѣстіе одного очевидца, который самъ былъ свидѣтелемъ, какъ на экаменѣ клириковъ въ іезуитскомъ коллежѣ въ числѣ кандидатовъ на священство находились и многіе изъ поляковъ съ рубцами на щекахъ, свидѣтельствующими о ихъ дѣятельномъ участіи въ польскомъ мятежѣ.

question des ex-grecs-unis est fort simple. Lorsque politiquement séparés de la Russie, les habitants grecs furent privés de leur chef de l'église, ils acceptèrent pour tel le pape; les actes existent et prouvent que cela n' a été qu'une reconnaissance politique; dans ce moment ce même clergé a demandé à rentrer dans le giron de l'église-mère dont ils ne se considéraient *jamaïs* comme séparés — la chose a été accordée et amen! На эту тему, данную самимъ Императоромъ, долженъ былъ вести свои объясненія съ римскимъ дворомъ Потемкинъ ¹⁾. Къ этому Потемкинъ долженъ былъ, по наставленію гр. Нессельрода, прибавить, что воссоединеніе уніатовъ есть уже совершившійся фактъ; что православная вѣра была исконною вѣрою нашихъ западныхъ губерній, а католицизмъ есть религія новая въ этихъ странахъ, какъ это показываетъ самая исторія уніи, и что наконецъ правительство оставалось совершенно чуждымъ этому дѣлу ²⁾. Такого рода объясненія, конечно, не остановили предпріятій ультрамонтанской партіи, и папа 22 ноября 1839 года разразился въ своей консисторіи рѣчью, по дѣлу воссоединенія уніатовъ. Приступъ, или начало этой рѣчи, изображалъ, что то несчастье, о которомъ папа намѣренъ повѣдать своимъ почтеннымъ братьямъ, превосходить всѣ доселѣ поражавшія церковь бѣдствія. Потомъ, рассказавши извѣстныя сказки объ отпаденіи русскихъ отъ католическаго единства, о добровольномъ будто бы принятіи уніи жителями нашихъ западныхъ губерній, о ихъ будто бы благоденствіи подъ польскимъ правительствомъ, переходитъ къ описанію воссоединенія уніатовъ съ православною церковію, и здѣсь не щадитъ самыхъ яркихъ красокъ, не скупится на самую грубую ложь и клевету, особенно когда касается главныхъ дѣятелей въ дѣлѣ воссоединенія; говорить, что это дѣло совершилось обманомъ, хитростію. Далѣе изображаетъ, какую скорбь это событіе причинило ему, и по этому случаю называетъ воссоединенныхъ епископовъ отступниками; какія гибельныя послѣдствія могутъ послѣдовать отъ этого для католиковъ, оставшихся вѣрными римской церкви; а потому онъ предъ лицомъ всего міра не престанетъ жаловаться на отпаденіе уніатовъ отъ римской церкви, а особенно на отпаденіе епископовъ, и будетъ поражать самымъ тяжкимъ порицаніемъ обиду, нанесенную ими католической церкви. Впрочемъ подражая Тому, который богатъ милосердіемъ и который пришелъ възыскать и спасти погибшаго, папа не лишаетъ своей

¹⁾ Дешета № 1917.

²⁾ Ib. № 1917.

милости и воссоединенныхъ епископовъ и каждаго изъ нихъ убѣдительнѣйше просить подумать, откуда они ниспали, и какимъ страшнымъ наказаніемъ должны быть подвергнуты по каноническимъ правиламъ; грозить имъ страшнымъ судомъ и просить возвратиться на путь истины. Рѣчь заключается словами, что вообще католичество въ Россіи находится въ стѣсненномъ положеніи, но папа употребить всѣ мѣры въ облегченію этого положенія, будетъ ходатайствовать за церковь римскую предъ русскимъ Императоромъ, который по своей честности или прямодушію исполнить желаніе его, а для этой цѣли будетъ молить Бога, чтобы Онъ милостиво призрѣлъ на свое наслѣдіе и помогъ бы своей церкви, оплакивающей отпаденіе своихъ сыновъ, и далъ бы желанное счастье.

Вотъ подлинный текстъ папской рѣчи: «*Venerabiles Fratres! Multa quidem gravia et acerba inde ab initiis apostolici officii munere coacti fuimus diuturna temporum adversitate ex hoc ipso loco nuntiavi. At quidem in hodierno coetu vestro moerorem inter ac luctum ecclesiae universae sumus nuntiati, ejusmodi profecto est, ut malorum, quae alias ingerimus, longe superet acerbiteratem etc. etc.*»

Хотя рѣчь папы и была тотчасъ перепечатана въ нѣкоторыхъ газетахъ, напр.: во Франкфуртской (см. № 336), но она не произвела того впечатлѣнія на европейское общество, какого ожидала іезуитско-польская партія. «*Quant à l'impression, писалъ Потемкинъ Нессельроду, général que ce manifeste a produit ici, elle paraît bien moins profonde, qu'on ne pourrait le croire ailleurs.*»

Наше правительство, т.-е. государь императоръ, осталось довольно умѣреннымъ тономъ папской рѣчи, особенно сравнительно съ тѣми филиппиками, которыя сказаны были папою противъ прусскаго правительства, по случаю заключенія въ вѣрность архіепископа вѣльнскаго, а главное, у насъ хотѣлось скорѣе положить конецъ всѣмъ разглагольствованіямъ папы объ униатахъ, а потому не обращало вниманія ни на какія печатныя клеветы, распѣваемые въ европейской прессѣ о прекращеніи уніи. Даже появленіе книги адвоката и оратора ультрамонтанской партіи Монталамбера: «*Vicissitudes de l'église catholique des deux rites en Pologne et en Russie*» прошло незамѣченнымъ или не возбудило того вниманія въ нашемъ правительствѣ, какое должно бы было возбудить. Только одна уже слишкомъ пошлая и слишкомъ возмутительная клевета какъ бы вывела наше правительство изъ его пассивнаго состоянія. Эта клевета выдуманная была польско-іезуитскою партією, потерпѣвшею неудачи въ Римѣ

и обманувшеюся въ своихъ революціонныхъ разсчетахъ въ Россіи и желавшей чѣмъ бы то ни было отмстить Россіи за возсоединеніе униатовъ и возбудить противъ нея европейское общественное мнѣніе. Дѣло заключалось въ выдуманной исторіи о мученіи игуменъ базилианскаго монастыря Маеринны Мечиславской. Исторія эта въ первый разъ явилась въ польской газетѣ «Trois-Mai», подхвачена въ «l'Univers» и «l'Ami de la Religion» ультрамонтанскими газетами, отсюда перешла во всю европейскую журналистику, и породила разныя брошюры. Во всѣхъ этихъ іезуитскихъ произведеніяхъ съ ужасомъ рассказывалось, какъ Сѣмашко, — этотъ отступникъ, тиранъ и палачъ, мучилъ монахинь минскаго базилианскаго монастыря и заставлялъ ихъ принять проклятую схизму, и какъ онѣ при всѣхъ мученіяхъ остались вѣрны католической церкви. За вѣрность святому апостольскому престолу, этихъ монахинь, по приказанію кровожаднаго Сѣмашко, сковывали по двѣ вмѣстѣ, забивали ноги ихъ въ кандалы, и въ такомъ положеніи пѣшкомъ заставляли ихъ идти изъ Минска въ Витебскъ, гдѣ помѣстили ихъ въ русскомъ женскомъ монастырѣ, наполненномъ по большей части казацкими вдовами. Изъ Витебска этихъ мученицъ переселили въ Полоцкъ. Въ трехъ верстахъ отъ этого города находится спасскій монастырь, резиденція архіепископа. Сюда-то приведены были несчастныя жертвы, въ числѣ 30-ти, и заперты были здѣсь, какъ овцы. Такъ какъ начальникъ монастыря спасскаго былъ человѣкъ сострадательный, то Сѣмашко смѣнилъ его и поставилъ другого, по имени Михалевица, бывшаго семь лѣтъ тому назадъ духовникомъ базилиановъ. Бѣдныхъ базилиановъ будто бы заставлялъ этотъ Михалевицъ равнять воегоры, носить кирпичи каменщикамъ, строившимъ палаты для архіерея, разбивать камни для мостовой предъ архіерейскимъ домомъ, приказывалъ два раза въ недѣлю давать по 50-ти ударовъ всякій разъ каждой изъ этихъ монахинь, отъ чего двѣ изъ нихъ померли, а остальные едва владели жизнью,нося на себѣ рубцы и язвы, произведенныя этими экзекуціями. Кормили ихъ одними только солеными сельдями, а пить послѣ такого кушанья не давали ничего; грозили при этомъ сжечь ихъ, ставили ихъ предъ костромъ, у котораго стояли солдаты съ зажженными факелами. Но всѣ эти мученія и угрозы не достигали своей цѣли; мученицы остались вѣрны римской церкви. Тогда Сѣмашко приказалъ бить ихъ палками, чтобы посредствомъ этого заставить ихъ принять православіе; насильно поволокли ихъ Сѣмашкины дьяконы въ схизматическую церковь. При дверяхъ церкви стоялъ отступникъ Сѣмашко, украшенный крестомъ и орденами, окруженный своимъ духовенствомъ; одна изъ сестеръ схватила обломокъ дерева и бросила его прямо въ

церковныя двери, говоря, что ни она сама, ни другія сестры живыя не перейдутъ за порогъ схизматической церкви. Начальница этихъ сестеръ-мученицъ схватила плотничій топоръ, подала его Сѣмашкѣ и сказала ему: «возьми этотъ топоръ, отруби имъ наши головы и брось ихъ въ твою церковь, въ которую не вступитъ наша нога». Сѣмашко выхватилъ изъ ея рукъ топоръ и бросилъ его въ сестеръ, изъ которыхъ у одной разрубилъ ногу, потомъ ударилъ въ щеку начальницу съ такой силою, что вышибъ у нея одинъ изъ коренныхъ зубовъ. Видя наконецъ, что всѣ усилія обратить этихъ мученицъ въ схизматическую вѣру остались тщетными, Сѣмашко взошелъ въ свою церковь и произнесъ здѣсь проклятiе имъ.

Изъ спасскаго монастыря отправили базиліановъ въ Мяджіоли, гдѣ ихъ мучили особеннымъ образомъ: силою таскали ихъ въ озеро и купали въ немъ, какъ купаютъ лошадей. Для этого на нихъ надѣвали родъ мѣшка и потомъ вели ихъ въ озеро, привязавши къ шеѣ веревку. Отъ этихъ истязаній три изъ сестеръ померли. Конца бы не было этимъ мученіямъ, если бы бѣднымъ мученицамъ не удалось убѣжать изъ рукъ своихъ палачей. Куда же бѣжать? конечно въ сердце Франціи — Парижъ, гдѣ находится столь извѣстный въ польской эмиграціи Ламбертовъ отель, а въ немъ старый вознодѣй и заклятый врагъ Россіи Адамъ Чарторижскій, который и выдумалъ всю эту исторію вмѣстѣ съ бѣглыми поляками и іезуитами. Но тогда бы поддѣлка была слишкомъ груба, лишилась бы всей прелести таинственности, не достигла бы своей цѣли. Нѣтъ, мученицу Макрину Мечиславскую и съ нею другихъ сестеръ нужно отправить въ Римъ, — центръ латинства и іезуитизма, гдѣ появленіе польскихъ мученицъ произведетъ болѣе эффекта, возбудитъ болѣе шуму; да при томъ же вся эта исторія и выдумана въ Парижѣ, а слѣдовательно здѣсь она не можетъ никого обмануть; виновники выдумки сами лучше всѣхъ другихъ увѣрены были въ своемъ обманѣ. Итакъ, мнимыхъ мученицъ отправили въ Римъ, гдѣ іезуиты и поляки представили ихъ папѣ, какъ живой примѣръ гоненій латинства въ Россіи, какъ несчастныхъ жертвъ жестокости отступника отъ униі Сѣмашко. Въ Парижѣ, для возбужденія общественнаго мнѣнія, признано за лучшее служить панихиды въ церкви св. Роха по замученнымъ въ Минскѣ базиліанкамъ, говорить рѣчи, наполнять газеты и журналы статьями о мученичествѣ Макрины и ея спутницъ. Въ Римѣ же Мечиславскую помѣстили въ монастырѣ св. Сердца и дѣлали ей тамъ разныя оваціи. Наконецъ, эта комедія надѣла русскому правительству, и оно приказало своему посланнику въ Римѣ потре-

быть объясненія отъ Рима, или лучше само объяснило папскому правительству какъ нелѣпа, груба и безчестна эта выдумка. Дѣйствительно, даже въ нѣкоторыхъ изъ іезуитовъ по этому случаю сказалась совѣсть, и они убѣждали Ламбрускини скорѣе прекратить толки объ этихъ мнимыхъ эмигрантахъ изъ Минска, тѣмъ болѣе, что пресловутая Мауриня и ея спутницы оказались женщинами такого поведенія и изъ такого слоя общества, съ какими избѣгаютъ всякаго знакомства всѣ маломальски порядочные люди.

Внутри Россіи интрига польской партіи и месть ея за воссоединеніе уніатовъ выражались въ стремленіяхъ совращать въ латинство недавно воссоединенныхъ. Стремленія эти приводились въ исполненіе такъ систематически, что правительство наше принуждено было принять противъ этого мѣры. По этому случаю образованъ былъ секретный комитетъ изъ Блудова, Дашкова, Строганова 2-го и Протасова; цѣлю дѣятельности этого комитета должно быть предупрежденіе совращеній въ латинство¹⁾. Воссоединенные епископы должны были неуспѣшно бодрствовать надъ своєю паствою. Безцеремонность ессенцовъ, ихъ наглость, хитрость польской шляхты, доходили въ дѣлѣ совращенія до геркулесовскихъ столбовъ²⁾. Чтобы не дать возможности нашему правительству осуществить мысли касательно воссоединенія холмскихъ уніатовъ, польско-іезуитская партія особенно между ними развернула свою мистическую дѣятельность, такъ что изъ 400 тысячъ уніатовъ болѣе полутора-ста тысячъ приняли латинство. Частныя же всѣ совращенія не могли повредить общему дѣлу воссоединенія, и въ огромной массѣ воссоединенныхъ эти частности не могли имѣть большого значенія.

М. Я. Морошкинъ.

¹⁾ Всепод. докл. об.-прок. св. синода 1839 г. № 221.

²⁾ Въ М. Вн. Д. дѣло 1853-го г. № 64-й, 1855-й г. № 20, и № 55.

Въ послѣднемъ дѣлѣ разсказывается, какъ помѣщикъ Жолѣвскій устроилъ въ своемъ домѣ самовольно каплицу, внесъ туда фортепіано вмѣсто органа, и ежедневно созывать въ нее православныхъ крестьянъ, приходившихъ къ нему на барщину, заставлялъ ихъ стоять на коѣннѣхъ по два и три часа и слушать отправляемое имъ какого-то рода богослуженіе.

ОТЕЦЪ ВАРΘΟΛΟΜΕЙ

Психологическій этюдъ.

Предки помѣщика Сумракова были богаты и знатны. Дѣд его когда-то построилъ въ усадьбѣ у себя церковь и обезпечилъ на вѣчныя времена существованіе причта, а затѣмъ, какъ тому и быть слѣдовало, въ свое время померъ. Помѣщикъ, владѣющій въ настоящее время усадьбой, тоже дѣдъ, да къ тому же еще и превосходительный: значить, со времени постройки церкви прошло годовъ довольно. Несмотря на это, она стоитъ до настоящихъ дней прямо, и аккуратно каждое воскресенье въ ней совершается служба.

Эта церковь не отличается грандіознымъ величіемъ пятиглаваго собора, на золоченый куполь котораго доброхотные датели расходуютъ деньги тысячами, удовлетворяя этимъ не столько религиозное чувство, сколько суетное тщеславіе, искони вѣковъ охватившее собою весь человѣческій міръ. Нѣтъ вблизи ея громадной колокольни, напоминающей собою безсильныя попытки строителей вавилонской башни, и не слышенъ гулъ тысячепудоваго колокола, какіе любятъ жертвовать богобоязненные купцы, надѣющіеся искупить массою мѣди свои грѣхи вольные и невольные...

Я живо представляю себѣ эту маленькую церковь. Во всѣ времена года она одинаково правилась мнѣ когда-то въ давно-прошедшее время. Помню я жаркіе лѣтніе дни, когда при полномъ блескѣ солнца живетъ и дышетъ вся природа, и сумрачные осенніе вечера, когда темныя тучи сгущаются въ воздухѣ, и бурный вѣтеръ воетъ подъ сердитые раскаты грома, и освѣщаются молніей, точно заревомъ пожара, деревенскія жилища

нѣтъ съ испуганными лицами ихъ обитателей; помню зимнюю холодную пору, когда едва виднѣются изъ-подъ снѣга полузакрытые его сугробами крестьянскія избушки, и дни весны, когда въ лѣсахъ, поляхъ и въ шумѣ водъ, вездѣ чувствуется необъятная сила, оживляющая душу истомленнаго человѣка. Все это воскресаетъ въ моемъ воображеніи при воспоминаніи деревенской жизни, и я снова вижу маленькую церковь. Самая вѣтхость ея, сѣроватотемный цвѣтъ стѣнъ, двѣ-три плакучія ивы, поникнувшія своими вѣтвями на церковную крышу, свѣтъ лампады, пробивающійся въ окна,—все это когда-то казалось такъ поэтически прекрасно и необъяснимо привлекательно, и все это теперь навѣваетъ только тихую грусть о чемъ-то давно, давно прошедшемъ и гдѣ-то невозвратно утраченномъ...

Вблизи церкви, нѣсколько въ сторонѣ отъ крестьянскихъ избъ, находился когда-то небольшой, въ три окна домикъ для священника. Домикъ давно разрушился и замѣнился новой избой. Старого священника замѣнилъ молодой, рѣзкій голосъ котораго странно какъ-то звучитъ въ тишинѣ ветхой церкви, въ противоположность тихимъ и мягкимъ возгласамъ его предшественника.

Этотъ предшественникъ и его жена давно уже кончили свое земное странствіе, но они еще живутъ въ моемъ воспоминаніи, и я хочу познакомить съ ними читателя, въ связи съ другими немногими лицами, имѣющими нѣкоторое отношеніе къ этому повѣствованію.

I.

Зелень березъ и липъ, окружавшая домикъ съ трехъ сторонъ, придавала ему особенную прелесть, а изъ-за этой зелени выглядывали на церковную площадь всегда безукоризненно бѣлыя занавѣсы оконъ съ вѣчно блестящими стеклами рамъ и съ разнообразными цвѣтами компаныхъ растений, начиная отъ скромныхъ гвоздикъ и гераніума и доходя до китайской розы.

Каждый, въ первый разъ посѣщавшій усадьбу невольно любовался, глядя на этотъ домикъ, и мысленно завидовалъ тому счастливцу, который въ немъ обиталъ.

Если любознательность его простиралась до того, что онъ рѣшался переступить калитку воротъ и заглянуть во дворъ домика, то и тамъ паходилъ тоже нѣчто достойное вниманія и изученія. Его даже, такъ сказать, поражало отсутствіе того, что обыкновенно случается видѣть во всѣхъ деревенскихъ дворахъ:

не торчала разсыхающаяся на солнцѣ старая полубочка, обручи которой давно разбросаны шаловливыми ребятами по всему двору и бьютъ по ногамъ каждаго, кто неосторожно на нихъ наступаетъ; не видно было на этомъ дворѣ изломанной телѣги, которую хозяинъ съ незапамятныхъ временъ собирається починить и все не можетъ собраться за недосугомъ; не было разбросано по двору даже ключевъ сѣна и соломы, — вездѣ было чисто и все находилось на своемъ мѣстѣ. Подъ навѣсомъ, гдѣ стояла окрашенная въ голубой цвѣтъ одноколка, былъ отведенъ цѣлый уголъ подъ помѣщеніе куръ и горластаго пѣтуха, служившаго гровою всѣмъ остальнымъ пѣтухамъ деревни, какъ по причинѣ его непомѣрной физической силы и ловкости, такъ и по громадности голосовыхъ средствъ. Дворъ всегда такъ чисто содержался, что двѣ свиньи съ поросятами, какъ будто сознавая, что имъ неприлично быть на такомъ чистомъ дворѣ, избирали своимъ пребываніемъ мѣсто за конюшней, гдѣ и чесали спины о заборъ, къ вѣщему соблазну полусоннаго борова, лежавшаго въ грязи и покракивавшаго отъ удовольствія при видѣ этого процесса.

Когда кому-либо случалось въ первый разъ войти внутрь самаго домика, то онъ въ невольномъ изумленіи останавливался при входѣ въ комнаты, очарованный уютно-мирнымъ характеромъ обстановки ихъ... Но здѣсь вѣдалось неточное выраженіе: нельзя сказать «при входѣ въ комнаты», потому что собственно комната была только одна, хотя и раздѣлялась при помощи обтянутой ситцемъ ширмы на двѣ неравныя части, одна въ два окна, а другая въ одно; первая половина называлась гостиной, а вторая спальней. Кухня и прочія хозяйственныя помѣщенія находились въ пристройкѣ, соединявшейся съ домикомъ небольшимъ навѣсомъ, подъ которымъ помѣщалось крыльцо, вѣчно посыпанное свѣжею зеленью лѣтомъ и чистою цыновкою зимой.

Таковъ былъ по внѣшнему виду маленькій домикъ съ его безукоризненно чистымъ дворомъ.

Казалось, въ этомъ тихомъ уголѣ не можетъ имѣть мѣста гнѣвъ, зависть и другіе пороки, которыми въ большей или меньшей степени отличается отъ прочихъ животныхъ человекъ, именуемый царемъ природы и вѣнцомъ творенія. И дѣйствительно, можно ли было подумать, глядя на блестящій, какъ зеркало, полъ, устланный бѣлыми половиками, чтобы по нимъ могъ озлобленно топтать ногами кто-либо изъ живущихъ въ этомъ домикѣ? Можно ли было предположить, при видѣ аккуратно уложенныхъ на передиванномъ столѣ книгъ и симметрически по-

стальныхъ на немъ двухъ вазочекъ съ цвѣтами, что обитатели домика отличаются дикостью нрава, грубыми и невѣжественными привычками? Напротивъ, взглянувъ на тихо мерцающую въ переднемъ углу лампаду передъ образомъ, въ кѣтѣ котораго стояли украшенныя фольгой вѣнчальныя свѣчи, никакъ нельзя было допустить той мысли, чтобы въ этомъ домикѣ могли жить какія-либо другія чувства, кромѣ чувства мира и любви. Въ этомъ должны были убѣдить и литографическія картинки, висѣвшія по стѣнамъ съ изображеніемъ символа вѣры и молитвы господней въ лицахъ.

Въ этомъ домикѣ жилъ отецъ Вареоломей Григорьевичъ Златорунскій, съ своей супругой, Анной Аѳанасьевной.

Въ этомъ домикѣ никогда не было мира, бывало только перемиріе; въ немъ рѣдко бывало тихо, и тишина всегда предшествовала бурѣ: чѣмъ тишина бывала продолжительнѣе, тѣмъ сильнѣе потомъ злобствовала буря. И странное дѣло: война называлась междоусобной, а велъ ее только одинъ изъ обитателей домика безъ всякаго желанія на это со стороны другого. Одинъ и тотъ же человѣкъ велъ войну, заключалъ перемиріе, нарушалъ его и снова возобновлялъ; другой же вѣчно оставался въ какомъ-то странномъ положеніи, котораго онъ самъ себя никакъ не могъ объяснить съ достаточною опредѣленностью. Ему казалось, что онъ въ этой войнѣ никакого участія не принимаетъ и ограничивается только ролью спокойнаго наблюдателя; но въ то же время чувствовалось, что онъ какъ будто бы совсѣмъ не наблюдатель, а непосредственно дѣйствующій въ домашней войнѣ, называемой имъ, вслѣдствіе этого, междоусобной. Иногда даже, начиная опредѣлять свое положеніе, онъ томился и страдалъ при мысли о томъ, что «самъ во всемъ виновать», что «самъ усугубляетъ междоусобіе». Между тѣмъ, говоря откровенно, онъ на себя просто клеветалъ по извѣстной его слабости принимать на свою голову всякія вины и проступки другихъ людей: въ дѣйствительности со стороны его никакихъ усугубленій дѣлаемо не было, потому что онъ никогда не имѣлъ въ сердцѣ другихъ чувствъ, кромѣ чувства любви, мира, добра и правды.

Человѣкъ, отличавшійся такими качествами, былъ отецъ Вареоломей; войну же вела, заключала перемирія и нарушала ихъ его супруга, Анна Аѳанасьевна.

Когда война достигала невѣроятныхъ размѣровъ и обрушивалась на совершенно неподходящія къ этому вещи, какъ-то на стулья и столы, предметы даже вовсе неодушевленные, въ то время отецъ Вареоломей старался вооружаться и вооружался

до нѣкоторой степени безукоризненно, ибо миръ и спокойствіе въ это время занимали въ его сердцѣ главное мѣсто. Когда супруга его въ припадкѣ воинственнаго азарта гнѣвно сверкала глазами, швыряя во всѣ стороны что ни попадало въ руки, глаза отца Вареолея были по обыкновенію тихи и кротки и, казалось, могли бы укротить всякаго звѣря, кромѣ только его неукротимой супруги. Укротить супругу было невозможно; она укрощаться могла только сама, по собственной волѣ и укрощалась иногда на довольно продолжительное время, такъ, напримѣръ, дней на пять или на шесть, а иногда даже и на пѣлюю недѣлю. Последнее, впрочемъ, бывало рѣдко и всегда предвѣщало большую бурю въ скоромъ времени.

О. Вареолей былъ въ отношеніяхъ къ своей супругѣ ласковъ и внимателенъ, называлъ ее обыкновенно матушкой и только въ то время, когда Анна Аѳанасьевна грозила обратить свой гнѣвъ на неодушевленные предметы или принять ихъ въ союзники, отецъ Вареолей переставалъ обращаться къ ней, какъ 'къ матушкѣ, и хотя по прежнему кротко, но называлъ ее уже просто попадьей. Иногда, впрочемъ, это последнее обращеніе употреблялось и не въ самомъ разгарѣ «междоусобій», но только уже во всякомъ случаѣ не въ мирное время.

Сидитъ, напримѣръ, у отца Вареолея гость, заѣзжіи ли дьяконъ изъ сосѣднаго села, управитель ли какого-нибудь имѣнія, или экономъ дома Сумракова, — сидитъ онъ вдвоемъ съ отцомъ Вареолеемъ и ведутъ они мирную бесѣду. Въ комнатѣ полнѣйшая тишина и только раздаются тихіе звуки мѣрной и отчасти медленной рѣчи отца Вареолея, да по временамъ слышно, какъ кошка царапаетъ что-то, злодѣйски всматриваясь въ угловую дыру половицы. Это нисколько не тревожитъ отца Вареолея, онъ доволенъ и крайне счастливъ, ибо любить бесѣдовать. Вдругъ появляется изъ кухни матушка, и какъ бурный вихрь нарушаетъ прелесть тихаго вечера, такъ мгновенно нарушаетъ матушка мирный характеръ бесѣдующихъ. Въ противоположность медленной и тихой рѣчи отца Вареолея раздается громкая и торопливая фраза, съ шумомъ и трескомъ отдвигается въ сторону попавшійся на дорогѣ стулъ, и Анна Аѳанасьевна начинаетъ посвящать гости въ подробности своихъ воинственныхъ отношеній къ сосѣдственнымъ жителямъ. Отецъ Вареолей старается смолчать и дать возможность своей супругѣ высказаться; но такой образъ дѣйствій не достигаетъ своей цѣли, ибо супруга не умолкаетъ и уже принимается кого-то за что-то распекаеть, очевидно кого-нибудь изъ сосѣднихъ неприятелей, которыхъ у ней развелось великое множество. Тер-

нѣше отца Вареоломея сильно страдаетъ и всего болѣе потому, что онъ любитъ миръ и тишину, а громкія жалобы супруги на сосѣдей, Богъ-вѣсть для чего приплетенныя къ ихъ бесѣдѣ, давали ему извѣстныя и, по справедливости говоря, достаточно сильно уже намозолили уши. Онъ ласково взглядываетъ на свою супругу, какъ-бы прося ее умолепуть, и приступаетъ къ продолженію прерваннаго разговора. Анну Аѳанасьевну это оскорбляетъ, но она сдерживаетъ свой гнѣвъ и только время отъ времени срываетъ его на противорѣчіяхъ, которыми путаетъ мирную бесѣду отца Вареоломея съ гостемъ. Отецъ Вареоломей нѣкоторое время не обращаетъ на это вниманія, но такъ какъ внимательство супруги принимаетъ все большіе размѣры и доходитъ до того, что на каждое слово о. Вареоломея является критическая замѣтка, онъ не выдерживаетъ и рѣшается снова «утруждать» свою супругу.

— Матушка, удостойте выслушать мою всепокорнѣйшую просьбу, говорить онъ.

— Ну, что тебѣ нужно, говори скорѣй, не размазывай? вопрошаетъ довольно рѣзко Анна Аѳанасьевна.

— Сдѣлайте хотя единожды мнѣ такое одолженіе, оставьте пожалуйста втунѣ ваши противорѣчія и пререканія.

Это вѣжливое обращеніе принимается Анной Аѳанасьевной уже за открытое объявленіе войны. Тонъ ея голоса поднимается сразу на нѣсколько нотъ и забираясь все выше и выше, достигаетъ, наконецъ, такихъ предѣловъ, за которыми уже, собственно говоря, голоса и не слышно, а раздается только нѣчто похожее на пискъ поросенка, упрятаннаго, противъ его желанія, въ глухой мѣшокъ.

Иногда гость неожиданно, къ великому своему удивленію, слышалъ отъ матушки, что причина споровъ есть именно онъ самъ съ своими нравственными, умственными и физическими недостатками. Не успѣвалъ еще онъ опомниться отъ этой новости, какъ уже былъ осыпаетъ различными упреками, все въ томъ же духѣ, и за жену свою, если былъ человѣкъ женатый, и за мать, не принимая во вниманіе была ли она въ числѣ живыхъ или мертвыхъ, и даже за всю свою родню. Нужно замѣтить, что Анна Аѳанасьевна не церемонилась и умѣла порой выражаться смѣло и рѣшительно. Въ такое бурное время отецъ Вареоломей начиналъ сильно беспокоиться, приходилъ въ крайнее смущеніе и сидѣлъ не поднимая глазъ; если же онъ замѣчалъ, что гость дѣйствуетъ безтактно и «усугубляетъ» войну своими оправданіями, то дѣлалъ ему тайнственные знаки или угадкой дергалъ его за полу одежды, давая знать, что путь

ко спасенію только въ одномъ молчаніи. Бывало такъ, что гость оказывался посредникомъ между мужемъ и женою и долженъ былъ выслушивать жалобы Анны Аѳанасьевны на о. Вареоломея за то, что онъ не хозяинъ, «не скопидомъ», и ея похвалы самой себѣ за то, что «ею одной все держится».

Въ томъ и другомъ случаѣ одинаково должна была прерываться мирная бесѣда о. Вареоломея съ гостемъ. Въ первомъ случаѣ, то-есть въ то время, когда Анна Аѳанасьевна опорочивала гостя во всевозможныхъ преступленіяхъ, прекращалась не только мирная бесѣда о. Вареоломея, но гость совсѣмъ уходилъ, и иной даже давалъ себѣ клятвы не приходить болѣе никогда въ описываемый домикъ; но въ послѣднемъ случаѣ, во время избранія гостя посредникомъ, бывало такъ, что о. Вареоломей, выждавъ желаемый моментъ, вставалъ съ своего мѣста и приложивъ руку къ сердцу, говорилъ:

— Матушка, я уже нѣсколько разъ вамъ объяснялъ, и это конечно извѣстно всему околотку, что настоящая, такъ сказать, глава всего есть вы, а не я, и паки повторяю то же.

Анна Аѳанасьевна вслѣдствіе такой благопріятной тактики мужа нѣсколько подавалась на заключеніе перемирія.

— Такъ неужто ли вамъ будетъ, матушка, ласково продолжалъ о. Вареоломей, распорядиться изготовленіемъ чаю.

Иногда такими словами предупреждались крупныя событія. Это доставляло о. Вареоломею большое утѣшеніе, даже пожалуй нѣкоторое счастье, хотя и въ весьма микроскопическихъ размѣрахъ. Случалось, что и такая, повидимому весьма благопріятная, тактика не приносила надлежащей пользы и даже оказывала вредныя послѣдствія. Анна Аѳанасьевна, замѣтивъ, что о. Вареоломей всего болѣе желаетъ ея удаленія изъ комнаты, въ видахъ удовольствія пріятной бесѣды, напускалась уже непосредственно на него самого и начинала его бранить, неизвѣстно, впрочемъ, за какія провинности. Онъ въ отвѣтъ на эту брань тихо улыбался, посматривая на гостя, какъ бы желая дать ему нѣкоторыя понятія о младенчески-невинныхъ, по его мнѣнію, притязаніяхъ Анны Аѳанасьевны; но когда такія младенчески-невинныя притязанія, даже по мнѣнію о. Вареоломея, выходили изъ своихъ предѣловъ, тогда онъ терялъ терпѣніе и приложивъ по обыкновенію руку къ сердцу, убѣдительно возражалъ:

— Попадья! говорилъ онъ, есть въ тебѣ Богъ, или нѣтъ?

— Есть! Есть! громко перебивала Анна Аѳанасьевна и снова звенѣлъ ея голосъ, уподобляясь вышеупомянутому визгу.

Отецъ Вареоломей выжидать удобную минуту и снова возражалъ:

— Я такъ предполагаю, что Онъ тебя если еще и по сіе время не оставилъ, то по истинѣ весьма скоро оставитъ за твое постоянно гнѣвное со мною обращеніе.

Это уже было обиднѣ всякой обиды, и Анна Аеанасьевна по нѣкоторымъ стратегическимъ соображеніямъ находила нужнымъ отъ наступательнаго дѣйствія перейти къ другому способу. Она, какъ-бы пораженная «ужасными» словами своего супруга, въ изнеможеніи опускалась на стулъ, а если его по близости не оказывалось, то на полъ, начинала вѣть, называя себя несчастной жертвой строптиваго мужа. «Ужасныя» слова мужа какъ будто наполняли до краевъ чашу ея какихъ-то страданій; подъ вліяніемъ ихъ она переносилась мыслію въ воспоминанія своей давно прошедшей юности и начинала высказывать слезливымъ голосомъ свои сожалѣнія о томъ времени, когда у ней были въ виду хорошіе женихи, изъ безчисленнаго количества которыхъ она могла выбрать достойнѣйшаго спутника жизни, ни въ чемъ не походяго на о. Вареоломея. Вой перебивался съ жалобами на отца и мать, на судьбу и даже на самого Бога. Перепуганный, какъ воемъ и плачемъ супруги, такъ въ равной степени и ея жалобами на Бога, о. Вареоломей сильно терялся и не зналъ, что ему дѣлать, хотя, казалось, онъ могъ бы давно приобрѣсть полную возможность привыкнуть къ такимъ рѣзкимъ переходамъ супруги. Онъ торопливо бросался за водой и предлагалъ супругѣ «освѣжиться».

— Попадья! Попадья!... печально, говорилъ онъ, не малодушествуй... Ну, выпей вотъ воды... Ну, ежели ужъ такъ, ну, а во всемъ виновенъ... приношу покаяніе...

— Зачѣмъ я, несчастная, на свѣтъ родилась! Зачѣмъ не убить меня Господь!... продолжала съ воемъ Анна Аеанасьевна.

— Попадья! зачѣмъ ты богохульствуешь... Говорю тебѣ не малодушествуй... Вспомни, что безъ воли Божей ни единый волосъ съ главы не свалится.

Гость чувствовалъ себя въ весьма щекотливомъ положеніи и не зналъ какъ ему быть, въ особенности если онъ былъ чело-вѣкъ еще не достаточно коротко знакомый съ жизнью Златоунскихъ. Близкіе знакомые отца Вареоломея привыкли уже къ этому. Они даже принимали участіе въ успокоеніи Анны Аеанасьевны и улаживали дѣло.

Но опять-таки нужно оговориться, что и такіе случаи утѣшеній составляли тоже явленіе нечастое, потому что Анна Аеанасьевна не принадлежала къ числу нервныхъ женщинъ, пере-

считать которыхъ въ наше время также трудно, какъ звѣзды на небѣ. Она была женщина, одаренная замѣчательнымъ здоровьемъ и никогда не хворала, а потому и вой ея всего болѣе напоминалъ собою завыванье волка, когда онъ, уныло двигаясь по снѣжнымъ сугробамъ пустынной степи, горько жалуется на голодъ и пугаетъ страшнымъ завываніемъ проѣзжаго человѣка. Анна Аѳанасьевна была собственно потому только, что это вытье составляло одинъ изъ лучшихъ способовъ одерживать побѣду.

Иногда во время крупной домашней сцены входитъ гость, человѣкъ весьма уважаемый и чтимый даже самою Анной Аѳанасьевной, для которой, между прочимъ сказать, людей, достойныхъ почитанія было немного. Изъ уваженія къ чтимому гостю она умолкаетъ и какъ будто ни въ чемъ небывало уходитъ за ширмы, въ другую половину комнаты. Отецъ Вареоломей принимаетъ гостя, усаживаетъ его на почетное мѣсто, на диванъ, самъ беретъ стулъ, придвигаетъ его къ столу и казалось бы, что крупной сценѣ положенъ конецъ. Но Анна Аѳанасьевна не успокоилась и изыскиваетъ способы, чѣмъ бы досадить О. Вареоломею. Способъ находится скоро. Она подходитъ къ шкафику съ посудой, стоящему за ширмой, вынимаетъ изъ него тарелки и начинаетъ ими сильно гремѣть. О. Вареоломей старается не глядѣть въ ту сторону, гдѣ стоитъ ширма и «отвратить свой слухъ» отъ производимаго супругой громахання. Онъ спѣшитъ вступить въ пріятную бесѣду съ гостемъ и забыть о томъ, что происходитъ за ширмой. Но забыть и «отвратить слухъ» не представляется возможности, потому что Анна Аѳанасьевна съ каждой секундой начинаетъ гремѣть все сильнѣе и сильнѣе. О. Вареоломей приходитъ, по обыкновенію, въ сильное смущеніе, теряется и не можетъ продолжать бесѣды.

— Попада! слышится его робкій возгласъ.

За ширмой молчаніе. Слышенъ только громъ тарелокъ.

— Попада! чѣмъ же такъ повинны предъ тобою тарелки, что ты ими громахаешь до послѣдней степени?

Молчаніе. Слышенъ нѣкоторый трескъ чего-то разбившагося.

— Такимъ образомъ совершенно безвинно можетъ пострадать и разрушиться вся посуда!...

На этотъ послѣдній возгласъ Анна Аѳанасьевна отвѣчаетъ тѣмъ, что швыряетъ посуду какъ ни попало въ шкафъ и уходитъ въ кухню, сильно хлопнувъ дверью, такъ что стѣны дома потрясаются и изъ потолка сыплется земля.

Отецъ Вареоломей находится нѣкоторое время въ совершенномъ недоумѣніи, не зная какъ выдти изъ такого затруднительнаго положенія. Ему хочется выразить свое удивленіе по этому поводу словами стихиры, содержаніемъ своимъ соотвѣствующей случаю, въ родѣ, на примѣръ: «Ужасеса о семъ небо и земли удивнишася концы»; но въ то же время въ немъ является желаніе «оградить» супругу отъ людскихъ навѣтовъ, а оградить, между тѣмъ, возможности никакой не представляется: уже слишкомъ ясно совершившійся фактъ говорить самъ за себя. Не видя никакихъ способовъ, которыми можно было оправдать поступокъ Анны Аванасьевны, о. Вареоломей проситъ извинить ее «ради слабости человѣческой». Онъ быстро, опытными руками, снимаетъ со стола книги, вазочки съ цвѣтами, страхиаетъ съ бѣлой скатерти насыпавшуюся съ потолка землю и снова по прежнему въ томъ же порядкѣ устанавливаетъ все на столѣ, не переставая въ то же время приносить оправданіе передъ гостемъ за свою супругу.

— Главная причина ея гнѣва та, что она бесплодна, повѣствуетъ онъ печально гостю. Вотъ это есть первая и послѣдняя причина. Господь, какъ и вамъ самимъ это не безызвѣстно, не благословилъ меня потомствомъ...

Онъ подавляетъ вздохъ и взглядываетъ съ выраженіемъ кроткой покорности въ передній уголъ на тотъ самый образъ, гдѣ стоятъ украшенныя фольгой вѣнчальныя свѣчи.

Гость только что хочетъ что-нибудь сказать въ утѣшеніе о. Вареоломею; но онъ уже торопливо поднимается со стула, и, приложивъ руку къ сердцу, снѣшить перебить рѣчь гостя, какъ будто боясь со стороны его возраженій относительно характера Анны Аванасьевны.

— Повѣрьте! Повѣрьте!... Она вообще права тихаго и кроткаго, но главное—бесплодіе. Это главная причина. Бесплодіе ее озлобляетъ. Вотъ если бы Господь даровалъ мнѣ потомство, продолжалъ онъ, то въ такомъ случаѣ жизнь моя могла уподобиться земному раю.

— Да, это вы, батюшка, справедливо, вставляетъ свое слово гость.

— Справедливо! со вздохомъ повторяетъ отецъ Вареоломей и, находясь подъ вліяніемъ только что высказанной мысли о возможности уподобить свою жизнь земному раю, грустно добавляетъ, печально склонивъ голову на божь: — что дѣлать! не сподобился!...

Желаю и на это что-нибудь сказать для поддержки разговора гость протягиваетъ: — Н-да-а-съ... Жизни!... Это...

Но о. Вареоломей успѣлъ оправиться отъ охватившей его грусти и нѣсколько возвысивъ тонъ, продолжаетъ:

— Не сподобился! уже съ нѣкоторой укоризной самому себѣ говорить онъ,—но что-жъ изъ сего, что я не сподобился... Могу ли я знать, какія послѣдствія могли наступить при иныхъ обстоятельствахъ? Не могъ ли бы я тогда возгордиться, возмечтать о себѣ многое... Повѣрьте! уже воодушевившись продолжаетъ онъ: повѣрьте! Милосердый Господь нашъ болѣе насъ грѣшныхъ, о насъ же самихъ печется... Это нужно памятовать, каждодневно, ежечасно... Человѣческому уму недоступно прозрѣвать мысленнымъ окомъ въ будущее. Господь, словами апостола Павла, глаголетъ: «Погублю премудрость премудрыхъ и разумъ разумныхъ отвергну». Нужно исполнѣ, всею душою, всѣмъ сердцемъ и всѣми чувствами своими предаться промыслу Божию и тогда ничто не въ состояніи будетъ нарушить мира нашей души... Повѣрьте!...

Онъ прикладываетъ, по обыкновенію, руку къ сердцу и продолжаетъ:

— Вотъ, напримѣръ, я вамъ изложу слѣдующее, достойное вниманія...

Подтверждать свои заключенія разсказами изъ жизни, приводя въ примѣръ различныя достойныя вниманія событія, отецъ Вареоломей весьма любилъ, и это составляло нѣкоторую его слабость. Такая слабость даже ставила его иногда въ затруднительное положеніе, хотя онъ и умѣлъ его преодолевать. Начиналъ онъ, напримѣръ, излагать какое-нибудь достойное вниманіе событіе, увлекался различными мелкими подробностями, незамѣтно уклонялся отъ первоначальной темы и запутывался въ такихъ обстоятельствахъ, изъ которыхъ для другого въ этомъ случаѣ не представилось бы ни малѣйшей возможности выбраться; но о. Вареоломей, какъ опытный проповѣдникъ, всегда умѣлъ ловко свести концы съ концами: искусно и почти совершенно незамѣтно онъ перебирался чрезъ всѣ, имъ же самимъ воздвигнутыя, препятствія на старую тему и заключалъ свой разсказъ какими-нибудь текстами изъ священнаго писанія. Противъ священнаго текста гость, конечно, уже не находилъ возможности что-либо возразить и утомленный ожиданіемъ запоздаваемаго самовара, уныло начиналъ взглядывать на дверь, ведущую въ кухню.

Иногда гость, уже привыкшій слышать въ домикѣ отца Вареоламея громкій, визгливый голосъ Анны Аеанасьевны, изумлялся тишинѣ, царствовавшей въ домикѣ. Такъ странно было не слышать ея громкаго голоса, или хотя отдаленныхъ звуковъ его

со двора, съ улицы, съ огорода. Въ такое время, въ отвѣтъ на вопросы о причинахъ такой тишины, отецъ Вареоломей грустно подсмѣивался надъ своимъ собственнымъ положеніемъ и пояснялъ, что въ настоящее время матушка немножко не въ духѣ. Передавая это извѣстіе, отецъ Вареоломей робко оглядывался на дверь, ведущую въ кухню, боясь, чтобы она не услышала его смѣлыхъ разговоровъ. Боязнь эта имѣла свои основанія, потому что Анна Афанасьевна иногда любила подслушать, о чемъ именно ея мужъ разговариваетъ съ гостемъ, и бывали случаи, что она, какъ разсказывалъ самъ отецъ Вареоломей, влетала «въ мгновеніе ока» въ комнату и «громогласно» начинала уличать своего супруга «якобы во лжесвидѣтельствѣ». Такимъ образомъ, оглянувшись изъ предосторожности на дверь, отецъ Вареоломей тише прежняго продолжалъ, что въ настоящее время у него въ домѣ еще «не покойно» и что о томъ времени, когда собственно должно послѣдовать замиреніе, онъ достовѣрно сказать ничего не можетъ.

Умекшись иногда подробностями разсказа отецъ Вареоломей забывался до такой степени, что начиналъ подсмѣиваться надъ своимъ положеніемъ и находилъ его весьма комичнымъ. Иногда даже руками разведетъ въ заключеніе разсказа и, сдерживая просящійся наружу смѣхъ, закроетъ ладонями ротъ, чтобы не фыркнуть. Гость, слушая отца Вареоломея, забываетъ совершенно о томъ, что разсказчикъ горько смѣется не надъ тѣмъ-либо другимъ, а надъ самимъ же собою, тоже заражается смѣхомъ и сдерживается, чтобы не фыркнуть. Замѣтивъ такое дѣйствіе своихъ рѣчей, отецъ Вареоломей вдругъ овладѣваетъ собою и уже отчаянно машетъ обѣими руками надъ головой гостя и убѣдительнымъ шопотомъ проситъ его успокоиться. Иной смѣлиивый гость до того заражался смѣхомъ, что выбѣгалъ, какъ угорѣлый, изъ комнаты и случалось такъ, что стучивался въ самыхъ дверяхъ съ Анной Афанасьевной и фыркалъ ей прямо въ лицо. Анна Афанасьевна нѣсколько мгновеній недоумѣвала, но потомъ начинала гнѣваться и распекаетъ гостя, справедливо подозрѣвая, что можетъ быть ея отношенія къ супругу были поводомъ этого смѣха. Отецъ Вареоломей считалъ своимъ долгомъ отклонить и разсвѣять всякія подозрѣнія, и оправдывалъ гостя тѣмъ, что онъ «ослабѣлъ».

Иногда и изъ-за этого поднималась буря. Такъ шло изъ дня въ день, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, и изъ года въ годъ. Такъ началось съ перваго года женитьбы отца Вареоломея, когда онъ щеголялъ еще своею темнорусой бородкой, нѣсколько клинообразной, и съ удовольствіемъ расчесывалъ длинные, вившіеся худ-

рями волосы, такъ шло и теперь, когда его темнорусая борода уже засеребрилась сѣдыми волосами и вмѣсто длинныхъ кудрей на головѣ оказались весьма рѣдкіе волосы пепельнаго цвѣта, которые онъ все-таки тщательно всегда расчесывалъ, потому что любилъ имѣть «видъ благообразный».

Вообще говоря, онъ любилъ во всемъ «благообразіе.» Хотя Анна Аѳанасьевна и ставила себя во главѣ дома, по это только могло относиться къ экономической сторонѣ дѣла: чистота и порядокъ во всемъ поддерживались самимъ отцемъ Вареоломеемъ. Анна Аѳанасьевна и за это его иногда распекала, будучи недовольна, что онъ «суется» не въ свое дѣло, какъ, напримѣръ, мететь иногда комнаты, отираетъ пыль съ мебели, моетъ цвѣты. Онъ покушался не разъ забрать подъ свое непосредственное вѣдѣніе мытье пола и даже изобрѣлъ для этого особый снарядъ, чтобы можно было мыть не сгибая спины, но Анна Аѳанасьевна снарядъ «сокрушила», и нашла, что такое занятіе священнослужителю не благопристойно. Отецъ Вареоломей и самъ съ этимъ согласился, хотя внутренно остался при своемъ убѣжденіи, что неблагопристойнаго въ этомъ ничего нѣтъ, ибо всякій трудъ, служащій на поддержаніе чистоты въ жилищѣ, не только полезенъ для человѣка, но пріятенъ и Богу. На эту тему онъ когда-то въ давно прошедшіе дни написалъ даже стихотвореніе о трудѣ, гдѣ, между прочимъ, говорилось, что:

«Трудъ—веселье благодатное,
Трудъ — и радость и покой,
Трудъ — улада необъятная
Въ нашей юдоли земной.»

Здѣсь встаетъ будетъ упомянуть, что кромѣ этого «гимна» труду онъ переложилъ когда-то на стихи тропарь Николаю Чудотворцу, который начинался такъ:

«Ты вѣры правило, ты кротости законъ,
Ты воздержанія есть истинный учитель.
Явилъ тебя Господь, послалъ ко стаду Онъ,
И это истина, нашъ пастырь просвѣтитель...

и т. д., весьма близко къ подлиннику.

Какъ эти стихотворенія, такъ и нѣкоторыя другія, болѣею частью религіознаго содержанія, отецъ Вареоломей покушался когда-то «передать печати» подъ заглавіемъ: «Скромный плодъ вдохновенія, навѣяннаго смиренной музой»; но по зрѣломъ размышленіи покушеніе это оставилъ втунѣ, боясь заразиться тщеславіемъ.

Это было давно, еще въ первые годы его священнослужительства. Послѣдующія событія, и вообще говоря, «волны житейскаго моря» лишили его піитическаго дарованія. Впрочемъ нѣкоторое стремленіе къ литературнымъ трудамъ сохранилось въ немъ до сѣднхъ волосъ, какъ объ этомъ читатель узнаетъ въ свое время.

II.

Между множествомъ причинъ, вызывавшихъ, по словамъ отца Вареоломея, «междоусобія», главное мѣсто занимало не одно то именно обстоятельство, на которое онъ указывалъ, т. е. безплодіе Анны Аѳанасьевны, но и нѣкоторыя другія. Анна Аѳанасьевна имѣла страсть къ благамъ міра сего, заключавшимся, по ея понятіямъ, въ деньгахъ и въ различнаго рода приношеніяхъ со стороны прихожанъ, между тѣмъ отецъ Вареоломей относился къ этимъ предметамъ весьма равнодушно и о благахъ міра имѣлъ совершенно другія понятія. Для него составляло удовольствіе помочь пуждающемуся чѣмъ возможно, а если еще при этомъ представлялся случай пріятно побесѣдовать, то онъ уже былъ несказанно счастливъ. Анна Аѳанасьевна этимъ не ограничивалась. Ее даже иногда сердило то, зачѣмъ мужъ ея такъ спокоенъ; она можетъ быть даже завидовала, что его ничто не волнуетъ, не выводитъ изъ себя и вслѣдствіе этого еще болѣе начинала сердиться и досадовать на отца Вареоломея. Несмотря на свою повидимому не веселую жизнь, съ всегдашними «междоусобіями», онъ, казалось, мало тяготился ею и какъ будто находилъ, что иначе и быть не можетъ; а если иногда и приходилось ему жутко, то только въ самый разгаръ битвы; чрезъ пять минутъ по ея окончаніи онъ уже о ней совершенно позабывалъ. Слова: «междоусобія и битва», не нужно понимать въ ихъ настоящемъ значеніи, потому что, какъ сказано выше, войну вела только одна Анна Аѳанасьевна, она заключала перемирія, она ихъ нарушала, а отецъ Вареоломей, вѣрнѣе говоря, былъ только наблюдателемъ, даже очень спокойнымъ. Но такъ какъ, опредѣляя свои отношенія къ супругѣ, онъ употреблялъ именно эти выраженія и причислялъ себя къ числу тоже воинственныхъ людей, то они и остаются въ нашемъ повѣствованіи въ томъ самомъ значеніи, какъ ихъ понималъ отецъ Вареоломей, т. е. въ значеніи болѣе комическомъ.

Относясь спокойно и холодно къ благамъ міра сего, т. е. къ приношеніямъ прихожанъ, отецъ Вареоломей вызывалъ, ко-

нечно, заслуженный гнѣвъ своей супруги. Мало того, что онъ довольствовался за свои труды тѣмъ, что ему дадутъ, но еще часто исполнялъ всякія требы бесплатно и такого рода противозаконными, по мнѣнію Анны Афанасьевны, дѣйствіями выводилъ ее изъ терпѣнія. Ей казалось, что онъ такъ поступаетъ на зло ей, чтобы только досадить, вывести ее изъ терпѣнія и за это она, послѣ каждаго такого случая, обрушивалась на него всею силою своего строптиваго нрава.

Въ двухъ верстахъ отъ усадьбы Сумракова была деревня Ульяновка, принадлежавшая какому-то давно разорившемуся и разорившему своихъ крестьянъ помѣщику; мужики этой деревеньки были бѣдные, часто голодали и перебивались кое-какъ отъ жатвы до жатвы. Случалось такъ, что они обращались къ отцу Вареоломею и просили его посредничества предъ владѣльцемъ усадьбы, отставнымъ генераломъ, Николаемъ Савичемъ Сумраковымъ, не надѣясь сами выпросить у него помощи. Отецъ Вареоломей, конечно, съ величайшею заботою выслушивалъ ихъ просьбы и неотступно ходатайствовалъ за бѣдныхъ крестьянъ предъ Николаемъ Савичемъ, забывая въ это время про то, что Николай Савичъ «вельможа» и вельможа важный, порой сурово-строгій и даже неприступный.

Въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ о. Вареоломей, не только предъ лицомъ Николая Савича, но даже лично, отзывался о немъ съ большою почитительностію и почти съ боязнію, какъ о лицѣ слишкомъ высоко стоящемъ на ступеняхъ общественной лѣстницы, въ особенности по отношенію къ нему, совершенно безвѣстному сельскому священнику; въ случаяхъ же ходатайства за мужиковъ весь страхъ его исчезалъ, и онъ изъ робкаго, застѣнчиваго человѣка превращался въ неотступнаго просителя. Николай Савичъ хмурился, сердито ворчалъ, и такъ какъ каждую весну при посѣвѣ хлѣба повторялись подобныя просьбы, то онъ, наконецъ, отказывался помогать, обвиняя мужиковъ въ пьянствѣ. Отецъ Вареоломей начиналъ молить, упрашивать, точно этою помощію должна была рѣшиться его собственная роковая участь. Однажды Николай Савичъ, несмотря на продолжительныя просьбы о. Вареоломея, на его горячую, полную чувства рѣчь о томъ, что всѣ мы должны носить тягость другъ друга, наотрѣзъ отказался сдѣлать какую бы то ни было помощь и даже застучалъ о-полъ своимъ костылемъ; о. Вареоломей заплакалъ и упалъ предъ нимъ на колѣни. Николай Савичъ до того былъ пораженъ этимъ, что самъ бросился поднимать о. Вареоломея и заморгалъ глазами, стараясь скрыть набѣжавшую слезу. Этотъ случай навсегда

остали въ памяти Сумракова: онъ положилъ за правило уже, безъ всякихъ просьбъ о. Вареоломея, выдавать каждую весну известное количество хлѣба ульяновскимъ мужикамъ, такъ какъ воли ихъ не уваживались и за неимѣніемъ нужнаго количества скота, и урожанъ всегда были плохи. Съ этого же времени онъ началъ, каждый разъ при встрѣчѣ съ о. Вареоломеемъ, протягивать ему руку для полученія благословенія, чего прежде за нимъ не водилось и приказалъ своему управляющему увеличить содержаніе о. Вареоломея, справедливо сознавая, что этимъ увеличеніемъ дѣлаетъ добро многимъ.

Такія ходатайства за совершенно постороннихъ людей сердили Анну Аеанасьевну и возстановляли противъ мужа, потому что она хотѣла бы лучше для себя добиться помощи, чѣмъ для другихъ. Бывали и такіе случаи, что о. Вареоломей не только дѣлался посредникомъ между бѣдными мужиками и Николаемъ Савичемъ, а помогалъ имъ самъ изъ своихъ небогатыхъ средствъ.

Приходить, напримѣръ, мужикъ съ просьбой о помощи и валится въ ноги о. Вареоломея, начиная во все горло выть. Отецъ Вареоломей строгимъ шопотомъ начинаетъ усовѣщевать просителя:

— Молчи! Молчи! въ ужасѣ шепталъ онъ: молчи!

— Батюшка ты нашъ, кормилецъ, вопить мужикъ, стучаясь лбомъ о полъ.

— Вставай! Вставай! Грѣхководникъ ты этакой! Кому ты кланяешься? Кому? Ты долженъ Господу Богу поклоняться и ему единому служить.... Вставай!...

Мужикъ лѣнливо поднимается и начинаетъ громко рассказывать свое горе, что давно хлѣба нѣтъ, что семья третій день сидитъ голодная, что ходилъ и туда и туда...

Отецъ Вареоломей только руками машетъ и проситъ говорить тише, а самъ оглядывается не слышитъ ли Анна Аеанасьевна. Удостоверившись, что ее нѣтъ дома, онъ «тихими стопами» отправляется въ свою амбарушку для того, чтобы исполнить просьбу бѣдняка.

— Ты, главное, много не говори, замѣчаетъ при этомъ о. Вареоломей; помни, что въ многоглаголаніи нѣсть спасенія, а потому, касательно снабженія тебя хлѣбомъ ты лучше умолчи. Я съ великою готовностію радъ тебѣ услужить и помочь. Но ты помни слова Господа нашего, который глаголетъ: «ищите прежде царствія Божія и правды его, а вся временная благая приложатся вамъ». Вотъ, напримѣръ, я тебѣ, братецъ мой, скажу, было однажды достопамятное событіе въ царствованіе въ Бозѣ почившаго благовѣрнаго государя нашего Александра Благосло-

веннаго. Во время одного изъ своихъ путешествій по государству онъ долѣе обыкновеннаго оставался на почтовой станціи.

Мужикъ стоялъ предъ о. Вареоломеемъ съ открытой головой и внимательно слушалъ разсказъ; а разсказчикъ, уже не обращая вниманія на то, что амбарушка еще не заперта и мужицкая телѣга съ мѣшкомъ хлѣба стоитъ посреди его двора обстоятельно со всѣми подробностями разсказывалъ про достопамятное событіе.

Подъ вліяніемъ представившагося случая сдѣлать добро ближнему и даже еще имѣть возможность побесѣдовать съ нимъ, отецъ Вареоломей совершенно забывалъ про то, что матушка въ это время можетъ возвратиться домой и уличить его на мѣстѣ преступленія въ томъ, что онъ «расточаетъ» свое имѣніе. Несмотря на то, что уже бывали такіе случаи и велика собою весьма продолжительныя «пререканія», о. Вареоломей былъ неисправимъ. Въ первое время онъ пугался, когда Анна Аеанасьевна нападала на него въ распλοхъ и даже не зналъ что говорить, тѣмъ болѣе, что улыбка была на лицо: тутъ стоялъ и мужикъ съ открытой головой, тутъ же стояла и тощая клячѣнка съ мѣшкомъ муки на телѣгѣ; но отъ частаго повторенія подобныхъ сценъ о. Вареоломей обтерпѣлся и на упреки жены «за расточительство» указывалъ ей на ея малодушіе.

— Попадья! Попадья! говорилъ онъ, отчего ты не памятуешь о житіи святаго Филарета Милостиваго? Ужели въ твоёмъ воспоминаніи не осталось никакихъ слѣдовъ изъ моихъ разсказовъ о дѣяніяхъ сего замѣчательнаго угодника Божія...

Но указывать на малодушіе ему приходилось не долго, потому что чрезъ двѣ-три минуты Анна Аеанасьевна уже вышла на весь дворъ, и изъ ея устъ лились одно за другимъ, въ безконечномъ количествѣ, различныя опредѣленія касательно нравственныхъ свойствъ о. Вареоломея: тутъ слышались и «аспидъ», и «василискъ», и такія непонятныя слова, которыя могли придумать только разсерженная супруга о. Вареоломея, строгая блюстительница его хозяйственныхъ интересовъ.

Крестьянинъ, послужившій новою причиною продолженія «междоусобій», спѣшилъ поскорѣе ретироваться и если успѣвалъ, то увозилъ мѣшокъ съ хлѣбомъ, а если пѣтъ, то оставлялъ его на полѣ битвы до слѣдующаго благопріятнаго случая, когда Анны Аеанасьевны не будетъ дома. О. Вареоломей, замѣчая, что авторитетъ Филарета Милостиваго сильно страдаетъ въ этомъ междоусобіи, благоразумно отступалъ и оставлялъ поле битвы. Онъ удалялся внутрь домика, плотно притворялъ за собою дверь для того, чтобы не слышать, какъ раздается во дво-

рѣзкій голосъ Анны Аеанасьевны, не видѣть, какъ испущенъ этимъ крикомъ куры, вмѣстѣ съ солидно ходившимъ до времени пѣтухомъ, торопливо улепетываютъ въ отдаленную часть поповскаго двора, въ болѣе безопасное, по ихъ понятіямъ, мѣсто.

Отецъ Вареоломей, вслѣдствіе неудавшагося случая сдѣлать добро и вообще вслѣдствіе «возникшихъ» вновь непріятностей, печально склонялся головой на переддвинутый столъ и нѣкоторое время оставался въ такомъ положеніи.

Если кому-либо изъ читателей случалось видѣть въ Эрмитажѣ картину Бруни «Христосъ въ Геосимапскомъ саду», то онъ отчасти вѣрно можетъ представить себѣ выраженіе лица о. Вареоломея въ то время, когда онъ, поднявъ голову отъ стола, смотрѣлъ въ передній уголъ на икону, слабо освѣщенную свѣтомъ лампы.

Какъ ни далеко заходили иногда домашнія непріятности, имъ ни было трудно и, главное, обидно переживать ихъ, въ особенности въ такихъ случаяхъ, когда замѣшивался и страдалъ при этомъ интересъ третьяго лица, но о. Вареоломей умѣлъ переживать: судя по его же собственнымъ словамъ, всѣ страданія сердца и боль, иногда «мгновенно» охватывавшая душу, разсѣвались при одномъ только взглядѣ на икону Долготерпѣливаго, при одной мысли о неисповѣдимомъ Его промыслѣ, разсѣвались такъ же, какъ во храмѣ «оніямъ куренія».

Успокоивъ такимъ образомъ свои взволнованные чувства, о. Вареоломей уже начиналъ обдумывать, какъ бы поскорѣй устроить, чтобы мѣшокъ съ мукой передать по принадлежности. А во дворѣ между тѣмъ все еще гремѣлъ голосъ Анны Аеанасьевны. Она, какъ говорится, расходилась и сама не можетъ собою унять. Сосѣди, прильнувъ лицомъ къ щелямъ забора, наблюдаютъ за теченіемъ событій во дворѣ о. Вареоломея; Анна Аеанасьевна, замѣтивъ это, начинаетъ ихъ распекалъ и въ досадѣ швыряетъ въ нихъ первое попавшееся подъ руку, не разбирая, полѣно ли попало, камень или что другое. Однажды въ азартѣ она кинула въ сосѣдній дворъ даже посохъ отца Вареоломея, который онъ только-что было-выкрасилъ въ голубой цвѣтъ, сильно имъ, между прочимъ сказать, любимый.

Черезъ нѣсколько времени послѣ того, какъ оканчивались соображенія о передачѣ мужику мѣшка съ хлѣбомъ, о. Вареоломей осторожно подходилъ къ двери, прикладывалъ ухо къ ея скважинѣ и начиналъ вслушиваться въ неумолкающій визгъ Анны Аеанасьевны, печально повторяя про себя: соблазнъ! соблазнъ!.. Дождавшись, наконецъ, того времени, когда во дворѣ

возстановлялась тишина, онъ глубоко, глубоко вздыхалъ, точно по окончаніи тяжелой работы и садился за книгу, чтобы за быться окончательно и успокоиться, для чего и надвигалъ на носъ старинныя серебряныя очки солидныхъ размѣровъ. Иногда междоусобіе этимъ и оканчивалось; супруга, сознавъ свое прѣвосходство и восторжествовавъ надъ мужемъ, сурово принималась за свои домашнія дѣла, не обращая вниманія на о. Вареоломея.

Вслѣдствіе этого онъ уже совершенно успокоивался и углублялся въ чтеніе духовной книги; но читая, напримѣръ, о битвѣ филистимлянъ съ израильтянами во время Саула и Ионаана, онъ какъ-то невольно задумывался надъ вопросомъ о томъ, къ которому собственно изъ ихъ лагерей могла быть соприслѣсна его воинственная супруга.

Такъ дешево отдѣлаться за посягательство «расточать» свое имѣніе о. Вареоломею приходилось не часто, потому что Анна Аеонасьевна не всегда ограничивалась тѣмъ, что срывала большую часть гнѣва на сосѣдахъ, его оставалось и на долю о. Вареоломея достаточное количество. Въ такомъ случаѣ онъ считалъ необходимымъ на нѣкоторое время «удалиться» изъ своего дома, чтобы дать возможность скорѣе утихнуть домашнимъ волненіямъ. Онъ уходилъ въ поле, бродилъ по лѣсу, забирался на горы и совершенно забывалъ о томъ, какія причины вызывали его изъ дома. Иногда въ такое время домашнихъ баталій его можно было встрѣтить сидящимъ на крутомъ обрывѣ горы и наблюдающимъ закатъ солнца. Сидитъ онъ и смотритъ, какъ уходитъ за дальнія горы великое свѣтило, какъ постепенно скрывается отъ глазъ его послѣдняя блестящая точка, и во всѣ стороны неба изъ яркаго пламени вечерней зари разстилаются полукругомъ его блѣднѣющіе лучи; вотъ оно уже совершенно скрылось отъ глазъ, а лучи все еще видны на небѣ и прорѣзываются сквозь легкія облака, озолоченныя и окрашенныя необъяснимо-чудными цвѣтами. Сидитъ о. Вареоломей и все смотритъ, и только порывистѣе и порывистѣе дѣлается его дыханіе, видно, что на глубинѣ души его что-то творится и просится наружу; онъ, наконецъ, не выдерживаетъ, встаетъ на ноги, снимаетъ, шляпу и начинаетъ пѣть со слезами на глазахъ: «Величитъ душа моя Господа!..

Но темнѣетъ все болѣе и болѣе горизонтъ; догорающая зоря, тихая предвѣстница ночи, кладетъ на лѣсъ и поля и горы какой-то таинственный мягкій полусвѣтъ, и постепенно скрываетъ ихъ отъ глазъ отца Вареоломея. Вотъ уже скрылись «подъ пологомъ ночи» всѣ отдаленные предметы, миллионы звѣздъ заби-

стали въ невѣдомѣ, непостижимѣ человеческому уму пространства; таинственная полоса млечнаго пути раскинулась по всему небу, и блѣдная луна, какъ ночи стражъ, медленно поднимаясь съ востока, стала совершать свое шествіе, покорная вѣчнымъ и неизблѣннымъ законамъ мірозданія.

— День прешедъ, благодарю тя Господи, шепчетъ о. Варфоломей, отправляясь обратно въ свой домикъ, и нипочемъ уже для него всякія междоусобія, распри, и все, все, что человѣка мучить, волнуеть, давить...

III.

Не всегда же такъ шла жизнь о. Варфоломея, что онъ долженъ былъ искать успокоенія только въ созерцаніи природы и въ вызываемыхъ ею восторженно-духовныхъ настроеніяхъ. Бывали и другіе дни, и не бывать они не могли, ибо какой бы злой мачихой ни была судьба, но и ей можетъ наскучить постоянно сыпать колотушки на неповинную голову своего питомца.

Извѣстно, что нѣтъ такого мѣста на всемъ земномъ шарѣ, гдѣ небо постоянно покрыто тучами, гдѣ не перестаетъ завывать буря и, подъ шумными раскатами грома, изливается на землю безконечный дождь. Хотя на непродолжительное время, но и въ такихъ мѣстахъ, которыя самымъ Богомъ обижены, свѣтитъ ясное солнце и даетъ возможность угрюмому жителю пустынныхъ мѣстъ видѣть рѣдкаго небеснаго гостя, ненадолго выглядывающаго изъ-за густыхъ слоевъ мрачныхъ и грозныхъ тучъ. Такъ и въ жизни о. Варфоломея бывали такіе дни, когда прекращались всякія «междоусобія», не только по отношенію къ нему, но и ко всѣмъ обитателямъ ближнихъ и дальнихъ избъ сумраковаго имѣнія. Казалось, возстановлялся прочный миръ. Но при наступленіи такихъ дней отецъ Варфоломей, искушенный жизненнымъ опытомъ, нѣсколько малодушествовалъ, недоброжелательно относясь къ прочности и продолжительности наступившаго мира, и печально «мнилъ», что не представляютъ ли наступившіе дни собою чего-либо другого. Его думы всего болѣе склонялись къ тому, что этотъ миръ есть только скоропроходящее перемиріе; что, вѣроятно, чрезъ непродолжительный періодъ времени до его слуха опять донесутся со двора громкіе звуки голоса Анны Аѳанасьевны, предвѣщая начало новой войны, можетъ быть даже такой, которой послѣдствія отразятся на немъ, и что, можетъ быть, эта война будетъ даже «горшѣе первыхъ». Онъ, конечно, имѣлъ уважительныя основанія такъ думать, по-

тому что бывали въ прошедшее время случаи необыкновеннаго быстрого перехода отъ мирнаго хода событій въ самой шумной баталіи. Достаточно было того, чтобы какой-нибудь пятилѣтній мальчуганъ пустилъ камнемъ въ голосистаго пѣтуха, до небывающаго превозносімаго Анной Аѳанасьевной, и поднималась такая перепалка, во время которой не только безслѣдно пропадалъ дворъ сосѣдей голубой посохъ о. Вареоломея, но грозила и такая же опасность даже фіолетовой скуфѣ, полученной имъ примѣрный порядокъ и исправность по службѣ. Но иногда и тишина о. Вареоломея, къ счастью его, не оправдывалась: мѣждѣйствительно наступалъ, Анна Аѳанасьевна успокоивалась и дѣлалась примѣрной супругой, скромной и любящей подругой жизни. Другой, со стороны глядя, могъ только изумляться такъ быстро наступившей перемѣнѣ въ характерѣ Анны Аѳанасьевны. Она какъ будто утомлялась, наконецъ, постоянными мѣждоусобіями и искала отдохновенія, какъ ищетъ его всякій воинъ послѣ продолжительныхъ походовъ и военныхъ дѣйствій. Она казалось, начинала ощущать потребность тишины и даже не обращала вниманія на такіе проступки сосѣдей, за которые въ другое время могла ихъ сильно распечь. Можетъ быть эта потребность тишины являлась вслѣдствіе того гордаго сознанія, что «порядокъ возстановленъ», по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время. Такое возстановленіе порядка, а слѣдовательно и относительную прочность мира о. Вареоломей узнавалъ по несомнѣннымъ признакамъ: въ кухнѣ его домика появлялись жители сосѣднихъ избъ, по преимуществу женскаго пола (даже можно сказать: «исключительно»), кипѣлъ самоваръ совершенно не въ указанное время и слышались звуки мирной, отчасти веселой шумной бесѣды о курахъ, поросятахъ и о разныхъ предметахъ относящихся до сельскаго хозяйства. Распивая чай съ своими недавними врагами, Анна Аѳанасьевна не забывала и своего супруга: она сама, какъ онъ говорилъ: «собственною своею персоною» приносила ему чаю, безъ всякаго съ его стороны объ этомъ напоминанія и поставивъ стаканъ на передиванный столъ, нѣсколько разъ трепала своего супруга по плечу, а иногда даже и цѣловала въ лобъ, приговаривая: «Охъ, ты мой поппеъ смирненькой». О. Вареоломей мѣлъ и таялъ отъ такой ласки и за эту одну ласку готовъ былъ перенести тысячи новыхъ баталій. Ласки и внимательность Анны Аѳанасьевны не ограничивались только этимъ: въ такіе дни она вспоминала, какія кушанья любить о. Вареоломей, и за обѣденнымъ столомъ неожиданно появлялась уха изъ свѣжей рыбы, творогъ со сметаной и прочая благодать. Что чувствовалъ въ такое время о. Вареоломей,

выразить и передать невозможно, хотя бы даже въ блѣдномъ очеркѣ.

— Ну что, попишь, сытъ? спрашивала въ такіе дни Анна Аванасьевна послѣ обѣда.

— Сытъ, матушка! отвѣчалъ о. Варео́ломей, приложивъ руку къ груди: премного сытъ и необъяснимо признателенъ вамъ...

— Не хочешь ли къ вечеру простоквашки съ корицей и съ сахаромъ? а? Попишь? Хочешь? вопрошала Анна Аванасьевна, подсаживаясь къ нему рядомъ на диванъ.

— Что-жъ, простокваша хорошо... неотяготительно и для желудка...

— Ну, то-то.... А можетъ и ягодакъ бы съѣлъ съ сахаромъ, а?

— Нѣтъ, къ чему же? Простокваша достаточно... Только я думаю, не очень ли вы много матушка заботитесь...

— Ну, ну, молчи... Подѣлуй меня! Охъ ты лисенькая моя головушка!...

— Неужли-жъ я, матушка, уже лисенькой? Я предполагаю, что такое названіе нѣсколько преждевременно...

— Ну, чего преждевременно! Лисой будешь не сегодня—завтра... До лысины дожилъ, а дѣтей не нажилъ...

Это напоминаніе нѣсколько омрачаетъ прелесть минуты. Отецъ Варео́ломей вздыхаетъ; Анна Аванасьевна, замѣтивъ вздохъ, хочетъ развлечь своего супруга чѣмъ-нибудь, и иногда въ припадкѣ нѣжности наклонить его голову къ себѣ на колѣни и дать ему нѣсколько ударовъ въ спину, какъ будто въ наказаніе за то, отчего, доживъ до лысины, не нажилъ себѣ дѣтей.

— Виноватъ, матушка, простите по великодушію вашему... Не сподобилъ Господь... оправдывается о. Варео́ломей, не имѣя возможности поднять приклоненную къ колѣнямъ супруги голову.

— То-то, не сподобилъ Господь!...

И опять въ припадкѣ нѣжности Анна Аванасьевна угощаетъ его тумаками.

Вообще, все какъ-то у нея выходило рѣзко, крупно и грубо, даже самыя ласки.

Во всѣ дни мира о. Варео́ломей бывалъ въ необыкновенно пріятномъ и сладостно спокойномъ расположеніи духа.

Хотя такое состояніе онъ испытывалъ иногда и во времена междоусобій, но тогда оно вызывалось совершенно-другими причинами и послѣдствіемъ его было духовное наслажденіе, въ состояніи котораго о. Варео́ломей какъ бы отрѣшался отъ всего земного и становился выше его. Но домашній миръ вызывалъ

въ немъ нѣкоторыя другія дѣйствія, послѣдствіемъ которыхъ было не отрѣшеніе отъ всего земного, а тихое наслажденіе имъ. Въ такое время онъ любилъ, напримѣръ, рассказывать по своимъ комнатамъ, заложивъ руки за широкій поясъ подрясника, вышитыя шерстями яркихъ цвѣтовъ, и рассказывалъ онъ не такъ, какъ обыкновенно бывало, т.-е. нѣсколько сторбившись, а высоко закинувъ голову, какъ-бы обозрѣвая на потолокъ щели, въ которыхъ во времена междоусобій сыпалась земля. Рассказывая такимъ образомъ, онъ распѣвалъ нѣжнымъ теноромъ ирмосы въ особенности: «Понтомъ покрывъ Фараона съ колесницами» можетъ быть потому, что этотъ ирмосъ по содержанию своему отчасти соотвѣтствовалъ событіямъ текущаго дня. Анна Аванасьевна даже любила слушать его пѣніе, такъ оно было пріятно, и какъ будто даже кстати. Насладившись пѣніемъ, о Вареоломей любилъ посидѣть на диванѣ въ полулежащемъ положеніи и порадоваться на свое счастье. Подъ вліяніемъ этого счастья онъ иногда вдругъ снова закидывалъ высоко къверху голову и начиналъ, собственно ни къ кому не обращаясь, рассказывать о прелестяхъ міра въ его семейной жизни и рассказывалъ, случалось, довольно долго; но въ сущности это былъ не рассказъ, а нѣчто напоминающее лирическое стихотвореніе, въ которомъ восторженный поэтъ выражаетъ свои чувства.

— Какъ сладко жить на свѣтѣ, говорилъ онъ въ наслажденіе самому себѣ: какъ сладко жить человѣку, когда божественная благодать, немощная врачующая и оскудѣвающее наполняющая, снисходитъ на его кровь. Какъ безпредѣльна и безконечна милость Божія къ такому грѣшному и недостойному рабу, каковымъ всегда и по достоинству именую я себя... И т. д. въ этомъ родѣ.

Возблагодаривъ Создателя міровъ за незаслуженныя будто бы наслажденія благами жизни, о. Вареоломей отправлялся обозрѣвать свой дворъ, огородъ, и все это казалось ему въ такое время отличающимся чѣмъ-то особенно хорошимъ, точно вмѣстѣ съ нимъ вся природа и все его домашнее хозяйство готово было запѣть какой-нибудь торжественный ирмосъ, въ родѣ того же «Понтомъ покрывъ».

Въ такіе дни «возстановленія порядка» Анна Аванасьевна не ставила въ вину о. Вареоломею даже и того, что онъ «шлялся по больнымъ», тогда какъ при другихъ обстоятельствахъ она за это распекала постоянно, и будучи мнительна заставляла его, по возвращеніи отъ больныхъ, снимать все верхнее платье и провѣтривать. Нужно замѣтить, что когда впервые зашла рѣчь объ этомъ, о. Вареоломей усумнился въ справедливости словъ

супруги и подумалъ, что она шутить; но когда оказалось, что Анна Аванасьевна нисколько и не думаетъ шутить, а хочетъ въ дѣйствительности ввести такіа строгія карантинныя мѣры, о. Вареоломей рѣшился протестовать. Главное, было то, что онъ не былъ объ этомъ предувѣдомленъ заблаговременно: Аннѣ Аванасьевнѣ вдругъ пришло въ голову ввести ту мѣру, и именно въ то время, когда онъ только-что возвращался отъ больного и хотѣлъ войти въ комнату.

— Вѣдь это, матушка, совершенно неблагопристойно, obviously замѣтилъ онъ.

— А неблагопристойно, такъ оставайся на дворѣ до сумерекъ; въ комнату до того времени не пушу....

— Мнѣ по сану моему неблагопристойно быть даже безъ ризъ, а вы требуете, чтобы я и подрясникъ снялъ. Это нѣсколько странно... Наконецъ, я не могу знать предѣловъ вашего желанія, можетъ быть вы потребуете моего совершеннаго разо-мѣченія посреди двора при свѣтѣ дня...

Но Анна Аванасьевна была непреклонна и сдѣлала только незначительную уступку, а именно порѣшила на томъ, что о. Вареоломей, по возвращеніи отъ больныхъ, можетъ требовать «перемѣнку» и переоблачаться въ прихожей. Иногда эти путешествія по больнымъ сильно раздражали Анну Аванасьевну, и долго послѣ «переоблаченія» ему приходилось выслушивать упрёки супруги. Но въ дни мира она не только не упрекала о. Вареоломея въ полнѣйшемъ, будто бы, невѣжествѣ въ дѣлѣ леченія болѣзней, но даже сама сопутствовала ему въ посѣщеніи какого-нибудь Сидора или Ефрема, «изнемогающаго въ недугѣ». Стоило только о. Вареоломею въ такое время сказать, что «по справедливости говоря, матушка», намъ надлежало бы посѣтить такого-то, и она, безъ всякихъ споровъ и возраженій, соглашалась ему сопутствовать. Согласіе свое на посѣщеніе больного она выражала тѣмъ, что молча наеидывала на голову красный шерстяной платокъ, торопливо совала подъ него выбившіяся на лобъ волосы и кротко отвѣчала: «Ну, пойдёмъ», что доказывало о приносимой ею жертвѣ въ угоду мужу.

О. Вареоломей всегда очень соболѣзновалъ о томъ, что не-искусенъ «въ наукѣ врачеванія тѣлесныхъ болѣзней» и подъ влияніемъ этого, а также и по сохранившейся страсти къ литературнымъ занятіямъ, написалъ однажды докладъ по начальству о необходимости преподаванія нѣкоторыхъ медицинскихъ свѣдѣній въ семинаріяхъ. Хотя въ этомъ докладѣ и говорилось пред-варительно о небесномъ Врачѣ, исцѣляющемъ всякіе недуги, говорилось даже весьма пространно, и затѣмъ очень осторожно

было приступлено къ необходимости оказыванія нѣкоторой помощи земными средствами; но докладъ высшему начальству понравился, и о. Вареоломей получилъ за него изрядную хлопотку. «Богъ съ ними, говаривалъ онъ по этому поводу, съ нихъ взыщется. Будетъ время, будутъ другіе люди и другіе порядки, а я, непотребный, чѣмъ могу, тѣмъ и служу». Въ ожиданіи лучшаго будущаго онъ ограничивался тѣмъ, что приносилъ больному чаю «на запарочку» или сушеной малины, другихъ средствъ для излеченія болѣзней онъ не зналъ, ибо и самъ другими средствами никогда не лечился.

Случалось, что Анна Аеанасьевна приглашала его сочувствовать, но только уже не къ больнымъ, а на скотный дворъ, чтобы посмотрѣть въ какомъ состояніи здоровья находится ихъ собственная стельная корова. О. Вареоломей изъявлялъ, конечно, полнѣйшую готовность и шелъ на скотный дворъ; приходили, смотрѣли на стельную корову и иногда любовались, глядя, какъ она пережевываетъ солому. Если являлось какое либо сомнѣніе относительно состоянія ея здоровья, то о. Вареоломей обходилъ ее со всѣхъ сторонъ, внимательно оглядывалъ и старался успокоить Анну Аеанасьевну, говоря, «что по веселому взору животнаго дурного предположить ничего нельзя».

Возвращались домой, мирно садились за ужинъ (ужинали всегда въ кухнѣ) и отходя ко сну, о. Вареоломей усердно благодарилъ Создателя за то, что Онъ не по достоинству и не по заслугамъ награждаетъ его земными благами.

Такъ въ одинъ изъ такихъ дней, въ домикѣ о. Вареоломея былъ миръ и спокойствіе, и даже болѣе въ «сугубой» степени потому, можетъ быть, что на слѣдующій день утромъ о. Вареоломей долженъ былъ отправиться въ Петербургъ по дѣламъ службы и потому, можетъ быть, Анна Аеанасьевна была въ этотъ вечеръ особенно вротка, любезна и внимательна къ мужу. Уже совершенно стемнѣло. О. Вареоломей изъявилъ желаніе поужинать; но только что Анна Аеанасьевна приготовилась подавать ужинъ, и босоногая дѣвочка, единственная прислуга въ ихъ домѣ, потащила изъ печки кушанье, какъ изъ дома Сумраковыхъ явился посланный и передалъ о. Вареоломею, что Николай Саввичъ желаетъ его сегодня видѣть.

— Что же, матушка, отложимъ на нѣкоторое время ужинъ? — съуетливо предложилъ о. Вареоломей.

— Ну, отложимъ. Иди, да только не болтайся долго-то! — Слышишь?

— Слышу, слышу, матушка... Конечно, я не замедлю. Любопытно мнѣ узнать, какая настоящая надобность его превос-

сидѣтельству во мнѣ и въ такое ночное время, говорилъ онъ, откидывая свою шляпу.

— Ну, что ты испугался? что ты суешься изъ угла въ уголъ, точно угорѣлъ? замѣтила Анна Аеанасьевна, видя, что поиски о. Вареоломея ни къ чему не ведутъ.

— Отчего же мнѣ пугаться, я такъ предполагаю, что повинностей за мною никакихъ нѣтъ, отчего же я буду пугаться...

— Нашелъ что ли? Мелешь, самъ не зная что... нашелъ? нетерпѣливо спрашивала супруга.

— Вы, матушка, успокойтесь, я отыщу, я въ самомъ скоромъ времени отыщу, увѣрялъ онъ, тщательно оглядывая всѣ углы и потомъ вдругъ снова увлекся неожиданностію приглашенія.

— Любопытно мнѣ знать, какая такая настоятельная надобность...

— Да нашелъ ли ты, наконецъ, шляпу-то? Господи!..

— Благодареніе Создателю, — вотъ она! торжественно оповѣстилъ о. Вареоломей, и объяснивъ еще супругѣ, что пугаться ему положительно нѣтъ никакого основанія, тронулся наконецъ въ путь.

IV.

Сидитъ о. Вареоломей въ почтительной позѣ, на кончикѣ стула, въ кабинетѣ Николая Саввича. Николай Саввичъ медленно и лѣниво сосетъ свой чубукъ, и по обыкновенію хмурится. Онъ молчитъ, и не то дремлетъ, не то что-то обдумываетъ, всего вѣрнѣе послѣднее, потому что во время дремоты его сѣдыя брови не такъ близко сдвигаются одна къ другой. Отецъ Вареоломей находится въ большомъ недоумѣніи, ибо еще не получилъ надлежащихъ свѣдѣній о томъ, какая настоятельная надобность встрѣтилась въ немъ въ ночное время. Онъ давно уже допилъ пятый стаканъ чаю (предлагали — совѣстно было отказаться) и держалъ его въ рукахъ, робко поглядывая на дверь, въ которой долженъ былъ, по его предположенію, показаться слуга съ подносомъ. Николай Саввичъ замѣтилъ, наконецъ, его робкіе взгляды и позвонилъ.

— Выпейте еще, о. Вареоломей, предложилъ онъ.

— Въ изобиліи, въ изобиліи, ваше превосходительство. Душевно признателенъ, кланялся о. Вареоломей, вставъ со стула.

— Вы завтра утромъ ѣдете?

— Да-съ, предполагаю, если Господь благословить...

Онъ взглянулъ на образъ и хотѣлъ прощаться.

— Гм... Да... Вы спѣшите. Понимаю. Но присядьте... Мнѣ нужно вамъ передать кой-что, предложилъ Николай Саввичъ.

— Съ душевною готовностію, ваше превосходительство. Я предполагалъ, что моя бесѣда можетъ быть нѣсколько васъ уже и утомила, потому больше поспѣшилъ...

— Нѣтъ, нисколько, замѣтилъ Николай Саввичъ.

Это замѣчаніе было совершенно справедливо, потому что въ продолженіи получаса со времени прихода о. Вареоломей бесѣды собственно никакой не было, — какъ хозяинъ, такъ и гость все время сидѣли молча: одинъ изъ уваженія «къ вельможѣ» пилъ стаканъ за стаканомъ чай, а другой, по всегдашней привычкѣ, сосалъ трубку и хмурился, находя необходимымъ, можетъ быть тоже изъ чувства уваженія, налить сначала гостя чаемъ.

— Присядьте, о. Вареоломей. Я васъ не задержу...

— Слушаю-съ.

О. Вареоломей снова помѣстился на кончикѣ стула, и сложивъ на животѣ руки, началъ вертѣть пальцами, въ ожиданіи, что будетъ говорить Сумраковъ.

Николай Саввичъ пошамкалъ нѣсколько губами и, еще болѣе нахмурившись, началъ:

Я поручилъ бы вамъ, если только не составитъ это для васъ большого труда...

— Съ искреннею готовностію, ваше превосходительство, съ искреннею готовностію, что угодно. Не токмо не составитъ труда, но я всегда за особенную честь приму и поспѣшу...

— Гм... Гм... Да... Но позвольте, о. Вареоломей, мнѣ докончить...

О. Вареоломей уже не рѣшался произнести ни одного слова и только закивалъ головой, какъ будто хотѣлъ этимъ успокоить генерала въ томъ, что не будетъ болѣе перебивать его рѣчи.

— Если не составитъ вамъ большого труда, то примите мнѣ, или, если не успѣете, то поручите кому-либо изъ вашихъ хорошихъ знакомыхъ... У васъ, помнится мнѣ, есть тамъ знакомые профессора...

Отецъ Вареоломей утвердительно закивалъ головой.

— Гм... Да. Такъ поручите, пожалуйста, прискаты мнѣ репетитора для младшаго сына...

— Для Михаила Николаевича? спросилъ о. Варфоломей, находя что этотъ вопросъ можно сдѣлать безпрепятственно.

— Да. Курсы начнутся 15-го августа. Такъ вотъ именно въ это время...

Наступила нѣкоторая пауза. О. Вареоломей вздохнулъ, находясь въ нерѣшительномъ положеніи относительно своего молчанія. Ему казалось, что пора изъяснить свое согласіе на исполненіе порученія, и въ то же время онъ боялся, что пожалуй опять не въ-время заговорить.

— Я съ своей стороны, началъ-было онъ, но генераль перебилъ его рѣчь.

— Да, вотъ что,—я не вѣрно выразился: репетитора, да... То-есть, онъ долженъ жить у меня въ квартирѣ, какъ будто бы отчасти въ качествѣ гувернера.

— Такъ-съ, рѣшился вставить о. Вареоломей и вздохнулъ. Его, видимо, утомляло молчаніе.

— Затѣмъ, относительно платы. Я назначаю 600 рублей въ годъ при готовой квартирѣ и столѣ.

— Что-жъ! Я предполагаю, плата весьма достаточная, ваше превосходительство...

— Гм... Гм... Да... Но позвольте...

— Слушаю-съ. Слушаю-съ...

— Главное, о. Вареоломей, обратите вниманіе, чтобы человѣкъ былъ хорошей нравственности.

— Во всякомъ случаѣ...

— Гм... Гм... — Позвольте...

— Виновать-съ. Слушаю-съ...

— Вы, поручая это дѣло вашимъ знакомымъ, именно и просите, чтобы обратили самое главное вниманіе на этотъ предметъ.

Николай Саввичъ замолчалъ и сталъ сосать свою трубку.

О. Вареоломей уже положительно понялъ, что по поводу порученія сказано все, и потому заговорилъ почти безъ всякой робости.

— Въ виду я, говоря по справедливости, ваше превосходительство, въ настоящее время пока не имѣю такого лица, но въ Санктъ-Петербургѣ, при посредствѣ моего продолжительнаго знакомства съ господиномъ профессоромъ Крестовоздвиженскимъ, я вѣрное могу удовлетворить ваше желаніе.

Николай Саввичъ болѣе не говорилъ ни слова, точно сознавая, что надо же дать человѣку возможность высказаться.

— Въ то время, ваше превосходительство, продолжалъ о. Вареоломей, въ то время, когда я проходилъ курсъ наукъ въ Санктпетербургской духовной семинаріи...

И пошелъ, и пошелъ росписывать, строя подробности на

подробностяхъ, удаляясь далеко въ сторону по поводу различныхъ, достойныхъ вниманія, случаевъ и снова пересказывая главный предметъ бесѣды. Говорилъ онъ медленно, однозвучно и благодаря атому обстоятельству, разговоръ его оказалъ нѣкое благотворное вліяніе на Николая Саввича, страдавшаго безсонницей. Увлеченный своей собственной бесѣдой, о. Вареоломей не замѣтилъ, что генераль давно дремлетъ, и только тогда опомнился, когда услышалъ сладкое шипѣнье заснуващаго старика.

— Господи! что же мнѣ теперь дѣлать? въ испугѣ подумалъ о. Вареоломей, вдругъ останавливая потокъ своей рѣчи на самомъ, казалось, интересномъ мѣстѣ. — Какое, однако, странное стеченіе обстоятельствъ! удивлялся онъ, робко оглядываясь по сторонамъ и точно отыскивая способъ выйти изъ затруднительнаго положенія. — Какъ же мнѣ теперь уйти, подумалъ онъ, недоумѣвая.

Во всемъ домѣ, какъ на грѣхъ, царилъ полнѣйшая тишина, нигде не слышно было движенія и говора, точно весь домъ давнымъ-давно спалъ мертвымъ сномъ и только доносились изъ зала звуки ударовъ часового маятника, равномерно и медленно слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, да слышалось тутъ, послѣ о. Вареоломея, сладкое шипѣнье Николая Саввича.

— Въ то время я, ваше превосходительство, началъ о. Вареоломей погромче.

Но старикъ не просыпался и зашипѣлъ еще сильнѣе.

О. Вареоломей робко приподнялся со стула, заглянулъ въ дверь, ведущую въ залъ, и не зная, какъ поступить — уйти, или остаться.

— Невѣжливо такъ уйти не простившись, тѣмъ паче, утрюмъ уѣзжаю въ путь... Но если же этотъ сонъ продлится на довольно значительное время? въ испугѣ подумалъ онъ. Какъ же это я не замѣтилъ, что усыпляю?

— Въ то время, я, ваше превосходительство... началъ онъ уже значительно возвысивъ голосъ.

Николай Саввичъ открылъ глаза.

— А! Извините, пробормоталъ онъ и засосалъ охладѣвшую трубку.

— Меня великодушно простите, ваше превосходительство, — не извольте беспокоиться, — духъ бо бодръ, плоть же немощна...

Онъ помолился на образъ и, раскланявшись, хотѣлъ уйти, но Николай Саввичъ остановилъ его. Медленно приподнявшись съ кресла, онъ всталъ на ноги, протянулъ къ о. Вареоломею руку и сказалъ: «благословите». Онъ уважалъ о. Вареоломея и, какъ

еще выше, чтить въ немъ не только одинъ санъ, но и дѣйствительныя нравственныя достоинства. Чтить конечно по-прежнему, такъ сказать по-генеральски, вполне сознавая, какъ тяжело ему, ту громадную пропасть, которая положена между его жизнью, общественнымъ положеніемъ, аристократичностію дома Сумраковыхъ и тому подобными, по его мнѣнію, весьма важными причинами.

— Какъ же это я не могъ предвидѣть и избѣжать такого обстоятельства, идя по залѣ, печально размышляя о. Варео-ломею по поводу своего «неблаговиднаго поступка», — въ этомъ случаѣ на будущее время нужно быть осмотнительнѣе...

Онъ спѣшилъ домой къ давно ожидавшему его ужину и уже предчувствовалъ, что Анна Аванасьевна распечетъ его за поздній приходъ; но на пути опять «не могъ предвидѣть обстоятельства» и застрялъ въ прихожей генеральскаго дома, встрѣтившись съ буфетчикомъ, съ которымъ цѣлые полчаса разговаривалъ шопотомъ.

— Да зайдите, батюшка, ко мнѣ, что намъ здѣсь шептаться, предложилъ буфетчикъ.

— Я, изволите видѣть, спѣшу очень, а впрочемъ...

Но зайти къ буфетчику и побесѣдовать о. Варео-ломею не удалось: у дверей прихожей, на крыльцѣ, давно уже сторожила его босоногая дѣвочка, посланная Анною Аванасьевной. Только-то онъ показался на крыльцѣ, намѣреваясь, сойдя съ него, повернуть въ лѣвую сторону, вмѣсто того, чтобы идти на право, по направленію къ своему дому, — какъ дѣвочка, въ темнотѣ и въ замѣченной, плаксиво заговорила:

— Батюшка! матушка васъ безпримѣнно велѣла звать до-мой...

— Царь небесный! Нельзя уже и на едину минуту отлучиться!.. Сейчас!

Онъ не рѣшался идти къ буфетчику и стоя на ступеняхъ крыльца, продолжалъ разговоръ.

— Его превосходительству, изволите видѣть, благоугодно, желалъ онъ, чтобы для Михаила Николаевича былъ пригото-вленъ въ Санктъ-Петербургѣ надлежащій наставникъ...

— Все равно, о. Варео-ломею, все равно, толку не будетъ никакого. Какой ужъ теперь ему наставникъ, онъ только и знаетъ теперь, что какъ бы поскорѣй деньжонкамъ глаза про-сверлить. Шалопай они оба. Старшой-то ужъ совсѣмъ завертѣлся въ свои долги, сказываютъ, что въ Питерѣ-то онъ вертится какъ бѣсъ передъ заутреней... Шалопай они оба и съ Владиміромъ, сердито заключилъ буфетчикъ.

— Я, конечно, не могу, судить, тѣмъ паче о Владимірѣ Николаевичѣ, онъ уже въ настоящихъ годахъ и въ офицерскомъ чинѣ; но относительно Михаила Николаевича... Дѣло въ томъ изволите видѣть, что при хорошемъ наставникѣ могутъ быть и некоторые перемены въ лучшему.

Дѣвочка опять заголосила:

— Батюшка! матушка право сердится. Она говорила, ежели говорить, онъ не придетъ сейчасъ, а сама за нимъ пойду...

— Владычица! И даже на единую минуту нѣтъ мнѣ свободной свободы въ дѣйствіяхъ, раздраженно прошептала Вареоломей и сталъ прощаться, но опять заговорился.

— Да зайдите, батюшка, на минуту, снова позвалъ буфетчикъ, у меня уха сегодня изъ свѣжей рыбы.

— Такъ я пойду, коли такъ, пласиво и громко заняла дѣвочка.

О. Вареоломей заговорилъ сердитымъ шопотомъ:

— Глупая! глупая! зажми ротъ, говорю тебѣ, зажми свой ротъ. Ты полагаешь, что находишься въ полѣ. Глупая! Гдѣ ты стоишь?.. Тихе! Я иду сейчасъ, видишь, прощаюсь. Вотъ моя жизнь какая, обратился онъ опять въ буфетчику, — не имѣю никакой свободы въ поступкахъ моихъ...

— Да что-жъ бояться. Зайдите, о. Вареоломей, снова послышался въ темнотѣ соблазняющій голосъ. Не бойтесь, — что-жъ за бѣда....

— Я не опасуюсь.... Я, даже, по чистой совѣсти говоря, не сколько не опасуюсь, но невозможно.... Невозможно потому, собственно, что съ разсвѣтомъ необходимо выѣхать.

— Уха какая! мучимый скукой одиночества звалъ соблазнитель.

— Предвкушаю, заранѣе предвкушаю.... Но.... до повиданія. Невозможно!

И разстались наконецъ.

— Всегда ты, всегда о. Вареоломей болтаешься по пяти часовъ, распекала его по возвращеніи Анна Афанасьевна, да на что же это похоже? Подумай ты, пожалуйста, что же это такое? Я сижу тутъ, жду, жду. Ужинъ давно простылъ.... Да если въ тебѣ хоть капелька стыда!

Отецъ Вареоломей стоялъ въ дверяхъ, печально и съ сожалѣніемъ смотря на расходившуюся супругу.

— Ну что же ты сталъ? Что же ты стоишь-то?... Господи! Да это я ужъ и не знаю, на что это похоже.... Завтра утромъ уѣзжаетъ и — скажите пожалуйста, — слова не хочетъ отвѣтить

— Матушка! отвѣтилъ, наконецъ о. Вареоломей, кладя шляпу на столъ, насколько ты неблагоуразумна!

— Это еще что за новости?... Говори, отчего ты такъ долго ниш бѣгался?

— Насколько ты неблагоуразумна, повторилъ еще о. Вареоломей, приложивъ правую руку къ груди и затѣмъ молча вѣлъ за столъ, на которомъ стоялъ давно уже остывшій ужинъ.

Потому ли, что въ этотъ день съ утра установился въ домѣ о. Вареоломея прочный миръ, или вслѣдствіе сознанія того, что «попикъ» на слѣдующее утро «разлучается» съ Анной Аванасьевной, она недолго распевала его за позднее возвращеніе и смѣлый отзывъ, высказанный имъ относительно, будто бы, я неблагоуразумія — ни къ какимъ «пререканіямъ» не повелъ. Онъ удовлетворилъ ея женское любопытство относительно призыва, по которымъ былъ вызванъ «въ позднее время» къ Николѣ Саввичу, и затѣмъ все кончилось благополучно, тихо, мирно, въ сладкихъ радостяхъ супружеской любви и счастья.

Утромъ слѣдующаго дня онъ тащился въ своей голубой, ему околотку извѣстной, таратаечкѣ по направленію къ желѣзной дорогѣ, рядомъ съ нимъ сидѣлъ крестьянскій мальчикъ, затѣмъ вмѣсто кучера. Провожая ихъ въ дорогу, Анна Аванасьева поучала мальчика относительно того собственно, какъ онъ долженъ ѣхать обратно одинъ и грозила побить его, если онъ что-либо изломаетъ у знаменитой одноволеи или измучитъ лошадей скорой ѣздой. Поученіе началось собственно въ то время, когда уже о. Вареоломей взялъ возжи въ руки, чтобы тронуться въ путь, и продолжалось такъ долго, что о. Вареоломей даже огрѣшилъ, подумавъ: «а, ну-ка я уѣду не дождавшись конца», но уѣхать такъ не рѣшился.

— Да если только ты смѣешь!... Да если только я замѣчу!... разговаривала Анна Аванасьева мальчику, который кажется уже думалъ: «да что это батюшка смотритъ, стегнулъ бы по лошади — и шабашъ».

— Матушка, я могу такимъ образомъ опоздать.... Позвольте уже тронуться въ путь.... попросилъ наконецъ о. Вареоломей.

— Ну, съ Богомъ. Только пожалуйста ты дорогой-то ему побольше говори о томъ, какъ онъ долженъ обратно ѣхать, крикнула еще вслѣдъ Анна Аванасьева.

Но о. Вареоломей только что выѣхалъ за деревню, какъ забылъ уже о порученіи своей супруги.

По приѣздѣ на станцію онъ къ ужасу своему замѣтилъ, что поѣздъ уже пришелъ и потому бросился со всѣхъ ногъ къ кассѣ, не сказавъ даже своему маленькому кучеру, что поѣзжай, молъ,

домой, передай матушкѣ почтеніе, скажи, что доѣхали, и т. п., и только на бѣгу махнулъ ему шляпой въ ту сторону, гдѣ находилась усадьба Сумракова, какъ бы желая указать направленіе пути. На станціи, какъ на грѣхъ, скопилось много пассажировъ: со всѣхъ сторонъ валилъ народъ, у кассы тѣснилась большая толпа, и волей-неволей нужно было идти очень медленно поочередно. «Опоздаю, опоздаю», шепталъ о. Вареоломей и нетерпѣливо заглядывалъ впередъ, желая удостовѣриться, скоро ли ему придется взять желаемый билетъ. Сзади налетѣлъ кто-то съ чемоданомъ и ткнулъ имъ о. Вареоломея въ спину, не думая извиниться.

— Можно поблагороднѣе, я такъ предполагаю, оскорбившись замѣтилъ о. Вареоломей, и довольный тѣмъ, что успѣлъ наконецъ взять билетъ, торопливо проскользнулъ подъ саквойлжемъ какого-то пассажира и выбѣжалъ на платформу станціи. Но тутъ встрѣтилась ему крестьянка съ охапкой калачей и съ узломъ за плечами, красная, какъ полмя; она лѣзла на него въ упоръ, и едва переводя духъ, торопилась протискаться въ двери станціи.

— Что же ты, опалѣла! Ахъ, какая! Нѣтъ въ васъ нисколько благородства, сказалъ онъ совершенно растерявшейся женщинѣ, отстраняя ее отъ себя обѣими руками.

— Ахъ, матушки-и, да вѣдь никакъ я опоздала-а! Родимые! раздался позади о. Вареоломея отчаянный крикъ женщины.

Онъ было остановился, по привычкѣ чутко отзывать на всякій голосъ, нуждающійся въ помощи, но неумолимый звонокъ въ третій разъ занялъ въ воздухѣ, и о. Вареоломей всплеснулъ только руками, оглянулся кругомъ, точно отыскивая, кому бы поручить попеченіе о бабѣ, и бросился бѣгомъ впередъ по направленію къ вагонамъ третьяго класса. Онъ бѣжалъ такъ быстро, что полы его рясы раздулись, какъ два паруса. На бѣгу замѣтилъ онъ знакомаго помѣщика, сидѣвшаго у окна въ вагонѣ 1-го класса, и даже не поклонился ему.

— Нехорошо, ахъ, какъ плохо, все-таки успѣлъ подумать онъ, — нехорошо: не уваженіе съ моей стороны. Нужно по возвращеніи непременно побывать у него, засвидѣтельствовать почтеніе и извиниться.

Онъ вбѣжалъ, или, вѣрнѣе сказать, вспрыгнулъ на площадку вагона и, наткнувшись на кондуктора всей грудью, испуганно заговорилъ:

— Простите великодушно, что я васъ нѣсколько обезпокоилъ своимъ поспѣшнымъ набѣгомъ.... Такая суета суетствій!

— Ничего. Наше дѣло привычное. Пожалуйста, отвѣчай
принимай кондукторъ.

— Какого онъ, однако, багрянаго цвѣта, успѣлъ подумать
про него о. Вареоломей, но затѣмъ тотчасъ же прибавилъ:
— Господи, прости мое согрѣшеніе, самъ не вѣдаю, что позво-
лилъ себѣ.

Только что онъ вошелъ въ двери вагона, какъ тутъ же на
самомъ порогѣ и остановился въ полнѣйшемъ изумленіи, не
зная какъ идти впередъ и гдѣ присѣсть: вагонъ былъ, какъ го-
ворится, биткомъ набитъ пассажирами.

— Какое, между прочимъ сказать, большое стеченіе публи-
ки, проговорилъ онъ вслухъ, пробираясь осторожно впередъ и
собственно ни къ кому не обращаясь, потому что пассажиры
большую частію еще спали или дремали, угрюмо тыкаясь но-
гами впередъ.

Въ вагонѣ было тихо, только въ углу на рукахъ женщины
лежал грудной ребенокъ. Она не переставала его утѣшать ук-
тываньемъ и грустнымъ припѣвкомъ, который то затихалъ, то
громче раздавался, смотря по тому, тише или сильнѣе начиналъ
плакать ребенокъ. Подъ это тоскливое нытье, перекинувшись
головой чрезъ спинку скамьи, спалъ какой-то счастливецъ, ши-
роко раскрывъ ротъ, при чемъ храпѣлъ, и всклокоченная бо-
рда торчала кверху, какъ помело; далѣе, кто-то безцеремонно
перекинувъ ноги на противоположную скамью и загородивъ та-
кимъ образомъ проходъ, уткнулся головой въ стѣну вагона и
казалось хотѣлъ изобразить своей фигурой быка, когда онъ, раз-
гнѣванный, роетъ рогами землю и мычитъ. Отецъ Вареоломей
осторожно перешагнувъ чрезъ такое встрѣтившееся на пути
препятствіе, но далѣе предстояло другое: въ проходѣ, между
скамьями, спалъ солдатъ, широко раскинувшій руки и ноги; онъ
былъ совершенно недвижимъ, точно шальная пуля не дала ему
выговорить слова и свалила замертво убитымъ на томъ мѣстѣ,
гдѣ застала.

Тяжелый слертый воздухъ, ноющій ребенокъ и какъ маят-
никъ качающаяся фигура измученной матери, — все это могло
навести невыносимую тоску, въ особенности еще и при невоз-
можности найти мѣсто, притѣнуться хотя гдѣ-нибудь на уголкѣ:
все это, послѣ деревенскаго простора полей и лѣсовъ, послѣ
чистаго воздуха, сразу вдругъ охватившее, могло показаться
мѣстомъ заключенія, тюрьмой, наказаніемъ за неизвѣстныя про-
винности. Такъ былъ тяжелъ переходъ «съ воли» въ вагонъ
третьяго класса.

О. Вареоломей тоже не чуждъ былъ этого чувства и, перебираясь чрезъ встрѣчающіяся по пути препятствія, только шепталъ про себя: «Господи помилуй, какая духота».

V.

На слѣдующей станціи отецъ Вареоломей уже успѣлъ оглядѣться въ вагонѣ, какъ говорится, обтерпѣлся и возымѣлъ положительное намѣреніе побесѣдовать; но для бесѣды подходящихъ личностей не находилось: въ сосѣдствѣ сидѣли все какія-то пасмурныя, сердитыя лица, было нѣсколько крестьянъ, но бесѣдовать съ ними особеннаго вожделѣнія о. Вареоломей не чувствовалъ, ибо такихъ собесѣдниковъ и въ усадьбѣ встрѣчалось достаточно.

Былъ въ виду одинъ молодой человѣкъ, наружность котораго о. Вареоломею очень понравилась, но завязать съ нимъ разговоръ онъ отчасти робѣлъ, потому что молодой человѣкъ казался ему какъ будто нѣсколько гордымъ и какъ будто въ то же время не гордымъ, а печальнымъ, вообще непонятнымъ. О. Вареоломей долго присматривался, вздыхалъ, томимый желаніемъ побесѣдовать, но наконецъ рѣшился.

— Въ Санктпетербургъ изволите? вкрадчиво спросилъ онъ.

— Да, тихо и коротко отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— Та-а-к-съ, протянулъ о. Вареоломей.

Помолчали нѣсколько времени.

Сложивъ на животѣ руки, о. Вареоломей завертѣлъ пальцами и снова украдкой изъ-подлобья оглянулъ молодого человѣка.

— Та-а-к-съ. По служебнымъ дѣламъ изволите путешествовать?

— Нѣтъ, по своимъ.

— Гм.... Гм.... По собственнымъ!... Та-а-к-съ.... Боже очисти мя!....

Онъ опять вздохнулъ и смолкъ.

— Вѣроятно коммерческія дѣла вынуждаютъ ѣхать въ столицу? снова послышался его тихій, нѣсколько робкій вопросъ.

— Нѣтъ, я такъ ѣду....

— Поблаженствовать? съ заискивающей улыбкой спросилъ о. Вареоломей.

— Нѣтъ, такъ....

— То-есть, какъ же это?

— Да такъ....

— Это довольно неопредѣленно, замѣтилъ о. Вареоломей, и какъ будто нѣсколько сконфузился.

— Да, дѣйствительно неопредѣленно, отвѣтилъ молодой человѣкъ и задумался, точно самъ себѣ хотѣлъ сначала опредѣлить, зачѣмъ онъ въ самомъ дѣлѣ ѣдетъ.

— Это даже нѣсколько странно.... А впрочемъ, можетъ статься, вы имѣете свои уважительныя причины хранить по этому случаю молчаніе, вкрадчиво спросилъ о. Вареоломей.

— Нѣтъ, нисколько. Я ѣду, батюшка, поискать счастья, отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— Вотъ ва-а-къ! Счастія! Это назидательно! уже оживившись подсказалъ любопытный собесѣдникъ, — это крайне любопытно и назидательно. — Гм.... Гм... крикнулъ онъ, предвкушая сладость предстоящей бесѣды, и обратился къ мужику, сидѣвшему рядомъ съ молодымъ человѣкомъ:

— Уступите мнѣ, достопочтеннѣйшій, на нѣкоторое время вашего мѣстечка.

Тотъ молча уступилъ.

— Душевно признателенъ, поблагодарилъ о. Вареоломей, и сѣлъ.

— Въ чемъ же собственно ваши поиски будутъ состоять? обратился онъ къ молодому человѣку.

— Не знаю пока....

— Такъ. Это справедливо. Да.

Помолчали. О. Вареоломей съ большимъ трудомъ переносилъ это молчаніе, какъ неизбѣжную деликатность: «нельзя же такъ вдругъ, думалъ онъ, нужно поблагороднѣе».

— Есть знакомые въ столичномъ городѣ? спросилъ онъ спустя минуту - другую.

— Да, два-три....

— Покровители?

— Нѣтъ, такъ, знакомые....

— Званіе ваше?

Молодой человѣкъ объяснилъ.

— Имѣете родственниковъ, родителя, на примѣръ, родительницу?

— Да, имѣю.

— Такъ-съ. Гм.... Гм.... Очень пріятно познакомиться. Во время пути, сами изволите знать, медленно и однообразно проходятъ часы.

— Да, пожалуй.

— А какъ по фамиліи?

— Чухлымовъ.

— Позвольте узнать имя-отчество.

— Иванъ Петровичъ.

— Иванъ Петровичъ! У меня тестъ покойникъ былъ Иванъ Петровичъ! Очень, очень пріятно познакомиться.

Несмотря на отрывочные отвѣты, о. Вареоломей исподволь, потихоньку продолжалъ свои разспросы, видимо довольный представившимся благопріятнымъ случаемъ побесѣдовать.

Поѣздъ остановился на станціи. Молодой человѣкъ казался былъ радъ, что имѣлъ поводъ оставить любопытство собесѣдника; но только что поѣздъ тронулся въ путь, какъ о. Вареоломей опять попросилъ мужика, сидѣвшаго рядомъ съ Чухымовымъ, уступить «на нѣкоторое время» мѣсто и возобновилъ разговоръ. Хотя Чухымовъ туго поддавался на разспросы, какъ будто даже тяготился отвѣтами; но о. Вареоломей въ увлеченіи этого не замѣчалъ и лавоническіе отвѣты молодого человѣка относилъ непосредственно къ его характеру.

— Нѣсколько тугонекъ и молчаливъ, подумалъ онъ про него; но такъ надо предположить, что человѣкъ очень хорошій и кроткій.

Разспрашивая такимъ образомъ молодого человѣка, о. Вареоломей освѣдомился объ имени и отчествѣ его родителя и родительницы не столько потому, чтобы это его очень интересовало, сколько по той уважительной причинѣ, что желалъ «разговориться». Разговоръ, между тѣмъ, все вязался туго; спросивъ «здравствуютъ ли они», о. Вареоломей уже непосредственно изъ любопытства освѣдомился о ихъ лѣтахъ; затѣмъ, при отвѣтѣ на вопросъ о «здравіи» дѣдушки и бабушки, глубоко вздохнулъ, точно сожалѣя о ихъ ранней смерти и печально произнестъ:

— Да, конечно, предѣлъ, его же не преjdeши! Всѣ будемъ тамъ, всѣ помремъ, только не въ одно время!

Чухымовъ не нашелъ возможности представить противъ этого вывода какія-либо возраженія.

— Это справедливо, подсказалъ, вздыхая въ свою очередь, сосѣдъ мужикъ, — это вы, батюшка, точно...

О. Вареоломей нѣсколько воодушевился.

— Нѣтъ, вотъ я вамъ изложу слѣдующее, достойное вниманія событіе, началъ онъ, возвысивъ голосъ и многозначительно оглядывая сермаги сосѣдовъ мужиковъ, какъ бы призывая ихъ къ слушанію: — одна женщина, имени и званія ея, къ сожалѣнію, не упомяну, бывъ довольно въ преклонныхъ лѣтахъ, изнемогала въ тяжкомъ недугѣ...

— Ишь ты! качая головами, вздохнули мужики.

— Хворала, значить, пояснилъ кто-то изъ нихъ.

— Ты слушай, чортъ, сердитымъ шопотомъ пригрозилъ другой.

— Довольно продолжительный періодъ времени... продолжалъ о Варфоломей. — Приснилось ей видѣніе...

Началось подробное и обстоятельное объясненіе приснившася видѣнія.

— И представьте, Иванъ... Отчество ваше запоматовавъ....

— Петровичъ, тоскливо отвѣтилъ Чухлымовъ.

— Да, да! Иванъ Петровичъ! Представьте Иванъ Петровичъ, эта изнемогающая женщина, находясь, можно сказать, на смертномъ одрѣ, вдругъ почувствовала нѣкоторую бодрость, стала приходить въ движеніе, приподнялась на ослабѣвшія ноги...

— Эка, парень, чудо! снова заговорилъ кто-то изъ мужиковъ.

— Слушай, оглобля! тыкая въ бокъ, шепталъ сердитый соседъ.

— И изцѣлилась! заключилъ чрезъ нѣсколько времени о. Варфоломей, торжественно оглаживая слушателей.

— Боже мой! Господи помилуй! вздыхали сермяги.

— Какъ-бы мнѣ поделikatнѣе отъ него избавиться, размышлялъ Чухлымовъ, цѣпляясь то за одно, то за другое средство, но всѣ они казались ему недостаточно вѣжливымъ средствомъ для того, чтобы улизнуть въ другой вагонъ. Онъ рассказывалъ, что не сдѣлалъ этого ранѣе, когда разговоръ ограничивался исключительно только разспросами и не касался еще «достойныхъ вниманія событій». Рассказаніе было совершенно бесполезно, потому что «улизнуть» въ другой вагонъ не представлялось почти никакой возможности, по крайней мѣрѣ Чухлымовъ ее не находилъ; ему казалось неловко, невѣжливо такъ вдругъ встать и уйти, не дослушавъ. Къ тому же о. Варфоломей до того уже увлекся бесѣдой, что придерживалъ Чухлымова за пуговицу пальто и какъ только оканчивалъ рассказъ, такъ тотчасъ же сообщалъ о какомъ-нибудь новомъ случаѣ, находя почему-то нужнымъ приплести его къ разговору.

— Конечно, сказано: «по вѣрѣ вашей дастся вамъ»... продолжалъ онъ по какому-то поводу: вотъ, на примѣръ, я вамъ изложу достойное вниманія...

И въ такомъ родѣ шла нескончаемая бесѣда.

Проѣхали еще нѣсколько станцій. Только что Чухлымовъ вставалъ, чтобы уйти, подъ предлогомъ прогулки, отецъ Варфоломей тоже вставалъ.

— Вы, конечно, имѣете намѣреніе нѣсколько поразматься? заботливо спрашивалъ онъ.

— Да, я хотѣлъ бы....

— Превосходно! Я буду вамъ съ готовностію сопутствовать. Неудобно ли?

— Гм... Гм.... Отчего же, я съ удовольствіемъ... нехотя соглашался Чухлымовъ.

И шли вмѣстѣ.

Такимъ образомъ Чухлымовъ вдругъ неожиданно попалъ подъ самый строгій надзоръ. О. Вареоломей слѣдилъ за всѣми его движеніями, боясь потерять изъ виду такого пріятнаго собесѣдника. Онъ точно принялъ на себя обязанности тѣхъ личностей, которымъ поручаются наблюденія «по особенно важнымъ дѣламъ». Разспросивъ все, о чемъ только можно было разспросить и сообщивъ еще нѣсколько «по истинѣ достойныхъ вниманія» случаевъ, о. Вареоломей добрался до благочинныхъ того губернскаго города, который былъ родиной Чухлымова и, наконецъ, освѣдомился даже о томъ: «какое, собственно разстояніе отъ архіерейскаго дома до собора».

— Не могу вамъ навѣрное сообщить, сдерживая улыбку, отвѣтилъ Чухлымовъ, — близко кажется...

Отецъ Вареоломей послѣ этого вопроса и самъ добродушно засмѣялся.

— Конечно, не измѣрять же... Хе! Хе! Хе! Ужъ вы меня извините, я, знаете, по простотѣ, люблю побесѣдовать. Любопытно знаете, человекъ съ далекой стороны... Вотъ, напримѣръ, я вамъ изложу...

— Предѣлъ, его же не преjdeши! въ глубокой тоскѣ вспомнилось Чухлымову.

Такъ шло время часъ за часомъ. Мелькали мимо телеграфныя столбы, оставались назади станціи съ неизбѣжными звонками, свистами локомотива и вѣчной суетой пассажировъ, постоянно одержимыхъ страхомъ за скоропроходящія минуты остановокъ; встрѣчались на пути и быстро исчезали изъ виду обдаваемые паромъ и дымомъ поѣзда печальныя деревенки; «жилища бѣдности, невѣжества и, можетъ быть, спокойствія»; узкая проселочная дорога, вся изрытая ямами и выбоинами и наводящая на жителя какую-то неопредѣленную грусть и тоску, уныло пряталась въ сторону, точно сама грустила и тосковала за свое печальное положеніе. Мутныя рѣчки съ глинистыми топкими берегами, въ которыхъ вѣчно вязнутъ деревенскія боровы и телята вмѣстѣ съ оборванными и загорѣлыми мальчишками; животрепещущіе мосты, неизъяснимымъ чудомъ спасающіе отважнаго путника, когда онъ, ради храмоваго праздника, хватить черезъ край зелена-вина, и заломивъ шляпу на бек-

ремь, дуетъ чрезъ него въ хвостъ и гриву на тощей клячонкѣ, такъ что мостъ вздрагиваетъ и долго потомъ еще покачивается, куда уже отъ угорѣлаго человѣка и слѣдовъ не осталось, и только слышенъ еще гдѣ-то далеко его дикій отчаянный крикъ; рѣдкіе и скудные растительностію перелѣски и вѣчно низменныя болотистыя равнины,—все это безслѣдно пропадало для о. Вареоломея, увлеченнаго бесѣдою съ своимъ новымъ знакомымъ. Въ другое время онъ и самъ любилъ сидѣть у окна вагона и всматриваться въ быстро мелькающіе предметы; но теперь всѣмъ этимъ наблюденіямъ предпочитался Чухлымовъ.

Къ полудню матеріалы для разговора, казалось, истощились, и о. Вареоломей какъ будто почувствовалъ нѣкоторое утомленіе и даже раза два вздохнулъ, произнося: «Боже милостивъ буди ми»... Воспользовавшись этимъ удобнымъ случаемъ къ прекращенію «бесѣды», Чухлымовъ торопливо выдернулъ изъ сабояжа газету и хотѣлъ исвать въ ней спасенія такъ же, какъ утопающій ищетъ спасенія въ первомъ подвернувшемся подъ руку предметѣ, не разбирая насколько онъ можетъ быть полезенъ. Газета не спасла: О. Вареоломей не понималъ тактики Чухлымова, не догадался чего онъ ищетъ, или вѣрнѣе сказать, понималъ совершенно наоборотъ, — онъ подумалъ, что Чухлымовъ взялъ газету отъ скуки, только по случаю прекратившагося разговора, и поэтому обратился съ новымъ вопросомъ:

— Ужъ очень мнѣ... Имя-отчество ваше запоматовалъ...

— Иванъ Петровичъ, пояснилъ Чухлымовъ, изъ деликатности прервавъ чтеніе.

— Да, да. Иванъ Петровичъ. Старъ я становлюсь, память начинаетъ ослабѣвать но все-таки, благодаря Создателя, въ иныхъ случаяхъ еще достаточно твердая... Да; что бишь я вамъ хотѣлъ объяснить? Да! Ужъ очень мнѣ, Иванъ Петровичъ, лицо ваше понравилось, такое располагающее, апостольское... Представьте себѣ, былъ у меня одинъ благопріятель... Въ то время мы еще были въ первомъ классѣ семинаріи. Родители мои...

И подъ однообразный шумъ колесъ и звукъ дребезжащихъ стеколъ потянулся рассказъ отца Вареоломея, полѣзли одно на другое различныя придаточныя предложенія, дополнительныя, сокращенныя, распространенныя и совершенно безличныя... Чухлымовъ тоскливо выпустилъ изъ рукъ газетный листъ и слушалъ, въ сущности ничего не понимая, потому что ловилъ слова только, какъ говорится, изъ пятого на десятое. Прекратить бесѣду, заняться чтеніемъ или грубо оборвать о. Вареоломея онъ не могъ, не только потому, что это было не въ его характерѣ, но и по той причинѣ, что о. Вареоломей, при всей сво-

ей слабости многоглагольствовать, былъ человекъ въ высшей степени симпатичный и необыкновенно кроткій. Найти другой приличный способъ прекратить разговоръ Чухлимовъ не могъ и только думалъ объ одномъ, скоро ли поѣздъ придетъ въ Петербургъ.

Разговоръ, наконецъ, дошелъ до того, что о. Вареоломей нашелъ нужнымъ вкрадчиво и деликатно спросить Чухлимова, бываетъ ли онъ каждагодно у исповѣди и св. причастія. Тотъ хотѣлъ въ отвѣтъ ухнуть, что не бываю молъ, собственно съ досады, но удержался, и далъ утвердительный отвѣтъ.

— Конечно, замѣтилъ на это о. Вареоломей, въ наше время есть сѣятели, кои сѣютъ плевелы, но благодать Божія не оскудѣваетъ и не оскудѣетъ... — Насъ было у матушки семеро, малъ-мала меньше, рассказывалъ онъ въ подтвержденіе этого, уже о самомъ себѣ...

А Чухлимовъ слушалъ и думалъ:

— За какіе это грѣхи наказываетъ меня Богъ!

— И представьте, продолжалъ о. Вареоломей, этакое, съ позволенія сказать, полчище надо было прокормить, обути, одѣть...

На бѣду гдѣ-то поѣздъ долго застоялся на станціи, и такимъ образомъ число часовъ бесѣды еще болѣе увеличилось. Прошелъ, наконецъ, день. Поѣздъ приближался къ Петербургу. Шелъ дождь, небо заволокло тучами, и скука путешествія еще болѣе увеличилась; по временамъ во время остановокъ на станціяхъ слышалось однообразное стучанье дождя въ желѣзныя крыши вагоновъ.

— А ректоръ семинаріи, продолжалъ рассказывать о. Вареоломей, этотъ вѣчно памятный мнѣ ректоръ, по свойствамъ своего нрава, уподоблялся Ироду...

Но раздался продолжительный свистокъ, и Чухлимовъ вздохнулъ во всю грудь, уже не слыша, что такое сдѣлалъ семинарскій Иродъ.

— Это, по истинѣ говоря, было избіеніе младенцевъ...

Продолжать далѣе уже не представлялось никакой возможности. Публика стала подниматься съ своихъ мѣстъ; нѣкоторые торопливо вскакивали, испуганно осматривались со сна; другіе сладко потягивались и зѣвали во весь ротъ.

Какая-то толстая купчиха, закутанная шалью и шарфомъ, точно на дворѣ были трескучіе морозы, охватила въ испугѣ обѣими руками кучу подушекъ, на которыхъ сидя спала, и испуганно зашептала: «ахъ, батюшки, не горимъ ли». Вылѣзали изъ-подъ скамей и показывались на свѣтъ Божій неизвѣстно

откуда взявшіяся лица: проворно вылѣзъ, точно изъ-подъ пола, какой-то бѣлобрысый мужиченко, и видя, что появленіе его возбудило хохотъ товарищей, самъ захихикалъ себѣ подъ носъ, оттого, что не просыпаясь доѣхалъ отъ Волочка до Петербурга; черная борода медленно, точно ерадучись, высовывалась изъ-подъ скамьи, и вылѣзъ оттуда цѣлый татаринъ, да такой толстый, что изъ него легко можно было выкроить троихъ; вскочилъ на ноги, какъ встрепанный, солдатъ и сталъ поспѣшно опарывать свою аммуницію; появились саквойяжи, чемоданы, ящики и проч., и проч. Татаринъ, выбравшись изъ своей засады, сѣлъ тутъ же на полу, и предварительно погладивъ ладонью голову, сталъ напаяливать на засаленную тюбетейку высокую баранью шапку; но выбитый изъ своей позиціи общимъ движеніемъ пассажировъ, онъ въ свою очередь поднялся на коротенькія ноги, сильно крякнулъ и началъ икать. Высокій, сухощавый, съ длинной сѣдой бородой купецъ вздыхалъ на весь вагонъ и смотря въ темную даль неба, молился Богу. Татаринъ узналъ въ немъ знакомаго.

— Иванъ Сидоришъ, ты? крикнулъ онъ купцу.

Купецъ молча молился, не поворачивая головы.

— Иванъ Сидоришъ, ты? опять повторилъ татаринъ, приближаясь поближе къ купцу.

— Ну я, видишь чай, сердито отвѣтилъ купецъ, окончивъ молитву.

Татаринъ такъ быстро заговорилъ, что кромѣ купца разговоръ этотъ для всѣхъ остальныхъ сливался въ общую трескотню, только и можно было понять между интервалами икоты: «я, судырь мой, поѣлъ, судырь мой, и заснулъ, судырь мой, подъ эта самая сидѣнья, судырь мой», потомъ опять шла трескотня словъ до новой икоты.

Поѣздъ шелъ уже между строеніями, и по причинѣ темнаго ненастнаго вечера можно было по временамъ видѣть, какъ вблизи рельсовъ двигались человѣческія фигуры съ фонарями, точно мрачные заговорщики въ какомъ-нибудь таинственномъ романѣ. Вѣтеръ сердито вылъ и шумѣлъ; кондукторъ растворилъ дверь вагона и сталъ въ проходѣ, оставаясь безучастнымъ къ нетерпѣнію публики и можетъ быть занятый своими соображеніями о стеариновыхъ огаркахъ, которые при позднемъ зажиганіи и раннемъ тушеніи вагонныхъ фонарей составляли нѣкоторую статью его доходовъ. Публика тѣснилась къ выходу. О. Варфоломей расчесывалъ широкимъ бѣлымъ гребнемъ волосы, и окончивъ, такимъ образомъ, приготовленія къ приѣзду въ столичный городъ, обратился къ Чухлымову.

— До повиданія, достопочтеннѣйшій Иванъ Петровичъ, до повиданія. Если Господь благословитъ, можетъ быть и пакн встрѣтимся на пути жизни...

Попросивъ предварительно позволенія, онъ подѣловался съ Чухлымовымъ на прощанье.

— Вы мнѣ не поставьте въ вину того, что можетъ быть я нѣсколько обременилъ васъ своею бесѣдою...

Въ голосѣ его послышалась теплая, задушевная нота, видно было, что ему хотѣлось еще что-то сказать, но онъ не рѣшался, боясь, какъ бы не оскорбить; но наконецъ, не выдержавъ, и припадая къ уху Чухлымова, началъ ему нашептать:

— Можетъ быть вы на первое время нѣсколько стѣснены въ обстоятельствахъ своихъ, такъ не угодно ли со мною въ качествѣ попутчика: у меня здѣсь въ столицѣ родственники, превосходные люди... Ничего! Повѣрьте! Для нихъ это не составитъ разсчета...

— Что вы! что вы, батюшка, помилуйте!

— Повѣрьте! повѣрьте! шепталъ о. Вареоломей.

— Я вамъ вѣрю, но... извините меня... я не могу...

— Но по нерѣшительному тону вашей рѣчи, и вообще...

— Ахъ, батюшка, оставьте этотъ разговоръ... Я рѣшительно не могу... Благодарю васъ искренно... но не могу.

— Въ такомъ случаѣ не поставьте мнѣ въ вину этого, я, можетъ быть, впалъ въ заблужденіе... Оставимъ это втунѣ...

Публика безпокоила о. Вареоломея, начиная выходить, такъ какъ поѣздъ уже остановился. Кто-то наконецъ сильно двинулъ его въ спину и увлекъ отъ Чухлымова, который напоследокъ услышалъ только фразу о. Вареоломея, обращенную уже къ публикѣ:

— Почтенные господа, недовольнымъ голосомъ произнесъ онъ, стараясь запахнуть рясу, почтенные господа, нужно по-благороднѣе, а такъ предполагаю...

Мужики vzdѣвали на спины мѣшки и совершенно исчезали за ними, такъ что вдругъ въ одномъ концѣ вагона вмѣсто людей оказалась цѣлая вуча громадныхъ мѣшковъ, которые, какъ будто сами собой, двигались и расталкивали публику. Недовольные этимъ волшебнымъ превращеніемъ отталкивали отъ себя мѣшки, и тогда точно изъ глубины ихъ слышалось сердитое ворчанье:

— Не налягай больно-то, эй!

— Ослобони маленько, почтенный!

Далѣ послышался громкій крикъ, покрывшій весь шумъ движенія и говоръ толпы.

— Ребята, держись плотнѣе, оно ловчѣй будетъ, не свалать...

Но надъ этимъ окрикомъ старался взять верхъ другой.

— Не вались, Микитка, эка обрадовался, дьяволъ!

И затѣмъ всѣ мѣшки высыпали на платформу.

Выйдя изъ вагона и пробившись кое-какъ сквозь толпу, о. Вареоломей нанялъ извозчика и поѣхалъ.

А у станціи все еще продолжалась та же толкотня, давка и суета, такъ что отъ этой толкотни и давки и отъ разнаго предложенія всевозможныхъ услугъ пассажиры находились на тѣлоторой степени одичалости и вырывались торопливо наружу, на площадь, стараясь поскорѣе броситься на дрожки перваго попавшагося извозчика, не разбирая что это будетъ стоить, лишь бы только поскорѣе убраться. Такъ вырывается изъ жарко на-топленной бани запарившійся купецъ, когда «молодцы» прикащики истреплютъ объ него десятокъ вѣшниковъ и измученные работой едва махаютъ руками, а онъ не перестаетъ приговаривать: «благодѣтели, подавайте», но, наконецъ, чувствуя, что теряетъ уже послѣдній остатокъ сознанія, вдругъ вскакиваетъ, рвется наружу и, падая пылающей тушей въ первый сугробъ снѣга, безсознательно шепчетъ: «нынѣ отпускаеши»...

VI.

Дѣла задержали о. Вареоломея въ Петербургѣ вмѣсто трехъ дней на цѣлыхъ три недѣли.

Возвращаясь обратно, онъ былъ въ веселомъ расположеніи духа, довольный тѣмъ, что благополучно окончилъ свои дѣла и уже предвкушалъ сладость свиданія съ своею супругой, надѣясь, что долгая разлука можетъ послужить залогомъ прочнаго и продолжительнаго мира.

Бѣдный, онъ не предчувствовалъ, какая страшная гроза собиралась надъ его головой.

Для проѣзда отъ станціи желѣзной дороги въ усадьбу онъ нанялъ крестьянскую телѣгу и во время пути все распѣвалъ вѣчнымъ теноромъ: «Понтомъ покрывъ». Пѣніе прерывалось лишь для того, чтобы вынуть изъ-за пазухи подрачника какое-то письмо, перечитываемое едва ли не въ десятый разъ. По окончаніи чтенія о. Вареоломей завертывалъ письмо въ фуляровый платокъ, бережно клалъ за пазуху и снова затягивалъ: «Понтомъ покрывъ».

Письмо было имъ получено въ день отъѣзда въ Петербургъ по городской почтѣ отъ пріятеля, извѣщавшаго объ успѣхѣ по дѣлу о ходатайствѣ о. Вареоламея за кого-то.

— Какой у о. Павла слогъ богатѣющій, думалъ онъ по поводу письма, какой подчеркъ смѣлый и рѣшительный. Я такъ предполагаю, что о. Павелъ съ большимъ искусствомъ и отлично хорошо владѣетъ многими иностранными языки, кромѣ проходимыхъ въ семинаріи... «Понтомъ покрывъ», начиналъ онъ опять.

Лошаденка лѣниво трухала шагъ за шагомъ и телѣга медленно двигалась впередъ, вылѣзая изъ ямъ и рытвинъ съ такимъ трудомъ, какъ будто въ ней сидѣлъ не о. Вареоламей, а весь причтъ церковный, съ ихъ женами, сестрами, свояченицами и прочей родней, которой такъ щедро наградила Господь лица духовнаго сословія.

Вдали показалась усадьба, бѣлый большой домъ помѣщика, унылыя покосившіяся избышки крестьянъ... Вотъ и церковь видна съ плакучими ивами, поникнувшими вѣтвями на ея крышу, и свѣтъ лампы брезжетъ сквозь мелкоклѣтчатые рамы оконъ. Отецъ Вареоламей обнажилъ голову, перекрестился и любовно оглядѣлъ ее сверху до низу.

Телѣга, по его желанію, остановилась у церковной ограды. Онъ слѣзъ, вошелъ на паперть, прочиталъ приличныя случаю молитвы, и, положивъ земной поклонъ, уже пѣшій отправился въ свой домикъ.

Видимо, онъ былъ совершенно счастливъ и блаженствовалъ, довольный благополучнымъ возвращеніемъ.

Во дворѣ встрѣтила его босоногая дѣвочка. Онъ ласково ей улыбнулся и, благословляя, спросилъ:

— Гдѣ матушка?

— Въ комнатѣ, въ смущеніи отвѣтила она.

— Въ добромъ здравіи?

— Ничего... Сердита сегодня...

О. Вареоламей подавилъ вздохъ, вдругъ прихлынувшій къ сердцу.

— Какая же тому причина?

— Не знаю...

Онъ тихо вошелъ въ комнату, уже болѣе чѣмъ на половину лишившись того блаженства, которое за минуту предъ тѣмъ ощущалъ. Въ комнатѣ все было по прежнему. Такъ же все чисто и уютно и такъ же тихо, какъ бывало въ дни мира. Онъ поставилъ посохъ на свое мѣсто въ углу у входной двери, повѣсилъ шапку на гвоздь, помолился, потомъ, снимая рясу, воз-

гисилъ, обращаясь лицомъ къ перегородеѣ, за которою, по его соображеніямъ, должна была находиться матушка.

— Здравствуйте, матушка!

Отвѣта не послѣдовало.

Онъ робко пріотворилъ дверцу ширмы и заглянулъ внутрь спальни.

Матушка лежала на кровати, закрывъ глаза и сердито нахмуривъ лицо.

О. Вареоломей повторилъ свое привѣтствіе, но матушка снова ничего на него не отвѣтила.

— Что съ тобою, моя дорогая супруга? заботливо спросилъ онъ, входя.

Матушка сердито и порывисто перевернулась на другой бокъ лицомъ къ стѣнѣ и молчала. По частому дыханію ея можно было ждать большой грозы впереди.

О. Вареоломей давно уже и безъ этого понялъ, что она не въ духѣ и, не желая ее раздражать, вышелъ снова въ залъ.

Тишина не прерывалась. Его сладостное состояніе духа совершенно уже исчезло и замѣнилось давящей тоской. Онъ снова подавилъ вздохъ и молча сѣлъ на диванчикъ въ сомнительной надеждѣ на то, будетъ ли матушеѣ угодно напоить его чаемъ.

Такъ прошло не болѣе пяти минутъ. Матушка была не въ силахъ долѣе сдерживать свой гнѣвъ. Она быстро вскочила съ кровати, сердито отпихнула дверцу, такъ что вся ширма заколебалась, точно въ комнату ворвался сильнѣйшій вѣтеръ.

— Такъ вотъ ты какъ, заголосила она, вбѣгая въ комнату и задыхаясь. Такъ вотъ ты каковы штуки-то со мной выдѣляешься!...

О. Вареоломей изумленно глядѣлъ на нее, тоскливо думая: откуда мнѣ сіе?

— Мучитель! Извергъ! Лиходѣй!...

— Что съ вами, матушка?

— Что съ вами, матушка? передразнила она его, и, подскочивъ близко, къ самому лицу, заголосила, завизжала, торопливо глотая слова, такъ что трудно было понять, что именно она говорить.

— Злодѣй!... Варваръ!... Ты мнѣ тогда говорилъ, что тѣ деньги, которыя намъ помѣщикъ на праздники далъ, лежатъ у тебя въ сундучеѣ сохранно....

О. Вареоломей только-было раскрылъ ротъ, чтобы что-то сказать, но она тотчасъ же перебила его:

— Врешь! Врешь! Врешь!...

— Но позвольте, матушка, я вамъ сейчасъ все объясню съ должною ясностію....

— Врешь! Врешь! Врешь!... Нѣтъ тебѣ отъ меня вѣры ни на одну денежку.... Безстыжіе твои глаза, вдругъ начала она его стыдить, медленно вытягивая слово за словомъ: ты ихъ, безстыжій человѣкъ, ты ихъ Максимѣ Спиридонову отдалъ...

И вдругъ опять перескочила на прежній торопливый размѣръ рѣчи и стала голосить, уличая о. Вареоломея въ расточительствѣ и приплетая въ подтвержденіе этого множество случаевъ, прежде бывшихъ, о которыхъ о. Вареоломей давно уже позабылъ.

— Матушка! Что же о прошломъ вспоминать. Оно уже невозвратно кануло въ вѣчность. Позвольте о настоящемъ-то случаѣ вамъ объяснить...

— Нечего мнѣ объяснять. Я уже давно все узнала... Извергъ ты этакой!..

— Да вѣдь Максимъ-то Спирид...

— Врешь! Врешь!..

Она замахала руками, бѣгая по комнатѣ. Потомъ, вдругъ вспомнивъ, чѣмъ всего сильнѣе можно уличить о. Вареоломея, снова подскочила къ нему, уперлась обѣими руками въ свои бока и надменно закинувъ голову вверхъ, заговорила голосомъ, полнымъ пренебреженія.

— Ну, хорошо!.. Ты говоришь, не отдавалъ? Ты говоришь не отдавалъ? Да? Да?..

Вопросы, повторяясь, дѣлались все язвительнѣе, и выраженіе лица матушки выражало все большее презрѣніе и торжество.

— Ну, говори, не отдавалъ?..

— Позвольте. Я вамъ сейчасъ все изложу...

— Слышать не хочу!..

И потомъ вдругъ схватила его за руку и стала тормошить, осыпая его тысячею словъ, изъ которыхъ только и понялъ о. Вареоломей, что онъ «извергъ рода человѣческаго».

— Онѣ были у тебя въ сундучкѣ, теперь ихъ тамъ нѣтъ. Гдѣ же онѣ. Я открыла сундучокъ...

— И замочекъ сломали? печально спросилъ о. Вареоломей.

— Сломала! Сломала!.. Тебѣ небось жалко... Такъ вотъ тебѣ, вотъ тебѣ, вотъ тебѣ...

И съ этими словами матушка пошвырнула со стола всѣ книги, причемъ обѣ вазочки съ цвѣтами полетѣли тоже на полъ и разбились.

— Это уже выходитъ изъ всякихъ предѣловъ благоприличія, возропталъ о. Вареоломей, печально поглядывая на мелкіе кусочки разбившихся вазочекъ...

Поздно вечеромъ возвращался о. Вареоломей изъ лѣса и за-
вѣсть въ управителю сумраковаго имѣнія для того, чтобы на-
виться чаю, такъ какъ со времени прїѣзда со станціи желѣзной
дороги онъ еще ничего не пилъ и не ѣлъ.

VII.

Была поздняя осень 18... года. Уже нѣсколько недѣль въ
домикѣ о. Вареоломея не угасалъ во всю долгую ночь слабый
огонекъ. Матушка была больна и лежала въ горячкѣ. О. Вар-
еоломей ночи не спалъ, ухаживая за ней. Болѣе двухъ недѣль
прошло въ ужасномъ состояніи между жизнью и смертію. Сидя
у постели больной, о. Вареоломей вслушивался въ ея дыханіе,
наблюдалъ каждое ея движеніе и старался предупредить каждое
желаніе больной, угадать ея мысли. Во всѣхъ его движеніяхъ,
въ выраженіи лица, во всемъ выражалось столько чувства любви,
привязанности и самоотверженія, сколько только можетъ вмѣстить
въ себя человѣческое сердце.

Матушка уже два раза причастилась и чувствовала себя нѣ-
сколько лучше.

Однажды позднимъ осеннимъ вечеромъ изъ сосѣдней деревни
прїѣхалъ мужикъ, звать о. Вареоломея на потребу. Ночь была
темная, бурная, дождь начался еще съ сумерекъ и не переста-
валъ лить.

Босоногая дѣвчонка тихо вошла въ комнату и шопотомъ по-
звала о. Вареоломея. При извѣстіи о томъ, что въ сосѣдней
деревнѣ умираетъ больной, о. Вареоломей сильно задумался и
долго стоялъ посреди кухни, видимо въ борьбѣ съ самимъ собой.

— У меня тоже больная... пошенталъ онъ, стараясь не
глядѣть на мужика. Ему какъ-то было стыдно, совѣстно выго-
ворить эту фразу, намекающую на отказъ.

— Ужъ сдѣлай милость, батюшка... Помираетъ, вишь, у меня
братъ-то...

— Знаю... Знаю... пошенталъ еще о. Вареоломей, по преж-
нему недвижно стоя посреди кухни и глядя въ полъ. Освѣщенное
свѣтомъ сальнаго огарка лицо его было глубоко задумчиво и
полно скорби...

Черезъ полчаса у постели его жены сидѣлъ уже не онъ, а
женщина изъ сосѣдней крестьянской избы. Онъ, закрывшись отъ
дождя рогожей и поддерживая ее обѣими руками отъ порывовъ
вѣтра, лежалъ въ телѣгѣ, которая тихо тащилась по грязной
дорогѣ.

Грустно было у него на сердцѣ.

Возвратился онъ только къ полудню слѣдующаго дня. Между тѣмъ въ эту ночь матушкѣ сдѣлалось хуже, и передъ утромъ она померла.

Подъѣзжая къ домику, о. Вареоломей замѣтилъ странный свѣтъ въ окнахъ. Сердце его вдругъ болѣзненно сжалось и замерло.

Блѣдный, безъ кровинки въ лицѣ, и совершенно обезсилѣвшій, онъ хотѣлъ быстро сойти съ телѣги, чтобы скорѣе разсѣять охватившія его подозрѣнія, но не могъ. Телѣга протащила мимо домика и завернула въ ворота. О. Вареоломей глазъ не сводилъ съ оконъ, и нужно было видѣть, что дѣлалось съ его лицомъ, чтобы понять до какой степени онъ былъ пораженъ увидѣннымъ. Не оставалось никакого сомнѣнія, что въ домикѣ горятъ погребальныя свѣчи. Его глаза съ каждымъ моментомъ раскрывались все шире и шире. Уставленные на одинъ предметъ, а именно, на свѣтъ, пробивавшійся изъ оконъ, они точно съ каждой секундой лишались того божественнаго огня, который мы называемъ выраженіемъ мысли.

Качаясь, слѣзъ онъ съ телѣги и медленно пошелъ по двору. Изъ сосѣднихъ избъ уже сбѣгались женщины и мальчишки, точно хотѣли посмотреть на горе попа. Онъ вдругъ остановился, дико оглянулъ толпу, поднялъ для чего-то правую руку, какъ будто хотѣлъ утѣшить вошедшихъ гнѣвомъ Божиимъ, какъ бывало дѣлывалъ во время проповѣдей; но вдругъ совершенно обезсилѣлъ, свалился на землю около стѣны и зарыдалъ...

Уныло стояли вокругъ него мужики, бабы и мальчишки, слышались слова утѣшенія, многіе плакали; кто-то, наконецъ, догадался, что нужно поднять отца Вареоломея, но онъ, какъ ребенокъ, сталъ отбиваться отъ нихъ и не хотѣлъ вставать.

Черезъ нѣсколько времени пришелъ самъ Николай Саввичъ и тоже сталъ уговаривать, всего болѣе напирая на то, что на все есть воля Божія.

— Будто я этого не знаю, съ грустной ироніей проговорилъ, наконецъ, о. Вареоломей; но вѣдь я... человѣкъ... вѣдь у меня тоже есть чувства...

И снова зарыдалъ.

Николай Саввичъ самъ помогъ ему подняться и хотѣлъ повести его въ свой домъ.

— Нѣтъ!.. Нѣтъ!.. Пустите меня... Дайте мнѣ выплакать мое горе... Боже милосердный!.. Судьбы твои неисповѣд...

Онъ не договорилъ, и рыдая снова упалъ на крыльцѣ своего домика.

— Сколь много она меня любила и сколь безумно я ее отгораживалъ, причитывалъ онъ.

Матушку схоронили. О. Вареоломей каждый день служилъ въ могилѣ ея панихиды, всѣ сорокъ дней, но молитвъ, читанныхъ имъ въ это время, никто бы не понялъ, ибо ничего нельзя было разобрать, кромѣ первыхъ начальныхъ словъ, а затѣмъ слышались только рыданія.

Мѣсяца два онъ еще прожилъ въ усадьбѣ, слабый, болѣзненный. Въ это время, встрѣтившись съ нимъ, знакомые могли принять его за совершенно другое лицо: онъ одрахлаблѣлъ, сгорбился, глаза ввалились и потускнѣли. Любопытнымъ предметомъ его разговоровъ была постоянна Анна Аванасьевна и воспоминанія о томъ, какъ они съ ней мирно и тихо прожили тридцать лѣтъ жизни. При этихъ воспоминаніяхъ самыя лютыя баталіи вдругъ получали совершенно иное освѣщеніе и казались совсѣмъ не баталіями, а какими-то необычайно прелестными идилліями.

О. Вареоломей доживалъ въ усадьбѣ послѣдніе дни. Послѣ смерти жены онъ началъ хлопотать о переходѣ въ монашество и получивъ разрѣшеніе, раздарилъ все свое имѣніе крестьянамъ, и собрался въ путь.

Ни природа, когда-то имъ сильно любимая, ни знакомыя мѣста, на которыхъ онъ часто искалъ успокоенія отъ житейскихъ тревоженій, ни даже ветхая церковь, бывшая такою близкою его сердцу, ничто не удержало его въ усадьбѣ, все вдругъ какъ-то стало чуждо, какъ будто въ предвѣдѣніи чего-то иного, невѣдомого, но уже приближающагося, чувствуемаго сердцемъ; и дѣйствительно: по прошествіи не болѣе двухъ мѣсяцевъ со времени его отъѣзда Николай Саввичъ получилъ письмо отъ настоятеля какаго-то дальняго сѣвернаго монастыря, извѣщавшаго что О. Вареоломей преставился...

По прежнему стоитъ въ усадьбѣ ветхая церковь, по прежнему вѣтви деревьевъ, точно ласкаясь, покоятся на ея крышѣ, и каждый разъ, при воспоминаніи объ этой картинѣ, воскресаетъ въ моемъ воображеніи дивный образъ дивнаго человѣка.

Д. С.-х.-ъ.

АНГЛІЯ

ВЪ

КНИГЪ Г. ТЭНА

Notes sur l'Angleterre, par H. Taine.

I.

Обращаешься ли въ прошедшему или въ настоящему, заглядываешь ли въ исторію давно минувшихъ дней или останавливаешься на современной намъ лѣтописи, всегда и вездѣ видишь одно, что люди никогда ничѣмъ не бываютъ довольны и всегда жалуются на свое положеніе. Все имъ не хорошо, все имъ чего-то недостаетъ, все имъ дурно живется, все они безостановочно добиваются большаго счастья, все ищутъ гдѣ лучше, и не находя этого большаго счастья, не находя этого «лучше», клянутъ свое время, клянутъ свою жизнь и съ завистью смотрять, одни на прошедшее, которое улыбается имъ такъ заманчиво, другіе на будущее, которое никому не извѣстно, но въ которомъ тѣмъ не менѣе они чувтъ то «лучше», которое не дается имъ въ настоящемъ. Недовольство настоящимъ, тѣми условіями жизни, при которыхъ должны жить люди, это старая, хроническая болѣзнь, сдѣлавшаяся кажется неотъемлемымъ свойствомъ человѣческаго общества. Болѣзнь эта, какъ бы ни подсмѣивались надъ нею истинные философы и историки и какъ бы ни раздражала она исключительный слой панегиристовъ по профессіи

всего фактическаго, имѣетъ свои весьма выгодныя стороны. Она толкаетъ людей впередъ, она не позволяетъ имъ успокоиваться, она неизмѣнно подгоняетъ человѣчество, заманивая его виднѣющимся въ туманѣ идеалами, которые то и дѣло что отступаютъ и отступаютъ все дальше на задній планъ.

Итакъ, эта болѣзнь вошла уже въ кровь человѣчества и превратилась какъ-бы въ хроническую; но бываютъ періоды, когда люди то какъ будто успокоиваются и менѣе жалуются на свое время, менѣе недовольны своимъ положеніемъ, то снова начинаютъ страдать и изъ всѣхъ силъ охаютъ и стонуть, извергая проклятія на божій міръ.

Время, въ которое живемъ мы, люди континентальной Европы, принадлежитъ, кажется, къ такимъ періодамъ, когда старая, вкоренившаяся въ нашъ организмъ болѣзнь, получила опять особенно беспокойный характеръ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни различны взгляды и убѣжденія людей, какъ ни разнo смотрятъ они на современное положеніе континентальной Европы, всѣ почти готовы согласиться съ однимъ, что континентальная Европа переживаетъ тяжелое время, время кризиса, который быть можетъ подготавливаетъ самую мрачную будущность. Никто не чувствуетъ себя спокойнымъ, никто не чувствуетъ себя удовлетвореннымъ; Европа ухитрилась выработать себѣ такое положеніе, которое необыкновенно сильно раздражаетъ людей всевозможныхъ партій, всевозможныхъ воззрѣній, которое вызываетъ озлобленіе и вражду каждаго противъ всѣхъ, всѣхъ противъ каждаго, и наконецъ всѣхъ вмѣстѣ противъ направленія времени, противъ жизни, выработанной конституціонною Европою.

Въ современныхъ убѣжденіяхъ людей есть, безъ сомнѣнія, множество различныхъ оттѣнковъ, но еп gтов ихъ можно раздѣлить на три большія группы. Первою группою представляютъ люди такъ-называемой золотой середины, которые наиболѣе склонны довольствоваться настоящимъ со всѣми его хорошими и дурными сторонами; затѣмъ ошую и одесную стоятъ двѣ другія группы, обѣ крайнія: одна крайняя по своимъ стремленіямъ впередъ, другая крайняя по своимъ посползновеніямъ назадъ. Возьмите человѣка, принадлежащаго къ золотой серединѣ, человѣка именующагося умѣреннымъ либераломъ и спросите его: доволенъ ли онъ настоящимъ положеніемъ Европы? Въ отвѣтъ на вашъ вопросъ, онъ пожметъ плечами и съ грустною улыбкою на устахъ произнесетъ: о, не совсѣмъ! Какъ можно быть вполне довольнымъ, когда живешь въ такое время! Вы развѣ не видите, черезъ какой кризисъ переходитъ Европа; вы развѣ не видите, что она расходится со всѣхъ сторонъ, что она по-

теряла тотъ устой, надъ которымъ мы такъ много трудили тотъ устой, который зовется конституціонализмомъ, этимъ уравнивающимъ всѣ противоположныя силы въ каждой странѣ началомъ. Смотрите, въ какой странѣ континентальной Европы конституціонализмъ устоялъ на своихъ прочныхъ началахъ, и конституціонализмъ, или его вѣрное выраженіе, парламентаризмъ не подвергся рѣзкимъ, беспощаднымъ нападеніямъ; гдѣ, въ какой странѣ, въ какомъ благодатномъ краѣ вы можете указать на торжество умѣренной свободы, съ одной стороны ограничивающей необузданные порывы власти, съ другой охраняющей эту власть отъ страшныхъ взрывовъ народнаго безумія. Гдѣ мы должны искать теперь тѣхъ устоевъ, тѣхъ гранитныхъ береговъ, которые сдерживаютъ бурныя волны движенія народныхъ массъ, гдѣ та величественная спокойная гавань, предотвращающая государства отъ внезапныхъ шкваловъ дикой стихіи? Сбиты эти гранитные берега, подмыты они нашимъ печальнымъ вѣкомъ, нѣтъ болѣе этой гавани, охранявшей одинаково какъ права верховной власти, такъ и права, дарованныя ею народу. Исчезъ изъ континентальной Европы тотъ строгій непоколебимый конституціонализмъ, который одинъ могъ дать намъ матеріальное и нравственное благосостояніе, всюду его стараются вытѣснить, всюду на его мѣсто старается сѣсть или милитаризмъ, или анархія, всюду на него направлены удары современныхъ демагоговъ, завтра не менѣе ярыхъ абсолютистовъ. Гдѣ выходъ изъ такого печальнаго положенія, спрашиваетъ себя представитель умѣренной группы, гдѣ конецъ ему, и не видя этого выхода, не усматривая ему конца онъ только судорожно пожимаетъ плечами и съ печальною складкою на губахъ произноситъ: небывалое положеніе, страшное положеніе, Европа стоитъ на краю гибели! Остается только одно: отчаяніе и вздохъ.

Если представитель умѣренной группы недоволенъ положеніемъ континентальной Европы, то быть можетъ болѣе доволенъ представитель той или другой изъ крайнихъ группъ. Послушайте, что говоритъ представитель группы, стоящей одесную — и вы испугаетесь. Крайній консерваторъ, или вѣрнѣе ретроградъ, еще болѣе недоволенъ, чѣмъ умѣренный либераль, и его недовольство выражается болѣе шумно, болѣе рѣзко; онъ не рисуется, не вздыхаетъ, онъ захлебывается отъ ярости, отъ негодованія и бѣшенства и въ своемъ горячемъ бреду произноситъ анафему на всѣхъ, кто только не съ нимъ и не за него. Онъ вопиетъ противъ своего времени, противъ анархическаго состоянія континентальной Европы, онъ не знаетъ удержа, говоря о томъ зловредномъ духѣ, который обуялъ всѣ европейскія государства.

Онъ возмущается тѣмъ духомъ свободнаго изслѣдованія, который проникъ въ жизнь западной Европы, онъ кричитъ: Европа гибнетъ, она обуреваема духомъ революціи! Ему ненавистны даже всѣ великія пріобрѣтенія науки, на которыя онъ смотритъ какъ на истадія ада; онъ не восклицаетъ: стой солнце! нѣтъ, онъ требуетъ, чтобы оно шло назадъ, чтобы оно вернулось къ тому блаженному, счастливому времени, когда не было рѣчи ни о свободѣ совѣсти, ни о свободѣ печати, ни о личной свободѣ, когда никто не думалъ ни о какихъ общественныхъ правахъ, когда никто не заботился о матеріальномъ и нравственномъ благосостояніи народныхъ массъ, и когда эти послѣднія были такъ неразвиты, такъ глупы и такъ загнаны, что непомышляли вовсе о иной жизни, чѣмъ той, которая по словамъ *in the de Bénigne* такъ близко походила на жизнь дикихъ звѣрей. Для людей, которые всѣ свои идеалы находятъ въ давно минувшемъ, которые съ умиленіемъ вспоминаютъ о томъ времени, въ одной странѣ дѣлакомъ, въ другой недавнемъ, когда народъ былъ закрѣпощенъ, когда въ странѣ имѣли значеніе немногіе, когда жизнь простого человѣка могла быть безнаказанно уничтожена, когда судъ былъ посмѣшищемъ, когда слово было сковано, когда совесть не была свободна, когда наука существовала только для того, чтобы поддерживать суевѣріе и когда ей чужды были слова: свободная критика, свободный анализъ; для людей, которые мечтаютъ о томъ, чтобы заставить пресмыкаться народъ въ несправедливости, вырвать съ корнемъ стремленія къ равноправности всѣхъ гражданъ, для такихъ людей положеніе современной Европы представляется какимъ-то чудовищнымъ, и они съ ужасомъ говорятъ, что Европа гибнетъ, что она катится въ страшную пропасть, что она заражена смертоносною чумою. И въ самомъ дѣлѣ, становясь на точку зрѣнія человѣка, принадлежащаго къ крайней группѣ, стоящей одесную умѣренно-либеральной, можно придти въ истинный ужасъ. Развѣ не наступилъ послѣдній день, развѣ не разлагается міръ, развѣ не переживаетъ континентальная Европа страшнаго кризиса? Да, она переживаетъ его, мы же не жаловаться на свое положеніе, какъ быть довольнымъ своимъ временемъ, своею жизнію.

Отчаянное положеніе! размышляетъ человѣкъ средней группы; отчаянное положеніе! говоритъ и человѣкъ крайней группы, стоящей одесную, и одинъ при этомъ нахмуриваетъ сурикомъ брови, другой рветъ и мечетъ, мечетъ и рветъ! Кто же доволенъ положеніемъ континентальной Европы? если недоволенъ человѣкъ умѣренный, если недоволенъ ретроградъ, то быть довольнымъ имъ человѣкъ другой крайней группы, но

стоящей опую; быть можетъ, радостно улыбается крайній публиканецъ, радикалъ? Нѣтъ и тутъ довольства. Пришиваясь къ тому, что говорится въ этомъ лагерѣ, читая, что имъ пишется, приходишь къ заключенію, что среди этой группы ненависть и ожесточеніе безграничны, и даже мысль о томъ, что она довольна, не можетъ быть допущена. Идеалъ, къ которому она такъ настойчиво стремится, ни не осуществляется. Если республика, какъ политическій идеалъ, оказывается такимъ нѣжнымъ растеніемъ, которое какъ не можетъ приняться и пустить прочныя корни на континентальной Европѣ, то еще болѣе должно быть то сказанное социальномъ идеалъ республиканской группы, идеалъ поднимавшемъ страшную вражду, ожесточенную борьбу, на счастливыя исходъ которой до сихъ поръ ей позволяется только возлагать свои горячія надежды, но который такъ далекъ, такъ далекъ еще, что могутъ пройти много поколѣній, прежде чѣмъ эта группа въ состояніи будетъ увидѣть простымъ глазомъ свою обѣтованную землю. Итакъ, опять проклетіе континентальной Европѣ! пусть гибнетъ она! произносятся въ отчаяніи крайніе республиканцы, радикалы, социалисты, съ горечью ставя вопросъ: да куда же, куда идемъ мы? Гдѣ та дорогая намъ республика, къ которой мы такъ настойчиво стремимся?—нѣтъ ее, вездѣ она замѣнилась милитаризмомъ, деспотизмомъ, живымъ парамилитаризмомъ. Гдѣ существуетъ священная свобода слова?—нѣтъ, вездѣ оно обуздано, вездѣ оно преслѣдуется, вездѣ оно налагаютъ цѣпи! Смотрите, со злобою восклицаютъ эти вѣчные мечтатели, смотрите какъ обращаются со словомъ на континентальной Европѣ! Развѣ конфискаціи, аресты, предостереженія, развѣ всевозможныя литературныя преслѣдованія не являются острыми, которые, сжигая бумагу, думали истребить человеческую мысль, развѣ все это не то же насиліе, развѣ все это не то же звѣрское обращеніе! Люди несвободны, люди рабы шепчутъ они: ихъ бьютъ, грабятъ, систематически убиваютъ и войнѣ, систематически разоряютъ налогами, и зачѣмъ эти войны, зачѣмъ эти налоги;—вездѣ и во всемъ, плачутся эти утописты, видно только одно: угнетеніе, вѣчное и вѣчное притѣвленіе народа! Европа гибнетъ, Европа на краю пропасти, еще шагъ, и придется совершать по ней печальную тризну! Ретрограды, либералы, вы побѣдили! ну, торжествуйте вашу побѣду!—а между тѣмъ ретрограды и либералы кричатъ почти то же самое.

Кто же доволенъ? Никто. Всѣ жалуются, всѣ ропщутъ, всѣ проклинаятъ то время, въ которое они живутъ, и тѣ условія

жизни, при которыхъ приходится жить. Что же значить это постоянное недовольство, что значить всеобщее смущеніе и уныніе? Это означаетъ, что хроническая болѣзнь недовольства находится въ своемъ остромъ періодѣ, и что на европейскую жизнь особенно сильно подулъ неблагоприятный, удушливый вѣтеръ.

Причины такого остраго болѣзненнаго состоянія континентальной Европы становятся довольно понятны, когда, переходя по очереди отъ одной европейской страны къ другой, вездѣ видишь рѣзкіе симптомы кризиса, переживаемаго народами. Въ одной странѣ этотъ кризисъ имѣетъ возможность выдти наружу, и онъ дѣйствительно вышелъ, и выражается необыкновеннымъ броженіемъ на самой поверхности государства, въ другой онъ скрытъ внутри, такъ что судя по наружному виду государства, по его виѣшности, все обстоитъ благополучно, въ то время, когда внутри государства все разслабло. Эти государства съ наружнымъ спокойствіемъ быть можетъ находятся въ несравненно болѣе опасномъ положеніи, чѣмъ тѣ, въ которыхъ перуница, хаосъ, сильное броженіе поражаютъ глазъ: болѣзнь, глубоко засѣвшая внутри организма, гораздо труднѣе излечивается, нежели та, которая вышла наружу. Нужно въ самомъ дѣлѣ сожалѣть, что мы живемъ въ тяжелое время, время переходное, когда старая жизнь пошатнулась въ своемъ основаніи, когда старые порядки, выработанные вѣками, очевидно отжили уже свой вѣкъ и только упрямо, пастойчиво молодятся, не желая уступить мѣсто новымъ идеямъ, новымъ правамъ, новымъ учреждениямъ. Эти новыя идеи, нравы и учрежденія, безъ сомнѣнія, не свалились съ неба, они точно также вылупились изъ старыхъ, какъ старые вышли изъ предшествовавшихъ имъ идей, нравовъ и учреждений. Въ однихъ государствахъ, какъ Англія, этотъ переходъ отъ однихъ учреждений къ другимъ совершается почти незамѣтно, естественнымъ путемъ, безъ особыхъ потрясеній, безъ острыхъ кризисовъ; въ другихъ, какъ въ большей части всѣхъ континентальныхъ государствъ, переходъ отъ однихъ учреждений къ другимъ, отъ одного строя жизни къ новому, вызываетъ страшныя конвульсіи, судороги, угрожающія заглушить самую жизнь. Причина, въ силу которой въ одномъ государствѣ переработка идей и учреждений совершается безъ потрясеній, а въ другомъ сопровождается необыкновеннымъ броженіемъ, лежитъ конечно не въ одномъ только различіи политическихъ системъ, которыми приводится въ дѣйствіе государственный организмъ, но также въ различіи народныхъ темпераментовъ, народныхъ характеровъ, въ различіи физическихъ и нравственныхъ свойствъ того или другого народа.

Переберите всѣ страны континентальной Европы, посмотрите, что дѣлается во Франціи, Германіи, Австріи, Италіи, Испаніи, и вездѣ вы увидите безурядицу, хаосъ, усиленное броженіе, вездѣ почти вы должны будете признать, что эпоха, переживаемая этими государствами, есть эпоха переходная, полная внутренней борьбы, смятенія, тяжелой неизвѣстности.

Нужно ли говорить о Франціи? нужно ли доказывать, что въ этой несчастной странѣ безурядица достигла своего апогея, что дальше ей идти некуда, что организмъ ея разстроенъ мучительною болѣзнію, причиняющею ей невѣроятныя страданія? Въ продолженіи послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ она бросается во всѣ стороны, нѣсколько разъ измѣняла свою форму правленія: то призвала умѣренную монархію, то неумѣренную имперію, то, наконецъ, республику, и ни одна изъ этихъ формъ правленія не могла прочно установиться нравственно, хотя, правда, и были такія, которыя, благодаря организованной военной силѣ, фактически держались даже слишкомъ долго. Франція бросается во всѣ стороны, она не можетъ добыть себѣ прочныхъ политическихъ учрежденій, она не въ силахъ порѣшиться съ слишкомъ долго продолжавшеюся внутреннею борьбою партій, различныхъ группъ. Вина, конечно, лежитъ не на одной какой-нибудь группѣ, а на всѣхъ вмѣстѣ; всѣ онѣ слишкомъ исключительны, всѣ онѣ не могутъ выносить рядомъ съ собою своихъ противниковъ и даже при своемъ торжествѣ доставить имъ дѣйствовать, открыто бороться, не отказываться отъ политической жизни. Что происходитъ во Франціи? сегодня устанавливается умѣренная монархія, или то, что можно назвать золотой серединою: немедленно двѣ крайнія группы лишаются дневного свѣта, ихъ вгоняютъ подъ землю, гдѣ онѣ и таятся до удобной минуты, когда можно выползти на свѣтъ божій и занять господствующее мѣсто въ государствѣ. Пока среди группъ, борющихся въ странѣ, будетъ жить старый духъ узкости, замкнутости, исключительности, до тѣхъ поръ будутъ жить и старыя учрежденія.

Политическая неурядица въ странѣ обуславливаетъ собою неурядицу и во всѣхъ остальныхъ отрасляхъ жизни, обуславливаетъ неурядицу социальную, неурядицу нравственную. Политическая неурядица всегда ведетъ за собою какое-нибудь крупное бѣдствіе, что-нибудь въ родѣ внѣшней и внутренней войны, въ которой побѣда не болѣе заманчива, какъ и пораженіе. Результатъ одинъ: лучшія силы населенія гибнутъ, трудъ останавливается въ своемъ производствѣ, гибнетъ безплодно для народа. Бѣдныя становятся всегда еще бѣднѣе, а бога-

те становятся богаче не силою труда, а большею бѣдностью бѣднѣе. Труднѣе ли прослѣдить неурядицу нравственную? Нисколько. Литература блевнетъ, интересы становятся болѣе мелкими, болѣе исключительными; всѣ тѣ, которые работаютъ въ области мысли, поневолѣ отрѣшаются отъ общихъ вопросовъ, важныхъ одинаково для всего человѣчества и замыкаются въ крошечные вопросы, волнующіе извѣстную партію, извѣстную группу. Нравственный уровень страны неизбѣжно понижается, и это пониженіе отражается въ наукѣ, литературѣ, журналистикѣ, въ драмѣ, комедіи, однимъ словомъ во всѣхъ отрасляхъ умственной дѣятельности. Правда, такое пониженіе нравственного уровня, такая нравственная безурядица не мѣшаетъ появляться на поверхности отдѣльными именамъ, но ихъ вліяніе остается чрезвычайно ограниченнымъ, и они не имѣютъ той силы, которая безъ всякаго сомнѣнія въ лучшей средѣ, при лучшихъ условіяхъ ихъ жизни и дѣятельности, была бы имъ присуща.

Если Германія находится съ внѣшней стороны въ другихъ условіяхъ, чѣмъ Франція, то внутренняя сторона ея жизни, весь ея организмъ подверженъ той же болѣзни. Думать, что военное торжество, славныя побѣды могутъ уврачевать всѣ раны, это значитъ принижать человѣческое общество и смотрѣть слишкомъ поверхностно на самыя настоятельныя требованія прогресса. Военное торжество и побѣды ничего не измѣняютъ, они замедляютъ только кризисъ, увеличивая въ будущемъ его опасность. То недовольство, то броженіе, которое вызвало смуты 1848 года, остались въ существѣ своемъ тѣмъ же, чѣмъ они были и прежде. Исторія послѣднихъ двадцати-двадцати пяти лѣтъ въ Германіи обличаетъ глубоко застѣвшую язву въ обществѣ, исцѣлить которую могутъ не подрумяненные старыя учрежденія, а дѣйствительно новыя идеи и новыя учрежденія, болѣе согласныя съ духомъ времени. Что мы видимъ въ Германіи? Мы видимъ то же всеобщее недовольство, стремленіе къ чему-то новому, затаенный пока разладъ между нѣмецкимъ обществомъ и нѣмецкимъ правительствомъ.

Какъ ни жалка была нѣмецкая или вѣрнѣе прусская конституція, какое злобное презрѣніе ни вызывала она въ передовыхъ умахъ, тѣмъ не менѣе этотъ «листъ бумаги», какъ выражается Лассаль, далъ возможность громко заявить, что не все спитъ въ странѣ, что люди внимательно слѣдятъ за всѣми правительственными дѣйствіями и ставятъ ихъ на неуплаченный счетъ правительства. И до сихъ поръ счетъ этотъ остается неуплаченнымъ, и теперь менѣе, чѣмъ когда-нибудь прусское

правительство расположено уплатить его. Впрочемъ его теперь и не беспокоятъ, кредитъ его выросъ безконечно, а оно, пользуясь этимъ случаемъ, старается устроить свои дѣла такъ, чтобы никто и никогда не осмѣливался требовать уплаты. Итакъ, прусская конституція дала все-таки возможность завязать парламентскую борьбу, которая окончилась такимъ тяжелымъ фiasco для передовой группы и такимъ торжествомъ для группы, по своему существу представляющей собою реакцію. Прусское правительство пошло на помощь Лассалю и постаралось убѣдить тѣхъ, которые не вѣрили, когда имъ говорили, что прусская конституція есть не что иное, какъ «листъ бумаги». Началась эпоха войнъ, которая зажала ротъ дерзкимъ крикунамъ. На ихъ буйныя и неуважительныя рѣчи, трофеи Дуппеля, Книгсгреца и наконецъ Седана смирили, правда, большинство передовыхъ людей въ Германіи, они какъ будто забыли свое политическое прошлое, свои самыя горячія убѣжденія; но насколько все это прочно, въ этомъ едва ли увѣрены и тѣ, которые эксплуатируютъ настроеніе данной минуты.

Нельзя сказать, чтобы положеніе остальныхъ европейскихъ государствъ континентальной Европы было сколько-нибудь лучше. Вездѣ замѣчается переходное состояніе, кризисъ, вездѣ явно сказывается хроническая болѣзнь недовольства, вездѣ происходитъ борьба между старыми и новыми идеями, стоящіе, къ несчастію, слишкомъ враждебно другъ противъ друга. Возьмите Австрію: что вы найдете въ ней? Безконечное взаимное терзаніе различныхъ партій, безконечныя попытки замѣнить одну никуда негодную систему другою, каждые нѣсколько мѣсяцевъ кризисъ въ правительственной сферѣ, который долженъ будетъ наконецъ привести къ кризису въ организмъ всего государственнаго строя. Есть полное основаніе предполагать, что сколько новыхъ системъ ни перепробуетъ Австрія, къ какимъ компромиссамъ ни станетъ она прѣбывать, всѣ ея попытки къ пересозданію государства не приведутъ ни къ какимъ результатамъ, пока въ основаніи всѣхъ этихъ попытокъ будутъ лежать старыя идеи.

Италія и Испанія не менѣе другихъ странъ континентальной Европы подвержены тѣмъ потрясеніямъ, которыя служатъ опасными симптомами критическаго положенія народовъ. Въ послѣднія двадцать лѣтъ та и другая подвергались жестокимъ испытаніямъ, и если мотивы этихъ испытаній были различны, то тѣмъ не менѣе они одинаково тяжело отзывались на участи народа. Одна страна настойчиво стремилась освободиться отъ вѣшняго ига, слиться въ одно политическое цѣлое, и набо-

но эта завѣтная мечта была достигнута всякими правдами и неправдами. И что-же? наступилъ ли для Италіи золотой вѣкъ, получила ли она великую нравственную силу, пошла ли она быстро впередъ по пути прогресса. Увы! отвѣтъ долженъ быть отрицательнымъ. Возьмите любой журналъ, любую газету, и вы услышите тотчасъ одну ноту, ноту недовольства, вы почувствуете въ жизни какую-то пустоту, какое-то отсутствіе содержанія. Политическая жизнь безцвѣтна, литература мертва, и все, кажется, оправдываетъ людей, проникнутыхъ скептицизмомъ, которые съ уныніемъ качаютъ головою и говорятъ: нѣтъ, эта нація болѣе не воскреснетъ, у нея нѣтъ болѣе жизненныхъ силъ! Испанія находится еще въ болѣе печальномъ положеніи, нежели Италія, она утопаетъ въ политической безурядицѣ и не въ силахъ установить у себя что-нибудь прочное. Послѣднія двадцать лѣтъ представляютъ собою печальную страницу въ исторіи Испаніи. Она не можетъ освободиться отъ политическихъ потрясеній самого грустнаго свойства, такъ какъ всѣ они имѣли своимъ результатомъ не установленіе болѣе справедливой системы управленія, а только замѣну одной камарильи другою.

Въ такое время, когда безурядица политическая и нравственная сдѣлалась повальною болѣзнію всѣхъ государствъ континентальной Европы, когда всѣ группы недовольны и думаютъ излечить зло взаимнымъ истребленіемъ другъ друга, — въ такое время утѣшительно обращаться къ такимъ странамъ, которыя мѣрнымъ шагомъ идутъ впередъ по пути прогресса, не бросаясь сегодня въ одну, завтра въ другую сторону, и которыя настолько счастливы, или вѣрнѣе настолько искусны, что проходятъ невредимо сквозь самыя опасныя шхеры. Но гдѣ такая страна, которая можетъ служить для другихъ образцомъ, гдѣ существуютъ тѣ учрежденія, которыя одинаково предохраняютъ страну какъ отъ всепотрясающей революціи, такъ и отъ всеподавляющей реакціи? Гдѣ та страна, гдѣ тотъ народъ, который для осуществленія своей воли не нуждается въ революціяхъ, гдѣ то правительство, которое для своей поддержки не нуждается во вредной для себя и для общества реакціи? Такими странами, въ настоящую минуту, представляются конечно Америка и Англія, и Англія едва ли не болѣе, чѣмъ Америка. Развитіе Америки шло совершенно иными путями нежели развитіе европейскихъ народовъ, Америкѣ не нужно было освобождаться отъ вѣковыхъ традицій, она брала все готовое, ея нравы слагались подъ совершенно иными условіями нежели наши нравы. Свобода и равенство, эти два начала, которыхъ до сихъ поръ не могутъ осуществить европейскія страны, несмотря на всѣ по-

пытки, несмотря на всѣ усилія, Америка взяла готовыми въ с грубыя руки, передѣлала ихъ по своему, отбросила то иде ное понятіе, которое связывали европейцы съ этими двумя с вами, и затѣмъ положила ихъ въ основаніе своей жизни. Анг же ближе къ намъ, она жила вмѣстѣ съ Европою, она раз валась вмѣстѣ съ нею, и черезъ всѣ тѣ эпохи и фазисы р витія, черезъ которыя проходили континентальныя государст проходила и Англія, съ тою только разницею, что она обго ла ихъ подчасъ и цѣлымъ вѣкомъ, прежде испытывала тѣ к висы, которые впослѣдствіи выпадали на долю нѣкоторыхъ к континентальныхъ народовъ. Положеніе Англіи сравнительно другими европейскими государствами конечно болѣе выгодно, выгодною этою она обязана въ значительной степени свое географическому положенію. Она можетъ жить и развити совершенно независимо отъ другихъ европейскихъ государст что нельзя сказать о послѣднихъ. Между ними существуетъ т ная связь: то, что дѣлается въ одномъ, отзывается тотчасъ другомъ, поэтому они ревнивымъ глазомъ слѣдятъ другъ за д гомъ, всегда угрожая вмѣшаться въ взаимныя дѣла. На Анг же они смотрятъ какъ на нѣчто отдѣльное, и чтобы у нея дѣлалось, чтобы ни происходило внутри ея, никогда нѣко не придетъ въ голову вступить за ту или другую парті

Англія, живя такимъ образомъ независимо отъ контине тальной Европы жизнью, выработала себѣ особыя совсѣмъ пра особыя идеи, особыя учрежденія, особую политическую систе болѣе совершенную, безъ сомнѣнія, чѣмъ всѣ политическія с темы европейскихъ государствъ. Не все разумѣется можетъ с жить примѣромъ, не все конечно достойно подражанія въ А глии; въ ея не столько политической, сколько нравственной соціальной жизни есть много такого, чего нельзя пожела другимъ, но что по истинѣ въ ней велико, это тотъ духъ и дивидуальной свободы, который проникъ въ цѣлый государстве ный строй и подчинилъ себѣ всю политическую систему, то духъ свободы, благодаря которому все безъ страха, безъ бояз можетъ выдти наружу, безъ страха преслѣдованія, угнетеніи Всѣ стремленія получаютъ свое законное мѣсто, всѣ партіи всѣ группы могутъ свободно существовать безъ всякаго опасеніи гоненій, преслѣдованій. «Это немного еще», быть можетъ см жуть иные; «это все», можно отвѣтить имъ, потому что бла даря этому традиціонному духу свободы можно смѣло идт впередъ, такъ какъ онъ дѣлаетъ возможною открытку, а н затаенную борьбу со всѣмъ отжившимъ, со всѣми злоупотреб леніями старыхъ идей и старыхъ учрежденій, и новыя иде

подвергаются опыту времени и жизни. Вотъ почему Англія имѣетъ удивительную, непостижимую привилегію приво-
 зить въ соглашенію самыя противоположныя группы людей. На
 Англію указываютъ вамъ умѣренные либералы, представители
 конституціоннаго начала, на Англію указываютъ ретрограды,
 на Англію же указываютъ и радикалы: Англія даетъ каждому
 то, что ему нужно. Средняя группа находитъ въ ней стройное
 развитіе конституціоннаго начала, которое все умиротворяетъ
 и сдерживаетъ въ должныхъ границахъ враждебные элементы.
 Крайняя правая съ благоговѣніемъ смотритъ на гранитную ари-
 стократію, которая хотя и принимаетъ въ себя подчасъ пред-
 ставителей плебса, но все-таки остается первою аристократіею
 въ свѣтѣ, и вліяніе ея, значеніе въ государственномъ организмѣ
 велико. Эта крайняя группа сквозь пальцы смотритъ на
 позволеніе все больше и больше урѣзать аристократическое
 начало въ странѣ, и видя тотъ почетъ, которымъ окружена въ
 Англіи аристократія, съ удовольствіемъ указываетъ на нее какъ
 на страну, которой слѣдуетъ подражать. Наконецъ крайняя
 лѣвая группа, среди политическихъ бѣдствій континентальной
 Европы, одинаково съ удовольствіемъ останавливается на Англіи
 и на странѣ, въ которой, хотя демократія далеко еще не
 сказала своего послѣдняго слова, но гдѣ она можетъ свободно
 развиваться, гдѣ она можетъ безъ стѣсненія пропагандировать
 свои идеи и гдѣ, наконецъ, эта демократія съ каждымъ годомъ
 имѣетъ все большіе и большіе успѣхи. Въ самой Англіи на-
 конецъ существуютъ тѣ три группы, которыя существуютъ въ
 континентальной Европѣ, и всѣ онѣ вовсе не страдаютъ тою
 политическою болѣзнію недовольства и взаимной ненависти, ко-
 торая такъ глубоко вкоренилась на континентѣ. Благодаря
 политической системѣ Англіи всѣ группы могутъ жить вмѣстѣ;
 преобладаніе, торжество даже одной нисколько не уничтожаетъ
 другой, побѣда одной не ведетъ за собою преслѣдованій, гоненій
 другой, каждая въ минуту своего пораженія имѣетъ возможность
 прямо заявлять не только о своемъ существованіи, но о своихъ
 требованіяхъ, желаніяхъ. Каждая группа постоянно, въ каждую
 минуту своего существованія надѣется достигнуть вліянія, власти,
 побѣдить враждебную группу, и борьба идетъ открытая, честная.
 Меньшинство имѣетъ всѣ шансы превратиться въ большинство;
 существующее министерство, господство одной группы не будетъ
 защищено громадною арміею, не будетъ держаться въ странѣ
 своею физическою силою, однимъ страхомъ; нѣтъ, лишь только
 имѣетъ оно нравственную силу, оно падаетъ и ничто неспо-
 собно остановить его паденія. Поэтому никто также не думаетъ

свергать правительство силою, не нужно заговоровъ, не нужны баррикады, не нужно рукопашной борьбы, довольно подорвать авторитетъ министерства, а подрывать его всякому предоставлено сколько угодно, чтобы одно направление уступило мѣсто другому. Причина ненависти такимъ образомъ уничтожается, когда каждый знаетъ, что правительство держится не пушками и штыками, а всегда направленными на непокорныхъ, а нравственною силой пріобрѣтенною въ страпѣ. Усилія различныхъ группъ направлены такимъ образомъ постоянно на то, чтобы распространить въ народѣ идеи своей группы, такъ какъ идеи въ сущности даютъ власть. Вы не находите въ странѣ громко высказываемое презрѣніе господствующей группы къ остальнымъ, потому что эти остальные въ свою очередь могутъ стать во главѣ и отплатить тою же монетою. Меньшинство въ Англіи не должно скрываться, оно не должно таить въ себѣ свои стремленія, свои идеи и цѣли, оно пользуется всѣми правами, принадлежащими большинству. Сегодня образуется партія социалистовъ,—она ищетъ тѣмъ, напротивъ она выходитъ и показывать себя и въ дневномъ свѣтѣ; завтра начинается движеніе республиканцевъ въ обществѣ,—оно точно также громко заявляетъ о своемъ существованіи и никому не приходится въ голову, что людей съ такими во главѣ такого движенія можно было бы преслѣдовать. Никто не станетъ помышлять о томъ, чтобы это движеніе можно было задуть физическими средствами. Каждый членъ англійскаго общества можетъ думать, говорить, писать какъ ему угодно, можетъ задаваться какими угодно стремленіями, цѣлями, ничто ему не помѣшаетъ добиваться ихъ осуществленія, даже если бы онъ употреблялъ на то непротивозаконныя средства, т. е. лишь бы онъ не убивалъ, не грабилъ, словомъ, лишь бы онъ не покушался на свободу и права другого человѣка, пользующагося такими же правами, какъ и онъ самъ. Помимо этихъ ограниченій всѣ средства дозволены, ему предоставленъ полный просторъ. Очевидно при этомъ, что тайной борьбы, скрытой ненависти, тайной агитаціи, которая въ континентальныхъ государствахъ приводитъ къ внезапнымъ взрывамъ, тутъ уже быть не можетъ, а потому развитіе націи совершается безъ скачковъ безъ сюрпризовъ. Каждое движеніе, проявляющееся въ странѣ, растетъ постепенно, выясняетъ свои цѣли, программу, средства, такъ что все общество контролируетъ его, критикуетъ, и подмѣчая его слабыя стороны тѣмъ самымъ дѣлаетъ его болѣе осмысленнымъ, такъ какъ подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія оно болѣе или менѣе видоизмѣняется. Сильное общественное мнѣніе, и сильное потому, что оно свободно—вотъ единственный

общественнаго спокойствія и общественной безопасности; со стороны его згидой всѣ группы, всѣ партіи чувствуютъ себя независимыми, точно также какъ чувствуетъ себя независимымъ каждый отдѣльный человѣкъ, направляющій безпрепятственно свою дѣятельность сообразно своимъ вкусамъ, желаніямъ, сообщаемой преслѣдуемой имъ цѣли. Аристократія не опасается, чтобы своимъ взрывомъ, насильственно у нея были отняты ея прерогативы, средніе классы не дрожатъ надъ своими капиталами, наконецъ народъ, рабочіе классы знаютъ, что ничто не можетъ помѣшать имъ добиваться того, чего они настойчиво желаютъ. Каждая группа людей, однимъ словомъ, живетъ здѣсь свободно и независимо жизнью и потому естественно, что либералы, ретрограды и радикалы континентальной Европы, всѣ въ одинъ голосъ указываютъ на Англію и говорятъ другъ другу: смотрите и поучайтесь!

II.

Въ виду такой особенной роли, которую занимаетъ Англія среди государствъ континентальной Европы, весьма понятно, что съ давняго времени писатели всѣхъ странъ обращались къ англійскому народу, и какъ сфинкса вопрошали его: какъ намъ быть, какими путями, какимъ чудомъ добиться того, надъ чѣмъ мы такъ тщетно хлопочемъ! Европейскіе писатели брали англійскія книги, изучали англійскихъ писателей, отправлялись сами въ Англію, жили по годамъ среди англійскаго общества, знакомясь съ его правами, съ его учрежденіями, съ различными слоями общества, они если подчасъ убѣждались, что вблизи и далеко одинъ и тотъ же предметъ получаетъ различную окраску, если иногда и выносили убѣжденіе, что не все то золото, что блеститъ, то въ концѣ концовъ все-таки приходили къ заключенію, что Англія — это страна, которая по преимуществу должна быть названа страной свободныхъ учреждений, свободныхъ правовъ. Всѣ писатели, изучая Англію, думали тѣмъ самымъ приносить пользу своей странѣ, и дѣйствительно ее приносили, потому что нужно сказать, что ничто такъ не помогаетъ изученію своего народа, своего общества, какъ изученіе чужого народа, чужого общества. Результатомъ такого изученія Англіи была колоссальная литература, посвященная описанію политическаго, соціальнаго быта англійскаго народа, масса трактатовъ, рассуждающихъ научнымъ образомъ объ англійскихъ учрежденіяхъ, объ ихъ self government'ѣ, объ ихъ правитель-

ственной системѣ и цѣломъ политическомъ организмѣ, цѣлѣтъма такъ-называемыхъ «путешествій», публицистическихъ сочиненій и всевозможныхъ очерковъ, этюдовъ, эскизовъ и т. п.

Если бы кто-нибудь захотѣлъ написать книгу объ Англіи и предварительно прочесть все, что было написано о ней европейскими писателями, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что такому человѣку не хватило бы цѣлой жизни, хотя бы онъ и жилъ Маеусанловъ вѣкъ, онъ задавленъ былъ бы этою горою исписанной бумаги, онъ потонулъ бы въ этомъ морѣ ушедшихъ на описаніе Англіи черпилъ. Но какъ же быть? спросить читатель. Отвѣтъ не можетъ представлять затрудненій: нужно оставить покониться подъ толстымъ слоемъ пыли всю написанную груду книгъ, нужно съузить свою задачу, опредѣлить ея границы, и въ этомъ отношеніи на помощь является книга, книга чрезвычайно интересная — послѣднее сочиненіе Тэна: «Notes sur l'Angleterre». Но отчего же, можетъ опять спросить читатель, вы берете именно Тэна; развѣ мало другихъ, одинаково замѣчательныхъ писателей, отчего вы не дѣлаете другого выбора изъ всей этой плеяды писателей, посвящавшихъ свои труды описанію Англіи?

Большинство писателей объ Англіи принадлежитъ непременно къ тѣмъ тремъ группамъ людей, о которыхъ было говорено выше: каждый служить своему знамени, каждый имѣетъ симпатіи своей группы и потому каждый видитъ въ Англіи по преимуществу то, что ему нужно. Если взять писателя «золотой середины», онъ будетъ вамъ описывать Англію подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія; если остановиться на писателѣ, примыкающемъ къ крайней правой группѣ, — онъ станетъ выставять аристократію, ея вліяніе, могущество и представить вамъ Англію по преимуществу аристократическую, постараясь не дать вамъ и почувствовать, что рядомъ съ Англіею аристократической можетъ стоять другая Англія — Англія демократическая. Точно также, беря писателя изъ лагеря крайней лѣвой, вы можете быть увѣрены, что его трудъ, его сочиненіе, его «путешествіе» или «письма» будутъ носить характеръ односторонности. Такихъ же писателей, которые не примыкали бы ни къ одной изъ названныхъ группъ, которые чуждались бы одинаково всѣхъ партій или относились ко всѣмъ съ одинаковымъ чувствомъ, такихъ писателей весьма немного и потому ихъ сочиненія представляютъ въ этомъ случаѣ особенный интересъ. Составляетъ ли такое свойство человѣка его личное преимущество или нѣтъ, достоинство или недостатокъ, — это иной вопросъ, и если бы нужно было рѣшить этотъ вопросъ и выразить свое мнѣніе, то я

не задумался бы сказать, что такое свойство составляет недостаток, такъ какъ человѣкъ, живущій среди извѣстнаго общества долженъ опредѣленно заявлять, какому направленію, какой сторонѣ принадлежить его сочувствіе и всѣ симпатіи. Но пусть будетъ то достоинствомъ или недостаткомъ, фактъ тотъ, что Тэнъ принадлежитъ именно къ такимъ писателямъ, которые не приписываютъ ни къ какой группѣ, онъ не заявляетъ своего исключительнаго сочувствія никакой партіи, въ немъ нѣтъ увлеченій, нѣтъ страсти. То положеніе, которое занимаетъ благодаря этому самъ Тэнъ во французскомъ обществѣ, отзывается и на его трудѣ, рѣзко выдѣляющемся изъ цѣлой груды описаній Англіи, представленныхъ другими писателями. Что же такое книга Тэна, какъ охарактеризовать его послѣднее сочиненіе? Мнѣ кажется, давая своей книгѣ названіе: «Notes sur l'Angleterre», онъ какъ нельзя болѣе вѣрно опредѣлилъ самъ характеръ своего сочиненія. Это дѣйствительно «notes», это безконечный рядъ замѣтокъ, набросковъ, эскизовъ, которые онъ заносилъ въ свою записную книжку во время своего путешествія, или вѣрнѣе путешествій, которыя онъ нѣсколько разъ предпринималъ по Англіи. Напрасно стали бы вы искать здѣсь строгой системы, вы этого не найдете; напрасно станете вы искать описанія учреждений всей государственной машины—вы не встрѣтите этого у Тэна. Это не научное сочиненіе, это не серьезный трактатъ, это замѣтки наблюдательнаго туриста, это умное «путешествіе». Нужно сказать, что вообще «путешествія» относятся къ ряду самыхъ любопытныхъ и вмѣстѣ поучительныхъ книгъ; когда же путешествуетъ такой замѣчательный писатель, какъ Тэнъ, и при томъ по такой странѣ, какъ Англія, то такое «путешествіе» естественно должно выдвинуться впередъ.

Тэнъ, прежде всего, французъ. Ему въ настоящее время сорокъ или сорокъ два года, слѣдовательно въ 1851 году онъ вступилъ уже болѣе или менѣе въ «мыслящій» возрастъ. Вторая имперія только что водворилась во Франціи. Всѣ его сочиненія, отъ перваго до послѣдняго, принадлежать этой грустной эпохѣ, и это обстоятельство, чрезвычайно важное, не нужно упускать изъ виду при критической оцѣнкѣ Тэна. Дѣтскіе годы его, однимъ словомъ, то время, когда онъ не могъ еще сознательно относиться къ общественнымъ дѣламъ, совпадаетъ со временемъ іюльской монархіи; метеоромъ пронесшаяся республика не могла сильно повліять на него, такъ какъ въ эпоху 48-го года, онъ былъ юношей, едва еще вступившимъ въ жизнь; набоонецъ зрѣлище, которое представляли собою въ это время различныя партіи, интриговавшія другъ противъ друга, та реакція,

которая послѣдовала за іюльскими днями, не могли благопріи-
но подѣйствовать на восемнадцатилѣтняго юношу. Затѣмъ со-
шившійся государственный переворотъ и наступившій за ни-
терроръ, то отвратительное по истилѣ время, когда для то-
чтобы жить, нужно было притворяться мертвымъ, когда всѣ оста-
шіеся въ живыхъ и сами не подвергшіеся преслѣдованіямъ и
дѣли кругомъ себя безчисленные аресты, ссылки въ Кабени
заключенія въ крѣпости, форты, отправленія въ колоніи, ког-
самое драгоцѣнное право каждаго человѣка: святость жизни
была попираема на каждомъ шагѣ и каждую минуту, когда су-
сдѣлался насмѣшкою и свобода и достоиніе человѣка призри-
комъ—все это вмѣстѣ должно было роковымъ образомъ вліятъ
на сформированіе политическихъ убѣжденій молодого человѣка.

Имперія выработала три типа людей. Одинъ типъ, это типъ
продажнаго человѣка, не имѣющаго ni foi ni loi, готоваго и
всѣ самыя гнусныя поступки, если только они могутъ принестъ
ему личную выгоду, доставить деньги или почести; другой типъ
какъ реакція противъ перваго, типъ человѣка крайняго фана-
тика, готоваго жертвовать своею жизнью, лишь бы доставитъ
торжество порядку, противоположному тому, который водворенъ
былъ имперіею, и, наконецъ, третій типъ индифферента, человѣка
не желающаго быть рабомъ, слишкомъ уважающаго себя, чтобы
жараться въ грязи, и вмѣстѣ настолько любящаго жизнь, что
бы не подвергать ее малѣйшей опасности. Этотъ типъ людей,
типъ крайне вредный, долженъ былъ особенно развиться во
Франціи. Политическая жизнь, неровная, перемѣчивая, преис-
полненная всаческихъ волненій, которыя сегодня вели къ уста-
новленію республики, завтра къ монархіи, естественно могла воз-
будить отвращеніе и привести человѣка къ печальному резуль-
тату: «ничего не хочу знать, ни до чего мнѣ нѣтъ дѣла». Онъ
спокойно переноситъ имперію, мирится съ нею, точно также,
какъ холодно принимаетъ республику, политическіе инстинкты
въ немъ глхнуть и онъ ищетъ удовлетворенія въ другой сфе-
рѣ—сферѣ внутренней жизни; онъ начинаетъ жить не дѣйстви-
тельностью, а отвлеченными идеями; все существующее пре-
ставляется ему чѣмъ-то преходящимъ, на что не стоитъ тра-
тить своихъ силъ; важность, значеніе въ его глазахъ приобри-
таетъ только «вѣчное», стоящее внѣ зависимости отдѣльнаго че-
ловѣка или цѣлаго общества, все остальное мелко, преходяще.
Направленіе вредное, потому что помимо его воли, безсозна-
тельно, оно проникаетъ во всѣ другія области его жизни, по-
мимо политической, то же равнодушіе, тотъ же индифферентизмъ
забирается дальше и глубже и приводитъ человѣка къ нездоров-

спокойствію, въ какому-то вѣтизму. Человѣкъ становится въ образѣ фаталистомъ и на всѣ язвы человѣческаго общества смотритъ съ поразительнымъ равнодушіемъ. Равнодушіе проникаетъ въ его существо и прокрадывается во всѣ его вѣтви. Оно ослабляетъ его силы, потому что уничтожаетъ въ немъ «идеалъ», въ которому бы онъ постоянно стремился и которому желалъ бы доставить торжество. У такого человѣка нѣтъ идеаловъ, нѣтъ убѣжденій, а есть только «мнѣнія». Сегодня онъ долженъ высказаться въ вопросѣ политическомъ. Если свободное выраженіе своего мнѣнія представляетъ какую-нибудь опасность, онъ благоразумно промолчитъ, потому что ему собственнo не изъ-за-чего биться. У него есть политическое мнѣніе, мнѣніе для личнаго его обихода. Оно не овладѣло имъ, онъ спокойно и равнодушно видитъ торжество другого мнѣнія. Онъ даже скажетъ себѣ: ну, что же, если то мнѣніе восторжествовало, значитъ, климатъ, географическое положеніе, нравственныя условія должны были привести къ его торжеству, изъ-за чего же мнѣ тутъ тревожиться и страдать. Нужно ему высказаться въ вопросѣ религіозномъ, онъ будетъ разсуждать точно также. Я смотрю, скажетъ онъ, на эту матерію такъ и такъ, другіе смотрятъ иначе; пусть же другіе остаются при своихъ мнѣніяхъ, какъ я остаюсь при своихъ. Свое безпристрастіе, свое равнодушіе онъ доведетъ даже до того, что въ чужомъ мнѣніи, въ чужомъ вѣрованіи будетъ всячески отстанывать хорошія стороны, и отыскавъ ихъ, успокоится и скажетъ: ну, что же, прекрасно, а я смотрю, положимъ, на дѣло иначе, но и вы дѣлаете отлично, держась вашего мнѣнія. Той бьющей жилені, той горячей струи, того священнаго огня, который возможенъ только при глубокомъ убѣжденіи въ справедливости того, что составляетъ плоть и кровь человѣка, — ничего подобнаго нѣтъ у индифферента.

Въ вопросѣ социальномъ у него является то же отношеніе, полное безучастности, полное равнодушія, которое поражаетъ и въ другихъ вопросахъ. Онъ нарисуетъ вамъ безподобную картину нищеты, страданій рабочаго люда; онъ покажетъ вамъ всѣ трудновѣрные стороны того порядка, который въ удѣлъ трудящагося класса даетъ голодъ и рубища; онъ поведетъ васъ въ страшныя трущобы и заставитъ содрогнуться васъ, если только въ васъ не крикнуло въ концѣ и не вымерло чувство состраданія къ ближнему; вы невольно думаете, что только человѣкъ, пропитанный страстною любовью къ этому люду можетъ такъ глубоко проникнуть въ его жизнь, въ его страданія; вы уже ждете безспорныхъ выводовъ, вы ждете рѣшительнаго заключенія, вамъ кажется, что вы уже слышите исторгающееся изъ его груди

осужденіе міру неправды, горя и ненависти — и вы поражены, васъ обдастъ лединою водою, когда вамъ становится ясно, что всѣ эти мастерскія описанія нищеты и страданій сдѣланы безъ капли любви къ самимъ нищимъ и страждущимъ, и что человѣкъ весьма далекъ отъ того заключенія, отъ тѣхъ выводовъ, которые совсѣмъ готовые вертятся уже въ вашей головѣ. Вы видите, что съ тѣмъ же мастерствомъ, или вѣрнѣе съ тѣмъ же талантомъ, который вы принимаете за любовь, онъ говоритъ вамъ о жизни богатства, привилегій, съ тою же тщательностью и съ тою же симпатіею онъ распространяется о роскошной обстановкѣ избранныхъ міра. Какого же мнѣнія, можете вы спросить, держится такой человѣкъ въ социальномъ вопросѣ? Онъ полагаетъ, что если такое или другое положеніе существуетъ, то въ силу этого оно и должно существовать въ данное время, и что если это положеніе дурно и оно можетъ измѣниться, то, очевидно, со временемъ оно и измѣнится; а до тѣхъ поръ можно жалѣть объ однихъ и наслаждаться вмѣстѣ съ другими, безъ того даже, чтобы признавать это несправедливымъ. Такой человѣкъ обо всемъ разсуждаетъ съ точки зрѣнія «вѣчности», а съ такой точки дѣйствительно ко всему можно относиться безучастно. Во всѣхъ другихъ жизненныхъ вопросахъ онъ будетъ разсуждать точно также, воздѣ и во всемъ вы встрѣтите у него мнѣнія, а не убѣжденія, всегда онъ будетъ говорить спокойно, никогда не увлечется, всегда выскажется ясно, опредѣленно, и согласно его воззрѣніямъ весьма — разумно. Но не ждите отъ такого человѣка горячности, страсти, не ждите, чтобы онъ когда-нибудь былъ чѣмъ-нибудь тронутъ, чтобы у него сердце ёкнуло при видѣ человѣческой печали, страданія. Нѣтъ, этого вы никогда не дождетесь, и не потому, чтобы это былъ человѣкъ дурной, злой, вовсе нѣтъ, а только потому, что онъ ко всему относится объективно и на все смотритъ черезъ призму столѣтій. Общественныя бѣдствія ничѣмъ не измѣняютъ спокойнаго, безстрастнаго теченія его жизни, никакія страданія родной страны, родного народа неспособны повергнуть его въ отчаяніе, потому что у него нѣтъ горячаго сочувствія, пламенной любви къ этой странѣ и къ этому народу. Въ типъ равнодушнаго человѣка, вотъ типъ индифферента, образованію котораго такъ много способствовала деморализація политическая и нравственная, порожденная злосчастною эпохою второй имперіи. Такой типъ человѣка очевидно не можетъ, да и не долженъ быть особенно симпатиченъ. Холодность, равнодушіе всегда дѣйствуютъ отталкивающимъ образомъ; индифферентизмъ лишаетъ человѣка той силы, которая присуща убѣжденію и извѣстной страстности; но чтобы быть

нужно сказать, что онъ даетъ человѣку и нѣ-
кое вознагражденіе. Вознагражденіе это заключается въ томъ,
индифферентизмъ не допускаетъ односторонности, исключи-
тельности, и дѣлаетъ человѣка способнымъ во всякомъ вопросѣ
вѣсть его выгодныя и невыгодныя стороны, и потому наблюденіе
его, выводы, которые онъ дѣлаетъ, являются болѣе полными,
дѣльными, а въ силу этого быть можетъ и болѣе прочными. Но
и въ то ни было, все, таки въ концѣ концовъ невыгода
индифферентизма далеко перевѣшиваетъ его выгодныя стороны,
и человѣку нужно имѣть сильный талантъ и большое внутреннее
содержаніе, чтобы они могли помирить съ индифферентизмомъ и
вытекающимъ изъ него квіетизмомъ.

Къ такому типу людей равнодушныхъ и индифферентныхъ при-
надлежитъ и замѣчательный авторъ «Notes sur l'Angleterre.»
Если достоинства его многочисленныхъ произведеній легко объ-
ясняются изъ ряду вонъ выходящимъ талантомъ, то недостатки
его въ значительной степени могутъ быть объяснены тою не-
счастливою эпохою для Франціи, въ которую ему пришлось жить,
тѣмъ индифферентизмомъ, къ которому онъ пришелъ благодаря
жизненнымъ условіямъ окружающаго его общества. Тэнъ всегда
остается себѣ вѣренъ, въ одномъ сочиненіи, какъ и въ другомъ
онъ всегда является однимъ и тѣмъ же человѣкомъ, съ тѣми
же воззрѣніями, мнѣніями, съ тѣмъ же методомъ. Чтобы пред-
ставить его характеристику, строго говоря, можно было бы обой-
тись безъ прежнихъ его сочиненій и остановиться только на
послѣднемъ произведеніи. Начиная съ его разбора басенъ Ла-
фонтена, и затѣмъ перебирая всѣ его сочиненія, его критику
французскихъ философовъ девятнадцатаго вѣка, его въ высшей
степени замѣчательныя по необыкновенной тонкости анализа
критическіе этюды, въ видѣ этюда о Бальзакѣ, Расинѣ, Стен-
даль и множествѣ другихъ, наконецъ его извѣстное и заслу-
женно извѣстное сочиненіе объ англійской литературѣ, — вездѣ
и во всемъ видите человѣка, который такъ ярко высказался въ
книгѣ объ Англіи.

Я сказалъ уже, что по общему своему типу Тэнъ принадле-
житъ къ лагерю индефферентовъ, къ тому лагерю, у котораго есть
одно только убѣжденіе, что міръ идетъ своимъ путемъ, что ничто
не въ состояніи дать иного направленія неизмѣннымъ законамъ
природы, и что слѣдовательно нечего портить себѣ кровь изъ-за
всего преходящаго, мимолетнаго. Жизнь коротка, думаютъ люди
этого лагеря, изъ-за чего же слѣдовательно мы будемъ себѣ
отравлять ее, волноваться, беспокоиться, отчаяваться и тѣмъ еще

болѣе сокращать свою жизнь. Въ этого убѣжденія, нѣтъ бол-
ничего, что глубоко проникало бы въ ихъ существованіе.

Сколько вы ни будете изучать сочиненій Тэна, вы никогда не въ состояніи будете сказать, каковы его убѣжденія, во что онъ вѣритъ, во что нѣтъ, что ему близко; дорого, и чего онъ чуждается, что ему антипатично. Вы скажете: онъ консерваторъ онъ ретроградъ! неправда, я укажу вамъ въ его сочиненіяхъ десятки страницъ, въ которыхъ вы должны будете признать въ немъ человѣка не только либеральныхъ мнѣній, но пожалуй чело-
вѣка крайняго, радикальнаго. Вы перѣшлите, читая эти страни-
цы, что онъ радикалъ, и какъ вы ошибаетесь! въ томъ же сочиненіи, нѣсколькими страницами далѣе вы увидите, что онъ самымъ искреннимъ образомъ сочувствуетъ такимъ идеямъ и та-
кимъ учрежденіямъ, которыя прямо противоположны радика-
лизму. Точно также вы не въ состояніи признать въ немъ че-
ловѣка «золотой середины», потому что онъ никогда не эквили-
брируетъ между двумя крайними понятіями, а становится, смо-
три по вкусу, защитникомъ или противникомъ того и другого,
а самое частое—и защитникомъ, и противникомъ. Никогда и ни
въ чемъ онъ не ищетъ непременно середины. У него нѣтъ убѣж-
деній, которыя онъ горячо сталъ бы отстаивать, у него нѣтъ
дорогихъ для него вѣрованій, у него есть одна страсть, одна
любовь: страсть къ спокойствію, любовь къ красотѣ, къ силѣ,
въ какой бы формѣ она ни проявлялась. То, что было сказано
про Гёте, то можетъ быть сказано и про Тэна, который, между
прочимъ, безгранично боготворитъ нѣмецкаго поэта. Если Гёте
называли «великимъ язычникомъ», то и про Тэна можно ска-
зать, что онъ язычникъ, въ томъ же конечно смыслѣ, въ ка-
комъ былъ имъ гениальный творецъ Фауста. Онъ поклоняется
силѣ, онъ поклоняется красотѣ и бездушно, безучастно смо-
трить на все, что слабо, что болѣзненно, что некрасиво. Онъ
съ презрѣніемъ отнесется къ пороку, когда порокъ этотъ «такъ
себѣ», порокъ средней руки, но пускай порокъ пріобрѣтетъ гигант-
скую силу, пускай онъ достигнетъ колоссальныхъ размѣровъ, о,
тогда дѣло другое, Тэнъ сниметъ, какъ говорится, передъ нимъ
свою шапку, онъ поклонится ему. Не имѣя убѣжденій, не имѣя
вѣрованій, ко всему относясь равнодушно, безстрастно, очевидно,
Тэнъ не можетъ имѣть никакого опредѣленнаго идеала человѣ-
ческаго общества; у него нѣтъ идеала ни для политической
формы, ни для соціальной, онъ не хочетъ знать, хорошо то или
дурно, когда въ народѣ сильны или слабы религіозныя вѣрован-
нія, да, главное, онъ этимъ и не интересуется. Онъ только кон-
статируетъ нравы, учрежденія, состояніе идей въ томъ или дру-

тѣмъ словъ общества, и если тутъ или тамъ онъ встрѣчаетъ спокойную жизнь, изящную обстановку, богатство, силу, то можете быть увѣрены, что онъ отнесется сочувственно ко всему тому, гдѣ только онъ найдетъ эти элементы.

Всѣ эти свойства, которыя бросаются въ глаза при чтеніи прежнихъ сочиненій Тэна, замѣчательныхъ по силѣ таланта, анализа, знанія, еще болѣе сильно, если только это возможно, выступаютъ въ его послѣдней книгѣ.

Въ жизни англійскаго народа существуетъ цѣлая тѣма противорѣчій; быть-можетъ, этихъ противорѣчій здѣсь больше, чѣмъ въ жизни какого-нибудь другого народа, но самое ихъ существованіе доказываетъ только, какъ глубоко вкоренились свободные нравы въ этой странѣ. Обратите вниманіе на любую сторону жизни, и вы тотчасъ встрѣтите два противоположныхъ тока: одинъ тянется въ одну сторону, другой въ другую, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы они вытѣсняли другъ друга. Возьмите любую сферу, сферу политическую, религиозную или социальную—вездѣ вы найдете рѣзкія противорѣчія между однимъ направленіемъ и другимъ, и вездѣ вы увидите, что оба направленія существуютъ совершенно законно, одно силой своей, протекающей изъ присущей ей власти, не давить другого и не старается вогнать въ землю. Кому неизвѣстно, что въ континентальной Европѣ никогда еще власть не уживалась рядомъ съ свободой, или одна или другая, онѣ не въ силахъ дѣлать своего господства. Сегодня торжествуетъ одна, она грызетъ другую, поѣдаетъ ее; сегодня возносится другая, она мститъ и бросаетъ въ пропасть свою соперницу. Едва ли нужно приводить примѣры, доказательства, Франція, Германія, Италія подтверждаютъ своею исторіею всю справедливость этого положенія. Въ Англіи, напротивъ, это положеніе вещей не выдерживаетъ ни малѣйшей критики, и тутъ съ полною основательностію можно сказать, что съ континентальной европейской точки зрѣнія два противорѣчающія начала живутъ душа въ душу, такъ какъ монархія пропитала собою свободу, а свобода въ свою очередь пропитала монархію. Монархія и свобода относятся другъ къ другу съ самымъ полнымъ уваженіемъ, и живя вмѣстѣ обнаруживаютъ безконечную взаимную терпимость. Нужно сказать при этомъ, что монархія обнаруживаетъ тутъ еще болѣеую терпимость, чѣмъ свобода, которая даже и въ Англіи начинаетъ мало-по-малу принимать вызывающій характеръ. Монархія является тутъ часто стороною защищающеюся, свобода нападающею.

Если свобода трудно мирится съ монархіею, то еще труднѣе мирится она съ неравенствомъ различныхъ слоевъ общества, и од-

нако, въ Англіи это неравенство поразительно, и притомъ неравенство, не въ смыслѣ социальномъ, о которомъ нечего и говорить, а въ смыслѣ политическомъ. Если что-нибудь скрадываетъ это неравенство и заставляетъ его менѣе чувствовать, то опять-таки тѣ нравы, которые дѣлаютъ то, что каждый человѣкъ сознаетъ себя свободнымъ и независимымъ человѣкомъ, и который въ силу этого требуетъ, чтобы съ нимъ обращались по-человѣчески.

Одна изъ самыхъ печальныхъ сторонъ англійской жизни, это сторона религіозная, которая сильна въ англійскомъ обществѣ своимъ формализмомъ, своимъ ханжествомъ. При томъ формально-религіозномъ настроеніи общества, которое существуетъ тамъ, во всякой другой странѣ религія стала бы нетерпимою, недопускающею никакого противорѣчія. Однако мы не то видимъ въ англійскомъ обществѣ. Критика, анализъ имѣютъ здѣсь полный просторъ и религіозное чувство, религіозное вѣрованіе для своей охраны вовсе не требуетъ духовной цензуры. Но нужно впрочемъ сказать, что такая цензура лежитъ въ нравахъ страны, которыя установили уваженіе къ чужимъ мнѣніямъ. Уваженіе же къ чужимъ мнѣніямъ можетъ существовать только въ той странѣ, гдѣ всѣ мнѣнія свободны, и гдѣ одно не стремится внѣшнею силою уничтожить другія.

Свободная страна требуетъ, безъ сомнѣнія, распространенія образованія, она требуетъ, чтобы высшее, научное образованіе не было привилегіею одного какого-нибудь класса и чтобы оно не замыкалось двумя-тремя школами, да однимъ или двумя университетами. Въ Англіи система образованія, какъ читатель увидитъ далѣе, находится въ довольно жалкомъ состояніи и представляетъ одну изъ самыхъ грустныхъ сторонъ жизни, и если что-нибудь ослабляетъ вредныя послѣдствія этой системы, то опять-таки только существующіе нравы, которые дѣлаютъ то, что путемъ частной инициативы образуются низшія, среднія учебныя заведенія и кое-какъ сглаживается коренной недостатокъ.

Въ социальномъ отношеніи всѣ мрачныя стороны, существующія на континентѣ, одинаково существуютъ и въ Англіи, и тутъ пожалуй, даже навѣрное, онѣ еще мрачнѣе, еще печальнѣе. Нигдѣ не существуетъ такого контраста между нищетою и богатствомъ, какъ въ Англіи, нигдѣ нельзя было бы болѣе опасаться, что каждый день вспыхнетъ страшная социальная война между имущими и неимущими, и однако Англія и богатые классы не поднимаютъ никакого вопля изъ-за того, что образуются *trades-unions*'ы. Нѣтъ сомнѣнія, образуются они въ континентальной Европѣ, немедленно раздались бы тысячи голо-

совъ, требующихъ ихъ уничтоженія, явились бы законы, карающіе всякаго причастнаго къ этому дѣлу; здѣсь же никто объ этомъ не думаетъ, каждый знаетъ, что это немислимо. Нравы сдѣлали такой значительный успѣхъ, что право каждаго чело-вѣка принадлежать такому или другому союзу не подвергается никакому сомнѣнію.

Когда писатель задается задачею представить цѣльную картину жизни той или другой націи, то, безъ всякаго сомнѣнія, онъ не долженъ выставлять на видъ одни недостатки, точно также какъ не долженъ говорить объ однихъ достоинствахъ. Но рисуя свѣтлыя и мрачныя стороны извѣстнаго народа, писатель, въ которомъ живетъ сильное убѣжденіе, который не относится во всему равнодушно, невольно выскажетъ, что именно онъ считаетъ мрачными, и что свѣтлыми сторонами. Въ самомъ описаніи, въ тѣхъ краскахъ, которыя онъ станетъ накладывать на различныя стороны и явленія жизни народа, будетъ ясно видно, что ему дорого, что ему ненавистно, что онъ считаетъ благомъ для народа, что онъ считаетъ зломъ. Возьмите двухъ писателей противоположныхъ лагерей, одного изъ лагеря ретрограднаго, другого изъ радикальнаго, и вы услышите двѣ совершенно противоположныя пѣсни. Одинъ станетъ восторгаться вамъ въ той же самой Англіи сильною, крѣпкою аристократіей, другой съ горячностью станетъ порицать ее и доказывать необходимость ея паденія; одинъ будетъ съ упоеніемъ описывать, какъ поземельная собственность находится въ рукахъ ничтожнаго круга людей, другой увидитъ въ этомъ величайшее зло. Наконецъ, первый станетъ доказывать, что если Англія страдаетъ какимъ-нибудь зломъ, то это зло — свобода печати, свобода сумасбродныхъ сборищъ, второй же именно во всемъ томъ, что порицаетъ первый, видитъ прочныя элементы, вѣрные задатки для счастливаго будущаго страны. У Тэна вы не встрѣтите ничего подобнаго, для него кажется нѣтъ темныхъ сторонъ, все прекрасно, все обстоитъ благополучно, на все онъ смотритъ съ улыбкой на устахъ, такъ что первое впечатлѣніе, которое онъ долженъ произвести, это впечатлѣніе оптимиста. Между тѣмъ у него даже нѣтъ оптимизма, а только индифферентизмъ. Онъ видитъ печальныя стороны, онъ понимаетъ своимъ свѣтлымъ и блестящимъ умомъ, что трагическаго есть въ томъ или другомъ положеніи, но онъ не хочетъ остановиться, не желая проникнуть въ глубь, онъ боится, что печальныя размышленія причинятъ ему нравственное безпокойство, ему, который ничего такъ не любитъ какъ спокойствіе, красоту. Онъ скользитъ поэтому по темнымъ сторонамъ жизни,

онъ не хочетъ дѣлать никакихъ выводовъ, изъ боязни нарушить свое спокойствіе, отвлечься отъ пріятнаго въ жизни. Вотъ отчего онъ во всемъ и вездѣ отыскиваетъ свѣтлыя стороны, и хотя бы извѣстные нравы, извѣстныя учрежденія должны были бы быть ему антипатичны по его внутренней закваскѣ, онъ путемъ парадоксовъ, софизмовъ и всяческихъ натяжекъ не только оправдываетъ, но почти преклоняется передъ учрежденіемъ, которое, живя въ немъ сильное убѣжденіе, имѣй онъ извѣстный идеалъ общественнаго устройства, было бы ему безусловно антипатично.

Тѣмъ, прежде всего, какъ всякій французъ, демократъ. Недемократовъ нѣтъ больше во Франціи. Приверженецъ имперіи, ярый бонапартистъ,—но попробуйте спросить его кто онъ такой, онъ непременно отвѣтитъ вамъ, что онъ истинный демократъ. Обратитесь къ стороннику Орлеановъ, вы убѣдите отъ безпечной и горячей проповѣди демократизма. Ухватитесь наконецъ за приверженца блага знамени съ лиліей, и вы услышите отъ него о духѣ времени, что онъ понимаетъ легитимистскую монархію, но приложенную къ современнымъ правамъ, однимъ словомъ, une monarchie démocratique. О республиканцахъ всевозможныхъ оттѣнковъ не можетъ быть и рѣчи, они само собою демократы. Немного, весьма немного осталось во Франціи не-демократовъ, немного осталось могижановъ монархіи недемократической, монархіи аристократической, но и тѣ, которые остались, тщательно скрываются подъ ширмами демократіи. Возьмите человѣка очень замѣчательнаго по таланту, принадлежащаго къ французской аристократіи и написавшаго даже цѣлую, весьма интересную книгу объ Англіи для того, чтобы доказать, что самая счастливая страна это та, гдѣ есть сильная аристократія, и что слѣдовательно Франція можетъ быть счастлива только тогда, когда она перенесетъ къ себѣ это драгоценное растеніе; возьмите этого человѣка и послушайте, что говорить онъ, аристократъ, такъ настойчиво рекомендовавшій Франціи сильную англійскую аристократію. «Постоянный успѣхъ и окончательное торжество демократіи—это въ настоящее время неоспоримые факты, столь же очевидные, какъ успѣхъ и торжество абсолютной монархіи, начиная отъ XV-го вѣка и до XVIII-го. Демократія управляетъ всюду, гдѣ она еще не царствуетъ. Безумно не признавать ея побѣды, безумно также противиться ей до тѣхъ поръ, пока она не вырождается въ угнетеніе, пока она не повлечетъ за собою извѣстныхъ послѣдствій, несогласныхъ съ совѣстью и здравымъ смысломъ¹⁾.» Такимъ образомъ, можно

¹⁾ De l'Avenir politique de l'Angleterre, par le Comte de Montalambert.

признать, что всѣ французы демократы. Тэнъ вѣроятно не составляетъ исключенія, и въ его сочиненіяхъ можно привести тому нѣскольکو доказательствъ. Но посмотрите какой онъ оригинальный демократъ! Демократъ, безъ всякаго сомнѣнія, не только можетъ, но даже долженъ понимать и аристократію; но едва ли убѣжденный демократъ можетъ восторгаться аристократіею, съ любовью говорить о ея силѣ, значеніи, восхвалять ея принципы настолько же, если не больше, насколько восхваляетъ онъ принципы демократическій. У Тэна между прочимъ это именно такъ. Что это въ сущности доказываетъ? Мнѣ кажется только одно — что онъ относится совершенно равнодушно къ подобнымъ вопросамъ, и что въ концѣ концовъ ему нѣтъ никакого дѣла ни до аристократіи, ни до демократіи, какъ нѣтъ дѣла до того, какая форма правленія существуетъ въ странѣ, монархическая или республиканская. Впрочемъ, чтобы быть справедливымъ къ Тэну, нужно сказать, что уже давно, еще въ 1857 году, въ одномъ изъ первыхъ своихъ этюдовъ, именно въ этюдѣ, написанномъ по поводу вышедшей тогда книги графа Монталамбера объ Англіи, Тэнъ, юноша двадцати-четырехъ, двадцати-пяти лѣтъ, откровенно сознавался, что онъ «весьма мало любить политику». Тогда, правда, можно было думать, что слова эти сказаны молодымъ писателемъ для большей безопасности, такъ какъ въ 1857 году любовь къ политикѣ во Франціи могла имѣть самыя грустныя послѣдствія. Оказалось однако, что слова Тэна не были только словами предосторожности, а голою истинною.

Изъ трехъ словъ, изъ которыхъ складывается девизъ, сдѣлавшійся со времени великой революціи официальнымъ девизомъ Франціи, изъ трехъ словъ: *liberté, égalité, fraternité!* посчастливилось только одному. *Liberté* витаетъ въ облакахъ, *fraternité* оказалось несозрѣвшимъ плодомъ, *égalité* же вошло въ жизнь и подчинило себѣ все общество. Равенство вошло въ законы, вошло въ нравы французской націи и никакая реакція, никакой порядокъ не выѣстъ этого понятія. Оно засѣло весьма глубоко. Это равенство Тэнъ всосалъ съ молокомъ матери, оно укрѣплялось въ немъ его нянькою, оно утверждалось въ немъ школою, онъ нашелъ это понятіе въ себѣ совсѣмъ готовымъ и прочнымъ, когда юношей вступилъ въ жизнь, какъ находить его готовымъ всякій французскій юноша. Казалось бы, что это понятіе такъ сильно сидитъ въ немъ, что противоположное ему понятіе должно быть ему антипатично, и онъ возстанетъ противъ него всею силою своего ума. Оказывается, что нѣтъ, и на повѣрку выходитъ, что равнодушіе, индифферентизмъ такъ

глубоко засѣли въ его натуру, что заглушили собою даже то понятіе равенства, которое онъ нашелъ въ себѣ уже совсѣмъ сложившимся и готовымъ. Тэнъ пріѣзжаетъ въ Англію, находитъ въ ней рѣзкое разграниченіе между различными слоями общества, находитъ неравенство политическое, неравенство нравственное, находитъ жизнь, сложившуюся такъ, какъ будто бы каждый человѣкъ, по его же выраженію, долженъ имѣть по крайней мѣрѣ нѣсколько тысячъ фунтовъ стерлинговъ годового дохода; онъ описываетъ это положеніе, вкушаетъ съ нѣкоторою нѣгою плоды этой привилегированной жизни, и у него ни слова не вырывается такого, которое указывало бы, что «равенство» имѣть для него, какъ для всякаго француза, какое-нибудь значеніе. Никто конечно не желаетъ, чтобы писатель, имѣющій извѣстное понятіе о порядкѣ, существующемъ въ обществѣ, каждый разъ, что онъ встрѣчаетъ другой порядокъ, приходилъ въ ярость и начиналъ метать громы и молніи; избави Богъ! но все-таки нельзя не сказать, что писатель, проникнутый однимъ началомъ, и начинающій восхищаться другимъ, производитъ непріятное впечатлѣніе. Неравенство, рѣзкое бросающееся въ глаза, не имѣетъ въ Англіи такого дурного вліянія, какое бы оно имѣло въ другой странѣ, потому что нравы смягчаютъ здѣсь суровую рѣзкость политическаго и соціальнаго неравенства. Нѣтъ, не въ нравахъ ищетъ онъ оправданія, не нравами старается объяснить, отчего это неравенство стало противоположно «равенству» французскаго народа, и не производитъ на него непріятнаго впечатлѣнія. Оно просто не задѣваетъ его глубоко, потому что онъ относится и къ этому съ тѣмъ же равнодушіемъ, съ тѣмъ же индифферентизмомъ, съ какимъ относится и ко всему остальному.

Еще болѣе этотъ индифферентизмъ поражаетъ въ Тэнѣ, когда обращаешься къ религіозному вопросу и читаешь тѣ страницы, на которыхъ онъ говоритъ о религіи въ Англіи. Тэнъ въ религіозномъ отношеніи принадлежитъ къ той категоріи людей, которые носятъ имя: *libres penseurs*. Онъ чуждъ всякаго суевѣрія, онъ чуждъ всякой внѣшней религіозности, онъ въ сущности ни во что не вѣритъ, кромѣ неизмѣнныхъ законовъ природы; онъ, если хотите, пантеистъ. И вотъ этотъ *libre-penseur* пріѣзжаетъ въ Англію, встрѣчаетъ тутъ внѣшнюю религіозность, доведенную до своихъ геркулесовыхъ столбовъ, находитъ въ ней цѣлую тьму предрасудковъ, всяческихъ суевѣрій, находитъ какую-то крайне отталкивающую религіозную чопорность. Не подумайте однако, что онъ отнесется къ этой внѣшней, формальной религіи, къ этому ханжеству съ пренебреженіемъ, съ

нѣтъ; не подумайте, что онъ объяснить, отчего произошло и какъ поддерживается въ Англіи это печальное состояніе релігіознаго вопроса,—ничуть не бывало; онъ, *libre-penseur*, видѣвъ въ этомъ релігіозномъ лицемѣрствѣ только одно хорошее, онъ отыскиваетъ только выгодныя стороны, которыхъ, собственно говоря, для «свободнаго мыслителя» вовсе не должно было бы существовать. Это противорѣчіе между тѣмъ, что онъ говоритъ, и тѣмъ, чего онъ самъ держится, объясняется конечно вовсе не его непослѣдовательностью, а только однимъ его индифферентизмомъ.

Менѣ конечно можно удивляться тому, что, говоря о положеніи соціальнаго вопроса въ Англіи, онъ является такимъ же безсердечнымъ наблюдателемъ, какимъ былъ и въ другихъ вопросахъ. Онъ даетъ вамъ полное горькой истины описаніе рабочаго люда, его жизни, онъ рисуетъ вамъ съ фламандскимъ искусствомъ грозные по своему мрачному виду кварталы нищеты, обезображивающей людей, онъ вноситъ въ свою панораму Лондонскій *Stadwell*, эту картину изъ Дантовскаго ада, и кажется, что когда онъ пишетъ эти страницы, у него нѣтъ другого желанія, какъ вызвать негодованіе у своихъ читателей; ничуть не бывало. На слѣдующей же страницѣ вы видите, что Тэнъ съ такимъ же искусствомъ, съ такою же точностью описываетъ богатство англійскихъ лордовъ, ихъ роскошное житиёбытё, ихъ дворцы, ихъ виллы, ихъ жизнь въ замкахъ, ихъ комфортъ.

Вотъ тотъ характеръ Тэна, которымъ обусловливаются какъ выгодныя качества, такъ и недостатки его послѣдняго труда, и который проводитъ рѣзкую границу между авторомъ «*Notes sur l'Angleterre*» и всѣми другими французскими писателями, посвящавшими себя изученію этой классической страны свободныхъ нравовъ.

Евг. Утинъ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМІЯ ДО ГРАФА ПРОТАСОВА.

Воспоминанія *).

(Окончаніе).

IV.

Преподаваніе наукъ.

Непосредственнымъ начальникомъ и блюстителемъ учебной части въ духовныхъ академіяхъ былъ ректоръ, который вмѣстѣ съ тѣмъ состоялъ и профессоромъ богословскихъ наукъ. Поэтому онъ служилъ для наставниковъ не только руководителемъ, но и примѣромъ, а въ такомъ случаѣ, казалось, всего бы лучше и естественнѣе избирать ректора изъ опытныхъ академическихъ профессоровъ. Но по заведенному порядку, ректору, какъ сказано выше, непремѣнно нужно было быть монахомъ. Другіе пять ординарныхъ профессоровъ принадлежали къ бѣлому духовенству или къ мірянамъ, и потому если нельзя было сдѣлать инспектора ректоромъ, то искали кандидатовъ на должность послѣдняго въ семинаріяхъ. Хотя и въ академіяхъ, какъ мы увидимъ ниже, не было слишкомъ много поводовъ и побужденій отличатся профессорскою дѣятельностію, но все-та-

*) См. выше, іюль, 219, авг. 664 стр.

и тутъ почти всѣ наставники готовились къ классу; лекціи проносили большею частію устно, не читая по тетрадкамъ или книжкамъ; была хоть какая-нибудь умственная работа. Въ семинаріяхъ же тогда не лекціи говорили, а задавали и выслушивали уроки; только небольшое количество чудаковъ, несмотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, учили хорошо,—да и то преимущественно занимались объясненіемъ учебныхъ руководствъ или своихъ записокъ. И чѣмъ долѣе продолжалась служба въ семинаріи, тѣмъ человекъ становился неспособнѣе для академіи; гораздо лучше было бы, кажется, нигдѣ не служить; мало приобрѣлось бы, можетъ быть, новыхъ познаній, но не поселилась бы и не утвердилась небрежность къ пастырческой должности. Между тѣмъ изъ 14-ти человекъ, которые съ 1819 г. занимали должность ректора въ петербургской духовной академіи, только двое постоянно служили при академіи, именно: Григорій Постниковъ и впослѣдствіи виленскій архіепископъ Макарій Булгаковъ; къ нимъ можно причислить Іоанна Соболева, бывшаго послѣ смоленскимъ епископомъ; онъ долго находился ректоромъ петербургской семинаріи, но уже послѣ того, какъ слишкомъ десять лѣтъ служилъ въ академіи; ему уже не могла повредить семинарская рутинка. Пять же ректоровъ до самаго поступленія въ ректоры академіи переводились только изъ одной семинаріи въ другую. Къ несчастію, при переводѣ ректоровъ семинарій въ академію руководствовались иногда совершенно сторонними цѣлями, а не ихъ способностями; напр., Венедикта Григоровича сдѣлали ректоромъ академіи для того только, чтобы онъ уплатилъ поскорѣе числившіяся на немъ казенныя деньги. Потомъ, высшее духовное начальство конечно не находило излишнимъ, если ректоръ былъ вмѣстѣ дѣльнымъ профессоромъ, но главнымъ образомъ желало въ немъ видѣть хорошаго, по своему понятію, администратора. Ректоръ могъ даже не ходить въ классъ, или изрѣдка туда заглядывать, плохо читать лекціи,—это все ничего; только бы въ академіи все шло по заведенному порядку, только бы онъ правился митрополиту да оберъ-прокурору; тогда опасаться нечего. Одинъ ректоръ въ теченіи полгода былъ не болѣе трехъ разъ въ классѣ, и все же не отказался отъ профессорской должности; ему за это даже дали 1000 рублей прибавочнаго жалованья. Наконецъ, ректорство академіи было послѣднее уже ступенію къ архіерейству. Къ чему же тутъ много заниматься лекціями, когда и безъ того скоро панагія будетъ украшать грудь? Ректоръ — отличный профессоръ, скорѣе другихъ могъ быть заподозрѣнъ въ либерализмъ, въ неправославіе, какъ и

случилось это съ Иннокентіемъ Борисовымъ. Такимъ образомъ, между ректорами академіи вовсе нелегко было встрѣтить хорошаго профессора; въ почетнымъ исключеніямъ изъ этого правила принадлежали, напр., Григорій Постниковъ, Макарій Булгаковъ, Іоаннъ Соколовъ и еще человѣка два-три въ петербургской академіи. Мы знаемъ первыхъ четырехъ ректоровъ, какъ администраторовъ; посмотримъ теперь на ихъ профессорскую дѣятельность.

Іоаннъ Доброзраковъ имѣлъ немало задатковъ, чтобы быть хорошимъ, даже отличнымъ профессоромъ,—именно множество свѣдѣній, чрезвычайно быстрое соображеніе, ловкость и находчивость въ случаѣ встрѣченныхъ возраженій и недоумѣній и замѣчательную способность говорить. Надобно было на него посмотреть, когда онъ, самъ отворивши и затворивши дверь въ классъ, снявши верхнюю рясу и небрежно положивши ее куда-нибудь, и какъ-нибудь перекрестившись на образъ, начнетъ тотчасъ же, не дойдя еще до профессорскаго кресла: *въ прошедшій классъ мы говорили о томъ-то, рассмотрѣли то-то и пр., затѣмъ говорить цѣлый часъ легко, свободно, чистымъ русскимъ языкомъ, безъ всякихъ вычуръ и модныхъ фразъ, ни на чемъ не запинаясь, по временамъ подшучивая, или высказывая остроты. Но послушавши нѣсколько его лекцій, легко можно было убѣдиться, что профессоръ недолго надъ ними раздумывать, развѣ-развѣ начертилъ для себя коротенькій конспектъ. Онъ скорѣе походилъ на импровизацію говоруна, готоваго разсуждать обо всемъ во всякое время и увѣреннаго, что ему, поговоря, не нужно будетъ лазить въ карманъ за словомъ. Тутъ одно отступленіе или эпизодъ смѣнялись другимъ, вновь возвращались къ главному предмету, опять отступали, опять возвращались, и нить, такъ сказать, не прерывалась. Вниманіе слушателей увлекалось потокомъ словъ, но упомянуть, записать лекцію почти не было возможности; слушатели немного уносили отъ нея мыслей, но за то приобрѣтали убѣжденіе, что если бы профессоръ имѣлъ охоту позаняться лекціей, то она была бы прекрасною; нельзя не пожалѣть, что веселая и умная голова и тутъ не любила хоть *словами* доставить пользу студентамъ. При всемъ этомъ Доброзраковъ былъ хорошій, даже очень хорошій профессоръ; особенно вновь пріѣхавшіе студенты удивлялись его *краснорѣчію*.*

Напротивъ, Смарагдъ Крыжановскій отъ природы получилъ и самъ приобрѣлъ очень мало задатковъ для того, чтобы быть даже посредственнымъ профессоромъ. Да онъ и не заботился обогатить себя необходимыми для этого свѣдѣніями. Въ то вре-

и, какъ въ Германіи шла ожесточенная ученая борьба между установленною догмою и рационализмомъ, когда рационалистическія идеи проникли въ Россію, когда бы ихъ нужно было изобразить съ точки нашего православія, разумѣется, въ духовныхъ академіяхъ, на богословской кафедрѣ,—нашъ ординарный профессоръ богословія не прочиталъ ни одной рационалистической книги, умѣлъ только бранить рационалистовъ, не понимая ихъ идей. Сомнительно даже, чтобы онъ читалъ книги иностранныхъ писателей — защитниковъ догмы, чтобы касался даже прежнихъ богослововъ, напр. Гуннія или нашего Теофана Пропоповича. Онъ былъ богословъ, воспитавшійся на русской почвѣ, на пространномъ катихизисѣ Платона, на тѣхъ догматикахъ, которыя училъ въ семинаріи и академіи. Лекціи его были почти только перифразомъ учебника или записокъ, которыя выдавались студентамъ для заучиванія на память; развѣ дѣлались ничтожныя и мелочныя какія-либо прибавленія. Притомъ, соображаясь съ своимъ умственнымъ настроеніемъ, а вѣрнѣе, съ принятою на себя ролью, онъ и въ студентахъ восхищался не глубокомысленнымъ изслѣдованіемъ богословскихъ предметовъ, а знаніемъ неважныхъ какихъ-либо особенностей нашего вѣроисповѣданія. Напр., не получивши отъ одного студента отвѣта на вопросъ: почему на иконахъ евангелистовъ изображаются еще ангелъ, или левъ, или волъ, или орелъ, онъ пришелъ въ крайнее негодованіе; и потомъ когда другой студентъ разрѣшилъ этотъ вовсе не догматическій вопросъ,—былъ въ восхищеніи и нѣсколько минутъ, ходя по классу, только и говорилъ: «ай да хватъ, Б.; вотъ такъ молодецъ Б.» Наконецъ, Крыжановскій, можно сказать, уродовалъ и безъ того уже не очень привлекательныя лекціи своими приемами и своею дикціей. Рѣчь его не лилась непрерывнымъ потокомъ; послѣдующее слово шло за предыдущимъ не торопясь и очень часто отдѣляясь слогами: *во*, или *ну-во*, составлявшими отличный признакъ его рѣчи. Присовокупите къ этому, что краснорѣчивый профессоръ не садился въ кресло, а ходилъ, наклонившись нѣсколько впередъ и вмѣстѣ на тотъ бокъ, который былъ ближе къ первому ряду классическихъ столовъ, и кромѣ того одною рукою опираясь на нихъ. Смотря на эту наклонившуюся впередъ и на бокъ фигуру, слушая его: *во* и *ну-во*, трудно было не улыбнуться. Но профессоръ за этимъ слѣдилъ очень строго. «Что вы это смѣетесь? съ негодованіемъ говорилъ онъ улыбающемуся. Ректоръ говоритъ лекцію, притомъ по св. Писанію, а онъ смѣется! На что это похоже?»

Если у Крыжановскаго было мало, то Венедиктъ Григоро-

внѣ уже вовсе не имѣлъ никакихъ задатковъ для профессуры. Крыжановскій до ректорства своего въ петербургской академіи состоялъ наставникомъ отчасти въ ней, а еще болѣе въ кievской, и только три года въ семинаріи вiенской, все-таки долженъ былъ говорить лекціи, а не задавать одни уроки. Напротивъ, служба Григоровича до того же ректорства происходила только въ семинаріяхъ, а тамъ, какъ я уже сказалъ, говореніе лекцій было не въ модѣ. Притомъ онъ не имѣлъ порядочнаго дара слова. Объясняясь объ обыкновенныхъ даже предметахъ, онъ занимался и украшалъ свою рѣчь вставками въ родѣ: *ма-во-тата вотъ-тата, та-та* и т. п. Онъ внутренно и самъ сознавалъ свои недостатки въ этомъ отношеніи. Несмотря на грубое обращеніе съ студентами, когда ему приходилось дѣйствовать въ роли начальника, онъ, напротивъ, не показывалъ ничего въ классѣ; при первомъ его дебютѣ здѣсь замѣтили даже, что у него руки дрожали. Но иэтотъ, можно сказать, безталанный человѣкъ для профессорской должности тоже хотѣлъ сначала озадачить студентовъ своею ученостію. На первой лекціи усѣвшись на кресла, онъ началъ вступительную недурную рѣчь, перешелъ потомъ къ ученію о Богѣ, и все это говорилъ на латинскомъ языкѣ. Латынь была недурна; студенты стали-было подумывать, что, вѣроятно, старикъ—ученый мужъ, но скоро начали перешептываться, переглядываться и посмѣиваться. Въ академіи въ то время учебникомъ о Богѣ и Троицѣ были статьи Григорія Постникова на русскомъ языкѣ, напечатанныя въ «Христіанскомъ Читеніи». Оказалось, что новый профессоръ вступительную рѣчь самъ сочинилъ, а лекція состояла изъ буквального перевода начальныхъ 2—3 страничекъ статей Постникова на латинскій языкъ. Но латыни достало только на одинъ классъ; въ слѣдующія лекціи отецъ-профессоръ читалъ уже печатный учебникъ буквальнѣйшимъ образомъ, ничего не измѣняя, не прибавляя и не убавляя, точно какъ будто бы боялся, чтобы не постигло его проклятіе за опущеніе *единой ѿоты*. По окончаніи ученія о Богѣ и Троицѣ надобно было взяться за другіе предметы догматики; для нихъ тоже существовалъ учебникъ, но рукописный, перешедшій *отъ предковъ къ потомкамъ*, составленный Григоріемъ Постниковымъ на русскомъ языкѣ. Профессоръ-латинистъ и букваристъ нашелъ этотъ учебникъ недостаточнымъ, вмѣсто него отыскалъ у себя какія-то старыя лекціи, которыя, кажется, преподавались студентамъ перваго курса, но написанныя на латинскомъ языкѣ. Григоровичъ, принося въ классъ по нѣскольку листовъ этого *старья*, прочитывалъ ихъ буквально самымъ мопотоннымъ, скучнѣйшимъ образомъ, не заботился даже о пе-

речь на русскій языкъ; опять тоже какъ будто боялся про-
йти за измѣненіе *іоты единой*. Но чтеніе очень часто пре-
рвалось по слѣдующему обстоятельству. Въ листкахъ лекцій
были только указанія на библейскіе тексты, а не самыя слова
ихъ. Профессоръ, дочитавшись до такихъ указаній, останавли-
вался и говорилъ уже по-русски: «а вотъ принците-ка Матвѣя
или Луку такую-то главу и стихъ». Текстъ находили, прочиты-
вали; профессоръ, не сдѣлавши никакого объясненія, принимался
опять за свою латынь, вновь останавливался на текстѣ, ко-
торый отыскивали и прочитывали. Такія паузы дѣлали и безъ
того бездушныя лекціи, можно сказать, еще *мертвеннѣе*. Но
къ этому приходили побочныя обстоятельства. Текстъ найденъ
и прочтѣнъ; но слишкомъ видно, что нейдетъ къ дѣлу. Тогда
профессоръ начинаетъ говорить: «да такъ ли вы нашли?» — или:
«что же это такое-то? постойте-ка, я посмотрю»; и приподнявъ
листъ со стола, подвинувши его въ свѣту и держа одну руку
повыше глазъ, онъ начинаетъ разсматривать письмо и говорить:
«кажется, не пятая, а десятая глава, не третій, а пятый стихъ»
и пр. Иногда поправка удавалась, а то ничего не находили
подходящаго; тогда, какъ будто ни въ чемъ не бывало, какъ
будто все доказано, принимались опять за латинскій текстъ. Но
и тутъ не обходилось безъ бѣды. Иное слово было написано
неразборчиво, другое замарано черпилами; тамъ самыя черпила
порыжили и стерлись. Надобно было разсматривать листъ, под-
нимать и прикладывать руку повыше глаза, и, увы! иногда ви-
чего не разобрать; и тутъ опять, какъ будто ни въ чемъ не
бывало, читали далѣе. Все это вмѣстѣ составляло не лекціи, а
самую бездарную, безжизненную народію на нихъ, какъ будто
нарочно придуманную для того, чтобы ополдить и лекціи, и
предметъ, котораго онѣ касались.

Понятно, студенты не имѣли къ Григоровичу никакого ува-
женія, и даже не слушались его распоряженій относительно
лекцій, какъ видно изъ слѣдующаго разсказа, который вмѣстѣ
съ тѣмъ покажетъ, что за люди были въ числѣ ректоровъ и
профессоровъ академіи, и до каковаго своеволія доводили студен-
товъ.

Нашъ профессоръ нашелъ, что отчасти печатный, отчасти
рукописный учебникъ по догматическому богословію, составлен-
ный Постниковымъ, недостаточенъ, сдалъ свои старыя листы
для списыванія и для приготовленія по нимъ уроковъ. Студен-
тамъ это очень не понравилось. Венедиктовскія лекціи были на
латинскомъ языкѣ, слишкомъ обширны, да ихъ надобно было
еще списывать; тогда какъ Постниковскія излагались коротко и

по-русски, да и у большой части студентов находились и наслѣдству отъ предшественниковъ; выгоды на сторонѣ послѣднихъ были слишкомъ ясны; молодежь отказалась ректору списывать его лекціи, и послѣ продолжительнаго спора устояла на своемъ. Ректоръ, сдѣлавши уступку, сильно впрочемъ оскорбленъ непослушаніемъ своихъ подчиненныхъ и отъ времени до времени любилъ повторять: «а вотъ погодите, я вамъ отплачу за это». Но дѣло вышло иначе.

Планъ мщенія отложенъ былъ ректоромъ до публичныхъ экзаменовъ. Къ нимъ обыкновенно заранѣе приготавлилась какая-либо часть лекцій по каждому предмету, а не вся наука. Ректоръ сказалъ, что по догматическому богословію онъ назначаетъ ученіе о Троицѣ. Студенты приготовили трактатъ по учебнику Постникова. Но вечеромъ наканунѣ экзамена, часу въ девятomъ имъ всѣмъ розданы были печатные конспекты предметовъ, назначенныхъ къ завтрашнему испытанію. Тутъ они съ удивленіемъ увидали, что конспектъ по ученію о Троицѣ напечатанъ на латинскомъ языкѣ и притомъ по запискамъ не Постникова, а Григоровича. Отправили депутата къ ректору просить объясненія, что это такое значитъ? «А это вотъ что значитъ, отвѣчалъ ректоръ съ злобною усмѣшкою. Вы-то не хотѣли меня слушать, не списывали моихъ лекцій, и къ окончательному экзамену не приготовили ихъ, несмотря на мое приказаніе; я говорилъ, что расквитаюсь съ вами за это. Вотъ теперь я съ вами и расквитался; увижу, какъ-то вы завтра станете отвѣчать; я буду спрашивать по своему конспекту?» Депутатъ началъ было говорить, что они не ожидали такого распоряженія, что приготовили бы все, какъ слѣдуетъ, а теперь имъ невозможно это сдѣлать; вѣдь ни у кого нѣтъ даже лекцій. Ректоръ не захотѣлъ слушать и сказалъ: «отходите то; я на своемъ поставлю». Съ старикомъ нечего было дѣлать; студенты посовѣтовались между собою и всѣ рѣшились на смѣлый поступокъ — отвѣчать по лекціямъ Постникова, несмотря на вопросы ректора.

Господствовавшій тогда обычай на публичныхъ экзаменахъ въ духовныхъ академіяхъ благопріятствовалъ студентамъ. Ихъ для отвѣта не вызывали къ экзаменаторскому столу, а позволяли имъ оставаться на своихъ мѣстахъ и оттуда отвѣчать на предлагаемые вопросы; требовалось только говорить громко, чтобы всѣ слышали. Потомъ наставникъ, предметъ котораго былъ на очереди, долженъ былъ *стоять*, какъ говорили на *се-рединѣ залы*. Митрополитъ не посадилъ даже и Григоровича, хотя онъ въ это время уже былъ епископомъ. И потому, ког-

да нѣлся экзаменъ по ученію о Троицѣ, Григоровичъ, имѣя смѣлый голосъ и неразборчивое произношеніе, всталъ у самыхъ столовъ студентескихъ, сажаяхъ въ трехъ отъ митрополита, и предложилъ вопросъ на латинскомъ языкѣ по своимъ, разумеется, лекціямъ. Митрополитъ едва ли разслушалъ вопросъ. Отвѣчавшій студентъ былъ ловкій молодой человѣкъ. Выслушавъ ректора, какъ будто бы съ полнымъ вниманіемъ, онъ началъ читать свой отвѣтъ по лекціямъ Постникова, но читать громко, ясно, съ интонаціею. Ректоръ хотѣлъ-было остановить его, замѣтивши ему, что надобно отвѣчать по-латыни; и опять говорилъ своимъ негромкимъ, шепелявымъ языкомъ. Но митрополитъ, уже заинтересовавшись отвѣтомъ, сказалъ: «Не трогайте его, преосвященный, онъ славно читаетъ?» Дошла очередь до другого; ректоръ и тутъ хотѣлъ настоять на своемъ, подвинулся къ студенту поближе и уже довольно внятно предложилъ вопросъ опять по-латыни. Студентъ, какъ и его предшественникъ, не сробѣлъ, а выслушавши, началъ отвѣчать по-русски. Замѣтно было, что митрополиту показались странноватыми русскіе отвѣты на латинскіе вопросы; но по счастью и новый студентъ читалъ бойко, смѣло, внятно. Ректоръ хотѣлъ-было и этого остановить, но митрополитъ опять сказалъ: «Не трогайте его, преосвященный, онъ знатно читаетъ».

Послѣ этого ректоръ призналъ себя побѣжденнымъ, не сталъ уже дѣлать вопросовъ на латинскомъ языкѣ, а употреблялъ почти только одно слово: *продолжайте*. За то, ставши близъ самаго конца передняго стола, онъ принялся ругаться, и чтобы его слова слышны были только студентамъ, а не митрополиту и другимъ посѣтителямъ, онъ закрылся находившимися въ его рукахъ листами бумаги со стороны публики; а между тѣмъ произносилъ слова (извините, что я ихъ цитую буквально): «дьяволы-то, разбойники-то», и пр. И потомъ когда вновь спрошенный начиналъ свой отвѣтъ, ректоръ говорилъ: «и этотъ такой же разбойникъ» и пр. Сцена была, къ сожалѣнію, уморительная; публика видѣла, что происходитъ что-то недружественное между ректоромъ и студентами, но никакъ не могла догадаться, въ чемъ дѣло, потому что отвѣты студентовъ были вполне удовлетворительны. Студенты едва могли удерживаться отъ смѣха. Еще смѣшнѣе стало смотрѣть на ректора, когда по окончаніи экзамена стали благодарить его за прекрасные отвѣты студентовъ; онъ не могъ преодолѣть внутренней своей досады и неудовлетворенной злобы, и принимая благодарность, сдѣлалъ довольно кислую мину.

Виталій Щенетевъ по своимъ способностямъ и свѣдѣніямъ,

по своему дару слова стоялъ гораздо выше Крыжановскаго : Григоровича, и по всей вѣроятности былъ бы очень хорошимъ наставникомъ, если бы вся служба его происходила въ академіи. Но по окончаніи академическаго курса онъ десять лѣтъ инспекторствовалъ и ректорствовалъ въ московской семинаріи, и по мѣстнымъ условіямъ не развилъ въ себѣ качествъ нужныхъ для профессорской каведры. Поступивъ ректоромъ въ петербургскую духовную академію, онъ, можетъ быть, успѣлъ бы въ этомъ; но у него слишкомъ много времени отнимали правленскія дѣла, редакція статей по «Христіанскому Чтенію» и одна несчастная слабость, о которой я упомянулъ—и ему не удалось сдѣлаться хорошимъ академическимъ профессоромъ. Недостатки свои въ этомъ отношеніи онъ усиливалъ и дѣлалъ невыносимыми посредствомъ мнимой важности и торжественности. Напр., захотѣлось ему понюхать табаку. Онъ кладетъ бумагу на столъ, отирается рукою въ карманъ, вынимаетъ оттуда табакерку и платокъ, открываетъ первую, опускаетъ въ нее щепоть, нюхаетъ табакъ, утирается платкомъ; потомъ начинается, такъ сказать, обратная церемонія закрытія табакерки, укладыванія ея и платка въ карманъ; и все это дѣлалось съ торжественнѣйшею медленностію, какъ будто дѣло шло о какомъ-либо церемоніальномъ актѣ, и все это продолжалось пѣскольکو минутъ. А студенты, разумеется, сиди въ это время смирнехонько; потому что Щепетевъ не былъ похожъ на Григоровича и счумѣлъ бы отплатить всякому студенту, который бы при немъ улыбнулся. За всѣмъ тѣмъ, сравнительно, все-таки его нельзя было назвать дурнымъ профессоромъ.

Надзоръ ректоровъ за преподаваніемъ наукъ другими едва ли не въ томъ только состоялъ, что они отъ наставниковъ принимали списки и конспекты, производили экзамены; лично же въ классы на лекціи почти ни къ кому никогда не ходили; напр., Венедиктъ Григоровичъ въ теченіи всего своего ректорства ни разу ни у кого не былъ. О достоинствѣ лекцій каждаго они составляли понятіе, если только считали это нужнымъ, по доходявшимъ до нихъ слухамъ или при посредствѣ переносчиковъ-студентовъ.

Метода опредѣленія новыхъ и на служебное положеніе всѣхъ вообще наставниковъ была слѣдующая. Свободныя бакалаврскія мѣста слишкомъ рѣдко занимались людьми, доказавшими свою опытность въ преподаваніи; изъ семинарій если и вызвали наставниковъ въ академію, то почти только тѣхъ, которые изъявили желаніе поступить въ монашество. Наибольшая часть вновь опредѣляемыхъ бакалавровъ состояли изъ только-

жившихъ курсъ студентовъ; сегодня они еще вмѣстѣ съ своими слушателями кушаютъ въ одной и той же комнатѣ одинъ и тотъ же супъ, одну и ту же гречневую кашу, и черезъ четыре уже садятся въ классъ на наставническое чтеніе и читаютъ о пользѣ наукъ, въ чемъ чуть не паканувшись сомнѣвались. При избраніи студентовъ на бакалаврскія мѣста наибольшую частію руководствовались окончательнымъ выборомъ; занимавшіе въ немъ первыя мѣста и дѣлались бакалаврами. Исключенія касались иногда монашествующихъ студентовъ, которыхъ предпочитали свѣтскимъ. Еще иногда руководствовались покорнѣйшими просьбами кого-либо изъ петербургскихъ папенокъ-священниковъ, выслѣдившихъ между студентами жениха для своей милой дочери и хлопотавшихъ о томъ, чтобы его пристроили при академіи, но вовсе не обращая вниманіе на то, любить ли и знаетъ ли вновь избранный науку, преподаваніе которой ему вздумали поручить. Главное правило состояло въ томъ, что если есть вакантное мѣсто, то надобно занять лучшимъ по общему списку студентомъ. Давали примѣры, что назначали бакалавромъ по какому-либо имени человека, который вовсе его не зналъ. Напр., въ 1833 году вновь опредѣленный бакалавромъ нѣмецкаго языка Предсѣдатель долженъ былъ начать свою профессію съ того, чтобы начать читать по-нѣмецки и знакомиться съ грамматикою языка. Потомъ уже людей, нѣсколько ознакомившихся съ своимъ предметомъ, иногда вдругъ передвигали на другой.

Вообще академическихъ наставниковъ можно было раздѣлить на два разряда; къ первому принадлежали монахи, а ко второму лица блага духовенства и свѣтскія, не пожелавшіе быть ни монахами, ни священниками. На монашествующихъ обращено было все вниманіе начальства, изливались всѣ милости, всѣ поощренія и награды. А между тѣмъ каждый изъ нихъ зналъ, что учебная служба не есть конечная его цѣль, а только прокладываетъ ему дорогу къ высшей іерархической степени — епископству.

Положеніе священниковъ-наставниковъ въ петербургской духовной академіи было самое шаткое, жалкое. Начальство думало, что священническая должность препятствуетъ имъ быть исправными преподавателями. Это мнѣніе, можетъ быть, справедливо относительно приходскихъ священниковъ, но его уже нельзя приложить къ тѣмъ, которые состояли при учебныхъ заведеніяхъ или казенныхъ мѣстахъ. Несмотря на это, слава и громкая, заслуженная извѣстность, или умѣнье пріоритетно и поддерживать благоволеніе начальства помогли не-

многимъ священникамъ долго служить въ академіи. Прочіе же скоро оставляли ее; кого шадилъ, тѣмъ самимъ приказывалъ подавать просьбы объ увольненіи, а съ кѣмъ не хотѣли перемониться, тѣхъ отставляли безъ прошенія. Въ послѣднемъ случаѣ не задумывались надъ отыскиваніемъ причинъ. Напр., въ 1835 году академическое правленіе, представляя объ увольненіи трехъ бакалавровъ—священниковъ Ксенофонта Делекторскаго, Ѳедора Сидонскаго и Якова Предтеченскаго, признавало необходимымъ это увольненіе, потому что академія нуждается въ свѣтскихъ наставникахъ, которымъ бы можно было поручить стороннія должности, напр., должность секретаря, библіотекаря и пр.; и комиссія духовныхъ училищъ нашла подобную необходимость уважительною и уволила всѣхъ трехъ бакалавровъ. Замѣчательно также, что академическое начальство, не удерживая и даже выгоняя дѣльных наставниковъ - священниковъ, оставляло такихъ, которыхъ бы даже не слѣдовало опредѣлять и на короткое время. Напр., у Делекторскаго, Сидонскаго и одного изъ лучшихъ въ свое время, Богословскаго отнята была возможность служить въ академіи; тогда какъ протоіерей Ивановъ и Колоколовъ долго, долго мучили студентовъ своимъ нѣмотствующимъ преподаваніемъ.

Свѣтскимъ наставникамъ, повидимому, ничто не мѣшало вполне посвятить себя наукѣ и мало-по-малу сдѣлаться хорошими профессорами. Дѣйствительно, было мало препятствій, но съ другой стороны и мало побужденій въ тому. Жалованье они получали ничтожное, едва достаточное для холостого; женатому особенно съ семьей при такомъ жалованьи надобно было голодать. Потомъ, будучи холостыми, они еще пользовались казенною квартирою съ отопленіемъ, но какъ скоро вступали въ бракъ, монашесствующее начальство, боясь соблазна отъ еввинныхъ правнучекъ, выгоняло ихъ мужей изъ академическаго дома и вмѣсто того, и то не всегда, давало небольшое квартирное пособіе. Поощреній, наградъ и т. п. вовсе почти никакихъ не было; развѣ сдѣлають секретаремъ, эконономъ, библіотекаремъ и пр. Конечно, свѣтскихъ наставниковъ не выгоняли, но за то большая часть ихъ сама спѣшила выйти изъ академіи или въ священники, или на гражданскую службу.

При описанныхъ условіяхъ академической службы наставниковъ всѣхъ категорій, она, очевидно, не могла быть продолжительной, одного спѣшили перевести куда-либо повыше, другой самъ спѣшилъ уйти, третьяго спѣшили выгнать. Такимъ образомъ, если академію назвать театромъ, а наставниковъ декорациями, то можно сказать, что тутъ на сценѣ пренія декора-

и постоянно замѣнялись новыми, которыя впрочемъ рѣдко были лучше прежнихъ. Въ пятидесятилѣтнее существованіе петербургской академіи, среднимъ числомъ, служба наставниковъ продолжалась не болѣе четырехъ лѣтъ. Но вотъ уже болѣе поздній примѣръ изъ московской академіи, въ которой съ 1846 по 1864 годъ, въ теченіи осьмнадцати лѣтъ на классъ греческаго языка перемѣнилось восемь наставниковъ, и слѣдовательно на долю каждаго пришлось съ небольшимъ по два года. Ни одного театра не найдете, гдѣ бы декорация такъ скоро или передѣлывалась на другую, или вовсе выбрасывалась.

Ординарные профессора, за исключеніемъ монашествующихъ, болѣею частію, несмотря на невыгоды службы, долго оставались на ней; нѣкоторые профессорствовали или до самой своей смерти, или до тѣхъ поръ, пока здоровье и другія обстоятельства позволяли имъ. Слѣдовательно, они имѣли возможность сдѣлаться хорошими паставниками, но составляли только третью часть наставниковъ. Званіе же экстраординарнаго профессора давалось очень рѣдко, да и существеннаго улучшенія въ матеріальномъ отношеніи не производило; экстраординарный профессоръ получалъ такое же ничтожное жалованье, какъ и баккалавръ.

Несмотря на все то, въ петербургской академіи, какъ мы увидимъ, въ описываемое мною время было довольно порядочное количество хорошихъ, очень хорошихъ и даже отличныхъ наставниковъ не только между профессорами, но и между баккалаврами, не только между наставниками-священниками и свѣтскими, но и между монахами. И многіе студенты отчасти сами собою, отчасти при помощи наставниковъ достигали очень удивительнаго умственнаго развитія.

Въ числѣ такихъ вліятельныхъ наставниковъ на первомъ планѣ надобно поставить четырехъ ординарныхъ профессоровъ, товарищей между собой по первому курсу петербургской духовной академіи: протоіереевъ Герасима Павскаго и Акима Кочетова, и свѣтскихъ: Степана Райковскаго и Василья Себржинскаго. У нихъ у всѣхъ была одна общая черта, — пунктуальная точность относительно хожденія въ классъ. Я уже говорилъ, что въ то время для каждой лекціи назначалось два часа, но большая часть наставниковъ приходили часа на полтора, а нѣкоторые, особенно ректоры, не болѣе, какъ на часъ. Но тѣ четверо являлись чрезъ 5—10 минутъ, и развѣ по какому-либо особому случаю чрезъ четверть часа; а Павскій и Кочетовъ приходили всегда въ классъ тогда, какъ еще собралось человекъ пять студентовъ, одного изъ нихъ посылали приглашать товарищей,

а сами между тѣмъ садились въ кресло и ожидали. Павскій, котораго классъ былъ близъ жилыхъ студентческихъ комнатъ, не нашедши никого въ немъ, самъ отворялъ дверь въ ближайшую комнату и говорилъ: «Господа, или звонокъ еще не билъ?» Или, если уже слышалъ звонокъ, то: «Господа, въ классъ пора, звонокъ уже пробилъ». Слова эти произносились голосомъ спокойнымъ, не обнаруживавшимъ никакого признака неудовольствія; это былъ голосъ отца, приглашавшаго взрослыхъ дѣтей провести время въ пріятной бесѣдѣ. Отъ описаннаго обычая началъ отступать только Себржинскій въ то время, какъ сдѣланъ былъ секретаремъ правленія и конференціи и когда развившаяся въ немъ чахотка постепенно вела его къ могилѣ.

Изъ этихъ четырехъ ветерановъ лучшимъ былъ Герасимъ Петровичъ Павскій, первый студентъ перваго академическаго курса; — человѣкъ честный, благородный, безупречный въ своемъ поведеніи, съ твердою волею, съ стоическимъ характеромъ, безъ надменности и высокомерія, но неспособный къ лести и низкопоклонству, врагъ ханжества и лицемерія, человѣкъ, такъ сказать, античный, съ возвышенною душою. Въ средѣ тогдашняго духовенства онъ былъ замѣчательнымъ ученымъ; кромѣ семитическихъ языковъ, зналъ французскій, нѣмецкій и англійскій, нѣкоторыя славянскія нарѣчія, даже, какъ говорили, санскритскій и исландскій. Будь профессоромъ университета, онъ, по всей вѣроятности, сдѣлался бы знаменитымъ филологомъ. Но находясь даже въ той средѣ, которая тогда давила и гнала таланты, онъ все-таки успѣлъ перевести съ еврейскаго текста едва ли не всѣ книги ветхаго заветъ и написалъ филологическія изслѣдованія по русскому языку, за которыя получилъ отъ академіи наукъ полную демидовскую премію. Будучи профессоромъ еврейскаго языка, онъ, повидимому, не могъ имѣть большаго вліянія на студентовъ, а между тѣмъ доставлялъ имъ пользу въ научномъ отношеніи едва ли не болѣе, нежели всѣ наставники по богословію (за исключеніемъ немногихъ); это происходило отъ метода его преподаванія. Прочитавши въ нѣсколько классовъ грамматику еврейскаго языка, онъ для перевода бралъ какаго-либо пророка, самъ разбиралъ или помогалъ студентамъ разбирать прежде всего буквальный смыслъ его, и послѣ сопровождалъ разборъ филологическими и богословскими замѣчаніями, которыя всегда интересовали студентовъ. Занимательность его объясненій увеличивалась отъ его замѣчательнаго дара слова; онъ какъ будто рожденъ былъ для того, чтобы темные предметы дѣлать ясными и наглядными. Къ сожалѣнію, этотъ во всѣхъ отношеніяхъ достойный человѣкъ принужденъ былъ оставить

академію въ 1835 году, когда уволенъ былъ отъ преподаванія сына Божія Наслѣднику Престола. Его обвиненіе въ неправо-
славномъ образѣ мыслей разсматривать здѣсь не мѣсто; оно тре-
буетъ отдѣльной статьи, да едва ли еще возможно о немъ от-
кровенно высказаться. Скажу только одно, что Павскій давно
былъ подозрѣваемъ въ нелюбви къ монашеству; и дѣйствительно
онъ не любилъ его за тотъ гнетъ, которымъ оно тяготѣло надъ
бѣлымъ духовенствомъ и надъ духовно-учебными заведеніями.
Онъ не скрывалъ этой нелюбви, высказывая ее иногда рѣзкими
остротами. Вотъ одна изъ нихъ. Однажды у протоіерея и про-
фессора Кочетова на обѣдѣ, за которымъ были академическіе
начальники и паставники, зашла рѣчь о монашествѣ, панеги-
ристомъ котораго явился тогдашній ректоръ семинаріи. Павскій
предложилъ ему вопросъ: откуда произошло названіе бѣлаго и
чернаго духовенства? И когда ректоръ представилъ какое-то ми-
стическое объясненіе, то Павскій отвѣчалъ шуткой: «нѣтъ, отецъ-
ректоръ, не такъ; по моему мнѣнію названіе это произошло отъ
того, что въ Россіи до принятія христіанства поклонялись бѣл-
богу и чернобогу; бѣлбогъ былъ настоящій Богъ, а чернбогъ
былъ — злой. По принятіи христіанства жрецы бѣлбога пошли
въ бѣлое духовенство, а жрецы черпбога въ черное.» Вотъ та-
кіе-то слухи о его нелюбви къ монашеству, и опасеніе, что
Павскій, удержись только на своемъ почетномъ мѣстѣ, со вре-
менемъ сдѣлается членомъ синода, заставили поискать доказа-
тельствъ его неправославія; — а это, особенно тогда, было не
трудно.

Протоіерей и профессоръ Акимъ Семеновичъ Кочетовъ пре-
подавалъ въ академіи библейскую и церковную исторію почти
въ теченіи 34-хъ лѣтъ. Онъ имѣлъ громадную память и замѣча-
тельную способность занимательно рассказывать событія исто-
рическія и анекдоты. Потомъ полагая, что почти двухъ-часовая
лекція о серьезныхъ предметахъ, произносимая серьезнымъ то-
номъ, можетъ утомить вниманіе слушателей и наскучить имъ,
онъ находилъ нужнымъ вставлять въ свои лекціи болѣе или ме-
нѣе занимательные анекдоты, имѣющіе къ нимъ какое-либо от-
ношеніе. Къ этому нужно прибавить, что Кочетовъ умѣлъ при-
давать своей рѣчи нѣкоторую торжественность безъ надутости
и педантства, а своимъ пріемамъ — важность безъ надменности
и тщеславія. При такихъ внутреннихъ и внѣшнихъ качествахъ,
слѣди этотъ человекъ за литературою своей науки, не у насъ
вовечно (гдѣ все тогда спало по этой части), а за границею,
усвоивъ себѣ то, что онъ бы встрѣтилъ въ ней замѣчательнаго
и обогащай этимъ свои лекціи, онъ былъ бы однимъ изъ самыхъ

лучшихъ профессоровъ академіи. Но къ сожалѣнію на него возложили, или онъ самъ, какъ говорятъ, *нахваталъ* множество разнообразныхъ должностей, число которыхъ, какъ мнѣ самому случалось отъ него слышать, доходило до 14-ти. Конечно, многіе изъ нихъ не требовали большой дѣятельности, а ограничивались подписью нѣсколькихъ бумагъ и журналовъ, но общій ихъ итогъ дѣлалъ то, что Кочетовъ, выѣзжая изъ квартиры въ семь часовъ утра, возвращался въ нее рѣдко ранѣе пятиго, а иногда даже седьмого часа вечера; — когда же ему было слѣдить за иностранною литературою тѣмъ болѣе, что онъ нѣмецкаго языка не зналъ? И потому ему оставались вполне неизвѣстными всѣ труды тогдашнихъ германскихъ писателей по библейской и церковной исторіи; самое имя Неандера дошло до него только по слуху. Источниками для его лекцій служили библія и нѣсколько писателей, не принадлежавшихъ къ девятнадцатому столѣтію. Но и пользуясь ими, онъ составилъ конспектъ своихъ лекцій едва ли еще не до наступленія двадцатыхъ годовъ и потомъ распространялъ и улучшалъ его развѣ мелочными какими-либо прибавками, притомъ большею частію анекдотическаго характера.

Пришедши въ классъ, онъ усаживался въ кресло, просилъ ближайшаго къ нему студента подать учебникъ, т.-е. или библейскую исторію Филарета Дроздова, или церковную Иннокентія, раскрывалъ его на той страницѣ, съ которой начиналась лекція и наклонивши голову на правую руку, нѣсколько времени какъ будто думалъ о чемъ-то, потомъ важнымъ, торжественнымъ тономъ буквально читалъ нѣсколько строкъ, иногда и періодовъ, изъ учебника, затѣмъ принимался за объясненія, за рассказы и по временамъ за анекдоты; послѣднихъ студенты могли уже ожидать, потому что ихъ предшественники на учебникѣ оставили замѣтки, напр., слова: *здесь будетъ рассказываться анекдотъ о мясникѣ* и т. п. Кончивъ свое объясненіе, Кочетовъ припирался читать учебникъ, затѣмъ слѣдовали опять объясненія, опять чтеніе учебника и т. д. Студенты въ своихъ мнѣніяхъ о профессорѣ раздѣлялись на двѣ партіи; одна, довольствуясь только тѣмъ, что занимательные рассказы историческихъ событій и анекдотовъ не позволяли имъ скучать, хвалили его, даже восхищались имъ. Другіе же, напротивъ, желавшіе и имѣвшіе право желать, чтобы библейская и церковная исторія были не сборникомъ рассказовъ и анекдотовъ, а глубоко обдуманною наукою, которая бы основательно, критически разъясняла судьбы еврейской и христіанской религіи, — эти, разумеется, не любили Кочетова. И по правдѣ сказать, онъ слыш-

онъ мало заботился о глубокомыслии и основательности лекцій. Простодушіе и быстрое распространеніе, напримѣръ, магометанства приписывалось у него просто тому, что мечтатель, чуть ли полусумасшедшій, и вмѣстѣ съ тѣмъ хитрый обманщикъ изружилъ своими мечтами головы арабовъ, вслѣдствіе чего всѣ они сдѣлались фанатиками, солдатами, а нѣкоторые отличными генералами, и чуть-чуть не опрокинули христіанскаго міра. Наконецъ, реформація едва ли бы произошла, если бы Лютеру не вздумалось жениться, и пр.

Но въ каждомъ курсѣ было время около 2—3 мѣсяцевъ, когда уже всѣ студенты были очень довольны Кочетовымъ, именно когда онъ излагалъ исторію русской церкви въ XVIII-мъ столѣтіи. Но и тутъ онъ оставался вѣренъ своей методѣ, избѣгалъ всякихъ глубокомысленныхъ изслѣдованій, держался того же рутиннаго порядка, по которому составленъ учебникъ Иннокентія. *Осминадцатый томъ Кочетова* раздѣлялся также на семь главъ; тутъ, напр., нужны были отдѣлы о гоненіяхъ на церковь и о наказаніяхъ, которыя постигли гонителей и пр. Нельзя было обойтись безъ натяжекъ; и вотъ гонителями церкви являются Биронъ, Минихъ, Остерманъ, даже самъ Меншиковъ; за что они послѣ и наказаны лишеніемъ должностей, чиновъ и орденовъ. А настоящей церковной исторіи все-таки не было. Но лекціи Кочетова увлекательны были своею не церковно-историческою, а русско-политическою стороною. Кочетовъ имѣлъ множество свѣдѣній не только о явныхъ событіяхъ, которыхъ не было надобности скрывать, но и о закулисныхъ секретахъ русскаго правительства и русскихъ государственныхъ людей XVIII-го столѣтія; и этими свѣдѣніями онъ дѣлился съ студентами и увлекалъ ихъ. Лекціи начинались просьбою «не выносить сора изъ избы»; и дѣйствительно выносить не слѣдовало. По всей вѣроятности, едва ли тогда хоть въ одномъ университетѣ профессоръ русской исторіи осмѣливался высказывать все то, что студенты академіи слышали отъ Кочетова. Многія политическія событія, на которыя и теперь печать дѣлаетъ только намеки, онъ рассказывалъ съ полною откровенностію, съ мельчайшими подробностями. Студенты конечно не узнавали исторіи русской церкви XVIII-го столѣтія такъ, какъ это нужно бы для будущихъ профессоровъ ея, пастырей и архипастырей. Но знакомясь съ политической исторіей Россіи въ то же столѣтіе по пустѣйшему руководству, кажется, Кайданова, они не могли не быть отъ души благодарными профессору, который, рискуя болѣе, нежели своею службою, рѣшался говорить имъ то, за что, по поговоркѣ, хоть и не въ буквальномъ смыслѣ, могли удрать ему языкъ. Этими лекціями Кочетовъ заканчивалъ свою

науку и заставлялъ студентовъ, даже тѣхъ, которые имъ недовольны были, забывать недостаточность прежнихъ лекцій.

Въ заключеніе о Кочетовѣ надобно сказать, какъ его профессура окончилась при академіи. Конечно онъ, по своимъ преклоннымъ лѣтамъ, уже не могъ быть профессоромъ высшаго учебнаго заведенія; ему слѣдовало удалиться. Но съ человѣкомъ, котораго служба при академіи продолжалась 37 лѣтъ, все-таки надобно было бы поступить деликатно и вѣжливо, напомнивъ ему, что онъ уже довольно послужилъ, что измѣнившіяся понятія о педагогii и церковно-библейской исторii требуютъ новаго дѣятеля съ свѣжими силами. Но монашество не любитъ деликатиться съ *попами*, какъ оно говорить. Кочетова уволили безъ прошенія и даже не позаботились о томъ, чтобы извѣстіе объ отставкѣ было ему передано въ квартирѣ; нѣтъ, ему, какъ я слышалъ, бумагу съ этимъ извѣстіемъ вручили, когда онъ пришелъ въ классъ! Справедливо ли это? если справедливо, то такой поступокъ нельзя не назвать жестокимъ и въ высшей степени неделикатнымъ.

Степанъ Ивановичъ Райковскій въ академіи приобрѣлъ извѣстность не только какъ профессоръ математики, но и какъ большой оригиналъ, почти-что чудакъ. Вотъ нѣсколько странностей изъ его жизни. Имѣя квартиру въ самомъ академическомъ корпусѣ и отъ нее до класса проходя только по корридорамъ и лѣстницамъ, онъ въ лѣтнее время являлся на лекцію очень часто въ теплой шинели, калошахъ и теплой фуражкѣ. Напротивъ зимою, несмотря на то, что въ корридорахъ и галереяхъ было также холодно, какъ и на дворѣ, нашъ оригиналъ прихаживалъ въ одномъ фракѣ, лѣтней шляпѣ и безъ калошъ. Однажды служитель замѣтилъ, что баринъ бросилъ свой новый фракъ въ печку, гдѣ уже разгорѣлись дрова и сказалъ: «что это, Степанъ Ивановичъ! зачѣмъ вы бросили фракъ въ печку; вѣдь онъ совсѣмъ новый?» — Новый-то новый, отвѣчалъ баринъ, да плохъ, вотъ я его и бросилъ въ печку. — «Да вы бы мнѣ его отдали?» — А почему я зналъ, что онъ тебѣ понравится; ты бы мнѣ напередъ сказалъ. — Еще родной его братъ, бывшій потомъ законоучителемъ университета, священникъ исаіевскаго собора, сталъ выговаривать ему за то, что онъ никогда къ нему не приходитъ. «Вѣдь тебя дома никогда не захватишь», сказалъ оригиналъ. — Да вотъ приходи въ первый день пасхи (разговоръ происходилъ на страстной недѣлѣ) къ обѣду; я буду дома, вмѣстѣ пообѣдаемъ. Наступила пасха; оригиналъ, въ самомъ началѣ утренней службы, отправился къ своему брату, и когда кухарка отперла ему дверь, спросилъ: «а что, братъ дома?» — По-

жизни, Степанъ Ивановичъ, отвѣчала кухарка, да теперь всѣ въ церкви у заутрени. — «Ну вотъ, заговорилъ чудакъ, я вѣдь говорилъ, что его дома никогда не застанешь. Вѣдь вотъ звалъ ѣхать, а самъ ушелъ въ церковь.» — Сказавши это, отправился въ академію и, разумѣется, къ обѣду не явился.

Этотъ оригиналъ, можно сказать, посвятилъ всего себя математикѣ, избѣгалъ всякаго знакомства, выходилъ изъ академіи почти только для одной прогулки, и знать не хотѣлъ никакихъ другихъ книгъ, кромѣ математическихъ. Товарищи его по академіи говорили, что онъ, бывши студентомъ, почти вовсе не обращалъ вниманія на богословскія, философскія, словесныя и историческія науки, отчего и кончилъ курсъ подъ № 60-мъ младшимъ кандидатомъ, хотя имѣлъ очень бойкія способности, и вовсе не былъ лѣнтяемъ. Всѣ почти занятія его сосредоточились на математическихъ наукахъ. Преподаватель ихъ академикъ Гурьевъ считалъ его лучшимъ студентомъ по своему предмету и настоялъ, чтобы его оставили бакалавромъ въ академіи по математикѣ, несмотря на степень младшаго кандидата. Сдѣлавшись наставникомъ по математикѣ, Райковскій только ею одною и занимался; прочія науки для него не существовали; относительно даже общеизвѣстныхъ предметовъ ихъ онъ нерѣдко высказывалъ совершеннѣйшее невѣдѣніе. Естественно ожидать, что онъ, ничѣмъ не развлекаясь, вѣчно занятый своимъ предметомъ, узналъ его, какъ нельзя лучше; всѣ тогдашнія сочиненія математическія на русскомъ и французскомъ языкѣ были ему вполне извѣстны. Особенно же онъ зналъ хорошо элементарную геометрію, дифференціальное и интегральное исчисленіе и механику. Учебникъ его по первой, долго бывшій руководствомъ въ семинаріяхъ, отличается ясностію, отчетливостію, простотою доказательствъ и самою строгою послѣдовательностію; при появленіи его на свѣтъ въ 1827 году, онъ едва ли не былъ лучшимъ классическимъ руководствомъ на русскомъ языкѣ по геометріи. Составленные имъ краткія записки по плоской тригонометріи, дифференціальному исчисленію и механикѣ остались только въ рукописяхъ. Но въ физикѣ, которую ему пришлось читать въ классѣ уже въ послѣдніе два года его жизни, онъ, кажется, былъ не очень силенъ; опыты его часто не удавались.

Оригинальности или, лучше, странностей своихъ Райковскій не оставлялъ и въ преподаваніи математики. Напр., черная доска какъ бы ни была чиста, онъ прежде всего непременно вытиралъ ее губкою аккуратнѣйшимъ образомъ, потомъ не иначе начиналъ лекцію, какъ держа въ правой рукѣ мѣлъ, а въ лѣвой губку, хотя въ нихъ иногда не оказывалось надобности полчася и бо-

лѣе. Лекціи свои считалъ вполне совершенными, и потому студенту ничѣмъ нельзя было такъ обидѣть его, какъ сказавши, что онъ не понимаетъ какого-либо доказательства. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ просили профессора повторить сказанное. Но и тутъ было именно только повтореніе; ни прибавки, ни убавки, ни новаго какого-либо приѣма не допускалось. Это, сколько я зналъ покойника, вовсе нельзя было приписать его незнанію другихъ приѣмовъ; тутъ замѣшивалась, можетъ быть, самолюбивая мысль, что избранное имъ доказательство и самая форма его есть верхъ совершенства. Самолюбіе его обнаруживалось еще тѣмъ, что онъ, сдѣлавши какую-либо ошибку, напр., поставивъ плюсъ вмѣсто минуса и обратно, не исправлялъ ее открыто, а украдкою какъ-нибудь.

Несмотря на всѣ странности и въ образѣ жизни, и въ преподаваніи, Райковский былъ вполне удовлетворительный профессоръ математики для духовной академіи, но ему пришлось кончить свою карьеру и жизнь несчастливо. Его сдѣлали чѣмъ-то въ родѣ секретаря и назначен при редакціи «Христіанскаго Чтенія». Въ 1827 и 1828-мъ г. открылось, что множество экземпляровъ этого журнала не было высылаемо подписчикамъ, хотя деньги получались съ почты Райковскимъ. Такихъ денегъ нашлось, кажется, не менѣе 6000 рублей асс. Конечно и Райковского нельзя вполне оправдывать; впрочемъ, главнымъ виновникомъ былъ ректоръ и редакторъ Доброзраковъ, который распоряжался деньгами по редакціи, какъ ему хотѣлось, дѣлясь выгодами съ нѣкоторыми изъ вліятельныхъ наставниковъ и нисколько не удѣляя прочимъ сотрудникамъ. Но вся бѣда свалилась на Райковского! Его уволили отъ должности секретаря не только редакціи, но и академическаго правленія, и присудили удерживать наибольшую часть его жалованья для уплаты пропавшихъ денегъ. Взысканіе производилось очень строго, такъ что Райковский даже не могъ имѣть у себя хорошаго стола и долженъ былъ часто довольствоваться кое-какою пищею изъ булочной и мелочной лавочки. Въ это-то время особенно и увеличились его странности. Между тѣмъ стѣсненныя обстоятельства не остались безъ вліянія на его здоровье; въ груди поселилась водяная, отъ которой онъ скоротечно и умеръ въ 1855 г., приготовляя самъ себѣ обѣдъ на небольшомъ очагѣ, устроенномъ въ его квартирѣ.

Василій Ивановичъ Себржинскій, ординарный профессоръ физико-математическихъ наукъ, преподавалъ въ академіи алгебру, аналитическую геометрію, интегральное исчисленіе и физику. Для второй и третьей науки составленныя имъ записки не напечатаны, впрочемъ интегральное исчисленіе оставалось не со-

иски оконченнымъ, и не вполне отдѣланнымъ, но аналитическая геометрія могла бы появиться и въ печати тѣмъ болѣе, что въ то время учебниковъ по этой наукѣ на русскомъ языкѣ было очень мало. Руководство же къ алгебрѣ въ первый разъ напечатано въ началѣ двадцатыхъ годовъ и оставалось учебникомъ въ семинаріяхъ почти до послѣдняго времени. Оно надѣлаю много хлопотъ своему автору. Жена покойнаго академика Гурьева подала жалобу, въ которой доказывала, что Себржинскій слишкомъ уже воспользовался записками ея мужа. Занятостванія дѣйствительно были обширны, но заимствователь оправдался, доказавши, что и самъ Гурьевъ при составленіи своихъ записокъ очень многое взялъ у французскихъ алгебристовъ, которыми же и Себржинскій, по его объясненію, руководствовался, а не Гурьевымъ. Но все-таки Себржинскій, какъ профессоръ, правился студентамъ гораздо болѣе, нежели Райковскій. Прежде всего онъ отличался добродушіемъ, привѣтливостію и вѣжливымъ обращеніемъ; грубости отъ него никто не испытывалъ. Если иногда онъ и бывалъ недоволенъ отвѣтами студентовъ, то тутъ высказывался не человѣкъ, осердившійся на другого, а профессоръ, которому больно было видѣть, что студентъ такъ мало внимателенъ къ его наукѣ. Потомъ въ немъ уже не замѣчалось никакого мелочного самолюбія или педантизма, которые такъ ярко выказывались въ Райковскомъ.

Одобряя вполне Себржинскаго за его математическое преподаваніе, нельзя не упрекнуть его за преподаваніе физики. Ни своихъ записокъ, ни конспекта онъ не имѣлъ, а держался вполне учебника Двигубскаго; такимъ образомъ студенты не слыхали ничего о новыхъ открытіяхъ по физикѣ, которыми такъ богаты были конецъ двадцатыхъ и начало тридцатыхъ годовъ. Далѣе, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, тогда нерѣдко встрѣчавшихся наставниковъ, которые думали, что физику можно читать безъ инструментовъ, не показывая ихъ на самомъ дѣлѣ, а рисуя на доскѣ, и рассказывая, какъ на этихъ воображаемыхъ инструментахъ производятся тѣ или другіе опыты; а потомъ къ концу трети или предъ экзаменомъ, какъ бы въ награду за терпѣніе, повести слушателей въ физическій кабинетъ и тамъ сдѣлать большее или меньшее количество опытовъ. Себржинскій къ сожалѣнію принадлежалъ къ числу такихъ преподавателей, которые, увы! и доселѣ еще не совсѣмъ перевелись. Гораздо болѣе полугода онъ читалъ лекціи по физикѣ, ссылаясь на воображаемые, имъ нарисованные на доскѣ инструменты. А потомъ уже послѣ настоятельныхъ требованій студентовъ приводилъ ихъ въ кабинетъ и тамъ дѣлалъ опыты надъ воздушнымъ насосомъ, элек-

трическою машиною, магнитами и пр., притомъ не научнымъ образомъ, а такъ, почти-что для забавы студентовъ. Никакъ не думаю, чтобы это происходило отъ нерадѣнія, или отъ неумѣнья обращаться съ инструментами. Себржинскій былъ усердный, дѣятельный и добросовѣстный человѣкъ; притомъ, какъ можно было судить по опытамъ въ кабинетѣ, онъ зналъ, какъ прозвонить ихъ; но, кажется, боялся, какъ бы, часто переносилъ инструменты изъ кабинета въ классъ, не испортить, не разбить ихъ.

Ему, бѣдняку, академическая служба также не очень улыбалась. Онъ довольно рано женился, обзавелся небольшимъ семействомъ и при недостаточномъ жалованьи принужденъ былъ испытывать множество недостатковъ, хлопотъ и горя. Все это, равно какъ усиленные занятія прежде по математикѣ, а потомъ по должности секретаря академическаго правленія и конференціи, разстроили и безъ того слабое его здоровье; чахотка довела его до могилы въ 1833-мъ году, когда ему было развѣ немного болѣе 45-ти лѣтъ.

Кромѣ четырехъ ветерановъ, о которыхъ я довольно подробно говорилъ, перебивало въ описываемое мною время многое множество наставниковъ, едва ли не болѣе 40-ка человѣкъ. О каждомъ изъ нихъ говорить, даже не очень подробно, нѣтъ возможности и надобности, тѣмъ болѣе, что относительно, можетъ быть, цѣлой половины характеризуемыхъ лицъ пришлось бы только сказать, что они не имѣли или времени, или талантовъ обнаружить замѣтное вліяніе на академію. Очень многіе появлялись прямо съ студентческой скамьи въ качествѣ бакалавровъ на годъ, на 2—4 года и потомъ оставляли академію. Другіе продолжали свою службу при ней очень долго, и успѣли оказать много пользы студентамъ въ научномъ отношеніи, но въ описываемое мною время только начинали дѣйствовать, подавали надежды, которыя оправдались уже послѣ. Поэтому я намѣренъ сказать здѣсь лишь о тѣхъ наставникахъ, которые успѣли зарекомендовать себя или съ хорошей, или съ дурной стороны и которые, какъ говорится, уже *отыдѣли ко отцамъ нашимъ*.

Изъ *отыдѣвшихъ ко отцамъ нашимъ* наставниковъ петербургской духовной академіи первое мѣсто по всѣмъ правамъ принадлежитъ Иннокентію Борисову, экстраординарному профессору богословскихъ наукъ. Дѣятельность его въ академіи была двоякая: административная въ званіи инспектора, и ученая въ качествѣ профессора.

Иннокентій Борисовъ, сознавая свои умственные способности, нравственную эпергію, сильное желаніе играть замѣтную роль въ обществѣ, не принадлежалъ, разумѣется, къ тѣмъ натурамъ,

они говорить и думаютъ о смиреніи, самоуниженіи, отреченіи отъ почестей и благъ міра сего; надобно прямо выразиться: онъ былъ честолюбивъ, самолюбивъ, терпѣть не могъ противоположеній отъ своихъ подчиненныхъ. Обучаясь еще въ сѣвской семинаріи, онъ уже мечталъ о будущемъ своемъ величіи, о чемъ не удалось слышать отъ одного изъ его товарищей и друзей по сѣвской семинаріи, теперь священника въ Р—и, Ст. Ег. Р—го. Какъ они, гуляя въ рошѣ близъ семинаріи, согласились между собою идти по одной дорогѣ. — «Куда же? спросилъ товарищъ и услышавъ въ отвѣтъ: въ духовную академію, сказалъ: еще учиться?» — «Такъ что же? учиться еще; за то дорога широка послѣ.» — «Неужели же ты пойдешь въ монахи?» — Отчего нейти, отвѣчалъ молодой бурсакъ? Можетъ быть, Провидѣнію угодно будетъ поправить меня на такую высоту, о которой мы и не думаемъ.» — Такъ поговаривалъ сѣвскій семинаристъ.

Еще будучи студентомъ кievской духовной академіи, онъ обратилъ на себя вниманіе начальства своими умственными способностями и свѣдѣніями. Слухъ объ этомъ дошелъ до Петербурга; тогдашняя коммиссія духовныхъ училищъ опредѣлила Борисова инспекторомъ петербургской семинаріи, и съ небольшимъ чрезъ годъ перевела бакалавромъ въ академію. Знаніе французскаго и нѣмецкаго языковъ и возможность въ Петербургѣ доставать иностранныя, даже запрещенныя книги, помогли Борису познакомиться со всѣми замѣчательными учеными произведеніями нѣмецкой и французской литературъ. Въ этомъ отношеніи онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ узкихъ богослововъ нашихъ, которые къ другимъ предметамъ, кромѣ богословскихъ, бытъ коснуться, какъ будто опасаясь отъ нихъ заразиться чѣмъ-нибудь. Борисовъ, разумѣется, занимался съ большимъ усердіемъ богословскою иностранною литературою; можно сказать, что онъ прочиталъ все, что тогда выходило замѣчательнаго въ ней, принадлежало-ль это тогдашнимъ раціоналистамъ и неологамъ, или защитникамъ католической и протестантской догмы. Но кромѣ того съ неменьшимъ, можетъ быть, усердіемъ онъ занимался философіей, исторіей, эстетикою, археологіей и пр. Если къ этому присоединить, что онъ тогда уже изучалъ сочиненія отцевъ церкви, а потомъ въ Киевѣ еще болѣе увеличилъ свои свѣдѣнія по этой части, то, будь сказано не въ обиду почитателямъ покойнаго митрополита Филарета Дроздова, ученость Борисова была многостороннѣе, объемистѣе и современнѣе учености московскаго святителя. Послѣдній могъ удивлять всякаго только чрезвычайно обширнымъ знаніемъ богословія и сочиненій отцевъ церкви. Но на перваго съ удивленіемъ смо-

трѣли профессора кievскаго и харьковскаго университетовъ, приглашавшіеся къ нему на вечера для ученыхъ бесѣдъ большею частію о предметахъ всѣхъ почти, а не однихъ богословскихъ наукъ. Замѣчательно только, что Борисовъ и не зналъ, и не любилъ математическихъ, естественныхъ и физическихъ наукъ; про математику онъ говорилъ даже, что ею занимаются только люди съ ограниченнымъ умомъ. Причину такого, надобно правду сказать, близорукаго отзыва слѣдуетъ отыскивать въ характерѣ Борисова. Увлекаясь господствовавшею тогда дедуктивною философіей, которая такъ любила до всего доходить *per conclusionem et seriem conclusionum* (при помощи умозаключенія и ряда умозаключеній), онъ и самъ сдѣлался теоретикомъ, дедуктивнымъ философомъ, готовымъ также все рѣшать *per conclusionem et seriem conclusionum*. Послѣ этого естественно, что онъ не могъ любить математики, которая своими формулами и неумолимо строгимъ анализомъ препятствуетъ разсудку уноситься *одалъ м облака*. Равнымъ образомъ естественныя и физическія науки, въ которыхъ опытъ и наведеніе тоже не позволяютъ слишкомъ фантазировать, не могли понравиться молодому, пылкому уму Борисова, не желавшему сталкиваться съ какими-либо препятствіями, когда предстояла возможность рѣшить вопросъ дедуктивнымъ образомъ. Прибавьте къ этому большое самолюбіе и высокое мнѣніе о себѣ. Математики, естественныхъ и физическихъ наукъ мы не знаемъ, да онъ *наиз и не по душѣ*. Зачѣмъ же мѣсть имъ почетное мѣсто въ умственномъ развитіи? иначе надобно будетъ сознаться, что у насъ есть недостатокъ въ знаніи очень важныхъ предметовъ. Почему же не рѣшить въ свою пользу, что математикою могутъ заниматься только люди съ ограниченнымъ умомъ? Такія мысли можно встрѣчать и нынѣ во многихъ особахъ нашего духовенства.

За всѣмъ тѣмъ въ головѣ Борисова былъ собранъ такой громадный запасъ разнороднѣйшихъ свѣдѣній, что онъ ими могъ заинтересовать самую взыскательную молодежь. Этому помогали полученный отъ природы и имъ самимъ усовершенствованный замѣчательный даръ слова. На профессорской должности Борисовъ былъ не сухимъ теоретикомъ, тяжелымъ нѣмецкимъ гегертеромъ, но ораторомъ, который воодушевлялъ и увлеченъ своимъ предметомъ, и умѣлъ также воодушевлять и увлечать нѣ своихъ слушателей; рѣчь его была живымъ, дѣйствующимъ словомъ, проникающимъ до мозговъ, расшевеливающимъ даже тупоумныхъ людей. Далѣе, лекціи его не походили на венигретъ подобный тому, которымъ угощаютъ *говоруны* - профессора; онѣ были глубоко обдуманы и излагались въ строгой систематиче-

снѣ связи, которая позволяла студентамъ послѣ класса изложить ихъ на бумагѣ почти также, какъ говорилъ профессоръ.

Сначала въ академіи Борисовъ преподавалъ обличительное богословіе, потомъ ему поручили еще науку, называвшуюся тогда *академіястикою*. Несмотря на свою молодость и новостъ послѣдней науки, онъ составилъ по обѣимъ руководства. Но особенно проявилъ онъ свой профессорскій талантъ въ учебный 18²⁹/₃₀ годъ, когда читалъ такъ-называемое фундаментальное или основное богословіе. Конечно нынѣ, чрезъ сорокъ лѣтъ лекціи Борисова уже не покажутся образцовыми, но въ 40 лѣтъ много воды утекло. Чтобы судить объ этихъ лекціяхъ, нужно возвратиться къ тогдашнему времени. За свѣдѣніями у Борисова не было остановки, но отъ него требовалась большая смѣлость, чтобы рѣшиться въ духовной академіи читать лекціи по богословію, которыя слишкомъ рѣзко отличались отъ того, какъ онѣ до тѣхъ поръ читались. Повторяю, нынѣ подобныя лекціи не удивятъ многихъ, но тогда онѣ были отважнымъ подвигомъ; особенно если взять во вниманіе, что профессоръ смѣло касался рационалистическихъ идей, конечно оцѣнивалъ и критиковалъ ихъ, какъ прилично наставнику духовной академіи, — но и не разговаривалъ противъ нихъ, какъ фанатикъ. Студенты были увлечены этими лекціями, заслушивались ихъ и выходили изъ класса въ полномъ очарованіи отъ нихъ. Самъ профессоръ едва ли имѣлъ болѣе счастливое время въ своей профессорской жизни, какъ своей профессорской совѣсти, какъ то, о которомъ говорю.

Приверженцы старины и защитники нашей неподвижности давно уже подозрѣвали Борисова въ неправославіи и вольнодумствѣ. Ему было - угрожала нешуточная опасность еще въ 1827-мъ г., при окончаніи VII-го академическаго курса. По существовавшему порядку, диссертациі, написанныя студентами для полученія ученыхъ степеней, были представлены въ комиссію духовныхъ училищъ и тамъ отданы для прочтенія тогдашнему рязанскому архіепископу Филарету Амфитеатрову, бывшему послѣ кievскимъ митрополитомъ. Этотъ архипастырь нашелъ въ двухъ диссертацияхъ неправославныя мысли, состоявшія въ намекахъ на то, что язычникамъ, которые жили на бѣломъ свѣтѣ добродѣтельно, не придется всю вѣчность мучиться въ аду. Амфитеатровъ такъ былъ возмущенъ этимъ «богопротивнымъ и ужаснымъ намекомъ», что, какъ тогда говорили, пріѣхавши въ засѣданіе комиссіи духовныхъ училищъ, всталъ на колѣни и именемъ Божиимъ просилъ членовъ ея остановить распространяющееся въ петербургской академіи нечестіе. Виновникомъ этого нечестія считали Борисова. Но тогдашній ректоръ Доброзра-

ковъ умѣлъ успокоить поднявшуюся бурю, дѣйствуя преимущественно на митрополита Серафима. Съ того времени слава Борисова, какъ ученаго богослова и отличнаго профессора, росла и росла болѣе и болѣе, а случаевъ къ новымъ обвиненіямъ въ неправославіи не представлялось. И потому, когда лѣтомъ 1830-го года ректора Доброзракова назначили пензенскимъ епископомъ, то Борисовъ считался непрѣмѣннымъ его преемникомъ, въ чемъ былъ и самъ вполне увѣренъ. Только между имъ и Доброзраковымъ было разногласіе относительно того, кому быть инспекторомъ академіи; ему хотѣлось опредѣлить на это мѣсто инспектора тверской семинаріи Іосифа Позднышева, уже прежде бывшаго бакалавромъ въ академіи, а Доброзраковъ, не любившій Позднышева, рекомендовалъ инспектора костромской семинаріи Никодима. Борисовъ долженъ былъ по окончаніи академическихъ экзаменовъ отправиться на ревизію, кажется, въ петрозаводскую и архангельскую семинаріи, но предъ своимъ отъѣздомъ тайкомъ отъ Доброзракова такъ обдѣлалъ дѣло объ академической инспекціи, что ее рѣшили предоставить Позднышеву. Доброзраковъ, обидѣвшись этимъ, умѣлъ съ своей стороны доказать митрополиту Серафиму и другимъ вліятельнымъ членамъ комиссіи духовныхъ училищъ, что ректоромъ петербургской академіи лучше сдѣлать тогдашняго ректора кievской, Смарагда Крыжановскаго, а на мѣсто его послать Борисова. Послѣдній, возвратившись съ ревизіи, нашелъ уже дѣло неправильнымъ.

Но по однимъ слухамъ нельзя было окончательно осудить Борисова; требовались письменные документы, которыми можно было бы доказать неправомысліе его; за это взялся московскій митрополитъ Филаретъ Дроздовъ. Ему удалось достать тѣ лекціи Борисова по фундаментальному богословію, которыя онъ говорилъ въ 18²⁹/₃₀ г., въ петербургской академіи, и которыя студенты записывали и составили. Теперь оставалось найти доказательство, что онѣ дѣйствительно были говорены Борисовымъ; тутъ Филаретъ Дроздовъ нашелъ себѣ помощниковъ въ ректорѣ петербургской академіи Виталіѣ Щепетевѣ и бакалаврѣ іеромонахѣ Климентѣ Можаровѣ. Расскажу объ этомъ дѣлѣ такъ, какъ мнѣ говорилъ Можаровъ: «Однажды часу въ пятомъ призвалъ меня къ себѣ ректоръ (Щепетевъ) и спросилъ, не хочешь ли со мною прогуляться? Я, разумѣется, согласился. Мы поѣхали въ городъ; ректоръ мнѣ ничего не говорилъ во всю дорогу. Замѣтивши, что лошади съ Невскаго проспекта повернули въ Троицкій переулокъ, я спросилъ ректора: куда это мы ѣдемъ? Ужъ не къ преосвященному ли ми-

и получилъ въ отвѣтъ: мнѣ нужно захватить на подорожную. Вскорѣ мы дѣйствительно пріѣхали и пошли въ комнаты ректора. Ректоръ, оставляя меня въ залѣ, сказалъ: подожди, а самъ ушелъ къ митрополиту. Черезъ нѣсколько времени меня туда же потребовали. Вхожу; владыка, благословивъ меня, велѣлъ мнѣ сѣсть на кресло близъ стола, гдѣ самъ сидѣлъ. «Посмотри-ка вотъ эти тетради, сказалъ онъ, читай ихъ ко мнѣ, да почитай повнимательнѣе; не знакомы ли тебѣ?» Я началъ читать и скоро увидѣлъ, что это лекціи Иннокентія (Борисова) по фундаментальному богословію, перепечатывалъ, читалъ ихъ въ разныхъ мѣстахъ и наконецъ оставилъ. «Ну, вновь началъ митрополитъ, говори по совѣсти, или; что это такое?» Что мнѣ было дѣлать? продолжалъ проповѣдь: не сказать правды бѣда, меня могли задавить; я и началъ: это лекціи Иннокентія, бывшаго инспектора нашей академіи. — «Такъ напиши-ка то, что говоришь». Разумѣется, я началъ; вѣдь нельзя было не написать, иначе бѣда бы».

Не знаю, въ синодѣ ли, или въ комиссію духовныхъ училищъ, притомъ официальнымъ ли образомъ при бумагахъ, или при словесномъ донесеніи тетради были представлены, но лекціи Борисова съ указаніями на неправославныя, встрѣчаясь въ нихъ мнѣнія. Отъ Борисова потребовали объясненія и онъ тоже, подобно Можарову, боялся бѣды и нашелъ лучшее сказать, что это не его лекціи; даже будто бы написалъ ихъ глупыми.

И прежде этого событія Борисовъ понималъ, особенно же въ него вполне убѣдился, что въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ профессору-монаху своими лекціями, хоть съ нѣкоторымъ оригинальнымъ оттѣнкомъ, можно не отличиться, а скорѣе навредить. И потому онъ въ Кіевѣ пошелъ по новой дорогѣ, онъ часто говорить проповѣди; конечно, онѣ многимъ понравились, прежде расходились и теперь расходятся еще по-прежнему, но нельзя не сказать, что Борисовъ ими далеко не приносилъ той пользы, которую бы принесли его лекціи. Еслибы онъ былъ на профессорской кафедрѣ 25 — 30 лѣтъ и, ничѣмъ не стѣсняясь, постоянно улучшался, то сколькихъ бы онъ приносилъ отличныхъ и очень хорошихъ профессоровъ? Какъ бы было, еслибы, по прибытіи Борисова въ столицу, какой-нибудь добрый человѣкъ посоветовалъ ему искать себѣ занятія въ университетѣ! Къ несчастію впрочемъ, и въ министерствѣ просвѣщенія свирѣпствовали тогда Шишковы, Магницкіе и Рундичи.

Не упоминая о другихъ профессорахъ богословія, перейдемъ теперь къ преподаванію философіи.

Философія преподается въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ днѣмъ-давно; даже въ концѣ XVII-го столѣтія въ кіево-могильской академіи читалась не только логика, но и метафизика; и томъ почти до самыхъ новыхъ временъ философія или ея отрасли: логика и психологія, считались послѣ богословія важнѣйшими предметами. Между тѣмъ большая часть монашествующаго ученаго духовенства видѣла въ ней опаснаго врага для религіи и замѣчательныхъ, изъ ряду выдающихся наставниковъ ея подозревали въ вольнодумствѣ. Даже снисходительные къ нашимъ богословы, за немногими исключеніями, полагали, что она должна быть для нихъ науки только *служанкою* (это названіе я самъ слышалъ на лекціи одного изъ лучшихъ моихъ наставниковъ - монаховъ). Описываемое мною время было очень неблагопріятно для этой «служанки». Въ концѣ царствованія Александра I-го реакція противъ просвѣщенія отразилась и на духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Несмотря на свою ученую знаменитость, тогдашній кіевскій митрополитъ Евгеній Болховитиновъ, вызванный для засѣданій въ синодѣ, дѣйствовалъ вмѣстѣ съ митрополитомъ Серафимомъ въ ретроградномъ духѣ. Они рѣшились-было уничтожить ученыя степени въ духовныхъ академіяхъ и, можетъ быть, успѣли бы въ томъ, если бы не встрѣтили себѣ умнаго и дѣятельнаго противника въ тогдашнемъ ректорѣ петербургской духовной академіи Григоріѣ Постниковѣ. Последний, узнавши о намѣреніи митрополитовъ, собралъ болѣе дѣльные задачи оканчивавшихъ тогда курсъ студентовъ VI-го курса принялъ на себя трудъ и уговорилъ наставниковъ академіи исправлять эти задачи и представилъ ихъ, какъ доказательства того, что студенты вполне заслуживаютъ ученыя степени. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему же пришлось выдержать борьбу во время публичнаго экзамена въ 1825-мъ году съ митрополитами, которые старались конфузить студентовъ. Несмотря на все это, ни одинъ изъ студентовъ VI-го курса петербургской и II-го кіевской академіи не получилъ тотчасъ степени магистра; — она была дана имъ уже чрезъ два года.

Реакціонеры напали преимущественно на философію, запретивъ наставникамъ преподавать ее по своимъ запискамъ, и назначивъ для руководства въ семинаріяхъ Баумейстера, а въ академіяхъ Винклера. По моему мнѣнію, это было хуже, нежели еслибъ вовсе было уничтожено преподаваніе философіи. Въ послѣднемъ случаѣ воспитанники только что не знали бы, о чемъ говорить эта наука, тогда какъ Баумейстеръ и Винклеръ

пробуждали отвращеніе къ ней. Мало-по-малу наставники стали ~~свои~~ составлять свои записки, или пользоваться уже составленными; само начальство въ этомъ отношеніи не показывало себя ~~слишкомъ~~ придирчивымъ — такъ была ясна пустота философіи Бауэстера и Винклера. Но все-таки наставники должны были не забывать, что если они станутъ въ своихъ письменныхъ и устныхъ урокахъ высказывать что-либо новое и особенно увлекать своею новизною воспитанниковъ, то имъ грозитъ опасность. Въ подтвержденіе моихъ словъ укажу на примѣръ, случившійся въ петербургской духовной академіи въ 1833-мъ году. Бывшій тогда бакалавръ философіи выдавалъ свои лекціи на русскомъ языкѣ, — неслыханная дотолѣ новостъ въ академіи. Лекціи отличались также новостію своего содержанія; наставникъ шелъ не по пробитой колеѣ, а проводилъ въ нихъ свой взглядъ на философію. Главное же преступленіе его состояло въ томъ, что онъ, будучи самъ искреннимъ поклонникомъ философіи, съ воодушевленіемъ излагалъ свои лекціи и пробуждалъ во многихъ студентахъ стремленіе къ философствованію. Еще задолго до окончательнаго экзамена поспѣли слухи о томъ, что эти лекціи не нравятся якобы за свое вольнодумство начальству, которое впродолженіи въ теченіи всего двухгодичнаго курса ни разу не было на нихъ въ классѣ. Но, можетъ быть, бѣды бы никакой не случилось, если бы ревизоромъ въ академію не былъ назначенъ новый тогдашній оберъ-священникъ арміи и флота Кутневичъ, слышавшій и самъ себя считавшій философомъ, кажется, только потому, что онъ лѣтъ 10-ть былъ профессоромъ философіи въ московской духовной академіи, но не оставилъ рѣшительно никакихъ печатныхъ проявленій своего философствованія. Еще во время такъ-называемыхъ частныхъ испытаній онъ выражалъ свое философское и ревизорское негодованіе на разныя, якобы неправославныя, или антифилософскія мысли, заключавшіяся въ лекціяхъ; ему вторилъ ректоръ Венедиктъ Григоровичъ, который даже и въ семинаріяхъ не читалъ философіи; за то только-что произведенный въ санъ епископа, онъ вѣроятно, полагалъ, что *божіею милостію* можетъ рѣшать безъ апелляцій всякіе вопросы, даже философскіе. Но главную атаку они оба отложили до публичнаго экзамена. Для него назначены были два дня; во второй изъ нихъ слѣдовало произвести испытаніе по философіи. Случайно или намѣренно митрополитъ Серафимъ не пріѣхалъ въ этотъ день къ самому началу экзамена, который прямо по философіи и начали производить Кутневичъ и Григоровичъ. Надобно полагать, что оба эти философы заранѣе положили добить, *доразать* наставника. Спрашиваемые студенты почти

что ничего не читали; едва они произносили нѣсколько словъ у двухъ философовъ, сидѣвшихъ за столомъ, покрытымъ длиннымъ сукномъ, тотчасъ же появлялись возраженія, которыя впрочъ обращались не къ студенту, а къ наставнику. Этотъ защищалъ уроки съ достоинствомъ, ясно, сдержанно, безъ всякой запинчивости. Возражатели, думавшіе на первыхъ же словахъ *рѣзать, добить* его, но встрѣтивъ благородную и умную защиту, разгорячились; уже не возражали, а безобразно кричали часто оба вдругъ, не слушая ни студентовъ, ни наставника. Сцена была отвратительная; забыты всѣ приличія, соблюдаемые при ученыхъ спорахъ, и трудно было рѣшить, чѣмъ бы все кончилось, еслибы не пріѣхалъ на экзаменъ митрополитъ Сефимъ. Философію отодвинули въ сторону, начались экзамены другимъ предметамъ. Но результаты *философской борьбы* эти не кончились; наставникъ съ философской кафедры переведенъ былъ на одинъ изъ языковъ, а потомъ чрезъ два года безъ прошенія уволенъ вовсе изъ академіи. Ему не только не помогло даже повредило изданное имъ «сочиненіе» подъ названіемъ «Введеніе въ философію». Оно было удостоено академіею наукою кажется, половиною демидовской преміи. Но духовному началу и это не понравилось. Прежде всего автору поставили вину то обстоятельство, почему онъ — священникъ — осмѣлился напечатать свое сочиненіе съ дозволенія свѣтской, а не духовной цензуры. Потомъ былъ составленъ для разсмотрѣнія сочиненія комитетъ изъ тогдашняго викарія петербургскаго Венедикта Григоровича и, къ сожалѣнію, изъ профессора академіи Карпова. Официальнаго отзыва этого комитета я не читалъ, но отзывъ былъ неблагоприятный; автора учили по обыкновенію въ неправославіи и т. п. Результатомъ было то, что авторъ долго, долго, долго оставался забытымъ, пока петербургскій университетъ не отыскалъ его для занятія философской кафедрой у себя.

Послѣ этого, понятно, какое самоотверженіе нужно было имѣть профессору академіи, чтобы читать философію въ новомъ, оригинальномъ и современномъ духѣ.

Въ началѣ описываемаго мною времени преподавалъ философію въ академіи Родіонъ Яковлевичъ Вѣтринскій. За нѣсколько лѣтъ до того онъ издалъ на латинскомъ языкѣ свои лекціи, изъ которыхъ заимствовали матеріалъ для своихъ записокъ семинарскіе «философы». Сочиненіе конечно далеко не оригинальное; во все-таки доказывало въ авторѣ любовь къ своей наукѣ и желаніе заявить чѣмъ-либо полезнымъ свою профессорскую дѣятельность, а не проводить время въ буддійскомъ покоѣ. Но прослѣ-

въ академіи лѣтъ десять, убѣдившись, что въ ней только
 существующимъ все идетъ во благое, что философія здѣсь не
 можетъ быть самостоятельной наукой, а должна отправлять роль
 прислужки богословія, вынужденный потомъ читать лекціи по
 примеру, Вѣтринскій почувствовалъ какую-то апатію и не
 любилъ ея. Въ классѣ онъ слишкомъ negliжировалъ своими
 обязанностями. Пришедши въ него, онъ часто подходилъ къ окну, изъ
 котораго видна была шлиссельбургская дорога, стоялъ предъ
 окномъ по нѣсколько минутъ, молча посматривая на нее, а иногда
 вставши, оборачивался къ студентамъ и предлагалъ имъ во-
 просы, въ родѣ слѣдующаго: «а кто изъ васъ, господа, востро-
 шенъ?» И когда костромичи сказывались, то онъ опять съ преж-
 нимъ серьезнымъ, такъ сказать, философскимъ тономъ говорилъ:
 «вотъ ваши земляки ѣдутъ, везутъ масло или грибы и т. п.»
 Наконецъ, наскучивъ и себѣ, и студентамъ, онъ перешелъ въ
 нѣмецкое вѣдомство.

Преемникомъ его былъ Андрей Степановичъ Красносельскій.
 Если бы этотъ человѣкъ подолѣе послужилъ въ академіи, то
 въ него могъ бы выдти очень замѣчательный профессоръ фи-
 лософіи. Онъ чрезвычайно любилъ заниматься ею; знаніе нѣ-
 мецкаго языка дало ему возможность основательно ознакомиться
 съ замѣчательными произведеніями тогдашней нѣмецкой фило-
 софской литературы. Читая исторію философіи, онъ умѣлъ не
 только дѣльно изложить систему того или другого философа, но
 и объясняя ее, ознакомить студентовъ съ современными фило-
 софскими мнѣніями. Владѣя хорошимъ даромъ слова, препода-
 валъ свою науку съ воодушевленіемъ любителя ея, смѣло выска-
 зывая либеральныя идеи, онъ увлекать слушателей своими лек-
 ціями. Особенно же интересовала студентовъ та часть ихъ, гдѣ
 онъ съ безпристрастіемъ ученаго разсматривалъ философію отъ-
 носительно церкви. Къ счастью безпечность ректора Доброзракова да-
 вала Красносельскому возможность не стѣсняться въ классѣ
 опасеніями быть обвиненнымъ въ либерализмъ. Но усиленные
 занятія разстроили его здоровье; на шестомъ году академической
 службы появилась у него чахотка, которая скоро довела его до
 могилы.

За нимъ профессоромъ философіи въ академіи былъ родной
 его братъ, только по фамиліи не Красносельскій, а Вершинскій,
 Дмитрій. По своимъ умственнымъ способностямъ онъ едва ли
 не былъ выше своего брата; относительно любви къ наукѣ и
 свободній въ ней развѣ немного стоялъ ниже его. Въ непродол-
 жительную свою службу въ академіи онъ перевелъ съ нѣмецка-
 го на русскій языкъ небольшую исторію философскихъ системъ

Аста и объемистую логику Бахмана, изъ которой наши домрощенные философы долго дѣлали выписки для своихъ руководствъ по логикѣ. Несмотря на все это, нельзя не сказать, что Вершинскій весьма не нравился студентамъ своими лекціями. Знаю его коротко, можно было по неволѣ дойти до мысли, что онъ едвали не съ намѣреніемъ плохо читалъ лекціи. Напр., студентамъ десятаго курса онъ преподавалъ логику по Бахману, который переводъ былъ имъ уже оконченъ и исправленъ. Кажется, по готовымъ тетрадамъ можно было по крайней мѣрѣ читать, не нагоняя скуки и сна на слушателей, тѣмъ болѣе, что профессоръ имѣлъ хорошій даръ слова. Но онъ между тѣмъ читалъ невыносимо скучно, монотонно, растянuto, останавливаясь, какъ будто надъ чѣмъ задумывался. Когда потомъ ему поручили исторію философскихъ системъ, то онъ приписалъ въ классъ одинъ изъ томовъ Бруккеровой исторіи философіи, — томы эти у студентовъ назывались *красными книгами* за красный цвѣтъ ихъ переплета. Красная книга раскрывалась, профессоръ начиналъ читать латинскій текстъ ея съ убійственною монотонностію, съ невыносимою апатіею, безъ всякаго, повидимому, участія, только чтобы прочитано было. Если встрѣчались греческія цитаты, то и онѣ передавались буквально. Студентамъ опротивѣли подобныя лекціи. Кто-то изъ нихъ написалъ пасквиль на Вершинскаго и вывѣсилъ его въ одномъ изъ корридоровъ академіи. Профессоръ читалъ тогда объ Александрійской школѣ, изложилъ уже по красной книгѣ ученіе Плотина и немного воспелся Ямвлиха и Порфирія. Узнавши о пасквилѣ, онъ въ слѣдующую за тѣмъ лекцію приходитъ безъ красной книги, съ краткимъ конспектомъ и начинаетъ продолжать по-русски говорить о Ямвлихѣ, Порфиріѣ и прочихъ послѣдователяхъ Плотина. Точно такимъ же образомъ сказалъ двѣ лекціи о схоластической философіи; говорилъ не съ особеннымъ воодушевленіемъ, но ясно, просто, основательно; студенты обрадовались такой перемѣнѣ. Послѣ 3 — 4 лекцій красная книга опять появилась, или замѣнялась рукописными тетрадами на латинскомъ тоже языкѣ. Профессоръ какъ будто бы хотѣлъ доказать, что онъ можетъ говорить очень хорошо и очень хорошія лекціи на русскомъ языкѣ, но не можетъ, или не хочетъ этого дѣлать по какимъ-то секретнымъ соображеніямъ. Въ слѣдующемъ курсѣ онъ нерѣдко читывалъ свою красную книгу или тетради, *сидя* бокомъ въ студентамъ. Подозрѣвать его въ лѣности нельзя; онъ велъ вполне ученую, кабинетную, трезвую жизнь, почти ни съ кѣмъ не былъ знакомъ, никуда не ходилъ. Недостатка въ дарѣ слова и въ свѣдѣніяхъ не имѣлъ. Поэтому, повторю высказан-

же иною выше мнѣніе, не нарочно ли онъ небрежно читалъ свои философскія лекціи, чтобы избѣгнуть обвиненія въ вольнодумствѣ. Впрочемъ, не прослуживъ десяти лѣтъ при академіи, онъ уѣхалъ въ Парижъ протоіереемъ при тамошнемъ нашемъ посольствѣ.

Вершинскому наслѣдовалъ, по званію профессора философіи, Василій Николаевичъ Карповъ, переводчикъ разговоровъ Платона и авторъ логики. Вызванный изъ бакалавровъ кіевской академіи въ петербургскую еще прежде того за два года, онъ читалъ уже философію. Въ метафизикѣ его любимую мысль была, употребимъ его выраженіе, *жизнь природы*. Конечно, его система не отличалась особенною оригинальностью, имѣла много недостатковъ, подобно всѣмъ философскимъ системамъ, составившимся въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ и академіяхъ; но должно прибавить, что онъ въ то время своими лекціями, которыми любилъ придавать воодушевленіе, сильно затрогивалъ и увлекать почти всѣхъ студентовъ, пробуждалъ въ нихъ охоту мыслить. Чего же больше? Кромѣ того онъ былъ человѣкъ религіозный и всячески старался не расходиться съ православіемъ, но это не избавило его отъ непріятностей, даже отъ временныхъ гоненій и притѣсненій. Ректоръ Виталій Щепетевъ самъ вызвалъ его изъ Кіева въ Петербургъ, самъ же колебался сдѣлать его профессоромъ философіи на мѣсто Вершинскаго, и можетъ быть, не сдѣлалъ бы, еслибы Филаретъ Дроздовъ случайно не вступился за Карпова. Послѣдній къ публичному экзамену 1835 г. назначилъ изъ своихъ лекцій статью, въ которой между прочимъ разсуждалось объ отношеніи между религіей и философіей; на эту статью и Серафимъ и Филаретъ обратили вниманіе, зная, что авторъ ея ждетъ отъ нея пособія для занятія профессорской катедры. Начался экзаменъ по философіи, спросили двухъ-трехъ студентовъ; Серафимъ, не будучи любителемъ ея и, вѣроятно, предубѣжденный ректоромъ не въ пользу наставника, слушалъ, но, какъ оказалось, не очень хорошо понималъ читаемое; можетъ быть, этому помогало и то, что статья, написанная на латинскомъ языкѣ, и по содержавшимся въ ней мыслямъ не отличалась ясностью. Наскучивъ ею, Серафимъ наклонился къ Дроздову и сказалъ ему: «у насъ въ Смоленскѣ (онъ прежде былъ тамъ епископомъ) это называли *ермолафіей*». Дроздовъ, желая ли вступить за наставника, которому грозила опасность не получить профессуры, или думая только попротиворѣчить Серафиму, обратился къ Карпову съ вопросами и возраженіями. Начался довольно продолжительный объясненія, которые окончилъ Филаретъ слѣдующими словами: «такъ ваша философія

ведетъ разумъ къ религіи?»—и получивъ въ отвѣтъ: Такъ то но, ваше в-во,—прибавилъ: «Вотъ это прекрасно, благодаримъ васъ». Противъ профессуры такимъ образомъ уже нельзя было возражать. Самъ Серафимъ, когда на слѣдующій день академическіе наставники пришли благодарить его за посѣщеніе, сказалъ Карпову: «Вамъ спасибо за вашу философію; она ведетъ къ религіи». О ермолафіи же ни слова. Карповъ былъ утвердился и долго оставался профессоромъ. Но ему пришлось много вытерпѣть за свою философію. Притѣсненія, которымъ онъ подвергался, не относятся къ описываемому мною времени, и по тому, оставляя философію, обращаюсь къ словесности.

Словесность почти во все описываемое мною время преподавали два священника: Ксенофонтъ Ивановичъ Делекторскій и Иванъ Ивановичъ Ивановъ; первый читалъ общую словесность, а второй церковное краснорѣчіе, или, какъ его теперь называютъ, гомиетику.

Для надлежащей оцѣнки Делекторскаго нужно помнить, что въ тогдашнія времена въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ господствовалъ свой *семинарскій* слогъ. Главныя его качества состояли въ такъ-называемомъ тогдашнемъ *краснорѣчьи*, т.-е. въ употребленіи тропическихъ выраженій, фигуральныхъ оборотовъ, славянскихъ словъ, заимствованныхъ изъ библіи и церковныхъ книгъ. Потомъ слова въ періодахъ располагались по образцамъ латинскаго языка, въ которомъ, напр., глаголы ставятся въ концѣ предложеній; наконецъ, говорить просто и ясно считалось неприличнымъ для ученыхъ людей; что же за ученое сочиненіе, когда въ немъ не надъ чѣмъ *голову ломать*! Образцомъ для всего этого служили тѣ проповѣди, которыя Филаретъ Дроздовъ говорилъ, будучи еще ректоромъ академіи. О настоящей русской рѣчи слишкомъ мало заботились. Пушкина читать могли ученики только украдкою; исторію Карамзина конечно рекомендовали, но его «Марыну рошу», «Марѳу Посадницу» и пр. считали еще опасными. Напротивъ, образцами для подражанія были сочиненія Ломоносова, Державина, Озерова, Хераскова и пр.

Делекторскій, несмотря на свою священническую рясу, составлялъ счастливое исключеніе изъ тогдашнихъ наставниковъ словесности по духовно-учебному вѣдомству. Преподаваніе имъ словесности въ академіи можно разсматривать съ двухъ сторонъ: съ теоретической и практической. Теоріей онъ не любилъ заниматься, да и не очень былъ силенъ въ ней; изданная имъ брошюрка въ изящномъ не заслуживала и не обратила на себя вниманія. Впрочемъ, въ первую треть двухгодичнаго курса лекціи его объ изящномъ и высокомъ очень нравились студентамъ,

что они въ семинарскихъ урокахъ, кромѣ сухого схоластическаго переченя разнообразныхъ прозаическихъ и стихотворныхъ родовъ сочиненій, ничего не слыхали. Но не будучи критическимъ теоріи, Делекторскій обращалъ особенное вниманіе на критическій разборъ сочиненій по всѣмъ родамъ словесности и поэзіи. Такъ, напр., изложивъ понятіе о героической поэзіи, онъ критически разбиралъ Илиаду Гомера, Энеиду Вергилія, Освобожденный Іерусалимъ Тасса, Потерянный Рай Мильтона, Мессіаду Клопштока, даже нашу Россіаду Хераскова, противопоставляя множество отрывковъ изъ нихъ, указывая на совершенство и недостатки ихъ; и такимъ образомъ знакомилъ студентовъ съ замѣчательными произведеніями латинской, греческой и другихъ литературъ.

Что же касается до русской литературы, то развѣ немногіе отечественные писатели, начиная съ Феофана Прокоповича, Кантемира и Третьяковскаго, до Жуковскаго, Карамзина и Пушкина, не подвергались критическому разбору на лекціяхъ Делекторскаго. Въ сужденіяхъ своихъ о нихъ онъ конечно касался и внутренняго содержанія ихъ сочиненій, но главное вниманіе обращалъ на слогъ, и тутъ являлся неумолимымъ гонителемъ такъ-называемаго высокаго, напыщеннаго слога. Не Ломоносовъ, не Державинъ и Херасковъ, а Жуковскій и Пушкинъ были имъ рекомендованы, какъ образцы для подражанія. Проповѣди Филарета Дроздова подвергались неумолимой критикѣ, тѣмъ болѣе, что очень многіе студенты, особенно при началѣ академическаго курса, ими слишкомъ увлекались. Въ горячихъ спорахъ, которые часто происходили въ такихъ случаяхъ, Делекторскій забывалъ о своей личной безопасности, называя слогъ проповѣдей этого знаменитаго духовнаго витія школярнымъ, надутымъ, ребяческимъ.

Если Делекторскій такъ смѣло и безпощадно отзывался о знаменитостяхъ, то онъ еще менѣе церемонился съ задачками студентовъ и неумолимо преслѣдовалъ семинарскій слогъ съ его слащавицею и риторіею. Соблюдая инкогнито автора, онъ съ большею или меньшею подробностію критически разбиралъ въ классѣ студентскія сочиненія, особенно тѣ, которые были или очень хороши, или очень дурны. Критиковалъ онъ безпощадно и этикъ возбуждалъ часто сильное негодованіе студентовъ, особенно въ началѣ курса. Но мало-по-малу студенты съ развитіемъ литературнаго вкуса понимали пользу, которую доставлялъ имъ наставникъ своею критикою. Безъ всякаго пристрастія надобно сказать, что Делекторскій не увлекалъ студентовъ какими-либо глубокими взглядами на свою науку, не знакомилъ

ихъ съ тѣми теоріями изящнаго, которыми тогда такъ обилвала особенно нѣмецкая литература, избѣгалъ философскихъ приѣмовъ, въ которыхъ такъ тогда были почти всѣ расположены и этимъ не нравился студентамъ. Но онъ былъ одинъ изъ тѣхъ наставниковъ, которые имъ наиболѣе принесли пользы, отуча ихъ отъ глупаго, напыщеннаго семинарскаго слога и развива литературный вкусъ. Его бы надобно удерживать и даже упрямить оставаться въ академіи. Между тѣмъ, въ 1835-мъ году, безъ всякаго прошенія и притомъ безъ всякой уважительной причины уволили его. Ректоръ Щепетевъ въ этомъ отношеніи поступилъ недобросовѣстно, желая подслужиться своему патрону, который зналъ, что Делекторскій осмѣливается на лекціяхъ дѣлать вовсе нелестные отзывы о его проповѣдяхъ.

О профессорѣ церковнаго краснорѣчія Ивановѣ не стоить и говорить много. Онъ воображалъ, что церковнымъ ораторомъ можно сдѣлать студента посредствомъ теорій, изложивши съ возможною подробностію предметъ церковныхъ поученій, ихъ формы, правила для составленія ихъ и пр. и пр. Его рукописныя лекціи, не шутя, можно назвать сводомъ законовъ по церковному краснорѣчію. Но пункты законовъ до такой степени нерѣдко были мелочно-подробны, такъ часто многіе изъ нихъ походили другъ на друга, излагались въ такой утомительной формѣ, что ихъ запомнить и заучить не было возможности; а главное, выучивши ихъ, все-таки не сдѣлаешься даже посредственнымъ проповѣдникомъ. Особенно же онѣ отличались дѣленіями и подраздѣленіями, для обозначенія которыхъ нужно было употреблять цифры, буквы латинскаго, русскаго и греческаго алфавитовъ; случалось, что всего этого не доставало; тогда авторъ прибѣгалъ въ удвоенію буквъ и пр.

И этого профессора держали въ академіи болѣе 20-ти лѣтъ. Но вѣдь онъ былъ человѣкъ смиренный, покорный, давалъ въ годъ два-три отличные обѣды, на которые приглашалось академическое начальство, и доставлялъ очень много переводовъ изъ сочиненій отцевъ церкви для «Христіанскаго Чтенія»; ректорамъ не хотѣлось разстаться съ такою драгоценностію. И потому когда стали говорить, что безсовѣстно оставлять такого чловѣка профессоромъ въ академіи по церковному краснорѣчію, то Щепетевъ предложилъ ему перейти на еврейскій языкъ, полагая, что онъ откажется отъ этого. Но Ивановъ тутъ показывалъ храбрость; онъ сталъ мучить студентовъ уже не по-русски, а по-еврейски. Не появивсь нѣкто крещеный еврей Левасонъ, которому покровительствовала покойная Татьяна Борисовна Потемкина, и не будь нужно мѣсто профессора еврейскаго

жизни этого господина, Ивановъ, по всей вѣроятности, еще бы сидѣлъ при академіи лѣтъ на десять.

Отъ профессоровъ и бакалавровъ, какъ представителей на-
ш, перейдемъ къ студентамъ, какъ питомцамъ ея, собраннымъ
изъ концовъ Россіи для того, чтобы, напивавшись ею въ
надежн, разнести ее потомъ по семинаріямъ для пригото-
вленія пастырей *словеснаго стада*, состоявшаго и тогда почти изъ
40-ти милліоновъ отдѣльныхъ индивидуумовъ. Но изъ сказаннаго
ясно видно, что поставщики умственной пищи въ академіи
представляли какую-то странную смѣсь; одни изъ нихъ пред-
лагали своимъ слушателямъ самую питательную, здоровую пи-
щу, а другіе нѣчто въ родѣ булыжника или кирпичя, истертаго
въ порошокъ. Посмотримъ, какъ этотъ разнообразный винегретъ
дѣйствовалъ на умственный организмъ студентовъ.

Студенты низшаго отдѣленія въ началѣ своей академической
жизни даже не представляли себѣ возможности опускаться классы.
Получивши еще въ семинаріяхъ убѣжденіе, что въ академіи
можно *проникнуть въ самую глубину премудрости*, по пріѣздѣ
въ нее слыша отъ земляковъ и неземляковъ, своихъ предше-
ственниковъ, что нужно вести себя какъ можно осторожнѣе,
и въ чѣмъ не *попадаться инспектору*, — молодые новобранцы
тотчасъ послѣ звонка спѣшили въ классическія комнаты, уса-
живались за столы, и всякаго пришедшаго къ нимъ наставника
слушали съ полнымъ вниманіемъ, опасаясь, какъ бы какое-либо
изъ его драгоцѣнныхъ словъ не ускользнуло отъ нихъ. Если
даже собственное сознаніе робко начинало докладывать, что
нѣкоторые изъ академическихъ мудрецовъ какъ будто похожи
на учителей семинаріи, такъ уже прискучившихъ, то не вдругъ
этому вѣрили, даже обвиняли самихъ себя въ неумѣньи по-
нять и оцѣнить мудрецовъ, отъ которыхъ ничего дѣльнаго
и путнаго не слыхали. Но это робкое сознаніе, поддержи-
ваемое неудовлетворяемою любознательностію, становилось мало-
по-малу посмѣлѣе; здравый смыслъ убѣждалъ, что у нѣкото-
рыхъ наставниковъ дѣйствительно нечего слушать; потомъ узна-
вали, что студенты высшаго отдѣленія частенько не ходятъ въ
классъ и, сдѣлавшись пооткровеннѣе, прямо поговариваютъ,
что и имъ тоже можно рисковать опущеніемъ кое-какихъ лек-
цій. Относительно же инспектора собственнымъ опытомъ убѣж-
дались, что онъ не всевѣдущъ, что и отъ него можно скрывать
свои несправности и пр. И вотъ, если не черезъ полгода, то
черезъ годъ и въ низшемъ отдѣленіи на нѣкоторыхъ лекціяхъ

можно уже было не досчитываться кое-кого; недочетъ этотъ степенно увеличивался. О студентахъ высшаго отдѣленія не и говорить; тѣхъ уже по пословицѣ, какъ *воробей на мякѣ не проведешь*.

Само собою разумѣется, что студенты опускали лекціи у всѣхъ наставниковъ. Къ Борисову, Красносельскому, Кочету когда онъ читалъ восемнадцатый вѣкъ, и нѣкоторымъ другимъ ходить на лекціи было почти немислимо, къ нимъ являлись же больные. Далѣе, не бывать у инспектора въ классѣ было опасно; вѣдь сразу въ спискѣ по поведенію за какой-либо сяцъ отмѣтитъ нерадивымъ, несправнымъ. Про нѣкоторыхъ наставниковъ существовало убѣжденіе, что они мстятъ при ставленіи списковъ тому, кого часто не видывали у себя въ классѣ, не ходитъ къ нимъ побаивались тоже люди робкіе. Затѣмъ въ каждомъ курсѣ едвали насчитывалось человѣкъ пять, которые бы опускали хоть одинъ классъ, если только болѣзнь мѣшала. Прочіе же, не исключая самихъ гг. старшихъ, были болѣе или менѣе виновны въ этомъ грѣхѣ. Случалось, въ какому-либо Иванову приходило изъ 50—60-ти человѣкъ болѣе 20—30-ти даже и менѣе, да и изъ нихъ въ концѣ курса половина уходила. Сами ректоры, если только не были грозой для студентовъ, видали у себя на лекціяхъ иногда не болѣе половины обязательныхъ слушателей.

Мѣры противъ нехожденія студентовъ въ классъ были разнообразны. Главная между ими состояла въ томъ, что комитетный старшій долженъ былъ выслать всѣхъ своихъ подчиненныхъ въ классъ, запереть дверь и ключъ отъ нея взять съ собою; никто-де такимъ образомъ не останется въ комнатѣ и не нарушитъ положеннаго термина въ нее не можетъ возвратиться. Но студенты съ согласія старшаго, а иногда и вмѣстѣ съ нимъ оставались въ комнатѣ, запирали дверь, но извнутри ея, и ключъ вынимали изъ замка. Инспекторъ, желая убѣдиться въ томъ исполняются ли его приказанія, отправлялся осматривать студентскія комнаты, находилъ двери запертыми, заглядывалъ въ замочныя скважины, ключа въ нихъ не видѣлъ. Чтобы еще болѣе успокоить свою совѣсть, постучится въ дверь, какъ будто онъ былъ студентомъ, ушедшимъ изъ класса, а то если у двери лежитъ принесенная вязанка дровъ, пошевелить ее, постучится, разыгрывая роль служителя. Запершіеся студенты это слышать, догадываются о посѣтителѣ, перемигиваются между собою; иной забавникъ выставитъ языкъ стучальщику, но дверь остается по прежнему запертою. Инспекторъ, убѣдившись въ видимой исправности, идетъ въ самодовольствіи домой. Но бы-

или промахи и со стороны студентов-затворников: или дверь останется незапертою, или забудутъ вынуть ключъ изъ замка, или какой-либо простакъ самъ отпереть дверь стучащему инспектору. Ну, тогда виновные, получивши надлежащую выговорку, принуждены были отправляться въ классъ, иногда полузаспанными глазами. Если ихъ немного, то они входятъ тихо за другими незамѣтно. Но случалось, что инспекторъ заставлялъ цѣлые десятки студентовъ въ комнатахъ, и отрядами, а то и цѣлою колонною отправлять, или какъ тогда правильнѣе выражались, *выгонял* въ классъ: ну, тогда уже весь отрядъ массою вступалъ въ него; сидѣвшіе здѣсь знали, отчего появилось такое усердіе слушать лекцію, смѣялись; пришедшіе съ мысли-ми минами, или съ ребяческою беззаботностію, или съ форсомъ школьника усаживались на свои мѣста; самая лекція иногда должна была на время прерваться.

Чтобы избѣгнуть подобной *выгонки*, студенты находили и другія убѣжища отъ премудрости академической. Въ тотъ день, когда отапливалась баня, на цѣлые два часа отправлялись въ нее мыться во время класса; бывали примѣры, что инспекторъ и туда прихаживалъ, но это случалось очень рѣдко.

Въ лѣтнее время можно было укрываться въ саду и палисадникахъ; иной заберется на средину луга и заляжетъ въ высокой травѣ; другой укроется гдѣ-либо между густыми кустарниками; третій просто посиживаетъ или похаживаетъ въ боковыхъ менѣе посѣщаемыхъ начальствомъ аллеяхъ. Инспекторъ иногда и туда являлся въ качествѣ преслѣдователя; но густо насаженные деревья не давали ему возможности съ главной аллеи угадать, какой господинъ погуливаетъ на боковой; если ревность въ исполненію своихъ обязанностей заставляла инспектора своротить на боковыя аллеи, то укрывавшійся студентъ ловкимъ манеромъ переходилъ на другую аллею. Чтобы сдѣлать подобныя укрывательства невозможными, не разъ принимались прочищать садъ, т.-е. вырубать столько въ немъ деревьевъ, чтобы оставшимися нельзя было студентамъ прикрывать свои фізіономіи. Находили себѣ убѣжища въ самомъ академическомъ домѣ; менѣе спѣсивые просиживали гдѣ-либо въ служительской комнатѣ въ подвальномъ этажѣ, въ правленіи у письмоводителей, въ корридорахъ близъ церкви и пр.; иные просто похаживали около самаго класса; является *незгода инспекторъ*, они уходятъ въ классъ, и *самодъ простылъ*. Одинъ молодецъ любилъ въ такихъ случаяхъ зимою надѣвать профессорскія шубы на свою особу, чтобы сберечь себя отъ холода.

Но вотъ студенты сами пришли, или отчасти *выгна-*

спекторомъ въ классъ. Впрочемъ, сущность измѣнилась мало. Сденты запасались обыкновенно тетрадами и книгами; и въ время, какъ одинъ паставникъ читалъ о поврежденности вѣческой природы, о благодати господней, о пришествіи христа, о послѣднемъ грозномъ судѣ, другой о томъ, какъ и буджать заснувшую совѣсть грѣшника, выводилъ заблудшую на путь спасенія, третій глубокомысленно доказывалъ необходимость любви къ родителямъ, уваженія къ паставникамъ, — сденты читали кто романъ Вальтеръ-Скотта, кто даже Поль-Кока; за серьезную книгу взяться было трудно; для чтенія надобно было усилить свое вниманіе, которое тутъ развлекало монотоннымъ чтеніемъ лекцій. Не запасшіеся же ничѣмъ, дѣли, сложивши руки, посматривая на потолокъ; позѣвывая иногда гдѣ-нибудь на задней партѣ и засыпая. Спрашивали имѣвшихъ часы, сколько времени остается до звонка. И такъ инспекторъ выгонялъ студентовъ, напр., послѣ обѣда, имущественно въ концѣ 3-го и началъ 4-го часа, то узнавали что наступила уже вторая половина 4-го, одинъ по одному начинали уходить изъ класса, съ тѣмъ, чтобы попрежде другія поспѣшить съ самоваромъ на кухню и застать тамъ поболь горячихъ углей.

Люди, незнакомые съ тогдашнимъ бытомъ духовныхъ академій, прочитавши послѣднія мои замѣчанія, вѣроятно скажутъ «вотъ и академія, вотъ и высшее учебное заведеніе! вотъ и будущіе кандидаты и магистры богословія, іереи, протоіереи, архіереи! И бурсаки не прибѣгали къ такимъ продѣлкамъ, какъ они, чтобы не сидѣть въ классѣ! Не даромъ же начальство иногда поступало съ ними, почти какъ съ бурсаками!» Мнѣ самому грустно вспоминать объ этихъ временахъ; сознаюсь, что положеніе академій было незавидно, но никакъ не рѣшавъ обвинять въ этомъ студентовъ, особенно однихъ. Ихъ избирали изъ лучшихъ учениковъ семинарій; значить они съ предметами семинарскаго курса хорошо уже ознакомились. Но въ академіи читались почти тѣ же предметы, какъ и въ семинаріи. Еслибы они вновь преподавались даже не дурно, но почти въ томъ же объемѣ, съ тѣми же приѣмами, какъ и въ семинаріяхъ, безъ особыхъ прибавленій, безъ новыхъ взглядовъ или подробностей; еслибы даже говорилось кое-что и новое, но скудно, утомительно; то слушать повтореніе того, что уже поприскучило и въ семинаріи, слушать почти въ видѣ *задвога*, существовавшихъ тогда при обученіи грамотности; — вѣдь это невыносимо! Студенты были народъ молодой; многіе изъ нихъ ѣхали въ академию, чтобы удовлетворить своей любознательности, получить раз-

на научные вопросы, которые зараждались въ ихъ горячихъ словахъ, ознакомиться вполнѣ съ наукою изъ желанія быть хорошимъ руководителемъ другихъ въ ней. А тутъ вдругъ онъ толкуетъ о томъ, какъ лучше перевести: *кони же*, или: *молоди*; другой растягиваетъ погребальнымъ тономъ небольшой періодъ на нѣсколько минутъ, и даже слово: *которая*—протягиваетъ въ два приема; третій никакъ не разберетъ въ своихъ жаркихъ пожелтѣлыхъ тетрадахъ, въ пятой или осьмой главѣ посланія къ римлянамъ находится нужный текстъ; четвертый, сказавши слова два-три, вставляетъ свое: *во, во-во, ну-во*. Да помните, тутъ и не молодая, не горячая голова не выдержитъ, и каменное терпѣніе лопнетъ.

Къ обязательнымъ трудамъ студентовъ принадлежали сочиненія на задаваемые предложенія. Въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ издавна существуетъ обыкновеніе заставлять воспитанниковъ писать сочиненія, какъ можно чаще; напр., въ низшемъ отдѣленіи семинаріи каждую недѣлю нужно было подавать по сочиненію. Почтенное начальство, вѣроятно, думало приложить къ сему прямое тройное правило, т.-е. чѣмъ больше подано будетъ сочиненій, тѣмъ болѣе окажется въ ученикѣ искусства сочинять; тогда какъ тутъ лучше бы уступить мѣсто тройному обратному правилу, т.-е. чѣмъ болѣе будутъ требовать сочиненій отъ ученика, тѣмъ менѣе у него окажется времени на обдумываніе каждаго изъ нихъ и слѣдовательно тѣмъ хуже онъ будетъ писать. И петербургская академія держалась того-же обыкновенія; въ ней положено было давать по сочиненію на каждое десять дней. Столь короткій срокъ былъ причиною того, что по большей части писали очень то же краткія сочиненія; вотъ почему послѣднія и назывались *задачками*. И сами наставники сильно заботились о такой краткости, опасаясь затруднить своимъ глаза чтеніемъ большихъ сочиненій, они требовали, чтобы каждый студентъ писалъ не болѣе, напр., листа, и даже полулиста; тутъ уже выходила даже не задачка, а задачка. Чтобы вѣрнѣе достигнуть этой цѣли, часто давались такія темы для задачекъ, что дѣйствительно трудно было написать и поллистика. Напр., что могъ написать только что поступившій въ академію семинаристъ на предложеніе: *an datur criterium veritatis universale, materiale* (есть ли всеобщій, матеріальный критерій истины)? А такое именно предложеніе и было дано студентамъ десятаго курса на первый разъ. Иной оригиналъ наставникъ еще проще отдѣлывался отъ труда читать задачки, не принимая уже ни одной, даже и маленькой задачки послѣ назначеннаго для нея срока. Впрочемъ, въ чести нѣкоторыхъ наставни-

ковъ, напр., Делекторскаго, надобно сказать, что они не бѣгали ко всѣмъ этимъ стѣснительнымъ выдумкамъ, при отъ студентовъ большія и малыя сочиненія, и въ срокъ, и срока; а также давали предложенія ясныя, не затѣйливыя.

Кромѣ десятидневныхъ задачекъ студентамъ высшаго, а да и низшаго отдѣленія назначалось писать поочередно по вѣди. Это дѣло доставляло по болѣе хлопотъ. Проповѣдь сматривалась не однимъ наставникомъ, а и ректоромъ; — ея было произнести въ академической церкви предъ всѣми студентами, — самыми неумолимыми критиками, или въ александровскомъ соборѣ. Но и тутъ для обуздыванія ораторскихъ вѣвовъ иногда назначалась рамка для поученій, напр., требовалось, чтобы оно было не болѣе листа, или 5 — 6 четвертокъ. Наконецъ, въ послѣдній годъ или въ послѣднее полугодіе академическаго курса, каждый студентъ писалъ курсовое разсужденіе для полученія ученой степени; тутъ уже не назначалось число листовъ, и потому нерѣдко представлялись чуть не цѣлыя томаты. Много ли было въ нихъ толку, не говорю о томъ; крайней мѣрѣ бумаги для нихъ не жалѣли; а академическое правленіе по своей добротѣ выдавало особую, лучшую бумагу для переписки набѣло курсового разсужденія. Можетъ быть, былъ и другой умыселъ. Курсовыя разсужденія изъ академической конференціи отсылались въ комиссію духовныхъ училищъ, гдѣ прочитывались ея членами. Академическое правленіе пожелало получить выговоръ, еслибы диссертациі переписывались набѣло на той синей или сѣрой бумагѣ, какую оно выдавало студентамъ.

Къ концу cadaго полугодія задачи прекращались, но не лишивалась работа отъ репетицій. Наставники спѣшили заставить студентовъ повторить то, что прочитано въ теченіи года или, правильнѣе, заучить на память рукописный или печатный учебникъ. Затрудненія тутъ увеличивались отъ прочихъ обстоятельствъ. Нѣкоторые наставники въ то же время надумывались выдавать новыя свои записки, такъ что студентамъ надобно было ихъ не только заучить, но и списать. Поэтому многія учебныя руководства своимъ языкомъ, своею мѣдою были чрезвычайно затруднительны; тогда еще господствовала въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ мысль, что на нашемъ счастливомъ русскомъ языкѣ нельзя было выражать высокія истины богословскія и философскія; тутъ считалась необходима латынь. Правда, что въ петербургской академіи уже ректоръ Григорій Постниковъ изложилъ часть догматическаго богословія на русскомъ языкѣ; ему подражалъ Иннокентій Борисовъ отъ

и еклезіастики и обличительнаго богословія, и, вѣдѣвшій профессоръ петербургскаго университета, Ф. Ф. Сидонскій, былъ истинно философіи; но за тѣмъ много еще было руководствъ въ русскомъ языкѣ, на которомъ далеко не всѣ студенты могли свободно объясняться. Далѣе, многіе учебники были написаны въ такомъ схоластически и утомительно для памяти; люди съ плохою памятью, выучивши ихъ, забывали все дня черезъ два—три. Сюда особенно принадлежали нравственное богословіе на русскомъ языкѣ, приписываемое покойному Филарету Дроздовскому, церковная исторія Иннокентія, церковное краснорѣчіе Ивана Философа Винклера. При всѣхъ этихъ *отличающихся* обстоятельствахъ, понятно, что студенты во время репетицій были, какъ говорится, *завалены работою*, особенно предъ окончаніемъ курса, когда нужно репетировать все, что было пройдено въ теченіи двухъ лѣтъ. Тутъ студенты просиживали почти все ночи за своими учебниками. Вотъ и всѣ домашнія оффиціальныя занятія студентовъ! Можно догадаться, что не всѣ они были очень питательны для ума; при помощи ихъ однихъ умственное развитіе студентовъ далеко бы не ушло.

Изъ счастію студенты сами помогали себѣ при помощи книгъ. Императорская бібліотека и тогда была хороша, почти до конца семидесятихъ годовъ безденежно получая всѣ вновь выходящія въ Россіи книги; равнымъ образомъ почти постоянно пополнялась новыми замѣчательными сочиненіями на французскомъ и немецкомъ языкахъ. Особенно богаты были отдѣлы бібліотеки богословію и философіи; тутъ за исключеніемъ книгъ, которые брали для себя наставники, оставалось множество другихъ для употребленія студентамъ. Посредствомъ ихъ можно было знакомиться съ новыми современными идеями тѣмъ удобнѣе, что студентамъ безъ затрудненія тогда выдавались для чтенія даже либеральнаго содержанія. А если въ чемъ либо имъ не хватало, то они умѣли доставать на сторонѣ, и даже покупали на свои деньги, какъ напр., богословіе Вегшейдера, считавшагося, такъ сказать, ватихизисомъ раціонализма. За тѣмъ множество книгъ приносили изъ города отъ знакомыхъ и изъ частныхъ бібліотекъ; а для выписки газетъ и журналовъ чашѣ бывали складчины. Этими-то путями студенты узнавали много, о чемъ имъ въ классѣ не говорили, въ учебникахъ не писали и не печатали.

Чтобы узнать, хорошіе ли успѣхи оказываютъ студенты въ преподаваемыхъ предметахъ, или чтобы исполнить букву закона, производились въ академіи экзамены. Ихъ можно раздѣлить на три рода: на полугодичные, окончательные и публичные.

Полугодичные производились въ концѣ декабря, а иногда предъ каникулами. Кромѣ двухъ письменныхъ сочиненій и какъ ихъ называли, *экспромтовъ*, которые требовалось написать въ теченіи нѣсколькихъ часовъ или не болѣе, какъ въ одинъ день, студентамъ дѣлались устные испытанія изъ тѣхъ частей наукъ, которыя прочитаны въ теченіи даннаго полугодія. На экзаменахъ назначалось болѣею частію по два дня, часа 4—5 въ день. Такъ какъ всѣхъ наставниковъ было въ академіи 18 человекъ, то при равномерномъ распредѣленіи времени на каждый предметъ можно было распредѣлить немного болѣе 30 минутъ, проэкзаменовывать въ немъ 50—60 человекъ. Но на нѣкоторыхъ предметахъ, особенно на преподаваемые ректоромъ и инспекторомъ, а также на философію и т. п. считалось необходимымъ отдѣлять поболѣе времени; отъ этого происходило, что на прочіе предметы оставалось минутъ по десяти на каждый! Кромѣ того тогда еще не оставляли стариннаго обыкновенія обращать экзамены въ нѣчто похожее на словесные турниры. Предсѣдатель, которымъ болѣею частію бывали ректоръ и викарій тербургскій, дѣлалъ возраженіе противъ того, что читалось, и не всегда для испытанія студента, а часто для опроверженія лекцій. Наставникъ, разумѣется, вступался за свою честь; начиналось словопреніе, продолжавшееся иногда по 20—30 минутъ и состоявшее болѣею частію въ переливаніи изъ *пустыни въ порожнее*. Наставникамъ также отъ скуки или отъ желанія отличиться предъ публикою приходила охота заводить подобныя споры. Теперь можно судить, что это были за экзамены. По самому почетнѣйшему предмету спрашивали не болѣе 15—20 человекъ, т. е. четвертой или третьей части студентовъ. Число эти затѣмъ постоянно сокращались пропорціонально тому почету, которымъ пользовался тотъ или другой предметъ, а иногда тотъ или другой наставникъ, такъ что по презрѣннымъ предметамъ, къ числу которыхъ особенно принадлежала математика, спрашивали человекъ двухъ—трехъ. Прибавьте къ этому, что студентъ, отвѣчая съ своего мѣста за партою, а не у стола, за которымъ сидѣли экзаменаторы, могъ заглянуть въ учебникъ и получить пособіе отъ своихъ сосѣдей, что часто сами наставники спрашивали того, кого находили нужнымъ, отчего нѣкоторыхъ лучшихъ студентовъ тревожили чуть не по каждому предмету, а цѣлую половину не спрашивали ни изъ одного даже. Не обходилось также и безъ плутовства, затѣйниками котораго бывали обыкновенно студенты, а наставники, впрочемъ далеко не всѣ, если не подстрекали ихъ къ тому, то по крайней мѣрѣ и не противодействовали имъ. Къ этому побуждало послѣднихъ то

обстоятельство, что начальство посредствомъ экзаменовъ думало угадать не только успѣхи студентовъ, но и способности наставника; такъ что если первые отвѣчали плоховато, то и о послѣднемъ составлялось не выгодное понятіе. Вообще не только бакалавры, но и ординарные профессора при полугодичныхъ экзаменахъ играли жалкую, невыгодную роль. Каждый изъ нихъ во время экзамена по своему предмету долженъ былъ, какъ отвѣтственное и подсудимое лицо, стоять въ промежуткѣ между экзаменаторскимъ столомъ и студентскими партами. За тѣмъ общіе списки составлялись академическимъ правленіемъ или, лучше, однимъ ректоромъ, да развѣ еще инспекторомъ безъ всякаго участія наставниковъ.

Такимъ образомъ, полугодичные экзамены производились только для формы, для исполненія буквы устава академическаго, да развѣ еще для поддержанія авторитета ректора; дѣло отъ нихъ ничего не выигрывало; за то они были очень полезны въ гастрономическомъ отношеніи. По окончаніи экзамена въ первый, а часто во второй день наставники отправлялись къ ректору на закуску, или лучше на сытный обѣдъ, въ которомъ недоставало только такъ-называемаго горячаго, т.-е. ухи или супа. Хотя всѣ кушанья были рыбныя, но довольно порядочно приготовленные, а главное, чтобы желудокъ не затруднялся переварить ихъ, на столѣ стояло вполнѣ достаточное количество разныхъ винъ; въ заключеніе же всего выпивали по нѣскольку бокаловъ шампанскаго за здоровье митрополита, ректора, господъ наставниковъ и за прѣдвѣствующее состояніе академіи. Затѣмъ, поблагодаривъ хлѣбобосольнаго хозяина, расходились всѣ по домамъ съ сознаниемъ исполненнаго долга. Впрочемъ, по правдѣ сказать, ректора вовсе не за что было благодарить. На эти закуски, или обѣды онъ не тратилъ ни копѣйки изъ своихъ денегъ и даже имѣлъ нѣкоторую выгоду, потому что все недоѣденное и недопитое почти всегда оставалось въ его квартирѣ. Закуски со всѣми винами готовились по распоряженію его эконома на казенныя деньги, но безъ внесенія расхода ихъ въ шнуровыя книги. Поэтому наставники, собравшіеся на экзаменъ, обыкновенно спрашивали эконома: будетъ ли нынѣ закуска? если получался отрицательный отвѣтъ, то они мало-по-малу, по минованіи въ нихъ надобности, расходились. Но если отвѣтъ былъ положительный, то наставники хотя и удалялись на время изъ залы, но къ концу экзамена опять возвращались въ нее; такъ что поэтому студенты могли уже догадываться о томъ, будетъ ли у ректора закуска или нѣтъ. Но и ихъ не забывали; обыкновенно въ первый день экзаменовъ столъ для нихъ приготовлялся празднич-

ный, съ пирогами, все равно, какъ и въ господскіе и высшѣ торжественные праздники.

Окончательные экзамены были гораздо посерьезнѣе полугодныхъ, могли даже называться дѣйствительными экзаменами. Спроизводились не внутреннимъ правленіемъ, а академическою конференціей, которая для каждаго предмета назначала двухъ своихъ членовъ подъ названіемъ депутатовъ. Кромѣ того, въ же время синодъ поручалъ митрополиту или другому кому изъ своихъ членовъ обрѣзывать академію во всѣхъ отношеніяхъ. Митрополитъ самъ слишкомъ рѣдко являлся на экзамены, представляя это своему викарію, но другіе ревизоры неопустительно присутствовали на всѣхъ почти экзаменахъ.

Наконецъ, были еще и публичные экзамены, ежегодно производившіеся въ концѣ іюня. Такъ какъ на нихъ приглашали члены синода, высшіе свѣтскіе чиновники его и комиссіи духовныхъ училищъ, почетное духовенство и пр., то начальство академическое старалось все представить въ великолѣпномъ видѣ. Разумѣется, все и вездѣ, куда могли заглянуть посѣтители, чистилось, вымывалось, вытиралось; студентамъ приказывалось попринарядиться, попригладить свои волосы; въ столовой приготовлялось для нихъ *утѣшеніе велие*. Но что касается до учнаго значенія публичныхъ экзаменовъ, то они едва ли не были смѣшнѣе и нелѣпѣе даже полугодичныхъ. На нихъ назначалось или два дня, а больше одинъ день. Мы уже видѣли, что карикатура выходила изъ двухдневныхъ полугодичныхъ экзаменовъ. Теперь понятно, чѣмъ дѣлались однодневные публичные. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что члены синода, какъ представители церковной іерархіи, считали обязанностію побольше заняться догматическими и другими богословіями. Потому не обходилось безъ турнирныхъ представленій, т.-е. безъ возраженій, которыми хотѣли *попробовать, пошутить*, а иногда и *пожосковать* наставника, а также и себя показать. Результатомъ этого было то, что изъ остальныхъ предметовъ спрашивали не два, по три человѣка, даже по одному, а нѣкоторыхъ наставниковъ вовсе и не тревожили. За то въ концѣ концовъ слѣдовало вполнѣ удовлетворительное гастрономическое наслажденіе.

Митрополитъ Серафимъ, если былъ здоровъ, приглашалъ членовъ синода и оберъ-прокурора на обѣдъ къ себѣ. Затѣмъ прочіе посѣтители переименовывались уже въ гостей и вмѣстѣ съ наставниками отправлялись въ комнаты ректора, гдѣ былъ уже готовъ великолѣпный обѣдъ. Закусывали, выпивали, потопили, ѣли, поздравляли съ окончаніемъ трудовъ; иной удивлялся усидѣхамъ студентовъ; другой рѣшался на критику; общаго пре-

и разговора уже не могло быть; расуждали и обо всемъ, и о чемъ, спорили и пр. и пр.; ну, словомъ сказать, дѣлались, что бываетъ за большими обѣдами, когда за столомъ сидитъ человекъ до 50—60.

Нѣкоторые, а можетъ быть и многіе, прочитавши мои воспоминанія объ учебномъ, нравственномъ и экономическомъ соціалізмѣ петербургской духовной академіи, подумаютъ: не краивая же она была, не отдѣлялась даже и отъ семинарій *дисциплиной огромнаго размѣра*; да и академистовъ какъ будто рудненько отличать отъ бурсаковъ! Отсюда легко уже вывести заключеніе, что и общество, и церковь немного получали пользы отъ тогдашнихъ духовныхъ академій;—но это было бы слишкомъ произвольное заключеніе, и не во всемъ была виновна академія. Наконецъ, академія приносила и положительную пользу—относительно семинарій.

Еще въ семинаріяхъ выработывалось пагубное убѣжденіе, въ умѣ семинаристовъ на свѣтъ почти никого нѣтъ. Авторъ за границею книги: «Описаніе сельскаго духовенства», указалъ на этотъ недостатокъ: «Семинаристъ безъ претензіи—явленіе, едва ли виданное когда-нибудь. Самолюбіе самое жестокое, бессмысленное и, несмотря на то, обнаруживающееся въ самомъ рѣзко и угловато,—вотъ чѣмъ набить ученикъ семинаріи, особенно кончившій курсъ, съ головы до пятки» *). Основаніе для такого самолюбія, для такого высокаго мнѣнія о себѣ семинаристы брали изъ того понятія, которое имѣли они о богословіи, философіи и риторикѣ,—наукахъ, считавшихся въ семинаріяхъ главными. Наставники говорили, а семинаристы вѣрили, что богословіе открываетъ *естъ* доступные и даже недоступные человѣку тайны божества, философія разрѣшаетъ *естъ* вопросы относительно міра и человѣка, риторика разъясняетъ *естъ* формы, которыми выражаются мысли человѣческія. Какъ же человѣку, выучившемуся этимъ тремъ наукамъ и чрезъ нихъ ознакомившемуся съ божественнымъ и человѣческимъ, небеснымъ и земнымъ, горнимъ и преисподнимъ (а между тѣмъ незнающему порядочно даже ариметики) не подумать, что онъ умнѣйшая голова на свѣтѣ, особенно если въ списокъ своихъ товарищей записывается одно изъ первыхъ мѣстъ? Не даромъ же многіе изъ образованныхъ людей, обучавшихся въ духовной академіи,

* Это убѣжденіе вообще развивается легко и не въ однихъ семинаріяхъ, а вообще, въ предѣлахъ классическаго, господствующаго схоластика. — Ред.

сознаются, что они имѣли самое высокое понятіе о себѣ при ступленіи въ нее. Отъ этой самолюбивой мечты академическіе курсовъ вызывались лучшіе семинаристы почти всегда не менѣе, какъ изъ 20 семинарій. Итакъ, вотъ 20 первыхъ, 20 вторыхъ и пр. лучшихъ учениковъ. Кто изъ нихъ (детъ первымъ и, увы! послѣднимъ? Академическіе наставники съ перваго по крайней мѣрѣ раза, обращаются, конечно вѣжливо, но одинаково со всѣми и не оказываютъ никому особеннаго предпочтенія, даже не знаютъ и знать не хотятъ, изъ нихъ слушателей былъ первымъ, кто вторымъ и т. д. Какъ же ударъ для самолюбія, когда болѣе половины первыхъ, вторыхъ и пр. къ полугодичному экзамену оказываются во второмъ разрядѣ, а нѣкоторые, по неизбѣжному закону судьбы, послѣдними? Да и перворазрядные, и даже первые начинаютъ понимать, что они не Богъ-знаетъ какъ умнѣе второ-разрядными заляглись, позазѣвайся немного, и самъ явившись во второмъ разрядѣ; случалось, что занимавшій первое мѣсто въ теченіи двухъ лѣтъ не оканчивалъ курса магистромъ. По неволѣ приходило заглянуть въ себя; по неволѣ зарождалось сомнѣніе въ своей глубокой, всеобъемлющей учености.

Но на сомнѣніи не останавливались; скоро мало-по-малу зарождалось и полное убѣжденіе, что знанія, на основаніи которыхъ мы привыкли-было считать себя богословами, философами и ораторами, оказываются чѣмъ-то похожимъ на незнаніе мыльныхъ, такъ сказать, *научнымъ пузыремъ*. Слушая новую словесность, студенты къ великому своему удивленію убѣждались, что ихъ реторика не учила краснорѣчію, а только отъучила говорить по-человѣчески; что образцами для слога нужно брать сочиненія не Хераскова, Озерова, Ломоносова, Державина, даже митрополита Филарета, а Карамзина, Жуковского и особенно Пушкина. И относительно семинарской философіи узнавали, что она есть сборъ отжившихъ своей вѣкѣ схоластическихъ позицій, что появились уже новые взгляды на вселенную и человѣка, съ которыми ей нѣтъ возможности ужиться. Зарождались сомнѣнія и относительно богословскихъ положеній. Въ этомъ случаѣ, смѣшно сказать, что либерализмъ начинался съ сухарей, подобно тому, какъ у кавказскихъ горцевъ европейская образованность первоначально выказывалась питьемъ воды. Въ первые дни по пріѣздѣ новыхъ, старшіе студенты, угощая ихъ чаемъ, покупали скоромные сухари, хотя бы угощеніе происходило и въ постный день. Конечно, тутъ руководило угождавшимъ маленькое фонфаронство: — вотъ-де знай нашихъ; мы

зѣтъ не хотимъ постныхъ дней! Но новичокъ не догадывался объ этомъ, а бралъ сначала съ робостію сухарики, и убѣдившись, что они вкусны, не останавливаются въ горлѣ, перевариваются въ желудкѣ такъ же, какъ и въ скоромные дни, хвалясь за нихъ посмѣлке. Вскорѣ, а иногда и тутъ же узнавали, что не все, считавшееся въ семинаріи грѣхомъ, есть дѣйствительно грѣхъ, что и въ нѣкоторыхъ изъ «несомнѣнныхъ» истинъ можно безбоязненно и съ полнымъ правомъ поусомниться.

Все это въ людяхъ съ посредственными способностями, съ наклонностію къ рутинному настроенію, безъ стремленія къ отчетливому знанію, пошевелилось бы не надолго, и потомъ успокоилось бы; они повернули бы опять на прежнюю дорогу, даже получили бы окончательное отвращеніе къ наукѣ вообще, особенно если бы всѣ наставники были въ родѣ Смарагдовъ Брыжановскихъ, Венедиктовъ Григоровичей, Ивановъ Ивановъ и пр. Но въ академію поступало не мало даровитыхъ людей, съ горячими головами, которые давно уже инстинктивно понимали, что семинарскія, и богословіе, и философія, и вся вообще семинарская мудрость что-то неудовлетворительны и непитательны. Они, получивши даже легкій толчекъ, и сами проложили бы себѣ новую дорогу. Но ихъ расшевеливали и пораскалывали не одни земляки *сухарнымъ либерализмомъ*; сильное пособіе къ умственному своему развитію они получали отъ дѣльных наставниковъ, которые, какъ я уже говорилъ, были въ петербургской духовной академіи, хоть и въ небольшомъ количествѣ.

Наконецъ, въ большей части высшихъ учебныхъ заведеній есть особое, каждому изъ нихъ свойственное умственное и нравственное образованіе воспитанниковъ; — его называютъ *духомъ училища*. Оно развивается и изъясняется цѣлою исторіей заведенія, передается отъ одного курса къ другому подобно тому, какъ отличительныя фамиліныя черты нѣкоторыхъ семействъ переходятъ отъ предковъ къ потомкамъ, — пожалуй, почти также какъ инстинктуальныя наклонности животныхъ отъ одного поколѣнія къ другому. Духъ этотъ, какъ бы въ подражаніе раздѣленію такъ-называемыхъ безплотныхъ духовъ, бываетъ *добрымъ и злымъ*. Не касаясь послѣдняго, я скажу, что въ описываемое мною время въ петербургской духовной академіи господствовалъ и *добрый духъ*, который стремился къ философскому самомышленію, къ свободному пересмотру началъ знанія и вѣры, къ самостоятельности въ жизни. Можетъ быть, хоть и не вполнѣ, онъ получилъ свое начало въ первомъ еще курсѣ. Многіе изъ студентовъ, тогда пріѣхавшіе въ академію, были,

какъ я уже говорилъ, изъ учителей, изъ воспитанниковъ, кіевской, московской и александровской академій; они не позволяли трактовать себя, какъ мальчишекъ; да и первые два ректора не убивали ихъ самостоятельности. Кромѣ того, и въ научномъ отношеніи они дѣлали большой шагъ впередъ и могли хоть и не всѣ, считать себя образованными людьми по тогдашнему времени. Филаретъ Дроздовъ старался-было подавить этотъ духъ и студентовъ передѣлать въ нѣчто похожее на монастырскихъ послушниковъ; отъ этого второй, третій и отчасти четвертый выпуски были несравненно слабѣе перваго. Но духъ не былъ вполне задавленъ, онъ все-таки поддерживался Павскимъ, Себржинскимъ, Райковскимъ и другими наставниками; и потому при Григоріѣ Постниковѣ онъ опять пробудился и ожилъ, отъ чего студенты пятого и шестого выпусковъ оказались лучше студентовъ даже перваго. Наконецъ, при Борисовѣ и Красносельскомъ поокрѣпнута духъ философской любознательности, даже духъ довольно сильнаго стремленія къ религіозной и политической независимости. Пусть обучавшіеся въ то время въ академіи припомнятъ тѣ горячіе и оживленные споры о философскихъ, богословскихъ и пр. предметахъ, которые тогда происходили у студентовъ и между собою въ комнатахъ, и съ наставниками въ классахъ. Развѣ не случалось, что лекція прерывалась надолго, споры продолжались по получасу и по часу, въ нихъ принимали участіе человѣкъ пять и даже десять? Отъ запальчивости, отъ горячности антогонистовъ истина тутъ не всегда выплывала наружу, но самая эта запальчивость и горячность показывали, что она слишкомъ интересовала спорившихъ. Что касается до высказывавшихся мыслей, то всѣхъ ихъ и теперь нельзя было бы напечатать *по независимымъ отъ автора обстоятельствамъ*. Далѣе, сколько было студентовъ, которые, не зная нѣмецкаго языка, выучивались ему въ годъ, полгода и даже въ меньшій срокъ, съ тѣмъ только, чтобы поскорѣе читать книги нѣмецкія? Къ любимымъ предметамъ принадлежали философія и богословіе, особенно въ раціоналистическомъ тонѣ. Развѣ мало было тружениковъ, которые, такъ сказать, копѣли надъ сочиненіями Канта, Шеллинга, Гербарта, Шада, Круга, Вегшейдера, Брейтшнейдера, Розенмюллера, Деветте, Маренке и пр. и пр.? Студенты любили также заниматься и словесностію; сами на свои деньги, какъ я уже сказалъ, выписывали тогдашніе журналы; критическія и ученныя статьи «Московского Телеграфа» съ жадностію ими прочитывались. Не смотря на то, что издатель «Телескопа» былъ изъ духовнаго званія, его журналы ставили ниже «Телеграфа». Романы Вальтеръ-Скотта и Купера и

особенно Загоскина чуть ли не всѣхъ интересовали. Въ подтвержденіе этого ссылаюсь на студентовъ X-го выпуска. Пусть примыслятъ, какъ они въ самый разгаръ холеры 1831 года въ числѣ 30—40 человекъ, собравшись въ одну комнату, цѣлую ночь просидѣли, слушая Рославлева, — второй романъ Загоскина, описывавшій событія 1812 года. Академисты не чуждались даже и политики, и въ этомъ отношеніи едва-ли не были выше студентовъ, по крайней мѣрѣ, петербургскаго университета. Въ самомъ дѣлѣ, Панаевъ, — студентъ его, въ своихъ запискахъ пишетъ, что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго «понятія о значеніи политическихъ движеній. Июльская революція не произвела на него ни малѣйшаго впечатлѣнія» и пр.? Къ современнымъ ему студентамъ петербургской духовной академіи подобный отзывъ неприменимъ.

Такимъ образомъ, въ студентахъ петербургской академіи могло бы быть много зачатковъ и задатковъ для хорошаго умственнаго образованія, для того чтобы изъ нихъ вышли полезные дѣтели и въ литературѣ, и въ обществѣ. Но такое заключеніе на самомъ дѣлѣ не очень сильно подтверждается. Пересматривая списки студентовъ, принадлежавшихъ къ описываемому времени, встрѣчаешь слишкомъ мало людей, которые бы успѣли, если не прославить себя, то хоть пріобрѣсти извѣстность своими учеными и литературными трудами. То же самое можно сказать и о другихъ родахъ общественной дѣятельности; хорошіе зачатки не много принесли хорошихъ плодовъ. Отъ чего же это произошло?

Школа, даже университетская, не дѣлаетъ еще своихъ питомцевъ вполне готовыми, общественными дѣтелями, литераторами, учеными и пр.; она только подготавливаетъ ихъ къ тому; затѣмъ каждый изъ нихъ долженъ позаботиться объ окончательномъ своемъ образованіи, — *довоспитать* себя. Если среда, въ которую попадетъ воспитанникъ по окончаніи курса хотя въ самомъ высшемъ учебномъ заведеніи, будетъ благопріятствовать его дальнѣйшему умственному и нравственному развитію, то дѣло пойдетъ хорошо; въ противномъ случаѣ, все, что ни запало въ душу воспитанника во время его школьной жизни, закроется, заглушится, или по крайней мѣрѣ остановится въ развитіи своемъ; развѣ только сильныя, даровитыя натуры съумѣютъ уберечь себя отъ подобной смерти.

Къ несчастію студентовъ петербургской духовной академіи, неблагопріятныя для ихъ умственнаго развитія обстоятельства начинались еще въ самой академіи. Въ низшемъ отдѣленіи студенты гораздо больше занимались своимъ дѣломъ, нежели въ

вышемъ. На это была не одна причина. Наставники въ низшемъ отдѣленіи почти всѣ были или священники, или свѣтскіе; если не всѣ они, то многіе изъ нихъ, живя, такъ сказать, одною своею наукой, смотрѣли на занятія ея очень серьезно, и даже пристращивались къ ней, и потому преподавали ее удовлетворительно. Самыя науки въ этомъ отдѣленіи очень сильно интересовали молодой умъ, предоставляя ему самостоятельно развиваться. Наконецъ, въ студентахъ не успѣвала еще остынуть та горячность, съ которою они вѣхали въ академію, въ надеждѣ получить разрѣшеніе на вопросы, затрогивавшіе ихъ любознательность.

Въ высшемъ отдѣленіи многое измѣнялось; тутъ уже преобладала наука чисто богословская. «Богословская же наука—выразимся словами бывшаго рязанскаго архіепископа Иринарія (о преподаваніи богословія въ университетахъ, стр. 37),—основанная на божественномъ откровеніи, не требуетъ никакихъ измѣненій, улучшеній и усовершенствованій, также какъ и самое откровеніе. Кто ее преподавалъ два-три года, тотъ послѣ можетъ быть преподавателемъ ея почти безъ всякаго приготовленія и излагать ее весьма легко со всею подробностію». Замѣтьте, что такъ говоритъ архіепископъ въ официальномъ своемъ отзывѣ министерству народнаго просвѣщенія. Можетъ быть, это и нужно для устойчивости богословія, но нельзя не сознаться, что при такомъ взглядѣ на нее богословскія лекціи уже не интересуютъ молодого человѣка, который притомъ еще прежде ознакомился съ ними въ семинаріи. Повторять и слушать только то, что уже давно извѣстно, не смѣть и думать о чемъ-либо новомъ подъ опасеніемъ быть уличеннымъ въ ересь, все новое вставлять такъ или иначе въ извѣстныя рамки, одинъ разъ навсегда устроенныя, — такая умственная дѣятельность неувлекательна, скоро прискучиваетъ. Только люди, подобные Иннокентію Борисову, могутъ заинтересовать богословскими лекціями, — но и тутъ нужно беречься обвиненія въ ереси, вольнодумствѣ и пр. Къ этому прибавить нужно, что наставниками по богословскимъ предметамъ въ академіи въ то время были почти исключительно монашествующіе. А выше уже было сказано, какъ мало они имѣли поводовъ быть исправными и дѣтельными преподавателями.

Послѣ этого понятно, какое вліяніе долженъ былъ имѣть на студентовъ ихъ переходъ въ высшее отдѣленіе. Можетъ быть, и въ низшемъ отдѣленіи они уже почувствовали недостаточность академическаго образованія, невозможность при помощи его удовлетворить своей любознательности. Но теперь имъ начина-

тять тоже самое, что они уже слышали въ семинаріяхъ, почти тѣми же словами, по той же методѣ, со внушеніемъ, нуть разсуждать нечего.

ного было и другихъ обстоятельствъ, останавливавшихъ енное развитіе студентовъ высшаго отдѣленія.

По окончаніи академическаго курса студенты наибольшую попадали въ такую среду, гдѣ умственное развитіе стаетъ еще болѣе сильныя препятствія, и гдѣ можно было нуть свою общественную дѣятельность въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Лучшіе студенты, какъ я уже говорилъ, остаются при академіи бакалаврами. Здѣсь самая должность, личнаго самолюбіе и даже личныя выгоды заставляли заниматься юю. Нѣкоторые изъ этого сорта академистовъ вышли, если учеными, то по крайней мѣрѣ хорошими преподавателями. Большая часть бакалавровъ, ознакомившись съ неблагоустроенностью академической службою, спѣшили поскорѣе пристроить себя, помощи невѣсть, на священническія мѣста въ Петербургѣ. которые попадали въ законоучители учебныхъ заведеній, не имая своихъ ученыхъ занятій и даже приобрѣтали извѣстность своими печатными сочиненіями. Поступившіе въ священническія приходскихъ церквей съ большимъ трудомъ уже могли заниматься ученостію. Мелочныя заботы по исправленію требъ, необходимость бывать въ разныхъ мѣстахъ, расширяющійся кругъ и болѣе отъ этого кругъ знакомства, невозможность часто долгое время сосредоточивать свое вниманіе на какомъ-то одномъ ученomъ трудѣ и множество другихъ обстоятельствъ дѣлаютъ то, что только немногіе изъ священниковъ приходскихъ петербургскихъ церквей имѣли и имѣютъ время и охоту заниматься наукою. Хотя они и называются «духовными» людьми, житейскія заботы сильно влекутъ ихъ къ матеріальнымъ интересамъ.

Наибольшая часть академистовъ поступали въ наставники семинаріямъ. Здѣсь скудное жалованье, почти отсутствіе чести бы то ни было наградъ и поощреній, безнадежность въ будущемъ, ничтожное значеніе въ самомъ заведеніи, угнетеніе вниманіемъ со стороны ближайшей, недоступность болѣе высокой власти пробуждали апатію не только къ наукѣ, а даже къ жизни; а если бы и оставалось какое-либо еще стремленіе къ наукѣ, то ему трудно было удовлетворить за невозможностію имѣть какія-либо ученныя пособія. Тутъ еще болѣе, нежели въ семинаріяхъ, старались пристроиться гдѣ-либо священникомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ оставаться наставникомъ. При этомъ условіи являлась необходимость не столько заниматься наукою, сколько

раболѣнствовать предъ властями, которыми слишкомъ легко бы устранить изъ семинаріи тѣхъ, кто имъ не нравился; здѣ служба часто обращалась въ *прислуживаніе*; а наукѣ съ лавствомъ мудрено уживаться.

Наконецъ, иные тотчасъ послѣ окончанія академическаго курса, или послуживши немного наставниками въ академіи или семинаріи, переходили на гражданскую службу. Неподготовленность въ ней, недостатокъ протекціи, неумѣнье держать себя съ свѣтскою ловкостію болѣе или менѣе затрудняли дорогу къ высшимъ должностямъ. Можетъ быть иной и мечталъ быть Сперанскимъ, но приходилось умирать совѣтникомъ въ какой-либо палатѣ, даже секретаремъ въ консисторіи; завидовали тому, кто дѣлался начальникомъ отдѣленія, вице-директоромъ, и рѣдкій, рѣдкій дослуживался до званія директора департамента и т. п. Такимъ образомъ, приходилось быть извѣстнымъ почти только въ одномъ своемъ *муравейникѣ*.

Итакъ, какія же благотворныя послѣдствія оставила въ обществѣ, или по крайней мѣрѣ въ духовенствѣ петербургская духовная академія описываемаго мною времени? Никакого, надобно было бы отвѣчать, если принять за правило, что о вліяніи всякаго учебнаго заведенія надобно судить единственно потому, вышли ли изъ него такія лица, которыя приобрѣли историческое значеніе и отъ которыхъ видимымъ образомъ произошла та или другая реформа, то или другое, какъ говорятъ, капитальное событіе въ обществѣ. Но вліяніе, о которомъ идетъ рѣчь, можетъ быть дѣйствительно произведено не однимъ, но многими, и притомъ такъ, что нѣтъ возможности указать на выдающіяся изъ нихъ личности, которымъ бы исключительно, или преимущественно можно было приписать реформу или событіе. Напримѣръ. Послѣ австро-прусской войны 1866 года вездѣ стали говорить, что въ ней побѣду одержалъ надъ австрійцами «школьный прусскій учитель», т. е. учитель народныхъ прусскихъ школъ. Но можно ли указать на кого либо изъ множества этихъ учителей, который бы особенно способствовалъ побѣдамъ 1866 г.? Получилъ ли хоть одинъ изъ нихъ извѣстность историческую, особенно съ разсматриваемой нами стороны? Имѣютъ ли право прусскіе учителя шестидесятихъ годовъ сказать, что они одни, а не ихъ предшественники заслуживаютъ благодарность своего отечества? Разумѣется, что на всѣ эти вопросы приходится отвѣчать: нѣтъ; а между тѣмъ учителя народныхъ прусскихъ школъ одержали побѣду надъ австрійцами, только учителя не однихъ шестидесятихъ, или пятидесятихъ годовъ, а всего времени, начиная съ 1807 года. Можетъ быть,

что учителя первой половины этихъ годовъ, напр. до 1830 и даже 1840 г. заслуживаютъ даже болѣе похвалы, нежели ихъ преемники; послѣдніе шли по пробитой дорожкѣ, а тѣмъ надобно было прокладывать ее и по временамъ бороться съ появившеюся въ обществѣ реакціей.

Дѣлая такое сравненіе, я вовсе не хочу утверждать, что пetersбургская духовная академія имѣла такое же вліяніе на Россію, какое народныя школы имѣли на Пруссію; я выбралъ прѣмѣръ для того только, чтобы удобнѣе объяснить свою мысль. Идеи, какъ говорятъ, не умираютъ; ихъ можно придавливать, на время пріостанавливать, даже искажать, но онѣ все-таки распространяются, и если не всегда являются въ надлежащей, такъ сказать, своей формѣ, то по крайней мѣрѣ обнаруживаютъ свое вліяніе по послѣдствіямъ, которыя отъ нихъ проистекаютъ. Въ описываемое мною время много было въ пetersбургской духовной академіи высказано новыхъ, неслыханныхъ дотошъ философскихъ, богословскихъ и др. идей, шедшихъ въ разрѣзъ съ господствовавшими тогда мыслями. А студенты изъ переданныхъ имъ идей вывели, при помощи логической послѣдовательности, еще большее количество умозаключеній. Потому разсудокъ ихъ, сбросивши съ себя оковы въ теоретическихъ истинахъ, сталъ съѣзъ смотрѣть и на практическую жизнь, увидѣлъ и осмыслился обсуждать множество злоупотребленій, недостатковъ и безпорядковъ въ духовной и духовно-училищной администраціи. Идеи и результаты, въ которыхъ студенты неизбѣжно доходили, не всегда можно было высказывать всѣмъ своимъ слушателямъ прямо, откровенно. Но никто не могъ попрепятствовать разсужденіямъ въ кругу близкихъ людей, которые *«не выносятъ сора изъ избы»*, или высказывать только факты и явленія, на которыхъ основывается та или другая идея, а окончательный выводъ ея предоставлять догадливости слушателей. Если же и это оказывалось неудобнымъ и опаснымъ, то можно было молодымъ людямъ указывать настоящую дорогу къ пріобрѣтенію основательныхъ свѣдѣній, т. е. пріучить ихъ составлять правильныя сужденія и умозаключенія при помощи математическаго анализа, опытовъ и наблюденій, такъ-называемымъ индуктивнымъ методомъ.

Оставшіеся при академіи наставники едва ли не энергичнѣе другихъ своихъ товарищей могли дѣйствовать и дѣйствовали. Несмотря на гнетъ, подъ которымъ имъ приходилось жить въ тридцатыхъ, сороковыхъ и даже въ первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ, сѣмена, посеянные Борисовымъ, Красносельскимъ, Делекторскимъ, Павскимъ и пр., не погибли, а давали отростки; духъ пыливости, критицизма и любознательности

былъ истребляемъ, но не истреблялся въ академіи, а недовольство господствовавшими въ духовно-учебномъ и духовномъ въ домствѣхъ безпорядками и злоупотребленіями едва ли не увеличивалось. Авторитеты прежніе падали; въ этомъ случаѣ всего лучше указать на Филарета Дроздова. Его библейскую исторію, его записки на книгу бытія, его проповѣди перестали считаться въ академіи образцовыми; надъ ними, особенно надъ ихъ слогами, беспощадно смѣялись; сами монашествующіе, наконецъ, и въ статьяхъ, печатаемыхъ въ «Христіанскомъ Читеніи», и въ отдѣльных сочиненіяхъ, даже въ проповѣдяхъ, уже не подражали Дроздову.

Скажемъ нѣсколько словъ и о тѣхъ тогдашнихъ студентахъ, которые поступали священниками въ Петербургѣ. Конечно, не всѣ они принадлежали къ партіи духовнаго прогресса; иные оказывались порядочными даже ретроградами; но по крайней мѣрѣ большая часть ихъ не была почитателями тѣхъ лицъ, которые старались тогда парализировать умственное движеніе въ духовномъ званіи; нѣкоторые же изъ нихъ держались идей Борисова, Красносельскаго и Павскаго и пр. Но почти всѣ съ неудовольствіемъ переносили тотъ іерархическій, и особенно педагогико-монашескій гнетъ, который тяготѣлъ тогда надъ духовенствомъ. Наконецъ, и отъ тѣхъ студентовъ, которые посылались наставниками въ семинаріи, много, очень много такъ или иначе распространено новыхъ идей богословскихъ, философскихъ и пр., много мыслей относительно неудовлетворительнаго положенія духовныхъ училищъ.

Гдѣ же доказательства того вліянія, которое я приписываю петербургской духовной академіи извѣстнаго періода? Гдѣ тѣ *австрійцы*, которыхъ ей удалось побѣдить? У насъ до сихъ поръ лица такъ щекотливы, что я ихъ не стану трогать; они готовы вступаться даже за *австрійскія идеи*. Лучше укажу на реформы, произведенныя въ послѣднее время въ духовныхъ училищахъ и духовенствѣ. Несправедливая привилегія ученаго монашества занимать всѣ начальническія должности въ семинаріяхъ и отчасти въ академіяхъ—отмѣнена. Вотъ уже какъ нѣсколько лѣтъ вновь опредѣляемые ректоры почти всѣ принадлежатъ къ бѣлому духовенству, а инспекторы—и къ мірянамъ; даже въ трехъ академіяхъ инспекторствуютъ тоже свѣтскіе профессора. Ректоры и инспекторы семинарій только утверждаются синодомъ, а первоначальное избраніе ихъ зависитъ отъ собранія всѣхъ наставниковъ ея. Бѣлому духовенству предоставлено право участвовать въ управленіи духовно-учебными заведеніями епархій; депутаты его избираютъ смотрителей низшихъ училищъ,

Ихъ не только хозяйственное, но и учебное управленіе же избираютъ въ училищныя и семинарскія правленія, которые, не говорю уже объ административномъ, имѣютъ право слѣдить въ классѣ за преподаваніемъ наставниками. Автократизмъ ректоровъ устраненъ; большинство членовъ распорядительнаго и особенно педагогическаго комитета состоитъ изъ депутатовъ отъ духовенства и отъ наставниковъ. Содержаніе казеннокоштныхъ учениковъ такъ улучшилось, что, можетъ быть, недалеко то время, когда о бурсахъ можно судить будетъ только по преданію. Раздѣленіе преподаваемыхъ предметовъ на главные и второстепенные—уничтожено; окончанія курса въ семинаріи нынѣ нужно ученику знаніе математики точно также, какъ и знаніе богословія. Духовныя академіи получили коренное преобразование; организація ихъ теперь одинакова съ организаціей университетовъ; жаль только, что ректоръ назначается не по избранію академическаго общества, а порядкомъ административнымъ. Реформы коснулись и всего блага духовенства; вспомните новые штаты церквей, новый составъ причта, уничтоженіе духовнаго званія, какъ отъ одной касты, отиѣну передачи мѣстъ по наслѣдству и чрезъ мѣсть и пр. и пр. Перечислять всѣ реформы по духовному управленію и его училищамъ, было бы очень продолжительно, сколько еще вновь ихъ готовится? Не говорю о томъ, чтобы всѣ новыя реформы были вполне удовлетворительны. Къ большому еще сожалѣнію ихъ стараются передѣлать на старый манеръ сильныя авторитеты, *консерваторы старинныхъ безпорядковъ*. Въ семинаріяхъ злоупотребленія отчасти предотвращаются ревизорами духовно-учебнаго комитета; въ епархіальномъ же управленіи еще въ ходу: «Sic volo, sic jubeo, sit pro ratione voluntas»! За всѣмъ тѣмъ, такъ много уже сдѣлано, такъ много готовится, что чрезъ нѣсколько лѣтъ при благоприятныхъ, разумѣется, обстоятельствахъ, духовенство наше должно было преобразоваться къ лучшему...

И все же не лишнее вспомнить недавно прошедшее, такъ какъ нельзя утверждать, чтобы не было совсѣмъ путей къ возвращенію, по крайней мѣрѣ въ отдѣльныхъ, частныхъ случаяхъ, къ тому «корабли совсѣмъ сожжены».

Р. С.

ЧУМАКЪ

ВЪ

НАРОДНЫХЪ ПѢСНЯХЪ

Этнографическій очеркъ.

«Языкъ, законодательство, кодексъ нравственныхъ правилъ—все это отвлеченности; полное же знаніе доставляетъ изученіе народа дѣйствующаго, тѣлеснаго, видимаго, который ѣсть, ходитъ, борется, работаетъ».

Т е м а: Histoire de la littérature anglaise.

О высокомъ достоинствѣ народныхъ южнорусскихъ пѣсень между любителями и знатоками народной поэзіи установилось чрезвычайно выгодное мнѣніе. Можетъ быть этому и обязаны южнорусскія пѣсни своимъ распространеніемъ болѣе чѣмъ въ десяти сборникахъ¹⁾. Но пѣсни эти до настоящаго времени

¹⁾ Вотъ главнѣйшіе изъ нихъ:

1. Малороссійскія и червопорусскія народныя думы и пѣсни. (Сборникъ г. Лукашевича) Спб. 1836 г.
2. Украинскія народныя пѣсни, изд. М. А. Максимовичемъ. М. 1827.
3. Украинскія народныя пѣсни, его же. М. 1834.
4. Сборникъ украинскихъ пѣсень, его же. Кіевъ. 1849.
5. Народныя южнорусскія пѣсни, изд. А. Л. Метлинскимъ. Кіевъ. 1854.
6. Ужиновъ рідного поля, вистачений працею. М. Г. Москва 1857.

ты и остаются по большей части безъ изслѣдованія. Правда, было нѣсколько попытокъ въ изученію южнорусской поэзіи; но при этомъ лица, обращавшія свое вниманіе на пѣсни украинскія, занимались: или критически-художественною оцѣнкою этихъ произведеній, руководясь личнымъ эстетическимъ вкусомъ¹⁾; или филологическимъ ихъ достоинствомъ и сближеніями съ доисторическими памятниками индоевропейскаго эпоса — мифическою и лексическою ихъ стороною²⁾; или, наконецъ, ихъ высокимъ историческимъ значеніемъ³⁾. Такимъ образомъ, занимались гораздо больше произведеніями народа, чѣмъ самимъ народомъ, изобразившимъ въ творествѣ своего духа — пѣсняхъ и сказаніяхъ — свой бытъ, свои типическія личности, выработанныя процессомъ многовѣковой исторической жизни.

Первымъ, и давно обратившимъ вниманіе на характеристику народа по произведеніямъ украинскихъ народныхъ типовъ, былъ Н. И. Костомаровъ въ своемъ разсужденіи: «Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи». Едва ли не единственнымъ въ этомъ отношеніи послѣдователемъ г. Костомарова явился г. Боровиковскій съ небольшимъ, но живымъ и прекрасно исполненнымъ этнографическимъ этюдомъ: «Женская доля по малороссійскимъ пѣснямъ⁴⁾». Хотя г. Боровиковскій въ предисловіи къ своему очерку скромно замѣчаетъ, что онъ желалъ только «дать хоть приблизительное понятіе о томъ, какое богатство поэзіи въ украинскихъ пѣсняхъ»; но онъ даетъ гораздо больше обѣщаннаго: очеркъ его представляетъ весьма удачную характеристику жизни малороссіянки въ различныхъ ея положеніяхъ: дѣвушки, жены, матери.

Вотъ все, что, сколько намъ извѣстно, сдѣлано южнорус-

7. Народныя пѣсни, собранныя въ западной части Волыни. Н. И. Костомаровъ. (Малорусскій литературный сборникъ, изд. Д. Мордовцевымъ). Саратовъ. 1859.

8. Избранныя малороссійскія и галицкія пѣсни и думи. Н. Закревскій. Старосѣтскій бандуриста, кн. 1-я. М. 1860.

9. Пісні про кохання. Видавъ Д. Лавренко. Кієвъ. 1864.

10. Pieśni ludu ruskiego w Galicyi, Wacława z Oleska. Lwów. 1833.

11. Pieśni ludu ruskiego w Galicyi, zebrał Żegota Pauli. 2 t. Lwów. 1839—1840.

Кромѣ того, я еще пользовался пѣснями и разсказами чумаковъ, собранными мною въ разныхъ мѣстахъ, преимущественно Полтавской губерніи, а также матеріалами, обязательно сообщенными мнѣ С. Л. Метлинскимъ и И. П. Новицкимъ.

¹⁾ Венелантъ, Бодявскій.

²⁾ Буслаевъ.

³⁾ Максимовичъ, Костомаровъ.

⁴⁾ Чтенія въ Императ. обществѣ исторіи и древностей. 1867 г., кн. 4-я.

скою этнографіею для характеристики народныхъ типовъ народной поэзіи.

Не претендуя на всестороннее изслѣдованіе народнаго быта, мы также въ своемъ этнографическомъ очеркѣ намѣре ограничиться однимъ изъ начинающихъ исчезать украински типовъ — *чумаковъ*. Стараясь, по возможности полно, представить этотъ оригинальный и самобытный типъ во всѣхъ полженіяхъ жизни, съ картиною его быта, правовъ, обычаевъ, обрядовъ, мы старались характеризовать его преимущественно подлинными словами самыхъ пѣсень. Даже и чисто-внѣшнюю сторону чумацкой жизни и ея обстановки мы изображали тѣмъ же способомъ, съ цѣлю, во-первыхъ, показать — насколько сильна въ нихъ описательная (художественная) сторона; а во вторыхъ, всякая характеристика удачнѣе всего можетъ быть сдѣлана на языкѣ лица характеризуемаго. Относительно народныхъ типовъ, а особенно украинскихъ, такой пріемъ болѣе необходимъ, чѣмъ гдѣ-либо: подлинныя слова пѣсни часто сами скажутъ то, чего не выразятъ цѣлыя изслѣдованія и разсужденія.

I.

Происхожденіе чумачества.

Чумаками, какъ извѣстно, называются малороссіане, отправляющіеся на волахъ въ Крымъ за солью или къ морямъ Черному и Азовскому за рыбою, откуда они развозятъ соль и рыбу по безчисленнымъ украинскимъ ярмаркамъ.

Откуда и когда произошло чумачество? подъ вліяніемъ какихъ именно внутреннихъ и внѣшнихъ причинъ оно привилось въ Южной Руси и сдѣлалось любимымъ промысломъ южнорусовъ? наконецъ, какъ этотъ промыселъ вліялъ на выработку типической личности чумака?

Основываясь на томъ, что потребность въ соли, рыбѣ и другихъ продуктахъ существовала для Южной Руси и была удовлетворяема, конечно, съ самаго ранняго времени исторической жизни южнорусовъ, — торговля съ Византіею и вообще югомъ нынѣшней Россіи велась издревле, — а, наконецъ, черезъ Южную Русь пролегалъ извѣстный торговый путь «въ греки», а также *соляной* (подъ 1169 г.) — можно бы отнести происхожденіе чумачества къ довольно давнему прошлому. Но для подтвержденія этого мы не имѣемъ никакихъ прямыхъ историческихъ данныхъ, а потому и не станемъ вдаваться въ слишкомъ

старину и по догадкамъ строить гипотезы о древности чумака. Мнѣнія же знатоковъ Южной Россіи и ея прошлыхъ судебъ, относительно образованія чумачества, расходятся сильно. Такъ, Н. И. Костомаровъ, въ сочиненіи «Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи», говоря о казакѣ, какъ «образцѣ народнаго малороссійскаго характера», замѣчаетъ, что когда, наконецъ, козаки сошлись съ исторической землей, на которой онъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ народной жизни южноруссовъ, то «черты его перешли въ другія классы народа». Такимъ образомъ, «отраженіемъ угасшаго рыцарства явился въ Малороссіи чумакъ», какъ бы вызванный условиями переходнаго состоянія отъ война къ земледѣльцу. Прежде, чѣмъ козаки обратились въ поселянина, говоритъ г. Костомаровъ, онъ сталъ чумакомъ и бурлакомъ: оставивши козаковать, малороссіане принялись «чумаковать». А г. Мачушичъ утверждаетъ, что «чумачество издавна было важнѣйшимъ промысломъ козаковъ».

По нашему мнѣнію, чумачество едва ли можетъ быть названо «отраженіемъ угасшаго рыцарства»; напротивъ, это — самостоятельный типъ южноруссовъ, существовавшій и во времена козачества, — и подтвержденіе тому можно найти въ народной поэзіи и въ историческихъ актахъ. — Дѣйствительно, козаки, его духъ и характеръ были образцемъ, идеаломъ малороссіанина, — идеаломъ, осуществить который было желаніемъ каждого. И вслѣдствіе, конечно, болѣе или менѣе осуществлялъ этотъ идеалъ. Поэтому-то характеристическія черты козака, какъ идеала, присущи каждому малороссіанину, будь онъ чумакомъ, бурлакомъ или просто хлѣборобомъ. Да иначе и быть не могло. Народъ не можетъ составить себѣ идеала, какъ отвлеченную идею: онъ въ идеалѣ осуществляетъ только лучшія черты своего собственнаго міровоззрѣнія, своего быта и характера. Поэтому, «дівчина», жасая своего «милого» вечеромъ «надъ криницею», (у источника), называетъ его «казаченькомъ» — хотя этотъ казаченько только что возвратился отъ плуга. Чумакъ тоже именуется «казаченькомъ». Описывая красоту чумака, малороссіанинъ говоритъ: «Ой чумаче, чумаче, въ тебе личко козаچه!» — Во времена бурной, воинственной жизни Малороссіи, рядомъ съ козакомъ — идеаломъ малороссіанина — существовали какъ чумаки, такъ бурлаки, и «селяне — хлѣбороби», которые, когда бывало нужно, мѣняли свои волю, возы, плуги, косы на «бистріі коні», на «гостріі списи», на «шаблі-сестриці» и на «сестриці-ладівниці» — и становились козаками. Часто случалось, что одинъ и тотъ же человѣкъ въ теченіи своей жизни прохо-

диль всѣ три положенія: былъ бурлакомъ, козакомъ и чумакомъ.
Въ пѣсни поется:

Ой хвортуна, хвортунина (фортуна!)
Послужи намъ, якъ служила:
Служила въ бурлавстві,
Служила въ козастві —
Послужи ще й у чумастві!

Историческіе памятники также служатъ подтвержденіемъ нашего мнѣнія. Когда Потоцкій, 1-го декабря 1637-го года, при былъ въ гор. Богуславъ, то нашель рынокъ, загроможденный *чумацькими мажами* (возами) съ солью ¹⁾. Въ актахъ, изданныхъ Археографическою комиссією, помѣщенъ листъ гетмана Мазепи полковнику Новицкому (16 іюля 1690 г.) ²⁾, гдѣ между прочимъ, говорится.. «свѣжо намъ дойшла вѣдомость певная отъ *чумаковъ Полтавськихъ*, которые безъ вѣдома нашего самовольнѣ будучи на Запорожью, а оттоль заѣхавши и въ Крымъ, *для своего торговаго дѣла*»... etc... Значить, уже въ то время чумачество было развито, а объ угасаніи козачества тогда никто еще и не думалъ. Къ тому же, если принять во вниманіе, что для образованія типа потребны не одинъ и не два десятка лѣтъ, то окажется, что чумачество существовало не только раньше 1637 года, не только совмѣстно съ козачествомъ, но и до образованія его.

Этого именно мнѣнія держится другой знатокъ Малороссіи и ея исторіи П. А. Кулишъ. Онъ, какъ и г. Максимовичъ, утверждаетъ, что «чумацкій промыселъ былъ нераздѣльной частію казачества»; а о происхожденіи чумачества замѣчаетъ: «Прежде, чѣмъ козаки сдѣлались извѣстны всему міру своими наѣздами, въ актахъ уже шло дѣло объ ихъ чумацествѣ и о ссорахъ съ мѣщанами по торговымъ дѣламъ ³⁾». Впрочемъ и самъ г. Костомаровъ въ позднѣйшемъ своемъ трудѣ приводитъ фактъ, подтверждающій это. Во введеніи къ послѣднему изданію Богдана Хмѣльницкаго онъ указываетъ грамоту 1499-го года, гдѣ говорится о козакахъ, которые плавали внизъ по Днѣпру за рыбою и привозили ее въ Кіевъ на продажу ⁴⁾. Чтѣ это за козаки? неизвѣстно. Но, судя по занятію, нельзя не видѣть въ нихъ быть можетъ родоначальниковъ чумацкихъ. Акты конца

¹⁾ Черниговскій листокъ. 1863 г., № 9. «Отрывокъ изъ исторіи борьбы Паны съ козаками—Битва подъ Кумейками». П. А. Кулиша.

²⁾ Ист. акты, изд. Археогр. Ком., т. 5, № 208.

³⁾ Черниговскій листокъ, 1863 г., № 9. «Битва подъ Кумейками».

⁴⁾ Богданъ Хмѣльницкій. 1870 г., т. I, XX.

XV-го и начала XVI-го вѣка показываютъ, что многіе украинцы, говоритъ г. Костомаровъ далѣе, «имѣли обычай отправляться весною къ порогамъ и за пороги ловить тамъ рыбу и звѣрей, а осенью возвращались въ Украину и въ украинскихъ городахъ продавали свѣжую и просольную рыбу и звѣриныя шкуры ¹⁾».

Такимъ образомъ, чумачество, если не по имени, то de facto, существовало раньше казаччины, съ ея гетманами, ея бурною исторіею. Никакіе акты конечно не укажутъ года, когда въ первый разъ двинулась изъ Украины въ дорогу первая чумацкая «вадка» (обозъ изъ 30 или 40 возовъ). Но можно предположить, что чумачество въ томъ видѣ, какимъ мы его встрѣчаемъ въ народной поэзіи, т.-е. какъ отдѣльный типъ чумака, — возникло въ XV-мъ или началѣ XVI-го вѣка. Образовалось оно подъ вліяніемъ эконоимическихъ причинъ — промысловъ и торговли, и если приняло отчасти военную организацію, сходную съ козацкою, то благодаря тому, что: во-1-хъ, промысловъ этимъ занимались и сами первые казаки, а во-2-хъ — этого требовали тогдашнія условія пустынного края, черезъ который пролегалъ путь въ Крымъ и къ южнымъ морямъ. Възда по этому пути въ тѣ времена была далеко не безопасна. Никто безъ оружія не могъ пуститься въ дорогу, на которой поджидали добычи шайки грабителей, жившихъ «по пущахъ и пѣтрахъ Дніпровихъ» грабежемъ и разбоями, или же дикія орды татаръ. Только съ образованіемъ войска Запорожскаго было гдѣ пріютиться ѣдущему по этой безлюдной пустыни. И дѣйствительно запорожскіе «зімовники» служили пристанищемъ для чумаковъ. Въ пѣсняхъ говорится:

Гей, дотягайте, славні чумаченьки,
До Великаго Лугу! ²⁾

Чумаки иногда даже проводили зиму на Запорожьѣ:

Ой которні та й поспішали,
То ті въ Лузі зімували;
А которні та й не поспішали,
То ті въ степу пропадали!

Вообще, Запорожье должно было играть очень важную роль въ образованіи и развитіи чумачества, такъ какъ оно въ XVI-мъ, XVII-мъ и XVIII-мъ ст. служило посредникомъ въ торговлѣ

¹⁾ Ibidem. XXIII.

²⁾ Великимъ Лугомъ назывался большой низменный островъ, облитый водою р. Днѣпра и р. Конской. По преданію, островъ этотъ былъ керемію гнѣдомъ запорожцевъ.

между Украиною, Литвою и Польшею съ одной, и Крымомъ — съ другой стороны. Кромѣ того, запорожцы въ значительно степени занимались и сами солянымъ, а особенно рыбнымъ промысломъ. Они, по словамъ Поноччи, королевскаго секретаря временъ Хмельницкаго, возили вяленую и соленую рыбу «мѣжами» даже во Львовъ, продавали тамъ ее вмѣстѣ съ волами а сами возвращались домой на одноволеѣ. Торговля пшеномъ была также въ большомъ ходу: его доставляли къ рѣкамъ, текущимъ въ Вислу.

Изъ этихъ-то торговцевъ-извозчиковъ и сложился типъ малороссіянъ, извѣстныхъ подъ именемъ *чумаковъ*.

По поводу производства слова *чумаки* существуютъ также разногласныя мнѣнія. Г. Максимовичъ полагаетъ, что слово это происходитъ отъ татарскаго и у насъ въ старину употребительнаго слова *чумъ* или *чюмъ* — ковшъ. Съ этимъ мнѣніемъ, чуть ли не почерпнутымъ отъ Карамзина, согласенъ и Жюгота Паули, а г. Данилевскій утверждаетъ, что слово это взято съ татарскаго и значить просто — извозчикъ. Другое же мнѣніе, котораго держатся гг. Скальковскій, Новосельскій и Закревскій слѣдующее: названіе *чумаки* произошло отъ *чума* (язва), для предохраненія отъ которой чумаки, идя въ дорогу, имѣли въ обычаѣ обмазывать дегтемъ «штани и сорочку», чтобъ дѣлается нѣкоторыми и теперь.

Первое мнѣніе, какъ намъ кажется, положительно невѣрно. Какое отношеніе чумака къ ковшу? Развѣ то, что онъ иногда пилъ ковшемъ? Но пилъ вѣдь и простой земледѣлецъ ковшемъ, пилъ ковшемъ и бурлакъ, а вѣдь они не названы чумаками. Что же касается послѣдняго мнѣнія, то оно имѣетъ за себя слѣдующія основанія. Чумаки, ѣздившіе въ Крымъ за солью, были едва ли не первыми, вывезшими оттуда въ Украину чуму, не говоря уже о томъ, что сами они нерѣдко заражались и умирали отъ этой болѣзни. Вотъ историческое подтвержденіе этого. Въ листѣ полковнику Новицкому (18-го іюля 1690-го г.) гетманъ Мазепа предупреждаетъ его: «Если бы тебѣ Запорожцы, или городовые чумаки, съ Запорожья съ рыбами идучи въ городы, вашихъ милостей стрѣтили, тогда ихъ до себе вцапѣ не припущай те и рыбы въ нихъ своему войску пріймати сурово заважите, для *муравой заразы*, кгда жъ на Запорожьѣ цапѣ тривааетъ великій моръ ¹⁾». Другой признакъ, по которому могло произойти названіе чумака отъ чумы — это внѣшній видъ чумака. Постоянное пребываніе при волахъ, ежедневная смазка

¹⁾ Историч. акты, изд. Археографич. Ком., т. V, 237.

пыль, вѣѣвшаяся во все тѣло чумака, дѣлають его — что совершенно сходно съ чумными больными.

Кроме, производство слова чумакъ отъ того или другого не особенно важно. Намъ занимаетъ самый образъ чумака и его прошлое.

II.

Чумаки въ старину и нынѣ.

Въ движеніи чумаковъ были заинтересованы какъ крымскіе, такъ и запорожцы. Извѣстно, что соль въ древности считалась ханскую регалию и была однимъ изъ главныхъ источниковъ ханскихъ доходовъ. Поэтому ханы крымскіе не только стремились объ устраненіи препятствій къ возможно-большему вывозу соли за предѣлы Крыма, но даже предварительно извѣщали запорожцевъ объ урожаѣ соли на озерахъ, считая козаковъ главными посредниками въ торговлѣ съ чумаками. Такъ историкъ переконскаго промысла пишетъ Кошевому: «Благодарение Богу, Его святымъ произволеніемъ, сего году, уже состояніе свое сдѣлавъ, соль произошла обильно противу прошлаго году: какъ обычай, сѣла хорошо. Да при томъ же и травы въ Крыму, также и на пути вездѣ изобильно, такъ что очень спокойно нынѣ для чумаковъ, а для скота достанетъ». Что же касается Запорожскаго войска, то занятіе чумаковъ на Запорожьѣ было выгодно во многихъ отношеніяхъ: рыболовство было однимъ изъ занятій козаковъ, которые продавали чумакамъ рыбу, или же мѣняли ее на воскъ, сало, хлѣбъ, водку и т. п. продукты, привозимые чумаками. Кроме того, запорожцы извлекали большіе доходы, для своего заработка, за переправы чумаковъ черезъ рѣчки, пролегавшіе по Запорожьѣ, и за проводы «чумацкихъ ватагъ» въ опасныхъ мѣстахъ. А тогдашніе пути сообщенія были вовсе не безопасны, а иногда ихъ и вовсе не было.

Въ тѣ отдаленные отъ насъ времена, въ «пустошировыхъ степяхъ» нынѣшней Екатеринославщины и Херсонщины — по выраженію лѣтописи — «не имѣлось ни единой стежки, ни слѣду, какъ на морѣ»: въ этой дикой пустынѣ, въ которой проѣзжающіе «познавали путь свой въ день по солнцу, и краяхъ высокихъ земныхъ и по могиламъ, ночью же по звѣздамъ, и вѣтрамъ и рѣкамъ», — пролегало только двѣ чумацкихъ дороги: Черный шляхъ и Муравскій. Черный шляхъ назывался такъ по причинѣ опасностей, которымъ подвергались проѣзжавшіе по немъ. Въ

простонародныи шляхъ этотъ именуется еще и *Шпаковымъ*, по имени чумацкаго атамана Шпака, искуснаго вожака «чумацкихъ ватагъ». Этотъ шляхъ проходилъ почти по той самой стези, что и нынѣшній торговый путь изъ западныхъ губерній. Начинаясь на Волыни, онъ идетъ до Умани, а оттуда по тайнымъ тропинкамъ, по глубокимъ оврагамъ и берегамъ степныхъ рѣчекъ доходитъ до Балты, потомъ до Ольвіополя, а наконецъ до Никитской переправы на Днѣпрѣ. *Муравскій* же шляхъ шелъ изъ глубины Малороссіи черезъ восточныя степи Запорожья. Пробравшись по вершинамъ Ворсклы до вершинъ рѣчки Берестоватой, впадающей въ Самару, онъ ведетъ къ югу, черезъ запорожскія паланки, до границы, или рѣки Конскія-Воды (Конка)—и тутъ уже переходитъ «на крымскую сторону». Названіе Муравскаго произошло отъ *муравы* — мелкой травы, растущей по обраннымъ дорогамъ. По этимъ-то *одвичнымъ шляхамъ*, — какъ только весна, подсохнутъ дороги и трава на степи зазеленѣтъ, — многочисленныя чумацкія *вадки* танулись своими медленными волами.

Дойдя до запорожской границы, т.-е. до впаденія р. Синюхи въ Бугъ (если шли по Черному шляху), — чумацкій атаманъ отправлялся въ *кардь* (присмотръ, стража) и просилъ провожатыхъ. Переправившись тамъ черезъ рѣку, за что взымалась установленная пошлина — *мостовое*, — чумацкая *вадка*, по изслѣдованію г. Скальковскаго, «подъ прикрытіемъ запорожскаго отряда направлялась къ р. Мертвымъ Водамъ, а оттуда, смѣнясь провожатыми Ингульской паланки, доходила до Никитина, если шла въ Крымъ, или до Кодака, если на Донъ за рыбою. За то платили въ кошевой скарбъ 8 р. до Никитина, и 10 р. до Кодаку, и давали небольшой *ралѣць* (подарокъ) своимъ путеводителямъ». За проѣздъ же по мостамъ и за перевозъ на поромахъ взымалось въ войсковой скарбъ, смотря по нагрузкѣ воза, отъ 2-хъ до 10-ти коп. съ *хуры* (фура).

О пребываніи чумаковъ на Запорожьѣ и путешествіи по Ногайскимъ степямъ г. Скальковскій говоритъ такъ: «Въ Запорожьѣ чумаки или польскій торговецъ находилъ защиту отъ гайдамакъ, пристанище у бѣлой хаты зимовника, обыкновенно стоявшей на берегу глубокой рѣчки, въ уединенной балкѣ или у вырытаго колодца, обложеннаго камнемъ, съ привѣшеннымъ ведерцемъ, деревяннымъ корчакомъ и жолобомъ, для поенія людей и рабочаго скота. Хозяинъ зимовника, запорожскій козакъ, обыкновенно былъ и шинкаремъ; слѣдовательно, безопасность ватагъ чумацкихъ была для него не только долгомъ, но и источникомъ прибыли: онъ хорошо зналъ, что слава добраго

Чумака распространяется скоро не только въ Украинѣ, но и на границею. Къ тому же, исключая разбойничьихъ нападеній и грабежей, и то ночью на одиночныхъ ватажанъ или неосторожныхъ молодиковъ, стерегущихъ скотину, — караваны могли быть спокойны на Запорожьѣ, какъ дома. Въ случаѣ обиды, знали, что или панъ-полковникъ пограничный, или разныя команды, или даже и войсковая старшина жестоко наказать клямы шалуна или грабителя.

Но перешагнувъ за Днѣпръ, у Никитина перевоза, чумаки съ свою рубашку и одежду дегтемъ, изъ предосторожности «чумы и гадины», заряжалъ *рушницю*, добывалъ изъ воза сѣно, а на груди, на ремешкѣ, вѣшалъ *иманъ* (бумажникъ), въ которомъ хранился *ярыкъ*. Въ ногайской степи уже ни о зимовниковъ не было; хорошо еще, если «трава урожаива» и вода «въ полевыхъ рѣчкахъ не повысыхала, а то уже трудно было достать ни корму, ни водопоя. Отъ запорожской степи до самой Перекопской *башты*, не увидать уже никого, кромѣ табуновъ или стадъ татарскихъ, весь годъ блуждающихъ съ чабанами, также дикими, какъ и ихъ лошади.... Въ степи, вдали отъ аула, ногайцы не боялись никого и не смѣли зарѣзать двухъ-трехъ ватажанъ, отнять скотину или даже считалось молодечествомъ. А сколько обмановъ на соляныхъ озерахъ, сколько обидъ въ баштѣ отъ всякаго рода дымарей, *имановъ* и *каймакановъ*!»

Вообще путешествія чумаковъ въ тѣ времена обходились дорогою: или гайдамаки набѣгутъ и ограбятъ чумацкую вѣлку, или татары. Опасности были такъ велики, что «въ окрестностяхъ городовъ, по словамъ Боплана, путешествіе съ сотнею, даже съ тысячею человекъ, не безопасно, такъ какъ татары, не имѣя постоянныхъ жилищъ, то-и-дѣло разбѣжжаютъ отрядами въ 5, 10 тысячъ». Слѣдствіемъ такой опасности явилось образование чумацкой *арміи*: чумаки въ одиночку никогда не пускались на такой опасный путь — и чумаки ѣздили не иначе, какъ «ватажками» — *вѣлками*. Въ случаѣ же набѣга гайдамаковъ или ногайцевъ, съ цѣлью поживиться чумацкимъ добромъ, — чумаки дѣлали возовъ *тѣдборъ*, который столь же трудно было взять, какъ укрѣпленный лагерь.

Всякая вѣлка имѣла своего выборнаго *отамана*, который ѣздитъ съ своимъ возомъ всегда впереди вѣлки. Отаманы всегда избирались изъ чумаковъ бывалыхъ въ дорогахъ: онъ указывалъ путь, опредѣлялъ дневныхъ и ночныхъ сторожей для скота, распоряжался часомъ ѣзды и отдыха, разбиралъ ссоры между вѣлками и т. п. Кромѣ отамана, каждая вѣлка имѣла еще и

другое должностное лицо—*кухара*, т.-е. кашевара, на возу котораго находились съѣстные припасы, а также *казанъ* и *тапаны*—символы его званія.

Такимъ образомъ организованная и вооруженная чумацкая ватага медленно подвигалась изъ Украины, Литвы или Польши въ Крымъ—за солью или къ рыболовнымъ притокамъ—за рыбою. Затѣмъ, набравши въ Крыму соли, за которую турецкое правительство въ перекопской башнѣ взымало извѣстную плату, или же накупивши на рыбныхъ ловляхъ (тафахъ) рыбы ¹⁾, чумаки возвращались обратно домой по тѣмъ же «одичнимъ шляхамъ», одиночно тянувшимся среди безлюдной и безводной степи,—шляхамъ до того длиннымъ, что видъ ихъ внушилъ даже малоросамъ загадку: «лежить гася—простяглася; ажь устане, то й неба достане»!

Таково отдаленное историческое прошлое чумачества.

Въ настоящее время мы встрѣчаемъ чумаковъ вездѣ, гдѣ только слышна южнорусская рѣчь. Въ Полѣсьи, на Волынѣ, въ Подоліи и Украинѣ извѣстно названіе чумака. Хотя въ каждой изъ этихъ мѣстностей типъ чумака, имѣя многія общія черты, разнообразится вслѣдствіе мѣстныхъ требованій и особенностей, но существуетъ собственно два главныхъ вида чумаковъ. На берегахъ Стыри, Горыни и Березины, въ такъ, называемомъ Полѣсьи, чумачество возникло вслѣдствіе развитія торговыхъ отношеній съ окрестными городами и приняло значеніе извозничества; но въ Подоліи, право-и лѣво-бережной Украинѣ (Кіевской, Полтавской, Черниговской и Харьковской губ.) чумаки, торгующіе рыбою и солью, образовали изъ себя особый промышленный классъ, собственно и извѣстный подъ этимъ именемъ. Сбытъ лѣсныхъ продуктовъ Полѣщука заставлялъ чумака тянуться къ торговымъ пунктамъ на Днѣпрѣ, Двинѣ и Вислѣ: чумака занимался доставлять туда деготь, лѣсъ, поташъ, гдѣ оставлялъ эти произведенія своей мѣстности, набиралъ, если случалось, новыхъ — и возвращался домой. Совершенно иное чумачество въ Подоліи и Украинѣ: тутъ оно до настоящаго времени почти совершенно сохранилось въ своемъ первоначальномъ видѣ. Отправляясь въ Крымъ или Бессарабію за солью, на Донъ или къ

¹⁾ Приведемъ цѣны, существовавшія въ XVII и XVIII-мъ в. на предметы чумацкаго промысла. Дегтю ведро государево — 1 к.; рыбы сеньги—1½ к. десятокъ сала свиного фунтъ—7 к.; хлѣба пшеничнаго фунтъ—8 к.; соли у вольныхъ торговцевъ пудъ—¼ к.; казенной—½ к.; пива ведро—23 к.; меду патока ведро 2 р. 20 к.; горькия цѣнной ведро—50 к.; полугарной—1 р. 20 к.; сивухи—60 к.; масла коноплянаго ведро—1 р. 40 к. Свидѣнія эти извлечены изъ полусгнившихъ дѣлъ гроднянскаго полкового архива.

татарскимъ лиманамъ—за рыбою и набравши тамъ полные этого «добра», — чумаки сами потомъ развозятъ его по рынкамъ и занимаются продажей. Если тамъ чумаки играли, прозаическую роль извозчика, то тутъ, проѣзжая по исторической, полной воспоминаній мѣстности, при относительномъ богатствѣ, — чумаки получили и поэтическую окраску и широкое уваженіе народа: «то люде бувалі, говорится о нихъ, — дідіи свѣта, багато бачили, багато знають...» И дѣйствительно чумаки, сравнительно съ нашимъ простолудиномъ, «богатыи, багато знають...» Послѣ упадка казаччины, чумаки все не переставали шляться по старымъ татарскимъ и запорожскимъ шляхамъ, — онъ одинъ еще жилъ среди зеленыхъ степей, одинъ заглядывался на высокія украинскія могилы — нѣкіе памятники казацкой славы, видѣлъ «темный лугъ», бывшій отцемъ казаччины, проѣзжалъ черезъ пустынные руины «Керчи-Сичі»... Окруженный такою поэтическою обстановкою, чумаки изъ выгоды самого промысла, чумаки такъ полюбили его, не расстаются съ нимъ вотъ уже нѣсколько вѣковъ. Промыселъ этотъ, переходя «отъ діда-прадіда», сталъ наслѣдственнымъ занятіемъ, вошелъ въ народный обычай украинца. Нѣтъ села на Украинѣ, въ которомъ бы не было нѣсколькихъ семей чумаковъ, а нѣкоторые села преимущественно занимаются чумацествомъ. Кромѣ казаковъ и нѣкоторые мелкопомѣстные «дворяне» посылаютъ свои «паровиці» въ дорогу ¹⁾.

Въ пѣсняхъ ясно отличены оба эти вида чумаковъ: собственно чумаки (торгующіе рыбою и солью) и чумаки, нанимающіеся въ извозъ, *хурички* (наняться въ извозъ называется *идти підъ хуру*)... Въ послѣднее время замѣтно вырожденіе первого вида чумаковъ и преобладаніе второго. Не только на Украинѣ и Волынѣ, но даже въ Подоліи и Украинѣ—особенно въ Харьковской губ. — начало развиваться чумачество-извозничество въ большихъ размѣрахъ и падать чумачество-торгашество ²⁾. Это переходная ступень отъ послѣдняго къ первому явилась естественностью занятій—и извозъ и торговля. Теперь весьма часто бываетъ, что чумаки, ѣдущіе въ Бессарабію, Крымъ или

¹⁾ Только однихъ постоянныхъ чумаковъ въ Полтавской, Черниговской, Киевской, Харьковской, Курской, Воронежской и Орловской губерніяхъ считается 210.000. Кроме того есть еще множество временныхъ чумаковъ, занимающихся этимъ промысломъ, между прочимъ, въ свободное время.

²⁾ Дѣйствительно вывозъ изъ черноморскихъ и азовскихъ портовъ на сумму въ 40 милліоновъ р. с. состоитъ изъ товаровъ, привезенныхъ сухопутно, и чумаковъ—дѣйствительные участники въ этой доставкѣ. Перевозка товаровъ по тракту отъ Харькова до Таганрога стоила въ 1860-хъ годахъ 1½ милліона р. с.

на Донъ, набираютъ по дорогѣ товаровъ, для доставки ихъ Одессу ¹⁾, Херсонъ, Николаевъ, Мариуполь, Бердянскъ и т. и, получивши за извозъ деньги, отправляются въ мѣста, жащія цѣлью чумачества, покупаютъ тамъ соль и рыбу и возвращаются домой уже съ своими товарами.

По времени выѣзда чумаковъ изъ дому, народъ далъ 1 особыя названія. Чумакъ бываетъ *ранній*, *серѣдній* и *позній*. Какъ только весна освободитъ землю отъ ледяной коры, к только «заспиваетъ жаворонокъ у лузі» — чумакъ выходитъ въ рогу. Это чумакъ «ранній». Проведя въ дорогѣ недѣль 5, чумакъ возвращается домой «на жнивѣ». Хорошенько вымивши воловъ, давши имъ и себѣ порядочный отдыхъ, — чумакъ снова идетъ въ дорогу «объ Илиі» (20 іюля). То чумакъ «редній». А «позній» чумакъ, т. е. «осінній», ѣдетъ въ дор «передъ Покровою».

Такое постоянное скитаніе по дорогамъ, въ старину даже небезопаснымъ, полуосѣдая, полувочевая жизнь положила себѣ особый отпечатокъ на лицо чумака; а одиночество, полное тѣготъ дорожной жизни, образовало въ немъ нѣсколько суровый характеръ съ оттѣнкомъ грустнаго мировоззрѣнія. Чумаки 1 большей части молчаливы, угрюмы, смотрятъ на жизнь съ тѣсненнымъ презрѣніемъ, во всѣхъ своихъ поступкахъ обнаруживаютъ полную самоувѣренность; но при этомъ всегда исполнены ироніи и готовы насмѣшить окружающихъ, сохраняя собственное достоинство. Г. Новосельскій въ «*Lud Ukrainski*» говоритъ: «Крѣпкое сложеніе, мужественныя черты лица, длинные усы и длинная, закрученная за ухо, чуприна придаютъ особае выраженіе чумаку, такъ что его не трудно отличить въ толпѣ. Вотъ видишь его на ярмаркѣ, въ высокой бараньей шапкѣ, и свитѣ, слегка наброшенной на плечи, съ гордо поднятою головою, пробирается онъ среди селянъ. Вотъ, съ внутреннимъ самодовольствомъ подошелъ онъ къ огромнымъ воламъ, спрашиваетъ о цѣнѣ, торгуетъ — и, схвативши сильными руками волъ за рога, ставитъ его на колѣни; оглядывается — видитъ толпу жидовъ — и однимъ взмахомъ батога или приподнятымъ кулакомъ жида разогнаны... Идетъ дальше — и легкимъ толчкомъ ноги, какъ бы нѣхотя, опрокидываетъ съ дегтемъ боченокъ и тутъ же расплачивается за убытокъ, или — тоже словно нѣхотя — упускаетъ «паянницу» въ бочку меду и заявляетъ претен-

¹⁾ Сухонутная доставка одного хлѣба въ одесскій портъ до открытія балтійской желѣзной дороги поглощала 6 милліоновъ р. с. ежегодно. (Мат. для геогр. и стат. Херсонской губ., I, 286).

и испачкалъ хлѣбъ... При встрѣчѣ съ дѣвицею — шеп-
та на ухо нѣсколько словъ и, наконецъ, протискиваясь
въ толпу, пробирается въ середину кружка и останавли-
вается передъ «лірникомъ», заложивши назадъ засмоленные
... Гордое и веселое лицо чумака, при первомъ звукѣ род-
звучивной думы, принимаетъ невыразимую грусть: дикимъ
онъ смотритъ онъ на пѣвца, склонивши на грудь голову—
много разнообразныхъ думъ и воспоминаній переплываютъ
душъ его и погружаютъ его въ долгое молчаливое раздумье»...

III.

Чумаки дома.

Пока чумаки у себя въ селѣ, онъ весьма немногимъ отли-
чается отъ «хлібороба», крестьянина: занятія его не выходятъ
за кругъ обыкновенныхъ занятій украинца: онъ также оретъ,
коситъ, молотитъ, какъ и простой земледѣлецъ; также
живетъ въ семьѣ, придерживаясь всѣхъ обрядовъ и обычаевъ
своихъ; также, если холостъ, ходитъ «на улицу» и
«верниці», какъ и остальные парубки,—также «кохасця за
дівкою». Но народъ, можетъ быть вслѣдствіе зажиточно-
сти и порядочности чумаковъ, окружаетъ ихъ особымъ уваже-
ніемъ. Вообще о чумакахъ народъ высокаго мнѣнія: чумаки
«мудрыми» (развѣдливо) ходятъ, говоритъ пословица, а бісівъ
«водять»! Эпитеты, которыми въ пѣсняхъ награждены чума-
ки, дышатъ большимъ почетомъ и нѣжностію: они—«славні чу-
маки», «люде на все гѣжі и пригожі», «чумаченьки моло-
ді», «чорноброві» и т. п. Загорѣлое на солнцѣ, мѣднокрасное,
чумацкое именуется «личко козаче»; чумаки «на личень-
кѣ кращий рожі» и т. д.

Красота чумака, разумѣется, особенно трогаетъ сердце «дѣ-
вицы»:

Ой на горі сонце гріє,
Тамъ пріятний вітеръ віє, —
Ой тамъ ходить чумаки голий,
На личеньку кращий рожі.

Дѣвица, разумѣется, только его увидѣла —

Заразъ кохати зачала;
Заразъ стала старатися,
Щобъ зъ чумакомъ сшизнатися.

Чумаки, говорится въ пѣснѣ —

На те й мати родила,
Щобъ дівчина любила!

Старанія дівчини «зъ чумакомъ спізнатися» не остались напрас-
ны; дальше она говорить:

Я-мъ щаслива щитаюсь,
Що зъ чумакомъ спізнаюсь.

Это, конечно, пріятно и самому чумаку: онъ взаимно «кохає»
свою дівчину:

А вінъ тее повторяє,
Що коханку зъ неї має.

Тихо и безмятежно плывутъ для нашего чумака и для дів-
чины дни за днями. Она ласкаетъ его то «надъ вринцемъ»
(источникъ), вышедши вечеромъ за водой «зъ відрами», то «підъ
кислицею» (дикая яблонь), то «підъ повіткою» (навѣсъ): она
готова отдать свою душу, чтобы только доставить счастье «ми-
лому». Любовь дівчины-украинки не пустая «утіха», не интрига,
вызванная ничтожнымъ самолюбіемъ, и не напускное чувство, не-
рѣдко встрѣчающееся между нашими поповнами и полубриво-
ванными барышнями: дівчина дѣйствительно любитъ своего «ми-
лого чумаченька». Она будетъ не спать цѣлыя длинныя зимніе
ночи, чтобы только выпить «чумаку рукавця».

Дівчина просить у матери:

Поїдь, поїдь, моя мамо,
У місто до торгу:
Купи, купи, моя мамо,
За три кони голку,
За чотири золотні—
Чорвоного шовку,
За п'ятого рублевика
Купи, мамо, п'яльця,—
Я вишню — вигантую
Чумаку рукавця!

Мать не поскупилась, купила все необходимое, и дівчина—

Шовкомъ шила, шовкомъ шила,
Золотомъ рубила —
За-для того чумаченька,
Що вірно любила;
Шовкомъ шила, шовкомъ шила,
Біллю вишивала —
Таки своїму чумаченьку
Правду висказала....

Между чумакомъ и его дівчиною не существуетъ недомолвокъ,

душу. Дівчина не умѣетъ таить своихъ мыслей передъ
милымъ; что у нея на сердцѣ, то и на языкѣ:

Сватай мене, чумаченьку,
Рано й у неділю:
Буду просити у матінки —
Нічого не вдію...

Мное сердце, съ которымъ бѣдная «дівчина» «нічого не вдіє»,
заставляетъ ее обратиться къ матери:

Пора, мати, жито жати —
Колось похилився:
Пора, мати, заміжъ дати —
Голосокъ змінився...

Она, не желая такъ скоро разстаться съ своею «дитиною лю-
бою», — она рада, что дождала своей «пѣмочи», — отвѣчаетъ:

Хоть колосокъ похилився —
Стѣбло зелененьке;
Хоть голосокъ и змінився —
Личко молоденьке!

Обстоятельство на нѣкоторое время останавливаетъ дівчину;
время это коротко: «у дівочькѣмъ сердцѣ» тревога, тоска...
съ нимъ «нічого не вдіє», и прямо наконецъ, объявляетъ
матери:

Ой піду я, моя мамо,
Та за його заміжъ, —
Якъ ти мене та не даси,
Дакъ я й умру заразъ.

Но матери чумака, почему-то, не нравится: она въ немъ видитъ
не «пѣру» для своей дочери и желала бы для нея другого мужа:

Легше мині, моя доню,
Дома поховати,
А ніжъ мині за такого
Заміжъ тебе дати!

Дівчина взгрустнула еще больше отъ такого категорическаго
рѣшенія, она не разъ, вѣроятно, проглотила и слезу горючую...
она готова бы и умереть, какъ говорила; но у нея еще «нев-
ерта надія», дающая ей нѣкоторую бодрость. «Дівчина» увѣрена,
что мать возможно «ублагати», ибо извѣстно сердце матери-
украинки: она ни въ чемъ не откажетъ своему дитяти, все готова
сдѣлать для его счастья. Питая такія надежды, дівчина все-
таки не оставляетъ своего любимаго «чумаченька»:

Буду ходити, буду топтати (говорить она)
Чумакові стежки (тропинки)!

Минула осень; проходитъ уже и зима; блеснуло уже и «сонце веснянее» — и птицы длинными ключами потянулись изъ «вир (югъ)», сопровождаемы радостными, привѣтными криками ретиншекъ: «нате вамъ на гніздѣ, а намъ дайте на добро!» и «зовуля (кукушка) закувала у лузі», и «соловейко» начинае «щебетати—весну закликати», наконецъ, и —

Весна красна наступае,
Изъ стріхъ вода капле...

Чумакъ вышелъ изъ хаты подложить воламъ корму — видитъ «сонце веснянее» таки довольно высоко поднялося и грѣть у довольно сильно, словно манить въ путь-дорогу. Да чумаку у «мандрівочка (странствованіе) пахне» и «дорога чхаецця». Тутъ-то настають для дівчини невеселые дни, нерадостныя ночи.

Чумакъ, ея милый, чтобы внезапнымъ отъїздомъ «не вразитъ у серденько» любимую дівчину, старается заранѣе приучить къ мысли о разлукѣ. Онъ ее спрашиваетъ:

Ой чи будешъ, молода дівчино,
По минн журиця,
Та якъ піду у Крымъ по сіль,
Та буду барицця (медлитъ).

Дівчина отвѣчаетъ на это тоже полу-шута:

Ой не буду, чумаченьку,
Далєбі не буду:
Не видешъ за нові ворота —
Я тебе й забуду!..

Хотя все это «жарты» (смѣхъ, шутки), хоть это тоже любовь, хоть, наконецъ, и сама дівчина знаетъ, что чумаку сидѣть дома не приходится, — однако вопросъ чумака спугнулъ любящее сердце дівчини: оно будто сильноѣе сжалося:

Жартуй, жартуй, чумаченьку,
Жартуй изо мною, —
А якъ підешъ у дорогу —
Буду плакать за тобою...
Жартуй, жартуй, чумаченьку,
Жартуй, коли любишъ;
А якъ підешъ у дорогу,
То мене й забудишъ...

И бѣдная дівчина, грустная, опустила на грудь голову... Прилетаетъ «зовуленька сивесенька» — эта истолковательница пречувствій сердца и вѣщунья бѣды да печали — и начинается «кувати жалібненько»... Дівчина тогда поняла, что сердце ея не даромъ

...я: оно предвѣшало скорую, неминуемую разлуку — и «вздыхать вѣженько»...

Впрочемъ дѣвчина не посится съ своею печалью: она, напротивъ, старается ее прятать отъ всѣхъ и никому не вѣрять. — даже боится, чтобы мать не узнала. А печаль эта все выше и больше охватываетъ сердце дѣвчины: съ каждымъ днемъ, приближающимъ разлуку, тоска все больше усиливается... Но напрасно дѣвчина старается укрыться отъ матери: материнскій взоръ все видитъ:

Мела хату, мела сѣни,
Та й загадалася...
Вийшла мати води брати,
Та й догадалася.
Вийшла мати води брати,
Та й стала питати:
«Чого стала, моя доню,
Важенько издыхати?»

Видя, застигнутой въ распλοхъ, невозможно уже скрыть отъ матери причину своей грусти, да ей уже и самой становится въ моготу, и она признается:

Ой якъ мині, моя мати,
Важко не издыхати? —
Пригпавъ чумакъ сімъ паръ возівъ,
Та й ставъ запрагати!..

Но что же дѣлать чумаку? Не сидѣть же ему, «згорнувши плеченьки», возлѣ дѣвчины, заглядываясь на ея «каріі очі», на «чорніі брови», да на «личенько біленьке»... Ему нужно *заработати*. А «чумацкѣ гроші, говорить пословица, то въ возі, то въ перевозі». Это-то именно и составляетъ главное побужденіе къ чумачеству. Какъ въ старину чумаки ходили въ дорогу «ради своего торговаго дѣла», такъ и въ настоящее время ихъ гонитъ въ дорогу та же причина. Въ пѣснѣ одинъ «багачъ молодой» предлагаетъ товарищамъ сдѣлать «півтораста возівъ», отправившись «въ Кремень городъ на базаръ», накупить тамъ «дорого товару» — «все лисиці та куниці та чорніі соболі» — и вѣзти къ морю, чтобы тамъ, продавши свой товаръ, набрать другого вужнаго. Потому напрасно видятъ иногда въ постоянномъ скитаніи чумаковъ по дорогамъ какое-то безотчетное влеченіе къ странствованію или жажду славы. Условія чумацкаго быта гораздо проще объясняютъ это будто бы безотчетное стремленіе къ скитанію и жажду славы: во-первыхъ, матеріальною выгодною, которую чумаки получаютъ отъ своего промысла; во-вторыхъ, стремленіемъ къ занятію имъ, а въ-третьихъ — стремленіемъ къ

болѣ легкому и возможно болѣ благодарному труду, — какому чумачество является сравнительно съ хлѣбопашествомъ. Потому чумаки, которому дѣвчина совѣтуетъ оставить чумачество, а идти лучше косить траву, — видятъ въ этомъ для себя обиду:

Ой щобъ же ти, дѣвчинонько,
Того не дїждала,
Щобъ рученька смоляная
Травиченьку тїла!

Чувство самосохраненія также иногда заставляетъ отправляться въ дорогу. «Бідна сїрѣма» (круглый сирота), у котораго умираетъ отецъ и мать, а его самого «побила лихая година» — хотятъ «у некрути взяти», — рѣшается бѣжать отъ предстоящей невеселой солдатской жизни:

Ой запряху я воли у всі чотирі вози —
Піду на Дїнь риби брати!

И бѣгство бываетъ его спасеніемъ.

Побужденіемъ къ чумачеству бываетъ иногда какое-нибудь несчастіе, причинившее человѣку «горе невимовное». Вообще всякая невзгода, всякое горе, влечетъ человѣка вдаль отъ того мѣста, которое напоминаетъ давно случившееся, пережитое, но милое его сердцу, какъ, на примѣръ, несчастная любовь. Парубокъ, любивши «щиро (сердечно) дѣвчиноньку», намѣреваясь съ нею «на рушничку стати» (повѣнчаться), когда видитъ, что его дѣвчину «до шлюбу (бракъ) ведуть» съ ея «нелюбомъ», а у него только — «серце вїяне: любивъ, та не взявъ», — желая изгладить изъ памяти и ту «криниченьку», что онъ копалъ для своей дѣвчины, чтобы она вышла туда «по воду», — съ тоски да съ горя рѣшается:

Ой думавъ я женитися,
А теперъ не буду:
Куплю собі сїмъ паръ волівъ —
Чумакувати буду!

Несчастія *семейной жизни* также гонятъ чумака изъ дому. Жена чумака, догнавши его въ дорогѣ, спрашиваетъ:

Чомъ не хочешъ ти робити (работать)
И дома сидіти?
Чомъ не хочешъ жити зо мною
На білому світі?

Чумаки вмѣсто отвѣта предлагаетъ ей другой вопросъ:

Ой ти жъ мила, мое серце,
Ой де жъ ти бувала:
Чи у полі льонъ ти брала,
Чи пшеницю жала?..

Видяши въ отвѣтъ, что жена «въ полі льонъ не брала, пше-
не жала, а нездужала робити — зъ похмілля лежала», —
и погоняетъ себѣ дальше... Въ другой пѣснѣ несчастная
жизнь, охарактеризованная самою же чумачихою, слу-
житъ тоже причиною «мандривочки» чумака. Жена спрашиваетъ:

Ой куди жъ ти, чумаче, мандруешъ (уходишь)?
Кому мене, сердце, даруешъ?
Люде вже йдуть у поле орати —
Ми зъ тобою у корчму гуляти;
Та вже люде въ полі поорали —
Ми зъ тобою въ корчмі прогуляли... и т. д.

Такая жизнь непривлекательна: она не можетъ заставить
людей сидѣть дома. И мужъ такой жены бѣжитъ отъ нее.
Онъ рѣшается полюбить «мандривочку — рідну тіточку», сдру-
житься съ волами «сивими, половими», а взамѣнъ того счастья,
какое должна доставлять тихая семейная жизнь, найти среди
товариства веселого, въ кругу «славнихъ чумаченьківъ-бурла-
чківъ».

IV.

Выѣздъ изъ села и проводы.

Чумаки въ старину ходили въ дорогу не иначе, какъ только
втроемъ, — ѣхали всегда *валкою* подъ предводительствомъ *отамана*;
то же самое дѣлается и теперь. Чумаки одинъ никогда не вы-
ходятъ въ дорогу: у него непремѣнно есть «славне товариство».
Обыкновенно чумаки одного, а иногда и нѣсколькихъ сосѣднихъ
теперь условливаются между собою о времени выѣзда и о мѣстѣ
сбора. Условіе непремѣнно должно быть исполнено, иначе на-
рушившій его чумаки будетъ оставленъ своими товарищами.
Мѣстомъ для сбора чумаковъ бываетъ почти всегда *вишинъ*
(площадь) за селомъ — *майданъ*.

И вотъ, въ назначенный день и часъ, каждый изъ чумаковъ,
поправивши хорошенько вozy, выкормивши воловъ, набираетъ
извѣстный — тоже условленный — запасъ пшена на кашу, муки
на галушки, сала и т. п. припасовъ, и выѣзжаетъ къ назначен-
ному мѣсту — *становищу*. Тутъ чумаки останавливаются поджи-
дать товарищей и проститься съ провожающей его родней.

Выѣздъ чумака изъ села бываетъ почти всегда «въ неділоньку
до скід-сонця»:

Щобъ кури по селу не піли,
Щобъ голуби на степъ не летіли,
Щобъ лебеді на тихій воді та й не вкелотіли.

Вотъ какъ въ пѣснѣ рисуется выѣздъ чумака:

Ой у неділоньку, рано по-раненьку,
Сонечко зіходить, —
Ой уже синь, синь Гавриленко,
У дорогу виходить.

Проѣхалъ онъ родное село, сопровождаемый родичами, подѣзжаетъ къ становищу:

Ой якъ прийшовъ же синь Гавриленко
А до чумакивъ до валки:
«Здорови будьте, молоді чумаки,
Прийміте до своєї валки!»

—говорить онъ своимъ будущимъ товарищамъ. Но чумаки, усматривая со стороны Гавриленка неисполненіе издавна установленнаго обычая, — упрекають его:

Ой який же ти, та синь Гавриленку,
Такий дурень уродився,
Що ти прийшовъ та до становища —
Та й не перехрестився!

Чумаки имѣютъ свои, освященные вѣками, обычаи почти для всякаго дѣйствія: чумакъ выѣзжать изъ дому долженъ «по закону», — ѣхать въ дорогѣ тоже «по закону»; даже останавливаться въ дорогѣ пасти воловъ слѣдуетъ «по закону». И до настоящаго времени чумаки строго наблюдаютъ за исполненіемъ обычаевъ: *артіль* всегда бываетъ недовольна, если кто-нибудь «поломилъ чумацкій звичай».

Но чтó же это за «артіль», за «валка», чтó выражаетъ собою эта организація чумаковъ? Ассоціація ли это капиталовъ для общаго предпріятія, или это только внѣшняя связь людей, ѣдущихъ вмѣстѣ? Южнорусскій никогда не любилъ внѣшательства въ чужую личную жизнь, въ чужіе экономическіе расчеты, въ чужое хозяйство: онъ всегда былъ собственникъ. Вотъ потому и чумацкая «артіль», несмотря на названіе, не имѣла ничего общаго съ ассоціаціею: она установилась единственно для безопасности каждаго въ дорогѣ. Каждый изъ чумаковъ, выѣзжая въ дорогу, беретъ извѣстную сумму денегъ, ему одному принадлежащихъ, нимало не заботясь о томъ — взялъ ли ихъ другой, или же нѣтъ. Даже и съѣстные припасы беретъ каждый только для себя, условившись впрочемъ съ товарищами чтó брать. Жизнь «валки» — далеко не община: она обща лишь настолько, насколько безопасность и выгода каждаго требуются въ дорогѣ. Все, чтó у нихъ общее въ пути — это пища, передъ выходомъ валки поступающая въ распоряженіе одного чумака — *кашовара*, и «сторожа» воловъ «на подпасі».

Но вотъ, наконецъ, будущая «валка» вся собралась на становищѣ; неподалеку отъ дороги стоятъ чумацкіе возы, укрытые кожами, для сбереженія товаровъ отъ дождя; «мережані (торчатые) ярма» висятъ на «війяхъ» (дышло) чумацкихъ громкихъ воевъ, прикрѣпленные новыми притиками (гужи); у ярмахъ торчатъ *тернові занози*; тутъ же, невдалекѣ, «сірі та полові» воли чумацкіе ѣдятъ взятое изъ дому «сіно», или — великого въ сторонѣ — пасутся «на травниці - муравиці», или же стоятъ — «ремедаютъ» (отжевываютъ жвачку); а сами чумаки обсили вокругъ разведеннаго огня — варятъ *снідання* (завтракъ). Возъ каждаго изъ чумаковъ помѣстился кто-нибудь изъ близкихъ ему родныхъ: или его «мила», или «стара мати» сидитъ, поджавши подъ себя ноги и правою щекою опершись на правую руку, поддерживаемую лѣвой, — это любимая поза малороссіянки въ печали.... Вотъ уже и каша сварена, уже «поснідали».... «Пора рушати!» прожужжало въ толпѣ....

Тутъ чумаки сходятся «на раду» и изъ среды своей избираютъ *отамана*. Избраніе его происходитъ устнымъ голосованіемъ всѣхъ чумаковъ, принадлежащихъ къ валкѣ; его избираютъ на всю дорогу. Отаманъ бываетъ большею частью опытный чумакъ, не разъ уже ходившій въ дорогу и пользующійся особеннымъ почетомъ и довѣріемъ ватажанъ. Его выбираютъ «для ворады»; онъ — «голова» въ дорогѣ; онъ «всімъ чумакамъ передъ вѣде», всѣмъ распоряжается, начиная съ того, гдѣ и когда «стать попасати» и кончая похоронами умершаго товарища. Вся валка въ дѣлахъ дорожной жизни обязана безусловнымъ повиновеніемъ отаману. Отаманъ въ дорогѣ пользуется огромнымъ значеніемъ. «Отаманомъ, говоритъ пословица, громада зрілка». Впрочемъ, въ послѣднее время отаманъ избирается не всегда и не на всю дорогу, какъ прежде, а кто идетъ впереди всѣхъ — тотъ и отаманъ. Однако и тутъ предпочтеніе отдается всегда какому-нибудь «сивоусому» чумаку, изъѣздившему на своемъ вѣку «всі степи широкі», исходившему «усі кримські базари».

Наконецъ и отаманъ избранъ. Наступаетъ пора *виправити* для чумаковъ:

Ой ви хлопці, ви добрі молодці!

— обращается отаманъ къ своимъ чумакамъ-товарищамъ:

Та вставайте вози мажте,
Гей вози мажте, ярма наливайте,
Сірихъ воліхъ запрягайте!
Хлопці встали, вози підмазали,
Нові ярма понаривали,—

Гей нові ярма та й понаривали,
Сірихъ волівъ позапрягали...]

Тутъ настають про́воды: починається прощанье съ роднею... слезы жены, матери, дівчини... пожеланія остающихся, обѣщанія отъѣзжающихъ... Еще минуты двѣ-три—и все вдругъ затихаетъ: настало обращеніе къ Богу... Чумаки снимають шапки, крестятся, «Господи, благослови! Дай, Боже, часъ добрый!...» И «сірі-полові» воли медленно двинулись у путь-у-дорогу... «Прощайте!» загудѣло вдоль валки. «Бувайте здорові!...» едва слышно сквозь слезы....

Пішовъ чумаць у дорогу,
Помолившись Богу...
Ой пошли, Боже, тому чумакові
Та щасливу дорогу!

V.

Домашніе послѣ проводовъ и погоня за чумаками.

Что же въ это время дѣлается съ женою, матерью, которыхъ чумаки оставили дома? что стало съ дівчиною, покинутою чумакомъ—ея милымъ—ворогамъ «на смѣхъ, на потѣху?»

Цѣлый рядъ пѣсень, дышащихъ неподдѣльнымъ чувствомъ любви и вмѣстѣ грусти, рисуетъ намъ состояніе домашнихъ послѣ выѣзда чумаковъ въ дорогу:

На въ горді буркунъ-зілля (волчець)
И листь опадає:
Молодая чумачиха
Зъ жалю омліває...

Чумаку стало жаль жены, онъ старается ее утѣшить:

Не плачь, не плачь, чумачихо,
Та молиси Богу:
Випроважу сиві волн—
Самъ вернусь до-дому!

Но чумачиха этимъ не утѣшается: она знаетъ, что это сказано только для ея успокоенія: она увѣрена, что чумакъ ни за что не возвратится... грядущая жизнь сулитъ ей одиночество, грозитъ ей «розмовою зъ периною пуховою», да съ «німими стінами» —чуждыми утѣшеній огорченному сердцу...

Ко всему этому, безъ мужа, прибавились новыя огорченія:

Малі діти плачуть,
Отець—пенька лає...

А «ляку» отца и матери, ни за что ни про что, а особенно шить дѣтей переносить долго невозможно. И чумачиха рѣшается ѣхать за чумакомъ «у погоню»:

Вози догоняе, воли выпрагае—
И серденькомъ называе:
«Ой вернися, чумаче, до-дому,
Ой вернися, серденько, до-дому!»

Она старается представить причины, по которымъ чумаку слѣдуетъ вернуться:

Плачуть діти за тобою,—
Малі діти плачуть,
Отець—ненька тужить:
Тимъ намъ хвортуна не служитъ!

Но суроваго чумака, разъ рѣшившагося на «мандрівочку», этимъ не разжалобишь и поворотить назадъ не заставишь. Побѣждавшей за нимъ «у догоню» женѣ онъ отвѣчаетъ:

Якъ би ти жінка була добра,
То ти бь сиділа дома:
П'ятітку спостила,
Неділоньку чтила,
То бь намъ хвортуна служила!
А то—ти жінка погана:
У буденний день все п'єєшь та гуляєшь,
На свату неділю—
На великий день—
Все діло збираєшь!

И, обратившись въ «хвортуні» съ просьбою послужить ему «въ чумастві», какъ нѣкогда служила «въ бурластві и козастві»,— чумакъ плетется далѣе. Смотритъ чумачиха вслѣдъ медленно уходящимъ воламъ—и у нея сквозь слезы вырывается сожале́ніе о ея милomъ:

Не жалъ мині сірихъ волівъ
Зъ крутими рогами,
А жалъ мині чумаченька
Зъ чорними бровами!...

Между тѣмъ «чумаченько» уже совершенно скрылся изъ глазъ за горою, «въ глубокой долині». Взошла чумачиха на гору, по-смотрѣла въ долину:

А у тій долині
Стоять дві калині—
Ажъ до землі віття гнецца!...

Видитъ она въ этихъ склоняющихся вѣтвяхъ образецъ своей будущей судьбы: и ей въ одиночествѣ, безъ милаго, придется также нагибаться «передъ гіркою долею», какъ нагибаются къ землѣ тонкія, безсильныя передъ вѣтромъ, калиновыя «віти», — придется и ей клонить голову «до землі низенько»... А виновникъ такой горькой участи чумачихи — уже далеко-далеко, даже и «непріе»... Напрасно она восклицаетъ:

Чому мій миленький,
Мій голубь синенький,
Та до мене не горнецца?!

Развѣ одинъ вѣтеръ услышитъ ея горькую жалобу и разнесетъ ее по чистому полю — безъ отвѣта и привѣта... Только досада еще плотнѣе приляжетъ къ серцу бѣдной женщины и сильнѣе заволнуетъ ея душу. Тенерь чумачиха уже была бы рада и тому, если бы чумаць «пригорнувся» къ ней «хочь на часочокъ-маленький»; но, конечно, не бывать и этому.

Возвращается она домой въ тоскѣ и печали, думаетъ отдаться дѣтямъ, хозяйству; но ничто нейдетъ ей на умъ: и дѣти не радуютъ, и хозяйство не занимаетъ! Смотритъ: сосѣдки ея работаютъ до вечера вмѣстѣ съ мужьями, а вечеромъ, собравшись гдѣ-нибудь «підъ преспою» или «за ворітьми», окруженные «малыми дітьми», ведутъ весело бесѣду о дневныхъ заботахъ, о завтрашнемъ трудѣ, о прошлой радости, о предстоящемъ «весіліі» (свадьбѣ)... Чумачиха почувствовала еще большую тоску на серці. Ходитъ, безутѣшная, — не знаетъ, что ей дѣлать съ собою....

Ой вийду я за ворота,
Та гляну поузь двір:
Усімъ людямъ хороше живеця,
А я плачу на бездолі!

Ой вийду я за ворота,
Та гляну по-підъ тинню:
Усімъ людямъ хороше живеця,
А я въ нещасті їй загину...

Ой вийду я на горбди,
Та гляну въ провалля:
Усімъ людямъ щастя-доля—
Мині жъ безталання!...

Случается также, что когда чумаць, не взирая на всѣ просьбы о возвратѣ, «іде собі у дорозі — воли поганяє», — чумачиха рѣшается преслѣдовать его до самого моря. Но все напрасно: и тамъ не найти ей «щастя-долі»: по-надъ моремъ, говорится

дівчині, «жовтій пісокъ въ ноги коле»... И она должна возвраща-
ти домой... Тогда ей ничего больше не остается, какъ только
привыкаться на свою «гірку долю», созданную тяжелыми усло-
виями семейной жизни:

Ой коли бъ же я да знала
Свою гірку долю,—
То не пішла бъ же я заміжъ,
Не пішла бъ ніколи:
Пішла бъ лучше я въ черниці...
Зъ чорною косою
Не терпіла бъ я горечка
Оттакъ молодію!

Но напрасны всѣ эти жалобы: послѣ выхода чумаковъ и
то, что не были замужемъ, находятся не въ лучшемъ состояніи.
Жизнь дівчини «безъ милого, голубонька сивого», представляется
ею же «бесталаннѣмъ», какъ и замужней. Конечно, дівчина
тѣмъ гораздо меньше права, чѣмъ жена, удерживать чумака
дома. Поэтому, когда онъ оставилъ ее одну, «якъ скіпку (щепка)
за морі», она скорѣе примиряется съ своею «гіркою долею».
Узнавши, что чумаку сидѣть дома, ради ея, нельзя, дівчина
проситъ его провести съ нею еще хоть одну «нічку»:

Чумаченьку, мій голубе,
Вводи мою волю:
Переночуй, мое серце,
Хочъ нічку зо мною!

Но чумаки и этого исполнить не могутъ:

Ой радъ би я, дівчинонько,
И дні ночувати:
Въ мене хура страхова
Треба поспішати.

Мирится она и съ этимъ, какъ ни тяжело ей подобное прими-
реніе. Она готова ограничиться и тѣмъ, чтобы хоть проститься
въ послѣдній можетъ разъ съ оставляющимъ ее чумакомъ. Обра-
щается къ матери и проситъ, чтобы та разбудила ее, когда
чумаки будутъ выѣзжать изъ села:

Ой такъ рано, ой такъ рано,
Щобъ що й не світало...

Изъ опасенія, что дівчина станетъ «тужить» за чумакомъ, мать
и не думаетъ будить ее во время его выѣзда, а разбудила уже
съ общію годину, якъ виїхавъ чумаченько одъ села за милю.
Просмагается дівчина, по, увы!—

Пішли наши чумаченьки
По возахъ лежати...

Дівчина къ матери:

Чому мене, моя мамо,
Въ ранці не збудила,—
Та якъ тая чумачина
Зъ села виїздила?

Мать, конечно, старается ее утѣшить—представляетъ ей побудительную причину:

Тимъ я тебе, моя доню,
Въ ранці не збудила:
По-переду твій миленький,—
Щобъ ти не тужила!

Но для любящаго сердца дівчини подобный резонъ—вовсе не утѣшеніе: быть можетъ она при разлукѣ съ милымъ гораздо бы меньше убивалась, чѣмъ теперь,—когда она даже не сказала ему послѣдняго слова, не спросила его о времени возврата...

Ти думаєшъ, моя мати,
Що я й не журюся (печалюсь)?
А якъ вийду за ворота,
Одъ вітру валюся..
Ти думаєшъ, моя мати,
Що я и не плачу?
За дрібними слізоньками
Я й світа не бачу!

Враги, разумѣется, всѣмъ этимъ чрезвычайно довольны: для нихъ радость видѣть дівчину въ печали:

Милый милу покидає—
Вороги раденькі!

Они готовы даже еще больше растравить эту печаль—и начинаютъ запугивать дівчину:

Ой говорять всі сусіде,
Що чумаць вже не приїде,
И говорять усі люде,
Що вже чумака не буде!..

Неужели же это правда? Неужели ей такъ-таки и не придется больше увидѣть своего чумака? А можетъ онъ ее промѣняетъ на «иншу», побогаче или покрасивѣе ее?.. Кто же эта «розлучница», гдѣ она? — Всѣ эти вопросы камнемъ ложатся на душу дівчини и выжимаютъ слезу за слезою...

Ой стояла калинонька
Насупроти сонця:
Ой плакала дівчинонька,
Сидючи въ віконця...

И нигдѣ нѣтъ для нея утѣшенія, ни въ чемъ и ни въ комъ она не находитъ «розваги» (утѣшенія)...

Выйдетъ она вечеромъ за ворота между «челядь» (молодежь): всѣ веселы, довольны... Пойдетъ она «розважить свою тугу» на улицу: тамъ на *тичку* собрались парубки и дівчата—ея подружки,—поють пѣсни, «перекидающця жартами».. Весело! Пѣсня «луна» (разносится) по всему селу, откликаясь гдѣ-то далеко въ чащѣ вѣковѣчныхъ липъ и дубовъ—свидѣтелей старины давней; звонкій смѣхъ перерываетъ пѣсню и звучными раскатами летитъ въ догонъ за нею... Тутъ позабыты всѣ суеты міра, всѣ его печали и горести: тутъ забывается все и всѣ!.. Однѣ выражения радости и веселья наполняютъ улицу; одни порывы молодой, не-отравленной невзгодами, жизни, въ пору которой только и бываетъ такое беззаботное веселье,—словомъ, одно ни чѣмъ незамѣнимое счастье,—одна любовь, вызывающая обмѣны симпатическихъ взглядовъ, выражаемая звонкимъ смѣхомъ, радостными выраженіями лицъ... на которыя заглядѣлись ясныя звѣзды и вышмыгъ изъ-за тучи полюбоваться вѣчно-спокойный, блѣднолицый мѣсяцъ... Но веселье улицы существуетъ для тѣхъ, кому тепло на свѣтѣ и покойно на душѣ. А у нашей дівчини горе, «якъ чорна гадюка», обвилось вокругъ сердца: ей еще тяжеле стало отъ радостей своихъ счастливыхъ подругъ—и невольныя слѣзы заискрылись на глазахъ у нея... Съ тоски и горя слезы заводятъ «зъ білого світу» въ монастырь:

Ой на горі та суниченьки,
Підъ горою полуниченьки:
Пішовъ милий у Кримъ по сілъ,
А милая—у черниченьки...

Развѣ она «по волі» оставила «білий світъ» съ его возможными радостями,—промѣняла «бинди, червону плахту, намиста» на черную рясу, а густую роскошную дѣвичью косу покрыла «не білою наміткою,» а чернымъ могильнымъ «зациналомъ»?..

Не по волі я вчорніла—
Не думала постригатися:
Не пристає мое сердце
Та зъ иншими женихатися...

Часто тоска дівчини за уѣхавшимъ чумакомъ бываетъ такъ велика, что не успѣетъ онъ выѣхать «за густі лози,» какъ

«обілляють дівчиноньку дрібненькиї слѣзи.» А то даже бываєть и такъ, что не успѣєть милий отъѣхати «за биллі хати,» какъ становится необходимымъ «молоду дівчину на вітеръ підняти,» или же:

Ще не виїхавъ молодий чумаць
За високу могилу,—

а ему уже кричать:

Вернись, вернись, чумаченьку,
Роби домовину (гробъ)...

Вирочемъ, подобная катастрофа виходить изъ ряда печальнихъ случаевъ, сопровождающихъ разлуку чумака съ дівчиною. Въ пѣснѣ поєтся, что разлука эта для нихъ — «розставання—серцю розривання». Это-то сердце иногда и гонить дівчину, подобно женѣ, въ погоню за чумакомъ:

Ой з-за гори, та з-за кручі
Риплять вози йлучи,
А за ними дівчинонька—
Сильне ридаючи...

Но чумаку и горя мало, словно это не его касается:

Иде чумаць дорогою,
На пужально (казуовище) викиляецця...
За нимъ біжить дівчинонька—
Слізюньками умиваецця...

Она обратилась къ нему, просить:

Годі тобі, чумаченьку,
На пужально викилятися:
Нехай же я перестану
Слізюньками умиватися!

Лишнія слова! Чумаць и не думаетъ останавливаться: густая пыль подымается все дальше и дальше—и даетъ знать объ исчезновеніи валки, пока не скроются за горою... Вотъ и рѣка: на паромѣ переправляется валка; — она уже по ту сторону... Дівчина не унимается преслѣдовать чумака:

Перебреду бистру річку,
Стану на пісочку,
Та виперу чумакомі
Штани та сорочку!

Дѣйствительно перебрела она черезъ рѣку, ласкается къ своему милому и спрашиваетъ: отчего у него «сорочка не біла?»

Чумаъ отвѣчаетъ, что если бы у него «матуся рідненька,» то
бы бы «що-неділлі сорочка біленька.» А такъ какъ у него —

Мати стара, сестра мала,
И вікому прати,

а къ тому еще —

И далеко до дівчини:
Будуть люде знати!.

то «чумаченько-бурлаченько» и не заботится о костюмѣ: ему
5—8 недѣль проходитъ, не снимая рубахи, ничего не значить.

А що мині про те дбати?
Тільки серце вуде...

И тутъ же, обращаясь къ дівчині, «жартуе» съ нею:

Яко випре оці штани—
То та й моя буде!

А дівчина только того и ждала: она давно не жалѣетъ «ру-
чекъ та пучокъ» для своего чумаченька. Наконецъ, надоѣли уже
ему и «жарти,» — онъ совѣтуетъ дівчині оставить начатое дѣло:

Годи тобі, дивчинонько,
Сорочечку прати:
Бери серпъ, та йди въ степъ
Пшеничоньку жати!

Дівчину слова эти обидѣли и ссора разводитъ ихъ въ раз-
ныя стороны. Дівчина, разсердившись, высказываетъ чумаку
такое пожеланіе:

Бодай же ти, чумаченьку,
Тоді й оженився—
Якъ у млині на камені
Кукіль уродився!

А чумакъ тоже не остается въ долгу:

Ой щобъ же ти, дівчинонько,
Тоді заміжъ виїшла—
Якъ у млені на камені
Яра рута зійшла?

Послѣ этихъ пожеланій, они расходятся: чумакъ идетъ не-
возмутимо-медленнымъ шагомъ за «сивими волами,» а дівчина,
въ слезахъ, возвращается обратно домой, проклиная ту минуту,
когда судьба первый разъ свела ее съ чумакомъ.

Бываетъ однако и не столь тяжелая для дівчини разлука съ
нимъ. Иногда самъ чумакъ, отправляясь «у Крымъ по сілѣ
сіримъ волами», —

Оглянецца назадъ себе—
Вмицеца слезами...

И тутъ же станеть просить у Бога:

Допоможе мині, Боже,
Тамъ соли набрати,
А щобъ мині любую дівчину,
Та въ биндахъ *) застати!

Но вернуться чумаки, какъ бы тяжела ему ни была разлука съ дівчиною, ни за что не согласится. Даже просьба объ этомъ «старой матери—пораднице—въ хаті» не имѣетъ успѣха. Когда мать изъ выѣзжающей валки «викликала» своего сына:

Иди, сыну, до-домочку,
Змию тобі головочку!

— онъ, также какъ и казакъ въ подобномъ случаѣ, отвѣчаетъ:

Измиій, мати, сама собі,
Або мойй рідній сестрі.
Мене змиють дрібні дощі,
А роцешуть густі терни,
А висушать ясне сонце,
А розкуйдить буйний мітеръ!

Чумаки не смѣютъ возвращаться, иначе его осмѣютъ товарищи: назовутъ «лежободкомъ», «маміємъ» (матушкины сыночки) и т. п. Только въ пѣсняхъ позднѣйшей формации встрѣчается желаніе чумаковъ «вернуцца до-дому». Когда ихъ приглашаютъ въ тому, они отвѣчаютъ:

Ой ради бъ ми вернутися—
Рядчикъ не пускае.

Очевидно, что это являются не прежніе чумаки, съ ихъ «вѣковичными звичаями», а просто на-просто извозчики, напактые подрядчикомъ и обязанные доставить товары къ сроку. Поэтому-то про выѣздъ ихъ и говорится: *

Пішли наши чумаченьки
Въ великій неволі...

Чумачество, очевидно, утратило свой прежній духъ, и пѣсня запѣла другое.

Ив. Рудченко.

*) Въ бинды (ленты) одѣваются только дѣвчата. Чумаки, поэтому, и просятъ у Бога, чтобы дѣвчину любимую заставить еще «въ биндахъ», т.-е., чтобы она, въ его отсутствіе, не вышла замужъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

СЕРГѢЯ НИКОЛАЕВИЧА ГЛИНКИ

1825—1829 гг. *).

Съ легкой руки В. В. Варгина, пустился я (февраль 1825* г.) въ Петербургъ и пріѣхалъ туда въ самый разгулъ масленицы. Но, какъ говорить пословица, «чему быть, того не миновать». Дѣло мое¹⁾ закипѣло быстро. При вторичномъ моемъ приходѣ

*) На вопросъ, съ которымъ мы обратились къ сыну покойнаго С. Н. Глинка, доставшему намъ въ списокъ настоящій отрывокъ изъ его воспоминаній, а именно: въ какой степени точенъ списокъ и гдѣ хранится оригиналъ, — В. С. Глинка отвѣтилъ намъ:

«... Отецъ мой за три года до смерти ослѣпъ, а потому диктовалъ, и съ его словъ записывали (записки его не всѣ, но большею частью писаны съ его словъ до его смерти въ 1847 г.). Онъ имѣлъ счастливую память и всегда просилъ перечитать написанное, что нужно дополнял и исправлялъ. Событія и факты изложены вѣрно, но конечно есть грамматическія ошибки. Печатавъ прежде отрывки изъ записокъ отца въ «Современникѣ» (подъ названіемъ «Мое ценсурство»), я самъ свѣрялъ съ подлинникомъ, написаннымъ рукою отца, и находящимся въ Публичной Библіотекѣ. Много отрывковъ печаталось и въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и въ «Русскомъ Словѣ», и на счетъ ихъ вѣрности сомнѣнія не было. Оригиналы, съ котораго я списывалъ настоящій отрывокъ, нѣсколько лѣтъ лежалъ у А. В. Никитенко; онъ можетъ ручаться за выраженія и справедливость самаго факта, ибо самъ лично зналъ моего отца. Вотъ все, что я могу сказать вамъ. Пр., и пр. — Василій Глинка.

Какъ видно изъ одного мѣста въ текстѣ, настоящій отрывокъ писанъ въ 1841-мъ году. Нѣкоторые изъ новыхъ фактовъ, сообщаемыхъ авторомъ, требуютъ провѣрки и могутъ быть приняты нова къ свѣдѣнію; но для общей характеристики нравовъ и настроенія умовъ той эпохи въ запискахъ С. Н. Глинка историкъ найдетъ весьма драгоцѣнныя черты.

¹⁾ Просьба о вспоможеніи, изложенная ниже.

Ред.
Ред.

къ министру народнаго просвѣщенія, А. С. Шишкову, въ день заговѣннаго воскресенья, Александръ Семеновичъ сказалъ мнѣ:

— Погодите у меня, я послалъ навѣдаться, будетъ ли сегодня пріемъ у Государя.

А тогда министр просвѣщенія докладывалъ въ семь часовъ вечера по воскресеньемъ. Хотя было воскресенье необыкновенное, однакоже отвѣтъ пришелъ удовлетворительный: «будетъ пріемъ».

Будетъ! Но едва не разрушились всѣ мои ожиданія.

А вотъ какимъ образомъ.

Собираясь во дворецъ, министр пересматривалъ приготовленные доклады въ портфель; и къ удивленію своему не нашелъ докладной своей записки обо мнѣ. Записка эта *исчезла*.

Объясняюсь.

Съ 1806-го года выдумали, что будто бы я отголосокъ какого-то невидимаго общества. А я изрѣдка, и то по неволѣ, заглядывалъ и въ видимое общество.

Съ 1812-го года облекли меня личиною таинственнаго чловѣка, предполагая, что я самъ собою не отважился бы явно и гласно говорить все то, что тогда говорилъ. Со времени открытія масонскихъ ложъ, негодовали на меня за то, что я ни въ одну изъ нихъ не заглядывалъ. Не осуждая никакихъ обществъ, скажу только, что именно по духу моей независимости я не подчинялъ себя никогда самовластию часовъ. Даже въ юности моей я не приковывалъ себя къ колесницамъ нашихъ *Кипридовъ*, страшась часового у нихъ дежурства; а въ 1811-мъ году, когда избранъ я былъ членомъ въ Обществѣ московскихъ любителей словесности, я прочиталъ тамъ рѣчь и въ тотъ же вечеръ оттуда выбылъ, услыхавъ отъ предсѣдателя общества, что члены должны высиживать до окончанія всѣхъ чтеній. И рѣчь моя, и записка о выходѣ изъ общества помѣщены были въ 1811-мъ году въ «Трудахъ любителей словесности» отъ Общества. Любовь моя къ независимости (если угодно назовите ее и какимъ-нибудь дикимъ порывомъ) возбудила странное подозрѣніе, будто бы я для того отъ всего и всѣхъ отклоняюсь, чтобы за *всѣми* и за *всѣми* наблюдать. Никогда и никто не оцѣливалъ меня никакимъ постороннимъ наблюденіемъ. Предположенія и заключенія чловѣческія иногда бываютъ удивительныя! Вотъ мое объясненіе, и вотъ почему изъ портфеля министра взята была обо мнѣ записка, въ томъ предположеніи: пѣтъ ли въ ней какого доноса на духъ тогдашняго времени?

Великими историческими событіями ознаменовался 1825-й г. для нашего отечества: необыченъ онъ былъ и для меня.

Но какъ бы то ни было, а *увлеченіе записки* послужило къ *успокоенію* моей. А. С. Шишковъ быстрымъ и порывистымъ перомъ написалъ обо мнѣ нѣсколько строчекъ, заявляя въ нихъ: «без-
дѣльную любовь мою къ отечеству и всегдашнюю готовность
жертвовать всегда всѣмъ престолу и отечеству».

Это сущность отзыва министра; а вотъ содержаніе пропав-
шей моей записки:

I) *Служба*. 1795 года, я началъ службу въ числѣ адъютантовъ у князя Юрія Владиміровича Долгорукаго, бывшаго въ то время московскимъ генераль-губернаторомъ.—1799 года добровольно вызвался въ итальянскій походъ съ осмисотнымъ отрядомъ Архаровскаго полка.—Въ 1806-мъ году находясь въ отставкѣ и бывъ безпомѣстнымъ дворяниномъ (ибо 1802 года, по словесному завѣщанію матери моей, я все родовое наслѣдство отдалъ сестрѣ), на собственномъ иждивеніи служилъ бригад-майоромъ въ земскихъ войскахъ по Сычевскому уѣзду, за что и награжденъ золотою медалью съ лицевымъ изображеніемъ Императора Александра Перваго и съ надписью: «за вѣру и отечество». — 1812 года мнѣ удалось первому записаться въ ратники московскаго ополченія и первому возложить на алтарь отечества жертву. Того же года іюля 18-го награжденъ я былъ орденомъ 4-ой степени св. Владиміра при слѣдующемъ рескриптѣ:

«Господинъ майоръ Глинка! Любовь къ отечеству, доказанная дѣяніями и сочиненіями вашими, обратили на васъ вниманіе ваше». На подлинномъ рескриптѣ подписано: «Александръ.»

II) *Печатные труды*. Не стану здѣсь напоминать всѣхъ чернильных моихъ грѣховъ, скажу, что въ запискѣ къ министру и тогда уже простирались они до 130-ти частей. А много ли листовъ отдѣлить отъ нихъ потомство? Не знаю. Покойный А. Ѳ. Воейковъ сказалъ мнѣ однажды, что «изъ всѣхъ моихъ многоплодныхъ сочиненій выкроится маленькая книжечка». Если и это сбудется, то будетъ для меня пальмою бессмертною. На моемъ вѣку сколько поколѣній книгъ пали въ Лету не съ шумомъ, но безмолвно!

III) *Просьба*. Здѣсь долженъ я прибавить, что вмѣстѣ съ возложенными на меня препорученіями развязаны мнѣ были руки на *триста тысячъ экстраординарной суммы*, изъ коей по запискѣ моей выдано только пятнадцать рублей для покупки шапки крылацкому крестьянину Никифору, благословившему трехъ сыновей своихъ въ ополченіе. Не до записокъ было въ то время, когда дѣло шло: быть или не быть Россіи въ Россіи! Тутъ настояла надобность необходимая успокоивать

умы, сколько возможно: а для этого, по возложеннымъ на меня особеннымъ порученіямъ, надлежало и днемъ и ночью быть въ непрестанной дѣятельности.

Сверхъ того, нельзя было ни часомъ, ни мгновениемъ охлаждать жаркаго рвенія юношей, порывавшихся подъ хоругви ополченія. Вслѣдствіе сего днемъ и ночью, во всякое время, когда заставляли меня юноши, я брать оставшіяся вещи жены моей отъ утраченнаго ею наслѣдства опекою, продавалъ и употреблялъ ихъ въ поспѣшному исполненію желанія новоополченныхъ. Такимъ образомъ снарядилъ я на службу до двадцати юношей и въ представленномъ о томъ свидѣтельствѣ показалъ, что это стоило женѣ моей свыше пяти тысячъ рублей, почему и просилъ о назначеніи мнѣ пенсіи. — Деньги же триста тысячъ возвратилъ я черезъ графа Ѳ. В. Растопчина куда слѣдуетъ.

Вотъ подлинная сущность моей записки. Не только не пеняю на руку похитившую ее, но еще благодарю. Ибо въ тревоженный 1825-й годъ, читатели записки могли убѣдиться, что ни перо мое, ни сердце ни на кого не посягало. Много бурь нагоняли на меня, но я не отклонялъ ихъ отъ себя, чтобы сбить съ ногъ другихъ. Чтобы не возбудить притязательствъ за 1812-й годъ, мнѣ утверждено было Государемъ выдать шесть тысячъ, для уплаты въ университетскую типографію за напечатаніе третьяго изданія моей русской исторіи и наградить перстнемъ. Слѣдовательно это уравнивалось съ издержками нашими 1812-го года. Я тогда объ этомъ расчетъ не мыслилъ: я радъ былъ, что семейство мое почувствуетъ хотя временную передышку отъ нашествія горестныхъ нуждъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, отправился я въ Николаю Михайловичу Карамзину. Нашъ исторіографъ встрѣтилъ меня съ такимъ же радушіемъ, съ какимъ обходился со мною въ Москвѣ. Однажды, вечеромъ былъ у него М. М. Сперанскій, и Николай Михайловичъ указывая на мою русскую исторію, лежавшую у стѣны на столичкѣ, сказалъ: «Сергѣй Николаевичъ, вы обогнали меня въ исторіи». Я отвѣчалъ:—Въ продолженіи годовъ, а не въ славѣ пера вашего.

А между тѣмъ, когда нашъ исторіографъ говорилъ въ Петербургѣ о быстромъ обгонѣ моей русской исторіи, ее, бѣдную, въ Москвѣ безпощадно уничтожали, и она въ безмолвіи уснула сномъ непробуднымъ. Роковая внезапность невольна поражаетъ. Тогда я сильно былъ встревоженъ, а теперь не сержусь, но радуюсь, что журнальная мысль дѣйствуетъ и пробуждаетъ дѣятельность. Прибавлю притомъ только, что безъ пристраст-

вѣтливой критики она будетъ самоуправствомъ, ибо показывать недостатки, и что и почему не хорошо. А въ «Телеграфѣ», бывшемъ тогда въ ходу, сказано было лаконичнымъ приговоромъ: «Не читать безъ замѣчаній русской исторіи Сергія Глинки ни отцамъ, ни матерямъ, ни наставникамъ». Это приговоръ, а не доказательства.

Прочитавъ это въ «Телеграфѣ», Николай Михайловичъ приписалъ ко мнѣ слѣдующую записку: «Иду сейчасъ къ министру просвѣщенія». И онъ пошелъ.

Въ другой день передъ кабинетомъ министра просвѣщенія сидѣлъ я Василія Андреевича Жуковскаго, и услышалъ отъ него, что Н. М. Карамзинъ въ докладѣ своемъ изъяснилъ, что русская исторія, по изложенію происшествій и по нравственной цѣли, заслуживаетъ быть *классическою книгою*, за что и предлагается о предоставленіи мнѣ награды.

Между тѣмъ Н. И. Гречъ пригласилъ меня къ обѣду. Я пришелъ къ нему съ сыномъ моимъ Владиміромъ, котораго взялъ съ собою, чтобы не быть въ Петербургѣ вовсе сиротою въ разлукѣ съ семействомъ. Гости сѣзжались. Тутъ, не бывъ въ Петербургѣ около семнадцати лѣтъ, увидалъ я юное, новое поведеніе, сильное словомъ, мыслию и перомъ. Въ числѣ ихъ былъ Грибоѣдовъ. Хозяинъ посадилъ меня между поэтомъ Гнѣдичемъ и И. А. Крыловымъ. Когда поднесли къ нему исполненное блюдо рыбы, Крыловъ сказалъ:—«Что это, Николай Ивановичъ, ты хочешь насъ закормить».—«Нѣтъ! возразилъ хозяинъ: хочу васъ накормить». Для меня, тогдашняго московскаго творника, все было какимъ-то чуднымъ зрѣлищемъ, которое развернулось неожиданною выходкою. Когда подали жаркое, И. Гречъ, наливъ бокалъ шампанскимъ, сказалъ:—«За здоровье Государя Императора и за здоровье всего Августѣйшаго Дома, увѣнчавшаго наградою Сергія Николаевича Глинеу». Бокалы закипѣли. Когда дошла очередь до меня, я попросилъ бумагу и тутъ же написалъ стихи, напечатанные въ «Сѣверной Пчелѣ» февраля 17-го 1825 года.

Послѣ заздравнаго тоста за домъ царскій, хозяинъ провозгласилъ тостъ за тогдашняго министра просвѣщенія А. С. Шишкова, обратившаго на меня Высочайшее вниманіе. Обѣдъ данъ не для моихъ «прекрасныхъ глазъ». Ловкій хозяинъ только воспользовался случаемъ. Съ 1824 года, за похищенный имъ типографіи печатный листъ, ему довелось терпѣть въ своемъ пиру похмѣлье, то-есть попасть въ среду боровшихся страстей. Не любя вмѣшиваться въ чужія дѣла, не стану болѣе о томъ распространяться. А притомъ, съ 1825-го года къ от-

шельнической моей жизни столько прильнуло необычайныхъ обстоятельствъ, что и теперь, то-есть въ 1841-мъ году, едва могъ ихъ сообразить.

Чтобы ѣхать изъ Петербурга, иду за подорожною къ графу Милорадовичу. При появленіи моемъ онъ держалъ № «Сѣверной Пчелы», въ которомъ напечатано было о пирѣ Н. И. Греча, размахивая листомъ, графъ сказалъ:

— Я сейчасъ объ васъ читалъ. Но я скажу Государю, что для васъ ничего не сдѣлано. Вамъ въ долгу правительство двѣнадцатый годъ.—И въ тому высокопарно возгласилъ: «Съ Сергія Николаевича ничего не брать за подорожную, онъ все отдавалъ отечеству».

Такимъ образомъ получилъ я *объленную* подорожную, и тутъ же графъ напѣвалъ множество хвалебныхъ вѣстей о государѣ во время и послѣ наводненія, для помѣщенія этихъ его разсказовъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Но напыщенный его разсказъ доказывалъ, что сердце его отрицало то, что языкъ его усиливался высказывать во всемъ риторскомъ великолѣпіи. Это замѣчаніе впослѣдствіи объяснится само собою.

Получивъ подорожную, я поспѣшилъ къ министру откланяться и поблагодарить.

— Погостите у насъ въ Петербургѣ недѣли три, сказалъ Александръ Семеновичъ,—объ васъ будетъ еще другой докладъ по представленію Н. М. Карамзина.

— Не останусь и на три дня, отвѣчалъ я. Я увѣренъ, что вы сдѣлаете для меня все, что будетъ возможно; а я спѣшу въ Москву.

Съ живымъ предчувствіемъ неизбежной политической бури отправился я въ Москву, и въ первыя минуты свиданія съ женою сказалъ ей: «Увѣряю тебя, что нынѣшній годъ непременно будетъ въ Петербургѣ что-нибудь необычайное».

— Полно! возразила она: ты такой же мечтатель какъ и любезный твой Жанъ-Жакъ Руссо.

— Не говори этого, возразилъ я: мой Жанъ-Жакъ не только угадчикъ, но былъ почти и пророкомъ. За нѣсколько лѣтъ до революціи, онъ въ «Эмилѣ» своемъ цѣлому свѣту возвѣстивъ, что мы живемъ въ вѣкъ революцій, цари будутъ подданными, а подданные царями, и мало ли что онъ еще предрекалъ. Да когда въ вихрь свѣта прислушиваться и вслушиваться въ ходъ времени! Впрочемъ увидимъ, кто изъ насъ будетъ правъ.

Черезъ нѣсколько времени по возвращеніи въ Москву, получилъ я отъ Н. М. Карамзина слѣдующее письмо:

«Сердечно благодарю васъ за ласковое, обязательное письмо;

Бога не говорите о моихъ мнимыхъ одолженіяхъ! Я могу ничѣмъ услужить вамъ. Г. министръ не рѣшился объ васъ вторично, и сдѣлаетъ то современемъ, какъ мнѣ вчера; думаю, что для вѣрнѣйшаго успѣха лучше такъ. Ему единственно обязаны вы первымъ благосклоннымъ докладомъ, обо мнѣ же можете только сказать по справедливости, что я не уступлю никому въ искреннѣйшемъ вамъ желательствѣ и въ готовности доказать вамъ дѣломъ истинность чувствъ моихъ. Любите меня просто за любовь мою къ вамъ, а будетъ, что Богу угодно. Не забуду напоминать г. министру, пока намъ рѣшительно не откажутъ.

Будьте выше зависти и клеветы, о которыхъ вы упоминаете въ письмѣ вашемъ и которыя въ здѣшнемъ свѣтѣ не оставятъ въ покоѣ добрыхъ людей. Къ счастью, есть Богъ! злымъ никогда удастся сдѣлать зло.—8-го марта 1825 года. С.-Петербургъ).

Я писалъ не о злыхъ людяхъ, но о легкомысленныхъ. Неприятно похитило мою записку въ Петербургъ. Тревожное письмо встрѣтило меня и на берегахъ Москвы-рѣки. Поѣздка въ Петербургъ и данный мнѣ обѣдъ Н. И. Гречемъ взволновали весь московскій университетъ.

Въ мірѣ ничего хуже и вреднѣе предположеній и речей догадокъ. Умъ опытный и основательный сперва все изслѣдуетъ, сообразитъ обстоятельства и душевные свойства человѣка, а потомъ предъявитъ свое сужденіе. Университетъ всполошился; одни распустили молву, будто я давалъ въ Петербургѣ пиръ и уклонялся на него данное приглашеніе въ университетскую типографію.

Огромленный со всѣхъ сторонъ молвою, я невольно упалъ подъ болтливымъ и шумнымъ ея налетомъ. Желчь разлилась у меня, и я слегъ въ постель. Опасаясь, что семейство мое въ случаѣ смерти моей останется безъ всякаго пособія, я написалъ графу Милорадовичу, чтобы онъ по обѣщанію своему явился за меня у Государя.

Отвѣта не было. Графъ сердился на меня за то, что возмущеніе его не появлялись въ «Русскомъ Вѣстникѣ».

Несмотря на тяжесть болѣзни моей, я написалъ бы и напечаталъ преподанную мнѣ статью: но ни мысли, ни сердце, ни перо мое не поддавались. Не думайте, чтобы издатель «Русскаго Вѣстника» захватомъ излагалъ свои мысли и сердечныя чувства. Онъ чувствовалъ то, что душа его подсказывала ему.

Въ вѣстѣ съ весною оживилось и мое здоровье, и въ маѣ мѣ-

скаѣ того же года получилъ я изъ Петербурга отъ князя І. Ширинскаго-Шихматова, что Государь не можетъ дать мнѣ сія, потому что я не служу, и что «Государь приказалъ звать мнѣ, чтобы я служилъ».

Озабоченный этимъ извѣстіемъ и видя необходимость ѣхать снова въ Петербургъ, чтобы исполнить государево слово и сѣсть на службу, мнѣ надлежало усилить труды и какъ-нибудь собрать денегъ на новую поѣздку.

Въ концѣ іюля (1825 г.), я, взявъ бричку у моего домохозяина, выѣхалъ изъ Москвы. Не болѣзнь, но какая-то тяжелая ка сильно давила мнѣ грудь и вовсе отбила меня отъ общественной пищи. А потому я запасся апельсинами и лимонами дорогою покупалъ и ѣлъ ягоды, гдѣ попадались. Не умѣю сказать, что отуманивало мою душу, помню, что я будто не обращалъ въ самомъ себѣ. Время было прекрасное, но глаза мои обращались на ясный небосклонъ и ни на какіе виды. Въ какомъ чудномъ и безотчетномъ для меня состояніи пріѣхалъ я Валдайское зимогорье часу въ шестомъ вечера 27-го іюля. Оставивъ чинить бричку, пострадавшую отъ дороги, я пошелъ легкимъ шагомъ горами.

Несвязныя мысли толпились въ головѣ моей. Я самъ куда не оглядывался и какъ будто не слышалъ подъ собой земли. Проѣзжалъ ли кто въ это время мимо меня, не знаю. Пустою безмолвною была вся окрестность, или такъ мнѣ показалось.

Между тѣмъ все болѣе и болѣе вечерѣло. Къ исходу десяти часовъ очутился я на шестой верстѣ, и въ это время вдругъ сверкнула въ головѣ моей мысль: Государь требуетъ, чтобы я служилъ. Но чтобы добиться до какой-нибудь службы, надобно исканіе, время, а я не привыкъ къ исканію: или нужно ждать, чтобы смерть столкнула кого-нибудь съ мѣста. Это все для меня новое и тяжелое дѣло.

Тутъ не могу и теперь отдать себѣ отчета, по какому и какому обыкновенному порыву быстро приподнялъ я голову, снялъ шляпу и вотъ что предстало удивленнымъ глазамъ моимъ.

Среди свѣтозарныхъ облаковъ я увидалъ императора Александра, ницъ преклоненнаго отъ юга на сѣверъ въ молитвенномъ положеніи. На головѣ его была корона, а надъ нею виталъ свѣтлый облакъ. Глубокое, душевное, святое умиленіе отражалось во всѣхъ чертахъ лица его. Дивными, радужными цвѣтами освѣчивалась державная порфира царя, молившагося Царю царей. Я стоялъ, какъ вкопанный, неподвижно; видѣлъ все явственно

идти глазамъ моимъ, или лучше сказать вглядывался въ такое видѣніе очами душевными, а не земными.

Постепеннымъ наступленіемъ сумерекъ величественный видъ исчезалъ съ ногъ и далѣе. Наконецъ призракъ весь исчезъ въ розовомъ сумрачномъ туманѣ. Въ это мгновеніе брызнули изъ глазъ моихъ. Раздался звонъ колокольчика; моя подоспѣла, и я сѣлъ въ нее съ какою-то непостижимою думою.

На другой день около полудня встрѣтился я подъ Бронными съ Семеновымъ, бывшимъ секретаремъ одного изъ тогдашнихъ обществъ. Пока перемѣняли лошадей, онъ пошелъ пѣшкомъ въ то иностранцемъ.

— У меня есть къ вамъ письмо отъ Федора Николаевича, — сказалъ онъ: — но оно у меня въ чемоданѣ, достать нельзя. Печень ваша здоровъ, и васъ въ Петербургъ ждутъ.

Гдѣ ожиданіе, тамъ блеститъ лучъ надежды. При словѣ: «васъ ждутъ», какъ будто свинцовое бремя спало съ моего сердца.

По приѣздѣ въ Петербургъ, я поспѣшилъ къ брату Федору Николаевичу, и пересказалъ ему о дивномъ моемъ видѣніи.

Братъ убѣждалъ меня никому объ этомъ не рассказывать, между прочимъ сказалъ: «Можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ императоръ въ то время молился».

Петербургъ показался мнѣ какъ будто окинутымъ какою-то врачною завѣсою, несмотря на то, что присутствіе Маріи Ивановны вызывало празднества. Приготавливались также и къ выѣзду въ Таганрогъ. Но я уже не встрѣчалъ того движенія, которое такъ кипѣло въ февральскую мою поѣздку. То была та весна, которая предшествуетъ бурному и грозному волненію лѣта.

Являсь къ министру просвѣщенія, говорю ему, что я готовъ къ всякой службѣ; но особенно былъ бы радъ и благодаренъ, еслибъ гдѣ-нибудь на городѣ дано бы было мнѣ мѣсто директора гимназіи, что и доставило бы мнѣ средства воспитывать детей моихъ. Министръ отвѣчалъ:

— Вы мнѣ будете нужны въ Москвѣ. Въ Государственномъ Совѣтѣ разсматриваютъ новый ценсурный уставъ и вы будете назначены цензоромъ. Отнесите ко мнѣ объ этомъ письмомъ, и я напишу въ московскій университетъ, чтобы за безпредѣльное ваше просвѣщеніе дать вамъ какое-нибудь мѣсто до установленія новаго ценсурнаго комитета. Нечего было дѣлать, я не успѣлъ словить министру и отклапывшись ему, поѣхалъ на дачу къ брату Дмитрію Ивановичу Лобанову.

Для меня не рѣдко письмами своими и разговаривая со

мною не рѣдко откровенно, князь въ этотъ разъ около трехъ часовъ дѣлалъ крайне мрачное обозрѣніе дѣйствій шихъ министровъ. Каждое слово его дышало раздраженіемъ и тивъ внутреннего тогдашняго управленія. Правду сказать, я отъ кого въ Петербургѣ не слыхалъ ни одного добраго сл о тогдашнемъ времени. Все приготовлялось, но подѣ завѣсо

Черезъ нѣсколько времени по приѣздѣ въ Петербургъ, я шелъ къ графу Милорадовичу; адъютантъ, доложивъ обо м возвратился съ отвѣтомъ, что буду принять, а минутъ черезъ п пришелъ сказать, что графъ уѣхалъ. Не уѣхалъ; онъ уѣхъ другимъ выходомъ на канаву. Это было мщеніе за то, что я напечаталъ хвалебныхъ его возгласовъ. «Милорадовичъ, по, малъ я, щеголялъ въ битвахъ геройствомъ, а отъ меня б гаетъ. Видно, я для него страшнѣе пуля». Но онъ страши не меня, а собственной своей совѣсти, отъ которой не зач чешься и подѣ землю.

Въ воскресенье, обѣдалъ я съ братомъ Ѳеодоромъ Николичемъ на дачѣ у Никитина, бывшаго секретаремъ редакціи журнала «Соревнователь просвѣщенія». Нѣсколько разъ пор вался рассказать я о моемъ видѣніи на Валдайскихъ горахъ; б братъ мой сильно дернулъ меня за руку и сказалъ мнѣ на у «молчите»!

Дача Никитина была подлѣ Екатерингофа, и мы подѣ вечеръ отправились туда. Едва сдѣлали мы нѣсколько шаговъ по са графъ Милорадовичъ бросился ко мнѣ съ распростертыми р ками и обнимая меня кричалъ по-французски:

— Вы забыли! забыли меня!

На восклицанія его я возразилъ также по-французски:

— Къ вамъ нельзя ходить, графъ! Вы въ одни двери пр нимаете, а изъ другихъ уходите.

— Нѣтъ, нѣтъ! продолжалъ графъ, приходите ко мнѣ зав поутру, мнѣ до васъ крайняя нужда.

Я рѣшился исполнить его приглашеніе. Но чтобы надежн съ нимъ свидѣться я вооружился рукописью, заключающею себѣ около двухсотъ русскихъ и собственноручныхъ францу скихъ писемъ Суворова ¹⁾, переплетенную въ сафьянъ. Принимъ и съ восторгомъ представляю рукопись.

Но графъ при имени Суворова холодно поморщился и от толкнулъ памятникъ души, ума и славы Суворова; и это слъ лалъ онъ съ какою-то Навуходоносоровскою гордынею. Оттог

¹⁾ Рукопись эта передана князю М. С. Воронцову.

Суворова, онъ оборотился къ вазѣ, въ которой плавали рыбки.

— Не правда ли, сказалъ онъ, — что они очень красивы. Не дождавшись моего отвѣта, всталъ и съ торжественнымъ видомъ расхаживая по комнатѣ возгласилъ:

— Видѣли ли вы безсмертный памятникъ императора Александра Благословеннаго на Петергофской дорогѣ, который онъ промѣлъ отъ наводненія?

Я отвѣчалъ отрицательно.

— О, поѣзжайте! воскликнулъ графъ, — поѣзжайте! Я приѣду къ вамъ мою коляску. *C'est un monument vers le ciel*; каждый день по нѣскольку разъ ѣзжу восхищаться заботами человечествъ великой души императора Александра.

Послѣ наводненія 1824-го года, покойный государь приказалъ по Петергофской дорогѣ при постройкѣ тамъ возвысить пострадавшія деревни, чтобы впредь вода не причиняла имъ такого разоренія.

Сѣду туда въ коляскѣ графа. Спрашиваю вучера: — давно былъ тутъ графъ Милорадовичъ? Слышу отвѣтъ: «никогда». Это поразило меня, и я, отпустивъ коляску графа, не поѣхалъ вему. Я понялъ, для чего графъ игралъ со мною комедію.

1825-го года о графѣ Милорадовичѣ можно сказать Корнеевымъ выраженіемъ: «въ Римѣ не было уже Рима». Не за долго до моей мистической поѣздки на Петергофскую дорогѣ, онъ рассказывалъ Егоръ Борисовичъ Фуксъ, что когда 1824-го г. графъ Милорадовичъ выѣхалъ и выѣхалъ с.-петербургскаго берега полиціи-мейстера Гладкова, онъ поэтому случаю получилъ такое письмо отъ Дибича и отъ имени государя. Въ гнѣвномъ порывѣ графъ воскликнулъ: Дибичъ мнѣ заплатитъ! Схвативъ пистолеты, бросился въ карету, но съ Пулкововой горы, по убѣжденію своего спутника, котораго имя, въ сожалѣнію, вышло изъ моей памяти, возвратился въ городъ. Съ той поры онъ облекъ себя личиною лести. Работѣпствовалъ передъ Аракчеевымъ, толкаясь иногда по получасу въ его пріемной. Когда графу Аракчееву докладывали о Милорадовичѣ, онъ говорилъ: «пусть подождетъ, онъ придетъ выманивать денегъ».

И при появленіи сильнаго графа Аракчеева, графъ Милорадовичъ изгибался въ три погибели.

Далеко, далеко былъ онъ отъ того Милорадовича, который въ итальянскую войну, видя, что ряды нашихъ войскъ отступаютъ отъ напора непріятеля, схватилъ знамя и воскликнулъ: «Солдаты! Посмотрите, какъ умирать вашъ генералъ». Далеко былъ онъ 1825-го года отъ Милорадовича 1799-го года. Въ 1814-мъ

году, отправляясь генераль-губернаторомъ въ С.-Петербургъ онъ навѣстилъ меня и сказалъ, что поѣдетъ къ графу Раскчину поучиться, какъ дѣйствовать на чредѣ генераль-губернатора. Онъ хвастался также, что вступить въ борьбу съ тогдашнимъ министерствомъ. Не знаю, далъ ли ему графъ Ростопчинъ какіе-нибудь уроки; но кажется жрицы Киприды и сама-темная дума изъ прежняго Милорадовича вытѣснила Милорадовича.

Упомянуль я выше, что въ первую поѣздку въ Петербургъ графъ Милорадовичъ приказалъ выдать мнѣ подорожную и взysкивая съ меня поверстныхъ денегъ. На этотъ разъ раскчидилъ я уклониться отъ этого подарка, а для того послалъ челоуѣка узнать, у себя ли графъ. Узнавъ, что онъ въ Екатерингофѣ, иду въ канцелярію, беру подорожную, ѣду въ Екатерингофъ. Застаю графа на крыльцѣ.

— Я радъ, что вижу васъ, сказалъ графъ.

— Я пріѣхалъ проститься съ вами, вотъ и подорожная.

Графъ предложилъ мнѣ завтракъ.

— Согласенъ, сказалъ я, — завтракъ замѣнить мнѣ обѣдъ.

Приказавъ приготовить завтракъ, графъ пригласилъ меня съ собою на балконъ, обращенный къ заливу. Онъ сѣлъ на правую сторону къ заливу, а я на лѣвую. Не знаю для чего, указывая рукою на Стрѣльну, мелькавшую вдаль, онъ сказалъ:

— *Voyez vous ce chateau? C'est moi qui a fait tout le plan?*

Что такое онъ устроилъ или смастерилъ, я не озабочился узнать.

— Графъ, сказалъ я: — дня два тому назадъ ѣхалъ я съ Каменнаго Острова Троицкимъ мостомъ. Нева волновалась; небо было подернуто туманомъ; порывистые вѣтры бушевали со всѣхъ сторонъ. И мнѣ пришла въ голову слѣдующая мысль: *Petersbourg est une ville où luttent tous les élémens et toutes les passions.*

— *Mais c'est vrai ça.*

— *Et vous, que faites-vous?*

— *Je suis irrité, je me suis jeté dans la populace.*

— *Vous vous êtes jeté dans la mer la plus orageuse.*

Тутъ, прервавъ разговоръ французскій, я сказалъ:

— Ужели одно простонародье составляетъ цѣлое общество. И виноваты ли мы, бѣдные отцы семействъ, что мы родились дворянами? Вы знаете, графъ, что у меня нѣтъ ни деревни, ни дома, а у меня семь человѣкъ дѣтей.

— А на что вы ихъ надѣляли?

— Вы ошибаетесь, графъ. Дѣтей Богъ даетъ. Иной богачъ можетъ что бы далъ, только были бы у него дѣти. Но дѣти покупаютъ, ни дѣлаютъ. Рѣзецъ художника можетъ выгравировать и Купидона, и Галатею, но повторяю, что: дѣтей Богъ

краска выступила на лицѣ графа. Онъ нѣсколько помолчалъ, а потомъ сказалъ:

— Хорошо, я непременно выпрошу для васъ Анну съ алмазными три тысячи пенсіи; донесите государю, что Гр. и Бул. не любятъ. Я буду вамъ самъ диктовать, а вы только пишете своею рукою и подпишите свое имя.

Признаюсь: менѣе бы я изумился, еслибъ громъ упалъ въ мой конюшій, сколько поразилъ меня такой вызовъ графа.

— Графъ! сказалъ я: — тѣми ли устами вы вызываете меня на гибель, которыми нѣкогда воспламеняли русскихъ воиновъ дымъ славы? Вы меня оскорбляете, и я не узнаю въ васъ героя, котораго братъ мой Федоръ Николаевичъ называлъ въ письмахъ своихъ: «русскимъ Баярдомъ». Я бѣденъ, я крайне стѣсненъ обстоятельствами, но за всѣ сокровища свѣта не променяю совѣсти моей и того душевнаго слова, которое Богъ далъ для любви, а не для гибели людей.

Тутъ извѣстили, что завтракъ готовъ. Въ рѣчахъ графа замечалось раздраженіе. За столомъ мы ѣли, и переливали изъ одного въ порожнее.

Я заговорилъ о лаврахъ его, пожатыхъ имъ на поляхъ славы, о тѣхъ дивныхъ дняхъ, когда онъ завидовалъ славной карьерѣ грабраго Кульнева. Лицо графа прояснилось. Наконецъ, онъ сказалъ:

— Опишите Екатеринингофъ; не забудьте о воспоминаніяхъ Панинскихъ, и я ваше описаніе отправлю въ Веймаръ, къ Маріи Шлегель.

— На это, отвѣчалъ я: — согласенъ. Ея высочество была, можно сказать, попечительною матерью русскихъ раненыхъ въ войну заграничную. Можетъ быть ей угодно будетъ наградить меня перстнемъ. Подарку буду радъ; но о вашихъ обольщеніяхъ стыжусь и подумать. Скажу только вамъ, что я такъ не люблю впутываться въ чужія дѣла, что даже не любопытствую узнать, что значатъ ваши слова, когда, указывая на Стрѣльну, вы сказали: «C'est moi, qui à fait tout ce plan».

Графъ смутился; хотѣлъ что-то сказать; но тутъ я замѣтилъ, что мнѣ пора ѣхать. Выпивъ по заздравному бокалу, мы прощались — навсегда.

А когда вышелъ мой «Московскій Альманахъ», гдѣ помѣ-

стиль я описаніе Екатерингофа и застольную папу бесѣда графъ уже былъ тамъ, гдѣ, говоря словами поэта: «Смерть и жизнь на жизнь завѣтную свою печать»...

Съ прежнею торопливостію я спѣшилъ въ Москву, и проѣхавъ Царское Село, посѣтилъ я Н. М. Карамзина. Захожу въ Куньинскую деревню, гдѣ жилъ тогда нашъ исторіографъ. Узнаю, что онъ занятъ въ саду утреннею прогулкою, беру перо и пишу: «Вы пѣнный отецъ семейства и вы можете судить, какъ тяжело быть въ разлукѣ съ семействомъ. Но гдѣ бы я ни былъ, наединѣ о васъ будетъ вездѣ и всегда неразлучно со мною».

Вслѣдъ за мною летѣло слѣдующее письмо Николая Михайловича:

«Мнѣ сердечно жаль, что я не видался съ вами. Вѣрю моему искреннему усердію. Обрадуюсь, когда узнаю, что вамъ дано хорошее мѣсто, иначе просьба о пенсіи впереди. Выбирайте любое мѣсто или пенсію. Буду павѣдываться о мѣстѣ черезъ Сербиновича. Александръ Семеновичъ теперь въ горѣ лишился Дарьи Алексѣевны. Будьте здоровы съ вашимъ любимымъ семействомъ, и проч.».

Въ Москвѣ встрѣтили меня и новыя предположенія, предложения и догадки, и всѣ разгулы молвы. Долго судили и раздумывали ученые головы, куда дѣвать человѣка, извѣстнаго министру «чрезвычайнымъ своимъ просвѣщеніемъ». Наконецъ, придумали возвести меня въ небывалую степень: «Оберъ-корректора университетской типографіи». По странному стеченію обстоятельствъ мнѣ предложено было званіе оберъ-корректора въ самый департаментъ кончины императора Александра Перваго, ноября 19-го. Мелкій объемъ моей жизни не разъ сталкивался съ великими событіями 1808-го года, по жалобѣ Наполеона на «Русскій Вѣстникъ», предъявленной посланникомъ его Коленкуротъ, я былъ отставленъ отъ московскаго театра. А далѣе увидать, что за то, что я во французской брошюркѣ, изданной мною 1828-го года, подъ заглавіемъ: *Considérations morales sur la presse périodique en France*, касательно происходившихъ въ палатѣ Франціи жаркихъ преній о *журналахъ*, я предупредилъ паденіе Карла X-го за то и самъ палъ со стула ценсурскаго.

Но я право никогда не искалъ ни славы возвышенія, ни славы паденія, и остался пѣлюю жизнь мою *четвероюкраннимъ майоромъ*. А вотъ какимъ образомъ: въ 1806-мъ году служилъ я бригадъ-майоромъ въ земскихъ войскахъ, по Сычевскому уѣду, и вышелъ въ отставку, сохраняя чинъ майора. Потомъ поступилъ на службу при московскомъ театрѣ, гдѣ былъ переводчикомъ и просилъ, чтобы оставили меня въ майорскомъ чинѣ.

...го года, я снова отстоялъ свой майорскій чинъ. А когда, ...го года, я вступилъ въ московскій цензурный комитетъ ... должность цензора, я подалъ прошеніе къ тогдашнему ... народнаго просвѣщенія А. С. Шишкову, въ которомъ ... валь дозволенія не носить гражданскаго мундира, и не да- ... ній чиповъ, а оставить меня въ майорскомъ чинѣ. Вслѣдствіе ... мой попочитель московскаго учебнаго округа, въ іюлѣ ... того года, получилъ отъ г. министра народнаго просвѣще- ... генерала-отъ-инфантеріи князя Ливена слѣдующее отноше- ... Предмѣстникъ мой, въ январѣ мѣсяцѣ сего 1828-го года, ... представленною государю императору докладною запискою хода- ... вала объ оставленіи цензора московскаго цензурнаго ... ета майора Глинки въ настоящемъ его чинѣ, который, какъ ... ученный при увольненіи изъ военной службы, со вступленіемъ ... на службу ему не слѣдовало, объясняя, что цензоръ ... нка состоятъ въ майорскомъ чинѣ двадцать семь лѣтъ и ... литературными своими трудами приобрѣлъ довольную извѣст- ... , чтобы ему оставленъ былъ на службѣ настоящій майорскій По собраніи въ сему нужныхъ справокъ, г. начальникъ ... ба его императорскаго величества входилъ съ докладомъ по ... раченному предмету къ государю императору и его величество ... уваженіямъ, изложеннымъ въ представленіи г. адмирала Шиш- ... , высочайше повелѣтъ соизволилъ оставить цензора Глинку ... службѣ въ настоящемъ чинѣ майора».

Итакъ, съ 26-ти лѣтъ отъ роду остался я вѣчнымъ майо- ...

Ректоромъ московскаго университета былъ въ то время А. А. ... онскій. Онъ искусный былъ путеводитель юношей, никто ... его не умѣлъ водворять тихомірїе среди всѣхъ волпений ... кой юности. Но и онъ, при всемъ ко мнѣ доброжелательствѣ ... изъять былъ изъ числа людей, почитавшихъ меня какимъ-то ... омъ или дѣятелемъ таинственнымъ. А потому неумѣстный ... азъ о назначеніи моемъ въ должность оберъ-корректора не ... ражалъ моего самолюбія, ибо такой труженникъ чернильный ... внымъ былъ бы глупцомъ, еслибъ затѣялъ лелѣять тщеславіе, ... торымъ живутъ и дышутъ баловни судьбы и искатели поче- ... ей. Мнѣ было уже тогда пятьдесятъ лѣтъ. Трудно было при- ... матривать и за собственными буквами. Каково же было уполю- ... няться въ опеку надъ всѣми типографскими буквами. И смѣш- ... о бы было, еслибъ я вступилъ въ оберъ-корректоры. Возразить ... на указъ было легко, онъ присланъ ко мнѣ помимо доморощен- ... ста моего. Отыскивая въ головѣ такое слово, котораго значе- ... не было бы полновѣснѣе и отрывочнѣе, я остановился на слѣ-

вѣ: *поелику*, которое, по чести говорю, я никогда не употреблялъ. И такъ, вооружась великимъ и сильнымъ *поелику*, я препроводилъ въ А. А. Писареву, тогдашнему попечителю московскаго университета, слѣдующее письмо:

«Поелику я нигде никогда не подавалъ никакого прошенія на предлагаемое мнѣ званіе, то на основаніи всѣхъ закономъ отказываюсь не только отъ онаго, но и отъ всякаго сношенія съ университетомъ».

Вскорѣ послѣ письма моего попечитель московскаго университета давалъ обѣдъ для профессоровъ, на который и я былъ приглашенъ. Отвѣтъ мой на указъ былъ уже въ рукахъ помочителя. А. А. Писаревъ былъ моимъ корпуснымъ товарищемъ и потому обходился со мною по-братски. При входѣ моемъ онъ сказалъ:

— Что это ты дѣлаешь, Сергѣй Николаевичъ?

— Ничего! а спроси, что дѣлаетъ университетъ? Вѣдь я на смѣхъ курамъ, что по свидѣтельству министра народнаго просвѣщенія, «за мое безпредѣльное просвѣщеніе» онъ же, министр, подписалъ опредѣленіе мое въ оберъ-корректоры. Александръ Семеновичъ часто дремлетъ, и я увѣренъ, что онъ не читавъ подписалъ университетскую бумагу соннымъ перомъ...

Очень живо помню, что послѣднее круженіе мое къ отпущенію мѣста кончилось ноября девятнадцатаго.

А въ то время, на другомъ краю въ Россіи, дивныя судьбы Провидѣнія сводили съ престола пол-вселенной въ обитель праотцевъ — Александра Перваго.

И все было необычайно въ судьбѣ его! Въ годъ рожденія встрѣченъ онъ былъ наводненіемъ, превосходившимъ всѣ прежнія, и за годъ до кончины свирѣпствовало наводненіе, какъ будто отъ крайнихъ рубежей океана вринувшееся въ Неву. Взирая съ балкона дворца своего на борьбу стихій, Александръ писалъ къ нашему исторіографу: «Наводненіе было необычайное. Столица много пострадала — я на своемъ мѣстѣ. Преклоняю главу предъ Провидѣніемъ». М. Н. Карамзинъ жилъ тогда въ Парскомъ Селѣ, гдѣ буря ломала и рвала съ корнями давнолѣтнія деревья. А нашествіе океана, моря и залива на стогны и окрестности петербургскія, забушевало почти ровно черезъ двѣнадцать лѣтъ нашествія европейскихъ народовъ на Россію.

День ввезенія въ Москву тѣла императора Александра Перваго былъ въ полномъ смыслѣ слова днемъ могильнымъ. По опустѣлымъ улицамъ разъѣзжали конные отряды; среди глубокой тишины раздавался только благовѣстъ къ вечернямъ. Носились различные туманные слухи; но я пошелъ на встрѣчу хода

смертельного. Приближаясь къ Кремлю, Илья приостановилъ конную колесницу, бросилъ возжи и всплеснувъ руками, вскрикнулъ: «Граждане московскіе! кого вы встрѣчаете!» Безмолвные лица народа, стоя неподвижно, осѣнялись крестомъ, то смотря на царственный гробъ, то обращаясь къ золотымъ главамъ соборовъ московскихъ. Молчаніемъ окованы были уста гражданъ московскихъ! А давно ли торжественное ура гремѣло при появленіи Александра Перваго на крыльцѣ дворца Кремлевскаго!

Въ унылой задумчивости пошелъ я на Дѣвичье-поле, откуда шли въ нѣсколькихъ шагахъ. Москва казалась глухою пустыней, ворота у домовъ были заперты; изрѣдка мелькали санитари, переходя какъ будто не стало. На Дѣвичьемъ-полѣ бѣлѣлся только снѣгъ. Тутъ, взглянувъ на вершины горъ Воробьевыхъ, я видѣлъ торжественную закладку храма Христа Спасителя, воображая минувшее съ настоящимъ, мелькали передо мною быстрые переходы земной жизни. Возвратясь домой и удовлетворивъ любопытство свое касательно тревожныхъ слуховъ, я развернулъ библию и занялся чтеніемъ Эклезіаста.

Между тѣмъ мѣсто исчезло, и доброму Н. М. Карамзину не рѣшало было за русскую мою исторію. Онъ и самъ угасалъ въ продолженіи исторіи своей, и на путяхъ жизни. Я горевалъ, но не терзался. Хотя и сказано, что надежда неразлучная спутница человѣка, но я всегда начиналъ и принимался за трудъ безнадежно; былъ бы только трудъ. Щекотливое самолюбіе бѣситъ насъ тогда, когда, создавъ въ мысляхъ что-нибудь затѣйливое и расчисливъ на успѣхъ, попадаемъ въ просякъ.

А я безъ всякой запасной мысли шагая изо дня въ день, высматривалъ только, откуда блеснетъ лучъ чернильной работы, и если угодно даже и поденщины. Упомяну здѣсь, что въ ценсурство мое въ одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ помѣщено было, что я не писатель, а ремесленникъ. Товарищъ мой ценсоръ Мерзляковъ сказалъ, что этого не пропустить. «Пропустите, отвѣчалъ я; прибавьте только: *ремесленникъ Сергій Глинка*, ибо у насъ есть писатель Ѳеодоръ Николаевичъ Глинка.

Какъ бы то ни было, но въ работу подденную счастливый случай доставилъ мнѣ: «сто Лафонтеновыхъ басенъ».

А вотъ какимъ образомъ.

Московскому граверу Кудрявцову попались въ руки избранная Лафонтеномъ басни съ картинками. Вырѣзая картины, онъ предложилъ мнѣ переводъ басенъ, съ условіемъ за каждую по пяти рублей ассигнаціями.

Въ продолженіи *ста дней* получать по пяти рублей вѣрныхъ—это было для меня рудникомъ перувіанскимъ. Были сто

дней и у дивнаго челоѣка нашего вѣка, у Наполеона. Въ о мѣнѣ за нихъ и за нѣсколько державъ получилъ онъ при жи ни скалу Еленскую, а по смерти памятникъ на Вандомск площади. Кому изъ насъ болѣе прислужились сто дней? Ту конечно не сравненіе, а только намѣкъ на быстрый переѣз времени. Сто Наполеоновскихъ дней перешли въ столѣтія ист рическія! а будутъ ли когда-нибудь напечатаны мои *сто б сень* — и этого не вѣдаю. Переводъ этихъ басенъ посвятилъ Ивану Ивановичу Дмитріеву. А какъ состоялось посвященіе Объясняюсь: по предварительному условію съ граверомъ, на лежало переводъ первой басни представить на разсмотрѣніи Ивана Ивановича Дмитріева. Поэтъ нашъ въ переводѣ моемъ перемѣнилъ только одно выраженіе, и подъ щитомъ его мо переводъ пошелъ безостановочно. Каждый день съ новою бас нею сѣвшиль я къ граверу на Никольскую, каждый день полу чаль по пяти рублей и засыпалъ въ ожиданіи другихъ пяти руб лей за *басню* на нужды существенныя. По составу и ходу су ществующаго общества, труденъ подвигъ отца семейства. Жакъ-Жакъ Руссо, предвидя разгромъ стариной Франціи, плакалъ когда напоминали ему о его дѣтяхъ. А баснописецъ Лафонтенъ броса жену и сына, и издѣваясь надъ тружениками отцами се мействъ, говорилъ:

„O père de famille,
Je ne t'ai jamais envié cet honneur“.

«Отецъ семейства будь. будь честь твоя съ тобой,
Мнѣ не завиденъ жребій твой».

Одинъ изъ издателей его басенъ замѣчаетъ, что *honneur* не означаетъ ни почести, ни чины, но просто выказываетъ жа боты и хлопоты семейственныя. Жизнь бѣднаго отца семейства ни *чинъ*, ни *почестъ*, а крестъ и крестъ тяжелый. Стоять на безсмѣнной стражѣ нуждъ ежедневныхъ; уравнивать въ умствен номъ образованіи бѣдность съ богатствомъ, видѣть развитіе душъ и мыслей дѣтей и не видѣть для нихъ никакой отрадной цѣли въ обществѣ. Что это такое? Горе великое, неизъяснимое. На каждомъ шагу угрожала мнѣ гибель, если не встрѣтится новая работа къ подтвержденію выше упомянутаго труда. Встрѣ тился мнѣ новый трудъ въ подспорье прежняго. Въ молодости моей мечтая съ *Юномо*, я бродилъ въ мѣстахъ уединенныхъ, въ глуши лѣсовъ, нерѣдко внималъ громовымъ раскатамъ, меч таю подъ дождемъ проливнымъ, пересочиня въ мысляхъ *Юно вы ночи*; возвращаясь домой, передавалъ бумагѣ сумрачныя мечты свои. Отчего западало это раннее томленіе въ мою

Вѣдь ли это вѣстію, чтобы я готовился на борьбу съ
 рабнической? Получа по ломбардному билету шесть
 тысячъ мнѣ тысячъ, а отдалъ священнику церкви Петра
 Покровскаго рублей для памятника Альберту Фишеру,
 знавъ, что и другіе со мною наслѣдники, которымъ по
 отказано было по десяти тысячъ, окажутъ свое со-
 заветничество имъ деньги по заемнымъ письмамъ со-
 на богатѣ и по счету крестьянскихъ душъ, и по огром-
 ному. Но простосердечное то время давнымъ-давно про-
 шло: должникъ, страхась укоризны, торопился уплати-
 ть. Въ нашъ вѣкъ братъ и не отдавать одно и
 то же, назначенное мною на памятникъ рѣшась упо-
 ло по свойству души моего покойнаго друга, я напи-
 сать католическому священнику по-французски слѣдующую:
 «Одинъ изъ вашихъ проповѣдниковъ сказалъ, что ми-
 лосердїе въ нѣдра бѣдныхъ, молится за насъ. Я те-
 бѣ бѣдняковъ. А потому изъ доставленныхъ вамъ
 пятидесяти рублей пришлите мнѣ семьдесятъ пять, а
 не раздайте тремъ нищимъ семействамъ. Вмѣстѣ съ
 отправлюсь я на могилу моего друга, и вмѣсто каменнаго
 прошею за него душевную молитву къ небесному
 любви и милосердію».

Вполнѣ сбылась истина, что «добро не умираетъ».

Мой и съ того свѣта подалъ мнѣ руку помощи.

Въ это время императоръ Николай Первый подарилъ
 Александру Первому Войску Донскому.

Сочиненные мною на этотъ случай, принесли мнѣ
 много сотенъ, что и развязало перо мое для работы без-
 и доставило душѣ моей сладостную льготу быть чѣмъ-
 полезнымъ другимъ.

Въ вѣкъ рыцарства существовалъ во Франціи *Судъ любви*,
 о которомъ изъ опредѣленій его сказано было:

„Qui prend,
 Se vend“.

«Кто беретъ—себя продаетъ».

Представился и мнѣ счастливый случай передавать и дѣ-
 лать единственнымъ моимъ добромъ, то-есть трудомъ. При уч-
 ении комиссіи прошеній, каждый день стекалось ко мнѣ
 множество лицъ различныхъ сословій для сочиненія имъ просьбъ.
 Каждый случай былъ для меня истиннымъ подаркомъ отъ Про-
 шенія, которое посредствомъ друга моего Альберта Фишера
 и по смерти его оживило мое семейство. Я не

могъ, думалъ, соорудить ему памятника. Но при сочиненіи неимущимъ страдальцамъ буду припоминать, что завѣщалъ мнѣ помощь «за любовь мою къ бѣднымъ», каждомъ благодарномъ словѣ просителей буду встрѣчать съ тѣмъ, что я не измѣнилъ довѣренности его.

Можно ли жить безъ ожиданій и надеждъ?—не разсуждалъ объ этомъ. Но повторяю и здѣсь, что не порицаю ни уклоненій, ни исканій свѣтскихъ удовольствій; я съ 1812 года все отмежевался отъ всего того, что составляетъ и большаго и малаго круга и чѣмъ живутъ эти круги. Послѣдній другъ моей жизни, Тучковъ, палъ въ битвѣ Бородинской, новыхъ у меня не было. Въ первые годы изданія «Русскаго Вѣстника» я со мною знакомствъ и переписокъ. Въ 1826-мъ году знакомство отдалось, переписка отъѣхала. Иные за могилою отживаютъ поприщъ писателей, а я при жизни выбылъ изъ разряда писателей современныхъ. Въ свѣтѣ есть различные пути и пути случайности, чиновные, богатства, а въ свою очередь писательскіе.

Улыбается счастье, лелѣетъ и свѣтъ. Вмѣстѣ съ возрастомъ дѣтей цвѣтутъ въ семействахъ и ожиданія, и надежды и для меня и призракъ этого ни откуда не проглядывалъ. Съ возрастомъ дѣтей моихъ возрастала и боязнь за ихъ будущее, страдалъ, тяжело страдалъ, но не томился духомъ. Не мыслей моихъ никакими земными разсчетами дальновидной мнимой разсчитливости; не тяготя сердце никакими вѣтхостями тщеславія и честолюбія, послѣ трудовъ дневныхъ я не бѣжалъ жертвою ночей бессонныхъ. Сонъ благотворный освѣжалъ силы для новой борьбы житейской. «Не нужно, говорить, вооружаться вселенной къ подавленію человѣка; и воды, и ничтожная былинка не рѣдко похищаютъ жизнь». Въ такомъ расположеніи духа представилъ я просьбу мою комиссію прошеній, состоявшую подъ предсѣдательствомъ князя Александра Николаевича Голицына.

Комиссія вытребовала у меня списокъ дѣтямъ моимъ. Вслѣдъ затѣмъ по волѣ благотворнаго государя слѣдъ былъ мнѣ запросъ: «Куда желаю я помѣстить дѣтей моихъ?» Я отвѣчалъ, что «однажды препоруча дѣтей моихъ Богу и государю, я отрекаюсь отъ собственнаго моего распоряженія».

Тутъ совершилось въ семействѣ моемъ событіе, которое здѣсь живетъ въ душѣ моей, и перейдетъ со мною въ вѣчность.

Дѣла идутъ вслѣдъ за человѣкомъ и высказываютъ его душу. Дѣянія любви христіанской, сочетавшіяся съ обновленіемъ

жизни моего семейства, высказываютъ душу князя А. Н. Голицына. 1827 года отвезъ я старшаго сына моего въ С.-Петербургъ, куда надлежало препроводить и двухъ дочерей моихъ, вѣнчаннаго государемъ въ воспитательное общество благополучныхъ дѣвицъ или въ Смольный монастырь. Озабочивала меня мысль, какъ остаться матери безъ подспорья съ малолѣтними дѣтьми, чѣмъ платить мнѣ надзирательницѣ, да и кто будетъ утѣшительною въ болѣзняхъ ея? Все это изложилъ я въ письмѣ моемъ къ князю Александру Николаевичу, прося его предстательствовать у государя, чтобы назначенная тысяча на воспитаніе старшей моей дочери предоставлена была на домашнее наше содержаніе. По возвращеніи въ Москву я получилъ извѣстіе, что просьба исполнена, — и съ тѣмъ вмѣстѣ выдано мнѣ на путевыя издержки, для доставленія младшей дочери моей Анны въ Смольной монастырь.

Что это такое? Милость Божія, расположившая сердце царицы къ дарованію новой жизни моему семейству, и пославшаго насъ ходатаемъ въ то время, когда, казалось, и люди и свѣтъ отвернулись отъ насъ. Меценатами слывутъ покровители писателей и художниковъ. Римскій Меценатъ покровительствовалъ двумъ счастливицамъ — поэтамъ и друзьямъ, Вергилію и Горацию, но въ то время, когда въ лицѣ князя А. Н. Голицына Провидѣніе послало ходатаемъ за мое семейство, я былъ на тернистыхъ путяхъ жизни труженика, а не писателя. Гораций пѣлъ на лирѣ въ честь Мецената. Перо мое не расточало никогда похвалъ князю. Однажды я сказалъ: — Князь! я никогда не искалъ покровителей, но васъ самъ Богъ послалъ поддержать мое семейство. Князь отвѣчалъ: «Богъ поставилъ меня на стражу вашего семейства; Богъ послалъ бы ему и другого попечителя. Благодарите государя; сердце его само собою расположено на всякое добро для вашего семейства?»

Упомянуль я, что еще въ 1825-мъ г. мнѣ сказали, что я буду назначенъ цензоромъ, когда выйдетъ новый ценсурный уставъ. Въ исходѣ 1826 года уставъ вышелъ, но я не поступилъ тогда въ званіе ценсора.

Какъ бы то ни было, однакоже молва уже распространилась, что я буду избранъ въ ценсорство, отчего и ласковѣе стали ко мнѣ тѣ книгопродавцы, которые прикосновенны были къ ценсурѣ по изданію и печатанію книгъ. Будто можно певать на людей, что люди ищутъ въ людяхъ. Человѣкъ, ничѣмъ не сдѣленный съ движеніемъ существующаго общества — живой мертвецъ. Знаю это по опыту жизни моей. Благоволеніе упомянутыхъ людей состояло въ томъ, что мнѣ стали предлагать ра-

боту. Въ одно время довелось мнѣ заниматься и переводомъ Лафонтеновыхъ басенъ, и составленіемъ книги: «Панорамы всемірной», и обрабатывать исторію Греціи.

Летучіе листки мои въ «Дамскій Журналъ» были для меня отдыхомъ отъ заглазной работы. Впрочемъ и описаніе Греціи убыстряло полетъ мечтательности моей: я говорилъ уже и здѣсь повторяю, что начало воспитанія моего слилось съ очаровательными воспоминаніями о древней Греціи. А потому и новыя событія Греціи шли рядомъ съ моими мечтами, пересылаемыми въ «Дамскій Журналъ».

На другой день по приѣздѣ жены моей изъ Петербурга, куда ѣздила она для помѣщенія младшей дочери нашей Анны въ Смольный монастырь, я сочинилъ романсъ, въ которомъ между прочимъ говорилъ, что «возвращеніе ея возвратило мнѣ душу». Видя какъ торопливо я писалъ, и какъ, окончивъ, спѣшилъ с бумагою изъ дома, жена моя прочла стихи и смѣясь сказала: «Какъ тебѣ не стыдно подѣ такими нѣжностями полными бумагами выставлять свое имя?»

— Да какъ же мнѣ подписываться?

— Если тебѣ снова придетъ охота сочинять романсы и пѣсни, то по крайней мѣрѣ подписывайся подѣ ними: *мечтатель*.

Такимъ образомъ, 1827 года декабря пятого произведенъ въ званіе *мечтателя*. Такъ что-жь? Мало ли было мечтателей. Солонъ сочинялъ элегіи, Сократъ въ темницѣ перекладывалъ стихи Эзоповы басни. Іоаннъ Собѣсскій, избавившій Европу отъ нашествія мусульманъ, пѣлъ пѣсни и сочинялъ пѣсни. Угрюмый Карно, завоинившій области испанскими своими предначертаніями, до поступленія въ комитетъ du salut publique, писалъ мадригалы. Наконецъ нашъ Суворовъ на отрѣзъ сказалъ: «я живу въ непрестанной мечтѣ».

Въ 1828-мъ году пораженъ я былъ внезапною кончиною Николая Мартіановича Сипягина. И когда? Въ то самое время, когда онъ изъ-за вершинъ Кавказа, гдѣ былъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, желалъ, чтобы дѣти его отъ перваго брака воспитывались вмѣстѣ съ дѣтьми моими. Мысли изъ-за горъ Кавказа летѣли въ Москву, а смерть сторожила его въ Тифлисѣ. Очеркъ военныхъ подвиговъ Сипягина находится въ «Письмахъ русскаго офицера». Очевидцы свидѣтельствуютъ, что непоколебимымъ хладнокровіемъ въ сраженіяхъ сберегалъ онъ людей, и въ опасностяхъ одушевлялъ ихъ примѣромъ своимъ: вотъ его лавры. Привыкнувъ къ умственной дѣятельности. Н. М. Сипягинъ обращалъ зоркій взглядъ на различныя отрасли управленія внутренняго. Нѣкоторые изъ его бумагъ были въ рукахъ

наго императора и возвращены ему съ карандашными пометками. Одна и очень рѣзкая странность проявлялась въ дѣйствіи его: страсть въ безусловной точности.

Но эта точность относилась не къ расчетамъ хозяйствен- нымъ, а къ разчисленіи времени, въ ходѣ котораго онъ опи- сывалъ на каждое мгновеніе—словомъ, съ часами своими онъ хо- телъ уровнять стрѣлки всѣхъ часовъ.

Однажды онъ поручилъ мнѣ познакомить съ нимъ русскаго учителя, назначая для свиданія двѣнадцать часовъ. Учитель пришелъ десятью минутами позже, и не былъ принятъ. Извѣст- но, что Карлъ V, удалась въ уединеніе, домогался нѣсколько минутъ часовъ довести до такой точности, чтобы бой ихъ звучалъ въ одно мгновеніе. Извѣстно, что Наполеонъ говорилъ, что надобно слѣдить время мѣрнымъ шагомъ. Наконецъ извѣст- но, что оба великана своего времени не оговали времени по своему произволу. То же случилось и съ Сипягинимъ, также являвшемъ историческимъ на своей чредѣ. И какъ грозно на- звала его *безусловная точность*. Отпуская вторую супругу свою, урожденную Кушникову въ Москву къ роднымъ для ро- довъ, онъ съ обыкновенною увѣренностью своею обнадежилъ ее, что черезъ двадцать дней пріѣдетъ къ ней. Срокъ проходилъ, а онъ не ѣхалъ. Наступилъ день родовъ; а его нѣтъ. Супруга Сипягина знала, что еслибы болѣзнь или что-нибудь непред- виденное по службѣ удержало Николая Мартіановича въ Тиф- лисѣ, то объ этомъ дали бы знать. Сипягина сказала окру- жившимъ, что навѣрно мужъ умеръ. Послѣ родовъ умерла и она. Тутъ скажемъ съ Суворовымъ: точность въ одномъ Богѣ, а въ дѣлахъ человѣческихъ нужно теченіе. Теченіе для подви- говъ добра, и потому прибавлю другую суворовскую поговорку: торопитесь дѣлать добро!

Несмотря ни на какую погоду, я каждодневно передъ ве- чернимъ чаемъ ходилъ на прогулку. Нерѣдко слышалъ я въ Москвѣ: «Сергѣй Николаевичъ, ну, если въ ночныхъ вашихъ поискахъ кто-нибудь пырнетъ васъ ножомъ?» — Такъ что-жь? возражалъ я: умру и только. Странно вамъ кажется, что вмѣ- сто театровъ и пышныхъ вечеровъ я брожу ночью по улицамъ, особенно въ дни праздничные и отыскиваю упившихся. Много горя глубокаго, скорби жестокой видѣлъ я въ темнотѣ на ули- цахъ московскихъ. Вы ходите въ театръ за тѣмъ, чтобы раз- веселить душу, дремлющую въ оковахъ свѣтскихъ приличій или пресмыченную разгуломъ большого свѣта? А моя душа встрѣ- чаетъ живое, сладостное ощущеніе, когда затерявшася въ ча- лу бакусовомъ отца семейства или юнаго гуляку, по восноязыч-

нымъ ихъ намѣзамъ, провожу домой, въ кругъ семейства, не спящаго въ томительномъ безпокойствѣ и когда слышу сердечную молитву: награди васъ Богъ!

Я вѣрю этой сердечной молитвѣ. И подъ щитомъ ея въ 1829-мъ году на вербной недѣлѣ, послѣ сильныхъ ценсурныхъ передрагъ, отправился я въ Петербургъ. Зимній дилижансъ занятъ былъ поэтомъ Мицкевичемъ, Ротчевымъ и мною. Провожавшіе насъ знакомые называли этотъ дилижансъ поэтическимъ. Это было справедливо въ отношеніи къ двумъ юнымъ моимъ спутникамъ. Геніальный Мицкевичъ парилъ мыслию; Ротчевъ слѣдилъ за Шиллеромъ, а я тосковалъ по своему семейству. Замѣта мою грусть, товарищи мои дарили меня сочувствіемъ. Зимняя дорога была ужасна; казалось, что на ней кипѣли волны морскія и вдругъ оледенѣли. Мы не ѣхали, а бились и выбивались изъ выбоевъ извилисто изрытыхъ обозами. Поэтъ Мицкевичъ претерпѣлъ сильный ушибъ.

За горами валдайскими пересѣли мы на телѣги. Въ Петербургъ пріѣхалъ я истомленный, измученный. Какъ будто сквозь сонъ пересѣвъ въ сани, я приказалъ извозчику ѣхать къ дому одного знакомаго, гдѣ думалъ остановиться. Встрѣтивъ меня на лѣстницѣ, мой знакомый съ суровымъ видомъ воскликнулъ:

— Сергѣй Николаевичъ, зачѣмъ вы пріѣхали въ Петербургъ? У меня для васъ нѣтъ мѣста.

Этотъ черствый пріемъ пробудилъ во мнѣ и память и сознание. Суровый пріемъ пробудилъ во мнѣ осторожность и осмотрительность, а свиданіе съ дѣтьми совершенно оживило меня. Прележавъ нѣсколько дней въ номерѣ, я оправился отъ болѣзни, и между прочими знакомыми посѣтилъ и Н. И. Гнѣдича. У него встрѣтилъ я эконома патріарха Григорія, спасающаго бѣгствомъ передъ злополучною кончиною пастыря церкви. Покойный Гнѣдичъ, знакомя меня съ экономомъ, сказалъ и мой чинъ, и мое авторство. Экономъ быстро привсталъ и оборотаясь ко мнѣ проговорилъ: «не вы ли тотъ Глинка, который издалъ «Картину новой Греціи»? Услыша, что это мое сочиненіе, экономъ прибавилъ: «вы съ подлинной стороны обозрѣли и прежнюю судьбу грековъ и настоящее ихъ положеніе. Вы въ этомъ превзошли и французовъ и англичанъ». Слушая такой громкій отзывъ съ удивленіемъ, Николай Ивановичъ спросилъ: «давно ли вы издали книгу свою?» — Прошедшаго года отвѣчалъ я: — «Ну, продолжалъ Гнѣдичъ, я тотчасъ пошлю за нею» — и написалъ карандашемъ записку въ Императорскую Публичную Библіотечу, въ которой служилъ.

— Весело же, сказалъ я, — выдавать у насъ книги. Еслибъ

твенный экономъ упомянулъ о сочиненіи моемъ, вы ни-
бы не узнали о немъ.

Между прочимъ Н. И. Гнѣдичъ рассказывалъ мнѣ, что онъ
ушелъ на службу въ канцелярію великаго князя Констан-
тина Павловича, откуда знаменитый переводчикъ Иліады былъ
изъятъ, по приказанію Константина Павловича, за то, что въ
тогдашнее время писалъ старинное *Д съ ножками*.

Въ исходѣ того же 1829 года, получилъ я отъ президента
Навплин письмо, которое предлагаю въ переводѣ съ
французскаго:

Навплия, отъ 6/18 ноября 1829 года.

«Я принимаю съ признательностію книгу, которую вы со-
стали для ознакомленія вашихъ соотечественниковъ съ наро-
домъ, пользующимся благотвореніями и могущественнымъ покрови-
тельствомъ августѣйшаго вашего монарха. Почту себя за сча-
стье, если буду имѣть возможность чрезъ нѣсколько времени со-
общить вамъ нѣкоторыя свѣдѣнія касательно событій, свидѣ-
тельствующихъ, и надѣюсь, — могущихъ свидѣтельствовать, болѣе
болѣе успѣхи сего народа на стезѣ его возстановленія обще-
ственного и политическаго. Долгъ, налагаемый на меня обязан-
ностью способствовать сей великой цѣли, труденъ, онъ выше
силъ и средствъ моихъ, но не выше моего усердія.

«Богъ сдѣлалъ чудеса для спасенія сего народа. Онъ бла-
говолитъ побѣдоносное оружіе вашего государя. Онъ благосло-
вилъ его намѣренія, и участь Греціи будетъ обезпечена. Вы
радуетесь тому, и ваше перо передастъ вашу радость — всей
Европѣ. — Примите, м. г., увѣреніе въ моемъ отличномъ почтеніи».
Писано: «І. Капо д'Истріо».

С. Н. Глинка.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОЛГИ

Э. Вреденъ. Финансовый кредитъ. Изслѣдованіе основаній, существа юридической области дѣйствія, границъ, видовъ и формъ общественной займовъ системы. Часть I: Основныя начала финансового кредита, или теорія общественныхъ займовъ. Спб. 1871.

I.

Въ 1855-мъ году, въ Гейдельбергѣ вышла небольшая книжка Карла Дитцеля «Система государственныхъ займовъ», обратившая на себя всеобщее вниманіе экономистовъ и создавшая автору сразу славу самостоятельнаго изслѣдователя. Книжка ставила себѣ цѣлью—доказать невѣрность ходячихъ воззрѣній на государственный кредитъ и заново изслѣдовать какъ его природу, такъ и весь рядъ экономическихъ и политическихъ категорій, имѣющихъ наиболѣе непосредственную связь съ государственными займами. Въ какой бы мѣрѣ ни достигала книга своей цѣли, важнѣе то, что автору дѣйствительно удалось вдохнуть новую жизнь въ громадную область финансовой науки.

Практическое значеніе новаго движенія, начавшагося со времени появленія изслѣдованій Дитцеля въ этой области, заключалось въ попыткѣ затронуть самое основаніе понятія, весьма ходячаго и распространеннаго, игравшаго и продолжающаго играть большую роль въ оппозиціонной публицистикѣ: понятія именно о дефицитѣ. По ученію Дитцеля, старое раздѣленіе государственныхъ доходовъ на ординарные и экстраординарные

оказывалось лишеннымъ всякаго теоретическаго и практическаго значенія. Практика европейскихъ правительствъ сдѣлала давно уже ординарнымъ на дѣлѣ то, что на словахъ продолжало имѣваться экстраординарнымъ. Государственные займы для большей части правительствъ стали такимъ же правильнымъ источникомъ доходовъ, какъ и налоги, то для покрытія дефицитовъ, прошлыхъ и текущихъ, то для образованія т.-наз. «остатковъ», которые могли бы служить запасомъ для покрытія дефицитовъ будущихъ. Если при подобной практикѣ теорія продолжала толковать про равновѣсіе въ бюджетѣ, то этимъ свидѣтельствовалось одно изъ двухъ: или, что наука отстала отъ жизни и продолжала твердить зады въ то время, какъ жизнь шла впередъ; или, что, напротивъ, жизнь болѣе хроническимъ недугомъ, и съ нѣмъ теоріи приходилось вести непрерывную борьбу. Но эмпирико-административное направленіе финансовой науки вовсе не свидѣтельствовало объ особой склонности теоретиковъ бороться съ правительственно-хозяйственною практикой. Фразы о равновѣсіи въ бюджетѣ, экстраординарномъ доходѣ и вредѣ государственныхъ долговъ повторялись традиціонно и безъ всякихъ глубокихъ анализовъ дѣла. Оставалось слѣдовательно думать, что «теорія отстала отъ практики, наука—отъ жизни. Обосновать эту мысль и доказать ее подробнымъ разностороннимъ разборомъ всѣхъ относящихся сюда вопросовъ — и поставилъ себѣ цѣлью Дитцель. Государственные долги необходимо должны быть источникомъ государственныхъ доходовъ не въ силу однихъ только случайныхъ моментальныхъ причинъ, не въ силу только «министерскихъ» непріятностей, когда въ кассахъ правительствъ не оказывается денегъ отъ налога, или ихъ оказывается мало для вызваннаго обстоятельствами большого дѣла. На самомъ дѣлѣ, основанія необходимости государственнаго кредита далеко не такого мелкаго свойства и кроются гораздо глубже. Дѣло тутъ не въ большей или меньшей ловкости министровъ или бережливости правителей, изъ которыхъ одни могутъ обходиться безъ долговъ, а другіе не могутъ. На извѣстной степени развитія государственный кредитъ становится необходимостью, вызываемою важными и основными законами экономической жизни народовъ. Съ одной стороны, въ высоко-развитыхъ народныхъ хозяйствахъ прогрессъ накопленія новыхъ капиталовъ принимаетъ такіе громадные размѣры, что ежегодно являются большія массы новыхъ капиталовъ, для которыхъ мало старыхъ «помѣщеній», которыя—стало быть—совершенно «свободны» отъ необходимости быть затраченными на старыя «дѣла». Образование этихъ «свободныхъ» капиталовъ становится такимъ же регулярнымъ и за-

жономѣрно - періодически повторяющимся и возобновляющимъ фактомъ, какъ и образованіе чистыхъ доходовъ, податныхъ точпиковъ. Съ другой стороны, надобно имѣть въ виду два состоятельства, на которыя старая экономическая теорія обратила меньше вниманія. Экономическій прогрессъ находится въ тѣсной связи съ обще-культурнымъ прогрессомъ и, получая отъ него поддержку, самъ въ свою очередь оказываетъ ему помощь. Это проявляется въ томъ, что новые «свободные» капиталисты результаты экономического прогресса, стремятся превратить въ матеріалъ для воплощенія обще-культурнаго прогресса: строятся болѣе красивыя и болѣе удобныя зданія, больше тратятъ на науки и искусства, совершенствуются суды и тюрьмы, лучше оплачиваются труды медиковъ, адвокатовъ, педагоговъ, литераторовъ, больше расходуется на народное образованіе и т. д. По мнѣнію Дитцеля, господствующая экономическая теорія совершенно превратно понимаетъ народное хозяйство, включая въ него одну только совокупность частныхъ, отдѣльныхъ, индивидуальныхъ хозяйствъ, и совершенно изъ него выключая всю массу экономическихъ явленій, которыя каждый народъ переживаетъ въ своей политической сферѣ. По Дитцелю, государство входитъ интегральною частью въ народное хозяйство, и съ экономической точки зрѣнія она представляетъ собою только одну опредѣленную частную производственную сферу, рядомъ съ другими. Ея цѣль — наиболѣе хозяйственное производство извѣстныхъ ряда благъ (продуктовъ), которыя въ другихъ производственныхъ сферахъ не могутъ или по разнымъ основаніямъ не должны быть изготовляемы. Значительная часть тѣхъ продуктовъ, которые порождаются обще-культурнымъ прогрессомъ, могутъ быть производимы только въ государствѣ, или въ государствѣ могутъ быть производимы всего лучше. Въ государство должны поэтому перейти и матеріальныя условія для ихъ производства. Функція кредита вообще — передавать капиталъ въ наиболѣе производительныя руки или наиболѣе успѣшно работающія производственныя сферы. Также точно закономѣрно и естественно, поэтому, какъ кредитъ переводитъ капиталъ изъ одного частнаго хозяйства въ другое, которое капиталомъ въ состояніи лучше воспользоваться, т.-е., которое данный продуктъ производитъ лучше, — также точно кредитъ переводитъ изъ частныхъ хозяйствъ капиталы, тамъ накапливаемые, въ производственную сферу, представляемую государствомъ, потому что послѣднее въ извѣстныхъ отрасляхъ дѣйствуетъ всего производительнѣе и способно утилизовать капиталы съ наибольшою пользою для всѣхъ. Вотъ *этотъ-то* переводъ капиталовъ, совершаемый кредитомъ, изъ

и частныхъ хозяйствъ въ государственное, съ цѣлю — централизованія ихъ для производства продуктовъ, удовлетворяющихъ потребностямъ, вызваннымъ культурою, и есть государственный кредитъ. Государственные долги — такимъ образомъ — являются орудіями и послѣдствіями прогресса, матеріальнаго и духовнаго и также мало могутъ осуждаться, какъ и ихъ причина, общечеловѣческій прогрессъ. Напротивъ, научно разсуждая, надобно признать ту сторону болѣе счастливою и отражающею на себѣ большее вліяніе прогресса, у которой больше государственныхъ долговъ.

Такое въ общихъ чертахъ ученіе Дитцеля. Чтобы замѣтить, въ какомъ пунктѣ оно особенно хромаетъ, для этого не нужно быть глубокимъ специалистомъ ни въ экономической, ни въ финансовой наукѣ. Всякому, упражнявшему свою логику не на чужихъ только юридико-политическихъ теоріяхъ, извѣстно, конечно, различіе между разсужденіемъ, которое *можетъ* объяснить гипотетическое явленіе, и разсужденіемъ, которое одно только *должно* его объяснить. Можно для объясненія встрѣчающагося намъ явленія подобрать рядъ причинъ, которыя по своей природѣ въ состояніи *были бы* породить и это явленіе. Такое объясненіе однако не въ состояніи удовлетворить лице, для котораго болѣе или менѣе удачное построеніе разъясняющей гипотезы еще не составляетъ всего, что требуется отъ науки. Мало одного произвольнаго подбора фактовъ, необходимо еще доказать, что именно эти факты, а не какіе-либо другіе, только и могли вызвать данное явленіе. Въ явленіяхъ общественной и политической жизни такая строгая доказанность научныхъ теорій еще важнѣе, чѣмъ въ области естествознанія. Примѣръ — у насъ передъ глазами. Дитцель остроумно подобралъ факты, которые въ состояніи породить государственный кредитъ, и на этомъ основаніи требуетъ того, что имѣетъ важное практическое значеніе: перемѣны не только взглядовъ на государственныя долги, но и практическаго, дѣятельнаго къ нимъ отношенія. Онъ требуетъ ослабленія или даже полного прекращенія оппозиціи къ нимъ, чтобы долгамъ не препятствовали. Очевидно, что когда дѣло идетъ не объ однихъ только теоретическихъ интересахъ, а еще о болѣе важныхъ практическихъ, то удовлетворяться одними только гипотетическими поясненіями нельзя. Мало одного того, что причины, указанныя Дитцелемъ, могли бы вызвать государственный кредитъ; необходимо было еще доказать, что именно *эти* и никакія другія причины на самомъ дѣлѣ вызвали его въ западной Европѣ. Мало одного того, что можно вообразить себѣ такой гипотетическій случай, въ которомъ госу-

дарственный кредитъ будетъ порождаться одними только немальными причинами, вполне достойными симпатіи. Необходимо еще доказать, что дѣйствительный государственный кредитъ именно этими достойными одобренія, поддержки и симпатіи причинами былъ вызванъ; необходимо, слѣдовательно, доказать, что англійскіе, французскіе, американскіе, австрійскіе, русскіе, итальянскіе и т. д. государственные долги явились вслѣдствіи того, что 1) въ сферѣ частныхъ хозяйствъ этихъ странъ оказали громадная масса капиталовъ, дѣйствительно «свободныхъ», т. е. которыхъ не на что было употребить въ частной сферѣ; что 2) культурный прогрессъ указалъ на тѣ задачи, для которыхъ государства заимствовали капиталы; 3) что переходъ капиталовъ отъ частныхъ лицъ къ правительствамъ произошелъ совершенно свободно, т. е. не только безъ всякаго физическаго, но и безъ всякаго нравственнаго насильства. Если же мы, теперь, обратимся къ исторіи за отвѣтомъ на вопросы, порождаемые этими тремя пунктами, то окажется, что какъ ни плохо разработана еще въ подробностяхъ экономическая исторія даже настоящаго столѣтія, тѣ результаты историческихъ изслѣдованій, которыми современная экономическая наука обладаетъ и пока принуждена довольствоваться, во всякомъ случаѣ говорятъ противъ Дитцеля, а не за него. Что касается перваго пункта, то свѣтъ еще пока никогда и нигдѣ не видалъ такой страны, въ которой частно-хозяйственная сфера была бы до такой степени насыщена капиталами, чтобъ извергать ихъ, какъ излишнее. Попытки нѣкоторыхъ экономистовъ начала XIX-го вѣка (Malthus, Chalmers, Spence, Sismondi) объяснять кризисы и пользу роскоши подобными излишними капиталами, встрѣтили такой единодушный отпоръ и такъ блистательно опровергнуты старшимъ и младшимъ Миллемъ, равно какъ и Ж.-Б. Сеемъ, что можно считать и Дитцельскую попытку объяснять государственные долги этими излишними капиталами за убитую еще до рожденія и потому мертворожденную. Относительно второго пункта, достаточно ходячій знаній въ исторіи текущаго столѣтія, чтобы знать, что цѣли, для которыхъ государства занимали деньги, не только не были вызваны прогрессомъ культуры, но напротивъ еще противодействовали этому прогрессу. Наконецъ, переходя къ третьему пункту, напомнимъ только про ту тѣсную связь, которая соединяетъ государственный кредитъ съ развитіемъ ажіотажа въ Европѣ,—про то систематическое стараніе, которымъ не одно европейское правительство способствовало развитію самой безобразной страсти, наживаться безъ труда,—про то содѣйствіе, которое европейскія правительства оказали развитію новѣйшей формы игры: фонды

и продолжают для многих замѣнять, благодаря имъ, карты. А систематическое приученіе цѣлыхъ, и притомъ серьезныхъ, слоевъ *европейскихъ* народовъ къ игрѣ стоить имъ физическаго насильства и вполне ему отвѣтствовать.

Мы распространились о Дитцелевой книгѣ, чтобы дать русскому читателю, которому не удавалось ознакомиться съ западно-европейскою литературою, понятіе о томъ, въ какомъ состояніи была литература вопроса о государственномъ кредитѣ въ то время, когда за него взялся г. Вреденъ. Книга Дитцеля до сихъ поръ продолжала быть основною въ западно-европейской литературѣ. Штейнъ, Умфенбахъ, Вагнеръ, Зэтбееръ, Нассе и др. въ томъ или другомъ частномъ пунктѣ продолжали развитие отдельныхъ частей теоріи, но чего-либо новаго, цѣльнаго не представили. Толчекъ, сообщенный Дитцелемъ, продолжалъ и продолжаетъ до сихъ поръ еще чувствоваться, какъ самый главный.

Если мы считали необходимымъ ознакомить читателя съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ засталъ свое дѣло г. Вреденъ, то это потому, что его книга выдвигается изъ ряда обыкновенныхъ диссертаций. Подобно Дитцелю, онъ выбралъ предметомъ своего изслѣдованія—не какой-либо маленькій частный вопросъ, а цѣлый громадный отдѣлъ науки, который онъ себѣ поставилъ цѣлью заново разработать, критически разобравъ труды своихъ предшественниковъ и, подобно Дитцелю же, подвергнувъ новому переслѣдованію рядъ теоретико-экономическихъ ученій, непосредственно соприкасающихся съ государственнымъ кредитомъ. Достаточно даже только внѣшняго сопоставленія труда г. Вредена съ появившимся 20 лѣтъ тому назадъ трудомъ г. Бунге, ставившемъ себѣ еще болѣе широкую задачу (Теорія Кредита), чтобы видѣть, что если западно-европейская наука въ вопросахъ о кредитѣ ушла впередъ въ эти 20 лѣтъ, то и наша литература далеко отъ нея не отставала.

II.

Характеръ имущественныхъ отношеній государства къ частно-хозяйственной сферѣ народной жизни въ настоящее время прежде всего отличается неудержимымъ стремленіемъ этой сферы возможно болѣе опредѣленно и рѣзко обособиться отъ государства, обставить себя точными границами, внутри которыхъ она была бы вполне безопасна отъ всякихъ захватовъ. Старая ея роль была — служить только придаткомъ къ государственному

хозяйству. За нею признавалось одно только значеніе государственного-хозяйственного источника. Стремленіе освободиться от этой роли и получить признаніе права на самостоятельное существованіе и значеніе, — вотъ что прежде всего отличаетъ означенный характеръ.

Но этимъ опредѣляется только отрицательная сторона ея стремленій. Въ чемъ же заключается положительное содержаніе характера имущественныхъ отношеній государства къ частно-хозяйственной сферѣ?

Со времени появленія сочиненія Дитцеля стали много спорить о производительности государства. Какъ извѣстно, Ад. Смитъ, а за нимъ вся англійская политическая экономія отрицала у государства производительность. Французскіе экономисты рассматривали государство, какъ сферу, которая съ экономической точки зрѣнія только уничтожаетъ цѣнности. Одни новѣйшіе нѣмецкіе экономисты стоятъ за его производительность. Но надобно сказать, что эти же экономисты внесли наиболѣе неясностей и запутанностей въ понятія о производительности.

Съ самаго начала научной политической экономіи, въ половинѣ прошлаго столѣтія, производительность стала категоріей, которая возбуждала наиболѣе споровъ. Физиократы признавали производительною только ту дѣятельность, которою къ человѣческимъ услугамъ предоставляется новое вещество. Всякую другую дѣятельность они называли *stérile*. Но каждый изъ нихъ въ теченіи своей жизни долженъ былъ употребить немало усилій, чтобы защитить себя отъ массы недоразумѣній, которыя породила идея о бесплодности всѣхъ нематеріальныхъ занятій. Напрасно они поставляли на видъ, что, говоря о непроизводительности, они стоятъ на чисто экономической точкѣ зрѣнія, — что они вовсе не признаютъ тождественности экономической непроизводительности съ общею бесполезностью, — что они охотно допускаютъ основательность и право всякихъ другихъ точекъ зрѣнія на вещи, кромѣ экономической, и что съ другихъ точекъ зрѣнія экономически непроизводительное можетъ оказаться безконечно-полезнымъ, — на все это не обращали вниманія.

Школу физиократовъ замѣнилъ индустриализмъ; но ученіе о производительности все-таки не измѣнилось къ выгодѣ государства. Мало того, что былъ удержанъ критерій матеріальности. Наиболѣе радикальные теоретики замѣнили его критеріемъ *мѣно*-способности, который еще менѣе шелъ къ государству. Если производительна всякая дѣятельность, матеріальная или нематеріальная, лишь бы она производила то, что можно продать и купить, — то государство вѣдь не торгуетъ услугами, которыя оно

вызываетъ народу. Оно дѣйствуетъ по высшимъ нравственнымъ мотивамъ, а не по мотивамъ экономической цѣлесообразности. Оно можетъ даже дѣйствовать вопреки мотивамъ экономической цѣлесообразности.

Были правда экономисты, которые желали расширить понятіе производительности до того, чтобъ она обнимала всякую полезную дѣятельность. Но подобныя обобщенія оказывались только общимъ мѣстомъ, которое годилось для введеній въ учебники и никакого примѣненія въ подробностяхъ не получало. Говорить вообще, что экономическая полезность сливается со всякою полезностью, и заняться на самомъ дѣлѣ изслѣдованіемъ законовъ, управляющихъ всякою полезною дѣятельностью,—вещи весьма различныя. За изслѣдованіе этихъ законовъ никто не брался. Содержаніе науки опредѣлялось изслѣдованіями тѣхъ, которые смотрѣли съ болѣе узкой точки зрѣнія на производительность. Понятно, что новыя опредѣленія могли только самымъ вѣдшимъ образомъ приклеиваться къ этой науцѣ.

Въ основѣ фізіократическихъ и англійскихъ понятій о производительности лежитъ идея о хозяйственной самостоятельности. Производителна та дѣятельность, которая даетъ экономическую независимость. Фізіократы ошибочно полагали, что одни только землевладѣльцы обладаютъ такою независимостью и что всѣ остальные люди у нихъ—*salariés*. Индустриалисты поправили ихъ ошибку въ примѣненіи идеи, но остались при самой идеѣ. Государство непродуцируемо, потому что оно не создаетъ себѣ самаго важнаго хозяйственнаго блага—экономической независимости. Еслибъ оно было способно вести совершенно ни отъ кого независимую экономическую жизнь, тогда бы за нимъ была признана и производительность.

Но государство на это неспособно. И этимъ-то опредѣляется положительное содержаніе характера имущественныхъ отношеній его къ частно-хозяйственной сферѣ народной жизни. Государство само не производитъ для себя той суммы хозяйственныхъ средствъ, безъ которой оно не можетъ вести свою дѣятельность. Отсюда два послѣдствія. Нужныя ему средства оно принуждено заимствовать изъ посторонней хозяйственной сферы, которая производителна и съ чисто-экономической точки зрѣнія. Но этого мало. Заимствуя эти средства, государство не обладаетъ ничѣмъ, что ему давало бы возможность чисто-экономическими способами производить это заимствование.

Подобныхъ экономическихъ способовъ два: производство и обмѣнъ. Но эти два способа такого рода, что второй изъ нихъ вызывается первымъ и безъ него невозможенъ вовсе. Кто ничего

не произвелъ, тому нечѣмъ и обмѣниваться. Для всего постороннее хозяйство производить, для того это постороннее хозяйство совершаетъ и обмѣнъ, или тотъ за это постороннее хозяйство, вмѣсто него, совершаетъ и обмѣнъ. Самостоятельнаго обмѣна отъ себя, не уменьшающаго количества чужихъ обмѣнниковъ, никто не въ состояніи совершать, если его обмѣну не предшествовало его же производство.

Ясно, что если частно-экономическое производство — единственный способъ добыванія хозяйственныхъ средствъ, для государства закрытъ, то для него закрытъ и другой способъ. Таковы послѣдствія его частно-хозяйственной непроизводительности. Если частно-хозяйственная сфера не находится въ зависимости отъ государства и не служитъ исключительно его цѣлямъ, то тогда государство само становится въ вѣчную зависимость отъ нея.

Государство съ помощью частно-хозяйственной сферы создаетъ себѣ свою экономическую почву. Изъ первой государство должно заимствовать свои средства. Но *въ обмѣнъ* за нихъ оно ничего не можетъ дать. Слѣдовательно оно можетъ изъять только *безвозмездно*.

Положеніе, что государство не можетъ чисто-экономическими способами заимствовать нужные ему средства, принадлежитъ къ самымъ основнымъ въ финансовой наукѣ и самымъ богатымъ и вытекающимъ изъ него послѣдствіямъ. Но это положеніе оставалось всегда неяснымъ въ примѣненіи къ громадной области финансовыхъ явленій, порождаемыхъ государственнымъ кредитомъ. Заслуга труда г. Вредена и заключается въ убѣдительно и послѣдовательно проведеніи этого важнаго основнаго начала также и чрезъ эту область. Благодаря труду г. Вредена, можно теперь говорить объ *одномъ* общемъ началѣ, насъ всѣхъ проникающемъ *въ* имущественныя отношенія правительства къ народу ¹⁾.

То, что правительство беретъ у народа, какъ экономическое средство для достиженія своихъ цѣлей, оно беретъ у него *безвозвратно*, такъ какъ оно неспособно воспроизводить хозяйственного эквивалента за взятое. Что государство беретъ у частно-хозяйственной сферы, оно беретъ разъ и навсегда. Вслѣдствіе того сумма средствъ, которыми располагаютъ всѣ частныя хозяйства въ совокупности взятая, необходимо должна уменьшиться

¹⁾ Мы не могли только понять, какимъ образомъ нашъ почтенный исследователь могъ соединить приверженность къ этому началу съ отрицательнымъ отношеніемъ къ англійскимъ идеямъ о производительности. Одно другому слишкомъ рѣзко противурѣчить.

займствованіемъ изъ нихъ какой-либо доли государ-

Отсюда вытекаетъ слѣдующее положеніе. Какими путями государство ни собирало бы необходимыя ему средства, *всегда* заимствованныя имъ суммы уменьшаютъ на весь свой размѣръ ту массу средствъ, которою частныя хозяйства располагали въ моментъ заимствованія. Сумма, на которую уменьшается имѣвшаяся въ моментъ заимствованія масса, берется у всего народа *безвозвратно* и не восстанавливается.

Но безвозвратное заимствованіе изъ народно-хозяйственныхъ средствъ и уменьшеніе ихъ безъ восстановленія и составляетъ сущность налога. Такимъ образомъ получается важная финансовая теорема, что налогъ составляетъ *единственный* источникъ государственныхъ доходовъ, помимо котораго государство не можетъ браться ни за какую бы то ни было задачу. Чтб бы государство ни дѣлало, въ какомъ бы цѣляхъ оно ни стремилось, какие вопросы оно ни рѣшало бы, всегда экономическая почва всѣхъ стремленій государства слагается въ концѣ концовъ изъ податныхъ взносовъ. Къ сожалѣнію, этотъ выводъ у г. Вредена не всегда одинаково и достаточно ясенъ.

Основная идея г. Вредена прямо противоположна идеѣ Дитцеля. Послѣдній возводилъ кредитъ на степень необходимаго и неизбѣжнаго самостоятельнаго источника государственныхъ доходовъ, имѣющій такое же крупное значеніе, какое имѣетъ налогъ, рядомъ съ нимъ стоящій, ему не подчиненный и не служащій, отъ него совершенно независимый и одинаково съ нимъ важный. Для г. Вредена, напротивъ, кредитъ вовсе не составляетъ самостоятельнаго источника доходовъ и вообще не служитъ вовсе *источникомъ* государственныхъ доходовъ. Это только одинъ изъ *способовъ взиманія* налога, вовсе не дѣлающій послѣдній излишнимъ, а напротивъ всегда его предполагающій, всегда ему служащій и его только облегчающій. Необходимость и неизбѣжность кредита г-мъ Вреденомъ не отрицается только въ томъ же смыслѣ, въ какомъ имъ не отрицается современное и историческое значеніе различныхъ другихъ способовъ взиманія налоговъ. Мало того: по идеѣ г. Вредена, государство вовсе не обладаетъ своимъ собственнымъ кредитомъ. Нельзя говорить о кредитѣ государства въ томъ смыслѣ, въ какомъ говорятъ о кредитѣ частныхъ хозяйствъ. Государственные долги — способъ, которымъ государство эксплуатируетъ единственно только возможный кредитъ — частный — въ свою пользу. Иногда государство собираетъ свои налоги прямо и непосредственно, иногда оно для ихъ собиранія пользуется частнымъ кредитомъ. Вся роль государства при

кредитъ, единственно для него возможная—роль страховая: обезпечиваетъ частный кредитъ, которымъ пользуется, ручая за него. Иная роль для государства и невозможна при кредите по самой природѣ, какъ кредита, такъ и имущественныхъ отношений правительства къ народу.

III.

Г. Вредену нужно было провести основное начало имущественныхъ отношений государства къ частно-хозяйственной сфере народной жизни также и чрезъ ту область финансовыхъ явлений, которая порождается государственными долгами. Ему нужно было доказать, что государство можетъ производить только такіе заимствованія изъ имѣющихся у частныхъ хозяйствъ средствъ, которыми эти средства уменьшаются въ самый моментъ заимствования, и что во всякомъ случаѣ государство не имѣетъ возможности производить заимствованія чисто экономическими способами. Для этого г. Вредену необходимо былъ цѣлый рядъ научныхъ изслѣдованій и пересмотровъ ученій, считавшихся въ науку прочно установленными.

Прежде всего ему было необходимо устранить воззрѣніе, которое долгое время процвѣтало не только въ финансовой науке, но и сверхъ того пользовалось большою популярностью и у практическихъ финансистовъ.

По этому воззрѣнію, налоги и государственные долги рѣзко противоположны другъ другу въ томъ отношеніи, что первыми уменьшаются наличныя народно-хозяйственные средства, съ помощью же вторыхъ можно привлечь къ несенію тягостей и будущія поколѣнія. При налогѣ живущее въ данное время поколѣніе должно сразу внести всю его сумму, и, стало быть, на своихъ плечахъ вынести всю его тяжесть. На всю его сумму должны уменьшиться и имѣющіяся у него хозяйственные средства. Напротивъ, когда государство получаетъ необходимыя ему суммы путемъ займа, это его освобождаетъ отъ необходимости требовать большихъ налоговъ. Большія тягости для народнаго хозяйства и для государственнаго становятся одинаково излишними. Живущему въ данное время поколѣнію приходится только платить проценты и погашеніе. Такіе же проценты и погашеніе уплачиваютъ и будущія поколѣнія, пока долги не будутъ уплачены. Цѣлый рядъ поколѣній такимъ образомъ соединяется, чтобы совокупными усиліями вынести тягость, вызванную необходимостью единовременнаго крупнаго расхода. То, что трудно

прозненныхъ силъ отдѣльныхъ поколѣній, становится лег-
че при ихъ соединеніи. А это соединеніе возможно только
при государственному кредиту.

Нужа давно уже начала свою работу для разрушенія этихъ
мій. Инициатива дѣла принадлежитъ, какъ почти всегда,
нашимъ экономистамъ. Но они нашли себѣ достойныхъ по-
дателей въ нѣмецкихъ ученыхъ, Дитцель и въ особенности
Зетбееръ. Послѣдній съ замѣчательною наглядностью показавъ,
все равно, собираетъ ли государство свои доходы податями
налогами, оно во всякомъ случаѣ уменьшаетъ *наличныя* сред-
ствъ народнаго хозяйства. Ни въ какомъ случаѣ тягости, возни-
жающія отъ необходимости произвести крупный расходъ, не мо-
гутъ быть переложены какою бы то ни было своею частью на
будущія поколѣнія.

Зетбееръ выясняетъ это на гипотетическомъ примѣрѣ слѣ-
дующаго рода. Предполагается замѣнутое государство, которому
придется сдѣлать крупный расходъ. Для простоты анализа
предполагается, что богатство между его членами распределено
на равномѣрномъ образомъ. Спрашивается теперь, какъ
не будетъ собрать сумму, необходимую на предстоящій рас-
ходъ: налогами или займомъ? Зетбееръ отвѣчаетъ, что *народ-
ному хозяйству* рѣшительно все равно, какъ это будетъ сдѣ-
лано. Нужно, положимъ, 30 милл. руб. Въ государствѣ 15 мил.
плательщиковъ, между которыми богатство распреде-
лено равномѣрно. При налогѣ въ два рубля на каждого, госу-
дарство соберетъ, а народное хозяйство потеряетъ 30 миллио-
новъ. Если государство рѣшится на заемъ, то опять-таки каж-
дый внесетъ по два рубля и опять будетъ собрана и потеряна
та же сумма. Разница будетъ та только, что въ послѣднемъ слу-
чаѣ придется еще собирать налоги для процентовъ и погаше-
нія. Предполагая, что для того и другого нужно 6% занятой
суммы, государству придется собрать налогомъ 1.8 мил., или по
12 коп. съ каждого плательщика. Въ концѣ перваго года оно
соберетъ 1.8 мил. руб. и уплатитъ ими проценты и погашеніе,
т. е. вернетъ ихъ обратно тѣмъ, съ которыхъ оно ихъ собрало.
Каждый, давшій по 2 рубля, получитъ по 12-ти коп. на занятый
капиталъ тѣ же самые 12 коп., которые онъ уплатилъ на-
логомъ. То же повторится и въ слѣдующіе годы. Въ концѣ кон-
цовъ выйдетъ, что въ моментъ, когда заемъ былъ заключенъ,
потрачено было 30 мил.; во всѣ же слѣдующіе годы госу-
дарство дѣлало только безполезную процедуру, собирая новыя
деньги съ народнаго хозяйства и немедленно ихъ туда же воз-
вращая. Никакой тягости на будущія поколѣнія не перемѣщено:

эти будущія поколѣнія, платившія налоги для процентовъ и гашенія, сами же потомъ регулярнѣйшимъ образомъ получаютъ ихъ обратно, когда правительство выплачивало проценты и долгу. Что они расходовали, какъ податные плательщики, то они обратно получали, какъ кредиторы правительства.

Государство не можетъ питать своихъ чиновниковъ и солдатъ хлѣбомъ, еще не посѣяннымъ. Оно не можетъ воевать пушками для которыхъ металлъ еще не добытъ, не можетъ перевозить солдатъ на корабляхъ и повозкахъ, для которыхъ дѣсь еще не срубленъ и т. д. Какъ ни красивы фразы о томъ, что, благодаря кредиту, государство живетъ на счетъ своего будущаго — одного этого будущаго ему мало. Ему необходимо, чтобъ все, ему нужное, существовало въ моментъ, когда оно нужно, въ наличности, чтобъ его можно было немедленно израсходовать. Такъ или иначе, слѣдовательно, а весь расходъ долженъ будетъ быть сдѣланъ изъ имѣющихся у народнаго хозяйства наготовѣ средствъ. Эти средства будутъ уменьшены. Слѣдующія же поколѣнія — ровно тутъ ни при чемъ. Никакой абсолютной потери народному ихъ хозяйству уже не предстоитъ. Потеря, если и была, то была въ моментъ заключенія займа, когда добытыя средства истрачивались. Перемѣщеніе этой потери невозможно.

Таковы выводы Зэтбеера, во всей ихъ цѣлости приняты въ Вреденомъ. Въ этой части своего изслѣдованія г. Вреденъ вполне слѣдуетъ своимъ предшественникамъ, не *прострая* и не *дотолая* ихъ анализовъ. А между тѣмъ такая провѣрка показала бы, что анализы далеко не полны, и что г. Вреденъ напрасно ихъ принялъ на вѣру.

Начать съ того, что при *заграничныхъ* займахъ ни одинъ изъ выводовъ Зэтбеера не можетъ получить практическаго примѣненія. Для точности анализа мы предположимъ, что заграничный заемъ остается заграничнымъ вплоть до того времени, пока весь долгъ будетъ уплаченъ. Если правительство вмѣсто 30-милліоннаго налога заключаетъ заграничный заемъ, то прежде всего очевидно, что *данное* народное хозяйство освобождается вполне отъ необходимости потерять такую сумму. Несомнѣнно, что заключеніе займа повлечетъ за собою потерю 30-ти милліоновъ. Но эти 30 мил. потеряетъ *всѣмѣрное* хозяйство. Данное же народное хозяйство сохранитъ свои средства въ цѣлости. Въ этомъ случаѣ слѣдовательно *народному* хозяйству далеко не все равно, соберетъ ли правительство нужны ему средства налогами или займомъ. Налогъ оно одно должно будетъ весь вынести на своихъ плечахъ. Заемъ заграничный весь будетъ вынесенъ *постороннимъ* народнымъ хозяйствомъ. Такимъ образомъ, не полу-

примѣненія первый выводъ Зэтбеера о томъ, что налогъ вызываетъ одинаковыя единовременныя затраты у на-
роднаго хозяйства. Но и второй его выводъ, о непереложимо-
сти отъ займа, не можетъ въ этомъ случаѣ получить
практическое примѣненіе. Народное хозяйство, которое загра-
ный заемъ освободилъ отъ необходимости единовременно по-
крыть 30 милліоновъ, вмѣсто того будетъ ежегодно платить 6%
государственнаго долга. Деньги, которыя будутъ съ него со-
судить уплаты процентовъ и погашенія по долгу, уже не
вернутся ему обратно *возвращаться*. Они уйдутъ въ загра-
нныя кредиторами. Для даннаго народнаго хозяйства они
фактически будутъ составлять абсолютную потерю. Рядъ
такихъ потерь въ послѣдующіе годы, пока весь долгъ будетъ уплаченъ,
будетъ представлять рядъ абсолютныхъ потерь. Эти-то *умень-*
шенія потери, ежегодно повторяющіяся только въ размѣрѣ 6%
остающагося долга, конечно ему будетъ легче вынести, чѣмъ
единовременную утрату 30-ти милліоновъ. Этотъ рядъ потерь
отъ того будетъ вынесенъ не однимъ поколѣніемъ, а послѣ-
довательно сначала однимъ, потомъ другимъ и т. д. Здѣсь, слѣ-
довательно, дѣйствительно тягость отъ займа распределена меж-
ду многими поколѣніями. Въ годъ, когда онъ былъ заключенъ,
нельзя вынести, только незначительную его часть. Напро-
тивъ, самая значительная часть перемѣщена на будущее.

Этого мало однако: намъ кажется, что напрасно г. Вреденъ
судитъ вслѣдъ за Зэтбееромъ, будто на выводы его не
имѣетъ никакого вліянія равномерность или неравномерность
распределенія богатствъ. *Государственные долги имѣютъ тѣс-*
ную связь съ неравномерностью, и безъ нея они не имѣли бы
ни практическаго, ни практическаго значенія.

Въ самомъ дѣлѣ, въ Зэтбееровской гипотезѣ государство бе-
звнутреннимъ займомъ 30 милліоновъ, которые оно съ не-
малымъ удобствомъ могло бы взять налогомъ. Заемъ вынуж-
даетъ необходимость устанавливать налоги для уплаты процентовъ
погашенія. Вслѣдствіе того государству приходится собирать
скаждаго отдѣльнаго плательщика еще по 12-ти коп., которыя
онъ же и возвращаетъ. Но собраніе налога и администри-
рованіе долга тоже сопряжены съ расходами. Эти-то расходы
принципиально бесполезно навлекаетъ на себя государство, заклю-
чающее внутренній заемъ при равномерномъ распределеніи бо-
гатствъ.

Посмотримъ теперь, какой характеръ имѣетъ внутренній заемъ
при неравномерномъ распределеніи. Предположимъ общество,
въ которомъ существуетъ 1000 человѣкъ, стоящихъ во главѣ

1000 частныхъ хозяйствъ. Изъ нихъ 10 получаютъ по 30-ти руб. годового дохода, всего 300 т. р., 90 по 10-ти т. р., и 900 т. р., а 900 по 300 р., итого 270 т. Всѣ 1000 хозяйствъ получаютъ 1,470 т. Предположимъ, что первые откладывали 20-ти т. въ годъ, всего 200 т.; вторые по 4 т., всего 360 т. а третьи ничего не откладывали; итого ежегодныхъ сбереженій 560 т. Предположимъ, что правительство нуждалось въ 147-и При налогѣ въ 10⁰/₀ со всѣхъ доходовъ оно получало деньги. Но положимъ, что это разорительно для низшихъ классовъ, и поэтому прибѣгаютъ къ займу. Что же тогда происходитъ? Первый классъ изъ своихъ сбереженій въ 200 т. выдаетъ 147 т. и начинаетъ за нихъ получать проценты. *Вся частная хозяйственная сфера теряетъ навсегда и именно теперь 147 т.* Но *третій классъ пока* ничего не теряетъ, кромѣ налога; уплаты 5⁰/₀ на 147 т. Всего нужно ежегодно собирать по 74 руб. Для этого достаточно $\frac{1}{2}$ ⁰/₀-наго налога на доходы (или сто 10⁰/₀-наго). Но этотъ новый налогъ они будутъ платить пока будетъ выплаченъ весь долгъ. Слѣдовательно, они съ этой точки зрѣнія могутъ утверждать, что распредѣлили на будущіе свои доходы всю истраченную за нихъ часть занятой суммы. Такимъ образомъ перемѣстили тягость *своей* части на будущіе.

Внутренній заемъ только при неравномѣрномъ распредѣленіи не представляетъ безсмыслицы. Одна только неравномерность даетъ ему смыслъ. Она — такимъ образомъ — одно изъ условій существованія государственныхъ долговъ. Безъ нея не было бы не было. Но при неравномѣрномъ распредѣленіи, какъ известно, интересы отдѣльныхъ народно-хозяйственныхъ классовъ далеко не гармоничны. Послѣдствіемъ оказывается то, что и сама, порождаясь государственнымъ кредитомъ, получаютъ одинаковое значеніе для различныхъ слоевъ населенія и для интересовъ. Народное хозяйство, какъ цѣлое, начинаетъ играть по отношенію къ интересамъ отдѣльныхъ классовъ такую роль, какую въ примѣрѣ, приведенномъ для разъясненія дѣйствій заграничнаго займа, всемірное хозяйство играло относительно отдѣльныхъ народныхъ хозяйствъ. Народное хозяйство, какъ цѣлое, при предпочтеніи внутренняго займа налогу, одновременно должно потерять всю занятую сумму, и тягость отъ этой потери на будущія поколѣнія не перемѣститъ. Иначе, однако будетъ съ точки зрѣнія интересовъ *отдѣльныхъ классовъ*. Заемъ беретъ средства тѣхъ, которые ихъ имѣютъ въ излишество и которые свободно ихъ отдаютъ. Тѣ классы, у которыхъ нѣтъ средствъ и которыхъ новый налогъ, равный займу, обременилъ бы новою тягостью, освобождаются поэтому отъ нея.

Потери, которые они должны были бы понести при сразу въ большемъ размѣрѣ, замѣняются рядомъ небольшихъ періодическихъ потерь, распределенныхъ на долгіе годы. Это поэтому непримѣнимо ни то положеніе, что налогъ вызываетъ одинаковыя единовременныя потери, ни другое положеніе, что тягости отъ долговъ непреложимы на будущее время. Благодаря богатымъ классамъ, бѣдные дѣйствительно могутъ соединить свои разновременныя усилія, чтобы вынести бремя отъ займа.

О государственныхъ долгахъ приходится поэтому разсуждать не столько, смотря по тому, стоимъ ли мы на точкѣ зрѣнія индивидуальной (отдѣльнаго частнаго хозяйства, отдѣльнаго класса, отдѣльнаго народнаго хозяйства, среди другихъ такихъ же), или на точкѣ зрѣнія общей (всей частно-хозяйственной сферы, всего народнаго хозяйства, всего всемірнаго хозяйства). Только послѣдней точки зрѣнія положенія Этбеера совершенно немыслимы¹⁾. Съ этой точки зрѣнія дѣйствительно все равно, равномерно или неравномерно распределены богатства. Но если бы одна изъ этихъ точекъ зрѣнія была возможна и богатство было равномерно распределено въ каждомъ отдѣльномъ народномъ хозяйствѣ и во всемірномъ хозяйствѣ, тогда бы и государственныхъ долговъ совсѣмъ не было. Только неравномерность дѣлаетъ ихъ необходимыми. Но та же неравномерность вызываетъ необходимость этой точки зрѣнія, имѣющей въ основаніи интересы частныя. Эта точка зрѣнія не допускаетъ однако уже возможности полнаго и всегдашняго примѣненія означенныхъ положеній. Эту-то неравномерность и вызываемыя ею въ жизни явленія и имѣли въ основаніи любимыя идеи финансистовъ-практиковъ.

Но финансисты-практики упускали однако изъ виду, что равномерно ли, или неравномерно богатство въ каждомъ отдѣльномъ народномъ хозяйствѣ, или во всѣхъ ихъ въ совокупности, — эта точка зрѣнія, народно-хозяйственная и всемірно-хозяй-

¹⁾ На стр. 288-й своего сочиненія г. Вреденъ самъ усматриваетъ невозможность придавать абсолютное значеніе выводамъ Этбеера. Но и тутъ г. Вреденъ выражается не точно. «Хотя долги, говоритъ онъ, по отношенію къ народному и частному (?) хозяйству, рѣшительно непременны на будущее, однако для финансоваго хозяйства, въ частности, затрудненія и возникающія отъ нихъ безвыходныя послѣдствія не являются рѣшительно переложимы путемъ займовъ». Мы не считаемъ такого способа выражаться точнымъ, потому что «затрудненія и безвыходныя послѣдствія» для правительства — не тѣ тягости, о переложимости которыхъ идетъ рѣчь. Тягости, имѣющія для государства истолковательскій и біографическій интересъ, лежатъ на народѣ, а не на правительствѣ. Совершенно точно, далѣе, ставитъ г. Вреденъ на одну доску и народное, и частное хозяйство.

ственная, имѣетъ свою практическую почву. Въ какомъ антагонизмѣ ни стояли отдѣльные классы другъ въ другу отдѣльныя народныя хозяйства, антагонизмъ не составлялъ всего содержанія ихъ взаимныхъ отношеній. Народное и мѣрное хозяйства — теперь уже не научныя абстракціи. Это соціальныя организмы съ самобытною силою, возвышающіе надъ государственными организмами общезитія и нерѣдко диктующіе имъ приказанія. Общія точки зрѣнія, имѣющія основаніями народно-хозяйственныя и всемірно-хозяйственныя интересы поэтому, не менѣе важны, нежели частныя. Но съ этихъ общихъ точекъ зрѣнія дѣйствительно все равно, какъ ни распредѣлено богатство. Съ общей всемірно-хозяйственной точки зрѣнія важно, что при всякомъ займѣ, также какъ и при налогѣ, всемірное хозяйство должно одновременно потерять всю его сумму. Кто эту сумму уплатитъ, всѣ ли поровну или не всѣ, для него неважно: для него весь интересъ въ томъ, что сумма будетъ потеряна. Нѣтъ для него также интереса и облегченія въ перемѣщеніи тягостей, которое для него невозможно. Проценты и погашеніе, которые ему будутъ выплачиваться, съ него не будутъ взяты. То же самое имѣетъ мѣсто въ отдѣльномъ народномъ хозяйствѣ при внутреннемъ займѣ. Какъ бы въ немъ ни было распредѣлено богатство между классами, — какъ цѣлое рассматриваемое, оно одновременно несетъ безвозвратную потерю. Что капиталъ, уничтоженный государственнымъ доходомъ, не у всѣхъ былъ взятъ, это для *него* менѣе важно, чѣмъ то, что капиталъ взятъ и потерянъ. Далѣе, какъ для цѣлаго, для народнаго хозяйства невозможно перенесеніе тягостей на будущее время. Какъ цѣлое, народное хозяйство будетъ въ будущемъ ежегодно расходоваться на проценты и погашеніе и потому обратно получать израсходованное. Что *не всѣ* члены его будутъ обратно получать израсходованное, а только нѣкоторые, это опять-таки менѣе важно, чѣмъ то, что во всякое данное время народное хозяйство обратно получаетъ все, что оно расходуетъ въ это время.

Государственное хозяйство, рѣзко отличаясь отъ того экономическаго соціальнаго организма, который образуется совокупностью частныхъ хозяйствъ, вмѣстѣ взятыхъ, имѣетъ *однако* съ нимъ то общее, что оно представляетъ собою цѣлую область хозяйственной жизни всего народа. Вотъ почему все, происходящее въ области государственнаго хозяйства, должно обсуждаться съ точки зрѣнія всего народа, а не отдѣльныхъ его слоевъ только. Недостойно поэтому высокаго положенія финансиста-практика — обсуживать свои мѣры не принимая во вниманіе

общей точки зрѣнія народныхъ интересовъ и полагаясь только на временныя удобства, которыми онъ можетъ привлечь симпатіи отдѣльныхъ классовъ.

Указываемыя двѣ точки зрѣнія на явленія, порождаемыя государственными долгами, не такового свойства, чтобъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ только одна изъ нихъ могла получить примѣненіе. Напротивъ, какъ одна, такъ и другая, каждый разъ не только умѣстна, но и необходима. Какъ бы поэтому займы и обещали отдѣльные классы и какъ бы они ни перемѣщали изъ глупости на будущее время, народное хозяйство, какъ цѣлое, остается при своей единовременной безвозвратной потерѣ, которая вся падаетъ на его наличныя средства и неперемѣстима въ будущія времена.

Съ точки зрѣнія общихъ народно-хозяйственныхъ интересовъ, такимъ образомъ, нѣтъ никакого различія между вліяніемъ на наличныя средства налоговъ и займовъ. И тѣ, и другіе одинаково уменьшаютъ эти средства; и тѣ, и другіе одинаково безвозвратно теряются сразу и навсегда.

Въ слѣдующемъ за симъ пунктѣ, на которомъ г. Вреденъ долженъ былъ остановиться, чтобъ провести свою идею, г. Вредену пришлось быть болѣе самостоятельнымъ, чѣмъ въ предшествующемъ. Пунктъ этотъ касается способовъ, которыми государство заимствуетъ нужныя ему средства у частно-хозяйственной сферы народной жизни.

Вопросъ объ этихъ способахъ не принадлежитъ къ мало разработаннымъ въ финансовой литературѣ. Но то, что она представляетъ по этому вопросу, далеко не отличается единствомъ, полнотою и послѣдовательностью. Г. Вредену предстояла поэтому двойная работа: показать научную несостоятельность существующихъ воззрѣній и замѣнить ихъ новыми, способными выдержать теоретическую и практическую критику.

Выше было показано, что изъ двухъ способовъ, которыми частныя хозяйства добываютъ себѣ экономическія средства для удовлетворенія потребностямъ производства и обмѣна, ни одинъ невозможенъ для государственнаго хозяйства. Государство само не производитъ хозяйственныхъ цѣнностей, и ему потому нечего производить обмѣнъ. Чобъ произвести обмѣнъ, оно должно безвозмездно добыть изъ чужого частнаго хозяйства, одинъ родъ ихъ, затѣмъ эти цѣнности оно можетъ обмѣнять на другой родъ цѣнностей частнаго хозяйства. Но очевидно, что въ такомъ случаѣ государство явится только посредникомъ между двумя посторонними хозяйствами, цѣнности которыхъ собственно и будутъ обмѣнены другъ на друга. Само государство непо-

средственно отъ себя и за себя обмѣнивающеюся стороною быть не можетъ.

Отсюда выводится неосновательность той финансовой теоріи, которая представляетъ государственное хозяйство какимъ-то подобіемъ обыкновенныхъ частныхъ хозяйствъ отдѣльныхъ людей, производящимъ, какъ и онѣ, извѣстные продукты и продающимъ эти продукты. Цѣна ихъ и представляется будто бы налогомъ. Теорію эту преимущественно проводятъ тѣ самыя англійскіе экономисты, которые не хотятъ признать государственное производительнымъ. Очевидна глубокая ихъ непоследовательность. Если государственное хозяйство ничѣмъ не отличается отъ частнаго по отношенію къ обмѣну, то оно ничѣмъ не отличается отъ него и по отношенію къ производству. Одно съ другимъ неразрывно связано. Но мало этой непоследовательности. Разбираемое воззрѣніе имѣетъ основаніемъ такое понятіе о государствѣ, которое развѣ идетъ къ безобразнѣйшему восточному деспотизму, а никакъ не къ европейскимъ политическимъ порядкамъ. Европейское государство—настоящаго времени—свободный союзъ людей, добровольно стѣсняющихъ свой индивидуальный произволъ ради общаго благополучія. Сколько бы ни встрѣчалось, во времени и пространствѣ, уклоненій отъ этого начала, несомнѣнно, что оно представляетъ основную двигательную силу политической жизни на европейской почвѣ. Государственное хозяйство по принципу не представляетъ поэтому экономической сферы, служащей какимъ-либо особымъ частнымъ интересамъ. Это—общее хозяйство всего того народа, который составляетъ государство. Это—такой же социально-экономическій организмъ, какой представляется совокупностью частныхъ хозяйствъ. И тамъ, и здѣсь, субъектъ хозяйства—одинъ и тотъ же народъ. Только тамъ онъ живетъ одною стороною своей хозяйственной жизни, здѣсь—другою. Тамъ онъ тѣсно сплоченъ въ безразличную, однородную массу и въ такомъ видѣ ведетъ общее хозяйство. Здѣсь онъ дифференцированъ на части, которыя тѣмъ не менѣе интегрально связаны совершенно особыми путями, рѣзко отличными отъ политическихъ основъ единства. Но если и государственное хозяйство и частно-хозяйственная сфера—два хозяйства одного и того же народа, то какимъ образомъ между ними возможенъ обмѣнъ, который немислимъ безъ совершенно различныхъ, другъ отъ друга независимыхъ, хозяйственныхъ субъектовъ? То, что народъ производитъ въ государствѣ, онъ производитъ для себя, и то что онъ производитъ въ частно-хозяйственной сферѣ, онъ производитъ опять для себя. Отчего же онъ не можетъ непосредственно потреблять и то, и другое? Къ чему тутъ еще

Обмѣномъ я могу получить то, что мнѣ еще не принадлежитъ. Но если обѣ обмѣниваемые вещи мнѣ принадлежатъ, какой смыслъ имѣеть обмѣнъ? Еслибъ государство было нѣмъ народа стоящее, еслибъ оно было не народнымъ мнѣніемъ, но проявленіемъ народной жизни; еслибъ оно было мнѣніемъ частныхъ интересовъ, которые его въ свою пользу манипулируютъ, — тогда — конечно — другое дѣло. Но этого нѣтъ никогда не было. Было время, когда *все* было государственнымъ, когда малѣйшая хозяйственная единица слагалась по государственно-хозяйственному типу. Но тогда и обмѣна почти не было.

Налогъ не составляетъ цѣны; поэтому и начала его регулировать, не суть начала, регулируюція цѣну. Еслибъ теоретическаго налога были послѣдовательны, они должны были признать начала запроса и предложенія за регуляторъ на-

Если налогъ не составляетъ цѣны и если государство, не выводя хозяйственныхъ цѣнностей, не можетъ отъ себя, и за не только, совершать обмѣнъ, — то это имѣеть важное послѣдствие и для государственнаго кредита.

Насколько намъ извѣстно, въ финансовой литературѣ до поры никому и въ голову не приходило сомнѣваться въ томъ, имѣеть ли государство свой собственный кредитъ? Напротивъ, это было несомнѣнно для всѣхъ, даже для самыхъ ярыхъ противниковъ государственныхъ долговъ. Еще несомнѣнно это должно было казаться послѣ появленія книги Дитцеля. По теоріи этого писателя, государство не только обладаетъ собственнымъ кредитомъ, но этотъ кредитъ составляетъ для государства особый самостоятельный источникъ доходовъ. Мало того: это — совсѣмъ особый кредитъ, какого въ частно-хозяйственной сферѣ вовсе и быть не можетъ. Такъ училъ Дитцель.

Г. Вреденъ объ этомъ иного мнѣнія. «Въ финансовомъ запискѣ, говоритъ онъ (187), вѣрителю капиталисту противустоитъ, не прямой заемщикъ, только податной платательщикъ». «Только государству можетъ казаться, что заемщикомъ является само государственное хозяйство» (ib). Почему г. Вреденъ такъ думаетъ? Ответъ дается на той же страницѣ: «государственное хозяйство не является самостоятельной, непосредственной платежной способностью не имѣеть».

Всѣ попытки, которыя необходимы для вывода г. Вредена, давно у многихъ были предъ глазами. Но выводъ во всей его цѣлости все-таки не былъ сдѣланъ. А между тѣмъ тогдашнему вдавались въ непоследовательности.

Современная экономическая наука видитъ въ кредитѣ то особъ видъ обмѣна, сбыта, котораго отличительная черта заключается въ отсрочкѣ мѣнового эквивалента. Если для государства невозможенъ обмѣнъ и сбытъ, то для него нѣтъ никакого обмѣна и сбыта, ни наличнаго, ни кредитнаго. Какъ просто? Но именно научный реформаторъ Дитцель могъ стоять за то, что государство не совершаетъ обмѣна, и все-таки брать за самостоятельный государственный кредитъ.

Но вѣдь долги государство все-таки заключаетъ. Что это значитъ? Значитъ то, что когда государство не у всѣхъ дантныхъ плательщиковъ находитъ наличныя средства, то это не абсолютное препятствіе взимать налогъ. «Не всѣ изъ васъ говорятъ государству плательщикамъ, обладаютъ наличными средствами. Но нѣкоторые за то имѣютъ ихъ еще больше, чѣмъ сколько мнѣ нужно. Сверхъ того всѣ вы, какъ субъекты частнаго хозяйственнаго, можете производить и обмѣниваться: для васъ слѣдовательно, возможенъ кредитъ, на который вы и смотрите какъ на самостоятельный источникъ богатства. Я не воспользуюсь вашею наличностью, но я воспользуюсь вашимъ кредитомъ: я на вашъ счетъ займу. Вы потомъ уплатите. Для каждаго изъ васъ въ отдѣльности возможно разложеніе тягости на долгъ и время. Каждый изъ васъ въ отдѣльности мало пострадаетъ. Долгъ вашего частнаго кредита, которымъ вы для меня пожертвуете, это будетъ безконечно мало сравнительно со всѣмъ вашимъ кредитомъ».

Правительству приходится, такимъ образомъ, играть только роль *посредника* между капиталистами съ одной стороны и по дантными плательщиками съ другой, между извѣстными частными хозяйствами (а не всею частно-хозяйственною сферою) и государственнымъ хозяйствомъ, т.-е. народомъ, между частью и цѣлымъ. Въ чемъ же заключается это посредничество?

Г. Вреденъ даетъ отвѣтъ и на этотъ вопросъ. Кредитъ, какъ сказано, видъ обмѣна. Но всякій обмѣнъ совершается съ помощью договора между обмѣнивающимися сторонами. Гдѣ же есть договоръ, тамъ необходимо должна быть и гарантія ея исполненія. Какой бы она ни имѣла видъ, будь она явная или скрытная, вещная или личная, достаточная или фиктивная, существовать она должна всегда. Законы гражданскіе могутъ признавать только извѣстные виды гарантіи, и съ точки зрѣнія этихъ законовъ могутъ быть негарантированные договоры. Но съ экономической точки зрѣнія негарантированный договоръ — безсмыслица. Это — договоръ, о которомъ напередъ извѣстно, что онъ не будетъ исполненъ. Это — договоръ, который съ самаго же

онъ не признается договоромъ. Если же онъ таковымъ признается, то это — потому, что имѣются основанія, по которымъ требуется его исполненіе. Эти-то основанія и составляютъ экономическое содержаніе гарантіи. Это — экономическіе посылки, изъ которыхъ, какъ выводъ, вытекаетъ исполненіе договора.

Что же и кто гарантируетъ тѣ долги, которые возникаютъ изъ государственныхъ займовъ? Податная сила и исполнительная власть государства. Называя облигаціи государственнаго долга облигациями, государство является поручителемъ за податныхъ плательщиковъ. Оно ихъ гарантируетъ тою властью, которою оно пользуется для собиранія налоговъ и пользованія самими этими налогами. Оно ихъ страхуетъ у того имущественнаго фонда, изъ котораго берутся налоги.

IV.

Государство не производитъ мѣновыхъ цѣнностей, но оно не менѣе въ нихъ нуждается. Оно принуждено поэтому безвозмездно ихъ заимствовать изъ той сферы, гдѣ онѣ производятся. По той же причинѣ, по которой оно получаетъ свои финансовыя средства безвозмездно, оно ихъ заимствуетъ и безвозвратно: ему нечѣмъ ихъ возвращать, ибо оно не производитъ мѣновыхъ эквивалентовъ. Безвозмездность и безвозвратность доходовъ государственнаго хозяйства обусловливаются такимъ образомъ самою природою государства, которое для своихъ членовъ не можетъ производить мѣновыхъ цѣнностей, т.-е. которое торговать со своими членами не можетъ и не должно.

Государственные займы не представляютъ исключенія изъ общаго правила. Мы показали, что средства, которыя государства получаютъ путемъ займовъ, безвозвратно гибнутъ для народнаго хозяйства. Но читателю, по всѣмъ вѣроятностямъ, не совсѣмъ ясно будетъ изложенное, такъ какъ ему извѣстно, что займы влекутъ за собою необходимость и процентовъ, и погашенія. Можетъ поэтому казаться, что займы даютъ средства, которыя государствомъ получаются и не безвозмездно, и не безвозвратно. Необходимо поэтому устранить это недоумѣніе, разъяснивъ сущность процентности и погашенія государственныхъ долговъ.

Вопросъ этотъ далеко не такой простой, какъ можетъ казаться сразу. Старые теоретики, не понимая различій между частнымъ и государственными займами, учили, что государственные долги должны быть процентны и погашаемы по тѣмъ же причинамъ, по которымъ частные долги процентны и уплачиваются. Дитцель,

глубже проникнувшій въ вопросъ о государственныхъ долгахъ въ туманѣ однако перебрался чрезъ вопросъ объ основаніяхъ процентности, но за то тѣмъ отчетливѣе и оригинальнѣе его мысль о погашеніи: онъ его отрицаетъ въ принципѣ. Государственный долгъ, по его мнѣнію, тѣмъ именно и отличается частнаго, что по первому возвратъ капитала кредитору излишенъ по второму же необходимъ. Г. Вреденъ упрекаетъ Дитцеля за то, что онъ не замѣтилъ, какъ создаваемое государствомъ изъ процентныхъ путемъ займовъ далеко не вѣчно (стр. 273). Поэтому займы должны быть не вѣчные. Раньше или позже имъ должна настать срокъ, и тогда должна воспослѣдовать полная уплата. Другой доводъ г. Вредена противъ Дитцелевскаго воззрѣнія — то, что оно упускаетъ изъ виду вліяніе займовой системы на распределение богатствъ, безконечное возрастаніе податей отъ платящихъ процентовъ, и необходимость *воспроизводства изъ податей обложенія (?) капиталовъ, созданныхъ (?) на первый разъ при помощи займовъ* (стр. 275).

Намъ кажется, что опровергая Дитцелевскія идеи о вечности погашенія государственныхъ долговъ, г. Вреденъ не достаточно принялъ во вниманіе смыслъ, въ которомъ самъ Дитцель излагалъ свои идеи. Ставъ на точку зрѣнія Дитцеля, все должно придти и къ его выводу. Въ самомъ дѣлѣ, по воззрѣніямъ этого писателя государственный кредитъ есть только своеобразное перемѣщеніе капитала, излишняго въ частно-хозяйственной сферѣ, въ государственное хозяйство. Но послѣднее прежде всего отличается тѣмъ, что мнѣныхъ цѣнностей оно производитъ. Слѣдовательно, воспроизвести занятый капиталъ, возстановить въ первоначальномъ его видѣ государство не въ состояніи, какъ признаетъ это и г. Вреденъ. Чтобы вернуть частно-хозяйственной сферѣ капиталъ, равный заимствованному таковой пришлось бы заново заимствовать у послѣдней. Но это противорѣчило бы какъ цѣли, съ которой первоначально капиталъ былъ заимствованъ, такъ и природѣ отношеній государства къ частно-хозяйственному организму. Капиталъ вышелъ изъ послѣдней сферы, потому что онъ въ ней былъ излишній и тамъ его помѣстить было некуда. Какой же имѣетъ смыслъ возвращеніе излишняго капитала? Вѣдь послѣ этого капиталъ, какъ излишній, снова долженъ будетъ перейти въ сферу государства. Погашеніе такимъ образомъ было бы чѣмъ-то похожимъ на вѣчную Сизифову работу. Далѣе однако: государство не представляетъ собою сферы, чуждой частно-хозяйственной области. Напротивъ, онѣ вмѣстѣ составляютъ одно органическое цѣлое, существуютъ другъ для друга, другъ для друга работаютъ и одна

служать. Когда частно-хозяйственная сфера разстается съ нѣмъ, переходящимъ въ государство, это не значитъ, что теряеть всякую связь съ нимъ. Когда то, что руки вытѣкаютъ, переходитъ въ желудокъ, намъ не приходится и на это сказать, что при этомъ удовлетворены интересы одного организма. Руки и желудокъ—части одного организма, и переходъ дуга изъ одного органа въ другой—въ интересахъ всѣхъ частей. Лишь бы желудокъ выработалъ то, что полезно для всего организма, а тамъ все равно, какую форму будетъ имѣть выработанное, первоначальную ли, или новую. Такъ точно важно только, чтобъ капиталъ, перешедшій въ государство, переработанъ былъ въ полезное для всего народно-хозяйственнаго организма. Тогда будутъ удовлетворены и интересы частно-хозяйственной сферы. Напротивъ, органическое соотношеніе частей организма не бы извращено въ своей природѣ, еслибъ все, что желудокъ выработалъ, шло на одно только питаніе рукъ.

Нельзя такимъ образомъ отрицать у Дитцеля послѣдовательности, когда изъ идеи о государственномъ кредитѣ, какъ о поощреніи капитала, онъ заключаетъ о томъ, что государственные долги не должны быть погашаемы. Но его посылка—злоупотребленіе вѣрной идеею, и потому его выводъ построенъ на пескѣ.

Когда частно-хозяйственная сфера удѣляетъ часть своихъ средствъ для государства, то несомнѣнно совершается и процессъ перехода капиталовъ къ новому помѣщенію. Дитцель былъ только не правъ, когда говорилъ о своеобразномъ способѣ помѣщать частно-хозяйственные капиталы по поводу государственнаго кредита только, тогда какъ на самомъ дѣлѣ о немъ должно говорить по поводу *всей* системы финансовой, со всѣми ея доходами и расходами. Всѣ средства, которыя государство получаетъ, оставляютъ частно-хозяйственную сферу, и основной принципъ этого оставленія долженъ былъ бы быть, намъ кажется, тотъ же, какой дѣйствуетъ и въ другихъ аналогическихъ случаяхъ. Т.-е., хозяйственные средства должны оставлять одно мѣсто и переходить въ другое только тогда, когда въ послѣднемъ они будутъ приносить болѣе пользы, чѣмъ въ первомъ. Какія это будутъ средства, изъ труда или капитала, изъ валового или чистаго дохода, рѣшительно все равно. *Это* начало на дѣлѣ, въ самой жизни, управляло переходомъ хозяйственныхъ средствъ изъ частно-экономической сферы въ государство, и оно будетъ продолжать имъ управлять, несмотря на все противудѣйствіе финансистовъ школы «чистаго дохода». Налогъ—не потеря и не уничтоженіе капитала, а своеобразное его помѣщеніе: вотъ основное начало ученія о налогѣ. Но объ этомъ помѣщеніи, о его выгудности и необходимости должны судить тѣ, которыхъ

капиталь для него необходимъ: таково—второе основное нач- означеннаго ученія. Поэтому, только частно-хозяйственная сф- сама въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ можетъ рѣшить, что ст- источникъ налога и какой капиталъ затрачивать на н- всѣми сознанныя и у всѣхъ вызывающія готовность дѣлать ихъ затраты.

Эти затраты не должны возвращаться обратно част- хозяйственной сферѣ: онѣ не должны погашаться по част- хозяйственному разсчету. Государство не воспроизводитъ по- ченныхъ капиталовъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно ихъ получи- Но это не значитъ, что государство абсолютно непр- произ- тельно. Оно воспроизводитъ полученные капиталы въ новой форм- полезной для всего народнаго организма. Для превращенія ка- таловъ въ новую форму оно ихъ и получило. Справедливо в- этому, что еслибы капиталы принимали первоначальную форм- и въ этомъ видѣ возвращались въ мѣсто, откуда вышли, —то- противурѣчало бы природѣ отношеній государства къ народн- хозяйству и функциямъ перваго и втораго.

Но признавать вѣрность этихъ идей и признавать истинн- Дитцелевскаго ученія о непогашаемости государственныхъ дол- далеко не одно и то же. По единственно-научному ученію Вредена, государственные долги — только одинъ изъ спосо- собрать налогъ. Поэтому и государственный кредитъ — средства, безвозвратно остающіяся у государства. Г. Вред- долженъ былъ бы отказаться отъ своего ученія о принципахъ номъ единствѣ налоговъ и долговъ, еслибъ онъ этого не пр- зналъ. Но слѣдуетъ ли отсюда, что государство не должно по- гашать своихъ долговъ? Ни мало.

Когда государство совершаетъ заемъ, оно взимаетъ нало- самымъ рациональнымъ образомъ *прежде всего* съ тѣхъ, которые всего легче разставаться съ хозяйственными средствами. Если бы налогъ такъ и оставался навсегда распределеннымъ, н- нельзя было бы его въ другой разъ повторить. Необходимо по- этому уравнивать его съ другими налогами. Необходимо, чтобъ онъ былъ также распределенъ, какъ и остальные налоги. Его необходимо слѣдовательно *перераспределить*. Вотъ это пере- распределение только и совершается установленіемъ налога на проценты и погашенія. Такой налогъ никогда не представляетъ *новаго* налога для *государственнаго* хозяйства. Онъ только *мѣняетъ* другой. Онъ собирается не для того, чтобъ быть ис- траченнымъ, а напротивъ, чтобъ обратнымъ возвращеніемъ въ народное хозяйство выравнивать неравенства или возстановитъ

начальныя неравенства. Этимъ налогомъ постепенно за-
мѣнитъ тотъ, который былъ установленъ съ помощію займа.
Этимъ образомъ, та возмездность и та возвратность, которыя
связаны процентностью и погашаемостью государствен-
ныхъ долговъ, относятся не къ средствамъ, которыя государство
получило путемъ займа. Эти средства государство получило и
возмездно и безвозвратно. Но путь, которымъ государство
получило эти средства, не такой, чтобъ имъ можно было пользо-
ваться безвозмездно и чтобъ по нему можно было идти безвоз-
вратно. Это приводитъ насъ въ необходимости разъяснить финан-
совое значеніе пути, которымъ государство получаетъ средства
помощію займовъ.

V.

Финансовый характеръ и финансовую природу этого пути
уже вполне научно опредѣлилъ г. Вреденъ. Кредитъ—видъ
обмѣна; а обмѣнъ—дѣйствіе, чрезъ посредство котораго за от-
даваемое вознагражденіе добывается экономическая цѣнность.
Кредитъ, чѣмъ бы онъ ни былъ и гдѣ бы мы его ни наблюдали,
есть способъ *добыванія* цѣнностей уже готовыхъ, имѣющихъ
опредѣленный отъ него источникъ. Какъ видъ обмѣна, кредитъ
предполагаетъ производство ему предшествовавшее, резуль-
татъ котораго и явились цѣнности, съ его помощію добы-
тыя.

Вотъ почему даже въ тѣхъ случаяхъ, когда объ кредитѣ
можно говорить, какъ объ источникѣ цѣнностей, о немъ можно
говорить, какъ объ источникѣ производномъ, а никакъ не перво-
начальномъ. Для даннаго, отдѣльнаго, частнаго лица кредитъ
можетъ быть источникомъ цѣнностей, но никакъ не для замѣну-
емаго народнаго хозяйства. Или: для народнаго хозяйства, какъ
общественно-хозяйственного организма, кредитъ можетъ быть источни-
комъ, но никакъ не для цѣлаго всемірнаго хозяйства. Чтò кредитъ
дастъ одному, то онъ всегда отнимаетъ у другихъ.

Для государственнаго хозяйства кредитъ является источникомъ
только въ случаѣ заключенія заграничныхъ займовъ. Но когда
государство помощію кредита пользуется туземными капиталами
(что бываетъ въ большинствѣ случаевъ), кредитъ не является
источникомъ этихъ капиталовъ. Онъ самъ ихъ предполагаетъ,
но только въ томъ отношеніи, что даетъ только возможность ихъ добыть,
а не самъ ихъ производитъ. Это только особый способъ произвести заимствование
капитала изъ частно-хозяйственной сферы.

Самое заимствованіе при этомъ, обусловливаясь природою имущественныхъ отношеній государства къ частно-хозяйственной сферѣ, ни на волосъ не измѣняетъ своей собственной природы. Какія бы особенности ни имѣлъ способъ его производства, самъ онъ отъ того не измѣняется.

Совокупность способовъ производства заимствованій государствомъ нужныхъ ему средствъ изъ частно-хозяйственной сферы составляетъ существенное содержаніе того, что въ финансовой наукѣ изслѣдуется въ теоріи *взиманія налоговъ*. Взятіе это имѣетъ самыя разнообразныя формы, и въ число ихъ входитъ кредитъ.

Взятіе налоговъ или способъ производства заимствованій государствомъ нужныхъ ему хозяйственныхъ средствъ, прежде всего отличается существенно отъ самыхъ налоговъ или заимствованій слѣдующимъ. Въ то время какъ безвозмездность, безвозвратность—существенные признаки заимствуемыхъ или получаемыхъ налогомъ средствъ, та же безвозмездность и та же безвозвратность *необходимо не должны быть* признаками самаго полученія, способовъ заимствованія, или формъ взиманія.

Какую бы мы ни взяли форму взиманія налоговъ, всею мы увидимъ, что она сопряжена съ расходами и жертвами, и всеобщими, а частными, падающими только на извѣстныхъ лицъ. Эти расходы и жертвы не могутъ быть безвозмездны и безвозвратны. Отсюда—спеціальныя финансовыя *издержки взиманія* государственныхъ доходовъ, встрѣчающіяся въ каждомъ бюджетѣ и покрываемыя опять изъ налога. Этими издержками взиманія оплачиваются расходы и жертвы тѣхъ лицъ, безъ содѣйствія которыхъ государство не собрало бы нужныхъ ему средствъ.

Нѣтъ поэтому ни одного государственнаго дохода, который какъ бы очевидна ни была его безвозмездность и безвозвратность, тѣмъ не менѣе одною своею стороною, именно при взиманіи, не былъ бы сопряженъ съ возмездіемъ и возвратомъ. Это—черта, отличающая *все* доходы, *все* налоги. *Эту* только черту и представляютъ намъ возмездность и возвратность въ процентахъ и погашеніи государственныхъ долговъ. Мы видимъ, что процентами и погашеніемъ государство только возвращаетъ людямъ, болѣе другихъ для него жертвовавшимъ, ихъ излишніе, противъ его требованій, расходы. Ничего особеннаго, кромѣ этого, процентность и погашеніе государственныхъ долговъ не представляютъ. Изъ нихъ также мало можно заключить о возвратности и возмездности капиталовъ, получаемыхъ путемъ займовъ, какъ мало можно о томъ же заключить по издержкамъ взиманія всякаго другого финансоваго дохода. Расходы на го-

государственный долгъ, показываемые во всякомъ бюджетѣ—статья чисто тождественная съ другою, также всегда показываемые расходы взиманія доходовъ. Только сложение этихъ двухъ можетъ дать ясное понятіе объ издержкахъ, съ которыми сопряжено производство заимствованій для государства. Строго по тому А. П. Заблоцкий-Десятовскій, въ своемъ классическомъ трудѣ о финансахъ Пруссіи (стр. 420, I т.), ставитъ расходы на государственный долгъ непосредственно послѣ расходовъ на взиманіе остальныхъ доходовъ. Даже для Пруссіи эти два расхода составляютъ почти $38\frac{1}{2}\%$ всѣхъ расходовъ: 13% стоятъ займы и $25\frac{1}{2}\%$ остальные доходы; даже для этой классической по финансовой хозяйственности въ Европѣ страны такая форма взиманія доходовъ имѣетъ въ бюджетѣ только въ половину меньшее значеніе, сравнительно съ «старою».

Было бы однако ошибочно думать, что эта «новая» форма взиманія государственныхъ доходовъ, представляемая займами, является на какой-либо новый принципъ, проникнувшій недавно въ государственное хозяйство. Ея принципъ возникъ чуть ли не вмѣстѣ съ налогомъ и врядъ ли въ прежнія времена, только въ измѣненномъ видѣ, онъ эксплуатировался меньше, чѣмъ теперь.

Когда финансовый доходъ взимается прямо, въ видѣ такъ-называемыхъ *прямыхъ* налоговъ, тогда очевиденъ основной его характеръ взноса, заимствованнаго изъ посторонняго производительнаго источника. Не теряется очевидность этого характера и у косвенныхъ податей. Но эта косвенность, принимая различныя формы, совершенно можетъ закрыть основную сущность финансового дохода—его заимствованность изъ посторонняго источника, влекущую за собою соответственное уменьшеніе этого источника. Еще болѣе ею закрывается безвозмездность и безвозвратность заимствованія.

Всякая косвенная подать прежде всего характеризуется тѣмъ, что она первоначально выплачивается не тѣмъ лицомъ, которое она въ концѣ концовъ должна достигнуть. Напротивъ, первоначально она въ видѣ аванса дается правительству, чтобъ облегчить ему и ускорить полученіе дохода. Всего очевиднѣе это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда подати отдаются на откупъ. Но не менѣе очевидно то же самое и въ случаѣ каждаго другого косвеннаго способа собиранія налоговъ. Владѣлецъ водочнаго завода, уплачивающій акцизъ за выкуриваемую имъ водку, даетъ впередъ правительству сразу ту сумму, которую оно должно было бы въ противномъ случаѣ собирать долями съ потребителя этой воды. Возвышая цѣну водки на акцизъ, производитель ея

получаетъ обратно капиталъ, который онъ далъ правительству. Онъ возвышаетъ цѣну не на одинъ только акцизъ, но прибавляетъ еще сверхъ того и проценты на капиталъ, употребленный для уплаты акциза. Это означаетъ, что кредитъ, оказанный при этомъ правительству, былъ небезпроцентный: потребитель водки не только погашаетъ капиталъ, занятый правительствомъ, но уплачиваетъ и проценты на него. Также точно откупщикъ разыгрываетъ роль банкира, ссужающаго правительство капиталомъ и потомъ собирающаго съ податныхъ плательщиковъ, какъ капиталъ, такъ и проценты на него.

Если при косвенныхъ податяхъ и откупахъ очевидно, какими въ данное время уменьшаются безвозвратно и безвозмездно средства частно-хозяйственной сферы, то не менѣе очевидно, что государственнымъ займами производится только то же самое. Это тотъ же способъ — ускореннымъ и облегченнымъ путемъ сосредоточивать въ правительственной кассѣ большіе капиталы, чрезъ посредство заимствованія ихъ у тѣхъ, съ которыми правительству удобнѣе имѣть дѣло. Различіе между косвенными податями и займами въ этомъ отношеніи только то, что въ первомъ случаѣ правительство предоставляет самому кредитору собирать съ податныхъ плательщиковъ капиталъ и проценты, во второмъ же правительство само беретъ на себя эту заботу. Въ первомъ случаѣ правительство, получивъ деньги, больше ни о чемъ уже не думаетъ: обязательствъ никакихъ у него нѣтъ. Во второмъ, напротивъ, на немъ лежитъ забота о погашеніи долга и уплатѣ процентовъ. Отъ откупного способа собиранія податей государственные долги отличаются еще меньше. — Небольшое измѣненіе произошло только оттого, что правительство приняло на себя роль страхователя въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Оно и прежде закладомъ косвенныхъ налоговъ и другихъ своихъ сборовъ разыгрывало ту же роль страхователя. Но прежде оно давало какъ-бы специальную ипотеку, тогда какъ въ настоящее время даетъ какъ-бы общую ипотеку. Прежде оно страховало возвратъ сдѣланныхъ ему авансовъ у известныхъ только своихъ доходовъ. Теперь оно ихъ страхуетъ у всѣхъ своихъ доходовъ въ совокупности. Прежде только часть его доходовъ была въ залогѣ. Въ настоящее время европейскія правительства, что называется, съ головою оуинулись въ залогъ.

Такимъ образомъ, въ займѣ нѣтъ ни одного такого существеннаго признака, ни одного важнаго элемента, котораго нельзя было бы подвести подъ категорію, указываемую теорією и практикою налога. Если при косвенныхъ налогахъ мы не встрѣчаемъ у правительства страховой роли, то самое право

подати, переданное въ частныя руки, достаточный за порогъ. За симъ, всѣ остальные элементы у косвенныхъ налоговъ и займовъ—общіе. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ государство пользуется наличными средствами частно-хозяйственной сферы. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ часть этихъ наличныхъ средствъ берется государствомъ безвозмездно и безвозвратно. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ частно-хозяйственная сфера, какъ цѣлое, не въ состояніи перемѣстить на будущее тяжести отъ финансоваго заимствованія. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ самое *производство* заимствованія сопряжено съ издержками и возвратомъ особыхъ расходовъ, при этомъ неизменно. Наконецъ, и въ одномъ, и въ другомъ случаѣ мы имеемъ предъ собою способы быстрого сосредоточенія большихъ суммъ въ казну.

Съ виду кажется, что займомъ государство беретъ средства въ томъ, чтобъ ихъ возвратить; когда же оно беретъ средства займомъ, хотя бы для уплаты процентовъ и погашенія, то уже безвозвратно. На самомъ дѣлѣ выходитъ совершенно противоположное. Займомъ правительство беретъ средства безвозвратно. Займомъ оно иногда ихъ беретъ, чтобъ, не пользуясь ими, возвратить ихъ обратно.

На основаніи изложеннаго можно позволить себѣ—утверждать, что если въ какой-либо отрасли государственныхъ доходовъ безвозвратность получаемыхъ средствъ несомнѣнна, то все-таки болѣе—при займахъ. Напротивъ, всего менѣе—это несомнѣнно при налогахъ. Ибо налогъ, который правительство возвращаетъ обратно, частое и нормальное явленіе. Напротивъ, несомнѣнный признакъ патологическаго состоянія государственнаго хозяйства представляется намъ тогда, когда государство включаетъ займы для уплаты долговъ, т.-е. когда оно возвращаетъ въ народное хозяйство обратно суммы, полученные путемъ займа.

VI.

Мы пересмотрѣли рядъ доводовъ, говорящихъ за принципиальное единство налоговъ и займовъ. Послѣдній доводъ, не менѣе всѣхъ предыдущихъ важный, представляетъ единство источниковъ того и другого вида государственныхъ доходовъ. Но въ этомъ пунктѣ намъ придется разойтись съ ученіемъ г. Вредена.

Вопросъ объ источникахъ государственныхъ доходовъ при-

надлежитъ въ тѣмъ, которыхъ теоретическая разработка сильно задерживается социальными и фискальными интересами, при мѣшивающимися въ дѣлу изслѣдованія. Интересы господствующихъ въ обществѣ классовъ также точно, какъ и интересы правительства, слишкомъ сильно до сихъ поръ вліяли на отдѣльныхъ изслѣдователей, то положительно предписывая направленіе изслѣдованій, то отрицательно на нихъ вліяя устраненіемъ извѣстныхъ вопросовъ изъ научной области.

Теорія государственнаго кредита соприкасается со многими основными ученіями теоретической экономіи, которыя далеко еще не удалось наукѣ вполне разработать. Только тотъ, поэтому, могъ бы претендовать на законченное изслѣдованіе государственнаго кредита, у кого хватило бы достаточно силъ, чтобъ поставить на болѣе прочныя основанія и означенныя ученія. Но коренные вопросы науки такого свойства, что силъ отдѣльнаго человѣка на подобную задачу никогда не хватитъ, ибо эти вопросы трудны не въ одномъ только научномъ отношеніи. Это — самые общіе вопросы о благосостояніи и бѣдности, т.-е. вопросы объ общемъ благосостояніи и общей бѣдности. Но подобные вопросы, касающіеся большинства, только изъ самымъ теоретически и практически, научнымъ и опытнымъ путемъ, и разрѣшаются. Въ счетъ большинства конечно входитъ и большинство ученое. Какъ силы отдѣльнаго практика мало значать въ подобномъ случаѣ, такъ точно не могутъ имѣть исчерпывающаго значенія изслѣдованія отдѣльныхъ ученыхъ, какъ бы они ни были велики сравнительно съ изслѣдованіями другихъ ученыхъ въ отдѣльности взятыхъ.

Основное значеніе для г. Вредена въ той части, въ которой мы теперь приблизились, имѣлъ вопросъ о чистомъ доходѣ. Послѣдній, несмотря на то, что теоретиками онъ разрабатывается уже около 100 лѣтъ, далеко однако еще не выясненъ, въ особенности съ той его стороны, которою онъ соприкасается съ финансами. Частно-хозяйственная сфера успѣла для себя выработать достаточно ясное понятіе о чистомъ доходѣ. Но ея отношенія къ финансовому хозяйству были до сихъ поръ до такой степени подъ вліяніемъ произвола, что никакихъ ясныхъ правилъ и понятій о томъ, какая часть частно-хозяйственныхъ средствъ можетъ служить финансовымъ источникомъ, практика не успѣла выработать. Если финансовая практика сегодня дѣлала своимъ источникомъ одно, завтра — другое, послѣзавтра опять третье, если она заходила такъ далеко, что ничего не оставляла не обложеннымъ, — то очевидно важно было добиться чего-либо, ограниченнаго опредѣленными предѣла-

на, ясно формулированнаго. Понятно въ такомъ случаѣ, что ~~экономисты~~ экономистовъ о чистомъ доходѣ имѣютъ не одно только ~~экономическое~~ практическое значеніе. Они выражаютъ весьма практическое ~~отношеніе~~ отношеніе дѣйствительной жизни — поставить кабую-либо ~~преду~~ предугадать правительственнымъ требованіямъ, выяснить отчетливо границы, далѣе которыхъ эти требованія не должны прости-
раться.

Мы, въ Россіи, только теперь начинаемъ переживать тотъ періодъ частно-хозяйственнаго развитія, когда индивидуально-экономическая жизнь, получивъ свободу, начинаетъ сознавать и глубже понимать потребность — существовать для себя, а не какъ придатокъ въ правительственному хозяйству, служащій только послѣднему. Наше народное хозяйство до тѣхъ поръ, пока не будетъ проведена финансовая реформа, будетъ представлять то глубокое отличіе отъ западно-европейскаго, что большинство частныхъ хозяйствъ почти во всей своей цѣлости у насъ служатъ исключительно податными источниками, и по принципамъ лежащаго въ основѣ нашего финансоваго права, какъ-бы только для того и существуютъ. На пути въ реформѣ мы должны, поэтому, принять возможно болѣе живое участіе въ разрабатываемомъ вопросѣ о податныхъ источникахъ.

По господствующимъ воззрѣніямъ, чистый доходъ представляетъ собою ту разность, которая остается изъ валового продукта по вычетѣ всѣхъ производственныхъ расходовъ. Чистый доходъ — все то, чѣмъ люди поддерживаютъ свою текущую жизнь и что они употребляютъ какъ экономическое средство для того, чтобъ идти впередъ. Это — то, что потребляется или изъ чего образуются новые капиталы. Таково было опредѣленіе Ад. Смита.

Вотъ этимъ-то чистымъ доходомъ Ад. Смитъ, а вслѣдъ за нимъ и всѣ послѣдующіе экономисты и финансисты считаютъ необходимымъ ограничить *податной* источникъ. Основной финансовый принципъ современнаго государственнаго хозяйства, по мысли господствующей въ настоящее время школы, требуетъ безусловно, чтобъ государство не трогало *производительныхъ* силъ и средствъ частно-хозяйственной сферы. Иначе государство поступитъ какъ хозяйка, убившая курицу, которая несла золотыя яйца. Само государство питается отъ тѣхъ же производственныхъ средствъ. Поэтому, уменьшая ихъ, оно уменьшаетъ собственную свою силу, оно подрываетъ почву подъ собственными своими ногами. Вотъ почему только чистый доходъ долженъ быть источникомъ налоговъ. Только тотъ фондъ средствъ, который не служитъ производству, можетъ служить источникомъ государственныхъ доходовъ. Новъ ли капиталъ, или старъ, во

всякомъ случаѣ онъ не долженъ быть отнятъ у частно-хозяйственной сферы.

Положеніе, что податнымъ источникомъ можетъ быть только чистый доходъ, формулированное, какъ основное для финансовой теоріи и практики, еще Ад. Смитомъ, достаточно ясно и поразиваетъ капиталъ изъ сферы обложенія. Когда капиталъ употребляется на нужды потребленія, онъ перестаетъ быть капиталомъ. Пока онъ остается капиталомъ, его не употребляютъ для потребленія, для котораго служить чистый доходъ. Поэтому обложеніе послѣдняго никогда не можетъ въ своей сферѣ встретиться съ первымъ.

Но трудъ, на что бы онъ ни употреблялся, не перестаетъ быть трудомъ. Большая часть ежегодно истрачиваемаго труда служитъ именно цѣлямъ потребленія. По цѣли, такимъ образомъ, трудъ и чистый доходъ совпадаютъ въ большинствѣ случаевъ. Отсюда то послѣдствіе, что когда чистый доходъ облагается по внѣшнимъ признакамъ, которые у него имѣются общіе съ трудомъ, то настигается и послѣдній.

Этого мало. Чистый доходъ получается по возстановленіи капитала. Но несомнѣнно, что для народнаго хозяйства важно, чтобъ *всѣ* его производственныя силы сохранялись: стѣснительно не одинъ только капиталъ, но и трудъ. Необходимо, чтобъ возстановлялась не одна только сила капитала, но и сила труда. Но послѣднее возстановляется потребленіемъ. Всякое обложеніе, сокращающее потребленіе не стѣсняя возстановленія капитала, можетъ поэтому стѣснить возстановленіе трудовъ производственной силы. Опрежденіе чистаго дохода по затратамъ на потребленіе, захватываетъ такимъ образомъ и такіе доходы, которые, какъ необходимые для сохраненія чуть ли не самой основной производственной силы, далеко нельзя считать удобосократимыми и свободными или чистыми. Этого опредѣленія можетъ быть достаточно съ точки зрѣнія сохраненія капитала. Оно можетъ удовлетворить интересы капитала. Но интересы труда имъ далеко не могутъ удовлетвориться. Трудъ оно отдаетъ въ жертву правительственному хозяйству.

Но и этого мало: все, что трудъ производитъ, необходимо имѣть одну изъ тѣхъ двухъ формъ, подъ которыми признаются податные источники. Продуктъ текущаго или идетъ на потребленіе, или идетъ на образованіе новаго капитала.

Сословный характеръ господствующей теоріи, такимъ образомъ, очевиденъ. Именно потому она во всей своей цѣлости и безъ всякихъ измѣненій не можетъ имѣть значенія для насъ.

ея интересы, которые она охраняет на Западѣ, у насъ имѣютъ второстепенное значеніе.

Несомнѣнно, что съ точки зрѣнія чисто-экономической ничего важнѣе береженія производственныхъ силъ. Но, въ первыхъ, беречь капиталъ значитъ беречь только одну производственную силу. Современная финансовая теорія только на словахъ стоитъ за производственныя силы вообще. Признавая капиталъ чистый доходъ источникомъ государственныхъ доходовъ, она не оберегаетъ самой крупной по размѣру силы. Можно было бы согласиться, что съ чисто-экономической точки зрѣнія важнѣе не та сила, которая беретъ своимъ размѣромъ, а та, которая стоитъ выше по производительности. Съ чисто-экономической точки зрѣнія капиталъ несомнѣнно важнѣе и дороже труда. Это — воплощеніе накопленнаго разума человѣка, сконцентрированное человѣческое прошлое, квинтъ-эссенція и кристаллъ-экстрактъ прошлаго и настоящаго человѣческой хозяйственности. Но при всемъ томъ, капиталъ — вещь, а трудъ, это живая, чувствующій человѣкъ. Было время, когда чисто-экономическая точка зрѣнія до того увлекла многихъ экономистовъ, что менѣе одностороннимъ изъ нихъ стало «за человѣка страшно». Реакція началась съ Сисмонди и Дроза, была поддержана Юновымъ и Росси и, подъ вліяніемъ голоса социалистовъ, въ настоящее время породила такъ-называемое этико-антропологическое направленіе. Его придерживаются лучшіе современные экономисты Англіи, Франціи, Германіи и т. д. Дж. Ст. Милль, Фоссетъ, Воловскій, Бодрильяръ, Штейнъ, Шеффле, Кери и т. д. — таковы имена новаго направленія экономической науки.

Менѣе всего чисто-экономическая точка зрѣнія уместна въ наукѣ о государственномъ хозяйствѣ. Уже самый основной принципъ послѣдней доказываетъ то. Въ то время, какъ съ чисто-экономической точки зрѣнія расходы, регулирующие доходы — просто бессмыслица, именно это начало — верховнѣйшее въ государственномъ хозяйствѣ (Wagner, *Ordnung des oesterreichischen Staatshaushalts*. 1863). Беречь производственныя силы государства важно. Но беречь справедливость для него еще важнѣе. А всего важнѣе для него беречь человѣка. Для государства человѣкъ — нѣчто большее, чѣмъ простой экономическій факторъ. Это — главная, основная цѣль, для которой государство существуетъ. Кромѣ того необходимо еще имѣть въ виду, что примѣненіе сказанія о курицѣ не лишено преувеличеній. Свѣтъ еще пока не видалъ государствъ, которые гибли бы отъ того, что капиталъ обложенъ податями. Но онъ не мало видалъ

государствъ погибшихъ оттого, что ихъ трудовыя силы были в рабствѣ и разорены.

Нашу точку зрѣнія на разбираемый вопросъ мы уже имѣли случай выше намѣтить въ общихъ чертахъ. Во взносахъ которыми каждый изъ членовъ государства участвуетъ въ созданіи экономической почвы послѣдняго, мы не видимъ расходовъ на потребление. Современное государство нельзя сравнивать съ домашнимъ хозяйствомъ, какъ сферу потребления. Это можно было еще до извѣстной степени признавать справедливымъ въ пору процвѣтанія безграничнаго абсолютизма, когда гражданину въ государствѣ оставалось быть активнымъ только потребляя то, что заботливое правительство для него производило, а во всемъ прочемъ пребывая въ вынужденной пассивности. Но теперь гражданинъ активенъ въ государствѣ не только тогда, когда онъ потребляетъ. Право и нравственность теперь въ области государства начинаютъ квалитировать пассивность — порокомъ. Вотъ почему теперь и налогъ — не расходъ на потребление. *Вся* государственные доходы въ настоящее время только своеобразное помѣщеніе, даваемое извѣстной доль частно-хозяйственныхъ средствъ съ цѣлью производства опредѣленнаго ряда благъ, для которыхъ государство какъ-бы служитъ мастерскою. Все, что государство ни получаетъ, въ него перемѣщается частными хозяйствами, какъ въ наиболѣе производительную сферу по данной отрасли человѣческой дѣятельности. Современный человѣкъ живетъ активно не въ одномъ только своемъ частномъ хозяйствѣ. Но всякая активность необходимо должна имѣть экономическую почву. Вотъ ее-то онъ и приносить съ собою въ государство. И отъ этого перемѣщенія средствъ и возникаетъ особый видъ движенія богатствъ, особый порядокъ прихода и расхода экономическихъ средствъ, который и изслѣдуется наукою о государственномъ хозяйствѣ.

Вотъ почему по нашему мнѣнію чистый доходъ не составляетъ абсолютнаго предѣла, въ которомъ замкнуты государственно-хозяйственные источники. Даже еслибъ онъ и составлялъ таковой предѣлъ, одна его неясность уничтожила бы его. Но государственно-хозяйственные источники не имѣютъ также точно абсолютнаго предѣла, какъ не имѣетъ его никакой другой предметъ расходовъ. Отъ совокупности хозяйственныхъ средствъ и соотношенія между потребностями, отъ большаго или меньшаго преобладанія того значенія, которое имѣютъ одни потребности предъ другими, и отъ измѣнчивости этого значенія въ пространствѣ и времени, зависитъ всякій расходъ. Отъ того же зависятъ и государственные расходы. Оттого указать

абсолютный предѣлъ, до котораго они могутъ простира́ться, перешагнуть, нельзя вовсе. Чистый — только сословная формула, выставленная западно-европейскою буржуазіею противъ государства, съ которымъ она борется и на которое она желала бы тратить возможно меньше — что самое важное — отъ котораго прежде всего она желала бы уберечь свой сословный капиталъ. Капиталъ, — по природе своей исключаящій всякую привилегію и стремящійся къ неограниченной конкуренціи, никому нежелающій быть обязаннымъ, желающій напротивъ опираться на одного себя, стремящійся захватить подъ собою возможно большее пространство, — настоящее время переживаетъ еще только первые періоды своей самостоятельности. Для борьбы съ враждебными ему элементами, ему приходилось не разъ самому вооружаться средствами, которые употреблялись противъ него. Онъ самъ долженъ былъ добиваться привилегій и монополій, какъ основного условия самосохраненія. Въдѣ ему приходилось въ одно и то же время и расти, и бороться. Каждый шагъ въ его развитіи долженъ былъ быть отвоеванъ. Отсюда его сословный характеръ, который сохранился до сихъ поръ. Несмотря на громадный процессъ въ экономическихъ средствахъ, все-таки было того недостаточно, чтобъ лишить капиталъ сословнаго характера. Вотъ почему вопросъ о сохраненіи капитала до сихъ поръ еще только сословный, а не народный вопросъ. Онъ затрагиваетъ непосредственно интересы одного только класса, а не всѣхъ. Индивидуализмъ въ государственномъ хозяйствѣ оказался также только сословнымъ, какъ и въ области частнаго народнаго хозяйства. Капиталъ долженъ быть свободенъ отъ податной повинности: вотъ что значитъ формула — только чистый доходъ можетъ быть податнымъ источникомъ. Какъ при феодальномъ режимѣ дворянство спасало основаніе своей социальной экономической и политической независимости, землю, отъ фискальных требованій, такъ того же самаго добивается и буржуазія. Не путемъ военныхъ налоговъ она это дѣлаетъ, какъ утверждали Лассалъ: косвенные налоги постигаютъ и самую буржуазію. У побѣдней имѣется болѣе радикальное начало въ исключительномъ обложеніи одного только чистаго дохода.

Но для государства важно не одно только то, чтобъ у него имѣлась экономическая почва. Важно кромѣ того, чтобъ каждый его членъ соразмѣрно своей хозяйственной состоятельности содѣйствовалъ образованію этой почвы. Финансисты безъ всякихъ доводовъ условились признавать, что мѣрою состоятельности служить чистый доходъ и вообще потребительная сторона состоя-

тельности. Но это врядъ ли идетъ въ современной экономической жизни и современному строю экономическихъ понятій. В старое время дѣйствительно по тому, какъ кто жилъ, можно было судить и о его состоятельности. Но въ настоящее время болѣе состоятеленъ на дѣлѣ и остается болѣе состоятельнымъ тотъ у кого болѣе производственныхъ средствъ. Капиталъ и особа производительныя качества труда, обеспечивающія ему сбытъ, вотъ современныя мѣрила состоятельности. Самъ по себѣ чистый доходъ и потребительные расходы не могутъ, поэтому, служить теперь основаніемъ при соразмѣреніи долей участія каждаго отдѣльнаго чловѣка при образованіи экономической почвы государства. *Трудъ и капиталъ вмѣстѣ* единственно только могутъ служить такимъ основаніемъ. Не съ чистаго только дохода, а съ чего кто имѣетъ, должны быть взяты тѣ средства, которыя каждый членъ государства приносить съ собою въ послѣднее для созданія хозяйственной почвы политической активности.

Косвеннымъ образомъ это начало признаетъ въ послѣдніе двадцать лѣтъ и финансовая наука ¹⁾). Большое влияніе на такое признаніе оказала въ особенности книга Дитцеля. Если кредитъ—нормальный источникъ для государственнаго хозяйства, и если кредитомъ капиталы берутся безвозвратно,—то значить не одинъ чистый доходъ, не однѣ потребительныя средства, а и капиталы могутъ быть податными источниками. Еще болѣе основаній для такого признанія представляетъ теорія г. Вредена. Для него несомнѣнно, что займы только способъ косвеннаго взысканія налоговъ. Какія же однако средства взимаются такимъ способомъ? Очевидно, что *капиталы*, какъ бы мы ихъ ни квалифицировали. Слѣдовательно, старое положеніе о томъ, что одинъ только чистый доходъ источникъ налоговъ, неполно: самъ г. Вреденъ вывелъ рядъ налоговъ, которые не берутся изъ чистыхъ доходовъ.

То обстоятельство, что долги погашаются, ни на волосъ не измѣняетъ дѣла. Погашеніе, какъ мы разъяснили выше, только замѣна одного налога другимъ. Можетъ казаться, что это—замѣна залога, падающаго на капиталъ,—налогомъ, падающимъ на доходы. Но подобное разсужденіе можетъ имѣть основаніемъ только *petitio principii*. Надобно прежде доказать, что распредѣлительный налогъ падаетъ на одни только доходы, и тогда можно будетъ утверждать, что погашеніемъ налогъ на капиталъ замѣняется налогомъ на доходы. Но пока это не доказано, ос-

¹⁾ Были даже и прямыя признанія: Шмоллеръ, Шеффле и др.

можно только утверждать одно: что погашеніемъ налогъ, который поглотилъ капиталъ только нѣкоторыхъ, замѣняется налогомъ, падающимъ на средства всѣхъ. На какія средства всѣхъ падаетъ этотъ налогъ?—это вопросъ, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова, неразрѣшенный наукою. Во всякомъ случаѣ важно, что первый налогъ взялъ капиталъ, а второй долженъ дать эквивалентъ за него, т.-е. опять капиталъ. Во всякомъ случаѣ, отъ займа у частно-хозяйственной сферы капиталъ оказывается меньше. Какія бы средства государство ни брало, онъ во всякомъ случаѣ совершенно восстанавливается частно-хозяйственною сферою. И въ этомъ пунктѣ, слѣдовательно, налогъ путемъ займа ничѣмъ существенно не отличается отъ другихъ налоговъ. Погашаются частнымъ хозяйствомъ всѣ его расходы на государство, только разными путями въ разныхъ случаяхъ.

Распределительный налогъ имѣетъ существеннымъ своимъ признакомъ не источникъ, отъ котораго онъ берется, а приложенность въ размѣру источника, все равно какой бы послѣдній ни былъ. Не качество экономическихъ средствъ его отличаетъ, а ихъ пропорціональное количество,—вотъ что его отличаетъ.

Если съ одной стороны единство налога и займовъ вытекаетъ изъ того, что налоги также, какъ и займы, могутъ падать на капиталъ, то съ другой стороны единство можетъ проявиться въ томъ, что займы, подобно налогу, иногда падаютъ на доходы. Высокій процентъ государственныхъ долговъ можетъ вызвать усиленное стремленіе къ сбереженію, сокращенію потребления и помѣщенію доходовъ въ фондахъ. Выигрышные билеты у насъ могутъ служить тому примѣромъ. То же вліяніе имѣютъ вообще и повсюду лотерейные займы.

VII.

Рядъ доводовъ, которые въ настоящее время финансовая теорія можетъ представить въ пользу принципиальной тождественности налоговъ и займовъ, нами весь рассмотрѣтъ. Спрашивается теперь, какое практическое значеніе имѣетъ новый результатъ науки?

Съ помощью откуповъ и косвенныхъ налоговъ, государство пользовалось капиталами откупщиковъ и предпринимателей, отъ казавшаяся за это отъ будущихъ своихъ доходовъ, отъ которыхъ. Благодаря займамъ, правительства получили возмозно анти-

ципировать будущіе налоги еще въ большихъ размѣрахъ. Новый государственный долгъ представляетъ собою налогъ, положенный государствомъ еще до того, какъ онъ собранъ. Кто настоящее время желаетъ себѣ составить понятіе о размѣрѣ гостей, которыя лежатъ на частно-хозяйственной сферѣ, долженъ къ суммѣ текущихъ налоговъ прибавить еще государственные долги. Итогъ и покажетъ, сколько налоговъ должна уплатить, чтобъ покрыть всѣ государственные расходы.

Новая теорія, такимъ образомъ, даетъ возможность тогда и опредѣленнѣе судить о предметѣ, о которомъ до сихъ поръ были неопредѣленно и неточно. Сумма государственныхъ долговъ указываетъ на опредѣленную напередъ цифру налоговъ, которыми правительство уже воспользовалось, которые слѣдовательно должна будетъ вынести и уплатить частно-хозяйственная сфера.

Слѣдующій за симъ практическій вопросъ, возникающій при признаніи принципиальной тождественности займовъ и налоговъ формулируется такъ. Существуютъ ли какія-либо основанія, руководствуясь которыми, можно было бы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ рѣшить, какой изъ видовъ взиманія всего лучше, а потому какимъ изъ нихъ и слѣдуетъ воспользоваться?

Старая школа финансистовъ не признавала вопроса, что въ отдѣльномъ случаѣ выгоднѣе воспользоваться: налогами, или займами? Для нея во всякомъ случаѣ правительство должно было избѣгать долговъ и всегда имъ предпочитать налоги. Новая школа признавая нормальность займовъ въ финансовой системѣ, должна была заняться и вышепоставленнымъ вопросомъ.

Отвѣты Дитцеля и его важнѣйшаго послѣдователя и продолжателя въ этомъ пунктѣ, Ад. Вагнера, имѣютъ своимъ основаніемъ—различіе расходовъ, предстоящихъ государству. Они классифицируютъ государственные расходы на такіе, которые безусловно должны быть покрываемы изъ налоговъ, и на такіе, которые безусловно должны быть дѣлаемы изъ займовъ. Г. Вреденъ, не отказываясь вполне отъ этого критерія, прибавилъ къ нему еще другой: состояніе частно-хозяйственныхъ средствъ.

«Частное хозяйство, говоритъ онъ, неизбѣжно въ различной степени подлежитъ вліянію или дѣйствію займовой системы и распределительнаго взиманія подати уже потому, что въ первомъ случаѣ лица, желающія обезпечить свое потребленіе самымъ надежнымъ способомъ, ищутъ соотвѣтственнаго доходнаго помѣщенія своимъ запасамъ цѣнностей, чѣмъ обращаютъ ихъ для себя въ капиталъ ссудный; во второмъ случаѣ у всѣхъ безъ различія, слѣдовательно и у предпринимателей, отнимается часть чистыхъ хозяйственныхъ доходовъ, которую они, по большей

обратили бы въ предпринимательскій капиталъ, а этимъ за незначительными исключеніями, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, въ народный капиталъ»... «Заемъ ложится на капиталистовъ, а подать на всѣхъ податныхъ»... «Сила и дѣйствіе займа и подати зависятъ отъ того, въ какой мѣрѣ они ложатся то на капиталистовъ, то на податныхъ плательщиковъ. Если заемъ поглощаетъ всѣ наличные ссудные капиталы, то предпринимательскіе не будутъ воссоздаваться и развиваться; если даже процентъ государственнаго займа достаточно высокъ, то имъ могутъ быть привлечены и такіе ссудные капиталы, которые были въ частныхъ рукахъ. Къ тому же результату приводитъ и чрезмѣрная подать» (стр. 197).

Спрашивается въ такомъ случаѣ, чѣмъ же можно противупоставить налогъ и заемъ? Налогъ берется у всѣхъ, а слѣдовательно, и уменьшаетъ средства всѣхъ. Заемъ уменьшаетъ средства только капиталистовъ, и эти средства могутъ не найти себѣ помѣщенія въ предпринимательской сферѣ. Это другое основаніе для противупоставленія, которое мы находимъ у г. Вредена. Далѣе онъ утверждаетъ, что, во-2-хъ, «налогъ и заемъ не въ равной прогрессіи и не съ одинаковою постепенностью (скоростью?) становятся чрезмѣрными. Преимущество займа предъ податью вытекаетъ уже изъ того, что онъ можетъ браться у иностранцевъ, которыхъ нельзя облагать». За тѣмъ же Вреденъ уже обращается къ частному вопросу о томъ, какой изъ этихъ двухъ источниковъ государственнаго дохода *былъ безвреднѣе*. Вагнеръ при рѣшеніи этого вопроса различалъ случаи, когда заемъ беретъ туземные, или иноземные капиталы, необходимые туземные капиталы, или извлекаемые изъ развѣданныхъ имъ уже помѣщенія. По мнѣнію Вагнера, при чрезмѣрности займа и налога вѣрнѣе измѣрять сравнительную безвредность налога и займа по той высотѣ, до которой было бы необходимо сразу довести налогъ, и которую возможно избѣгнуть, т. е. временно уменьшить займомъ, доставляющимъ возможность постепенно возвысить налогъ. Такимъ образомъ, *размѣръ государственнаго расхода*, большая или меньшая его величина, вотъ что рѣшаетъ вопросъ. «До тѣхъ поръ», говоритъ г. Вреденъ далѣе, пока налогъ уплачивается изъ чистаго дохода и пока сложность формъ и способовъ взиманія не ложится затрудненіемъ и преградой для частно-хозяйственной дѣятельности, а послѣдняя можетъ продолжаться въ прежнихъ размѣрахъ, слѣдуетъ безусловно отдавать предпочтеніе возвышенію налога. Если же возвышеніе налога до этого предѣла не дастъ еще всего, что правительству нужно, если частно-хозяйственная дѣятельность

подъ его давленіемъ должна будетъ сѣзвиться, стѣсниться и слѣдовательно уменьшиться, то *следуетъ* обратиться за помощью добровольнаго или насильственнаго займа къ тѣмъ ссудным капиталамъ, которые ждутъ помѣщенія и не находятъ его въ частно-хозяйственной сферѣ», и т. д. Приведенныя разсужденія достаточно опредѣленно указываютъ границы, въ которыхъ должны проявлять свое дѣйствіе и значеніе разные способы измѣненія государственныхъ доходовъ. Первоначальный источникъ — чистый доходъ всѣхъ. Пока онъ не исчерпанъ, для кредита не должно быть мѣста въ государственно-хозяйственной сферѣ. Только тогда, когда отъ него уже ничего не остается, и нужда казны въ средствахъ продолжается, она обращается ко второму источнику, къ тѣмъ ссуднымъ капиталамъ, которые не находятъ себѣ помѣщенія въ частно-хозяйственной сферѣ: «Совершенно нормальная хозяйственная необходимость прибѣгнуть къ пользованію кредитомъ наступаетъ тогда, когда потребности правительства простираются до такихъ суммъ, которыя налогомъ, даже поглощающимъ весь чистый доходъ, не могутъ быть одновременно и своевременно собраны. Пользованіе кредитомъ допускаетъ наибольшій просторъ въ формѣ свободнаго договорнаго займа и оказывается болѣе ограниченнымъ въ формѣ принудительнаго займа». Но г. Вреденъ допускаетъ и такіе случаи, когда выборъ между налогомъ и займомъ не во власти правительства, когда и свободные, и принудительные займы не даютъ всего, что ему нужно. «Тогда *нормально* (?) перейти *какъ можно скорее* даже и къ такому возвышенію налоговъ, которое сопровождалось бы разореніемъ (203)».

Г. Вреденъ не желаетъ согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, что всякій чрезвычайный расходъ государства должно покрывать займомъ, если этимъ путемъ привлекаются капиталы *ненормальные*. Въ какомъ бы положеніи ни находился капиталный рынокъ, *никогда* заборъ чистаго дохода не можетъ причинить предпринимательскимъ хозяйствамъ большаго ущерба, чѣмъ отнятіе ссуднаго капитала, который также можетъ обратиться въ предпринимательскій (203). Этимъ положеніемъ г. Вреденъ продолжаетъ приведенную уже выше его мысль, что для займа нѣтъ мѣста до тѣхъ поръ, пока не поглощенъ государствомъ чистый доходъ. Дальнѣйшіе его доводы за эту мысль слѣдующіе. Чистый доходъ можетъ быть употребленъ или на потребленіе, которое въ большинствѣ случаевъ бываетъ потребленіемъ роскоши, или на приращеніе производственныхъ средствъ. Въ первомъ случаѣ можно, уклоняясь отъ слишкомъ безусловныхъ мнѣній г. Вредена (заборъ дохода для необходимыхъ и важныхъ *финан-*

нужды болѣе полезны, чѣмъ расширение частнаго по-
 (на), признать, что рѣчь идетъ только о предпочтеніи
 способа уничтоженія экономическихъ средствъ другому
 4. Во второмъ случаѣ заемъ сдѣлаетъ то же, что сдѣлало
 изъ него потребление, т.-е. помѣшаетъ образованію новаго
 пріимательскаго капитала. Если чистый доходъ во всякомъ
 долженъ быть взятъ правительствомъ, то удобнѣе будетъ
 взять налогомъ, потому что заемъ влечетъ за собою не
 расходы при его заключеніи, но еще и дальнѣйшіе на-
 ды платежа процентовъ. Если на капитальномъ рынкѣ
 снуютъ ссудные капиталы, для которыхъ предприниматель-
 дѣтельность не находитъ помѣщенія, то это еще не до-
 метъ, чтобъ народному хозяйству чистый доходъ былъ
 нуженъ. Усложненія же податной системы, необходимо
 займаго займами, во всякомъ случаѣ полезнѣе избѣгать.

Вреденъ указываетъ еще на другой случай, дающій воз-
 можность займамъ казаться болѣе предпочтительными, чѣмъ на-
 логу. Это бываетъ при нераціональной системѣ обложенія (205,
 206). Но весьма справедливо по этому поводу г. Вреденъ за-
 метъ, что фактическая неосуществимость налога, возникаю-
 щая отъ нераціональной системы обложенія, сама по себѣ не-
 разумна и должна быть устранена: ее нельзя считать нор-
 мальнымъ предѣломъ пользованія налогами.

Совершенно другое оправданіе получаетъ заемъ, если вели-
 чина расхода государственнаго поглотила бы весь чистый доходъ
 частныхъ плательщиковъ и сверхъ того забрала бы еще часть
 чуждаго капитала. Тогда заемъ, обращающійся къ ссуднымъ
 капиталамъ, отниметъ у частно-хозяйственной сферы наименѣе
 нужны ей средства, и слѣдовательно будетъ менѣе разорителенъ.
 Это и объясняется громадною нарастающею государственными
 долгами въ новѣйшее время. Свободные государственные займы при-
 нимаютъ капиталы, которые приносили своимъ владѣльцамъ
 болѣе доходы или которыхъ помѣщеніе было менѣе обезпечено.
 Заемъ покрывается такимъ образомъ изъ менѣе доходной части
 чуждаго капитала, тогда какъ подать, развѣ воспользовавшись сверхъ
 этого дохода и самаго помѣщеннаго капитала, безразлично
 беретъ и чрезвычайно доходные, и вовсе не доходные, и
 помѣщенные (207). Г. Вреденъ усматриваетъ въ этихъ случа-
 яхъ предпочтительность займа предъ налогомъ въ аналогичности
 первого — пропорціональному налогу, а второго — непропорціо-
 нальному. Налогъ, съ одинаковою тяжестью даващій на многодо-
 ходный и многопроизводительный капиталъ и на малопродуктивный

и вовсе непроизводительный, будетъ у перваго отнимать больше, чѣмъ у послѣдняго.

«Выгода займовой системы, въ случаѣ одновременныхъ, чрезмѣрныхъ по сравненію съ чисто-хозяйственными доходами или вообще податною силою, расходовъ, несомнѣнна» (210). Зэтбееръ и Гильдемейстеръ отрицаютъ, подобно Рикардо, абсолютную невозможность возвысить налоги въ такъ-называемыхъ исключительныхъ случаяхъ. Зэтбееръ ссылается на страшныя Наполеоновскія контрибуціи въ Пруссіи. Но то, что удастся вытянуть непріятелю, врядъ ли удалось бы получить правительству. Гильдемейстеръ желаетъ статистически доказать, что Англія могла бы безъ особенно тяжкихъ усилій пройти періодъ 1793—1815 г. съ помощью однихъ налоговъ. Но г. Вреденъ доказываетъ невѣрность этихъ расчетовъ. Г. Вреденъ думаетъ, что займы подѣйствовали спасительно, устранивъ разореніе, которое повлекло бы за собою дальнѣйшее повышеніе налоговъ. До войны англичане платили ежегодно 27.3 мил. фун. налоговъ, во время 2-ой половины войны—63.8 мил., за то они обратно получали проценты отъ долга 32.6 мил.; такимъ образомъ, собственно добавочная потеря народнаго хозяйства не простиралась и до 4 мил. фунтовъ. Г. Вреденъ думаетъ, что англичане только потому и въ состояніи были платить 63.8 мил. налоговъ, что получали обратно 32.6 мил. (214). Отрицая пользу погашенія долговъ во время продолжающихся чрезвычайныхъ расходовъ, г. Вреденъ тѣмъ энергичнѣе настаиваетъ на томъ, что разъ время чрезвычайнаго расхода прошло, высокіе налоги неизбѣжно необходимы для погашенія, и упрекаетъ финансовую практику за противоположный образъ дѣйствій (220 и сл.).

Для г. Вредена безспорно, что преимущество займовъ предъ налогами, поглощающими болѣе чѣмъ чистый доходъ, заключается въ томъ, что займами уничтожаются менѣе необходимыя для предпринимателей ссудные капиталы, т.-е. та часть ихъ, которая еще только ищетъ помѣщенія, тогда какъ налогъ захватываетъ и сокращаетъ, и даже затрачиваетъ предпринимательскіе капиталы. При этомъ однако онъ обращаетъ вниманіе на необходимость—сравнивать каждый разъ прямой убытокъ отъ чрезмѣрныхъ налоговъ съ косвеннымъ вредомъ, который излишнее развитіе долговъ производитъ своимъ спросомъ на ссудные капиталы (223). Возвышеніе ссуднаго процента отъ этого спроса можетъ побудить многихъ собственниковъ отказаться отъ помѣщеній, которыя они дали своимъ капиталамъ въ предпринимательской сферѣ: «Это возвышеніе процента можетъ стать равносильнымъ отнятію капитала у частныхъ лицъ путемъ подати» (223). Заемъ, заклю-

ченный по такому высокому проценту, лишаетъ его преимуществъ предъ чрезмѣрнымъ налогомъ (224). Вотъ почему г. Вреденъ только при дешевизнѣ капиталовъ признаетъ истинность того ученія Дитцеля и Вагнера, что у богатыхъ народовъ договорными займами берутся недоимоченные ссудные капиталы.; менѣе г. Вреденъ согласенъ на признаніе того, что время войны особенно благопріятно для прилива свободныхъ ссудныхъ капиталовъ къ рынку (224).

Если теперь собрать изложенное нами содержаніе главы X, основной для догматики г. Вредена, то мы получимъ слѣдующіе результаты: 1) Пова чистый доходъ неисчерпанъ, онъ *единственный* источникъ государственныхъ доходовъ. То-есть, долю народно-хозяйственныхъ средствъ, которая уходитъ или назначена на производство, должно беречь до послѣдней крайности. Поэтому ссудный капиталъ долженъ обратить на себя вниманіе только тогда, когда чистый доходъ весь исчерпанъ. 2) Когда чистый доходъ уже весь исчерпанъ, то ссудный капиталъ, какъ представитель свободнаго, ищущаго помѣщенія капитала, можетъ стать источникомъ государственныхъ доходовъ, ибо въ этомъ случаѣ государство все еще продолжаетъ не трогать производства въ данномъ его размѣрѣ. Оно можетъ быть мѣшаетъ ему разрос-таться, но во всякомъ случаѣ его не уменьшаетъ. 3) Разъ чистый доходъ исчерпанъ, заемъ имѣетъ преимущество предъ налогомъ и долженъ быть ему предпочтенъ, ибо налогъ уменьшалъ бы производство, тогда какъ заемъ препятствуетъ только его увеличенію. 4) Когда заемъ дѣлается по такому высокому проценту, стремленіе къ которому уменьшаетъ массу капиталовъ, прежде находившихъ себѣ помѣщеніе въ предпринимательской сферѣ, то онъ теряетъ свое преимущество и свою предпочтительность предъ налогомъ и становится ему подобнымъ.

Кромѣ указанныхъ двухъ критеріевъ, которыми г. Вреденъ руководствуется, разсуждая о предпочтительности займовъ, есть у него еще третій, у котораго онъ также не отрицаетъ значенія. Этотъ критерій — незамѣнимость займовъ для покрытія временно чрезмѣрныхъ общественныхъ расходовъ. Займами гораздо легче, чѣмъ другими способами взиманія, государство можетъ всего скорѣе и всего удобнѣе собрать громадныя суммы: «Первое условіе дѣйствія займовой системы предпочтительно предъ пода-тами—это величина и мгновенность расхода» (стр. 297). По мнѣнію г. Вредена, только «*послѣ* величины» и мгновенности расхода, слѣдующая причина предпочтенія займа—самая цѣль расхода.

При этомъ г. Вреденъ даетъ сжато имъ же формулирован-

ную классификацію расходовъ, требующихъ и недопускающихъ займовъ. Хотя авторъ и не приверженецъ теоріи возмездности государственныхъ услугъ, онъ однако допускаетъ, что государство можетъ оказывать и такія услуги, которыя оплачиваются пропорціонально расходамъ на нихъ (железныя дороги, напр.). Эти услуги онъ называетъ пропорціонально-возмездными и полагаетъ, что расходъ на нихъ долженъ покрываться исключительно изъ займовъ. Напротивъ, то, что государство производитъ для своихъ членовъ безвозмездно, никакъ не можетъ подавать повода къ пользованію займами. При недостаточности для безвозмездныхъ услугъ средствъ изъ налоговъ, расходы на нихъ должны считаться несоотвѣтствующими хозяйственному положенію государства. Согласно съ этимъ г. Вреденъ думаетъ, что «финансовая несоотвѣтственность между расходами и податными поступлениями обуславливаетъ необходимое и соразмѣрное ограниченіе первыхъ, чѣмъ бы отдѣльные расходы ни оправдывались» (298). Кредитъ, въ случаѣ подобнаго несоотвѣтствія, долженъ считаться прямымъ путемъ къ разоренію, или средствомъ самаго быстраго усиленія и развитія хозяйственнаго разстройства (298—9). Въ финансовой сферѣ, во всѣхъ случаяхъ, когда воспроизводство капитала ненормальное требованіе, т. - е. въ большинствѣ случаевъ, — именно при отсутствіи пропорціональнаго возмездія за услуги государства, — расходъ становится хозяйственно не соотвѣтствующимъ уже тотчасъ, когда онъ превыситъ податную способность или средства податнаго обложенія» (299), которое здѣсь г. Вреденъ понимаетъ въ узкомъ смыслѣ: «Чрезмѣрное обложеніе, въ этомъ смыслѣ, прямое доказательство не хозяйственнаго характера государственныхъ расходовъ. Покрывать же расходы такого рода займами и кредитными операціями значить только прикрывать ихъ существо, но измѣнять его отнюдь не удается» (299).

Приступая къ разбору изложенныхъ соображеній и результатовъ теоріи г. Вредена, мы начнемъ съ того пункта, въ которомъ мы сходимся съ нимъ и постепенно перейдемъ къ тѣмъ, относительно которыхъ, на нашъ взглядъ, еще возможны сомнѣнія и поэтому еще необходимы дальнѣйшія изслѣдованія.

Мы видѣли, что г. Вреденъ допускаетъ нормальность не только свободныхъ договорныхъ займовъ, но и насильственныхъ, заключаемыхъ путемъ бумажно-денежныхъ выпусковъ. Было бы однако ошибочно изъ этого заключить, что г. Вреденъ сторонникъ Ло и его продолжателей. Г. Вреденъ излагаетъ основанія нормальнаго, здороваго состоянія тѣхъ финансовыхъ явленій, которыя мы наблюдаемъ чаще въ патологическомъ состояніи. Онъ даетъ,

образомъ, физиологическія основанія для раціональной и терапіи бумажныхъ денегъ.

Вѣчная сумма денежныхъ средствъ, которая, при расхо-
дѣ одной и доходахъ съ другой стороны, всегда, несмотря
на постоянно совершающіяся уплаты и постепенно поступавшіе
въ своей величинѣ не измѣняется, является какъ-бы пос-
тояннымъ денежнымъ запасомъ правительства» (227—8). «Сред-
ствовая наличность можетъ помощью оборотнаго дѣйствія
быть разомъ израсходована въ чрезвычайномъ случаѣ
въ случаяхъ затрудненій для продолженія всѣхъ прочихъ обык-
новенныхъ финансовыхъ операцій» (228). Это именно и осущест-
вляется съ помощью бумажно-денежныхъ выпусковъ. Количество
денегъ, которое можетъ выпускать правительство,
зависитъ отъ размѣромъ его кассоваго резерва. Таковъ основ-
ный принципъ бумажно-денежнаго дѣла. Этотъ выпускъ, гово-
ритъ г. Вреденъ, поглощаетъ всю казну, которая восстанавливается
при извлеченіи бумажекъ изъ обращенія, иначе правитель-
ство остается безъ казны. Что собственно г. Вреденъ пони-
маетъ подъ своимъ выраженіемъ «выпускъ поглощаетъ казну» —
можно усмотрѣть изъ собственнаго его изложенія. Если прави-
тельство, располагая въ своихъ кассахъ извѣстною суммою, не
используетъ ее непосредственно, а вмѣсто того дѣлаетъ выпускъ
денегъ, которымъ даетъ насильственный курсъ, —
то его касса, очевидно, остается у него. Правительство могло
израсходовать свою кассу на экстраординарныя нужды, но
ничего бы не было бы производить ту часть денежнаго об-
ращенія, которая происходитъ между государствомъ и частно-
хозяйственною сферою для такъ-называемыхъ казенныхъ плате-
жей. Но если вмѣсто своего резерва казна употребляетъ бумажки,
то послѣднія, — имѣя за собою вѣрное обезпеченіе, представляе-
ютъ особенную потребность въ денежныхъ орудіяхъ для казен-
ныхъ платежей, — сами остаются въ опредѣленныхъ границахъ
и даютъ правительству возможность сохранить наличный резервъ.
Такой бумажноденежный выпускъ не находится, по мнѣнію г. Вре-
денъ, вовсе ни въ какомъ противорѣчій съ основными кредит-
ными началами (237). Можно согласиться, что если за прави-
тельствомъ признается возможность пользоваться кредитомъ, то
и бумажно-денежный выпускъ вполне уже заключается въ этой
возможности. Выпускъ представляетъ одинъ изъ способовъ поль-
зованія государственнымъ кредитомъ. Чтобы онъ былъ непре-
менно краткосрочнымъ, нѣтъ никакой необходимости, какъ это
и доказываетъ прусскій опытъ. Безсрочность можетъ практически
также точно оказаться долгосрочностью, какъ она можетъ ока-

заться краткосрочностью. На самомъ дѣлѣ, выпускъ, о кото-
говорить г. Вреденъ, можетъ и долженъ быть объясненъ о-
ми началами банковаго обращенія. Непрерывныя денежныя
ношенія между правительствомъ и частно-хозяйственной сфе-
обусловливаютъ то послѣдствіе, что съ одной стороны
тельство, а съ другой, частно-хозяйственная сфера во
данное время употребляютъ извѣстную сумму денежныхъ
для этой цѣли; ее, въ среднемъ размѣрѣ, можно считать,
стоянною. Наличная касса правительства представляетъ то-
часть того денежнаго капитала, который употребляется на ка-
ные платежи (т.-е. на платежи правительствомъ и правител-
ству). Но разъ между двумя хозяйствами установилось, въ те-
и, опредѣленно выяснившихся предѣлахъ, взаимность платежей,
эта взаимность сама по себѣ даетъ возможность ввести дене-
ный суррогатъ, который представляетъ собою компенсацію
тежей. И вотъ эта-то компенсируемость платежей казнѣ плат-
казны и составляетъ экономическое содержаніе того, что Штейнъ
называлъ податнымъ обезпеченіемъ. Правительство, какъ до-
ваетъ опытъ Пруссіи, можетъ часть своихъ платежей, совер-
суррогатами, также точно и на такомъ же основаніи, какъ
дѣлается между банками въ Clearinghouse'ѣ. Въ этихъ сурро-
тахъ пользованіе кредитомъ—второстепенное дѣло;—главное
основаніе — взаимность платежей.

Воззрѣнія г. Вредена на бумажныя деньги, основанныя на
оріи Штейна, ни въ чемъ имѣ неизмѣненной, опираясь на стро-
научную почву, не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ кругомъ
идей, на которыхъ основываются разорительныя бумажныя деньги.
Обосновывать и защищать эти деньги никакая наука не можетъ.

Переходя затѣмъ къ разбору идей г. Вредена о предѣлахъ
пользованія разными способами взиманія податей (путемъ об-
женія и займовъ), мы должны сначала остановиться на са-
теоретико-экономическихъ соображеніяхъ о природѣ чистаго до-
хода и капитала. Г. Вреденъ, признавая основную тождествен-
ность налоговыхъ и кредитныхъ заимствованій средствъ у част-
но-хозяйственной сферы государствомъ, не признаетъ единствен-
источника налога при разныхъ способахъ его взиманія, хотя для
этого ему пришлось впасть въ сильное противорѣчіе съ самимъ
собою. Онъ основываетъ свое ученіе о предѣлахъ пользованія
разными способами взиманія налога на неодинаковости вліяніи
этихъ способовъ на разные отрасли частно-хозяйственныхъ
средствъ.

Теорія чистаго дохода г. Вредена вся исчерпывается слѣ-
дующими положеніями, которыя мы и разберемъ по пунктамъ.

1) Г. Вреденъ недоволенъ тѣмъ, что до сихъ поръ недостаточно различался доходъ изъ непосредственнаго участія въ производствѣ, и доходъ въ хозяйствѣ безъ всякаго участія въ производствѣ (91). По мнѣнію его, 2) доходъ даетъ не только предприятие, но и всякое хозяйство: «доходомъ мы считаемъ всякое приращеніе средствъ, повторяющееся съ извѣстною правильностью и имѣющее хозяйственный источникъ». 3) Чистый доходъ представляетъ остатокъ, получаемый по вычетѣ издержекъ потребленія участниковъ производства и издержекъ на возстановленіе капитала (92). 4) Вотъ почему чистый доходъ имѣетъ не одинъ только капиталистъ, но и работникъ, когда изъ всего валового дохода онъ вычитываетъ свои издержки потребленія. 5) Согласно съ основнымъ различіемъ между личностью чловека вообще въ хозяйствѣ и олицетвореніемъ предприятия въ предпринимателѣ, слѣдуетъ различать хозяйственный доходъ отъ предпринимательскаго. Чистый доходъ участниковъ производства зависитъ отъ избытка цѣны и вознагражденія за ихъ участіе въ производствѣ надъ прямыми ихъ хозяйственными потребностями (93). 6) Отъ хозяйственнаго дохода зависитъ самое существованіе труда и капитала, какъ хозяйственныхъ силъ; отъ предпринимательскаго же зависятъ только виды производства, его направленія (95). 7) «Наши доводы и воззрѣнія на чистый доходъ совершенно разнятся отъ принятыхъ существующею теоріею» (96). 8) Какъ несомнѣнную истину слѣдуетъ удерживать то положеніе экономической науки, что только чистый доходъ можетъ служить источникомъ подати (ib).

Въ предыдущемъ выписана существеннѣйшая часть ученія Г. Вредена о доходѣ. Попробуемъ разобрать всѣ отдѣльныя приведенныя изложенія.

Противъ мысли автора, что наука не различала дохода при участіи въ производствѣ отъ дохода безъ участія, должно замѣтить, что наука давно уже различаетъ первоначальные доходы отъ производныхъ, примитивные отъ деривативныхъ. Различіе между ними въ томъ именно и заключается, что первые имѣютъ производственное основаніе, что они результатъ самобытной производительности, тогда какъ вторые *заимствованы* изъ подобнаго дохода и всегда предполагаютъ его существованіе. Доходъ «безъ всякаго участія въ производствѣ», какъ съ неба не падающій, возможенъ только благодаря тому, что кто-либо въ производствѣ участвовалъ и его произвелъ, но потомъ свободно или противъ воли его передалъ другому безъ эквивалента.

Если второе положеніе, что доходъ даетъ не только предприятие, но и всякое хозяйство, понимать въ томъ смыслѣ, что

всякое хозяйство *можетъ* приносить доходъ, то это понятно будетъ послѣ сказаннаго. Но утверждать, что всякое хозяйство дѣйствительно даетъ доходъ, нельзя. Всякое хозяйство его только предполагаетъ, но не непременно даетъ: оттого приходится хозяйствамъ и разоряться, а не только благоденствовать. Можно доходомъ безразлично называть всякое періодическое приращеніе имущества. Но при такомъ безразличіи и милостыня, получаемая промысловымъ попрошайничествомъ, и взятки, получаемыя непрерывною подкупошностью, и доходъ отъ постояннаго честнаго труда, все это сольется въ одну безразличную категорію дохода, которая для науки не имѣетъ никакого интереса, а для практики лишена всякаго значенія.

Понимать подъ чистымъ доходомъ то, что остается по вычетѣ изъ валового дохода не однихъ только производственныхъ затратъ, но и потребительныхъ, нельзя потому, что тогда чистый доходъ будетъ выражать только средства, которыя, *быть* не нужны для потребителей, уходятъ на расширеніе производства и увеличеніе капитала. Понятіе чистаго дохода и свободного новообразованнаго капитала сольются.

Изъ того, что чистый доходъ, по мнѣнію г. Вредена, выражаетъ остатокъ по вычетѣ изъ валового дохода производственныхъ и потребительныхъ издержекъ, далеко не слѣдуетъ, чтобъ и рабочая плата давала чистый доходъ. Чтобъ выводъ г. Вредена былъ вѣренъ, для этого ему необходимо было бы доказать, что рабочая плата *можетъ* давать такой излишекъ. Но для этого было бы необходимо произвести полнѣйшій переворотъ въ ученіи о рабочей платѣ. Можно это ученіе толковать, какъ угодно, противъ нападокъ социалистовъ. Можно утверждать, что по этому ученію вовсе не необходимо, чтобъ рабочій получалъ не больше, нежели сколько ему необходимо для плохого потребленія и плохой жизни. Можно признавать, что законъ рабочей платы допускаетъ и самое роскошное потребленіе: это зависитъ отъ *standart of the life* рабочихъ. Но нельзя утверждать, чтобъ законъ рабочей платы допускалъ такую рабочую плату, которая превышала бы необходимое для потребленія, какое бы оно ни было. Если бы это не было правдой, то не существовало бы и рабочаго класса, какъ таковаго, не было бы и социальнаго, рабочаго вопроса. Рабочій классъ, по всеобщему опредѣленію, и экономистовъ, и социалистовъ, есть тотъ классъ людей, чьи доходы уходятъ на потребительныя надобности, и чьи не хватаетъ на надобности производственныя, т.-е. для образованія капитала. Когда у рабочаго доходовъ на производственныя надобности хватаетъ и онъ *можетъ* образовать капиталъ, онъ

становится капиталистомъ, — крупнымъ или мелкимъ, это для науки, не увлекающейся наружностью, и для которой важенъ принципъ, въ данномъ отношеніи все равно. Таковъ человѣкъ въ классу пролетаріевъ-рабочихъ уже причисленъ быть не можетъ. Съ другой стороны однако, если человѣкъ причисляется въ классу пролетаріевъ-рабочихъ, то это именно и значитъ, что у него нѣтъ средствъ для образованія капитала. Рабочая плата поэтому всего менѣе способна доставлять чистый доходъ.

Пятое положеніе г. Вредена весьма неясное. Что такое личность въ хозяйствѣ вообще, въ отличіе отъ олицетворенія предпріятія въ предпринимателѣ? Что это за олицетвореніе и какое оно имѣетъ значеніе научное, кромѣ метафорическаго? Личность «въ хозяйствѣ вообще» можетъ конечно означать только человѣка, взятаго въ простомъ обыденномъ смыслѣ, съ его потребностью въ работѣ и хорошемъ вознагражденіи за нее. Олицетвореніе предпріятія въ предпринимателѣ можетъ означать въ переводѣ на простой языкъ то только, что предпріятіе принадлежитъ только предпринимателю, и ему одному достаются всѣ выгоды отъ него. Еслибъ г. Вреденъ желалъ выразить ту мысль, что различныя соціально-экономическія положенія обуславливаютъ различные виды доходовъ, то онъ повторялъ бы только въ неясной формѣ ходячую мысль. Но изъ того, что г. Вреденъ противопоставляетъ другъ другу только два вида доходовъ, а не три или четыре, какъ старые экономисты, надобно заключить, что онъ хотѣлъ строить свою теорію на болѣе современномъ фактѣ. Въ настоящее время не столько важно противопоставленіе рабочей платы прибыли и рентѣ, имѣвшее важное значеніе въ началѣ XIX-го в., сколько противопоставленіе доходовъ рабочаго, капиталиста и землевладѣльца съ одной стороны, доходамъ предпринимателя съ другой, потому что личность предпринимателя имѣетъ въ настоящее время гораздо большее значеніе, чѣмъ представители такъ-называемыхъ трехъ факторовъ производства. Къ нимъ въ руки переходятъ крупныя прибыли, и въ ихъ рукахъ сосредоточиваются источники образованія крупнаго капитала. Рабочій, капиталистъ и рентьеръ должны быть рады, если ихъ «факторы» дадутъ имъ средства прожить. Эти средства для потребительныхъ цѣлей и составляютъ, должно полагать, «хозяйственный доходъ въ отличіе отъ предпринимательскаго». Нельзя однако при этомъ не указать на неудачное обозначеніе противопоставляемыхъ видовъ дохода: развѣ г. Вреденъ считаетъ предпринимательскій доходъ нехозяйственнымъ, если онъ ему противопоставляетъ хозяйственный?

Шестое положеніе доказываетъ справедливость только — что

сказаннаго. Если хозяйственный доходъ поддерживаетъ *существованіе* «факторовъ» производства, значитъ онъ идетъ на потребление. Если предпринимательскій доходъ опредѣляетъ *направленіе* производства, значитъ у него въ рукахъ капиталъ.

Седьмое положеніе—литературная неточность. Подобныя идеи о чистомъ доходѣ высказывались уже не разъ и особенно часто въ послѣднее время Ресслеромъ ¹⁾.

Наконецъ, весьма жалко, что г. Вреденъ не вдался въ болѣе подробный расчетъ того, насколько современные бюджеты, напр. русскій, должны были бы совратиться, еслибъ его чистый доходъ сталъ податнымъ источникомъ. Нѣсколько далѣе, авторъ говоритъ, что чистый доходъ проявляется въ разныхъ формахъ, и что стремленіемъ постигнуть его во всѣхъ разнообразныхъ его формахъ и объясняется разнообразіе налоговъ. Но г. Вреденъ весьма справедливо находитъ, что разнообразіе податныхъ формъ имѣетъ себѣ *научную* опору, хотя оправданіе податей въ частностяхъ, во многихъ формахъ, конечно не вездѣ и не всегда возможно.

Г. Вреденъ недоволенъ не одною только существующею теоріею доходовъ: существующая классификація капиталовъ его также мало удовлетворяетъ. Онъ считалъ поэтому необходимымъ дать новую, не затрогивая самыхъ основъ ученія о капиталѣ. Нельзя впрочемъ сказать, чтобъ и классификація г. Вредена была совершенно нова: читатель найдетъ категорію господина Вредена въ книгахъ Шеффле (1867-мъ г.) и Монгольфта (1863 и 1868-хъ г.). Новая классификація построена не на основаніи какихъ-либо новыхъ анализовъ самой природы капитала, не на внутреннихъ особенностяхъ послѣдняго, а на чисто внѣшнемъ признакѣ. Существуютъ три класса хозяйственныхъ субъектовъ, о которыхъ можно сказать, что они распоряжаются капиталами: это, во-первыхъ, народы; во-вторыхъ—предприниматели; въ-третьихъ, капиталисты. Отсюда категоріи: народнаго капитала, предпринимательскаго и ссуднаго. Если капиталистъ самъ распоряжается своимъ капиталомъ, онъ—предприниматель и его капиталъ тогда предпринимательскій. Только тогда, когда капиталистъ самъ не въ состояніи или не желаетъ распоряжаться своимъ капиталомъ, и поэтому ищетъ ему помѣщенія, является новая категорія капиталовъ ссудныхъ.

¹⁾ Werth der Arbeit, въ Tübing. Zeitschr. für Staatsver. Bd. XVI; Zur Kritik der Lehre vom Arbeitslohn, 1861; Grundsätze der Volkswirthschaftslehre, 1864; его же статьи въ Hildebrandt's Jahrbücher, подписанныя полнымъ именемъ, и приписываемыя ему рецензіи, помѣченные R-r.

исторія «свободныхъ» капиталовъ, о которыхъ такъ много говоритъ Дитцель и которая у него играла такую большую роль, Вредена совсѣмъ не находимъ. Но онъ тѣмъ не менѣе употребляетъ въ своихъ разсужденіяхъ выраженіе «свободный капиталъ». Отсюда проистекаютъ неясности, подающія думать, что г. Вреденъ не всегда отчетливо различалъ этотъ капиталъ отъ свободнаго.

Свободный капиталъ и ссудный капиталъ далеко не тождественное явленіе, и поэтому далеко не тождественны понятія о ссудномъ капиталѣ. Ссудный капиталъ можетъ имѣть основною причиною ссуднаго характера или производственнаго явленія, или изъ области распредѣленія. Но и въ томъ и въ другомъ, одно то, что онъ—ссудный, ни на волосъ не можетъ свидѣтельствовать за его свободное состояніе. То, что капиталъ ссудно-показываетъ только, что онъ свободный—для *даннаго частнаго случая*, но не для народнаго хозяйства или для всей частно-хозяйственной сферы. Для народнаго хозяйства, въ томъ смыслѣ, въ которомъ его понимаютъ гг. Дитцель и Вреденъ, свободный капиталъ вообще не существуетъ. Но даже и тогда ссудный капиталъ можетъ быть свободнымъ для отдѣльнаго частнаго хозяйства, не будучи свободнымъ для всей частно-хозяйственной сферы, для всѣхъ совокупныхъ частныхъ хозяйствъ, разсматриваемыхъ какъ одно цѣлое. Ссудный капиталъ прежде всего означаетъ товаръ, который ищетъ сбыта и до того въ немъ нужно, что можетъ допустить и кредитный сбытъ. Причины, по которымъ владѣлецъ капитала ищетъ ему сбыта, могутъ быть производственными: т.-е. техническая спеціальность владѣльца, или сама его занятія въ опредѣленныхъ границы, ставятъ его въ возможность утилизировать произведенный имъ капиталъ. Онъ можетъ его только производить, но не утилизировать: производить телескопы и утилизировать ихъ для астрономическихъ изысканій—вещи различныя. Или причины, по которымъ капиталъ ищется кредитный сбытъ, могутъ не имѣть ничего общаго ссудному производствомъ и быть чисто социальнаго характера. Наслѣдникъ большаго капитала, напр., или получившій капиталъ въ даръ, утилизировать его не можетъ вовсе не потому, что онъ не специалистъ по другой части. Но если только въ частно-хозяйственной сферѣ существуетъ на подобные капиталы эффективный спросъ, т.-е., если существуетъ предприниматель, который въ состояніи производительно утилизировать эти капиталы,—то очевидно, что о подобныхъ капиталахъ нельзя говорить, какъ о свободныхъ.

Менѣе всего въ настоящее время ссудный характеръ капи-

тала можетъ быть признакомъ его свободнаго состоянія. Раздробленность производства на множество специальныхъ занятій повлекла за собою обширные размѣры производства и потребность въ обширномъ сбытѣ. Кредитъ явился при такихъ условіяхъ естественнымъ послѣдствіемъ, которое съ силою физической необходимости вытекало изъ производственныхъ послылокъ. Съ одной стороны, оказалась масса капиталовъ, для которыхъ непременно долженъ былъ быть найденъ сбытъ. Съ другой — вслѣдствіе раздробленности производства на такія части, которыя одновременно не выполняются, а распределяются во времени въ извѣстномъ постепенномъ порядкѣ, слѣдуя другъ за другомъ, — оказался на рынкѣ рядъ спрашивающихъ, которымъ должны получить товаръ, эквивалентъ за который имъ долженъ быть отсроченъ, пока они не окончатъ своего производственнаго процесса.

Можно безъ преувеличенія сказать, что главнѣйшая часть той громадной массы капиталовъ, которая главнымъ образомъ характеризуетъ современную экономическую жизнь, распределяется не путемъ наличнаго обмѣна, а путемъ обмѣна кредитнаго. Не только на денежномъ рынкѣ поэтому наблюдаются кредитныя явленія: еще большая масса ихъ представляется на рынкѣ товарномъ. Но считать всѣ эти капиталы, обращаемыя кредитомъ, за свободные, было бы равносильно утвержденію, что вся современная стадія развитія экономической жизни могла бы безъ нихъ обойтись, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она только ради нихъ и вслѣдствіе ихъ и существуетъ. 🐾

Ссудные капиталы представляютъ собою тѣ, которые находятся въ рукахъ, неумѣющихъ утилизовать ихъ. Но изъ этого не слѣдуетъ заключать, что это непродуктивные или малопродуктивные капиталы. Кредитъ даетъ имъ производительное занятіе, и конкуренція ищущихъ кредита гарантируетъ имъ наиболѣе доходное помѣщеніе. Для народнаго хозяйства ссудный капиталъ вовсе не долженъ необходимо быть менѣе производительнымъ, чѣмъ капиталъ, принадлежащій въ собственность предпринимателю.

Кредитъ не составляетъ самостоятельнаго источника государственныхъ доходовъ, по теоріи г. Вредена: налогъ единственный источникъ для государства. Вотъ почему для г. Вредена не можетъ вовсе быть дилеммы: или тотъ, или другой источникъ доходовъ. Для г. Вредена можетъ только существовать вопросъ о предпочтеніи того или другого способа взиманія налога, одного или другого способа эксплуатированія единственнаго источника.

Г. Вреденъ невѣренъ собственной своей идеѣ, когда онъ ограничиваетъ налогъ чистымъ доходомъ, какъ единственнымъ податнымъ источникомъ. Если займы — способъ взиманія налога, то очевидно, что уничтожаемыя, съ ихъ помощью полученные средства, тоже составляютъ податной источникъ. Въ самомъ крайнемъ случаѣ г. Вреденъ могъ бы утверждать, что чистый доходъ податной — источникъ *для распределяемаго налога*; но этотъ послѣдній не исчерпываетъ всего податного источника. И вотъ то, что изъ податного источника остается, и занимаетъ займомъ. Что подобное толкованіе согласно съ идеями г. Вредена, явствуетъ изъ того, что изъ его возрѣній вытекаетъ ложность свободнаго ссуднаго капитала и чистаго дохода. Такимъ образомъ, или распределяемымъ налогомъ исчерпываются всѣ налоги, и тогда его источникъ *весь* податной источникъ. Т.-е. чистый доходъ — единственный источникъ налоговъ. Или же, распределяемымъ налогомъ еще не исчерпываются всѣ налоги. Тогда податной источникъ гораздо шире чистаго дохода. Мало того; если займы — нормальный способъ взиманія налога, то вѣдь займы забираютъ капиталы. Слѣдовательно, капиталы входятъ въ число податныхъ источниковъ.

Съ народно-хозяйственной точки зрѣнія, разъ государство получило путемъ займа сумму, которую оно израсходовало, эта сумма навсегда безвозвратно потеряна, и потеря непереложима на будущія поколѣнія. Но путемъ займа государство получило *капиталы*. Эти капиталы, слѣдовательно, оно и уничтожило. Потери отъ уничтоженія ихъ и составляетъ ту непереложимую потерю, о которой говорить новая теорія.

Но, можетъ казаться, возвращаемыя потомъ изъ налоговъ суммы измѣняютъ дѣло. Этого-то и не происходитъ. Тѣ суммы, которыя потомъ государство собираетъ изъ чистаго дохода путемъ обложенія для уплаты процентовъ, возвращаются народному хозяйству. Въ концѣ концовъ, слѣдовательно оказывается тотъ же результатъ, какъ еслибъ *чистые доходы* не были обложены и средства отъ *нихъ* сохраняются, прежніе же капиталы остаются потерянными.

Обратною уплатою долга у *кредиторовъ* восстанавливаются капиталы, уничтоженные государствомъ, но не у народного хозяйства. Послѣднее все-таки остается безъ восстановленныхъ капиталовъ. У кредиторовъ капиталы восстановлены съ помощью чистыхъ доходовъ податныхъ плательщиковъ. Другими словами, это значитъ только, что чистый доходъ, уменьшаемый налогомъ, можетъ потомъ явиться обратно въ народное хозяйство, но только уже доходомъ иного частнаго хозяйства. Черезъ

посредство государства, онъ изъ одного частнаго хозяйства перешелъ въ другое.

Такимъ образомъ, изъ двухъ частей податнаго источника та, которая представляется чистымъ доходомъ, отличается особенностью, что она можетъ возвращаться въ народное хозяйство обратно. Напротивъ, та, изъ которой берутся займы и которая состоитъ изъ капиталовъ, всегда уменьшается безвозвратно для народнаго хозяйства.

Выше разсмотрѣны основанія идей г. Вредена о чистомъ доходѣ, равно какъ и истинныя основанія принципа податнаго источника. Сопоставимъ съ этимъ тѣ положенія г. Вредена, что поѣа не исчерпанъ весь чистый доходъ, государство должно пользоваться налогомъ, какъ единственнымъ источникомъ своихъ доходовъ, и что оно должно перейти къ займамъ, когда ему нужно болѣе, чѣмъ сколько можетъ давать чистый доходъ частнохозяйственной сферы. Мы видѣли, что въ переводѣ на практическій, общепонятный языкъ, чистый доходъ можетъ означать только потребительныя средства низшихъ классовъ и свободные источники новыхъ капиталовъ у высшихъ классовъ. Когда налогъ исчерпалъ эти источники, это значитъ, что съ низшихъ классовъ *нечего* болѣе брать, а съ высшихъ приходится брать ихъ производственныя средства, т.-е. ихъ капиталъ, или ихъ потребительныя средства. Понятно, что вопросъ о томъ, какъ при подобныхъ обстоятельствахъ государство будетъ собирать для себя хозяйственныя средства, превратится въ вопросъ или объ уменьшеніи капитала, что можетъ затронуть интересы всѣхъ классовъ, или о стѣсненіи потребленія высшихъ классовъ, что затронетъ только ихъ собственные интересы. Понятно, какой смыслъ въ такомъ случаѣ имѣетъ вопросъ о томъ, что чему предпочесть: налоги ли долгамъ, или наоборотъ? Продолжать взимать налоги съ потребительныхъ средствъ, значитъ обременять одни высшіе классы. Брать хозяйственныя средства займами, значитъ уменьшать капиталъ, т.-е. подрывать основаніе будущаго благосостоянія высшихъ классовъ, а можетъ быть и текущее благосостояніе низшихъ.

То, что г. Вреденъ называетъ чистымъ доходомъ, служитъ источникомъ, откуда черпаются сбереженія, идущія на образованіе новыхъ капиталовъ. Исчерпанность чистыхъ доходовъ налогами означаетъ, такимъ образомъ, полную невозможность дальнѣйшаго хозяйственнаго прогресса. Ссуднаго *свободнаго* капитала на рынкѣ уже нѣтъ.

Если при такихъ обстоятельствахъ правительство появится на ссудномъ рынкѣ со своимъ спросомъ для займовъ, оно тотъ-

да окажется конкурентомъ части предпринимателей на тотъ капиталъ, который входилъ въ составъ ихъ предпринимательскаго. При *такихъ* обстоятельствахъ налогъ и заемъ на предпринимательскій капиталъ дѣйствуютъ, съ общей точки зрѣнія рассуждая, одинаково, такъ какъ и налогу приходится коснуться капитала.

Г. Вредену кажется, что когда чистый доходъ исчерпанъ налогами, продолженіе послѣднихъ необходимо должно коснуться капитала. Но именно при его пониманіи чистаго дохода этого и не можетъ быть. Для полученія чистаго дохода онъ изъ валового дохода вычитываетъ не только капиталъ, но и потребительныя затраты. Ясно въ такомъ случаѣ, что исчерпанность чистаго дохода оставляетъ свободу и просторъ для выбора источника дальнѣйшаго обложенія. Можно еще обложить не только капиталъ, но и потребительныя средства частно-хозяйственной сферы. Сокращеніе потребленія послѣдней будетъ равносильно усиленному и ускоренному образованію капитала съ специальною цѣлью—помѣстить его въ сферѣ государства. Только тогда, когда потребительныя средства и высшихъ классовъ стѣснены до невозможности дальнѣйшаго ихъ стѣсненія, и дагѣ облагать возможно уже одинъ только капиталъ, можетъ возникнуть вопросъ, какъ удобнѣе взять этотъ капиталъ: налогомъ или займомъ? Тогда, но только тогда, и налогъ, и заемъ одинаково будутъ разорять народное хозяйство, и рѣчь можно будетъ вести только, какимъ путемъ собираніе государственныхъ доходовъ возможно при наименьшемъ разореніи. Тогда важенъ вопросъ: насколько тягости, возникающія отъ взиманія налога, больше или меньше тягостей періодическихъ, которыя повлечетъ за собою заемъ?

Доводъ г. Вредена за займы по истощеніи чистаго дохода, основанный на томъ, что займы не берутъ безразлично капиталъ, имѣющій уже помѣщеніе и притомъ очень доходное, и капиталъ, имѣющій совсѣмъ недоходное помѣщеніе (это дѣлаетъ налогъ), а одни только капиталы, неимѣющіе помѣщенія,—не доказываетъ желаемаго. Потому что разъ чистый доходъ истощенъ,—свободныхъ ссудныхъ капиталовъ, для которыхъ еще нѣтъ помѣщенія, уже не существуетъ, и остаются только капиталы, имѣющіе помѣщеніе. Заемъ слѣдовательно, какъ и налогъ, долженъ быть взять занятые капиталы. Нельзя даже основываться на томъ, что заемъ возьметъ менѣе доходные капиталы, тогда какъ болѣе доходные предпочтутъ остаться на своемъ мѣстѣ. Ибо если капиталамъ такъ легко оставлять мало доходное помѣщеніе, то это они могли сдѣлать и до займа, и не дѣлали они

это вѣроятно потому, что завязанный капиталъ далеко не такъ легко освободить, и волею—неволею приходится довольствоваться малою доходностью. Вообще эта малая доходность можетъ быть только исключеніемъ изъ правила, и г. Вреденъ могъ построить свою теорію на ея основаніи, только упустивъ изъ виду важную экономическую теорему, что всѣ капиталы стремятся такъ распредѣлиться между разными помѣщеніями, чтобъ взаимною ихъ конкуренціею доходность установилась на одномъ, общемъ для всѣхъ, уровнѣ. Эту теорему знали уже хорошо и экономисты XVIII-го вѣка.

Антиципація будущихъ доходовъ принадлежитъ къ тѣмъ экономическимъ способамъ, которые тѣмъ неизбѣжны и тѣмъ необходимы, чѣмъ шире сфера дѣятельности хозяйствующаго субъекта, чѣмъ обширнѣе его задачи, и чѣмъ важнѣе и неотложнѣе удовлетвореніе потребностей, лежащее на его заботахъ. Уже поэтому кредитъ на высшей степени развитія хозяйственности—явленіе неизбѣжное. Какому бы онъ ни былъ доступенъ злоупотребленію, какое увлеченіе онъ ни допускалъ бы, какъ бы имъ на самомъ дѣлѣ ни злоупотребляли и какимъ бы опасностямъ ни подвергало пользованіе имъ, — все это противъ *кредита собственно* не говоритъ ни слова. Кто злоупотребляетъ силою, доказываетъ этимъ только *свою* неразвитость и *свое* неумѣніе, а не вредъ силы. Кредитъ самъ по себѣ и полезенъ, и необходимъ, и неизбѣженъ. Сравнительно съ другими способами взиманія налоговъ, это самый лучший по быстротѣ взиманія, по громадности суммъ, которыя сразу съ его помощью могутъ быть собраны, и по своевременности и умѣстности, такъ сказать, взиманія. Несомнѣнно поэтому, что кредиту предстоитъ еще въ финансовой области блестящая будущность.

Но съ этимъ вовсе не связаны необходимо ни вопросъ о затратахъ на тѣ или другія цѣли, ни вопросъ о доходахъ при тѣхъ или другихъ источникахъ. По самой своей природѣ государство производитъ то, что оно должно безвозмездно предоставлять въ пользованіе членамъ. Плата, взимаемая за проѣздъ по частной и государственной желѣзной дорогѣ, принципиально другъ отъ друга различна. Государственная желѣзная дорога принадлежитъ, между прочимъ, и тѣмъ, которыхъ она перевозитъ, и не за провозъ они платятъ *вознагражденіе*: при провозѣ они уплачиваютъ *налогъ* на пользованіе дорогою, такой же точно, какой они уплачиваютъ, когда пользуются шоссейною дорогою или судомъ. То, что платою за проѣздъ покрываются издержки на построеніе дороги, доказываетъ только одно: что налогъ на проѣздъ имѣетъ специальное назначеніе—покрывать эти издержки.

Государство не имѣть другихъ источниковъ дохода, кромѣ налога, и кредитъ не есть источникъ доходовъ, это—только форма взиманія налога. За какія бы цѣли поэтому государство ни бралось, когда оно ихъ достигаетъ только путемъ тѣхъ средствъ, которыми собраны налогомъ. Какъ собраны были налоги, прямымъ ли, или косвеннымъ путемъ, или откупомъ, или кредитною антиципацией,—это рѣшительно не касается цѣлей, для которыхъ налоги вводятъ. Непослѣдователенъ, поэтому, г. Вреденъ и невѣренъ своей собственной идеѣ о кредитѣ, какъ способѣ взиманія налога, если онъ говоритъ, что когда исчерпанъ чистый доходъ, кредитъ становится источникомъ государственныхъ доходовъ. Исчерпанъ ли чистый доходъ, или не исчерпанъ, это вовсе не касается кредита. Доходъ можетъ быть еще совсѣмъ не исчерпанъ, и все-таки кредитъ будетъ умѣстенъ: просто потому, что другіе способы взиманія не такъ скоро дадутъ необходимыя суммы. Съ другой стороны, чистый доходъ можетъ быть исчерпанъ, и тѣмъ не менѣе налогъ не перестанетъ быть единственнымъ источникомъ государственныхъ доходовъ, пользуется ли при этомъ государство кредитомъ, или нѣтъ. Когда при исчерпанности чистаго дохода государство пользуется кредитомъ, оно уменьшаетъ капиталъ страны, постоянный или оборотный. При этомъ проявляется только та особенность, что во время собиранія средствъ уменьшается капиталъ однихъ лицъ, а по мѣрѣ уплаты процентовъ и возмашенія капитала этихъ лицъ, какъ кредиторовъ, онъ возстанавливается, тогда какъ ихъ же капиталъ, какъ податныхъ плательщиковъ, и капиталъ всѣхъ остальныхъ плательщиковъ уменьшается. Въ концѣ концовъ получается такое же уменьшеніе капитала, какъ и при простомъ взиманіи налога.

Какіе бы расходы государству ни предстояли, ordinарные или экстраординарные, единовременные или періодическіе, они во всякомъ случаѣ покрываются изъ налоговъ, и необходимой тѣсной связи между ними, какимъ-либо разрядомъ ихъ, и кредитомъ, нѣтъ никакой. Еще менѣе тѣсная связь существуетъ между государственнымъ кредитомъ и государственно-хозяйственнымъ дефицитомъ. Отсутствие средствъ для удовлетворенія потребностей можетъ также точно вызывать возрастаніе налоговъ, какъ и заключеніе долговъ. И если равновѣсіе бюджета возстанавливается возвышеніемъ налоговъ, то это также мало свидѣтельствуетъ за устраненіе дефицита, какъ появленіе долга въ бюджетѣ не свидѣтельствуетъ о его возникновеніи. Не математическими выкладками открывается и свидѣтельствуется дефицитъ. Для этого мало сложения и вычитанія. Дефицитъ не простая ариметическая величина, а нѣчто болѣе.

Вотъ почему врядъ ли предстоитъ блестящая теоретическая и практическая будущность тѣмъ идеямъ Дитцеля и Вагнера, которыми они желаютъ приноровить пользованіе кредитомъ къ стремленію разрѣшить только извѣстныя задачи. Практика до сихъ поръ многія изъ задачъ, которыя по Дитцелю и Вагнеру требовали средствъ изъ кредита, разрѣшала и безъ помощи кредита (судебныя реформы, тюремныя перестройки и т. п.); напротивъ, многія задачи, къ которымъ съ натажею можно было примѣнить идеи о долгосрочной пользѣ (войны), рѣшались главнымъ образомъ кредитомъ.

Мы пересмотрѣли характеръ всѣхъ трехъ критеріевъ пользованія налогами, въ тѣсномъ смыслѣ, и займами, каждаго въ отдѣльности, и въ заключеніе посмотримъ еще на ихъ отношеніе другъ къ другу. Прежде всего очевидно, что критерій внезапности нужды въ средствахъ прямо противорѣчитъ остальнымъ двумъ критеріямъ. Если внезапная нужда заставляетъ обращаться къ кредиту, то очевидно, что вопросъ о цѣли расхода отступаетъ на второй планъ, равно какъ и вопросъ о томъ, откуда будутъ взяты средства. Заемъ при достаточно высокомъ процентѣ можетъ привлечь доходы также точно, какъ высокій налогъ можетъ постигнуть капиталы. Но и критерій, представляемый цѣлью расхода, не имѣетъ никакой внутренней связи съ критеріемъ, представляемымъ разрядомъ средствъ, изъ котораго государство производитъ заимствование. Если какое-либо государственное учрежденіе содержится налогомъ на оказываемыя имъ услуги, то это не доказываетъ, что услуги — пропорціонально возмездны. Возмездныя услуги, оказываемыя государствомъ, извращаютъ природу послѣдняго и представляютъ слишкомъ случайное явленіе, чтобъ на его основаніи было возможно какое-либо научное построеніе.

Единственный критерій — на нашъ взглядъ, представляетъ, свободно самою частно-хозяйственною сферою обсужденное и порѣшенное, предпочтеніе того или другого способа взиманія налога.

VIII.

Еслибъ наличныя средства были распределены между всѣми членами государства вполнѣ равномерно, государству никогда не приходилось бы обращаться только къ *нѣкоторымъ*, какъ оно это дѣлаетъ при займѣ. Оно всегда сразу, такъ сказать, должно было бы обращаться ко *всѣмъ*, такъ какъ только у всѣхъ оно нашло бы нужныя ему средства. Государственные займы отли-

чаются, следовательно, весьма оригинальною особенностью: они необходимо предполагаютъ, какъ одно изъ своихъ оснований, неравномѣрность распредѣленія богатствъ.

Извѣстно однако, что эта неравномѣрность имѣетъ мало значенія на низшихъ степеняхъ развитія, когда неразвитость уравниваетъ всѣхъ, и приобрѣтаетъ прогрессивно растущіе размѣры вмѣстѣ съ прогрессомъ производства. Этимъ объясняется, до извѣстной степени, широкое развитіе государственныхъ займовъ въ послѣднія два столѣтія.

До извѣстной степени это можетъ объяснить намъ также, много времени нужно дожидаться народу, которому хотѣлось бы, чтобъ государство его заключало одни внутренніе долги. Весьма часто приходится у насъ встрѣчать людей, которыхъ патристическому самолюбію обидно, что наше правительство заключаетъ свои займы за границею преимущественно, и которые вмѣстѣ съ тѣмъ желали бы своей родинѣ—избѣгнуть той болѣзни, которою западная Европа страдаетъ при неравномѣрности распредѣленія богатствъ. Имъ и въ голову не приходитъ подумать, какое глубокое противорѣчіе между этими двумя желаніями!

Необходимо, по отношенію къ неравномѣрности, обратить вниманіе на слѣдующее основное различіе между кредитомъ въ государствѣ и кредитомъ въ частно-хозяйственной сферѣ. И тамъ, и здѣсь, кредитъ находится въ тѣсной связи съ неравномѣрностью. И тамъ, и здѣсь, его функція—перевести или перемѣстить капиталъ изъ хозяйствъ, которыя непосредственно въ немъ не нуждаются, въ хозяйства, которыя въ немъ чувствуютъ настоящую потребность. Но тѣ экономическія особенности, которыя отличаютъ частно-хозяйственную сферу отъ государственно-хозяйственной, обуславливаютъ и глубокія различія въ послѣдствіяхъ, вызываемыхъ кредитомъ въ обѣихъ сферахъ хозяйственной жизни народа.

Въ частно-хозяйственной сферѣ возможно воспроизводство капитала, перераспредѣляемаго кредитомъ. Въ государственно-хозяйственной—оно невозможно. Поэтому, хотя кредитъ совершаетъ перераспредѣленіе только на срокъ, тѣмъ не менѣе онъ въ тотъ срокъ, въ теченіи котораго длится, содѣйствуетъ образованію капитала въ рукахъ лицъ, куда онъ былъ перемѣщенъ. Для того, чтобъ имѣть кредитъ, достаточно личныхъ качествъ; по крайней мѣрѣ въ настоящее время широкое преобладаніе торговаго банковаго кредита надъ всѣми остальными его видами вполне это доказываетъ. При личныхъ качествахъ, вызывающихъ кредитъ, человѣкъ, — не располагающій тѣмъ основаніемъ экономической независимости, которая представляется капиталомъ, — съ помощью

кредита можетъ постепенно приобрести это основаніе. Кредитъ имѣетъ, такимъ образомъ, въ частно-хозяйственной сферѣ важную социальную функцію.

Здѣсь кредитъ, вызванный неравномѣрностью, борется съ нею и стремится подорвать ея почву и выработать экономическія основанія равномѣрности. Личныя качества, нужныя для кредита въ частно-хозяйственной сферѣ, — таковы двѣ гарантіи, которыя современная экономическая наука считаетъ основными для устраненія неравномѣрности. Первая гарантія дается народнымъ образованіемъ, профессиональнымъ — для экономическихъ ея основаній, — и общеобразовательнымъ, для моральныхъ ея основаній. Вторая — дается развитіемъ банковыхъ учрежденій въ народѣ.

Совершенно иное представляетъ намъ кредитъ въ государственной-хозяйственной сферѣ вслѣдствіе того одного, что капиталъ не воспроизводится. Кредитъ перераспредѣляетъ капиталъ только на срокъ. Если, въ теченіи этого срока, рущія, которыя капиталъ попалъ, позаботятся извлечь изъ него полную выгоду, какую онъ способенъ дать для возвышенія экономической самостоятельности, мы и будемъ имѣть послѣдствія, только описанныя. Но если въ это время капиталъ будетъ уничтоженъ, этихъ послѣдствій не случится, и дѣло будетъ обстоитъ такъ, какъ оно обстоитъ до кредита. Никакого противодѣйствія неравномѣрности оказано не будетъ, и она сохранится во всей своей цѣлости. Мало того однако: если капиталъ, перемѣщенный кредитомъ въ экономическую сферу государства, въ послѣдствіи будетъ уничтоженъ, то будетъ меньше и однимъ капиталомъ, который въ другой сферѣ противодѣйствовалъ бы неравномѣрности. Государственные займы, такимъ образомъ, не только что противодѣйствуютъ послѣдней, а еще прямо содѣйствуютъ ея сохраненію.

И это положеніе имѣетъ общій характеръ, который одинаково примѣняется, какъ къ отдѣльнымъ членамъ въ народномъ хозяйствѣ, такъ и къ отдѣльнымъ членамъ во всемирномъ хозяйствѣ. Другими словами: сумма капиталовъ, которая ежегодно уничтожается государствомъ, заимствуемая съ помощью займовъ, содѣйствуетъ сохраненію неравномѣрности распределенія богатствъ между цѣлыми народами и отдѣльными индивидуумами.

Г. Вреденъ посвятилъ XII-ю главу своей книги изслѣдованію вліянія государственныхъ долговъ на экономическія неравенства и распределеніе богатствъ. Средства, которыя правительство беретъ съ помощью налоговъ и долговъ, по мнѣнію г. Вредена представляются далеко не одинаково тягостными лишеніями для

сильныхъ лицъ, именно потому, что высокіе налоги, какъ это признавалъ Небеніусъ, неравномѣрно распределяются, тѣмъ несправедливѣе (240), а долги избавляютъ отъ одновременнаго и значительнаго повышенія налоговъ, слѣдовательно, даютъ средства для сохраненія равномѣрности во всей системѣ обложенія (241). Небеніусъ признавалъ и то, что государственные займы усиливаютъ экономическія неравенства. Отъ займовъ капиталисты получаютъ возможность быстрѣе накоплять капиталы, такъ какъ имъ возвышается процентъ, и доходъ съ капитала растетъ въ то самое время, когда проценты по государственнымъ долгамъ отнимаютъ все большія доли чистаго дохода у производителей. Такимъ образомъ, при возрастающей возможности капитализировать для владѣльцевъ ссудныхъ капиталовъ, та же возможность уменьшается для предпринимателей и рабочихъ.

Ниже нѣсколько, г. Вреденъ признаетъ, что сама податная система виновата, если возвышеніе оклада вызываетъ усиленную податную неравномѣрность (245). Но займы же даютъ возможность, легкостью пополненія казны, сохранять нераціональность податныхъ системъ (246). Финансовая исторія новѣйшихъ государствъ, особливо Англіи и Франціи, убѣдительно доказываетъ, что главнымъ образомъ займы произвели неравенство состояній и затѣмъ усиливали его постоянно. Тѣ же факты не менѣе убѣдительно доказываютъ, что не только бесполезно возвышался ссудный процентъ, но было и сохранялось чрезвычайно обратное обложеніе (ib). При такихъ условіяхъ государственные займы конечно могли быть, какъ, напр., въ Англіи и Франціи, средствомъ къ исключительному усиленію и обогащенію класса капиталистовъ (247).

Этимъ соображенія г. Вредена о данномъ вопросѣ исчерпываются. Но сравнительно съ тѣмъ, что о вопросѣ можно и должно было бы сказать, мы ихъ не можемъ считать вполне его исчерпывающими.

Неравномѣрность распределенія богатствъ принадлежитъ къ тѣмъ пунктамъ человѣческаго знанія, которыхъ разработка характеризуется не собственно только ихъ трудностью, а сверхъ того еще и сословною косностью, предпочитающею невѣжество связанное съ нимъ бездѣйствіе, лишь бы этимъ избѣгались неясныя идеи и возможный при нихъ практическій вредъ. Вѣрныя мысли однако и точныя знанія съ неба не падаютъ, а получаются путемъ постепеннаго развитія и совершенствованія мыслей невѣрныхъ и знаній неточныхъ. Скорѣе руки человѣческія могутъ сотворить чудо и сдѣлать неожиданное, но голова человѣческая дѣйствуетъ послѣдовательно, именно потому, что

она болѣе независима отъ внѣшнихъ вліяній. Верхъ безобиднѣйшей идеализаціи представляла поэтому старая экономическая наука, которая сложила свое оружіе у вопроса о неравности, дожидаясь, чтобы сами собою явились точныя знаменія. Но ни сословная косность, ни цеховая идеализація могутъ быть препятствіями могучему ходу развитія человѣческой мысли. Исторія послѣдней убѣдительно это доказываетъ. Имя въ тѣ времена, когда развитію мысли ставились наиболѣе непреграды, она возрождалась съ наибольшею силою. Только благодаря этому естественному неудержимому теченію мысли временная экономическая наука можетъ противодействовать словной косности. Она успѣла доработаться до результатовъ дѣлающихъ послѣднюю излишнимъ. Косность не можетъ въ настоящее время имѣть основаніемъ всеобщее невѣжество, только необразованность, незнакомство съ результатами науки можетъ быть ея основаніемъ. Только необразованность и косность съ деморализаціею могутъ служить почвою апатичнаго бездѣйствія по вопросу о неравномѣрности.

Одна изъ важнѣйшихъ областей, въ которой противодействіе неравномѣрности предстоить еще блестящая будущность, представляется именно государственнымъ хозяйствомъ. Не говоря о податной неравномѣрности въ узкомъ смыслѣ, для насъ въ данномъ случаѣ важнѣе противодействіе, которое раньше или позже будетъ вызвано современными государственно-долговыми перекосами. Наука въ настоящее время заступаетъ за государственные долги. Но это далеко не значитъ, что она защищаетъ ту неравномѣрность, которая ими поддерживается. Неравномѣрность о которой въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь, касается единственной области матеріальнаго богатства. Неудобства и бѣдствія, вытекаемые въ послѣдней неравномѣрностью, велики. Но онѣ были бы жертвами, которыя народы охотно приносили бы, если бы ими искупались пріобрѣтенія въ другихъ областяхъ, моральной, интеллектуальной, правовой, политической. Не тѣмъ главнымъ образомъ возбуждаетъ противъ себя государственно-долговая система, что она усиливаетъ неравномѣрность, а тѣмъ, что послѣ этихъ громадныхъ расходовъ и жертвъ матеріальнымъ благосостояніемъ, народы остаются только при томъ же незначительномъ благосостояніи, которое они себѣ вырабатываютъ внѣ политической сферы своей, — что необходимость жертв отрицалась и оспаривалась еще до того, какъ онѣ были приняты, — что онѣ были прямо и косвенно вынуждены, вопреки ихъ природѣ, — что онѣ вовсе не служили на пользу общенароднымъ интересамъ, а только сословнымъ.

Только съ этой точки зрѣнія и имѣютъ свое значеніе и сужденія экономистовъ о вліяніи государственно-долговой системы на усиленіе неравенствъ. Это значеніе — не принципиальное, а чисто-историческое.

Современные государственно-долговые порядки — только прямое продолженіе и дополненіе того, что государственное хозяйство представляетъ наблюденію въ области податей въ тѣсномъ смыслѣ слова. И здѣсь, и тамъ одинаково преобладаетъ сословность, интересы социальные отдѣльныхъ общественныхъ классовъ. Мы видѣли эту сословность въ сферѣ податной. Мало того, что основное начало современнаго податнаго обложенія чисто сословнаго свойства, государственные займы даютъ еще новую, добавочную поддержку превратнымъ системамъ обложенія.

Но государственные долги имѣютъ для насъ при этомъ еще и другое значеніе. Ими западно-европейская буржуазія не только связала свой капиталъ, но еще сверхъ того сама утилизировала государство, какъ сберегательную кассу. Мало того: она пользуется правительственнымъ путемъ, вопреки всякому *laissez faire*, для того, чтобъ обезпечивать себѣ непрерывную и вѣчную доходность капитала. Это — тоже *droit au travail*, но только *au rebours*. Соціалисты требовали для рабочихъ гарантированной доходности труда, и видѣли крайнюю гарантію этой доходности въ налогѣ. Путемъ «вѣчныхъ рентъ» капиталистамъ удалось добыть себѣ такую же точно гарантію доходности капитала путемъ налоговъ, изъ которыхъ уплачиваются проценты по государственнымъ долгамъ. Не нужно терять изъ виду глубокаго экономического различія между доходностью капитала, помѣщеннаго въ частно-хозяйственной сферѣ, и доходностью капитала, отданнаго въ долгъ государству. Первый капиталъ самъ воспроизводитъ свой доходъ и не долженъ необходимо возбуждать антагонизма интересовъ. Второй, напротивъ, самъ своего дохода не воспроизводитъ. Не хозяйственная производительность, а податныя силы — источники его доходности. Для того, чтобъ по этому капиталу могли быть уплачиваемы проценты, необходимо, чтобъ чей-либо частно-хозяйственный капиталъ или чей-либо трудъ уменьшилъ свою доходность. Здѣсь одинъ капиталъ доходитъ на счетъ другого капитала или труда. Такимъ образомъ, не только налоги не должны трогать капитала — этого мало. Если его все-таки придется взять, онъ долженъ быть взятъ путемъ займа, т.-е. съ тѣмъ, чтобы былъ возможенъ будущій возвратъ, и чтобы по нему продолжали получаться проценты, чтобъ онъ былъ также доходенъ, какъ еслибъ не былъ взятъ вовсе, чтобъ безвозвратно брались только подати, т.-е. опять-таки одинъ чистый доходъ.

Въ Западной Европѣ государственные долги дѣйствительно были средствомъ, которымъ капиталу гарантировалась непрерывная доходность. Капиталы накапливались въ такое время, когда образованіе буржуазіи далеко не такъ же быстро шло впередъ, когда далеко не такъ легко ей было придумывать новымъ капиталамъ новыя помѣщенія, когда попытки открывать новыя помѣщенія, при невѣжествѣ и необузданности любостязательныхъ стремленій, влекли за собою тяжкіе кризисы и безпримѣрныя растраты капиталовъ. Понятно, что при этихъ обстоятельствахъ вѣрное, спокойное помѣщеніе въ государственныхъ фондахъ могло имѣть и преимущество. Весьма вѣроятно, что безъ страшнаго возрастанія государственныхъ долговъ, растраты и безумныя спекуляціи имѣли бы еще ббльшіе размѣры. Во всякомъ случаѣ болѣе чѣмъ вѣроятно, что безъ подмоги податей ссудный процентъ не возвысился бы такъ сильно, какъ онъ повысился въ теченіи послѣднихъ 40-ка лѣтъ. Доходность доброй половины частно-хозяйственныхъ сбереженій была гарантирована налогомъ, государство находилось въ зависимости отъ крупнаго капитала, фондами сверхъ того еще можно было и играть, какъ костями, и выигрывать большія суммы. Чего еще было нужно? Можетъ быть не такой ходъ приняла бы жизнь, еслибъ экономическому прогрессу предшествовалъ болѣе глубокій моральный и интеллектуальный прогрессъ. Но во все это время въ наукахъ процвѣтали больше отрицательныя направленія: наукамъ приходилось еще только *расчищать* себѣ поле, онѣ сами оказались отставшими и безсильными помочь своему времени. Ругались, правда, много: но это только злило. Или же науки продолжали еще переживать періодъ смиренности: не сразу вѣдь люди пріучились уважать голосъ науки. Да и научились ли уже теперь — еще великій вопросъ. Вопросы о внесеніи практическаго элемента въ воспитаніе и обученіе до сихъ поръ раздѣляютъ педагоговъ. Ученые до сихъ поръ продолжаютъ спорить объ отношеніи науки къ жизни. Такимъ образомъ, основные элементы и до сихъ поръ еще въ такомъ состояніи, что, сознавая всю ненормальность происходящаго предъ глазами, приходится все-таки признаваться въ немощности жизни — избѣгнуть зла въ ея цѣлости. Могло ли выдти что-либо иное въ теченіи 100 лѣтъ до насъ?

Про западно-европейскіе государственные долги нельзя говорить, что ихъ можно объяснить исключительно одною, или другою основною причиною. Перечисленіе мотивовъ, которыми въ указахъ объясняется, для чего и почему заключается заемъ, также мало объяснить дѣло: законодатель можетъ и не видѣть тайныхъ пружинъ, вліяющихъ на его волю и толкающихъ его по

тому или иному направленію (законодатель вѣдь не ученый, и глупому можетъ замѣнять вѣскимъ авторитетомъ), или онъ можетъ сводить эти причины (примѣры бывали не разъ). Только строгое научное изслѣдованіе, сравнительно-историческое и статистическое, безъ всякихъ предвзятостей, безъ трусливой смиренности, — вотъ что единственно выяснитъ эту часть. Но врядъ ли эта работа будетъ подъ силу одному человѣку, даже при разговѣчной жизни. Остановился же Небеніусъ, когда онъ долженъ былъ перейти именно къ этой части своей работы, да еще самъ забраковалъ свою первую попытку.

IX.

Тѣсныя рамки, въ которыя замыкаетъ пользованіе государственнымъ кредитомъ г. Вреденъ, раздѣляетъ глубокою пропастью ученіе его отъ ученія Дитцеля. Глубокая социальнополитическая идея у послѣдняго, несомнѣнный отблескъ и отраженіе социалистическихъ (преимущественно сенсимонистскихъ и вулфовскихъ) идей, а именно, что государственный кредитъ представляетъ собою тотъ мостъ, по которому частно-хозяйственные капиталы должны пойти на цѣли, непосредственно связанные съ благосостояніемъ общимъ, а не частнымъ, — эта идея безслѣдно исчезаетъ въ ученіи г. Вредена.

Въ ученіи Дитцеля важны были въ особенности два пункта. Во первыхъ, онъ настаивалъ на томъ, чтобъ цѣль не смѣшивали со средствами, и что неодобреніе первой не доказываетъ необходимости признанія и послѣдняго превратнымъ: «Крупные доходы во всякомъ случаѣ допускаютъ и болѣе крупное злоупотребленіе; но это порицаніе касается не кредита, а политическихъ цѣлей и намѣреній, неспособности и безправственности правительства». Этими словами въ самомъ началѣ своей книги, на стр. 10-й ея, Дитцель уже устранялъ цѣлый рядъ доводовъ противъ своей темы. За симъ, второй пунктъ касается той смѣлой его идеи, которая сразу вносила въ финансовую науку результаты долготѣйшей теоретической и практической борьбы старото съ новымъ. Государство имѣетъ активную роль въ прогрессѣ культуры и представляетъ единственную сферу общежитія, съ помощью которой только и могутъ быть сдѣланы извѣстные шаги въ прогрессивномъ движеніи народовъ. Дитцель не говоритъ ясно, какіе это именно шаги, но важнѣе всего было то, что государство являлось для него не однимъ только охранителемъ результатовъ, добытыхъ внѣ его, а само активно принимало участіе въ положительной выработкѣ этихъ результа-

товъ. И еще важнѣе было то, что Дитцель приводилъ въ связь прогрессивную роль государства со всѣми остальными сторонами матеріальнаго прогресса, и въ послѣднемъ видѣлъ выработываніе почвы для другихъ сторонъ прогрессивнаго развитія культуры. Свободные капиталы, которые играютъ такую крупную роль въ ученіи Дитцеля, означали эту матеріальную почву, уже вполнѣ приготовленную, уже ненужную для того, чтобъ на ея основаніи идти далѣе по пути *матеріальнаго* прогресса, отъ этой соціальной цѣли освобожденную именно развитіемъ культуры и поэтому получающую высшее назначеніе—служить цѣлямъ невещественнаго прогресса. Дитцель, такимъ образомъ, утверждалъ не только то, что государство принимаетъ активное участіе въ выработываніи культуры (это значеніе имѣютъ его идеи о производительности государства), но что, сверхъ того, сама частно-хозяйственная сфера, шествуя по тому пути прогресса, который она сама себѣ прокладываетъ, раньше или позже должна достигнуть конца этого пути съ суммою средствъ, не находящихъ себѣ примѣненія на старомъ попрѣщѣ. Тогда-то принимаетъ ее въ свои границы государственная сфера со всѣмъ, что она съ собою приноситъ, чтобъ повести ее по новому пути далѣе.

Съ этими идеями можно спорить, и сильно спорить. Но во всякомъ случаѣ для этого нельзя пользоваться тѣмъ, что Дитцель, разъясняя свои мысли въ частностяхъ, не всегда умѣлъ удерживаться на одной высотѣ. Намъ кажется, что въ такомъ общемъ видѣ формулированныя, онѣ являются вполнѣ бесспорными. Ошибка Дитцеля заключалась въ слишкомъ поспѣшномъ примѣненіи ихъ къ современной жизни и желаніи этими идеями объяснять явленія, которыя не ими вовсе объясняются. Доказывать, что государству можетъ принадлежать активная роль въ прогрессивной выработкѣ культуры, что частно-хозяйственная сфера сама для нея вырабатываетъ матеріальныя условія, еще не то же самое, что доказать производительность современныхъ государственныхъ долговъ или свободу тѣхъ капиталовъ, которые въ настоящее время являются на ссудный рынокъ. Именно въ послѣднія два столѣтія, въ которыя всего болѣе развился государственный кредитъ, активная роль государства въ исторіи прогресса была болѣе отрицательная, чѣмъ положительная. Это—столѣтія борьбы съ государствами, непрерывныхъ нападокъ на нихъ и сосредоточенія всей ихъ активности на вопросѣ о самозащитѣ и самосохраненіи. Именно послѣднія два столѣтія выработали съ неслыханною и невиданною до того въ исторіи человечества силою и энергіею идеи о

государственной пассивности и о правѣ игнорировать государство (the right to ignore the state. Herb. Spencer, Soc. Stat.).

Было бы совершенно ошибочно представлять себѣ, что Дитцель, говоря о переходѣ свободнаго капитала, вырабатываемаго экономическимъ прогрессомъ, въ область государства для содѣйствія споспѣшествуемому государствомъ духовному прогрессу, сьумѣлъ возвыситься до той высокой точки зрѣнія, которая, не увлекаясь движеніемъ впередъ жизни *отдѣльных* сословій или *отдѣльных* слоевъ населенія, имѣетъ критериумомъ прогрессъ движенія впередъ *всей* общенародной жизни. Если несомнѣнно съ одной стороны вліяніе социалистическихъ идей на Дитцеля, то съ другой стороны несомнѣнно, что это вліяніе было чисто-безсознательное, въ которомъ Дитцель вовсе не отдавалъ себѣ отчета, котораго Дитцель самъ не разбиралъ. Идея объ активномъ участіи государства въ культурномъ прогрессѣ, при содѣйствіи капиталовъ высшихъ слоевъ народа, Дитцелемъ утилизируется, поэтому, далеко не на манеръ социалистовъ. Онъ ни на волосъ не сходитъ съ сословной точки зрѣнія (см. въ особ. его соч. стр. 62 — 66). Прогрессъ, который государство вырабатываетъ, выходитъ у него чисто сословнымъ, и низшему классу рѣшительно все равно, гдѣ и какъ капиталы высшихъ классовъ утилизируются: въ частно-хозяйственной ли сферѣ, или государственно-хозяйственной. Это онъ не только признаетъ, но, сверхъ того, еще считаетъ доводомъ въ защиту справедливости сдѣланнаго имъ примѣненія социалистической идеи къ объясненію современной государственно-долговой практики. Противъ государственныхъ долговъ приводили иногда тотъ доводъ, что ими отнимаются у частно-хозяйственной сферы капиталы, на которые можно было бы давать низшему классу занятіе и содѣйствовать и ихъ прогрессивному развитію. Дитцель противъ этого возстаетъ. Онъ утверждаетъ, что во всякомъ случаѣ капиталы, гдѣ и на что они ни употреблялись бы, приносятъ пользу своимъ только владѣльцамъ. Кромѣ того, онъ придерживается того, что какова бы ни была судьба отдѣльныхъ членовъ низшаго класса, какъ они ни улучшали бы свое положеніе, самъ по себѣ классъ тѣмъ не менѣе будетъ непрерывно продолжать свое существованіе: если одни члены изъ него выйдутъ, ихъ мѣсто займутъ другіе, и матеріалъ для этого никогда не истощится.

И въ этомъ-то пунктѣ ученіе Дитцеля имѣетъ особый интересъ. Утверждая, что члены высшихъ классовъ должны употреблять свои капиталы только для своихъ взаимныхъ сословныхъ нуждъ, онъ исходитъ изъ того, что еслибъ они дали капиталамъ направленіе, болѣе сообразное съ интересами низшаго

класса, то, при отсутствіи эффективнаго спроса у послѣднихъ это было бы равносильно безвозмездной отдачѣ капитала, т.-е. самоубійству капитала. Нельзя всегда употребить послѣдній изъ отраслей производства, которыя изготовляютъ вещи, необходимыя низшему классу, по той причинѣ, что низшему классу не на что покупать ихъ.

Ближе присматриваясь къ этимъ доводамъ, въ нихъ, конечно, не находишь и тѣни силы. По Дитцелевской теоріи самое помѣщеніе капитала въ государственной сферѣ имѣетъ основное значеніе, т.-е. важенъ государственный кредитъ не по процентамъ денежнымъ, которые онъ даетъ возможность получать владѣльцамъ капитала, а по тому употребленію, которое изъ занятаго капитала было сдѣлано, по его превращенію въ высшій, духовный капиталъ. Но какъ бы далеко мы ни заходили въ расширеніи понятія капитала, то, что государствомъ производится, въ концѣ концовъ придется признать *съ чисто экономической точки зрѣнія* именно господствующей теоріи запасомъ для потребленія (Gebrauchswerthe), который къ тому еще оно должно уступать безвозмездно своимъ членамъ. Во всякомъ случаѣ, слѣдовательно, капиталъ, перешедшій въ государственно-хозяйственную сферу, будетъ потребленъ. Различіе будетъ только то, что въ одномъ случаѣ онъ будетъ потребленъ своими собственниками, въ другомъ — посторонними людьми. Кромѣ того однако, совершенно произвольно предположеніе Дитцеля, что фактъ существованія въ частно-хозяйственной сферѣ цѣлаго класса людей, неспособныхъ предъявить обширный эффективный спросъ, не есть послѣдствіе *известной* стадіи экономического развитія народно-хозяйственной жизни, а неизбеженъ на *всѣхъ* стадіяхъ ея развитія. Главное доказательство Дитцеля слѣдующее: «такой низшій классъ, говоритъ онъ, всегда долженъ будетъ существовать, хотя отдѣльные его члены и будутъ мѣняться. Ибо какъ только тѣ, которые состояли въ данное время его членами, начнутъ съ помощью образованныхъ ими для себя капиталовъ, а также и улучшенныхъ качествъ труда — возвышаться надъ своимъ положеніемъ, такъ тотчасъ же, именно вслѣдствіе новаго прироста къ капиталу, возникнетъ новый спросъ на трудъ и рабочихъ, который вызоветъ возможность размноженія населенія. Этою возможностью воспользуются тѣ, для которыхъ удовлетвореніе половой потребности — достаточный источникъ наслажденія, и такимъ образомъ возникнетъ классъ людей, принужденныхъ довольствоваться самымъ крайнимъ». Главный доводъ Дитцеля, другими словами выраженный, имѣетъ такимъ образомъ такой видъ. Есть люди, которымъ неведомо разнообразіе источниковъ наслажденій, вырабо-

культурою. Самое крайнее ихъ удовлетворяетъ; потребность — ихъ источникъ наслаждений. До известной степени это, конечно, справедливо. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Очевидно, одно изъ двухъ: или что тотъ, который отрицаетъ возможность переменъ ихъ положенія, этимъ только закрываетъ свою бѣдность въ средствахъ, которыя были бы нужны для достиженія подобной цѣли. Или же, что сколько бы ни употреблялось средствъ, людей не измѣнишь. Такъ какъ послѣднее — абсурдъ, то остается только первое предположеніе. И въ этой дѣлѣ, въ основѣ всѣхъ идей, схожихъ въ разсматриваемомъ пунктѣ съ Дитцелевскою, всегда лежитъ нежеланіе сознаться въ собственной неспособности предъ великою задачею. Собственно говоря, это-то всего лучше и свидѣтельствуетъ, въ какой степени безотчетно Дитцель подвергся социалистическому вліянію.

Мысль, что кредитъ послужитъ мостомъ чрезъ пропасть, отрывающую классъ капиталистовъ отъ рабочихъ, что кредитъ призванъ и будетъ играть главную роль въ рѣшеніи рабочаго вопроса, эта мысль далеко не нова и съ разныхъ сторонъ къ ней пришли и социалисты, и экономисты. Если возможно продолженіе той политики, которая привела къ этимъ мыслямъ, то несомнѣнно оно должно касаться того, какъ эта мысль будетъ примѣнена въ действительности. И вотъ тутъ-то важна въ особенности идея Дитцеля, что такое призваніе имѣетъ частный кредитъ, а не государственный. Увеличенные размѣры накопленія капиталовъ и производимыхъ богатствъ съ силою физическою, необходимо ведутъ за собою кредитный обмѣнъ. При этомъ распространяются употребленіе машинъ, эманципирующее человѣка отъ роли источника физической силы, вмѣстѣ съ распространяющимся въ низшихъ классахъ образованіемъ, оживляющимъ ихъ интеллектуальныя силы, создаютъ цѣлыя новыя классы лицъ, нуждающихся въ кредитѣ и достойныхъ его. Образование экономическое превращаетъ интеллектуальныя и моральныя силы въ предпринимчивость, а рабочаго или его потомка въ человѣка, которому нуженъ только личный кредитъ, чтобъ стать предпринимателемъ. Такимъ образомъ, образованность, кредитъ и перемѣна физическаго фактора на природу, — вотъ тотъ мостъ, который ведетъ отъ рабочаго сословія къ предпринимательскому, отъ бѣдности къ состоятельности. Сама практика работаетъ съ этими концами надъ постройкою этого моста. Съ одной стороны, она создаетъ капиталы, нуждающіеся въ сбытѣ, который находятъ только при кредитѣ, и съ другой она создаетъ въ кредитѣ нуждающихся и его достойныхъ. Менѣе всего,

конечно, при этихъ условіяхъ можно говорить объ излишнихъ для частно-хозяйственной сферы капиталахъ.

Такимъ образомъ, то, что наиболѣе блестяще въ теоріи Дипеля, является идеею, безсознательно заимствованною, плохъ переваренною, а сверхъ того примѣненною туда, куда она со всѣмъ не идетъ.

У г. Вредена мы совсѣмъ не встрѣчаемъ разсужденій на эту тему, но не потому, что критическая провѣрка убѣдила его въ неважности социальна-политическихъ соображеній для теоріи государственныхъ долговъ. Скорѣе, отсутствіе достаточно подробнаго анализа социальна-политической стороны дѣла было у г. Вредена послѣдствіемъ строго-финансовой точки зрѣнія на него. Ученый изслѣдователь имѣетъ, конечно, полное право замыкать свою тему въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ онъ для себя считаетъ наиболѣе удобнымъ ее разрабатывать. Но тогда его изслѣдованіе не можетъ уже претендовать на цѣльность и на то, что предметъ имъ весь исчерпанъ. Отсутствіемъ этой цѣльности и страдаетъ главнымъ образомъ книга г. Вредена.

Заканчивая нашъ разборъ, мы не можемъ не указать на другой недостатокъ книги г. Вредена — полнѣйшую необработанность ея внѣшней стороны. Чтеніе книги представляетъ столько препятствій уже однимъ внѣшнимъ построеніемъ фразы, которымъ г. Вреденъ выражается, — самыя простыя вещи у него выражены до такой степени неясно, что неудивительно, если найдется мало читателей, которые въ состояніи будутъ дочитать «Финансовый Кредитъ» до конца. Наконецъ, книга повидимому составлена изъ замѣтокъ, въ разные времена записанныхъ, весьма поспѣшно собранныхъ и далеко не выровненныхъ. Для невнимательнаго читателя или любителя ловить внѣшнія противорѣчія при чтеніи, книга г. Вредена представляетъ такую противорѣчій массу. Очень жалко, что г. Вреденъ въ такомъ видѣ выпустилъ свое изслѣдованіе, для безпристрастнаго читателя несомнѣнно цѣнное. Менѣе всего у насъ слѣдуетъ появляться предъ публикой въ такомъ видѣ, который обуславливаетъ необходимость просить извиненія за небрежную наружность. Извинить-то, можетъ быть, и наша публика извинить: но врядъ ли она это сдѣлаетъ по прочтеніи книги, а не до прочтенія.

И. Кавеманъ.

ПЯТЬ ДНЕЙ НА ВЫСТАВКѢ ВЪ МОСКВѢ.

(Письма туриста).

I

Я выѣхалъ изъ Петербурга по Николаевской желѣзной дорогѣ съ цѣлью побывать въ Москвѣ, на выставкѣ, и дальше за Москвой. Подъ вліяніемъ бесѣды съ сосѣдами по вагону, давнишняго, проснувшись желаніи посмотрѣть Волгу, и грустнаго однообразія прилегающей къ желѣзной дорогѣ мѣстности, состоящей изъ болотъ, кустарника и вѣрѣдка чернѣющихъ деревень, я оставилъ въ Твери свой вагонъ съ тѣмъ, чтобы до Нижняго ѣхать на пароходѣ, а оттуда въ Москву по желѣзной дорогѣ. Мы ѣхали на пароходахъ общества „Самолетъ“, раздражающихъ всякаго туриста неопредѣленной продолжительностью своихъ стоянокъ у пристаней. Всѣ приволжскіе города—историческіе, (Угличъ, Кострома, Молога и пр. ¹⁾); въ большинство изъ нихъ хочется заглянуть, чтобы ознакомиться хоть съ внѣшностью, а между тѣмъ, это рѣшительно невозможно. У какаго-нибудь городка пароходъ остается полчаса, и этого времени пожалуй достаточно, чтобы познакомиться съ его видомъ, но уйти съ парохода опасно, потому что продолжительность стоянки опредѣляется не временемъ, а фразой: „какъ примемъ грузъ и дрова, такъ сейчасъ же и отвалимъ“. Въ Костромѣ, напримѣръ, мы простояли около двухъ часовъ; а между тѣмъ на мой вопросъ, сколько мы останемся у пристани? я получилъ въ отвѣтъ:

¹⁾ Отъ Твери до Нижняго 14 городовъ.

„около получаса“. Наконецъ, я пріѣхалъ въ Москву и утромъ же пошелъ въ Кремль.

Какъ человѣкъ уже бывавшій на большихъ выставкахъ, я составилъ себѣ предварительно краткую программу. первый день посвятить былому ознакомленію со всей выставкой и болѣе внимательному съ ея отдѣлами наименѣе интересными; три слѣдующихъ дня—для отдѣловъ болѣе значительныхъ. По прежнимъ опытамъ мнѣ думалось, что для туриста совершенно достаточно провести на выставкѣ дня четыре, оставаясь на мѣстѣ выставки съ 11 часовъ утра и до 8 вечера. Увы, однако! мое распредѣленіе оказалось несостоятельнымъ. Пробродивъ по Кремлевскимъ садамъ цѣлый день, я вернулся домой ничего, можно сказать, не видѣвъ, крайне усталый и съ цѣлымъ коробомъ непріятныхъ впечатлѣній, вслѣдствіе разбросанности, безпорядка выставки и отсутствія общаго путеводителя. Во-первыхъ, выставленные предметы оказались размѣщенными на такомъ большомъ и пересѣченномъ пространствѣ, что человѣку новому, пріѣзжему, положительно необходимо нѣсколько часовъ утомительной ходьбы только для ознакомленія не съ выставкой, а съ ея мѣстностью. Второе важное неудобство, это разбросанность однородныхъ предметовъ по разнымъ садамъ и отдѣламъ; такъ, на примѣръ: искусственные цвѣты я встрѣтилъ въ отдѣлахъ садоводства и промысловыхъ животныхъ; пожарные насосы—въ отдѣлахъ сельскохозяйственномъ, гидравлическомъ и желѣзно-дорожномъ; кровати—въ садовомъ, сельскохозяйственномъ, севастопольскомъ и еще гдѣ-то; уголь—въ горномъ и морскомъ; швейныя машины—въ разныхъ отдѣлахъ; нашего общаго знакома, капли отъ зубной боли Маіевскаго въ севастопольскомъ отдѣлѣ; рекламу о какомъ-то бальзамѣ отъ холерны и зубной боли мнѣ вручили также въ севастопольскомъ и еще въ какомъ-то другомъ (кажется, медицинскомъ) отдѣлѣ, и пр. и пр. Третье неудобство—дороговизна, вы платите за входъ 1 рубль (абонементныхъ билетовъ нѣтъ), и кромѣ того каждый день непременно оставите нѣсколько рублей въ ресторанахъ выставки, вслѣдствіе весьма высокихъ буфетныхъ цѣнъ¹⁾. Четвертое неудобство—отсутствіе частныхъ указателей²⁾ и совершенная непригодность, какъ guida, продающей по полтиннику книги „Общее Обзорѣніе Выставки“. Можно бы указать и на нѣкоторые другія неудобства, но и сказаннаго достаточно. Была еще надежда, что первый бѣглый осмотръ познакомитъ съ идеею выставки, но и въ этомъ отношеніи разочарованіе

¹⁾ Такъ, на примѣръ, бифтекъ стоитъ 95 коп. А между тѣмъ нельзя не пользоваться внутренними буфетами, потому что каждый выходъ изъ сада связанъ съ потерей права входа безъ вторичной платы рубля.

²⁾ Со второй половины іюня продавались только три частныхъ указателя: морской, артиллерійскій и первая часть желѣзно-дорожнаго.

было полное: пришлось остановиться на невозможномъ предположеніи, что выставка не имѣетъ идеи. По экспонированнымъ предметамъ, ни русская, ни международная, ни историческая, что впрочемъ только не лишаетъ ее богатства содержанія. Возвращаясь домой въ первый день, я думалъ про себя слѣдующее: будь я москвичъ, я непременно, по примѣру нашихъ предковъ, отправилъ бы гондовъ на сѣверъ, въ Петербургъ, и поручилъ бы тамъ сказать: „Выставка наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ; приндите“, и проч.

Убѣдившись такимъ образомъ въ первый же день, какъ мало сдѣлано для удобствъ посѣтителей выставки¹⁾, я запасся всѣми имѣвшимися указателями, лично узналъ, гдѣ и въ которомъ часу бываютъ устные объясненія, и рѣшился посвятить вечеръ на подготовленіе себя дома по книжкамъ къ слѣдующимъ посѣщеніямъ. При отсутствіи общаго гйда и богатствѣ содержанія выставки такое подготовленіе крайне необходимо и составляетъ единственное средство сберечь время (а здѣсь дѣйствительно *время—деньги*) и съ толкомъ ходить по обширному выставкѣ.

Прежде всего меня интересовало узнать задачу или идею, которую уредители выставки желали осуществить ею. Благодаря любезности одного изъ сотрудниковъ комитета, я получилъ офиціальную брошюру: „Политехническая Выставка 1872-го года“, которая на вопросъ объ идеѣ, дала мнѣ положительный отвѣтъ. Въ этой книжкѣ, на стр. 15, сказано слѣдующее: „Главная особенность политехнической выставки 1872-го года, отличающая ее отъ всѣхъ прочихъ выставокъ, до сихъ поръ происходившихъ, заключается въ томъ, что она должна представлять въ своемъ составѣ по возможности систематическія коллекціи предметовъ, исчерпывающія тѣ части въ области спеціальныхъ естественно-историческихъ и техническихъ наукъ, которыя имѣютъ соприкосновеніе съ обыденной жизнью и ея практическими требованіями.... Политехническая выставка составитъ родъ временнаго музея, *исключающаго лишнія повторенія* и стремящагося представить возможно наглядную и понятную картину современнаго состоянія различныхъ вопросовъ практической жизни. *Общедоступность содержанія, интересъ его, какъ для спеціалистовъ, такъ и для массы публики, возможность вызвать полезныя послѣдствія полезными указаніями—являются главными задачами предпріятія*, и оно естественно должно совмѣстить поэтому болѣе широкій рядъ выгодъ и результатовъ, какъ для публики, такъ и для разныхъ отраслей промышленности, хозяйства и искусствъ, чѣмъ могли этого достигнуть выставки ману-

¹⁾ Кстати, еще примѣръ нераспорядительности. У одной аллеи стоитъ столбикъ съ надписью: «входъ въ манежъ». Манежа около не видно, а стрѣлки, указывающей направленіе, въ которомъ слѣдуетъ его искать, не нарисовано.

фактурныя, сельско-хозяйственныя и другія, основанныя на принци сравнительнаго поощренія. Исключая принципъ поощренія и вся соревнованіе на выставкѣ между отдѣльными производителями, пол техническая выставка представляетъ весьма существенную особеннос и въ самомъ допущеніи экспонентовъ къ участію въ выставкѣ!

Нельзя не признать этой идеи прекрасною, но въ то же вре сама нынѣшняя выставка доказываетъ, какъ мы увидимъ, что эта ид неприложима, а потому въ практической жизни малоцѣнна.

II.

Сегодня я провелъ день въ первомъ кремлевскомъ саду, въ кот ромъ находится большинство отдѣловъ выставки; а именно: приклад ной ботаники и садоводства, промышленныхъ животныхъ, геолого-минералогическій и горнозаводскій, педагогическій, кустарной промышленности, техническій, часть медицинскаго, туркестанскій, кавказскій и дѣйствующихъ машинъ. Одно такое перечисленіе и притомъ одного перваго сада говорить достаточно, что отъ одного лица нельзя ожидать полнаго отчета о политехнической выставкѣ въ Москвѣ; это можетъ быть результатомъ развѣ коллективнаго труда многихъ и многихъ специалистовъ.

Я обещаю воздержаться отъ подробностей даже и въ тѣхъ отдѣлахъ, которые входятъ въ кругъ моей специальности, и останусь вѣренъ своей роли туриста.

Подъѣзжая къ выставкѣ съ Воскресенской площади, я могъ начать свой обзоръ наиболѣе удобно, т.-е. съ перваго сада. Отдѣлу садоводства (№ 1 и 2), который у самаго входа, я удѣлилъ, въ чемъ и каюсь, очень немного времени. Для непосвященныхъ въ садовую науку этотъ отдѣлъ мало интересенъ. Правда, я видѣлъ въ немъ великолѣпные образцы пальмъ *комнатной* культуры; но, увы! въ комнатахъ, которыя служатъ жилищемъ обыкновеннымъ смертнымъ, подобныхъ пальмъ ни за что не вывести: они любятъ покой, способны вмѣстить сотни людей, въ которыхъ однако обитало бы не болѣе двухъ или трехъ счастливицевъ, и уходъ отличнаго садовника. Заслуживаютъ также вниманія образцы восковыхъ моделей доктора Циглера изъ Фрейбурга, служащія для исторіи развитія зародышей растений. Что касается до выставленныхъ тутъ же искусственныхъ цвѣтовъ госпожи Крамида, то многіе изъ нихъ дѣйствительно прекрасны, но есть и чисто лубочные произведенія, напр., образчикъ моркови; нехороши также листья у образцовъ смородины.

Послѣ отдѣла садоводства я посѣтилъ небольшой павильонъ № 9, гдѣ можно любоваться каменными гранеными, очень цѣнными издѣ-

и затѣмъ вступить въ отдѣленіе (№ 8) геолого-минералогическаго горнозаводскаго. При самомъ входѣ помѣщены модели инструментовъ, употребляемыхъ при буровеніи артезианскихъ колодезевъ. Въ этомъ дѣлѣ, горный инженеръ Никольскій, любезно знакомитъ желающихъ съ важнѣйшими частностями и трудностями подобныхъ предпріятій. Далѣе, вы видите издѣлія нашихъ замѣчательныхъ горныхъ заводовъ²⁾; образцы рудъ³⁾, какъ нашихъ, такъ и иностранныхъ; образцы сибирскаго и финляндскаго графита; массу различныхъ (употребительныхъ и даже неупотребительныхъ) устройствъ механической и химической обработки рудъ; много прекрасныхъ геологическихъ и геологическихъ картъ, виды горныхъ мѣстностей, работы геологовъ, минералоговъ и химиковъ. Наибольшее же вниманіе посѣтителей останавливаютъ модели соляного производства. Особенно угольная часть отдѣла. Здѣсь, между прочимъ, имѣется модель въ натуральную величину угольнаго рудника, въ которомъ работаетъ маневенъ работника, ломающаго уголь. Въ этой части павильона, среди образцовъ русскаго угля изъ различныхъ мѣстностей, не застояться. Боже мой, думаешь невольно, какъ мы богаты топливомъ, которымъ не можемъ однако пользоваться изъ-за дороговизны доставки⁴⁾. Кто былъ на выставкѣ, тотъ вѣроятно пропустилъ этой части павильона и обратилъ вниманіе на находящуюся здѣсь громадную глыбу антрацита, свидѣтельствующую о богатствѣ слоевъ и богатствѣ донецкихъ залежей. Въ этой глыбѣ мы имѣемъ искру надежды сохранить отъ лѣсовъ хотя остатки. Въ томъ же павильонѣ обращаетъ на себя вниманіе модель горнозаводской паровой желѣзной дороги, системы Христіана Таля. Канаты проложены на такой высотѣ отъ земли, чтобы подъ ними могли висѣть вагоны, имѣющіе колесныя оси сверху. Говорятъ, что, при обрывѣ канатовъ, вагоны только наклоняются немного, но могутъ продолжать свое движеніе. Эта модель интересна и для специалистовъ, и для людей совершенно незнакомыхъ съ подобными дорогами. Вообще относительно этого отдѣла мы можемъ сказать, что задача, которую поставилъ въ виду его учредители, выполнена весьма удовлетворительно безъ отступленій. Отдѣлъ желалъ дать публикѣ „наглядное объясненіе наружнаго образованія земнаго шара съ помощью картъ,

¹⁾ Изъ прекрасныхъ вещей здѣсь выставленныхъ болѣе обращаютъ на себя вниманіе мозаичные столики и шкатулка, бывшіе на парижской выставкѣ и принадлежащіе Императрицѣ, и малахитовый столъ отъ Шергазе.

²⁾ Интересна проволока, экспонированная гг. Балашевыми, которой кусокъ вѣсомъ около 10 фунтовъ, говорятъ, имѣетъ въ длину около 9 верстѣ.

³⁾ Жѣлѣзный самородокъ, выставленный Поповымъ вѣситъ около 24 пудовъ.

⁴⁾ Талъ, напримѣръ, Донецкій антрацитъ на мѣстѣ стоитъ около 8 коп. за пудъ, а Парижскій обойдется около 23 коп. за пудъ!

рельефовъ, разрѣзовъ и таблицъ; внутреннее образованіе земной ко-
также съ помощью разрѣзовъ, картъ, палеонтологическихъ и геог-
стическихъ коллекцій; горныя работы и инструменты, употреблемъ
вообще при горныхъ работахъ; инструменты и снаряды, употреблемъ
для горныхъ развѣдокъ; буровыя работы; выработка развѣданнымъ
мѣсторожденій; способы освобожденія рудниковъ отъ воды, ихъ осу-
щеніе и провѣтриваніе; тушеніе рудничныхъ пожаровъ; доставка д-
бытыхъ матеріаловъ; заводская обработка рудъ, съ показаніемъ моделъ
машинъ, орудій, печей и различныхъ стадій продуктовъ; фабричны
и художественныя произведенія изъ минераловъ и минералогическія
систематическія собранія. Вотъ цѣль, которую имѣли въ виду уч-
дители; павильонъ № 8 даетъ, впрочемъ, больше. Въ немъ устроенъ
еще особенное отдѣленіе для лѣсной горнозаводской промышленности
не успѣвшее войти даже въ „Общее обозрѣніе выставки“. Это отдѣ-
леніе—изъ двухъ частей: статистической, состоящей изъ собранія картъ
рисунковъ и таблицъ, относящихся къ лѣснымъ дачамъ при горныхъ
заводахъ Россіи, и технической, состоящей изъ собранія моделей печей
для переугливанія дерева и сараевъ для храненія угля. Выставленные
образцы составляютъ идеальнѣе углеженія: мы видѣли, напримѣръ,
полѣно, обращенное въ легкій, немаркій уголь, и совершенно неизмѣ-
нившее своей первоначальной формы. Нельзя не замѣтить однако,
что это отдѣленіе помѣстилось весьма неудачно. На выставкѣ имѣется
особый лѣсной павильонъ, составляющій коллекцію моделей по углеже-
нію, и притомъ тѣхъ способовъ, которые въ Россіи наиболѣе употреби-
тельны. Еслибъ лѣсное отдѣленіе горнаго павильона вошло, какъ бы
слѣдовало, въ составъ лѣснаго отдѣла, то коллекціи взаимно допол-
няли бы другъ друга, и всякій одновременно видѣлъ бы углеженіе
и какъ оно есть, и какимъ должно быть.

По выходѣ изъ павильона № 8, нельзя было не обратить вниманія
на прекрасные жернова (уральскіе, французскіе и нѣмецкіе), помѣщен-
ные снаружи.

Слѣдующій отдѣлъ, по порядку расположенія, туркестанскій (№ 24).
Этотъ отдаленный край явился на выставку съ особою, самостоятель-
ною цѣлью — напомнить о себѣ соотечественникамъ и наглядно по-
накомить ихъ, какъ съ своими туземными обычаями, такъ и со всѣми
своими произведеніями, начиная отъ мѣстныхъ солитеровъ, такыхъ
гадкихъ, какъ и ихъ европейскія братья, пріютившихся въ павильонъ
№ 3, и съ промыслами. Петербургскимъ жителямъ этотъ край имѣлъ
честь представиться два раза: единолично, въ 1869 году, и въ составѣ
мануфактурной выставки въ 1870 г. Вообще его нельзя назвать скром-
ной, застѣнчивой барышней; напротивъ, онъ напоминаетъ собою бра-
вную особу, рѣшившуюся непремѣнно и хорошо пристроиться. На по-
литехнической выставкѣ онъ экспонируется очень умно, полно и на-

Для устныхъ объясненій имѣется лицо весьма любезное и хорошо знакомое съ краемъ; вообще этотъ азіатецъ ведетъ себя здѣсь, какъ джентльменъ. Туркестанскій отдѣлъ начинается съ самаго fashionable-наго имѣ павильона, который скопированъ съ самаркандской древней медресе (духовное училище)¹⁾. Указатель дробитъ выставленное на двѣ главныя части: географическую, состоящую изъ рисунковъ и картъ (громадная десятиверстная карта края занимаетъ одну изъ стѣнъ лѣваго, отъ входа, зала), и естественно-историческую. Подъ послѣднимъ наименованіемъ разумѣется все, что имѣется въ отдѣлѣ по частямъ: минералогической, зоологической, антропологической, сельско-хозяйственной, технической, этнографической и вообще. Обозрѣвая эти части, вы легко переноситесь въ изображаемый край и наглядно знакомитесь съ его средствами и особенностями. Удивительно по этому, что въ этомъ отдѣлѣ постоянно толпятся посетители и, какъ мы замѣтили, съ большимъ вниманіемъ слѣдятъ за устными объясненіями. Намъ всегда и наиболѣе интересуютъ разныя дѣла двухъ родовъ: или о томъ, что совсѣмъ близко — объ окружающей насъ природѣ, или о людяхъ и странахъ наиболѣе отдаленныхъ и отличныхъ отъ всего, къ чему мы привыкли. Казалось бы поэтому, что и слѣдуетъ описать все, содержащееся въ этомъ отдѣлѣ; но это значитъ писать книгу, а я пишу къ вамъ письма съ дороги и прогуливаюсь по выставкѣ, какъ говорится, не по службѣ, а для своего удовольствія. Простите поэтому, если я скажу здѣсь единственно о томъ, что оставило на себѣ мое вниманіе, безъ претензій указывать на что-либо важное. Въ зоологическомъ отдѣленіи туркестанскаго отдѣла мое вниманіе занялъ слѣдующій рассказъ указателя: „Изъ паразитовъ животныхъ, наблюдавшихся въ Туркестанѣ, особенно интересна *ришта* (*Rihta medinensis*), которая въ теченіи лѣта появляется подъ кожей у жителей Джюзака и Бухары. Зародыши ея живутъ въ водѣ, гдѣ попадаютъ въ маленькихъ водяныхъ рачковъ, циклоповъ, въ нихъ развиваются далѣе и съ питъемъ попадаютъ въ человека, у котораго на слѣдующее лѣто и обнаруживаются подъ кожей. Вынимаются *ришта* людей туземными цирюльниками“. Въ мѣстномъ земледѣліи и промышленности его — сельско-хозяйственной части туркестанскаго отдѣла, наиболѣе характерную особенность составляетъ орошеніе. Кромѣ хлопковыхъ и пшеничныхъ полей, всѣ остальные, вслѣдствіе мѣстныхъ климатическихъ условій, нуждаются въ искусственномъ орошеніи и при томъ не въ одинаковой степени; такъ рисовыя поля должны оставаться подъ водою до наступленія жатвы; другія нуждаются въ пе-

¹⁾ Въ книгѣ „Общее обозрѣніе выставки“ имѣется прибавленіе, гдѣ, стр. V, подробно и хорошо описанъ Туркестанскій отдѣлъ. Кромѣ того въ отдѣлѣ проданы интересныя сборники: „Русскій Туркестанъ“.

риодическомъ орошеніи и каждый разъ на нѣсколько часовъ; третью наконецъ, требуютъ только канавокъ между посѣянными рядами растеній, при чемъ вода изъ канавокъ всасывается почвою и этого вполне достаточно. На основаніи такихъ неодинаковыхъ требованій мѣстные жители стараются расположить свои поля въ видѣ террасъ, уступами. Техническая часть отдѣла плохо рекомендуетъ край, хотя она довольно разнообразна; здѣсь имѣются произведенія изъ хлопка, шерсти, шелку, камыша, хлѣба, винограда и пр. Моею сосѣдку больше занимали произведенія мѣстныхъ ювелировъ и золотошвейныхъ мастеровъ. На выставкѣ имѣется коллекція лучшихъ работъ этого рода, составленная изъ вещей, поднесенныхъ въ подарокъ Государю Императору и туркестанскому генералъ-губернатору. Но даже эти вещи вблизи неудовлетворительны. Къ тому же, говорятъ, что мѣстные ювелиры по преимуществу употребляютъ фальшивые камни для составленія драгоценныхъ украшеній. Наибольшаго вниманія посѣтителей туркестанскаго отдѣла заслуживаетъ его этнографическое отдѣленіе. Большинство манекеновъ, помѣщенныхъ здѣсь какъ отдѣльными фигурами, такъ и группами, настолько порядочно, что при нѣкоторомъ воображеніи они легко представляются живыми картинами изъ мѣстной жизни, домашней и публичной. Вотъ, напримѣръ, предъ вами какъ бы средне-азиатская базарная площадь: вы видите и дувана (монахъ *нищенствующаго* ордена), пришедшаго за сборомъ подаяній всякаго рода; и сартяну, которой лицо скрыто подъ густою сѣткою изъ конскаго волоса; и поливальщика улицъ—представителя особой мѣстной профессіи; и еврея, обрившаго себѣ голову по мусульманскому обычаю, но и здѣсь, какъ вездѣ, сохранившаго свою вѣру, народность и пейсы; наконецъ, вотъ и киргизское семейство, пробирающееся чрезъ базарную площадь въ степь со всѣмъ скарбомъ на двухъ верблюдахъ, а впереди ихъ, на осѣдланномъ быкѣ, самого хозяина. Далѣе, цирюльня, харчевня, чайная съ тульскимъ самоваромъ, мелочная лавка, магазинъ готового платья, женская комната сартянскаго дома и пр.—словомъ, вы въ четверть часа знакомитесь съ главными особенностями обстановки средне-азиатскаго быта. Для полноты впечатлѣнія слѣдуетъ еще посѣтить киргизскую юрту или кибитку, поставленную снаружѣ у входа въ отдѣлъ и наполненную хозяйственными принадлежностями богатаго кочевника. Въ кибиткѣ находятся девять манекеновъ, представляющихъ киргизовъ разнаго пола и возраста. Говорятъ, что въ хорошей кибиткѣ и зимой тепло и что (отмѣчаю для нашихъ дачниковъ) весь этотъ степной домъ можно въ четверть часа разобрать, навьючить на двухъ или трехъ верблюдовъ и отправиться въ перекочевку. Богатый киргизъ обыкновенно имѣетъ нѣсколько юртъ и нѣсколько женъ (до семи), живущихъ каждая въ особой юртѣ; при чемъ самъ хозяинъ, имѣя рожденію у старшей, посѣщаетъ остальныхъ поочередно, какъ бы го-

Какъ ни благоразумно размѣщеніе жентъ по отдѣльнымъ юртамъ, надо полагать, что это не избавляетъ хозяина отъ семейныхъ заботъ и особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ начнетъ обходить очереди посѣщеній.

Смотрѣвъ бѣгло нѣсколько отдѣльныхъ павильоновъ съ серебряными и золотыми вещами (16, 17 и 19) и затѣмъ павильоны, способныя заинтересовать однихъ медиковъ, напримѣръ, терапевтическій и хирургическій, или никого, напримѣръ, парфюмернаго и кондитерскаго производства безъ производства, я посѣтилъ раздѣленныхъ сіамскихъ павильоновъ, т.-е. такъ-называемые мануфактурный и техническій отѣлы (№№ 14 и 15, въ послѣднемъ много иностранныхъ экспонентовъ). Въ этихъ отдѣлахъ, какъ и въ голландской линіи Гостинаго двора, чувствуется опытное и специальное око для отличія хорошаго отъ дурнаго, дешеваго отъ дорогаго, почему прошу позволенія пройти молчаніемъ качества мануфактурныхъ издѣлій. Но задача выставки заключалась, между прочимъ, въ ознакомленіи посѣтителей не только съ издѣліями, но и съ самими производствами. Удовлетвореніе этой цѣли въ павильонахъ №№ 14 и 15 было неудобно, а потому большинство изъ присутствующихъ механизмовъ мануфактурнаго производства помѣщено въ другомъ мѣстѣ и именно въ манежѣ (№ 30). Срединою технологическаго павильона овладѣлъ кавказскій край. Онъ явился на выставку не для похвалы своимъ жиденькимъ прогрессомъ, какъ умѣреннымъ, такъ и техническимъ; а напротивъ, съ прямодушнымъ и резкимъ упрекомъ своимъ завоевателямъ. Собралъ все, что только можетъ собрать въ странѣ, „гдѣ огромное большинство производителей не понимаетъ значенія выставокъ“¹⁾, этотъ изящный и богатый край, какъ бы говоритъ посѣтителамъ: „Неужели, россияне, ты стремишься для овладѣнія мною такъ много своихъ силъ, чтобы почти забыть о моемъ существованіи! Неужели ты прогналъ моихъ подданныхъ обитателей только для того, чтобы окончательно сгубить ихъ орѣховые и пальмовые лѣса“²⁾, чтобы по прежнему давать киснуть прекраснымъ винамъ³⁾, а моимъ пчеламъ дичать въ аромат-

¹⁾ Зѣкъ имѣется аппаратъ, выдергивающій больной зубъ безъ боли, но съ плачемъ. Кажется, 20 рублей.

²⁾ См. Обзоріе выставки стр. I.

³⁾ Нерасчетливая рубка орѣховаго дерева и нерациональный способъ добыванія каучука угрожаютъ скорымъ изчезновеніемъ этого дерева изъ лѣсовъ Закавказья... То же самое нужно сказать и о кавказской пальмѣ, безъ сожалѣнія истребляемой мѣстными промышленниками. См. Обзор. вист., стр. III.

⁴⁾ Приемъ обработокъ винограда до того простъ и чуждъ всякаго искусства, что наилучшій продуктъ, за немногими исключеніями, можетъ держаться только до слѣдующаго урожая и неспособенъ къ перевозкѣ на отдаленныя разстоянія... Отчего бы русскіе капиталисты не обратили вниманіе на эту отрасль промышленности. См. Обзор. вист., стр. II.

ныхъ лугахъ ¹⁾). Неужели на мѣнхъ тучныхъ, горныхъ пастбищахъ ты и въ силахъ развить молочнаго хозяйства" ²⁾), и т. д. Къ этой воображаемой рѣчи мнѣ остается прибавить только, что въ кавказскомъ отдѣлѣ есть на что посмотрѣть и любителямъ оригинальныхъ вещицъ, и что и немъ же помѣстилось наибольшее число швейныхъ машинъ, которыя въ качествѣ приживалокъ, встрѣчаются во многихъ отдѣлахъ. Посѣтителю, повидимому, нисколько не интересуются послѣдними, а заградъ не обращаютъ вниманія и на новинку, самодѣйствующую швейную машину.

Познакомившись затѣмъ съ фабрикаціей шпалеръ (въ № 18), я вошелъ въ небольшой павильонъ кустарной промышленности (№ 13), относительно которой различные обозрѣватели выставки не могутъ сойтись во взглядахъ. Одни говорятъ, что машинная фабрикація настолько выгоднѣе ручной, что поддерживать и улучшать послѣднюю, т.-е. такъ-называемую кустарную промышленность, въ нашъ вѣкъ „чистая блажь“, безсмыслица. Другіе, на сторону которыхъ и мы становимся, относятся къ вопросу иначе. Соглашаясь въ отсутствіи будущаго у кустарной промышленности, они помнятъ, что *кустарниковъ* въ Россіи сотни тысячъ, почти не цѣнящихъ своего времени въ теченіи долгихъ зимъ или занимающихся ручной фабрикаціей круглый годъ, вслѣдствіе дурного качества окружающихъ земель и давняго обычая. Поэтому гуманно и либерально относится къ вопросу не тотъ, который, забывая кустарниковъ, презрительно смотритъ на кустарную промышленность съ высоты многоэтажной фабрики, а тотъ, кто на указаніемъ лучшихъ ручныхъ приѣмовъ старается сдѣлать трудъ кустарниковъ болѣе выгоднымъ, или надѣется распространеніемъ въ ихъ кругу техническаго образованія, безъ насилій сосредоточить вниманіе этой массы производителей на такихъ ручныхъ работахъ, которыя не особенно боятся сосѣдства большихъ фабрикъ. Мы думаемъ, поэтому,

¹⁾ Роскошная флора и теплый климатъ Закавказья вполне благоприятствуютъ успѣшному пчеловодству... Несмотря на это, между Закавказскими хозяевами нельзя указать ни на одного, у котораго пчеловодство было бы въ значительныхъ размѣрахъ. См. О. В., стр. II.

²⁾ Обиліе горныхъ пастбищъ во многихъ мѣстностяхъ Закавказья, съ древнѣйшихъ временъ возвели въ этомъ краѣ скотоводство на степень первостепеннаго промысла, а произведенія его, между которыми сирь занимаетъ главное мѣсто, составляютъ насущную потребность туземнаго населенія. Между тѣмъ... продуктъ этотъ всюду обрабатывался въ краѣ весьма небрежно, не имѣя прочности и обывалъ за безцѣнокъ. Администрація края, въ видахъ улучшенія за Кавказомъ этой отрасли хозяйства, въ 1861 году выписала изъ Швейцаріи сиродѣлателей для образовавшейся въ колоніи Александровскій (въ 45-ти верстахъ отъ Тифлиса) сиродѣльной ассоціаціи. Кромѣ того, въ 1863 году была выдана сюда въ 21 т. р. прусско-норманному барону Кутенбаху на устройство молочной фермы въ урочищѣ Мангунъ (въ 100 в. отъ Тифлиса). См. О. В., стр. I.

что нельзя не одобрить: и комитета выставки за мысль представить на ней какъ существующіе у насъ, такъ и улучшенныя приемы ручныхъ работъ, и вятскаго губернскаго земства, которое, какъ я слышалъ, въ видахъ усовершенствованія кустарной промышленности, посылаетъ на выставку отъ каждаго уѣзда нѣсколькихъ ремесленниковъ и руководителей. Не входя затѣмъ въ бесполезную оцѣнку выставленныхъ произведеній, я ограничусь простымъ перечисленіемъ группъ, — перечисленіемъ, которое покажетъ разнообразіе кустарной промышленности. Вотъ группы: 1) льняныя и пеньковыя ткани отъ самыхъ грубыхъ до самыхъ тонкихъ великосельскихъ полотенецъ; 2) оренбургскія суны, кружева и весьма изящныя издѣлія изъ козьяго пуха; 3) валенныя издѣлія изъ овечьей и коровьей шерсти; 4) домашняя утварь; 5) трубки, табакерки, деревянные замки и т. н.; 6) одежды изъ овчинъ и мерлушекъ; 7) кузнечныя издѣлія; 8) рогажи, кули, циновки и прочія издѣлія изъ мочалы, лыка и древесныхъ вѣтвей; 9) крестьянскія шерстяныя издѣлія; 10) снасти; 11) гончарныя издѣлія; 12) кожаная обувь; 13) ярославскія полотна; 14) орудія, употребляемыя при тканьи холстовъ и приготовленіи пряжи; 15) русскія кружева и орудія для плетенія ихъ; 16) дуги и оглобли; 17) сундуки и шкатулки; 18) струны; 19) женскіе крестьянскіе наряды и полотенцы; 20) игрушки; 21) издѣлія изъ рога, и 22) щетина. Кромѣ того имѣются въ томъ же павильонѣ кожаныя издѣлія Шувалова, а рядомъ раскинута киргизская кибитка съ издѣліями Внутренней Букеевской Орды.

Павильонъ охоты (№ 7) декорированъ красиво, но интересенъ только для аматера-охотника. Я, лично, взглянулъ на него разсѣянно, спѣша воспользоваться послѣдними часами для осмотра павильоновъ (3, 4, 5 и 6) отдѣла промысловыхъ животныхъ. Предметы, входящіе въ составъ послѣдняго, относятся къ тѣмъ промысламъ и производствамъ, которыя связаны съ разведеніемъ и ловлею полезныхъ животныхъ и обработкою, какъ отдѣльныхъ частей ихъ, такъ и вообще продуктовъ животнаго царства. Здѣсь вы видите хорошій скелетъ кита и всѣ орудія его ловли, а на картинахъ и моделяхъ можете наглядно познакомиться съ этимъ опаснымъ промысломъ; далѣе: уральскій рыбный промыселъ—въ картинахъ, моделяхъ и настоящихъ рыболовныхъ орудіяхъ; всѣ принадлежности искусственнаго разведенія рыбъ¹⁾; рыболовныя принадлежности изъ разныхъ мѣстъ; большой выборъ мѣховъ и кожъ; коллекцію чучелъ и головъ рогатаго скота англійскихъ породъ; коллекцію швейцарскихъ домашнихъ животныхъ; собраніе домашнихъ животныхъ

¹⁾ Зисловентъ полагаетъ, что его препараты настолько изящны, что могутъ стоить въ большихъ гостиницахъ, а слѣдовательно, самое рыбозаведеніе можетъ служить темою разговора хозяйки съ гостями.

и ихъ дикихъ родичей; собраніе домашнихъ птицъ, изъ которыхъ благодаря парижской осадѣ, наиболѣе останавливаются предъ почтовыми голубями, и собраніе полезныхъ и вредныхъ безпозвоночныхъ. Въ послѣднемъ отдѣленіи посѣтителіи получаютъ обстоятельныя устные объясненія всѣхъ выставленныхъ коллекцій. Вообще же этотъ павильонъ весьма неполонъ, и его нельзя признать ни за русское, ни за космополита. Если бы его коллекціи были размѣщены по другимъ отдѣламъ и преимущественно въ селско-хозяйственномъ, то осмотръ ихъ приносилъ бы большую пользу. Къ отдѣлу же промысловыхъ животныхъ относятся: голубятня (№ 6), куда я не лазилъ; шелководство (№ 5)—гдѣ въ десять минутъ можете узнать главныя черты этого промысла и видѣть, какъ дѣлается бархатъ; и пчеловодство (№ 4). Около павильона № 4 помѣщается цѣлая коллекція образцовыхъ ульевъ, а между ними, подалѣе отъ глазъ, положены незатѣливыя болванки, которыя именно и употребляются нашими крестьянами. Между выставленными образцами меда есть сортъ дѣйствительно замѣчательный по нѣжности вкуса—нектаринъ.

III.

Вчера я провелъ на выставкѣ восемь часовъ, обнаружилъ изумительное прилежаніе, и все-таки не успѣлъ познакомиться со всѣми павильонами перваго кремлевскаго сада, который, впрочемъ, особенно интересенъ и богатъ самымъ разнороднымъ содержаніемъ. Мнѣ осталось еще видѣть въ немъ педагогическіе павильоны и отдѣлы дѣйствующихъ машинъ. Къ педагогическому отдѣлу относятся: 1) фребелевскій павильонъ (№ 11), построенный на средства отдѣла; 2) зданіе для школы (№ 12)—отъ министерства народнаго просвѣщенія, и 3) педагогическій отдѣлъ военнаго министерства (хоры въ № 30). Фребелевскій павильонъ состоитъ изъ трехъ частей: дѣтскаго сада, собранія учебныхъ пособій для слѣпыхъ и собранія учебныхъ пособій для глухонѣмыхъ. Этотъ маленький павильонъ имѣетъ серьезную педагогическую идею, хорошо осуществленную, и когда будетъ готовъ въ нему указатель, то онъ можетъ быть сдѣлается любимцемъ молодыхъ матерей; сколько мы могли замѣтить, здѣсь собрано все, что даютъ Фребель и его подражатели, и кромѣ того здѣсь часто можно встрѣтить лицъ знакомыхъ съ педагогическимъ дѣломъ, чтобы побесѣдовать и о фребелевскомъ методѣ, и объ его примѣненіяхъ, и примѣнителяхъ. Въ отдѣленіи слѣпыхъ обращаютъ на себя вниманіе ручныя работы. Нѣкоторыя изъ нихъ настолько трудны и хороши, что даже, какъ-то невѣрится, чтобы они были сполна произведеніемъ слѣпыхъ; а между тѣмъ это дѣйствительно такъ. Для большаго убѣ-

дня въ этомъ зритель-скупниковъ, предполагается пригласить слѣдующихъ мастеровъ работать въ этомъ павильонѣ въ присутствіи зрителей. Павильонъ министерства народнаго просвѣщенія по архитектурному зданію представляетъ собою для образца двухклассное училище съ квартирами для учителей. По мнѣнію многихъ, архитекторъ исполнилъ свою задачу удовлетворительно. Что же касается до предметовъ, книгъ и вообще школьныхъ принадлежностей, находящихся въ этихъ комнатахъ, то они расположены такъ безпорядочно и несистематично, что посѣтитель остается въ крайнемъ недоумѣніи относительно назначенія всего имъ видимаго. Вы встрѣтите здѣсь и руководства къ изученію древнихъ языковъ, и книги для первоначальнаго обученія, и собраніе учебниковъ, написанныхъ учителями какой-то гимназій, и руководя, и наконецъ, цѣлый кабинетъ учебныхъ пособій Юл. Сибицкаго. Всѣ эти разношерстные книги и вещи расположились каждая по своей единичной прихоти; отчего, по мнѣнію всѣхъ, съ кѣмъ я только говорилъ, двухклассное училище представило хаотическій видъ. Бродя въ недоумѣніи по комнатамъ училища, я увидѣлъ въ одной изъ нихъ стѣнные часы съ циферблатомъ грубо-синяго цвѣта. Безвкусіе окраски обратило на себя мое вниманіе, я сталъ разспрашивать и узналъ слѣдующее: въ Масальскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи, имѣется село Спасо-Деминское, состоящее исключительно изъ некрупныхъ купцовъ. Въ послѣднее десятилѣтіе торговля деминскихъ жителей, по разнымъ внѣшнимъ причинамъ, пришла въ упадокъ, и они начали бѣднѣть все болѣе и болѣе. Обратиться къ сельскому хозяйству не позволяли ни качество земли, ни привычка; усилія же инспектора народныхъ училищъ познакомить подроставшее поколѣніе съ разными мастерствами, были безплодны до тѣхъ поръ, пока онъ не завелъ въ школѣ обученіе часовому ремеслу. Это ремесло было принято стариками благосклонно и привилось въ селѣ легко и быстро. Часы, висѣвшіе на стѣнѣ, присланы были на выставку именно изъ этой Новой-Железны. Хоры манежа (№ 30) заняты образцами издѣлій учениковъ техническихъ школъ и классными пособиями нѣсколькихъ иностранныхъ и нашихъ военно-учебныхъ заведеній. Коллекціямъ послѣднихъ принадлежатъ безспорно пальма первенства. При отсутствіи хорошей системы чуть не во всѣхъ отдѣлахъ, особенно пріятно остановиться въ педагогическомъ отдѣленіи военнаго министерства, гдѣ учебныя пособия такъ распределены, что даже не чувствуется потребности въ указателѣ. Это отдѣленіе не что иное, какъ краткая копія съ педагогическаго музея Соляного-городка, и для петербуржца оно полезно въ томъ отношеніи, что непременно вызоветъ въ немъ желаніе познакомиться съ оригиналомъ, который у него подъ бокомъ, но который, за множествомъ другихъ дѣлъ, онъ можетъ быть не успѣлъ еще посѣтить. На хорахъ же находится ветеринарный отдѣлъ.

Съ хоръ обозрѣватель можетъ спуститься въ отдѣленіе дѣйствующихъ машинъ, въ которомъ съ удовольствіемъ и пользою проведетъ часа два времени, но описать которое рѣшительно нельзя. Здѣсь, какъ говорится: „чего хочешь, того просишь“. Предъ вашими глазами крутятся сигары, набиваютъ папирсы, шьютъ зонтики, мелютъ хлѣбъ, вышиваютъ золотомъ, растираютъ краски, набиваютъ шаки, готовятъ искусственныя шипучія воды, дѣлаютъ спички и пр. и пр.

Во второмъ кремлевскомъ саду, въ который я могъ перейти только къ вечеру, находится пять отдѣловъ: медицинскій, лѣсной, прикладной физики, селѣско-хозяйственный, почтъ и телеграфовъ и домоводства.

Рядомъ находится большое полукруглое зданіе (№ 40) лѣсного отдѣла, а предъ нимъ небольшой питомникъ (41). Этотъ отдѣлъ составленъ дѣльно и полно, но размѣщеніе предметовъ неудовлетворительно, что, при отсутствіи указателя, особенно бросается въ глаза. Впрочемъ въ 40-мъ павильонѣ имѣется въ извѣстныя часы ¹⁾ лицо, которое своими устными объясненіями замѣняетъ отсутствіе указателя. Лѣсной павильонъ состоитъ изъ четырнадцати отдѣленій, которыя при хорошемъ расположеніи могли бы легко познакомить какъ со всѣми подробностями лѣсного хозяйства, такъ и съ эксплуатаціей лѣсовъ. Первое отдѣленіе — историческое: здѣсь вы видите портретъ императора Петра Великаго, основателя лѣсного дѣла въ Россіи; картину собственноручной посадки Петромъ вязовыхъ деревьевъ въ рижскомъ саду въ 1721-мъ году; фотографическій снимокъ съ дуба, посаженнаго Петромъ въ Чебоксарскомъ уѣздѣ; портреты (безъ подписей) и бюсты лицъ, способствовавшихъ успѣхамъ лѣсного хозяйства въ Россіи и планъ одной изъ лѣсныхъ дачъ въ Финляндіи, искусственно возвращенной по повелѣнію Петра. Второе отдѣленіе — географіи и статистики — состоитъ изъ картъ и таблицъ, которые хотя и убѣждаютъ посѣтителя, что въ Россіи еще много лѣсовъ, но нисколько не успокояютъ, такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждаютъ извѣстную горькую истину, что въ жилихъ мѣстахъ лѣсъ почти уже истребленъ. Третье отдѣленіе — дендрологическое (лѣсные гербаріи и образцы древесины). Четвертое — лѣсовозобновленія и лѣсоразведенія. Пятое — лѣсовозращенія, гдѣ лѣсохозяева могутъ фактически убѣдиться въ пользѣ прочистокъ. Шестое — лѣсохраненія; здѣсь собраны образчики поврежденій, которыя наносятся лѣсамъ: морозомъ, солнцемъ, молніей, навалами сѣва, растеніями, животными, болѣзнями, и наконецъ людскою беспорядочностью. Седьмое — геодезическое. Восьмое — лѣсной таксаціи и лѣсоустройства. Девятое — эксплуатаціи. Содержаніе этого отдѣленія въ

¹⁾ Въ отдѣлахъ, гдѣ бывають устные объясненія, они происходятъ почти одновременно, съ 11½ до 4, что для посѣтителей очень удобно.

степени обильно и разнообразно, что, несмотря на интересъ предмета, я не признаю за собой даже права перечислить его сполна: множество орудій для нумерованія срубки, спилки и раскалыванія деревьевъ и корчеванія пней, модели складки дровъ, лѣсопиленныя, крестьянскихъ построекъ, рѣчныхъ и морскихъ судовъ, образцы лѣсной, строевого и бочарнаго лѣса, досокъ, ободьевъ, дугъ, дубильнаго матеріала, мочальное производство, издѣлія изъ бересты, украшенія изъ древесныхъ сѣмянъ, образцы орѣхового и букового масла, терпакое производство и всѣ прочіе виды пользованія лѣсомъ. Десятое отдѣленіе дополняетъ предыдущее, знакомя посѣтителя съ добычею древеснаго угля, кислоты, смолы, скипидара, пека, вара, каменноугольнаго и дегтя. Одиннадцатое — добычаніе лѣсной шерсти. Двѣнадцатое — сухопутныя и водяныя перевозочныя средства. Къ тринадцатому отнесены немногія коллекціи по части анатоміи и фізіологіи древесныхъ растеній; а къ четырнадцатому — нѣсколько моделей домовъ лѣсничныхъ. Изъ вышесказаннаго видно, что 40-й павильонъ имѣетъ всѣ средства, которыя необходимы для легкаго и нагляднаго ознакомленія съ лѣснымъ хозяйствомъ и промысломъ; но, какъ уже замѣчено, неудовлетворительное расположеніе выставленныхъ предметовъ и отсутствіе указателя устраняютъ достиженіе означенной цѣли.

Изъ лѣсного вы переходите въ отдѣлъ ему родственныя: сельскаго хозяйства, домоводства и сельскихъ построекъ (№№ 44, 46, 47, 48, 49, 50, 51). „Коллекціи и предметы, входящія въ сельско-хозяйственный отдѣлъ, распадаются, — говоритъ Обзоръ, — на двѣ главныя части: 1) по земледѣлію и 2) по скотоводству, которыя въ свою очередь подраздѣляются каждая на нѣсколько отдѣленій. Всѣ коллекціи размѣщены въ такомъ порядкѣ, чтобы посѣтители могли прослѣдить послѣдовательно все сельское хозяйство, начиная отъ ученія о почвѣ до культуры отдѣльныхъ растеній и промышленнаго назначенія послѣднихъ. Предметы и коллекціи отъ частныхъ экспонентовъ, за исключеніемъ машинъ и орудій въ натуральную величину, отнесены въ соотвѣтствующія отдѣленія, чтобы по возможности сохранить вполне цѣльность каждаго отдѣленія“. Распорядителямъ удалось осуществить свою программу, и сельскій хозяинъ изъ посѣщенія этого павильона вынесетъ, конечно, и нѣкоторую пользу и удовольствіе. Онъ встрѣтитъ здѣсь приборы для механическаго анализа почвъ; образцы почвъ примитивныхъ, наносныхъ и образовавшихся при участіи растеній; снаряды для опредѣленія физическихъ свойствъ почвъ; растенія, характеризующія почвы: песчаную, глинистую, черноземную, известковую и торфяную; большую коллекцію орудій для обработки земли; модели, рисунки и настоящія орудія, относящіяся къ улучшенію полей, посредствомъ осушенія или орошенія ихъ, — устройства опушекъ, обжа-

ганія глины и наплавления; коллекцію удобрений съ объяснительными таблицами; рисунки, представляющіе, или различные способы паханія или глубину развитія корней у различныхъ растений, какъ моментъ опредѣляющаго глубину паханія и пр. Затѣмъ имѣются таблицы, рисунки, модели и образцы: съ одной стороны, по части ухода за растениями, — приготовленія произведеній для рынка и ихъ сохраненія, а съ другой — по части разведенія и пользованія крупнымъ рогатымъ скотомъ, лошадьми, овцами и свиньями. Сельско-хозяйственные машины занимаютъ большое отдѣльное помѣщеніе и, судя по составу, онѣ пожаловали на выставку съ цѣлью *исключительно* коммерческаго. Проходя ихъ путаные ряды, вы какъ-бы слышите отъ каждой машины или машинки: „Пожалуйте! здѣсь покупали!“ Словомъ, отдѣленія машинъ имѣютъ обыкновенный видъ и характеръ торговаго склада въ чемъ, конечно, мы нисколько не обвиняемъ распорядителей, которые нигде и нигдѣ не въ силахъ побѣдоносно бороться съ торговымъ эгоизмомъ экспонентовъ. Замѣтимъ кстати, что изъ нихъ только князь Тенишевъ зазываетъ къ себѣ толково и предупредительно.

Къ тому же отдѣлу относятся: разборная сельская церковь (48) на 200 человекъ, отличающаяся простымъ и изящнымъ вкусомъ и подробно описанная въ „Обозрѣніи выставки“ на стр. 42; домъ великаго князя, заслужившій общее одобреніе, какъ относительно удобства расположенія комнатъ (одинъ недостатокъ — малы), такъ и относительно выбора мебели и вообще всѣхъ принадлежностей домашней, семейной обстановки; сельская школа (47); сельскій питомникъ (51)¹⁾; сельская больница (46), и наконецъ сельская лечебница (50). Существованіе, боже-о-боже, двухъ больничныхъ павильоновъ, изъ которыхъ одинъ назвали больницей, а другой лечебницей составляетъ одну изъ особенностей и странностей выставки. „Обозрѣніе“ неудачно объясняетъ это тѣмъ, что 46-мъ павильономъ хотѣли показать приспособленіе обыкновенной крестьянской избы къ устройству въ ней больницы; а сельская лечебница (№ 50) это „постройка, содержащая въ себѣ покой для приѣма приходящихъ больныхъ и для нахожденія посѣщающаго лечебницу врача, а также аптеку съ необходимыми предметами для подаванія медицинской помощи“²⁾. Въ сущности павильонъ

¹⁾ «Обозрѣніе выставки» на стр. 44 говоритъ слѣдующее: «Сельскій питомникъ, устроенный по проекту профессора Киттары, имѣетъ цѣлью показать уходъ за дѣтскими грудными и ползающими, т.-е. недостижшими возраста дѣтскихъ садовъ, на время полевыхъ работъ ихъ родителей. Питомникъ можетъ быть примѣненъ и къ рабочимъ фабричнымъ, а равно послужить и вообще образцомъ способа выкармливанія и воспитанія дѣтей безъ надзора родителей».

²⁾ Назначеніе или идея постройки павильона № 50 объяснена въ «Обозрѣніи» такъ непонятно, что я стелъ за лучшее привести это объясненіе дословно.

бесполезная, ничему ненаучающая постройка, а № 50-й полезенъ единственно отношеніи, что далъ возможность г. Кёлеру, главному продавцу аптекарскихъ матеріаловъ, показать свою уютную удобную и дешевую сельскую аптеку.

IV.

Въ второмъ саду, я не успѣлъ посѣтить двухъ отдѣловъ: одного и прикладной физики. Первый изъ нихъ, пожалуй, и представляетъ въ цѣломъ какую-либо поучительность для гг. почтовыхъ работниковъ; но весь остальной людъ можетъ любоваться въ немъ изображеніями сибирской почты на собакахъ и архангельской — на оленяхъ. Говорятъ, что всѣ принадлежности почты, костюмы и шкуры оленей и собакъ выписаны (для чучелъ) съ мѣста. Машины самоѣзда и сибирскаго вожака сдѣланы очень хорошо; снѣжная пустыня скопирована и освѣщена превосходно. Декораторъ удивитъ своимъ искусствомъ и вполнѣ достигъ цѣли; такого картиннаго совершенства намъ не случалось видѣть даже на сценѣ нашего театра.

Въ отдѣлу прикладной физики отнесены два павильона (43 и 42), типографскій и центральный. Первый изъ нихъ имѣетъ, по слову „Обзорнія“, „цѣлью показать публикѣ исторію развитія фотографии, современное ея состояніе и самое производство работъ“. Первымъ достигается коллекціями инструментовъ, свѣтописныхъ изображеній и сочиненій, доставленныхъ варшавскимъ фотографомъ Мечинскимъ; вторая — произведеніями многихъ современныхъ фотографовъ, между которыми наиболѣе обращаютъ на себя вниманіе портреты въ натуральную величину г. Досѣкина изъ Харькова. Въ другомъ павильонѣ, названномъ почему-то центральнымъ, вы увидите галерею пластическое серебрение и золочение; собраніе моделей мѣръ: линейныхъ, вѣса и емкости; примѣненіе электричества въ различныхъ работахъ; приборъ для примѣненія газа къ освѣщенію и нагрѣванію; метеорологическіе инструменты и, наконецъ, разнообразные музыкальные инструменты. Здѣсь же продаются довольно дорогіе волчьи собачьи конструи, но менѣе долговѣчные (сужу по экземпляру купленному), чѣмъ ихъ родственники, имѣющіеся въ гостиницѣ дворъ по 30-ти копѣекъ за штуку.

Во второмъ саду находится еще павильонъ (№ 52): типографскій и фотографическій.

Въ третьемъ саду слѣдующіе отдѣлы: церковной утвари (57), гидравлическій (59), архитектурный (54, 55, 56) и историческій. Въ гидравлическомъ отдѣлѣ помѣщены: разной силы и формы насосы, по-

жарныя трубы и принадлежности водоснабженія. По неизмѣнно уму теля, въ которомъ бы содержались свѣдѣнія о количествахъ выбрасываемой воды и цѣнности выставленныхъ насосовъ, этотъ павильонъ не приноситъ никакихъ свѣдѣній или указаній огромному большинству посѣтителей. Что касается до архитектурнаго отдѣла, то онъ распадается на двѣ части: въ одной постройкѣ находятся образцы каменныхъ работъ, чертежи и моделл, имѣющія назначеніемъ познакомиться съ будущимъ видомъ храма Спасителя, строящагося въ Москвѣ а въ другой — собрано, повидимому, все, что почему-либо признавано для себя удобнѣйшимъ помѣститься въ павильонѣ (54—56) художественно-архитектурномъ. Здѣсь вы встрѣчаете поэтому самые разнообразныя предметы, какъ-то: асфальтовый войлокъ для крышъ, бронзу, краски, известку, цементъ, планы лифляндскихъ церквей съ свѣдѣніями объ ихъ смѣтной и дѣйствительной стоимости, печныя принадлежности, печи, мебель и пр. Среди этого разнообразія попадаются произведенія, имѣющія дѣйствительное право на названіе художественныхъ; напримѣръ, круглая израсцовая печь изъ Стокгольма или буфетъ работы скульптора Шнейдера въ Лейпцигѣ (цѣна 2800 руб.). Архитектурный отдѣлъ сформировался поздно и имѣлъ неосторожность явиться въ публику не вполне собравшись и разобравшись. Къ августу мѣсяцу онъ, вѣроятно, успѣетъ сдѣлать и то и другое и тогда, можетъ быть, будетъ архитектурнымъ не только по названію, но и по содержанію. Домикъ историческаго отдѣла копія, какъ говорятъ, съ Коломенскаго дворца. Здѣсь находятся предметы, напоминающіе Великаго царя-труженика и замѣчательнѣйшую эпоху въ исторической жизни нашего отечества, какъ-то: большая коллекція портретовъ Петра Великаго, его возокъ, верхнее платье, лопата, топоръ и др. простыя вещи, драгоцѣнныя для каждаго русскаго по связаннымъ съ ними воспоминаніямъ.

V.

По набережной Москвы-рѣки расположились отдѣлы: морской, часть оеннаго и желѣзнодорожный. Желѣзное зданіе морского отдѣла очень расиво и, сравнительно, велико; поэтому выставленнымъ въ немъ предметамъ не пришлось громоздиться другъ на друга. Этимъ важнымъ преимуществомъ не упустили воспользоваться распорядители и устроили стѣны множествомъ большихъ картинъ баталій и портретовъ, ничего, конечно, неумясняющихъ, но хорошо декорирующихъ внутренность зданія ¹⁾. Мнѣ кажется, что на этотъ разъ моряки даже увлек-

¹⁾ Желающіе могли одушевить полотно картинъ при помощи указателя, въ которомъ 60 страницъ in-quarto посвящены описанію событій и лицъ, изображенныхъ картинами.

съ стремленіемъ декорироваться и развѣстить вещи въ порядкѣ дѣйствительнѣйшаго для глаза, чрезъ что сдѣлали бесполезнымъ свой по-добный указатель, въ которомъ предметы расположены не такъ, какъ дѣйствительно лежатъ въ отдѣлѣ. Цѣль морского отдѣла по указанію слѣдующая: „Представить, по возможности, полное развитіе современнаго состоянія техники военнаго и коммерческаго флота, съ разнѣшенъ какъ на тѣ матеріалы, которые употребляются при по-стройкѣ, вооруженіи и плаваніи судовъ, такъ и на *техническіе пріемы*, которые необходимы при превращеніи дерева, металла и другихъ ма-теріаловъ изъ сырого ихъ вида на весь потребности судостроенія и соединенныя съ ними многоразличныя специальности ¹⁾. По военно-мор-скому отдѣлу имѣлось въ виду изобразить возможно полно въ образ-цахъ, чертежахъ, моделяхъ и картинахъ историческое развитіе военно-морской техники въ Россіи со временъ Петра Великаго до настоящаго времени“. Выставленные предметы современной техники подраздѣля-ются на слѣдующіе разряды: кораблестроеніе, судовыя паровыя ма-шины и механизмы, артиллерія, предметы для вооруженія и комплек-саций судовъ, гидрографія, судовыя лазареты, заводская промышлен-ность въ примѣненіи ея къ морскому дѣлу, спасительныя станціи и наконецъ-то! торговое мореплаваніе. Полнота отдѣла собственно по торговому мореплаванію, къ сожалѣнію, говоритъ указатель, „нахо-дится преимущественно въ зависимости отъ того участія, которое при-нимаютъ въ выставкѣ частныя экспоненты“. Въ дѣйствительности частными экспонентами выставлено очень немного, и именно слѣдую-щее: обществомъ „Кавказъ и Меркурій“—нѣсколько моделей, изъ ко-торыхъ больше всего обращаетъ на себя вниманія многоярусный па-роходъ американскаго типа „Александръ II“, вѣроятно удобный для пассажировъ, но едва ли дающій дивидендъ владѣющей имъ компа-ніи, такъ какъ имѣетъ машину въ 1500 дѣйствительныхъ силъ и слѣ-довательно нуждается въ большомъ грузѣ для каждаго рейса; фирмою Илютинскихъ—нѣсколько судовыхъ моделей; братьями Сапожниковъ—нѣсколько моделей морскихъ и рѣчныхъ судовъ, употребле-емыхъ въ Каспійскомъ морѣ для рыбной ловли ²⁾; русскимъ обществомъ П. и Т.—нѣсколько моделей; г. Книшквинъ—три судовыхъ моделей.

¹⁾ Курсивъ означаетъ ту часть задачи, которая невыполнена, если предположить, что имѣлось въ виду, исполненіемъ нѣкоторыхъ работъ въ заданъ выставкѣ, показать публикѣ пріемы производства.

²⁾ Этихъ моделей приличіе бы находиться въ отдѣлѣ промышленныхъ живот-ныхъ. Вообще, морской отдѣлъ страдаетъ болѣе чѣмъ общими многимъ отдѣламъ, т.-е. помышляетъ у себя предметы, не имѣющіе никакого отношенія къ морскому дѣлу; напр. углепромышленныя карты (№№ 678, 679 и 680) горныхъ инженеромъ Носовыхъ или машинку для дѣланія желѣзныхъ сапожныхъ шпилекъ (№ 694).

проекта; рѣчными яхтъ-клубами—десять прекрасно сдѣланныхъ илюстрацій (стѣбитъ вниманія пожарный баркасъ для мелководной Москвы); царскосельскимъ адмиралтействомъ—одиннадцать изящныхъ коллекцій моделей бѣломорскихъ судовъ и карта морского и рѣчного судоходства г. Мусницкаго. Если къ этому присоединимъ продающуюся на выставкѣ брошюру: „Юбилей Петра Великаго и торгового флота Россіи“ и двѣ оснащенные матчи въ натуральную величину (изъ которыхъ одна названа военною, а другая, почему-то, купеческою), то вотъ и все, кажется, съ чѣмъ явился морской отдѣлъ и поощренія купеческаго судоходства и судостроенія. Нельзя не знать, что всего этого весьма и весьма недостаточно; что въ отдѣлѣ не хватаетъ даже основнаго, а именно свѣдѣній о существующемъ и существующемъ у насъ морскомъ и рѣчномъ судостроеніи, о степени выгодности парового и паруснаго судоходства и равно какихъ-либо иныхъ общихъ указаній, необходимыхъ лицамъ, желающимъ положить свои капиталы на торговое мореплаваніе¹⁾. Изъ вышеназванной брошюры у насъ въ Россіи морского люда больше, чѣмъ въ Пруссіи или Франціи; а именно: по словамъ ея автора, „прибрежное населеніе рыбаковъ и судоходовъ обою пола, у всѣхъ нашихъ морей, доходитъ до милліона“ (стр. 8). Въ остальной части отдѣла, кромѣ ботика Петра Великаго, есть на что посмотреть. Мы съ своей стороны обратили вниманіе на рельефное изображеніе способа возстановленія дыханія у мнимо-умершихъ утопленниковъ (579, 580, 581 и 582) и взяли нѣсколько экземпляровъ объясненія, распространеніемъ котораго можно принести обществу несомнѣнную пользу. Противъ среднихъ дверей морского павильона находится модель, въ натуральную величину, саардамскаго домика Петра Великаго.

Изъ морского отдѣла вы входите въ интендантскія и артиллерійскія мастерскія военнаго отдѣла, знакомыя петербуржцамъ по мануфактурной выставкѣ 1870 года. Рядомъ съ ними идетъ фабрика сукна съ рабочими, по преимуществу, татарками въ оригинальныхъ и красивыхъ національныхъ костюмахъ. Остальныя части военнаго отдѣла помѣщены выше, въ Кремлѣ. Тамъ кромѣ манекеновъ, наглядно знакомящихъ посѣтителя съ формою обмундированія нашихъ войскъ въ различныя эпохи, замѣчательно богатствомъ историческаго содержанія артиллерійское отдѣленіе. Продающійся же его указатель можно

¹⁾ Точно также въ носовой части купеческаго судна приличнѣе было бы помѣстить сочиненіе Скальковскаго «Срочное Пароходство» и вообще книги по частному купеческому судостроенію и судоходству, чѣмъ журналъ «Техническій Сборникъ» (переводиваго который, мы ничего не нашли о флотѣ), брошюру объ отопленіи и проч.

произведеніемъ, въ своемъ родѣ образцовымъ. Въ саду, рядомъ съ павильономъ помѣщены лазаретныя палатки, а также очень красивые экипажи и вагоны (тоже наши знакомцы 1870 года) для больных и раненныхъ.

Последній изъ отдѣловъ, расположенныхъ по набережной Москвы-реки, — отдѣлъ желѣзно-дорожный. Этотъ отдѣлъ, судя по содержанию его, поставилъ себѣ задачей всесторонне представить желѣзнодорожное дѣло въ образцовыхъ принадлежностяхъ подвижного состава, вагоновъ, инструментахъ, картахъ, таблицахъ и сочиненіяхъ. „Желѣзно-дорожный отдѣлъ политехнической выставки, говоритъ указатель, имѣлъ въ виду сдѣлать по возможности полный обзоръ развитія этой отрасли современнаго состоянія желѣзныхъ дорогъ, съ послѣдовательнымъ представленіемъ производства всѣхъ работъ при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, и выставить всѣ новѣйшія усовершенствованія во всѣхъ отрасляхъ промышленности, способствующихъ успѣхамъ желѣзно-дорожнаго дѣла“. Вниманіе неспеціалистовъ наиболѣе обращается въ немъ: на товарный вагонъ Московско-Царицынской желѣзной дороги, въ которомъ перевозится живая скотина¹⁾, императорскій вагонъ русской постройки, снѣгоочистители и т. п. и другие предметы. Замѣчательная особенность этого отдѣла — это полное соответствіе порядка расположенія предметовъ съ порядкомъ ихъ описанія въ указателѣ, который самъ по себѣ заслуживаетъ полную похвалу.

Въ заключеніе, мнѣ остается сказать, что рядомъ съ военнымъ отдѣломъ имѣется еще особый павильонъ — севастопольскій, куда входятъ за отдѣльную плату (20 или 30 коп.). Назначеніе этого павильона — возсоздать вещественную обстановку событія, замѣчательнаго и для насъ само по себѣ и по тому вліянію, которое оно имѣло на послѣдующую жизнь нашего отечества. За исключеніемъ лѣваго отдѣленія, напечатаннаго военно-санитарными принадлежностями, не имѣющими никакого прямого отношенія къ Севастополю, все остальное въ этомъ павильонѣ напоминаетъ трудную, непосильную борьбу, которую пришлось намъ выдержать въ 1854, 1855 и 1856 годахъ. Въ этомъ павильонѣ, по особенному, нравственному, такъ сказать, его характеру не такъ важны, конечно, выставленные предметы, какъ сопровождающія ихъ объясненія. Эту особенность хорошо поняли учрежденія: и ни въ одномъ отдѣлѣ нѣтъ устныхъ объясненій такъ правильно и хорошо организованныхъ, какъ въ севастопольскомъ.

¹⁾ Мы, несмотря на просьбы показать устройство, не могли его видѣть; потому что директоръ отдѣла не умѣлъ отворить дверей.

Пять дней оказалось достаточнымъ временемъ для составленія общаго понятія о выставкѣ, но и то только при условіи оставлять кремлевскіе сады съ 11 ч. утра и до 8 часовъ вечера, что вѣроятно во всѣхъ отношеніяхъ. Впечатлѣніе, произведенное на выставкой въ первый день, не исчезло и въ послѣдующіе: чѣмъ бо я знакомился съ отдѣлами, тѣмъ яснѣе понималъ трудность разнѣ ихъ содержаніе въ системѣ строго научной, оставляющей безъ вниманія личныя желанія и интересы экспонентовъ. Теперь, еще болѣе чѣмъ въ первый день, я убѣжденъ, что стремленіе учредителей: включить принципъ поощренія и всякое соревнованіе на выставкѣ ду отдѣльными производителями, не болѣе, какъ неисполнимая та. Выставки всегда жили и будутъ жить принципомъ соревнованія желаніемъ производителей погромче заявить о себѣ; только мы можемъ преслѣдовать исключительно научныя цѣли. Учредители московской выставки напрасно мечтали о томъ, что политехническая выставка составитъ исключеніе; въ дѣйствительности она не носитъ себѣ и тѣни исключенія, и какой-нибудь несчастный бальзамъ отъ лихорадки, ломоты, зубной боли и пр. болѣзней, здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ углахъ зазываетъ къ себѣ посѣтителей обѣщаніемъ исцѣленія всѣхъ ихъ недуговъ.

Е. В.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го сентября, 1872.

Ученіе женскихъ курсовъ при медико-хирургической академіи. — Будущее
и практика ея ученицъ. — Ученицы цюрихскаго университета. — При-
емъ воспитанницъ иностранныхъ гимназій. — Развитие холеры и условія
разрѣшенія для нея въ Петербургѣ. — Холера 1872 года. — Мѣры пресѣченія
ея. — Устройство помѣщеній для прибывающихъ рабочихъ. — Правила о
устройствѣ городского положенія къ столицамъ. — Девежныя средства Петер-
бурга и главные его потребности.

Въ аугсбургской „Всеобщей газетѣ“ были недавно помѣщены три
интересныя статьи одного изъ профессоровъ цюрихскаго университета
о изученіи медицины женщинами. Статьи эти были написаны по
поводу сочиненія мюнхенскаго профессора анатоміи и физиологіи Би-
шофа, направленнаго противъ изученія медицины женщинами. Изъ
возможныхъ, поставленныхъ Бишофомъ, собственно одно только и тре-
буетъ разбора, именно его положеніе, что женщина неспособна къ
изученію наукъ вообще, а естественныхъ и медицинскихъ наукъ въ
особенности. Какъ ни странно это положеніе въ его обширности,
все-таки стоитъ по крайней мѣрѣ опровергать фактами, какъ то
всѣмъ совершенно убѣдительно и дѣлаетъ цюрихскій профессоръ. Прочія
положенія Бишофа указываютъ въ видѣ пренія только на
нежелательную женщинамъ стыдливость и кротость, на „безнравствен-
ность“, происходящую отъ совмѣстнаго ученія женщинъ и мужчинъ,
(въ этомъ вся суть) на „переполненіе“ (Überladung) медицинской
профессіи, если въ нее будетъ открытъ доступъ и женщинамъ. Во-
просъ о хлѣбѣ, борьбѣ за существованіе посредствомъ медицины мо-
жетъ представляться первостепеннымъ для спеціалистовъ. Но для
общества тѣмъ больше будетъ врачей, тѣмъ разумѣется лучше. Осо-
бенно для Россіи еще далеко то время, когда медицинская профессія
исполнится. Изъ статей цюрихскаго профессора мы узнаемъ, что
въ числѣ слушательницъ тамошняго университета болѣе всего рус-

скихъ; что русскихъ женщинъ находится тамъ теперь на философскомъ факультетѣ 10, а на медицинскомъ 44. Это обстоятельство имѣетъ и нѣчто утѣшительное, но прежде всего бросается въ глаза его сторона, которая никакъ утѣшительною быть названа не можетъ. Оставимъ на время Цюрихъ, къ которому перейдемъ послѣ, обратимся къ Россіи.

Въ Россіи крайній недостатокъ въ медикахъ достигъ такой степени, что всякій полковой фельдшеръ, даже не вышедшій изъ фельдшерскаго школы, а просто подготовленный полковымъ врачомъ изъ „слабосильныхъ“ солдатъ, легко получаетъ мѣсто отъ земства, и все-таки громадное большинство народа остается безъ всякой возможности пользоваться медицинскимъ пособіемъ иначе, какъ въ больницахъ. Между тѣмъ, легко было въ скоромъ времени удвоить количество нашихъ врачей, допустивъ къ изученію медицины женщинъ. Неминучно притомъ, что именно женщины-врачи принесли бы наибольшую пользу сельской массѣ, потому что женщина рада будетъ и за сравнительно малое жалованье практиковать гдѣ-нибудь въ сельской средѣ, безъ всякой надежды „вырваться изъ этой трущобы“ и попасть на одну изъ ступеней медицинской іерархіи, какъ то имѣютъ въ виду всѣ молодые врачи, смотрящіе на подобное положеніе, какъ на временную ссылку. Жалованье въ 300—500 рублей съ самостоятельнымъ положеніемъ для женщины все же гораздо привлекательнѣе, чѣмъ занятіе руководѣемъ, при конкуренціи швейныхъ машинъ, или хотя бы положеніе гувернантки—почти единственной сферы, открытой женщинамъ у насъ до сихъ поръ. Но мы до крайности деликатны и щепетильны по нѣкоторымъ пунктамъ. Извѣстно съ какимъ раздирающимъ недовѣріемъ и даже злобнымъ недоброжелательствомъ относятся у насъ многіе къ вопросу о допущеніи женщинъ къ изученію медицины, которое предполагаетъ и анатомическія занятія. Едва ли мы ошибемся, сказавъ, что такъ относится къ этому вопросу у насъ большинство самихъ женщинъ, разумѣется, замужнихъ. Извѣстные факты громадной смертности дѣтей въ русскомъ народѣ и варварской практики деревенскихъ бабокъ нисколько не оскорбляютъ „эстетическаго чувства“ нѣкоторыхъ нашихъ кавалеровъ и большинства нашихъ замужнихъ дамъ. Но представить себѣ женщину, дѣлающую со скальпелемъ въ рукѣ—они не могутъ не содрогаясь, такъ это дѣйствуетъ на ихъ чувствительные нервы, такъ оскорбляетъ ихъ высшее эстетическое чувство.

И вотъ, несмотря на совершенную почти недоступность врачебной помощи для сельскаго населенія, мы заставляли своимъ эстетическимъ коснѣніемъ десятки дѣвушекъ бѣжать—легко сказать—въ Цюрихъ, на свой счетъ и рискъ, усвоивать себѣ сперва иностранный языкъ до такой степени, чтобы публично защищать на немъ ученое расужде-

и потому, возвратясь на родину, вторично подвергать себя тому же испытанію по другой программѣ и при иной обстановкѣ. Наконецъ, шагъ, чтобы положить конецъ такому странному, чтобы не болѣе, отношенію къ этому вопросу. Въ прошломъ мартѣ было извѣстно весьма крупное пожертвованіе (50 т. руб.) на устройство медицинскихъ курсовъ для женщинъ въ Петербургѣ. Итакъ, означенныя средства для этого явились не отъ военно-медицинскаго вѣдомства, хотя оно издерживаетъ въ годъ на одни механическія улучшенія по зданію военно-медицинской академіи гораздо болѣе, чѣмъ сколько составляетъ вся сумма, пожертвованная частнымъ лицомъ. Изъ предметовъ первой потребности для Россіи. Но оставимъ это, и посмотримъ, насколько то, что нынѣ предполагается сдѣлать, соответствуетъ практическому рѣшенію вопроса о допущеніи женщинъ въ ученую медицинскую практику.

Въ мартѣ же, вслѣдъ за пожертвованіемъ, было объявлено о предложеніи учредить отдѣльныя медицинскіе курсы для женщинъ при Императорской академіи. Въ концѣ іюля напечатано въ „Прав. Вѣстникѣ“ изображеніе военнаго министра, содержащее въ себѣ „временное положеніе объ особомъ женскомъ курсѣ при академіи для образованія акушерокъ.“ Положеніе это утверждено, военнымъ же министромъ, на 4 года, въ видѣ опыта. Вотъ его главныя основанія: преподаваніе будетъ производиться отдѣльно отъ студентовъ, но по присутствію тѣми же профессорами, и за особое вознагражденіе; курсъ будетъ 4-хъ-лѣтній; женское отдѣленіе будетъ имѣть свою особую референцію, составленную изъ тѣхъ же профессоровъ, подъ предсѣдательствомъ того же начальника академіи; слушательницы будутъ имѣть особую инспектрису, какъ студенты имѣютъ инспектора; слушательницы будутъ состоять на правахъ студентовъ, то-есть женскій курсъ при академіи будетъ не то, что публичные курсы, устроенныя для женщинъ при помощи нѣкоторыхъ университетскихъ профессоровъ. Въ академіи женщины будутъ матрикулироваться, то-есть къ слушанію курса будутъ принимаемы только имѣющія уже свидѣтельство о окончаніи средне-образовательнаго курса (отъ институтовъ и женскихъ гимназій или дипломъ на званіе домашнихъ учительницъ). Изъ одного годичнаго курса въ другой ученицы академіи будутъ переходить не иначе какъ по экзамену, при чемъ въ одномъ курсѣ имъ не дозволяется оставаться не болѣе одного лишняго года, и то только въ теченіи всего курса ученія. Итакъ, пріемъ ученицъ въ академію будетъ происходить на равномъ основаніи со студентами, а также и съ годичной платою въ 50 рублей. Но въ то время, какъ для учениковъ достаточно представленіе свидѣтельства гимназій, для ученицъ оно достаточно только условно, а именно онѣ все-таки подвергаются при пріемѣ еще провѣрочному экзамену. Выпускная экза-

женъ ученицъ будетъ производиться также примѣнительно къ назначенію на званіе лекаря. Выдержавшія сего ученицы получаютъ степень ученой акушерки.

Итакъ, женскій курсъ при академіи, по внѣшнимъ своимъ условіямъ поставленъ совершенно на уровнѣ студенческаго курса, и степень ученой акушерки будетъ, очевидно, *ученая степень акушерки*. Хотя редакція устава посредствомъ нѣкоторой перестановки словъ и избѣжала прямого признанія за женщиною права на ученую степень, признанія, давно уже состоявшагося въ цюрихскомъ университетѣ. Кабы то ни было, нѣтъ сомнѣнія, что внѣшняя обстановка женскаго курса при академіи удовлетворительна. Хотя примѣръ Цюриха удостовѣряетъ, что не происходитъ никакихъ бѣдъ отъ совмѣстнаго преподаванія медицины мужчинамъ и женщинамъ, но если можно устроить отдѣльный курсъ для женщинъ на равной степени съ мужчинами, то и въ этомъ нѣтъ бѣды, хотя очень можетъ случиться, какъ то уже и было предвидѣно въ Цюрихѣ — что если женщины-врачи будутъ проходить не общій, а особый, собственно для нихъ устроенный медицинскій курсъ, то въ обществѣ останется подозрѣніе, что дѣйствительнаго равенства между обоими этими курсами, а стало быть и въ познаніяхъ врачей-женщинъ и врачей-мужчинъ — нѣтъ.

Но пусть бы и существовало одно такое подозрѣніе, ни на чемъ реальномъ неоснованное, это бы еще ничего. Къ сожалѣнію, мы должны будемъ сейчасъ указать на нѣкоторыя внутреннія условія женскаго курса, на нѣкоторыя опредѣленія самой программы преподаванія, которыя клонятся именно къ дѣйствительному лишенію женщинъ-врачей равенства въ познаніяхъ съ врачами-мужчинами. Но прежде еще два замѣчанія о внѣшней обстановкѣ особаго женскаго курса. Одинъ изъ параграфовъ положенія гласитъ: „слушательницы въ продолженіе курса носятъ одежду установленную для повивальныхъ бабокъ въ родовспомогательныхъ заведеніяхъ“. Непонятно, для чего потребовалось это правило; почему вообще для ученицъ необходимъ мундиръ, когда теперь даже ученики университетовъ отъ него освобождены. Потому ли, что медицинская академія считается военнымъ учрежденіемъ, а въ военномъ вѣдомствѣ нельзя быть безъ мундира, которому даже приписывается отдѣльная честь, независимо отъ личнаго достоинства носящаго форменную одежду. Но что же общаго имѣетъ мундиръ повивальныхъ бабокъ съ мундиромъ военного вѣдомства? Не знаемъ, слѣдуетъ ли понимать приведенный параграфъ въ томъ смыслѣ, что ученицы академіи будутъ обязаны и на улицѣ и въ общественныхъ собраніяхъ носить мундиръ повивальныхъ бабокъ, подобно тому какъ ученики академіи носятъ свой мундиръ постоянно. Но хотя бы они были обязаны носить форменную одежду только въ стѣнахъ академіи, и это все-таки совершенно лишнее правило, необъяснимое ничѣмъ.

трудолюбности о смирѣніи, попеченіе о томъ, чтобы ученицы не возносились въ самоувѣреніи, а помнили, что онѣ въ сущности и ученыя, но все-таки не что иное какъ повивальныя бабки, которыя всегда должны оставаться подъ командой докторовъ-мужчинъ. Лежащемъ къ нимъ „решпектъ“. Далѣе, нельзя не подивиться, какому настоящему положенію, хотя оно и временное, нѣтъ ни слова о томъ, предполагается ли возбудить особо вопросъ о служебныхъ правахъ акушеровъ, и именно о правѣ ихъ на пенсію. Чѣмъ больше правъ служебныхъ имѣтъ женщины, тѣмъ важнѣе и ценнѣе для нихъ это право. Мужчина во время службы получаетъ награды и чины, которые ведутъ его къ высшимъ окладамъ, словомъ, ему предстоитъ служебная карьера, а женщины она не стоитъ, хотя бы женщина состояла на той же самой службѣ. Почему для женщины, получившей ученую медицинскую степень, вопросъ о пенсіи для женщины - телеграфистки, вопросъ о пенсіи гораздо важнѣе, чемъ для мужчины. Позволимъ себѣ, для примѣра, указать на три знаменитыя въ нашемъ медицинскомъ мірѣ, на гг. Красовскаго, Здекауэра и Губова. Нѣтъ сомнѣнія, что при томъ служебномъ положеніи и чинахъ, которое каждый изъ нихъ давно приобрѣлъ благодаря своимъ талантамъ, для нихъ вопросъ о пенсіи изъ военно-медицинскаго вѣдомства представляется далеко не такимъ важнымъ, какъ для ученой акушерки или для телеграфистки, которыя какъ начнутъ свою карьеру въ этихъ званіяхъ, такъ въ концѣ концовъ и кончатъ, не имѣя въ виду со временемъ званія лейб-медика, или хотя бы всякой медицинской части, инспектрисы или директрисы больницы, а тѣмъ менѣе соединенія въ одномъ лицѣ нѣсколькихъ изъ этихъ званій и окладовъ. Вотъ почему, повторяемъ, для женщины вопросъ о пенсіи, безъ всякаго сравненія, важнѣе чѣмъ для мужчины. А между тѣмъ, женщинамъ - телеграфисткамъ никакой пенсіи не полагается. Неужели же не предполагается пенсіи и для акушеровъ, которыя прошли академическій курсъ, въ то время какъ пенсіи предоставляются домашнимъ наставникамъ, вышедшимъ только экзаменъ средняго курса, а также и артисткамъ оперныхъ театровъ?

Братимся теперь къ самому составу учебнаго курса, предназначеннаго для ученыхъ акушеровъ. Намъ случилось уже и читать и слышать въ обществѣ возраженія противъ той спеціализаціи медицинского курса, которое уже указывается самымъ названіемъ „ученыхъ акушеровъ“. Почему же именно акушерки, а не просто врачи? Были и были иныя. Но намъ кажется, что важна не сама спеціализація, а то, какимъ образомъ она достигается. Нѣтъ сомнѣнія, что врачамъ-женщинамъ, какъ бы ни былъ обставленъ ихъ курсъ въ академіи, на практикѣ придется все-таки лечить по преимуществу женскія

болѣзни уже потому, что въ этой именно области онѣ могутъ успѣть нѣе, чѣмъ во всѣхъ прочихъ, конкурировать съ врачами - мужчинами короче—потому что женскія болѣзни общаются имъ болѣе широко практику. Итакъ, специализація въ этомъ смыслѣ представляется намъ дѣломъ практичнымъ, но спрашивается: какъ она будетъ достигнута. Пусть ученая акушерка, какъ и акушеръ, пройдетъ полный общій медицинскій курсъ, совершенно равный съ тѣмъ, который проходятъ лекаря независимо отъ того, какую специальность они себѣ выбираютъ: акушера ли, или окулиста, или врача внутреннихъ или различныхъ болѣзней. Вмѣстѣ съ тѣмъ, пусть проходятся спеціальныя примѣненія, то - есть женскія и дѣтскія болѣзни и акушерство въ болѣе обширномъ объемѣ. Вотъ это будетъ правильная специализація, идущая въ ущербъ полнотѣ общаго курса. Совсѣмъ иное будетъ тогда, если общій курсъ будетъ ограниченъ, урѣзанъ, приносимъ въ жертву въ виду спеціальнаго призванія, если нѣкоторыхъ частей общаго курса акушеркамъ преподавать не будутъ или будутъ преподавать неполно потому соображенію, что для чего мѣтъ имъ это, когда ихъ назначеніе состоитъ исключительно въ практикѣ повивальной. Этимъ путемъ тотчасъ же достигнется пониженіе уровня курса, предназначеннаго для женщинъ, и сознательно подготовится ихъ *научное неравенство* съ мужчинами, устранится возможность равнаго къ женщинамъ довѣрія со стороны публики, а стало быть и возможность серьезной ихъ конкуренціи врачамъ-мужчинамъ. При такого рода специализаціи женскаго курса, публика будетъ все-таки въ правѣ предпочитать даже и въ акушерствѣ—ученаго спеціалиста ученой спеціалисткѣ не потому, что на знаніе женщины будто бы менѣе можно полагаться, но потому, основательному поводу, что акушеркѣ *сообщаютъ* въ самомъ курсѣ менѣе знанія, чѣмъ акушеру.

Къ сожалѣнію, нельзя не замѣтить, что именно на этотъ путь специализаціи, посредствомъ ограниченія общаго курса, уклоняется росписание курса для ученыхъ акушеровъ, приложенное къ утвержденному военнымъ министромъ положенію. Предметы въ немъ тѣ же, что для студентовъ, но объемъ и характеръ преподаванія въ женскихъ курсахъ суживается и понижается особыми оговорками. Такъ, на второмъ курсѣ читаются: физиологія здороваго человѣка, медицинская химія, физиологія больного человѣка (патологія), методы изслѣдованія болѣзней, фармакологія и фармація съ рецептурою. Но преподаваніе этихъ предметовъ для женщинъ опредѣляется такъ: „физиологія здороваго и больного человѣка должна имѣть въ виду *по преимуществу* организмы женскій и дѣтскій съ роковымъ (?) назначеніемъ перваго и прогрессомъ развитія, совершающимся въ послѣднемъ“. Не впадая въ односторонность, говорится далѣе, должны имѣть въ виду эту же *особенность* врачебнаго обученія женщинъ изложеніе мето-

дствъ, изслѣдованіе болѣзней и фармакологія". Какъ же это не впадать въ односторонность, когда особенность имѣемая въ виду и есть не что иное, какъ именно односторонность? Здѣсь изъ выписанныхъ вы- словъ росписанія ясно, что ученицамъ будетъ преподаваема ка- кая-то особая, ограниченная фізіологія и патологія, а именно въ отношеніи къ „роковому назначенію“ женщины. Точно такъ и ана- томія на первомъ курсѣ будетъ преподаваема женщинамъ не въ томъ объемѣ, какъ того требовалъ бы полный курсъ общей сравни- тельной анатоміи, а опять *по преимуществу* „съ прикладнымъ на- правленіемъ и въ особенной подробности излагать строеніе тѣхъ органовъ, которымъ принадлежитъ особенное значеніе въ организмахъ женскихъ и дѣтскихъ“. И не будучи медикомъ можно знать, что въ анатоміи и фізіологіи важнѣйшую часть составляетъ именно изученіе основаній и фактовъ общихъ обоимъ поламъ; примѣнять изложеніе этихъ наукъ преимущественно къ одному половому отличію, значить примѣнять изложеніе науки къ факту во всякомъ случаѣ второсте- пенному, или иными словами, сокращать и понижать строго-научное изложеніе съ цѣлью спеціализаціи и приложенія. Въ какой мѣрѣ воз- можно и самостоятельное, научное изученіе фактовъ второстепенныхъ безъ основательнаго, полнаго и равномернаго усвоенія всѣхъ сторонъ науки въ томъ видѣ, какъ она существуетъ въ данное время — вотъ вопросъ, который рѣшится на дѣлѣ, при самомъ преподаваніи. Очень можетъ случиться, что почтенные преподаватели, убѣдясь на дѣлѣ въ невозможности пренебречь сравнительной анатоміею для того только, чтобы имѣть болѣе времени на изложеніе процесса прорѣзыванія зу- бовъ у дѣтей, на практикѣ и отбросить тѣ перегородки, которыя хо- четъ создать „росписание“. Въ такомъ случаѣ можно будетъ только сказать, что преподаваніе—лучше своей программы. Но мы пока мо- жемъ имѣть въ виду только программу. И для чего это потребова- лось оговаривать въ програмѣ „роковое назначеніе“ женщины? Имѣ- лось ли при этомъ въ виду осудить слишкомъ смѣлыя теоріи о ра- венствѣ женщинъ съ мужчинами, тѣмъ болѣе съ мужчинами-врачами, такъ чтобы ученицы постоянно помнили, что несмотря на всевозмож- ную ученость женщина все-таки имѣетъ свое „роковое назначеніе“? Или слово „роковое“ внушено было составителямъ программы только чувствительностью и представляетъ не что иное, какъ мимолетный вдохъ о судьбѣ женщины, рожденной для того, чтобы родить? Или, наконецъ, напоминаніе о роковомъ назначеніи вставлено въ томъ смыслѣ, что кромѣ учено-медицинской карьеры для женщины можетъ открыться и другая, а именно—выйти замужъ?

Относительно одного изъ важнѣйшихъ предметовъ третьяго курса, а именно клиникъ внутреннихъ болѣзней, въ росписаніи уже прямо вы- ражено, что клиника внутреннихъ болѣзней для ученицъ *имѣетъ*

ограничиваться общими болѣзненными процессами (воспаленіями, лихорадками, тифомъ, катарромъ, апэмією, скорбутомъ, бугорчаткою и т. д.)“, а ученія о первичныхъ и глазныхъ болѣзняхъ также „ограничиваются“ тѣмъ, что въ первомъ необходимо для женской, а въ последнемъ для дѣтской практикѣ.

За всѣми этими ограниченіями весьма важныхъ частей общей медицины, спрашивается, возможно ли, чтобы курсъ ученицъ академіи стоялъ на равной научной высотѣ съ курсомъ студентовъ? Боясь, что на этотъ вопросъ невозможно отвѣтить иначе, какъ отрицательно. Затѣмъ, уже нечего и спрашивать, возможно ли будетъ при такихъ условіяхъ одинаковое довѣріе общества къ врачамъ-женщинамъ и врачамъ-мужчинамъ, и сколько-нибудь серьезная конкуренція „ученицъ акушеровъ“, хотя бы только болѣе ученымъ акушерамъ. О конкуренціи же врачей-женщинъ врачамъ-мужчинамъ по другимъ отраслямъ леченія нечего и говорить, такъ какъ мы узнаемъ, что она прямо устраняется. Правда, въ положеніи это не выражено; въ немъ не сказано ни слова о томъ, что „ученымъ акушеркамъ“ предназначается и практика исключительно акушерская, короче, что онѣ не будутъ имѣть права лечить иныхъ болѣзней, кромѣ специальныхъ женскихъ и дѣтскихъ. Въ особомъ объявленіи отъ начальства медико-хирургической академіи, напечатанномъ въ „Прав. Вѣстникѣ“, выражено весьма ясно именно то, что не договорено въ утвержденномъ военнымъ министерствомъ положеніи. „Открываемый курсъ—говоритъ объявленіе—имѣетъ исключительнымъ назначеніемъ образованіе ученицъ акушеровъ *въ той степени* (то-есть не менѣе, но и не болѣе), чтобы по окончаніи ученія онѣ были способны подавать самостоятельную врачебную помощь *при родахъ и послѣдствіяхъ ихъ*, а также въ женскихъ и дѣтскихъ болѣзняхъ и сифилисѣ женщинъ и дѣтей“. Исключительное назначеніе здѣсь уже совершенно ясно. Сверхъ того, въ этихъ дополнительныхъ къ положенію правилахъ, устанавливаемыхъ объявленіемъ академическаго начальства, есть одно весьма существенное: „отъ дѣвицъ, имѣющихъ родителей, необходимо дозволеніе послѣднихъ на поступленіе ихъ дочерей въ курсъ“. Положеніе опредѣляетъ, что въ ученицы принимаются особы не моложе 20-ти лѣтъ. Дѣвица, имѣющая 21 годъ, какъ совершеннолѣтняя можетъ обойтись безъ согласія родителей при вступленіи въ бракъ, можетъ продавать свое имѣніе и давать векселя, но не можетъ безъ согласія родителей вступить въ академію, хотя бы ей было 50 лѣтъ отъ роду. Такъ страшна все еще кажется намъ наука.

Въ печати вообще выражено было удовольствіе по поводу учрежденія при академіи женскихъ курсовъ. Мы охотно присоединяемся къ тѣмъ органамъ, которые высказали благодарность за то, что въ пользу честнаго труда женщинъ упала новая кроха съ обиль-

нашей общей работы. Полагаемъ, что благодарность об-
 этомъ случаѣ должна всецѣло принадлежать той высоко-
 способности, которая дала средства на учрежденіе женскихъ кур-
 совъ, касаясь тѣхъ условій, какими эти курсы обставлены ны-
 не. Относительно ихъ мы позволили себѣ откровенно выразить на-
 вѣніе. Не жѣлаетъ теперь справиться, откуда явились подобныя
 курсы, какъ они были выработаны; хотя положеніе и утверждено
 министромъ, но слишкомъ ясно, что выработали его люди
 неспеціальные, а специалисты медицинской же профессіи. Изъ октябрьской
 „Журнала министерства народнаго просвѣщенія“ 1871 года
 видно, что проектъ, совершенно сходный въ общихъ чертахъ съ
 нынѣшнимъ положеніемъ, былъ выработанъ еще въ 1870-мъ году въ ме-
 дико-вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ и что осно-
 вана на какихъ признано было возможнымъ и полезнымъ допустить
 не только къ изученію и практикѣ медицины, а также и самое рос-
 ту курса со всѣми ограниченіями, какія мы находимъ въ нынѣш-
 немъ положеніи, были поставлены гг. Козловымъ, Здекауэромъ
 и др. русскими, весьма извѣстными врачами, изъ числа которыхъ г.
 Козловскій имѣетъ знаменитость именно какъ акушеръ. Какими бы
 были успѣхи будущихъ ученицъ нынѣшнихъ курсовъ академіи,
 мы знаемъ ясно—говоримъ это безъ всякаго намѣренія похвалить поч-
 ты ученицъ, которыхъ мы называли—что изъ этихъ курсовъ не
 выйдетъ ни одна ученица, которая бы могла сравниться съ г.
 Козловымъ въ административномъ положеніи, съ г. Здекауэромъ и г.
 Козловскимъ въ области свѣдѣній, обширности практики, а потому и
 заслуженной ими славы. Но нѣтъ никакого основанія утверж-
 дать все-таки, что соперницы въ знаніи и искусствѣ, достойныя даже
 такой знаменитости, не выйдутъ современемъ изъ русскихъ женщинъ,
 окончившихъ въ Цюрихѣ, проходящихъ тамъ полный медицинскій курсъ
 удостоиваемыхъ тамъ той самой высшей ученой степени, которую
 въ достойно носятъ наши извѣстнѣйшіе и заслуженные врачи. Съ
 открытіемъ женскихъ курсовъ при петербургской медицинской акаде-
 міи, многія дѣвушки, безъ сомнѣнія, воспользуются ими, вмѣсто того
 чтобы ѣхать учиться въ Цюрихъ; но едва ли и затѣмъ цюрихскій
 университетъ лишится всѣхъ своихъ русскихъ слушательницъ. Очень
 можетъ быть, что даже нѣкоторые изъ ученицъ, прошедшихъ женскій
 курсъ въ академіи, будутъ ѣздить на годъ, на два доучиваться въ
 Цюрихъ.

Обратимся теперь къ статьямъ цюрихскаго профессора и посмо-
 тримъ, что показало до сихъ поръ дѣйствительный опытъ изученія
 медицины женщинами. Опытъ этотъ начался съ 1864-го года и именно
 съ одной русской дѣвушки, которой разрѣшено было посѣщать меди-

цинскія лекціи. До 1867-го года, въ цюрихскомъ университетѣ было другихъ слушательницъ, кромѣ русскихъ. Съ тѣхъ поръ являются англичанки, швейцарки, нѣмки и американки. Всѣхъ слушательницъ въ Цюрихѣ теперь 63, и изъ нихъ, какъ мы уже saw 54 — русскихъ. Онѣ слушаютъ лекціи нераздѣльно со студентами, сами матрикулируются, такъ какъ признано было полезнымъ сдѣлать приемный экзаменъ обязательнымъ. Пройдя весь курсъ и выдержавъ установленные экзамены, онѣ получаютъ степень докторовъ медицины, безъ всякаго ограниченія и спеціализаціи. Избрать специальность и усовершенствоваться въ ней, это уже ихъ дѣло, а не университетскаго начальства, которое считаетъ себя призваннымъ только открывать доступъ къ наукѣ и строго повѣрять успѣхи, а не ограничивать его по какимъ-либо произвольнымъ предуденіямъ. Первая дама, получившая степень доктора медицины въ Цюрихѣ, была г-жа Суслова. „Хотя всѣ члены медицинскаго факультета“ говоритъ авторъ, „относятся къ вопросу объ ученіи женщинъ (Frauenstudium) безъ предвзятаго мнѣнія, но намъ повѣрять, что экзаменъ достался докторантѣ не легко“. Присутствіе женщинъ на лекціяхъ не имѣло никакихъ неблагоприятныхъ послѣдствій; число студентовъ на медицинскомъ факультетѣ продолжало по прежнему возрастать, а такъ слушателей и слушательницъ, и вмѣстѣ строгіи научный характеръ преподаванія устранили всякое чувство неловкости и всякую возможность какой-либо пошлой выходки. Достоинство науки и чувство личнаго достоинства вполне охраняли аудиторію отъ какой-либо такой мысли, которая такъ упорно лѣзетъ въ голову именно въ консерваторамъ при обсужденіи этого вопроса; и профессора высказывались не были стѣснены въ своемъ преподаваніи, и аудиторія не испытывала никакого повода испытывать какое-либо неловкое чувство. Въ этомъ отношеніи восьмидлѣтній опытъ Цюриха, можно сказать, устранилъ окончательно всякія опасенія относительно смѣшанныхъ, то-есть совмѣстныхъ курсовъ. А такіе именно курсы весьма важны, какъ то сознавали въ Цюрихѣ, для того, чтобы доставить врачамъ-женщинамъ равное довѣріе общества, каковымъ пользуются врачи-мужчины. „Піонерки женскаго ученія въ Цюрихѣ“, говоритъ авторъ, „хотятъ показать, что онѣ проходятъ тотъ самый курсъ какъ и студенты, и что онѣ въ состояніи справиться съ тѣмъ самымъ учебнымъ матеріаломъ. Большинство публики, не безъ основанія, имѣло бы менѣе уваженія къ успѣхамъ отдѣльнаго преподаванія для женщинъ, потому что онѣ вѣроятно всегда держалось бы ниже уровня мужскихъ курсовъ. едва ли привлекло бы къ себѣ первостепенныя преподавательскія силы. На полѣ науки женщины могутъ ожидать себѣ успѣха (Heil und Erfolg) только въ свободной конкуренціи съ мужчинами. Наука, въ ея высшихъ цѣляхъ и задачахъ, не можетъ быть раздѣляема сообразно раз-

жизнь. Тѣмъ дѣвушкамъ, которыя, имѣя способности и охоту, принимаютъ великое рѣшеніе вступить въ карьеру не для ихъ пола, предстоитъ затѣмъ выдерживать вполне и реально конкуренцію съ мужчинами, и въ самой своей жизни, должны заботиться о томъ, чтобы выдерживать сравненіе (sich messen) не промежъ себя, а именно съ мужчинами, если онѣ не хотятъ погибнуть въ борьбѣ за существованіе. Цюрихскій профессоръ высказалъ здѣсь истину, горькую, конечно, но тѣмъ не менѣе очевидную.

Успѣхи, оказанные уже женщинами въ медицинѣ, и до сихъ поръ говорятъ въ томъ, что онѣ способны выдерживать и такую конкуренцію. Случается въ такомъ именно случаѣ, если само знаніе сдѣлано доступно для нихъ совершенно наравнѣ съ мужчинами. Авторъ обращаетъ вниманіе на слѣдующіе факты: въ Америкѣ уже практикуютъ съ полнымъ многіе изъ врачей-женщинъ, въ Европѣ первенство въ этомъ отношеніи принадлежало Петербургу и Лондону, такъ какъ въ каждомъ изъ этихъ городовъ въ настоящее время занимаются практикою и женщины-врачи. Фамилія второй изъ петербургскихъ дамъ не названа, но вѣдѣтна. Вотъ нѣкоторые свѣдѣнія о ней изъ занимающей насъ статьи. Получивъ дипломъ въ Цюрихѣ, она присоединилась къ императорской врачебной экспедиціи, отправившейся въ январѣ 1871 года въ Бельфоръ, и начальникъ этой экспедиціи, докторъ Розе, свидѣтельствуя, что „въ лазаретномъ управленіи при Герикурѣ, она своей скромностью и самопожертвованіемъ заслужила общее сочувствіе“. Башофъ, въ числѣ своихъ возгласовъ противъ допущенія женщинъ въ медицинскую профессию, поставилъ и слѣдующій: „представьте женщину въ званіи медика управляющаго госпиталемъ!“. На это авторъ отвѣчаетъ простою ссылкой на примѣръ: а г-жа Гарретъ-Дерсонъ, извѣстный врачъ въ Лондонѣ, сама основала женскій госпиталь и управляетъ имъ, а лучшіе врачи Лондона поддерживаютъ это учрежденіе и изъявили готовность быть при немъ консультантами. Въ помощницы себѣ г-жа Гарретъ взяла англичанку, окончившую курсъ въ Цюрихѣ. Директоръ медицинской клиники въ Цюрихѣ, профессоръ Бирмеръ опредѣлялъ другую даму, получившую тамъ же докторскій дипломъ, помощницей ассистента въ женскомъ отдѣленіи цюрихскаго госпиталя.

До сихъ поръ въ Цюрихѣ получили докторскіе дипломы шесть женщинъ, изъ которыхъ четыре получили на послѣднемъ испытаніи общую оцѣнку „хорошо“ а двѣ даже — „очень хорошо“. „Когда вступающія женщины, — замѣчаетъ авторъ, — проходятъ весь курсъ на одномъ мѣстѣ, и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ находятся подъ наблюденіемъ и испытываются столь разнообразно въ лабораторіи, препараторныхъ залахъ, у постели больныхъ, наконецъ въ письменномъ и

словесномъ экзаменахъ, то, кажется, возможно сдѣлать заключеніе о способностяхъ къ медицинѣ единичныхъ лицъ женскаго пола; а какъ только такое заключеніе должно сложиться въ смыслъ благопріятности, хотя бы только относительно одного лица, то во всякомъ случаѣ теорія, гласящая о невозможности хорошаго результата отъ этого опыта, уже лишилась главной своей опоры". Авторъ, который основываетъ свое разсужденіе исключительно на фактахъ, а не на произвольныхъ умозрѣніяхъ, какъ Бишофъ, прибавляетъ, что многія изъ цюрихскихъ ученицъ уже оказали и дальнѣйшіе успѣхи въ качествѣ полупривилегированныхъ практикантокъ и въ леченіи больныхъ, какъ въ госпиталѣ, такъ и въ частныхъ домахъ, и приобрѣтали полное довѣріе своихъ пациентовъ, между прочимъ и своей заботливостью и терпѣніемъ. Недавно еще въ одномъ медицинскомъ обществѣ въ Цюрихѣ, при обсужденіи одного случая, обращено было вниманіе на тонкую діагнозу болѣзни, поставленную врачемъ-женщиною. Послѣ такихъ указаній опыта, казалось бы, въ настоящее время не было сколько-нибудь основательныхъ причинъ къ ограниченію учебнаго курса и успѣху врачебной практики женщинъ, особенно въ Россіи, гдѣ всякій трезвый фельдшеръ можетъ безбѣдно существовать леченіемъ, и при полной безпомощности сельскаго народа приносить несомнѣнную пользу.

Замѣчательно, что несмотря на недостатокъ у насъ врачей, и несмотря на очевидную возможность съ пользою лечиться у иностранца, хотя бы и плохо знающаго русскій языкъ, у насъ не принимается уже ничѣмъ никакихъ мѣръ для облегченія иностранцамъ полученія лекарскаго диплома нашихъ факультетовъ. Но крайняя необходимость, какую мы ощущаемъ, имѣть ученыхъ филологовъ, вызвала въ юнѣ такую исключительную мѣру въ пользу иностранцевъ. По представленію министерства народнаго просвѣщенія состоялось 10-го іюля повелѣніе, которымъ допускается въ пользу филологовъ изъ иностранцевъ весьма важное исключеніе изъ общаго университетскаго устава. Въ силу этого повелѣнія, „лица изъ иностранцевъ, получившія образованіе въ *заграничныхъ* гимназіяхъ и затѣмъ прожившія положенное число семестровъ студентами одного изъ *заграничныхъ* университетовъ (не сказано: окончившія курсъ со степенью), изучая въ немъ историко-филологическіе предметы, буде выдержали установленное на званіе *лиминаческаго* учителя древнихъ языковъ испытаніе *за границей* или въ Россіи, и на основаніи свидѣтельствъ о семъ были опредѣлены учителями древнихъ языковъ въ гимназіяхъ имперіи, допускаются прямо къ испытанію на степень магистра, а затѣмъ и къ *приобрѣтенію* степени *доктора* греческой или римской словесности, или же и той и другой, *безъ предварительнаго испытанія на степень кандидата.*" Последнія слова значатъ буквально: безъ окончанія университетскаго курса. Итакъ, у насъ могутъ быть затѣмъ такіе доктора римской и греческой словес-

ности, которые изъ нѣкоторыхъ университетскихъ и даже гимназическихъ предметовъ не выдержали бы экзамена, но будутъ знать одну свою специальность. Уже въ то время, когда прошелъ уставъ нашихъ классическихъ гимназій, мы не скрывали отъ себя тѣхъ многообразныхъ трудностей, съ какими неизбежно должно было встрѣтиться у насъ быстрое усиленіе классической системы, и изъ которыхъ первую долженъ былъ оказаться именно недостатокъ въ преподавателяхъ. Нѣтъ нужды особенно останавливаться надъ нынѣ принятою мѣрой; она есть только одно въ числѣ исключеній изъ общаго закона, который придется допустить при спѣшномъ примѣненіи мысли о перевоспитаніи всего общества. Одна изъ слабыхъ сторонъ нынѣшней мѣры конечно та, что въ воспитатели придется звать людей, не знающихъ русской грамматики.

Отъ медицинскихъ курсовъ и отъ вопроса о недостаткѣ у насъ врачей вообще, весьма кстати перейти къ холерѣ, которая вотъ уже третье лѣто къ ряду появляется въ Петербургѣ. Официальныя цифры въ 14-е августа показываютъ и на нынѣшній разъ 2625 случаевъ холеры, изъ которыхъ 1,256 доселѣ окончились смертью. Такъ какъ съ 1848-го года, холера въ Петербургѣ открывается едва ли не въ восьмой разъ, то казалось бы, есть достаточный поводъ къ тому, чтобы признать эту эпидемію специально-опасною именно для Петербурга, изслѣдовать причины благоприятствующія ея появленію и развитію здѣсь, и затѣмъ предпринять какія-либо серьезныя и энергическія мѣры для пресѣченія или ограниченія зла, которое теперь держится здѣсь третій годъ и грозитъ стать въ Петербургѣ постояннымъ, непрекращающимся, а только періодически-ослабѣвающимъ и затѣмъ снова развивающимся бѣдствіемъ. Предѣлы этого обзрѣнія и самая специальность вопроса не позволяютъ намъ заняться имъ со всей подробностью; мы должны ограничиться бѣглымъ обзоромъ фактовъ и коснуться фактовъ научныхъ единственно настолько, чтобы показать, что и при нынѣшней, далеко не полной обработкѣ вопроса о способѣ распространенія эпидеміи, оказывается на лицо достаточно поводовъ для принятія энергическихъ мѣръ, чтобы избавить Петербургъ отъ непрерывно-холерной будущности.

Какъ ни неполно обработанъ вопросъ о холерѣ въ наукѣ, но и при взглядѣ на то, что уже сдѣлано для него иностранцевъ, становится совѣстно подумать, что у насъ даже и эти послѣдніе два года продолженія эпидеміи прошли для науки почти безслѣдно. При первомъ извѣстіи о нѣсколькихъ случаяхъ холеры въ Берлинѣ, въ иностранныхъ газетахъ появились обширныя статьи, посвященныя этому предмету, съ цѣлю побудить правительство и общество къ тому, чтобы принять своевременно мѣры для отпора эпидеміи. При нашемъ краткомъ очеркѣ,

мы преимущественно воспользуемся весьма обстоятельными статьями „Allgemeine Zeitung“, которые, по новѣйшему труду Петтенкофера, излагаютъ положеніе вопроса о причинѣ и способахъ распространенія холерной эпидеміи въ наукѣ. Европейская наука не ограничила наблюденіемъ хода холеры на западѣ Европы; она начала изслѣдовать холеру въ самомъ отечествѣ ея — Остѣ-Индіи, и труды англичанина Брайдона, который сдѣлалъ сводъ наблюденій за послѣднія 20 лѣтъ надъ 63,409 европейцами въ Индіи и 93,648 туземцами, составивъ карты путей холеры, представилъ драгоценныя статистическія данныя относительно дѣйствія эпидеміи въ Индіи, по условіямъ климатическимъ и гигиеническимъ, съ отдѣльными цифрами заболѣваній и смертности для различныхъ группъ больныхъ, находившихся въ разныхъ условіяхъ. Самый патологическій процессъ холеры нашелъ дѣятельныхъ и талантливыхъ изслѣдователей въ Европѣ, между которыми первыя мѣста занимаютъ Клобъ, Томе и Галлиеръ. Наконецъ, относительно общаго теоріи самаго способа распространенія холеры, наиболѣе полное и доселѣ наиболѣе вѣроятное объясненіе представилъ Петтенкоферъ. Въ виду такихъ почтенныхъ трудовъ, совѣстно сознаться предъ самими собой, что мы, несмотря на холеру 1870-го, 1871-го и 1872-го годовъ, не можемъ даже представить международному статистическому конгрессу, собравшемуся теперь въ Петербургѣ, сколько-нибудь полной и рационально-обработанной холерной статистики по имперіи. Сводъ помѣщаемыхъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ валовыхъ цифръ медицинскаго департамента о ходѣ холеры—вотъ все, что мы можемъ представить конгрессу, если еще такой сводъ будетъ сдѣланъ.

Не останавливаясь на различіи относящихся къ свойству холерной эпидеміи научныхъ теорій, приведемъ въ краткихъ словахъ тѣ *предположенія*, которыя пока основываются на наиболѣе полныхъ наблюденіяхъ. Микроскопическо-анатомическія изслѣдованія привели къ открытію, что желудочно-кишечный каналъ холерныхъ покрытъ какъ бы пылью, которая представляетъ массу микроскопическихъ грибовъ низжайшей органической формы—такъ-называемыхъ „споръ“. Эта пыль или масса извергается въ рвотѣ и кишечныхъ испражненіяхъ, придавая имъ видъ чего-то въ родѣ рисовой жидкости. Можно догадываться, что эти-то споры и заключаютъ въ себѣ холерный ядъ. Оставимъ въ сторонѣ другую научную догадку, которою возражается, что появленіе этихъ споръ на поверхности пораженныхъ внутренностей можетъ быть *послѣдствіемъ*, а не *причиною* самаго факта пораженія. Для насъ не такъ важенъ этотъ вопросъ, какъ тотъ несомнѣнный фактъ, что холерное пораженіе органа и появленіе въ немъ споръ — неразлучны, и затѣмъ другой фактъ, именно что такіе споры, при секціяхъ, не бываю никогда открываемы въ органахъ дыханія, а находились именно только въ желудочно-кишечномъ каналѣ и связанныхъ съ нимъ органахъ.

Изъ этихъ фактовъ представляется достаточный поводъ заключать (все предположительно), что холера сообщается организму не путемъ дыханія, а путемъ пищеварительныхъ каналовъ, то-есть, что зараженіе происходитъ не посредствомъ вдыханія мiasmовъ, а непосредственно несеніемъ споръ въ пищеварительные органы — черезъ пищу, а въ особенности питье, и даже прямо — входомъ споръ изъ зараженныхъ нечистотъ въ кишечные каналы.

Допустивъ это, намъ совершенно вѣроятнымъ представится то объясненіе хода холеры, которое даетъ именно Петтенкоферъ, а именно, что холера распространяется посредствомъ грунтовой воды, или иными словами — стокомъ водъ, а переносится въ далекія мѣстности самими больными путешественниками, которыхъ изверженія, проникая въ грунтовую воду мѣстности незараженной, вносятъ въ нее холерный ядъ. Затѣмъ, занесенная такимъ образомъ эпидемія и будетъ распространяться по направленію стока водъ. Если бы холера распространялась посредствомъ воздуха, то-есть, если бы ее несли теченія атмосферныя, то невозможно было бы объяснить, почему нѣкоторыя мѣстности, среди полосы пораженной холерою, остаются отъ нея свободными, и почему холера распространяется минуя иногда огромныя разстоянія.

Какъ бы то ни было, уже та масса наблюденій, какою обставлена теорія Петтенкофера и легкость, съ какою именно посредствомъ ея можно объяснить движеніе холеры, совершенно достаточны для того, чтобы основать на этой теоріи серьезныя мѣры для пресѣченія и ограниченія развитія эпидеміи. Необходимость предупредительныхъ и ограничительныхъ мѣръ особенно очевидна именно для Петербурга. Безъ нихъ, Петербургъ, по свойству тѣхъ условій разнаго рода, которыя въ немъ соединяются и всѣ благопріятствуютъ холерной эпидеміи, будетъ подверженъ ей почти постоянно. Взглянемъ на эти условія. Развитіе желѣзныхъ дорогъ сдѣлало то, что если только гдѣ-нибудь въ имперіи появится холера, есть всѣ шансы для того, чтобы она занесена была въ Петербургъ. Ни одинъ городъ въ Россіи не можетъ сравниться съ Петербургомъ относительно постоянного налива пріѣзжихъ. Нѣтъ такой мѣстности въ Россіи, изъ которой въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ не явилось бы нѣсколько пріѣзжихъ въ Петербургъ. А такъ какъ поѣздка по желѣзной дорогѣ ограничивается по большей части нѣсколькими часами, то можно почти съ достовѣрностью утверждать, что если только гдѣ-нибудь въ имперіи есть холера, въ Петербургъ непременно явятся нѣсколько заразившихся ею пассажировъ, которые въ столицѣ выздоровѣютъ или умрутъ, но внесутъ въ здѣшнюю почву ядъ эпидеміи. То же самое вѣрно и для Москвы, но послѣдующія затѣмъ явленія для обѣихъ столицъ совершенно различны. Почва въ Москвѣ гораздо суше, уровень грунтовой воды гораздо ниже, наконецъ вода, которую пьютъ въ Москвѣ, стекаетъ ключами

съ высотъ, находящихся внѣ города и стало быть можетъ совершенно предохраниться отъ зараженія. Такъ извѣстно, что въ Москву нинѣшнимъ лѣтомъ эпидемія была занесена богомольцами изъ Кіева. Но при твердости мѣстной почвы и по свойству теченія воды, употребляемой въ пищу, холера могла локализоваться въ Москвѣ, такъ что ядъ ея не распространился на весь городъ, на все населеніе. Совсѣмъ иные условія почвы въ Петербургѣ. Здѣшняя почва жидка, влажна, а уровень грунтовой воды на большей части поверхности Петербурга составляетъ всего 2—3 фута, и только въ немногихъ мѣстахъ доходитъ до 4-хъ саженъ. Здѣсь мы сошлемся на извѣстную книгу доктора Гюбнера „Статистическія изслѣдованія санитарнаго состоянія Петербурга“. Уровень почвенной воды не постояненъ; онъ иногда возвышается, иногда понижается. Причина этого явленія указывается специалистами различная. Такъ докторъ Пель доказываетъ, что повышеніе уровня почвенной воды въ Петербургѣ зависитъ исключительно отъ атмосферическихъ осадковъ, т.-е. дождя и тумана, а докторъ Илншъ утверждаетъ, что степень влажности петербургской почвы зависитъ прямо отъ уровня воды въ Невѣ, такъ что съ паденіемъ рѣчного уровня всѣ соединенія въ почвенной водѣ стекаютъ въ Неву.

Не намъ предстоитъ разбирать степень вѣроятности каждаго изъ этихъ объясненій. Для насъ достаточно и то, и другое, чтобы понять почему въ петербургской почвѣ всякое зараженіе легко можетъ проникнуть во всѣ мѣстности, сообщиться всей почвенной водѣ и, не говоря уже о каналахъ, отравить и самую Неву. Петербургская почва это губка, которая всасываетъ легко и болѣе или менѣе равнообразно всякое химическое начало, которое будетъ привито хоть къ одному ея пункту, особенно если прежде всего оно прививается именно мѣстности лежащей выше, мѣстности, отъ которой идетъ стокъ водъ, то есть теченіе какъ самой рѣки, такъ и дождевыхъ и почвенныхъ водъ, и наконецъ обратный стокъ въ Неву ея же воды, подмывшей почву при морскомъ вѣтрѣ. Итакъ, зараженіе, по теоріи Петтенкорфа, въ Петербургѣ непременно должно сообщаться всему городу съ особенной легкостью. Но у насъ есть и еще нѣкоторые условія для этого, кромѣ жидкости и влажности почвы, и условія эти сосредоточены именно къ самымъ источникамъ той воды, которую мы пьемъ.

Первоначально эпидемія заносится прибывающими въ Петербургъ. Но какіе же изъ прибывающихъ въ Петербургъ людей находятся въ положеніи наиболѣе благопріятномъ для развитія въ нихъ организміа холернаго зараженія? Конечно—рабочіе. Въ Петербургѣ ихъ являютъ десятки тысячъ человѣкъ, являются именно лѣтомъ. Не мало уже было говорено о тѣхъ плачевныхъ условіяхъ, въ которыхъ находятся эти прибывающіе въ Петербургъ рабочіе; о томъ, что они ѣдятъ и гдѣ они спятъ. Но и изъ этой массы рабочихъ, въ условіяхъ самыхъ благо-

пригодныхъ для развитія эпидеміи паходятся именно тѣ, которые при-
ходятъ въ Петербургъ на баркахъ, которые при самой изнуритель-
ной работѣ получаютъ самое скудное вознагражденіе, а стало быть
и пищу, работаютъ не рѣдко въ водѣ, и спятъ всегда на холоду, на
дѣлѣ же, въ одеждѣ по большей части сырой, если и не совершенно
мокрой. Извѣстно, что холера бываетъ особенно сильна именно въ
среде судорабочихъ. Итакъ, наиболѣе вѣрные условія для развитія
заразнаго яда сосредоточиваются у насъ именно у самаго источника
Невы и по берегамъ ея, выше города, въ Шлиссельбургскомъ уѣздѣ
холера обыкновенно и начинается. Такимъ образомъ, зараженіе непо-
средственно сообщается Невѣ, пзъ которой всѣ мы пьемъ, и путемъ
стоковъ изъ наиболѣе возвышенной въ Петербургѣ мѣстности со-
общается всей почвенной водѣ. Затѣмъ уже, зараза, быстро распро-
страняясь по всему городу, сильнѣе всего начинаетъ дѣйствовать въ
мѣстностяхъ наиболѣе низменныхъ, то-есть тамъ, куда стоки направ-
ляются и гдѣ уровень почвенной воды всего ближе къ поверхности
почвы, то-есть въ частяхъ парвской, коломенской, а за рѣкою — въ
петербургской и васильевской. Прибавимъ еще, что какъ нарочно въ
низкихъ мѣстностяхъ Петербурга, лежащихъ всего выше по теченію
Невы, находятся два кладбища: на правомъ берегу Охтенское, на лѣ-
вомъ — Невскаго монастыря. Затѣмъ: въ мѣстности, лежащія за рѣкою,
на холмахъ окружающихъ Петербургъ съ сѣвера, эпидемія путемъ
проникновенія почвенной воды не могла бы проникнуть. Однакоже мы
знаемъ, что холера бываетъ сильна на Охтѣ всякій разъ, на Порохо-
выхъ (въ прошломъ году), а появляется и въ Парголово (нынѣшнимъ
лѣтомъ) и въ Лаврикѣхъ (около 2 верстъ за Муринимъ). Это уже мѣ-
ста лежащія высоко и притомъ имѣющія пную почву и пную воду;
почва ихъ сухая, песчаная, вода изъ тамошнихъ источниковъ сама по
себѣ имѣетъ даже крипстальное свойство. Но во всѣхъ этихъ мѣст-
ностяхъ, начиная отъ Новосаратовской колоніи, на правомъ берегу
Невы (15 в. выше Петербурга) до тѣхъ холмовъ, на которыхъ лежатъ
пухонскія деревни, принадлежащія къ комендантскому вѣдомству и
до самой Лахты (6 верстъ ниже Петербурга), во всемъ этомъ полу-
островѣ земледѣліе производится при удобреніи, вывозимомъ изъ отхо-
жихъ мѣстъ Петербурга. Эти массы нечистотъ, нисколько не дезин-
фицированныя, вывозятся не только зимою, но и въ теченіи всего лѣта,
въ самое холерное время, тамошними крестьянами изъ частныхъ до-
мовъ, посѣщенныхъ холерою и даже изъ больницъ, безъ всякаго раз-
бора. Привезенныя на мѣсто, онѣ сваливаются въ кучи, а потомъ
разбрасываются по полямъ. Что при дождѣ холерный ядъ изъ нихъ
можетъ заражать и мѣстную воду, особенно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ,
гдѣ почва имѣетъ гипроскопическое свойство, это доказывается слу-
чаями холеры въ Парголово и особенно въ Лаврикѣхъ, гдѣ нынѣш-

нимъ глѣтомъ какой-то антрепренеръ устраивалъ ямы для сбора нечистотъ, съ цѣлью добывать изъ нихъ какое-то улучшенное удобрѣніе. Крестьяне въ Лаврикахъ приписываютъ происхожденіе у нихъ холеры прямо этому обстоятельству и въ подтвержденіе ссылаются на фактъ, что первый случай холеры былъ въ самомъ заведеніи этого предпринимателя.

Но успѣетъ ли ядъ изъ петербургскихъ нечистотъ заразить гнѣзные колодцы этихъ возвышенныхъ мѣстъ или нѣтъ, во всякомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнія, что дожди несутъ его съ полей въ рѣку Охту и вообще внизъ, по скату водъ, на Пороховые и въ Охтенскій посадъ. А оттуда онъ смываются опять-таки въ Неву и уносятся туда рѣкою Охтою, которая впадаетъ въ Неву.

Сверхъ того, и независимо отъ такого, можно сказать, систематическаго зараженія Невы у самаго ея источника, или въ верховьяхъ ея выше Петербурга, въ самой столицѣ почвенная вода должна просачиваться въ Неву, а вода съ улицъ и дворовъ береговыхъ мѣстностей, вода зараженная, не можетъ не проникать въ Неву. Мы не беремъ на себя утверждать никакихъ новыхъ научныхъ фактовъ, ни рѣшатъ между фактами спорными въ наукѣ. Но полагаемъ, изъ предшествующаго слѣдуетъ одно изъ двухъ: 1) или нужно а priori отвергать научное мнѣніе, что холера производится тончайшимъ органическимъ ядомъ, который даже въ весьма малыхъ дозахъ способенъ отравить цѣлую мѣстность посредствомъ ея почвенной воды, или 2) что въ Петербургѣ, гдѣ условія почвы благоприятствуютъ распространенію холеры, куда стекаются массы рабочихъ, гдѣ преимущественно заражается самое верховье рѣки, дающей воду для питья и пищи, холера будетъ развиваться каждый годъ, какъ только она явится гдѣ-либо въ имперіи. Благодаря скорости сообщеній она неизбежно будетъ заносима, благодаря свойствамъ петербургской почвы она будетъ легко распространяться и держаться по два года, такъ что едва оставшіяся въ почвѣ яды начнутъ истощаться, какъ уже новыми пріѣзжими изъ холерныхъ мѣстностей онъ будетъ занесенъ въ Петербургъ вновь, опять на два года и такъ далѣе. Однимъ словомъ, безъ серьезныхъ мѣръ пресѣченія холера въ Петербургѣ водворится постоянно, и будетъ каждый годъ уносить по тысячѣ, а иногда и по тысячамъ жертвъ.

Необходимость мѣръ пресѣченія очевидна. Мѣры, какія можно предложить, всѣ слѣдуютъ изъ того, что выше сказано о способѣ развитія эпидеміи въ Петербургѣ. Стало бытъ, намъ достаточно будетъ назвать ихъ, не объясняя, чѣмъ именно оправдывалась бы каждая изъ нихъ. Исчислимъ эти мѣры. Самая трудная изъ нихъ: устройство правильного отвода нечистотъ изъ Петербурга въ море. Мѣра эта удобнѣе въ Петербургѣ, чѣмъ гдѣ-либо, удобнѣе, конечно, чѣмъ въ Па-

рѣкъ, который отъ моря отстоитъ далеко; правильное дренажное устройство въ связи съ устройствомъ отвода нечистотъ. Изъятіе производства дезинфекціи въ частныхъ и казенныхъ домахъ изъ рукъ санитарнаго управленія этихъ домовъ и порученіе постоянной дезинфекціи санитаріи, или же образованіе для этой важной санитарной мѣры особаго service public, особыхъ городскихъ агентовъ. Всѣ ретирадныя ямы и ямы въ городѣ должны быть перенумерованы и раздѣлены на околотки, ввѣренныя агентамъ, такъ чтобы достаточно было взгляда на номеръ, чтобы знать, кто за исправность его состоянія отвѣчаетъ. Повѣрка городскими медиками и городскими властями, а также и полиціею должна происходить неослабно. Для дезинфекціи должны быть употребляемы карболовые составы, а быть можетъ и болѣе сильныя средства, уничтожающія органическія зачатки (споры) зараженія. Тогда нечистоты, вывозимыя на поля и отвезенныя на взморье, не будутъ уже заразительны. Дезинфекція сама по себѣ операція столь легкая и дешевая, сравнительно хотя бы съ постояннымъ леченіемъ 2-хъ тысячъ больныхъ въ теченіи лѣта, что не можетъ быть въ вопроса о пользѣ примѣненія ея. Но для того, чтобы она производилась не для виду только, а серьезно и неослабно, необходимо изъять ее изъ рукъ домовладѣльцевъ, смотрителей и дворниковъ и организовать ее столь же исправно, какъ организовано, напр., освѣщеніе города газомъ. Когда дѣломъ этимъ не будутъ завѣдывать домовладѣльцы, а городъ будетъ производить дезинфекцію на свой, то есть на ихъ же счетъ, тогда сами домовладѣльцы будутъ жаловаться на наибѣйшую неисправность содержанія ихъ отхожихъ мѣстъ, а стало быть наблюденіе будетъ двустороннее и неослабное. Необходимо также подумать и объ устройствѣ въ Петербургѣ порядочныхъ ночлежныхъ помѣщеній для приходящихъ рабочихъ. Съ этой цѣлью недавно образовалось специальное благотворительное общество. Но такъ какъ средства оно на это дѣло предполагаетъ добывать устройствомъ концертовъ, спектаклей, лотерей и т. п., то ясно, что дѣйствія его не будутъ значительны и не снимутъ съ города обязанности озабочиться этимъ вопросомъ. Наконецъ, при истокѣ Ладожскаго канала можетъ быть устраиваемъ лѣтомъ медицинскій осмотръ барокъ, въ видѣ карантина, и сверхъ того вообще на всѣхъ системахъ нашихъ каналовъ слѣдовало бы учредить холерныя станціи или пріюты, также какъ и на желѣзныхъ дорогахъ. Эти двѣ послѣднія мѣры входятъ уже въ кругъ дѣятельности разныхъ земствъ и желѣзно-дорожныхъ компаній. Но и специально въ самомъ Петербургѣ не слѣдуетъ ограничиваться одной дезинфекціею, какъ бы дѣйствительна она ни была. Необходимо все-таки подумать объ отводѣ нечистотъ и объ устройствѣ правильной системы водосточныхъ трубъ для осушенія почвы. Пословица говоритъ: „не плюй въ колодезь, изъ котораго пить при-

дета"; при нынѣшнемъ стоѣтъ нечистотѣ въ Петербургѣ, можно сказать, населеніе дѣлаетъ еще хуже, чѣмъ пьетъ въ ту воду, которую послѣ употребляетъ въ пищу.

Вопросъ о своевременныхъ и успѣшныхъ мѣрахъ къ отвращенію и пресѣченію эпидемій въ такихъ многолюдныхъ центрахъ, какъ Петербургъ и Москва, очевидно связанъ самымъ существеннымъ образомъ съ другимъ вопросомъ, именно о степени самостоятельности городскихъ управленій столицъ и въ особенности ихъ денежной самостоятельности. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что вовсе не трудно было бы, при нынѣшнемъ развитіи кредита, такому городу, какъ Петербургъ, составить планы правильного отвода нечистотъ, городского производства усиленной дезинфекціи при приближеніи и наступленіи эпидеміи, одновременной перестройки мостовыхъ большими участками, улучшения содержанія городскихъ больницъ, наконецъ, пожалуй и устройства нѣсколькихъ обширныхъ казармъ для почлега прибывающихъ въ городъ рабочихъ. Устройство правильной дезинфекціи и стоило бы въ теченіи цѣлаго лѣта суммы вовсе не большой; всего важнѣе здѣсь то, чтобы этими дѣлами заведывали не домохозяева, а само городское управленіе. Улучшить содержаніе городскихъ больницъ совершенно необходимо. Удовлетворительно содержать и лечить больного на 8 копѣекъ въ сутки нѣтъ возможности, а поручить уходъ за ними людямъ, которые получаютъ въ мѣсяцъ мѣтѣ 7-ми рублей жалованья, изъ которыхъ еще 2 р. 50 к. вычитаются на харчи—какъ то недавно обнаружилось относительно Обуховской больницы въ извѣстномъ процессѣ ея служителей—слишкомъ нераціонально. Наконецъ, когда же нибудь стоить подумать и о томъ, чтобы мостовыя въ Петербургѣ устроены были сплошными площадями съ правильными разрѣзомъ.

На все это, въ настоящее время, пѣется основательное возраженіе—нѣтъ денегъ! городъ не имѣетъ средствъ! Правда, противъ этого возраженія можно, также не безъ основательности, сказать, что городъ Петербургъ еще не попробовалъ могущественнаго средства развитія, а именно—обращенія къ кредиту для работъ, указываемыхъ не прихотью роскоши, а первыми, настоятельными городскими потребностями. Кредитъ же у такихъ городовъ, какъ Петербургъ и Москва, долженъ быть. Вѣдь нѣшли же Парижъ и Вѣна возможность почти совершенно перестроиться въ короткій періодъ времени. Не надо, конечно, вступать на путь „османовской“ расточительности. Но для заведеній первоначальной необходимости, для охраненія жизни, рубль, ногъ и шей гражданъ слѣдуетъ обратиться и къ кредиту, если наличныхъ средствъ недостаетъ. Для чего же и можетъ служить кредитъ во всякомъ хозяйственномъ дѣлѣ, какъ не для того, чтобы самое хозяйство поставить правильно?

Впрочемъ, поспѣвшимъ оговориться, что наше возраженіе на воз-

рѣшеніе можетъ быть предъявлено только въ неопредѣленномъ будущемъ, а никакъ не могло быть предъявляемо доселѣ. Рационально ли обращаться къ кредиту тому, кто не можетъ самостоятельно распорядиться занятою суммой, чьи постоянные доходы обложены обязательными статьями расхода въ такой степени, что онъ можетъ располагаться по своему усмотрѣнію едва одной пятой ихъ частью? Возможно ли было предпринимать обширныя мѣры къ улучшенію условий городской жизни, когда городскому управленію лишь въ незначительной степени принадлежало право издавать обязательныя для жителей постановленія? Мыслимо ли городу посредственно или непосредственно приниматься за производство какихъ-либо большихъ строительныхъ работъ, когда самое дѣло строительства зависитъ отъ трехъ, а иногда и болѣе чѣмъ трехъ вѣдомствъ?

Въ концѣ іюля опубликованы правила о примѣненіи городского положенія 16-го іюня 1870 года къ столицамъ и городу Одессѣ. Вотъ почему мы повели рѣчь о мѣрахъ къ „будущему“ устройству столицъ. Городовое положеніе, какъ извѣстно, въ значительной мѣрѣ обезпечиваетъ самостоятельность самоуправленія. Кругъ вѣдѣнія городскихъ дѣлъ имъ расширенъ, а учрежденіе особыхъ присутствій по городскимъ дѣламъ, состоящихъ на половину изъ лицъ административныхъ и на половину изъ лицъ выборныхъ, — во всякомъ случаѣ обезпечиваетъ дѣйствіемъ городскихъ управленій значительную долю самостоятельности. Такъ какъ Петербургъ предположено выдѣлить изъ состава губерніи въ особое градоначальство, то обязанности, возлагаемыя городскими положеніями на губернатора, здѣсь будутъ принадлежать градоначальнику. Обязанности эти, по отношенію къ общему управленію, ограничиваются надзоромъ за законностью его дѣйствій. Присутствіе по городскимъ дѣламъ здѣсь составляется: изъ вице-губернатора, управляющаго казенною палатой, прокурора окружнаго суда, предсѣдателя столннаго сѣзда мировыхъ судей или члена сѣзда по назначенію послѣдняго. Предсѣдательствуютъ въ присутствіяхъ по городскимъ дѣламъ губернаторы. Но такъ какъ Петербургъ выдѣляется изъ губерніи, то при разсмотрѣніи присутствіемъ дѣлъ, касающихся Петербурга, предсѣдательствовать будетъ градоначальникъ; губернатору же будетъ принадлежать предсѣдательство только при разсмотрѣніи дѣлъ другихъ городовъ Петербургской губерніи. При этомъ невольно возникаетъ вопросъ, почему же въ обсужденіи дѣлъ Петербурга будетъ участвовать вице-губернаторъ, когда Петербургъ къ губерніи принадлежать не будетъ? Сверхъ того, въ составъ присутствія приглашается городской голова того города, до котораго относится разсматриваемое дѣло. При существованіи въ столицѣ нѣсколькихъ мировыхъ округовъ, членомъ присутствія по городскимъ дѣламъ назначается одинъ изъ предсѣдателей мировыхъ сѣз-

довъ, по постановленію общаго присутствія этихъ сѣздовъ. Городскія думы будутъ состоять въ Петербургѣ изъ 252, а въ Москвѣ изъ 180 гласныхъ. Если особый предсѣдатель городской думы въ Петербургѣ или Москвѣ не назначенъ верховной властью, то предсѣдательствуетъ въ думѣ городской голова. Дума избираетъ двухъ кандидатовъ въ городскіе головы: „перваго“ и „второго“; затѣмъ одинъ изъ нихъ утверждается въ этомъ званіи верховной властью (въ столицахъ); въ Петербургѣ и Москвѣ учреждается еще, также выборная, должность товарища городского головы.

Городовое положеніе, какъ извѣстно, предоставляетъ городскимъ думамъ издавать, съ соблюденіемъ установленнаго порядка, обязательныя для городскихъ жителей постановленія по опредѣленнымъ предметамъ. Сверхъ этихъ общихъ предметовъ, думамъ петербургской и московской предоставляется издавать обязательныя постановленія еще по нѣкоторымъ, особо для нихъ указаннымъ предметамъ, и въ числѣ такихъ предметовъ находятся: мѣры къ огражденію общественнаго здоровья отъ опасности, происходящей вслѣдствіе неправильнаго устройства и *неисправнаго содержанія* фабрикъ, заводовъ, мастерскихъ и вообще *помѣщеній для рабочихъ*. Расширеніе власти городского управленія въ этой сферѣ весьма важно въ санитарномъ отношеніи и, надо надѣяться, поведетъ къ преобразованію тѣхъ ночлежныхъ пріютовъ на Сѣнной, которые составляютъ одно изъ темнѣйшихъ пятенъ Петербурга, и той извѣстной фабрики въ Москвѣ, которая служила центромъ для развитія тамъ холеры. Въ числѣ такихъ же предметовъ, специально отнесенныхъ въ компетентности думъ петербургской и московской, находимъ еще и регуляцію времени открытія и закрытія торговыхъ и промышленныхъ заведеній въ воскресные и праздничные дни. Право городскихъ думъ издавать обязательныя постановленія по этому предмету могло бы дать городскимъ собраніямъ столицъ немаловажное практическое средство для ограниченія пьянства, которое, какъ извѣстно, не только процвѣтаетъ, но именно и возникаетъ въ праздничные дни, простираясь отъ нихъ уже и на дни непосредственно слѣдующіе за праздниками. Авторъ того представленнаго харьковской думѣ доклада, о которомъ мы упоминали въ одномъ изъ послѣднихъ обзорѣй, именно настаивалъ на важности предоставить городскимъ думамъ право вовсе запрещать торговлю спиртными напитками въ дни воскресные и праздничные. Но „правила“, о которыхъ мы теперь говоримъ, хотя и предоставляютъ столичнымъ думамъ право опредѣлять время открытія и закрытія торговыхъ, а стало быть и питейныхъ заведеній, однако тотчасъ исключаютъ возможность каки-либо дѣйствительныхъ мѣръ для ограниченія питейной продажи тѣмъ, что обуславливаетъ это право столичныхъ думъ статья 329-ю устава питейнаго. Справляясь съ этой статьей находимъ, что она запрѣ-

часть продажу въѣзжихъ напитковъ только до окончанія обѣдни, а также волостныхъ и сельскихъ сходовъ. Такъ какъ притомъ въ одномъ примѣчаніи къ этой статьѣ питейнаго устава сказано, что городскимъ думахъ предоставляется только опредѣлить разъ навсегда часть, до котораго кабаки должны быть закрыты по праздникамъ, сообразно со временемъ окончанія въ городѣ обѣдни, а другое примѣчаніе освобождаетъ даже и отъ такого ограниченія трактиры, буфеты и постоянныя ябры, то ясно, что предоставляемое столичнымъ думахъ право опредѣлять время открытія и закрытія торговыхъ заведеній сводится, собственно говоря, ни къ чему. При дополнительномъ согласованіи нынѣшнихъ правилъ съ общими законами, которое, согласно мнѣнію государственнаго совѣта, возложено на попеченіе II отд. канцеляріи его величества и министра внутреннихъ дѣлъ, въ порядкѣ законодательномъ, не мѣшало бы обратить вниманіе на указанный нами пунктъ правилъ, который какъ бы предоставляетъ въ видѣ особой привилегіи столичнымъ думахъ, относительно питейной продажи, только такое право, которое по общимъ законамъ уже принадлежитъ всѣмъ безъ изыатія городскимъ думахъ. Нѣтъ, собственно говоря, причины давать столичнымъ думахъ какую-либо въ этомъ отношеніи привилегію предъ прочими думами, но весьма полезно было бы предоставить всѣмъ вообще думахъ право вполне запрещать продажу спиртныхъ напитковъ по праздникамъ, или ограничивать ее небольшимъ числомъ часовъ въ день, какъ то принято въ Лондонѣ.

Разрѣшеніе частныхъ построекъ въ Петербургѣ, которое теперь происходитъ весьма медленно, и за введеніемъ городского положенія облегчится не много, такъ какъ въ правилахъ оговорено, что утвержденіе фасадовъ частныхъ зданій въ тѣхъ мѣстностяхъ города, гдѣ нынѣ оно доводится до усмотрѣнія верховной власти чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ, и впредь должно совершаться тѣмъ же порядкомъ. Нельзя не признать нѣсколько необычнымъ новаго правила, по которому для разсмотрѣнія всѣхъ плановъ и *фасадовъ* на постройки и перестройки во всѣхъ вообще мѣстностяхъ Петербурга и Москвы въ присутствіи городской управы приглашается, съ правомъ голоса, брантъ-майоръ. Вѣдь городская управа рѣшенія свои въ этомъ дѣлѣ будетъ основывать на заключеніяхъ строительной комиссіи, въ которой находятся специалисты строительнаго дѣла, т.-е. архитекторы. Для чего же тутъ еще брантъ-майоръ? Развѣ онъ специалистъ какого-либо искусства, кромѣ умѣнья обращаться съ пожарными инструментами? Да и въ этомъ умѣньи брантъ-майоръ дѣлается специалистомъ только вслѣдствіе назначенія его въ эту должность, на которую назначаются лица случайно, просто по личному довѣрію, напримѣръ: то артиллерійскій офицеръ, то мелкій чиновникъ. Казалось бы нѣтъ достаточной причины вводить въ присутствіе выборнаго учрежденія

административнаго агента, не обязаннаго притомъ имѣть никакой спеціальной подготовки. Вѣдь для разсужденія о мѣрахъ къ охраненію общественнаго здоровья не вводится же въ городскую управу съ правомъ голоса докторъ медицины, а между тѣмъ, это было бы все-таки рациональнѣе, чѣмъ привлеченіе брантъ-майора къ разсмотрѣнію „фасадовъ“. Въ высочайше утвержденномъ мнѣніи государственнаго сѣвѣта, къ которому приложены нынѣшнія правила, постановлено, между прочимъ, чтобы министръ внутреннихъ дѣлъ, по сношенію съ вѣдомствами, при которыхъ состоятъ особыя по строительной части учрежденія, представлялъ соображенія о мѣрахъ, какія, въ видахъ лучшаго устройства строительной части въ Петербургѣ, могли бы быть приняты для точнѣйшаго опредѣленія отношеній между упомянутыми учрежденіями и общимъ управленіемъ, заведывающимъ строительной частью, и свои соображенія внесъ въ государственный совѣтъ. Желательно, чтобы такое „опредѣленіе отношеній“ состоялось именно въ смыслѣ упрощенія процедуры разрѣшеній и устраненія необходимости разнообразныхъ сношеній.

Перейдемъ теперь къ самому существенному вопросу городского хозяйства столицъ, именно къ вопросу о денежныхъ сборахъ и ихъ употребленіи. Извѣстно, что городской бюджетъ Петербурга крайне обремененъ обязательными расходами, изъ которыхъ наиболѣе тяжелымъ представляется расходъ по содержанію полиціи. Весь бюджетъ Петербурга на 1872-й годъ едва превышаетъ сумму 3½ мил. р., а содержаніе полиціи и пожарныхъ командъ составляетъ 1 м. 302 т. р., не считая весьма значительнаго расхода по содержанію и ремонту различныя зданій, занимаемыхъ полиціею. Расходъ на полицію былъ уже тяжелъ для Петербурга и несоразмѣренъ съ его средствами и до того времени, какъ на городъ упалъ расходъ по содержанію мировыхъ судебныхъ учрежденій, составляющій нѣсколько мѣнѣе 200 т. р. Сверхъ того, на городской же бюджетъ относится расходъ по отопленію и освѣщенію тюремъ вообще, по устройству и содержанію тюремъ для арестантовъ, приговоренныхъ къ заключенію мировыми судьями, и издержки по содержанію казармъ. Примѣненіе къ столицамъ городского положенія можетъ облегчить тягость обязательныхъ расходовъ въ будущемъ, но на первое время они останутся въ настоящемъ видѣ, и столицы пока получаютъ только право облагать своихъ жителей новыми сборами для своихъ нуждъ. Городовое положеніе опредѣляетъ, что города *участвуютъ* въ расходахъ по содержанію полиціи, „тамъ, гдѣ такое участіе возложено въ законномъ порядкѣ на городскія средства“. Стало быть примѣненіе городского положенія къ столицамъ, само по себѣ, не измѣнитъ нынѣ существующей тягости. Сверхъ того, одно изъ правилъ по примѣненію уставовъ

иметь, что сборы существующіе въ столицахъ на основаніи особыхъ, высочайше-утвержденныхъ положеній сохраняются въ теченіи трехъ лѣтъ, а другое правило выражаетъ прямо, и безъ всякаго назначенія срока, что „на городскія средства обязательно относится въ Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ, сверхъ предметовъ исчисленныхъ въ ст. 139-й городского положенія (т.-е. обязательныхъ, въ числѣ которыхъ находится и участіе въ содержаніи полиціи), расходы по содержанію мировыхъ судебныхъ установленій, а также по устройству и содержанію помѣщеній для подвергаемыхъ аресту по приговорамъ мировыхъ судей“.

Расходы по содержанію мировыхъ учреждений и особыхъ мѣстъ заключенія по приговорамъ мировыхъ судей, естественно, должны оставаться на городскомъ бюджетѣ. Но за этими новыми расходами тѣмъ болѣе необходимымъ становится облегчить для города огромную тягость содержанія полиціи, тягость, которая съ 1859-го года въ Петербургѣ удвоилась. Мнѣніе государственнаго совѣта, къ которому приложены нынѣшнія правила, между прочимъ опредѣляетъ: по приведеніи въ дѣйствіе новаго городского положенія въ столицахъ, вмѣнить въ обязанность столичнымъ думахъ представить въ теченіи трехъ лѣтъ (то-есть къ тому сроку, на который, какъ выше сказано, сохраняются особые сборы въ нынѣшнемъ ихъ видѣ) соображенія свои объ отиѣхъ существующихъ въ нихъ, по мѣстнымъ положеніямъ, и оставшихся на первое время сборовъ, или же объясненіе причинъ, по которымъ такая отиѣна нѣкоторыхъ изъ этихъ сборовъ была бы признана несвоевременною, съ тѣмъ, чтобы затѣмъ министръ внутреннихъ дѣлъ, по сношеніи съ министромъ финансовъ, внесъ окончательныя заключенія свои по этому предмету на разрѣшеніе, въ законодательномъ порядкѣ. Вотъ тотъ прямой поводъ, предоставленный городскимъ обществамъ столицъ примѣненіемъ городского положенія, который долженъ послужить для облегченія и правильной постановки ихъ хозяйства въ будущемъ. Нынѣшній законъ вмѣняетъ имъ въ обязанность пересмотрѣть сборы. Но пересмотръ сборовъ ни къ чему не поведетъ, да и невозможенъ безъ разсмотрѣнія всѣхъ статей постоянного бюджета расходовъ. Если изъ бюджета расходовъ Петербурга въ 3½ милл. р. исключить расходы: по управленію губернатора, по содержанію управы благочинія, адрессной экспедиціи, полиціи и пожарныхъ командъ, мировыхъ учреждений, городской тюрьмы и дома несправныхъ должниковъ, казармъ и другихъ военныхъ зданій и казенныхъ домовъ, и квартирныя деньги нижнимъ чинамъ, то на все остальное, то-есть на все настоящее хозяйство города: строительную часть, освѣщеніе, содержаніе учебныхъ и благотворительныхъ заведеній, содержаніе и пенсіи городского управленія, углубленіе каналовъ и рѣкъ и даже на участіе города въ губернскихъ потребностяхъ остается всего менѣе 1 м. 700 т. р., то-есть менѣе половины всей бюд-

жетной суммы 3½ милл., собираемой съ жителей Петербурга въ сборахъ разныхъ наименованій.

Если же изъ суммы 1 м. 700 т. р. мы исключимъ содержаніе прежняго городского управленія (228 т. р.) и участіе въ губернскихъ земскихъ потребностяхъ (58½ т. р.), то на все хозяйство и благоустройство въ тѣсномъ смыслѣ остается гораздо менѣе 1½ милл. р. Скрудѣйшую и поистинѣ недостойную столицы огромнаго государства статью въ городскомъ бюджетѣ представляетъ народное образованіе, на которое городъ издерживаетъ менѣе 28 т. р. Справедливо ли и возможно ли, чтобы на городъ, который уже издерживаетъ для одного военнаго вѣдомства (на казармы, квартирныя деньги и т. д.) до 120 т. р. въ годъ, возлагался въ столь значительной мѣрѣ расходъ по содержанію полиціи, какъ то было доселѣ?

Расходъ на содержаніе полиціи въ Петербургѣ, по самому своему свойству, есть расходъ по меньшей мѣрѣ настолько же обще-государственный, насколько и спеціально-городской. Самое устройство нашей полиціи противорѣчитъ содержанію ея преимущественно на мѣстныхъ общественныхъ средствахъ; полиція наша есть учрежденіе правительственное, а стало быть и содержаніе ея естественно было бы принять на счетъ государственнаго бюджета, оставивъ на городѣ, положить только содержаніе и отопленіе помѣщеній для чиновъ полиціи, но уже никакъ не расходъ по личному составу. Совершенная необходимость облегчить, такъ или иначе, городской бюджетъ выступаетъ все съ бѣльшей очевидностью; если уже съ 1848-го года холера въ Петербургѣ появлялась нѣсколько разъ и почти всегда держалась по два года, то, при нынѣшнемъ развитіи желѣзныхъ дорогъ она можетъ просто акклиматизироваться въ Петербургѣ, при отсутствіи цѣлой рациональной системы дезинфекціи. Если мостовыя наши, при нынѣшнемъ способѣ ремонта ихъ по лоскуткамъ, всегда находились въ плохомъ состояніи, то съ возрастаніемъ города, съ увеличеніемъ въ немъ числа экипажей и вообще движенія, мостовыя въ центрѣ города, куда все движеніе неизбежно стекается, придуть наконецъ въ состояніе безнадежное, то-есть каждый вновь починенный лоскутъ мостовой будетъ исправенъ всего какой-нибудь мѣсяцъ въ году, а все остальное будетъ изображать нѣчто въ родѣ поверхности бурнаго моря.

Въ мнѣніи государственнаго совѣта положено еще предоставить министру юстиціи, вмѣстѣ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и главноуправляющимъ II отд. обсудить вопросъ: „представляется ли полезнымъ и необходимымъ возвысить, и въ какой именно мѣрѣ, строгость взысканія, опредѣляемаго въ ст. 29-й устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями за неисполненіе законныхъ распоряженій, требованій или постановленій правительственныхъ и полицейскихъ

мостей, а равно земскихъ и городскихъ общественныхъ управленій, и имѣтъ войти по этому предмету съ представленіемъ въ государственный совѣтъ“. Справляясь со ст. 29-ю видимъ, что установленное въ обыкновенное наказаніе представляется штрафомъ не выше пятидесяти, а въ нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ двадцати-пяти рублей штрафа и семидневнаго ареста. Такъ какъ рѣчь идетъ о примѣненіи собственно къ столицамъ, а стало быть объ отвѣтственности именно въ неисполненіи требованій полиціи и городскихъ властей, то этотъ размѣръ наказанія представлялся бы кажется вполне достаточнымъ, и нельзя желать его увеличенія. Полиція, правда, приноситъ Петербургу не малую пользу своимъ наблюденіемъ за благоустройствомъ и благоучиіемъ. Но если бы нашлось возможнымъ облегчить городъ отъ огромной его тягости по содержанію полиціи, то это предоставило бы въ его распоряженіе такія денежныя средства, которыя дали бы ему возможность сдѣлать для своего благоустройства безъ сомнѣнія болѣе, чѣмъ для него можетъ сдѣлать одно наблюденіе полиціи, какимъ бы штрафомъ ни было карасмо неисполненіе ея требованій.

Мы ограничились въ нынѣшней хроникѣ своими внутренними дѣлами, несмотря на то, что въ послѣдній мѣсяцъ наша печать обращала главное вниманіе публики на дѣло международное — какимъ былъ статистическій конгрессъ въ Петербургѣ; но мы имѣемъ въ виду посвятить въ ближайшей книгѣ журнала специальную статью засѣданіямъ конгресса и ознакомленію читателей съ предполагаемыми результатами его дѣятельности.

«ВИДЫ» И «СООБРАЖЕНІЯ»

министерства народнаго просвѣщенія по дѣлу реальныхъ училищъ.

До сихъ поръ, говоря о новомъ родѣ училищъ, открываемыхъ у насъ съ нынѣшняго года, на основаніи закона 15-го мая, и названныхъ „реальными“, мы могли только угадывать, но точно не знали, какія собственно цѣли имѣеть въ виду министерство народнаго просвѣщенія при открытіи этихъ новыхъ училищъ, и почему оно называетъ ихъ реальными, хотя въ Пруссіи, отечествѣ реальныхъ училищъ, подъ реальными училищами разумѣютъ такія же общеобразовательныя и научныя школы, какъ гимназій. Въ августѣ „Правитель-

ственный Вѣстникъ" публиковать циркуляръ министра народнаго просвѣщенія къ начальникамъ учебныхъ округовъ (отъ 31 іюля), и теперь не можетъ быть больше мѣста никакимъ недоразумѣніямъ: и въ этомъ циркулярѣ изображены совершенно ясно тѣ „виды“ и „соображенія“, которыми руководилось министерство народнаго просвѣщенія представляя въ государственный совѣтъ проектъ устава реальныя училища. Эти „виды“ и „соображенія“, конечно, намъ не были тогда извѣстны: мы знали изъ газетъ одно, а именно, что большинство въ государственномъ совѣтѣ не согласилось съ этими видами и соображеніями; а потому теперь болѣе чѣмъ интересно познакомиться съ ними, чтобы понять и оцѣнить вполне уставъ „реальныхъ“ училищъ съ точки зрѣнія самого министерства народнаго просвѣщенія, помимо возрѣшій тѣхъ, которые не соглашались съ проектомъ.

По словамъ циркуляра, „реальныя училища имѣютъ цѣлью давать общее образованіе въ практическомъ направленіи и тѣмъ непосредственно готовить учащееся въ нихъ юношество къ поступленію преимущественно на различныя поприща полезной практической дѣятельности“. Такое назначеніе названо въ циркулярѣ „особымъ, отличнымъ отъ гимназій“, которыя, „давая своимъ основнымъ предметамъ оба древніе классическіе языка (а отечественный языкъ?) и затѣмъ математику, даютъ общее образованіе въ направленіи теоретическомъ, и, снабжая учащееся юношество всѣми необходимыми (т.-е. древними классическими языками и затѣмъ уже математикой) знаніями для дальнѣйшаго научнаго образованія, приготовляетъ его наилучшимъ образомъ, какъ свидѣтельствуетъ опытъ всѣхъ странъ (кромя, однако, самой образованной, а именно, кромя Пруссіи), къ вступленію не только въ университеты, но и вообще во всѣ высшія спеціальныя учебныя заведенія“. Итакъ, съ этой мноты, у насъ будетъ, по плану самого министерства народнаго просвѣщенія, два общіе образованія, а слѣдовательно и въ будущихъ ближайшихъ поколѣніяхъ образуется два рода людей: одни будутъ *теоретики*—кончившіе курсъ въ гимназіяхъ, а другіе—*практики*, кончившіе курсъ въ реальныхъ училищахъ. Но собственно говоря, наши теоретики сами собою распадутся на двѣ весьма неравныя части; до сихъ поръ, окончившіе курсъ въ гимназіяхъ и поступающіе въ университеты, составляютъ около 5%, и слѣдов., только 5 изъ 100 теоретиковъ будутъ вполне достойны этого названія, а 95 человѣкъ составятъ особую и значительную фалангу; о нихъ можно будетъ сказать, что они „убоялись реторики и возвратились вспять“. Такое распадѣніе теоретиковъ на двѣ слишкомъ неравныя части предвидѣно и циркуляромъ; циркуляръ самъ признаетъ, что „весьма многіе“ теоретики не кончаютъ курса въ гимназіи, и при этомъ справедливо замѣчаетъ, что подобныя теоретики составляютъ силу потерянную для страны, которая можетъ обра-

ваться во вредъ обществу“. Имѣя въ виду парализовать такой шагъ, министерство народнаго просвѣщенія и создало теперь свою новую систему образованія, которая, по его убѣжденію, доставляетъ возможность избавить страну отъ массы некончившихъ курса въ гимназіяхъ и именно, значительная часть этой массы должна уйти въ реальныя училища и тамъ кончить какой-нибудь практической курсъ. Съ этой цѣлью предоставлена большая льгота гимназіямъ, а именно, учащимся гимназій и прогимназій, удостоенные перевода во II, III, IV и V классы, принимаются въ соотвѣтствующіе классы реальныхъ училищъ на предварительнаго экзамена“.

Видѣвъ сочувствуя мотиву такого плана, а именно, намѣренію изъять общество отъ тѣхъ недоучившихся 95 изъ 100 теоретиковъ, и помощи направленія ихъ въ реальныя училища, мы должны указать на то, что всѣ тѣ виды и соображенія, при внимательномъ разсмотрѣніи, могутъ оказаться удовлетворительными только въ теоріи, на практикѣ же они приведутъ къ тому, чего, мы предполагаемъ, какъ не можетъ желать министерство народнаго просвѣщенія; а чтобы наше мнѣніе не было голословнымъ, мы для тѣхъ, кому мало однихъ логическихъ доводовъ, приведемъ и примѣры изъ исторіи другихъ странъ, гдѣ опытныхъ насъ и уже давно отказавшихся отъ тѣхъ видовъ и соображеній, которыми у насъ думаютъ руководиться на будущее время. Само наше министерство косвенно сознается, въ настоящемъ циркулярѣ, что изъ его взглядовъ на значеніе реальныхъ училищъ и гимназій слѣдуетъ то, что „такимъ образомъ гимназіи *расчитаны* на тѣхъ преимущественно, кто имѣетъ *возможность* учиться, начиная съ 10-ти лѣтняго возраста, въ продолженіи 12 или 13 лѣтъ, и желаютъ пріобрѣсти высшее научное образованіе“. Расчетъ сдѣланъ вѣрно, но можетъ быть при этомъ достигнута цѣль? Министерство, конечно, преслѣдуетъ при этомъ какую-нибудь благую цѣль; но выйдетъ ли такъ на дѣлѣ? Мы очень хорошо знаемъ, на практикѣ, и это не извѣстно и министерству народнаго просвѣщенія, что „возможность учиться“ въ теченіи 12 или 13 лѣтъ (допустивъ же одинъ или два года слабости ученика или болѣзни, то и въ теченіи даже 14 и 15 лѣтъ) опредѣляется всего чаще матеріальнымъ состояніемъ родителей; а потому гимназіи, волей-неволей, окажутся „расчитанными“ на способнѣйшихъ, а главнымъ образомъ, на людей со средствами: для однихъ и будетъ доступно высшее научное образованіе и справедливо сопряженныя съ нимъ всѣ позднѣйшія выгоды его въ практической жизни. Тутъ не было бы ничего невыгоднаго для государства и общества, если бы и въ природѣ вещей заключался соотвѣтственный такой учебной системѣ порядокъ, если бы матеріальное благосостояніе родителей безусловно было связано съ высокими умственными и нравственными способностями ихъ дѣтей, и наоборотъ, безденежье

первыхъ являлось бы непремѣнно вмѣстѣ съ безталанностью послѣднихъ. Но въ природѣ вещей такого порядка нѣтъ, а потому нельзя отъ противодѣйствія естественному положенію дѣлать выгоды послѣдствій, какъ для государства, такъ и для общества. Мертвѣе, таково неизбежное послѣдствіе теорій, въ силу которой высшее научное образованіе и основательно связанное съ нимъ общественное положеніе и вліяніе лицъ будутъ разсчитаны на однихъ имѣющихъ „возможность“ затрачивать чуть не 15 лѣтъ на полное образованіе, которое притомъ такого свойства, что и въ будущемъ не требуетъ отъ человѣка практическаго труда для добыванія всѣхъ средствъ къ жизни и предполагаетъ ихъ готовыми.

Что же касается до другого, весьма почтеннаго по себѣ разсчета стороны министерства на то, что некончившіе курса въ гимназіи будутъ съ настоящаго времени поглощаться реальными училищами, это еще большой вопросъ, къ какому результату приведетъ насъ подобный разсчетъ, а именно, къ тому ли, чего желаетъ министерство, то-есть избавить общество отъ цѣлаго легіона недоучившихся теоретиковъ или къ чему-нибудь другому, чего, по нашему предположенію, министерство опять желать не можетъ? На практикѣ должно произойти и произойдетъ вотъ что: неимущіе родители, взявшіе изъ гимназіи талантливаго сына по бѣдности, естественно не отдадутъ его по той же самой причинѣ и въ реальное училище, такъ какъ въ данномъ случаѣ они и берутъ сына потому, что нечѣмъ за него платить, пожалуй нечѣмъ и кормить, а потому сына нужно пристроить или въ канцелярію или въ контору. Такимъ образомъ, въ реальномъ училищѣ будутъ переведены въ дѣйствительности только тѣ, которые окажутся слабыми, малоспособными и лѣнивыми, вообще испорченными натурами; убѣдившемся таковыхъ и сдѣлаются реальныя училища. Такой только практическій результатъ и можетъ выйти изъ благонамѣренія министерства избавить общество отъ недоучившихся теоретиковъ: реальныя училища, прежде нежели успѣютъ развиться и окрепнуть, потеряютъ всякое довѣріе въ обществѣ, и репутацію ихъ можно считать впередъ ненадежною. Самъ циркуляръ не особенно уважительно относится къ будущимъ реальнымъ училищамъ, когда говоритъ, наприм., о коммерческомъ отдѣленіи реальнаго училища такимъ образомъ: „Тотъ же (слова циркуляра), кто затруднялся бы не только древними языками, но и болѣе трудными частями математики (значить, особенно неспособный и отлично лѣнивый), или имѣлъ бы надобность *скорѣе* (?) окончить школьное свое образованіе въ полезномъ практическомъ направленіи, имѣетъ *полную* возможность перейти въ коммерческое отдѣленіе реальнаго училища, двухлѣтній курсъ котораго не представляетъ *никакихъ особенныхъ трудностей*“. Не будетъ ли счастливо то коммерческое отдѣленіе реальнаго училища

приобрѣтенія такого господина, и справедливо ли мнѣніе министерства народнаго просвѣщенія вообще о торговлѣ, приготовленіе къ которой будто бы „не представляетъ никакихъ особенныхъ трудностей“? По словамъ самого же циркуляра, выше, „молодые люди, окончившіе курсъ по коммерческому отдѣленію, должны обладать *весьма удовлетворительнымъ* общимъ образованіемъ, *хорошимъ* знаніемъ двухъ иностранныхъ языковъ, способностью *побѣждать* всѣ трудности, встречающіяся въ коммерческомъ дѣлѣ вычисленій“, и т. д., — и этого довольно! Министерство какъ будто понимаетъ весь тяжелый трудъ человѣка, готовящагося къ коммерческой дѣятельности; и, подъ влияніемъ своей теоріи, тѣмъ не менѣе рекомендуетъ само себѣ, кто не успѣлъ въ математикѣ, коммерческое реальное училище, въ которомъ нужна именно „способность побѣждать всѣ трудности“ вычисленій; въ коммерческомъ реальномъ училищѣ потребуютъ „весьма удовлетворительнаго общаго образованія“ и „хорошаго знанія двухъ новыхъ языковъ“, а удаляющійся изъ гимназій до окончанія курса не можетъ располагаться ни весьма удовлетворительнымъ общимъ образованіемъ, ни способностью къ языкамъ. И такое-то лицо, которое „затруднилось“ не только древними языками, но и болѣе трудными частями математики“, получить право поступить въ реальное училище безъ экзамена.

Но кромѣ указанія циркуляра самого нашего министерства на то, что реальныя училища будутъ таковы, что окажутся годными для принятія безъ экзамена плохихъ лингвистовъ и математиковъ изъ гимназій, мы имѣемъ предъ собою опытъ Пруссіи, гдѣ до 1859 года существовало тоже школьное явленіе, а именно, что на реальныя училища смотрѣли какъ на убѣжище лѣности и неспособности, гдѣ ученье, какъ говоритъ нашъ циркуляръ, не представляетъ особыхъ трудностей“. Вредъ такого ненормальнаго отношенія реальныя училища къ гимназіямъ обнаружился въ Пруссіи очень скоро, и въ 1859 году реальныя училища были сдѣланы равноспланными гимназіямъ, общеобразовательными и научными заведеніями, гдѣ ученье представляетъ теперь не меньшія трудности, какъ и въ гимназіи, если только не большія.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что хотя виды и соображенія министерства народнаго просвѣщенія направлены къ тому, чтобы строго отдѣлать въ нашей общественной жизни теорію и практику, но на дѣлѣ окажется, что общественная масса раздѣлится у насъ на людей съ научнымъ образованіемъ и безъ научнаго образованія, и люди съ научнымъ образованіемъ будутъ только тѣ, которые имѣютъ возможность около 15 лѣтъ ни въ чемъ матеріальномъ не нуждаться; люди же способные, но неудовлетворенные „практическимъ направленіемъ“ сво-

его общаго образованія, сами на скорую руку и кое-какъ создаютъ себѣ теоріи помимо школьнаго труда. Это именно и будетъ то явленіе, отъ котораго наше общество страдало не мало, а именно, у насъ будутъ теоретики безъ трезваго пониманія современной практической жизни, и практики съ собственноручными теоріями. Другіе же виды соображенія министерства, а именно относительно устройства недоучившихся теоретиковъ въ реальныя училища, заключаются униженіемъ педагогическаго уровня послѣднихъ: можно ли имѣть высокій уровень какому-нибудь коммерческому училищу, когда само министерство приглашаетъ туда тѣхъ, кто хочетъ *скорѣе* кончить курсъ и обѣщаетъ при этомъ, что курсъ будетъ *легкій*,—какъ говорится, для маленькихъ сынковъ?

Теперь, посмотримъ, остался ли циркуляръ вѣренъ самому себѣ высказаннымъ имъ въ началѣ видамъ. На это отвѣчаетъ второй и послѣдній пунктъ циркуляра, на который мы и обращаемъ особое вниманіе. Циркуляръ остался вѣренъ видамъ министерства и роднаго просвѣщенія, но за то, намъ кажется, онъ, не вполне вѣрнымъ духу устава реальныя училища, который былъ составленъ этимъ министерствомъ, такъ какъ этотъ второй пунктъ сводитъ вопросъ объ основаніи у насъ реальныя училища къ вопросу объ основаніи двуклассныхъ профессиональныхъ школъ. Не смотря на то, что уставъ признаетъ сущностью реальнаго училища *общее образованіе*, хотя и примѣненное къ практикѣ, не смотря на то, что циркуляръ въ своемъ первомъ пунктѣ вынужденъ былъ также заявить, что „*существеннымъ признакомъ* реальныя училища признано то, чтобъ они давали *общее образованіе*, приспособленное къ практическимъ потребностямъ и къ приобрѣтенію техническихъ познаній“,—не смотря на все это второй пунктъ циркуляра, въ опроверженіе своихъ же словъ въ первомъ пунктѣ, объявляетъ, что „существенную принадлежность педагога реальнаго училища составляютъ классы V и VI“, а затѣмъ вышій дополнительный классъ; т.-е. другими словами, три высшіе класса реальнаго училища; а первые четыре класса, въ которыхъ собственно и получается настоящее общее образованіе, объявляются какимъ образомъ несущественною принадлежностью реальныя училища. Есть, слѣдовательно опасность, что слова циркуляра въ округахъ будутъ поняты такъ, что мы получимъ „принадлежность“ реальныя училища, а „признака“ ихъ не будетъ, и на такую мысль наводятъ особенно послѣдующія слова циркуляра. Ослабивъ значеніе нисшихъ четырехъ классовъ въ реальномъ училищѣ, циркуляръ замѣчаетъ дѣлѣ, какъ бы мимоходомъ, что курсъ четырехъ нисшихъ классовъ въ реальномъ училищѣ „*почти вполне* (?)“ соответствуетъ курсу гимназій, а въ нисшихъ двухъ классахъ и курсу городскихъ учи-

и¹⁾. И на этомъ одномъ основаніи, полный организмъ ерального училища, какого мы могли бы ожидать по общему смыслу устава, не оказался въ „видахъ“ министерства излишнимъ, а въ заключеніи говорится уже прямо: „Изъ этого (т.-е. изъ вышеприведенныхъ циркуляра) явствуетъ, что тамъ, гдѣ имѣются хорошо устроенные городскія училища, а также прогимназіи, гимназіи и другія (?) учебныя заведенія, реальныя училища могутъ быть учреждены, смотря по мѣстнымъ условіямъ, безъ одного, двухъ, трехъ, даже и четырехъ классовъ“. Но такъ какъ нѣтъ ни одного мѣста, гдѣ бы не было городского училища, прогимназіи или гимназіи другого средняго учебнаго заведенія, то, очевидно, нигдѣ не можно учреждать настоящаго реального училища, а достаточно установить просто двухклассное техническое училище, въ которое будутъ переходить изъ V класса классическихъ гимназій болѣе или менѣе плохіе ученики, такъ какъ хорошіе пойдутъ дальше; притомъ, основать полное реальное училище значило бы со стороны министерства признать собственную гимназію того же города плохо устроенною. Такимъ образомъ, чего мы только опасались, какъ невольнаго слѣдствія на введеніе реальныхъ училищъ, возводится циркуляромъ въ систему. Циркуляръ и говоритъ, что курсъ прогимназій, т.-е. четырехъ нижнихъ классовъ гимназій „почти вполне“ одинаковъ съ нижними классами реального училища, но кто же не знаетъ, что теперь будутъ воспитанники высшихъ классовъ реальныхъ училищъ будутъ не одни гимназисты, остановившіеся на спрѣженіи какого-нибудь латинскаго глагола съ слабѣйшимъ знаніемъ русскаго языка, математики и новыхъ языковъ и безъ обученія рисованію и черченію. Можно ли сказать, что уставъ имѣлъ въ виду такихъ питомцевъ для ре-

и²⁾ До какой степени справедливо это „почти вполне“, всякій можетъ легко сказать по одному тому, что въ высшихъ четырехъ классахъ гимназій классическихъ греческій и латинскій языки занимаютъ 36 часовъ въ недѣлю; эти 36 часовъ въ высшихъ классахъ реального училища не тратятся на древніе языки, а идутъ на рисованіе и черченіе (18 часовъ въ недѣлю), совсѣмъ не преподаются въ гимназіяхъ классическихъ, и на усиленіе другихъ предметовъ: на одинъ языкъ въ 4 высшихъ классахъ реального училища уходятъ 18 часовъ, тогда какъ въ гимназіяхъ только 15, да и то совокупно съ церковно-славянскимъ языкомъ; на одну математику 16 часовъ, а въ гимназіяхъ 15 часовъ на математику съ географіею, математическою географіею и краткимъ отечествовѣдѣніемъ; на два новыхъ языка 28 часовъ въ недѣлю, а въ гимназіяхъ 9 часовъ, притомъ на одинъ изъ новыхъ языковъ. Можно ли въ виду всего этого сказать, что курсъ 4 высшихъ классовъ реального училища „почти вполне“ соответствуетъ курсу 4 высшихъ классовъ гимназій, т.-е. прогимназій? Не было ли бы справедливѣе сказать, что между тѣми и другими даже очень мало общаго? Одни употребляли огромное количество часовъ на то, чтобы все-таки недоучиться латинскому и греческому языку; другіе въ то же время весьма рационально готовились къ старшимъ классамъ реального училища.

альных училищъ, которые засвидѣтельствовали бы въ гимназiи с неспособность къ изученiю языковъ и математики? Вотъ почему и были вынуждены считать все это за отступленiе отъ духа устава реальныхъ училищъ, который въ своемъ § 1 постановляетъ первую ихъ цѣль „доставить учащемуся въ нихъ юношеству. *общее образованiе*“, и котораго первые четыре класса, ниспiе—самые важные; а въ § 2 ставъ только разрѣшаетъ устроить реальныя училища безъ младшихъ классовъ, и то только съ точки зрѣнiя „мѣстныхъ удобствъ“. Изъ циркуляра же, можно заключить, что мы вовсе не будемъ имѣть настоящихъ реальныхъ училищъ, удовлетворяющихъ полному плану устава, а будемъ имѣть однѣ гимназiи, въ которыхъ воспитанники будутъ расходиться въ V классѣ: лучшiе изъ нихъ останутся въ томъ же зданiи и пойдутъ дальше хорошо приготовленными къ продолженiю своего дѣла; худшiе же, а во всякомъ случаѣ плохо подготовленные для новаго направленiя, такъ какъ они остановились въ латинской и греческой грамматикахъ на какой-нибудь ихъ страницѣ, перейдутъ (и притомъ безъ экзамена) въ сосѣднее зданiе, въ которомъ будетъ помѣщаться коммерческое, механико-техническое или химико-техническое училище. Циркуляръ министерства, развивая смыслъ начальникамъ округовъ, ссылается впрочемъ не на уставъ реальныхъ училищъ, а на постороннiя сущности дѣла соображенiя, говоритъ: „такая организацiя реальныхъ училищъ (т.-е. безъ младшихъ четырехъ классовъ) представляетъ два *существенныя* (?) удобства: во-первыхъ, значительное сбереженiе денежныхъ средствъ учебныя силъ, потребныя для учрежденiя и содержанiя свихъ училищъ, вслѣдствiе чего и самое число ихъ можетъ значительно увеличиться; и во-вторыхъ, то удобство, что родители, отдавая своихъ детей первоначально въ гимназiю или прогимназiю, не прежде 14-лѣтняго возраста будутъ предпрѣшать ихъ дальнѣйшую участь, т.-е. не прежде того возраста, когда въ большинствѣ случаевъ уже опредѣляются способности и наклонности учащихся“. Но, во-первыхъ мы убѣждены, что при организацiи у насъ новыхъ реальныхъ училищъ, самое существенное удобство составляетъ строжайшее исполненiе высочайшей воли, выраженной въ самомъ уставѣ реальныхъ училищъ, а именно, что можно устроить реальное училище безъ младшихъ классовъ, только смотря „по мѣстнымъ удобствамъ“, а во-вторыхъ, въ настоящемъ случаѣ и самыя финансовыя соображенiя министерства не оказываются безошибочными: если классическiя гимназiи дѣлаются подготовительными заведенiями какъ для университетовъ, такъ и для высшихъ классовъ реальныхъ училищъ (а именно этого и желаетъ циркуляръ), то въ такомъ случаѣ число желающихъ поступить въ гимназiю удвоится; другими словами, гдѣ была до того

ремени одна гимназія, тамъ будетъ нужно двѣ, а слѣдов. потребуются новыя финансовыя и учебныя силы. Что же касается до удобства учителей позже опредѣлять назначеніе дѣтей, то по § 15 устава реальныхъ училищъ они и безъ того могутъ, когда захотятъ, переводить дѣтей въ соотвѣтствующіе классы реального училища, только теперь они этого не могутъ сдѣлать, потому что въ «видахъ» циркуляра вовсе и не предполагается основывать полныхъ реальныхъ училищъ, ибо «существенную» принадлежность каждаго реального училища составляютъ классы V и VI, а не первые четыре класса. Пусть еще такъ разсуждали частныя люди, общества или земства, но въ правительственныхъ реальныхъ училищъ мы ожидаемъ образцоваго устройства, полнаго во всѣхъ частяхъ, со всѣми подробностями устава, а не просто двухклассныхъ профессиональныхъ школъ, въ которыя идутъ стекаться недоучившіеся латинской и греческой грамматики гимназисты, которые «затруднялись бы, какъ говорить циркуляръ, не только древними языками, но и болѣе трудными частями математики», и желали бы «скорѣе» окончить курсъ, и притомъ «безъ особенныхъ трудностей» — какъ это говорится въ томъ же циркулярѣ.

Соображая все предъидущее, — такъ заключаетъ циркуляръ свое обращеніе къ гг. попечителямъ учебныхъ округовъ — вы усмотрите въ реальныхъ училищахъ, по уставу 15-го мая 1872-го года, дополняютъ нашу учебную систему недостававшими ей доселѣ учебными заведениями, отъ которыхъ можно ожидать удовлетворенія существеннымъ потребностямъ страны въ многоразличныхъ отношеніяхъ. Но затѣмъ въ такомъ случаѣ, министерство не рекомендуетъ гг. попечителямъ прежде всего вполнѣ осуществить планъ реального училища, какъ онъ вложенъ въ уставъ, и поставляеть на видъ — въ тѣхъ городахъ, гдѣ есть гимназія, прогимназія и т. п., а слѣдовательно вездѣ, — вмѣсто полнаго реального училища устроять два высшихъ его класса по одному въ трехъ отдѣленій, и наполнять эти классы въ такомъ случаѣ одними недоучившимися гимназистами. Это, какъ мы видѣли, будетъ мало полезно для реальныхъ училищъ и противно духу устава. Мы и прежде уже могли сказать въ пользу этого устава, какъ устава реальныхъ училищъ, когда онъ былъ еще проектомъ, но разъ проектъ сдѣлался закономъ, мы будемъ всегда думать, что его слѣдуетъ осуществить въ цѣлости его плана; да и вообще, должно сознаться, что наши уставы приносили всегда мало пользы оттого, что лѣтъ черезъ 10-ть или 15-ть циркуляры не оставляли въ нихъ почти ни одного параграфа въ дѣйствіи; нынѣшній же разъ уставъ реальныхъ училищъ склоненъ въ одну сторону еще прежде, нежели онъ успѣлъ найти полное себѣ осуществленіе.

Прежній споръ о самомъ учебномъ планѣ проекта реальныхъ училищъ и его значеніи разрѣшается теперь циркуляромъ окончательно.

Очевидно, мы нѣсколько не ошибались тогда, когда утверждали, что проектъ училищъ, названныхъ „реальными“, есть собственно проектъ училищъ профессиональных. Это признаетъ теперь и циркуляръ, воторый въ доказательство достоинствъ своего учебнаго плана реальныхъ училищъ по уставу 15-го мая 1872-года ссылается на „сравненіе онаго съ учебнымъ планомъ прусскихъ *промышленныхъ* училищъ (по уставу 1850-го года), а также *профессиональныхъ* отдѣленій бѣлгійскихъ и швейцарскихъ кантонскихъ“, — а не на учебный планъ реальныхъ училищъ въ Пруссіи; кромѣ того, наше министерство народного просвѣщенія въ своемъ циркулярѣ для доказательства пользы училищъ, названныхъ у насъ „реальными“, приводитъ отзывъ министра народнаго просвѣщенія въ Пруссіи, какъ того слѣдовало ожидать, — а прусскаго министра *торговли*; очевидно, что наши „реальные“ училища и въ глазахъ самого министерства народнаго просвѣщенія есть не болѣе, какъ „промышленныя“ училища Пруссіи, которыя тамъ вовсе и не находятся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, по той простой причинѣ, что только научное образованіе можетъ составлять основу народнаго просвѣщенія, а не прикладное. За то прусскій министръ торговли никакъ уже не скажетъ, какъ специалистъ своего дѣла, что коммерческія училища основываются для тѣхъ, кто желаетъ „скорѣе“ кончить курсъ и притомъ безъ „фактическихъ трудностей“; а министерство народнаго просвѣщенія, не будучи специалистомъ въ дѣлахъ торговли, можетъ имѣть и менѣе правильныи взглядъ на торговлю.

Но гдѣ же, спросятъ насъ, въ общей системѣ нашихъ учебныхъ заведеній прусскія реальныя училища, гдѣ можно было бы и въ Пруссіи приобрести *научное* образованіе, помимо классическихъ гимназій? Циркуляръ утверждаетъ одно, что наши новыя „реальныя“ училища „дополняютъ нашу учебную систему недостававшими ей доселѣ учебными заведеніями“. Но это можно было бы справедливо сказать только тогда, когда мы имѣли бы реальныя училища въ томъ смыслѣ, въ какомъ ихъ имѣетъ Пруссія, т.-е. какъ строго-научныя учрежденія, не имѣющія ничего общаго съ прикладными. Нынѣшнія же училища, называемыя у насъ реальными и по словамъ самого циркуляра соответствующія прусскимъ профессиональнымъ училищамъ, составляютъ не менѣе важное и полезное приобретеніе для страны, но онѣ могли бы быть устроены и другими нашими министерствами, соответственнымъ министерству торговли въ Пруссіи, а отъ министерства народнаго просвѣщенія ожидаются только строго-научныя школы, именно потому, что оно завѣдуетъ *народнымъ* просвѣщеніемъ, а не коммерческимъ, технологическимъ, агрономическимъ и т. д. Въ Пруссіи народное просвѣщеніе въ настоящую минуту поконится на классической и на реальной школахъ; наше министерство остановилось исключительно на первой; а относи-

тельно второй пошло прямо противоположнымъ путемъ сравнительно в Пруссіи: въ уставѣ прусскихъ реальныхъ училищъ 1859-го года предъается давать права реального училища такому учебному заведенію, которое обнаружитъ профессиональное или прикладное направленіе; въ циркулярѣ же нашего министерства, отъ 31-го іюля 1872-го года, объявлено, что „наименованіе реальныхъ училищъ не должно быть присвоиваемо тѣмъ учебнымъ заведеніямъ, курсъ которыхъ не имѣетъ вышеозначеннаго характера“, т.-е. „приспособленія къ практическимъ потребностямъ и къ приобрѣтенію техническихъ познаній“. Однимъ словомъ, въ Пруссіи наши новыя училища были бы названы профессиональными и попали бы въ руки министра торговли. Конечно, дѣло не въ названіи; пусть у насъ профессиональныя училища называются реальными; пусть ихъ основываетъ министерство народного просвѣщенія, а не другое какое-нибудь: это все же лучше, чѣмъ еслибы ихъ никто не основывалъ; наконецъ, такія профессиональныя училища во всякомъ случаѣ необходимы и полезны; онѣ не были бы излишни даже и при настоящихъ реальныхъ (научныхъ) училищахъ; но все же нельзя сказать, какъ-то утверждаютъ въ циркулярѣ, что теперь „дѣль, въ которой издавна, но безуспѣшно стремилось правительство — возмѣжно большее распространеніе техническихъ познаній — будетъ дѣйствительно достигнута съ помощью техническихъ отдѣленій реальныхъ училищъ“. Во-первыхъ, наше правительство, какъ и всякое другое правительство просвѣщенныхъ странъ, не можетъ стремиться только къ большому распространенію техническихъ познаній, — оно, конечно, дѣлаетъ выше всего распространеніе тѣхъ научныхъ познаній, которыя необходимы для успѣха во всякой технике; доказательствомъ тому служатъ и уставъ гимназій 1864-го года, котораго противники приписываютъ его лицамъ, между тѣмъ какъ этотъ уставъ, какъ и нынѣшній уставъ, былъ дѣйствіемъ самого же правительства; а тамъ было выражено именно стремленіе нашего правительства въ 1864-мъ году не отстать отъ Пруссіи, издавшей въ 1859-мъ году свой знаменитый уставъ реальныхъ училищъ, который составляетъ по справедливости гордость и причину успѣховъ этой страны; уставъ 1864-го года, правда, былъ не полонъ, исполненіе его досталось тѣмъ лицамъ, которыя не участвовали въ его составленіи; но все же это не даетъ намъ повода игнорировать его и забывать, что наше правительство еще весьма недавно стремилось къ тому, чтобы не отставать отъ научнаго движенія въ Пруссіи. Вотъ въ этомъ стремленіи, наше правительство, можно сказать, дѣйствовало „безуспѣшно“; не наше дѣло въ эту минуту объяснять — по чьей винѣ? — это принадлежитъ исторіи; но мы думаемъ, что отчасти причина неуспѣховъ заключалась въ неполнотѣ устава 1864-го года во всемъ, что относилось къ реальнымъ гимназіямъ, а дальнѣйшаго развитія имъ, какъ извѣстно, не было дано впоследствии.

Но еще разъ повторяемъ, новыя реальныя училища, разсматриваемыя какъ профессиональныя, вовсе не излишни и весьма полезны даже въ глазахъ тѣхъ, кто желалъ бы видѣть въ Россіи прежде всего прусскія реальныя училища; новыя наши училища заслуживаютъ полной снп патіи нашего общества и энергическаго содѣйствія съ его стороны правительству въ дѣлѣ ихъ основанія, лишь бы онѣ были полными а не двухклассными; прусскій министръ торговли весьма справедливымъ сказалъ о своихъ промышленныхъ училищахъ: „польза, приписанная прусскими промышленными училищами, и вліяніе ихъ на возвышеніе уровня отечественной промышленности признаны повсюду, даже и за границей“. Эти слова приводитъ и циркуляръ, — они совершенно справедливы; мы убѣждены, что и основываемыя теперь наши промышленныя училища могутъ принести ту же пользу; но прусскій министръ торговли не сказалъ при этомъ, что прусскія реальныя училища приносятъ вредъ странѣ; мы даже увѣрены, что польза прусскихъ промышленныхъ школъ во многомъ обусловлена тѣмъ, что въ Пруссіи есть надъ ними разсадники реальныхъ наукъ; это именно прусскія реальныя училища. Вотъ почему мы также думаемъ, что какъ ни велика заслуга нашего министерства народнаго просвѣщенія, приступившаго теперь къ основанію новаго рода школъ въ Россіи, но это не избавляетъ его отъ желаній общества идти дальше по одному пути съ прусскою школою; конечно, и министерство народнаго просвѣщенія, указывая на сдѣланное имъ, можетъ справедливо отвѣчать на это: *non omnes optima possunt!* Наконецъ, не менѣе вѣрно, пожалуй и то, что какъ бы мы ни много сдѣлали, всегда останется еще больше того, что нужно сдѣлать; никакъ нельзя ничего не оставить для дѣятельности потомства. Если же мы оставали всегда преимущества прусской реальной школы, то единственно вслѣдствіе нашего убѣжденія, что каково бы ни было общее образованіе страны, оно должно быть прежде всего *научное*, будетъ ли оно классическое или реальное. Иначе намъ придется еще долго читать отзывы иностранцевъ о „русскомъ умѣ“, подобные тому, который былъ произнесенъ недавно извѣстнымъ англичаниномъ Ридомъ; читатели найдутъ это ниже, въ статьѣ: „Англійское мнѣніе о русскомъ флотѣ“. Въ томъ, за что г. Ридъ упрекаетъ русскій умъ, виновать вовсе не русскій умъ...

М. С.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

три миллиарда. — Учредительные планы Тьера. — Сессія генеральных штатов. — Тьеръ въ Трувиллѣ. — Парламентская сессія въ Англіи. — Положеніе министерства. — Ballot на практикѣ. — Бельфастскіе беспорядки. — Милль. — Уѣдетъ ли папа изъ Рима? — Муниципальные выборы въ Италіи. — Смерть о Викторѣ-Эммануилѣ. — Толки о берлинскомъ свиданіи. — Министерскій кризисъ въ Турціи.

Громадный успѣхъ французскаго займа трехъ миллиардовъ подалъ большинству французскихъ газетъ поводъ торжествовать этотъ фактъ, въ доказательство неисчерпаемаго богатства Франціи и даже особеннаго «сочувствія» къ ней свроейскаго капитала. Преувеличеніе факта очевидно. Дѣло въ томъ, что при подпискѣ на этотъ заемъ у иностранныхъ банкировъ вовсе не требовалось представленія залога, а и въ самой Франціи отъ залога были освобождены биржевые маклера. Залоговъ въ дѣйствительности внесено было не многими болѣе полуаріяда франковъ. Огромная сумма подписки (43 миллиарда вѣроятно 3) представляла, такимъ образомъ, цифру, поставленную совершенно произвольно, безъ всякаго соотношенія съ дѣйствительными средствами подписчиковъ, и просто въ ожиданіи, что подписка во всякомъ случаѣ превзойдетъ требуемую сумму, и затѣмъ послѣдуетъ разрывъ. Тѣмъ не менѣе, самая эта увѣренность европейскаго капитала въ томъ, что подписка на новый французскій заемъ непременно превыситъ требуемую сумму, что затѣмъ временныя свидѣтельства будутъ ходить съ премією и представлять хорошее средство для спекуляцій, — представляетъ все-таки симптомъ весьма благопріятный для Франціи. Кредитъ ея, стало быть, не поколебался, и республиканскому правительству обезпечена полная возможность исполнить денежныя обязательства передъ Германіею и осуществить въ скоромъ времени очищеніе французской территоріи отъ германскихъ войскъ.

Въ числѣ новыхъ налоговъ, вызванныхъ увеличеніемъ суммы процентовъ по иностранному долгу, вмѣстѣ съ увеличеніемъ и нѣкото-

рыхъ другихъ частей бюджета, президенту республики, наконецъ-таки удалось провести и излюбленные имъ налоги на первобытные или сырые продукты, ввозимые во Францію. Извѣстно, что въ январѣ національное собраніе, несмотря даже на угрозу Тьера выйти въ отставку, отвергло проектъ этихъ налоговъ. Но Тьеру удалось посредствомъ сопротивленія налогу на доходы и представленія вмѣсто него непопулярнаго налога на соль, и добавочныхъ сантимовъ къ прямымъ и данямъ, добиться въ іюлѣ согласія національнаго собранія на то, что было отвергнуто въ январѣ. При утвержденіи налога на сырые продукты, Тьеръ получилъ большинство 46 голосовъ на 576 голосовъ поданныхъ по этому вопросу. Лѣвая сторона подавала голоса въ пользу проекта Тьера прямо вопреки своимъ экономическимъ убѣжденіямъ и изъ соображеній чисто-политическаго свойства. Въ настоящее время материалы, ввозимые во Францію для обработки, будутъ оплачиваться пошлину отъ 10 до 20% своей стоимости, и вмѣстѣ съ тѣмъ французская промышленность вступаетъ на открытый путь экономической реакціи.

Национальное собраніе закрыло свои засѣданія 3-го августа, назначивъ, по прежнему примѣру, наблюдательную комиссію изъ 25-ти своихъ членовъ. Черезъ два дня и Тьеръ отправился въ Нормандію, въ Трувилль, для отдыха и приготовленія къ новой сессіи. Въ Трувиллѣ и утомимый старикъ занялся специально артиллерійскими опытами и подготовленіемъ такого учредительнаго проекта, который долженъ вывести изъ нынѣшняго, временнаго положенія Франціи. Мысль, о которой Тьеръ упомянулъ мимоходомъ въ своемъ памятномъ разговорѣ съ представителями правой стороны, требовавшими отъ него объясненій, а именно мысль объ учрежденіи верхней палаты не оставлена президентомъ, и приготовляемый имъ проектъ, какъ говорятъ, заключается въ томъ, чтобы генеральныя совѣты и національное собраніе избирали по половинѣ членовъ въ эту верхнюю, консервативную палату. Консервативной же палатѣ предполагается предоставить власть утверждать рѣшеніе президента республики о распусценіи національнаго представительства, то-есть какъ нынѣшняго собранія, такъ и будущаго палаты депутатовъ. Такимъ образомъ, сдѣланъ былъ бы новый шагъ для признанія и упроченія во Франціи республиканскихъ учреждений и самая конституція, въ томъ видѣ, какъ ее представляетъ *status quo*, получила бы не маловажное дополненіе. Въ томъ, что новая конституція Франціи развилась бы такимъ путемъ постепенно, рядомъ отдѣльныхъ дополненій и исправленій, вызываемыхъ каждое практической необходимостью, не было бы ничего дурного. Вѣдь точно такимъ путемъ и установилась нынѣшняя конституція Великобританіи, только англійская конституція развивалась столѣтіями, а французская могла бы дойти до достаточной полноты хотя бы черезъ нѣсколько десяти-

лѣтій. Такимъ образомъ, республика установилась бы сама собою, безъ всякаго торжественнаго признанія. Если бы возможно было ожидать того, то лучше ничего и не надо. Слишкомъ много торжественныхъ признаній уже пережила Франція въ послѣднія три четверти вѣка; слишкомъ много полныхъ, рационально-составленныхъ конституцій принято было ею за это время окончательно, конституцій, которыя всѣ были превосходны, потому что въ каждой изъ нихъ всѣ элементы, будучи создаваемы вдругъ, могли быть строго согласованы и все могло быть предвидѣно. Но одного въ нихъ не предвидѣлось, именно того, что онѣ составлялись не на вѣчныя времена, а всего на 10, 15 или 20 лѣтъ. Правда, ничто не ручается, что и нынѣшняя конституція, состоящая всего изъ двухъ законовъ (о назначеніи президента и о продолженіи его власти; съ предполагаемымъ проектомъ о верхней палатѣ конституція будетъ состоять изъ трехъ законовъ) продержится дальше, чѣмъ прежнія, прекрасныя въ своей полнотѣ и всеобъемлемости, уложенія; но въ такомъ предположеніи, можно сказать, что не вѣтъ и строить высокое зданіе въ странѣ, гдѣ безпрестанно предвидятся землетрясенія.

Что касается самой мысли о верхней палатѣ, то рационально ее признать нельзя, хотя, впрочемъ, если при ея помощи можно найти исходъ изъ нынѣшняго заколдованнаго круга какой-то нескончаемой части однажды, и то только на извѣстный случай, избраннаго представительства, то и она принесетъ временную пользу. Верхняя палата во Франціи всегда была простымъ орудіемъ въ рукахъ правительственной власти, потому именно, что компактнаго класса крупныхъ землевладѣльцевъ, которыхъ представительствомъ служила бы верхняя палата, во Франціи нѣтъ. Положимъ, членовъ въ предполагаемую палату будетъ назначать не правительство, а генеральныя собранія и палата депутатовъ. Но за то же составъ и положеніе такой верхней палаты будутъ еще случайнѣе и значеніе ея еще меньше, чѣмъ прежнихъ палатъ пэровъ и сенатовъ. Въ томъ видѣ, какъ, по слухамъ, ее предполагаетъ Тьеръ, верхняя палата будетъ не что иное, какъ результатъ ограниченнаго выборнаго права, поставленный на ряду съ палатою депутатовъ, которая исходитъ изъ избирательства всеобщаго. Такое сопоставленіе ведетъ прямо къ антагонизму и притомъ въ самому худшему антагонизму, именно къ борьбѣ между сословіемъ рабочихъ и сословіемъ достаточныхъ людей, которая и теперь уже составляетъ истинное національное бѣдствіе во Франціи. На верхнюю палату всегда будутъ смотрѣть какъ на представительство зажиточныхъ классовъ, опираясь на которые правительство „давить“ народъ или не хочетъ слушать народнаго голоса и т. п. Какъ бы преуменьшены ни были жалобы въ этомъ смыслѣ, нѣтъ сомнѣнія, что учрежденіе верхней палаты все-таки дастъ для нихъ поводъ, потому

что, по мысли самого Тьера, верхняя палата должна, говорить, имѣть именно такое значеніе; должна служить органомъ интеллигентной, консервативной силы общества и быть для правительства опорой противъ „слишкомъ революціонныхъ“ общихъ выборовъ въ палату депутатовъ. Но если мы вспомнимъ, что правленіе Людовика-Филиппа пало оттого, что онъ признавалъ только интересы буржуазіи, что республика 1848-го года погибла именно вслѣдствіе преувеличеннаго страха, внушеннаго зажиточнымъ классамъ, возстаніемъ іюньскихъ дней, наконецъ, что вторая имперія, со всей своей глубокой деморализаціей, держалась 18 лѣтъ именно тѣмъ же страхомъ, основывалась на томъ же антагонизмѣ классовъ, съ одной стороны подкупая массу военной славой и уступками духовенству, а съ другой—пугая буржуазію анархіею и стараясь сдѣлать ее своей единомышленницей въ неслыханной системѣ спекуляцій на народныя сбереженія—то ясно увидимъ, каковъ тотъ принципъ, который Тьеръ предполагаетъ имѣть внести въ самую конституцію страны. Освятить антагонизмъ зажиточныхъ классовъ съ бѣдными—закономъ, возвестить общественное бѣдствіе въ національное учрежденіе, давъ народу какъ бы нарочно два представительства для вѣчной борьбы—мысль по меньшей мѣрѣ странная. Но со стороны Тьера она странна менѣе, чѣмъ съ чужой-либо. Тьеръ самъ не что иное, какъ завзятый, самоувѣренный представитель зажиточной, эгоистической и самодовольной буржуазіи временъ Людовика-Филиппа. Онъ не избѣгаетъ борьбы и антагонизмъ сословій его не пугаетъ, потому что, по его убѣжденію, окончательная побѣда въ этой борьбѣ и должна принадлежать буржуазіи. Какъ „цѣльный характеръ“, Тьеръ не колеблется идти по пути, который по мнѣнію его представляетъ и на вѣчныя времена будетъ представлять единственный „путь ко спасенію“. Если бы не было слишкомъ опасно, или если бы онъ успѣлъ продержаться самъ еще лѣтъ десять, то Тьеръ безъ сомнѣнія попробовалъ бы ограничить и всенародное голосованіе, или лучше—отмѣнить его, возвратиться къ имущественному цензу. Имущественный цензъ, какъ основаніе политическаго права въ государствѣ, которое и само есть не что иное какъ совокупность имуществъ—вотъ истинный идеалъ той узкой философіи государственнаго права, которая лежитъ въ основѣ буржуазной политики. И то уже, говорятъ, Тьеръ предполагаетъ обставить если не всеобщее избирательное право, то хоть самое голосованіе всего народа, нѣкоторыми стѣсненіями; Бардъ, докладчикъ комиссіи, которой національное собраніе поручило разсмотрѣть прошенія, поступившія по поводу выборовъ, въ своемъ мемуарѣ предлагаетъ требовать для права голосованія, чтобы избиратель не только имѣлъ не менѣе 21 года отъ роду, но и прожилъ въ своей общинѣ не менѣе одного года. А Тьеръ, по слухамъ, хочетъ, чтобы былъ установленъ миним.

въ возраста въ 25 лѣтъ, и минимумъ пребыванія въ общинѣ — пятилѣтній.

Прямая цѣль послѣдняго ограниченія — устранить отъ участія въ выборахъ значительную массу городскихъ рабочихъ, которые переходятъ съ мѣста на мѣсто. Les ouvriers nomades — вотъ по убѣжденію консерваторовъ главная опора радикализма. На это можно возразить, что опасность состоить не въ убѣжденіяхъ рабочихъ, а именно въ неустойчивости, неясности и нетвердости у нихъ какихъ-либо убѣжденій, или, словомъ, въ неѣжествѣ массы народа, не только переходящихъ рабочихъ, но — и въ особенности — рабочихъ самыхъ успѣшнѣйшихъ, въ селѣскаго населенія. При всемъ томъ, и какъ бы городскіе рабочіе ни поддавались легко минутнымъ увлеченіямъ, факты убѣждаютъ, что съ этой стороны опасность не бывасть велика. Въ самомъ дѣлѣ, каково бы ни было настроеніе городскихъ рабочихъ во время особенно-сильнаго возбужденія, никогда еще въ нынѣшнемъ столѣтіи не происходило въ Франціи радикальной палаты, такой палаты, которой радикаламъ, хотя бы даже и умѣреннымъ, принадлежало большинство.

За всѣмъ тѣмъ, нельзя не признать, что планъ Тьера задуманъ только ловко и пожалуй приведетъ къ тому результату, котораго онъ желаетъ: при помощи нынѣшняго національнаго собранія, онъ хочетъ провести какую-нибудь мѣру въ смыслѣ противодѣйствія радикальному элементу и усиленія элемента консервативнаго. Воспользовавшись нынѣшнимъ собраніемъ для того, чтобы нѣсколько ограничить всеобщее голосованіе и создать въ странѣ специально-консервативное учрежденіе, онъ затѣмъ, съ согласія вызванной имъ въ жизни верхней палаты, можетъ распустить національное собраніе, вызвать новые выборы, которые непременно будутъ благоприятны для Тьера, такъ какъ авторитетъ его въ странѣ весьма великъ, и вотъ при помощи этого новаго собранія, которое уже по необходимости будетъ учредительнымъ, Тьеръ, если вся комбинація ему удастся, можетъ окончательно упрочить свою власть и создать „консервативную клубку“ на тѣхъ основахъ, какія признаетъ лучшими. Впрочемъ, всѣ основанія положительно утверждать, что изъ этого должно произойти что-либо дурное. Дѣло не въ формахъ, по крайней мѣрѣ до известной степени. Конечно, если формы таковы, что онѣ сами исполняютъ вовсе общественное мнѣніе отъ управленія страной, какъ это было при второй имперіи, то судьба страны становится просто грушею въ рукахъ временныхъ правителей. Но тѣ формы, какія предполагаетъ Тьеръ, вовсе не таковы. Положимъ, ограниченіе всеобщаго голосованія нераціонально потому, что оно нѣсколько не ведетъ къ предупрежденію революцій. Никогда выборы въ современной Франціи не имѣли революціоннаго характера, а революція можетъ быть

произведена и не-избирателями. Нѣтъ нужды пробывать непримиримыми три года въ одной общинѣ, чтобы приняться за ломку мостовъ, стать съ ружьемъ въ рукахъ за грудкою камней. Положимъ, верхняя палата во Франціи, если она будетъ учрежденіемъ постояннымъ, рѣше усилить, нежели уменьшить антагонизмъ между сословіями. Тѣмъ не менѣе, и при этихъ формахъ судьба народа все-таки будетъ въ его рукахъ, онъ можетъ воспользоваться и ими къ приготовленію себѣ лучшей будущности, какъ можетъ злоупотреблять и ими болѣе рациональными формами. Въ смыслѣ же учрежденія временнаго, которое дало бы исходъ изъ нынѣшняго положенія дѣлъ, привнесъ всякаго насилія къ распущенію нынѣшняго національнаго собранія, верхняя палата, какъ уже сказано, могла бы даже оказать Франціи услугу.

Агитація въ смыслѣ распущенія собранія ожидалась весьма деятельная, но на дѣлѣ оказалось, что республиканская партія горѣла осторожнѣе, чѣмъ думали консерваторы. Если бы лѣвая сторона, какъ они предвѣщали, воспользовалась ваканціями собранія для изнесенія рѣчей и проведенія усиленной полемики въ смыслѣ враждебномъ нынѣшнему представительству, то нѣтъ сомнѣнія, что собраніе, по возобновленіи сессіи, самымъ рѣшительнымъ образомъ вступило бы на путь реакціи и, быть можетъ, прямо объявило себя учредительнымъ. Но лѣвая сторона не впала въ эту ошибку Гамбетты и лѣвый центръ, котораго президентомъ состоитъ генералъ Шанзѣ, выказали большой тактъ, первый въ статьяхъ своей газеты „République Française“, второй въ заявленіи лѣваго центра, относительно бюллетеней о положеніи дѣлъ, какіе онъ предполагаетъ выпускать по временамъ въ видѣ корреспонденцій въ газеты. Республиканцы поступили весьма благоразумно отказываясь выступать самъ противъ консервативнаго, монархическаго большинства и предоставивъ ему самому обнаружиться въ истинномъ своемъ свѣтѣ. Поводъ къ этому избранъ республиканцами строго-законный. Сессія генеральныхъ департаментскихъ совѣтовъ открылась 19-го августа (н. с.) Республиканцы условились возбудить въ этихъ совѣтахъ два весьма важныхъ вопроса, именно о введеніи обязательнаго, гражданскаго (т.-е. государственнаго, а не церковнаго) обученія и подоходнаго налога. Необходимость поднять умственный уровень массы народа и привлечь зажиточные классы къ большому участию въ податномъ бремени, все болѣе и болѣе сознаются всѣми безпристрастными людьми. Аргументы, предъявляемые консерваторами, каковы всѣ монархисты, противъ того и другого, даже въ ихъ собственныхъ устахъ становятся все менѣе искренни и рѣшительны. А между тѣмъ, согласиться на эти мѣры консерваторы-монархисты никакъ не могутъ; одна изъ нихъ вырвала бы сельское населеніе изъ-подъ опеки духовенства, солидарнаго съ

монархистами, другая противорѣчитъ матеріальнымъ интересамъ какъ крупныхъ землевладѣльцовъ, такъ и богатаго промышленнаго класса, въ которыхъ монархисты находятъ своихъ поборниковъ. При возбужденіи обѣихъ этихъ вопросовъ въ генеральныхъ совѣтахъ, монархистамъ придется выкинуть истинный свой флагъ, доказать своими рѣшеніями, чего они желаютъ для націи не во внѣшнихъ, политическихъ формахъ, а на самомъ дѣлѣ: какой бытъ они желаютъ упрочить для народа. И вотъ, если окажется, что въ сущности они добиваются поддержанія въ народѣ невѣжества, подъ клерикальнымъ вліяніемъ, и усиленія на рабочихъ классахъ нынѣшняго бремени налоговъ, безъ обращенія къ нему капиталовъ, въ такомъ случаѣ и безъ всякой другой агитаціи со стороны республиканской партіи страна пойметъ, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло въ монархическомъ большинствѣ національнаго собранія, которое и Тьера еще находитъ недостаточно консервативнымъ политикомъ, а хотѣло бы новаго государственнаго переворота, даже подъ опасностью новой междоусобной борьбы, единственно для того, чтобы закрѣпить надъ массою населенія тяготящую нынѣшнюю не выгодную общественныя условія.

Французскія газеты съ величайшимъ вниманіемъ слѣдили за малѣйшими подробностями пребыванія президента въ Трувиллѣ, поѣздками оттуда всего на нѣсколько часовъ въ Гонфлёръ и т. д. Между этими подробностями двѣ, дѣйствительно, заслуживали вниманія. Это были посѣщенія президента принцомъ уэльскимъ и русскимъ посломъ княземъ Орловымъ. Слишкомъ ясно, при нынѣшнемъ положеніи Европы, что ни Англія, ни въ особенности Россія не могли предлагать Франціи какой-либо особой дружбы, а тѣмъ болѣе союза. Со стороны Англіи для политическихъ переговоровъ, во всякомъ случаѣ, былъ бы посланъ не принцъ уэльскій. Но нельзя все-таки не придавать нѣкотораго значенія помянутымъ визитамъ потому именно, что они были сдѣланы, такъ сказать, наканунѣ свиданія трехъ императоровъ въ Берлинѣ. Въ этомъ смыслѣ, пріѣздъ въ Трувилль теперь именно наслѣдника великобританскаго престола и свиданіе его съ президентомъ французской республики было даже характеристичнѣе, чѣмъ былъ бы пріѣздъ въ Трувилль лорда Гравинна, или хотя бы Гладстона. Какъ ни нерасположена нынѣ Англія къ протекціонистской политикѣ Тьера, но британская дипломатія все-таки, быть можетъ, хотѣла показать, что свиданія происходятъ не въ одномъ Берлинѣ. Что касается посѣщенія Тьера нашимъ посломъ, то хотя мы и считаемъ сомнительными извѣстія нѣкоторыхъ французскихъ газетъ о тѣхъ заявленіяхъ крайне-дружественнаго характера, для которыхъ будто бы пріѣзжалъ князь Орловъ въ Трувилль, однако находимъ довольно вѣроятною связь его посѣщенія съ берлинскимъ свиданіемъ. Свиданіе трехъ императоровъ, вообще говоря, считается обстоятельствомъ для Франціи неблагоприятнымъ. Что, поэтому,

русскій дипломатъ имѣлъ порученіе объяснить президенту миролюбивыя цѣли берлинскаго свиданія и своимъ внимательнымъ визитомъ такъ сказать „позолотить пиллю“ для французскаго правительства—въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Но всякое предположеніе идущее *далее* этого, представляется невѣроятнымъ. Чтѣ бы ни говорили о томъ способѣ, какимъ въ Берлинѣ подготовилось свиданіе именно *трехъ* императоровъ, во всякомъ случаѣ очевидно, что до тѣхъ поръ, пока самое это свиданіе не состоялось и не обнаружались ближайшія его послѣдствія, русская дипломатія не можетъ нарушать никакой иной комбинаціи (не говоря уже о невѣроятности вообще всякой иной комбинаціи въ настоящее время).

За то нѣкоторыя другія подробности пребыванія Тьера на берегу моря, схваченныя большинствомъ французскихъ газетъ и возведенныя ими болѣе или менѣе въ событія, показываютъ не что иное какъ явленіе, на которое мы уже и прежде указывали: необыкновенную важность, какая придается во Франціи такъ-называемымъ incidents, то есть случаямъ, которые касаются личностей, нисколько не имѣянія на положеніе дѣлъ. Такова была демонстрація нѣсколькихъ прогуливавшихся господъ на морѣ, въ виду берега, на которомъ находился президентъ республики. Одинъ французъ и двое мексиканскихъ уроженцевъ, принадлежащихъ къ категоріи того интернаціональнаго полу-придворнаго, полу-биржевого, закулиснаго и псевдо-политическаго „парижскаго свѣта“, который процвѣталъ при второй имперіи и былъ одной изъ вреднѣйшихъ язвъ, привитыхъ ею Франціи, кричали въ честь экс-императора и съ поношеніемъ Тьера, находясь на яхтѣ, принадлежащей русскому. Не напомнимъ именъ, которые всѣ получали извѣстность единственно по поводу этого скандала. На него не обратили бы вниманія въ Англіи, гдѣ Гладстонъ когда-то привлекалъ къ мировому судѣй какаго-то подобнаго скандалиста, такъ и оставшагося неизвѣстнымъ всему міру. Но во Франціи изъ такого случая тотчасъ сдѣлали событіе: пошли толки о строгомъ выговорѣ со стороны князя Орлова, изъявленномъ имъ сожалѣніи, о проискахъ бонапартистовъ и т. п. Обаяніе Франціи, существующее два вѣка, все еще такъ велико, что европейская печать добросовѣстно передавала на своихъ столбцахъ всѣ эти толки о фактѣ въ сущности совершенно ничтожномъ, но который сочтенъ былъ во Франціи нѣкоторымъ событіемъ. Все это характеристично, и упомянутый скандалъ если заслуживаетъ вниманія, то именно съ этой стороны. Если сравнить живость и разнообразіе толковъ французской печати объ этомъ случаѣ съ тѣмъ безмолвнымъ утомленіемъ, какимъ она сопровождала окончательное принятіе закона о налогѣ на сырые продукты, то нельзя не придти къ заключенію, что во Франціи—какъ и у насъ, замѣтимъ—въ большинствѣ читающей публики болѣе всего развита наклонность къ предметамъ свойства увесе-

нѣлаго. Что серьезные люди во Франціи сознають этотъ національный недостатокъ—несомнѣнно. Нелишне будетъ привести нѣкоторые разсужденія „Journal des Débats“, которыя хотя и высказаны по нѣкому глупому поводу, но имѣють отношеніе и къ гораздо болѣе важнымъ предметамъ. „Гдѣ въ настоящее время наша столица: въ Парижѣ, въ Версалѣ или въ Трувиллѣ?“ спрашиваетъ себя „Débats“, и отвечаетъ такъ: „съ этимъ вопросомъ мы обращаемся не къ географамъ, а къ тѣмъ, кто пишетъ въ газетахъ, и къ тѣмъ кто ихъ читаетъ. Парижъ скученъ и монотоненъ, Версаль пустъ. Весь шумъ прессы въ Трувиллѣ и всѣ отголоски приходятъ къ намъ оттуда; онъ даже оглушаетъ насъ. Корреспонденція, дневники, депеши изъ Трувилля принимаютъ тревожные размѣры; невозможно всего перечитать, въ исходѣ оттуда, нѣтъ возможности всего запомнить. Нѣкоторые даже видятъ въ этомъ явленіи признакъ, что нравы наши все-таки имѣють свойство совершенно монархическое. Сколько мы ни дѣлаемъ революцій, въ насъ, говорятъ онѣ, все держится духъ монархическій. Нѣтъ у насъ Тюльеръ, такъ есть le chalet Cordier (дача, на которой живетъ Тьеръ) и выходитъ то же самое; мы не можемъ обойтись безъ короля. Но развѣ извѣстія, которыя сообщаютъ намъ изъ Трувилля, не расчитаны на то, чтобы возвысить наше уваженіе къ президенту республики? Совсѣмъ нѣтъ, и каррикатура тоже играетъ въ нихъ свою роль. И сама публика, серьезно ли она принимаетъ пустяки, которые ей доносятъ изъ Трувилля? Нѣтъ, она смѣется надъ ними и хотя бросается на нихъ съ жадностью, но именно для того, чтобы потѣшиться. Что сказать объ этой легкости, съ которой мы смѣняемъ съ года на годъ предметъ нашего вниманія, занимаемся одинаково сегодня королемъ, завтра императоромъ, потомъ президентомъ республики? Въ этомъ ли равнодушномъ отношеніи къ подобной смѣлѣ можно открыть монархическій духъ, который намъ приписываютъ? Нѣтъ, въ этомъ ни причеиъ ни монархическіе, ни республиканскіе нравы; это просто доказательство неизлечимаго легкомыслія и пустоты нашихъ привычекъ. Мы претерпѣли жестокія бѣдствія, и что же? мы ощущаемъ именно по этой причинѣ особую потребность повеселиться. Пусть бы нравы наши были въ самомъ дѣлѣ монархическіе, или пусть они въ самомъ дѣлѣ были бы республиканскіе. И за то и за другое намъ слѣдовало бы благодарить Бога. Но бываютъ ли монархическими или республиканскими нравы народа? Нѣтъ, народъ имѣеть только или имѣеть просто *политическіе* нравы, или не имѣеть ихъ. Такъ, наши сосѣди, англичане, имѣють въ высшей степени духъ, нравы политическіе. Еслибы исторія дала имъ республику, они бы и со своей республикой уживались также хорошо, какъ теперь уживаются со своей монархіей. Формы правленія вовсе не имѣють той важности, какую мы имъ придавали; онѣ не представляютъ сами ника-

кой магической силы, могущей обезпечить благосостояніе народа. И такъ, оставимъ этотъ лексиконъ словъ, который мы приняли-было и арсеналъ надежнаго оружія. Не станемъ болѣе разсуждать о нравахъ монархическихъ и нравахъ республиканскихъ, но постараемся воспитать въ себѣ духъ *политическій*, то-есть спокойный, трезвый, способный сознать вещи въ ихъ дѣйствительномъ соотношеніи. Тогда мы поймемъ, что было такое время, когда мы поступали благоразумно, придерживаясь образа правленія монархическаго и что время это теперь, можетъ быть, уже миновало^а.

Сессія англійскаго парламента закрылась 10 августа рѣчью, произнесенною лордомъ - канцлеромъ отъ имени королевы. Эта тронная рѣчь не была замѣчательна ничѣмъ и состояла исключительно изъ самопоздравленій съ благополучіемъ. Впрочемъ, нельзя также отрицать, что и англійское общество и нынѣшнее правительство имѣли причины ощущать самодовольство. Изъ текущихъ явленій жизни къ концу сессіи развѣ только одно могло внушать нѣкоторое безпокойство, а именно сильное вздорожаніе каменнаго угля, и порожденіе имъ вновь толки о возможности скорого истощенія каменно-угольных пластовъ Великобританіи. Изъ дѣлъ минувшей сессіи важнѣйшимъ было окончательное проведеніе Ballot - bill'a, то-есть учрежденія негласнаго вотированія на выборахъ. Ровно годъ тому назадъ законъ этотъ, пройдя въ палатѣ общинъ послѣ нескончаемыхъ затрудненій, былъ устраненъ палатою лордовъ отсрочкою. Въ нынѣшнюю сессію лорды приняли, наконецъ, этотъ законъ, ослабляющій вліяніе богатыхъ классовъ на выборы, но обставили первоначальный проектъ такими измѣненіями и дополненіями, которыя уничтожали его сущность; между прочимъ, по дополненію, принятому лордами, скрытая подача голосовъ дѣлалась не обязательною для избирателей, а предоставлялось на ихъ волю подавать голоса закрытымъ или открытымъ способомъ. Палата общинъ при вторичномъ разсмотрѣніи измѣненнаго такимъ образомъ билля отвергла тѣ дополненія, которыя искажали сущность реформы, но доставила лордамъ удовольствіе согласившись на другія ихъ поправки, между прочими и на ту, которая придастъ нынѣшнему закону характеръ временной мѣры, опредѣляя дѣйствіе ея только на восемь лѣтъ. Верхняя палата пропустила затѣмъ билль безъ измѣненія, въ его обязательномъ смыслѣ, и законъ былъ утвержденъ королевою.

Четыре дня по закрытіи парламента, ballot bill'ю представился уже первый случай примѣненія на практикѣ. Это было 14-го августа въ Понтефрактѣ, мѣстечкѣ, котораго представителемъ въ палатѣ общинъ былъ г. Чильдерсъ. Чильдерсъ вступилъ въ кабинетъ въ званіи канцлера Ланкастерскаго герцогства, и потому въ Понтефрактѣ назначены были новыя выборы. Кандидатами явились Чильдерсъ и консерваторъ

лордъ Поллингтонъ, богатый землевладѣлецъ, такъ что конкуренція была весьма серьезная. Первымъ результатомъ примѣненія закрытаго голосованія была побѣда либеральной партіи: Чильдерсъ былъ избранъ. Правда, онъ и прежде, то-есть при открытыхъ выборахъ, былъ представителемъ мѣстечка. Но на предшествующихъ общихъ выборахъ въ парламентъ, Чильдерсъ получилъ въ Понтефрактѣ большинство всего 13-ти голосовъ, а теперь—и несмотря на опасную конкуренцію лорда Поллингтона, либеральный кандидатъ получилъ большинство 80-ти голосовъ. Впрочемъ, не столько важенъ результатъ выборовъ въ этомъ мѣстечкѣ, какъ тотъ характеръ, какой они получили въ слѣдствіе примѣненія закрытаго голосованія. Извѣстно, что при прежней системѣ выборы въ Англіи весьма походили на ярмарку; необходимо безъ шума, пьянства и дракъ. Теперь на выборахъ въ Понтефрактъ все происходило самымъ чиннымъ образомъ. Волненія и шума никакого не было. Кандидаты мирно расхаживали по городу, не было никакихъ овацій и встрѣчъ враждующихъ партій потому именно, что избиратели не желали обнаруживать своихъ наклоненій. Избирательный ящикъ оставался открытымъ до 5-ти часовъ пополудни, въ теченіи всего дня избиратели являлись къ нему, брали листки, немедленно вписывали на нихъ карандашемъ имена или знаки, складывали листки и опустивъ ихъ въ ballot-box, удалялись. Эта скромная церемонія знаменовала для Англіи весьма важное событіе, событіе, которое несомнѣнно отзовется на ея политической жизни и на всемъ ея законодательствѣ, приближая old England къ „демократизаціи“.

Но реформа нынѣшней системы избирательства, предпринятая правительствомъ Гладстона, еще не окончена съ проведеніемъ ballot'a. Въ слѣдующую сессію внесенъ будетъ законъ о новомъ распредѣленіи парламентскихъ мѣстъ (redistribution of Seats), то-есть о новомъ составѣ избирательныхъ округовъ или о новомъ распредѣленіи между городами и графствами всего числа представителей въ палатѣ общинъ. Продолжая обзоръ сессіи минувшей, упомянемъ, что въ ней состоялся законъ о преобразованіи арміи, законъ о народномъ образованіи въ Шотландіи и нѣсколько важныхъ законовъ, неимѣющихъ политическаго значенія. Министерство Гладстона чувствовало себя въ концѣ сессіи гораздо сильнѣе, чѣмъ при ея началѣ, когда надъ нимъ висѣла грозная туча элбемскаго вопроса съ тѣми обвиненіями, которыя исходили изъ оппозиціи противъ уашигтонскаго трактата, которымъ правительство въ свое время такъ гордилось. Но третейскій судъ въ Женевѣ выручилъ лорда Гранвилля и Гладстона изъ ихъ неловкаго положенія. Онъ самъ устранилъ вопросъ о косвенныхъ убыткахъ и повелъ вопросъ о прямыхъ убыткахъ такимъ образомъ, что Англіи, очевидно, возможно будетъ удовлетвориться его рѣшеніемъ, хотя быть можетъ сумма присужденнаго воз-

награжденія и не будетъ такъ мала, какъ то постигли сообщити недавнія англійскія телеграммы. Вслѣдствіе такого оборота дѣлъ вождь оппозиціи Дизраэли сохранилъ благоразумное молчаніе объ агебемскомъ дѣлѣ, а лордъ Россель, который давно объявлялъ намѣреніе сдѣлать по этому предмету запросъ правительству, все откладывалъ этотъ запросъ и такъ его и не сдѣлалъ.

Личныхъ incidents, подобныхъ тѣмъ, которые такъ обильно являлись въ палатѣ французской, въ сессіи англійскаго парламента не произошло, за исключеніемъ республиканскихъ рѣчей сэра Чарльза Дилка и г. Герберта въ началѣ сессіи и запроса по поволу выборовъ въ Гальвеѣ—въ концѣ ея. Мы назвали рѣчи Дилка и Герберта республиканскими, но это названіе не точно; возбужденъ былъ вопросъ только о слишкомъ большомъ расходѣ на содержаніе двора, и республиканскаго въ этихъ преніяхъ была собственно только тенденція, но не содержаніе рѣчей, которые большинствомъ палаты были сопровождаемы давно уже неслышанными въ Уэстминстерѣ мычаніемъ и другими столь же остроумными заявленіями идей.

Запросы о выборахъ въ Гальвеѣ, въ Ирландіи, также не имѣли большого значенія, хотя нѣкоторыя нѣмецкія газеты и усмотрѣли въ отвѣтахъ британскаго правительства какъ бы намѣреніе послѣдовать за правительствомъ германскимъ въ его походѣ на іезуитовъ и вообще на клерикаловъ - католиковъ. Но въ чемъ же въ сущности было дѣло? Въ Гальвеѣ избранъ былъ, огромнымъ большинствомъ, одинъ изъ представителей католической партіи, и вмѣстѣ Home-rule, капитанъ Ноленъ. Но такъ какъ отъ нѣкоторыхъ избирателей поступили жалобы на незаконность этихъ выборовъ, совершенныхъ подъ рѣшительнымъ руководствомъ католическаго духовенства, то судья Кіо (Keogh), рассмотрѣвъ дѣло, призналъ выборы незаконными. Отсюда негодованіе клерикальной партіи на Кіо, который хотя самъ католикъ, но рассудилъ дѣло безпристрастно. Стали устраивать враждебныя ему демонстраціи, торжественно жгли куклу, изображавшую его, какъ лондонскіе мальчишки жгутъ соломеннаго Гая Фокса, и дѣлали судѣ различные угрозы, вслѣдствіе чего онъ не могъ выѣзжать иначе какъ съ вооруженнымъ конвоемъ. По поводу этихъ фактовъ, сэръ Робертъ Пилъ спросилъ правительство, намѣрено ли оно или нѣтъ примѣнять законъ 1829 года противъ іезуитовъ, который преданъ забвенію. Гладстонъ сказалъ на это, что онъ не можетъ дать отвѣта, намѣрено ли или не намѣрено правительство примѣнять какой-либо законъ. Отвѣтъ Гладстона означалъ въ сущности: „посмотримъ, что будетъ дальше“. Затѣмъ баронетъ, предъявлявшій вопросъ объявлялъ, что въ началѣ сѣдующей сессіи онъ обратитъ вниманіе парламента на этотъ предметъ. Дѣло о выборахъ въ Гальвеѣ, впрочемъ, не кончилось отмѣною произведеннаго избранія. За этимъ должно послѣдовать судебное дѣло

отивъ католическихъ епископовъ гальвейскаго и клонфёртскаго и ихъ священниковъ, на которыхъ падаетъ обвиненіе въ незаконныхъ мѣстѣхъ при выборахъ.

Между тѣмъ, католическая агитація высказалась въ самой Англіи демократическимъ митингомъ въ Лондонѣ для осужденія мѣръ, принятыхъ въ Германіи противъ іезуитовъ. Пренія и рѣшенія этого митинга не входили изъ общихъ мѣстъ ультрамонтанства. Болѣе интереса представляютъ имена важнѣйшихъ его участниковъ. Предсѣдательствовалъ герцогъ Норфолькъ, присутствовали архіепископъ Маннингъ, мисньюръ Кэпелъ (Cape), описанный въ романѣ Дизраэли Lothair въ имени монсеньора Кэтби, графъ Денби, лордъ Питръ, графъ Эшборо, лордъ Говардъ-Глоссопъ, графъ д'Альбанн-Стюартъ, маркизъ Лотіанъ и т. д. О томъ, присутствовалъ ли на этомъ митингѣ защита іезуитовъ самъ Lothair, герой Дизраэлева романа, маркизъ — нѣтъ извѣстій. Забавно было заключеніе рѣчи архіепископа Маннинга, состоявшее въ томъ, что Германія, лишая себя помощи іезуитовъ, тѣмъ самымъ отдаетъ себя въ жертву—даже не пресловутому Интернационалу, а—масонамъ (!). Ужъ не масоны ли представляютъ тотъ возвыщенный недавно Германіи Пиемъ IX камень, что шлется съ горы и сломятъ ноги «глиняному колоссу»?

Кстати объ «интернациональномъ обществѣ рабочихъ». Оно собиравшееся въ половинѣ іюля на первый свой годичный конгрессъ, въ митингѣхъ. На этомъ конгрессѣ важнѣйшее предложеніе исходило отъ генеральнаго секретаря общества, Гельса (Hales), который, признавая важность общественныхъ вопросовъ, указалъ на необходимость политической дѣятельности для осуществленія хотя бы общественныхъ реформъ, а потому предложилъ организовать во всѣхъ странахъ общую политическую партію, партію рабочихъ. Предложеніе Гельса было принято собраніемъ единогласно. Сверхъ этого, замѣчательно же одно рѣшеніе интернациональнаго общества, а именно то, которое признается необходимость установленія въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи федеративной формы правленія, съ отдѣльными парламентами въ каждой изъ этихъ странъ.

Въ Бельфастѣ, въ Ирландіи, произошли между 15-мъ и 21-мъ августа беспорядки, которые впрочемъ не имѣли отношенія къ какому-либо текущему политическому вопросу. Сильныя драки протестантовъ съ католиками происходили въ теченіи цѣлой недѣли, но не по поводу политическихъ выборовъ въ Гальвеѣ или одобренія правительствомъ ихъ отставки, а по поводу—странно сказать—событій происшедшихъ два вѣка тому назадъ. Вражда между протестантами (оранжистами) и католиками, посѣянная въ Ирландіи прежнею политикою правительства, существуетъ доселѣ и будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока Ирландія сохранитъ національныя стремленія къ полной независимости

или по крайнѣй мѣрѣ въ самостоятельности внутренняго управленія (Home rule), стремленій, которыя представляются партіею католическою. Эти стремленія, какъ и самая вражда ирландскихъ католиковъ съ протестантами, происходятъ изъ одного источника, а именно изъ вѣкового угнетенія Ирландіи британскимъ правительствомъ, обширныхъ конфискацій земель, раздачи ихъ протестантамъ и всякаго рода эксплуатаціи страны. Все это давно прекратилось, но послѣдствія системы державшейся вѣка исчезаютъ не скоро.

Оранжесты (Orangemen) до сихъ поръ празднуютъ торжественными процессіями воспоминаніе о революціи, которая лишила престолъ послѣдняго Стюарта и доставила престолъ Вильгельму Оранскому. Эти процессіи происходятъ 12 и 13 августа. Католики же устраиваютъ процессіи въ день праздника Успенія, т.-е. 15-го августа. По поводу такихъ процессій въ городахъ, гдѣ населеніе не представляетъ одной сплошной вѣроисповѣдной массы, обыкновенно происходятъ драки, болѣе или менѣе крупныя, но одинаково лишеныя всякаго человѣческаго смысла. Извѣстно, что драки эти, по тому же поводу и между тѣми же партіями, происходятъ и въ Сѣверной Америкѣ, особенно въ Нью-Йоркѣ, такъ какъ ирландцы, даже оставивъ родину, не оставляютъ этихъ пагубныхъ традицій. Для предупрежденія такихъ столкновеній, полиціею обыкновенно принимаются мѣры, особенно собраннымъ ею свѣдѣніямъ; иногда воспрещаются процессіи, но всегда временно усиливается составъ полицейскихъ командъ. На нынѣшній разъ, министерство внутреннихъ дѣлъ, не имѣя никакихъ тревожныхъ извѣстій, понадеялось на благоразуміе населенія и не приняло особыхъ мѣръ въ Бельфастѣ. Между тѣмъ, въ Бельфастѣ скорѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ Ирландіи могутъ происходить религіозныя драки потому, во-первыхъ, что большинство населенія въ немъ—протестанты, такъ что оранжесты сознаютъ здѣсь за собой силу, которой имъ не достаетъ въ Дублинѣ или Коркѣ, во-вторыхъ, потому что Бельфастъ имѣетъ населеніе въ 120 т. душъ и есть городъ фабричный.

Клубы оранжевистскіе и католическіе на этотъ разъ сами поощрили полицію къ бездѣйствію тѣмъ, что своевременно выпустили воззванія, приглашавшія обѣ стороны къ сохраненію спокойствія. Въ томъ же дѣлѣ, какъ рассказываетъ событіе газета Times, виновниками нарушенія спокойствія были оранжесты. „Неоспоримъ, по крайнѣй мѣрѣ, жистскактъ“, говоритъ органъ Сити, „что католики не мѣшали оранжево-католическимъ процессіямъ, но что когда пришла очередь процессіи въ Успеніи, то онѣ подверглись нападеніямъ“. Въ день праздника, въ 15 августа (н. с.), послѣ обѣдни вышли католическія шествія, въ которыхъ участники были украшены зелеными божардами и палками знамена съ золотой лирою безъ короны (дѣтъ и

Ирландіи, „зеленаго Эрина“). Несмотря на мирныя заявленія, народившія еще до оранжистскихъ демонстрацій 12-го числа католическимъ обществомъ защиты рабочихъ (Working men's defense association) и протестантскимъ обществомъ учениковъ (Apprentive boys association), какъ только появились зеленые процессіи, тотчасъ начались драки, и превратились вскорѣ въ общую свалку по всему городу. Главнымъ оружіемъ были камни и палки, но скоро пущены были и ходъ и ножи, и даже огнестрѣльное оружіе. Полиція пыталась разнять дравшихся, но сама потерпѣла и не оказалась въ силахъ ничею сдѣлать. Затѣмъ, въ теченіи еще нѣсколькихъ дней драки возобновились съ необыкновенной яростью и ежедневно телеграммы изъ Бельфаста сообщали о нѣсколькихъ убитыхъ и десяткахъ раненыхъ. Потребованы были войска изъ разныхъ мѣстностей Ирландіи и создана была полиція изъ окрестныхъ городовъ. Полкъ шотландскихъ горцевъ, полкъ милиціи, полкъ линейной пѣхоты и полкъ гвардейскихъ драгунъ прибыли въ Бельфастъ; мэръ города сэръ Джонъ Сэвэджъ издалъ прокламацію о прочтеніи riot - act'a (закона о дѣйствіи противъ бунта) и предложилъ войскамъ дѣйствовать штыками. Полиція должна было наконецъ стрѣлять въ народъ, и подъ конецъ большая часть ранъ нанесена была именно полиціею, въ которой также оказалось не мало раненныхъ, а одинъ констебль былъ убитъ. Бѣшенство партій было такъ велико, что рассказываютъ, какъ жена католичка нанесла нѣсколько ранъ ножомъ своему мужу — протестанту, когда онъ вернулся домой съ побоища. Явилось много «спеціальныхъ констеблей», то-есть волонтеровъ, которые вступили въ ряды полиціи для усмиренія бунта. Наконецъ, едва въ 22-му числу удалось справиться съ бунтомъ, который продолжался, стало быть, цѣлую недѣлю. Католики наиболѣе пострадали при этомъ, не столько въ самой дракѣ, сколько въ томъ разрушеніи и ограбленіи домовъ, которыми она сопровождалась.

Газета „Times“ хотя и отнеслась безпристрастно къ началу беспорядковъ, признавъ первыми виновниками въ нихъ оранжистовъ, однако въ послѣдствіи, въ другой статьѣ, вывела изъ этихъ фактовъ заключеніе весьма близорукаго свойства. Драки въ Бельфастѣ, по заключенію органа лондонскаго Сити, доказываютъ, что всѣ тѣ уступки, посредствомъ которыхъ правительство (т.-е. собственно Гладстонъ, такъ какъ отъ него господства англійской церкви въ Ирландіи и новый поземельный законъ, въ пользу фермеровъ — его личныя дѣла) думало примирить ирландскій народъ, оказываются бессильными упредить ему спокойствіе; что стало быть никакихъ уступокъ болѣе не надо, а слѣдуетъ примѣнять къ управленію Ирландіею только „терпѣливую волю“ и „твердую руку“. Какъ будто цѣлыя вѣка безпримѣрной эксплуатаціи и намѣренного сѣянія вражды могли быть изглажены двумя зако-

нами, проведенными въ теченіи послѣднихъ четырехъ лѣтъ! Гладстонъ дано было прежде городскому управленію Бельфаста обѣщаніе посѣтитъ этотъ городъ въ сентябрѣ. Любопытно, исполнить ли премьеръ свое намѣреніе послѣ того, что произошло.

Между тѣмъ, какъ свѣтъ не безъ нѣкотораго удивленія видитъ появленіе въ такой странѣ какъ Англія свѣтскихъ защитниковъ общества Іисуса, въ ближайшей окружности римскаго клерикализма, въ Италіи, даже въ самомъ Римѣ, вліяніе его постоянно и весьма быстро падаетъ. „Узникъ Ватикана“ не владѣетъ уже ничѣмъ, кромѣ Ватикана, Латерана и Кастель-Гандольфо. Правда, и это владѣніе достаточно обширно для отправленія въ немъ всевозможныхъ церемоніаловъ: въ одномъ ватиканскомъ дворцѣ заключается 11-ть тысячъ комнатъ и 22 двора, а при дворцахъ имѣются обширные парки. Но всего этого слишкомъ мало для преемника Григорія VII-го, и мысль о перенесеніи папскаго престола въ иную страну, повидному, все еще не совершенно оставлена римскою куріей. Въ перепискѣ по римскому вопросу, обнародованной бывшимъ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Жюлемъ Фавромъ, заключалось любопытное свѣдѣніе, что папа въ разговорѣ съ французскимъ посломъ, графомъ д'Аркуромъ, 26-го апрѣля прошлаго года, высказалъ будто, еслибы ему вновь предложена была свѣтская власть надъ всѣми бывшими папскими владѣніями, то онъ не принялъ бы ея, но желалъ бы найти гдѣ-нибудь такой уголокъ, гдѣ онъ могъ бы быть совершенно независимымъ владыкой, соотвѣтственно своему высокому духовному призванію. Это заявленіе Пія IX-го было тогда же тотчасъ оффиціально опровергнуто изъ Рима, но нѣтъ никакой причины вѣрять болѣе опроверженію римской куріи, чѣмъ сообщенію Жюля Фавра. Во всякомъ случаѣ, нѣкоторые новѣйшія извѣстія заставляютъ предполагать, что въ Римѣ задумывается нѣчто въ видѣ именно будущаго конклава для избранія преемника Пію IX-му. Предполагаютъ, что наиболѣе фанатическая часть куріи, то-есть именно кардиналы, состоящіе подъ прямымъ вліяніемъ общества Іисуса и самъ генералъ ордена іезуитовъ Бэксъ желали бы перенести временно престолъ св. Петра въ Бельгію (въ Мехельнъ), для того, чтобы устранить въ будущемъ конклавѣ большинство кардиналовъ итальянскихъ, въ числѣ которыхъ подозрѣваютъ нѣкоторыхъ въ склонности къ примиренію съ „расхищеніемъ“, то-есть съ національною Италіей. Если конклавъ будетъ внѣ предѣловъ Италіи, то многіе старцы-кардиналы не примутъ въ немъ участія. Но къ этимъ слухамъ примѣшался въ послѣднее время слухъ весьма страшный о разладѣ. будто бы происшедшемъ между папою и его государственнымъ секретаремъ, кардиналомъ Аптонелли, при чемъ, этотъ кардиналъ, взымавшій нѣкогда къ строжайшимъ мѣрамъ со стороны австрійскихъ и французскихъ войскъ противъ итальянскихъ патриотовъ,

теперь будто бы вдругъ явился представителемъ мысли о необходимости полнаго и окончательнаго примиренія съ революціоннымъ итальянскимъ королевствомъ. Въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать этотъ слухъ, теперь еще неясно, а понимать его можно весьма различно. Можно допустить, что кардиналъ Антонелли дѣйствуетъ или согласно съ іезуитами, или противъ нихъ. Первое, конечно, вѣроятнѣе. Въ такомъ случаѣ можно полагать, что предпринявъ по возможности устранить изъ будущаго конклава элементъ итальянскій, іезуиты, на всякій случай, готовятъ про запасъ и итальянскую кандидатуру, но такую, которая будетъ вполне благонадѣжна. Для этого, можетъ быть, кардиналъ Антонелли и озабочивается заранѣе составить себѣ репутацію національно-итальянскаго кандидата на папство. Затѣмъ, въ случаѣ если не пройдетъ другой, болѣе любезный іезуитамъ кандидатъ, и Антонелли будетъ избранъ благодаря итальянскому большинству членовъ конклава, то ему придется разыграть роль Сикста V-го, „обмануть всѣ ожиданія“, то-есть оказаться непримиримымъ врагомъ той Италіи, которой онъ нынѣ будто бы является другомъ. Эта комбинація — въ духѣ іезуитовъ, какъ по хитрости своей, такъ и по своей рискованности. Іезуиты, вообще, всегда прогрызали всѣ важнѣйшія политическія дѣла именно потому, что „перехитряли“. Рискъ же настоящей комбинаціи могъ бы быть двоякій: во-первыхъ, Антонелли, бывъ назначенъ къ роли Сикста V-го, могъ бы по своимъ избраніи въ папы сыграть ее въ прямомъ, а не въ переносномъ смыслѣ, подобно Сиксту, обмануть именно ту партію, которой принадлежала бы инициатива въ его кандидатурѣ, то-есть самихъ отцовъ-іезуитовъ. Во-вторыхъ, доселѣ почти никогда не удавалось государственному секретарю предшествовавшаго папы быть избрану въ преемники его, и объясняется это тѣмъ, что первый министръ, несая на себѣ нравственную отвѣтственность за все, что дѣлалось при прежнемъ папѣ, въ составѣ конклава непремѣнно долженъ былъ имѣть гораздо болѣе личныхъ враговъ, чѣмъ друзей.

Какъ бы то ни было, но собственно въ желаніи іезуитовъ перенести пребываніе папы въ Италію въ виду будущаго конклава, нѣтъ ничего невѣроятнаго. Во всякомъ случаѣ, перенесеніе это и по ихъ мысли можетъ быть только временное. Остаться въ Римѣ или возвратиться въ Римъ для папства будетъ все-таки необходимо, несмотря на потерю имъ свѣтской власти, а можетъ быть еще болѣе необходимо вслѣдствіе потери ея. Теперь, когда папа пересталъ быть свѣтскимъ государемъ, авторитетъ его все-таки упалъ, какъ бы ни утверждали противное итальянскіе министры, представители идеи свободной церкви въ свободномъ государствѣ. Іезуиты думали вознаградить папство за эту потерю провозглашеніемъ его непогрѣшимости. Но этотъ актъ, какъ теперь оказалось, не только не упрочилъ дисципли-

ны католической церкви, а напротивъ внесъ въ нея новый элементъ раздора, то-есть слабости. При такомъ положеніи, нужно все обаяніе папскаго „вѣчнаго города“, апостольскихъ гробницъ и всемірной базилики св. Петра, однимъ словомъ, самого Рима, для того, чтобы папство не лишилось по крайней мѣрѣ своего историческаго величія. Въ Римѣ оно если и будетъ развалиной, то все-таки развалиной внушающей уваженіе и всѣми безспорно признаваемой за „подлинную“, какъ признаются подлинными остатки Колизея или Термъ Каракаллы. Въ Римѣ, въ наше время, папство, блуждающее по свѣту, еще съ новымъ свойствомъ непогрѣшимости, будетъ казаться чѣмъ-то въ родѣ претендента, чѣмъ-то стоящимъ въ ряду изгнанныхъ Бурбоновъ, Гвельфовъ и Бонапартовъ; уже не почтенной развалиной, а какой-то новой, но уродливой и совершенно несвоевременной постройкой. Наконецъ, католическая церковь только до тѣхъ поръ и будетъ считаться римской въ массѣ народа, пока глава ея останется въ Римѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что эту истину курія не упускаетъ изъ виду. Очень можетъ быть, что окончательное рѣшеніе въ ней и теперь еще не созрѣло, что въ ней существуетъ еще нѣсколько равносильныхъ направленій и что одно изъ нихъ предполагаетъ неподвижное пребываніе папы въ Римѣ во что бы то ни стало. Не слѣдуетъ ли видѣть именно это послѣднее направленіе въ совершенно неожиданномъ вѣшателствѣ римскаго двора въ муниципальные выборы непризнаваемаго имъ итальянскаго королевства? Самъ папа, въ одной изъ тѣхъ аллокуцій, которыми, для болѣе свободнаго выраженія, придается характеръ заявленій частныхъ, но которыя потомъ печатаются клерикальными газетами въ видѣ совершенно официальныхъ воззваній, выразилъ желаніе, чтобы вѣрные сыны церкви при предстоявшихъ 4-го августа выборахъ озаботились охраненіемъ „нравственнаго благосостоянія“ своихъ городовъ и для того выбрали въ ихъ управленія людей „достойныхъ“. За этимъ призывомъ папы послѣдовала столь сильная избирательная агитація многочисленнаго въ Италіи духовенства, что правительство, зная апатію большаго числа избирателей, не на шутку испугалось возможности всеобщаго торжества клерикальных кандидатовъ. Для этого достаточно было бы, еслибы, по прежнимъ примѣрамъ, огромное число избирателей не воспользовались своимъ правомъ, а всѣ находящіеся подъ вліяніемъ духовенства избиратели приняли бы участіе въ выборахъ. Поэтому, правительство сочло даже нужнымъ разослать префектамъ циркуляры, приглашавшіе избирателей не отказываться отъ участія въ выборахъ. Это, сколько помнится, первый примѣръ вѣшателства итальянскаго правительства въ изборное дѣло, хотя въ точномъ смыслѣ приглашеніе все-таки еще не есть вѣшателство, какъ его понимаютъ во Франціи, Испаніи и Австріи. Избиратели откликнулись на призывъ правительства и провоз-

на столь жаркая борьба, какой еще не бывало по поводу муниципальных выборов. Правительство, то-есть единство Италіи, одержало блестящую побѣду надъ всѣми усиліями враждебнаго ему духовенства. Даже такіе города, какъ Неаполь и Палермо, которые еще по воспоминаніямъ 1861 и 1862 годовъ не любили „пьемонтскаго“ правительства, избрали въ свои управленія людей правительственной партіи именно для того, чтобы нанести враждебному Италіи клерикализму, которой вѣка терзала ее посредствомъ „чужеземныхъ вершунговъ“, рѣшительное и окончательное пораженіе. Практическій смыслъ итальянскаго народа явился здѣсь во всемъ блескѣ: почти вездѣ радикалы и республиканцы подали голоса вмѣстѣ съ приверженцами правительства, чтобы не разъединять либеральной партіи. Тамъ же, гдѣ—какъ въ Римѣ—республиканцы не послѣдовали этой благоразумной мысли, они увлекли съ собою не только менѣе голосовъ, чѣмъ сколько ихъ получило правительство, но и менѣе, чѣмъ сами клерикалы, такъ что пораженіе ихъ было еще ярче, чѣмъ пораженіе клерикаловъ. „Признаюсь“ говорилъ недавно Тьеръ въ одной частной бесѣдѣ, которую мы находимъ въ „Temps“, „что если какой-либо народъ рѣшительно обмануль меня, такъ это народъ итальянскій. Я никогда не думалъ, что онъ можетъ оказаться столь готовымъ къ согласному, сплошному дѣйствію и столь зрѣлымъ для свободы, какъ то показала исторія послѣднихъ лѣтъ. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, я охотно сознаю свою ошибку“. Въ той же бесѣдѣ знаменитый историкъ и президентъ республики высказалъ со-всѣмъ новое мнѣніе о королѣ Викторѣ-Эммануилѣ. „Пока живъ былъ Кавуръ, говорилъ Тьеръ, всѣ успѣхи итальянской дипломатіи относились къ нему. Между тѣмъ, Кавуръ давно умеръ, а итальянская дипломатія осталась точно такою, какъ была при немъ: то же терпѣніе въ выжиданіи, то же умѣнье хватать удобный случай за загривокъ (à la pique). Мнѣ кажется, личность Виктора-Эммануила никѣмъ не оцѣнена какъ слѣдуетъ. Его считаютъ великимъ охотникомъ, всадникомъ, весельчакомъ и солдатомъ. Но онъ не только держитъ въ своей рукѣ всѣ нити какъ внѣшней, такъ и внутренней политики Италіи, но еще обладаетъ и высшимъ родомъ искусства, именно искусствомъ показать какъ будто отъ него ничто не зависитъ“. Мы уже обращали вниманіе на вліятельное, хотя и скрытое участіе Виктора-Эммануила во внутреннихъ дѣлахъ посторонней страны, именно Испаніи. Этотъ фактъ, выяснившійся недавно, какъ нельзя болѣе подходитъ подъ то мнѣніе о роли Виктора-Эммануила въ политикѣ, какое высказываетъ Тьеръ.

Нѣтъ-ли обзрѣніе мы должны заключить наканунѣ весьма важнаго факта, именно ожидаемаго свиданія трехъ императоровъ въ Берлинѣ. Свиданіе это вызвало многочисленные и весьма разнообразные

толки во всѣхъ органахъ европейской печати. Уже самое это разрѣшеніе наводитъ на мысль, что въ обстоятельствахъ, при которыхъ свиданіе должно состояться, не усматривается положительныхъ, и сомнѣнныхъ данныхъ для опредѣленія какой-либо цѣльной программы дѣйствій между тремя государствами, которыхъ государи встрѣтятся въ столицѣ германской имперіи. И Германія, и Австрія, и Россія приписываютъ весьма разнообразныя, взаимно-исключающія одно другое намѣренія империально потому, что, во-первыхъ, интересы трехъ имперій далеко не тождественны—кромѣ общаго интереса въ поддержаніи мира, а во-вторыхъ, потому, что у каждой изъ нихъ есть интересы такъ сказать двустороннія, одни такіе, которые указываютъ на одинъ союзъ, другіе такіе, которые заставляютъ не устранять вполне и союза совсѣмъ противоположнаго первому.

Наиболѣе распространенное предположеніе относительно цѣли берлинскаго свиданія заключалось въ томъ, что германское правительство, предвидя въ будущемъ возможность реванша со стороны Франціи, хотѣло бы обезпечить себѣ вновь пріобрѣтенныя владѣнія формальнымъ признаніемъ другихъ великихъ державъ и устранить для Франціи возможность рассчитывать на какого-либо могущественнаго союзника. Что такое желаніе со стороны германскаго правительства естественно—объ этомъ нечего и говорить; но вѣдь оно и при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ исполнено: признанія формальнаго хотя и не было, но нельзя сомнѣваться, что всѣ европейскія державы признаютъ присоединеніе Эльзаса-Лотарингіи къ германской имперіи. Устранить отъ Франціи союзника въ настоящее время также не имѣется надобности, потому что Франція на союзника для новой войны съ Германіей рассчитывать и теперь не можетъ. Что же касается болѣе отдаленнаго времени, то нынѣшнее свиданіе едва ли было условлено въ виду его, потому что на союзъ Австріи Франція не можетъ рассчитывать уже по сдѣланному ею опыту, а что касается Россіи, то къ ней настоящее свиданіе первоначально и не относилось; оно было условлено собственно только между императорами германскимъ и австрійскимъ, и только впоследствии превратилось въ ожидаемое свиданіе трехъ государей. Другая изъ наиболѣе распространенныхъ догадокъ приписываетъ императору Вильгельму мысль, воспользовавшись оборотомъ, какой приняло берлинское свиданіе, примирить Австрію съ Россіей.

Въ этомъ смыслѣ и недавній пріѣздъ эрцгерцога Вильгельма въ Россію объясняется какъ приступъ къ такому примиренію. Но такъ какъ близкаго столкновенія между Австріей и Россіей и доселѣ не предвидѣлось, то изложенная догадка предполагаетъ, стало быть, такое примиреніе, которое было бы равносильно полному соглашенію въ видахъ относительно будущаго. Но такого соглашенія не можетъ

произоити между Австро-Венгрією, съ ея извѣстными стремленіями на Дунаѣ, стремленіями, которыя Германія вѣроятно была бы готова поддерживать, и Россією съ ея традиціонной политикою на юго-востоку политикою, отъ которой Россія отказываться не можетъ и не должна. Мы разумѣемъ политику Россіи не въ смыслѣ захвата и поощренія всѣхъ славянскихъ и вообще христіанскихъ областей Турціи, но въ смыслѣ всегдашней готовности оказать имъ защиту и противъ притѣсненія ихъ турками, и противъ захвата ихъ германскою Россіею въ лицѣ Австріи. Славяне привыкли видѣть въ Россіи такую защиту для себя, и Россія никогда не можетъ отказаться отъ такой своей исторической, исполнѣ рациональной и нѣсколько не завоевательской роли. Съ тѣхъ поръ, какъ дознано, что оттоманское государство не можетъ существовать безъ опеки, Россія не можетъ отказаться отъ нѣкоторой опеки надъ тѣми населеніями, которыя со стороны ея сильной и могутъ ожидать защиты. Такъ-называемое полное соглашеніе видѣвъ относительно будущаго могло бы состояться между Австрією, Германією и Россією ненначе, какъ посредствомъ уступокъ именно со стороны Россіи, и едва ли не ея одной. Вотъ почему такое соглашеніе едва ли и возможно.

Фактъ, предшествовавшій свиданію въ Берлинѣ: внезапное увольненіе великаго визиря Махмуда, который держался союза съ Россією и замѣна его Мидхатомъ, которому приписываются сочувствія западнѣ, такой фактъ, происшедшій къ тому же во время короткаго отсутствія нашего посла изъ Константинополя, доказываетъ уже самъ по себѣ, если бы это требовало новыхъ доказательствъ, что полное соглашеніе вдовѣ другихъ великихъ державъ съ видами Россіи въ восточномъ вопросѣ, а стало быть и наоборотъ — подчиненіе вдовѣ Россіи стремленіямъ другихъ державъ въ этомъ вопросѣ невозможно. Что касается самой отставки Махмуда, то русская дипломатія не имѣетъ причинъ ея сокрушаться. Дѣла въ Константинополѣ не могутъ идти иначе, какъ путемъ подобныхъ, періодическихъ колебаній то въ ту, то въ другую сторону. Задача постоянно держать порту въ своихъ рукахъ слишкомъ тяжела для всякой дипломатіи и вовсе не нужна Россіи для того, чтобы исполнить ея естественное призваніе на юго-востокѣ Европы. Визирство Махмуда послужило намъ для того, чтобы дать наконецъ Болгаріи самостоятельность въ церковныхъ дѣлахъ; учрежденіемъ болгарскаго патріархата правленіе Махмуда уже сослужило русскому покровительству надъ славянами всю службу, какой мы были въ правѣ отъ него ожидать. До того времени, когда вновь представится необходимость оказать защиту турецкимъ славянамъ, въ составѣ Порты произойдетъ еще не одна перемѣна: kommt Zeit, kommt Rath!

АНГЛИЙСКОЕ МНѢНІЕ О РУССКОМЪ ФЛОТѢ.

«The Imperial Russian Navy». Naval Science, ed. by E. J. Reed. July, 1872.

Въ прошедшемъ году г. Ридъ посѣтилъ Петербургъ, и при этомъ имѣлъ случай близко познакомиться и съ нашими работами въ адмиралтействахъ, и съ самими строителями. Г. Ридъ пользуется въ своей специальности европейскою репутаціею, какъ одинъ изъ первоклассныхъ техникувъ-строителей англійскаго флота. Онъ былъ еще недавно главнымъ кораблестроителемъ (Chief Constructor of the Navy), и теперь состоитъ вице-президентомъ института морскихъ архитекторовъ въ Лондонѣ; его имя, какъ автора многихъ ученыхъ работъ, занимаетъ почетное мѣсто и въ наукѣ; г. Ридъ извѣстенъ также какъ редакторъ морского технического журнала „Naval Science“, основаннаго имъ же. Именно, въ этомъ журналѣ и явилась недавно статья самого г. Рида, въ которой онъ излагаетъ результаты своего личнаго ознакомленія съ современнымъ морскимъ строительнымъ искусствомъ въ Россіи, и посвящаетъ его описанію особую статью, подъ заглавіемъ: „Русскій Императорскій флотъ“. Помимо рѣдкости вообще иностранныхъ отзывовъ о русскихъ дѣлахъ, что впрочемъ не мѣшаетъ иностранцамъ знать иногда наши дѣла лучше, чѣмъ мы сами ихъ знаемъ, — одно имя г. Рида обращаетъ вниманіе на его отзывъ, при томъ, о дѣлѣ, которое занимаетъ не маловажное мѣсто въ нашемъ бюджетѣ. Правда, до сихъ поръ отзывы иностранцевъ о насъ и нашихъ дѣлахъ почти всегда оказывались не лестными, и надобно было потому всегда умѣть отличать въ этихъ отзывахъ дѣло отъ простой брани, весьма часто основательной и намъ полезной, а иногда внушенной недружелюбіемъ и старою привычкою презрительно относиться къ намъ; но на этотъ разъ читателю придется встрѣтить въ отзывѣ г. Рида столько похвалы и одобренія, что нужно уже рассчитывать на наше національное недовѣріе, которое предписываетъ даже и на самого „Бога надѣяться, а самому не плошать“. Вотъ текстъ самой статьи, которая, мы увѣрены, не заставитъ никого изъ насъ „выронить сира“, а между тѣмъ познакомитъ съ воззрѣніями одного изъ первоклассныхъ европейскихъ техникувъ на важный вопросъ, который теперь волнуетъ весь морской міръ.

Замѣчательное обстоятельство — такъ начинается г. Ридъ свою статью — если мы (англичане) желаемъ видѣть наиболѣе интересные и важные образцы военныхъ судовъ, то должны искать того не во Франціи и Англіи, а въ адмиралтействахъ и портахъ Россіи. Во Фран-

г. Дюпон де-Ломъ строилъ воздухоплавательные снаряды, и мы не находимъ, чтобы и его преемники были тоже способны сдѣлать что-нибудь серьезное для флота въ правленіе г. Тьера. Въ Англіи требуется превозмочь такъ много затрудненій, прежде чѣмъ можетъ быть издѣлено въ военномъ флотѣ что-либо новое и хорошее, что въ послѣднее время мы съ трудомъ могли разсчитывать на будущность начинать постройку судовъ, за исключеніемъ развѣ множества крошечныхъ канонирскихъ лодокъ, проектированныхъ много лѣтъ тому назадъ. Изъ судовъ предположенныхъ къ постройкѣ въ настоящемъ году, представляютъ еще нѣкоторый интересъ два броненосныя судна, но совершенствованія предполагаемыя въ нихъ такъ малы, что развѣ только пророческій глазъ можетъ останавливаться на долгое время на этихъ проектахъ. Намъ однакожъ пріятно заявить, что въ проектѣ новыхъ первоклассныхъ броненосцевъ, г. Барнаби и его сослуживцы, видѣвшая новыя потребности времени, внесли весьма существенныя и важныя нововведенія, которыя состоятъ въ усиленіи носового и въ увеличеніи числа отдѣленій въ подводной части корпуса. Отверсто-германское правительство конечно нельзя обвинять въ лѣнности, но новостъ его морского положенія заставляетъ его предпочитать постепенное развитіе кораблестроенія быстрому переходу къ новымъ идеямъ.

Австрія держится весьма похвального правила, строить желѣзные броненосцы въ своихъ собственныхъ портахъ; но она не можетъ дѣлать этого скоро, и потому морская администрація въ Вѣнѣ, какъ бы ни была воодушевлена духомъ прогресса, не въ силахъ привести свой флотъ въ такое состояніе, чтобы онъ могъ держаться въ приличномъ положеніи, при общей ногонѣ другъ за другомъ морскихъ націй. Своимъ рѣшеніемъ не строить судовъ за границею, эта нація отталкиваетъ себя отъ равенства съ другими европейскими державами, которыя, развивая свою національную промышленность, въ то же время находятъ благоразумнымъ пользоваться и результатами, выработанными Англіею и Шотландіею въ дѣлѣ кораблестроенія. Италія, благодаря несовершенству морской администраціи, занимаетъ въ средѣ морскихъ державъ положеніе худшее того, какое она должна была бы занимать по своимъ затратамъ. Турція, главнымъ образомъ въ лицѣ своего Султана, показала удивительную предприимчивость, но, къ несчастію, мы опасаемся, что его величество слишкомъ много полагается на величину, цѣнность и прекрасный внѣшній видъ своего флота; турецкая же система администраціи лишаетъ его совѣта передовыхъ людей, способныхъ имѣть широкій взглядъ на морское дѣло. Мы надѣемся, что Махмуть-Паша, какъ великій визирь, не замедлитъ благоразумно разрѣшить эту важную задачу.

Повторяемъ, въ Россіи только мы должны теперь искать результатовъ энергической и самостоятельной дѣятельности; тамъ морской дѣлъ Петра Великаго видимо воскреснуть вновь, даже съ большимъ чѣмъ въ то время жаромъ. Эта дѣятельность выражается въ такой формѣ, которая вполне соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ настоящаго періода времени. Мы сейчасъ покажемъ, что въ Россіи строятся теперь три различныхъ типа броненосныхъ судовъ, и всѣ они олицетворяютъ собою новыя идеи; всѣ весьма хорошо удовлетворяютъ своему назначенію и всѣ быстро подвигаются къ окончанію. Обстоятель-

ства, связанныя съ нашимъ посѣщеніемъ Россіи въ прошломъ году, заставляютъ насъ умолчать о причинахъ, по которымъ морскія силы этого государства такъ сильно развиваются, но нѣсколько словъ объ этомъ предметѣ будутъ здѣсь не лишними.

Во-первыхъ, русскій флотъ пользуется особымъ покровительствомъ самой императорской фамиліи. Во время нашего пребыванія въ Петербургѣ, мы видѣли много тому доказательствъ. Участіе, которое принимаетъ самъ Императоръ въ своемъ флотѣ, достаточно свидѣтельствуется тѣмъ, что всякій новый и важный опытъ въ морскомъ дѣлѣ, даже въ начальной степени его развитія, уже внимательно разсматривается лично Его Величествомъ. Врядъ ли можно сказать съ увѣренностью то же самое относительно какого-либо другого монарха. Цесаревичъ, Наслѣдникъ Престола, хотя военный офицеръ и по своему рожденію предназначенный заботамъ о болѣе обширныхъ интересахъ имперіи, принимаетъ живѣйшее личное участіе во флотѣ и хорошо знакомъ съ каждою происходящею въ немъ переменою. Его братъ великій князь Алексѣй, подобно нашему принцу Альфреду герцогу Эдинбургскому, практическій морской офицеръ, командующій отдѣльнымъ фрегатомъ и изучающій тайны, если можно такъ выразиться, современнаго военного судна. Е. И. В. великій князь Константинъ, который уже давно пользуется всѣмъ извѣстной репутаціей морского офицера, настолько преданъ интересамъ флота, что сохраняетъ за собою званіе генерал-адмирала, несмотря на то, что занимаетъ еще высокій постъ председателя Государственнаго Совѣта, — который составляетъ конечно важнѣйшее изъ административныхъ учрежденій въ Европѣ. Какими бы ни были достоинства нашей (англійской) системы, благодаря которой главный надзоръ за британскимъ флотомъ достался въ руки сначала г. Чильдерса, а потомъ г. Гошена, высокія качества которыхъ, оцѣненнымъ г. Гладстономъ, поставили ихъ какъ людей самыхъ способныхъ во всей Великобританіи для исполненія высокой обязанности Перваго Лорда Адмиралтейства, — несмотря на то, надо признаться, что русская система, по которой управленіе флотомъ отдается въ руки человѣка, который при личныхъ способностяхъ обладаетъ обширными свѣдѣніями, большою опытностью въ морскомъ дѣлѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ занимаетъ высшіе посты въ морской и обще-государственной службѣ—надо сознаться, говоримъ мы, что такая система имѣетъ за собою также весьма важныя выгоды. По крайней мѣрѣ, мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что постройкою тѣхъ замѣчательныхъ судовъ, которые готовятся теперь въ Россіи, эта страна обязана въ значительной мѣрѣ тому интересу, который принимаетъ во флотѣ императорская фамилія, и безъ сомнѣнія, главнымъ образомъ тотъ членъ ея, который управляетъ этимъ флотомъ.

Другая причина, которой въ большой мѣрѣ приписывается прогрессъ въ русскомъ флотѣ, вытекаетъ изъ предыдущей. Лицо, стоящее нынѣ во главѣ флота, предоставляетъ свободу дѣйствій людямъ, обладающимъ самобытнымъ и обширнымъ умомъ и въ высшей степени знающимъ свою спеціальность морскимъ офицерамъ. Это обстоятельство заслуживаетъ большого вниманія, потому что есть люди, которые считаютъ русскій умъ вообще подражательнымъ и неоригинальнымъ. Можетъ быть, такой подражательный характеръ ума обнаруживается въ Россіи чаще нежели въ Западной Европѣ. Посѣщая русскія учеб-

ныя заведенія, мы сами нерѣдко замѣчали большія воспринимательныя способности и недостатокъ въ приложеніи познаній къ новымъ задачамъ ¹⁾. Но, съ другой стороны, въ средѣ русскаго общества мы рѣшительно не замѣчали недостатка въ самодѣятельности и оригинальности мысли; кромѣ того, какъ мы увидимъ далѣе, русскій флотъ, въ противоположность со всѣми другими флотами, отличается силою и смѣлостью, съ которыми разрѣшаются извѣстныя нѣкоторыя задачи кораблестроенія.

Новыя суда, о которыхъ мы будемъ говорить далѣе, проектированы адмираломъ Поповымъ, офицеромъ, который обнаружилъ свои личныя качества еще въ такъ-называемой нами русской войнѣ (крымской), при защитѣ Севастополя и въ другихъ мѣстахъ, и, безспорно, человекомъ весьма замѣчательныхъ способностей. Идеи его, на которыхъ онъ основывалъ свои проекты, не трудно охарактеризовать въ короткихъ словахъ: эти идеи такого свойства, что отвѣтственные лица, оставленные во главѣ управленія флотами, конечно не захотѣли бы имъ слѣдовать, даже и при самыхъ убѣдительныхъ доводахъ. Это были такія идеи, которыя могли быть осуществлены только лицами, привыкшими мыслить весьма самостоятельно и смотрѣть ясно на морское дѣло.

Къ счастью адм. Попова и его проектовъ, в. кн. Константинъ былъ способенъ на то и другое и, вмѣстѣ съ почтеннымъ морскимъ министромъ адмираломъ Краббе, предоставилъ ему необходимую свободу дѣйствій для разработки его проектовъ.

Мы думаемъ также, что и другое обстоятельство способствовало настоящему положенію русскаго флота, а именно сильная реакція, которая послѣдовала въ немъ послѣ гибели „Captain'a“. Громкая агитация, возбужденная этою катастрофою, имѣла большое влияние во всѣхъ странахъ, за исключеніемъ нашей собственной. Во Франціи, правда, и г. Дюпон де-Ломъ, ни императоръ никогда не были сильно заняты ею; въ Пруссіи его корол. высочество принцъ Адальбертъ противился ей въ сильной степени, и при своемъ высокомъ званіи генералъ-адмирала противился успѣшно почти до конца. Но въ Россіи, также какъ и у насъ, нѣкоторые высокопоставленные морскіе офицеры были проникнуты невѣрными идеями и успѣли ихъ провести также весьма дѣйствительно, какъ и въ Англіи.

¹⁾ Это замѣчаніе иностранца о нашей школѣ приобретаетъ въ настоящее время огромное значеніе. Наши защитники профессионализма въ реальныхъ школахъ должны подумать надъ этимъ приговоромъ г. Рида русскому уму. Получая въ школѣ не общее, научное образованіе, какъ то мы видимъ въ прусскихъ реальныхъ училищахъ, а общее съ примѣненіемъ его къ практической жизни, у насъ человекъ и умѣетъ примѣнить свои общія познанія только въ тѣхъ случаяхъ, которыя указала школа, и притомъ такъ, какъ тому учили въ школѣ; въ виду же новой задачи, не представленной школою, этотъ умъ терзается и уже не можетъ приложить своихъ познаній. Другое дѣло, если реальная школа преслѣдуетъ однѣ научныя цѣли, безъ профессиональности: человекъ такой школы не будетъ озадаченъ новымъ положеніемъ вещей и возводъ ихъ комбинаціей, потому что онъ вполне знакомъ съ наукою, съ общими законами природы, которые развили и его умъ самостоятельно. Итакъ, неслучайно русскаго ума, указанный г. Ридомъ, принадлежитъ собственно не русскому уму, а русской школѣ. *Ред.*

Когда же перевернулся „Captain“, тогда и всѣ эти господа перевернулись вмѣстѣ съ нимъ, и хотя нѣкоторые изъ нихъ, подобно несчастному экипажу этого судна, старались выползти въ безопасное положеніе, на свои собственныя опрокинутыя мнѣнія, однакожъ настало наконецъ общее отступленіе отъ этихъ мнѣній, и люди, которые, подобно адм. Попову, въ принципѣ противились пагубной ереси теперь, несмотря на то, что впечатлѣніе послѣ потери „Captain“ ослабѣло, натурально обращаютъ на себя вниманіе, котораго они заслуживали, и даже приобрѣли вліяніе.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію русскихъ судовъ, которыя на нашему мнѣнію достойны особеннаго вниманія и сначала опишемъ тотъ ихъ классъ, которому въ нашемъ флотѣ нѣтъ ни одного подобнаго. Этого класса составляютъ въ настоящее время два судна „Александръ Невскій“ и „Ген.-Адмиралъ“, которыя въ прошломъ году, во время нашего посѣщенія Петербурга, были доведены до четверти полной ихъ готовности и поэтому теперь должны быть скоро окончены. Эти суда по своей величинѣ занимаютъ средину между нашими „Inconstant“ и „Volage“, и хотя, подобно этимъ судамъ, проектированы для большей скорости хода, какъ главнаго качества, однакожъ имѣютъ поясъ брони по грузовой ватерлинии и другой поясъ на верхней палубѣ, достаточно высокой для прикрытія орудійныхъ станковъ въ батареи, состоящей изъ 4 орудій. Борта судна противъ батарей выдаются впередъ подобно тому, какъ на нашихъ судахъ класса „Invincible“, для продольнаго огня на носъ и на корму. Суда эти около 300 фут. длины, 48 фут. ширины и около 23 фут. углубленія. Машинъ ихъ въ 900 лош. силъ. Броня 6 д. толщины, батарейныя орудія 8-дюймоваго калибра, и кромѣ того есть еще два 6-ти-дюймовыхъ орудія. Корпуса этихъ судовъ желѣзные со шпангоутами, помѣщенными снаружы, и въ подводной части обшиты деревомъ и мѣдью. Они будутъ имѣть весьма большую парусность. Если вычисленія, на которыхъ были основаны проекты этихъ судовъ, сдѣланы вѣрно и вполне достаточно, — обстоятельство, о которомъ говорить мы конечно не въ состояніи, — въ такомъ случаѣ очевидно русское правительство будетъ имѣть два судна болѣе быстрыя на ходу, чѣмъ всякое изъ судовъ нашего флота, за исключеніемъ „Inconstant“а и „Blonde“а, которые однако не имѣютъ брони, также болѣе быстрыя и дѣйствительныя подъ парусами, и защищенныя въ главныхъ своихъ частяхъ броней. Въ нашемъ отечествѣ нѣтъ ничего подобнаго, наши суда быстрого хода совсѣмъ не имѣютъ брони; броненосныя же суда, водоизмѣщенія одинаковаго съ этими русскими судами, блиндированы гораздо болѣе, и слѣдовательно не могутъ имѣть одинаковой съ ними скорости хода. Мы не жалуемся на то, что прежде не имѣли такихъ судовъ. Задача всего нашего военнаго кораблестроенія заключается въ томъ, чтобы сдѣлать нашу страну какъ можно болѣе неприступною; и никогда, во все время нашего національнаго существованія, не были мы болѣе безопасны въ этомъ отношеніи, какъ два года тому назадъ или даже теперь, хотя въ эти цѣлыхъ два года въ нашемъ флотѣ не прибавилось ни одного новаго значительнаго судна. Но теперь мы сожалѣемъ о совершенномъ отсутствіи въ нашемъ флотѣ судовъ, подобныхъ этимъ двумъ русскимъ судамъ, и рѣшаемся привести здѣсь слѣдующій замѣчательный фактъ: самый первый изъ нашихъ проектовъ, который

было представлено правительству (англійскому) въ 1862-мъ году, было въ умѣренной вѣстительности, пропорціонально большой паровой, съ большою парусностью, съ центральною батареею на верху, наверху, способною стрѣлять почти на носъ и на корму, и съ броней брони по батареѣ и по грузовой ватерлинии. Это судно имѣло еще добавочный сильно блиндированный ящикъ, соединяющій батарею съ подводною частью судна. Броню предполагалось имѣть въ виде ящиковъ. Проектъ этотъ появился, какъ мы сказали, въ 1862-мъ году, а не въ 1872-мъ.

Если бы насъ спросили, почему же это судно или усовершенствованнаго суда такого типа никогда не были построены для англійскаго флота, то мы отвѣтили бы на это, во-первыхъ, что мы строили весьма малые броненосцы, и во-вторыхъ, предложили бы другой вопросъ: какимъ образомъ могли наши общественные дѣятели помышлять о создании вполнѣ могущественнаго флота въ послѣдніе десять лѣтъ, да ни одинъ шагъ не могъ быть сдѣланъ безъ того, чтобы не пришлось убѣждать или отталкивать вліятельную гражданскую власть, которую общество поставило надъ морскимъ вѣдомствомъ и которая сама не понимаетъ достаточно того, чего хочетъ; когда, сверхъ того, каждый новый шагъ преслѣдовался еще болѣе невѣжественными (!) и еще отвѣтственными людьми, засѣдающими въ палатѣ общины, у которыхъ частные интересы преобладаютъ (?) надъ благомъ и могуществомъ страны; когда обѣ палаты не имѣли въ своемъ составѣ ни одного спеціалиста, который бы совершенно понималъ дѣло, отъ души бы преданъ интересамъ общественной службы? Это было какою-то чудомъ, что при такихъ условіяхъ сэръ Спенсеръ Робинзонъ могъ создать въ нашемъ отечествѣ тотъ первенствующій теперь броненосный флотъ, которымъ, по мнѣнію всего свѣта, мы теперь обладаемъ! Но, какъ бы то ни было, онъ это сдѣлалъ, и за то отнынѣ имя его будетъ стоять высоко между именами тѣхъ немногихъ морскихъ инженеровъ, которые и въ мирное время считаютъ своею обязанностью служить своему дѣлу и отечеству. Для націи было бы весьма желательно, чтобы его преемники въ послѣдующія десять лѣтъ успѣли столько возвысить нашу морскую силу, сколько успѣлъ въ томъ сэръ Спенсеръ Робинзонъ, несмотря на зависть, противодѣйствія и смущенія.

Мы имѣли не разъ удовольствіе разговаривать съ почтеннымъ адмираломъ, который составилъ проекты новыхъ русскихъ судовъ, и слышали теперь набросать въ нѣсколькихъ словахъ, какіе были его мысли при составленіи этихъ проектовъ, и почему е. и. в. великій князь константинъ рѣшился на постройку такихъ судовъ для русскаго флота. Въ этихъ судахъ, какъ справедливо было сказано, превосходная скорость хода сама по себѣ есть сила, дающая возможность избѣжать вѣнчатаго противника, принудить слабѣйшаго изъ нихъ къ сраженію и избрать самую выгодную позицію для боя. Исходя изъ того принципа, что изъ двухъ судовъ, одинаковыхъ во всѣхъ отношеніяхъ, исключеніемъ ихъ величины, большее имѣетъ и большую скорость хода, необходимо было дать имъ значительную величину, а при этомъ самымъ матеріаломъ для постройки необходимо было выбрать желѣзо; такимъ образомъ явилась дальнѣйшая выгода, заключающаяся въ легкости корпуса судна и болѣе его прочности. Далѣе, суда этого типа,

предназначаемыя для отдѣльнаго крейсерства и для нападенія на коммерческія и на болѣе слабыя желѣзные суда, не требуютъ большого числа орудій. „Александръ Невскій“ и „Генераль-Адмиралъ“ имѣютъ поэтому только 4 главныхъ орудія; но чтобы они были можно болѣе дѣйствительны, они приспособлены такимъ образомъ, могутъ обстрѣлывать всякую точку горизонта. Сила этихъ 4 главныхъ орудій опредѣлялась тѣмъ условіемъ, чтобы она превосходила наибольшихъ орудій, какія только купеческія паровыя суда могутъ носить на своихъ палубахъ, т.-е. болѣе чѣмъ 100-фунтового калибра. Наконецъ, такъ какъ и 100-фунтовой снарядъ могъ бы достать разстрѣлить не вполне блиндированное военное судно, то во избѣ этого суда адмир. Попова имѣютъ поясъ брони по грузовой ватерлинии. Таковы въ общихъ чертахъ соображенія, которыя привели адмирала къ проектированію этихъ судовъ, на которыя можно смотрѣть какъ на выраженіе взгляда русскихъ моряковъ на тотъ предметъ, какимъ именемъ долженъ быть *Крейсеръ* въ настоящее время. Мы полагаемъ, что немногіе рѣшатся сказать, чтобы эти проекты были не хороши и не окончательно разработаны. Въ Англіи поясная броня представлялась часто, но только вмѣсто полной брони обыкновенныхъ броненосцевъ. Проводя и выполняя на самомъ дѣлѣ идею устройства этой брони, русское правительство этимъ самымъ приноситъ пользу и заслуживаетъ похвалу.

Второй классъ судовъ, обращающій на себя также особенное вниманіе, можетъ быть очерченъ въ нѣсколькихъ словахъ. Въ настоящее время, мониторъ „Крейсеръ“¹⁾ представляетъ собою единственный типъ судовъ этого класса. Это значительное судно начато въ то же время и даже раньше чѣмъ нашъ „Devastation“, послѣ появленія нашего проекта чрезвычайно сильнаго броненосца того типа, извѣстнаго тогда въ Адмиралтействѣ подъ именемъ „Devastation“. „Крейсеръ“ имѣетъ 325 ф. длины, 63 ф. ширины, 5,350 строенныхъ тоннъ, около 10,000 тоннъ водоизмѣщенія и весьма сильную машину (1,400 лощ. силъ), приводящую въ движеніе два винта. Это судно имѣетъ брестеръ и отъ него до носа длинную надстройку. Во время нашего посѣщенія монитора, было рѣшено раздвинуть стѣны брестера до стѣнъ судна, какъ это одновременно предполагено было сдѣлать „Devastation“, но потомъ отиѣнено за недостаткомъ водоизмѣщенія, но такъ предназначено сдѣлать на „Fury“. „Крейсеръ“ будетъ обшитъ деревомъ и мѣдью; будетъ имѣть четыре самыхъ тяжелыхъ орудій, броню съ корочатымъ желѣзомъ въ подкладкѣ, равносильную самой бронѣ въ 14 дюйм. толщины. При существованіи въ нашемъ собственномъ флотѣ судовъ класса „Devastation“ и „Fury“, ослабленіе конечно то впечатлѣніе, которое въ противномъ случаѣ на насъ дѣлалъ бы произвестіи этого необыкновенно сильнаго монитора. При всемъ томъ мы совѣтовали бы припомнить тѣмъ господамъ, которые никогда не перестаютъ желать остановки въ развитіи нашего броненоснаго флота, что русское правительство заложило громадное и сильное судно прежде, чѣмъ мы начали нашъ „Devastation“; что изъ этихъ двухъ судовъ, русское гораздо больше, а сильнѣе и сильнѣе.

¹⁾ Въ нѣмѣцкомъ году переименованъ въ «Петра Великаго».

Его броня и подкладка будутъ способны гораздо болѣе сопротивляться ударамъ снарядовъ, чѣмъ на нашихъ значительно меньшихъ „Devastation“ и „Thunderer“. Короче сказать, по окончаніи войны „Крейсера“ русскіе будутъ обладать самымъ сильнымъ боевымъ во всемъ свѣтѣ. Замѣчательнъ также фактъ, что въ то время, какъ наши представители адмиралтейства останавливали постройку „Fury“ — судна болѣе величинны сравнительно съ „Thunderer“, русское правительство подвигало безостановочно свой „Крейсеръ“ и въ образцовъ достигло того выгоднаго положенія, которое мы, русскіе строитъ „Fury“, и г. Чильдерсъ, который утвердилъ эту постройку, такъ жадно надѣялись сохранить за нашею собственною. Увы! вмѣсто сильнаго броненосца самаго послѣдняго типа только досталось прочесть цѣлый рядъ рапортовъ особаго комитета изданныхъ на нихъ отвѣтовъ двухъ адмираловъ!).

Впрочемъ, мы переходимъ къ тѣмъ круглымъ броненосцамъ, которые, въ извѣстномъ, Россія уже строитъ, и при заложеніи были на первомъ изъ нихъ мы присутствовали въ Петербургѣ въ маѣ прошлаго года. Круглыя суда, по нашему мнѣнію, въ послѣдствіи должны будутъ обратить на себя вниманіе всего свѣта. Первое впечатлѣніе тѣхъ, кто знаетъ о круглыхъ броненосцахъ, выражается улыбкою. Когда мы слышимъ тотъ всеобщій скептицизмъ, съ которымъ были встрѣчены собственныя усилія достигнуть, съ короткими судами „Bellenger“ и „Hercules“ скорости равной съ судами болѣе длинными, какъ „Hector“ и др., то можемъ дѣйствительно удивляться той смѣлости, которую русское правительство въ послѣднихъ постройкахъ съ собою взяло обрѣзало длину своихъ судовъ до величины равной имъ. Но люди, какими бы они ни были скептиками сначала, по размышленіи скоро начинаютъ видѣть, что эта вещь не такъ легка, какъ то можетъ казаться съ перваго взгляда; и тогда часто восклицаніе: „но отъ нихъ нельзя ожидать скораго хода или

Нашимъ читателямъ можетъ быть неизвѣстенъ документъ, напечатанный однимъ изъ этихъ скромныхъ офицеровъ, адмираломъ Джоржемъ Эліотомъ, въ которомъ онъ описываетъ донесенія своихъ товарищей по комитету и рекомендуетъ свои собственныя „мнѣнія, обработанные и законченные“ взгляды, присовокупляя, что онъ не мнѣніи „компетентныя авторитеты“. Адмиралъ, повидимому, вырвалъ одинъ изъ „Исповѣдй“ Жана-Жака, и вышло такъ: — „Я показалъ себя, какимъ я въ самомъ дѣлѣ... добрымъ, великодушнымъ, высокимъ, когда я былъ такимъ, раскрылъ мою внутреннюю жизнь“. Но онъ съ сожалѣніемъ вѣроятно забылъ о послѣдующихъ признаніяхъ Руссо, какъ тотъ выставилъ себя „презрѣннымъ и низкимъ, когда былъ такимъ“; мы полагаемъ, что адмиралъ поступилъ правильно, въ этомъ самохвальство доблестнаго офицера есть пріятное занятіе. Однакожъ именно та легкость, съ которою онъ унижалъ работу и мнѣнія другихъ и возвысилъ свои собственныя въ ущербъ тѣхъ, при чемъ ссылаясь на компетентныя авторитеты, онъ такъ напечаталъ окончаніе вышеприведеннаго мѣста гдѣ говорится: — „Я раскрылъ свою внутреннюю жизнь такъ, какъ ты самъ ее увидишь въ будущей жизни. Вокругъ меня многочисленную толпу мнѣ подобныхъ; пусть слушаютъ мою жизнь, пусть вздыхаютъ о моихъ недостаткахъ, пусть краснѣютъ за мои слабости. Пусть каждый изъ нихъ въ свою очередь раскроетъ свое сердце у подножія твоего трона съ такою же искренностію, и пусть хоть одинъ изъ нихъ осмѣлится тогда сказать: „я былъ лучше этого человѣка“.

плаванія въ морѣ". Мы же думаемъ, что ожиданіе отъ нихъ хорошей скорости хода справедливо, и что нисколько не будетъ удивительно, если они окажутся весьма дѣйствительными даже и на морѣ. Ожиданіе хорошей скорости хода основано на томъ, что они будутъ имѣть весьма большую паровую силу, подобно тому какъ короткія суда нашего флота способны носить на себѣ болѣе сильныя машины, нежели длинныя (потому что въ нихъ не тратится на блиндированіе вѣнцовъ и остролинейныхъ оконечностей носа и кормы), такъ и эти круглыя суда способны только въ гораздо большей мѣрѣ вытѣснить въ себѣ болѣе сильныя машины при томъ же вѣсѣ корпуса. Ничего, никакой основательной причины, почему бы даже и круглое судно могло двигаться въ водѣ съ большою скоростью, если оно имѣетъ огромный источникъ силы для этого движенія. Въ прошломъ году въ Кронштадтѣ, мы имѣли случай плавать въ круглой шлюпкѣ 24-футоваго діаметра, причемъ мы шли также скоро, какъ ходитъ болѣе частъ паровыхъ шлюпокъ. Правда, что вода сильно затрудняла, чтобы разчистить путь для прохода нашему судну и произвела высокую волну; но мы знаемъ, что въ Англіи есть много способныхъ людей, считающихъ себя учеными, которые такъ боятся возмущенія воды при ходѣ судна, что печатно увѣряли, будто бы „Bellerophon" могъ сдѣлаться лучшимъ судномъ чѣмъ теперь, если бы мы встроили 100,000 фунтовъ для удлиненія его по 50-ти футовъ съ каждаго конца такимъ образомъ обратили бы его въ „Minotaur"; но мы увѣрены, послѣ этого онъ ходилъ бы нисколько ни скорѣе, а конечно былъ бы гораздо менѣе поворотливъ чѣмъ теперь. „Однакоже, онъ менѣе мучалъ бы воду съ носу и кормы", говорятъ при этомъ критики, и это, мы должны предполагать, и есть та выгода, за которую по нашему мнѣнію стоило бы заплатить 100,000 фунтовъ! Но русскіе не обращаютъ никакого вниманія на подобный вздоръ и предоставляютъ водѣ разлагать себѣ путь гдѣ ей угодно, лишь бы только суда могли носить очень толстую броню и самыя большія орудія на сравнительно маломъ и дешевомъ суднѣ, и могли бы двигать его съ хорошою скоростью при умѣренной тратѣ силы.

Впрочемъ мы считаемъ необходимымъ оговориться.

Мы здѣсь не утверждаемъ, да и не намѣрены этого дѣлать въ предварительныхъ изслѣдованіяхъ—которыхъ не можемъ произвести по недостатку имѣнію средствъ—что круглая форма судна есть лучшая, такъ какъ въ ней судно съ толстою броней можетъ ходить съ наибольшею скоростью. По этому поводу мы скажемъ, что считаемъ длинныя броненосцы, покрытые толстою броней, нецѣлесообразными; что мы достигли большихъ выиграній отъ укороченія броненосцевъ, особенно въ экономическомъ отношеніи, и что нѣтъ существенныхъ основаній для опроверженія той мысли, что если бы имѣть въ виду достиженіе только одной скорости, то пришлось бы укорачивать суда до тѣхъ поръ, пока они не сдѣлались круглыми. Можетъ быть, увеличивая толщину брони и вслѣдствіе этого укорачивая суда, мы достигли бы того же предѣла, т.-е. круглой формы. Задача заключающаяся въ этомъ вопросѣ, неразрѣшена окончательно; но мы полагаемъ, что если сохранить ту же скорость и увеличивать толщину брони, то одинъ только русскій планъ можетъ быть экономическимъ.

Надо принять также въ соображеніе опыты г. Фруда, которые доказали, что при большей скорости полное образованіе носовыхъ волнъ

превосходнѣе острога. Онъ говоритъ также, что опыты „ясно показали, какъ необыкновенныя формы могутъ обладать совершенно естественными и неожиданными достоинствами“, и что „надлежащія мѣренія длины къ ширинѣ до сихъ поръ не подвержены правиламъ, которыя съ увѣренностью можно было бы положиться“. Профессоръ не только не только выражалъ подобныя мысли, но даже приносилъ значительныя выгоды именно такимъ судамъ, т.-е. круглымъ¹⁾. Вопросъ конечно разъяснится испытаніями перваго русскаго судна, которое будетъ спущено въ концѣ нынѣшняго года или въ началѣ будущаго, и такъ какъ мы были почтены приглашеніемъ на испытаніе, то надѣемся въ недалекомъ будущемъ сообщить нашимъ читателямъ много полезныхъ свѣдѣній по этому предмету.

Мы не можемъ съ увѣренностью сказать что-нибудь относительно скорости и морскихъ качествъ этихъ судовъ, потому что кромѣ немногихъ данныхъ въ нашихъ рукахъ нѣтъ ни ихъ элементовъ, ни вычисленій. Большая остойчивость и малое углубленіе обыкновенно производятъ сильную качку, но въ этихъ судахъ существуютъ особенности, которыя ослабляютъ этотъ недостатокъ. Первое судно будетъ 90 футовъ въ діаметрѣ, сидѣть въ водѣ 12½ ф. и покрыто 12-дюймовою броней; осевой части нѣтъ надстройки, которая будетъ разбивать волны, и въ ней же будутъ подниматься якоря; въ кормѣ вѣроятно будетъ рубка для прикрытія головы руля. Сильныя машины приводятъ въ движеніе винты, помѣщенные назади параллельно діаметральной плос-

кости. Наблюденія надъ моделью такого судна въ Кронштадтѣ привели насъ къ заключенію, что круглыя суда весьма быстро вращающіяся въ водѣ, свойства простого руля, подъ парами будутъ еще послушнѣе, по крайней мѣрѣ въ тихой водѣ, и нѣтъ причины предполагать, что они будутъ также хороши и на волненіи; это одно изъ самыхъ важныхъ необходимыхъ качествъ для этихъ судовъ, которымъ они и обладаютъ въ высшей степени. Такъ какъ они мелко сидятъ въ водѣ, круглой формы и имѣютъ большое водоизмѣщеніе, то совершенно удобно положить на нихъ толстую броню внизъ до наружнаго днища, и такимъ образомъ предохранить ихъ какъ можно болѣе отъ торпедо, подобныхъ тѣмъ Гарвея, или самодвижнымъ.

Мы думаемъ, что сказаннаго нами пока достаточно, чтобы вполне удовлетворить наше вступленіе, и мы доказали, что въ самомъ дѣлѣ въ ближайшее время въ русскихъ портахъ и адмиралтействахъ мы должны получить самыхъ свѣжихъ новостей и образцовъ желѣзныхъ броненосныхъ судовъ; громаднаго усовершенствованія, какія производятся въ Россіи, должны бы вызвать у нѣкоторыхъ иныхъ знаемыхъ намъ правительствъ иную дѣятельность, совсѣмъ отличную отъ ихъ усыпляющаго самодовольства; но относительно этого предмета мы воздержались говорить въ настоящую минуту.

¹⁾ Должно замѣтить, что круглыя суда, достоинства которыхъ подробно обсуждены въ предыдущемъ Раякиннѣ, были проектированы покойнымъ Джономъ Эльдеромъ и сильно отличаются отъ судовъ адмирала Попова, такъ что представляютъ два совершенно разныхъ типа. Сѣченіе судна г-на Эльдера есть дуга круга, у русскихъ же судовъ совершенно иное.

Кто прочелъ съ нами всю статью г. Ридъ отъ начала до кон-
 тотъ не могъ не замѣтить, что дѣло, о которомъ разсуждаетъ авто-
 весьма близко его сердцу, что онъ самъ принадлежитъ къ числу тѣхъ
 отважныхъ умовъ, которые быстро раздражаются всякими, ино-
 дѣйствительно мелочными, препятствіями со стороны ума хозяйств-
 наго, буржуазнаго, который, какъ сѣверо-германское правительство,
 словамъ автора, „предпочитаетъ постепенное развитіе кораблестро-
 быстрому переходу къ новымъ идеямъ“. Очевидно, г. Ридъ самъ
 собственномъ отечествѣ встрѣтилъ препятствія своему творчеству; и
 почему его статья, несмотря на описательную цѣль, имѣетъ въ се-
 домашнюю полемику. Г. Ридъ, какъ Тацитъ въ своей „Германи-
 хочетъ показать своимъ римлянамъ, насколько они могутъ уступитъ
 варварамъ вслѣдствіе того, что не смѣютъ избрать своимъ девизомъ
 osez! Быть можетъ, г. Ридъ и правъ: гениальность и первый плодъ
 изобрѣтательность, всегда идутъ впереди холодныхъ расчетовъ буди-
 наго ума; но едва ли правъ г. Ридъ, когда онъ ропщетъ на гражданск-
 власть въ Англіи и видитъ въ своей палатѣ общины только „не-
 жественныхъ“ людей, увлекаемыхъ „частными интересами, преобла-
 ющими надъ благомъ и могуществомъ страны“, и все это только потому,
 что эта „гражданская власть“ слишкомъ робка всякій разъ, когда
 идетъ о затратахъ общественныхъ суммъ. Можно подумать, что идеалъ
 г. Ридъ служить Турціи, гдѣ онъ не встрѣтитъ тѣхъ „невѣжественныхъ“
 людей, если бы только почтенный авторъ самъ, какъ мы видѣли,
 энергически не осудилъ Турціи за то, что „турецкая система адми-
 страціи лишаетъ правительство совѣта передовыхъ людей, способныхъ
 имѣть широкій взглядъ на морское дѣло“. Г. Ридъ, очевидно, самъ
 въ высокой степени талантливая натура, преслѣдующая свою идею
 всѣмъ пыломъ убѣжденія, и какъ то часто бываетъ съ подобными
 натурами, легко увлекается за предѣлы спокойнаго обсужденія вся-
 разъ, когда встрѣчаетъ препятствіе своимъ порывамъ. Но всякій сколько-
 нибудь опытный читатель всегда съумѣетъ выдѣлить въ статьѣ г. Ри-
 то, что попало въ нее случайно, отъ того, что сказано имъ со всякимъ
 авторитетомъ высоко-талантливаго человѣка, искренне убѣжденнаго въ
 правотѣ своей идеи и глубоко изучившаго предметъ своей спеціальности
 до послѣднихъ ея мелочей.

Z.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ПАРИЖА

ПРИЗНАКИ ВОЗРОЖДЕНІЯ ФРАНЦІИ.

24-го августа.

Я знаю, что можно многое возразить противъ громаднаго успѣха, ставъ неслыханнаго результата, — на видѣ даже непонятнаго, — на трехъ милльардовъ. Въ этой операціи было много шарлатанства, въ ея видимомъ результатѣ — значительная часть фикціи. Французское правительство изъ похвальнаго намѣренія обезпечить за собою курсъ иностранныхъ бумагъ, для расплаты съ Германіей, а быть можетъ и ради менѣе похвальной цѣли: увеличить насколько возможно курсъ подписки, давало чрезмѣрныя льготы иностраннымъ подписчикамъ и въ особенности нѣмцамъ. Домъ Блейхредера въ Берлинѣ могъ имѣть обязательства, лишенныя всякой гарантіи, и даже предложить имъ въ $\frac{1}{2}$ % тѣмъ изъ своихъ кліентовъ, которые подпишутся въ этихъ условіяхъ. Съ другой стороны, предвидя, что требованія будутъ уменьшены, вслѣдствіе этого самаго преувеличивали ихъ для того, чтобы получить во всякомъ случаѣ ту цифру займа, на которую имъ серьезно подписаться. Такимъ образомъ, тѣ, которые желали 100 франковъ ренты, подписывались на сумму въ десять разъ болѣе, и все-таки обманулись въ своемъ разсчетѣ. Это постоянное движеніе въ смыслѣ преувеличенія все сильнѣе и сильнѣе развивалось въ послѣдніе дни и кончилось тѣмъ, что превзошло всѣ ожиданія. Возможно, что еслибы выпускъ отсрочился еще на недѣлю, то кажущіеся успѣхи достигли бы еще болѣе баснословныхъ размѣровъ.

Но уступая все это и отводя должное мѣсто шарлатанству, преувеличенію, *humbug*'у, тѣмъ не менѣе нельзя не признать дѣйствительнаго и изумительнаго успѣха, съ которымъ Франція и ея правительство по справедливости могутъ себя поздравить. Франція теперь знаетъ, что къ ней имѣютъ довѣріе, довѣріе къ ея честности, къ ея надежности; она чувствуетъ, что не потеряла кредита ни у себя дома, ни въ Европѣ. Такое блистательное доказательство не можетъ не придало силы и мужества. Но быть можетъ съ этой самой точки зрѣнія лучше было бы, если бы успѣхъ займа оставался въ болѣе ограниченныхъ размѣрахъ. Народное воображеніе, а у французовъ въ особенности, легко склонно воспламеняться. Множество умовъ уже не думаютъ больше объ обязательствахъ, которыя странѣ пришлось наложить на себя. Они также не помышляютъ о томъ, что милльарды, которые Франція добыла себѣ такъ легко, въ окончательномъ резуль-

татѣ увеличатъ ресурсы Германіи. Ихъ поражаетъ только обольстительная легкость, съ какой можно достать деньги, въ которыхъ нуждаешься, и исходя изъ этого пункта, рассчитывая на неистощимыя ресурсы, они полагаютъ, что отнынѣ отъ самой Франціи зависитъ выбрать день возмездія. Это чувство особенно живо въ отрѣзанных провинціяхъ, въ которыхъ нѣмцы, кстати, совершаютъ одну неволю за другой, словно на смѣхъ. Многіе эльзасцы напши возмужнымъ въ своей наивности назначить будущій январь срокомъ, когда Эльзасъ будетъ возвращенъ Франціи. Что касается результатовъ новой войны, то на этотъ счетъ не пытаются никакихъ сомнѣній, потому что вообще признается, что въ 1870-мъ году Франція была побѣждена только потому, что ее застали врасплохъ и ей измѣнили.

Эти иллюзіи конечно являются не лучшимъ результатомъ займа; но у меня есть всѣ основанія думать, что, къ счастью, правительство ихъ отнюдь не раздѣляетъ. Оно здравѣе судить о вещахъ, да къ тому же у него есть всѣ причины быть довольнымъ дѣйствительностью, не преувеличивая и не искажая ея. Заемъ во всѣхъ отношеніяхъ и со всѣхъ точекъ зрѣнія чрезвычайно какъ улучшилъ его положеніе. Онъ нанесъ послѣдній ударъ легитимнымъ и орлеанистскимъ играмъ, и я полагаю, что даже самые бонапартисты, не взирая на все ихъ нехальство, утратили нѣсколько довѣрія къ своимъ силамъ. Мы говорили, что подписка на ихъ газеты значительно уменьшилась въ послѣднее время. Само собой разумѣется, что не слѣдуетъ придавать ни малѣйшаго значенія приключенію съ русской яхтой, пассажиры которой, въ числѣ семи человѣкъ и среди нихъ одинъ французъ, издумали кричать „да здравствуетъ императоръ!“ въ гавани Трувилля. Правительство показало настолько такта, что не обидѣлось этимъ и ни одной минуты не думало искать въ этомъ дѣлѣ предлога къ дипломатическимъ претензіямъ. Къ тому же Россія—послѣдняя страна, съ которой оно хотѣло бы затѣять ссору.

Теперь съ сожалѣніемъ долженъ засвидѣтельствовать, что въ несомнѣнномъ улучшеніи, которое сказывается въ порядкѣ вещей и въ настроеніи умовъ играютъ роль и другія причины, кромѣ займа, и въ числѣ этихъ послѣднихъ фигурируетъ на первомъ планѣ приостановка засѣданій національнаго собранія.

Франція отличается одной странностью: сожалѣть о парламентскомъ шумѣ, когда его лишится, и пугается его, когда ей дано имъ наслаждаться. Въ настоящую минуту она считаетъ себя счастливой, потому что можетъ рассчитывать на четыре мѣсяца покоя, обеспечиваемого ей каникулами собранія. Со всѣмъ тѣмъ, изъ сравненія настоящаго положенія съ состояніемъ умовъ въ эпоху такихъ же каникулъ собранія въ прошломъ году, выпадаютъ весьма важныя замѣчанія. Версальское собраніе уже тогда утратило популярность; оно обезсильно, утомлено,

раздражило общественное мнѣніе преніями не менѣе страстными и не менѣе бесполезными, чѣмъ пренія нынѣшняго года. Несмотря на это, постановка засѣданій встрѣчена была съ сожалѣніемъ, потому что никто не могъ быть увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ. Каникулы прошлаго года были для цѣлой страны эпохой великой тревоги и истинныхъ терзаній. Охотно вѣрилось, что правительство будетъ низвергнуто какимъ-нибудь непредвидѣннымъ ударомъ. Въ настоящее время нѣтъ ничего подобнаго, тревоги улеглись и умы наслаждаются спокойствіемъ, котораго не знавали съ самаго начала войны. Тьеръ, не взирая на важныя ошибки, совершенныя имъ въ теченіи прошлой сессіи, пользуется безграничной популярностью. Въ него вѣрятъ, вѣрятъ въ прочное существованіе его правительства. Забываютъ, что Тьеру семьдесятъ лѣтъ; его считаютъ какъ-бы безсмертнымъ. Онъ абсолютный властитель Франціи; газетные корреспонденты сообщаютъ о каждомъ его словѣ, о каждомъ его жестѣ, о малѣйшихъ подробностяхъ его личной жизни въ Трувиллѣ, словно бы онъ былъ Людовикомъ XIV-мъ или Наполеономъ. Франція съ восторгомъ читаетъ эти рассказы и вѣритъ, что черные дни прошли на вѣки.

Конечно эта увѣренность грѣшитъ крайностью, какъ грѣшитъ ея громадное вліяніе Тьера, доказывающее прирожденную и упорную склонность Франціи къ личной власти и ея стремленіе признавать надъ собой господина и подчиняться ему. Но во всякомъ случаѣ современное положеніе дѣлъ несравненно лучше прошлогодняго. Если сознаніе безопасности и нѣсколько преувеличено, то оно тѣмъ не менѣе благоприятствуетъ труду и слѣдовательно содѣйствуетъ возстановленію нашей дѣловой жизни. Надо отдать справедливость нашимъ радикаламъ, что они могутъ претендовать на содѣйствіе такому счастливому настроенію умовъ. Съ нѣкоторыхъ поръ они отличаются благоразуміемъ, котораго я за ними не подозрѣвалъ. Конечно, простого здраваго смысла достаточно было, чтобы понять съ одной стороны, что необходимо отложить наши домашнія распри до освобожденія территоріи и что, слѣдовательно, національное собраніе, какъ бы оно ни было непопулярно, не можетъ быть распущено до того времени. Съ другой же стороны, самая ошибки монархическихъ партій отлично устраиваютъ дѣла республики и слѣдовательно, съ республиканской точки зрѣнія нѣтъ ни малѣйшаго интереса содѣйствовать преждевременному распущенію собранія. Для всего этого, повторяю, требовалось имѣть простой здравый смыслъ; но радикальная партія столь долгое время представлялась лишенной его, что настоящее поведеніе ея не могло не удивить и не порадовать. Говорили, и было основаніе такъ думать, что оно воспользуется каникулами, чтобы организовать, посредствомъ банкетовъ и народныхъ собраній, великое движеніе пропаганды въ пользу распущенія. Напротивъ того, оно ведетъ себя совсѣмъ смирно, и поведеніе

Гамбетты стало безукоризненнымъ. Конечно, терпѣнію его особенно содѣйствуетъ то обстоятельство, что онъ считаетъ себя естественно призваннымъ наследовать Тьеру, и эта увѣренность не лишена нѣкотораго основанія, допустивъ, что дѣла будутъ идти своимъ естественнымъ ходомъ и что ихъ теченіе не будетъ прервано никакимъ насильственнымъ переворотомъ. Какъ бы то ни было, а теперь кажется несомнѣннымъ, что собраніе просуществуетъ еще въ 1873-мъ г., но не даѣе того, потому что уплата послѣднихъ суммъ контрибуціи можетъ быть ускорена. Слѣдовательно, территорія можетъ быть очищена къ концу будущаго года, послѣ чего собраніе вынуждено будетъ общественнымъ мнѣніемъ немедленно разойтись. Само собой разумѣется, что я предполагаю, что нѣмцы съ своей стороны честно выполнятъ всѣ условія послѣдняго договора, включая сюда и очищеніе Бельфора. Лично я нимало въ этомъ не сомнѣваюсь, потому что полагаю, что имъ желательно возможно скорѣе окончить свои дѣла съ Франціей. Но я долженъ сказать, что вижу вокругъ себя много людей, сомнѣвающихся въ этомъ. Какъ на возраженіе указываютъ на то, что они исправляютъ укрѣпленія Бельфора; но упускаютъ при этомъ изъ вида, что хотя эта крѣпость служить имъ залогомъ, но они съ своей точки зрѣнія могутъ считать себя въ правѣ привести ее въ хорошее состояніе, и пока ее занимаютъ поддерживать ее въ такомъ состояніи.

Какъ вы легко можете себѣ представить, здѣсь весьма озабочены предстоящимъ свиданіемъ трехъ императоровъ въ Берлинѣ. Оно внушаетъ многимъ опасенія, которыя я считаю недѣльными. Многие задаются мыслию: не есть ли это новая лига, новый священный союзъ на пагубу Франціи. По странному противорѣчію, тѣ самые умы, которые, вспоминая про успѣхъ займа, убѣждаются, что Европа предоставила сорокъ три милліарда въ распоряженіе Франціи именно затѣмъ, чтобы помочь ей занять прежнее мѣсто въ Европѣ, и вслѣдствіе этого мечтаютъ, что возмездіе наступитъ будущей зимой или будущимъ лѣтомъ, — тѣ самые умы, минуто спустя, вспоминая про страшную массу силъ, которымъ предстоитъ резюмироваться въ Берлинѣ въ лицѣ трехъ государей, считаютъ Францію осужденной на гибель, потому что воображаютъ, что Австрія и Россія неразрывно соединятся съ Германіей, и убѣждены, что ненависть послѣдней къ Франціи еще не успокоилась. Сообщая вамъ о подобныхъ сужденіяхъ, я тѣмъ самымъ показывалъ, какъ мало еще развитъ у насъ политическій смыслъ. Существуютъ конечно люди, но они составляютъ меньшинство, которые болѣе здраво судятъ о вещахъ и которые прежде всего указываютъ на то, что ни для Австріи, ни для Россіи нѣтъ никакого интереса еще больше ослаблять Францію или же мѣшать ей собраться съ силами. Напротивъ того, выгоды ихъ требуютъ, чтобы Франція не была вытѣснена изъ системы европейскаго равновѣсія. Наконецъ, что какия бы ни были

въ настоящую минуту ихъ отношенія съ Германіей, но онѣ не могутъ беззастѣно приковать себя къ ней и необходимо должны оставить за собой свободу дѣйствія на будущее время. Австрія конечно признала, что пока ей нельзя не идти за одно съ Германіей и что въ этомъ ея спасеніе; но тутъ очевидно Габсбургскій домъ налагаетъ на себя нѣкоторое стѣсненіе, отъ котораго долженъ желать со временемъ освободиться. Что касается Россіи, то она свободнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, но въ силу этой самой свободы ея присутствіе въ Берлинѣ доказываетъ, что это свиданіе не можетъ грозить непосредственной опасностью для Франціи, потому что именно Россія должна желать, чтобы мы продолжали жить. Ея участіе служитъ для насъ скорѣе гарантіей, что въ Берлинѣ ничего не станетъ замышляться противъ насъ: ей нѣтъ расчета участвовать въ враждебныхъ замыслахъ противъ Франціи и она не въ такомъ положеніи, чтобы ее могли къ этому принудить противъ воли.

Мы можемъ, слѣдовательно, говорить трезвые люди, спокойно заниматься своими дѣлами, не заботясь о берлинскомъ свиданіи. Конечно, прибавляютъ они, въ нѣкоторомъ отношеніи это свиданіе представляетъ непріятныя стороны для насъ: оно показываетъ, что въ случаѣ, еслибы мы захотѣли возобновить войну, то пока въ настоящее время мы не можемъ найти союзниковъ на континентѣ. Но что за дѣло, если не въ нашихъ выгодахъ и даже не въ нашихъ силахъ ждать немедленнаго возмездія; если намъ необходимо нѣсколько лѣтъ, чтобы вполнѣ стать на ноги и возсоздать свои военныя силы. Съ этой точки зрѣнія берлинское свиданіе можетъ даже быть сочтено за небольшую услугу, оказанную Франціи, потому что оно послужитъ утѣхой для опаснаго и нерасудительнаго нетерпѣнія. Такъ разсуждаютъ люди, которые сохранили свое хладнокровіе, къ которому принашивается доля оптимизма. Нѣкоторые идутъ далѣе. Всѣ державы, говорятъ они, стремятся въ настоящее время къ одной цѣли, но изъ различныхъ причинъ; всѣ онѣ нуждаются въ мирѣ: Франція, затѣмъ, чтобы залечить свои раны; Германія, потому что желаетъ упрочить свое настоящее положеніе; Австрія, потому что для нея всякое движеніе опасно, и наконецъ Россія, потому что производить въ настоящую минуту полную реорганизацію своихъ военныхъ учреждений, реорганизацію, требующую нѣсколькихъ годовъ, да еще потому, что для Франціи нуженъ отдыхъ, ибо въ случаѣ европейскаго столкновенія она была бы ея естественной союзницей. Поэтому не невозможно, что Россія вступитъ во временный союзъ съ Германіей въ виду сохранения мира лишь затѣмъ, чтобы сдѣлать болѣе дѣйствительнымъ свой будущій союзъ съ Франціей.

Люди, которые увлекаются этими предположеніями, по всей вѣроятности слишкомъ увлекаются Макіавелемъ. Какъ бы то ни было, но

очевидно, что берлинское свиданіе обезпечиваетъ континенту періодъ мира, которому было бы можетъ быть слишкомъ рискованно называть долгій срокъ, но который все же можетъ продлиться пять-шесть лѣтъ. Не менѣе очевидно, что Франціи, съ точки зрѣнія своихъ истинныхъ интересовъ, не приходится особенно огорчаться такимъ результатомъ. Къ тому же, если пока она остается безъ вліянія на иностранную политику, то можетъ утѣшать себя тѣмъ, что другія державы ничего не могутъ предпринять, ничего не могутъ рѣшить важнаго безъ нея, потому что ихъ интересы слишкомъ расходятся.

Итакъ, мы можемъ во всѣхъ отношеніяхъ спокойно взирать на берлинскія демонстраціи; но, какъ я уже замѣтилъ, не всѣ раздѣляютъ это мнѣніе. Въ числѣ тѣхъ лицъ, которыя упорно занимаются этимъ дѣломъ, есть такія, что воображаютъ, будто всѣ три державы не столько точатъ зубы на Францію, сколько на ея современную форму правленія, то-есть на республику. Я считаю это чистѣйшимъ заблужденіемъ; европейскія монархіи очевидно не оказываютъ намѣстѣ третьей республикѣ той чести, какую они оказывали первой: онѣ се не боятся. Мнѣ впрочемъ кажется, что ихъ равнодушіе внушается отчасти мнѣніемъ, что республика не можетъ долго существовать въ Франціи и роковымъ образомъ осуждена поглотить самое себя. Если, слѣдовательно, республика упрочится, то я полагаю, что это возбудитъ нѣкоторую досаду за-границей, и главное въ Германіи. Можетъ случиться, что французская республика, по истеченіи болѣе или менѣе долгаго срока, станетъ, благодаря заразительности примѣра, истинной опасностью для династіи Гогенцоллерновъ. Но, съ другой стороны — вѣдь политическія дѣла такъ сложны — выходитъ, что Германіи выгодно, чтобы республика упрочилась во Франціи. Въ самомъ дѣлѣ, монархическое правительство гораздо легче можетъ быть вовлечено въ войну изъ-за династическихъ интересовъ. И нѣтъ сомнѣнія, что только счастливая война могла бы водворить во Франціи какую-нибудь династію.

Поэтому я не думаю въ сущности, чтобы иностранныя державы косо смотрѣли на нашу республику, и убѣжденъ, что въ этомъ отношеніи намъ нѣчего опасаться какого бы то ни было вмѣшательства. Вопросъ въ томъ: сумѣемъ ли мы воспользоваться этой относительной безопасностью, чтобы устроить свои дѣла? Если мы потерпимъ неудачу, то не по недостатку доброй воли у Тьера, намѣренія котораго теперь рѣзко опредѣлились. Монархисты праваго центра льстили себя послѣдней надеждой, что онъ сблизился съ лѣвой лишь затѣмъ, чтобы получить ихъ голоса въ вопросѣ о налогѣ на сырье; но въ настоящее время они должны были разочароваться. Тьеръ не разыгрывалъ комедіи. Онъ серьезно желаетъ основать республику; онъ въ этомъ видитъ свою славу, да я кажется уже говорилъ вамъ, что во Франціи

быть болѣе ярого республиканца, тѣмъ онъ, лишь бы ему приходи-
лось быть первымъ лицомъ въ республикѣ. Рѣчи его министровъ въ
родѣ генеральныхъ совѣтовъ, сессія которыхъ уже началась, не
оставляютъ сомнѣній на счетъ направленія, которое Тьеръ желаетъ
сдѣлать нашимъ внутреннимъ дѣламъ.

Онъ постарается по возобновленіи парламентской сессіи побудить
собраніе вотировать какіе-нибудь органическіе законы, которые въ
общей сложности могутъ быть представлены на ратификацію француз-
скаго народа, какъ бы родъ конституціи. Я не могу иначе понять
намереній въ родѣ того, какое сдѣлано Гуляромъ, министромъ финан-
совъ, въ одномъ изъ генеральныхъ совѣтовъ, и гласящее, что прави-
тельство будетъ работать въ смыслѣ упроченія республики, имѣя въ
виду запросить одобреніе французскаго народа. У насъ будетъ, слѣ-
довательно, плебисцитъ и плебисцитъ съ простымъ *да и нѣтъ*, какъ
при имперіи. Это будетъ, подобно императорскимъ плебисцитами, дѣло
простой формы, одна комедія; но я спрашиваю себя: не будетъ ли
это лучшимъ способомъ выдти изъ затрудненія. Съ одной стороны,
закнутъ ротъ бонапартистамъ, которымъ нечего будетъ возражать,
когда имъ укажутъ на плебисцитъ; съ другой стороны, мы обойдемъ
затрудненія и опасности, представляемыя собраніемъ специально учре-
жденнымъ, которое, подъ предлогомъ основанія новаго порядка, по-
казушъ все перевернуло бы вверхъ дномъ.

Въ числѣ органическихъ учрежденій, которыя Тьеръ желаетъ по-
будить собраніе вотировать, на первомъ планѣ стоятъ учрежденіе
второй палаты. Онъ придаетъ этому большое значеніе, и въ теоріи
онъ конечно правъ; но на практикѣ эта задача представляется не-
обыкновенно трудной въ странѣ совершенно нивелированной и гдѣ
отращеніе во всякаго рода аристократіи обратилось какъ бы въ суе-
вѣріе. Идея Тьера, кажется, заключается въ томъ, чтобы образовать
вторую палату изъ делегатовъ генеральныхъ совѣтовъ, которые вы-
берутъ ихъ изъ своей среды. Слѣдовательно, эта палата была бы
тѣмъ-то въ родѣ американскаго сената или же швейцарскаго госу-
дарственнаго совѣта, съ той разницей, что наши департаменты, пред-
ставителями которыхъ являются генеральные совѣты, далеко не имѣютъ
политическаго значенія гельветическихъ кантоновъ или штатовъ аме-
риканскаго союза. Съ своей стороны, я сильно сомнѣваюсь, чтобы
собраніе, составленное такимъ образомъ, могло уравнивать другое
собраніе, непосредственно вышедшее изъ всеобщей подачи голосовъ.
Между тѣмъ Тьеръ желалъ бы надѣлать его обширными полномочіями,
и между прочимъ, правомъ распускать палату депутатовъ. Эта затѣя
кажется мнѣ химеричой и ложнесской, во-первыхъ, потому что у верхней
палаты по всей вѣроятности не хватило бы на это власти, во-вторыхъ,

потому что при республиканскомъ порядкѣ право распушенія палатъ никому не можетъ принадлежать.

Распушеніе является уловкой, необходимой для конституціонной монархіи; потому что этотъ порядокъ представляетъ компромиссъ между двумя правами, естественно противоположными, — правомъ монархическимъ и правомъ народнымъ, а монарху можетъ быть необходимо въ каждую данную минуту убѣдиться: существуетъ ли достаточное согласіе между его правительствомъ и общественнымъ мнѣніемъ? Между тѣмъ у него нѣтъ другого средства спросить объ этомъ націю, кромѣ новыхъ выборовъ. Напротивъ того, республика является простымъ порядкомъ, въ основѣ котораго не лежитъ никакого компромисса. Въ ней все и непосредственно происходитъ отъ самой націи, которая, предполагается, знаетъ, чего хочетъ и всегда въ ладу съ самой собой. Нація даетъ полномочія извѣстному числу гражданъ на опредѣленный срокъ, котораго никто не имѣетъ права сократить. Такимъ именно образомъ обставлено дѣло въ Швейцаріи и въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ народное представительство никогда не можетъ быть распушено. Не можетъ быть монархіи конституціонной безъ права распушенія, не можетъ быть республики съ этимъ правомъ. Эта невозможность распушенія является даже однимъ изъ неудобствъ республиканскаго порядка, который точно также какъ и всякій другой не свободенъ отъ неудобствъ; но этому послѣднему можно пособить, сокративъ срокъ существованія парламентовъ.

Но если услуги, которыя можетъ оказать верхняя палата, нѣсколько проблематичны, то иное дѣло ея учрежденіе, смыслъ котораго былъ бы превосходенъ потому, что указывалъ бы на прогрессъ, на замѣтный переходъ отъ временнаго къ окончательному въ области существующаго факта, на начало организаціи республиканскаго порядка. Еслибъ собраніе учредило вторую палату до своего распушенія, то дѣйствительно заявило бы учредительную власть, на которую оно такъ часто заявляло претензіи, но заявило бы ее безъ опасности для общественнаго порядка, безъ риска междоусобной войны и въ смыслѣ по истинѣ консервативномъ. Одна изъ величайшихъ опасностей, постоянно угрожающихъ намъ, заключается въ томъ, что теперешнее собраніе исчезнетъ, не оставивъ послѣ себя никакого слѣда въ смыслѣ политической организаціи. Ее смѣнило бы въ такомъ случаѣ учредительное собраніе, которое быть можетъ навлекло бы на насъ безконечные раздоры.

Если же бы, напротивъ того, теперешнее собраніе приступило къ дѣлу республиканской конституціи, то собранію, которое ему наслѣдовало бы, пришлось бы только продолжать начатое дѣло, и новыя учрежденія могли бы выдѣляться однѣ изъ другихъ, незамѣтнымъ и естественнымъ ходомъ развитія.

Если въ окончательномъ результатѣ, когда взвѣсишь всѣ обстоятельства, находишь значительное улучшеніе въ состояніи нашей внутренней политики, то нельзя сказать того же самаго объ умственномъ нравственномъ состояніи страны. Въ этой сферѣ симптомы отнюдь неблагоприятны. Литературная производительность скудна, если не считать посредственныхъ или отвратительныхъ произведеній. Всѣ замѣтили невѣроятную слабость послѣдняго конкурса французской академіи. *Похвала Вобану*, удостоившаяся преміи, не возвышалась надъ уровнемъ того, что могъ бы сдѣлать дюжинный ученикъ класса реторики. Но настоящимъ и печальнымъ скандаломъ является послѣднее произведеніе Дюма-сына и полемика, порожденная имъ. Дѣло шло о брошюрѣ, озаглавленной *L'Homme - Femme*, текстъ которой широко дошелъ уже до васъ. Я не думаю, чтобы такая дикая, саркастическая и циническая манера обсуждать самые возвышенные и щепетильные вопросы нравственности была возможна гдѣ-нибудь, кромѣ Парижа. Быть можетъ, въ другихъ мѣстахъ существуетъ такая же и еще сильнѣйшая испорченность чѣмъ въ Парижѣ, но она знаетъ свое мѣсто и не заявляетъ претензій на законодательство. Здѣсь же кому-свѣтъ желаетъ направлять и реформировать общество. Въ Лондонѣ больше пороковъ, чѣмъ въ Парижѣ; совсѣмъ тѣмъ англійскіе романы цѣломудренны и находятъ цѣломудренную публику. Можно сказать то же самое и о другихъ иностранныхъ литературахъ, и въ особенности о русской литературѣ, произведенія которой, по крайней мѣрѣ переведенныя, весьма нравятся здѣсь образованнымъ людямъ и могутъ читаться всѣми. Напротивъ того, современный французскій романъ почти исключительно содержитъ варіаціи на тему супружеской невѣрности. Я могу сказать безъ преувеличенія, что французское общество лучше, чѣмъ картины, въ которыхъ его рисуютъ.

Но нельзя отрицать, что подобная литература создаетъ отвратительную нравственную атмосферу. Брошюра Дюма-сына — это грибокъ, выросшій на подобной ядовитой почвѣ. Въ глазахъ Дюма, женщина почти роковымъ образомъ является куртизанкой; она рождается такой, и воспитаніе большею частію не въ силахъ измѣнить ее. Онъ конечно допускаетъ еще двѣ другихъ категоріи: весталокъ и хозяекъ, то-есть женщинъ, естественно предназначенныхъ для брака, но онѣ составляютъ для него исключеніе. Невѣрныя жены, а по его мнѣнію онѣ составляютъ большинство, суть по-просту куртизанки, которыя слѣдуютъ своему первоначальному призванію. Мужъ имѣетъ право убить такую жену. Что касается тѣхъ, которыя остались вѣрными своему призванію, то-есть не вышли замужъ, то онѣ заслуживаютъ такого же уваженія въ своемъ родѣ и въ своей сферѣ, какъ и хозяйки и весталки. Самое заглавіе брошюры выражаетъ въ неприличной и возмутительной формѣ вѣрную, но банальную мысль, что

мужчина и женщина должны составлять одно цѣлое въ бракѣ. Но всего возмутительнѣе не столько сущность идей, сколько форма, въ которую онѣ облечены, цинизмъ и нахальство изложенія.

Эта брошюра продавалась въ огромномъ числѣ экземпляровъ и породила нѣсколько другихъ, которыя точно также нашли покупателей. Самымъ выдающимся изъ оппонентовъ Дюма-сына явился замѣнитый Эмиль де-Жирарденъ. Послѣдній не желаетъ, чтобы убивали невѣрныхъ женъ. Зло по его мнѣнію заключается не въ женщинѣ, а въ бракѣ. Поражать слѣдуетъ не невѣрную жену, но самую причину невѣрности, отмѣнивъ бракъ. Надо уничтожить различіе между незаконными и законными дѣтьми. И тѣ, и другіе должны быть законными. Какимъ образомъ? А очень просто. Женщина не выходитъ больше замужъ, но можетъ сожителемъ поступать со всѣми мужчинами, которые ей нравятся, и каждый изъ нихъ обязанъ дать ей приданое, соотвѣтственно своему состоянію и числу дѣтей, которые у нея родились отъ него. Дѣти носить имя матери. Еслибы подобныя странности стоили возраженій, то послѣднихъ нашлось бы не мало. Можно было бы, напримѣръ, спросить, въ чемъ заключалась бы легальная санкція этой системы и что могло бы помѣшать женщинамъ имѣть нѣсколько любовниковъ разомъ, и, наконецъ, что долженъ былъ бы дѣлать человекъ, не имѣющій возможности давать приданое своимъ временнымъ женамъ. Но всякое разсужденіе бесполезно. Не осуществленія этихъ идей приходится опасаться, но нравственнаго состоянія общества, гдѣ подобныя разсужденія возможны. Въ этомъ выражаются симптомы развращенія, противъ которыхъ всѣмъ нравственнымъ силамъ страны слѣдовало бы возстать и реагировать. Къ несчастію консервативныя силы, которыми Франція располагаетъ въ сферѣ нравственныхъ идей, сосредоточиваются главнымъ образомъ въ католицизмѣ, а этотъ послѣдній съ своей стороны какъ будто стремится изъ всѣхъ силъ къ тому, чтобы стать все болѣе и болѣе непригоднымъ для руководства новѣйшихъ обществъ. Здѣсь мы находимся въ заколдованномъ кругѣ, изъ котораго быть можетъ трудно выйти.

Изъ серьезныхъ произведеній, я могу указать вамъ лишь на послѣдній томъ *Истории парламентскаго порядка во Франціи*, сочиненія Дювержье де-Горанна. Этотъ томъ, весьма интересный, посвященъ послѣднимъ годамъ царствованія Карла X и революціи 1830 г. Онъ не долженъ былъ быть послѣднимъ въ первоначальномъ планѣ автора, который обнималъ также и революцію 1848 г. Очень жаль, что Дювержье де-Гораннъ остановился на пол-дорогѣ. Отъ этого его сочиненіе носитъ подготовительный характеръ, тогда какъ катастрофа 1848 г. послужила бы для него трагическимъ и естественнымъ заключеніемъ, потому что паденіе Луи-Филиппа можетъ считаться какъ

бы самоубійствомъ или разрушеніемъ парламентскаго порядка, вызванными имъ самимъ. Большое участіе, которое принималъ Дювержье де-Гораннъ въ политическихъ движеніяхъ и интригахъ той эпохи, сначала какъ членъ партіи Гизо, затѣмъ какъ приверженецъ Тьера, придадо бы много интереса его сужденіямъ и авторитетности его свидѣтельству. Но, быть можетъ также, оно стѣснило бы свободу суждательства, и вотъ конечно соображеніе, остановившее историка на его пути. Краткое предисловіе показываетъ намъ впрочемъ, что авторъ принадлежитъ къ числу тѣхъ лицъ, которыхъ опытъ ничему не научаетъ. Отвѣтственность за паденіе іюльской монархіи сваливается въ немъ исключительно на этого бѣднаго короля Луи-Филиппа, который конечно далеко не безупреченъ, но тѣмъ не менѣе былъ скорѣе жертвой чужихъ ошибокъ, упрямства Гизо, честолюбія Тьера, вѣтренности и интригъ всѣхъ окружающихъ.

Если что-нибудь несомнѣнно, такъ это то, что іюльская монархія была главнымъ образомъ подточена своими такъ-называемыми приверженцами и защитниками и ихъ яростными распрями изъ-за портфелей. Дювержье де-Гораннъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ политическихъ Фигаро этой эпохи; онъ сильно содѣйствовалъ разрушенію политической системы своего выбора. Небольшое *тея сирра* было бы не лишнимъ съ его стороны. Но какъ и вся либеральная школа того времени, какъ и самъ Тьеръ, онъ убѣжденъ, что ему не въ чести упрекать себя. Эта школа все еще держится своего знаменитаго правила: „король царствуетъ, но не управляетъ“, правила ложнаго въ самомъ основаніи, ибо опирается на различіи совершенно произвольномъ и отвлеченномъ между двумя выраженіями, которыя на практикѣ не могутъ быть разъединены. Государь, обсуждающій дѣла вмѣстѣ съ своими министрами, всегда необходимо принимаетъ нѣкоторое участіе въ управленіи, и это участіе всегда и само собой будетъ пропорціональнымъ его политическимъ талантамъ и способностямъ. Конституціонный король не долженъ только пытаться управлять помимо своихъ министровъ и наперекоръ имъ; но пока онъ дѣйствуетъ сообща съ своими конституціонными совѣтниками, а эти послѣдніе въ свою очередь слушаются общественнаго мнѣнія, то въ сущности рѣшительно все равно: принадлежитъ ли авторитетъ въ средѣ совѣта королю или президенту; онъ всегда будетъ принадлежать наименѣе способнѣйшему. Достоинство конституціонной монархіи заключается въ томъ, что она также хорошо уживается съ обыкновеннымъ монархомъ, какъ и съ геніальнымъ государемъ: достаточно, чтобы правительство не упорствовало въ желаніи управлять наперекоръ общественному мнѣнію. Король Луи-Филиппъ палъ не потому, чтобы желалъ расширить королевскую власть въ ущербъ народному самодержавію — на что онъ былъ вполне неспособенъ.

бенъ — но потому, что слишкомъ ограниченный избирательный порядокъ изолировалъ его правительство и палаты отъ общественнаго мнѣнія страны, и не одинъ онъ виноватъ въ томъ, что этотъ порядокъ не былъ измѣненъ во-время. Парламентскіе вожди требовали избирательной реформы, когда находились въ оппозиціи и отсрочили ее, когда стали во главѣ управленія. Я расскажу вамъ по этому поводу одинъ фактъ, который мало извѣстенъ, но кажется мнѣ весьма характеристичнымъ. Въ первыя времена министерства Гизо, министръ и самъ король желали ввести небольшую реформу въ выборы и слегка расширить ихъ. Герцогъ Орлеанскій, который еще былъ въ живыхъ въ то время и былъ либераленъ, какъ и всѣ обыкновенно наслѣдники, поддерживалъ это мнѣніе въ правительственныхъ кружкахъ. Но Тьеръ, который имѣлъ большое вліяніе на него и считалъ себя почти неизбѣжнымъ министромъ преемника короля Луи-Филиппа, узналъ объ этомъ, и такъ какъ онъ ни за что не хотѣлъ предоставить такому союзнику, какъ Гизо, честь подобной мѣры, какъ избирательная реформа, то уговорилъ герцога Орлеанскаго, что лучше отсрочить этотъ проектъ и приберечь его для новаго царствованія. Герцогъ Орлеанскій оказался настолько простякомъ и эгоистомъ, чтобы сдаться на подобныя резоны. Онъ отступился отъ дѣла, котораго былъ главнѣйшимъ зачинщикомъ, и оно кончилось ничѣмъ. Вотъ какимъ образомъ Франція не добилаcь при Луи-Филиппѣ избирательной реформы, которая бытъ можетъ предохранила бы насъ отъ революціи 1848 года.

Возвращаясь къ сочиненію Дювержье де-Горанна, я, не смотря на узкость и неточность нѣкоторыхъ изъ его воззрѣній, тѣмъ не менѣе рекомендую его тѣмъ, кто желаетъ изучить политическую исторію Франціи со времени революціи 1789 г. Это несомнѣнно наиболѣе полезная книга, на какую только можно имъ указать. Уму автора недостаетъ глубины и упругости, но онъ разсудителенъ, проникателенъ и вѣстѣ съ тѣмъ достаточно безпристрастенъ, когда дѣло касается не до его современниковъ. Но что придаетъ особенную цѣну его исторіи — это безчисленное множество цитатъ, какъ изъ рѣчей, произнесенныхъ въ различныхъ совѣщательныхъ собраніяхъ, такъ изъ газетныхъ статей, изъ нежданыхъ мемуаровъ, которыми авторъ имѣлъ случай воспользоваться. Это подробный сборникъ, которому можно довѣриться и который освобождаетъ отъ многихъ изслѣдованій и чтенія.

Кстати о неизданныхъ мемуарахъ. Ихъ существуетъ довольно, и они имѣютъ отношеніе къ нашей новѣйшей и современной исторіи, не говоря уже о мемуарахъ Талейрана или герцога Пакъ, о которыхъ всѣ слыхали и которые Богъ вѣстъ когда выйдутъ въ свѣтъ. Много лицъ, изъ числа тѣхъ, которые имѣли прикосновенность къ

политическимъ событіямъ, начиная съ 1789 г., записывали свои впечатлѣнія. Иные изъ этихъ документовъ сохраняются въ семейныхъ архивахъ въ рукописяхъ и сообщаются любителямъ историческихъ изслѣдованій. Другіе появляются время отъ времени въ печати, въ сроки, назначенные самими авторами. Такимъ образомъ, черезъ два тысячца будутъ обнародованы мемуары одного члена директоріи, то-есть правительства, наслѣдовавшаго комитету общественной безопасности и предшествовавшаго консульству. Этотъ директоръ—Ларевельеръ-Лепо, лицо, нынѣ позабытое, но посмертные мемуары котораго по всей вѣроятности надѣлаютъ шума, потому что въ нихъ низводятся съ пьедестала многія знаменитости и въ числѣ прочихъ Карно, поклоненіе которому получило во Франціи характеръ національнаго предразсудка. Я пробѣгалъ эти мемуары, и воздерживаясь пока отъ приговора надъ сужденіями автора, могу засвидѣтельствовать, что они весьма интересны. Исторія революціи была подтасована, разукрашена и окончательно искажена нашими историками (включая сюда и Тьера), что постоянно чувствуешь себя въ какомъ-то новомъ мірѣ, когда сталкиваешься съ ней непосредственно и въ некоторомъ родѣ *en deshabillé*, въ интимномъ описаніи современныхъ мемуаровъ. Вотъ, напримѣръ, портретъ Дантона, который кажется мнѣ менѣе поэтическимъ, конечно, но болѣе реальнымъ, чѣмъ портреты у Мишле и другихъ... „Когда я называю Дантона *циклопомъ*, то не потому, чтобы ему не доставало одного глаза; но его громадное лицо, все взрытое оспой, его свирѣпый видъ, его атлетическое сложеніе, его размахистыя движенія, какъ будто бы онъ бросалъ горы, съ цѣлью раздавить своихъ противниковъ, голосъ громкій и дикій, какъ ревъ быка, образы и выраженія грандіозно-чудовищныя—все въ немъ напоминало миенческихъ циклоповъ, и воображеніе охотно искало глаза посреди лба. Впрочемъ это былъ человѣкъ до крайности сластолюбивый и преданный наслажденіямъ, испытывавшій постоянную нужду въ деньгахъ и неразборчивый на средства пріобрѣтать ихъ. Онъ не былъ, подобно Робеспьеру, мстительнымъ и завистливымъ; у него не было также, какъ у того, жажды проливать человѣческую кровь, но онъ созерцалъ или вѣрнѣе допускалъ проливать ее какъ воду, если только считалъ это выгоднымъ лично для себя или для своей партіи“.

Или вотъ еще небольшая сцена, въ которой фигурируетъ Робеспьеръ и которая не лишена значенія: „Одинъ богатый столяръ, по имени Дюплэ, его жена, его три или четыре дочери и его сынъ, мальчикъ пятнадцати или шестнадцати лѣтъ, добрые въ сущности люди, но чрезвычайно экзальтированные и весьма ограниченные, поклонились революціи... Я отправился къ нимъ въ одно утро. Меня очень хорошо приняли и ввели въ пріемную, къ которой примыкалъ маленький

кабинетъ, дверь котораго была отворена. Что же я увидѣлъ, входя въ кабинетъ Робеспьера, который вѣдрился въ домѣ, гдѣ ему оказывали такіе же почести, какія оказываютъ божеству. Бюстъ его стоялъ, окруженный различными орнаментами, стихами, девизами и проч. Сама приемная была уставлена маленькими бюстами изъ красной и сѣрой глины, увѣшана портретами великаго человѣка, сдѣланными карандашомъ, растущей, сепіей, акварелью. Самъ онъ расчесанный, напудренный, облеченный въ чистый шлафрокъ, красовался въ большомъ креслѣ передъ столомъ, покрытымъ прекраснѣйшими фруктами, свѣжимъ масломъ, молокомъ и душистымъ кофе. Вся семья, отецъ, мать, дѣти старались угадывать всѣ его желанія и предупреждать ихъ въ ту же минуту. Богъ удостоилъ мнѣ улыбнуться и протянуть руку. Такъ какъ дверь въ приемную была стеклянная, то поклонники, входя во дворъ, медленно и почтительно подходили къ этой двери и входили въ приемную лишь тогда, когда божественный человѣкъ головой или рукой давалъ имъ на то позволеніе“.

Послѣ 9-го термидора, Камбасересъ, бывшій позднѣе консуломъ вмѣстѣ съ Бонапартомъ, затѣмъ княземъ, архи-канцлеромъ при императорѣ, былъ президентомъ комитета общественнаго спасенія. Ларевельери, Лепо, авторъ, котораго я цитирую въ настоящую минуту, были равнымъ образомъ призваны участвовать въ немъ. Вотъ какъ происходили дѣла въ этомъ комитетѣ, оставившемъ по себѣ такое страшное воспоминаніе. Обстоятельства продолжали быть критическими и, главное, вопросъ о продовольствіи страшно озабочивалъ правительство. „Камбасересъ явился къ десяти часамъ утра. Первой его работой было заказать хорошаго супу и велѣть подать на столъ отличнаго хлѣба и отличнаго вина, три вещи, которыя только тутъ и можно было найти въ Парижѣ.—Меня правило, говорилъ онъ намъ, что люди, участвующіе въ трудахъ собранія и вмѣстѣ съ тѣмъ въ трудахъ комитета, должны хорошо питаться, иначе они не вынесутъ тягости своихъ трудовъ“. Эта мудрая предусмотрительность гражданина-президента привлекала къ нему всѣ умы. Всѣ спѣшили ею воспользоваться. Различные члены комитета одинъ за другимъ появлялись въ немъ между двѣнадцатою и двумя часами. Они входили въ залу собранія. — Президентъ, нѣтъ ли чего новаго?—Нѣтъ, ничего, былъ обычный отвѣтъ. Вслѣдъ за тѣмъ прибывшіе справлялись о ѣдѣ, ѣли супъ, вытаскивали кусокъ говядины изъ кастрюли и отрѣзали себѣ кусочекъ, который и съѣдали съ вкуснымъ бѣлымъ хлѣбомъ, запивали отличнымъ бургонскимъ, послѣ чего мясо снова отправлялось въ кастрюлю, пока прибывавшая публика не заставляла послѣднихъ посѣтителей провѣрить на себѣ пословицу: *tarde venientibus ossa*. Набивъ себѣ желудокъ, на минуту заходя въ свое бюро, чтобы заняться тамъ одну минуту частными дѣлами и частными интересами. Такимъ образомъ оканчивались утренніе дѣла

ные труды. Со всѣмъ тѣмъ, вечеромъ просыпалась забота о слѣдующемъ днѣ. Два существенныхъ пункта привлекали вниманіе въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, потому что мы рисковали разстаться съ головой на завтра. Эти два пункта были: продовольствіе и деньги: — Ну, какъ же, президентъ, говорилось обыкновенно съ признаками сильной тревоги, въ какомъ положеніи находятся финансы?— Да ассигнаціи все падаютъ, отвѣчалъ гражданинъ-президентъ, и нельзя успѣть напечатать ночью то количество, которое необходимо для завтрашняго обращенія. Если это продлится долѣе, то мы рискуемъ быть повѣшенными на фонаряхъ.—А продовольствіе! хватитъ ли его у насъ на завтра?—Эге, ге! рѣшительно не знаю.

Членами комитета овладѣвало на нѣкоторое время глубокое смятеніе, но вскорѣ свѣтлая мысль разгонила мрачное облако. Оно быстро разсѣвалось отъ слѣдующей бесѣды: — Президентъ, приготовлено ли для насъ что-нибудь поѣсть? Послѣ такихъ тяжелыхъ дней, необходимо поддержать свои силы.—Да, да. Есть хорошій кусокъ телятины, большой тюрбб, порядочный сладкій пирогъ и еще кое-что. Тогда прости заботы! прости боязнь завтрашняго дня! Уныніе и страхъ смѣнились самой оживленной веселостью, и мы весело спасали отечество, ѣдая вкусныя блюда, запивая ихъ шампанскимъ, при чемъ остроты служили приправой хорошей їдѣ“.

Это послѣднее воплощеніе комитета общественнаго спасенія, это превращеніе правительства крови въ правительство вивѣровъ уже даетъ предвкусывать директорію, это республиканское регентство, въ которомъ Ларевельеръ-Лепб—весьма добродѣтельный лично или по крайней мѣрѣ выдающій себя за добродѣтельнаго человѣка — играетъ роль заблудившагося Катона и постоянно одураченнаго Дон-Кихота. Онъ былъ, заодно съ Барра, главнымъ зачинщикомъ 18-го фрутидора, одного изъ тѣхъ насильственныхъ переворотовъ, которыми губили республику, заявляя, что ее спасаютъ. Онъ содѣйствовалъ ссылкѣ своего брата Карно и вскорѣ затѣмъ самъ палъ, незадолго до 18-го брюмера, вслѣдствіе интриги, подведенной противъ него его вчерашними друзьями и соучастниками. Когда проникаешь такимъ образомъ за кулисы первой республики, то понимаешь, какъ неизбежно было то, чтобы ее конфисковать въ свою пользу Бонапартъ. Со времени взятія Бастиліи и до учрежденія консульства во Франціи, собственно говоря не существовало правительства. Страна принадлежала партіямъ, которыя преслѣдовали одна другую. Эта система до сихъ поръ еще въ ходу у нашихъ крайнихъ партій, но къ счастью она значительно потеряла въ своей силѣ. Если бы умы такъ же увлекались ею въ настоящее время, какъ въ эпоху первой революціи, то у насъ было бы уже нѣсколько государственныхъ переворотовъ или попытокъ къ нимъ со времени заключенія мира. Тьеръ попытался бы силой избавиться отъ

правой, а правая попыталась бы низвергнуть Тьера, подкупомъ ка-кого-нибудь генерала. Сравненіе между этими двумя эпохами доказы-вается, что чувство законности хотя еще не развито вполне, но все же значительно укрѣнилось между нами.

Воспоминаніе о Ларевельерѣ-Лепо, насколько оно сохранилось, подернуто нѣкоторыми шутовскимъ оттѣнкомъ, вслѣдствіе его попытки основать новую религію. Этотъ честный директоръ призналъ весьма основательно, что народы не легко обходятся безъ религіи; но онъ весьма ложно вообразилъ, что религію можно импровизировать. Поэтому онъ основалъ секту, которая называлась *теофилантропіей* и ко-торая облакала весьма простыя идеи натуральной религіи театальной торжественностью и напыщенной риторикой, которая отличала высо-кій слогъ той эпохи. Ларевельеръ-Лепо пожелалъ, чтобы нѣсколько отрывковъ этого рода заняли мѣсто въ его мемуарахъ, и они состав-ляютъ въ нихъ не послѣднюю рѣдкость. Это—реторическія словоз-верженія, въ которыхъ подражаніе древнимъ, Руссо и Оссіану, играетъ почти равную роль. Эта смѣсь, кажущаяся намъ теперь недѣлой и бессмысленной, весьма нравилась нашимъ дѣдамъ. Въ мемуарахъ Ла-ревельеръ-Лепо есть надгробное слово въ честь генерала Гоша, кото-рое представляетъ не что иное, какъ сколокъ съ стenanій Мальвини и Фингала. Сынъ Ларевельера, который уже старикъ теперь и изда-тель книги своего отца, самъ зовется Оссіаномъ и у него нѣтъ дру-гого имени. Это рисуетъ эпоху.

Черезъ нѣсколько недѣль, если не ошибаюсь, появится другая книга, которая тоже надѣляетъ шуму. Это—*Антихристъ* Ренана. Дѣло состоитъ просто въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ ученаго писателя о про-исхожденіи антихриста. Ренанъ дошелъ до того момента, когда хри-стіанская вѣра, раздраженная ожиданіемъ, выведенная изъ себя пре-слѣдованіями, пришла къ убѣжденію о скорой кончинѣ міра и при-ближающемся днѣ послѣдняго суда и о близкомъ возобновленіи всего. Апокалипсисъ, приписываемый св. Іоанну, есть выраженіе этого ожи-данія. Онъ выводитъ на сцену существо, называемое Антихристомъ, въ которомъ резюмируются всѣ злыя силы, чтобы вступить въ послѣд-нюю борьбу съ Мессіей и его поклонниками. Будущая книга Ренана посвящена главнымъ образомъ объясненію этого особеннаго настро-енія первобытнаго христіанства, объясненію Апокалипсиса. Онъ не даетъ ничего особенно новаго тѣмъ, кто занимался этимъ вопросомъ, потому что смыслъ Апокалипсиса, возбуждавшій столько споровъ и о которомъ написано такъ много пустяковъ, въ настоящее время вполне разъясненъ и внѣ всякаго сомнѣнія. Антихриста, преслѣдующаго христіанъ и возстающаго противъ Мессіи, считаютъ просто императоромъ Нерономъ, и всѣ пророчества, всѣ видѣнія священной книги относятъ къ этому императору и къ его времени. Всѣ тайны Апокалипсиса

были такъ объяснены нѣмецкой критикой слишкомъ тридцать лѣтъ тому назадъ, но ея открытія не выходили изъ круга, довольно ограниченного, богослововъ и философовъ. Кругъ читателей Ренана гораздо обширнѣе, а талантъ его къ изложенію и популяризации неизмѣримо выше всего, что дають въ этомъ отношеніи нѣмцы, которые впрочемъ и не заявляютъ на это никакихъ притязаній. Важная заслуга, оказываемая Ренаномъ, заключается въ томъ, что онъ предлагаетъ результаты науки всѣмъ образованнымъ людямъ вообще, а это не бездѣлица. Къ тому же онъ такъ проницателенъ, что, быть можетъ, по многимъ пунктамъ могъ дополнить анализъ своихъ предшественниковъ. Во всякомъ случаѣ, онъ не пощадилъ трудовъ, потому что книга, о которой я извѣщаю, является, какъ мнѣ лично извѣстно, результатомъ многолѣтнихъ занятій.

Н.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Новости изъ нашей старины.

Архивъ князя Воронцова. Книги 4-я и 5-я. М. 1872. Стр. 542 и 495.

Девятнадцатый вѣкъ. Историческій сборникъ, издаваемый Петромъ Бартефевымъ. Книга вторая. М. 1872. Стр. 296+242.

Изданія, названныя нами, относятся къ нашей старинѣ болѣе или менѣе близкой; публика полюбила эти изданія и охотно раскупаетъ и читаетъ ихъ, знакомясь въ нихъ съ интимною стороною прошлой общественной жизни; изданія эти, помимо относительной важности для исторіи, полезны въ томъ отношеніи, что они обратили многихъ къ изученію русской исторіи, отерывъ въ ней такія стороны, о которыхъ прежде или ничего не было извѣстно, или извѣстно по смутнымъ преданіямъ. По мѣрѣ того, какъ стѣснялся кругъ вопросовъ въ современной публицистикѣ, читатели находили утѣшеніе въ этомъ прошломъ, которое иногда многое говорило, иногда просто развлекало. Въ этомъ чтеніи смѣшалось традиціонное „пріятное съ полезнымъ“, съ выгодою замѣнивъ собою чтеніе сухихъ историческихъ разсказовъ и слишкомъ „вольныхъ“ историческихъ романовъ. За г. Бартефевымъ въ этомъ отношеніи — безспорная заслуга: онъ напалъ на родникъ, повидимому неиссякаемый и, вызвавъ подражателей, неутомимо подносить публикѣ разные сборники, изъ которыхъ почти нѣтъ ни одного такого, гдѣ бы не было, рядомъ съ лицами поверхностными, ничтож-

ными и ненужными даже для записныхъ археологовъ, вещей цѣнныхъ и важныхъ. Но „Архивъ князя Воронцова“ представляетъ едва ли не первую у насъ попытку систематической разработки архивовъ частныхъ лицъ, занимавшихъ высокія государственныя должности, и попытку счастливую, потому что историкъ найдетъ въ вышедшихъ книгахъ не мало любопытныхъ документовъ, рисующихъ и жизнь правительственныхъ сферъ и частную жизнь. Большая часть пятой книги „Архива князя Воронцова“ состоитъ изъ документовъ на французскомъ языкѣ, перевода, которыхъ не прилагается, изъ благоразумной экономіи, и почти всѣ эти документы имѣютъ общій интересъ, знакомя насъ съ такими лицами, какъ графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ, княгиня Дашкова, Радищевъ, Екатерина II и др. Автобиографическая записка графа А. Р. Воронцова, вся сплошь написанная по-французски, къ сожалѣнію, не окончена имъ, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ не отыскано продолженія. Записка эта вводитъ насъ въ кругъ жизни и воспитанія молодого знатнаго человѣка не изъ чистыхъ, которые „прогуляли“ свою юность и били баклуши, а изъ тѣхъ немногихъ въ то время, которымъ выпало на долю солидное образованіе. (Впрочемъ, должно сказать, что въ екатерининское время, помимо людей, имѣвшихъ на нее вліяніе, государственные люди по большей части были образованы). Графъ А. Р., благодаря случайнымъ обстоятельствамъ, получилъ и дома порядочное образованіе и, пользуясь большимъ знакомствомъ и совѣтами дяди своего, канцлера, рано привыкъ къ „матеріямъ важнымъ“, къ политикѣ, къ обсужденію общественныхъ вопросовъ. Царствованіе Елисаветы застало его еще мальчикомъ, и онъ съ большой симпатіей говоритъ объ этой государынѣ, вспоминая дѣтскіе балы, которые она давала во дворцѣ своемъ, и ея доброе сердце. Къ Екатеринѣ онъ относится сдержанно и, признавая за нею большой умъ и образованіе, критически разбираетъ ея нравственный характеръ и обвиняетъ ее за интриги, которыя она весьма искусно вела, будучи еще великой княгиней. Говоря объ отношеніи ея къ супругу, онъ не могъ пропустить и того, чтобы не сказать о Елисаветѣ Воронцовой, своей родной сестрѣ, и въ этомъ случаѣ родственное чувство, быть можетъ, мѣшало его безпристрастію. Онъ утверждаетъ, что Екатерина сама постаралась сблизить Петра Федоровича съ Елисаветой Воронцовой, которой было тогда всего 14 лѣтъ, желая ею замѣнить дѣвицу Шафирову, любовницу великаго князя, и что Екатерина вообще, стараясь имѣть на великаго князя какъ можно болѣе вліянія, окружала его такими особами женскаго пола, которыхъ могла держать въ своемъ подчиненіи. Что Екатерина имѣла на мужа своего большое вліяніе и старалась объ этомъ, это явствуетъ, между прочимъ, изъ допросныхъ пунктовъ Лестоку, напечатанныхъ въ 4-ой книгѣ „Арх. кн. Воронцова“. „Она такъ интриговала, говоритъ графъ А. Р.,

мужъ ея влюбился въ нее (Воронцову). Она покровительствовала связи, но увидавъ, около 1756 г., что связь эта пустила глубо-корни, она захотѣла ее порвать; но несмотря на всѣ свои старанія (des menées et intrigues), она въ этомъ не успѣла, потому великій князь серьезно привязался къ моей сестрѣ, и эта связь, которую можно назвать платоническою, продолжалась до самаго свер-женія съ трона Петра III^а. Разсказавъ затѣмъ объ интригѣ Бесту-лева и сообщая нѣсколько подробностей о семилѣтней войнѣ, Ворон-цовъ переходитъ къ описанію своего путешествія по Европѣ. Маркизь италья, пріѣхавшій въ 1757 г. посломъ ко двору Елисаветы, сблизился съ дядею графа А. Р. и посовѣтовалъ ему послать своего пле-мянника для окончанія образованія во Францію, именно въ школу *chevaux légers*. Графу А. Р. шелъ семнадцатый годъ, когда онъ явился въ дальнее путешествіе. Дорожныя впечатлѣнія его очень опытные. Снабженный письмами и рекомендаціями, племянникъ рус-скаго канцлера повсюду встрѣчалъ радушный приѣмъ и все видѣлъ: проѣхалъ часть Пруссіи, занятой въ то время нашими войсками, явился на Вѣну, черезъ Польшу. „Пребываніе въ Варшавѣ, го-воритъ онъ, мнѣ понравилось чрезвычайно. Польскіе вельможи, ихъ образъ жизни, уваженіе, которымъ они пользовались, все это меня по-чти и заставляло думать, что нѣтъ болѣе завиднаго состоянія, чѣмъ быть польскимъ вельможею. Эта республика была тогда силь-ною и уважаемымъ государствомъ въ Европѣ. Хотя по своей кон-ституціи она не могла играть дѣятельной роли въ общихъ (между-народныхъ) дѣлахъ, но я не думаю, чтобы это составляло счастье на-рода. Она пользовалась полнѣйшею безопасностью не только по массѣ своихъ силъ, но также и потому, что сосѣди ея казались въ то время заинтересованными въ поддержкѣ этого порядка вещей и въ непри-косновенности ея владѣній“. Слѣдующее мнѣніе графа Воронцова лю-бопытно, какъ отголосокъ той партіи, которая не желала раздѣленія польши и не одобряла въ этомъ случаѣ политику Екаторины: „Надо-ло царствованіе принцессы, чуждой Россіи, лишившей своего мужа престола, чтобы разрушить этотъ (вышеописанный) порядокъ вещей. Она не удовлетворялась тѣмъ, чтобы царствовать надъ огромнымъ родомъ, чего она никогда не могла ожидать, она захотѣла также, чтобы и другъ ея, графъ Понятовскій, имѣлъ престолъ. Смерть ко-роля Августа случилась въ 1763 г. Она не пожалѣла ни денегъ, ни силъ своихъ, чтобъ помѣшати избранію саксонскаго принца, кото-рому желали поляки и избраніе котораго вполнѣ отвѣчало интересамъ Россіи, но все было пожертвовано тщеславію и страсти. Волей - нево-лей императрица заставила выбрать королемъ Понятовскаго... Это же-ланіе поставить королемъ своего друга имѣло большія послѣдствія для политической системы Россіи тѣмъ, что оно отдалило отъ насъ

дворы вѣнскій и дрезденскій и бросило насъ въ объятія Берли, чтобъ онъ содѣйствовалъ избранію Понятовскаго, и породило ту довищную и смѣшную сѣверную систему, которую такъ превозносилъ графъ Панинъ, ея изобрѣтатель, и которую воспользовался тотъ прусскій король, потому что система эта послужила къ возвышенію прусской монархіи, совсѣмъ несогласному съ истинными интересами Россіи“. Надо помнить, однако, читая это мнѣніе, что графъ Вольфовъ былъ аристократомъ по убѣжденію и то, что ему больше всего и казалось въ Польшѣ—образъ жизни ея магнатовъ—было въ ней хуже всего. Его сужденія объ Австріи также указываютъ на эту черту въ его политическихъ убѣжденіяхъ: высоко ставя Марію-Терезію, онъ безпокойно относится къ ея сыну, Іосифу II, и огульно осуждаетъ его реформы, какъ извѣстно, снискавшіе ему уваженіе потомства. О Кауницѣ выражается такъ: „Въ это первое путешествіе мое въ Вѣну, я не имѣлъ въ графѣ Кауницѣ великаго министра, какимъ онъ былъ, человека тщеславнаго, высокоумнаго, исполненнаго мелочности въ своей вѣншности (*plein de petites choses dans les manières*), между нами были непріятныя, какъ напр. полоскать себѣ ротъ за обѣдомъ и это довольно долгое время, или чистить брилліанты своего ордена Золотого Руна щеточкой, которую онъ приказывалъ приносить себѣ“. При дворѣ курфирста палатина онъ встрѣтилъ Вольтера, который въ то время тамъ, и нѣсколько разъ посѣщалъ его, проводя въ разговорахъ съ нимъ по нѣскольку часовъ: „Онъ много говорилъ объ императрицѣ Елисаветѣ, объ извѣстномъ человеколюбіи ея, ея законахъ, отмигивавшихъ смертную казнь, и восхищался Петромъ Великимъ“. Пріѣхавъ во Францію, онъ засталъ тамъ то до-революціонное броженіе, которое было вызвано борьбою парламентовъ съ монархомъ. „Въ трактирахъ, гдѣ я останавливался и которые очень хороши, хотя и дороги, даже трактирщицы говорили со мной не о чуждомъ, какъ только о своемъ уваженіи къ парламентамъ, къ парламенту Бонти, который былъ, по ихъ словамъ, другомъ народа и о отмене парламентскихъ привилегій, и о томъ, что ихъ добрый король въ то время еще любимъ, былъ обманутъ. Я слушалъ и оставался ихъ говорить. Если бы обратили тогда вниманіе на горячее и экзальтированное расположеніе умовъ во Франціи, быть можетъ открыли зародышъ того, что случилось впоследствии. Между тѣмъ дѣло тогда и близко не касалось трона и алтаря; напротивъ, всѣ вѣрили, что монархія нераздѣльна съ правленіемъ во Франціи и съ докомъ Бурбоновъ, который тамъ царствовалъ. Эта истина была написана во всѣхъ сердцахъ. Ропотъ и недоброжелательство народа раздавались противъ нагоговъ, которыми онъ былъ обремененъ, и противъ личности г-на Помпадуръ и министровъ, которымъ приписывали разстройство финансовъ. Парламенты, и въ особенности парижскій, приобрѣтали

на день больше и больше довѣрія и уваженія во французскомъ родѣ. Даже изгнанія, которыми ихъ иногда наказывали, были имъ желательнымъ, потому что они только увеличивали народный интересъ къ нимъ“, и проч. Все, что говоритъ Воронцовъ о тогдашнемъ положеніи Франціи, не только любопытно само по себѣ, какъ писаніе русскаго просвѣщеннаго человѣка, отличавшагося проницательностью, но и не лишено относительной важности какъ историческій документъ. Было бы очень желательно, чтобъ отыскалось продолженіе этихъ интересныхъ мемуаровъ одного изъ просвѣщеннѣйшихъ и честнѣйшихъ людей прошлаго вѣка, великаго приверженца европейскихъ порядковъ.

Изъ этихъ мемуаровъ слѣдуетъ цѣлый, длинный рядъ писемъ отъ М. Л. Воронцова къ племяннику, княгини Дашковой къ графу Александру Романовичу и Радищеву къ нему же изъ сибирской ссылки. Все это цѣнный историческій матеріалъ. Между письмами графа Павла Ларионовича особенно выдаются тѣ, въ которыхъ онъ говоритъ о племянницѣ своей, знаменитой княгинѣ Екатеринѣ Романовнѣ. Она очевидно вооружена противъ нея за то, что она, попавъ на первое время при дворѣ Екатерины, не заботилась о „благополучіи“ своихъ родственниковъ: „О сестрѣ вашей княгинѣ Дашковой, пишетъ старикъ, имѣю, что мы отъ нея столько же ласковости и пользы имѣли, какъ и отъ Елисаветы Романовны (любовницы Петра III), и то, что подъ именемъ близняго свойства слышемъ, а никакоей преданности, ни откровенности, а еще менѣе какого-либо вспоможенія или надежды, чтобы въ пользу нашу стараніи прилагала, нѣтъ не имѣемъ; и она, мнѣ кажется, имѣетъ нравъ развращенный и несчастный, больше въ суетахъ и мнимомъ высокомъ разумѣ, съ пустотою и пустотой (?) время свое проводить. Я опасаясь, чтобы въ каприсахъ и неумѣстнымъ поведеніемъ и отзывами столько не навредила государыню императрицу, чтобы отъ двора отдалена не была, а черезъ то наша фамилія въ ея паденіи напраснаго порока и публики не имѣла. Правда, она имѣла многое участіе въ благомыслии и восшествіи на престолъ всемілостивѣйшей нашей государыни, и съ тою мы должны ее весьма прославлять и почитать; да когда поведеніе и добродѣтели не соответствуютъ заслугамъ, то нечего что послѣдовать имѣетъ, какъ презрѣніе и уничтоженіе... Господина Одаря имѣлъ также участіе въ счастливой перемѣнѣ и, какъ весьма разумный человѣкъ, поведеніе свое осторожно имѣетъ и въ преданности и благодарности свою показываетъ. Онъ получилъ позволеніе отъѣхать въ Италію, для привезенія сюда своей фамиліи, уже съ мѣсяцъ времени какъ отъѣхалъ; понынѣ онъ не получилъ никакого награжденія, какъ токо 1000 рублей для проѣзда своего. Господина Одаря въ состояніи написать весьма лучшую реляцію, какъ

о счастливой нашей переѣнѣ, такъ и особливо достойную похи великимъ добродѣтелямъ и качествамъ ея и. величества, нежели П тетъ вдумать не по силѣ разума своего писать“. Все это оч иллюстрируетъ тогдашнее настроеніе умовъ и прибавляетъ матері для сужденія о переворотѣ 1762-го года. Письма М. Л. и с поссорили Александра Романовича съ его сестрой, съ которою были весьма дружны, и они обмѣнялись между собою нѣсколь горячими письмами. Затѣмъ все вошло въ норму и они продол переписку. Почти вся она на французскомъ языкѣ. Мы остано только на одномъ письмѣ княгини Дашковой, касающемся изв наго дѣла о трагедіи Княжнина „Вадимъ Новгородскій“. Дѣло рассказано въ письмѣ Дашковой къ брату ея гораздо подробнѣ, чѣ въ „Запискахъ“ Дашковой; очевидно, тутъ она писала подъ свѣж впечатлѣніемъ, тогда какъ въ „Запискахъ“ только по воспоминаніи Письмо, за исключеніемъ нѣсколькихъ фразъ, все писано по-фр пузски. Извѣстно, какъ началось это дѣло. У вдовы Княжнина о лась рукопись трагедіи, которую приобрѣлъ книгопродавецъ Гам новъ и испросилъ позволенія у Дашковой, бывшей президентомъ а деміи наукъ, напечатать ее въ академической типографіи. Дашк позволила, забывъ дать письменный приказъ о томъ, чтобъ кон была процenzурована. Сама Дашкова ее тоже не читала, подуми что коли трагедія—значить въ ней, кромѣ любовной интриги, ровничего нѣтъ. По напечатаніи, трагедія попала въ руки Ив. Па Салтыкова, который и донесъ о вредномъ содержаніи ея импера цѣ. Никита Ивановичъ Панинъ, какъ рассказываетъ Дашкова, из вился объ этомъ поступкѣ Салтыкова такъ: „Дуракъ, думаетъ и служиваться доносами, а того не разумѣетъ, что ее самое понапра мучить и тревожить“. Марковъ повторилъ самой Дашковой поч тѣ же слова: „Люди безъ достоинствъ и способностей, не ужъ сд латься необходимыми государынѣ, прибѣгаютъ къ оффиціознымъ за гиваніямъ (terreurs officieuses)“. Екатерина прочитала трагедію сам и потомъ Самойлову и Безбородко, послѣ чего „сдѣлалась глѣннѣ. Въ этотъ же вечеръ Самойловъ пріѣхалъ къ Дашковой и имѣлъ с ней продолжительный разговоръ, въ теченіе котораго старался пр ставиться человѣкомъ, который дѣйствуетъ у императрицы въ полн княгини; тутъ же онъ намекнулъ ей, что есть люди, которые клас щутъ на Дашкову, будто она принимала участіе въ книгѣ Радищев. Вотъ дальнѣйшій ходъ дѣла: „Суббота прошла безъ всякихъ новиз или какихъ-нибудь переговоровъ отъ кого-нибудь. Въ воскресенье по обыкновенію, поутру поѣхала во дворецъ. Скоро изъ спальни вы шелъ Самойловъ и, пройдѣвъ нарочно мимо меня въ брилліантовую комнату, въ пол-голоса мнѣ сказалъ: „будьте умѣренны, снисход

меня". Казалось, что онъ боялся, чтобы кто примѣтилъ, что онъ имолвилъ со мною. Признаюсь, что мнѣ жалко и смѣшно было. Я сказала ему: „совѣсть моя чиста и спокойна". Показалась императрица, и увидѣла, что лицо ея очень серьезно. Я подошла къ ней по обмѣновенію. Она также по обмѣновенію пригласила меня въ бриллиантовую комнату. Войдя я подошла къ ней и сказала: „Я очень признательна за мою оплошность и прошу васъ извинить меня", и не успѣвъ ей времени принять гнѣвный тонъ, поцѣловала ей руку, а она поцѣловала въ щеку. Выславъ своего парикмахера-француза, она мнѣ сказала:

- Признайтесь, однако, что это непріятно.
- Признаюсь, и потому-то меня это огорчаетъ.
- Мнѣ мѣшajúть дѣлать добро; я сдѣлала его столько, сколько могла, и для отдѣльныхъ лицъ, и для страны; неужели и здѣсь хотѣли надѣлать такихъ же ужасовъ, какъ во Франціи.
- Надѣюсь, что у насъ совсѣмъ нѣтъ такихъ безумцевъ.
- Но вы видите, однако, что они есть.
- Никогда не слышала я другого мнѣнія и другихъ желаній, кромѣ только, чтобы ваше царствованіе продолжалось.
- Есть неблагодарные и двоедушные люди, а когда у человѣка доброе сердце—онъ желаетъ несчастія другимъ.
- Извините, государыня, но одно дурное сердце не можетъ произвести этого; для этого нужно еще помѣшанную голову, ибо дурное сердце можетъ стремиться къ злѣбѣ и мщенію, но не можетъ желать ни собственнаго несчастія и несчастія дѣтямъ своимъ, ни потопить кровь.
- Если государь — зло, то это зло необходимое, безъ котораго невозможны ни порядокъ, ни спокойствіе.
- Ваше величество ужъ сдѣлали мнѣ честь и прежде высказать такую трогательную въ устахъ государя мысль, и я уже отвѣчала вамъ, что въ ваше царствованіе никто и никогда не подумаетъ, что государь — зло.
- Что касается меня, я могу очень хорошо вынести все то, что вы мнѣ скажете, и если преступленіе быть на томъ мѣстѣ, гдѣ я живу (ибо я признаюсь, я не имѣю на него правъ ни по рожденію, ни другихъ), то это преступленіе вы раздѣлите со мною.
- Я посмотрѣла на нее пристально и имѣла также возражать на эту мысль и признаніе. Она продолжала такъ:
- Вотъ уже другое сочиненіе подобнаго рода,—первое раньше появилось, и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже.
- Въ теченіе одиннадцатилѣтняго президентства моего въ академіи, это первая вещь которая проскочила. Тоже трагедія это была?

«—Нѣтъ, путешествіе¹⁾. Теперь стану ждать третьяго.

«—Мнѣ кажется, что я знаю, что вы разумѣете, государиня; этотъ счетъ есть анекдотъ извѣстный многимъ лицамъ. За годъ напечатанія этого сочиненія, авторъ издалъ жизнь одного изъ своихъ друзей, который пилъ, ѣлъ, спалъ и умеръ, какъ и всѣ, не сдѣлавъ ровно ничего замѣчательнаго. Разъ, когда мы были въ русской академіи, г. Державинъ, говоря о маломъ знаніи у насъ русскаго языка о томъ, что у насъ не понимаютъ значенія словъ, а между тѣмъ и претендуютъ на авторство, сказалъ, что онъ только что прочелъ глупую книгу Радищева²⁾ на счетъ одного изъ его умершихъ друзей, и спросила меня, читала ли я ее. На отрицательный мой отвѣтъ и на замѣчанія, что я не думаю, чтобы книга была глупа, потому что авторъ ея не глупъ, онъ приказалъ ее принести (онъ жилъ тогда въ академіи) и далъ мнѣ. Прочитавъ ее, я ясно увидѣла, что онъ поражаетъ Стерню, автору „Сантиментальнаго Путешествія“, что читалъ Клопштока и другихъ нѣмецкихъ писателей, не понимая ихъ, и я многимъ говорила, что онъ запутался въ метафизикѣ и потерялъ голову. Я предсказала подобное же Зуеву и еслибъ у него не была жены, которая заботится о немъ, его пришлось бы запереть въ масшедшій домъ.

«— Кто это Зуевъ?

«— Это академикъ, сказала я.

«Затѣмъ мы стали говорить о Гершелѣ, о его телескопѣ» и пр.

Изъ писемъ Радищева къ графу Александру Романовичу видно какое теплое участіе принималъ послѣдній въ судьбѣ несчастнаго автора „Путешествія“. Онъ пишетъ тверскому губернатору, проситъ принять участіе въ судьбѣ Радищева, отправленнаго въ Сибирь, снабдить его всѣмъ необходимымъ, для чего послалъ губернатору 200 рублей. „Вы усугубите еще ваше одолженіе, говоритъ онъ, которое я конечно съ признательностію приму, когда при отправленіи изъ Твери препоручите тому, на кого возложено будетъ изъ Твери его отвезти, чтобы онъ съ нимъ поступалъ человеколюбиво, а не иначе еще признателенъ я буду вашему пр—ву, когда меня уведомятъ, въ какомъ онъ состояніи въ Тверь привезенъ, и когда оттуда какимъ образомъ отправленъ“. Въ этомъ же письмѣ есть слѣдующіе строки: „Радищевъ, до несчастія своего издавна мнѣ не тоюмо былъ знакомъ, но и любилъ я его, такъ какъ прежнее его поведение оно и заслуживало, такъ что никогда и уповать не можно было, чтобы онъ впалъ въ толь неожиданное преступленіе, никакъ не соотвѣ-

¹⁾ Дѣло идетъ о книгѣ Радищева, и Дашкова притворяется, что не знаетъ, чѣмъ идетъ дѣло.

²⁾ Дѣло идетъ о сочиненіи Радищева „Жизніе Ушакова“.

будущее прежнему его поведенію“. Онъ заботится о воспитаніи его иждиваетъ ему книги и журналы, физическіе инструменты, отдаетъ деньги и проч. Письма Радищева, частью на французскій языкъ, частью на русскомъ, звучатъ искреннею благодарностью, и свидѣлствуютъ о томъ, что Радищевъ былъ человекомъ и свѣдѣннымъ и наблюдательнымъ. Европейская литература и печатная печать живо его интересуютъ. Онъ то и дѣло обращаетъ вниманіе графа то на ту, то на другую политическую брошюру, заглавія которыхъ ему удастся вычитать изъ каталоговъ. Вы видите въ этихъ перепискѣхъ человека свободномыслящаго, живого. Онъ сообщаетъ свои наблюденія въ Сибири, говоритъ о народѣ, о его нравахъ и обычаяхъ, о торговлѣ и промыслахъ. Видно, что онъ жилъ тамъ не равнодушно, предаваясь отчаянію, а принимая участіе въ окружающемъ. Если судить о литературномъ талантѣ Радищева, необходимо прочитать нѣкоторыя его письма на французскомъ языкѣ: по-русски онъ писалъ тяжело, но французскій языкъ даетъ ему полную возможность живо и образно выражать свои мысли. И странное впечатлѣніе производятъ его русскія письма рядомъ съ французскими: въ самомъ началѣ первыхъ есть что-то принижающее, неуклюжее; между тѣмъ какъ, читая французскія письма, чувствуешь словно другого человека, свободного, живого, впечатлительнаго, краснорѣчиваго. Эта переписка наводитъ на мысль ближе узнать отношенія Воронцовыхъ къ Радищеву и то вліяніе, которое имѣлъ графъ Александръ Романовъ на автора „Путешествія“; это новая фаза въ исторіи знаменитой книги, заслуживающая, по нашему мнѣнію, серьезнаго послѣдовательнаго изслѣдованія. Невозможно вѣрить искренности допросныхъ отвѣтовъ Радищева, который, напр., на вопросъ: «съ какимъ намѣреніемъ писали вы эту книгу?» отвѣчалъ: „Главное мое намѣреніе въ сочиненіи сей книги состояло въ томъ, чтобъ прослыть писателемъ и заслужить въ обществѣ гораздо лучшую репутацію, нежели какъ объ немъ думали до того; впрочемъ теперь при объясненіи о ней и самъ онъ видитъ, что она наполнена пустыми, дерзкими и развратными выраженіями, и что отъ всего сердца жалѣетъ“. Допросные пункты и отвѣты на нихъ, какъ и замѣчанія на книгу самой императрицы, помѣщены въ четвертой же книгѣ „Архива князя Воронцова“. Тутъ же помѣщены и „Повинная Радищева, въ которой рассказываетъ, какъ пришла ему первая мысль о написаніи книги, откуда онъ заимствовалъ «дерзновенныя выраженія и неприличной смѣлости» и проч.

Что касается второй книги «Девятнадцатаго вѣка», то большая часть ея занята сочиненіемъ Н. И. Ушакова «Записки очевидца о войнѣ Россіи противу Турціи и западныхъ державъ (1853 — 1855)». Въ этому сочиненію исполненному интереса, больше для военныхъ людей, мы, быть можетъ, вернемся, когда выйдутъ остальные томы

„Севастопольскаго Сборника“, предпринятаго Е. И. В. Наслѣдникомъ Цесаревичемъ; самыя „записки“ эти какъ нельзя больше шли и этотъ „Сборникъ“ и составили бы его украшеніе. Изъ остальныхъ матеріаловъ, помѣщенныхъ въ „Девятнадцатомъ вѣкѣ“ заслуживаютъ вниманія письма знаменитаго графа Растопчина къ князю П. Циціанову, записка Пушкина о народномъ образованіи, представленная имъ императору Николаю Павловичу и записки о разныхъ положеніяхъ по предмету освобожденія крестьянъ съ 1826 — 1828. Тутъ находятся проекты Аракчеева, Мордвинова, Сперанскаго, и Меншикова, гр. Перовскаго, С. П. Шипова, кн. Друцкаго-Соколинскаго и др., которые вели къ „секретнымъ“ и „весьма секретнымъ“ комитетамъ, дѣятельность которыхъ, какъ извѣстно, осталась безъ результатовъ. Письма графа Растопчина полны желчи и будировація. Подвліянія своего при дворѣ Павла, онъ жилъ то въ деревнѣ, занимаясь хозяйствомъ, то въ Москвѣ, и конечно, былъ не доволенъ тѣмъ рядомъ вещей, который наступилъ въ первые годы царствованія Александра. Онъ очевидно предпочиталъ мѣры покойнаго императора, когда онъ пользовался значеніемъ. На смѣлые приговоры надъ людьми новаго царствованія онъ чрезвычайно скоръ, и поэтому часто критиковалъ себя; но въ его письмахъ есть любопытныя замѣтки, сквозь злость и оскорбленное самолюбіе иногда виднѣется свѣдѣніе правды; но конечно, правда эта не въ такихъ замѣчаніяхъ, какія онъ позволяетъ себѣ относительно намѣреній Александра I освободить крестьянъ, или такихъ какъ „развратность нравовъ дошла у насъ до того, что нѣтъ ничего святаго“. Вотъ нѣсколько отрывковъ другаго порядка: „Правда ли, что Кнорингъ, ѣздя глѣтомъ по Тифлису, заставлялъ себя обмахивать двумя ѣздовымъ, по сторонамъ его кареты ѣзжавшими? Это хоть бы Павлу Сергѣевичу“ (Потемкину, который дѣйствовалъ самовластно на Кавказѣ въ царствованіе Екатерины II). „Въ Москвѣ всѣ спились оттого, что гр. Иванъ Петровичъ Салтыковъ и князь А. Борисовичъ Куракинъ, желая — одинъ за сына, а другой — за себя, дочь богатыря Орлова, въ угодность ему пить мертвую чашу“. „Вотъ, наконецъ, и гр. Аракчеевъ опять главою всей артиллеріи. Дай Богъ ему пожить и чтобъ онъ не привелъ въ неувѣренность и этого государя, какъ покойника“. „Всѣ говорятъ о новомъ (князя Циціанова) осенней компаніи, и незнающіе положенія вещей воображаютъ, что возобновляется персидская кампанія. Глупые думаютъ, что сіе дѣлаетъ гр. Вал. Зубовъ (бывшій въ милости у императора Александра) для предводительства надъ войсками; но онъ, я думаю, до того краю и не охотникъ, да и держится истиннаго правила, что отъ государей и отъ любовницъ отлучаться не должно“. „Дядюшка мой Карамзинъ, сдѣланный исторіографомъ съ 2000 р. пенсіона, забывъ свою жену (недавно умершую) и отчаяніе, сговоренъ на до-

и князя Андрея Ивановича Вяземскаго. Онъ влюбляется головою. «Счастье и несчастье его истекаютъ изъ глазъ». Объ императорѣ Александрѣ онъ говоритъ: „Крезъ добрыми намѣреніями, но нищій исполнителями“. „Кочубей въ напечатанномъ проектѣ, для отвращенія бѣды отъ неурожаа, полагаетъ въ Смоленской губерніи жатву соевъ оженченною въ 1-му числу іюля“. „Я видѣлъ отъ Васильева просьбу въ орловскую казенную палату объ оброчныхъ статьяхъ, въ ли онны; а онъ министръ финансовъ!“ „Не могу удержаться, чтобъ не сообщить тебѣ глупость тверскаго губернатора ин. У. На него пошла къ государю просьба отъ бѣдной барыни, что К. — исправникъ пріѣзжалъ въ ней, рылъ въ домѣ у крестьянина ея, разошелъ дворъ и пр. Сенатъ потребовалъ отъ губернатора объясненія и получилъ въ отвѣтъ, что онъ, узнавъ, что у сего крестьянина есть каменный кладъ, и увѣряясь по словамъ К. — исправника о дѣйствительномъ разрывѣ-травы, отправилъ его для сысканія вклада, имѣя въ виду единственно казенную прибыль. Сенатъ написалъ въ губернатору, что онъ сдѣлалъ неприличное и вѣрно былъ не въ здоровомъ разсудкѣ. Однакоже У. остался правителемъ губерніи“. «Я не очень доволенъ, что Чичаговъ и Румянцевъ въ Совѣтъ; первый отъявленный мошенникъ (?) на аглицкую статью, а второй съ рѣдкимъ умомъ приличный философъ». Выхваляя Адама Чарторижскаго, который былъ другомъ князя Циціанова, Растопчинъ замѣчаетъ: «Ему должно было было знать, что его пребываніе и просто у двора сопряжено было со всякаго рода затрудненіями, коими паче въ дѣлахъ таковыхъ, въ самые честные люди подвержены не довольно худенію, но и попреканіямъ, единственно по естеству дѣлъ, кои поверты тайною, а не по неизвѣстности. Онъ справедливо чувствуетъ, что ему, бывъ иностранцемъ для Россіи, еще труднѣе природнаго держаться въ такое время, гдѣ довѣренность и любовь самаго царя не весьма сильная вещь. Всѣ заражены мыслию, что онъ скрытный врагъ Россіи и первый врагъ вольности, кою страшаетъ дворянство. Но, какъ бы то ни было, зная всѣхъ вельможъ, я скажу тебѣ, что, смѣняя Чарторижскаго, на мѣсто его ни единого человѣка нѣтъ. К. — оселецъ, Марковъ — интеллигентъ, П. — злодѣй, Разумовскій — цесарецъ, а Семіонъ — Питова; Румянцевъ, Николай — враль, а Сергѣй вѣчно закусы удила носомъ. Прочіе же изъ тѣхъ, кои употреблены по иностранной части, половина плутовъ, а другая годная быть тѣмъ, гдѣ есть». Вотъ еще бравада столь же рѣзкихъ приговоровъ: «Войну затѣяли (1805 г.) — дай Богъ хорошій конецъ! На командировъ правду сказать, надѣяться трудно. Кутузовъ, коего нѣмецкіе принцы загоняютъ; Буксгевденъ — цесаревичъ бесчестный, а Бенигсонъ и Михельсонъ на все готовы, но обоимъ дѣла не знаютъ. Цесарцы захотѣли отвѣдать еще французскихъ цесарей и увѣрены, что успѣхъ вѣрный отъ того, что Турунъ нѣтъ».

въ дѣлахъ, — будто Кобенцель лучше. Но государю нашему, иже уже оспу и корь, должно имѣть и союзъ съ Англіей и Цесаріемъ. Мы извиняемся передъ читателями за эти безсвязныя выписки, но иначе нельзя пользоваться письмами Растопчина, занимающими въ „Дневникѣ надцатомъ Вѣѣ“ 113 страницъ и большею частію наполненными подробностями, никакого интереса не имѣющими. Последнія строки написанныя графомъ, были — о кончинѣ Александра. Онъ очевидно къ ней совершенно равнодушенъ. „Имп. Александръ скончался въ Таганрогѣ, говоритъ онъ, городѣ, въ который въ прошлое столѣтіе съѣзжали преступниковъ. Балзамированіемъ тѣла его, конечно, занимался хирургъ его Вилье. Вечеромъ пріѣзжала Гальяни (урожденная Стрѣнина), съ соболѣзнованьями. Только потому, что она иностранка, ей два раза давали 50,000 р. на путешествія и дана пожизненная пенсія въ 4,000 руб. Имп. Александръ любилъ, чтобы въ чужихъ краяхъ его восхваляли“. О впечатлѣніи, произведенномъ смертію императора, Растопчинъ говоритъ: „Народъ равнодушенъ; дворянство раздражаемое, разоренное и презираемое, довольно; военные кажутся, что ихъ менѣе будутъ мучить“.

„Записка о народномъ воспитаніи“ Пушкина сама по себѣ представляетъ ничего замѣчательнаго, но по отношенію къ характеру поэта не лишена своего значенія. Въ 1826-мъ году 8-го сентября Пушкинъ былъ необыкновенно милостиво принятъ имп. Николаемъ въ Москвѣ. Сколько извѣстно, государь продолжительно слѣдовалъ съ нимъ, между прочимъ о 14-мъ декабря и о намѣреніи своихъ дать прочное основаніе и направленіе воспитанію юношества и вообще народному образованію. Въ теченіи разговора онъ приказалъ Пушкину письменно изложить свои мысли по этимъ предметамъ. Вслѣдствіе этого приказанія и была составлена упомянутая записка, довольно безхарактерная. Пушкинъ говоритъ, разумѣется, о необходимости просвѣщенія и, признавая, что „уничтоженіе чиновъ представляетъ великія выгоды“, совѣтуетъ однако представить чины цѣлѣ и достоинствомъ просвѣщенія. Не совѣтуетъ запрещать воспитанія заграничнаго и приводитъ такой примѣръ: „Мы видимъ, что Николай Тургеневъ, воспитывавшійся въ Геттингенс. университетѣ, несмотря на свои заблужденія и свой политическій фанатизмъ, отличался посреди своихъ буйныхъ сообщниковъ нравственностію и умѣренностію привилъ, слѣдствіемъ просвѣщенія истиннаго и положительныхъ познаній“. Въ кадетскихъ корпусахъ онъ совѣтуетъ уничтожить тѣлесное наказаніе: „надлежитъ заранѣе внушить воспитанникамъ правило чести и челоуѣколюбія. Не должно забывать, что они будутъ имѣть право розги и палки надъ солдатомъ. Слишкомъ жестокое наказаніе дѣлаетъ изъ нихъ палачей, а не начальниковъ“. Далѣе онъ говоритъ противъ изученія латинскаго и греческаго языка. „Позволи-

нѣна ли роскошь тамъ, гдѣ чувствителенъ недостатокъ необходимо-го? Мысли его о преподаваніи исторіи въ высшихъ классахъ совершенно здравы и смѣло высказаны: „Можно будетъ съ хладнокровіемъ показать разницу духа народовъ, источники нужды и требованія государственныхъ; не хитрить, не искажать республиканскихъ разсужденій, не позорить убійства Кесаря, превознесеннаго 2000-ми лѣтъ; представить Брута защитникомъ и мстителемъ коренныхъ поставленій отечества, а Кесаря честолюбивымъ возмутителемъ. Вообще должно, чтобы республиканскія идеи изумили воспитанниковъ при чтеніи въ свѣтъ и имѣли для нихъ прелесть новизны“.

Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Томъ седьмой. Сочиненія въ прозѣ. Спб. 1872. Стр. XVII + 757.

Этимъ томомъ г. Гротъ закончилъ свой огромный трудъ по изданію сочиненій Державина; слѣдующій томъ будетъ посвященъ біографіи Державина, для которой матеріалы уже собраны, а отчасти и разработаны. Мы говорили уже не разъ о значеніи труда г. Грота и не можемъ излишнимъ повторять свое мнѣніе еще разъ; но намъ кажется не бесполезнымъ сказать о содержаніи этого тома. Онъ почти весь занятъ дѣловыми записками Державина, которыя онъ писалъ отчасти по собственной инициативѣ, отчасти вызванный къ тому правительствомъ. Тутъ нѣсколько бумагъ, относящихся къ пугачевщинѣ, оффиціальныя записки по управленію имъ Олонецкой губерніей, записка о Бѣлоруссіи и о евреяхъ, о правахъ сената, проектъ устава третейскаго суда, мнѣніе объ астраханскихъ рыбныхъ ловляхъ, о срокѣ службы дворянъ, мечты о хозяйственномъ устройствѣ военныхъ силъ Россіи, мнѣніе о оборонѣ имперіи на случай покушенія Бонапарта, нѣсколько литературныхъ произведеній, писемъ и проч. и проч. Томъ оказался огромный. Просматривая эти сочиненія, прежде всего обращашь вниманіе на то странное обстоятельство, что языкъ Державина въ нѣкоторыхъ дѣловыхъ запискахъ, напр. о Бѣлоруссіи, очень прощѣ сравнительно съ его прозаическимъ языкомъ. Извѣстно, что прозою онъ писалъ тяжело въ такой степени, что чтеніе „Записокъ“, ко, несмотря на весь ихъ интересъ, составляетъ трудъ немаловажный; Державинъ, принимаясь за литературное произведеніе, какъ будто считалъ свою обязанностію продолжать традиціи литературнаго языка первой половины XVIII-го столѣтія и является крайне неуклюжимъ, и вотъ же Державинъ, принимаясь за дѣловую записку, говоритъ языкомъ современнымъ, довольно чистымъ и яснымъ, не злоупотребляя длинными періодами. Желаящіе провѣрить это могутъ сравнить, напримеръ, записку его о Бѣлоруссіи, относящуюся къ 1800 г., и предисловіе къ изданію его сочиненій 1808 г. Нельзя сказать, чтобы

между ними не было родства, но всякій увидитъ, что тутъ являются какъ бы два человѣка, современники, изъ которыхъ одинъ пишетъ свободно, другой придумываетъ каждую фразу и высхиживаетъ ее. Есть еще болѣе раннія доказательства того же раздвоенія Державина-сочинителя и Державина-чиновника; это письмо его къ калмыкамъ, и лучше сказать увѣщаніе къ нимъ не служить Пугачеву, между прочимъ весьма непонравившееся Екатеринѣ: „Кто вамъ сказалъ, что государь Петръ III живъ? Послѣ одиннадцати лѣтъ смерти его откуда онъ взялся? Но еслибъ онъ былъ и живъ, то пришелъ ли бы онъ къ казакамъ требовать себѣ помощи? Нѣтъ развѣ на свѣтѣ государей, друзей его и сродниковъ, ктобъ за него вступился, кромѣ бѣглыхъ людей и казаковъ? У него есть отечество, Голштинія, и свойстваники, великій государь прусскій, котораго вы ужасъ и силу, бывши противъ его на войнѣ, довольно знаете“. Очевидно, Державинъ могъ писать хорошо по своему времени и прозою, но онъ былъ сковавъ литературными преданіями и не считалъ возможнымъ простымъ языкомъ говорить въ произведеніяхъ, которыя должны были явиться передъ публикой, какъ его „сочиненія“. Въ этомъ томѣ есть еще рѣчь, сказанная въ Тамбовѣ однодворцемъ Захарьинымъ при открытіи народныхъ училищъ въ 1786 году, но сочиненная Державинымъ. Рѣчь довольно напыщенная, но слогъ ея опять-таки весьма недуренъ. Державинъ „спускался“, такъ сказать, до народа, до болѣе или менѣе простой рѣчи съ высотъ Парнаса, гдѣ позволялось говорить только неуклюжимъ образомъ.

Рѣчь эту Державинъ выдалъ за сочиненіе однодворца Захарьина съ тѣмъ, чтобъ произвести эффектъ открытіемъ народныхъ училищъ въ Тамбовѣ, чего и достигъ. Онъ искусно приготовилъ цѣлую сцену: когда торжественная процессія двигалась изъ храма въ училище, Захарьинъ вдругъ явился передъ нею и сказалъ: „Держаю остановить тебя, почтенное собраніе, среди шествія твоего“, и пошелъ, и пошелъ. Въ рѣчи этой есть мѣста характерныя, напр. о сходствѣ человѣка съ животнымъ: „Сію непостижимую сложность ни въ какихъ тваряхъ лучше, кажется, предопредѣлить не можно, какъ между дикими людьми и обезьянами. Въ самомъ дѣлѣ, ежели отнять даръ смысла и даръ слова отъ готентота, то какое животное ближе его сравнится можетъ съ орангутангомъ? Сія обезьяна какъ организація внутреннихъ чувствъ, такъ и наружнымъ устроеніемъ тѣла имѣетъ удивительное сходство съ человѣкомъ. Подобно и всѣ дѣйствія людей дикихъ весьма сходствуютъ съ механическимъ движеніемъ безсловесной твари“, и проч. Затѣмъ слѣдуетъ мастерская, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, характеристика неграмотной черни. „Не имѣя разширеннаго нужными свѣдѣніями разума, ни исправленнаго добрыми навыками сердца, весьма близко она подходитъ къ орангутангамъ,

югамъ, юкамъ и тому подобнымъ безмысленнымъ и безсловеснымъ животнымъ. Они или свирѣлствуютъ, устремляясь за добычею, или погружаются въ сонъ, насытаясь оною. Съ самаго начала свѣта лѣтописи царствъ земныхъ представляютъ намъ ее, въ разсужденіи различныхъ дѣйствій, подобною медвѣдицѣ, которую поводилицѣ, восхитивъ съ самой ея младости изъ берлоги, продѣвъ ей въ ноздри кольцо, вонзаетъ всюду за собою, то приласкивая ее пищею, то усмиряя дубиной, повелѣваетъ лежать или прыгать по своему произволу. Часто, напыляя слѣды свои кровью, разсвирѣлвѣвъ, растерзываетъ она и своихъ поводилицевъ. Часто, утомленная голодомъ, поневолѣ плясала, коверкалась и оказывала странныя дурачества, или, живя на свободѣ, скиталась по пустынямъ, бродила туда и сюда, съѣдала меньшихъ себя животныхъ и засыпала въ ямахъ. По силѣ и образности, это сравненіе черни съ медвѣдицею прекрасно: оно вырвалось у него также свободно, какъ вырывались у него иногда неподобные стихи, проникнутые жаромъ и смѣлостью, за которые на него косились и ворчали оны, превращаясь изъ вдохновеннаго поэта въ поденщика, спѣшить заглядывать ихъ пустозвонными и надутыми одами. Державинъ понималъ великое значеніе народныхъ училищъ и заставилъ однодворца Захарына восхвалять за основаніе ихъ Екатерину превыше всѣхъ прежнихъ государей и даже Петра: „Вы основали духовную и свѣтскую академію, а она—народныя школы! Вы обучали дворянъ и духовенство, а она, усугубя ваши заведенія, просвѣщаетъ чернь! Кто изъ васъ бо-
 лѣе?“ Есть въ этой рѣчи и черта времени, сильно отмѣченная Державиннымъ: „сія прозорливая монархія обратила челоуѣколюбивый взоръ свой на простой народъ, и, не взирая на адскую политику коварныхъ умовъ, что ни обогащать, ни научать черни не должно, повелѣла установить и открыть нынѣ народныя школы“. Адская политика коварныхъ умовъ, какъ видно, у насъ не со временъ „Вѣсти“: она тянется столѣтіе, усугубляясь и постоянно измышляя новыя пружины, и тогда нѣтъ возможности противустоять общему теченію, она, прикрываясь практическими цѣлями, яко бы одобренными всею Европой, суживаетъ рамки просвѣтительныхъ средствъ. Странно читать эту рѣчь, почти столѣтіе тому назадъ произнесенную: точно выходецъ изъ могилы становится передъ нами и ядовито-насмѣшливо улыбается и глумится надъ нами. Начало народнымъ училищамъ было положено въ 1786-мъ году, и съ того года вплоть до настоящаго времени народныя училища все еще въ зачаточномъ состояніи, какъ будто и не прошло съ тѣхъ поръ 86-ти лѣтъ...

Говоря о „Запискахъ“ Державина въ прошломъ году, мы старались показать, что при отсутствіи образованія, онъ обладалъ большимъ здравомысліемъ, которое помогало ему находиться въ важныхъ государственныхъ вопросахъ и подавать мнѣнія, заслуживающія внима-

нія. Напечатанныя въ этомъ томѣ „мнѣнія“ его и доклады какъ нельзя лучше это доказываютъ. Державинъ, конечно, былъ консерваторомъ, но консерваторомъ на свой образецъ, безъ тѣхъ строго проводимыхъ этой партіей принциповъ, которые дѣлаютъ ее столь антипатичною. Онъ былъ человѣкомъ чувства, а не убѣжденій, консерваторомъ-любовникомъ, консерваторомъ-славянофиломъ; въ немъ въ самомъ дѣлѣ было нѣчто славянофильское—искренняя любовь къ Россіи, вѣра въ ея будущее, честность, любовь къ народу; но все это въ той лишь мѣрѣ, въ какой подсказывало ему это чувство и подтверждалъ опытъ; и опытъ онъ держался какъ за якорь спасенія по той простой причинѣ, что онъ не могъ замѣнить его образованіемъ, котораго онъ не получилъ: „насъ научали тогда (т.-е. во время его юности), говорить онъ, вѣрѣ—безъ катихизиса; языкамъ—безъ грамматики; числамъ и измѣренію—безъ доказательствъ; музыкѣ—безъ нотъ и тому подобное. Книгъ, кромѣ духовныхъ, почти никакихъ не читали, откуда бы можно было почерпнуть глубокія и обширныя свѣдѣнія царственнаго правленія“. Онъ былъ самоучкой, отсюда и всѣ противорѣчія въ его воззрѣніи и жизни, отсюда его нѣсколько странный консерватизмъ, прерывавшійся довольно часто вспышками самого яраго либерализма; не даромъ же въ придворной сферѣ онъ слылъ иногда якобинцемъ. Былъ самоучкой, онъ не могъ себѣ усвоить идеала государственнаго человѣка достаточно: онъ носился передъ нимъ въ туманномъ образѣ настолько, что Державинъ хорошо понималъ, что не составляетъ истиннаго государственнаго человѣка, но не совсѣмъ хорошо, что составляетъ его. Доказательство этому мы находимъ также въ настоящемъ томѣ, именно „Разсужденія о достоинствѣ государственнаго человѣка“; оно сохранилось въ трехъ редакціяхъ, и всѣ онѣ не кончены. Державинъ предназначалъ его для прочтенія въ Бесѣдѣ любителей Р. Слова, соблазненный успѣхомъ сочиненія Шишкова о любви къ отечеству, читанномъ въ томъ же литературномъ обществѣ. Мы полагаемъ, что Державинъ не окончилъ этого сочиненія потому, что не могъ, потому, что у него не хватало данныхъ для обрисовки истиннаго государственнаго человѣка. „Онъ благочестивъ, изъ дѣтства напоенъ страхомъ божіимъ, яко началомъ всякой премудрости“—такимъ общимъ мѣстомъ началъ—было онъ упомянутую характеристику; но отрицательныя стороны типа государственнаго человѣка Державинъ представилъ ярко: „Я хочу изобразить, говоритъ онъ, не того любимца монарха, который близокъ къ его сердцу, обладаетъ его склонностями, имѣетъ рѣдкій и завидный случай разливать его благодѣянія, приобретаая себѣ друзей, ежели ихъ тѣмъ приобрести можно. Не того расторопнаго царедворца, который по званію своему лично обязанъ угождать государю, изыскивать для облегченія его тяжкаго сана пріятное препровожденіе времени, увеселенія, забавы, поддерживая порядокъ и вели-

ншіе двора его. Не того царскаго письмоводца, трудящагося тайно во внутреннихъ чертогахъ его, изливающаго въ красивомъ слоgъ мысли его на бумагу. Нѣтъ, но того открытаго, *обнародованнаго* дѣльца, который удостоенъ засѣдать съ нимъ въ совѣтахъ, имѣть право непосредственно предлагать ему свои умозрѣнія, того облеченнаго великою силою дѣйствовать его именемъ и отличеннаго блистательнымъ, но вкупѣ и опаснымъ преимуществомъ свидѣлствовать, скрѣплять или утверждать его высочайшіе указы своею подписью, отвѣчая за пользу ихъ честью и жизнію. Словомъ, я хочу описать посредника между трономъ и народомъ. Для чловѣка, только искусившагося въ практической жизни и видѣвшаго только свою русскую среду, эта задача была тѣмъ труднѣе, что въ дѣйствительной жизни не представлялось ему идеальнаго государственнаго чловѣка.

Между записками Державина, помѣщенными въ этомъ томѣ, первое мѣсто принадлежитъ, конечно, „Мнѣнію объ отвращеніи въ Бѣлорусіи голода и устройствѣ быта евреевъ“. Державинъ былъ отправленъ въ Бѣлоруссію на ревизію и мнѣніе это—результатъ его наблюденія. Мы и здѣсь встрѣчаемся съ тѣмъ же качествомъ Державина, о которомъ уже говорили: онъ рисуетъ настоящее положеніе края яркими чертами, отъ него не ускользнуло почти ничего изъ того, что дѣлаетъ положеніе народа тягостнымъ и невыносимымъ; какъ честный наблюдатель, какъ репортеръ, онъ исполнилъ свое дѣло замѣчательно хорошо; характеристики его бѣлоруссовъ, поляковъ и евреевъ вѣрны, иногда глубоки и проницательны, но онъ оказывается мало состоятельнымъ, когда приходится подавать совѣты для излеченія зла. Тутъ вы тотчасъ же видите чловѣка неглубокаго, выѣзжающаго на полуѣбрахъ и большого любителя пространной регламентаціи. Несмотря на это, записка его о евреяхъ имѣетъ значеніе и въ настоящее время: это одно изъ обстоятельныхъ изслѣдованій о евреяхъ, написанное русскимъ чловѣкомъ; многое изъ того, что замѣтилъ Державинъ у евреевъ ненормальнаго, вреднаго, несогласнаго съ общими законами, которыми управляется имперія, до сихъ поръ существуетъ и приносить такой же вредъ, какъ самому еврейскому населенію, такъ и той средѣ, гдѣ оно поселено. Державинъ справедливо говоритъ, что еврейскіе „кагалы—опасный status in statu, которыя благоустроенное политическое тѣло терпѣть не долженствуетъ: въ Пруссіи они уничтожены. Денежные сборы („священный“, коробочный, каширный) болѣе къ угнетенію ихъ народа, нежели къ пользѣ служить, и по собственному ихъ хвастовству, вино у корчмарей для простаго народа, а деньги для кабальныхъ у прочихъ, суть такіе мечи, противъ которыхъ рѣдко кто устоитъ“ и проч. Свое изслѣдованіе Державинъ сопровождаетъ цѣлымъ проектомъ новаго устройства евреевъ; этотъ

проектъ также заслуживаетъ вниманія, хотя въ немъ есть и курьезъ въ родѣ слѣдующаго, относящагося къ платью, которое должны носить евреи, во избѣжаніе среди нихъ роскоши: „первой гильдіи еврейскимъ купцамъ и ихъ женамъ носить шелковыя и другія всякія матеріи и украшаться драгоцѣнными камнями, также золотомъ и серебромъ; второй гильдіи шелковое платье, серебро и корольки; третьей гильдіи—бумажное, суконное и полотняное тонкое, бисеръ и прочія малыхъ цѣнъ вещи; четвертому классу, то есть поселянамъ, суконное, сермяжное и толстое холщевое. Хозяева однако могутъ употребить крашеные синюю краскою, но только не по жидовскому покрою“. Замѣчательна живучесть именно такихъ регламентацій: многимъ, что есть дѣйствительно дѣльнаго въ проектѣ Державина, до сихъ поръ у насъ еще не воспользовались, но параграфъ о платьѣ, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, какъ извѣстно, введенъ въ прошломъ году въ царствѣ польскомъ.

Въ „Мечтахъ о хозяйственномъ устройствѣ военныхъ силъ Россійской Имперіи“, есть также дѣльныя мысли, осуществляющіяся только въ настоящее время, какъ, напр., о необходимости практическихъ занятій для офицеровъ и генераловъ (стр. 453), или слѣдующій совѣтъ: „весьма недурно было бы занять войска работою за особенную убрѣнную плату, какъ-то строеніемъ крѣпостей, рытвемъ каналовъ, подчисткою лѣсовъ, исправленіемъ дорогъ и проч., ибо съ одной стороны сіе отвращало бы ихъ отъ праздности и разслабленія, а съ другой полезно было бы и землѣ“.

Объ отношеніи государства къ народному образованію. Сочиненіе *Антоня Окенского*, экстраординарн. профессора варшавскаго ун-в. Спб. 1872. Стр. 626 + II.

Книга эта очень кстати является въ настоящее время; она можетъ служить дополненіемъ „Самоуправленія“ князя Васильчикова по вопросу о народномъ образованіи, хотя нельзя сказать, чтобы особенно важнымъ дополненіемъ. Г. Окольскій задался широко: „я считалъ соотвѣтственнымъ,—говоритъ онъ,—сперва изслѣдовать историческія отношенія государства къ народному образованію, чтобы въ результатъ узнать, какія препятствія затрудняли распространеніе просвѣщенія въ народѣ; впослѣдствіи перейти къ изслѣдованію общихъ началъ, на которыя государство въ дѣятельности своей должно опираться; наконецъ, указать отношеніе государства къ отдѣльнымъ вопросамъ, представляющимъ въ дѣятельности его относительно народнаго образованія, указать, какое должно быть это отношеніе, чтобы удовлетворить вполне потребностямъ новаго общества“. Если въ этихъ строкахъ вы замѣтите не совсѣмъ стройную русскую рѣчь, то это не бѣда: профессора варшавскаго университета даже изъ русскихъ, какъ

г. Аристовъ, по-русски выражаются плохо; у г. Окольскаго языкъ постоянно хромаетъ, а масса опечатокъ въ его книгѣ вовсе не способствуетъ гармоніи его рѣчи; но у г. Окольскаго есть здравыя сужденія, тогда какъ у нѣкоторыхъ его товарищей и этого нѣтъ. Г. Окольскій ставитъ народное образованіе самою важною задачею государства и общества и беретъ эпиграфомъ въ своей книгѣ извѣстныя слова Ж. Симона: „Народъ, у котораго лучшія школы, есть первый народъ; если онъ сегодня не первый, то будетъ первымъ завтра“. Но, широко задавшись, г. Окольскій только повредилъ, въ нашихъ глазахъ, своему сочиненію; онъ хотѣлъ обнять вопросъ о народномъ образованіи въ его всемірной исторіи, и въ частности въ исторіи главнѣйшихъ европейскихъ государствъ; онъ дѣйствительно обнялъ его, но поверхностно, хотя въ изслѣдованіи его больше шести-сотъ страницъ; ему хотѣлось коснуться и грековъ и римлянъ, и начала христіанства, и среднихъ вѣковъ, и новѣйшаго времени; къ тому же подъ „народнымъ образованіемъ“ онъ разумѣетъ собственно образованіе низшихъ классовъ народа, образованіе вообще; естественно, что, задаваясь такимъ образомъ, онъ считалъ своею обязанностію написать нѣчто въ родѣ курса всеобщей исторіи по образованію; курсъ вышелъ въ однихъ мѣстахъ неполонъ и поверхностенъ, въ другихъ, менѣе важныхъ, слишкомъ пространенъ; еслибъ г. Окольскій лучше ориентировался, еслибъ онъ сосредоточился на одномъ новѣйшемъ времени и къ тому же не вносилъ въ свое сочиненіе нѣкоторыхъ избытковъ школьныхъ истинъ, то онъ могъ бы болѣе подробно остановиться на XIX-мъ вѣкѣ, когда собственно и выступилъ впередъ вопросъ о народномъ образованіи; книга его выиграла бы тогда и въ живости и въ ясности, ему не пришлось бы такъ разбрасываться, какъ дѣлаетъ онъ это теперь; разумѣется, во всему этому необходимо было бы владѣть русскимъ языкомъ лучше.

Несмотря однако на всѣ эти недостатки, мы должны сказать, что сочиненіе г. Окольскаго не бесполезно для русской публики оно резюмируетъ, иногда очень обстоятельно, исторію народнаго образованія и даетъ понятіе о развитіи школьнаго дѣла у нашихъ сосѣдей по Европѣ, и отчасти у сосѣдей по Великому Океану; въ немъ есть также нѣсколько замѣтокъ о народномъ образованіи въ Польшѣ. Новыхъ взглядовъ и новыхъ фактовъ можно и не искать у нашего автора; онъ большею частію компилируетъ, какъ и всѣ наши ученые; въ Европѣ столько выходитъ сочиненій по всѣмъ вопросамъ, что намъ, быть можетъ, ничего и не нужно, какъ только талантливо компилировать, да выбирать изъ массы вопросовъ такіе, которые наиболѣе намъ близки и необходимы въ данную минуту. Г. Окольскій выбралъ вопросъ очень хорошо, и если слабѣйшая часть его изслѣдованія — исторія русскаго просвѣщенія, то въ этомъ виновать не столько онъ,

сколько материалы и самая скудость этого просвѣщенія. Принимая вниманіе эту скудость, тѣмъ удивительнѣе показался намъ панегиричскій тонъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его изслѣдованія; онъ говоритъ напр., что мы сдѣлали „громадные шаги“ въ дѣлѣ народнаго образованія въ послѣднее время, хотя, какъ всѣмъ извѣстно, мы не сдѣлали ничего рѣшительнаго, ничего такого, что дѣлается въ настоящее время даже въ Австріи, даже въ Испаніи; не понимаемъ мы такихъ заботъ г. Окольскаго о томъ, чтобы народное просвѣщеніе было сосредоточено непременно въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, не понимаемъ тѣмъ болѣе, что самъ же г. Окольскій цитируетъ въ одномъ мѣстѣ статью г. Корнилова отъ 1862 г.; г. Корниловъ тоже стоялъ за централизацію учебнаго дѣла и приводилъ, между прочимъ, такой аргументъ: „мин. народ. просвѣщенія, по самому устройству своему, непричастно никакой другой спеціальной государственной дѣятельности, духовной или свѣтской“; г. Окольскій долженъ бы принять въ расчетъ, что если это такъ было въ 1862-мъ г., то не такъ оно въ настоящее время, когда мин. народ. просвѣщенія является причастнымъ дѣятельности духовной. За то намъ совершенно ясно, почему у г. Окольскаго данныя относительно народнаго образованія въ европейскихъ государствахъ довольно стары; подобно другимъ нашимъ ученымъ, г. Окольскій не обращался къ непосредственнымъ источникамъ, напр. къ официальнымъ отчетамъ, а выбиралъ что ему нужно было изъ тѣхъ изслѣдованій, которыя были у него подъ рукою. Такъ напр. свѣдѣнія объ Англіи относятся къ 1859—1862 г., а потому заключенія, построенныя на столь устарѣлыхъ данныхъ, выходятъ непригодными. Высчитывая расходы Англіи на народное образованіе, г. Окольскій приводитъ цифру 1862 г., именно около 800,000 фунтовъ стерл.; между тѣмъ было бы любопытно узнать, какъ колебалась эта цифра въ послѣдующіе годы; намъ извѣстно, что до 1869 г. она увеличилась, доходя до 636,306 ф. ст.; въ 1869-мъ г. она достигла 840,711 фунт. стерл., въ 1870 г. до 914,721 ф. стерл.; кромѣ того, правительство дало на ирландскія школы въ 1868 г. 360,195 ф. ст., въ 1869 г. — 373,950 ф. ст., слѣдовательно всего въ 1869—70 году правительство отпустило на народныя школы 1,288,671 ф. ст. или больше 9-ти мил. рублей, т.е. почти столько же, сколько у насъ расходуетъ на все образованіе вообще по мин. народнаго просвѣщенія. Г. Окольскій легко могъ бы добыть и болѣе свѣжія свѣдѣнія о прогрессѣ грамотности въ Великобританіи, чѣмъ тѣ, которыя онъ приводитъ, черпая ихъ изъ „Журн. мин. нар. просв.“ Для этого ему стоило бы только обратиться къ такому извѣстному сборнику, какъ „The Statesman's year-book“, гдѣ онъ нашелъ бы данныя не за 1865 г., какія онъ приводитъ, а за 1869 г., опубликованныя въ сентябрѣ 1871 г. Мѣркой для сужденія объ этомъ прогрессѣ служатъ брачные списки, на кото-

и женихъ и невѣста должны подписать свое имя или поставить свой собственный знакъ, въ случаѣ безграмотности. Въ 1841 г. на 100 бра-
къ приходилось грамотныхъ мужчинъ 67%, въ 1851 г. 69%, въ
1869 г. 75%; грамотныхъ женщинъ: въ 1841 г. 51%, въ 1851 г.
55%, и въ 1869 г. 65%. Возрастаніе довольно медленное, но тѣмъ
не менѣе эти факты, что они доказываютъ, какъ туго подвигается гра-
мотность даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ правительство тратитъ на на-
родное образованіе сравнительно много, и гдѣ общество, съ своей сто-
роны, не отстаетъ отъ правительства; какъ же медленно должно это
идти у насъ, гдѣ народныя школы получаютъ отъ правитель-
ства около 500,000 руб. и отъ общества около милліона и сколь преж-
двременно долженъ показаться намъ панегирикъ г. Окольскаго, о
чемъ мы упомянули выше...

Какъ бы то ни было, мы рекомендуемъ книгу г. Окольскаго вни-
манію читателей, которые найдутъ въ ней все-таки довольно обиль-
ный матеріалъ для соображеній и сравненій.

Городскіе общественные банки Россіи. Обзоръ ихъ дѣятельности по 1 января 1871
года. В. Я. Ососова. Спб. 1872. Стр. 192.

Городскіе банки существуютъ у насъ недавно; до 1857 г. число ихъ
не достигало и 20-ти; со времени нормальнаго положенія 1862 г. по 1870 г.
ихъ возникло 171 въ разныхъ городахъ имперіи; въ настоящее время
сѣтъ съ банками, возникшими до изданія Положенія 1862 г., всѣхъ
городскихъ банковъ считается 222. Ежегодно въ „Прав. Вѣстникѣ“
и „Ежегодникѣ Мин. Финансовъ“ появляются своды о дѣятельности
городскихъ банковъ, причемъ ежегодно же оказывается, что нѣсколько
банковъ не представили своихъ отчетовъ ни въ министерство вну-
треннихъ дѣлъ, ни въ министерство финансовъ. Являющіеся своды,
включая въ себѣ цифровой матеріалъ, расположенный по рубрикамъ:
„обороты банка“, „основной и запасный капиталъ“, „вклады“, „учетъ
векселей“, „ссуды“ и проч.; не давало массѣ читателей, помѣщаю-
щихъ свои деньги въ банкѣ, почти никакого сколько-нибудь яснаго
представленія о дѣятельности и прочности банковъ; вкладчики вѣрили
цифрамъ, не повѣряя ихъ, вѣрили рекламѣ, разносившимъ молву о
томъ или другомъ банкѣ. Книга г. Ососова есть первый опытъ кри-
тически отнестись къ банковымъ отчетамъ, повѣрить ихъ и составить
таблицы, изъ которыхъ положеніе банковъ становится яснымъ для вся-
каго читателя, непосвященнаго даже въ финансовыя операціи; кромѣ
того, г. Ососовъ указываетъ пробѣлы въ Положеніи о банкахъ, кото-
рыя даютъ возможность людямъ недобросовѣстнымъ злоупотреблять
доверіемъ публики и рисковать общественными вкладами, т.-е. гро-
здную сумму народнаго богатства. Вслѣдствіе этого книга г. Осо-

сова, помимо спорныхъ экономическихъ положеній, служащихъ введеніемъ къ его критической работѣ и, пожалуй, не нужныхъ въ такую работѣ, заслуживаетъ общаго вниманія. Общее заключеніе автора дѣятельности банковъ таково: „Доставляя кредитъ промышленному торговому люду провинціи, городскіе банки не всегда поступали достаточно нелицепріятно и тѣмъ самымъ не достигали далеко той пользы которую могли бы доставить всѣмъ, чему служить доказательствомъ неизмѣнившаяся нищета мѣщанъ и часто скандальныя обогащенія нѣкоторыхъ тузовъ, изъ губернскаго и уѣзднаго купечества. Дѣло въ томъ, что живительными средствами кредита эти господа распорядились себѣ въ карманъ, оставляя бѣдному обывателю одну будущую отвѣтственность за чужія увлеченія и ошибки. Неумытная справедливость казни, заводившей банки, не достигла своей цѣли, помочь всѣмъ, и бѣдному и богатому, тогда какъ этой цѣли достигнуть было куда какъ легко, еслибы лучше оградить интересы первыхъ и потуже связать черезъ-чуръ безцеремонныя руки послѣднихъ“. Но принесли ли городскіе банки пользу? Авторъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно, но „успѣхъ достигнуть цѣлю черезъ-чуръ большихъ беспорядковъ и, главное, бьющихъ въ глаза непрерывныхъ нарушенийъ правъ вкладчиковъ, жителей всей Россіи и самого городского общества, подвергающихъ себя всѣмъ послѣдствіямъ этихъ явленій“. Изъ 143 банковъ, отчеты которыхъ были у г. Ососова, балансы 47-ми, относительно основнаго капитала, несходны, несходны потому, что правленіямъ этихъ банковъ во что бы то ни стало хотѣлось показывать своимъ обществамъ или правительству, что они работаютъ съ барышемъ; у многихъ банковъ на 1 января 1870 и 1871 гг. наличность кассы были значительно менѣе, чѣмъ почти вся цифра тѣхъ процентовъ, которые уже выросли на вклады и которые они обязаны были ежедневно, безпрекословно выплачивать своимъ вкладчикамъ. Изъ таблицъ, составленныхъ авторомъ на основаніи банковыхъ отчетовъ, видно, что за два года (1869 и 1870 г.) у 31-го банка наличность кассы не могла удовлетворить своими ресурсами вкладчиковъ, еслибы они потребовали проценты; именно наличность кассы равнялась у нихъ 591,881 р., а процентовъ вкладчикамъ причиталось 1.459,704 р., т.е. недоставало 622,406 руб.; первое мѣсто между этими банками занимаетъ Иркутскій и Орловскій, изъ которыхъ у перваго недоставало на 1 янв. 1870 г. 32,370 р., и на 1 янв. 1871 г. 87,879 р., у втораго на 1 янв. 1870 г. недоставало 94,137, а на 1 янв. 1871 г. 84,702 р. Между банками, у которыхъ только на 1 янв. 1871 г. недоставало въ кассѣ денегъ на уплату процентовъ, первое мѣсто занимаетъ извѣстный Скопинскій банкъ, у котораго недоставало 108,111 р. Г. Ососовъ старается доказать и по нашему мнѣнію не безосновательно, что Скопинскій банкъ не по праву пользуется своей громкой репута-

дей, что значеніе этого банка, Воронежскаго и нѣкоторыхъ другихъ въслѣдствіе разчисленія барыша не на тотъ основной капиталъ, который ихъ правленіями угодно было заносить въ торговыя банковыя книги, а на тотъ, который имъ бы слѣдовало имѣть по этимъ книжкамъ, сильно падаетъ. „Банки эти оказываются, говорить г. Ососовъ, во вѣдѣсообразной успѣшности своихъ операцій, значительно ниже банковъ, о которыхъ вовсе никто и не слыхалъ и которые не тратятся на свои рекламы. Такъ мелко-уѣздные банки Рязанской губ., напр. Касимовскій и Зарайскій оказываются несравненно выгоднѣе для своихъ городскихъ обществъ и разумнѣе по своимъ операціямъ, нежели столько разъ превознесенный въ газетной рекламѣ Скопинскій“. Что городскіе банки работаютъ не на свое городское общество, видно между прочимъ изъ того, что въ Скопинскомъ банкѣ вкладовъ приходится на жителя 99 р., это въ маленькомъ, бѣдномъ городкѣ, имѣющемъ всего 9511 жителей; ни одинъ городъ русской имперіи не имѣетъ въ своихъ банкахъ и въ отдѣленіяхъ государственнаго банка относительно столько вкладовъ; въ Харьковѣ приходится по 10 р. на жителя, въ Рязани по 12 и проч.; для таблицъ г. Ососова не достаетъ одной, весьма существенной графы: такъ какъ городской банкъ отвѣчаетъ за исправность свою стоимостью всѣхъ своихъ имуществъ, то для правильнаго сужденія о прочности банка необходимо было бы представить стоимость городскихъ имуществъ. Любопытны двѣ таблицы, въ которыхъ банки распределены по умѣнью пользоваться вкладами; одна изъ нихъ составлена относительно ссудъ подъ процентныя бумаги, другая — подъ недвижимыя имущества; первое мѣсто по умѣнью пользоваться вкладами въ первой таблицѣ занимаютъ банки Каргопольскій, Рыбинскій, Чигиринскій, Либавскій, Петровскій, Ростовскій (Ярослав. губ.), Мологскій, Спасскій, Вольскій, Саратовскій и проч., во второй первыя же мѣста занимаютъ Балаклавскій, Каргопольскій, Чигиринскій, Усманскій, Воскресенскій, Лугскій, Пензенскій, Камышловскій, Хвалынскій, Шадринскій и проч. Скопинскій банкъ въ первой таблицѣ занимаетъ 145-е мѣсто, во 2-й 75-е, Воронежскій въ первой таблицѣ 32-е мѣсто, во второй — 13-е. Изъ другихъ городскихъ банковъ, извѣстныхъ своими огромными оборотами, въ первой таблицѣ Харьковскій занимаетъ 38-е мѣсто, Казанскій — 134-е, во второй Харьковскій — 78-е мѣсто, Казанскій — 129-е.

Повѣсти и рассказы *Д. В. Григоровича*. Въ семи томахъ. Спб. 1872.

Г. Григоровичъ принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, дѣятельность которыхъ вполне закончена; настоящее изданіе его сочиненій — есть такъ сказать памятникъ, воздвигнутый надъ писателемъ заживо;

Томъ V. — Сентябрь, 1872.

30

тутъ все, что онъ написалъ, начиная съ его „Деревни“, отъ котораго Бѣлинскій пришелъ въ восторгъ, и кончая послѣдними его повѣстями появлявшимися въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ и не обращавшими на себя ничего вниманія. Г. Григоровичъ давно не пишетъ, какъ бы сознавая, что его пѣсня спѣта; литературной критикѣ предложить теперь оцѣнить его дѣятельность и отдѣлить въ ней тѣ моменты, которые имѣли свое значеніе въ общей суммѣ русской литературной дѣятельности. Въ краткой замѣткѣ, мы не беремъ на себя этой задачи; заявляя о томъ, что вышелъ послѣдній томъ „Повѣстей и Разказовъ“ Д. В. Григоровича, что изданіе это окончено и достаточно изящно по своей внѣшности, мы ограничимся лишь нѣсколькими словами. Въ той благотворной из своимъ результатамъ литературной дѣятельности писателей сороковыхъ годовъ, которая стремилась къ пробужденію сознанія въ русскомъ обществѣ и привела, между прочимъ, къ освобожденію крестьянъ, г. Григоровичу принадлежитъ видное мѣсто. Не обладая ни талантомъ, ни степенью литературнаго развитія Тургенева, г. Григоровичъ, однако, былъ первый писатель, который взялъ для своихъ разказовъ бѣдствія крѣпостныхъ. Послѣ „Деревни“, страдавшей черезчуръ идиллическимъ элементомъ, онъ написалъ знаменитаго „Антонъ-Горемыку“, сильно испорченнаго цензурой, но извлекавшаго обильныя слезы изъ глазъ чувствительныхъ читателей. Эта повѣсть сдѣлала г. Григоровичу репутацію; за „Антономъ - Горемыкой“ слѣдовалъ рядъ небольшихъ разказовъ, въ которыхъ главными дѣятелями являлись либо крестьяне, сильно идеализированные, либо помѣщики, не столько типически, сколько баррикатурно представленные. Мы разъ ужъ выражали мнѣніе, что идеализація въ извѣстные періоды литературной дѣятельности, вещь не только законная, но необходимая. Еслибъ въ сороковыхъ годахъ появились реальные очерки гг. Успенскихъ, Сидоровыхъ, Рѣшетниковыхъ и проч., то они могли бы имѣть лишь отрицательное, а не положительное значеніе, они представили бы обществу, и безъ того расположенному считать крестьянъ за полу-людей, такіе типы, которые подтверждали бы въ массѣ такое убѣжденіе; вслѣдствіе этого идеализація крестьянской жизни, которую мы находимъ у Григоровича, Тургенева, Толстаго (Л. Н.) была какъ разъ въ-время и дѣлала свое дѣло быстро и прочно. Изъ трехъ названныхъ писателей, у г. Григоровича, какъ менѣе сильнаго таланта, идеализація было больше; она даже обращалась у него въ сентиментальность и приторность; оттого болѣе трезвые и болѣе художественные типы въ „Запискахъ Охотника“ заставили забыть типы г. Григоровича; но онъ и послѣ „Записокъ Охотника“ продолжалъ держаться той же среды, изображеніе которой сдѣлало ему репутацію. „Рыбаки“ и „Переселенцы“—два романа изъ крестьянской жизни, мѣстами не лишеныя поэзіи, правды и даже трагизма, исчерпали все содержаніе г. Григоровича; онъ обратился

в другой средѣ, но кромѣ легкихъ очерковъ, съ значительнымъ элементомъ каррикатуры, ничего не произвелъ, и остановился. Благо писалъ, который умѣетъ остановиться въ время; г. Григоровичъ сдѣлалъ достаточно; онъ не зарылъ своего таланта въ землю и принесъ извѣстную пользу своими произведеніями; онъ не создалъ ничего вѣчнаго, и ничего такого, что могло бы рассчитывать на продолжительное существованіе, но онъ былъ однимъ изъ тѣхъ второстепенныхъ работниковъ русской мысли, которые однако не забудутся исторіей русской литературы.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Gazette. La France. Nos fautes, nos périls, notre avenir. 2 vol. P. 1872.

Гдѣ причина тѣхъ бѣдъ и несчастій, которыя недавно обрушились на Францію и слѣдствія которыхъ долго не забудутся французамъ—вотъ вопросъ, на который отвѣчали цѣлыя сотни французскихъ статей, газетныхъ и журнальныхъ, брошюръ и объемистыхъ сочиненій; каждый по-своему старался разрѣшить этотъ вопросъ. Одни видѣли причину несчастій въ равнодушіи европейской дипломатіи къ тѣмъ принципамъ, которые должны быть священы и неприкосновенны; другіе обвиняютъ во всемъ вторую имперію, характеръ Наполеона III, его развращающую систему; легитимисты указываютъ на изгнаніе Карла X, какъ на начало бѣдъ, орлеанисты на 1848-й годъ, бонапартисты во всемъ обвиняютъ оппозицію, клерикалы все вваливаютъ на безбожіе; многіе убѣждены въ томъ, что будь у Франціи больше ружей и пушекъ, будь лучше укрѣпленъ Метцъ, Седанъ и Страсбургъ, будь Базенъ, Бурбаки и др. болѣе талантливыми военачальниками, будь Бисмаркъ менѣе ехидень—и страшная катастрофа не случилась бы. Каждое изъ этихъ мнѣній претендуетъ на непогрѣшимость и заключая въ себѣ, можетъ быть, крупицу правды, успѣвая объяснить одинъ-другой частный, второстепенный вопросъ, стремится наложить свой отпечатокъ на объясненіе событія, сложность и капиталность котораго не подлежитъ сомнѣнію. Но среди громадной массы сочиненій, весьма различныхъ и по направленію, и по характеру, и по объему, не много можно насчитать такихъ, которыя бы стремились охватить вопросъ во всей его полнотѣ, поискать корни не на поверхности, а въ глубинѣ, а главное—отрѣшиться отъ національных предразсудковъ и чувства оскорбленнаго патріотизма, взглянуть на Францію и ея побѣдителей безпристрастно, во всей полнотѣ показать

и своимъ и чужимъ тѣ слабыя стороны своего отечества, которыя требуютъ безотлагательнаго леченія. Книги и статьи съ такимъ направлениемъ во Франціи немногочисленны, и эта-то немногочисленность заставляеть тѣмъ болѣе обратить вниманіе на трудъ Гаспарена, представляющій собою счастливое исключеніе.

Гаспаренъ—другъ Людовика-Филиппа, значитъ орлеанистъ по убѣжденіямъ; но онъ удаляеть изъ своего сочиненія всякія личныя симпатіи, вполне освобождается отъ духа той партіи, къ которой принадлежить по традиціямъ своей молодости. Онъ даже заявляетъ, что республиканская форма, по его мнѣнію, самая подходящая для Франціи. Впрочемъ, форма управленія для него дѣло второстепенное, ей нужна сущность. „Преклоняясь передъ 89-мъ годомъ и его принципами говоритъ Гаспаренъ, не забудемъ, что тогда имѣли въ виду вовсе не форму. Болѣе думали тогда о насажденіи свободы, чѣмъ о взаимныхъ преимуществахъ монархіи и республики, и потому прежде всего сочли нужнымъ провозгласить права человѣка. Безчисленныя революціи должны были научить французовъ по крайней-мѣрѣ тому, что форма, обстановка, декорации большой цѣнности не имѣютъ“. Менѣе заботясь о формѣ, Франціи нужно позаботиться о томъ, чтобы познать себя и чтобы имѣть смѣлость признать свои недостатки, а затѣмъ и исправить ихъ. Съ горькою ироніею, со смѣхомъ сквозь слезы отзываясь авторъ о тѣхъ писателяхъ, которые своимъ мелочнымъ взглядомъ на вещи и патріотическими словоизверженіями затемняютъ дѣло самосознанія, способствуя такимъ образомъ не улучшенію, а ухудшенію отечества. „Они (писатели) жалуются на случай, а не на болѣзнь; они не допускаютъ, что въ исторіи почти нѣтъ случайности, и что все происходящее рождается изъ существовавшего; они не понимаютъ, что есть патріотизмъ выше того, который бѣгаетъ по улицамъ, распѣваетъ „Марсельезу“, мало заботясь о правотѣ и здравомысліи“. Такой патріотизмъ не приведетъ къ добру: онъ легче заключаетъ союзы съ традиціею, оставленною Франціи Наполеономъ I, мечтаетъ о побѣдахъ, объ увеличеніи территоріи, о подавленіи силою того, чего не можетъ взять умомъ. Франція, по мнѣнію Гаспарена, несчастна именно потому, что всякое свободное мнѣніе, несовпадающее съ патріотическимъ самовосхваленіемъ, навлекаеть на себя каждый разъ бурю, изъ опасенія которой многіе предпочитаютъ молчать. Эта тираниа извѣстнаго, разъ сложившагося мнѣнія порождаетъ цѣлую систему лжи и обмана. „Съ начала до конца войны намъ лгали, а мы выносили ложь: Паликао и Гамбетта объявляли постоянно о побѣдахъ, результатомъ которыхъ было все-таки отступленіе; изъ Метпа дѣлались блистательныя вылазки, Берлинъ сожигался французскими плѣнными; мы завоевывали Баденъ, король прусскій сходилъ съ ума, Бурбаки повелѣвалось истребить всѣхъ нѣмцевъ заразъ и т. д. Мы всегда

модовольные фразёры, не даромъ кто-то насъ называлъ „les rois de blague“.

Отсутствіе независимыхъ мнѣній во Франціи блистательнѣе всего разилось во время объявленія войны. Одинъ только голосъ Тьера давался въ пользу мира, все же остальное рукоплескало шовинисту-императору и восхищалось тѣми побѣдами, на которыя надѣялось. Какъ-бы забыли, что императоръ бросилъ вызовъ ради династическихъ интересовъ, а можетъ быть, и ради того, чтобы въ громадныхъ военныхъ расходахъ потопить разныя болѣе мелкія суммы, которыя не оказывалось въ казначействѣ. Военное сословіе (оно во Франціи именно сословіе, чуждое гражданскихъ интересовъ) жаждетъ нашеній и орденовъ; духовенство провозглашаетъ войну и старается придать ей религіозный оттѣнокъ, всѣ партіи примираются, лишь-бы только блеснуть военною доблестью и пріобрѣсть, хотя несправедливымъ путемъ, берегъ Рейна. А люди другого образа мыслей молчатъ, не смѣютъ высказаться противъ тиранніи общественнаго мнѣнія, а потому правдиваются тѣмъ, что говорить о мирѣ, послѣ того какъ шагъ въ эту сторону сдѣланъ, вредно. Что же должны были дѣлать люди, любящіе миръ и понимавшіе какъ несправедливость, такъ и опасность поступка правительства? „Вотъ что должно было быть ихъ программой: борьба противъ манифеста Граммона, борьба за миръ въ промежутокъ времени до формальнаго объявленія войны; борьба при посредствѣ газетъ, журналовъ, митинговъ, рѣчей до начала военныхъ дѣйствій; продолженіе этой мирной борьбы при каждомъ удобномъ случаѣ, вслѣдствіе каждой битвы“. Но ничего подобнаго во Франціи не произошло; даже Тьеръ, подавшій голосъ противъ войны, былъ, можно сказать, однимъ изъ главнѣйшихъ виновниковъ ея. „Онъ въ своихъ книжкахъ и рѣчахъ былъ всегда представителемъ нашего задорнаго патриотизма; онъ поддерживалъ у насъ Наполеоновскій культъ, восхищался могуществомъ Франціи, требовалъ всегда содержанія большаго флота и сильной арміи; онъ убѣждалъ, что при Садовѣ побѣждена Франція вѣстѣ съ Австріей, называлъ единство Германіи непереносимымъ зломъ, всегда враждебно смотрѣлъ на объединеніе Италіи; онъ поддерживалъ безпрестанно изношенный принципъ равновѣсія и ослабленія сосѣдей“. Итакъ—не только императоръ, но и большая часть выразителей общественнаго мнѣнія хотѣла войны; даже тотъ единственный человѣкъ, который протестовалъ противъ нея, говорилъ не въ интересахъ мира, а ради лучшей подготовки къ борьбѣ съ могущими сосѣдями. Что касается до людей истинно-миролюбивыхъ, то они молчали, не дерзая выступить со своимъ мнѣніемъ впередъ, и молчаніемъ совершили крупное преступленіе. „Но теперь, когда мы побѣждены, всякій изъ насъ кричитъ, что не хотѣлъ войны; императоръ не хотѣлъ, но долженъ былъ уступить народной волѣ; оппозиція не

хотѣла, но была увлечена одушевленіемъ законодательнаго корпуса провинціи увлеклись парижскимъ движеніемъ, которое въ свою очередь вышло изъ среды гаменовъ; военная партія ея боялась, клерикалы не хотѣла тоже, однимъ словомъ война явилась сама собою^а.

Разсматривая вопросъ объ испанской кандидатурѣ, Гаспаренъ обвиняетъ Францію въ придирчивости и исканіи повода къ войнѣ; Пруссіей и вообще Германіей онъ признаетъ вполне миролюбивое настроеніе, не брезгая даже подчасъ натяжками, чтобы вполне оправдать враговъ Франціи какъ до войны, такъ и во время войны, вѣроятно съ цѣлью сдѣлать еще болѣе яркимъ изобличеніе недостатковъ своихъ соотечественниковъ. Духъ задора и безпокойства всегда присутствую, по его мнѣнію, послѣднимъ, а Европа не любитъ подъ бокомъ у себя сосѣда, который страшитъ ее постоянно революціями, и успокоившись внутри, питаетъ завоевательные планы. Этимъ онъ объясняетъ и оправдываетъ равнодушіе Европы къ кровавымъ ранамъ Франціи и продолженіе Германіею войны послѣ Седана.

Итакъ—причины униженія Франціи старше, чѣмъ вторая имперія, сама она была слѣдствіемъ болѣзни, которую, впрочемъ, и усилила. Причины эти глубоко коренятся въ національномъ характерѣ французовъ, въ ихъ любви къ эффекту, непостоянствѣ, шовинизмѣ, тиранинствѣ общественнаго мнѣнія, централизаціи. Въ умственномъ отношеніи Франція сильно отстала отъ Германіи, а между тѣмъ, влюбившись въ самую себя, на подобіе Китая, не хотѣла знать, что дѣлается у сосѣда. „Теперь мы говоримъ о мести, объ отыгрышѣ. Прекрасно! увеличимъ армію и флотъ, вмѣсто того, чтобы уменьшить ихъ, будемъ разорять народъ большими налогами, будемъ централизоваться и, какъ прежде, возбуждать страсти, восхищаться иллюзіями, заботиться о завоеваніяхъ, отложимъ попеченіе о внутреннихъ дѣлахъ. И пока мы будемъ идти этою дорогою—нѣмцы пойдутъ своею и сдѣлаются еще болѣе просвѣщенными, еще болѣе сильными. Наконецъ настанетъ роковая минута, и вѣроятность нашего новаго пораженія удесятится. Я тоже отъ всей души желаю, чтобы Франція смыла стыдъ своего паденія, но я совѣтую начать съ леченія самой себя. Франція понизилась нравственно—пусть она повысится; Франція въ просвѣщеніи отстала—пусть она сравняется и превзойдетъ. Мы можемъ отыграть только путемъ реформы; будемъ помнить, что народы гибнутъ только отъ самоубійства, а не отъ вѣнскихъ враговъ.“ Далѣе авторъ продолжаетъ: „Мы не должны печально садиться на распутии и оплакивать кончину нашего народа, признавать въ паденіи нашемъ волю судебъ, опустить руки и стонать на рѣкахъ Вавилонскихъ. Мы должны бороться, провозглашать истину, разсѣвать мракъ невѣжества, лжи и ошибокъ, отгонять смерть признаками жизни. Не въ первый разъ намъ приходится переживать трудное время, не въ первый разъ ударила

казалось, послѣдній часъ Франціи; но она не умирала и опять-таки находила счастливыя минуты—минуты мира и свободы“.

Итакъ—радикальная реформа должна обновить Францію; разъясненію этой реформы посвященъ почти весь второй томъ сочиненія Гаспарена. Какъ ревностный протестантъ, Гаспаренъ нападаетъ на католическое духовенство, требуетъ прекращенія его ультрамонтанскихъ тенденцій и отдѣленія церкви отъ государства. Не менѣе важно дѣломъ онъ считаетъ децентрализацию и освобожденіе отъ гнета прека. „Американская свобода много выигрываетъ отъ того, что полиціе своею избрала небольшой городъ Вашингтонъ“. Федеративная система во Франціи невозможна, потому что она противурѣчитъ исторіи; поэтому коммунальная жизнь, сопровождаемая парламентскою представительствомъ (съ государемъ или безъ онаго—все равно) и отвѣтственность министровъ должна быть предпочтена. На парижское коммунальное движеніе авторъ смотритъ не иначе, какъ на начало требованія децентрализациі самимъ народомъ. Обязательное обученіе, свобода торговли, общая воинская повинность по образцу прусской—тоже непремѣнныя условія возрожденія Франціи тѣмъ болѣе, что они не только въ прямомъ смыслѣ будутъ вліять на нее благотворно, но и не могутъ во многихъ случаяхъ не изгладить тѣхъ пороховатостей французскаго характера (шовинизма, легкомыслія и т. д.), на которыя указано было выше. Но чтобы осуществить все это, нужно сознать свои заблужденія и недостатки, чего Франція, по мнѣнію Гаспарена, очень не любитъ. „А между тѣмъ сознаніе это, раскаяніе, необходимо. Пруссія послѣ Тильзитскаго мира изыскиваетъ свои недостатки и создаетъ широкую систему образованія, какъ народнаго, такъ и высшаго; Россія послѣ Севастополя оправляется успѣшно, но опять-таки путемъ реформъ: она уничтожаетъ крѣпостное право и подаетъ этимъ сигналъ къ столь значительному перерожденію, социальному и политическому, что и границъ его почти нельзя указать впередъ“.

П — чѣ.

НЕКРОЛОГЪ.

Петръ Петровичъ Пекарскій.

Смерть П. П. Пекарскаго была неожиданной и тяжелой потерей для русской исторической науки. Въ немногочисленномъ ряду нашихъ историковъ не стало дѣятеля, съ которымъ немногіе изъ нихъ могли сравниться неутомимымъ трудолюбіемъ въ своихъ изысканіяхъ. Его

послѣдняя болѣзнь состояла въ легкомъ нездоровьѣ, продолжавшемъ нѣсколько дней, за которымъ послѣдовала сильная холера: черезъ несколько часовъ страданій, онъ умеръ 12-го іюля.

Онъ родился въ маѣ 1827-го или 1828-го года, въ Оренбургскомъ краѣ, гдѣ поселились его предки, происходившіе, если не ошибаемся, отъ польской фамиліи. Его прадѣдъ по отцу попалъ въ плѣнъ къ Пугачеву, который велѣлъ содрать съ него живую кожу. Дѣдъ стороны матери былъ уфимскій губернаторъ Пеутлингъ. Пекарскій получилъ высшее образованіе въ казанскомъ университетѣ, по юридическому факультету, и кончилъ курсъ въ 1847-мъ году. Въ слѣдующемъ году онъ началъ свою службу, въ провинціи, сперва въ Оренбургѣ, потомъ въ Самарѣ, и затѣмъ въ концѣ 1851-го года перешелъ въ службу въ Петербургъ, гдѣ поступилъ въ канцелярію министерства финансовъ¹⁾.

Университетскій курсъ мало подготовилъ его въ тѣмъ предметамъ, которые стали его любимымъ занятіемъ. Казанскій университетъ не славился ученостью, и профессора повидимому мало внушали своимъ слушателямъ любви къ наукѣ. Въ исторіи студенчества это было такъ сказать героическій вѣкъ, въ которомъ не столько господствовала умственная работа, сколько развлеченія, нерѣдко довольно бурнаго свойства. Университетъ самъ вѣдалъ своихъ питомцевъ, которые, въ сознаніи своей автономіи, нерѣдко приходили въ столкновеніе съ мирными гражданами, а также и съ полиціей: университетская власть, когда было наконецъ нужно, дѣйствовала патріархально, но и съ эстетическою. Пекарскій любилъ бывало разсказывать объ этихъ оригинальныхъ правахъ, которые онъ видѣлъ еще въ полномъ цвѣтѣ и которые можно считать теперь почти исчезнувшими. Факультетъ, какъ мы сказали, мало привлекалъ слушателей; между прочимъ были еще профессора, выписанные изъ-за границы, напримѣръ одинъ профессоръ дипломатіи или международнаго права, незнавшій ни слова по-русски (онъ читалъ на французскомъ языкѣ) и которому студенты на экзаменѣ бойко отвѣчали „отче нашъ“ или „вѣрую“. Но одно имя выдавалось въ воспоминаніяхъ Пекарскаго, какъ имя замѣчательнаго, достойнаго наставника, которому онъ считалъ себя въ университетѣ наиболѣе обязаннымъ не только въ юридическомъ, но и всемъ вообще образо-

¹⁾ По формулярному списку, эта служба состояла въ слѣдующемъ. Онъ опредѣленъ, 22-го апрѣля 1848, въ оренбургское губернское правленіе помощникомъ столоначальника; 20-го октября того же года переведенъ въ самарскую удѣльную контору исправляющимъ должность городского депутата; 17-го февр. 1849 опредѣленъ исправляющимъ должность столоначальника въ той же конторѣ; 18-го ноября 1851-го года переведенъ въ канцелярію министра финансовъ старшимъ помощникомъ секретаря; 1-го іюня 1854 назначенъ помощникомъ главнаго бухгалтера канцеляріи, а 14-го іюня того же года младшимъ секретаремъ канцеляріи.

ни. Это былъ извѣстный Д. И. Мейеръ. Онъ былъ профессоромъ настоящемъ смыслѣ слова, какой нуженъ особенно въ русскомъ университетѣ; его лекціи были не однимъ сухимъ специальнымъ учебнымъ, напротивъ, съ изложеніемъ права, понимаемого въ самомъ широкомъ смыслѣ, онъ соединялъ цѣлые экскурсы изъ области со-
мѣненныхъ нравственно-политическихъ вопросовъ,—разумѣется, сколько было возможно въ тѣ времена. Пекарскій относился къ нему самыми теплыми воспоминаніями, которыя, какъ извѣстно, раздѣ-
лись всѣми вообще слушателями Мейера.

Когда мы познакомились съ Пекарскимъ въ Петербургѣ, въ зиму 1854 года, изученіе литературы было уже въ немъ господствующимъ интересомъ: вскорѣ, онъ сталъ все свободное время проводить въ Публичной Библіотекѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, когда для занятій еще не представлялось другой возможности, онъ былъ для насъ постояннымъ посѣтителемъ Библіотеки, какихъ безъ сомнѣнія не видала только немного. Вскорѣ по пріѣздѣ онъ познакомился съ А. Плетневымъ, отъ котораго ожидалъ полезныхъ совѣтовъ для многообразныхъ имъ занятій; потомъ присоединились знакомства въ тѣе молодомъ кругу. Объ одномъ изъ этихъ знакомствъ—съ писателемъ, нынѣ не дѣйствующимъ въ литературѣ—онъ, говорятъ, не писалъ до послѣднихъ годовъ, какъ такомъ, которое оказало тогда большое вліяніе на складъ его понятій и вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпило самую ревность его изученій. Занятія Пекарскаго съ самаго начала были трудныя занятія собирателя фактовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ надо было исполнить пробѣлы, оставленные казанскимъ университетомъ,—и уже въ это время онъ занимался исторіей и вновь изучилъ греческій языкъ, который понадобился въ его чтеніи старыхъ источ-
никовъ, и т. п. Въ этихъ занятіяхъ Пекарскій выказалъ большое усердіе, съ какимъ вообще онъ велъ всѣ свои работы. Но при всей сухости его изученій, въ это первое время онъ живо сочувствовалъ возникавшимъ стремленіямъ новаго поколѣнія, раздѣлялъ его надежды и самыя увлеченія, возбужденныя событіями временъ крымской войны. Въ послѣдніе годы мы видѣли его рѣдко; мнѣнія его становились, кажется, нѣсколько иной оттѣнокъ, и онъ исключительно предавался своей ученой и служебной карьерѣ.

Первые труды Пекарскаго печатались въ „Современникѣ“, въ послѣдніе пятидесятыхъ годовъ. Это были статьи о русскихъ мемуарахъ (запискахъ) XVIII-го столѣтія; затѣмъ замѣчательнѣйшими статьями его были здѣсь: „Петербургская Старина“, три статьи (Соврем. 1860, № 6, 7 и 10) и разборъ Исторіи Петра Великаго, Устрялова (Соврем., того же года). Онъ писалъ также и въ „Отечественныхъ Запискахъ“, гдѣ были имъ помѣщены статьи: „Баронъ Гюйсенъ, учено-литературный агентъ русскаго правительства въ началѣ XVIII-го вѣка (От. Зап. 1860,

№ 3); „Найбауеръ и его брошюра противъ Россіи (тамъ-же, № 12) „Представители кievской учености въ половинѣ XVIII-го вѣка“, и статьи (От. Зап. 1862, № 2 и 3).

Послѣднія названныя статьи были приготовленіями къ тому большому труду, который уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ занималъ Пекарскаго и остался замѣчательнѣйшимъ изъ его трудовъ. Это была извѣстная книга: „Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ“ (Спб. 1863, два тома), — одна часть которой заключаетъ въ себѣ богатый сборникъ фактическихъ свѣдѣній объ исторіи образованія при Петрѣ, а другая состоитъ изъ подробнаго библиографическаго описанія петровскихъ книгъ ¹⁾.

Это сочиненіе, представленное Пекарскимъ въ рукописи въ академію наукъ, получило полную Демидовскую премію и, кажется, еще и собіе на изданіе; затѣмъ сочиненіе было приобрѣтено отъ автора издано товариществомъ „Общественная Польза“.

Между тѣмъ, эти ученые труды такъ занимали Пекарскаго и требовали такъ много вниманія, что онъ, кажется, сталъ тяготиться своею службой въ министерствѣ финансовъ, и счастливый случай (если ошибаемся, содѣйствіе Ег. П. Ковалевскаго) далъ ему возможность найти служебныя занятія, которыя совершенно отвѣчали его интересамъ. По выходѣ въ отставку изъ прежней должности, 7-го февраля 1862 г. Пекарскій поступилъ, въ мартъ того же года, въ государственный архивъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, гдѣ онъ и оставался до послѣдняго времени ²⁾. Здѣсь его историческая любознательность находила полное удовлетвореніе, масса важныхъ и вообще мало доступныхъ матеріаловъ была громадная, и онъ началъ работать безъ устали.

Его ученые связи расширялись болѣе и болѣе. Въ 1858-мъ году онъ поступилъ въ число членовъ археологическаго общества въ Петербургѣ, и нѣсколько времени занималъ въ немъ мѣсто секретаря русскаго отдѣленія. Въ „Извѣстіяхъ“ Археологическаго Общества появилось также нѣсколько небольшихъ его статей и матеріаловъ археологическаго содержанія.

Занятія въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ уже вскорѣ доставили Пекарскому матеріалъ для новыхъ трудовъ. Такова была книга, составленная послѣ, но вышедшая ранѣе его книги о времени Петра: „Маркизь де-ла-Шетарди въ Россіи 1740—1742. Переводъ ру-

¹⁾ Проба этого описанія было помѣщена ранѣе въ Извѣстіяхъ II Отд. Академіи Наукъ.

²⁾ Онъ назначенъ былъ, 29-го марта, старшимъ архивариусомъ; затѣмъ 19-го апрѣля 1864 года начальникомъ отдѣленія архива; 1-го іюля 1863—дѣлопроизводителемъ VI класса въ госуд. архивѣ.

исныхъ депешъ французскаго посольства въ Петербургъ“, Спб., 1862.

Въ 1863-мъ году, 11 января, Пекарскій избранъ былъ въ адъюнкты академію наукъ, по отдѣленію русскаго языка и словесности; онъ прежде прошелъ академическія степени, и въ послѣднее время былъ ординарнымъ академикомъ ¹⁾. Для его трудолюбивыхъ изысканій представлялось теперь слишкомъ много матеріала: по своему положенію въ академіи, по службѣ въ государственномъ архивѣ, онъ имѣлъ въ рукахъ множество архивныхъ рукописей; различная обработка этого матеріала и составляла главную долю всѣхъ дальнѣйшихъ трудовъ Пекарскаго.

Мы укажемъ здѣсь вкратцѣ главные его труды, которые съ тѣхъ поръ исключительно печатались въ академическихъ изданіяхъ.

Въ 1863-мъ году имъ изданы были „Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II“.

Въ 1864—„Новыя извѣстія о В. Н. Татищевѣ“, съ его портретомъ, снимкомъ почерка; „Слово о полку Игоревѣ по списку, найденному между бумагами импер. Екатерины II“.

Въ 1865—„Путешествіе академика Н. И. Делиля въ Березовъ въ 1740 году“.

Въ 1866-мъ онъ издавалъ вмѣстѣ съ г. Гротомъ, къ карамзинскому изданію, „Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву“, съ большимъ количествомъ объяснительныхъ примѣчаній.

Въ 1867—„Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова“, съ портретомъ и снимкомъ почерка; „Редакторъ, сотрудники и цензоръ въ русскомъ журналѣ 1755—1764“.

Въ 1868—разныя бумаги для біографіи Ломоносова.

Въ 1869—„Дополненія къ исторіи масонства въ Россіи XVIII-го столѣтія“, составленныя по поводу книги г. Лонгинова, на основаніи бумагъ, находящихся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ; „Архивныя розысканія объ изображеніи несуществующаго нынѣ животнаго *Rhytina borealis*“.

Такъ какъ работы Пекарскаго почти съ самаго начала носили характеръ архивныхъ изслѣдованій и вращались почти исключительно на исторію образованія въ XVIII-мъ вѣкѣ, то черезъ нѣсколько времени по вступленіи его въ академію наукъ, ему предложено было взять на себя составленіе ея исторіи. Онъ много лѣтъ работалъ въ академическомъ архивѣ и результатомъ его трудовъ было сочиненіе, первый томъ котораго вышелъ въ 1870 году. Второй томъ „Исторіи императорской академіи наукъ“, который, по его обширности, предполага-

¹⁾ Экстра-ординарнымъ академикомъ онъ былъ избранъ 1-го мая 1864; ординарнымъ—4-го октября 1868.

лось раздѣлить на два отдѣльные выпуска, уже находился въ печати какъ извѣстно было по отчетамъ объ академическихъ засѣданіяхъ. Въ цѣломъ, этотъ трудъ обнимаетъ исторію академіи съ ея основаніемъ до 1767 года.

Послѣдними изданными трудами Пекарскаго были „Историческія бумаги К. И. Арсеньева“ (съ его біографіей) и „Бумаги императрицы Екатерины II“, отчетъ о которыхъ въ свое время былъ отданъ въ бібліографіи „Вѣстника Европы“. Это послѣднее изданіе предприятия было Русскимъ Историческимъ Обществомъ, и Пекарскій избранъ былъ его редакторомъ, при посредствѣ государственнаго канцлера кн. Голицынова.

Если во всему этому мы прибавимъ еще труды Пекарскаго по государственному архиву, состоявшіе въ описи порученнаго ему отдѣлу архива и также требовавшіе много вниманія, то количество сдѣланнаго Пекарскимъ оказывается очень велико. Исторія нашей науки отдастъ должное той ревности, какую вносилъ Пекарскій въ свои историческія изысканія. Изъ различныхъ отраслей историческаго знанія онъ выбралъ себѣ ту, въ которой мало привлекательнаго для обыкновенныхъ читателей, но которая даетъ необходимое основаніе для изслѣдованій. Это—разработка чисто фактическаго матеріала. „Неоспоримыя достоинства ученыхъ трудовъ Пекарскаго,—говоритъ одинъ изъ академическихъ его товарищей,—заключаются въ обиліи новыхъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ рукописныхъ источниковъ, въ полнотѣ, точности и достоинствѣ всѣхъ его показаній. Въ своихъ разсужденіяхъ онъ неизмѣнно руководствовался самою основательною, осторожною критикою, иногда доходившею, можетъ быть, до излишняго уваженія къ записанному факту, до преувеличеннаго опасенія позволить себѣ какую-нибудь догадку или смѣлое соображеніе. Поэтому всѣ труды его носятъ господствующій характеръ драгоценныхъ матеріаловъ, необходимыхъ для всякаго будущаго изслѣдователя, но не представляютъ того оживленнаго интереса, котораго неспеціалистъ ищетъ въ каждомъ чтеніи. Эту сторону своихъ трудовъ и отсутствіе въ нихъ художественнаго изложенія онъ самъ ясно сознавалъ, по крайней мѣрѣ въ послѣднее время, и еще незадолго передъ смертію говорилъ, что въ настоящемъ положеніи исторія русской литературы считаетъ наиболѣе нужными именно такого рода труды, составляющіе первоначальную основу для послѣдующей разработки предмета“¹⁾. Дѣйствительно, Пекарскій доводилъ до крайности свой приемъ; изъ опасенія сдѣлать ошибку, онъ оставлялъ свои изслѣдованія безъ выводовъ, которые освѣщали бы собранный матеріалъ и давали точку опоры для дальнѣйшаго изслѣдованія; съ дру-

¹⁾ Воспоминаніе о П. П. Пекарскомъ, Я. Грота, въ Слб. Вѣд. № 208.

стороны, заботясь исключительно о собираніи фактическихъ дан-
къ, онъ нерѣдко увлекался въ мало значительныя подробности.

Въ нынѣшнемъ году, 25-го апрѣля, въ ожиданіи петровскаго юби-
лей, совѣтъ казанскаго университета, за разъясненіе эпохи и значе-
тельности Петра I и вообще за заслуги на поприщѣ отечест-
венной исторіи, возвелъ Пекарскаго въ степень доктора русской ис-
торіи.

Его сожалѣнію, обширные труды, сдѣланные Пекарскимъ, не до-
шлись безъ жертвъ. Усиленные занятія, отъ которыхъ онъ давалъ
себѣ слишкомъ мало отдыха, подѣйствовали на его здоровье: лѣтъ
тому назадъ съ нимъ сдѣлался легкій параличъ, и онъ для леченія
былъ на нѣсколько мѣсяцевъ за границу; онъ поправился на время,
но лѣтъ его здоровье снова стало разстроиваться, и онъ не вы-
шелъ послѣдней болѣзни.

Пекарскій похороненъ былъ 15-го іюля, на кладбищѣ Новодѣвичь-
е монастыря.

А. Н.

ИЗВѢСТІЯ

Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Общее собраніе членовъ Общества 23-го апрѣля 1872-го года.

По открытіи собранія, секретарь общества прочелъ слѣдующій от-
четъ: „Мм. гг. Съ 1-го января текущаго года по настоящее число
комитетомъ Общества оказаны слѣдующія пособія:

Единоновременно выдано: одному лицу 400 р., одному 300 р., одному
50 руб., четыремъ по 100 р., одному 80 р., шести по 75 руб., де-
сяти по 50 р., двумъ по 40 р., одному 35 р., тремъ по 30 р. и двумъ
по 25 р., а всего 30-ти лицамъ 2,585 р.

Вдовѣ одного писателя назначено производить по 100 р. въ тече-
ніе двухъ лѣтъ.

На похороны двухъ писателей выдано 50 р.

На выдачу бѣднѣйшимъ и достойнѣйшимъ студентамъ харьков-
скаго университета отпущено въ распоряженіе совѣта этого универси-
тета 120 р.

Въ ссуду выдано двумъ лицамъ по 300 р.

Пенсія, въ 120 р. въ годъ, назначена вдовѣ молодого писателя,
пользовавшагося такимъ же пособіемъ со стороны Общества.

Одному лицу, по ходатайству председателя Общества, предостав-
лено мѣсто въ общественномъ установленіи.

Независимо отъ этихъ пособій, комитетъ сообщилъ двумъ редак-
ціямъ объ удовлетвореніи двухъ сотрудниковъ ихъ и, какъ видно изъ

письма одного изъ нихъ, часть причитавшихся ему денегъ имъ уже получена.

Наконецъ, комитетъ вошелъ съ представленіемъ къ управляющему морскимъ министерствомъ о назначеніи пособія находящейся въ крайней бѣдности дочери одного извѣстнаго русскаго мореплавателя.

Отклонено 18 ходатайствъ о пособіи.

Объявлена благодарность Общества: а) за содѣйствіе комитету Н. Х. Бунге, М. С. Каханову, Т. И. Музыкантову; б) за безвозмездное участіе въ устроенномъ въ пользу Общества и доставившемъ чистый прибыли 2,353 р. концертъ: Е. А. Лавровской, А. Н. Эсиповой, М. И. Раабъ, Ѳ. О. Лешетицкому и Л. Ауеру, и в) за продажу билетовъ на тотъ же концертъ магазинамъ Югансена, Бютнера, Базуновъ и Черкесова.

Послѣ того, казначеимъ Общества были доложены слѣдующія свѣдѣнія о состояніи кассы Общества: „По 2-го февраля 1872-го года въ кассѣ было 54,042 р. 29 коп. Поступило въ приходъ: въ февралѣ 1,961 р. 57 к.; въ мартѣ 1,740 р. 79 коп. и въ апрѣлѣ 3,799 р. 10 коп.“

Главныя статьи прихода были слѣдующія: пожалованные отъ Императорскихъ Высочествъ Государя Великаго князя Константина Николаевича и Государыни Великой княгини Александры Юсифовны 100 р.; отъ 126 членовъ Общества 2,217 р.; отъ П. П. Демидова 500 руб., отъ министра народнаго просвѣщенія 1000 р.; проценты съ капитала 984 р. 99 к.; процентныя деньги отъ редакцій „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ 100 р. и отъ „Отечественныхъ Записокъ“ 58 руб. 47 коп., и единовременно пожертвованные 28 р.; отъ концерта, даннаго 29-го марта, 2,353 руб.

Израсходовано: на пенсіи и единовременныя пособія и ссуды: въ февралѣ 1,225 руб., въ мартѣ 1,817 руб., въ апрѣлѣ 600, всего 3,832 руб.

Всего съ 1-го января по 23-го апрѣля 1872 г.

Записано на приходъ 62,803 р. 85 к.

Выписано въ расходъ 5,202 „ 10 „

Въ кассѣ на лицо 57,601 р. 75 к.

По выслушаніи этихъ отчетовъ, общее собраніе положило объявить члену комитета В. П. Гаевскому и секретарю Общества Г. К. Рѣпинскому благодарность Общества за труды ихъ по устройству концерта 29-го марта.

Засѣданіе комитета 23-го апрѣля 1872-го года.

1) Принято съ благоговѣйною къ Его Императорскому Величеству признательностью извѣщеніе г. министра народнаго просвѣщенія, что Государю Императору благоудно было благосклонно принять экземпляръ отчета Общества за 1871 г.

2) Выдано по 75 р. двумъ писателямъ, находящимся въ бѣдственномъ положеніи.

3) Выдано 30 р. въ пособіе молодому писателю, лишенному средствъ въ жизни.

4) Выдано 50 р. вдовѣ недавно скончавшагося писателя и предложено, во-первыхъ, принять мѣры къ помѣщенію ея сына въ учебное заведеніе, и, во-вторыхъ, просить министерство, въ вѣдомствѣ котораго служилъ покойный, о назначеніи пенсій его семейству.

5) Выдано 50 р. въ пособіе трудно-больному писателю.

6) Предоставлено председателю Общества выразить г. управляющему морскимъ министерствомъ чувства глубочайшей благодарности за назначеніе, по ходатайству комитета, пособия дочери известнаго русскаго мореплавателя.

7) Выдано двумъ писателямъ, находящимся въ бѣдности: одному р. и другому 25 р.

8) Принято съ благодарностью предложеніе М. М. Андреянова о въѣздѣ чтенія въ пользу Общества.

9) Заявлена благодарность Общества А. Н. Островскому за содѣйствіе его комитету.

Отчетъ казначея за апрѣль 1872 года.

Къ 1-му апрѣля состояло на лицо 54,702 р. 65 к.—Въ апрѣлѣ получено 4,295 р. 85 к., въ томъ числѣ: а) отъ концерта 2,353 р., б) взносов съ капитала 1,197 р. 85 к., в) взносы 37 членовъ—725 р., возвращено 20 р.—Израсходовано 850 р., въ томъ числѣ: пенсія 3 мая — 240 р., единовременныя пособия 10 лицамъ—580 р., и побѣ на воспитаніе 30 р.—Къ 1-му мая въ кассѣ 58,148 р. 50 к., въ томъ числѣ процентными бумагами 53,140 р., на текущемъ счету 42 р. наличными 966 р. 50 к.

Сѣданія комитета 22-го мая, 6-го и 20-го іюня, 4-го и 18-го іюля 1872 года.

1. Выданы пособия:

- 1) Вдовѣ писателя, на воспитаніе ея дочери, 50 руб.
- 2) Семейству писателя, лишенному пропитанія и вынужденному оставить квартиру, 50 руб.
- 3) Провинціальному писателю, обремененному семействомъ, 50 р.
- 4) Писательницѣ, находящейся въ болѣзненномъ состояніи, 100 р.
- 5) Вдовѣ учителя, только что оставившей больницу и немощующей средствъ къ жизни, 25 руб.
- 6) На воспитаніе сына писателя 75 руб.
- 7) Дочери покойнаго писателя, на покупку необходимыхъ матеріаловъ для работы, 25 руб.
- 8) На покупку одежды и бѣлья для воспитывавшейся на счетъ Общества и кончившей курсъ ученія дочери писателя 105 р.
- 9) На содержаніе больной дочери писателя 60 руб.
- 10) Провинціальному писателю, находящемуся въ бѣдности, 60 р.
- 11) Вдовѣ известнаго писателя, лишенной средствъ къ жизни, 100 р.
- 12) Двумъ писателямъ, находящимся въ бѣдности, одному 25 р., другому 40 р.
- 13) Молодому писателю, только что кончившему курсъ наукъ и немощующему еще опредѣленныхъ занятій, 40 р.
- 14) Писателю, лишившемуся должности, 50 р.
- 15) Сыну известнаго въ свое время писателя 75 руб.
- 16) На погребеніе пенсіонерки Общества 40 р.
- 17) Молодому человѣку, для окончанія его образованія, 75 руб.
- 18) На погребеніе сына пенсіонерки Общества 25 руб.
- 19) Переводщицѣ, на уплату долговъ, 50 р.
- 20) Известному писателю, находящемуся въ крайности, 200 руб.
- 21) Дочери писателя, на воспитаніе сына, 50 руб.
- 22) Писателю, находящемуся въ бѣдности 30 руб.

II. Отклонены ходатайства четырехъ лицъ, такъ какъ они не удовлетворяютъ условіямъ, при которыхъ выдаются пособія.

III. Изывлена благодарность Общества: доктору В. А. Манасиу за предложеніе свое постоянное содѣйствіе комитету, и М. М. Анненкову за устроенное имъ чтеніе въ пользу Общества.

IV. За смертью Б. И. Утина, избранъ казначеемъ Общества Тютчевъ.

II. ПРОГРАММА КОНКУРСА

Распорядительной Комиссіи III-го сѣзда русскихъ сельскихъ хозяевъ, въ

1. Во время III-го сѣзда русскихъ сельскихъ хозяевъ, въ Кіевѣ, будутъ происходить конкурсъ жатвенныхъ машинъ.

2. Конкурсъ назначается 23-го сентября текущего года.

Примѣч. День отменяется въ случаѣ ненастья.

3. Къ конкурсу допускаются жатвенныя машины какъ отечественныя, такъ и заграничныя.

4. По опредѣленію Комиссіи экспертовъ, изъ членовъ соотвѣстныхъ отдѣленій сѣзда, лучшей машинѣ присуждается золотая медаль, слѣдующей за нею по достоинству — серебряная медаль, тѣмъ же лучшимъ машинамъ — похвальные отзывы.

Примѣч. Медали — отъ Импер. Московскаго Об. Сельск. Хозяйства.

5. Отечественной машинѣ, при равныхъ прочихъ условіяхъ, отдано предпочтеніе.

6. Всѣ машины испытуются на одномъ и томъ-же полѣ по своей почвѣ и роду жатвы.

7. По желанію экспонента и членовъ экспертной Комиссіи можетъ быть повторенъ, но съ тѣмъ, чтобы заявленіе (экспонента) о повтореніи представлено до окончательнаго присужденія наградъ.

8. Желательно, чтобы при машинахъ представлены были обстоятельныя чертежи, для сокращенія труда и времени оцѣнки машинъ.

9. Машины, доставленныя позже 20-го сентября, будутъ допущены къ работѣ, но считаются *вне конкурса* и могутъ получить лишь почетный отзывъ о своей работѣ.

10. Экспоненты благоволятъ извѣстить распорядительную комиссію III сѣзда о участіи въ конкурсѣ не позже 15-го сен. по адресу: Кіевъ, Распоряд. К. 3-го сѣзда русск. сельскихъ хозяевъ.

Первое общее собраніе сѣзда назначается на 20-е сентября, 21-го по 30-е — засѣданія общія и по отдѣленіямъ; 30-го сентября послѣднее общее собраніе и закрытіе сѣзда.

М. СТАСОВИЧЪ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Атласъ всеобщей географіи. 99 таблицъ, изд. А. Линберга, Лейпцигъ, 1872.

Видеть атласъ, желая своимъ трудомъ въ предвѣдѣніи географіи въ современности этого слова, поставилъ себя задачею изобразить физическія и политическія части свѣта совокупными изображениями истинныхъ дарствъ природы и вымышленныхъ мѣстностей и городовъ. Такъ большая часть картинъ печатана по гравюрамъ подобныхъ нѣмецкихъ атласовъ, и въ изданіи вышло удовлетворительна; воспроизведеніе къ учебной цѣли, т. е. съ выборомъ номенклатуры, необходимой для преподаванія, но не для справокъ. Атласъ, по своей наглядности, карты большого характера и карты распространены, мѣры и важнѣйшихъ растений и въ Европѣ, кромѣ того, посвящены другія карты — этнографическая и промышленная говоря, трудъ г. Линберга оставилъ за собою тѣ небольшія попытки, которыя дѣлались въ его направленіи, и нельзя сказать, чтобы авторъ выполнилъ подобный трудъ отечественной географіи, для котораго у насъ иллюстрированные журналы оказываютъ ему такую же услугу, какъ и у насъ теперь готовы картины лейпцигскихъ изданій, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ изданію.

Историческія монастыри. Историческій очеркъ Оскара Піо. Перев. съ итал. Н. А. Перев. Спб. 1872. Стр. 476. Ц. 2 р.

Итальянская литература очень рѣдко привлекаетъ на себя вниманіе нашихъ переводчиковъ, указывая на настоящій переводъ, въ которомъ, по рѣдкости самаго явленія, истинный романъ Оскара Піо можетъ быть названъ патріотическая попытка изобразить историческую, въ полупатриотической манерѣ событія 1860 года съ его репортажомъ и освобожденіемъ Сициліи и Бурбонъ, паланушъ появленія Гарibaldi и интриги служить монастыри, — въ изданіи романа. Но въ наше время, когда литература сдѣлалась такой усѣбной, О. Піо неурядливо поражаетъ стабильность, къ которымъ прибѣгаетъ авторъ для большаго интереса въ читателяхъ. Неизвѣстности авторскаго воображенія придаютъ искусство переводчика, который поэтъ разговорахъ заставляетъ палерминскихъ и сицилійскихъ говорить другъ-другу: «ладно, ладно, раздобыться, расфудырить», и въ сдѣлать въ этихъ красотахъ, одинъ монастырь франтъ, другъ маркиса Белла-маре, въ русскомъ переводѣ, цитируетъ (невѣдомо!) строфы изъ извѣстной лакейской «Сударини, барыня, садите», и т. д. Это переводъ, а переводъ.

Элементарный курсъ практической механики. Е. Б. Мельникова. Спб. 1872. Ц. 2 р.

Второе изданіе, по замѣчанію автора, существенно отличается отъ изданія, которое имъ курсу

сельско-хозяйственныхъ машинъ, и въ тоже время предназначается какъ практическое руководство для тѣхъ, которые имѣютъ въ своемъ промыслѣ дѣло вообще съ механическими двигателями и потому нуждаются въ популярномъ ознакомленіи съ тѣми общими условіями, которымъ подчинена правильность и выгода работы на машинѣ. Самое изложеніе курса предполагаетъ въ читателѣ знакомство съ гимназическимъ курсомъ математики; примѣры, объясняющіе то или другое положеніе, заимствованы главнымъ образомъ изъ сельскаго хозяйства. Текстъ сопровождается постоянно рисунками, числомъ болѣе 200.

Руководство къ педагогической и гигиенической гимнастикѣ, по системѣ Линга, сост. В. Ухова. Дѣй части. Спб. 1870—72. Ц. 2 р. и 2 р. 50 к.

Нигдѣ, какъ у насъ, не пренебрегаютъ такъ истинно, что «въ здоровомъ тѣлѣ — здоровая душа». Наша публичная школа и до сихъ поръ мало заботится о гимнастикѣ, или лучше сказать, ограничивается пока одними заботами; а потому трудъ г. Ухова, которымъ могутъ воспользоваться родители, является весьма кстати. Не всякое движеніе полезно, и упражненіе тѣла требуетъ предварительнаго познанія приѣмовъ такого движенія; вотъ почему авторъ и посвятилъ свой трудъ главнымъ образомъ на разъясненіе тѣхъ общихъ условій, при которыхъ движеніе можетъ быть полезно не только здоровому, но и усилному развитію всего организма. Первая часть объясняетъ познания движенія; вторая — упражненія на снарядахъ; обѣ части сопровождаются многочисленными рисунками, наглядно дополняющими толкованіе текста. Главное управленіе военно-учебныхъ заведеній содѣйствовало изданію этой полезной книги для своихъ училищъ, и министерство народнаго просвѣщенія также признало ее въ число своихъ руководствъ. Намъ теперь недостаетъ хорошей образцовой школы, которая могла бы снабжать наши училища опытными гимнастами.

Сельскія ссудо-сберегательныя товарищества. Состав. А. В. Яковлева. 2-ое изданіе. Спб. 1872. Стр. 183. Ц. 40 коп.

Починъ весьма важнаго дѣла въ народномъ хозяйствѣ, каковыя является введеніе кредита въ его практику, принадлежитъ повгородскому земству; не прошло двухъ лѣтъ со времени заглашенія первой о томъ мысли, какъ она нашла себѣ отголосокъ во всѣхъ концахъ Россіи. Въ видахъ содѣйствія такому полезному дѣлу, былъ образованъ комитетъ при москов. общ. сельскаго хозяйства, который вскорѣ и выработалъ образцовый уставъ для ссудо-сберегательныхъ товариществъ и уставъ для постояннаго комитета о нихъ въ Москвѣ съ отдѣленіемъ въ Петербургѣ. Настоящая брошюра посвящена именно обзору дѣятельности земствъ по этому дѣлу и весьма толковому объясненію образцоваго устава. Къ новому изданію приложены: уставъ новаго комитета, различныя правила, вѣдомости объ оборотахъ товариществъ, уже открытыхъ, и сравнительная таблица дѣйствующихъ уставовъ. Эта полезная брошюра заслуживаетъ самаго широкаго распространенія въ обществѣ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

ПОДПИСКА НА „ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

НА 1872-ой годъ

ЗА РАСХОДОМЪ ВСѢХЪ ПОЛНЫХЪ ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ

ПРЕКРАЩЕНА.

ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ:

1. — «ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ» выходитъ перваго числа ежемѣсячно, отдѣльными книгами, отъ 25 до 30 листовъ: два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страницъ—шесть томовъ въ годъ. Для иногородныхъ подписчиковъ, книги сдаются въ Газетную Экспедицію въ теченіи первыхъ семи дней мѣсяца въ установленномъ числѣ трактовъ. Журналъ доставляется на почту съ адресомъ подписчика, въ овертюрѣ и съ двойною бандеролью, бумажною и веревочною.

2. — **ПЕРЕМѢНА АДРЕССА** сообщается въ редакцію такъ, чтобы извѣстіе успѣло до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностью извѣстить редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой Конторѣ свой новый адресъ для дальнѣйшаго отправленія журнала, а редакцію извѣстить о перемѣнѣ адреса для слѣдующихъ номеровъ. При перемѣнѣ адреса, необходимо указывать мѣсто прежняго отправленія журнала, и съ какого номера начать перемѣну.

Примѣчаніе. — По почтовымъ правиламъ, городскіе подписчики, переходя въ иностранныя, платятъ 1 р. 50 к. а иногородные—въ городскіе 50 коп.

3. — **ЖАЛОБА**, въ случаѣ неполученія книги журнала въ срокъ, препровождается въ редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы, или штампемъ. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ въ Газетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою; но безъ свидѣтельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно согласоваться съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи отбитаго оттиска.

Примѣчаніе. — Жалоба должна быть отправлена никакъ не позже полученія слѣдующаго номера журнала; въ противномъ случаѣ, редакція лишится возможности удовлетворить жалобу.

М. СТАСЮЛЕНКЪ

Издатель и отвѣтственный редакторъ

РЕДАКЦІЯ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ»:
Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Невскій просп., 30

ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ ПОЛИТИКИ.
ЛЕТУРЪ.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 10-я.

ОКТАВРЬ, 1872

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 10-я. — ОКТЯБРЬ, 1872.

- I. — РОЛЛА. — Поэма Альфреда де-Мюссе. — В. Н. Буренина
- II. — РУССКИЕ И ЯПОНЦЫ НА САХАЛИНѢ. — Дневник Н. В. Буссе
- III. — АЛЕКСѢЙ СЛОБОДИНЪ. — Семейная исторія. — Часть первая. — Ш. Альминов
- IV. — КЭРИ И ЕГО ТЕОРИЯ. — I-VI. — Ю. Г. Жуковского
- V. — ЧУМАКЪ ВЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСНЯХЪ. — Этнографическій очеркъ. — VI-3
Окончаніе. — П. Я. Рудченко
- VI. — АНГЛІЯ ВЪ КНИГѢ ТЭНА. — III-V. — Е. Н. Утina
- VII. — ОТЪ АТЛАНТИЧЕСКАГО ДО ТИХАГО ОКЕАНА. — I-III. — Эд. Цаннер
- VIII. — ХРОНИКА. — МЕЖДУНАРОДНЫЙ СТАТИСТИЧЕСКІЙ КОНГРЕССЪ
ПЕТЕРБУРГЪ. — Восьмая сессія. — II. — W.
- IX. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Столѣтній юбилей воспитательнаго дома
Петербургъ. — Взглядъ на исторію этого учрежденія. — Новѣйшія преобразе-
нія пенит. — Сельскія судо-сберегательныя товарищества. — Докладъ вл. А. А.
Сильчинова. — Отчеты товариществъ. — Нынешнее положеніе этого дѣла
- X. — ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Свиданіе трехъ императоровъ. — Оффиціаль-
ныя отзывы и слухи. — Заявленіе гр. Андраши. — Панславистскія стремленія.
Новый великій визирь. — Болгарскій вопросъ. — Совершеннолѣтіе кн. Милана.
Сербскія дѣла. — Мариенбургскій праздникъ. — Баварское министерство. — Ту-
тейскій судъ въ Женевѣ. — Французскіе монархисты. — Письмо К. Перье.
Адресы. — Коммиссія собранія. — Тьеръ у Гизо и Тьеръ въ Гаврѣ
- XI. — ЖЕЛѢЗНАЯ ДОРОГА НА РИГИ-КУЛЬМЪ. — Изъ воспоминаній туриста.
А. С.—ий
- XII. — КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА. — Берлинскіе праздники.
Внутренняя политика. — К.
- XIII. — КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ФЛОРЕНЦІИ. — Италія и ея внѣшнія
отношенія. — В. Г.
- XIV. — РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. — Двѣ варшавскія диссертации. — Ве-
дованіе г. В. Вейнберга, и сочиненіе г. М. Левестама. — А. Н. Веселовскій
- XV. — НОВЫЯ КНИГИ. — Статистическій Временникъ Россійской Имперіи. — Со-
матическая
- XVI. — ИЗВѢСТІЯ. — I. Общество для пособія пугающимся литераторамъ и ученымъ. —
II. Подписка на памятникъ Пушкину. — III. Конкурсъ на проектъ памятника
Пушкину
- XVII. — БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ и ПРИЛОЖЕНІЯ см. ниже: I-VI стр.

ОВЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА ВЪСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1873-мъ году.

ВОСЬМОЙ ГОДЪ.

ВЪСТНИКЪ ЕВРОПЫ*, сохраняя прежнюю свою
журнала исторіи, политики, литературы, будетъ,
будущемъ 1873-мъ году, издаваться въ томъ же объ-
емѣ тѣ же сроки: 12 книгъ въ годъ, составляющихъ
томовъ, каждый около 1,000 стр. большого формата.

ПОДПИСКА НА ГОДЪ:

1) БЕЗЪ ДОСТАВКИ.

— въ Конторѣ редакціи при книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Ба-
зунова, въ С.-Петербургѣ (на Невскомъ просп., 30).

2) СЪ ДОСТАВКОЮ НА ДОМЪ.

— въ Конторѣ редакціи, въ С.-Петербургѣ, и въ книж-
номъ магазинѣ И. Г. Соловьева, въ Москвѣ.

Примѣчаніе. Для избѣжанія ошибокъ въ адресѣ, покорно
просятъ подавать въ упомянутыя мѣста своей адресъ письменно,
а не диктовать, подробно обозначая при этомъ названіе улицы
и номеръ дома и квартиры.

3) СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ ГУБЕРНІИ.

— высылаются по почтѣ, исключительно въ редакцію
«Вѣстника Европы» — въ С.-Петербургъ, Галерная, 20—
для пересылки журнала въ губерніи и г. Москву, чрезъ
Газетную Экспедицію.

Примѣчаніе. Гг. иногородные, имѣя случай подписаться лично,
или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ, обращаются въ Контору
редакціи.

4) СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ЗА-ГРАНИЦУ.

Личные подписчики высылаютъ подписную сумму по почтѣ
прямо въ редакцію, а лично подписываются въ кн. магаз.
А. Ѳ. Базунова: за годовой экземпляръ съ пересылкою
подъ бандеролью, въ Германію и Австрію — 19 руб.; въ
Бельгію, Нидерланды и Придунайскія княжества — 20 руб.;
въ Францію и Данію — 21 руб.; Англію, Швецію, Испанію,

Португалию, Турцію и Грецію—22 руб.; въ Швейцаріи 23 руб.; въ Италію—24 рубля.

Примѣчаніе. Заграничные адреса доставляются письменно и на одномъ изъ иностранныхъ языковъ. Въ Финляндіи слѣдуетъ подписываться чрезъ мѣстный почтампъ, какъ то могутъ дѣлать вообще всѣ заграничные подписчики.

Подписчики получаютъ отъ Конторы билетъ, вырванный изъ книжки: только при предъявленіи такого билета, или при сообщеніи о немъ, редакція отвѣчаетъ безусловно за свою Контору.

ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ.

1. Редакція покорно проситъ, при доставленіи адреса, если подписчикъ живетъ не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ, не всего называть ту ближайшую отъ него Почтовую Контору, а *только* допустить раздачу журналовъ и газетъ, съ указаніемъ, она губерніи и уѣзда, и за тѣмъ свое мѣстожителство.

2. Переменная адреса должна отправляться въ редакцію, смотря по разстоянію, такъ, чтобы извѣстіе пришло въ Петербургъ не какъ наканунѣ выхода книги (т. е. наканунѣ всякаго перваго мѣсяца); въ случаѣ невозможности извѣстить редакцію заблаговременно, просить сообщать предъ выѣздомъ свой новый адресъ, ближайшей книги, своей Почтовой Конторѣ, и въ тоже время извѣстять редакцію о переменѣ для слѣдующихъ книгъ.

3. Въ случаѣ неполученія книги, просить, на основаніи помѣщенного распоряженія Почтоваго Департамента, сообщать редакцію жалобу, засвидѣтельствованную въ мѣстной Почтовой Конторѣ; *никакъ не позже полученія слѣдующаго нумера журнала.* Въ такомъ случаѣ редакція высылаетъ вторично экземпляръ съ поштомъ, не ожидая конца слѣдствія о потерѣ перваго экземпляра.

4. Желающіе имѣть билетъ отъ редакціи на полученіе журналовъ прилагаютъ для пересылки билета почтовую марку въ 10 коп.

ОТЪ ПОЧТОВАГО ДЕПАРТАМЕНТА.

Для предоставленія Почтовому Вѣдомству возможности *удовлетворять* жалобы подписчиковъ на русскія періодическія изданія о неполученіи какого-либо нумера сихъ изданій, Почтовый Департаментъ проситъ редакціи довести до свѣдѣнія своихъ подписчиковъ, чрезъ печатаніе въ издаваемыхъ ими газетахъ и журналахъ, что заявленія о неполученіи подписчиками какого-либо нумера періодическаго изданія должны дѣлаться своевременно, т. е. *не позже какъ по полученіи слѣдующаго нумера*, подобно тому, какъ это установлено для заявленій о неполученіи газетъ и журналовъ иностранныхъ.

С-Петербургъ. 1 октября 1872 г.

М. СТАСЮЛЕВИЧЪ
Издатель и отвѣтственный редакторъ

РОЛЛА

Поэма Альфреда де-Мюссе.

I.

Жалѣете-ль вы время оно,
Когда на землю съ облаковъ
Сходили веселый сонмъ боговъ?
Когда среди морского лона
Киприда, дочь волны, вслыла,
Красою дѣвственной сіяя,
И слезы матери съ чела
И съ золотыхъ кудрей роняя,
Въ міръ наслажденье пролила?
Жалѣете-ль вы время это,
Когда, сплетаясь въ хороводъ,
Плескались нимфы среди водъ,
Въ сіяньи солнечнаго свѣта,
И лаской рѣзваго привѣта
Манили фавновъ, въ тростникѣхъ
Танвавшихся невдалекѣхъ?
Когда сильваны съ звонкимъ смѣхомъ
Качались въ зелени лѣсной
И пѣсню путника, порой,
Обманчивымъ дразнилъ эхомъ?
Когда Нарциссъ ручья кристалъ
Лобзалъ, исполненъ страстной дрожи;
Повсюду Геркулесъ блуждалъ
И вѣчной правды судъ свершалъ,

Одѣвшись въ плащъ изъ лвиной кожи?
 Когда весь міръ одушевленъ
 Былъ поклоненіемъ святынь
 И беззавѣтно вѣрилъ онъ
 Тому, что отвергаетъ нынѣ;
 Когда одинъ лишь Прометей —
 Братъ старшій Сатаны — страданью
 Былъ обреченъ среди людей,
 Безпечно жившихъ счастьемъ данью?

Жалѣете ли вы о дняхъ
 Чудесныхъ времени иного,
 Когда все измѣнилось снова
 И на землѣ и въ небесахъ?
 Когда могилой міра стала
 Его бывшая колыбель;
 Когда отъ сѣвера мятель
 Повѣяла и разметала
 Въ развалины могучій Римъ,
 И мрачнымъ саваномъ своимъ
 Его величіе сокрыла?
 Когда ночь варварства, потомъ,
 Прошла, и, будто дня свѣтило,
 Возстала въ блескѣ золотомъ
 Жизнь юная; когда услышалъ
 Усопшій міръ глаголъ Христовъ
 И, сбросивъ гробовой покровъ,
 Какъ Лазарь, изъ могилы вышелъ?

Жалѣете ли вы о дняхъ,
 Когда на золотыхъ крылахъ
 Вспорхнули наши пѣснопѣнья
 Въ край очарованный чудесъ?
 Когда такъ радостно съ небесъ
 Свѣтило солнце возрожденья,
 И жизнь въ его лучѣ живомъ
 Сіяла дѣвственностью чистой?
 Когда надъ храмомъ и дворцомъ
 Крестъ возносился золотистый —
 Символъ спасенія и добра?
 Когда и въ Страсбургскомъ соборѣ
 И въ храмахъ Кёльнскомъ и Петра
 Народы всѣ въ единомъ хорѣ

Сливали дружно голоса,
 И дивный гимнъ во славу вѣка
 И обновленья челоуѣка
 Летѣлъ съ земли на небеса?
 Когда бѣлѣлися распятъ
 Слоновой кости съ алтарей
 И пригвожденный Назорей,
 Казалось, простираетъ объятья
 Къ толпѣ молящейся; когда
 Жизнь, послѣ сна открывши вѣжды,
 Была свѣтла и молода,
 А смерть исполнена надежды?

Христось! Христось! Я не изъ тѣхъ,
 Кто входитъ робкими стопами
 Въ твой храмъ безмолвный, и утѣхъ
 Для скорби сердца ищетъ въ храмѣ.
 Я не изъ тѣхъ, кого твоя
 Влечетъ Голгоа, кто лобзая
 Твой крестъ и въ грудь себя бѣя
 Къ тебѣ приходитъ... Нѣтъ, когда я
 Стою подъ портикомъ святымъ,
 Гдѣ сонмъ молящихся колѣни
 Склоняетъ предъ лицомъ твоимъ
 Подъ звуки тихіе моленій,
 Какъ клонится, порой, тростникъ
 Подъ лаской вѣтерка морского, —
 Христось! мнѣ чуждо въ этотъ мигъ
 Твоихъ молитвъ святое слово!
 Увы, я поздно родился,
 Я встрѣтилъ жизни увяданье,
 И не являютъ небеса
 Мнѣ ничего для упованья.
 Смѣнился вѣкъ надеждъ святыхъ
 На вѣкъ безстрашнаго сомнѣнья,
 И ангеловъ, Христось, твоихъ
 Низвергъ онъ въ бездну разрушенья!
 И славы блескъ твоей погасъ:
 Ты на крестѣ висишь предъ нами,
 Еще удержанный гвоздями,
 Но, мнится, свергнется сейчасъ
 Твой ликъ и прахомъ распадется!...

Да! Но пускай мои уста
 Прильнуть къ подножію креста,
 И пусть моя слеза прольется
 На этотъ прахъ! Христось, внимли!
 Я, рабъ безвѣрья и сомнѣнья,
 Я возношу къ тебѣ моленья
 О возрожденіи земли!
 Своею смертію когда-то
 Ты далъ ей жизнь; теперь она
 Вновь тлѣнію обречена.
 О, Исусъ уже-ль, возврата
 Ей къ прежнему спасенію нѣтъ,
 Уже-ль одряхшимъ поколѣніямъ
 Вновь не заблещетъ жизни свѣтъ?

Теперь, какъ предъ твоимъ рожденіемъ,
 Опѣненъ весь міръ. Лежитъ
 Онъ Лазаремъ въ гробницѣ спова,
 И ждетъ опять Господня зова;
 Но гдѣ же Тотъ кто воскреситъ
 Его небесной силой слова?
 Гдѣ Павелъ, что отжившій Римъ
 Вновь привлечетъ любви глаголомъ
 Къ священнымъ рубищамъ своимъ?
 Надъ кѣмъ заблещетъ ореоломъ
 Вѣнецъ мученья? Языкомъ
 Изъ пламени падъ чьимъ челою
 Духъ возгорится благодатный?
 У чьихъ, о Магдалина, погъ
 Прольешь сосудъ ты ароматный?
 Гдѣ между нами новый богъ?

Земля стара, земля устала;
 Боль жгучихъ недуговъ и ранъ
 Ее терзаетъ, какъ бывало,
 Когда въ пустынѣ Іоанпъ
 Повѣдалъ близость Назорея;
 Но въ оны дни была она
 Отъ словъ его потрясена
 И, будто женщина, блѣднѣя,
 Почуяла средь пѣдръ своихъ,
 Какъ новый міръ въ ней вострепенулся...
 Теперь же вновь къ землѣ вернулся

Весь сонмъ скорбей вѣковъ былыхъ,
 Но человѣческой надеждѣ
 Уже нѣтъ силъ питать дѣтей:
 Давно зачахла грудь у ней,
 Гдѣ былъ источникъ жизни прежде,
 И въ утомленіи пѣмощъ
 Она заснула тяжкимъ сномъ.

II.

Въ Парижѣ, гдѣ средь стогновъ шумныхъ
 Кипятъ распутство и пороки,
 Жакъ Ролла межъ гулякъ безумныхъ
 Безумнѣйшимъ пазваться могъ.
 Любилъ бродить опъ по тавернамъ,
 И выпивши бутылку строй,
 При блескѣ фопарей певѣрномъ
 На столъ склоняться головою,
 Иль въ кости тѣшиться игрою.
 Не Жакъ своею жизнью правилъ:
 Отдавшись разъ во власть страстей
 Онъ ихъ потоку предоставилъ
 Стремленья юности своей;
 Такъ дремлющій пастухъ порою
 Глядитъ безпечно, какъ ручей
 Волну уноситъ за волною...
 И страсти въ тѣлѣ молодомъ
 Зажглись и поселились въ немъ,
 Какъ путниковъ толпа хмѣльная
 Въ гостиницѣ: то за столомъ
 Она бушуетъ, разбивая
 Посуду, мебель; то порой
 Дерется на смерть межъ собой,
 То будто птицъ веселыхъ сталъ,
 Грозою загнанная въ кустъ,
 Поетъ безъ умолку...

У Роллы

Родитель былъ дворянчикъ; пусть
 И вѣтрякъ, онъ свой вѣтъ веселый
 Провелъ, балуя барскій нравъ,
 Спустилъ имѣнья половину

И умеръ, сыну передавъ
 Лишь то, что нужно дворянину —
 Привычку къ роскоши. Въ одинъ
 Прекрасный день нашъ дворянинъ
 Остался полнымъ господиномъ
 Своей особы въ двадцать лѣтъ.
 Талантомъ или знаньемъ свѣтъ
 Не могъ дивить онъ ни единымъ,
 И не хотѣлъ: ему смѣшнымъ
 Казался трудъ. Онъ понемногу
 Добромъ наслѣдственнымъ своимъ
 Какъ баринъ важный жилъ, и Богу
 Былъ очень благодаренъ онъ,
 Что бариномъ въ сей мѣръ рожденъ. —

Однажды Гераклъ, свой путь
 Свершая, въ тяжкомъ утомленнѣ
 Съѣлъ у дороги отдохнуть;
 Ему предстало Наслажденье:
 Оно звало его къ себѣ,
 Оно манило лаской страстной,
 Но онъ, оставшись твердъ въ борьбѣ,
 За Правдой вѣчной и прекрасной
 Направилъ вновь свой вѣрный слѣдъ.
 Въ нашъ вѣкъ печальный въ мѣръ нѣтъ
 Ни вѣчной правды, ни святости,
 Нѣтъ больше ни добра, ни зла:
 Намъ не за что бороться нынѣ;
 Куда бы насъ ни повлекла
 Рѣка холодная забвенья —
 Надежды нѣтъ, и нѣтъ спасенья:
 Мы захлебнемся все равно
 И погрузимся къ ней на дно.

Жакъ, предковъ будучи достойнъ,
 Жилъ какъ они въ свои года...
 Въѣзжая въ городъ, мы всегда
 Встрѣчаемъ рядъ владбищъ и боенъ:
 Вступая въ свѣтъ, мы также въ немъ
 Находимъ грязные клоаки.
 Святая дѣвственность во мракѣ
 Скрывается, но яснымъ днемъ
 Жертвъ проституціи ласкаетъ

Развратъ безстыдный. Отъ людей
Довѣрье только тотъ стяжаетъ,
Кто въ грязномъ омутѣ страстей
Мечъ силъ душевныхъ закаляетъ.

Жакъ былъ правдивъ, неустрашимъ
И гордъ. Избитыя дороги
Онъ ненавидѣлъ и по нимъ
Ходить онъ презиралъ, тонимъ
Всегдашней жаждою тревоги.

Въ три кошелька онъ разложилъ
Все золото свое; въ три года
Рѣшилъ растратить ихъ и жилъ
Безпечной волей. Отъ восхода
И до заката межъ дѣтей
Безпутныхъ праотца Адама
Никто такъ искренно и прямо
Не презиралъ въ душѣ своей
Всѣ націи и всѣхъ царей.

Въ фальшивомъ маскарадѣ этомъ,
Который жизнью мы зовемъ,
Гулялъ онъ до нага раздѣтымъ
И находилъ отраду въ томъ,
Что дерзко хохоталъ надъ свѣтомъ.
Какъ молодой Алкивиадъ
Носилъ свой золотой нарядъ,
Такъ онъ влачилъ вездѣ порфиру
Безпечнаго презрѣнья къ міру
И къ лицемѣрію людей.

Всѣ знали: года три не болѣ
Безумной юностью своей
Осталось наслаждаться Роллѣ.
Всѣ знали, что мотаетъ онъ
Послѣднія богатства: это
Улыбку возбуждало свѣта;
А Жакъ былъ твердо убѣжденъ
И громко говорилъ, что роздыхъ
Въ тотъ мигъ найдетъ его душа,
Когда, спустивъ все до-гроша,
Взорветъ онъ самъ себя на воздухъ.

Наивенъ сердцемъ и вѣлпѣ
 Своей безпечной добротою,
 Онъ никогда бы не постигъ,
 Какъ можно жизнь влачить съ нуждою;
 Онъ съ ней бороться бы не могъ,
 Онъ жилъ однимъ лишь днемъ, не зная,
 Что дастъ другой — и коротокъ
 Былъ этотъ день, какъ ночи мая!

Пустыни дикой конь, порою,
 Трехдневнымъ бѣгомъ утомленъ
 Ждетъ, чтобы тучей грозовою
 Одѣлся синій небосклонъ,
 Чтобы землю дождь смочилъ обильный,
 И утолить онъ жажду могъ.
 Напрасно! въ тишинѣ могильной
 Жжетъ солнце, всюду зной налетъ
 И пальма клонить долу пыльный,
 Поблекшій подъ лучомъ вѣнокъ....
 Онъ дальше мчится съ дикимъ ржаньемъ,
 Онъ ищетъ горный ключъ; увы,
 Тотъ ключъ изсякъ... На скалахъ львы
 Лежать, грозя ему рычащемъ...
 Тогда въ безсиліи, упавъ,
 Окровавленными поздрами
 Песокъ онъ роетъ и, струями
 Горячей крови напитавъ
 Пустыни жаркій прахъ, на вѣки
 Угасшихъ глазъ смежаетъ вѣки.
 И степь могильный свой нарядъ
 Надъ трупомъ стелетъ охладѣлымъ
 И катитъ волнъ бемолвныхъ рядъ,
 Ихъ саваномъ свивая бѣлымъ!..

Онъ, этотъ дикій конь, не зналъ,
 Что въ часъ, когда онъ умиралъ,
 Палимъ лучами огневыми,
 Въ пустынь ѣхалъ караванъ
 Верблюдовъ: еслибъ вслѣдъ за ними,
 Склонивши шею подъ арканъ,
 Ему пойти — въ Багдадъ пышномъ
 Стоялъ бы среди стойла онъ,
 Рѣзной рѣшеткой окруженъ,

Питаюся бы зерномъ пшеничнымъ
И воду ключевую пилъ...

Богъ странно Роллу сотворилъ:
Манило счастье, иль невзгода
Во тѣмъ грядущаго ждала,
Онъ шелъ и не склонялъ чела,
И въ міръ для него была
Одна святая вещь—свобода.

III.

На чистый снѣгъ, иль изваянье
Изъ мрамора, свѣтъ золотой
Мерцающее льетъ сіянье
Въ тѣнь заставъски голубой?
Нѣтъ, снѣгъ и мраморъ бѣлизной
Не могутъ поровняться съ этой
Красою спящею. Она
Лежитъ, склонясь, полураздѣтой.
Уста, цѣлуя грезу сна,
Слегка открылись вздохомъ пѣжнымъ:
Вздыхаютъ водоросли такъ,
Когда надъ тростникомъ прибрежнымъ
Вечерній сходитъ полумракъ,
Уснувъ молчить волна морская,
И тихій вѣтерокъ, лаская
Цвѣтовъ возлюбленныхъ красу,
Пьетъ страстно съ ихъ кудрей росу...

Она подъ сѣнью заставъски
Лежитъ — дитя въ пятнадцать лѣтъ,
Почти ужъ жепщина, хоть въ блескѣ
Ея красы невинной нѣтъ
Еще закованности полной;
И, мнитсѣ, неба херувимъ,
Которымъ сонъ ея хранимъ,
Надъ ней съ улыбкою безмолвной
Поникъ, сомнѣніемъ объять:
Возлюбленный онъ ей иль братъ?
Ея кудрей роскошныхъ волны
Разсыпались; рукою сжать

Крестъ ожерелья золотого—
 Свидѣтель, что легла она
 Съ молитвою и завтра снова
 Съ молитвой встанетъ ото сна.

Она лежитъ... Смотрите, бѣло
 Какъ лилія ея чело,
 И будто небо пролило
 Свой блескъ на дѣвственное тѣло.
 Она лежитъ, покровы прочь
 Откинувъ, въ наготѣ стыдливой.
 Не правда ли, нѣмая ночь,
 Кругомъ разливъ свой мракъ ревнивый,
 Еще прелестнѣй и нѣжнѣй
 Красы нагія оттѣняетъ,
 И этотъ мракъ дрожитъ надъ ней,
 Какъ будто мантией своей
 Духъ полуночи колыхаетъ,
 Не смѣя съ темной высоты,
 Спуститься къ ложу красоты.

Чуть слышится ея дыханье,
 Какъ въ небѣ ангела полѣтъ,
 Въ часъ утра. Посмотрите, вотъ
 Здѣсь все, чѣмъ юное созданье
 Въ своей невинности живетъ:
 Кувшины съ свѣжими цвѣтами,
 Шитье и книги по столу,
 Распятъе старое въ углу,
 И кипариса вѣтвь, листьями
 Въ тоскѣ поникшая съ креста...
 Невольно прялку Маргариты
 Взоръ ищетъ здѣсь, гдѣ красота
 И дѣвственность такъ чудно слиты.
 Не правда-ль, чистъ и свѣтелъ онъ—
 Ея безгрѣшный дѣтскій сонъ?
 Небесъ защитою хранима
 Мечта любви ея святой,
 И тихо шелестятъ, порой,
 Надъ нею крылья серафима,
 Что стережетъ ея покой...

О, если, дѣва молодая!

Та женщина, что здѣсь одна
 Сидитъ, альковъ твой охраняя,
 Тебѣ не мать, то кто-жъ она?
 Зачѣмъ, какъ будто мигъ урочный
 Она на стрѣлкѣ часовой
 Слѣдитъ, качая головой?
 Кого она порой полночной
 Съ заботой ждетъ и для кого
 Дверь этой спальни отворила
 И тихо занавѣсь открыла?
 Не для отца ли твоего?
 Нѣтъ, умеръ твой отецъ, Марія,
 Давнымъ-давно... Тамъ на столѣ
 Сіяютъ свѣчи, въ хрусталѣ
 Сверкаютъ вина золотыя,
 И кушанья дыматся... Ждетъ
 Кого же пышный ужинъ тотъ?
 О, кто бы ни былъ онъ, но все же
 Онъ не любовникъ твой: чиста,
 Ты спишь, склонясь на этомъ ложѣ,
 И дѣвственна твоя мечта.
 Любовь желаньемъ не нарушить
 Миръ сердца въ возрастъ твоимъ...
 Но чей же плащъ измокшій сушить
 Та женщина передъ огнемъ?
 Онъ твой, Марія. Влажнымъ блескомъ
 Твои покрыты волоса,
 Румянецъ яркій разлился
 На лицѣ, въ дыханьи вѣтра рѣвомъ
 Обвѣянный. Куда ходитъ
 Могла ты въ дождь, ночной порою?
 Куда? О, нѣтъ, не можетъ быть
 Твоею матерью родною
 Та женщина...

Чу! разговоръ
 Тамъ слышится... Дверь въ корридоръ
 Открыли женщины; другія,
 Увядшія, полунагія
 Крадутся тихо вдоль стѣны...
 Вотъ лампа гдѣ-то гаснетъ... Шатен
 Ея лучи; озарены
 Ихъ свѣтомъ, оргіи остатки

Видѣются изъ глубины
 Далекой комнаты: стаканы
 Столкнулись на столѣ; багряной
 Струею скатерть облита...
 Дверь хлопнула при взрывѣ смѣха
 Ужаснаго... Раздалось эхо
 И вновь настала темнота...

Не правда-ль, это сонъ, Марія?
 Воображенья бредъ большой?
 Все тихо. Матерью родной
 Хранима ты. Цвѣты живыя
 Льютъ надъ тобою ароматъ,
 И кудри пышныя блестятъ
 Подъ влагой масла благовопной,
 И дѣвственный румянецъ легъ
 На бѣлый мраморъ этихъ щекъ
 Отъ поцѣлуевъ грезы сонной?..

Но тише! Въ дверь раздался стукъ,
 Въ почпонтъ молчанья слышенъ звукъ
 Шаговъ, и при мерцаши свѣта
 Двѣ тѣни близятся, идутъ...
 Ты-ль, истомленный Ролла, это?
 Зачѣмъ тебя я вижу тутъ?

О Фаустъ! было то мгновенье,
 Когда ты міръ покинуть могъ:
 Въ ночь грустную злой духъ сомнѣнья
 Подъ огненнымъ плащемъ ужъ влекъ
 Тебя надъ бездною забвенья!
 Произнесли твои уста
 Последняго проклятья слова.
 Подъ звуки пѣнія святого —
 Гимнъ воскресенія Христа —
 Ты не склонилъ чела сѣдого
 И богохульствомъ встрѣтилъ ихъ.
 Дрожалъ стаканъ налитый ядомъ,
 Въ устахъ поблекнувшихъ твоихъ,
 И смерть съ тобой стояла рядомъ
 Предъ безнадежнымъ, тусклымъ взглядомъ
 Раскрывши путь мипувшихъ дней:
 Твои безвѣстныя дѣянья,

Твои убитыя желанья,
 Безумье мудрости твоей!
 Проникъ отчаянiя холодъ
 Въ грудь старую и порвалось
 Въ пей сердце: такъ, порой утесъ
 Морозомъ сѣвера расколотъ...
 Безвѣрья посядѣлый жрецъ,
 Твой часъ пробилъ: въ душевной мукѣ
 Ты дерево своей науки
 Исторгнулъ съ корнемъ наконецъ!

И что же? Въ этотъ мигъ, когда ты
 Все проклялъ въ жизни, въ этотъ мигъ
 Въ тебѣ блеснулъ ея родникъ:
 Лишь демонъ поманилъ проклятый
 Тебя мечтою счастья вновь,
 Изъ жилъ сухихъ ты пролилъ кровь.
 Откуда же востока раннiй
 Повѣялъ вѣтеръ надъ тобой?
 Съ лазурныхъ водъ на океанѣ?
 Изъ темныхъ гротовъ? Изъ лѣсной
 Зеленой чащи, гдѣ алоэ
 Льетъ аромать, листы оливъ
 Склопаются и, ихъ обливъ,
 Сіяетъ солнце золотое?
 Иль съ горныхъ вѣковыхъ высотъ,
 Гдѣ спятъ спѣга въ туманныхъ сѣняхъ
 Недвижныхъ тучъ, повѣялъ тотъ
 Привѣтнiй вѣтерокъ, весеннихъ
 Слезъ полный, и твое чело
 Съдое снова разцвѣло,
 И вновь исполненный надежды
 Рукой, дрожащею отъ лѣтъ,
 Схватился ты за край одежды
 Невинности въ пятнадцать лѣтъ!

Пятнадцать лѣтъ! Ромео! это
 Чудесный возрастъ тотъ, когда
 Тебя увидѣла Джульета.
 Какъ въ эти чудные года
 Любили вы! Какъ вѣтеръ раннiй
 На лѣстницѣ шелковой васъ
 Баюкалъ тихо, въ часъ прощанiй

Медлительныхъ лобзаній часъ!
 Пятнадцать лѣтъ! О возрастъ чудный!
 Какъ жизни дерево въ тѣ дни
 Блеститъ красою изумрудной
 Въ благоухающей тѣни
 Оазиса пустыни знойной;
 Какъ сладко лѣтъ, подобно стройной
 Азійской пальмѣ, ароматъ
 Плодовъ роскошныхъ, что горятъ
 Подъ лаской солнца золотого.
 Пятнадцать лѣтъ! О красота!
 Столь юною изъ рукъ благого
 Творца ты вышла такъ чиста,
 Такъ прелестью полна чудесной,
 Что ангеламъ въ раю святомъ
 Опредѣлилъ Отецъ небесный
 Быть вѣчно въ возрастѣ твоёмъ!

О Ева, дочь небесъ святая,
 Цвѣтокъ благоуханный рай!
 Въ вѣнкѣ изъ золотыхъ вудрей
 Ты цвѣсть могла не увядая;
 Но смертнаго въ душѣ своей
 Ты полюбила больше Бога
 И богомъ сдѣлала своимъ;
 И если-бъ въ небеса дорога
 Тебѣ открылась вновь, ты съ нимъ
 Въ краю изгнанья бы осталась,
 Любовь и скорбь дѣлить вдвоемъ
 И умереть на сердцѣ томъ,
 Куда съ любовью ты склонялась!

Съ тоскою Роллы взоръ поникъ
 На спящую, на это ложе.
 Онъ поблѣднѣлъ и сердце въ мигъ
 Въ немъ замерло отъ тайной дрожи.
 Онъ былъ не въ силахъ превозмочь
 Невольный страхъ. Маріи ночь
 Купилъ онъ дорогой цѣною:
 Пистоль послѣдній заплативъ,
 Жакъ поклялся въ душѣ, что живъ
 Уже не будетъ онъ съ зарею.
 Три года, — чудные года

Безумной нѣги, упоенья—
Промчались быстро безъ слѣда:
Такъ пролетаетъ сновидѣнье,
Такъ тѣнь мелькаетъ отъ крыла
Летающей птицы.... Ночь пришла
Послѣдняя, ночь агоніи,
Когда въ предсмертный, страшный мигъ
Слова моленія святыя
Не въ силахъ вымолвить языкъ,
Коснѣющій въ устахъ—и что же?
Онъ, христіанинъ, въ этотъ часъ
Съ продажной женщиною ложе
Пришелъ дѣлать въ послѣдній разъ!
Предъ нимъ стоитъ его гробница
Открытая, и съ нею въ рядъ
Постель, гдѣ ждетъ его развратъ
И бѣдное дитя-блудница.

О вѣчный хаосъ съ вѣчнымъ зломъ!
Святыни дѣтства поруганье!
Не лучше-ль было бы серпомъ
Изрѣзать юный ликъ созданья,
Лежащаго на ложѣ томъ?
Не лучше-ль было-бъ страшной маской
Закрывать небесныя черты?
Ея краса привѣтной лаской
Какъ ручеекъ манить: цвѣты
Къ нему склонились, съ высоты
Въ него лучи свѣтилъ глядятся,
И воды свѣтлыя струятся
Едва журча, но ихъ волна
Кристалльная отравлена....

И все-жъ она еще чиста—
Природы дивное созданье!
Какъ сладко первыхъ ласкъ лобзанья
Прольются на ея уста!
Когда созрѣетъ цвѣтъ чудесный
Ея любви, какой онъ плодъ
Благоуханный принесетъ!
Какой прольется лучъ небесный
Изъ лампы юной красоты!

О бѣдность! бѣдность! Это ты
 Ребенка бросила на ложе
 Разврата. Посмотри: она
 Молилася предъ часомъ сна!
 Молилася! Кому? О, Боже!
 Она молиться бы должна
 Тебѣ — ты, бѣдность роковая,
 Прокралась тихо въ часъ ночной
 Подъ кровъ, гдѣ вѣтра шумъ внимаю,
 Мать этой дѣвочки, рыдая,
 Бессонной мучилась тоской.
 Ты ей дала совѣтъ безчестный:
 Дочь у тебя цвѣтокъ прелестный,
 Продать свою ты можешь дочь!
 Не ты-ль ее на эту ночь
 Рукой костлявой омывала,
 Какъ омывають трупъ, когда
 Кладутъ его во гробъ? Сюда
 Ее не ты ли провожала
 При блескѣ молній, подъ дождемъ?
 Увы, покорная неволѣ,
 Она пришла къ позорной долѣ;
 Но ясно надъ ея челомъ
 Заря невинности сіяетъ.
 Дитя несчастное! Страстей
 Въ пятнадцать лѣтъ она не знаетъ,
 Еще Марія имя ей,
 А не Марьонъ. Не жажда къ платѣ
 Ее сгубила — бѣдность.... Тутъ,
 Гдѣ создало себѣ пріютъ
 Распутство, въ гнусной той кровати
 Она лежитъ теперь.... Но ей
 Не бросимъ мы слова укора:
 Для старой матери своей
 Она пошла на одръ позора!

Вы не жалѣете о ней,
 Вы — женщины большого свѣта!
 Что въ шелкъ и бархатъ не одѣто,
 Въ чемъ радостей судьбы своей
 Вы не находите — все это
 Вашъ взоръ изнѣженный страшить.
 И въ васъ она не возбуждѣтъ

Участія своимъ позоромъ—
 Въ васъ, матери семействъ, которымъ
 Священный долгъ велитъ держать
 Дверь спальни дочекъ подъ запоромъ
 И отъ супруговъ подъ кроватью
 Своихъ любовниковъ скрывать!
 Любовью свѣтлой, поэтичной
 Вы счастливы, и никогда
 Васъ люди жепщиной публичной
 Не назовутъ съ презрѣньемъ. Да,
 Вы отдаетесь наслажденью,
 И тощій голодъ страшной тѣнью
 Не возстаеъ на ложь томъ,
 Гдѣ вы лежите, и лобзанья
 Въ устахъ, просящихъ подаенья,
 Не зажигаетъ блѣднымъ ртомъ.

О вѣкъ нашъ! Все, что нынѣ зримо,
 Уже-ль и въ прежніе вѣка
 Такъ было? Черная рѣка
 Несчастія не удержио
 Влечетъ за трупомъ трупъ, и мимо
 Они въ молчаніи плывутъ
 Въ бездонный океанъ забвенья;
 Земля же видитъ, какъ живутъ,
 Какъ умпраютъ поколѣнья,
 И, обходя обычный кругъ,
 Къ Творцу быстрѣе не стремится,
 Чтобы повѣдать сколько мукъ
 И сколько зла на ней таится.

Что-жъ, если такъ, проснись же ты,
 Дитя разврата, въ чудномъ блескѣ
 Своей прелестной паготы!
 Вино сверкаетъ.... Занавѣски
 Надъ зеркаломъ твоимъ, порой,
 Колышетъ вѣтерокъ почной...
 Ты куплена условной платой...
 Христосъ на вечери, объятый
 Предчувствіемъ, что подалекъ
 Его мученій часъ, не могъ
 Такимъ страданіемъ томиться,
 Какимъ весельемъ полонъ тотъ,

Кто ночь съ тобою проведетъ.
 Иди! любовь тебя зоветъ,
 Ты пить должна и веселиться.
 Пусть отъ вина горятъ страстнѣй
 Твои мятежныя лобзанья,
 Въ томленьи страстнаго желанья
 Склонись къ нему на грудь и пей
 За жизнь, за смерть, за наслажденье.
 Веселой пѣсней призови
 Къ себѣ безумное забвенье.
 Да здравствуетъ ночь упоенья,
 Ночь сладострастья и любви!

IV.

Вольтеръ! въ покоѣ гробовомъ
 Твой трупъ изсохшій веселится-ль?
 На сгнившемъ остоѣ твоємъ
 Улыбка скверная змѣится-ль?
 Ты въ юный вѣкъ существовалъ
 Ты, говорятъ, имъ былъ не понятъ?
 Порадуйся! твой вѣкъ насталъ,
 И зданье то, что подрывалъ
 Ты днемъ и ночью, насъ хоронить
 Подъ грудю руинъ своихъ....
 Смерть, нетерпѣнiемъ сгорая,
 Ждала тебя, и, какъ женихъ,
 Съ ней восемьдесятъ лѣтъ играя
 Любовью адскою, наконецъ
 Ты легъ съ невѣстой подъ землю;
 Но не встаешь ли ты, порою,
 Чтобъ старый посѣтить дворецъ,
 Иль монастырь, давно забытый?
 Что въ это время говорить
 Тебѣ ихъ грустныхъ труповъ видъ:
 Упавшій сводъ, алтарь разбитый
 Твоей рукою и окрестъ
 Развалины, навѣкъ пустыя?
 Что говорить поникшій крестъ,
 Что говорить тебѣ Мессія?
 И видишь ли ты кровь Того,
 Кто умеръ, смертию насъ спасая,

Когда, во тьмѣ ночной блуждая,
 Ты потрясаетъ крестъ его?..
 И если есть въ тебѣ сомнѣнье,
 Вполнѣ-ль свое предназначенье
 Свершилъ ты въ мірѣ, если знать
 Желаетъ нынѣ, хороши ли
 Твои дѣла — проснись въ могилѣ:
 Какъ мрачный Командоръ предстать
 Ты можешь въ этотъ часъ предъ Роллой
 И раздѣлить съ нимъ пиръ веселый.

Ты слышишь страстныхъ ласкъ слова?
 Ты слышишь поцѣлуевъ звуки?
 Въ одномъ объятіи ихъ руки
 Сплелись, и, кажется, что два
 Существованья вмѣстѣ слиты.
 Уста горячія открыты,
 Несвязный лепетъ, нѣги крикъ
 Дрожатъ въ нихъ тихо. Наслажденье
 Лобзаетъ ихъ прекрасный ликъ
 И замираетъ въ упоеньи.
 Они столь полны красотою,
 Они столь молоды, что, мнится,
 Какъ надъ эдемскою четой,
 Надъ ними сѣнью золотой
 Готово небо опуститься!
 И что же? Въ этотъ мигъ чужда
 Для нихъ любовь, и никогда
 Любовью ихъ сердца не бились.

Но гдѣ же, гдѣ же научились
 Они чарующимъ словамъ,
 Въ которыхъ слезы пополамъ
 Съ восторгомъ сладострастья слились?
 О женщина! Въ тебѣ сокрытъ
 Источникъ мукъ и наслажденій,
 Предъ алтаремъ твоимъ звучить,
 Въ часъ тайныхъ жертвоприношеній,
 То кликъ проклятій, то моленій!
 Скажи мнѣ: гдѣ они живутъ—
 Слова любви? Имъ нѣтъ названья,
 Но всѣ ихъ знаютъ, всѣ ихъ чтутъ
 Отъ дней начальныхъ мірозданья.

Что въ нихъ? они невольный бредъ,
 Безумный лепетъ опьянѣнья,
 И между тѣмъ пять тысячъ лѣтъ
 Ихъ повторяютъ поколѣнья.

О поруганье! красотой
 Они такъ полны, что святой
 Сонмъ ангеловъ въ селенья рая
 Съ земли увлечь ихъ былъ бы радъ —
 И вотъ, на ложѣ томъ лежатъ
 Они, любви въ сердцахъ не зная!
 Кругомъ лепечетъ тихо ночь
 И вѣтерокъ летитъ, чуть вѣя,
 И содрогается блѣднѣя
 Природа, будто перевозмочь
 Не можетъ пѣги сладострастной...
 И отъ куреній аромать...
 И выпитыхъ бутылокъ рядъ...
 И поцѣлуевъ звукъ неясный...
 И можетъ быть еще — несчастный,
 Чья жизнь начнется въ этотъ день,
 Кто проклянетъ минуту эту...
 О Боже мой! любви здѣсь нѣту,
 И все-таки любви есть тѣнь!

Монастырей безмолвныхъ своды,
 Пещеры — вотъ куда ушла
 Любовь святая въ оны годы.
 Трапезъ холодныхъ полумгла,
 Гробницъ печальныхъ изваянья,
 И каждый камень, и плита,
 Которымъ жаркія уста
 Несли дрожащія лобзанья —
 Все было полно обаянья
 Въ стѣнахъ монастырей святыхъ.
 О, если-бъ нѣдра келій ихъ
 Могли открыться пынѣ этимъ
 Безумнымъ наслажденья дѣтамъ,
 Что въ уносніи лежатъ
 На ложѣ, гдѣ царитъ развратъ;
 О, если-бъ ихъ душа постигла
 Глаголъ небесъ, и въ ихъ тѣла
 Вонзилась власяница игла;

О, еслибъ смылись съ ихъ чела
Водою чистою крещенья
Безумье ихъ, ихъ прегрѣшенья;
О, если бы, склонясь во прахъ,
Они на храмовыхъ плитахъ
Колѣни стерли отъ моленья, —
Тогда бы попяли они,
Какой любовью въ оны дни
Въ тиши обителей любили.

Томимы жаждою святой,
Восторгъ любви небесной той
Отшельники душою пили
Изъ чашъ страданья. Въ тихій часъ,
Когда молитвой уладясь,
Они смыкали взоръ устало,
И въ мракѣ ночи рисовала
Предъ ними сонная мечта
Ликъ пригвожденнаго Христа;
Когда являлся онъ имъ въ храмѣ
Съ сіяніемъ зари, лучами
Игравшей въ окнахъ золотыхъ —
Въ тотъ тайный часъ въ сердцахъ своихъ
Любовью чистой, неземною
Любили пламенно они...

О старый Аруз! взгляни,
Вотъ человекъ передъ тобою:
Онъ полонъ жизнью молодой,
Онъ лобызаетъ въ нѣгѣ страстной
Грудь этой женщины прекрасной,
И онъ убьетъ себя съ зарей!
Ты видишь, онъ тебя достоинъ,
Ученьемъ созданъ онъ твоимъ;
Будь за него вполне спокоенъ:
Въ часъ смерти не мелькнетъ предъ нимъ
Надежды лучъ, лучъ утѣшенья.
Когда невѣрье и сомнѣнье
Въ науку вздумаютъ возвестъ,
Въ примѣръ его поставятъ дѣло.
Онъ твой: его ты можешь смѣло
Въ могилу за собой унести.

Не думаешь ли ты, что, полонъ
 Малѣйшей вѣрой, можетъ быть
 Сюда бы нынѣ не пришелъ онъ
 Затѣмъ, чтобъ дерзко освернить
 Развратомъ смерти часъ? Напрасно!
 Скажи ему: смерть переходъ
 Въ міръ вѣчныхъ мукъ, гдѣ все ужасно—
 Въ немъ сердце страхомъ не дрогнетъ:
 Презрѣвъ грядущія страданья,
 Онъ бросится во слѣдъ за ней,
 Какъ за невѣстою своею
 Женихъ, исполненный желанья!

Вотъ, Арузъ, твое созданье
 Вотъ онъ невѣрья человекъ.
 Увы, лишь въ нашъ постыдный вѣкъ
 Такъ умираютъ... Брутъ, свидѣтель
 Паденья Рима, говорилъ:
 «Пустое слово добродѣтели»
 Онъ все утратилъ, все, чѣмъ жилъ,
 Чѣмъ утѣшался въ мірѣ этомъ:
 Отчизна, слава, лавръ побѣдъ,
 Свободы греза, съ юныхъ лѣтъ
 Его ласкавшая привѣтомъ,
 И Порція и Кассій другъ—
 Все сгинуло для него... Вокругъ
 Онъ оглядѣлся и измѣрилъ
 Пройденный путь: увь, не могъ
 Онъ больше жить, онъ въ жизнь не вѣрилъ,
 Онъ на землѣ былъ одинокъ.
 Но все-жъ въ тотъ мигъ, когда вонзалась
 Кинжала сталь ему во грудь,
 Онъ могъ съ отрадою вздохнуть:
 Ему надежда оставалась—
 Онъ вѣровалъ своимъ богамъ...

Но что же остается намъ,
 Коль мы не вѣримъ небесамъ?
 О, разрушители святыни,
 Работали вы для кого,
 Разъявъ Христово тѣло нынѣ
 На алтарѣ святомъ его?
 Чтò на его священномъ гробѣ

Ученъе ваше возростить?
 Растерзанъ вами въ дикой злобѣ
 Небесный голубь: онъ летитъ
 Съ небесъ высокихъ, окровавленъ,
 И въ бездну падаетъ, вкружась...
 Ну что-жъ, смотрите: міръ избавленъ
 Отъ заблужденій вѣры; васъ
 Послушалось людское племя,
 И совершенствомъ въ наше время
 Сталъ человѣкъ. Вы жизнь умно
 Исправили: въ ней все въ порядкѣ:
 Ни горь, ни безднъ — все сравнено,
 Долины и дороги гладки,
 Повсюду блескъ и свѣтъ; но жаль,
 Что въ этомъ мірѣ возрожденномъ
 Нельзя дышать. Умчались въ даль,
 Гонимы вѣтромъ зачумленнымъ,
 Слова молитвъ; падутъ кругомъ
 Кумиры лжи; но серафимы
 Вдрогнули, ужасомъ томимы,
 Заслышавъ ихъ паденья громъ.
 Пусть въ наши дни не лицемѣрятъ,
 Пускай жрецовъ не признаютъ,
 За то въ Творца небесъ не вѣрятъ
 И добродѣтели не чтутъ.
 Пускай въ душѣ аристократа
 Нѣтъ гордости отцовъ своихъ,
 За то сквернитъ онъ память ихъ
 Въ притонахъ гнуснаго разврата.
 Пусть мысль свободна отъ оковъ,
 Ея анализъ безопаденъ:
 Народъ, какъ прежде, кровожаденъ
 И жаждетъ видѣть бой быковъ.
 Кому жизнь скорби надоѣла,
 Кто въ радостяхъ утратилъ вкусъ,
 Въ монахи тотъ пойдетъ, но смѣло
 Жаровню ставитъ, какъ Эскуссъ *).

*) Драматическій поэтъ временъ первой имперіи, потерпѣвшій неудачу при столѣтніи его «Петра III» и «Раймонда», и умертвившій себя вслѣдствіе того своимъ газетъ, въ 1881 году. Беранже посвятилъ ему превосходное стихотвореніе «Le suicide».

V.

Лучи восхода заблестѣли
 На вровляхъ. Ролла, вставъ съ постели,
 Облокотился у окна.
 Повсюду улицъ тишина
 Уже терялась въ общемъ шумѣ...
 И онъ челомъ склонился въ думѣ...
 Разорванные облака
 Неслись кровавыми клочками;
 Казалось, ихъ Творца рука
 Расторгла, какъ завѣсу въ храмѣ,
 Когда, издавъ послѣдній крикъ,
 Христосъ главой на грудь поникъ.

Старикъ пѣвецъ бродячій гдѣ-то
 Романсъ давшишній напѣвалъ.
 Ахъ, пѣсни дѣтскихъ дней! Какъ въ лѣта
 Младенчества вашъ звукъ плѣнялъ.
 Какъ потрясаете глубоко
 Вы сердце тайной скорби въ часы!
 Когда сознаешь, что отъ васъ
 Ушелъ далеко такъ, далеко,
 Что вы звучали такъ давно—
 Чело, тоской омрачено,
 Невольно пикнетъ... чьи рыданья
 Дрожать въ васъ, надрывая слухъ?
 То плачетъ разрушенья духъ,
 Иль духъ святой воспоминанья?..
 О, пѣсни, пѣсни дней былыхъ!
 На легкихъ крыльяхъ вы какъ птицы
 Вились въ чертогахъ золотыхъ
 Прекрасной сказочной парицы —
 Любви младенческой! Увы,
 Раскрывъ душѣ цвѣты былого,
 Ее вы кутаете спова
 Въ могильный мрачный саванъ, вы,
 Чьи вѣжно-ласковыя трели
 Лились у нашей колыбели!

На ложе Ролла посмотрѣлъ:
 Спала Марія въ утомленьи.

Она жестокий свой удѣлъ
Забывла въ сладкомъ сновидѣннѣ,
Онъ въ смерти позабыть хотѣлъ.

Когда осеннею порою
Восходитъ солнца лучъ съ зарею,
Онъ на вершинахъ снѣговыхъ
Ложится отблескомъ огнистымъ.
По плѣчамъ ночи серебристымъ
Проходитъ трепеть и на нихъ
Горитъ румянецъ отъ лобзаній
Свѣтила дня: такъ въ тайный часъ,
Когда огнемъ любви желаній
Грудь юной красоты зажглась,
Она трепещетъ вся подъ лаской
Неясныхъ грезъ и жаркой краской
Пылаетъ, въ сердцѣ стыдъ тая.
О солнце, властелинъ созданья!
Земля любовница твоя,
Твоя сестра въ ночномъ молчаннѣ
Ее покоить близъ тебя,
Свою подругу полюбя,
Ты, солнце, въ небѣ пожелало
Быть вѣчно юнымъ, чтобъ она,
Твоимъ лучемъ озарена,
Красою вѣчною сіяла.

«Вы, ласточки, что въ вышины
Лазурной кружитесь, мелькая,
Скажите, о скажите мнѣ,
Зачѣмъ же я грущу, желая
Покинуть міръ? О еслибъ могъ,
Взмахнувъ легкими крылами,
И въ небо улетѣть за вами!
Зачѣмъ алѣетъ тамъ востокъ?
Что значитъ день для міра новый?
Скажи зеленая трава,
Скажи мнѣ моря синева,
Скажи мнѣ лучъ зари багровый,
Что тайно къ вамъ зоветъ мечты,
Колѣни долу преклоняя?
Земля! Невѣста солнцу ты —
Скажи, зачѣмъ твои цвѣты

Цѣлуются, росой сверкая?
 Скажи, о чемъ ликуеть хоръ
 Поющихъ птицъ? Зачѣмъ привѣтомъ
 Любви ты манишь слухъ и взоръ,
 И будто шепчешь мнѣ укоръ,
 Что я хочу разстаться съ свѣтомъ?»

Жизнь есть любовь! Увы, въ чему
 Мысль эта страшная предъ Роллою
 Вставала тайно, въ часъ тяжелый,
 Когда онъ былъ готовъ всему
 Сказать предсмертное прощанье?

Любовь! Что до любви ему,
 Боль онъ свое существованье
 Влечилъ безпутно день за днемъ,
 И молодость отдавъ разврату
 Приобрѣталъ любовь за плату,
 Ее считая ремесломъ?
 Подобно старому солдату,
 Что раной хвалится своей,
 Онъ хвастался, что страстный пламень
 Онъ заглушилъ въ груди, что въ ней
 Не сердце вложено, а камень.
 Безъ крова, безъ подруги онъ
 Кружился случая по волѣ:
 Такъ, вѣтромъ съ дерева снесенъ,
 Увядшій листъ кружится въ полѣ.

И что-жъ? Теперь, когда въ притонъ
 Распутства онъ пришелъ, чтобъ очи
 Закрыть на вѣкъ, когда ужъ гасъ
 Лучъ блѣдный жизни, вѣчной ночи
 Смѣняясь мракомъ — въ этотъ часъ
 Зачѣмъ, откуда прилетѣла
 Святая вѣсть любви святой?

Когда орленокъ молодой,
 Слѣди полеть орлицы, смѣло
 Приблизится на край гнѣзда,
 Кто говорить ему тогда,
 Что можетъ онъ подъ небесами
 Летать, оставивъ выси скалъ?

Онъ никогда еще крылами
 Не взмахивалъ, не покидалъ
 Свое гнѣздо между скалами;
 Но вѣтеръ дунулъ — и за нимъ
 Летитъ онъ въ тучамъ грозовымъ!...
 Не мало низкихъ душъ рождаетъ
 Природа: племя ихъ живетъ
 Въ грязи, въ грязи и умираетъ,
 Ей нуженъ этотъ жалкій родъ,
 Чтобъ воронамъ дать пропитанье,
 Чтобъ жизнь была утучнена
 Гниеньемъ; но творитъ она
 Иными высшія созданья.
 Природа знаетъ тайну ту,
 Какъ охранять ихъ чистоту,
 Чтобъ не затмилъ ее міръ цѣлый;
 Она рукой бросаетъ смѣлой
 Ихъ въ черный омутъ иногда —
 И тщетно мутная вода
 Грязнить Каррары мраморъ бѣлый!

Въ развратѣ Ролла утопалъ;
 Но создала его природа
 Изъ твердаго гранита. Спалъ
 Онъ тяжело душой три года,
 Глубоко чувства затая;
 Но мигъ насталъ и въ немъ проснулась
 Святая мысль, и какъ змѣя
 Вдругъ въ темныхъ кольцахъ развернулась.

На Сенъ-Доминго много лѣтъ
 Страдали негры. Солнца свѣтъ
 Встрѣчая каждый день въ оковахъ,
 Они склонялись подъ бичи
 Свободы палачей суровыхъ.
 И что-жъ? Могли ли палачи
 Рабовъ измученное племя
 Исторгнуть съ корнемъ? Пробылъ часъ —
 И цѣпь неволи порвалась!..
 И для тебя, о Ролла, время
 Освобожденія пришло:
 Вдругъ озарилась свѣтло
 Твоя душа, и заблужденья

Покровъ туманный спалъ съ очей.
 Теперь, въ предсмертныя мгновенья
 Остатки жалкіе своей
 Безумной жизни ты разбей!
 Въ послѣдней оргіи могильной
 Стаканъ послѣдній подними
 И пей за смерть и обойми
 Ничтожество рукой безсильной!
 Ничтожество! Ты видишь: вотъ
 Оно, какъ призракъ колоссальный,
 Летитъ и солнца шаръ кристальный
 Хватаетъ и съ небесъ влечетъ.
 Вотъ гаснетъ день, вотъ ночь настала,
 Ночь вѣчности нѣмая.... Да,
 Твоя душа любви не знала
 И не узнаетъ никогда.

Озно дрожащею рукою
 Закрывъ онъ и сломалъ цвѣтокъ
 На тонкомъ стебелькѣ. Съ тоскою
 Глядѣлъ онъ на сего вѣнокъ
 Поблекнувшій и, мнилось Роллѣ,
 Цвѣтокъ тотъ грустно говорилъ:
 «Я умираю, я любилъ,
 Я счастьемъ жилъ... о, не за то ли,
 Безумецъ, ты меня убилъ,
 Что грѣшныхъ я не зналъ желаній,
 Въ нарядѣ ярко-золотомъ
 Склонялся въ часъ утра рапсодъ
 Для нѣжныхъ ласкъ и для лобзаній
 Съ передразсвѣтнымъ вѣтеркомъ?...»

Люблю! — священнымъ тѣмъ глаголомъ
 Полна природа: онъ звучитъ
 И въ шумѣ вѣтра, что летитъ
 По высямъ горъ, по злачнымъ доламъ,
 И въ щебетахъ птицъ веселомъ,
 И въ волнахъ, льющихъ свой кристалъ
 У ногъ глядящихся съ нихъ скалъ.
 Когда для жизни всей пастанетъ
 Часъ роковой, предсмертный часъ,
 Земля издастъ въ послѣдній разъ
 Печальный вздохъ любви и канетъ

Въ мракъ вѣчный.... Ночи красота —
 Свѣтила неба голубого!
 И вы лепечете то слово,
 Въ которомъ съ нѣгой грусть слита!
 Когда Творецъ всеильный міра
 Васъ создалъ, слабыя изъ васъ
 Въ пространствѣ вѣчнаго эфира
 Помчались, въ солнцу устремясь
 Съ любовью тайной; но другія
 Влеклись къ нимъ и чередой
 Пошли вы, звѣзды золотыя,
 Свой путь свершая круговой.

Недвиженъ, къ спящей наклонясь,
 Жакъ на нее смотрѣлъ.... И мнилось,
 Какимъ-то свѣтомъ озарилось
 Лицо Маріи въ этотъ часъ.
 Мечта ли то была? но гдѣ-то,
 Ему казалось, видѣлъ онъ
 Лицо таинственнѣе это?
 Внезапнымъ страхомъ пораженъ
 Онъ содрогнулся. Не была ли
 Она сестрой его печали,
 Она — любей продажной дочь?
 Кругомъ все мрачно и уныло,
 Какъ будто здѣсь ея могила.
 Не перелилъ ли въ эту ночь
 Свои предсмертныя страданья
 Онъ въ грудь несчастнаго созданья,
 Дѣлившаго съ нимъ ложе сна?

«Да, предо мной лежитъ она,
 Подруга мукъ моихъ, блѣдна
 Въ лицѣ съ покорностью нѣмою.
 Да, это статуя: склонясь
 Надъ гробовой моею плитою,
 Она уснула въ скорбный часъ,
 Когда прощаюсь я съ землею.
 Не пробуждайся! Въ жизни ты
 Осуждена къ земнымъ тревогамъ,
 Но въ чистомъ снѣ твои мечты
 Витаютъ въ небесахъ предъ Богомъ!
 Дай мнѣ на вѣкахъ этихъ глазъ

Поцѣловать твой сонъ: тоскую,
 Прости послѣднее ему я
 Хочу сказать въ послѣдній разъ,
 Онъ ризу чистоты разврату
 Не продалъ; я бы могъ его
 Любить отъ сердца не за плату;
 Къ днямъ свѣтлымъ дѣтства твоего
 Уносить онъ тебя душою,
 Твоей любуясь красотою,
 Еще невинной для него....»

«Не ангелъ ли прекрасный рая
 Лежитъ подъ тѣнью занавѣсь?...
 О, если правда, что, съ небесъ
 Мгновенной гостьей къ намъ слетая,
 Любовь должна на жизнь земли
 Смотрѣть лишь только издали,
 Что на землѣ она встрѣчаться
 Съ обманомъ злымъ обречена;
 О, если правда, что она,
 Изъ страха тайнаго разстаться
 Съ очарованіемъ должна,
 Брать отъ любимаго созданья
 Лишь впечатлѣніе страданья,
 То что-жъ искать мнѣ? Красоты
 И юности? Онѣ живыя
 Передо мной. Приди же ты,
 Любовь! Что для тебя Марія?
 Пускай печаленъ твой цвѣтокъ —
 Выдь изъ него благоуханьемъ!...»

На ложе тихо Ролла легъ.
 Она спала. Ея дыханьемъ
 Онъ упивался, онъ припалъ
 Къ ея челу съ нѣмымъ лобзаньемъ,
 И взоръ его то угасалъ,
 То зажигался вновь. Марія
 Вздохнувъ проснулась ото сна,
 Глаза открыла голубыя
 И грустно молвила она:
 «Какой мнѣ сонъ приснился странный:
 Казалось мнѣ, я здѣсь лежу,
 Не сплю и съ ужасомъ гляжу;

Кругомъ долиною пространной
 Кладбище тянется и рядъ
 Гробницъ открытыхъ, и лежатъ
 Истлѣвшія въ нихъ кости.... Трое
 Людей невѣдомыхъ пришли
 И гробъ закрытый принесли
 И стали пѣть молитвы, роя
 Могилу новую. Потомъ
 Вдругъ отворился гробъ и въ немъ
 Я увидала васъ. Блестѣли
 На вашемъ помертвѣломъ лбу
 Слѣды кровавыхъ ранъ. Въ гробу
 Вы поднялись и къ постели
 Приблизились, гдѣ я была,
 И руку взявъ своей рукою
 Холодной, молвили съ тоскою:
 «Зачѣмъ, Марія, ты легла
 Въ мой гробъ?» Я въ страхѣ поглядѣла
 И вижу, что въ могилѣ я....»

— «Твой сонъ печаленъ, но на дѣло
 Похожъ онъ, бѣдная моя
 Подруга — Жакъ сказалъ уныло —
 Открыта предо мной могила,
 Ты грезу мрачную свою
 Увидишь на яву: убью
 Себя я нынче же»....

Смотрѣла

Марія въ зеркало въ тотъ мигъ,
 И въ немъ увидѣвъ Роллы ликъ,
 Вдругъ вздрогнула и поблѣднѣла.
 — Что съ вами? Молвила она,
 На Роллу бросивъ взоръ съ тоскою.
 — «Ты звать желаешь, что со мною?
 Моя судьба порѣшена —
 Я разоренъ.... Мой другъ, съ тобою
 Провелъ я ночь въ послѣдній разъ
 И долженъ умереть сейчасъ».
 — Вы «проигрались?» — «Нѣтъ, Марія,
 Я разоренъ». — О, Боже мой!...
 И въ землю очи голубыя
 Она склонила и слезой

Онѣ затмѣлись. — Неужели
 Ни матери, ни друга нѣтъ,
 Кого бы здѣсь вы пожалѣли?
 Хотите вы покинуть свѣтъ?
 Убить себя?..!

На край постели
 Марія сѣла и, полна
 Участьемъ, на него смотрѣла;
 Казалось, его хотѣла
 О чемъ-то разспросить она;
 И не могла. Потомъ припала
 Къ нему печальной головой,
 Его въ уста поцѣловала.
 И тихо - тихо прошептала:
 «Послушай, денегъ нѣтъ со мной —
 Мать все взяла — но золотое
 Есть ожерелье и продать,
 Коль хочешь ты, могу его я —
 И снова ты пойдешь играть».

Въ отвѣтъ ей Ролла улыбнулся,
 И съ ядомъ чернымъ взявъ флаконъ,
 Его безмолвно выпилъ онъ;
 Потомъ устами прикоснулся
 Опъ къ ожерелью и поникъ
 Недвиженъ, въ чистомъ томъ лобзаньи
 Изливъ послѣднее дыханье.
 И на единый, краткій мигъ,
 Они любовь узнали оба.

В. БУРЖИНЪ.

РУССКІЕ и ЯПОНЦЫ

НА

САХАЛИНѢ.

Дневникъ: 10-ое февраля — 11-ое мая 1854 г.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Въ прошедшемъ 1871-мъ году, въ трехъ послѣднихъ книгахъ нашего журнала ¹⁾ была помѣщена часть дневника Н. В. Буссе, гдѣ имѣла первая попытка русскихъ, въ сентябрѣ 1853 года, утвердиться прочно на островѣ Сахалинѣ, который съ половины прошедшаго столѣтія не разъ посѣщался русскими мореходами, а въ началѣ нынѣшняго столѣтія предметомъ непріязненныхъ отношеній къ Японіи; японцы успѣли завести на островѣ богатая рыбная факторія, гдѣ и производили работы почти даровою силою, а именно, руками полудикихъ туземцевъ, иновъ. Мы цѣнили эти записки какъ потому, что онѣ были ведены людьми, занимавшимъ видное мѣсто въ самой экспедиціи, такъ и потому, что самое предпріятіе, теперь почти забытое, было собственно замѣчательнымъ подвигомъ, достойнымъ памяти: для занятія Сахалина была отправлена горсть людей, состоявшая изъ 70-ти человекъ при двухъ офицерахъ: — Н. В. Буссе, какъ старшій офицеръ, командовалъ отрядомъ, а Н. В. Рудановскій завѣдывалъ ученою частью экспедиціи. И эта горсть людей, отрѣзанная отъ своихъ до 29-го апрѣля 1854 года, въ теченіи

¹⁾ См. выше: 1871 г., окт. 732; ноябр. 161; дек. 648 стр.: «Островъ Сахалинъ и экспедиція 1853 года».

7-мѣсяцевъ, держалась бокъ-объ-бокъ съ миллионнымъ населеніемъ японской имперіи. Независимо отъ всего этого, мы публиковали дневникъ Буссе также и потому, что въ наше время Сахалинъ обратилъ на себя вниманіе, какъ мѣсто, гдѣ предназначается устроить болѣе радикально каторжныя работы, а потому описаніе острова, сдѣланное русскимъ офицеромъ и нѣмь недавное время, появилось бы весьма кстати и представляло почти современный интересъ: намъ слишкомъ часто приходится даже и по своимъ дѣламъ наводить справки въ иностранной литературѣ, а потому нельзя было пренебрегать наблюденіями соотечественника, который послѣ его смерти сохранились въ его семействѣ.

Между тѣмъ, напечатанная нами часть дневника покойнаго Буссе вызвала возраженія такого свойства, которое не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ общественнымъ интересомъ, ради котораго мы публиковали дневникъ. Возражалъ Г. И. Невельской; онъ имѣлъ главное начальство надъ сахалинской экспедиціей, сопровождалъ въ половинѣ сентября 1853 г. изъ Петровскаго нашъ десантъ, указалъ мѣсто на островѣ, гдѣ десантъ долженъ былъ укрѣпиться на зиму, и возвратился къ себѣ въ Петровское въ концѣ сентября. Другое возраженіе доставилъ Н. В. Рудановскій, проведеншій осень, зиму и весну вмѣстѣ съ г. Буссе въ новомъ Муравьевскомъ постѣ—такъ названо было первое наше укрѣпленіе на Сахалинѣ въ честь ген.-губ. Восточной Сибири Муравьева-Амурскаго; оно воздѣлано на берегу залива Анивы, въ самомъ японскомъ селеніи. Оба возраженія напечатаны нами (см. выше: августъ, стр. 907); въ дневникѣ Буссе выражались его личныя мнѣнія о своихъ сотрудникахъ; теперь и сотрудники высказали свое личное мнѣніе о Буссе, а потому все это дѣло мы должны считать повонченнымъ. Но для исторіи самой экспедиціи изъ этого личнаго дѣла является еще новая черта: мы видимъ теперь, что, кромѣ множества затрудненій вѣшнихъ и матеріальныхъ, сахалинская экспедиція страдала внутреннимъ несогласіемъ, столь сильнымъ, что и теперь, спустя почти 20 лѣтъ, его эхо довольно громко разразилось между нами. Кромѣ того, оказывается изъ возраженій г. Невельскаго, что такой важный, отвѣтственный постъ, какъ постъ начальника команды, на котораго возложено было притомъ дѣло государственной важности, г. Невельской—по собственному его сознанію—вручилъ г-ну Буссе „единственно потому, что не было тогда въ экспедиціи другого свободнаго офицера“. Какъ бы ни было все это мало лестно для Буссе, но нельзя оправдать и назначавшаго, который теперь признается, какими отрицательными мотивами руководился онъ въ своемъ выборѣ лица. Мы думаемъ, что это самообвиненіе сдѣлано г-номъ Невельскимъ *a posteriori*, и едва ли онъ рѣшился бы поставить на такой важный постъ лицо, которому онъ не довѣрялъ и которое—не уважалъ, а назначилъ только потому, что не было „другого свободнаго офицера“, сознавая при этомъ, что назначенное имъ лицо ни къ чему неспособно.

Взвѣсивъ г-на Невельскаго отъ самого его, мы сошлись на отзывы Буссе о г-нѣ Невельскомъ: онъ, несмотря на то, что расходился съ нимъ въ мнѣніи или другомъ мнѣніи, постоянно называетъ его „человѣкомъ благородныхъ чувствъ, дѣятельнаго и энергическаго характера“. Назначеніе на важный постъ лица, заведомо неспособнаго и недостойнаго, не могло бы быть оправдано ничѣмъ. Мы думаемъ вообще, что весь этотъ споръ по поводу дневника Буссе возникъ отъ непривычки у насъ публично обсуждать дѣйствія лицъ, поставленныхъ въ офиціальное положеніе; даже наши почтенные моряки, имѣвшіе болѣе насъ случай знакомиться съ обычаями и нравами прессы другихъ странъ, раздѣляютъ однако общую всѣмъ намъ чувствительность, когда о нашей офиціальной дѣятельности говорятъ публично. И эта болѣзненная боязнь печатнаго слова встрѣчается у насъ на каждомъ шагѣ: на печатное слово смотреть намъ на опасный бичъ, который для безопасности и слѣдуетъ держать постоянно въ футлярѣ и подъ замкомъ, какъ въ средніе вѣка не знали противъ зла, называемаго огнемъ, другого средства, какъ извѣстное *ignite-feu*, и послѣ заката солнца запрещалось строжайше держать огонь.

Но кромѣ изданной уже нами части дневника Буссе, породившей вышеупомянутыя пренія, сохранилось еще нѣсколько тетрадей, которыя теперь приведены въ порядокъ и почеркъ ихъ разобранъ. Эти тетради представляютъ, по нашему мнѣнію, весьма важный интересъ въ политическомъ отношеніи. Въ первой части, обнимающей осень и зиму на Сахалинѣ съ 1853-го на 1854 й годъ, автору приходилось описывать работы своей команды и отношенія русскихъ къ однимъ туземцамъ, такъ какъ японцы болѣею частью удалились. Но весною 1854-го года долженъ былъ рѣшиться вопросъ: кто посѣтитъ раньше на Сахалинѣ — японцы ли съ Мацмая, или русскіе съ материка? Въ первомъ случаѣ положеніе десанта въ 70 человѣкъ, изъ которыхъ болѣе сорока заболѣло цингой, было бы крайне затруднительно; а именно это и случилось. Вотъ потому въ новой части дневника мы видимъ въ первый разъ русскихъ и японцевъ (не рыбаковъ, а военныхъ) лицомъ къ лицу. Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась эта драма, если бы наша Восточная война съ Франціею и Англіею не измѣнила ходъ дѣла и не вынудила бы насъ вести десантъ съ Сахалина на материкъ. Къ сожалѣнію, дневникъ Буссе прерывается на 19-й мая, когда ожидали прибытія гр. Путятина изъ Японіи, чтобы окончательно рѣшить вопросъ о судьбѣ нашего занятія Сахалина. Какъ извѣстно, мы оставили Сахалинъ и десантъ возвратили на материкъ; степень затаенной вражды къ намъ японцевъ обнаружилась тогда въ томъ, что они немедленно сожгли всѣ наши постройки, еще въ виду удалявшагося гарнизона нашей крѣпости. Дальнѣйшее наше упорство могло бы послужить для Франціи и Англіи поводомъ къ занятію Сахалина, чего не случилось именно благодаря благоразумію во-

наго совѣта на Сахалинѣ подъ предсѣдательствомъ прибывшаго туда К. Н. Поссѣта, изъ эскадры гр. Путятина.

Только около половины апрѣля начали появляться на Сахалинѣ японскіе офицеры съ вооруженными солдатами; а до того времени авторъ провёлъ конецъ зимы въ экскурсіяхъ по острову. Описаніемъ одной изъ такихъ экскурсій начинаются послѣднія тетради дневника Буссе; эта экскурсія была предпринята 8-го февраля 1854-го года.

I.

10-го февраля.—Третьяго дня, въ 6-ть часовъ утра, я поѣхалъ на Туотогу, находящуюся отъ нашего поста (Муравьевскаго) верстахъ въ 25-ти. Я отдѣлилъ отъ рабочихъ собакъ семь лучшихъ изъ легкой ѣзды. Изъ нихъ 6-ть собакъ запрягли въ мою нарту, а одну отдали айну (туземцу), который провожалъ меня и везъ урядника Томскаго, назначеннаго мною сопровождать меня. Они выѣхали на 10-ти собакахъ. Я взялъ съ собою провѣтъ на двое сутокъ, такъ что почти все уложилось въ мой погребецъ. Какъ жаль, что мнѣ не удалось вывезти изъ Петербурга погребецъ, подаренный мнѣ Карломъ. Я хоть не видалъ его, но увѣренъ, что онъ устроенъ съ большими удобствами. Духовая подушка, подаренная мнѣ Иваномъ Богдановичемъ (?) сопровождаетъ меня во всѣхъ моихъ путешествіяхъ. Этотъ разъ, въ отношеніи скорости ѣзды, моя поѣздка была очень удачна. Я понесся съ необычайною быстротою, такъ что, приѣхавъ въ селеніе Сусую, находящееся отъ насъ верстахъ въ 10-ти, я остановился, привязалъ собакъ и зашелъ въ юрту дожидаться оставшихъ отъ меня проводниковъ. Отдохнувшія собаки мои прекрасно везутъ, и я надѣюсь болѣе не отставать отъ айновъ. Отъ селенія Сусуи дорога идетъ по замерзшему заливу. Подѣхавъ къ устью рѣки, я увидѣлъ множество айновъ, ловащихъ камбалы. Я остановился посмотреть. Для ловли этой прорубаются небольшія проруби въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка, вливаясь въ заливъ, имѣетъ отмели. Ловецъ имѣетъ свою особенную прорубь и палку, у которой въ одинъ конецъ вбиты два гвоздя, въ расходящемся направленіи. Эту палку онъ опускаетъ въ прорубь и, закрывшись отъ свѣта ивовыми вѣтками, пристально смотритъ въ воду. Скоро глазъ, привыкнувъ къ темнотѣ, различаетъ ясно плавающихъ рыбъ; когда широкая и плоская камбала подойдетъ подъ прорубь, ловецъ пронзаетъ ее гвоздями, при-

тавливая къ дну рѣки. Расходящіеся гвозди крѣпко удерживаютъ рыбу въ то время, когда ее вытаскиваютъ на ледъ. Въ настоящее время все населеніе Анивы питается камбалою, добываемою на Сусуѣ. Проѣхавъ далѣе версты двѣ, я выѣхалъ на берегъ, потому что заливъ отъ Сусуи до мыса Крильона не покрывается льдомъ. Берегъ отъ рѣки Сусуи до Туотоги низкій и покрытъ небольшимъ лѣсомъ; низкій берегъ продолжается и далѣе Туотоги, не знаю только до которыхъ мѣстъ. Пріѣхавъ въ мѣстность Туотогу, я остановился въ юртѣ проводника моего, называющагося джанчиномъ Туотоги.

Селеніе это, какъ я увидѣлъ, состоитъ изъ трехъ юртъ. Юрта моего проводника принадлежитъ къ числу самыхъ небольшихъ и потому наиболѣе удобныхъ, потому что маленькія юрты всегда менѣе дымны. Ъзда на собакахъ прекрасно возбуждаетъ аппетитъ, и потому я тотчасъ же по пріѣздѣ велѣлъ стготовить на скорую руку мой дорожный обѣдъ — кусокъ мясины, рисъ и чай. Кончивъ обѣдъ, я пошелъ, въ сопровожденіи казака Томскаго и хозяина аина, осматривать рѣку Туотогу. Пойдя по берегу залива до устья рѣки, мы надѣли лыжи. Я довольно хорошо научился ходить на лыжахъ. Рѣка была покрыта льдомъ ю самого устья, но заливъ былъ чистъ отъ льда. Одинъ аинъ пріѣхалъ на лодкѣ изъ селенія Мауки на Татарскомъ берегу, вокругъ мыса Крильона до самой рѣки Сиретовки. Это пространство всегда чисто, рѣдко только отдѣльныя льдины приносятся къ нему на короткое время. Поэтому судно, въ особенности паровое, зимуетъ въ Маукѣ или Тахмакѣ, можетъ имѣть круглый годъ открытую навигацію. — Мы пошли вверхъ по рѣкѣ. Я имѣлъ съ собою карманный компасъ, съ помощью котораго я обозначалъ направленіе теченія. Мы поднялись верстъ 6-ть по рѣкѣ, когда солнце уже стало низко опускаться. Мы пошли обратно въ селеніе, но уже не по рѣкѣ, а по кратчайшему пути, черезъ лѣсъ. Рѣка Туотога имѣетъ въ устьѣ сажень до 70-ти ширины, но скоро она суживается и на протяженіи, которое я прошелъ, ширину ея можно положить въ разныхъ мѣстахъ отъ 15 до 30 сажень. По словамъ аина, глубина фарватера моря при устьѣ рѣки до 4-хъ сажень (ручныхъ), устье рѣки 3 сажени, выше — отъ 2-хъ до 3-хъ саж. Итакъ, рѣка эта вполне удобна для судоходства судовъ малаго ранга. Японскія джонки входятъ въ рѣку для ловли рыбы. Но къ сожалѣнію теченіе рѣки очень извилисто. Правда, что это неудобство уменьшается тѣмъ, что сильныхъ вѣтровъ почти никогда не бываетъ въ этой части острова, что видно по примизнѣ деревьевъ, верхушки которыхъ даже при устьѣ рѣки нисколько не склонились, какъ

это бываетъ на деревьяхъ, растущихъ по берегамъ моря въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ господствуютъ сильныя вѣтры. Наши охотники, жившіе полтора мѣсяца на Туотогѣ, сказывали, что у нихъ почти не было вѣтряной погоды, между тѣмъ какъ у насъ, въ Томари, не проходило трехъ дней безъ вѣтру. Берега Туотоги не высоки и покрыты хорошимъ лѣсомъ (кромя устья). Дубъ, береза, кедръ, ель и пихта составляютъ главнѣйшіе роды его. На одномъ мысу, образуемомъ волѣномъ рѣки, я видѣлъ сплошную рощу дуба, но нельзя сказать, чтобы ростъ его былъ хорошъ. Хребетъ горъ, тянущійся нѣсколько верстъ, вдоль берега Анивы отъ мыса Крыльона, поворачиваетъ, не доходя до рѣки Туотоги, во внутрь острова, куда онъ тянется сопровождая Туотогу, то приближаясь къ ней версты на три, то опять отходя. Во время осмотра рѣки, мнѣ удалось съ одного мѣста ея ясно усмотрѣть, что хребетъ этотъ очень близко подходитъ къ хребту, тянущемуся по лѣвому берегу рѣки Сусуи, отъ устья ея съ берега залива, точно такъ же какъ и горы западнаго берега Анивы и р. Туотоги, такъ что двѣ эти рѣки, находясь въ равнинѣ между двумя хребтами, какъ я сказалъ, близко сходящимися, должны непременно, тоже въ одномъ мѣстѣ, течь въ очень близкомъ разстояніи другъ отъ друга. На разспросы мои у аиня, онъ подтвердилъ мое убѣжденіе, сказавъ, что у ближайшаго селенія есть короткій перевозъ по Сусую. Во время ходьбы нашей по Туотогѣ, разгоряченные уже сильно нагрѣвающимъ солнцемъ и скоростью ходьбы, мы почувствовали всѣ трое большую жажду. Аинъ намъ сказалъ, что близко находится ручей, впадающій въ рѣку, вода котораго считается японцами цѣлительною. Придя къ этому ручью, мы напились изъ него. Не знаю, цѣлительна ли вода, но очень хороша на вкусъ, и чиста. Мы воротились въ юрту порядочно усталые. Аинъ намъ все повторялъ: русскій много ходитъ! Вообще, любящіе покой, аины очень удивляются нашимъ обычаямъ и образу жизни. Поѣздки въ дурную погоду, по дурнымъ дорогамъ большими разстояніями, безъ отдыховъ, во время осмотра страны, всегда казались имъ удивительными. Напившись чаю съ невыразимымъ удовольствіемъ, я началъ свои наблюденія надъ собравшимся обществомъ аиновъ. Хозяинъ юрты—трудолюбивый аинъ (значить рѣдкій); жена его, молодая женщина довольно пріятнаго лица и очень веселаго нрава. Познакомившись хорошо съ казакомъ Томскимъ, она шутила съ нимъ и много смѣялась, когда онъ, отвѣчая ей, дѣлалъ ошибки въ словахъ. Въ этой же юртѣ живетъ старуха, должно быть мать жены хозяина, или его самого. Аины почему-то не объясняютъ охотно родство свое и

потому имъ нельзя въ этомъ вѣрить. Впрочемъ, и во всемъ они безсовѣстно лгутъ. Старуха очень уродлива, въ особенности отвисшія толстыя губы, намазанныя синею краскою, даютъ ей страшное и отвратительное выраженіе. Я недавно узналъ, какъ айны даютъ губамъ своимъ синій цвѣтъ. Онѣ надрезаютъ ихъ пожемъ во многихъ мѣстахъ, а потомъ натираютъ углемъ или сажею. Кожа принимаетъ тотчасъ синій цвѣтъ. Когда помазаны собственно однѣ только губы, то это еще не такъ гадко, но большею частью и часть лицевой кожи, окружающей губы, тоже окрашена, и очень неровно и неправильно. Старуха эта удивила меня стоическимъ молчаніемъ и неподвижностью, и что удивительно, что при отсутствіи всякаго движенія она могла почти все время ѣсть. Это есть общая привычка айновъ,—они вдругъ не ѣдятъ много, но почти каждый часъ возобновляютъ ѣду. При способѣ ихъ жизни, т.-е. бездѣйствіи, подобная привычка есть необходимость имѣть какое-нибудь занятіе, оттого и непрерывное куреніе табаку такъ распространено между ними.

Я легъ спать очень рано, и потому проснулся почью и не могъ болѣе заснуть. Поправивъ костеръ, я придвинулся къ нему, чтобы согрѣться. Не имѣя часовъ, я не зналъ, сколько осталось времени до разсвѣта. Наскучивъ сидѣть ничего не дѣлая, я разбудилъ своего казака и велѣлъ готовить чай. Аинъ тоже проснулся. Мы напились чаю, но разсвѣтать не начинало. Томскій спросилъ айна, сколько осталось до разсвѣта; тотъ вышелъ изъ юрты посмотрѣть небо, и возвратившись показалъ руками семь сажень, какъ они мѣряютъ дабу и проч. Меня очень позабавилъ этотъ способъ измѣренія времени, въ которомъ я конечно ничего ни понималъ. Послѣ чаю сонъ началъ клонить меня, и я снова уснулъ. Скоро послѣ разсвѣта, я всталъ и тотчасъ снарядился въ дорогу. Въ 10-мъ часу утра я пріѣхалъ въ Томари. Во время пребыванія моего въ Тутогъ, я снова разспрашивалъ про русскихъ, бывшихъ на Сахалинѣ. Аинъ разсказалъ мнѣ, что передъ прошедшее лѣто пріѣхали на лодкѣ четверо русскихъ, такъ же одѣтыхъ, какъ наши матросы, что никто не знаетъ откуда они пріѣхали, что японцы ихъ отвезли на Мацмай. Этотъ разсказъ навелъ меня на мысль, что можетъ быть это были матросы, бѣжавшіе изъ Петровскаго; постараюсь разъяснить это дѣло.

Еще разсказалъ мнѣ тотъ же аинъ про дурной поступокъ съ нимъ Хойры (также аинъ). Когда онъ пріѣхалъ въ Томари съ тѣмъ, чтобы на другое утро ѣхать со мною въ Тутогу, онъ остановился, какъ и прежде дѣливалъ, ночевать у насъ въ 3-й казармѣ. Хойра тамъ же спалъ. Послѣдній легъ спать, а пріѣхавшій

аинъ разговаривалъ еще съ казакомъ Крупенинымъ. Увидѣвъ на стѣнѣ казацкія сабли, онъ попросилъ показать ихъ и спросилъ, когда и какъ Крупенинъ надѣваетъ ее на себя. Тотъ довольно глупо привелъ въ примѣръ, что если бы джанчинъ приказалъ воевать съ японцами, то онъ бы надѣлъ саблю и пошелъ бы сражаться. На другой день Хойра пошелъ въ домъ японцевъ и разсказалъ, что аинъ изъ Туотоги говорилъ въ русской казармѣ, что хорошо бы ихъ саблями перебить японцевъ. Японцы, всегда принимавшіе хорошо этого трудолюбиваго аинъ, услышавъ этотъ разсказъ, приняли его холодно, когда онъ зашелъ къ нимъ; онъ спросилъ аинновъ, не знаютъ ли они причину, и тѣ передали ему, что Хойра виновникъ этому. Разсказавъ мнѣ это, онъ просилъ меня, чтобы я принялъ участіе и его дѣлѣ. Возвратившись домой, я тотчасъ послалъ Дьячкова къ японцамъ разсказать какъ было дѣло, а Хойру, сознававшего въ своей винѣ, выгналъ изъ своего дома, не велѣвъ приходить ко мнѣ, но давъ впрочемъ ему въ видѣ жалованья за февраль мѣсяцъ (онъ ежемѣсячно получалъ отъ меня одинъ рубль серебромъ кромѣ гривенниковъ, которые выпрашиваетъ у меня какъ удѣлить) табаку. Японцы, казалось, повѣрили Дьячкову и относились съ похвалами объ аинѣ, общались по прежнему хорошо принимая его. Аинъ этотъ мнѣ нравится тѣмъ, что онъ прямо высказываетъ, что онъ желаетъ работать и служить и русскимъ и японцамъ, что дѣйствительно и дѣлаетъ.

18-го числа, я далъ шабашъ людямъ по случаю масляницы. Самъ же я въ этотъ день отправился прогуляться на рѣку Пуруанку, впадающую въ сосѣднюю бухту Пуруантъ-Томари. Я отправился на лыжахъ съ Томскимъ, съ полнымъ охотничьимъ приборомъ и съ подрастающей моею собакою Соболькою. Мы пошли прямо черезъ горы и послѣ крутыхъ и высокихъ спусковъ и подъемовъ, гдѣ я нѣсколько разъ упалъ, достигли наконецъ рѣки и пошли вверхъ по ней. Она течетъ по долинѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ открытой отъ лѣсу, около версты шириною. Въ верстахъ 4-хъ отъ устья она такъ суживается, что образуетъ только ручей. По долинѣ растетъ лѣсъ довольно хорошій. Направленіе долины къ Ю. Слѣды лисицъ, росомахъ, кабарги, бѣлокъ, зайцевъ видны по всѣмъ направленіямъ. Во 2-мъ часу я воротился домой. Послѣ обѣда я вспомнилъ, что наканунѣ былъ день рожденія брата Владиміра. Да простить меня онъ, что, не имѣя интереса слѣдить за временемъ и числами, я позабылъ и о днѣ его рожденія. Вспомнивъ это, я велѣлъ подать вино, выпилъ за здоровье его рюмку вина, и выдалъ по рюмкѣ вина служащимъ у меня въ домѣ.

19-го. — Сегодня пріѣхали въ Томари 5 самогировъ. Они приѣзжали изъ Петровскаго зимовья отъ Г. И. Невельскаго записку въ нѣсколько строчекъ, въ которыхъ сказано, чтобы принять ихъ хорошо и угостить. Вотъ все, что я получилъ съ такъ нетерпѣливо ожидаемою почтою, которую мнѣ Невельской обѣщалъ непременно послать изъ Петровскаго зимовья. Кромѣ Невельскаго, никто не писалъ. Самогиры эти встрѣтили въ Сарѣ-Моуѣ Самарина, который благополучно выѣхалъ оттуда далѣе и не далъ о себѣ никакого письменнаго извѣстія. Самогиры, судя по ихъ наружности, должны принадлежать къ монгольскому племени. Живутъ они по Амуру и его притокамъ. Одинъ изъ нихъ говоритъ немного по-ански. Они пріѣзжаютъ обыкновенно торговать въ Сирануси. Въ Кусунъ-Катанѣ (берегъ Анивы) они, разумеется, въ первый разъ, потому что сюда имъ не позволено было ѣздить. Самогиры заплетаютъ волосы въ косы, какъ гилеи, носятъ серьги и манжурскіе кафтаны. Одинъ только изъ нихъ былъ одѣтъ въ собачью шубу. Они пріѣхали на 45-ти собакахъ. Ихъ помѣстили жить въ казармѣ, расположивъ ихъ около чумала у огня, ихъ божества. Кормить ихъ не затруднительно, но съ собаками ихъ не знаю, что дѣлать. Они ходили къ японцамъ, которые сначала-было очень недружелюбно приняли ихъ, имѣя запрещеніе принимать вообще ихъ; но прочитавъ письмо отъ японца Яма-Мадо, встрѣтившагося на дорогѣ съ самогирами, Мару-Яма высказалъ въ нимъ Асаную, и тотъ обласкалъ ихъ и сказалъ въ извиненіе, что джанчинъ японцевъ не приказываетъ принимать ихъ зимою въ Кусунъ-Катанѣ для того, чтобы они ѣздили лѣтомъ въ Сирануси торговать съ нимъ.

23-го. — Вчера уѣхали самогиры обратно въ Петровское. Я послалъ съ ними карты всѣхъ осмотрѣнныхъ береговъ и карту залива Невельскаго-Идунка и письмо на имя Невельскаго. Я спрашивалъ самогировъ о времени очищенія отъ льда «Императорской гавани». Они говорятъ, что въ 1-й половинѣ марта уже гавань будетъ чиста, только по берегамъ останутся промоя. Если это правда, то суда стоящія тамъ могутъ придти въ одно время съ японскими, если капитаны ихъ не упустятъ времени, что было бы непростительно. Но я думаю, что показаніе самогировъ несправедливо — не можетъ быть, чтобы подъ 49 град. и на азіатскомъ восточномъ берегу ледъ расходился въ одно время какъ въ бухтѣ залива Анивы. У насъ уже началась весна. Солнце сильно грѣетъ и снѣгъ быстро сходитъ.

Когда я пишу эти строки — 6 час., изъ моего окошка видно, какъ блестящее, яркое солнце тихо спускается за горы запад-

наго берега залива, освѣтивъ тысячью цвѣтами тихія неподвижныя воды моря. Прекрасное зрѣлище!

24 числа уѣхалъ Рудановскій для осмотра Ю.-В. берега Сахалина. Если погода дозволитъ ему составить хорошую карту тѣхъ береговъ, то это будетъ очень пріятно, потому что мы тогда будемъ имѣть большую карту всего Айну-Катана. Но какъ эту новую опись уже я не успѣю сообщить къ Невельскому, то ее можно бы было безвредно оставить до прихода судовъ, когда у насъ будетъ болѣе средствъ, и даже это сдѣлать было бы полезно, потому что тогда у насъ было бы еще 8 собакъ свободныхъ, которыхъ хотъ я назначилъ собственно для разъѣздовъ и легкой ѣзды, но при необходимости ниспѣшитъ работами, въ особенности доставкою льда, я конечно употребилъ бы ихъ въ работу.

Наконецъ я получилъ письма отъ Самарина и даже три вдругъ. Онъ благополучно доѣхалъ до гилъскаго селенія Тамо, откуда по переѣздѣ черезъ Татарскій проливъ осталось только 5 сутокъ ѣзды. Изъ Тамо онъ писалъ отъ 5-го февраля и потому надо полагать, что въ половинѣ февраля онъ пріѣдетъ въ Петровское, а если его тамъ не задержатъ, то онъ еще можетъ возвратиться по зимнему пути.

Посѣщенія айновъ рѣшительно вывели меня изъ терпѣнія; съ ранняго утра до вечера, одинъ за другимъ приходятъ ко мнѣ, и для чего—для того, чтобы сѣсть на полу и глазѣть на меня и на комнату. Не умѣя обращаться съ дверьми, они оставляютъ ихъ растворенными, не понимая того, что простудить комнату есть какое-нибудь неудобство. Двери у перегородки сдѣланы съ ручками и задвижками. Не умѣя отворить ихъ, они долго возятся, наконецъ волею неволею приходится вставать, чтобы открыть дверь. Прошу покорно заняться чѣмъ-нибудь. Вотъ и теперь два дурака сидятъ на полу и глазѣютъ. Я, конечно, не обращаю вниманія на нихъ, потому что если со всякимъ разговаривать, такъ не доставеть ни силъ, ни терпѣнія. Единственное средство отдѣлаться отъ нихъ, это уходить изъ дому и бродить безъ дѣла по двору. Необходимо надо имѣть домъ въ нѣсколько комнатъ, изъ которыхъ одну назначить собственно для этихъ неспособныхъ гостей, устроивъ въ ней камины, которые бы вытягивали вонъ махорки.

Сетокуреро провожалъ Самарина до Тарайки и теперь пріѣхалъ сюда, чтобы получить подарки и привести письмо. Въ этотъ разъ съ нимъ пріѣхало менѣе айновъ. Но за то ихъ много собралось для работъ у японцевъ; ихъ-то визиты и докучаютъ мнѣ.

4-е марта. — Вчерашній день опять прошелъ въ пріемѣ пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ айновъ. Первые являются съ словами: «чокой огнанъ, чокой котанъ, орики джанче мекура!» вторые — «чокой танто арики, джанче нукора, чокой орики джанче срамна!» Эти прощанія и поклоны имѣютъ всегда одну и ту же дѣль, — выпросить рюмку вина или папушу табаку. Скоро ли Богъ поможетъ мнѣ оставить отечество несноснѣйшихъ айновъ.

5-го или 6-го числа Рудаповскій возвратился съ поѣздки на берегъ Охотскаго моря (Арутора). Онъ рассказываетъ, что въ селеніяхъ въ Аруторо у айновъ голодъ. Отъ японцевъ я узналъ, что въ Сирапуси и Малѣ то же голодъ. Японцы отправили тула своего эконома для выдачи айнамъ рису изъ маукинскихъ магазиновъ. Когда разойдется ледъ, они хотятъ послать изъ Томари на лодкахъ *ероки* (сушеная рыба) и рисъ. Въ Аруторо поѣхалъ айнь Испонку разузнать о состояніи тамошнихъ селеній. Я приказалъ ему сказать айнамъ, которые не имѣютъ нищи, пріѣхать къ русскимъ, и что мы имъ даромъ выдадимъ крупы и гороху. Айны говорятъ, что у нихъ бываетъ ежегодно голодъ потому, что лѣтомъ японцы ихъ сгоняютъ на работы, такъ какъ для собственнаго запаса рыбы на зиму некому работать. А платы же за лѣтнюю работу даютъ только по одному халату, по двѣ малыхъ чашки рису и 2 папуши табаку да боченокъ водки. Зимой же, табакъ и вино они покупаютъ отъ японцевъ за пушной товаръ. Если это справедливо, то обращеніе японцевъ безчеловѣчно. Къ сожалѣнію, нельзя положиться на слова айновъ, и потому узнать вполнѣ, какъ именно японцы дѣйствуютъ, можно только изъ собственныхъ наблюденій. Сирибенусъ говорилъ мнѣ, что когда японцевъ еще не было на Сахалинѣ, то айны промышляли китовъ, но что теперь японцы считаютъ китовъ своею собственностью и не даютъ промышлять ихъ лѣтомъ айнамъ; осенью, когда выбрасываетъ иногда убитыхъ китобоями китовъ, они берутъ все себѣ, ничего не давая айнамъ.

Съ японцами мы теперь все болѣе и болѣе сближаемся. Они совершенно убѣдились въ томъ, что мы не хотимъ отнимать у нихъ ихъ промышленности на Сахалинѣ и что присутствіе наше только имѣетъ вліяніе на ихъ отношенія къ айнамъ. Еслибы правительство ихъ не виѣшалось въ дѣйствія японцевъ на Сахалинѣ, то вѣроятно они скоро сдружились бы съ русскими и оставили въ покоѣ айновъ, производя работы только своими работниками съ Мацмая. Конечно, имъ было бы жаль потерять свое господство надъ землею и жителями, но выгоды торговли съ русскими вознаградили бы позже эту потерю. Я полагаю, что еслибы русскіе пришли въ качествѣ ры-

болововъ на Сахалинѣ, объявивъ японцамъ, что, имѣя нужду въ рыбѣ и считая Сахалинъ непринадлежащимъ Японіи, они будутъ заниматься рыбными промыслами такъ же, какъ японцы, то это не такъ испугало бы ихъ правительство. Но занятіе военной страны, угрожая ихъ другимъ колоніямъ на Итурунѣ и Кунамарѣ, уже должно быть для Японіи слишкомъ важнымъ происшествіемъ, чтобы правительство ея не приняло серьезно участія въ немъ. — На этихъ дняхъ у меня былъ въ гостяхъ Яма-Мадо и Асануя и мы рассказывали другъ другу объ обычаяхъ нашихъ краевъ. Я спросилъ ихъ, видѣли ли они своего императора, они отвѣтили, что нѣтъ, что если простой человѣкъ на него посмотритъ, то потеряетъ зрѣніе. Императора носятъ въ закрытыхъ носилкахъ, окружаютъ стражами, которые разгоняютъ народъ. Вельможи имѣютъ доступъ къ императору. Императоръ имѣетъ нѣсколько женъ. Въ жены онъ беретъ дочерей вельможъ своихъ. Сыновья его женятся на дочеряхъ то же знатныхъ людей, а дочери выходятъ замужъ за владѣтельныхъ князей. — На этихъ же дняхъ я опять выслушалъ рассказъ о русскихъ пришельцахъ на Сахалинѣ и о разбившемся американскомъ китоловномъ суднѣ около Сирануси, въ 1848-мъ году. Съ послѣдняго спаслись десять человѣкъ, между которыми были и негры. Нужно будетъ сообщить объ этомъ американцамъ, чтобы они выручили своихъ соотечественниковъ, которыхъ, по словамъ айновъ, японцы увезли на Мацмай. Про русскихъ, кажется, можно вѣрно сказать, что они пришли на Сахалинъ лѣтомъ, въ 1849-мъ году. Въ которомъ году пропалъ безъ вѣсти «Курилъ» — можетъ быть, это были спасшіеся съ него люди.

8-ю марта. — Сегодня утромъ, въ 9-мъ часу, произошелъ несчастный случай у насъ на работахъ. При установкѣ тѣна между моимъ домомъ и 3-ей казармой, упало четыре бревна на урядника Томскаго и сильно ушибло его. Благодаря Бога, кажется ушибъ не опасенъ. Я хотѣлъ во вторникъ уѣхать въ Туннойчу посмотреть на озеро, но отложилъ до среды, чтобы выждать первыя слѣдствія ушиба Томскаго. Ему лучше и потому я выѣхалъ въ среду, въ 5-мъ часу утра. Я взялъ съ собою Дьячкова. Въ двѣ наши нарты запрягли мы десять собакъ, по пяти въ каждую. Моя нарта, составленная изъ выбранныхъ лучшихъ собакъ, неслась съ необычайною быстротою. Дьячковъ постоянно отставалъ. Въ Кусунъ-Катанѣ я зашелъ къ знакомому айну Омаска. Выкуривъ сигару, поѣхалъ далѣе. Дорога отъ Кусунъ-Катана до Гинесота очень дурна; она идетъ по разломавшемуся льду на взморьѣ. Приходится безпрестанно перепрыгивать съ нартою съ льдины на льдину. Длина нарты очень

особствуетъ къ этого рода ѣздѣ. Въ Гинесотѣ пріѣхалъ въ нѣмъ часу. Остановился обѣдать въ юртѣ у слѣпого старика. Обѣдавъ, выѣхалъ далѣе въ сопровожденіи аинна, напросившись провожать меня. Дорога поворачивается у Гинесота къ веру и идетъ сначала черезъ лѣсъ, а потомъ выходитъ къ веру Гинесото; переѣхавъ его, мы опять въѣхали въ лѣсъ, а изъ него снова на озеро, которое гораздо болѣе озера Гинеса; за этимъ озеромъ дорога опять углубляется въ лѣсъ, изъ котораго уже выходитъ на большое озеро Тунайго. Это озеро есть верстъ 40 въ окружности и лѣтомъ должно быть чрезвычайно живописно. Высокія горы, небольшія долины лѣса окружаютъ его цѣнью прекрасныхъ видовъ; переѣздъ съ озера къ берегу моря очень короткій. Я подѣхалъ къ юртамъ селенія Тунайго при закатѣ солнца. Сдѣлавъ переѣздъ около 70-ти верстъ, я порядочно замучилъ и себя и собакъ. Ёзда на собакахъ нартѣ, по дурной дорогѣ, не многимъ спокойнѣе верховой. Миланка, въ которой я остановился, очень душная и дымная, расположена въ лѣсу. Тутъ я узналъ, что по всему охотскому берегу айны голодуютъ, но однако голодъ не такъ силенъ, какъ въ Сирабуси; тутъ, по крайней мѣрѣ, еще есть немного собачьего корму, который айны ѣдятъ вмѣстѣ съ собаками. Я велѣлъ сварить каши и чаю на всѣхъ айновъ, бывшихъ въ юртѣ. На другой день, рано утромъ, пока запрягали собакъ, я вышелъ на берегъ моря. Все пространство его, какое обниметъ глазъ, покрыто было льдомъ. Селеніе Тунайго расположено у Корвинова залива. Вообще климатъ восточнаго берега Сахалина гораздо холоднѣе западнаго и, разумѣется, южнаго. Къ вечеру я воротился домой.

17-го марта.—Сегодня пришли ко мнѣ японцы Мару-Яма, Ина-Мадо и Асануя, чтобы сказать мнѣ, что они хотятъ помѣсть большую лодку (бонкасъ) на Мацмай, въ Сою, съ бумагами и письмами, но что если это мнѣ не нравится, то они не ошкуютъ. Я имъ объяснилъ, что ни теперь, ни послѣ русскіе никогда не будутъ мѣшаться въ подобныя распоряженія японцевъ, что они могутъ свободно посылать лодки свои куда хотятъ. Я угостилъ ихъ любимую ими сато-саки (экстрактъ-пуншъ) чаемъ. Я полагаю, что намъ очень полезно, что на Мацмай получаютъ извѣстія о нашихъ дѣйствіяхъ на Сахалинѣ: такъ, въ тамъ знаютъ съ осени о прибытіи русскихъ и числѣ ихъ.

23-го марта.—Сегодня ушла японская лодка въ Сою, на Мацмай, съ двумя японцами и 15-ю айнами. Въ прошедшую субботу я послалъ съ Хойро и другимъ айномъ собачій кормъ на встрѣчу Самарину. Я поручилъ имъ развезти его по селеніямъ

гдѣ придется почевать Самарину, оставляя во всякомъ такомъ селеніи на 35 собакъ корму. Я велѣлъ Хойрѣ проѣхать далѣе.

Цынга опять усилилась. Невыходящихъ на работу больныхъ цынгою 19 чел., считающихся здоровыми, но тоже подверженныхъ цынгѣ трое. Всего же больныхъ, съ другими болящими, 37 чел., изъ нихъ 9 человекъ трудно больныхъ, которые не могутъ подняться съ кровати. На работу выходятъ 20 человекъ.

Вторая башня еще не кончена, соломенные крыши еще не спяты, досокъ не напилено. Если японцы захотятъ насъ заставить врасплохъ, то это имъ не трудно будетъ сдѣлать.

7-го *апрѣля*.—Японцы прислали мнѣ свазать, что пять ихъ судовъ пришли въ Сирануси и что завтра они будутъ въ Томари. На нихъ пріѣхали рабочіе для промысловъ. Итакъ, кажется, японцы рѣшили продолжать свои промыслы; желательно, чтобы это было такъ. Число больныхъ достигло до 40 человекъ. Хорошо, что не много осталось работы: башня и крыши на 1-й и 3-й казармахъ окопаны, остается покрыть кухню крышею.

9-го *апрѣля*.—Вчера пріѣхалъ на лодкѣ изъ Сирануси одинъ изъ японцевъ, прибывшихъ съ Мацмая. Японецъ этотъ старается старше Мару-Ямы. Онъ говорилъ рѣчь собравшимся апамъ, убѣждая ихъ по прежнему продолжать работать для японцевъ, объясняя, что приходъ русскихъ не касается до нихъ, что японцы не знаютъ, зачѣмъ пришли они, и что ни японцы, ни апсы ничего не имѣютъ общаго съ этимъ народомъ. Казакъ Дьячковъ присутствовалъ при этой рѣчи. Сегодня, вновь пріѣхавшій японецъ пришелъ ко мнѣ съ Мару-Яма и Асануей. Я принялъ ихъ ласково и угостилъ. Изъ поведенія этого японца надо полагать, что японцы думаютъ несовсѣмъ дружно повести дѣла съ нами. Въ настоящее время пришло 1 большое судно и 5 малыхъ въ Сирануси. Въ Соѣ, по словамъ японцевъ, собралось много солдатъ и офицеровъ. Я перевелъ почевать два капральства въ вѣрность и усилилъ караулъ. Днемъ дѣлалъ тревогу для указанія мѣстъ людямъ. Орудія заряжены картечью. По почамъ я поочередно чередуюсь дежурствомъ по вѣрности съ Рудаповскимъ.

II.

13-го *апрѣля*.—Наконецъ, наступило время, когда ясно должны были выказаться всѣ предсказанныя мною невыгодызанія японскаго селенія Томари. Вотъ уже 9-я сутки, какъ японцы высадились въ Сирануси, и давно должны были бы у нихъ начаться

работы приготовительныя для рыбныхъ промысловъ съ помощью аиновъ. Но японцы нейдутъ, аины разбѣжались — несмотря на всѣ ласки наши и уговариванія тѣхъ и другихъ, чтобы безразвѣдно начинали свои работы.

Сколько дѣйствительно пріѣхало судовъ и японцевъ, съ какими намѣреніями они пріѣхали — мы рѣшительно не можемъ знать. Аины говорятъ розно — японцы говорятъ розно — отъ Березкина, посланнаго разузнавать, нѣтъ извѣстій. Одни говорятъ, что пришло однихъ джанчиновъ 15 ч., другіе говорятъ — трое, третьи — одинъ. Аины толкуютъ, что пушки привезены, японцы отрицаютъ это. Обращеніе съ нами какъ японцевъ, такъ и аиновъ оставшихся при нихъ, тоже измѣнилось. Японцы приходятъ къ намъ, но во всѣхъ ихъ словахъ видно, что они что-то скрываютъ. Аины рѣдко показываются, можетъ быть потому, что японцы настраивали ихъ. Я хотѣлъ послать записку въ Березкину, но не нашлось ни одного аина, который бы согласился доставить ее. Видя необходимость выйти изъ этого положенія, я призвалъ къ себѣ японца Асануя и сказалъ ему обо всемъ, что я замѣтилъ и что я изъ этого вывожу — или японцы, не довѣряя русскимъ, нейдутъ на работы, боясь, что мы ихъ встрѣтимъ враждебно, или японцы хотятъ драться съ нами, и поэтому скрываютъ въ какомъ числѣ пришли. Въ первомъ случаѣ они худо дѣлаютъ, потому что должны были убѣдиться изъ обращенія русскихъ съ ними, какъ мы хотимъ дружно жить съ ними. Если же хотятъ драться съ нами, то пусть идутъ, мы готовы, а обманывать насъ и лгать не къ чему, потому что это нисколько не поможетъ имъ. Бѣдный Асануя совершенно былъ ошеломленъ моею рѣчью и началъ говорить, что японцы не хотятъ драться съ русскими, потому что драться худо. Я на это ему замѣтилъ, что дѣйствительно это худо, потому что тогда навѣрно японцамъ придется уходить съ Сахалина, между тѣмъ если они будутъ дружны съ нами, то будутъ по прежнему свободно продолжать рыбные промыслы. Потомъ я ему сказалъ, что я слышалъ, какъ японцы худо обратились съ Березкинымъ, и хотя я знаю, что аины много врутъ, но такъ какъ и японцы послѣднее время розно говорили, то чтобы убѣдиться, что Березкинъ свободенъ, я требую, чтобы японцы свезли ему письмо отъ меня и чтобы онъ не позже какъ черезъ шесть сутокъ или пріѣхалъ самъ или написалъ записку. Асануя съ робостью взялся исполнить мое порученіе. Съ тѣмъ мы разстались.

На другой день утромъ въ 5 часовъ онъ пришелъ ко мнѣ въ сопровожденіи аиновъ Пенкуфнари и Исповку и сказалъ

мнѣ, что послѣдній былъ посланъ отвезти Березкину мою записку и встрѣтилъ на пути Пенкуфнари, ѣхавшаго изъ Тіотомари отъ японскаго начальника съ извѣстіемъ ко мнѣ, что онъ уприсялъ Березкина ѣхать съ нимъ на суднѣ въ Томари, что бытъ увѣреннымъ, что русскіе не будутъ стрѣлять въ ихъ суда, что суда эти въ этотъ же день надѣются прибыть къ нашей селенію. Какъ ни странно было это объясненіе, но я рѣшился удовольствоваться имъ, такъ какъ развязка дѣла должна бы скоро наступить. Въ часъ пополудни, когда я обѣдалъ, часовые дали знать, что въ направленіи къ Тіотомари показалось четыре паруса. Я взомель на башню и довольно ясно рассмотрѣлъ и подзорную трубу одинъ большой и три малыхъ конкасы. Конкасы, это—большая палубная лодка, въ родѣ тѣхъ, на которыхъ финляндскіе крестьяне привозятъ дрова въ Петербургъ. Ясно было, что на подобныхъ четырехъ судахъ (одно изъ нихъ немножко болѣе было другихъ) нельзя перевезти больше 200 или 250-и человѣкъ; а еще яснѣе, что японцамъ и въ голову не можетъ придти, чтобы съ подобнымъ числомъ можно было атаковать 60 русскихъ матросовъ съ 8-ю пушками. Поэтому приказалъ дать мнѣ знать, когда можно будетъ различать людей на судахъ, а пошелъ отдохнуть. Въ 5 часовъ мнѣ дали знать, что видны люди на судахъ. Я поднялся на башню съ Рудановскимъ и принялся разсматривать пріѣхавшихъ гостей. Съ башни какъ былъ виденъ и пріемъ приготовленный японцамъ на берегу. Храмы ихъ были разцвѣчены флагами съ надписями. Отъ того мѣста, гдѣ должны пристать суда, была огорожена съ двухъ сторонъ аллея посредствомъ матовъ, поддерживаемыхъ колыями. Человѣкъ 30 айновъ помѣстились на колыяхъ;—до прихода русскихъ, по 300 человѣкъ встрѣчало японскаго джанчина, но теперь айны разбѣжались, боясь, что будетъ сраженіе. Я приказалъ выдти пѣсенникамъ, чтобы встрѣтить японцевъ не пушками, какъ они полагали, а веселою русскою пѣсней. Суда приближались, такъ что видно было людей простымъ глазомъ. Тогда отчалила гребная лодка съ 2-мя японцами и 12-ю или 14-ю айнами гребцами. Большой конкасъ обогналъ другихъ и первымъ прошелъ мимо нашей крѣпости. Пѣсенники взошли на нижнюю башню—и «Ахъ вы, сѣни, мои сѣни, сѣни новыя мои» раздалось по заливу. Видно было, какъ на конкасѣ японцы съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣли на насъ. Ихъ было на суднѣ не болѣе 20-ти человѣкъ, а на маленькихъ конкасахъ человѣкъ по 10-ти. На первомъ изъ малыхъ конкасей пріѣхалъ младшій офицеръ. Когда онъ сошелъ на берегъ, всѣ айны и японцы встали на колыни и преклонили головы; онъ отвѣчалъ на ходу

являлись поднятіемъ рулѣ. За нимъ шло пять человѣкъ, изъ которыхъ только двое, кажется, были солдаты—и изъ нихъ двое держали ружья вольно на правомъ плечѣ, въ чехлахъ, а третій несъ высокую пилу; остальные двое, кажется, имѣли за поясами сабли,—я хорошенъко не могъ разсмотрѣть въ зрительную трубу. На слѣдующемъ конкасъ пріѣхалъ старшій офицеръ — сѣдой паричокъ. За нимъ шло 8 человѣкъ—двое съ ружьями, одинъ съ пилкой, одинъ со щитомъ, одинъ съ подушкой и трое съ саблями. Прежде вышедшій на берегъ джанчинъ пошелъ на встрѣчу къ старику и потомъ направился къ дому впереди его, какъ бы указывая дорогу. Оба они вошли черезъ особенный входъ въ домъ, которымъ никто кромѣ ихъ не имѣетъ права ходить. Только конвой слѣдовалъ тоже за ними. На послѣднемъ конкасъ пріѣхали казаки (Березкинъ и матросъ Алексѣевъ). Второй по старшинству джанчинъ тотчасъ же пошелъ съ ними ко мнѣ, взявъ съ собою двухъ японскихъ солдатъ, японца Яма-Мадо и одного работника тоже японца, который несъ за нимъ ящикъ, а также и анна Пенкуфнари. Я спустился съ башни въ свою комнату, чтобы принять японцевъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій рѣшились и начались увѣренія во взаимной дружбѣ. Въ это время къ принесеннаго ящика они вынули чайникъ и чашки и начали готовить чай. Странное обыкновеніе ходить въ гости съ своимъ чаемъ. Я велѣлъ подать нашего чаю, черносливъ и экстрактъ вуншу, единственные угощенія, которыя мы имѣемъ на Сахалинѣ. Японскій офицеръ объяснилъ по-аински, что онъ здѣшній мѣстный начальникъ надъ промышленными заведеніями. Онъ былъ одѣтъ въ довольно богатую шелковую одежду и имѣлъ за поясомъ двѣ сабли, одну большую, другую малую, обѣ заткнутыми у лѣваго бедра. Отъ меня онъ зашелъ къ Рудановскому. Простившись съ нами, онъ сказалъ, что старшій начальникъ еще не пріѣхалъ, а когда пріѣдетъ, то придетъ ко мнѣ. Онъ насъ обманывалъ, но для какой цѣли? Можетъ быть, онъ хотѣлъ зазвать меня къ себѣ отдать визитъ и завести къ старшему офицеру, заставивъ меня такимъ образомъ сдѣлать первымъ ему визитъ. Мнѣ не хотѣлось даться въ обманъ, потому, что мое поведеніе въ настоящемъ случаѣ имѣло бы большое значеніе и для японцевъ и для аиновъ. Въ шесть часовъ вечера я послалъ съ гостинцами къ посѣтившему меня офицеру—фельдфебеля Телепова и казака Дьячкова. Они отнесли голову сахару и нѣсколько фунтовъ черносливу и изюму. Ихъ приняли съ большими ласками и угощали чаемъ. Гостинцы отнесли въ комнату офицера. Бывшій у меня офицеръ вышелъ и сказалъ, что его начальникъ (онъ вѣроятно уже рѣшился признаться, что онъ здѣсь) еще не ви-

дѣлъ русскаго начальника и потому не можетъ принять гостиницы. Сидѣвшій тутъ Мару-Яма что-то сказалъ ему, и онъ возвратился опять въ комнату, откуда вышелъ снова, объявивъ, что джанчинъ принялъ гостинецъ и благодарить. Телеповъ и Дятловъ возвратились домой. Между тѣмъ я разспросилъ казанъ Березкина про встрѣчу его съ японцами на зап. берегу Анивы. Казакъ Березкинъ и матросъ Алексѣевъ были посланы мною къ мысу Сиракуси съ приказаніемъ караулить приходъ японскихъ судовъ и нашихъ, съ тѣмъ, что если японцы придутъ въ силахъ и съ оружіемъ, то тотчасъ же возвратиться самими съ извѣстіемъ объ этомъ; если же придутъ, на Сахалинъ собственно только рабочіе и въ небольшомъ числѣ, то оставаться тамъ, не обращая вниманія на японцевъ. Въстѣ съ тѣмъ они были мною предупреждены, что такъ какъ неизвѣстно, съ какимъ намѣреніемъ придутъ японцы на Сахалинъ, то чтобы они были осторожны и въ случаѣ пужды пошли бы обратно горами, нисколько не полагаясь на аиновъ.

III.

Вотъ разсказъ Березкина о случившемся съ нимъ:

«5-го апрѣля, я и матросъ Алексѣевъ вышли изъ Муравьевскаго поста съ провизіей на 10 сутокъ и съ ружьями. Того же числа мы дошли до р. Туотоги, гдѣ и почевали въ аинской юртѣ. На другой день пошли далѣе на напнятой лодкѣ съ двумя аинцами и встрѣтили у села Тапанай одного японца съ 7-ю аинцами на лодкѣ, ѣхавшихъ въ Томари. Отъ нихъ мы услышали, что пришло 4 япон. судна съ 50-ю чел. рабочихъ, изъ которыхъ десять ушли въ Мауну, а прочіе остались въ Сиракуси. Написавъ извѣстіе это, мы поѣхали далѣе и дошли до р. Исесуторо, гдѣ и остановились почевать въ пустой аинской юртѣ. Аины, провожавшіе насъ, хотѣли оставить насъ, боясь провожать русскихъ къ мѣсту высадки японцевъ. Мы уговорили ихъ перевезти еще насъ черезъ небольшую рѣчку, которую намъ иначе пришлось бы переходить въ бродъ. Они согласились. На другой день, только что мы выѣхали, встрѣтили 2-хъ японцевъ съ 7-ю аинцами, ѣхавшими на лодкѣ въ Томари. Одинъ изъ японцевъ былъ нашъ знакомый Яма-Мадо. Онъ спросилъ меня, зачѣмъ я иду въ Сиракуси, я отвѣчалъ что меня послали стеречь русскія суда. На это онъ мнѣ сказалъ, чтобы я воротился, потому что японцы пріѣхали съ Мацмая, и чтобы мнѣ не было худо повстрѣчаться съ ними. На это я отвѣчалъ,

то не знаю, будетъ ли мнѣ худо или хорошо, но что воротиться не могу, потому что мой начальникъ приказалъ идти. Яма-Мадо не переставалъ уговаривать меня воротиться, говоря, что онъ вмѣстѣ придетъ со мною къ вамъ, чтобы объяснить, почему вернулись и что тогда вы не будете на меня сердиться. Я не соглашался. Онъ погрозилъ, что возьметъ силою насъ; тогда мы съ Алексѣевымъ взяли за ружья и сказали ему, что устъ попробуетъ.

— «Такъ вы не боитесь идти въ Сирануси, гдѣ теперь много японцевъ и гдѣ они могутъ васъ убить». — Не боимся, отвѣчалъ я. — «Ну такъ я съ вами поѣду, чтобы поговорить объ насъ съ джапчиномъ». Мы поѣхали; товарищъ же Яма-Мадо продолжалъ путь въ Томари. Къ ночи мы пріѣхали въ Тіатомари, гдѣ застали одного японца, работавшаго въ японскомъ домѣ. Яма-Мадо звалъ меня почевать въ этотъ домъ, но я отказался, сказавъ, что мнѣ не приказано занимать подъ ночлеги японскіе дома. Утромъ мы пошли пѣшкомъ далѣе и послѣ двухъ часовъ пути, у небольшой рѣчки встрѣтили 3-хъ японцевъ шедшихъ пѣшкомъ (на заливѣ былъ ледъ). Двое изъ нихъ молодые — имѣли за поясомъ по одной саблѣ и по одному кинжалу, — третій былъ работникъ. Встрѣтившіе насъ японцы, изъ которыхъ одинъ отозвался сыномъ японскаго начальника, тоже стали уговаривать насъ воротиться хотя до Тіатомари, говоря, что туда придутъ въ тотъ же день ихъ суда и старшій начальникъ. Услышавъ это, мы согласились вернуться въ Тіатомари. Пришедъ туда, я пошелъ въ айскую юрту. Японцы тоже вошли туда и мы сѣли у огня. Когда стало смеркаться, послышался шумъ, и мы узнали отъ айпа, что суда подошли къ берегу. Японцы ушли изъ юрты. Я тоже вышелъ. Пришло два судна. Изъ нихъ японцы стали выходить поодиночкѣ, спускаясь по доскѣ. Я пересчиталъ: ихъ 94 чел.; изъ нихъ человѣкъ 15 были съ саблями, а другіе безъ оружія. Черезъ четверть часа времени прибѣжалъ Яма-Мадо съ коврами, а пѣсколько японцевъ съ чайнымъ приборомъ, и за ними вошелъ младшій японскій офицеръ. Онъ началъ угощать насъ; потомъ сказалъ намъ, что старшій начальникъ еще не пріѣхалъ изъ Сирануси, и чтобы мы лучше воротились обратно. Мы отвѣчали, что нашъ начальникъ будетъ сердиться, если мы воротимся безъ причины. Онъ сказалъ тогда намъ, что японцевъ пришло много и что мы должны бояться, а потому лучше вернуться. Мы на это ему сказали, что начальникъ нашъ не приметъ эту отговорку, да мы и не боимся японцевъ. Онъ тогда сталъ просить еще подождать въ Тіатомари, пока не пріѣдетъ старшій офицеръ. Мы

согласились; тогда онъ ушелъ. Аинъ, который былъ проводникомъ у меня отъ Туотоги, зашелъ ко мнѣ и сказалъ, что японцы приказали ему остаться въ Тіатомари, но что онъ хочетъ убѣжать. Когда наступила ночь, ко мнѣ пришелъ аинъ, слушающій при кухнѣ японской и понимающій немного японскій языкъ. Онъ сказалъ мнѣ, чтобы я не боялся, потому что японцы сами боятся русскихъ; что онъ слышалъ, какъ они говорили, что у русскихъ поставлены такъ пушки, что откуда ни подойдешь, всюду они смотрятъ; пушки эти такія сердитыя, что какъ изъ нихъ выстрѣлятъ, то они бувыреются назадъ ¹⁾, а когда изъ ружей стрѣляютъ, то они тоже такъ сердито бьются, что отталкиваютъ плечо у солдата. Узнавъ, что онъ поставленъ караулить пришедшіе суда, я попросилъ его повести меня показатъ ихъ. Онъ сначала отговаривался, но потомъ согласился.

«Мы пошли къ судамъ; ихъ было три. Зажегши фонарь, я осмотрѣлъ ихъ и увидѣлъ, что въ нихъ, кромѣ вулей съ рисомъ и съ табакомъ, ничего нѣтъ. Когда мы хотѣли уже вернуться, изъ-за послѣдняго судна аинъ увидѣлъ шедшаго къ судамъ японца. Тогда онъ тотчасъ погасилъ фонарь и сказалъ мнѣ, чтобы я убѣжалъ. Я соскочилъ съ судна и побѣжалъ по берегу къ юртѣ. Японецъ же подошелъ къ аину и спросилъ, кто приходилъ къ судну; тотъ отвѣчалъ, что аинъ; но японецъ велѣлъ ему идти съ нимъ. Они вошли въ юрту, гдѣ я уже успѣлъ усьсться у огня и закурить трубку; японецъ посидѣлъ немного и потомъ ушелъ. Аинъ передъ утромъ опять пришелъ и сказалъ, что четвертое судно пришло, что теперь собралось всѣхъ 15 джанчиновъ. Въ то время, когда онъ мнѣ рассказывалъ объ этомъ, другой аинъ прибѣжалъ сказать, что японцы идутъ въ юрту. Аинъ спрятался подъ кипу роговъ. Японцы вошли, спросили, не видѣли ли мы его, но мы отвѣчали, что нѣтъ; они начали звать его около юрты. Когда они отошли далеко отъ нашей юрты, мы выпустили его, и онъ убѣжалъ. Скоро опять поднялся шумъ — пришло еще два судна, и аины намъ сказали, что самый старшій джанчинъ пріѣхалъ. Солнце уже взошло. Послѣ того прошло около часу времени, когда къ намъ пришелъ младшій офицеръ и сказалъ по-аински, что старшій начальникъ зоветъ насъ, чтобы мы съ нимъ пошли, оставивъ ружья въ юртѣ. Я отвѣчалъ, что къ джанчину я готовъ пойти, но что

¹⁾ Зимомъ я дѣлалъ пробу боевыми зарядами. Орудіе не было приготовлено. Порохъ у насъ винтовочный, и потому дѣйствительно отъ такого заряда орудіе перевернулось. Вслѣдствіе этого я уменьшилъ заряды, рассчитанные на силу пущнаго пороха. Не думалъ я, что неудобство это такъ устрашить японцевъ.

мы не оставляю; онъ сталъ просить, я отказалъ, и мы пошли
ружьями за нимъ. У входа въ домъ было поставлено много
матовъ и флаговъ и постланы были соломенные маты. Мы во-
шли въ длинную залу. Вдоль ея сидѣли въ два ряда, одинъ про-
тивъ другого около 40-ка японцевъ съ саблями, за ними стояло
много другихъ безъ сабель. На концѣ ряда сидѣвшихъ
японцевъ стояло три кресла, а противъ нихъ два ставчика, вые-
ранные подъ черный лакъ. Мы остановились, поднявшись на
уменьку пола, на которомъ сидѣли японцы. Офицеръ, приве-
дѣ насъ, прошелъ въ комнату въ концѣ залы. Оттуда скоро
шло съ нимъ двое стариковъ въ богатыхъ одеждахъ, имѣя
по двѣ сабли за поясомъ. Посреди шедшій старикъ и былъ
арміи начальникъ; по правую его руку, старичокъ офицеръ,
по лѣвую младшій, говорящій по-аински; за нимъ шелъ еще
одинъ офицеръ и нѣсколько солдатъ съ пиками и саблями. Они
пошли къ кресламъ — всѣ бывшіе въ залѣ японцы наклонили
говы и положили руки на колѣни, а начальникъ осмотрѣлъ
съ и приложилъ руку къ головѣ, какъ наши офицеры берутъ
къ козырьку. Мы стоимъ и смотримъ, что будетъ, и не
знаемъ, что намъ дѣлать; японецъ не перестаетъ руку держать
головы. Наконецъ, Яма-Мадо подбѣгаетъ къ намъ и го-
воритъ, чтобы мы подошли къ ставчикамъ, мы и подошли; —
Яма-Мадо говоритъ намъ по-русски: «Говорить садись, здрав-
ствуй». Я понялъ, что японецъ ждетъ, чтобы я поздоровался съ
нимъ; я и сказалъ ему: здравствуй, садись; онъ сѣлъ, а съ
нимъ сѣли и другіе. Мы тоже помѣстились на ставчикахъ, опер-
лись на ружья. Тогда японецъ началъ по-своему говорить долго,
другіе еще болѣе наклонили головы и слушаютъ. Потомъ всѣ
вспрямились, значило, что онъ пересталъ и все сказалъ что
ему нужно. Офицеръ, говорившій по-аински, объяснилъ намъ,
что его начальникъ объясняетъ намъ, что насъ встрѣтилъ на
порогѣ японецъ Яма-Мадо и сказалъ намъ, что японцевъ съ
адомъ пришло много, и чтобы мы воротились; но мы не по-
няли и вдвоемъ пошли навстрѣчу къ нимъ; что мы въ этомъ
слушались своего начальника, и что видно, что я не простой че-
ловѣкъ. Я на это сказалъ, что я и Алексѣевъ оба солдаты про-
шые. Японецъ отвѣчалъ, что нѣтъ, потому что меня постоянно
идѣли издѣлившимъ при джанчинѣ, а Алексѣевъ работаетъ про-
ую работу. Потомъ онъ сказалъ, что начальникъ еще объ-
ясняетъ, что потомъ онъ послалъ къ намъ на встрѣчу сына офи-
ера просить насъ воротиться, но что мы и его не хотѣли
слушаться, а только тогда воротились, какъ намъ сказали, что
къ суда придутъ въ Тіатомари. Потомъ онъ послалъ офице а.

сказать намъ, чтобы пришли безъ ружей, но мы не хотѣли это сдѣлать; значить, нашъ начальникъ приказалъ намъ такъ поступить, а своего начальника надо слушать, слѣд., мы хорошо поступали. Но теперь онъ насъ просить ѣхать въ Томъ вмѣстѣ съ японцами на судахъ. Онъ слышалъ, что у русскіхъ стоятъ сердитыя пушки, которыя, когда изъ нихъ выстрѣлятъ, отбрасываются назадъ, а ихъ суда маленькія и потому, елико начальникъ прикажетъ стрѣлять, то съ разу можетъ перенести ихъ судно, а когда русскій начальникъ узнаетъ, что оба вмѣстѣ съ японцами ѣдемъ, то не будетъ стрѣлять. Я слышавъ это, я отвѣчалъ, что мы согласны ѣхать съ ними. Японцы очень обрадовались, и тотчасъ поднесли намъ въ подарокъ табаку, чаю, японскую трубку; джанчинъ просилъ насъ принять это, говоря, что онъ будетъ просить васъ не сердиться за это на насъ, потому, сказалъ, что русскіе добро общались съ японцами зимою, и что онъ надѣется, что и теперь они ласково ихъ примутъ. Мы на это сказали, что нашъ начальникъ любитъ японцевъ, и что русскіе хотятъ быть съ ними друзьями. Японскій начальникъ поклонился и ушелъ въ свою комнату, мы пошли къ себѣ въ юрту. Вътеръ въ тотъ день былъ противный, и потому остались ожидать попутнаго. На другой день задулъ западный. Четыре конкасы пошли на Мамай съ большимъ числомъ японцевъ. Я спросилъ, куда они идутъ—джанчинъ мнѣ отвѣтилъ, что много людей для настоящихъ работъ не надо, и потому онъ возвращаетъ лишніе обратно. Мы тоже стали усаживаться. Старшій начальникъ поѣхалъ съ нами, сказавъ, что онъ послѣ пріѣдетъ. Когда конкасы начали подходить къ крѣпости, то японцы опять стали бояться, чтобы русскій джанчинъ не приказалъ стрѣлять. Намъ сказалъ, что джанчинъ русскій смотритъ въ трубу, которая далеко видитъ, и теперь видитъ насъ, а потому онъ уже не станетъ стрѣлять. Скоро услышали мы, какъ напали пѣсни на башнѣ. Между пѣсенниками стоялъ часовой съ ружьемъ. Японцы спрашивали меня, что это значитъ, что русскіе кричатъ и что они съ ружьями. Я объяснилъ имъ, что русскіе встрѣчаютъ ихъ пѣснями, значить, рады приходу ихъ, а съ ружьемъ стоитъ только одинъ солдатъ — часовой. Японцы очень обрадовались, что русскіе поютъ и сами стали пѣть и хлопать въ ладоши. Выйдя на берегъ, мы увидѣли, что младшій офицеръ ждетъ насъ съ ящиками. Мы и повели съ собою въ вашему высокоблагородію».

IV.

Слушая разсказъ этотъ, я невольно вспоминалъ описанія у юванна его плѣна у японцевъ. Безъ всякаго сомнѣнія, мы жмъ теперь болѣе всего совѣтоваться съ этими описаніями, и успѣшной завязки дружескихъ сношеній съ японцами.

На другой день, 15-го апрѣля, Яма-Мадо прибѣжалъ ко мнѣ 9-мъ часу, въ праздничной одеждѣ, спросить, могу ли я пригласить старшаго начальника. Я отвѣчалъ, что съ охотою приму. Попросивъ меня, чтобы я призвалъ Рудановскаго присутствовать при свиданіи, онъ убѣждалъ. Я надѣлъ сюртукъ и пошелъ за Рудановскимъ. Отворились ворота крѣпости, и мы увидали черезъ окошко шествіе джанчина. Впереди шелъ младшій офицеръ, за нимъ двое и наконецъ старшій. Сзади шли солдаты съ пиками и саблями, всего человѣкъ 12-ть съ двумя аидами, Испонку и Пенкуфпари, одѣтыми въ пестрые халаты. Я пошелъ на крыльцо принять гостей, и помогъ рукой взойти на стѣну сѣдому старику, который и былъ старшій офицеръ. Когда въ комнату, я посадилъ его на диванъ и хотѣлъ было сесть подлѣ него у другого угла, но второй офицеръ, впрочемъ уже пожилой человѣкъ, очень торопливо сѣлъ тоже на диванъ, — я взялъ табуретъ и сѣлъ подлѣ дивана. Солдаты раздѣлились, кто гдѣ могъ въ моей тѣсной избѣ. Аиды сѣли на полъ. Старикъ подозвалъ Яма Мадо, долженствовавшаго служить переводчикомъ. Тотъ всталъ на колѣни, преклонилъ голову и положилъ руки на колѣни. Старикъ сказалъ ему нѣсколько словъ; тотъ всталъ, отошелъ шага два назадъ, опустился на колѣни, и обратившись къ казаку Дьячкову, моему переводчику, сказалъ ему, что японскій начальникъ благодаритъ русскаго начальника за то, что онъ дружески принялъ ихъ. Я велѣлъ Дьячкову отвѣтить, что я съ своей стороны благодарю его, что онъ доверился моей дружбѣ и пріѣхалъ съ рабочими промыслить рыбу, и я надѣюсь, что когда мы проживемъ немного вмѣстѣ, то полюбимъ другъ друга. Выслушавъ мой отвѣтъ, онъ поклонился. Потомъ сказалъ нѣсколько словъ, и мнѣ поднесли въ чашкахъ чисто отдѣланныхъ ящичкахъ гостинцы. Яма-Мадо распробовалъ ихъ — въ одномъ были конфеты, въ другомъ — пастила. И другое довольно хорошо приготовлено, только въ конфетахъ было положено много муки. Я приказалъ подать экстрактъ пуншу, кофе, черносливъ и изюмъ. Экстрактъ пунша очень имъ понравился. Рюмки ходили по рукамъ всѣхъ офицеровъ и солдатъ. Не могу довольно надивиться вѣжливости и благородному

обращенію солдатъ японскихъ — конечно, всякаго изъ нихъ можно ввести въ любую гостинную. Видно, съ какимъ любопытствомъ японцы разсматривали различныя вещи, находившіяся у меня; я началъ съ Рудановскимъ имъ показывать часы, зрительныя трубки и разныя картинки изъ книгъ. Осторожность и ловкость, съ какою они осматривали вещи, замѣчательны въ людяхъ, носящихъ званіе солдатъ. Большая часть изъ нихъ были молодые и многіе очень красивые и статные, но роста все же ниже средняго. Разсматривая часы и другія вещи, они, обращаясь ко мнѣ, часто повторяли — «пороторика» (очень хорошо), болѣе изъ вѣжливости, чѣмъ изъ удивленія, потому что вещи наши были простой работы и не должны были удивлять японцевъ.

Просидѣвъ часа полтора у меня, джанчинъ простился со мною и пошелъ въ казарму. Копьеносцы провожали его, но въ входѣ поставили свои прекрасныя обдѣланныя пики. Изъ казармы онъ пошелъ въ квартиру Рудановскаго, и просидѣвъ у него съ четверть часа, пошелъ обратно домой. Я приказалъ Дьячкову сказать Яма-Мадо, что я на другой день полагаю отдать визитъ японскимъ начальникамъ. Яма-Мадо просилъ дать знать перекладчикамъ, что я выйду изъ дому. Утромъ я всталъ съ сильно распушею вѣкою надъ правымъ глазомъ. Наканунѣ я чувствовалъ раздраженіе ячменя, который я вѣроятно застудилъ во время приема японцевъ. Я послалъ тотчасъ за Яма-Мадо и поручилъ ему передать своему начальнику, что я не могу придти къ нему, но что дня черезъ три я надѣюсь выздоровѣть и тогда тотчасъ же сообщу его. Послѣ обѣда пришелъ младшій офицеръ и опять съ всѣмъ чайнымъ препаратомъ. Вѣроятно, ему хотѣлось убѣдиться, действительно ли я боленъ. Въ этотъ визитъ онъ мнѣ сказалъ, что при первомъ попутномъ вѣтрѣ пойдутъ три канкасы въ Титомари за старшимъ джанчиномъ. На другой день, 17-го апрѣля, я послалъ Дьячкова съ матросомъ Ефимовымъ искать удобной земли подъ огороды, въ сосѣднемъ селеніи Поруонъ-Томари. Возвращаясь, онъ встрѣтился съ молодыми офицерами, и они вмѣстѣ пошли къ нашему посту. На дорогѣ они разговаривали на счетъ настоящихъ обстоятельствъ, и японецъ разсказалъ ему, что онъ знаетъ, что Путятинъ адъютантъ государя, показавъ, какъ русскіе дѣлаютъ приемы ружьемъ, и прибавилъ, будто Путятинъ не знаетъ, что русскіе пришли на Сахалинъ и что онъ хотѣлъ послать два судна туда и что эти суда придутъ раньше японцевъ, но японцы безбоязненно шли, увѣренные, что русскіе ихъ не тронутъ. Когда пришло время рабочимъ ѣхать, то они спросили губернатора Мацмай, можно ли отправляться на

дальнѣ, и губернаторъ послалъ приказаніе ѣхать, а если они
мѣся, то приказалъ имъ взять солдатъ. Приѣхавъ въ Сирапу-
и, они узнали, что суда отъ Путатина не пришли, и потому
зная, какъ приметъ ихъ русскій начальникъ, боялись идти.
Рассказъ этотъ имѣетъ много правдоподобія. Какое-то вліяніе
было занятіе Томари на переговоры Путатина съ японскимъ
правительствомъ, но какое приказаніе онъ дастъ намъ? Я все
думаю, что хорошаго тутъ ничего нѣтъ, и что мы должны
лишь оставить Аниву. Офицеръ японскій между прочимъ ска-
залъ фамиліи своихъ офицеровъ, но просилъ Дьячкова, чтобы
говорилъ объ этомъ его начальнику;—старика зовутъ Мива-
ма, второго офицера Уди-Сама, а его самого—Сумеди-Сама.

Рассказъ Дьячкова объ этомъ свиданіи съ японскимъ офи-
церомъ невольно заставилъ меня подумать: «Счастливъ Не-
мьской!» и дѣйствительно—насъ 60 человекъ очутилось въ
равномъ японскомъ селеніи, безъ увѣренности, что суда при-
дутъ въ-время къ намъ на помощь въ случаѣ нужды, и въ
стоящее время онъ долженъ быть въ большемъ безпокой-
ствѣ. Но дѣла наши съ японцами идутъ пока какъ нельзя
лучше при сложныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы нахо-
димся. Это еще не значитъ, чтобы я оправдывалъ или находилъ
въ полезномъ занятіи Томари; я по прежнему увѣренъ, что по-
дѣствія покажутъ справедливость моихъ доводовъ по этому
предмету. Я никакъ не могу согласиться съ мыслью, что япон-
цы пришли сюда по одному дозволенію промышлять рыбу, жи-
вѣмъ съ русскими. Вліяніе Путатина ясно—но какъ онъ
говорился съ японскимъ правительствомъ на счетъ занятія Са-
халина русскими, трудно отгадать; во всякомъ случаѣ мы обя-
заны Путатину, что не дошло у насъ дѣло до пушекъ. Въ
томъ случаѣ, я не могу сказать, чтобы шансы успѣха были на
нашей сторонѣ.

Когда получено было извѣстіе о приходѣ японскихъ судовъ,
принявъ всѣ нужныя мѣры къ защитѣ поста. Второе ка-
раульное перешло ночевать въ ограду. Орудія заряжены были
артечью. Кромѣ часовыхъ, стоявшихъ на башняхъ, поставлены
или внутри башенъ при орудіяхъ. Ограда освѣщалась на ночь
фонарями. Людямъ указаны были мѣста въ случаѣ тревоги, ко-
торая должна была даваться выстрѣлами часовыхъ. Но все это
недостаточно было бы для сопротивленія нѣсколькимъ тысячамъ
шонцевъ, которыхъ правительство ихъ могло, конечно не затруд-
няясь, прислать на Сахалинъ. Въ особенности ночное нападе-
ніе могло быть опасно, потому что ограда окружена въ 15-ти
шагахъ разстоянія съ трехъ сторонъ закрытыми мѣстами, и по-

тому мы не успѣли бы еще встать къ орудіямъ, когда бы у насъ непріятель могъ быть у стѣнъ. Нападенія малаго числа японцевъ нельзя было ожидать, — они слишкомъ трусливы для этого. У насъ въ настоящее время изъ 64-хъ человѣкъ 47 больныхъ — большая часть цыпгою.

18-ое число. — Я сдѣлалъ всѣ пужныя приготовленія для зита японцамъ, т.-е. сварили кофе и палили его въ самоваръ, наложили на тарелки и блюда — сахару, черносливу и изюму, завернули все это въ шелковые платки. Когда все это было готово, я послалъ казака Березкина спросить японскаго старшаго офицера, можетъ ли онъ меня принять. Къ сожалѣнію Дзюковъ былъ усланъ мною на р. Лютогу съ 4-мя матросами и травмами для больныхъ цыпгою. Березкинъ воротился съ отговоркою, что младшій офицеръ уѣхалъ на р. Сусую, и что такимъ образомъ старикъ лишень теперь своего переводчика, и зная о моемъ приходѣ, онъ не приготовилъ ничего для моего пріема; вслѣдствіе сихъ важныхъ для японцевъ обстоятельствъ онъ проситъ меня пожаловать на другой день. Очень досаждало получить этотъ отвѣтъ, потому что я зналъ, что три конкасы ушло въ Тіатомари, чтобы перевезти оттуда японскаго начальника старшаго между всѣми, которые пріѣхали на Сакэлинь. Этотъ начальникъ далъ знать, что онъ не можетъ посѣтить русскаго начальника, на что я отвѣчалъ, что это его дѣлая воля знакомиться со мною или нѣтъ; но зная, какъ японцы считаютъ важнымъ всѣ наружныя церемоніи, и что они готовы употребить всевозможныя хитрости, чтобы заставить меня первымъ явиться къ ихъ старшему офицеру, я боялся, что дѣлая визитъ знакомымъ уже мнѣ японскимъ офицерамъ тогда, когда уже старшій пріѣдетъ изъ Тіатомари, они устроятъ такъ дѣло, что меня приметъ онъ.

Дѣйствительно, во 2-мъ часу мнѣ дали знать что показались три паруса — это были конкасы, посланныя наканунѣ въ Тіатомари. Яма-Мадо пришелъ сказать, что идутъ японскія суда. Я спросилъ его, что это, идетъ ли старшій ихъ офицеръ; онъ отвѣчалъ, что нѣтъ: понъ-джанче такой же, какъ уже пріѣхавшій сюда старикъ. Съ этимъ я его отпустилъ, сказавъ, что когда суда подойдутъ ближе, я посмотрю съ башни на пріѣзжающаго офицера. Часа въ три пополудни мнѣ дали знать, что конкасы подходятъ къ берегу и что младшій офицеръ и Яма-Мадо идутъ ко мнѣ съ чайнымъ приборомъ. Ясно было, что они хотѣли удержать меня дома, пока будутъ выходить японцы съ судовъ. Я тотчасъ же вышелъ съ трубою на башню. Суды еще были въ саженьяхъ 200 отъ берега, когда мнѣ доложили,

японскій офицеръ пришелъ въ комнату и просить видѣться мною. Я сошелъ внизъ, поздоровался съ Сумэди-Сама и Мадо, и сказалъ имъ, что я хочу видѣть встрѣчу японскаго начальника, и пригласилъ ихъ выйти вмѣстѣ со мною на башню. Отказываться было нельзя; лукавые японцы видѣли, что я ихъ понимаю. Взошедъ на башню, я началъ разсматривать ихъ, а бѣдные японцы въ своихъ легкихъ одеждахъ не знали, какъ скрыться отъ холоднаго вѣтра, который сильно дулъ на вершину башни. Наконецъ, они спустились внизъ, приглашая меня пойти съ ними въ комнату, — я общался тотчасъ пришедъ, какъ кончатся церемоніи пріѣзда офицера ихъ. Съ двухъ конкасей, подошедшихъ къ берегу, вышло человекъ 15 солдатъ и встали толпою на берегу. Третій конкасё сталъ выходить и потомъ вдругъ убралъ парусъ и остановился: ему подошли лодки съ двумя японцами, которые стали разговариваться съ находящимися на конкасё. Замѣтно было какое-то смутеніе, причиною которому, разумѣется, была зрительная труба, наведенная мною на нихъ. Наконецъ началъ притягивать конкасё къ берегу, но не у того мѣста, гдѣ была приготовлена была сходня и огорожено мѣсто, а далѣе къ средней части бухты. Аины наскоро набрасывали мостки на избранномъ мѣстѣ для схода на берегъ офицера. На конкасё я насчиталъ до 20 ти чел. японцевъ въ разныхъ одеждахъ, съ саблями, пистолетами, съ пиками. Всѣ они поднялись на берегъ и стали въ кучу. Кое-гдѣ сидѣли на землѣ, склонивъ голову, японскіе и аинскіе работники. Наконецъ вышелъ старшій, всѣ преклонились и потомъ начали строиться для шествія, которое и двинулось въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди два японца о двухъ сабляхъ, одинъ за другимъ; за ними, два японца несли на плечахъ полосатомрамешный шестъ, длиною въ двѣ сажени; за ними, одинъ японецъ о двухъ сабляхъ, далѣе японецъ въ остроконечной черной шапкѣ съ круглыми полями; за нимъ шесть солдатъ въ два ряда по три; съ правой и лѣвой руки японцы въ шляпѣ, за ними, офицера въ шляпкахъ, далѣе солдаты въ томъ же порядкѣ какъ предыдущіе. За солдатами опять офицеры, потомъ солдаты, надъ ихъ одинъ офицеръ, а за нимъ двое офицеровъ безъ шляпъ. Офицеры въ шляпахъ имѣли на спинѣ мѣдныя выточенные бляхи съ аинское блюдечко величиною и разныхъ формъ. Солдаты имѣли за плечами ружья, а нѣкоторые пикн. Гдѣ именно шелъ старшій офицеръ, я не могъ разобрать. Процессія эта, пройдя нижній японскій лагерь, начала подниматься по аллеѣ къ дому выстроенному на холмѣ, гдѣ скоро она и скрылась за воротами. Я спустился внизъ и сказалъ Сумэди-Сама, что удивляюсь, какъ пріѣхало такъ

много офицеровъ, вмѣсто одного, о которомъ они мнѣ говорили прежде. Онъ отвѣчалъ, что это младшіе все офицеры. Напившись чаю, они ушли.

Въ сумерки возвратился Дьячковъ съ Лютоги, не доставивъ травъ. Я его послалъ къ японцамъ сказать Сумэди-Самѣ, что хочу на другой день придти къ нимъ, но я желаю, чтобы меня приняли только тѣ офицеры, которые были у меня визитомъ. Дьячковъ воротился, пробывъ болѣе часа у японцевъ. Онъ передалъ мнѣ, что Сумэди-Сами, принявъ дружески его, сказалъ ему, что они такъ и хотѣли сдѣлать, какъ я желаю. Во время ихъ разговора собралось много анновъ. Старшіе ихъ сѣли на возвышенномъ полу въ ряды, остальные на земномъ полу. Сумэди сѣлъ на табуретъ лицомъ къ аннамъ, а сядивъ на другой табуретъ Дьячкова. Усѣвшись и поклонившись аннамъ, Сумэди началъ говорить рѣчь, время отъ времени будучи прерываемъ стукомъ палочекъ, по которому онъ тотчасъ уходилъ въ комнату старика для получения приказанія. Вотъ содержаніе его рѣчи.

«Прошедшую осень русское судно пришло къ здѣшней землѣ, высадило на берегъ офицеровъ, солдатъ и пушки. Русскіе начали строить дома. Японцы изъ боязни разбѣжались, половина изъ нихъ ушла на Мацмай объявить о происшедшемъ и оплакивать оставшихся японцевъ, которые разбѣжались по разнымъ японскимъ селеніямъ на Сахалинѣ; въ это время анны себя худо вели, и рвали изъ амбаровъ крупу и пьянствовали. Но это еще простительно, а худо то, что и зимою анны вели себя дурно. Японцы, убѣжавшіе, по счастью своему встрѣтили русскихъ, шедшихъ на земли гиляковъ. Эти русскіе успокоили ихъ, сказавъ имъ, что русскіе хотятъ дружно жить съ ними и просятъ воротиться въ Томари. Японцы возвратились, были ласково приняты русскими начальникомъ и его солдатами. Стали они дружно жить, но тутъ анны и начали стараться поссорить ихъ. Къ русскимъ они приходили говорить, что японцы хотятъ перерѣзать русскихъ, когда тѣ будутъ спать. Японцамъ мы говорили, что русскіе хотятъ японцевъ убить. Несмотря на это русскіе жили съ японцами дружно и теперь они также будутъ жить дружно. Останутся ли русскіе жить здѣсь или уйдутъ, я не могу вамъ сказать, потому что не знаю. Отъ ихъ большого начальника, бывшаго въ Нагасаки, будетъ бумага, и тогда будетъ извѣстно объ этомъ. Пока же вы работайте, какъ работали прежде, за что по прежнему получите плату. Прошедшіе года пріѣзжало мало солдатъ сюда, этотъ годъ ихъ пріѣхало много,—но не думайте что это для сраженія съ русскими, это только для охраненія нашихъ

Щеровъ». Кончивъ рѣчь, онъ поклонился, аины преклонили колѣны и подняли руки ему, а потомъ и Дьячкову. Прощаясь Сумэди-Сама, Дьячковъ спросилъ, сколько офицеровъ пріѣхало. Сумэди-Сама отвѣчалъ—6 старшихъ и 4 младшихъ, и въ Тиамари осталось еще 12. Дьячковъ высказалъ удивленіе, почему къ много пріѣхало офицеровъ съ Мацмай. Сумэди отвѣчалъ, что такъ приказалъ мацмайскій губернаторъ.

Выслушавъ этотъ разсказъ, я приказалъ Дьячкову сходить на другой день къ Сумэди-Сама и попросить его придти ко мнѣ. Намѣренъ былъ съ нимъ поговорить на счетъ наѣзда офицеровъ солдатъ на Сахалинъ. Наѣздъ этотъ можетъ имѣть одну изъ двухъ цѣлей. Первое—если мацмайскому губернатору дано знать, что русскій посланникъ Путятинъ пріѣдетъ на Сахалинъ по пути занятія нами селенія Томари, и тогда мацмайскій губернаторъ почелъ нужнымъ устроить обычный церемоніаль пріема, на котораго и понадобилось собрать на Сахалинѣ большое число офицеровъ. Второе—что японцы, просто трюся русскихъ, не смѣли жить безъ прикрытія солдатъ, но тогда странно, зачѣмъ пріѣхало такъ много офицеровъ—развѣ только для того, чтобы въ видѣ свиты ихъ собрать большое число солдатъ, не давая имъ вооруженія. Наконецъ—дѣйствительно японцы, можетъ быть въ случаю льдовъ не имѣя достаточнаго количества судовъ въ Соѣ для перевозки, рѣшились мало-по-малу собрать столько войска на Сахалинѣ, чтобы поддержать въ случаѣ нужды свои требованія. Но правду сказать послѣднее предположеніе очень не вѣроятно. Какъ бы они рѣшились, придя съ мыслью воевать, жить подъ нашими выстрѣлами въ такомъ маломъ числѣ? Надо постараться разъяснить это дѣло.

На другой день, 20-го апрѣля, во 2-мъ часу я послалъ казака Березина сказать, что иду съ визитомъ къ Мивѣ-Самѣ. Онъ отвѣчалъ, что меня ожидаютъ. Я и Рудановскій одѣли новые куртки безъ шпагъ. Людямъ, назначеннымъ нести гостинцы, приказалъ надѣть мундиры: ихъ было пять. Войдя въ японскій залъ, мы увидѣли, что насъ примутъ въ входной же залѣ, потому что возвышенное мѣсто съ очагомъ, находившееся у оконъ, было заставлено раскрасенными ширмами. Отдѣльныя же комнаты были всѣ закрыты. Насъ встрѣтили Сумэди-Сама и Ама-Мадо. Снявъ шинели и галоши, мы вошли въ огороженное ширмами мѣсто. Посреди его стоялъ столъ покрытый краснымъ ¹⁾ войлокомъ. Около этого стола стояли два складныхъ стула и скамья,

¹⁾ Японцы не употребляютъ краснаго цвѣта матерій для одежды, но для украшенія комнатъ этотъ цвѣтъ считается наряднымъ.

покрытая краснымъ войлокомъ; съ лѣвой стороны сидѣло 5 солдатъ на полу на матахъ. У ширмъ, по лѣвую руку отъ входа, что приходилось прямо противъ стола и стульевъ, поставлена была скамья ничѣмъ непокрытая. На столѣ стояла свѣча въ войломъ мѣдномъ подсвѣчникѣ¹⁾. Я сказалъ, что при входѣ нашихъ стулья были не заняты, вѣроятно, по японскому этикету хозяинъ долженъ выходить къ мѣсту пріема позже гостей. Солдаты, уже знакомые намъ, вѣжливо поклонились, а Сумэди провелъ насъ къ покрытой скамьѣ и посадилъ на нее. Тотчасъ же вошли и Мива-Сама и Уди-Сама, и раскланявшись съ нами съ насъ на стулья. Сумэди помѣстился ниже насъ на ставчикѣ. На непокрытой скамьѣ усадили нашихъ матросовъ и казаковъ. У входа на полу помѣстились два анна — Испонку и другой старикъ — оба въ пестрыхъ шелковыхъ халатахъ. Анны эти, и особенности Испонку, несколько возбуждали презрѣніе къ себѣ униженностью своихъ движеній и раболопнымъ выраженіемъ глазъ. Я замѣтилъ, что во всѣхъ церемоніальныхъ визитахъ японцы помѣщали двухъ анновъ — почти всегда Испонку и Пенку нари. Началось угощеніе. Японцы внесли чай и разныя печенныя. Наши люди — самоваръ съ готовымъ кофеемъ, мелкій сахаръ, блюда, черносливъ и изюмъ. Все это было внесено завернутымъ въ шелковые платки, фрукты на тарелкахъ, сахаръ на блюдахъ, для кофе нашихъ 6-ть чашекъ съ блюдами. Я хотѣлъ вещи принесенныя нами оставить въ подарокъ Мивѣ-Саме, рассчитывая на то, что если онъ и не приметъ ихъ, то это не будетъ имѣть значенія, потому что когда онъ приходилъ ко мнѣ съ визитомъ, то тоже унесъ обратно всю посуду, служившую для угощенія, оставивъ только въ подарокъ сласти. Все болѣе непріятно въ этомъ визитѣ было невольное сравненіе, которое пришлось сдѣлать, чистоты и богатства одежды и манеры и благородства пріемовъ у японскихъ солдатъ, съ грубыми мундирами нашихъ матросовъ и неловкостью пріемовъ ихъ, болѣе увеличившейся отъ непривычки сидѣть при офицерахъ. Они не знали куда дѣть свои руки и ноги, несмотря на частыя повторенія отъ меня, чтобы были свободнѣе и не думать о томъ, что сидятъ въ моемъ присутствіи. Японцы очень охотно пили кофе. Разговоръ не могъ быть живъ, потому что про-

¹⁾ У японцевъ свѣчи готовятъ изъ жиру морскихъ животныхъ кита, и имѣютъ желтоватый цвѣтъ. Фитилки толсты, но мало нагораютъ. У того конца, съ котораго зажимается свѣча она толще, другимъ же тонкимъ концемъ свѣча втыкается въ подсвѣчникъ, а натывается на желѣзный штырь, вдѣланный въ верхнюю его. Свѣчи толще и больше нашихъ.

юдился черезъ переводчиковъ. Просидя около часу времени, поднялся съ своего мѣста, чтобы дать тѣмъ знакъ концу заанія. Я просилъ Сумеди предложить отъ меня Мивѣ-Самѣ подарокъ всѣ вещи, припесенныя нами. Мива-Сама отказалась большимъ смущеніемъ; видно было, что онъ боялся обидѣть меня. Замѣтивъ это, я сказалъ съ веселымъ видомъ, что нисколько не обижаясь отказомъ, который вовсе не измѣнитъ нашихъ дружескихъ отношеній, а потому и не настаиваю. Всталъ высунуть сахаръ, черносливъ и изюмъ на японскіе носы и, уложивъ нашу посуду, взять ее обратно домой. Японцы очень обрадовались, что обстоятельство, казавшееся имъ чрезвычайно щекотливымъ, кончилось благополучно. Когда все было уложено, я всталъ и простившись съ японцами возвратился съ Рудановскимъ домой. Около этого времени мои отношенія къ Рудановскому совершенно измѣнились, послѣ бывшаго между нами объясненія за нѣсколько дней передъ приходомъ русскихъ судовъ. Принимая еще зимою всѣ мѣры на случай нападенія нашей крѣпости и не нуждаясь для этого въ помощи Рудановскаго, я ограничивалъ по прежнему *) наши сношенія только поклонами при встрѣчахъ и разспросами о его картографическихъ работахъ. Въ концѣ марта я уже замѣтилъ, что Рудановскій сводилъ иногда разговоръ на тему о нашемъ положеніи на островѣ, на поздній вѣроятно приходъ судовъ нашихъ и на другія распоряженія, сдѣланныя Невельскимъ, и которыя по моему мнѣнію были неудобны. Помня очень хорошо, что Рудановскій былъ одинъ изъ тѣхъ, который поддерживалъ Невельскаго, когда дѣло шло о занятіи Томари, и что когда зимою строилъ башню, то онъ говорилъ, что вѣроятно намъ придется сражаться противъ какихъ-нибудь духовъ; я по прежнему предполагалъ, что Рудановскій продолжаетъ одобрять все, что Невельской говорилъ и дѣлалъ, и потому оставлялъ его наединѣ безъ вниманія, отвѣчая коротко, что безъ сомнѣнія Невельской дѣлалъ такіе распоряженія, которыя совершенно обезпечаютъ насъ. Между тѣмъ Рудановскій все чаще и чаще сходилъ со мною на прогулкахъ и постоянно сводилъ разговоръ на японцевъ. Разъ случилось ему проводить меня; мнѣ неловко было не пригласить его войти, и онъ остался у меня пить чай. Ему было известно, что я послалъ четырехъ человѣкъ въ Сирануси и Сире-

*) Авторъ подробно говоритъ о прежнихъ своихъ отношеніяхъ къ г. Рудановскому въ той части дневника, которая была напечатана въ трехъ послѣднихъ книгахъ «Вост. Евр.» за 1871 годъ и вызвала возраженіе со стороны г. Рудановскаго въ японской книгѣ текущаго года. — *Ред.*

току для развѣдыванія о японцахъ, и что со стороны Сирануэ получено извѣстіе отъ казака Березкина, что пять японскихъ судовъ пришло въ Сирануси. Онъ спросилъ меня, что я думаю объ этихъ судахъ. Я сказалъ, что ихъ такъ мало еще, что они саться пока нечего. — «Однако надо быть готовымъ на все», — замѣтилъ онъ мнѣ. Я этого и ждалъ и тотчасъ спросилъ его, развѣ онъ перемѣнилъ свое мнѣніе о томъ, что занятіе русскими Томари не можетъ имѣть никакого вліянія на японцевъ и что они попрежнему мирно придутъ работать на Сахалинъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ дѣйствительно прежде такъ думалъ, вполне полагаясь на то, что если Невельской былъ такъ увѣренъ въ своихъ планахъ, значить они были на чемъ-нибудь основаны. Я замѣтилъ ему, что въ такомъ случаѣ не слѣдовало такъ настойчиво поддерживать мнѣніе Невельского. Съ этого мы перешли вообще на всѣ дѣйствія какъ мои, такъ его на Сахалинѣ. Рудановскій хотя и упрекалъ себя, но упрекалъ и меня въ томъ, что я вообще обращался съ нимъ какъ съ членомъ, котораго не любятъ и потому безъ церемоній устранили отъ общества и дѣла. Я старался ему доказать, что призвавъ роту въ непосредственную свою команду, я не могъ терпѣть, чтобы онъ, не стѣсняясь моимъ присутствіемъ, хозяйничалъ, а во время первыхъ построекъ это случалось не рѣдко, а потому, выведенный изъ терпѣнія, я рѣшился устранивъ его совершенно отъ внутренней жизни въ посту, предоставивъ ему исключительно заниматься съѣдкой страны. Къ сожалѣнію моему я не могъ его убѣдить въ томъ, что для него нѣтъ ничего унижительнаго служить младшимъ въ ротѣ, которою онъ командовалъ въ Камчаткѣ. Кончивъ этотъ споръ, онъ все-таки призналъ себя отчасти неправымъ и опять обратился къ вопросу, что я думаю на счетъ нашего положенія. Видно было, что онъ опасался, чтобы наша экспедиція не окончилась катастрофой, такъ какъ увѣренія Невельского на счетъ ранняго прихода нашихъ судовъ не сбылись. Онъ спрашивалъ меня, что мы будемъ дѣлать, если японцы вздумаютъ осаждать насъ, между тѣмъ какъ въ крѣпости нѣтъ даже воды, и перенесенъ ли провіантъ? Я съ усмѣшкою замѣтилъ, что хотя онъ полагалъ, что надо ледникъ устраивать подъ горою и набить его льдомъ съ моря, а работа, которую я назначилъ, очень трудна и ни къ чему не служить, — я все-таки устроилъ ледникъ въ крѣпости и набилъ его прѣснымъ льдомъ; слѣдовательно, вода у насъ есть. Муки и соли запасено на мѣсяцъ; сухарей на 20 сутокъ. Орудія стоятъ наготовѣ, люди рассчитаны на случай боя. Рудановскій видимо былъ доволенъ, что все было мною

редусмотрѣно, такъ какъ былъ увѣренъ, что японцы затѣв-
аютъ что-нибудь худое противъ насъ. Онъ просилъ меня, чтобы
назначалъ ему мѣсто на случай тревоги. Я ему сказалъ, что
когда будетъ нужно принять послѣднія уже мѣры, то я самъ
скажу ему что дѣлать. Дѣйствительно, когда отъ Березкина
получились извѣстія, и я считалъ его въ плѣну, то Руданов-
скому я поручилъ наблюдать за нижнею башнею и приучить
идей къ дѣйствию орудіями. Послѣ того скоро я усилилъ ка-
зачу и назначилъ очередное ночное дежурство себѣ съ Руда-
новскимъ. Съ того времени мы стали ежедневно видѣться и
идти другъ къ другу.

На другой день послѣ моего визита японцамъ, Сумэди-Сама
и Яма-Мадо пришли ко мнѣ вслѣдствіе моего приглашенія.
Они были поговорить съ ними на счетъ того, съ какою
цѣлю наѣзжаетъ такъ много ихъ офицеровъ въ селеніе Тома-
ри. Какъ я уже сказалъ, всего вѣроятно надо полагать, что
идетъ потому, что Путятинъ можетъ быть объявить
о Нагасаки, что онъ пойдетъ на Сахалинъ, и для приѣма его
японецкій губернаторъ считалъ нужнымъ собрать побольше сво-
ихъ чиновныхъ лицъ. Но такъ какъ положеніе наше, при 40-ка ч.
мѣстныхъ изъ 60-ти могло быть не безопасно въ присутствіи боль-
шого числа японцевъ, то я находилъ нужнымъ ограничить чис-
ло японцевъ, которое я могу допустить собраться подлѣ насъ.

Поздоровавшись со мною, Сумэди-Сама сказалъ, что онъ
очень радъ тому, что я приходилъ вчера повидаться съ япон-
цами. Я отвѣчалъ на это увѣреніемъ, что когда мы больше
познакомимся, то полюбимъ другъ друга. Послѣ этого я тог-
да же приступилъ къ дѣлу, по которому призывалъ ихъ, и со-
общилъ имъ, что я слышалъ, будто пріѣхало третьяго дня 10
офицеровъ, что въ Тіатомари находится еще 12 офицеровъ,
кроме того и въ Соѣ есть ихъ начальники, которые тоже прі-
ѣдутъ на Сахалинъ; но я не понимаю, для чего наѣхало столь-
ко ихъ, и потому прошу мнѣ сказать вѣрно, сколько пріѣ-
ло офицеровъ и солдатъ и сколько еще пріѣдетъ. Сумэди-
Сама вынулъ клочокъ бумаги, исписанный по-японски и на-
чалъ переводить на японскій счетъ записанное число по-
японски на означенной бумажкѣ. Я подаль ему мой япон-
скій лексиконъ, въ которомъ написанъ японскими цифрами счетъ,
и просилъ поэтому счету показывать мнѣ числа. Онъ мнѣ указалъ
слѣдующія числа: въ Томари находится офицеровъ старшихъ и
младшихъ 13 и 23 солдатъ. Въ Тіатомари: стар. офиц. — 1,
младш. офиц. — 4, солдатъ — 8, конвойныхъ — 9. Въ Соѣ сол-
датъ 77, а офицеровъ онъ не знаетъ сколько. Слѣд, всего

военныхъ собрано на Сахалинѣ и въ Соѣ 135 человекъ, рабочихъ пріѣхало не болѣе 50-ти ч. Число это слишкомъ незначительно, при трусости японцевъ, чтобы опасаться отъ нихъ враждебнаго дѣйствія, а не позволивъ ихъ офицерамъ пріѣзжать въ Томари, можно испортить все дѣло и возбудить въ нихъ опасенія за своихъ рабочихъ. Поэтому я сказалъ Сумэди-Сама, что хотя мнѣ предписано моимъ начальствомъ недопускать японскаго войска и пушекъ на Сахалинъ, но считая, что число японскихъ солдатъ, назначенное прибыть въ Томари при 20-ти ихъ офицерахъ, нельзя считать войскомъ, а только прислугой офицеровъ, то я и не буду противиться пріѣзду этого числа солдатъ, но и болѣе не могу дозволить. Что же касается до офицеровъ, то хотя меня очень удивляетъ, что ихъ пріѣхало такъ много и что они не знаютъ, зачѣмъ они присланы, но вѣря японцамъ, будто адмиралъ Путятинъ объявилъ въ Нангасаки, что онъ пошлетъ на Сахалинъ два судна, я предполагаю, что японскіе офицеры прибыли собственно для составленія парадной свиты старшему начальнику, которому поручено переговариваться съ посланными отъ Путятина, а можетъ быть и съ нимъ самимъ. Вслѣдствіе этого, я не противлюсь наѣзду японскихъ офицеровъ въ томъ числѣ, которое они мнѣ сказали, т.-е. 20 ч. Кончивъ это объясненіе, мы начали толковать о торговлѣ. Сумэди-Сама, разспросивъ цѣны разныхъ товаровъ нашихъ, сказалъ, что онъ былъ бы очень радъ, если бы японцамъ дозволено было жить съ русскими на Сахалинѣ, что они могли бы тогда выпросить позволеніе отъ своего правительства торговать съ нами. Болѣе всего ему нравилось — сукуно красное и въ особенности черное, и потомъ разныя металлическія вещи — часы, артельные трубы, термометры. Сапоги онъ тоже хотѣлъ имѣть. Я ему предложилъ выбрать пару по своимъ ногамъ, и онъ обѣщалъ спросить дозволенія у своего начальника, но кажется не получилъ. Русскій сахаръ въ головахъ очень по вкусу имъ, а шафранъ они считаютъ драгоценностью, и потому были очень удивлены, когда я имъ, указавъ на ящикъ, который могъ выстоять около 2-хъ зол. шафрану, сказалъ, что три такихъ ящика шафрану они могутъ получить отъ русскихъ за одного хорошаго соболя. Отъ торговли разговоръ перешелъ на военныя силы Россіи. Они были очень поражены, когда я имъ сказалъ, что въ Россіи есть миллионъ войскъ. Они спросили, сколько кораблей; я отозвался незнаніемъ и спросилъ бывшаго тутъ Рудановскаго, онъ сказалъ: 500. Мнѣ показалось, что онъ уже слишкомъ увеличиваетъ, и потому я указалъ имъ въ лексиконѣ число 400, объяснивъ, что въ этомъ числѣ находятся суда всѣхъ величинъ.

Они попросили нарисовать имъ разныхъ величинъ корабли. Я сдѣлалъ это, какъ умѣлъ. Объясненіе, что на большихъ корабляхъ 100 пушекъ стоятъ въ четыре яруса, ихъ очень поразило. Потомъ спрашивали о русскомъ оружїи и знаменахъ. Я показывалъ имъ солдатское ружье со штыкомъ и дѣйствіе имъ. А про знамена сказалъ, какъ они уважаются у насъ и защищаются на войнѣ. Они замѣтили, что у ихъ войскъ есть также знамена. Много изъ того, что я имъ говорилъ, они записывали.

22-го апрѣля. — Сегодня японскіе караульные дали знать, что сельди (хероки) идутъ съ моря въ бухтамъ. Извѣстіе это чрезвычайно оживило японцевъ. Даже офицеры ихъ вышли изъ домовъ своихъ смотрѣть на ходъ рыбы. Рабочіе японцы и айны носили невода, готовили лодки — однимъ словомъ, все было въ движеніи. Я велѣлъ дать знать мнѣ, когда забросать японцы неводъ. Во второмъ часу, лодки съ неводами отчалили. Я вышелъ посмотрѣть на ловлю. Японскіе неводы часты и чрезвычайно велики. Одинъ неводъ окружаетъ пространство сажень на 70 отъ берега. Но каково было мое удивленіе, когда, не дотавивъ неводъ сажень на 10 до берега, японцы оставили его въ водѣ, потому что эти 10 сажень неводъ до того былъ наполненъ сельдами, что несмотря на всѣ усилія человѣкъ 60-ти работниковъ, они не могли болѣе притянуть неводъ къ берегу. Я выѣхалъ на шлюпкѣ къ тому мѣсту бухты, гдѣ вода возмущалась отъ хода рыбы. Гребцы, закладывая весла для гребки, выбрасывали ими по нѣскольку сельдей и жаловались, что они мѣшаютъ гребти хуже чѣмъ морская капуста. Можно представить себѣ теперь, какъ дорогъ Сахалинъ, т.-е. берегъ Анивы для японцевъ. Японцы и теперь уже много терпятъ въ промыслѣ, отъ того что айны восточнаго и западнаго береговъ не пришли на работу, говоря, что они боятся войны между русскими и японцами. Они никому не хотятъ вѣрить, чтобы возможно было, что русскіе будутъ жить въ Аинѣ съ японцами безъ драки. Я предлагалъ японцамъ послать казака Березкина собрать айновъ, но они просили, чтобы я этого не дѣлалъ, что они уже послали 10 человѣкъ въ Аруторо (восточный берегъ). Теперь у японцевъ работаютъ только анивскіе айны, и то большею частью женщины. Для продовольствія команды свѣжою рыбою, я посылаю вечеромъ трехъ человѣкъ на маленькой лодкѣ съ саками, чѣмъ на садкахъ вынимаютъ рыбу изъ барокъ. Люди наши вынимаютъ, такъ сказать изъ природнаго садка, т.-е. прямо изъ бухты Томари, по 300 рыбъ въ полчаса. Я закидывалъ нашъ неводъ и вытаскивали столько рыбы, что мы не знали куда дѣвать ее, и потеряли только время на уборку ея.

23-го апрѣля. — Сегодня, опять пришелъ ко мнѣ Сумеди-Сама съ Яма-Мадо. Кажется, цѣль его прихода была выпросить у меня карту Россіи. Печатной я не имѣлъ, и потому согласился взяться не за свое дѣло — начертить карту всей російской имперіи, со всѣми владѣніями ея въ Европѣ, Азій и Америкѣ. Я нарисовалъ по просьбѣ Сумеди и пограничныя съ нею владѣнія Китая и Японіи. При этомъ я не провелъ границы между Сибирью и Китаемъ въ Приамурскомъ краѣ. Можетъ быть, работа моя отправится къ японскому императору на показъ; хорошо что онъ не стѣсняется подмѣтить невѣрность карты. Толковали мы съ Сумеди и о торговлѣ. Я велѣлъ принести красное и черное сукно. Мнѣ хочется заставить какъ-нибудь японцевъ начать съ нами мѣну. Вольность отзывовъ Сумеди о своихъ начальникахъ и о другихъ предметахъ, относящихся до Японіи и Россіи, подавала мнѣ надежду, что онъ согласится скрытно мѣняться съ нами товарами; на первый разъ и это было бы хорошо. Къ сожалѣнію, надежда моя не сбывается, и я подозреваю, что хитрые японцы, поручивъ Сумеди вывѣдывать отъ меня что ихъ интересуетъ, позволили Сумеди вести себя такъ, чтобы я думалъ, что онъ отъ себя говоритъ и дѣйствуетъ для своей собственной пользы, между тѣмъ какъ онъ только исполняетъ задаваемые ему уроки старшимъ начальникомъ. Я дѣлаю видъ, что будто ничего не подозреваю, и думаю, что дѣйствительно Сумеди скрытно дѣйствуетъ отъ своихъ начальниковъ и всегда серьезно обещаю ему, что ничего не скажу имъ про то, что онъ говорилъ со мною. Разъ я попросилъ у него, чтобы онъ мнѣ промѣнялъ обдѣланную раковину на хрустальную тарелку. Онъ согласился, отдалъ раковину и взялъ тарелку.

24-ое апрѣля. — Многіе аины говорили Дьячкову, что они слышали отъ другихъ аиновъ, будто у Сиретоку (Анива) ходятъ два русскихъ судна. Кажется, это уже 10-й разъ съ марта нынѣшняго, что видягъ судно у Сиретоку. Ловля идетъ у японцевъ очень лѣниво, хотя съ тѣмъ числомъ работниковъ, которое они имѣютъ въ Томари (около 100 чел. япон., аиновъ и аинокъ) можно бы гораздо болѣе дѣла сдѣлать. Они не убрали еще и одного невода, а нѣсколько ихъ стоятъ въ водѣ съ рыбою невытащенными еще на берегъ.

25-ое апрѣля. — Сегодня вновь пришедшій аинъ подтвердитъ, что два судна ходятъ у мыса Анивы, и что даже нѣсколько человѣкъ съѣзжали на берегъ. Если это русскія суда, то непонятно, отчего они нейдутъ внутрь залива Анивы. Надо полагать, что это китобои. Однако я рѣшился поѣхать на шлюпкѣ за мысъ Эндоморо, закрывающій отъ насъ и Аниву,

къ надеждѣ, что если горизонтъ будетъ ясный, то я увижу въ трубу, если же туманный, то пошлю двухъ казаковъ къ Сиротку разузнать, правда ли, что жители видѣли суда, если правда, то ожидать пока сами не увидятъ и тогда пошлю знакъ на судно, если оно русское, выстрѣлами изъ ружей. В 9-мъ часу пришелъ Сумеди-Сама съ Яма-Мадо и спросилъ меня, слышалъ ли я, что русскія суда пришли. Я сказалъ, что не слышалъ. Тогда онъ спросилъ, поѣду ли я самъ, или пошлю кого-нибудь къ нимъ. Я сказалъ, что я поѣду къ мысу Эндоморо посмотрѣть въ зрительную трубу, когда марево пройдетъ. Онъ просидѣлъ у меня до того времени, когда мнѣ дали знать, что люди готовы на молитву (это было въ воскресенье). Я началъ молиться, а Сумеди пошелъ къ Рудановскому. Между разговоромъ Сумеди сказалъ мнѣ, что ихъ начальникъ запретилъ, чтобы пугать рыбу, бить въ барабанъ, какъ это прежде дѣлалось для сигнала идти къ обѣду и на работу. Я ему сказалъ на это, что вероятно они не полагаютъ, чтобы нашъ маленький колокольчикъ, который бьютъ часы и рынду, могъ бы пугать рыбу. — «Колоколь не мѣшаетъ, но выстрѣлы изъ пушекъ могутъ прогнать рыбу; а я слышалъ что русскіе палатъ, когда приходятъ суда», отвѣтилъ мнѣ Сумеди. Я ему общалъ, что буду просить свое начальство позволить не салютовать кораблямъ. Дѣйствительно, мадо будетъ это сдѣлать. Послѣ молитвы, въ 1-мъ часу, я выѣхалъ на шлюпкѣ. Обогнувъ м. Эндоморо, я увидѣлъ, что горизонтъ закрытъ туманомъ и м. Анивы нельзя видѣть. Я однако двинулся далѣе, чтобы высадить двухъ казаковъ. Вѣтеръ, бывший въ м. Эндомора совершенно противный, пошелъ немного къ западу, и мы поставили паруса. Проѣзжая с. Хукуй-Катанъ, я увидѣлъ въ зрительную трубу, что и въ этомъ селеніи уже поймано много сельдей, онѣ лежали большими кучами на берегу. Скоро мы обогнули мысъ Хукуй-Катана и пошли мимо озера Отосамъ въ слѣдующему мысу, гдѣ и пристали къ берегу. Я отправился въ кз. Дьячковымъ и Березкинымъ вокругъ мыса, чтобы выйти на открытое мѣсто. Обогнувъ его, мы увидѣли, что слѣдующій мысъ опять закрываетъ намъ Аниву. Было уже часовъ пять, и надо было думать о возвращеніи домой. Мы вернулись въ шлюпкѣ, взойдя по дорогѣ на вершину берега посмотрѣть въ трубу. Идучи мы замѣтили на пескѣ свѣжій слѣдъ медвѣдя. Я счелъ величину слѣда — вышло двѣ четверти: это лапа огромнаго медвѣдя, какихъ въ Россіи вѣдается нѣтъ¹⁾. У меня есть

¹⁾ На Сахалинѣ водятся только черные медвѣди, имѣющіе по клочку бѣлыхъ волосъ съ обѣихъ сторонъ шеи; они считаются самыми свѣрхъными. Вообще сахалинскіе медвѣди очень злы и бросаются на людей.

шкура черного медвѣдя, убитого въ Хукуй-Катанѣ: она имѣетъ длины отъ шеи до хвоста 11 четв., т.-е. 1 с. безъ четв.; приди въ мѣсту, гдѣ вытащена была шлюпка, я засталъ готовый чай. Назначивъ казаковъ Березкина и Монакова идти къ м. Апитѣ, чтобы разузнать о видѣнныхъ судахъ, я отправилъ ихъ съ провіантомъ на недѣлю, а съ остальными 3-мя гребцами отвалилъ отъ берега. Вѣтеръ былъ попутный, потому мы тотчасъ же поставили парусъ. Проходя не болѣе какъ въ полуверстѣ отъ берега, гдѣ находится оз. Отосамъ, мы увидѣли въ саженьхъ 20-ти отъ насъ, между берегомъ и шлюпкой, фонтанъ, пущенный китомъ. Скоро показалось туловище, а потомъ хвостъ чудовища. На прошло получаса, какъ матросъ на рулѣ замѣтилъ, что-то лежитъ поверхъ воды передъ носомъ шлюпки. Мы приняли сначала это за плавающее дерево, но приблизясь сажень на 5 къ нему, я увидѣлъ, что не можетъ быть такое толстое дерево и тотчасъ велѣлъ взять лѣво руля, чтобы отойти; едва мы отвернули, вода съ шумомъ и брызгами раздалась и хвостъ ныряющаго кита поднялся во всю величину свою. Мы чуть-чуть не натолкнулись на спящаго кита. Судя по хвосту онъ былъ изъ маленькихъ витовъ, т.-е. сажени четыре длины. Киты бывають въ 12 и даже 13 сажень. Ужасное множество сивучей постоянно окружало насъ. Сивучи, вынырая изъ воды, вытягивають къ вершину голову и такъ держатся совершенно вертикально, выказывая болѣе аршина изъ своего туловища. Они имѣють около одной сажени длины. Ревъ ихъ похожъ на бычачій. Говорять, что ихъ опасно стрѣлять лежащихъ на берегу потому, что раненые они съ яростью бросаются на стрѣла и чрезвычайно быстро бѣгутъ опираясь на свои лапы и хвостъ. Подъѣзжая къ посту, я увидѣлъ, что пришли двѣ японскія джонки, находившіяся въ Тіатомари, съ японцами. Ихъ пріѣхало всего около 20-ти человѣкъ.

26-го апрѣля. — О судахъ нѣтъ никакого извѣстія. Сегодня я смотрѣлъ на рыбную ловлю японцевъ, и теперь не удивлюсь, что они нуждаются въ аинахъ. Способъ вытаскиванія неводомъ такъ дуренъ, что дѣйствительно необходимо не менѣе 70-ти ч. на неводъ. У нихъ нѣтъ тоней, какія дѣлають у насъ, гдѣ 10 рыбаковъ легко повертываютъ канатъ. У нихъ тянутъ канатъ рабочіе отъ начала до конца руками. Одинъ конецъ впрочемъavorочивали на вертящуюся тумбу, но она такъ тонка и канатъ дѣлаетъ столь малый оборотъ, что эта работа еще медленнѣе, чѣмъ просто руками тянуть. Необычайно количество рыбы и дешевизна найма аиновъ, или лучше сказать малость подачи, отпускаемой имъ.

27-го апрѣля. — Сегодня ночью пришли аины сел. Найпути

на работу къ японцамъ. Одинъ изъ нихъ, узнавъ въ часовомъ у
 жней казармы казака Дьячкова, подошелъ къ нему и сказалъ,
 чтобы онъ вошелъ съ нимъ въ казарму. Дьячковъ вызвалъ смѣну
 пошелъ съ айномъ. Тотъ ему далъ травъ, сказавъ, чтобы
 онъ не говорилъ японцамъ, потому что тогда они убьютъ его.
 Дьячковъ ему старался объяснить, что хотя русскіе дружно
 живутъ съ японцами, но это не значитъ, чтобы они позволили
 японцамъ убить аина за то, что онъ служилъ имъ. Аинъ отвѣ-
 талъ на это, что если русскіе посылаютъ айновъ на работу къ
 японцамъ, то значитъ они оставляютъ ихъ беззащитными подъ
 начальствомъ японцевъ¹⁾; сказавъ это, онъ попросилъ за тра-
 ва табаку, и потихоньку ушелъ къ аинскимъ юртамъ. Вотъ
 мы слышали всѣхъ айновъ на наши убѣжденія, чтобы они не боя-
 лись японцевъ. Они не вѣрятъ и совершенно справедливо; я
 вместе съ ними не могу понять возможности, чтобы русскіе и
 японцы вмѣстѣ жили въ Анивѣ, и при этомъ чтобы аины оста-
 вались въ прежнемъ отношеніи къ японцамъ, т.-е. въ рабствѣ.
 Это вещь невозможная; слѣд. или японцы должны признать
 Кусунъ-Катанъ (Анива) русскою землею, и на этомъ основаніи
 вывести законъ свой придти на русскую землю промысломъ
 рыбю, уговариваясь съ аинами на счетъ найма къ нимъ въ ра-
 боту по вольной съ обѣихъ сторонъ цѣнѣ; или русскіе долж-
 ны перейти жить изъ Кусунъ-Катана въ другое мѣсто, предо-
 ставляя аинамъ оставаться работниками у японцевъ или перейти
 въ русскимъ заселеніямъ для занятія пушными промыслами.
 Въ положеніи же, въ которомъ мы теперь находимся, оставать-
 ся далѣе нынѣшняго лѣта нельзя. Я уже выше сказалъ, что
 дальнѣйшія селенія до сихъ поръ нейдутъ къ японцамъ на
 работу, отговариваясь тѣмъ, что они не могутъ вѣрить тому,
 что японцы съ русскими будутъ мирно жить въ Кусунъ-Ката-
 нѣ. Чтобы собрать ихъ, слѣдуетъ послать партію русскихъ. Во-
 вторыхъ, теперь это невозможно, потому что вся команда больна
 ангиною; а во-вторыхъ, странно, если мы не только будемъ ока-
 зывать послабленіе японцамъ, оставляя айновъ въ ихъ волѣ, но
 еще будемъ силою собирать ихъ для отдачи въ рабство къ не-
 извѣстнымъ для нихъ господамъ. Поэтому не слѣдовало, — рѣ-
 шившись разъ занять Аниву и встать въ главное японское се-
 веріе, употреблять увертливыхъ приказаній, — стараться сдру-
 житься съ японцами и аинами и отнюдь не тревожить пер-

¹⁾ Истинная работа у японцевъ отнимаетъ у айновъ возможность сдѣлать доста-
 точный запасъ рыбы на зиму, — вслѣдствіе чего у нихъ бываетъ почти ежегодно
 голодъ въ мартѣ и даже въ февралѣ мѣсяцѣ. Аины признаются, что они воруютъ
 отъ японцевъ рыбу, потому что иначе они остались бы совершенно безъ рыбы.

выхъ въ ихъ рыбныхъ промыслахъ, недозволяя только имъ привозить войска и пушки. Это возможно только тогда, когда мы встали бы сѣвернѣе японскихъ заселеній. Объявивъ тогда японцамъ, чтобы они не привозили войска и пушекъ и предоставили айнамъ свободно наниматься служить кому они хотятъ, мы могли бы рассчитывать на то, что хотя японцы вслѣдствіе этого и лишились бы въ большой части айскихъ работниковъ, но однако, дорожа своими промыслами и не имѣя надъ головами русскихъ строеній, они пріѣзжали бы на Сахалинъ и не строили бы крѣпостей, лишь бы только не прогнали ихъ.

Сегодня Сумэди-Сама пришелъ ко мнѣ въ 5-мъ часу, и обыкновенію съ чаемъ. Я ему подарилъ или лучше сказать заплатилъ шестью фунтами сахару за рисъ, который онъ мнѣ прислалъ наканунѣ. Онъ пришелъ собственно для того, чтобы сказать, что если завтра будетъ попутный вѣтеръ, то четыре конкасы пойдутъ въ Сирануси для того, чтобы перевести оттуда офицеровъ и солдатъ, всего 77 челов. Это же самое слово онъ говорилъ при первомъ объясненіи со мною насчетъ того, сколько солдатъ я могу дозволить пріѣхать на Сахалинъ. Отсюда надо заключить, что или вслѣдствіе этого объясненія японцы послали съ ушедшими тремя конкасами извѣщеніе о числѣ солдатъ, которое я могу допустить, или Сумэди обманывается. Мнѣ еще то было подозрительно, что Сумэди хитритъ; онъ между разговоромъ сказалъ, будто слышалъ, что японское большое судно видѣли въ морѣ айны изъ Сирануси; что это вѣроятно судно съ провіантомъ и товаромъ. Потомъ онъ сказалъ, что онъ тоже слышалъ, что изъ Мацмая пріѣдетъ императорскаго войска офицеръ и солдаты. Подозрѣвая, что онъ испытываетъ, какъ я смотрю на это обстоятельство, я ему сказалъ: «Сумэди-Сама, скажи своему старшему начальнику, что если пріѣдетъ на Сахалинъ солдатъ и офицеровъ болѣе того числа, въ которомъ мы условились, то я приму это за враждебныя дѣйствія и потому употреблю силу, чтобы не допустить японцевъ увеличивать числа вооруженныхъ людей». Сумэди началъ клясться, что японцы не хотятъ вести войну съ русскими, что онъ не знаетъ хорошо, сколько назначено всего солдатъ на Сахалинъ, а говорить такъ только; что же касается до него самого, то его главная забота о томъ, чтобы рыбные промыслы были успѣшны, что онъ отсовѣтовалъ своему начальнику поставить у своего дома пушки, боясь, что айны разбѣгутся. Я сказалъ ему, что онъ хорошо сдѣлалъ, что отсовѣтовалъ ставить пушки, потому что если бы я ихъ увидѣлъ, то по-

требовалъ бы ихъ, и я ему поручаю сказать старшему начальнику японцевъ, чтобы я ни пушекъ, ни больше условленнаго числа солдатъ не видѣлъ у японцевъ, если они дѣйствительно не хотятъ воевать съ нами; что я не хочу да мнѣ и не приказано драться съ японцами; а если я разъ это говорю, то это правда, потому что русскій офицеръ знаетъ, что Богъ слышитъ что онъ говоритъ; позволить же японцамъ вмѣсто работниковъ наводить войска,—не могу. Сумѣди на это сказать, что японцы боятся нападенія Хвостова и потому привезли солдатъ себѣ въ защиту. Я на это возразилъ ему, что Хвостовъ былъ съ купеческимъ судномъ и разбойничалъ, а я пришелъ отъ императора русскаго. Прощаясь онъ сказалъ мнѣ, что поѣдетъ въ Усунной и Унду сказать аинамъ, чтобы они не боялись и не убѣжали, если услышатъ пушечные выстрѣлы, потому что это будетъ салютъ русскимъ. Я ему замѣтилъ, что намѣренъ по прибытіи русскихъ судовъ послать шлюпку просить, чтобы не салютовали, потому что это можетъ отогнать рыбу, а потому онъ можетъ надѣяться, что стрѣльбы не будетъ, если тожько не придется подать ночью сигналъ, когда судно будетъ искать насъ, и то я постараюсь дать знать огнемъ фальшфейеровъ. Сумѣди очень обрадовался этому извѣстію и довольный ушелъ отъ меня. Я приказалъ Дьячкову завтра постараться свидѣться съ нимъ или съ Яма-Мадо, чтобы еще пересказать о нашемъ разговорѣ, потому что я худо говорю и можетъ быть Сумѣди не все понималъ. Аинамъ же я велѣлъ отвѣчать на вопросы, останутся ли русскіе, что никто не можетъ теперь ихъ вывести изъ Аину-Катанъ, потому что русскіе пришли туда по повелѣнію своего императора, но что можетъ быть перенесенъ постъ на другое болѣе удобное мѣсто.

V.

29-го апрѣля. — Ура! русское судно пришло. Въ 1-мъ часу пополудни часовой увидѣлъ на горизонтѣ парусъ. Я тотчасъ же вошелъ на башню и удостовѣрился въ зрительную трубу, что часовой не ошибся. Видно было два судна; одно изъ нихъ большое, и по виду парусовъ ясно отличалось отъ меньшаго, которое я тотчасъ принялъ за японское. Рудановскій былъ моего мнѣнія, а когда большое судно подошло ближе, то онъ увѣрялъ, что это должно быть военное. Скоро уже судно подошло такъ близко, что я, желая, чтобы оно не вздумало салютовать, послалъ ему извѣщеніе объ этомъ на японской лодкѣ, — шлюпка была командирована въ озеро Отосамъ. Но еще вдали съ судна

сдѣлали выстрѣлъ. Сумеди-Сама приближалъ ко мнѣ, узнавъ, что идетъ русское судно. Лодки наши подплыли къ судну, передали бумагу и скоро извѣстили насъ, что корветъ «Оливуца» пришелъ изъ «Императорской гавани». Затѣмъ пришелъ вельботъ съ подпоручикомъ Орловымъ, присланнымъ изъ Петровскаго для поступленія въ распоряженіе адмирала Путятина. Онъ привезъ мнѣ большой пакетъ дѣловыхъ бумагъ и частныхъ писемъ. Трудно представить жителю многолюднаго города радость, которую чувствуетъ человѣкъ, прожившій около года безъ всякихъ извѣстій изъ родной стороны. Невольно я распечаталъ первыми частныя письма отъ сестры моей и другихъ родственниковъ. Быстро пробѣжавъ ихъ и увѣрившись, что всѣ здоровы и счастливы, я принялся читать дѣловыя бумаги. Первая бумага была та, въ которой генераль-губернаторъ утверждалъ меня правителемъ острова Сахалина, до прибытія правителя отъ компаніи, и выражалъ ему только свойственнымъ слогомъ свое довольство моими дѣйствіями. Частное письмо Николая Николаевича по этому же предмету еще ласковѣе и, можно сказать, дружественнѣе. Самое важное извѣстіе было о разрывѣ съ Турціею и о вѣроятности разрыва съ Англіею и Франціею. Последнее обстоятельство еще болѣе можетъ затруднить наше положеніе, если японцы узнаютъ о разрывѣ нашемъ съ сильными морскими державами, съ которыми намъ трудно будетъ бороться въ Тихомъ океанѣ. Хорошо еще, если посланные изъ балтійскаго флота 2 фрег., 1 корветъ и 1 транспортъ успѣютъ пробраться къ намъ между англійскими эскадрами. Я думаю, что трудно будетъ имъ это сдѣлать, если разрывъ дѣйствительно произойдетъ. Ихъ призвано дожидать къ началу апрѣля, а теперь уже начало мая, и ихъ нѣтъ. Пришедшій къ намъ корветъ «Оливуца» долженъ идти въ Петропавловскій портъ для защиты Камчатки. Между непріятными извѣстіями конечно самое важное и грустное было извѣстіе, что судно компанейское «Николай» и камчатскій транспортъ «Иртышъ» не могутъ выйти изъ «Императорской гавани» ранѣе второй половины мая, потому что въ командахъ ихъ свирѣпствуетъ цынга, отъ которой уже умерло 30 человѣкъ изъ 80-ти. Мѣстоположеніе и недостатокъ свѣжей пищи и хорошаго жилья были, какъ и всегда, причиною сильнаго развитія болѣзни. Получилъ я письма отъ Невельскаго и Корсакова. Первый, будучи обезпеченъ положеніемъ поста, совѣтуетъ мнѣ вести дѣло такъ, чтобы не имѣть столкновенія съ японцами, стараясь совершенно не вмѣшиваться въ ихъ дѣла. Второй поздравляетъ меня съ успѣхомъ распоряженій моихъ и извѣщаетъ, что губернаторъ очень доволенъ мною, и надѣется, что съ будущемою

почтою поздравить меня съ чиномъ подполковника. Приходъ корвета оживилъ наше поселеніе. Больные наши стали веселѣе, и по словамъ доктора корветскаго ни одного изъ нихъ нѣтъ опасно больного. На аиновъ приходъ русскаго корабля конечно имѣлъ хорошее вліяніе, но я продолжалъ такъ держать себя, чтобы они не возымѣли мысли оставить работы у японцевъ. Горестно, но необходимо! Пріѣхавшіе офицеры на корветѣ, поспѣвъ нашъ постъ, удивлялись, что мы успѣли такъ хорошо и удобно обстроиться.

1-ое мая. — Я снова перечиталъ письма родныхъ. Неужели этотъ годъ не увижусь я съ ними. Право страшно подумать объ этомъ.

Сегодня неожиданно пошелъ снѣгъ. Поздненько для 46° широты. Климатъ Анивы немногимъ мягче петербургскаго; конечно хорошей погоды больше, да и солнце посильнѣе.

Сегодня командиръ корвета Назимовъ пригласилъ на корветъ, по предложенію моему, японскихъ офицеровъ знакомыхъ мнѣ. Я довезъ Мива-Сама и Сумэди-Сама на капитанскомъ вельботѣ; на нашей шлюпкѣ поѣхалъ Рудановскій съ Уди-Сама, а на восьмеркѣ усажены были японскіе солдаты, составлявшіе свиту японскихъ офицеровъ и 3 старшины изъ аиновъ. Шелъ небольшой дождь, когда мы пристали къ корвету и потому, почти не осматривая его, вошли въ капитанскую каюту. Красивая комната, хорошій обѣдъ, огромность размѣровъ всѣхъ частей военнаго судна сдѣлали впечатлѣніе на японцевъ. За обѣдомъ пили за здоровье государя, при чемъ пѣвчіе спѣли «Боже царя храни». Послѣ обѣда капитанъ Назимовъ показалъ примѣрное ученіе на шарусахъ и при орудіяхъ. Послѣдніе были 18-ти-фун. вал. пушки-каронады. Величина ихъ поражала японцевъ, и я послѣ узналъ отъ казака Дьячкова, что одинъ изъ японскихъ солдатъ, не вѣря, что онѣ сдѣланы изъ металла, началъ скоблить ножомъ, чтобы убѣдиться, не изъ дерева ли пушка. Въ Японіи дѣлаютъ очень много деревянныхъ орудій, чтобы придать батареямъ болѣе грозный видъ. Одинъ изъ офицеровъ корвета видѣлъ, какъ въ Нанкинѣ рубили во время штурма японское судно и нѣсколько пушекъ плавали вокругъ его.

2-го мая. — Сегодня капитанъ Назимовъ предполагаетъ снять-ся съ якоря и идти въ Камчатку, подойдя на пути къ мысу Крильону, а оттуда къ Мацмайскому берегу. Маневръ этотъ долженъ былъ быть сдѣланъ вслѣдствіе моего предложенія. Цѣль его была заставить японцевъ предполагать, что корвету поручено лавировать у острововъ, занимаемыхъ ихъ промышленными заселеніями. Я приготовилъ письма къ губернатору, Завой-

кѣ, Корсакову и роднымъ. Въ седьмомъ часу утра я поѣхалъ на корветъ. Назимовъ предложилъ мнѣ идти съ нимъ на корветъ осмотрѣть, есть ли якорное мѣсто у устья р. Туотоги. Я съ удовольствіемъ принялъ его предложеніе, и мы тотчасъ послали шлюпку за Рудановскимъ. Онъ привезъ съ собою Сумеди-Сама, неотступно просившаго его взять на корветъ. Мы снялись съ якоря и поѣхали къ ясно обозначившемуся устью рѣки. Вѣтеръ намъ былъ совершенно противный и потому мы принуждены были лавировать. Прекрасный обѣдъ сократилъ намъ продолжительное время, которое пришлось употребить для подхода къ рѣкѣ. Когда берегъ сталъ ясно обозначаться, мы вышли на палубу. Глубина измѣнялась очень равномерно. Подойдя на 10 саженъ глубины мы убрали часть парусовъ, но глубина такъ долго не измѣнялась, что Назимовъ, наскучивъ тихимъ ходомъ корвета, опять поставилъ всѣ паруса. Когда мы пришли на 8 саж., то бросили якорь, а потомъ спустили вельботъ, на которомъ Назимовъ, я, Рудановскій и Сумеди-Сама поѣхали къ рѣкѣ. Подойдя довольно близко къ устью рѣки, мы находились еще на большой глубинѣ—вблизи отъ насъ плавалъ китъ и пускалъ фонтанъ. Скоро замѣтили мы, что вельботъ идетъ прямо на грядѣ каменьевъ. Гряда эта шла отъ W къ O, заграждая такимъ образомъ устье рѣки отъ S. Поднявшись вдоль этой гряды, мы завернули за нее и пошли по фарватеру рѣки. Онъ открытъ къ отмелямъ р. Сусуи и за ней вблизи находящимся гористымъ берегамъ. Фарватеръ, шириною саженъ 50, идетъ, какъ я сказалъ, между отмелями съ NO стороны и грядою каменьевъ съ S стороны. У насъ былъ вѣтеръ отъ W. Фарватеръ былъ совершенно спокоенъ—волны разбивались на грядѣ каменьевъ. Къ сожалѣнію глубина начала быстро уменьшаться и скоро дошла до 3-хъ футовъ (на малой водѣ). У выхода въ рѣку теченіе быстро. На веслахъ трудно было идти и потому, вышедъ на берегъ, мы повели вельботъ бичевою. Рѣка круто заворачиваетъ съ моря къ NO. Зайдя за этотъ заворотъ, мы шли опять въ вельботъ, потому что теченіе было уже значительно слабѣе. Скоро мы поставили парусъ и подъ нимъ пошли вверхъ по рѣкѣ. Я уже прежде описывалъ берегъ рѣки Туотоги и потому здѣсь скажу только, что глубина ея въ малую воду въ устьѣ 3 ф., выше по рѣкѣ 6 и болѣе футовъ. Ширина до 30-ти саж. Поэтому р. Туотога можетъ считаться судоходною для плоскодонныхъ рѣчныхъ парусныхъ судовъ и пароходовъ. Входъ въ нее удобенъ. Судно большого ранга подходитъ ближе къ берегу, чѣмъ у Муравьевскаго поста. Грунтъ—илъ. Якорное мѣсто совершенно защищено отъ N, W и O вѣтровъ, наиболѣе сильныхъ въ заливѣ Анивъ (W вѣтеръ самый сильный). Осматри-

вая зимою р. Туотогу, я узналъ отъ айна и казаковъ, жившихъ на этой рѣкѣ для охоты, что она, заворачивая къ НО, подходитъ близко, версты на 1½ русскихъ, къ морскому берегу. Поставивъ на этомъ изгибѣ селеніе, можно легко провести черезъ нѣсь дорогу къ заливу и такимъ образомъ устроить двойное сообщеніе—по рѣкѣ для большихъ тяжестей и по сухонутной дорогѣ для легкихъ грузовъ и профѣзжающихъ пассажировъ. Устья рѣки слѣдуетъ держать лѣтомъ человекъ 10 рабочихъ для добыванія рыбы и караула судовъ.

На обратномъ пути Назимовъ показалъ мнѣ ученіе при орудіяхъ и вызовъ къ бою абордажныхъ партій. Эволюціи эти очень поразили Сумеди-Сама порядкомъ, точностью и быстротою исполненія. Когда мы встали на якорь, пріѣхалъ япоонецъ Яма-Мадо за Сумеди-Сама. Послѣдній скачалъ мнѣ, что старикъ Мина-Сама беспокоится о немъ, не увезли ли его русскіе. Мы много смѣились предположенію японцева, будто намъ такъ важно имѣть въ плѣну Сумеди-Сама.

На другое утро, 3-го числа, корветъ спялся съ якоря и пошелъ къ мысу Крильону.

Пріѣздъ Орлова очень оживилъ уединенную жизнь мою. Я не знаю еще близко его, но онъ умный и пріятный собесѣдникъ. Разсуждая между прочимъ о положеніи нашемъ въ Муромовскомъ посту и о его мѣстности, Орловъ согласился съ моимъ мнѣніемъ. Я не знаю мысли Невельского, которую онъ имѣлъ, посылая Орлова ко мнѣ. Онъ пишетъ мнѣ, чтобы я обратилъ особенное вниманіе на этого человека и довѣрялъ бы ему въ дѣлствіяхъ съ японцами и айнами, потому что онъ хорошо знаетъ оба народа—эти и говоритъ по-айнски. Оказалось, что г. Орлову пришлось у меня учить ся айнскому языку и узнавать объ японцахъ. Быть можетъ, намѣреніе Невельского поставить подлѣ меня человека, который бы могъ слѣдить за моими дѣлствіями съ тѣмъ, чтобы послѣ передать ихъ ему, такъ какъ Невельскому извѣстно, что я другого съ нимъ мнѣніемъ на счетъ экспедиціи. Но, впрочемъ, это только мое предположеніе и я не имѣю никакихъ данныхъ, подтверждающихъ его.

7-го мая. — Утромъ часовые увидѣли парусъ. Зная, что фрегатъ «Аврора» и корветъ «Наваринъ» — должны зайти въ Аяву, я полагалъ, что это должно быть одно изъ этихъ судовъ. Скоро я увидѣлъ свою ошибку, пришедшее судно было корветъ «Оливуца». Вскорѣ г. Назимовъ съѣхалъ на берегъ. Отъ него я узналъ, что къ сѣверу отъ мыса Аявы море покрыто сплошнымъ льдомъ. Онъ встрѣтилъ тамъ одно китобойное американское судно, которое, по словамъ капитана его, уже давно лавируетъ тамъ, отыскивая проходъ въ Охотское море. Другое китобойное

же судно видѣлось на горизонтѣ къ востоку. Эти-то суда и видѣли японцы и айны съ мыса Анивы. Назимовъ хотѣлъ на другое утро сняться съ якоря и идти Японскимъ моремъ въ Камчатку. На другой день, 8-го, онъ снялся съ якоря.

Погода наступила у насъ совершенно лѣтняя. Я раскинулъ палатку въ ближайшей отъ насъ рощѣ и провожу тамъ большую часть дня.

11-ое мая. — Сумеди-Сама пришелъ ко мнѣ съ извѣстіемъ, что въ Сою пріѣхалъ отъ императора офицеръ и долженъ скоро прибыть на Сахалинъ. Я спросилъ: ѣдетъ ли онъ одинъ или со свитою. Сумеди сказалъ, что при немъ будетъ 100 ч. солдатъ. Услышавъ это, я велѣлъ Сумеди-Сама передать своимъ начальникамъ, что я не могу позволить пріѣзжать имъ съ войскомъ, и потому прошу офицера, пріѣхавшаго отъ императора, если онъ хочетъ явиться на Сахалинъ, то только съ одними прислужниками, а иначе я его не пущу. Сумеди сказалъ, что онъ передастъ мои слова Мивѣ-Самѣ, который долженъ былъ ѣхать въ Сирануси на встрѣчу пріѣхавшему изъ столицы офицеру. Мнѣ необходимо было дѣйствовать такимъ образомъ потому, что позволивъ разъ собраться большому числу солдатъ японскихъ на Сахалинъ, я этимъ призналъ бы островъ ихъ владѣніемъ; кромѣ того это имѣло бы дурное вліяніе на айновъ. Наконецъ, я все еще не зналъ, придутъ ли суда наши въ Аниву, узнавъ о разрывѣ съ Англіею, и потому не хотѣлъ стать въ положеніе весьма невыгодное, если у меня подъ бокомъ очутится въ десять разъ больше японцевъ, чѣмъ я имѣю (хромоногихъ) солдатъ ¹⁾....

13-го мая. Увидѣли судно.

15-го > Подошелъ «Байкаль».

17-го > Пріѣхало 46 японцевъ.

18-го > Обѣдъ въ лѣсу съ японцами.

19-го > «Байкаль» снялся съ якоря.

.

Н. В. Вусск.

¹⁾ На этомъ мѣстѣ прерывается текстъ дневника; оставшаяся за тѣмъ чистая бумага тетради доказываетъ, что авторъ больше не возвращался къ дневнику, но, видно, имѣлъ намѣреніе, такъ какъ на поляхъ слѣдующей страницы помѣчены для тѣхъ фактовъ, которые должны были войти въ послѣдующій разсказъ, отъ 18-го до 19-го мая. Изд.

АЛЕКСѢЙ СЛОБОДИНЪ

СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЯ.

Посвящено А. Ф-нѣ и П. М-чу Ковалевскимъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I.

Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, въ началѣ двадцатыхъ годовъ, въ маленькомъ городѣ одной изъ приволжскихъ губерній, у смотрителя уѣзднаго училища Петра Ивановича Слободина родился сынъ Алексѣй. Рожденіе ребенка и притомъ первенца—событіе радостное въ каждомъ семействѣ. Вступаетъ ли маленькое существо въ міръ при великомъ торжествѣ, окутанное кружевами, атласомъ и бархатомъ, или при нагорѣвшей лучинѣ, завернутое въ посконную тряпицу, положенное въ корыто, фактъ одинаково важенъ: явился новый человѣкъ. Въ великолѣпныхъ палатахъ и въ курной избѣ природа одинаково дѣлаетъ свое дѣло, по законамъ неизмѣннымъ. Это старая истина, оттого-то мы рѣдко вспоминаемъ ее, что она старая.

Бѣдное, беспомощное, жалкое твореньеце заявляетъ о своемъ появленіи отчаяннымъ крикомъ. Если вы внимательно вслушаетесь въ этотъ крикъ, то ясно различите въ немъ назойливое требованіе: «дайте то, что мнѣ нужно»—и въ этомъ требованіи уже зрѣетъ будущій вопросъ: «а что вы до сихъ поръ дѣлали,—все ли вы приготовили, чтобы достойно принять меня?»

Мы конфузимся и спѣшимъ заткнуть ротъ этому будущему нашему грозному судѣ готовою пищею. Но одному рту предла-

гается здоровая, обильная молокомъ грудь, а другому холодная кислая соска.

И мы готовимся дать оправдательный отвѣтъ, но, увы!—перебирая все, что нами сдѣлано, вмѣсто отчетливаго оправданія мы робко вымаливаемъ помилованіе: «прости насъ, не осуди, мы сдѣлали, что могли....»

Петръ Ивановичъ взявъ на руки ребенка, долго и серьезно смотрѣлъ на него, потомъ передалъ бабушкѣ и вышелъ въ другую комнату; кажется, онъ тамъ заплакалъ.

Въ квартирѣ Слободина, во флигелѣ при училищѣ не было и тѣни бѣдности; напротивъ, все въ ней отзывалось домовитостію и даже достаткомъ. Изъ четырехъ комнатъ маленькаго деревяннаго домика, одна носила званіе гостиной и щеголяла мебелию подъ красное дерево, обитою кумачомъ; стѣны ея были украшены аршиннымъ зеркаломъ и множествомъ купленныхъ у юрбейниковъ картинокъ, изображавшихъ Кутузова, Платова, Кулинева и другихъ героевъ 12-го года, бывшаго тогда еще у всѣхъ въ свѣжей памяти. На окнахъ зеленѣла резеда и герань. Въ другихъ комнатахъ не было такихъ затѣй, но въ стеклянномъ высокомъ шкафѣ, какіе теперь можно встрѣтить на постоянныхъ дворахъ подъ Москвой—красовался полный комплектъ чайной посуды и по дюжинѣ ложекъ-столовыхъ и чайныхъ чистаго серебра 84 й пробы, — а въ сундукѣ подъ кроватью, вмѣстѣ съ мундиромъ и новою фракною парой, у зрителя была, какъ всѣ говорили, припрятана копѣйка на черный день. Въ кладовой и въ подвалахъ у него было настоящее изобиліе: годовые запасы муки, крупъ, окороковъ, сотоваго меда въ деревянныхъ кадочкахъ, холста, сушеной рыбы, варенья, чернослива и прочихъ благодатей, кажется, никогда не переводились. Все это было купленное, а приносилось и присылалось возами отъ родителей обучавшагося въ училищѣ юношества. Не такъ давно Слободинъ обзавелся лошадкой и бѣгунками, для собственнаго удовольствія, и приобрѣлъ серебряные часы, которые носилъ въ голубомъ бисерномъ шнуручкѣ.

Такую домашнюю обстановку Слободина въ настоящее время никто не назоветъ роскошною, но тогда, 50 лѣтъ назадъ, она удовлетворяла всѣмъ потребностямъ зажиточнаго уѣзднаго чиновника. Жалованья онъ и прожить не могъ, издерживая въ день копѣекъ по 20-ти ассигнаціями, нося лѣтомъ наизготовъ сюртукъ и одѣвая жену въ ситцевое платье и козловые башмаки. Теперь нѣтъ и серебряной монеты равной 20-ти ассигнационнымъ копѣйкамъ, а серебряные часы—луковица на бисерномъ шнуручкѣ, сдѣлались археологическою рѣдкостью.

Петръ Ивановичъ былъ человѣкъ лѣтъ 35-ти, весьма скромный, солидный, трезвый и по своему времени довольно образованный. Въ теченіи трехъ лѣтъ отъ назначенія его смотрителемъ онъ снискалъ любовь и уваженіе всего города. Подарки, получаемые отъ родителей учениковъ, по большей части натурою, считались не только дѣломъ невиннѣйшимъ, но даже отказъ въ принятіи ихъ былъ бы поступкомъ страннымъ, предосудительнымъ и обиднымъ для общества. По своей домовитости и аккуратности Слободинъ приобрѣлъ право и политѣйшую возможность обзавестись семействомъ.

И вотъ у него сынъ, здоровый, славный мальчикъ, который, родясь, прямо попалъ въ теплую колыбельку, заботливо огражденную отъ нужды и лишеній горькой бѣдности; а между тѣмъ отецъ не радъ его появленію, встревоженъ, озабоченъ.....

Однакожь крестины Алѣши были отпразднованы весело.

Восприемниками были соляной приставъ Егоръ Кузьмичъ Раскатаевъ и вдова прапорщица Наталья Лаврентьевна Матвѣева, женщина «историческая» — отецъ ея былъ повѣшенъ Пугачовымъ въ Саранскѣ, а мужъ убитъ подъ Бородинымъ. Гостямъ подали были на нѣсколькихъ тарелочкахъ варенье, моченные яблоки и кедровые орѣхи, а за ужиномъ выпито двѣ бутылки цымлянскаго. Отецъ Нивонъ, соборный священникъ, крестившій ребенка, балагурилъ и смѣшилъ, по обыкновенію, все общество; потѣшался надъ старушкой Матвѣевой, какъ она ухватомъ съ Пугачомъ воевала, и совѣтовалъ ей, ради повышенія въ рангъ, выдти замужъ за безрукаго капитана инвалидной команды. Соляной приставъ часто заглядывалъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ стоялъ графинчикъ ерофеича, и потомъ лѣзъ цѣловаться съ попадѣей, женщиной необыкновенно бѣлаго тѣла, носившей на головѣ гарнитурный платокъ, повязанный вилочкомъ.

На другой день послѣ крестинъ, Наталья Лаврентьевна пришла не въ обычную пору и долго бесѣдовала съ Петромъ Ивановичемъ, запершись въ кабинетъ. По окончаніи секретной конференціи, она прошла къ ребенку и матери, дала ей нѣсколько практическихъ совѣтовъ на счетъ ухода за Алѣшей и, обнимая ее, съ нѣжностью примолвила: «Не тужи, Анна Митревна, не плачь, мой свѣтиль; наше дѣло поправное! Коли не для тебя, такъ для младенца онъ это сдѣлаетъ.... Онъ чувствуетъ самъ и на все согласенъ». Аннушка глядѣла на старуху асно и покойно. На ея кругломъ и румяномъ, русскомъ лицѣ, какъ будто было написано: это воля Петра Ивановича, а я какъ есть вся его, и потому теперича мнѣ все равно!

Время шло; Аннушка выкармливала ребенка, обшивала его,

мыла и холила, а Петръ Иванычъ все ходилъ задумчиво, что-то соображалъ, надъ чѣмъ-то затруднялся. Иногда по часамъ просиживалъ наединѣ съ отцемъ Никонѣмъ и все-таки ничего не предпринималъ.

Наталя Лаврентьевна тяжело и укоризненно вздыхала. — Наконецъ, когда Алёша сталъ уже ходить безъ посторонней помощи, въ одно зимнее утро Петръ Иванычъ съ Аннушкой, сочувствующие приставомъ Раскатаевымъ и уѣзднымъ лекаремъ, внезапно уватили въ широкихъ саняхъ подъ ковромъ въ подгородную деревню Барановку.

Наталя Лаврентьевна благословила ихъ на дорогу образомъ, а сама осталась въ домѣ съ Алёшей. Она перевернула вверхъ дномъ всю кладовую и, при помощи кухарки и работницы, целый день хозяйничала въ кухнѣ. Къ вечеру компанія воротилась: помолясь на образа, Петръ Иванычъ и Аннушка поклонились земно почтенной старушкѣ: «Ну, теперь здравствуй, жена моя!» воскликнулъ Слободинъ и горячо разцѣловалъ свою Аннушку и обѣ щеки.

Вечеромъ подошелъ отецъ Никонъ и еще кое-кто изъ самыхъ близкихъ пріятелей.

Отецъ Никонъ принесъ гусли и сыгралъ нѣсколько стиховъ, подпѣвая нѣжнымъ теноромъ. Всѣ были настроены такъ радостно; ужинъ изготовленъ изобильный, изъ кладовой выпущены и поставлены на столъ всѣ бутылки, какія были, безъ разбору — и шипучка, и цымлянское, и наливка; попалась даже одна бутылка съ уксусомъ и при общемъ смѣхѣ отнесена обратно; однакожъ Наталя Лаврентьевна поморщилась; она не сказала ни слова, но сочла это дурнымъ предзнаменованіемъ.

Алёша въ этотъ день кричалъ и воевалъ неутомимо, обѣдался всевозможными гадостями и не хотѣлъ идти спать, пока не разошлись всѣ гости. Онъ одинъ и не зналъ, что приступить на свадьбѣ отца съ матерью.

II.

Исторія Аннушки мало кому была извѣстна.

Одно лѣто Петръ Иванычъ, бывшій тогда еще молодымъ учителемъ, гостилъ у знакомаго священника въ селѣ, принадлежащемъ богатой помѣщицѣ Кушинцовой. Тамъ приглянулась ему крестьянская дѣвушка, дочь садовника Дмитрія. Встрѣчалъ онъ ее часто то въ барскомъ саду, то въ церкви, то на улицѣ у колодца, заводилъ съ нею разговоры, и такъ ему эта дѣвушка

любилась, что уѣзжая изъ села, онъ словно съ жизнью раз-
валялся. Впослѣдствіи, когда ужъ былъ назначенъ штатнымъ
отрителемъ, Слободинъ, ѣдучи на мѣсто, не утерпѣлъ—заѣхалъ
село госпожи Бушинцовой съ рѣшительными намѣреніями на
ее Аннушку. Дѣло было трудное, да спасибо священникъ
могъ, уговорилъ барыню—и Петръ Ивановичъ купилъ Аннушку
50 рублей ассигнаціями. Цѣна за дѣвку въ то время не-
малая. Отецъ не посмѣлъ противиться распоряженію барыни; онъ
даже очень доволенъ, получивъ въ подарокъ синюю ассиг-
націю и разсудивъ, что дѣвка-молъ добрая, смиренная, работя-
я, матери нѣтъ; еще, пожалуй, баловствомъ займется, а тутъ
есть, все ея счастье лежитъ. Поплакала Аннушка и поѣхала
баринѣмъ, который ей показался добрымъ и обходительнымъ.
Въ городѣ Аннушку всѣ считали потомъ женою Слободина,
и звали ее смотрительшей; впрочемъ, Анна Дмитріевна по-
являлась въ люди весьма рѣдко, развѣ въ церковь, да на ба-
ры; одѣвалась она хоть не по-деревенски, но просто, на го-
ловѣ всегда большой платокъ, такъ что и лица почти не видно.
Жила она только съ Натальей Лаврентьевной и любила хо-
дить къ ней—лѣтомъ полоть грядки въ огородѣ, а зимою прясть
жу, въ чемъ была великая мастерица. Старушка полюбила
какъ дочь родную и, конечно, знала обстоятельно ея поло-
женіе.

Петръ Ивановичъ глубоко привязался къ Аннушкѣ; — а ей
было, особенно сначала, чудно и дивно; ее томило бездѣлье
и скука жизни, — нѣжности много, а рукъ приложить не къ
чему. Слободинъ принялся-было передѣлывать ея деревенскую
работу; началъ учить грамотѣ, но эта наука не давалась бѣд-
ной женщинѣ: непонятлива была. Уроки стоили ей всегда горь-
ко слезъ, хоть учитель былъ терпѣливый и ласковый. Но
и онъ ласковѣй, тѣмъ она больше мучится; чего ужъ не
было—и била себя по головѣ, и молилась по часамъ на ко-
леняхъ, — ничто не помогаетъ. Разъ она кинулась въ ноги
Петру Ивановичу и взмолилась, заливаясь слезами: — «Голубчикъ
мой! Дѣлай ты надо мною что хочешь: возьми убей меня, али
рогожи отъ себя, какъ собаку, только не могу я угодить тебѣ,
не дается мнѣ эта грамота мудреная. Дурой жила, такъ знать,
прой и помереть придется. Прости ты меня, Петръ Ивановичъ,
я сердись; я мужичка, тебѣ неровня; а коли надоѣла тебѣ,
то пошли меня, рабу твою, хоть свиней пасти, я и то буду
въ удовольствіемъ, только бы знать, что твоихъ свиней пасу.
Вѣдь, какая я простуха сиволапая, ничего не стоящая... род-
ной ты, баринъ мой золотой!»

Петръ Ивановичъ остолбенѣлъ передъ ея горемъ, съ мину помолчалъ, весь поблѣднѣлъ, схватился за голову. Но въ словахъ Аннушки было не одно горе, въ нихъ была ключомъ горячая, привязчивая любовь ея — и эта любовь отозвалась въ груди его — и черезъ минуту Аннушка сидѣла у него на коленяхъ веселая, ласковая, утѣшечная.... Букварь брошенъ, печку — и любо было смотрѣть, какъ ретиво, разумно, умно принималась эта женщина за работу по хозяйству, въ этой работѣ она видѣла доступный ей смыслъ, а потому въ ней чувствовалъ себя любимой, полезной.

Петръ Ивановичъ былъ любящій и честный человѣкъ, мысль повѣнчаться съ Аннушкой ему и въ голову не приходила. Причина тому лежала долею въ атмосферѣ общихъ понатій того времени, долею въ пассивности характера Петра Ивановича. Ему было хорошо, жизнь его съ Аннушкой устроилась такъ просто, уютно и покойно, въ нее не врѣзывались никакія разбѣдающіе посторонніе элементы; въ своей взаимной любви они и конца не видѣли, — стало быть о чемъ тутъ думать, загадывать впередъ? — Да наконецъ, если будетъ нужно, то можно сдѣлать во всякое время.

Послѣ двухъ лѣтъ такой ровной беззаботной жизни, вдругъ приключилась беременность Аннушки и рожденіе Алѣши.

Петръ Ивановичъ задумался. Въ головѣ его шевельнулся старинный вопросъ: честный ли я человѣкъ? — Конечно, оно дѣло правильное относительно Аннушки, но мальчикъ?... Что же изъ него будетъ? — Какія его права и какое мѣсто въ обществѣ? Вѣнчаться теперь — да вѣдь это сейчасъ разнесется по горѣ, и, узаконивъ положеніе Аннушки, не только не поможетъ, еще повредитъ сыну.... Что тутъ дѣлать? — Петръ Ивановичъ какъ человѣкъ книжный, былъ теоретикъ и выдуматель удивительную штуку: теперь младенца не крестить, а прикрестить его, потихоньку перевѣнчаться съ Аннушкой и спустя мѣсяцевъ семь-восемь послѣ вѣнчанія окрестить ребенка, выдавъ его за новорожденного. Но противъ такого чудовищнаго плана грозно возстала Наталья Лаврентьевна:

— Ты никакъ съума, батюшка, спятилъ! — Ужли-жъ такой будетъ дуракъ, что не отличить восьмимѣсячнаго ребенка отъ новорожденного? — Еще бы ты черезъ восемь лѣтъ вздумалъ крестить, когда мальчикъ и въ купель-то ужъ не влѣзетъ! — Неравенъ часъ — помреть дитя въ это время, пока ты крестишь его соберешься, — куда его душа-то угодить? — А, ну-ка, скажи, куда? — Ты вѣдь ученый, чай и самъ знаешь, въ кому въ вѣкъ идетъ некрещеная душа... Да ты на себя наложишь такой грѣхъ.

ю и во вѣки вѣковъ не отмолишь... Да, пожалуй еще и подъяловный судъ угодишь за дѣла-то за этакія...

Петръ Ивановичъ смутился: онъ былъ набоженъ, вѣрилъ въ юрта и боялся уголовной палаты.

— А ты не мудри, поступи по-христіански, да попросту, — подождала старушка: — не откладывая дѣла, перевѣнчайся съ ю какъ должно по закону, а потомъ ужъ и старайся, чтобы юка-то въ законные приписали; метрику-то можно другимъ домъ выправить, что за бѣда; это дѣло бывалое и никто тебя осудить. У насъ въ Наровчатѣ былъ засѣдатель, такъ онъ юнимъ мансромъ пятерыхъ дѣтей, рожденныхъ до свадьбы, юхъ въ законные приписалъ — и ничего. Да ты оглянись юрунь — гдѣ-жъ этого не бываетъ! А концысторія-то у насъ на ю! — Это ужъ ся дѣло; тамъ сидятъ дѣльцы, ужъ они это юютъ, имъ не въ первой. Разумѣется, тебѣ оно станетъ въ ютѣйку, даромъ не сдѣлають; имъ тоже хлѣбъ надо ѣсть. Да ютъ у отца Никона въ концысторію-то рука — шуринъ, вотъ ю и посовѣтуйся съ нимъ. Онъ тебѣ поможетъ.

И въ самомъ дѣлѣ, разсужденіе Натальи Лаврентьевны показало ему до того ясно и просто, что незачѣмъ было и юбу ломать.

Успокоившись на этомъ практическомъ рѣшеніи вопроса, ювавшегося сначала перазрѣшимымъ и запутаннымъ, Петръ Ивановичъ поговѣтовался съ отцомъ Никономъ и — все-таки не юбшилъ. Его останавливало сознаніе, что подобное дѣло не юбшлмъ чисто; неискушенному въ канцелярскихъ каверзахъ, юу представлялись все какіе-то страхи и опасенія; — наконецъ, юу просто было стыдно идти юъ какимъ-то незнакомымъ чюювикамъ, разсказывать имъ всѣ подробности своей интимной южизни, торговаться съ ними о совершеніи незаконнаго дѣла. Юли стыдливыхъ и честныхъ натуръ публичность семейныхъ юлкъ песторщина: она ихъ сламываетъ, или развращаетъ.

Эту внутреннюю, мучительную борьбу Петръ Ивановичъ рѣшился покончить внезапно, разомъ — и покончилъ. Оттого-то ю возвращеніи отъ юнца и вырвалось изъ наболѣвшей груди юто юбсколькю аффектированное восклицаніе: «здравствуй, жена юа!» — и оттого же Петръ Ивановичъ въ день своей свадьбы на юлся пьянъ мертвецки, до безпамятства, — напился въ первый юазъ въ жизни.

При помощи отца Никона, переговоры съ консисторіей на юались и шли довольно успѣшно, хотя требовали непрерывной юнсылки денегъ. Петру Ивановичу дѣло это обошлось втрое юороже, чѣмъ покупка Аннушки.

Но пока такимъ образомъ устроивалась законность появленія на свѣтъ нашего маленькаго героя, онъ жилъ себѣ пребывая поучно и самымъ рѣшительнымъ образомъ игнорировалъ крѣпости, паспорта и всѣ установленныя классификаціи людскихъ породы: солнце ему свѣтило также какъ и всѣмъ, аппетитъ имѣлъ отличный;—вѣселился и выросалъ мальчишка на славу, не зная никакихъ болѣзней, какъ рѣдко удастся любому ребенку, явившемуся на свѣтъ самымъ незаконнѣйшимъ образомъ.

Домашнимъ воспитаніемъ нашъ Алѣша не могъ похвалиться по той основательной причинѣ, что такового онъ совсѣмъ не знавалъ. Воспитаніе предполагаетъ нѣкоторую систему, извѣстные приемы, дисциплину и опредѣленные цѣли, — а Алѣша выросалъ не зная никакой неволи и принужденія. Дѣтство онъ провелъ дома, въ это время развивались и упражнялись естественныя познавательныя органы, онъ замѣчалъ окружающіе его предметы, сравнивалъ ихъ, выводилъ заключенія; примѣнялся къ людям и обстоятельствамъ, приспособлялся какъ ловче и удобнѣе достигать своихъ цѣлей и приросталъ корнями, какъ молодое деревцо, къ той почвѣ, которая его питала; — все это такъ, во всѣхъ этихъ упражненіяхъ Алѣши не было никакой руководящей системы, никакой преднамѣренности и опытной помощи, онъ, какъ говорится, измѣщался собственными средствами, свободнѣйшей анархіи и житейской безпорядочности, дающей что попало и какъ попало.

Попытаемся изобразить этотъ калейдоскопъ дѣтскихъ впечатлѣній во всей его безпорядочности и фантастической, пестрой разорванности.

III.

Въ памяти человѣка событія минувшей жизни ложатся не на другое, и чѣмъ далѣе отодвигаются къ началу пробужденія сознанія, тѣмъ гуще смѣшиваются краски, перепутываются линіи, факты теряютъ связь и естественные размѣры; остаются какіе-то обрывки впечатлѣній, которыхъ смыслъ забыть, значеніе потерять; иногда въ таинственной лабораторіи нашей памяти самовольно, безъ всякихъ внѣшнихъ стимуловъ, возникаетъ образъ, звукъ какъ будто новый, незнакомый, но органически связанный со всѣмъ міросозерцаніемъ человѣка. Откуда онъ?

Какъ ни былъ малъ Алѣша, но тотъ день, когда въ домѣ происходила страшная суматоха, когда вечеромъ зажгли много свѣчей и откуда-то пріѣхали, будто новые люди, отецъ и мать

толпою гостей; — мать была одѣта не такъ какъ одѣвалась томъ всякій день, а отецъ оказался необыкновенно шумливъ, селъ и подъ конецъ свалился съ дивана на полъ, — этотъ день вѣко отмѣтился въ его памяти; и тогда едва ли не впервые сознаниіи Алёши изъ хаоса безразличныхъ представленій вылились фигуры отца и матери.

Черезъ всю жизнь Алёши прошло впечатлѣніе этого дня, но нинѣшній смыслъ его сталъ выясняться уже въ болѣе зрѣлыя годы.

Затѣмъ, первыя личности, съ которыми встрѣтился Алёша, — Наталья Лаврентьевна, которую онъ звалъ бабинькой, и старыхъ инвалида Орловъ и Артемьевъ, служившіе сторожами при училищѣ. Бабинька вѣчно находила для Алёши въ своемъ глубокомъ карманѣ пряникъ, голову сверхъ волосника называла чернымъ платкомъ, котораго концы торчали спереди, словно крылья черной бабочки; нюхала табакъ изъ круглой бачки съ пожаромъ Москвы и зимою постоянно носила перчатки, отчего шаги ея были совершенно неслышны. Алёша любилъ прислушиваться, иногда съвозъ сонъ, въ вечернимъ разговаривая бабиньки о томъ, какъ страшный Пугачъ со свитою своихъ есауловъ и толпою казаковъ-разбойниковъ судилъ-радилъ гулялъ по приволжскимъ городамъ и селамъ, казнилъ и вѣшалъ дворянъ да господъ; — и какъ Наталья Лаврентьевна, бывшая тогда еще молодою дѣвицей, убѣждала съ матерью и подружками изъ Саранска, какъ онѣ, надѣвши крестьянскіе сарафаны, пытались по темнымъ дремучимъ лѣсамъ, питаясь черствымъ хлѣбомъ да ягодою.

При этихъ разсказахъ мать Алёши всегда допытывалась, а какъ въ то время былъ великій государь Петръ Ѳеодоровичъ? сомнительно качая головой, всегда прибавляла: «никому этого знать не дано... а онъ, гляди, опять вдругъ гдѣ-нибудь объявится... великая это тайна!» Жутко становилось ребенку отъ этихъ разсказовъ подъ мѣрное жужжаніе веретена, которымъ мать его, сидя на рѣзномъ донцѣ, управляла особенно ловко и искусно. И кажется, этотъ страхъ и лихорадочный трепетъ зимнихъ вечеровъ ребенокъ предпочиталъ безмятежному лѣтнему наслажденію въ огородѣ у бабиньки, гдѣ мать его, распѣвая родную пѣсню, полола грядки, вмѣстѣ съ старушкой, а онъ бѣгалъ вокругъ, отыскивая въ зеленой травѣ кузнечиковъ и угощая только что выдернутой изъ земли молоденькой морковкой.

Орловъ и Артемьевъ были тоже весьма близкіе люди, дяди и пестуны маленькаго барченка. Въ свободное время отъ службы въ училищѣ, они всегда находились при квартирѣ смотрителя, исполняя разныя домашнія работы, преимущественно

по уходу за лошадью, такъ какъ Петръ Ивановичъ ни кучки ни работника не держалъ. Артемьевъ былъ высокій сухой парень, съ гладко выбритымъ, степеннымъ лицомъ и длинными желтовато-серебряными волосами; онъ носилъ высокіе сапоги, родъ ботфорты и синій казакинъ, украшенный одною продовою серебряною медалью. Орловъ — приземистый унтеръ въ именномъ сюртукѣ со многими медалями.

Онъ былъ черноволосъ съ легкою просѣдью, гладко остриженный и всегда плохо выбритъ; носилъ бакенбарды, оловянную серьгу въ ухѣ и прихрамывалъ на лѣвую ногу, въ которой дѣла французская пуля. Артемьевъ былъ трезвъ и набоженъ; любилъ подпѣвать дѣячу на клиросѣ; Орловъ занимался промышленностью — шилъ башмаки и коты для бабъ, съ которыми же вмѣстѣ и прогуливалъ заработанную копѣйку; отъ него и да пахло, какъ отъ человѣка только-что закусившаго. Артемьевъ на него смотрѣлъ, какъ на молокососа и вертопраха, а къ боевымъ его подвигамъ и походамъ относился нѣсколько довѣрчиво и свысока.

Алѣша постоянно переходилъ съ рукъ на руки отъ одного дядьки къ другому. Бывало, подъ вечерокъ, во всякое время, да, на завалинѣ у воротъ смотрителевой квартиры сидятъ почтенные служивые и у одного изъ нихъ непремѣнно на колахъ барченокъ, закутанный полою овчиннаго тулупа; сидятъ, посматривая вдоль пустынной улицы и заводя иногда споръ о Наполеона, или разсуждая, въ какомъ рангѣ надо полагать борнаго протопопа, — въ капитанскомъ или майорскомъ.

Эти дядьки были первыми просвѣтителями относительно политическаго воспитанія Алѣши. Отъ нихъ онъ узналъ, что такое вѣтъ въ русскомъ царствѣ, и что есть другія царства все Бурманскія, съ которыми нашъ Бѣлый царь завсегда долженъ воевать и въ полонъ ихъ брать, а когда заберетъ всѣхъ въ полонъ, тогда шабашъ — конецъ свѣту и придетъ Антихристъ.

Особенно памятенъ былъ для Алѣши одинъ зимній день: морозъ стоялъ жестокий; въ соборѣ гудѣлъ самый большой колоколъ, хотя день былъ будничныи. По улицѣ бѣжали въ саняхъ и на коняхъ люди большею частью въ трехъугольных плащахъ; въ населеніе стремилось къ собору.

Артемьевъ старательно смазалъ свои ботфорты, Орловъ и брился, и пріодѣлся, нацѣпилъ всѣ регалии — и оба вслѣдъ за собою, тоже надѣвшимъ мундиръ и трехъуголку, пошли туда куда шелъ весь городъ. Часа черезъ два Артемьевъ, воротясь, доложилъ барынѣ, что баринъ обѣдать дома не будетъ, потому что всѣ господа и духовенство приглашены на закуску въ го-

ничему... Алёша кинулся къ дядѣ съ разспросами и узнать, воцарился новый императоръ. — «Присягу припимали, — съ достоинствомъ прибавилъ Артемьевъ; — я вотъ ужъ третьему при-
таю, да матушкинъ императрицѣ невступно двадцать лѣтъ прослу-
тъ вѣрой и правдой, вотъ и смекай сколько годовъ царевъ
бѣ жую». — Потомъ прибѣжалъ Орловъ, успѣвшій уже по-
каться на базарѣ и на дворѣ у откупщика, гдѣ инвалидную
банду и весь честной народъ даровой водкой угощали, вслѣд-
ствіе чего Орловъ былъ рѣчиствъ и разительнѣе обыкновеннаго
пространялъ свой спиртный запахъ; онъ рассказывалъ что-то
стѣмъ непонятное для Алёши, что «въ Питерѣ лейбъ-гвар-
дии въ атаку ходили стѣна на стѣну, автелерія палила, на-
у побито видимо-невидимо, потому сначала не могли распо-
нѣ, а когда явилось на небеси знаменіе царя Константина и
прополить вышелъ съ крестомъ и святой водой, тогда народъ
въ ницъ, сейчасъ ударили отбой и повалили всѣ поголовно въ
серъ на присягу Николаю». — Артемьевъ выслушалъ внима-
тельно и промолвилъ таинственно: «Значить, смущали; оно всег-
это смущеніе бываетъ, — отъ иностранныхъ кабинетовъ такая
ветная политика идетъ... вонъ откуда оно! — А ты, слышь,
радъ, зря тоже не болтай, потому присяжному человѣку это
прстойно; — аль у тебя спина-то чужая!» — Но Орловъ все
скалъ и горячился, утверждая, что будетъ другой настоящій
инфестъ. «Ай ты, парень, шпицрутенцовъ не пробовалъ? то-
тебѣ такъ захотѣлось, чтобы спину почесали!» — обрзони-
алъ Артемьевъ.

Вечеромъ къ отцу собрались гости, и тоже говорили о чемъ-
необыкновенномъ, но такъ тихо и загадочно, что Алёша едва
уловить изъ многихъ незнакомыхъ ему именъ одного ка-
кого-то «Апостола». Къ именамъ этимъ отецъ Никонъ прибав-
лялъ: «извергъ, злодѣй, безбожники океянные». — Тутъ ужъ Алё-
ша ровно ничего не понималъ и убѣдился, что Артемьевъ го-
раздо свѣдущѣе отцовыхъ гостей и рассказы его гораздо по-
нѣе и занимательнѣе. А тутъ — апостолъ и вмѣстѣ безбож-
никъ — ну, какъ понять!

Въ теченіи всего дѣтства Алёши это былъ единственный слу-
чай, когда событіе, совершившееся вдалекѣ, отозвалось нѣкото-
рою минутною тревогой въ захолустномъ городишкѣ.

На почтѣ получался только одинъ экземпляръ «Московскихъ
Вѣдомостей», выписываемый генераломъ, предводителемъ, но и
тотъ въ городѣ не оставался, а по прочтеніи почтмейстеромъ,
считавшимъ себя въ правѣ читать ради любопытства все, что
проходитъ черезъ его руки, — былъ отсылаемъ въ генеральскую

деревню;—такъ что въ мірѣ могли совершаться громадныя событія, а богоспасаемый городокъ могъ о нихъ вовсе не знать или знать настолько, насколько знали сторожа уѣзднаго училища.

Артемьевъ и Орловъ также просвѣтили Алёшу на счет училища. Этотъ большой, безобразный домъ, окрашенный дикою краской, придававшей ему мрачную наружность, привлекалъ дѣтское любопытство. Алёша примѣчалъ, что туда каждое утро приходило множество мальчиковъ, съ холщевыми мѣшочками порою изъ оконъ разносился на всю улицу нестройный, веселый крикъ сотни звонкихъ голосовъ, потомъ водворялась мерзкая тишина, прерываемая изрѣдка плачемъ и отчаянными взвизгиваніями. По субботамъ эти взвизгиванія принимали характеръ болѣе правильный и постоянный. Когда Алёша въ первый разъ ступилъ за порогъ этого дикаго дома, имъ овладѣлъ холодный ужасъ. Это случилось вечеромъ; училище было пусто въ первой комнатѣ на низенькомъ деревянномъ чурбанѣ сидѣлъ Орловъ въ рубашкѣ и фартукѣ, и прикусивъ на сторону языкъ, усердно наколачивалъ подметку на старый башмакъ. Эта домашняя фламандская картинка подѣйствовала на ребенка успокоительно, но едва Алёша заглянулъ въ слѣдующую комнату, снова тоскливо забилося его сердце и не рѣшился онъ войти туда: на него пахло мертвящею и грязною суровостью не то госпиталя, не то тюрьмы... Видѣ каждому хорошо извѣстный.

— Ты что,—въ науку что ли скорѣй хочешь? насмѣшился замѣтилъ Орловъ.

— Что они тутъ дѣлаютъ?—боязливо спросилъ мальчикъ.

— Кто?—ребятишки-то? — Извѣстно — буквари зубать, цифирь. Нѣтъ, ты посмотри-ка, вонъ она стоитъ — наша крестымама маменька,—и онъ вивнулъ головой въ ту сторону, гдѣ стояла деревянная, сильно подержанная скамейка, а подъ нею въ лаханѣ лежали пучки обхлестанныхъ розогъ.

Алёшу покорило; онъ дико взглянулъ на сей учебный эшафотъ.

— Давай, я те спрысну легонько, для пробы; подымай рубашенку, да ложись. Ужъ тогда настоящій молодецъ будешь... важно спрысну!—Алёша опрометью бросился вонъ, и встрѣтивъ на дворѣ Артемьева, со слезами жаловался ему на Орлова. Старикъ разсмѣялся, выругалъ сослуживца хромымъ дѣшнымъ почелъ долгомъ дать барченку успокоительныя объясненія.

— За что те съчъ розгой? Ты у меня умникъ, парнишка знатный.

— А тамъ, дядька, знать все нехорошіе мальчики, коли ихъ бьютъ.

— Нѣтъ, и тамъ есть хорошіе, только не сбѣчь ихъ тоже нельзя, на то наука. Твой папенька велитъ, мы и сбѣчемъ.

— Зачѣмъ же папенька велитъ?—Развѣ онъ злой?

— Онъ не злой, — добрый; а только это его такая служба. Придворецъ заведенъ и онъ долженъ исполнять, на то онъ отъ царства поставленъ. А онъ добрый; вонъ отецъ Никонъ тоже такой добрый и веселый, — шутникъ! — а придетъ въ школу, такъ больше всѣхъ жаритъ; иной разъ инда рука устанетъ шамши-то... Особливо живодеръ этотъ Орловъ — у него со второго удара кровь брызнетъ. Ужъ онъ и самъ не радъ, да что мать-то — рука тяжелая.

Мальчикъ задумался и потомъ поднявъ на старика серьезные глазенки, проговорилъ протяжно:

— Я туда не хочу, Артемьичъ.

— Какъ не хочу! — Нельзя, — подрастешь, отдадутъ.

— Не пойду.

— Дворянину безъ науки быть невозможно.

— Не хочу я быть и дворяниномъ, коли такъ! рѣшительно отбѣгалъ мальчикъ.

— Хе, хе... экой ты шустрый! А небось, какъ самъ науку пройдешь, въ офицерскіе чины произведутъ, такъ будешь моего брата солдата, аль мужика иного, такъ стегать, что бо!

Мальчикъ задумался еще глубже....

Онъ никакъ не могъ помирить противорѣчій, возникшія въ его сознаниі: — почему, напримѣръ, такіе люди, какъ его отецъ, Никонъ — люди добрые, ласковые, веселые, а въ «дикомъ домѣ» истязаютъ дѣтей до крови? — Почему эти истязанія называются наукой? — и почему, пройдя эту науку, дворянинъ получаетъ такую охоту стегать мужика и солдата. — Вѣдь онъ на себѣ испыталъ, что это больно, зачѣмъ же причинять боль другому? — Ужъ полно, нѣтъ ли въ этомъ какого удовольствія!.. Наконецъ, ужли-жъ на свѣтѣ непременно надо или бить, или терпѣть побои?..

Алѣша помышлялъ о «дикомъ домѣ» съ боязнью и отвращеніемъ; онъ рѣшилъ, когда придется круто, убѣжать отъ науки въ лѣсъ, такъ какъ бабинька бѣгала отъ Пугача.

Вообще на счетъ стеганья русскій человѣкъ недавно прошедшаго времени просвѣщался очень скоро и въ видахъ самыхъ разнообразныхъ. Прутья и ремни съ визгомъ рѣзали воздухъ не въ однихъ только храмахъ науки, а вездѣ — въ барскихъ хороммахъ

и конюшняхъ, въ сѣняхъ канцелярій и въ переднихъ началъ ковъ, на площадяхъ и базарахъ,—всюду кровавыми рубцами подавалась русскому человѣку цивилизація.

Однажды Алѣша напросился съ матерью идти на базаръ. День былъ торговый; съ окрестныхъ деревень наѣхало множество народа,—кто привезъ овсеца, кто муки и крупъ; бабы толкали съ кузовками яицъ или груздей,—иная несла подъ мышкой гуся хохлатую курочку, иная кусокъ домашнего холста, или талъ пряжи. Тамъ лежалъ на возу волнистый лёнъ, тутъ блестящіе солницѣ, словно золотые, новые лапти; нѣ иномъ мѣстѣ торчали гнутыя ободья и росписныя дуги. Татары навезли меду въ ланной на землѣ цыновкѣ разложили кремни, огнива, старыя ножи, пуговицы оловянные, мѣдные крестики, нитки бисера, дробь и подобную галантерею, среди которой самое видное мѣсто занимало кремневое ружье необыкновенно длинное, подернутое ржавчиной, которое онъ называлъ персидскимъ. Картина была пестрая и чрезвычайно оживленная. Мужики галдили, бабы шутили, кто расхваливалъ товаръ, кто торговался до поту изъ двухъ копѣекъ, кряхтя доставалъ изъ-за пазухи кожаную сумку и выкладывалъ на ладонь мѣдные пятакъ; знакомые, встрѣчаясь, цѣловались троекратно и клялись о домашнихъ дѣлахъ. По кончившіе дѣла торговцы, а съ ними и гуляки, праздно шавшіе по базару, шли въ кабакъ, украшенный зеленой елкой. Глупыя мальчишка разбѣгались,—кругомъ его словно мирный праздникъ совершался.—Вдругъ раздался глухой бой барабана; толпа повернула головы. Показались штыки и высокіе черные кивера; толпа разступилась: среди конвойныхъ солдатъ тихо шла женщина въ сѣромъ армякѣ; низко кланялась она по сторонамъ, неподнявъ глазъ, глубоко впавшихъ, обведенныхъ темными кругами; на лицѣ ея, нѣкогда красивомъ, не было ни страха, ни отчаянія; ни одинъ мускулъ не шевелился; и оно подернулось какъ-то землистымъ цвѣтомъ, какой бываетъ на лицахъ покойниковъ. Точно окоченѣлою рукою держала она передъ собой деревянную чашечку, въ которую добрые люди, вкрестясь, клали свои копѣйки. Сзади шагала коренастый мужикъ въ полушубкѣ, съ лицомъ заплывшимъ отъ сна и отъ воды; онъ несъ подъ мышкой инструментъ, обвязанный ремнями.—«Убійца!—Убійца!—пронеслось по толпѣ.—Свою барыню зарѣзала.—А еще какая молодая!—Говорятъ, дѣвка?—Дѣвка.—Эка горемычная, сердяга?—Что жъ ей, братцы, теперь на душѣ-то, ахъ!—Пожалуй, еще ве вынесетъ...» Толпа сдвинулась плотнѣе къ тому мѣсту, гдѣ остано-

ка конвой. — Алёша задрожалъ, вцѣпился въ платье матери того крѣпко, что ногти запыли. «Уйдемъ, уйдемъ!» шептала, а у самой слезы въ три ручья, и словно оцепенѣлая, въ, не можетъ глазъ отвести отъ мѣста, гдѣ сперва долго али, потомъ привязывали къ «кобылѣ» нагое, бѣлое, худенькое... Алёша, притиснутый толпою, ничего этого не видѣлъ. — воздухъ что-то взвизгнуло, раздался нечеловѣческій вопль... она ничего уже не слышала и не сознавала: онъ стоналъ и явился въ судорогахъ. Окружающіе подняли его на руки и крѣпко изъ тѣсноты вмѣстѣ съ матерью. — «Накинь на него покръ-то, матушка, накинь! — разѣ не видишь, что съ нимъ случилось... Это родимчикъ, — ничего, пройдетъ, Христось съ нимъ! только платокъ-то накинь на лицо, а то оно такъ-то блѣднѣе» — совѣтовала деревенская старуха.

Анна Дмитриевна, ничего не помня, схватила сына въ охапку и бѣгомъ пустилась домой.

Алёша весь день до вечера пролежалъ въ кровати; онъ не ѣлъ, ему не хотѣлось ни ѣсть, ни пить, ни на бѣлый свѣтъ глядѣть. Закутавшись съ головой въ одѣяло и свернувшись клубкомъ, онъ лежалъ неподвижно.

Отецъ подошелъ, взглянулъ на него, поцѣловалъ и попрекнулъ его за путешествія съ ребенкомъ по базарамъ. Аннушка со слезою отвѣтила: «Нѣшто я это знала? базаръ — дѣло житейское, ничего худого въ немъ нѣтъ; а вольно-жъ было выдумать, чтобъ середь базара творилось такое смертное убище. Ужъ кому же вѣзаться за ножъ, такъ того этимъ не испугаешь и не ударишь, — а вонъ малаго ребенка пожалуй въ гробъ вгонишь...»

Эти слова ясно слышалъ Алёша.

Къ вечеру онъ какъ будто успокоился; въ ушахъ его уже не стонало и не визжало; онъ могъ уже о чемъ-то думать; о чемъ? — онъ самъ не зналъ, но это были мысли травленнаго ребенка... злыя мысли.

Время шло; у Алёши явился маленькій братишка, — Коля, такой маленький, что никуда негодился по мнѣнію Алёши, по мнѣнію Орлова это былъ «заправскій барченочъ»; — за эти слова Артемьевъ обругалъ его «крупой» съ прибавленіемъ смачнаго слова. Орловъ сильно обидѣлся.

— Ну какъ же не круп ты гарнизонная, — продолжалъ Артемьевъ, — нѣшто можно при барскомъ дитѣ такіа слова говорить!

— Почему-жъ мнѣ и не говорить? — Кто запретъ положилъ, — а, что ли? Выростеть, небось, самъ узнаетъ, насъ съ тобой не просить.

— Прахвость! — плюнулъ старикъ.

— Ты не больно ругайся: ежели я вѣрой и правдой служу Богу и Государю, почетную пулю отъ непріятеля подъ Лещиго получилъ, стало быть не даромъ отличія имѣю... а ты что? Пра-а-хвость!?

— Пуля, пуля! Да шутъ те знаетъ, какая тамъ у тебя пуля! Нѣтъ, мы съ батюшкой Суворовымъ какъ Измаилъ штурмова- такъ вы бы оттоль штановъ не унесли... Вѣдь мужики, артик не знаете, а тоже—пуля! Да тебѣ, можетъ, колѣвно-то крыса чехаузѣ прокусила, а онъ—пуля!

Перебранка продолжалась въ томъ же родѣ. Алѣша изъ не понималъ только то, что Орлова въ самомъ дѣлѣ можетъ быть крыса укусила.

IV.

Черезъ годъ опять увеличилось семейство смотрителя: башка гдѣ-то подъ лопухомъ нашла для Алѣши сестрицу Алѣну. Какъ человѣкъ домовитый, Слободинъ долженъ былъ соразмѣрить семейство и хозяйство. Онъ купилъ у судьи семью дворовыхъ людей: вучера Финогена съ женой Катериной и сыномъ Яшкой.

Алѣша видѣлъ, какъ пришли эти купленные люди, худые, оборванные, точно нищіе, и первымъ дѣломъ повалились въ ноги передъ новыми господами.

— Отцы наши, помилуйте! — взмолился Финогенъ; — мы, какъ Богу, такъ и вамъ все равно... по гробъ живота готовы...

— Надъ нами власть ваша... мы во всему привыкли. Мнѣ бы только вотъ парнишку-то мово... значить, чтобы не жалѣть... махонькой, въ работу еще неспособенъ... силенка малая, а изобидѣть его всякій можетъ... — сквозь слезы шептала Катерина, утирая носъ Яшею, глядѣвшему вокругъ съ безмысленнымъ испугомъ.

Петру Ивановичу эта сцена была тяжела. Онъ стоялъ отворотясь къ окну и сконфуженно едва проговорилъ:

— Не бойтесь, у меня будетъ вамъ хорошо, тужить о прежнемъ баринѣ не станете... мы то же люди... по человѣчеству набо-

Но эти слова мало ободрили бѣдныхъ людей; гораздо свободнѣе почувствовали они себя, когда вступилась въ дѣло барыня Анна Дмитриевна; она первымъ дѣломъ принялась осматривать, что у нихъ на себѣ и съ собой. Оказалось, что судья прислалъ эти души чуть не голыми, одежонку всю отобралъ, даже сапоги!

иногена были собственные и тѣ задержалъ, — «какіе они, горять, собственные, чай у меня же наворовалъ, когда грошъ, да два, да и купилъ». — Вмѣсто сапогъ далъ старыя опорки. Перина была въ крашенинномъ заплатанномъ сарафанѣ, босикъ; а на мальчишѣ оказалась одна только посконная рубашка, жѣдный крестикъ. Катерина съ добросердечною покорностью встала передъ барыней котомочку, плетеную изъ лыка, чтобы сама видѣла все ихъ имуществъ, чтобы потомъ поклепу каю не было. Въ котомочкѣ оказался мотокъ пряжи, игольникъ, режки, образокъ и двѣ краюшки хлѣба.

— Ахъ, люди, люди! — вздохнулъ Петръ Ивановичъ. — А вѣдь въ первый тутъ богатѣй промежъ насъ!

Анна Дмитріевна не говорила никакихъ жалкихъ словъ, а внимательно разсматривала каждую тряпицу, серьезно качая головой и соображая все положеніе дѣла.

Тотчасъ же эти люди были отведены на кухню и похлебали речихъ щецъ съ бужениной. Потомъ Анна Дмитріевна повзвала перину въ кладовую и выдала ей холста, нитокъ, пестряди, да бумажныхъ платка.

Въ вечеру Яшка, разфранченный въ старое платье барченка — ситцевую синенькую рубашенку и нанковые очень короткіе штанишки, уже сидѣлъ въ дѣтской на полу вмѣстѣ съ Алѣшей. Яшенокъ показывалъ ему лубочныя картинки и грубо-оболванную деревянную куку — Езопъ съ двумя горбами, на которыхъ отъ частаго употребленія остались только признаки яркой желтой краски.

Утѣра тоже приласкали новокупленныхъ людей. Орлову уже была заказана кожаная обувь на всѣхъ. Ихъ рассказы про войну и про житье у нихъ сытое, безобидное, харчи какъ быть христіанскіе — окончательно успокоили Финогена и сына его.

— Ну, а ты, парнишко, — примолвилъ Артемьевъ, — долженъ работать при нашемъ барченкѣ; ты будешь при немъ камардинъ; надо позагаты: онъ пойдетъ на службу, и ты съ нимъ, — на войну, и ты за нимъ.

— Личарда, вѣрная слуга! — вѣпнулъ Орловъ.

Такъ съ тѣхъ поръ и пошли всѣ въ домъ звать Яшку камардой, — и не было ему другого имени — все Личарда да камарда.

Яша былъ годами тремя старше Алѣши; по возрасту и по уму понятій они отлично подходили другъ къ другу и стали всегда неразлучны. Алѣша ужасно былъ радъ, что приобрѣлъ товарища и серьезно выпросилъ у отца, чтобы Яша былъ его

собственнымъ на всю жизнь, и чтобы ужъ никто не смѣлъ имъ распоряжаться; вслѣдствіе этого онъ каждымъ кускомъ, каждымъ лакомствомъ дѣлился съ своею *собственностью* и ревниво оберегалъ ея неприкосновенность.

Личарда не оставался въ долгу и сообщилъ своему маленькому господину много вещей, о которыхъ тотъ до сихъ поръ не имѣлъ понятія. Во-первыхъ, Яша выучилъ его дѣлать изъ березовой коры пиццикъ; потомъ, бродя по садочку, заросшему бурьяномъ, научилъ находить щавель и вообще распознавать такіе стебельки растений, которые можно ѣсть, вкусные и не сленные; тутъ же, замѣтивъ въ густомъ вишневникѣ множество птицъ, Личарда подаль блистательную мысль устроить силъ, а еще лучше — расчистить токъ и лучкомъ ловить пичужекъ между которыми есть прекрасныя и поють отлично; можно и продавать: на базарѣ за чижики дадутъ по грошу, а за щегленка такъ и еще больше.

Мысль эту Алеша провѣрилъ въ разговорѣ съ Артемьевымъ, который вообще ее одобрилъ и помогъ устроить всѣ необходимыя снаряды. И пріятели занялись птицеводствомъ; въ дѣтской появились клѣтки и бонопляное сѣмя.

Алѣша отдавался со страстью всѣмъ новымъ впечатлѣніямъ, его радовало, что число предметовъ, входящихъ въ кругъ его знаній и занятій ежедневно расширяется. Онъ думалъ, что такъ и вся жизнь пройдетъ, за такими дѣлами, которыя по сердцу, но ему уже шелъ седьмой годъ и отецъ началъ чаще говорить о томъ, что пора бы молодца и за азбуку посадить.

Мать отстаивала свободу Алѣши со дня на день, утверждая, что ребенокъ малъ и слабъ, еще пожалуй чахнуть начнетъ отъ книжечки-то. Жизнь впереди долга, — успеетъ всякимъ наукамъ обучиться.

Къ училищу Алѣша питалъ неодолимое отвращеніе; онъ сказать объ этомъ не смѣлъ, а передъ матерью высказался откровенно, что учиться онъ не хочетъ и никогда не будетъ, потому что это совсѣмъ не нужно. На возраженія матери, конечно слабая, пѣтая съ чужого голоса, мальчикъ категорически объявлялъ, что дворяниномъ онъ быть не желаетъ, что можно отлично прожить и безъ дворянской науки, что онъ умѣетъ дѣлать то что ему нужно, — ужъ теперь можетъ продавать птицъ, а вырастетъ большой, такъ узнаетъ еще много такихъ вещей, занимаясь которыми будетъ приобрѣтать деньги и на нихъ кормить себя и Личарду.

Личарда порывался заглянуть въ «дикій домъ» и не прочь

из завести знакомство съ ходившими туда мальчуганами, но Алша энергически остановилъ эти покушенія.

— Не ходи туда: не хорошо.

— Ой ли, — отчего?

— Тамъ всѣхъ сѣкутъ розгами, знаешь?

— Знаю. Мово тятку разъ наказывали.

— На базарѣ? — Почти закричалъ Алѣша; глаза его широко раскрылись, въ нихъ вспыхнули огонекъ гнѣва и злости.

— Нѣтъ, въ сараѣ драли, — спокойно отвѣтилъ Личарда.

— Больно? — Кровь текла?

— Ничего, отлежался.

Упорное отвращеніе Алѣши отъ ученія, поддерживаемое молчаливымъ потворствомъ матери, приводило Петра Ивановича въ явное негодованіе, онъ рѣшилъ безотлагательно посадить мальчика за грамоту; но какъ человѣкъ слабовольный, мягкій, пошелъ на сдѣлку: мысль объ училищѣ была оставлена, а положено начать уроки на дому, для чего былъ приглашенъ соборный дьячокъ Фортификантовъ, съ платою по одному рублю въ мѣсяцъ, при чемъ укрощенному дикарю объявлено, что въ случаѣ нерадѣнія и плохихъ успѣховъ, онъ будетъ насильно отвезенъ въ «днѣкій домъ» и тамъ немедленно познакомятся со всѣми внутренними распорядами.

Въ назначенный день бабинька Наталья Лаврентьевна съ ранней обѣднѣ, потомъ принесла съдобный хлѣбъ съ бѣлой солонкой и поставила на столъ въ гостинной. Явился и отецъ Никонъ съ просфорой и новѣйшею азбукой. Торжественно ввели Алѣшу, словно приговореннаго въ смерти пациента, всѣ помолились; женщины плакали. Никонъ сѣлъ и обхвативъ мальчика рукою, тихо и ласково вручилъ азбуку и прочелъ краткое поученіе, пообщавъ, что по малому времени и Господь Богъ пошлетъ ему духъ любомудрія и украситъ его умственный вертоградъ благопотребными познаніями, на пользу родителямъ. Алѣша задумался-было надъ тѣмъ, что значить слово «любомудріе», какъ увидѣлъ въ дверяхъ передней Личарду, унылаго, запустившаго въ ротъ четыре пальца, — и другъ забылъ всѣ мудренныя слова, произнесенныя священникомъ. Наконецъ, всѣ ушли въ сосѣднюю комнату, гдѣ стоялъ кофеень и закуска; Алѣша остался съ глазу на глазъ съ своимъ наставникомъ. Ему показалось, что онъ брошенъ на необитаемый островъ, откуда нѣтъ никакого хода; но скоро его вниманіе обратилось на короткую косицу, въ видѣ хвостика, свисавшую на затылѣ у учителя.

Фортификантовъ началъ съ того, что какъ-то своротилъ на-

искося фizioномію, ожесточенно поковырялъ въ правомъ ухѣ предложилъ ученику взять въ руки деревянную указку.

Дѣти, обучающіеся теперь по звуковой методѣ, едва ли въ состояніи вообразить ту премудрость, которая заключается напримѣръ, въ такихъ штукаxъ, какъ: «буки-живете арцы-азра,—бжра»; или «нашъ-земля-добро-арцы-аздра-нздра»; что «нренъ ученія горекъ» — это было величайшею истиной, а плодъ его... Ну, да вѣдь не всякій и доживаетъ до созрѣванія пидовъ!

Ученикъ Фортификантова сначала былъ внимателенъ и послушенъ, нараспѣвъ повторялъ за нимъ неудобопроизносимыя склады и старательно выписывалъ на разграфленной тетрадкѣ палочки и нули.

Потомъ частое созерцаніе учительской косички навело его на мысли, что учитель самъ заплетаетъ эту косичку и притомъ искусно, стало быть занимается и многими другими домашними такъ-сказать, партикулярными дѣлами, а стало быть онъ совершенно такой же человѣкъ, какъ и другіе, и съ нимъ совершенно свободно можно поговорить не объ одной только азбукѣ, а о всякихъ житейскихъ вещахъ. Учитель же оказался человекомъ весьма слово-обильнымъ и большимъ охотникомъ на перепеловъ: вотъ и пошли у нихъ любезныя разговоры о томъ, какъ перепелъ идетъ на дудочку, — да такъ и проходитъ три четверти урока. Фортификантовъ однакожь скоро смекнулъ, что такимъ образомъ недалеко они уйдутъ въ науки, стали уклоняться отъ заигрываній Алѣши; тогда начали пропадать у ученика тетрадки и азбука, которыхъ отыскать было совершенно невозможно, такъ что учителю поневолѣ приходилось или идти домой, или читать лекцію о нравахъ пернатыхъ.

Вдругъ отецъ сдѣлалъ повѣрку успѣховъ сына; сконфуженный Алѣша не могъ строки прочесть безошибочно. Учитель получилъ жестокую головомойку за даромъ-получаемые рубли, а ученику объявлено, что если онъ черезъ мѣсяцъ не будетъ умѣть бѣгло читать всякую книгу, то немедленно будетъ отведенъ Орловымъ въ училище, гдѣ познаетъ всю горечь ученія.

Когда грозный экзаменаторъ вышелъ изъ комнаты, Фортификантовъ уныло и дрожащимъ отъ слезъ голосомъ сказалъ слѣдующее:

— Что вы надѣлали? Эхъ, горе мнѣ! Ну, попалась незнамая страница, вамъ бы взята да потихонечку, незамѣтно для папеньки, и перевернуть на другую, которую твердо знаете — гладко бы прошло. А во что теперь? И вамъ и мнѣ неудовольствія... да если еще папенька скажетъ отцу Никону, такъ бѣда!

его расправа коротка... большія неудовольствія могутъ по-
двать!

— Развѣ онъ смѣетъ васъ?..

— Вотъ-те разъ, владыко-то да не смѣетъ!!.. Ино мѣсто за
у оттаскаетъ, а ино, коли въ служеніи ошибешься, за ухо
нетъ... да ты и не пикни, продолжай свое «Блаженъ мужъ
не иде»... Наше дѣло тоже подначальное.

Алѣша вспыхнулъ: ему стало больно и стыдно, какъ это та-
кого большого человѣка, съ такимъ здоровымъ басомъ, дерутъ
ихо?..

Онъ внутренне бранилъ себя за то, какъ ему не пришла
въ голову перекинуть страницу. Онъ призналъ, что этотъ способъ
въ можетъ быть полезенъ въ затруднительныхъ обстоятель-
ствахъ... Хотя это называется обманъ, а обманывать, говорить,
хорошо, однако почему же вотъ теперь совѣсть положительно
осудила его за то, что онъ не обманулъ отца и сдѣлался при-
ятымъ всѣхъ ожидающихъ учителя неудовольствій?.. А какъ-то
онъ станетъ таскать его за ухо, или за косичку? мелькнуло
въ головѣ Алѣши... Но дѣло сдѣлано; надо его поправить.
Алѣша всталъ и горделиво выпрямившись во весь ростъ, про-
орочилъ: папенька сказалъ — черезъ мѣсяцъ, а я говорю, че-
резъ двѣ недѣли... вотъ увидите, непременно буду умѣть чи-
тать безъ ошибки всякую книгу какую угодно... Вотъ вамъ—
мальчикъ взглянулъ на образъ и перекрестился) — теперь въ-
дѣ?

И дѣйствительно, Алѣша твердо сдержалъ слово;—изумлен-
іи Фортификантовъ возлюбилъ его всѣмъ сердцемъ, пообѣ-
щавъ непременно подарить весною соловья.

Зимомъ учиться Алѣшѣ было несравненно легче, чѣмъ вес-
ною и лѣтомъ. Когда въ окно глядитъ зелень и льется горячій
лучъ солнца, онъ никакъ не могъ пересилить своей вольно-
любивой натуры: или засыпалъ надъ книжкою, или выйдя на
путь изъ класса, пропадалъ такъ, что и найти его было не-
возможно. Фортификантовъ спокойно и безбоязненно смотрѣлъ
на эти, какъ онъ называлъ—отлыниванья, будучи убѣжденъ не-
малымъ опытомъ, что мальчикъ, если захочетъ, въ одинъ мѣ-
сяцъ самостоятельно выучитъ то, что прохорится цѣлый годъ.
Онъ упросилъ Петра Ивановича дать сыну мѣсяца два вака-
наго времени.

Алѣша и Личарда ликовали и замыслили нѣсколько отваж-
ныхъ предпріятій — напримѣръ, однимъ убѣжать на рѣву ку-
ться, или на всю ночь отправиться съ учителемъ за-городъ
поле на перепелиную охоту.

Бабинька Наталья Лаврентьевна хотя была и не очень важная птица—вдова-прапорщица, а извѣстная русская пословица и самого-то прапорщика приравниваетъ къ курицѣ, стало бы о вдовѣ его и разговора большого быть не можетъ, тѣмъ и менѣе, старушка презирала «хамово отродье».

Такому взгляду на крѣпостныхъ людей, безъ сомнѣнія, и мало содѣйствовало воспоминаніе о пугачовщинѣ... Особенно не нравилась бабинькѣ заведенная дружба Алѣши съ Яшкой. Она считала эту дружбу дѣломъ противоестественнымъ и пагубнымъ для барскаго ребенка. Однажды, мальчики,—видавшіе, какъ въ городу водятъ на цѣпи медвѣдей-плясунцовъ, затѣяли на огородахъ бабиньки игру въ медвѣдя. Сперва былъ жожакомъ Алѣша, а медвѣдя изображалъ Личарда, потомъ роли перемѣнились. Алѣша мычалъ и ползалъ на четверенькахъ, а Личарда кончивъ и кончилъ спектакль тѣмъ, что сѣлъ на барченка веревки и заставилъ возить себя отъ грядокъ до колодца и обратно. Наталья Лаврентьевна съ крылечка, заслонивъ глаза рукой отъ солнца, глядѣла на импровизованныхъ медвѣдей, но при слѣдней штуцѣ не выдержала, подбѣжала къ нимъ, схватила испуганнаго Личарду за вихорь, стащила съ медвѣдя, нагнувшись, ущемила его голову между коленокъ, и поднявъ рубашенку, высыпала десятка два горячихъ ударовъ ладонью.

— Вотъ тебѣ! вотъ тебѣ!—пострѣленою ты этакій!—приговаривала бабинька... Вотъ тебѣ! чтобъ не смѣлъ ты, чужакъ, на свое барина верхомъ садиться!.. Ахъ ты соплякъ!—Да тебѣ!.. Если въ другой разъ увижу, такъ и не то еще будетъ, возьму вотъ зеленой крапивы, да крапивою-то такъ выпарю, будешь вѣкъ баню помнить!—Ишь что выдумалъ!—Скорѣе пожалуй. Да ты этакъ-то дитяти спинку переломить, пастушеченку!

Напрасно Алѣша увѣрялъ бабиньку, что это такая игра, что они поочередно, что ему совсѣмъ не было тяжело—старушка и на него прикрикнула: «Стыдно тебѣ, сударь! амбиціи выдвигай въ тебѣ нѣтъ; съ кѣмъ ты связался-то?—Нешто этотъ щенокъ ровня тебѣ, дворянскому сыну?—Погоди, вотъ я уже отцу скажу». И она отвела друзей въ горницу, Алѣшу посадила къ столу, а Яшку поставила въ уголъ и рекомендовала имъ остаться въ этихъ позиціяхъ, пока она одѣнется и отведетъ ихъ домой. При этомъ, чтобъ смягчить участь Алѣши, она дала ему локонъ папюшника, намазанный медомъ, а на Яшку молча погрозила кривымъ, костлявымъ пальцемъ.

Личарда, стоя въ углу, потихоньку опустился, присѣлъ на корточки и закрывъ руками рожицу, плутовато хихикалъ. Ему

мо очень смѣшно и кричалъ-то онъ, когда была бабышка, вѣстненно только для приличія.

— Хочешь?—спросилъ его Алёша, протягивая половину своего ломтя.

— Нѣтъ,—не надо, а то еще тебѣ за это достанется. Не надо!

Жуя сладкій кусокъ, Алёша размышлялъ, отчего такая разница между нимъ и Яшкой?—и сознавалъ, что быть въ его положеніи сравненно пріятнѣе.

При другомъ случаѣ разница общественныхъ положеній еще вѣе обозначилась въ пониманіи Алёши.

Дворъ и небольшой садикъ смотрителя отдѣлялся плетнемъ огромнаго, совершенно заглохшаго, запущеннаго и темнаго яблковаго сада, до того темнаго, что дѣтскому воображенію представлялись въ немъ разныя чудеса и невѣдомые страхи. Идей въ немъ почти никогда не было видно. Возможное ли то, чтобъ наши молодцы не проникли въ этотъ заманчивый никѣмъ не охраняемый міръ? Прямо черезъ плетень махнуть и однако побоялись, а нашли секретную лазейку за конюшней и въ бучи навоза. Въ первый разъ имъ было очень страшно,—трещить ли подъ ногою хрупкій валежникъ, захрустятъ ли юшлогодніе листья, птица ли вспорхнетъ изъ гущи,—они тановятся, вздрогнуть, настороживъ глаза и уши, а въ груди въ сладко замираетъ и ноетъ, словно струна звенить. Впоследствии эти экскурсіи стали повторяться чаще, шаги нашихъ зателей приключеній дѣлались смѣлѣе, увѣреннѣе, но этотъ адскій ознобъ перваго впечатлѣнія уже ослабѣлъ и скоро со-вѣтъ утратился; вмѣсто него сами собою возникли практическія дѣла. Мальчики нашли одну старую яблоню, на которой хоть и не много было яблоковъ, но яблоки чудесные, назывались они бѣлыми. Когда Алёша подсаживалъ Личарду, карабкавшагося по бѣлымъ, чтобы нарвать яблоковъ,—они оба испытывали то же опредѣленно-сладкое чувство страха, которое охватило ихъ въ первый день вторженія въ заповѣдную садъ. Они совсѣмъ не сознавали, что не яблоки прельщаютъ ихъ, а непобѣдимая жажда жидать всѣми нервами это необыкновенное, почти сладострастное ощущеніе опасности... Нервы Алёши были впечатли-вѣннѣе, чѣмъ Яшины;—они уже испытали нѣсколько сильныхъ выраженій, какъ, напримѣръ, при сценѣ на базарѣ, а потому вѣстойчивѣе требовали все новыхъ и новыхъ ощущеній.

На другой день послѣ перваго похищенія яблоковъ, Алёша развязчиво зазывалъ въ садъ Личарду; этотъ сперва не хотѣлъ, а въ качествѣ вѣрнаго слуги долженъ былъ отправиться. Едва Алёша посадилъ товарища до перваго сучка, какъ вдругъ будто

изъ земли выросъ высокій, жилистый, рыжій мужикъ и, связавъ за руки похитителей, повелъ къ смотрителю.

— Вы ихъ, ваше благородіе, путемъ проучите, потому намъ нельзя:—мы вотъ каждый часъ барина ждемъ; это у насъ то-есть первое дерево. Спросить: гдѣ яблоки?—А мы что ему?— Почестъ всѣ оборваны;—вѣдь намъ за это спину всчесутъ.

Петръ Ивапычъ въ эту минуту только что воротился изъ училища, гдѣ изрядно отпоролъ ученика за кражу карапана у товарища,—а потому былъ раздраженъ и отнесся къ пойманнымъ преступникамъ съ строгостью, совсѣмъ несвойственною его характеру.

— А, такъ вы вотъ какъ—во-ро-вать! Я вамъ задамъ! Воровство самый гнуснѣйшій порокъ—и мой сынъ воровать! Вотъ я васъ, канали!—Воришки дряпные!

Безъ всякихъ объясненій и оправданій, судъ и расправа произведены немедленно тутъ же въ сѣняхъ. Первымъ пострадалъ Личарда, котораго Финогенъ держалъ, а Артемьевъ угощалъ березовой кашей. На крикъ мальчика въ комнатахъ отозвались плачемъ испуганные Коля и Алѣнка, изъ двери показалась Анна Дмитриевна и какъ-то особенно взглянула на мужа... Гнѣвъ его мгновенно упалъ. «Довольно!» закричалъ онъ. Личарда вскочилъ, а Алѣша, скрежеща зубами, принялся молча и торопливо растегивать штанишки.—«Не падо!» еще крикнулъ отецъ и хлопнувъ дверь, ушелъ въ свою комнату. Преступники были отправлены въ кухню, гдѣ Финогенъ еще напустился на сына, приговаривая: «ахъ ты воръ, воровская ты петля, мошенникъ!»—и хотѣлъ его еще постегать ремнемъ изъ отцовскихъ рукъ; но Алѣша кинулся между ними, вѣхнулся Финогену въ бороду и задыхался прошипѣлъ: «не смѣй,—не смѣй его трогать!»

Черезъ полчаса Личарда съ отличнымъ аппетитомъ хлебалъ грешневую похлебку, поставленную передъ нимъ матерью, а Алѣша, забившись на печку, отказался идти въ горницу обдѣлать и на всѣ лады переворачивалъ событія этого дня...

Послѣ этой исторіи за Яшкой начали примѣчать и стали онъ частенько попадаться, то съ кускомъ сахару, то лоскутъ какой-нибудь стащить;—у Орлова похитилъ шило, а у Натальи Лаврентьевны стибрилъ маленькую стеклянную коробочку съ динными сѣмечками,—предметы все не очень соблазнительные и которые Яшка самъ не зналъ куда и дѣвать; однако его стали остерегаться, дразнить воришкой, и Финогенъ раза два отечески поучилъ первую, попавшуюся на дворѣ, хворостиною. А уже предсказывали-то ему самую что ни есть сверную будущность! Неизвѣстно, что думалъ мальчуганъ, но повидимому относился

этой травлѣ равнодушно, тѣмъ болѣе, что задушевный
прищъ его Алѣша ни разу не только не попрекнулъ его, даже
спросилъ, зачѣмъ-де ты это дѣлаешь? — Въ немъ самомъ въ
время назрѣвала какая-то внутренняя боль, которой онъ не
могъ найти исхода, но чувствовалъ, что того и гляди онъ
испытаетъ что-нибудь такое необыкновенное, за что его непремѣн-
нымъ образомъ высѣкутъ. И въ этой мысли Алѣша находилъ
что-то странное, необъяснимое сладострастіе... Онъ былъ увѣренъ,
что тогда ему станетъ легче... И все ждалъ — ждалъ...

V.

Нѣсколько дней спустя послѣ неудачной экспедиціи за яблоками,
глухомъ сосѣднемъ саду обнаружили признаки жизни: иногда
слышался лай собакъ и порсканье по кустарникамъ, иногда съвозъ
дереьевъ пробѣгали огоньки, перекликались голоса, а
одинъ разъ явственно раздался ружейный выстрѣлъ. Какъ ни
омадепъ былъ садъ, но охотиться въ немъ едва ли представля-
лась возможность, — не потому что онъ стоялъ среди города —
тѣ времена это не составляло серьезнаго препятствія, — а по-
тому что не могли же въ немъ водиться волки, лисы или хоть-бы
зайцы.

Петръ Ивановичъ въ это время надолго уѣхалъ по дѣламъ въ
бервикъ, то-есть въ губернской городъ, и въ домѣ главная охрана
любимой была ввѣрена Артемьеву.

Почтенные служаки сами крѣпко дивились тому, что за притча
дѣлается въ сосѣдскомъ саду и рѣшили, что должно быть
тамъ потѣшается; — «падысь, слышь, ночью приватилъ и не за-
были». Вечеромъ пошли они и оба мальчика съ ними, вдоль
заборчика посмотреть, не замѣтно ли чего въ домѣ сосѣда. Домъ
большой, обширное и низкое деревянное зданіе, лежалъ, точно гнѣздо
большой птицы, посреди двора, обнесеннаго съ улицы часто-
коломъ, имѣлъ по фасаду двѣнадцать оконъ, покрытъ соломой,
чернѣвшей отъ времени. Окна постоянно были закрыты на-
глухую ставнями, и теперь въ немъ было совершенно темно;
съ одной трубы вилась легкая струйка дыма. Любопытствующіе
нашли немного, — ворота были заперты, а вызвать знакомаго
изъ него мужика они не рѣшились.

Однажды часу въ четвертомъ, когда зной началъ уже спадать,
мать Дмитріевна, какъ обыкновенно по домашнему одѣтая —
въ ситцевой юбкѣ безъ таліи, кофточекъ она и знать не знала, —
въ бѣлой рубахѣ спустился у нея съ одного плеча и обна-

женныя руки держали надъ головой легкую косыночку отъ солнца, — такъ она вышла на дворъ и пробралась медленнымъ шагомъ въ садикъ къ плетню, возлѣ котораго на протанутыхъ веревкахъ сушилось дѣтское бѣлье. Посмотрѣла она, хорошо ли выстираны рубашечки и пеленки и скоро ли высохнуть; вдругъ изъ плетня, какъ музыка пріятный и ласковый, мужской голосъ словно пропѣлъ надъ нею:

— Здравствуйте!

Анна Дмитриевна, стоявшая спиной къ плетню, на голосъ повернула голову; за плетнемъ стоялъ краснощекий молодой человекъ съ длинными усами, въ пестренькомъ татарскомъ армяку и военной фуражкѣ. Лицо Анны Дмитриевны нахмурилось: она молча обратилась къ своему занятію, но мысли ея разбѣжались, а руки не знали что дѣлать — лицо ли закрыть косынкой или опустить ее на плечи, съ которыхъ совсѣмъ скатилась широкая рубашка. Она чувствовала, что и лицо, и шея, и плечи и руки — все словно полимемъ занялось. Даже убѣжать ей было стыдно.

— Я хочу съ вами познакомиться, — продолжалъ тотъ же ласковый голосъ.

Анна Дмитриевна не отвѣчала и дрожащею рукой ощущивъ сырое бѣлье.

— Слышите! я познакомиться съ вами хочу.

— Милости просимъ, какъ добрые люди ходятъ, а не черезъ заборъ, — не поворачивая головы отвѣтила смотрительша.

— Я не умѣю, какъ добрые люди: вѣдь я окаянный... Можете слышали — помѣщикъ Эрастъ Ильичъ Милоновъ, — это я самый и есть.

— Я васъ не знаю.

— Ну такъ вотъ узнаете. Только я хочу познакомиться съ вами покороче, поближе... Экая красавица-то какая! — проговорилъ Милоновъ уже не къ ней, а будто высказывая вслухъ свои впечатлѣнія. — Вѣдь уродить же Господь Богъ такое чудо... Да вы полноте, не закрывайте личика... И шейки, и плечи тоже не закрывайте, — страстно шепталъ онъ, слѣдя за ее движеніями. Вѣдь эти всѣ прелести Богъ сотворилъ для того, чтобы ими любовались вотъ такіе окаянные, какъ я...

Анна Дмитриевна улыбнулась, а въ глазахъ туманъ сталъ, слезы задрожали на рѣсницахъ.

— Не хорошо это вы говорите... Я замужняя... опустивъ голову, сказала она, и не торопясь, степенно пошла къ дому.

А вслѣдъ ей слышалось: «красавица! — душенька! богиня!»...

Придя въ горницу, Анна Дмитриевна горько заплакала... Чув-

твояла она обиду и тревогу... Ну какъ же можно? Замужняя женщина, мать троихъ дѣтей... и по душѣ должна быть какъ бранная собака для Петра Ивановича, за всю его доброту... А тутъ такое... и никогда она такихъ словъ не слыхала: нието, и даже самъ Петръ Ивановичъ никогда ей не говорилъ такихъ ювъ... Красавица?—ужь будто и въ самомъ дѣлѣ красавица?... аба какъ баба,—и сладости-то во мнѣ, поди, чай столько же, шь въ каждой нашей сестрѣ... А голосъ-то какой у него... разный... словно гладить тебя по сердцу... Въ-первой слуху я такой голосъ... Что-жъ мнѣ теперь дѣлать-то, Господи! ладница, помози!...

Такъ волновалась Анна Дмитріевна, не замѣчая, что давно же подлѣ нея стоитъ Алѣна и кашу просить...

Помѣщикъ Милоновъ былъ очень извѣстенъ въ губерніи. Единственный наслѣдникъ трехъ тысячъ душъ крестьянъ въ разныхъ деревняхъ, онъ служилъ юнкеромъ въ «бессмертныхъ сарахъ» (такъ въ то время назывался Александрійскій гусарскій полкъ). Шалуновъ между гусарами было много, но Милоновъ отличался крайнею необузданностью и эксцентричностью своихъ подвиговъ. Подстрѣлить жида, высѣчь станціоннаго смотрителя или чиновника-штафирку, увезти изъ женскаго монастыря плушанку,—это ему ничего не значило и все какъ-то благомуcho сходило съ рукъ, разумѣется, съ придачею большихъ денегъ;—но послѣдняя его штука не удалась: товарищъ похитилъ барышню, дѣло очень обещовенное; надо было ихъ побить, попъ согласился, отперъ церковь (дѣло было въ глухой заброшенной бѣлорусской деревнюшкѣ). Только что молодые стали въ аналою, батька и заупрямился—не хочу, да не хочу—и резоновъ никакихъ не слушаетъ, даже денегъ не беретъ—курѣлъ. Дѣлать нечего—Милоновъ связалъ его по рукамъ и ногамъ, самъ надѣлъ ризу и обвелъ молодыхъ три раза вокругъ аналая. Дьячекъ въ это время пѣлъ «Исайя ликуй»,—и было кончено; въ книгу записано, свидѣтели подписались—все въ порядѣ;—и поѣхали молодые въ эскадронную штабъ-квартиру; попалъ Милоновъ захватилъ съ собой. Попойка, разумѣется, была невѣроятная. Ушаты вина и двѣ тысячи рублей сдѣлали все дѣло: попъ вѣтвенно подтвердилъ и далъ подписку, что началъ такихъ-то самолично. Однако слухъ объ этомъ происшествіи дошелъ до корпуснаго командира,—и Милоновъ приукаденъ былъ выйти въ отставку. Года три онъ велъ бродячую, цыганскую жизнь, то въ Москвѣ, то по ярмаркамъ, и, обремененный страшными долгами, поселился въ родовомъ имѣніи. Что онъ творилъ въ своемъ помѣстьи, про то знали одни

только подвластные ему безгласные люди... Но скоро начал доходить до начальства жалобы сосѣднихъ дворянъ,—то онъ трепетать кого-нибудь гончими, то подожжетъ скирды сѣна, то мосты на дорогѣ велитъ подпилить такъ, чтобы рухнулъ вмѣстѣ съ проезжимъ помѣщичьимъ рыдваномъ. Пріѣзжалъ къ нему предводитель, почтенный отставной генералъ, урезонивалъ, усовѣщивалъ, а онъ и съ нимъ какой-то фокусъ выкинулъ—кажется угостилъ трубкой табаку, начиненной порохомъ. Наконецъ, Милоновъ былъ взятъ въ опеку, съ запрещеніемъ выѣзжать изъ деревни. Въ деревнѣ вѣдь скука, что ни выдумай, все на другой же день опротивѣетъ. Даже гаремныя затѣи Милонову оцѣнились. Въ припадкѣ злой хандры, велѣлъ онъ согнать съ деревни всѣхъ бабъ не старѣе тридцати лѣтъ, чтобы полоть траву въ цвѣтникахъ подъ окнами его кабинета, а самъ сидитъ у окна, да понаблюдаетъ въ нагнувшихся бабъ изъ ружья дробью. Бабамъ это угощеніе показалось не втерпѣжъ, — двѣ-три изъ нихъ побойчѣ побѣжали къ капитанъ-исправнику и объявили. И вотъ вышелъ отъ губернатора приказъ, впредь до особаго распоряженія жить Милонову въ уѣздномъ городѣ, гдѣ у него былъ старый, полуразрушенный домъ, принадлежавшій его тѣткѣ, которая окончила дни свои настоятельница въ женскомъ монастырѣ.

Переселеніе Милонова въ городъ озаботило, кажется, только одного городничаго, получившаго по этому предмету секретный ордеръ; а обыватели, живя по простотѣ, не особенно имъ интересовались. Вѣсьма немногіе, бывавшіе въ уѣздѣ, слышали-могли что блажной, да понѣ мало ли ихъ, блажныхъ-то!..

На другой день послѣ встрѣчи съ Милоновымъ у плетня Анна Дмитріевна нашла на окнѣ своей спальни запечатанное письмо. Сердце въ ней ёкнуло; сама не зная почему, она была увѣрена, что письмо это отъ него... отъ окаяннаго... Вертѣла она, вертѣла въ рукахъ письмецо, и дивилась, какимъ образомъ оно могло попасть на окошко;—въ щель просунуто, такъ подброшено?... И дорого бы она дала, чтобы умѣть прочесть, что въ этой грамоткѣ написано. Она улыбнулась какъ-то и горделиво и насмѣшливо, словно ее, простую женщину, кто-нибудь княжной назвалъ,—и сунула письмо въ карманъ.

Въ этотъ день Анна Дмитріевна не выходила изъ горницы, усиленно занималась хозяйствомъ, сосчитывала и принимала вымытое бѣлье, чулки штопала. Уже вечеромъ, накормивъ дѣтей и уложивъ ихъ въ постельки, она плотно затворила двери своей спальни и сѣла къ раскрытому окну. На улицѣ было тихо, пустынно, даже собаки не лаяли; полный мѣсяцъ, поднявшійся изъ-

за черныхъ крышъ, катился все выше и выше. Становилось холодно. Завернувшись въ кацавейку, Анна Дмитріевна высунулась по поясъ въ окно, поглядѣла вдоль улицы, и прошептала «ахъ, кабы Петръ Ивановичъ поскорѣй воротился» — заперла окошко, опустила ситцевую занавѣску, и помолясь передъ образами, легла спать.

Слѣдующій день прошелъ для Анны Дмитріевны точно также; вечеромъ, когда она сѣла къ окошку, слышалась далекая, тихая пѣсня въ перерывахъ голоса ворковали струны гитары и такъ складно сливались съ пѣніемъ... Тягучая, унылая поволжская пѣсня то приближалась, то удалялась и словно замирала въ холодномъ ночномъ воздухѣ... Анна Дмитріевна заслушалась, вся унеслась за этой родимой пѣсней, и ничего вокругъ себя не примѣчала.

— А прочли вы письмо мое? раздался подъ самымъ окномъ знакомый, ласковый голосъ.

Анна Дмитріевна будто проснулась, ахнула и хотѣла затворить окошко; но Милоновъ положилъ локти на подоконникъ, такъ что затворить было невозможно. Онъ глядѣлъ на нее смѣло и весело.

Она плотнѣе завернулась въ кацавейку и отшатнулась отъ окна.

Онъ робкимъ, умоляющимъ голосомъ повторилъ свой вопросъ.

— Прочтала... солгала Анна Дмитріевна и закрыла лицо до самыхъ глазъ въ воротникъ кацавейки. А глаза эти въ упоръ смотрѣли на Милонова съ любопытствомъ и боязнью.

— И что-жъ, — получу я отвѣтъ?

Глаза все смотрѣли неподвижно; она молчала; по плечамъ пробѣжала дрожь.

— Я все знаю.... шептала Милоновъ. Онъ купилъ рабу Божью... Заперъ въ кѣтку, заставилъ дѣтей рожать, да пеленки мыть... Развѣ это жизнь.... Хотя минуточку урвать, да волюшкой вздохнуть.... Эхъ, волюшка золотая, ничего-то нѣтъ тебя милѣй! А у меня троечка на готовѣ... Подхватятъ птицы — только насъ съ тобой и видѣли!... Разлапушка ты моя!..

И онъ схватилъ ее за руку; но сильная, не барская рука, привыкшая таскать ведра изъ колодца, шутя вырвалась.

— Оставьте вы меня, идите прочь... Бога бойтесь!..

— Когда я полюблю, такъ ничего не боюсь въ свѣтѣ — знай это! А безъ отвѣта не уйду... Коли сказать робѣешь, напиши...

— Ладно, дождайся... послѣ дождичка въ четвергъ!.. съ

хохотомъ крикнула она и ударивъ его кулакомъ въ грудь, такъ что онъ отшатнулся, быстро заперла окно.

Въ комнатѣ было темно, даже лампадка не теплилась; Анна Дмитріевна спряталась за занавѣску, затаявъ дыханіе, и прислушивалась, что будетъ за окномъ.

Забренчала гитара, лихая беззаботная пѣсня пошла вѣдъ по улицѣ, повернула за уголъ и гдѣ-то далеко оборвалась въ своей нотой и мягкимъ длиннымъ посвистомъ.

Анна Дмитріевна не спала до бѣлаго свѣта—и мерещились ей луга зеленые, лѣса дремучіе, да удалые ребята, добры-молодцы, что гуляютъ по матушкѣ-Волгѣ безданнымъ-безпошлинно.

Ясный солнечный день съ его будничною трескотнею и беспѣчными заботами отрезвилъ охмѣлѣвшую голову Анны Дмитріевны. Пришла Наталья Лаврентьевна, оповѣстила что протопопичъ Богъ сына далъ и тарани навезли на базаръ страсти много.

— Оно теперь въ госпожики-то ¹⁾ какъ разъ надо. Ты мать, будешь нонѣ говѣть-то?—спросила старушка.

— Нѣтъ, я ужъ великимъ постомъ отговѣю. Приходите ко мнѣ ночевать.

— Что такъ? Ай безъ мужа-то скучно?

— Пусто въ домѣ-то...

— Нешто людей у васъ мало?

— Много ихъ, да всѣ въ разбродѣ: Орловъ ночуетъ въ училищѣ, Артемьевъ устроился на сѣновалѣ, Финогенъ въ конюшнѣ. Я, почитай, одна тутъ съ дѣтьми въ горницахъ-то. Катерина въ сѣняхъ спитъ... Оно ничего, да все какъ-то боязно...

— Чево бояться! У насъ тихо; съ тѣхъ поръ, какъ третьяго года откупщикову контору разбили, у насъ никакихъ шалостей не слышно. — А я вотъ что, — мнѣ свое дома бросить тоже нельзя, а на этой недѣлѣ я говѣю, такъ все равно проживу у тебя, а Матрена моя пусть сидитъ дома. На той недѣлѣ она будетъ говѣть, а ужъ я уйду отъ тебя, посижу дома. Тѣмъ временемъ, можетъ, Петръ Ивановичъ воротится.

— Хорошо кабы воротился, — разсѣянно глядя въ пустой уголъ, сказала Анна Дмитріевна.

Въ теченіи недѣли, пока у смотрительши гостила Наталья Лаврентьевна, Милоновъ исчезъ; только поздними вечерами ходила далеко по улицѣ его пѣсня.

— Чу, никакъ поютъ? пробормотала старушка, помолвившая уже Богу и улегшаяся на полу въ спальнѣ.

¹⁾ Успенскій постъ въ просторѣчїи называется «госпожики».

— Да, пѣсня... отозвалась Анна Дмитріевна, безпокойно рожавшаяся на жаркой перинѣ.

— Это должно быть приказные... они любятъ по ночамъ провѣдаться. — Анну Дмитріевну мучило письмо; она постоянно сгла его въ карманѣ. Прочестъ не умѣю, а сжечь какъ-то мѣю... хочется знать, что тамъ написано, соображала она. Скажуй, бабушку попросить, — а какъ вдругъ тамъ срамное написано?.. Да старуха впрочемъ плохо маракуеть, — говорить, очки плохи, а сама только церковную печать по складамъ разбираетъ.

— Бабушка, вы слыхали про помѣщика, господина Милова? — разъ рѣшилась она спросить.

— Про озорника-то? Какъ не слыхать, слышала... Тьфу! и мнѣнать-то его къ ночи не годится... Я знавала тетку его, Мигиню; во дѣвичество свой вѣкъ провела и ангельскій чинъ мнѣнать сподобилась. Душа была голубиная у ней, совсѣмъ не фская... Пѣшкомъ въ Саровскую пустынь ходила. «Я, говорить, должна умолить за Эрастипьку, чтобы Господь его обратилъ. Этотъ Эрастипька всей фамиліи нашей несчастье... Него сказать, отецъ его былъ свирѣпый человекъ, много пофшилъ; вѣдь бывало всѣ мелкопомѣстные передъ нимъ, какъ передъ грозой дрожали. Вотъ Богъ и наказалъ дѣтищемъ, чтобы явились на него гляючи». И что она добра вокругъ себя морила! всю казну по святымъ обителямъ роздала; ну, однако ему осталось имѣніе, да вотъ этотъ домъ, что сосѣдній-то. Не видала его я никогда, да Богъ съ нимъ! — говорить, и вѣдь-то его надо съ осторожкой, потому опасно...

Такия слова про господина Милонова не могли, конечно, бодрить Анну Дмитріевну на откровенность — показать письмо мрухѣ, или посовѣтоваться.

VI.

У поздней обѣдни, за которой причащалась благополучно поговѣвшая Наталья Лаврентьевна, были съ нею Анна Дмитріевна и Алѣша. Выходятъ они изъ церкви-то, па паперти гонятъ Милоновъ въ бархатномъ черномъ чекменѣ, стануть въ колочку червескимъ серебрянымъ поясомъ; крестится такъ сердно. Увидя ихъ чинно поклонился и пошелъ провожать, ловно давно знакомый. Дорогой рѣчь вель степенную; хвалилъ чепъ пѣвчихъ (изъ мѣщанъ-любителей); — говорилъ, что предпочитаетъ кievскій напѣвъ и что служеніе въ страстную седь-

мицу еще ни разу въ жизни не пропускалъ — оно восторгало и умиляетъ душу. Старушка полюбопытствовала про киевскаго лавру — и онъ обстоятельно разсказалъ о святыхъ мощахъ. Среди этихъ душеспасительныхъ разговоровъ раза два-три взглянулъ на Анну Дмитріевну такими глазами, что она зардѣлась, какъ маковъ цвѣтъ. Слѣпая бабушка, умиленная словами о лаврѣ, ничего не видѣла; но это видѣлъ Алѣша. Всеипѣла въ немъ какая-то жгучая боль обиды и дѣтской рани. Какъ смѣетъ онъ такъ глядѣть на мою мать?! Мальчикъ конечно, не понималъ всего значенія этихъ взглядовъ, но должно быть, поразила ихъ наглость и хищническая плотность. Онъ вопросительно посмотрѣлъ въ лицо матери — и видѣлъ, что это милое, доброе лицо вспыхнуло густымъ румянцемъ и озарилось почти счастливой улыбкой; — глаза потупились въ нихъ ни гнѣва, ни угрозы, ни злости... Что-жь она не сердится? Алѣшу душили слезы, какъ будто кто его горло схватилъ. Изъ подлобья взглянулъ онъ на господина Милонова и пошелъ сторонкой, подъ самымъ заборомъ, собирая палочкой верхушки крапивы...

Въ дѣтахъ есть это чуткое, будто инстинктивное пониманіе опасности, угрожающей ихъ матери. Они часто инстинктивно угадываютъ отношенія къ матери постороннихъ людей и тон различаютъ честную, пускай даже самую нѣжную дружбу, с поволокою грубой чувственности. Они знаютъ страданія матери, — и ревность эта едва ли не сильнѣе ревности мужа-женѣ; по крайней мѣрѣ она, не имѣя силы найти ни истиннаго ни выраженія, уходитъ внутрь и темной тѣнью ложится на дѣтское міросозерцаніе. Въ семействахъ животныхъ замѣчается нечто подобное этой ревности дѣтей — въ тотъ періодъ, когда щенки еще сосутъ мать...

Дойдя до калитки своего дома, смотрительша робко позвала Эраста Ильича зайти въ горницу.

— Пожалуйте, не побрезгайте, — у насъ сегодня пироги есть, можете, откушаете.

— Пирогъ-то у насъ, Митревна, постный, съ рыбой; папа его и кушать не станутъ, — сухо отговаривала старушка.

— Есть и скромное — ватрушки для дѣтей стряпали.

Милоновъ съ улыбкою отказался зайти на пироги.

— Я лучше въ другой разъ. А вотъ позвольте мнѣ вашему молодца затащить къ себѣ въ гости, — примолвилъ онъ, взявъ за подбородокъ Алѣшу.

Прикосновеніе мягкой и бѣлой руки барина передернуло

Алѣшу, — точно жаба по шеѣ проползла. Онъ крѣпко ухватился въ руку своей бабиньки и шепталъ: «я не хочу, не хочу».

— Чего ты дичишься? стыдно дичиться. Поди, коли тебя руглашаютъ, честь дѣлаютъ, поди! приказала мать, и окончательно срѣзала Алѣшу; онъ машинально повиновался.

Ловко приподнявъ заломленную на бекрень гусарскую фуфужку, Милоновъ простился и повлекъ за руку Алѣшу, который, пустивъ носъ, разсматривалъ заплатку на своихъ сапожкахъ.

Наталя Лаврентьевна, непринимавшая цѣлую недѣлю горячій пищи, выпила, благословясь, рюмку ерофенча и накинута въ рыбный пирогъ съ тою жадностью акулы, какая замѣчается только въ очень старыхъ людяхъ. Легла соснуть часика на два потомъ весь день до вечерень бродила заспанная, въ однихъ рубахъ, шлыкъ на боку; она томила жаждой и оглашала домъ громкой икотой, сопровождавшейся попеременно то крѣпленіемъ рта, то пришептываніемъ «Господи Іисусе, помилуй насъ!»

Послѣ вечерни, за чаемъ, Анна Дмитриевна сказала:

— И хорошо, что онъ давеча не пришелъ... я учтивость соблюла, да ну его къ Богу!

На эти слова Наталя Лаврентьевна ничего не отвѣтила, а въ нѣкоторомъ ожесточеніи зарядила носъ изъ «московскаго ошара».

Воротился и Алѣша, принесъ цѣлый картузъ сахарныхъ фантиковъ и конфетъ съ билетиками, да съ десятокъ хорошенечкихъ раскрашенныхъ гравюръ. Всѣ эти подарки Милонова онъ подѣлилъ между Колей и Алѣнкой, а самъ, неохотно отвѣтивъ на званіе, провелъ въ гостяхъ время, отправился съ Личардой напивать чапки¹⁾.

— Что ты тамъ дѣлалъ? Занятно было? спросилъ Личарда.

— Ничего.

— А рыжого того видѣлъ? что надъ словилъ насъ подъ блоной?

— И, нѣтъ; у него тамъ все азіаты прислуживаютъ. Одинъ такой высокій-высокій, съ бородой, весь въ зеленомъ; за кушакъ юбки затянутъ, страшный!

— Э-ва! это знать онъ-то и палитъ изъ ружья.

— Ружье у него много, — по стѣнѣ развѣшаны; — сабли, пистолеты, арапникъ здоровенный... Трубки такія длинныя; онъ все трубку куритъ.

— А угощай, поди, важно?

¹⁾ Кѣтка для ловли птицъ, родъ мышеловки.

— Да, хорошо. И пить онъ изъ такого серебрянаго ковшика. Много пилъ, ужасъ, какъ много! и меня подчивалъ. Вкусное вино, совсѣмъ не такое, какъ нашъ ерофентъ. Ну, и потомъ игралъ на гитарѣ, пѣсни пѣлъ. Послѣ, какъ лежалъ, такъ и заснулъ на полу, на такомъ знатномъ коврѣ растаялся, а мнѣ велѣлъ гулять по горницамъ.

— Покои богатые?

— Только одна горница убрана, гдѣ мы сидѣли, — а то все пустыя, стулья поломанные, паутина виситъ; а мышей страсть такъ и прыгаютъ. По стѣнкамъ картины навѣшаны, ужъ большыя старыя, совсѣмъ черныя, ничего не разберешь. Я ходилъ-ходилъ, скучно стало. Спасибо, попались книжки.

— Съ картинками?

— Нѣтъ, простыя книжки; одинъ «Пѣсенникъ» съ картинкой....

— А ты бы его въ карманъ да и притащилъ бы...

— Ничего мнѣ отъ него не надо... Вонъ онъ сколько гостинцевъ надавалъ, а я ничего себѣ не взялъ. Не надо. И въ другой разъ ужъ ни за что къ нему не пойду. Не хочу!

— Отчего такъ?

— Ужъ такъ!

VII.

Очистившая грѣховную душу и обременившая грѣшную утробу, Наталья Лаврентьевна отпиралась во-свояси. Въ домѣ смотрителя водворился обычный порядокъ; дѣти, какъ галчата, цѣлый день кричатъ, а въ девятомъ часу вечера уже весь домъ спитъ; не спитъ одна Анна Дмитриевна, и думаетъ и вспоминаетъ она все такое печальное. «Вотъ ужъ который годъ я замужемъ, а къ отцу всего одно письмо послала и пять рублей денегъ; совсѣмъ забыла мужицкую родню.... съ тѣхъ поръ, какъ барыней стала», — со злостью попрекнула она себя. Петръ Ивановичъ тоже вспоминать не любитъ; все говорить, оказія нѣтъ въ ту сторону, а отецъ-то чай въ нуждѣ бьется, сердечный!... Она всплапула и жизнь ей показалась куда не красна. Про господина Милонова она старалась не думать, и если бы не его вечернія пѣсни, постоянно разливавшіяся по сонной улицѣ, то и совсѣмъ бы, кажется, его забыла. А то эти пѣсни только злили Анну Дмитриевну.

— Вишь гуляетъ, потѣшается, — шептала она, прислушиваясь къ знакомому голосу. — И что это у господъ ничего заправскаго нѣтъ, а все блажь одна? Имъ бы только забава была. И

те, что ни говорятъ они, — пустяки, не надо вѣрить.... Говорить окаянный, — окаянный и есть. Вишь какъ заливается!... Т, чтобъ-те!...

Вѣдь какъ прежде любила его пѣсни, а теперь и сама поеть не можетъ, отчего ее такая лютая злость разбираетъ....

А окошко всякій вечеръ открыто и сидитъ она въ своей теплой кацавеечкѣ. Вдругъ двѣ сильныя руки оперлись о подоконникъ, и черезъ мгновеніе Милоновъ стоялъ передъ нею въ комнатѣ. Онъ улыбался, а взглядъ сверкалъ угрозой и барской властью, непривыкшею встрѣчать сопротивленіе. Она отступила, прислонясь къ стѣнѣ, мѣрила его глазами, блѣдная, ошеложенная. Еще мгновеніе — онъ заперъ окно, опустил занавѣску....

— Разбойникъ ты, разбойникъ!... вырвалось изъ груди Анны Дмитріевны.

Въ ея голосъ слышался подавленный вопль смертнаго отчаянія.... Но въ немъ звучала и другая нота—исполать-де тебѣ, добрый молодецъ, за твою удалъ-отвагу разбойницебуну....

VIII.

Петръ Ивановичъ въ халатѣ пилъ чай въ гостинной. Передъ нимъ на столѣ сидѣла маленькая Алѣнушка, окруженная буками и игрушками, привезенными отцомъ. Колька возилъ по полю деревянную пушку, стрѣляющую горохомъ; Алѣша разсматривалъ зоологическій атласъ. Всѣ были счастливы возвращеніемъ отца и подарками, невиданными въ уѣздномъ городѣ.

— А у тебя, Аня, порядокъ, какъ видно, былъ строгій: подъѣзжаю къ дому еще не свѣтало, а ужъ Орловъ маршируетъ подь окнами. Что такъ? спрашиваю. Говорить: барыня приказала.

— Они чередовались съ Артемьевымъ и Финогеномъ. Все, думаю, лучше: неравенъ часъ.... Да и собакъ пужно разгонять, — а то лаютъ всю ночь подь окнами, — дѣтямъ заснуть не дадутъ, объяснила Анна Дмитріевна.

— Ладно, хозяйшка! Пойдемъ-ка въ спальню, я долженъ сообщить тебѣ нѣчто поважнѣе собачьяго лая.... Люди не собаки, а подь часъ не только лаютъ, — кусаются, да еще какъ больно! — съ печальной улыбкой промолвилъ Петръ Ивановичъ, идя въ спальню. Анна Дмитріевна пошла за нимъ, суровая, слегка поблѣднѣвшая.

Въ спальнѣ на ея кровати лежалъ лисій салопъ, скрытый

атласомъ, — дорогая обновка, только что привезенная мужемъ. Видъ этого салопъ какъ-то болѣзненно ущемилъ ея сердце.... Она хотѣла убрать его, чтобъ мужъ сѣлъ на постель, но Петръ Ивановичъ остановилъ ее, взявъ за руку, и печально вымогивилъ:

— Аннушка, намъ здѣсь не житье....

Она подняла на него глаза; ждала чего-то ужаснаго. «А вѣдь померѣть легче, чѣмъ это», — мелькнуло въ ея головѣ.

— Намъ придется отсюда уѣхать.... Со мною поступили безбожно и безчестно. И деньги взяли, и мѣста лишаюсь....

При этихъ словахъ у Анны Дмитриевны отлегло отъ сердца.

— На меня поступилъ безымянный доносъ: будто я недодамъ учителямъ жалованья, вымогаю у родителей подарки и деньги... Эхъ, Господи!.. Ты знаешь, вымогаю ли я! Ну, да это бы еще ничего. Только что я по этимъ предметамъ объяснился съ директоромъ училищъ, и владу этакъ передъ нимъ на столъ сто рублей, онъ вдругъ встаетъ; положилъ деньги въ карманъ и тонъ совсѣмъ перемѣнилъ: «это, любезнѣйшій, все пустяки, — говоритъ, — дѣла житейскія, — кто Богу не грѣшенъ — царю не впововать! За это мы казнить васъ не станемъ, — а вотъ тутъ другое про васъ пишутъ, это поважнѣе». Онъ взялъ со стола бумагу и началъ читать; и батюшки мои, чего только тамъ не было! — и вольнодумецъ-то я, масонскія книги читаю, въ Бога не вѣрую, въ храмъ Божиимъ рѣдко бываю, постовъ не соблюдаю; — и въ домашней-то жизни я самый развратный человѣкъ, пьяница.... Тутъ и про нашего Алѣшу выведена вся подноготная.... У меня волосъ на головѣ дыбомъ сталъ. Неудобно ли, говоритъ директоръ, по этимъ статьямъ объясниться и сказать по совѣсти — могу я васъ терпѣть на службѣ, или нѣтъ? — Какъ объясняться? — У меня языкъ отнялся.... «Вы, — говоритъ, — въ нашемъ вѣдомствѣ служить не можете. Не я гоню васъ, а законъ. Учитель долженъ быть человѣкомъ высокой нравственности. Скрыть не могу, извините, потому что все это легко можетъ дойти до его превосходительства, господина попечителя, — ну, а нашего (Магницкаго) вы сами знаете — онъ и меня и васъ упечетъ куда Макаръ телятъ не гонялъ.... Жаль мнѣ васъ, — но что же дѣлать! — Подавайте въ отставку, иначе черезъ три мѣсяца будете уволены съ дурнымъ аттестатомъ. Не просите, не могу, — я вамъ говорю по зрѣломъ размышленіи....» И вышелъ я отъ него, какъ ошпаренный.... Такъ-то, дорогая моя Аннушка, — мы тутъ живемъ съ тобой по простотѣ души и воображаемъ, что мы честные люди; а высшее начальство другой взглядъ на

вещи имѣть. Поди, спорь съ нимъ, доказывай!—Петръ Ивановичъ горько засмѣялся.

Анна Дмитріевна выслушала разсказъ мужа, подперши ладонью щеку и глядя на него съ тупою, безсознательною печалью. Казалось, она не поняла и половины этихъ служебныхъ каверзъ и ихъ великой важности для мужа.

— Кто-жъ бы это такой—какой врагъ могъ про тебя такое написать?—спросила она.

— И это извѣстно. Какой тутъ врагъ! это самый что ни есть первѣйшій пріятель удружилъ.... Отецъ Никонъ.

Анна Дмитріевна всплеснула руками.

— Да, да, это онъ нашъ медоточивый царь Давидъ, что на гусляхъ Господа славословить.... Вотъ увидишь, онъ придетъ сегодня же и какое сладкое лобзаніе мнѣ дастъ! А вся штука въ томъ, что свояку его понадобилось сѣсть на мое мѣсто; и дѣло это уже полагено—половина обѣщанной суммы уже вручена директору. Узнавши это, хотѣлъ-было я придти къ нему да и ляпнуть прямо: Леонтій Никифоровичъ, полно намъ съ вами комедію ломать! Давайте на чистоту—сколько обѣщано?—Я дамъ больше.... ха, ха, ха!—Да ужъ такъ—махнулъ рукой на всю эту мерзость!—Мнѣ обѣщано мѣсто чиновника особыхъ порученій при казенной палатѣ въ С—кой губерніи,—а потомъ, дастъ Богъ, буду и совѣтникомъ. Поѣдемъ-ка въ С.—отсюда всего пятьсотъ верстъ. С. городъ хорошій. Свѣтъ не безъ добрыхъ людей! Не тужи!

Но послѣднее слово было сказано Петромъ Ивановичемъ больше для собственнаго ободренія, потому что Анна Дмитріевна казалась не очень опечаленною. Она была равнодушна сколько по собственной субъективной причинѣ—у нея было свое тяжкое горе, котораго, казалось, не выплакать, да и сравнить не съ чѣмъ невозможно,—столько же и по строю общихъ понятій русской женщины того, да, пожалуй, и иного времени. Русская женщина не только совершенно чужда гражданской жизни, но ее даже вчужѣ не волнуютъ свѣтлыя и темныя стороны общественныхъ порядковъ;—интересы мужа ей близки только по количеству денегъ, выдаваемыхъ на наряды и хозяйство. Отрадными исключенія чрезвычайно рѣдки, но за то часты исключенія такого рода, напримѣръ, когда барыня управляетъ губерніей, командуетъ полкомъ, заводитъ судомъ и расправой, принимаетъ съ задняго крыльца просителей,—или, наконецъ, интригуетъ въ дворянскихъ и земскихъ собраніяхъ;—но да избавить насъ Богъ отъ такихъ безшабашныхъ гражданокъ...

Послѣ обѣда, дѣйствительно, явился отецъ Никонъ и далъ

троекратное братское лобзаніе «многоуважаемому» Петру Ивановичу. Однако смотритель былъ съ нимъ весьма сдержанъ, холоденъ, неразговорчивъ; это замѣтилъ даже и Алѣша. Когда попъ ушелъ, Алѣша слышалъ, какъ отецъ сказалъ матери: «Иуда Искаріотскій!» — а та отвѣтила, что про-межъ народа ходитъ старинная поговорка: «доносчику первый кнутъ...»

Не зная въ чемъ суть дѣла, Алѣша однако подумалъ, что попъ Никонъ долженъ быть дурной человѣкъ и сдѣлалъ отцу зло. Перебирая въ памяти своей все что относилось къ Никону, Алѣша пришелъ наконецъ къ положительному заключенію, что опъ и не можетъ быть хорошимъ человѣкомъ, потому что дѣтей сбьетъ розгами немилосердно; апостола называетъ извергомъ и всегда какъ-то подозрительно жмуритъ свои лукавые, масляные глазки, точно къ тебѣ въ душу хочетъ заглянуть....

IX.

Господинъ Милоновъ свирѣпствовалъ. Съ утра до глухой ночи по саду раздавался свистъ, лай, атуканье и ружейная пальба.

Горящіе пыжи залетали въ садъ смотрителя; двѣ-три пули попали въ заборъ на противоположной сторонѣ улицы. Мимо дома проходить стало небезопасно.

Особенно пугала эта пальба Наталью Лаврентьевну; при каждомъ выстрѣлѣ старушка, даже сидя въ комнатѣ, взвизгивала и оборонительно поднимала надъ головою руки, какъ будто ожидая, что вотъ-вотъ упадетъ на нее бомба. Увидя поднятый на дворѣ Алѣшею горящій пыжъ, она не своимъ голосомъ завопила:

— Спалить онъ, злодѣй, насъ! — безпремѣнно, извергъ, сжечь! — и не услышимъ, какъ вдругъ всѣ въ полымъ очутимся.

— Да какъ же спалить, бабинька? — Нешто отъ этого можетъ полымъ вспыхнуть? — спросилъ Алѣша.

— Извѣстно; попади этакая зажженная пакля въ солому, али въ сѣно. Вотъ и вся недолга, — въ моментъ пожараще вспыхнетъ. А еще нонѣ сушь такая стоитъ, бѣда!

Хотѣли жаловаться городничему, но оказалось, что отецъ и благодѣтель города самъ въ страшной переполохѣ. Какъ чинникомъ гражданскимъ, имѣвшимъ мирныя дѣла больше съ купцами да мѣщанами, имъ овладѣлъ трусъ, и онъ собиралъ даже военный совѣтъ — изъ начальника инвалидной команды, смотрителя острога и уѣзднаго форстмейстера. На совѣтъ былъ при-

лашень еще одинъ исключенный изъ службы повѣтчикъ Запрыгинъ, какъ спеціалистъ по части ружейной охоты, но оказался мало полезнымъ, ибо съ недѣлю тому назадъ запилъ (онъ, вѣроятно несчастно, страдалъ запоемъ) и на всѣ предлагаемые ему вопросы только мычалъ, а потому немедленно запертъ въ кутузку за отрезвленіе, — авось потомъ на что-нибудь пригодится. Военный совѣтъ рѣшилъ вступить съ вонтелемъ въ мирные переговоры и предложить ему упражняться въ стрѣльбѣ на городскомъ выгонѣ, чего ради послать парламентаромъ квартальнаго; о квартальный воротился весь мокрый и съ оторванными обматомъ, и объявилъ, что разговаривать съ ними благороднымъ манеромъ невозможно, потому что находятся въ нетрезвомъ видѣ, «велѣли своимъ гайдукамъ вылить на меня ведро квасу и грозили пущимъ насиліемъ»....

Что было дѣлать? Инвалидный начальникъ предложилъ собрать свою «негодницу» и учредить вокругъ дома господина Илюнова караулъ, но по мнѣнію другихъ членовъ, это могло и повести къ кровопролитію и не достигало цѣли. Городничій въ особенности стѣснялся губернаторскимъ секретнымъ ордемомъ; онъ пересчитывалъ его десятки разъ и не могъ понять, какъ ему надлежало дѣйствовать въ настоящемъ, непредвидѣнномъ случаѣ. «Имѣть бдительный надзоръ и неослабное наблюдение, памятуя между прочимъ, что дворянинъ сей, въ разсужденіи правъ персональныхъ, пользуется всѣми огражденіями, магистратскому русскому дворянству присвоенными. Во всемъ прочемъ имѣете вы поступать на точномъ основаніи закона и во исполненіи неукоснительно доносить мнѣ».

— Вотъ оно это проклятое «памятуя» да «во всемъ прочемъ», — горячился городничій, тыкая пальцомъ въ бумагу; — и поступай тутъ какъ знаешь! — Вѣрите ли, господа, нѣтъ той бумаги, въ которой бы не было подобной закорючки. Читаешь, читаешь, ничего не поймешь да такъ и предаешься на волю Божию! — Это они въ губерніи нарочито такъ темно пишутъ, на загубу нашего брата. Ей-ей! — Начнешь дѣйствовать по усмотрѣнію — опять бѣда: какъ смѣлъ разсуждать? — порядокъ службы не терпитъ разсужденій.... Я уже давно этакія бумаги постигъ? — складываю ихъ въ одно мѣсто, — да и не подхожу, сторонюсь, какъ отъ нечистой силы.... То ли дѣло взысканіе казенныхъ недоимокъ и иныхъ статей.... Это самое любезное дѣло! — Тутъ ты вѣдаешься съ народомъ простымъ, смиреннымъ, и польза есть, и въ случаѣ чего, всегда отписаться можно.... А то пришлютъ въ городъ этакую чортову куклу, посидишь съ ней — и прикоснуться не смѣешь, и себя бережешь — а отвѣтственность страшная!

Наконецъ, рѣшено было оставить господина Милонова и цѣловъ,—авось самъ уговорится,—поставить двухъ будочниковъ, чтобы не пропускать народъ проходить по улицѣ мимо его дома, а о случившемся послать въ губернію секретный рапортъ.

Милоновъ освирипѣлъ съ того вечера, какъ увидѣлъ стражу у окна Анны Дмитріевны. Онъ не то чтобы испугался, онъ встрѣтилъ неодолимое препятствіе своимъ разбойническимъ навидамъ — убрать этого инвалида ничего не стоило, но почувствовалъ жестокую обиду. Онъ думалъ властвовать безгранично, думалъ, что его боятся и любятъ, какъ существо выходящее изъ ряда обыкновенныхъ смертныхъ, — а тутъ вдругъ противъ него приняты такія пошлыя, совсѣмъ не романическія мѣры, какъ противъ уличнаго воришки, — сторожъ съ дубинкой... Ему захотѣлось мстить, мстить на всемъ и на всѣхъ. Мертвенно-пьяный онъ валялся по-полу, съ пѣною у рта кричалъ «приведите мнѣ Аннушку... Аннушку подайте!» Потомъ плакалъ на вскрики и съ сентиментальностью дикаря хотѣлъ умереть, разлучившись съ предметомъ своей пламенной страсти, или убить кого-нибудь и пойти въ Сибирь, чтобы знала жестокая, что черезъ нее гибель человѣкъ...

Петръ Ивановичъ только-что воротился изъ училища, семья собиралась обѣдать; вдругъ съ трескомъ растворилась на его мѣшѣ калитка, и показался господинъ Милоновъ.

Онъ шелъ нетвердыми шагами, едва попалъ на ступень крыльца, опрокинулъ въ передней вѣшалку и, войдя въ гостиную, тяжело опустился на первый попавшійся стулъ.

Семья смотрителя въ испугѣ попряталась, защелкали въ дверяхъ замки. Петръ Ивановичъ немного блѣдный вышелъ къ нежданному гостю. Алѣша въ дѣтской не усидѣлъ, — выскочилъ съ Личардой въ переднюю и сталъ за дверь; ему было любопытно, что случится, — и за отца страшно...

— Имѣю честь рекомендоваться, — замечалъ, Милоновъ, вставая. Эрастъ Милоновъ... а ты мнѣ отдай Аннушку... а тебе полсостоянія... озолочу... подавишься моимъ золотомъ...

— Извините, — робко заговорилъ Петръ Ивановичъ, — вы вѣрно ошиблись... не туда зашли...

— Врешь, рябчикъ!.. я знаю куда зашелъ... подымай ты строка!.. Подавай сюда Аннушку... Убью, коли честию не хочешь, — заревѣлъ пьяный гость.

Алѣша не вытерпѣлъ, бросился къ отцу.

— Я васъ покорнѣйше прошу выйти изъ моего дома, — твердо и строго сказалъ смотритель.

— Постоѣй... чернильная душа!.. это Аннушкинъ сынишка... иду-да! поди сюда, щенокъ... поди, я те голову сверну...

И, махая руками, Милоновъ поймалъ Алёшу за полу, приваля къ себѣ и, положивъ руку ему на голову, глядѣлъ на него какъ-то бессмысленно, качая головой.

Алёша не вскрикнулъ, оцѣпенѣлъ, только чувствовалъ, что кука, будто свинцовая гиря, придавила его темя.

— Оставьте ребенка! что вы, разбойничать пришли?.. Эй, люди!—крикнулъ отчаяннымъ голосомъ Петръ Ивановичъ, и кинулся отнимать Алёшу.

Милоновъ приподнялся, размахнулся кулакомъ,—Петръ Ивановичъ наклонился, кулакъ пролетѣлъ надъ его головой, а за нимъ и весь корпусъ господина Милонова грузно хлопнулся на полъ. Вбѣжали люди, взяли посѣтителя за ноги и за руки и повесли вонъ изъ комнаты. Онъ даже не барахтался, хрипѣлъ, его душили отвратительные позывы тошноты. Пьяные глаза налились кровью.

Орловъ, Артемьевъ и Финогенъ вынесли тѣло на улицу, приложили къ частоколу и, воротясь, заперли ворота и калитку на запоры.

Въ домѣ смотрителя словно смерть прошла. Обѣдъ разстроился; отецъ шагаль по комнатамъ блѣдный, мрачный, все твердилъ: «зачѣмъ? почему? съ какого повода?» мать плакала... Бодрствовала только одна Наталья Лаврентьевна. Всѣ ругательныя слова, какія только знала, старушка высыпала на имя Милонова. Она весьма неискусно и неловко мѣшала Петру Ивановичу остаться наединѣ съ женой, и старалась свести разговоры на капусту, соленья огурцовъ и другіе невинные предметы. Петръ Ивановичъ наконецъ замѣтилъ маневры старухи и сказалъ, что ему нужно поговорить съ Аннушкой съ глазу-на-глазъ.

— О чемъ тебѣ съ ней говорить? Разѣ не видишь, бабѣ отъ испуга да отъ стыда на бѣлый свѣтъ глядѣть тошно, а онъ разговаривать хочетъ!.. Ты разговаривай лучше со мной: я тебѣ всѣ резоны представляю... И старушка рассказала ему встрѣчу на улицѣ послѣ обѣдни; оказалось, что Аннушка виновата въ томъ, что вступила въ разговоръ съ незнакомымъ бариномъ и пригласила его зайти на пирогъ.

— По настоящему, конечно, она и взглянуть на него не должна бы,—прибавила Наталья Лаврентьевна. Да что станешь дѣлать!.. нонѣ нравы стали вольные, почали моды заводить,—и все съ тѣхъ поръ повредилось, какъ французъ пришелъ. Въ старину на этотъ предметъ лучше было и благочестія въ народѣ было больше. Бывало дѣвку, али замуженую такъ держали,

что посторонній глазъ и лица-то ея никогда не видить;— а теперь сами виноваты: говорятъ, учтивство надо соблюдать, а черезъ это учтивство-то къ женскому полу и соблазнъ въ міръ входить.

— И только... больше ничего не было? нерѣшительно спросилъ Петръ Ивановичъ.

— А ты чего еще захотѣлъ? Да что ты это въ голову взялъ? До нешто она у тебя таковская, жена-то твоя? напустилася на него старуха. Никакъ ты, отецъ, съума своротилъ! Я у нее цѣлу недѣлю тутъ гостила. Женщина смиренная, богобоязненная, а одно, что какъ она изъ крестьянскаго происхожденія, такъ не можетъ къ господскимъ порядкамъ примѣниться; думаетъ не простотѣ какъ-бы учтивство соблюсти, анъ иной разъ не попадетъ въ настоящій манеръ. Вотъ что!.. а то какъ можно! Да опять же, возьми ты, отъ лихого человѣка разѣ можно уберечься? Ужъ коли злой человѣкъ, такъ отъ него ни крестомъ, ни пестомъ, ни молитвой. Это вонъ все равно, какъ Пугачъ ходилъ (старуха свернула на свою любимую тему); мало онъ злодѣйскихъ дѣлъ натворилъ? Дворянскихъ женъ и дочерей въ полонъ бывало забереть, да вся шайка-то его и почнетъ надъ ними потѣшаться... разбойство, насиліе... вымолвить непригожа. А потомъ два черезъ три отпустить, да еще моли Бога, что живую отпустилъ... И что-жъ ты думаешь, — чѣмъ эти несчастныя бабы виноваты? Что-жъ мужья-то да отцы по твоему должны были дѣлать? Казнить ихъ, прогнать, али на народное посмѣяніе выдать? Этого и въ законѣ не показано. Жили себѣ, ожививаючи втихомолку божеское попущеніе, — и никто корить не смѣлъ. Такъ-то. Ну, у тебя, Богъ миловалъ, ничего такого не дѣялось, — и то вопъ она, голубка, плачетъ; и не стыди ты ея, Петръ Ивановичъ, сдѣлай милость, плюнь на все это. А этотъ господишъ Милоновъ, говорю тебѣ, тотъ же Пугачъ, да еще хуже Пугача, потому того по крайней мѣрѣ слышали, въ кѣтву заперли и лютой казни предали, а этому что сдѣлаешь? Вольный баринъ! Да еще, пожалуй, онъ тебя шпагой проткнетъ, или какъ застрѣлитъ — и такая у нихъ тоже мода есть. Плюнь да отчурайся!

Петръ Ивановичъ крѣпко задумался надъ словами старухи. На душѣ его стало теплѣе, онъ успокоился и за чаемъ былъ необыкновенно нѣженъ съ женою; ухаживалъ за нею, какъ ухаживаютъ за другомъ, перенесшимъ тяжкую болѣзнь. Однако воображеніе его было сильно раздражено: ему всю ночь чудился Пугачъ въ образѣ Милонова, или Милоновъ въ образѣ Пугача, и пробѣгала передъ нимъ вереница всѣхъ ужасовъ Пугачев-

скаго разгула; онъ вздрагивалъ и шепталъ. «Господи, помилуй насъ!.. да вѣдь это требуетъ мести, крови...» и какъ всѣ тихіе, смиренныя люди, онъ съ особеннымъ, болѣзненнымъ наслажденіемъ примѣривалъ на себѣ роль безпощаднаго, жестокаго мстителя...

Но мститель нашелся другой.

Х.

На другой день Алѣша проснулся на зарѣ, накинулъ сѣреный ватошный халатикъ и потихоньку пробрался въ кухню. Катерина затопила печь, поставила горшки и пошла на базаръ. Въ кухнѣ остались только Алѣша съ Личардой. Пошептались они межъ собой и, подпоровъ подкладку халатика, Алѣша надергалъ изрядный комъ ваты.

— Ну, а какъ не подѣйствуетъ? замѣтилъ Личарда.

— Молчи. Бабинька говорила, что отъ одного пыжа и то пойдетъ; надо только въ сѣно да въ солому.

За тѣмъ Алѣша выгребъ изъ печки уголекъ, завернулъ въ вату, еще подулъ,—и сообщники бѣгомъ пустились черезъ знакомую лазейку.

Солнце еще не всходило. На травѣ и листьяхъ лежали ранній сентябрьскій утренникъ. Мальчики остановились у знакомой яблони.

— Ну, ты стой тутъ, — командовалъ шепотомъ Алѣша. И коли что увидишь, закричи, а самъ драло... Пусть ужъ я одинъ... слышь, улечетывай!.. я одинъ...

Личарда сталъ за деревомъ, и не только всматривался и прислушивался, онъ разнюхивалъ воздухъ. Было слышно бѣненіе его сердца. Алѣша, согнувшись, прокрался къ дому съ боковой стороны, мигомъ вскарабкался на лѣстницу, приставленную снаружи къ слуховому окну. На мгновеніе онъ пропалъ изъ глазъ Личарды...

Послѣ ночного пьянства весь домъ спалъ мертвецки: даже собаки, свернувшись калачикомъ, лежали неподвижно у конюшни.

Черезъ нѣсколько минутъ мальчики, не помня себя, бѣжали обратно къ своей лазейкѣ; присѣли за навозъ духъ перевести. Алѣша легъ на спину, какъ человекъ потрудившійся; онъ глядѣлъ самоувѣренно и гордо на дрожавшаго, посинѣлаго Личарду.

— Подождемъ тутъ, — сказалъ онъ. Вишь я всѣ пальцы пе-

режегъ, проклятая вата прогорѣла... Пузыри будутъ... да ништо... А ну, глянь-ка, есть?

— Нѣту ничего... я говорилъ, что не пойдетъ...

Потянуль легкій вѣтерокъ, какой всегда бываетъ съ восходомъ солнца. На верхушкахъ деревьевъ заигралъ розовый блескъ.

Вдругъ крыша Милоновскаго гнѣзда будто зѣвнула и изъ зѣва ея вылетѣлъ клубъ чернаго дыма. Въ ту же минуту съ легкимъ трескомъ струйки того же чернаго дыма стали пробиваться во многихъ мѣстахъ сквозь гнилую солому и слѣпились въ одинъ столбъ, высоко и прямо поднявшійся надъ домомъ. Еще мгновеніе—и длинныя языки краснаго пламени, торопливо вырываясь изъ густого дыма, побѣжали по крышѣ.

Съ улицы кто-то закричалъ,—послышался тяжелый топотъ бѣгущаго человѣка... тревога зашевелилась кругомъ...

Маленькіе поджигатели сидѣли уже въ кухнѣ иковыряли изъ горшка остатки вчерашней каши.

Скоро весь городокъ былъ на ногахъ и въ смятеніи толпился передъ пожарищемъ. Нѣкоторые обыватели прибѣжали съ топорами и ведрами; позже всѣхъ явилась полиція и пожарная команда съ однимъ не совсѣмъ исправнымъ брандсбоемъ, но безъ бочекъ, которыя предварительно поѣхали на рѣку за водою. Впрочемъ тушить разгулявшійся огонь было невозможно, да и бесполезно.

Милоновъ въ халатѣ стоялъ спокойно на дворѣ и курилъ трубку. Лошадей его изъ конюшни вывели, экипажъ выкатили, ружья и ковры вынесли, а объ остальномъ онъ не только не горевалъ, даже радостно покрикивалъ, когда огонь забиралъ какой-нибудь уцѣлѣвшій уголъ. Усердныхъ гасителей баринъ разгонялъ арапникомъ. Крыша рухнула, поднявъ ураганъ искръ и пыли.

— Вотъ славно!.. лихо!.. вали его!.. Ай-да пожаръ! Умиѣ этого пожара я еще не видывалъ!.. любовался Милоновъ.

Дѣйствительно, пожаръ былъ «умный». Горящій домъ стоялъ совсѣмъ особнякомъ посередѣ широкаго двора, однимъ только фасомъ, съ котораго начался огонь, примыкалъ къ саду; конюшня и сарай стояли далеко; горѣтъ кругомъ было нечему, только близкія деревья пострадали, — листья затлѣли, свернувшись въ трубочку, сучья обуглились. При совершенномъ безвѣтріи сосѣдніе дома были въ полной безопасности.

Городничій вѣжливо, по-военному поздоровался съ Милоновымъ и предложилъ поселиться въ его домѣ.

— Благодарю. Не надо—отвѣтилъ онъ тономъ начальника.

Гдѣ такой поганый городишко, что нѣтъ ни одной гостиницы. Я перейду пока на почтовую станцію.

Отвернувшись къ толпѣ, городничій съ облегчительнымъ вздохомъ примолвилъ:

— Ну, логово сгорѣло, авось и медвѣди отъ насъ выведутъ!

Изъ сосѣдей только одинъ домъ смотрителя подвергался нѣкоторой опасности; тамъ начали-было укладываться, но Артемьевъ, постоявъ на дворѣ съ поднятой къверху ладонью, убѣдилъ, что вѣтра почти нѣтъ и успокоилъ Петра Ивановича. Орловъ едва разогнавъ толпу бабъ и ребятишекъ, которые лѣзли въ окна, напрашиваясь помогать выносить пожитки.

Петръ Ивановичъ не велѣлъ трогать изъ комнатъ ни одного стула, однако же на всякій случай вынулъ изъ сундука толстый сафьянный бумажникъ, обвязанный ленточкой, положилъ его въ боковой карманъ и принялся отбирать на письменномъ столѣ болѣе важныя бумаги. Углубленный въ эти занятія онъ едва замѣтилъ, что сзади его въ комнатѣ кто-то даво уже всхлипываетъ и сморкается.

— Что съ тобой? окликнулъ Петръ Ивановичъ.

— Ничего.... отозвался Алѣша, прижавшійся лбомъ къ стѣнѣ.

— О чемъ же хнычешь? Пошелъ къ матери, не мѣшай.

— Папинька... это я.. я виноватъ... — глотая слезы, прошепталъ мальчикъ.

— Въ чемъ виноватъ?—Опять что-нибудь набѣдокурилъ!— строго поворотился къ нему отецъ.

— Я.. я одинъ... накажите меня, какъ угодно... только я одинъ... виноватъ... Яшки не было... я зажегъ крышу...

Отецъ бросилъ бумаги и кинулся на него. Алѣша зажмурился, безропотно отдавая себя на жестокую расправу...

Но онъ почувствовалъ, что отецъ крѣпко прижалъ его къ груди, отираетъ ему глаза и носъ, цѣлуетъ въ голову и съ вѣжностью шепчетъ: «молчи, сынокъ,—молчи, милый... Вѣдь ты мой голубчикъ родной... Не дамъ я тебя никому въ обиду... только молчи, умничекъ, молчи...»

XI.

Какъ ни тяжело семьянину разставаться съ насиженнымъ гнѣздомъ, однако Петръ Ивановичъ старался ускорить свой выѣздъ. Жизнь въ городкѣ ему стала тяжела, занятія и предметы, лю-

безные сердцу, въ которыхъ успѣлъ-таки и привыкнуть, теперь опротивѣли. Думалось ему даже, что тутъ онъ напрасно убилъ свои лучшіе годы, и что впереди — въ губернскомъ городѣ — ждетъ его болѣе широкая и привлекательная дѣятельность. Но такъ смотрѣла на дѣло Анна Дмитриевна; ей и вообразить-то было трудно, какъ все это благоустроенное хозяйство должно разориться, и возможно ли въ новомъ мѣстѣ такъ же уютно устроиться? Ей казалось, что какъ только они отсюда выйдутъ, то и пойдутъ мыкаться по бѣлу-свѣту безъ надежнаго пристанища — и никогда ужъ не согрѣютъ себѣ постоянного мѣстечка. Сообщила она мужу свои опасенія и предчувствія, а тотъ еще больше напугалъ ея лѣнивою неподвижностью: конечно, говорить и въ губерніи засиживаться нечего; подрастутъ дѣти — въ столицу махнемъ, — тамъ и я найду себѣ настоящее дѣло. Тамъ свѣтъ, а тутъ что?

Крупныя и цѣнныя статьи хозяйства кое-какъ распродавъ, а мелочь раздали. Кто станетъ покупать, когда тутъ люди живутъ, ни въ чемъ не нуждаясь! Домашній скарбъ и обиходъ у всякаго заведенъ кажется на два вѣка; среди сонной, апатичной жизни и вещи-то какъ будто спать, неизнашиваются.

Алѣшѣ было жалко разстаться съ своими «дядьками» — впрочемъ, отецъ обѣщалъ и этихъ служаекъ со временемъ перетасать въ С—бую губернію. Замѣчательно выразилась ихъ преданность: они оба просили уволить ихъ изъ училища, — коли не съ Петромъ Ивановичемъ, такъ мы и служить не хотимъ! Новый-то еще неизвѣстно каковъ будетъ, а этотъ былъ для насъ — и отца не надо. — Впрочемъ, не одни сторожа у насъ смотрятъ такимъ образомъ на свою службу.

Бабинька тоже не мало слезъ пролила. Въ семьѣ Слободныхъ она была дѣйствительно родная: живя на свѣтѣ лѣтъ семьдесятъ, прапорщица всю родню свою растеряла. Сказывали провѣнчанные купцы, что гдѣ-то, въ Наровчатѣ кажется, живетъ ея двоюродная племянница, замужемъ за лекаремъ, — и хорошо живетъ, — только Наталья Лаврентьевна и не думала къ ней навѣдаться. Здѣсь у нея былъ какой ни на есть, а все-таки свой домикъ, получала пенсію, добрые люди и особенно Петръ Ивановичъ — дай Богъ здоровья — помогали; а тамъ что? — И городъ-то такой, — вонъ говорится же: «Наровчатъ — одни колышки торчатъ»...

— А къ вамъ, мои внучонки милые, — говорила она дѣтямъ, — безпремѣнно прїѣду. Выростете, будете умниками — и бабиньку свою не забудете. Хоть помирать, а все-таки къ вамъ прїѣду, — легче будетъ душѣ съ тѣломъ разставаться.

Лишь только установился первый санный путь, Петръ

Иванычъ купилъ двое окованныхъ розвальней, къ которымъ финогенъ съ Орловымъ приѣхали кибитки, обили внутри войлокомъ, снарядили какъ слѣдуетъ. Ямщики были договорены знакомые, надежные, и съ условіемъ везти до самаго губернскаго города С., не сдавая другимъ, а то съ этими сдаточными всегда неприятности выходятъ. А везти не меньше 30-ти верстъ въ день. Въ тѣ времена семейные люди все такъ ѣздили — и переѣзды тянулись иногда по мѣсяцу. Спѣшить было некуда, а оно покойно и дешево.

Въ день выѣзда явился отецъ Никонъ, побуждаемый собственнымъ усердіемъ отслужить напутственный молебенъ, при пожеланіи счастья и успѣховъ. — И спокойный Петръ Иванычъ не выдержалъ. — Что-жъ вы, за круглаго дурака что ли меня считаете? вспылалъ онъ. — Лицемѣріе ваше ужъ давно мнѣ извѣстно. Я молчалъ — полагалъ, что въ васъ заговорить совѣсть. — Увы! — я ошибся. И можетъ ли быть совѣсть у человѣка, который одной рукой пишетъ доносы, а другой обнимаетъ свою жертву? Мнѣ отвратительны были ваши лобзанія и... не надо вашихъ благословеній!.. — Поцъ Никонъ не отвѣтилъ ни однимъ словомъ, а, подобравши подрясникъ, улепетнулъ безъ оглядки.

Пришелъ и Фортификантовъ. Онъ нѣсколько скорбѣлъ, что лишается заработка: рубль въ мѣсяцъ все-таки подспорье бѣдному человѣку. За то ему былъ подаренъ старый хомутъ съ шпеей и возжами. Онъ казался весьма тронутъ ласковымъ вниманіемъ, хотя, по неимѣнію лошади, могъ надѣть этотъ подарокъ развѣ только на собственную выю. Наставникъ искренно заплакалъ, цѣлуя Алѣшу, — предсказывалъ ему великую будущность и робко, безнадежно просилъ:

— Найдите вы тамъ моего родного братишку, семинариста Сіонскаго... Онъ весьма бѣдствуетъ; а малый смышленный, учится похвально; онъ отслужить вамъ при случаѣ... Не забудьте, Сіонскій Андріанъ.

Бабинька разговала по разнымъ мѣшечкамъ крендельки, булочки и пирожки собственного издѣлія. Отъѣзжающіе усѣлись — въ одну кибитку Петръ Иванычъ съ женой и Алѣнушкой, Финогенъ на облучкѣ; въ другую Алѣша, Коля и Личарда съ матерью, — и двинулись въ путь-дорогу. Порошилъ мелкій снѣжокъ. Провожавшіе стояли у воротъ безъ шапокъ до тѣхъ поръ, пока кибитки повертели къ спуску на рѣку и пропали изъ вида.

Однообразна и бѣдна впечатлѣніями зимняя дорога. Бѣлыя равнины, обнаженные лѣса, опять равнины, морозъ, фырканье лошадей и визгъ полозьевъ, — все клонить ко сну, не возбуждаетъ

работу мысли, заставляетъ уйти ее въ заколдованный міръ старыхъ воспоминаній, пережитыхъ думъ и ощущеній.

На четвертый или на пятый день путешественники заѣхали въ большое селеніе. Вечерѣло; по избамъ зажигались скудныя огоньки.—Вези къ священнику!—закричалъ Петръ Ивановичъ, высунувшись изъ кибитки. Подъѣхали къ деревянной церкви, облѣпленной стаей крикливыхъ галокъ, усѣвшихся на ночлегъ.—Остановились; отецъ пошелъ въ какой-то домишко и немного погодя воротился, сопровождаемый священникомъ и мужикомъ.—Ступайте дальше, вотъ человекъ покажетъ, куда ѣхать,—сказалъ священникъ.

Проѣхали черезъ всю деревню, поднялись на косогоръ и остановились у большой повой, крытой тесомъ избы, стоявшей особнякомъ. Пока отворяли скрипучія ворота, дѣти высунули свои носы изъ кибитки и подъ крутымъ обрывомъ увидѣли широкую синеватую полосу, на которой тамъ-и-сямъ чернѣли разбросанныя бревна, опрокинутыя на бокъ лодки и извивалась наискосокъ дорожка, проторенная къ недалекому сосновому бору.

—Это рѣка большая,—пояснилъ ямщикъ.

—Ахъ, лѣтомъ тутъ славно должно быть!—вырвалось у Алѣши.

Во дворѣ и въ сѣняхъ слышались радостныя восклицанія. «Батюшка!—Аннушка!—Петръ Ивановичъ!—Дмитрій Логиничъ!—Вотъ Господь радость послалъ!... «Тащи ребятешекъ-то въ горницу!—»

Въ жарко натопленную просторную избу, выѣстъ съ клубами пара, ввалили всѣ пріѣхавшіе. Хозяинъ суетился: вынесъ вонъ какіе-то канаты; каганецъ съ лучиною замѣнилъ сальной свѣчей въ желѣзномъ шандалѣ,—и побѣждалъ отпустить ямщикамъ сѣна и овса. Финогенъ вносилъ вещи; Катерина ставила самоваръ.

Когда порядокъ установился и вся семья Слободина сидѣла на лавочкахъ вокругъ кипящаго самовара, снова вошелъ хозяинъ. Это былъ мужикъ высокій, худой, но широкоплечій, съ русою рѣденькой бородкой, лѣтъ немного за сорокъ; въ синей рубахѣ и сапогахъ. Анна Дмитриевна встала, подошла къ нему и хотѣла упасть на колѣни; онъ не допустилъ и, поцѣловавъ троекратно, долго смотрѣлъ ей въ лицо, поглаживая по головѣ мозолистой рукою. Въ глазахъ его стояли слезы. Аннушка почтительно поцѣловала его руку,

—Ну, садись, Дмитрій Логиничъ, садись—приглашалъ Петръ Ивановичъ.

—Постой, Петръ Иванычъ. Это твои парнишки-то... и дѣвчонка... только трое?—

—Трое.—

—Чево такъ? По настоящему тебѣ съ этойкой бабой, какъ Аннушка, слѣдовало бы цѣлую дюжину припасти.—Ну, познакомились... у дѣдушки вона какая борода-то, мочалка!—Непріятно это, а все поцѣловаться надо,—пельзя, внучки вѣдь!

Анна Дмитриевна назвала дѣтей по именамъ; всѣхъ охотѣе пошла къ дѣдушкѣ Алѣнка.

Ловко посадивъ дѣвочку на лѣвую руку, Дмитрій Логиничъ сѣлъ къ столу и принялъ отъ дочери чашку чая.

—Душевно радъ, что вижу тебя въ такомъ положеніи. Мы съ женой частенько бывало тужимъ, какъ-то ты тутъ бѣдуешь? а ты слава тебѣ Господи!—Разскажи пожалуста, какимъ это манеромъ случилось, что ты хозяиномъ сталъ, да еще богатѣемъ?—

—Богъ счастья послалъ, Петръ Иванычъ!—мужику вѣдь нието, какъ Богъ... Барыня наша померла и всѣ мы, значить, сыну достались. Пріѣхалъ онъ изъ Питера, привезъ управителя изъ нѣмцевъ; завелъ у насъ новыя порядки,—только мы и видѣли его. Мое положеніе, самъ знаешь, каково было. Что садовникъ, что дворовый—все одно слово,—бобыль безсемеинный. А тутъ Карла Карлычъ взялъ новаго садовника изъ своихъ, тоже нѣмца, а меня въ конюхъ опредѣлилъ, за то, что я ему не уважилъ. Что дальше, то хуже. Не могу ему покориться и шабашъ,—душа претить. Ну, ужъ и онъ меня выглаживалъ... Сталъ я проситься въ тагло къ брату,—куды!—Ни подъ какимъ видомъ. А самъ все лютей. Притѣсняетъ, просто хотъ руки на себя накладывай.—Ахъ, въ ротъ-те лыко!—думаю, что тутъ дѣлать?—Только—слушай—какъ бынши еще садовникомъ-то, ѣзжалъ я въ городъ и дѣлалъ тамъ прививки въ саду у купца Гаврилы Федулыча Кюникова—можетъ слыхали—богатѣйшій купецъ, не то что по нашимъ мѣстамъ, а и въ Москвѣ почтеніе имѣетъ. Только онъ заприѣтилъ меня, стало быть, что дѣло свое понимаю... И полюбился я ему сильно, угодилъ.—Вотъ я къ ему; такъ-и-такъ, разсказалъ свою причину. Порѣшилъ онъ выкупить меня на волю. Я въ ноги.—Однако не удалось, потому баринъ отписалъ, что это баловство, а коли не хочеть, молъ, служить, такъ со-сѣсть на поселеніе. Долго хозяинъ вождался съ нѣмцемъ и денегъ не жалѣлъ: мнѣ што, баять, Митрій—наплевать!—а какъ ты можешь меня не уважить, когда я энтото хочу? Вѣдь ты меня позоришь, нехристь поганая!—Ну, однако покончили на томъ, что не то я вольный, не то крѣпостной—и самъ не знаю!

—Какъ же это такъ?

— А такъ. Гаврило Федулычъ купилъ меня, да не на свѣтъ, потому купецъ, а на одного судейскаго секретаря. А служу я ему; и вотъ теперича онъ мнѣ избу поставилъ, обрядилъ, какъ видишь, все отъ Гаврилы Федулыча. Мы тутъ лѣсъ сплавляемъ, плоты гонимъ—и я какъ-бы замѣсто приваженнаго грѣхъ сказать, житье хорошее, всѣмъ доволенъ. Ну, а вдругъ энтотъ секретарь къ себѣ потребуетъ,—ты мой, дескать. Что я тогда?—сказывалъ я Гаврилѣ Федулычу, не равенъ-ли часть, либо ты помрешь, либо секретарь, какое мое тогда будетъ званіе?—Такъ онъ даже выругалъ меня;—на волю, говоритъ, подлецъ, захотѣлъ. А я: да ужъ коли будетъ такая великая милость, все одно я вашъ рабъ и повиненъ служить въ гробъ. Посумнилъся,—врешь, говоритъ, обманешь. Оно и точнѣе. Петръ Иванычъ, коли по совѣсти молвить, я бы обманулъ. Чувольный, сейчасъ бы ушелъ...—Дмитрій разсмѣялся.

— Зачѣмъ же, вѣдь онъ твой благодѣтель?

— Хоша бы и то, а воля-то, чай, прежде насъ родилась. Хе-хе.—Теперича вотъ лѣсное дѣло я понялъ во всей тонкости да будь вольный человѣкъ—почемъ знать—самъ бы въ хомѣ вышелъ! Нетома что съ полѣсовщиками, объѣзчиками,—съ самими лѣсничими умѣю обойтись. У меня бы самовольной порубки никогда не произошло, небось!—И зналъ бы я, что изба—моя, скотина—моя, все мое. Силу бы получилъ. Да какъ можно вольный человѣкъ самъ себѣ голова, а не то что взяли тебя, да взашей. Мы это тоже смѣваемъ.

Алѣша впился въ рассказы дѣдушки. Въ нихъ ему слышалось что-то знакомое, вполне созвучное съ тѣмъ строемъ понятій до которыхъ его маленькій умикъ успѣлъ уже додуматься. И вспомнилось ему, какъ привели Финогена съ женой и Личардой,—худыхъ, голодныхъ, оборванныхъ;—какъ на базарѣ зарокотали глухой барабанъ.... и все это чуднымъ образомъ сливалось въ одну картину съ рассказами дѣдушки...

Слободины прогостили у Дмитрія Логинныча съ недѣлю. Тутъ подоспѣлъ большой праздникъ—зимній Микола; брагу варили, пироги пекли съ севрюжиной; веселье было необыкновенное по всему селу. Алѣша съ Личардой бѣгали на рѣку, завели обширное знакомство съ ребятишками и отлично выучились гонять кубарь по льду.—Анна Дмитріевна была вполне счастлива и не разъ говорила: «то ли дѣло этакое-то привольное житье?—вѣкъ бы тутъ осталась, чѣмъ томиться по городамъ, гдѣ все на политикѣ, а народъ живетъ коварный и злой». Добродушный Петръ Иванычъ подсмѣивался надъ словами жены, а сынъ отзывался на нихъ серьезно и сочувственно. Онъ съ любопытствомъ гля-

на дѣдушку, наблюдать всю обстановку его крестьянскаго хозяйства, спрашивать: какъ лѣсъ рубать, плоты вяжутъ, и куда съвозятъ. Занятія дѣдушки, близкія къ природѣ и не-бьющія «господской» науки, чрезвычайно нравились мальчику. Какъ бы славно было, — думалъ онъ, — когда вырасту большой, въ такъ, какъ дѣдушка, и заниматься такимъ же веселымъ дѣломъ въ лѣсахъ, да на большой рѣкѣ! — Но тутъ же возникъ въ головѣ вопросъ: отчего дѣдушка такъ вѣрно тужитъ по лѣсу? — И что такое воля? — И остановился онъ пока на томъ, если человѣка не бьютъ и не продаютъ — это и есть воля. Какъ какъ людей бьютъ и продаютъ одни только господа, то и онъ еще болѣе утвердился въ давнишнемъ своемъ намѣреніи — хочу я дворянской науки....

Наконецъ, пора было пуститься въ дальнѣйшій путь. Передъ отъѣздомъ, Дмитрій Логинычъ сказалъ зятю, кланаясь въ поясъ, свою рѣчь:

— Спасибо тебѣ, Петръ Ивановичъ, за ласку. Хоша ты баба, а не погнушался нашимъ братомъ — мужикомъ. Господь тебя наградитъ за это; вѣдь ты для меня, кормилецъ, такъ сдѣлалъ, что никакъ больше Свѣтла-Христовъ Воскресенья! Вѣдь я одинокій, не далъ мнѣ Господь другого счастья, одна васъ. Ужъ не знаю, чѣмъ тебѣ и отслужить за одно то, что ты Аннушку мою такъ выхолилъ.... глянь, какая она гладкая стала. А ребятишки твои — ужъ не знаю что и молвить... еще махонькія, а въ Алѣшеѣ я и души не чаю, — такой паренекъ, что на удивленіе! — И вотъ что тебѣ скажу, не погнѣвайся, Петръ Ивановичъ, — ты баринъ и кормишь тебя теперича работа государская, хорошо, — а неровенъ часъ, коли что пойдетъ не ладно — оборони Богъ, только оно бываетъ и съ большими господами, — случись тебѣ бѣда, али тѣснота какая, вспомни ты Митрія Логинова — не побрезгуй, родимый.. А про твою помощь у Митрія найдется завсегда... Не токма сотни, — тыщи требуются — и тыщи найдемъ! — Ты не смотри, что мы лапотники... И великъ будетъ для меня тотъ день, когда сослужу тебѣ мою вѣрную службу... Не погнѣвайся, что я такъ спроста говорю баю....

Съ этимъ словомъ Дмитрій повалился въ ноги Петру Ивановичу.

Опять та же зимняя дорога, тѣ же трескучіе морозы, та же пролая, однообразная природа... А въ кибиткѣ, подъ медвѣжьимъ

одѣяломъ неустанно кипать въ дѣтской головкѣ горячія мысли. Все пережитое встаетъ широкою и пестрою картиной, полнымъ смысла и пророческаго значенія...

Прощай, бѣдный городокъ!—Прощай дѣтство!—Для Алёши оно уже кончилось, осталось позади. Добромъ или лихомъ оно временемъ помянетъ Алёша свое дѣтство, а всеже оно легло въ тойчивымъ балластомъ въ основу его характера и міровоззрѣнія. Сдѣлало его сыномъ родной земли, глубоко-способнымъ радоваться ея радостями, болѣть ея страданіями и чутко понимать ея кровныя нужды... Но людямъ, прошедшимъ такую школу, рѣдко удается возвратить милой родинѣ хоть зерно изъ жатвы, которую она же въ нихъ посѣяла... Бросають зерна на благодатную всепринимавшую русскую почву совсѣмъ другіе люди, выходящіе совсѣмъ изъ другой школы (мы встрѣтимся съ ними); а эти—голытьба худородная—всегда почти кончаютъ скверно; большинство ихъ тонетъ, захлебываясь мутными волнами мелкой, повседневной жизни; порой нѣкоторые изъ нихъ этими же волнами выбрасываются на поверхность, но тутъ они являются, какъ нарывъ, указывающій только на болѣзненное мѣсто общественнаго организма... Въ житейской толчѣе пропадаютъ бесполезно, безслѣдно,—а часто—и безславнo... Цѣлѣвая, изъ нихъ же выходятъ подчасъ и Ломоносовы, и Сперанскіе...

П. АЛЬМИНСКІЙ.

КЭРИ

И

ЕГО ТЕОРІЯ.

Изъ всей массы экономистовъ, явившихся въ такомъ изобиліи въ теченіи первой половины текущаго столѣтія, Кэри представляется однимъ изъ немногихъ заслуживающихъ упоминанія. Уступая Рикардо и Тюнену въ строгости научнаго изслѣдованія, уступая Смиту въ силѣ дарованія и знанія фактъ, Кэри въ то же время понималъ, что одно повтореніе старыхъ задовъ на новый ладъ мало принесетъ пользы знанію, и рѣшился дать въ своей соціальной наукѣ нѣчто самостоятельное.

Самъ онъ въ своихъ изслѣдованіяхъ не достигаетъ математической простоты и ясности Рикардо и часто является поверхностнымъ и парадоксальнымъ, но его въ то же время выдвигаетъ изъ ряда своеобразность и оригинальность воззрѣнія на истинныя существенныя стороны экономическаго вопроса. Въ томъ отношеніи Кэри пришелъ все-таки не съ пустыми руками къ наукѣ и обратилъ вниманіе на такія существенныя вещи, на которыя до него не было обращено надлежащаго вниманія.

По характеру своихъ воззрѣній Кэри является противникомъ Мальтуса и Рикардо и вообще всей школы экономистовъ, въ которой пониженіе производительности земледѣльческаго труда съ развитіемъ населенія составляло несомнѣнную аксіому. Но мнѣнію Кэри эта аксіома вытекла изъ совершенно фальшиваго представленія о порядкѣ занятія земель населеніемъ и на-

ходится въ совершенномъ противорѣчїи какъ съ этимъ порядкомъ, такъ и вообще съ естественнымъ развитіемъ другихъ условій жизни. Мало того, аксіома эта была бы, по мнѣнію Кэри, противорѣчіемъ общимъ законамъ природы, которые должны быть одни какъ для физическаго, такъ и нравственнаго міра. Какъ американецъ, Кэри требуетъ прежде всего отъ науки, чтобы она опиралась на положительные законы. Все, что онъ говоритъ въ этомъ отношеніи о методѣ, котораго слѣдуетъ прибавать отъ общественной науки, совершенно справедливо и можетъ быть поставлено въ образецъ. Иное—способъ пониманія у Кэри этихъ основныхъ законовъ природы и тѣ сближенія, которыя дѣлаетъ Кэри между этими законами и законами общаго житія. Пониманіе Кэри этихъ законовъ поверхностно. Сближеніе между ними и законами общежитія произвольны и мало показательны. Кэри видитъ во внѣшней природѣ гармонію отношеній и ту же гармонію хочетъ отыскать и въ общественномъ мірѣ. Если ея не видятъ здѣсь другіе писатели, то это потому, какъ онъ полагаетъ, что они имѣютъ ложное представленіе о ходѣ вещей; если ея нѣтъ здѣсь еще на самомъ дѣлѣ, то къ ней во всякомъ случаѣ ведетъ человѣкъ и общество естественное теченіе вещей. Средство, при помощи котораго положеніе людей стремится къ улучшенію, а интересы ихъ къ гармоніи, для Кэри есть средство формальное, оно заключается въ самомъ устройствѣ внѣшнихъ отношеній. А разрѣшающимъ всѣ противорѣчія началомъ, основаніемъ или формой устройства этихъ отношеній служитъ децентрализація. Чѣмъ болѣе развивается мѣстная жизнь, чѣмъ болѣе въ ней является движенія и самоудовлетворенія, помимо сношенія съ центральнымъ городомъ, тѣмъ болѣе теряется напрасно времени на передвиженіе продукта на дальнія разстоянія и сокращается потребность въ посредникахъ того передвиженія, тѣмъ болѣе подъ рукою у земледѣльцевъ являются разнообразныя виды производства, дающіе самому земледѣльцу возможность пользоваться высшими техническими средствами. Вслѣдствіе этого, 1) обработка сырого матеріала вообще и уменьшеніемъ провозовъ обходится дешевле; 2) самое добываніе сырого матеріала—точно также; ибо съ готовыми техническими средствами земледѣліе переходитъ съ неблагодарной почвы на вышенностей на болѣе благодарную почву болотъ и низменностей. Такимъ образомъ, съ развитіемъ децентрализаціи всѣ вещи должны удешевляться; а такъ какъ общество начинается общиной, то и общественныя отношенія несомнѣнно стремятся историческимъ порядкомъ къ желанной гармоніи. Такимъ об-

номъ, децентрализація составляетъ весь секретъ соціальной жизни для Кэри. Къ такимъ утѣшительнымъ выводамъ, по мнѣнію Кэри, неизбѣжно приводитъ науку изученіе общественныхъ мнѣній въ связи съ законами естественно-историческими.

Я дамъ теперь отчетъ о томъ, какимъ образомъ означенные выводы выжутся у Кэри съ основными законами природы, и вообще изложу его взгляды въ той послѣдовательности, въ которой они изложены имъ въ его «Соціальной наукѣ».

I.

Кэри начинаетъ свое сочиненіе съ разсужденія о методѣ, и останавливается на этомъ предметѣ, потому что ни одинъ экономистъ не высказывалъ ранѣе его болѣе вѣрныхъ и зрѣлыхъ мыслей по этому предмету. Въ этомъ отношеніи Кэри требуетъ не отъ всѣхъ наукъ одного и того же общаго точнаго метода изслѣдованія, завершающагося опредѣленіемъ количественныхъ отношеній между явленіями путемъ математическаго анализа. Или еще въ наше время это требованіе кажется для многихъ возможнымъ, то въ свое время это требованіе со стороны Кэри было смѣлостью.

«Первый человѣкъ», пишетъ Кэри, наблюдавшій день-за-день, хотя бы въ продолженіи одной только недѣли, за восходомъ и закатомъ солнца, легко могъ замѣтить, что восходъ постоянно сопровождается свѣтомъ, а за закатомъ неизмѣнно слѣдуетъ темнота; этотъ замѣченный имъ фактъ и былъ первымъ грубымъ элементомъ положительнаго знанія или науки. Такимъ образомъ, первое знаніе начиналось съ наблюденія, было опытнымъ по своему началу. Такое знаніе начиналось однако и развивалось въ произвольномъ или случайномъ порядкѣ, а подчинено было извѣстному закону послѣдовательности въ своемъ развитіи. Оно начиналось прежде съ болѣе общихъ и отвлеченныхъ понятій и мало-по-малу переходило въ болѣе частному конкретному.»

Первыми понятіями человѣка наблюдавшаго были идеи пространства, количества, формы. Солнце было очевидно далеко, деревья высоки, а кустарники низки. На этомъ основаніи, науки болѣе отвлеченныя развились и усовершенствовались ранѣе конкретныя. Механика и астрономія ранѣе химія и физиология, а соціологія позже всѣхъ. По недостатку наблюденія, науки, склонныя къ спекулятивному мышленію, углубляются въ созерцаніе своего собственнаго ума и изобрѣтаютъ теоріи, во-

торыя выдаются ими за законы міра. Но здѣсь кстати напомнить, говоритъ Кэри, изреченіе: «что человѣкъ не въ состояніи выдумать въ наукѣ ничего, какъ только одну ложь, и всѣ открытія имъ истины суть только факты». Средневѣковые схоластики проповѣдывали теоріи, изобрѣтенныя ихъ предшественниками греками, и только Бэкону первому пришлось возвѣстать міру ученіе, ведущее къ отысканію истины путемъ наблюденія. Съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени постоянно обнаруживается стремленіе замѣнить мечтанія теоретиковъ тщательными наблюденіями и наведеніями. Затѣмъ явилось желаніе сравнивать разстоянія, количества и величины. Одновременно съ такимъ развитіемъ наблюденія должна была появиться и потребность орудія наблюденія; разстоянія и размѣры во многихъ случаяхъ оказались недоступными для непосредственнаго измѣренія, и вслѣдствіе этого явилась необходимость въ искусственномъ способѣ сравненія разстояній. Такимъ образомъ возникла математика или наука по преимуществу, какъ ее называли греки. «Таблица умноженія даетъ возможность опредѣлять число дней, содержащихся въ извѣстномъ количествѣ недѣль. Столяръ съ помощію аршина опредѣляетъ разстояніе между концами доски. Все это суть орудія, облегчающія приобрѣтеніе знаній. Такое же значеніе имѣютъ и формулы математики, съ помощію которыхъ астрономъ опредѣляетъ величину и вѣсь тѣлъ, отстоящихъ отъ него на миллионы миллионновъ миль».

Подобныя орудія могутъ быть болѣе или менѣе спеціальными, но общій характеръ ихъ по существу остается тотъ же. Задача такихъ орудій очевидно состоитъ въ томъ, чтобы придать возможную степень точности наблюденію и придти къ количественному опредѣленію отношеній между вещами.

Въ этомъ видѣ развитіе всего человѣческаго знанія для Кэри составляло одно послѣдовательное цѣлое, подчиненное одному и тому же наблюдательному методу и зависящее отъ совершенства орудій и средствъ наблюденія и отъ анализа наблюденій, ведущихъ къ опредѣленію количественной зависимости между явленіями. «Математика съ ея анализомъ составляетъ самое высшее и общее орудіе, служащее для опредѣленія такой зависимости, а потому всякое знаніе, желая быть точнымъ, настолько лишь должно быть совершенно въ своей точности, насколько оно успѣло вступить въ союзъ съ математикой. Соціальная наука ни въ чемъ не должна отличаться отъ прочихъ наукъ, а потому къ ней примѣнны вполнѣ всѣ общія разсужденія, касающіяся наблюдательнаго метода и слѣдовательно неизбѣжной связи съ математикой».

Несмотря на несомнѣнную простоту, естественность и убѣдительность такого воззрѣнія, оно до сихъ поръ не можетъ считаться однако вполне усвоившимся не только въ средѣ людей, недоброжелательно расположенныхъ къ точному знанію вообще, но и въ средѣ людей, претендующихъ на титулъ позитивистовъ.

Вообще, какова бы ни была вновь высказываемая идея, она рѣдко можетъ быть понята и усвоена людьми во всемъ ея естественномъ объемѣ и примѣнена съ подобающей широтой. Если ей, послѣ извѣстныхъ усилій, и бываетъ дано право гражданства въ извѣстныхъ предѣлахъ, то все-таки привязанность къ старому заблужденію, потому только что оно старое, порождаетъ со стороны людей непонятное усиліе удержатъ заблужденіе въ какомъ бы то ни было объемѣ. Такъ было и съ положительнымъ методомъ изслѣдованія Бэкона. Послѣдовательное распространение этого метода отъ науки къ наукѣ не обошлось безъ напрасной растраты усилій на сопротивленіе этому методу, безъ задержанія развитія знанія со стороны людей, берущихся за непосильное для нихъ дѣло рѣшенія общихъ вопросовъ.

Такимъ тормазомъ по отношенію къ соціальной наукѣ явился въ первой половинѣ настоящаго столѣтія авторъ «Положительной философіи» Огюсть Контъ. Не обладая ни достаточной разносторонностью познаній, ни, главное, достаточной силой ума, Контъ въ состояніи былъ понять положительный методъ въ тѣхъ чисто эмпирическихъ предѣлахъ, въ которыхъ онъ былъ примѣненъ къ отдѣльнымъ наукамъ въ его время, и эти эмпирическіе предѣлы принялъ за естественно-философскіе и рациональные предѣлы положительнаго изслѣдованія. «Математическій анализъ въ его время примѣнялся къ физикѣ и астрономіи; слѣдовательно, онъ и на будущее время можетъ къ нимъ примѣняться. Но онъ не примѣнялся ни къ химіи, ни къ физиологіи, ни къ социологіи, слѣдовательно онъ къ нимъ непримѣнимъ вообще, и нужно только отыскать объясненіе такой непримѣнимости»: такъ рассуждалъ Контъ.

Само собой разумѣется, что дѣйствительные представители знанія учились положительному методу не у Конта. Само собой разумѣется, что и относительно точнаго метода Контъ вообще повторилъ только то, что было высказываемо гораздо ранѣе его и съ большимъ смысломъ со временъ Бэкона, что книга его по ея содержанію вмѣсто положительной философіи точнѣе должна быть названа книгой «Положительной философіи для однихъ наукъ и неположительной для другихъ». Но она все-таки носила заманчивое, хотя и невѣрное заглавіе положительной философіи; далѣе, она была написана языкомъ популярнымъ и пред-

ставляла цѣльное обозрѣніе системы знанія. Все это дѣлало ее цѣнной для философовъ и популяризаторовъ третьей руки, имѣвшихъ обыкновеніе ограничивать свое философское образованіе одной какой-либо книгой. Все это еще дѣлало ее цѣнной для свѣтскихъ людей, нашедшихъ въ ней руководство, въ которомъ философія была низведена на степень гостиннаго чтенія.

Въ наукѣ Контъ не имѣлъ поэтому никогда никакого значенія, но имѣлъ и имѣетъ до сихъ поръ вліяніе между популяризаторами и читателями, до которыхъ доходятъ научныя истины и приобрѣтенія изъ третьихъ рукъ. Въ этихъ видахъ Кэри не могъ обойти безъ вниманія тѣхъ своеобразностей, которыя Контъ пытался ввести въ теорію научнаго изслѣдованія, того раздѣленія наукъ относительно метода изслѣдованія на двѣ части, которое между прочимъ составляетъ все оригинальное, что есть у Конта, весь экстрактъ контовской философіи. Основаніе, вслѣдствіе котораго Контъ не считаетъ возможнымъ допустить единства науки въ смыслѣ метода, заключается въ слѣдующемъ: «Въ органическихъ наукахъ элементы извѣстны для насъ цѣлаго, и потому въ этомъ случаѣ мы должны идти отъ простаго къ болѣе сложному. Но при изученіи человѣка и общества необходимо слѣдовать обратному методу; человѣкъ и общество, какъ цѣлыя, намъ лучше извѣстны и болѣе доступны для нашего изученія, чѣмъ части, изъ коихъ они состоятъ. При изученіи вселенной цѣлое для насъ недоступно; между тѣмъ какъ при изученіи человѣка и общества трудность заключается въ подробностяхъ. Научное изученіе общественныхъ условій немислимо, если изученіе будетъ производиться по частямъ. Матеріалъ для различныхъ отдѣловъ науки можно заимствовать изъ наблюденій, и даже такого рода наблюденія необходимы, но это ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать наукой. Методическое подраздѣленіе изслѣдованія, которое имѣетъ мѣсто въ простыхъ неорганическихъ наукахъ, совершенно нерационально по отношенію къ наукамъ общественнымъ».

Противъ такого основанія Кэри совершенно справедливо замѣчаетъ, что со стороны Конта такое раздѣленіе наукъ составляетъ шагъ назадъ къ тому, что онъ называетъ метафизической ступенью науки.

Древній философъ точно также сказалъ бы — «эти массы гранита извѣстны намъ лучше своихъ частей, изъ которыхъ онѣ состоятъ, и слѣдовательно, мы ограничимся въ нашихъ изслѣдованіяхъ вопросами: почему онѣ имѣютъ свою теперешнюю форму и отчего занимаютъ свое настоящее положеніе». Но безъ химическаго анализа точно также нельзя изучать и узнать этого

уска камня, проникнуть въ подробности данной горы, какъ
льзя узнать природы общества, наблюдая его въ его цѣломъ
верхностномъ видѣ. Условіе это не есть ничто особенное,
оиственное какому-либо отдѣлу бытія, а условіе общее, коре-
щащееся въ нашихъ средствахъ познания. Мы не имѣемъ воз-
можности, вообще, отъ цѣлаго приходить къ познанію подроб-
стей не потому, чтобы такой путь былъ безусловно невозмо-
женъ, но потому что то, что мы въ этомъ случаѣ называемъ
знаніемъ цѣлаго, не есть вовсе таковое. Если бы мы знали дѣй-
ствительно цѣлое, то мы въ то же время неизбежно знали бы
всѣ подробности, ибо первое немыслимо безъ послѣдняго. Но
и въ томъ, что то, что мы обыкновенно принимаемъ за
знаніе цѣлаго, есть только отвлеченное представленіе или итогъ,
сведенный нами изъ предварительнаго знанія ряда подробно-
стей, но крайне бѣднаго и недостаточнаго ряда подробностей,
цѣлого ряда, который могъ быть полученъ путемъ поверхност-
ного и непосредственнаго наблюденія. Знаніемъ цѣлаго въ та-
кой формѣ и предѣлахъ обладала метафизика, и ея методъ
стоялъ именно въ предположеніи, что она отъ такого цѣлаго
можетъ переходить къ знанію подробностей. Совершенно ту же
способность признаетъ Кантъ за науками общественными и по-
литическими, самъ того не замѣчая, рекомендуетъ для нихъ методъ
метафизическій во всей его чистотѣ и неприкосновенности. Для
метафизиковъ, которые воображали, что такіа представленія цѣ-
лаго не суть итоги предварительнаго наблюденія подробностей,
врожденныя истины, было простиительно надѣяться изъ врож-
денныхъ идей дойти до открытія подробностей явленій. Но для
философа, который разъ долженъ былъ знать, что какія бы то
ни было представленія цѣлаго суть только результаты обобщенія
предварительно узанныхъ подробностей, рѣшиться утверждать,
что какая бы то ни была наука можетъ надѣяться узнать по-
дробности явленій, исходя изъ непосредственнаго представленія
цѣлаго и построить то раздѣленіе наукъ, какое сдѣлалъ Кантъ,
— это было окончательнымъ доказательствомъ философской не-
стоятельности мыслителя.

Въ этомъ отношеніи Кантъ былъ дѣйствительно плохимъ
философомъ, но онъ былъ вѣрнымъ комментаторомъ положенія
своего метода въ его время: запасъ точныхъ наблюденій, кото-
рымъ располагало то время, въ сферѣ общественнаго знанія
былъ столь ничтоженъ въ самыхъ естественныхъ наукахъ; опре-
дѣленіе количественныхъ отношеній и приложеніе математиче-
скаго метода столь ограничено, что распространеніе этого ме-

тогда на всѣ отдѣлы знанія естественно могло представляться обыденнымъ умамъ мало вѣроятнымъ.

Контъ даже не создалъ поэтому того дѣленія, которое проповѣдывалъ, а взялъ его готовымъ изъ господствовавшихъ въ его время обыденныхъ представлений. Много будетъ сказать, что онъ рѣшился принять такое заблужденіе не-спроста, а увлекшись основаніемъ, которое не имѣло въ сущности серьезнаго значенія.

Основаніе это, какъ мы могли видѣть, — если перевести его на болѣе точный языкъ, — заключалось въ ограниченности нашихъ чувствъ, какъ средствъ наблюденія извѣстными предѣлами. Для этихъ чувствъ недоступно въ ихъ невооруженномъ видѣ ни слишкомъ малое, ни слишкомъ великое, ни слишкомъ отдаленное, ни слишкомъ близкое. Человѣкъ съ его соціальной сферой принадлежитъ къ той именно срединѣ, по мнѣнію Конта, въ которой наши чувства могутъ наблюдать сложные явленія въ ихъ цѣлости.

Но дѣло все-таки не въ одной возможности обнимать наблюденіемъ явленія въ ихъ цѣлости, а въ томъ, въ какой мѣрѣ наше наблюденіе и тутъ можетъ быть достаточно для количественнаго опредѣленія отношеній между явленіями. Такой точностью не могутъ похвастать наши чувства относительно какихъ бы то ни было явленій, можемъ ли мы ихъ наблюдать по частямъ, сразу, или не иначе какъ въ связи съ другими. Если же наши непосредственныя наблюденія и здѣсь не могутъ быть достаточно точны, то они и не могутъ служить основаніемъ для точныхъ выводовъ въ томъ случаѣ даже, еслибы сумма наблюденныхъ фактовъ была сама по себѣ достаточно для какихъ-либо точныхъ выводовъ.

Дѣйствительно, помимо замѣчанія, сдѣланнаго по поводу такого основанія для раздѣленія наукъ, Кэри не нужно много проницательности, чтобы убѣдиться, что такое основаніе совершенно ложно.

Если рѣчь идетъ о цѣломъ въ строгомъ смыслѣ, то кто же когда наблюдалъ или изучалъ такое цѣлое? Ни міръ вообще, ни міръ физическій, ни міръ нравственный или общественный, то-есть жизнь человѣчества въ его цѣлости одинаково не доступны нашему наблюденію. Утверждать противное значило бы утверждать очевидную ложь. Если же подъ цѣлостью явленія Контъ разумѣетъ цѣлность относительную, то всякая наука, какова бы она ни была, минералогія, ботаника, химія или социологія начинаютъ съ изученія явленія въ его цѣльномъ видѣ. Будетъ ли это камень, растеніе или общество, знаніе прежде

всего начинается съ разсмотрѣнія его внѣшнихъ свойствъ, наиболѣе доступныхъ наблюденію формы, цвѣта, величины, твердости и упругости. Но ни одно знаніе не ограничиваетъ изученія такимъ внѣшнимъ изслѣдованіемъ, а въ то же время переходитъ къ подробностямъ и становится тѣмъ совершеннѣе и точнѣе, чѣмъ болѣе въ нихъ углубляется. Такимъ образомъ, различіе, придуманное Контомъ, въ сущности вовсе не существуетъ, или оно существуетъ только въ его воображеніи.

«Для насъ было бы невозможно, пишетъ Кэри, проникнуть въ подробности отжившихъ обществъ, если бы мы не жили сами среди обществъ, состоящихъ изъ людей, надѣленныхъ тѣми же свойствами и чувствами, какія существовали у древнихъ. Намъ необходимо сперва изучить подробности окружающей насъ жизни, начиная анализомъ и восходя до синтезиса, какъ это дѣлаетъ химикъ, разлагая кусокъ гранита. Узнавъ, что гранитъ состоитъ изъ кварца, полевого шпата и слюды, и тѣ обстоятельства, при которыхъ минераль появляется въ данной мѣстности, онъ приобретаетъ полную увѣренность, что гдѣ бы въ другомъ мѣстѣ ни былъ найденъ гранитъ, его составъ и положеніе въ ряду формаций будетъ то же самое. Желая уразумѣть прошедшую исторію человѣка или исторію отдаленнаго отъ насъ народа, мы должны начать съ изученія настоящаго, и когда мы овладѣемъ его прошлымъ и настоящимъ, то можно уже предсказать будущее. Для этого мы должны поступать съ обществомъ, какъ химикъ поступаетъ съ кускомъ гранита, разлагая его на части и изучая каждую часть особо; мы должны изслѣдовать, каковы были бы дѣйствія человѣка, если бы онъ былъ предоставленъ самому себѣ и сравнить эти независимыя дѣйствія съ тѣми, какія есть на самомъ дѣлѣ въ обществѣ; затѣмъ, съ помощью того самаго закона, которымъ пользуется математика, физика и фізіологія, то-есть съ помощью закона сложенія силъ, мы можемъ вывести законъ явленій. Но поступая такимъ образомъ, мы отнюдь не слѣдуемъ уже по пути Конта, который указываетъ на отдаленное неизвѣстное,—древнія общества,—какъ на средство для пониманія дѣйствій окружающихъ насъ людей и для предсказанія того, какими они будутъ въ будущемъ. Вслѣдствіе этого извращеннаго и ложнаго метода, Контъ необходимо приходитъ къ выводамъ прямо противоположнымъ прогрессивному движенію мысли; онъ походитъ на врача, который бы ограничился наружнымъ изслѣдованіемъ пациента, не заботясь о состояніи его печени, желудка и легкихъ. Его система соціологін не можетъ объяснить прошлаго и, слѣдовательно, не можетъ быть употреблена для руководства въ будущемъ. Это про-

исходить оттого, что онъ отказывается для социологiи отъ метода точныхъ наукъ, по которому слѣдуетъ изучать близкое, съ цѣлью уразумѣть отдаленное, — настоящее, чтобы уразумѣть прошлое и предсказать въ будущемъ тѣ событія, которыя непременно произойдутъ въ немъ отъ подобныхъ же причинъ.

«Если наука одна и нераздѣльна, то и методъ изученiя долженъ быть одинъ. Справедливость этого въ отношенiи всѣхъ наукъ, лежащихъ въ основанiи социальной науки, физики, химii, физиологiи, не подлежитъ никакому сомнѣнiю въ настоящее время, но существованiе такой тѣсной связи сдѣлалось очевиднымъ въ весьма недавнее время. Съ каждымъ новымъ открытiемъ это сближенiе становится тѣснѣе. Приобрѣтая съ каждымъ часомъ все большій и большій контроль надъ силами природы, человекъ становится возможнымъ жить въ болѣе тѣсной связи съ другимъ человекомъ, заготовлять большій запасъ пищи и одежды, совершенствовать свой образъ жизни и дѣйствiй и давать лучшее образованiе послѣдующему поколѣнiю.

«Знанiе, ведущее къ такимъ результатамъ, должно служить основанiемъ для социальной науки и орудiе, столь успѣшно служившее для возведенiя основанiя зданiя, не можетъ не оказаться столь же пригоднымъ при постройкѣ самого зданiя.

«Къ социальной наукѣ необходимо прилагать математику, какъ она прилагается теперь ко всякой отрасли изслѣдованiя, и чѣмъ болѣе примѣняемъ мы ее, тѣмъ болѣе наука принимаетъ форму реального знанiя».

II.

Таковы вступительныя разсужденiя Кэри относительно положенiя социальной науки въ ряду остальныхъ и метода ея изслѣдованiя. Противъ такихъ разсужденiй едва ли что можно возразить. Объяснивъ такимъ образомъ свой образъ воззрѣнiя на эту сторону предмета совершенно ясно, Кэри переходитъ къ объясненiю настоящаго положенiя науки и къ постановкѣ своей задачи, — задачи, рѣшенiе которой должно лечь въ основанiе социальной науки и составить предметъ ея изслѣдованiя.

Законъ Мальтуса, говоритъ онъ, былъ первымъ приложенимъ математическаго приѣма къ социальному изслѣдованiю. Если бы онъ оказался справедливымъ, то политическая экономiя приобрѣла бы точность, которой она не имѣла. То же самое можно сказать о знаменитой теорiи ренты Рикардо. Употребленный въ обоихъ случаяхъ методъ былъ правильный, и,

бственно говоря, примѣненіе его и выдвинуло этихъ двухъ сателлей въ разрядъ первостепенныхъ экономистовъ. Хотя они шли въ заблужденіе и сдѣлали невѣрный выводъ, но это сколько не должно уменьшать въ нашихъ глазахъ значеніе года, говорить Кэри.

«Въ противоположность означенной теоріи можетъ быть вы-
вано совершенно иное разсужденіе: въ ранній періодъ обще-
ннаго устройства, когда земли много, а людей мало, трудъ
производителенъ, и изъ небольшого количества произведеній
господствующая беретъ весьма значительную часть. Въ итогѣ
доходъ ихъ все-таки незначителенъ, такъ что и работниковъ
капиталистъ бѣдны. Но съ увеличеніемъ народонаселенія са-
мъ трудъ становится производительнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ
вышшеется и доля работника; такимъ образомъ обнаруживаетъ
стремленіе къ установленію равенства состояній».

Оба мнѣнія — мнѣніе Мальтуса и только что выраженное ста-
тъ очевидно социальный вопросъ въ зависимость отъ того от-
ношенія, которое существуетъ между средствами существованія
властью человѣка; между почвой и производительностью труда.

Какое это отношеніе въ дѣйствительности, этого нельзя рѣ-
шить а priori никакимъ образомъ. Для рѣшенія этого вопроса
очевидно нужно предварительное знаніе химіи, физики, физіо-
логіи, механики и пр., словомъ, законовъ природы, которымъ
подчинена совокупная дѣятельность почвы и человѣка въ отно-
шеніи производства пищи. Обончательное рѣшеніе этого вопро-
са должно выразиться математической формулой, которая опре-
дѣлитъ количественное измѣненіе производительности труда въ
функции отъ населенія, а пока такого рѣшенія нѣтъ, до тѣхъ
поръ немыслима социальная наука.

Между тѣмъ химія и физіологія, продолжаетъ Кэри, сами
сложились весьма недавно, и еще менѣе могла развиваться социаль-
ная наука, какъ болѣе другихъ зависящая отъ ранѣе ея воз-
никшихъ наукъ, какъ самая трудная по собиранію и анализу
фактовъ, и слѣдовательно позднѣйшая по времени своего появ-
ленія. Притомъ, въ сравненіи съ другими науками она терпѣла
еще одно весьма существенное неудобство. Занимаясь отноше-
ніями человѣка къ человѣку, она всегда встрѣчала противудѣй-
ствіе тѣхъ, которые стремились достигнуть власти и привиле-
гій на счетъ своихъ ближнихъ. Вслѣдствіе этихъ причинъ со-
ціологія не могла возвыситься до сихъ поръ до степени науки,
а походила болѣе на астрономію халдейскихъ пастуховъ, чѣмъ
на дѣйствительное знаніе.

«Наука требуетъ законовъ, говоритъ Кэри, а законы суть

универсальныя истины. Но гдѣ же въ социальной наукѣ такое положеніе, которое было бы всѣми признано. «Столѣтіе тому назадъ считали, что сила народа возрастаетъ съ населеніемъ; потомъ стали доказывать, что возрастаніе населенія приноситъ съ собою истощеніе. Изъ учениковъ Мальтуса и Рикардо едва ли двое согласны во взглядахъ на теорію своихъ учителей. Усерднѣйшіе сторонники отмѣны стѣсненій въ торговлѣ сузами принадлежатъ къ числу рьянѣйшихъ противниковъ свободной торговли деньгами; а восторженнѣйшіе друзья конкуренціи и продажѣ товаровъ суть рьянѣйшіе противники конкуренціи относительно торговли временемъ и искусствомъ работника. Писатели, учащіе о невмѣшательствѣ правительства въ дѣло народа за распространеніемъ знанія, суть въ то же время самые рѣшительные сторонники вмѣшательства, когда дѣло идетъ о мѣрахъ, ведущихъ къ войнѣ и разоренію. Однимъ словомъ, тутъ все до крайности сбивчиво и ничего нѣтъ установившагося. Міръ смотритъ на это спокойно, ожидая того времени, когда ученые согласятся между собой, чему же наконецъ слѣдуетъ вѣрить».

Между этими предметами споровъ и противорѣчій, наполняющихъ социальную науку, вопросъ объ отношеніи между возрастаніемъ средствъ и населенія, вопросъ о производительности труда или отношенія почвы къ человѣку, составляетъ основной вопросъ для социальной науки, отъ разрѣшенія котораго зависитъ все ея направленіе. Поэтому устраненіе перечисленныхъ разнорѣчій въ социальной наукѣ должно начаться съ этого вопроса, и этому - то вопросу собственно Кэри и посвящаетъ все свое сочиненіе.

Мальтусъ смотрѣлъ на него своимъ образомъ, Кэри принимаетъ другое воззрѣніе, противоположное Мальтусу. Свое воззрѣніе Кэри считаетъ болѣе справедливымъ прежде всего потому, что оно кажется ему болѣе согласнымъ съ общими законами природы, чѣмъ воззрѣніе Мальтуса.

Предметъ социальной науки составляетъ человѣкъ, какъ члѣстица общества. Наравнѣ со всѣми остальными животными онъ требуетъ пищи, но главную его потребность составляетъ сообщество съ другими людьми. Появляясь на свѣтъ слабѣйшимъ и беззащитнѣйшимъ изъ всѣхъ животныхъ, онъ въ дѣтствѣ нуждается въ наибольшемъ попеченіи, а самую одежду ему должны доставлять другіе, тогда какъ о птицахъ и животныхъ позаботилась сама природа. Будучи въ состояніи достигать высшей степени знанія, онъ появляется на свѣтъ лишеннымъ даже тѣхъ инстинктовъ, которые научаютъ пчелу, паука и пр. строить

и жилища. Находясь въ зависимости отъ опытности другихъ юсительно приобрѣтенія знанія, онъ нуждается въ языкѣ для передачи другимъ своихъ наблюдений. Но языкъ немислимъ въ существованія общества; и дѣйствительно, мы нигдѣ не находимъ человѣка, живущимъ одиноко.

Великій законъ молекулярнаго притяженія является такимъ образомъ, по мнѣнію Кэри, необходимымъ условіемъ для существованія человѣка. Необходимость заставляетъ человѣка тяготѣть къ другимъ людямъ. И чѣмъ больше людей находится въ томъ мѣстѣ, тѣмъ сильнѣе обнаруживается притягательная сила такого центра, «какъ это доказываютъ величайшіе города нашего міра: Ниневія, Вавилонъ, Аѳины, Римъ».

Но если это такъ, почему же всѣ люди не стремятся собраться въ одномъ какомъ-либо мѣстѣ земного шара? Это происходитъ, говоритъ Кэри, на основаніи того же всеобщаго закона, который поддерживаетъ порядокъ въ окружающемъ насъ мірѣ. Каждая частица вещества, кромѣ общаго центра притяженія, имеетъ свой мѣстный центръ притяженія. Если бы его не существовало, луна упала бы на землю; земля упала бы на солнце, всякая жизнь прекратилась бы въ тѣхъ пространствахъ, въ которыхъ она теперь происходитъ. Точно также и въ обществѣ. Централизующее стремленіе главнаго города значительно централизуется существованіемъ противоположныхъ центровъ и периферическихъ городовъ. Уничтожьте эти второстепенные центры, — главный городъ будетъ возрастать въ ущербъ мѣстной жизни. Мѣстѣ съ тѣмъ, какъ показываетъ повсемѣстный опытъ, будетъ дѣйствовать сила мѣстной ассоціаціи, уступая мѣсто принудительной центральной ассоціаціи съ завоевательными дѣлами.

Страницы исторіи, по словамъ Кэри, самымъ очевиднымъ образомъ доказываютъ, что склонность къ ассоціаціи всюду возрастала съ увеличеніемъ числа и силы мѣстныхъ центровъ притяженія. Такіе центры существовали въ древней Греціи. Мѣстная ассоціація достигала здѣсь такихъ размѣровъ, какъ нигдѣ прежде; вмѣстѣ съ тѣмъ проявилось стремленіе къ центральной ассоціаціи въ учрежденіи олимпійскихъ игръ и Амфиктіонова союза. Къ сожалѣнію эта послѣдняя проявилась однако недостаточно рѣзко. Притягательная сила солнца этой системы не въ состояніи была поддержать порядокъ въ движеніи планетъ, которыя поэтому часто соскакивали съ своихъ путей и наталкивались другъ на друга; результатомъ такихъ столкновеній было учрежденіе центральнаго управленія. Съ этихъ поръ народонаселеніе городовъ потеряло всякую охоту къ ассоціаціямъ и стало искать правосудія въ Аѳинахъ. Изложенныя условія управ-

ляютъ веществомъ во всѣхъ его формахъ — уголь ли это, жѣлѣзо или люди. Въ справедливости всего этого читатель можетъ убѣдиться, если подумаетъ о тѣхъ выгодахъ, которыя онъ извлекаетъ изъ ассоціаціи съ себѣ подобными. Онъ убѣдится, что способность къ прогрессу находится у него въ прямомъ отношеніи съ умѣньемъ соединить свои усилія съ дѣятельностью ближнихъ, что его матеріальная и интеллектуальная производительность возрастаютъ съ увеличеніемъ ассоціаціи.

Но, какъ показываютъ тѣ же наблюденія, способность мѣстной и самостоятельной ассоціаціи неразрывна съ однимъ и тѣмъ же развитіемъ въ человѣкѣ двухъ весьма важныхъ качествъ: развитія индивидуальности, или личной независимости и привычки отвѣчать за свои поступки. Какъ эти качества развиваются съ мѣстной ассоціаціей, такъ же они исчезаютъ въ мѣстѣ съ централизаціей. Рабъ столь же мало отвѣтственъ за свои поступки, какъ безсловесное животное, и всѣ рабы столь же мало похожи другъ на друга, какъ послѣднія. Ассоціація является поэтому не только началомъ устраивающимъ матеріальный бытъ человѣка, но возвышающимъ и совершенствующимъ его нравственную природу.

Для того, чтобы была возможна ассоціація, необходимы вѣстныя условія и прежде возможность обмѣна услугъ между людьми, а для этого необходимо разнообразіе занятій.

Двумъ земледѣльцамъ, двумъ сапожникамъ или кузнецамъ почти нечѣмъ обмѣниваться другъ съ другомъ. Поэтому, если мы заселимъ одну страну земледѣльцами, другую кузнецами, то ни внутри первой, ни внутри второй не будетъ происходить значительныхъ обмѣновъ, и обмѣнъ будетъ возможенъ только между жителями первой и второй страны. Но величина такихъ обмѣновъ между лицами, которыя удалены другъ отъ друга на значительное разстояніе, будетъ также только ограничена и во всякомъ случаѣ менѣе значительна и болѣе затруднительна, чѣмъ если бы эти разнообразныя производства жили рядомъ. Величина обмѣновъ и стремленіе къ ассоціаціи возникаетъ поэтому только съ разнообразіемъ занятій. Поэтому въ началѣ общества, когда разнообразіе занятій мало развито, мало развита и сила мѣстной ассоціаціи; вмѣстѣ съ тѣмъ мало развита и индивидуальность, и общество на этой ступени экономическаго развитія мало представляетъ сопротивленія, а напротивъ легко подчиняется рабству и централизаціи.

«Аттилъ было такъ легко собрать свои орды и перевести ихъ въ Европу потому именно, что онъ имѣлъ дѣло съ населеніемъ, которое ничѣмъ ни привязывалось къ мѣсту своего по-

селения и между которыми не существовало никакой мѣстной ассоціаціи и разнообразія занятій».

Разнообразіе занятій, обмѣнъ услугъ и развитіе мѣстной жизни такимъ образомъ неразрывны другъ съ другомъ, и это условіе повторяется не только въ мірѣ общественномъ, но во всей природѣ. Мѣстное движеніе вездѣ составляетъ противовѣсъ централизаціи и смерти, а потому чѣмъ сильнѣе такое движеніе, тѣмъ сложнѣе форма жизни, тѣмъ значительнѣе ея сила сопротивленія къ тяготѣнію, тѣмъ больше децентрализація; органическая жизнь выдѣляется изъ неорганической, и чѣмъ больше такое движеніе, тѣмъ болѣе совершенствуются его формы, переходя отъ простѣйшихъ формъ къ человѣку.

Съ каждымъ шагомъ на пути возрастанія обмѣна услугъ и мѣстной жизни, человѣкъ точно также пріобрѣтаетъ возможность пользоваться новыми силами природы и болѣе сберегать свой трудъ и противопоставлять болѣшую силу сопротивленія. Сопротивленіе тяготѣнію во всемъ мірѣ находится въ прямомъ отношеніи съ организаціей. Низшія формы растений состоятъ изъ простѣйшихъ организмовъ, которые ежегодно умираютъ, тогда какъ высшія формы, какъ дубъ, живутъ столѣтія.

То же самое повторяется и съ человѣкомъ: чѣмъ больше усложняется его общественная жизнь, тѣмъ болѣе разнообразятся его занятія, тѣмъ болѣе его общество должно представляться защищеннымъ отъ враждебныхъ ему силъ, и тѣмъ болѣе оно представляетъ задатковъ для дальнѣйшаго существованія. При такихъ условіяхъ и производительность человѣческаго труда не можетъ быть очевидно величиной убывающей, говоритъ Кэри, а должна возрастать съ ассоціаціей и разнообразіемъ занятій.

«Взглядъ этотъ,—продолжаетъ Кэри,—во всемъ однако отличается отъ извѣстнаго подъ именемъ Мальтусова закона и утверждающаго, что народонаселеніе стремится къ возрастанію въ геометрической прогрессіи, тогда какъ запасы пищи могутъ увеличиваться лишь въ прогрессіи арифметической. Сказать это то же самое, что сказать слѣдующее: «Вещество стремится принимать низшія формы, какъ-то формы рѣпы, моркови, картофеля въ арифметической прогрессіи; между тѣмъ относительно высшихъ формъ стремленіе это усиливается, и вещество стремится умножаться въ этихъ формахъ въ геометрической прогрессіи. Безчисленные папоротники готовятъ почву для одного дуба, но дойдя до высшей формы, на которую способно вещество, до человѣка, мы узнаемъ о существованіи новаго великаго закона, на основаніи котораго человѣкъ умножается въ геометрической прогрессіи; тогда какъ размноженіе сельдей, кро-

ликовъ, устрицъ и всѣхъ другихъ предметовъ первой необходимости совершается только въ арифметической. Таковъ необыкновенный законъ—прибавляетъ Кэри, предлагаемый Мальтусомъ. Какъ онъ ни страненъ, но никакое положеніе, когда-либо высказанное, не пользовалось такимъ авторитетомъ. Этимъ оно отчасти обязано тому, его подтверждающему одновременному предположенію, что человѣкъ всюду начиналъ земледѣліе съ болѣе богатой почвы болотъ и рѣчныхъ прибрежій; но съ умноженіемъ населенія долженъ былъ браться за худшую почву. Поэтому Кэри обращается прежде всего къ опроверженію этого послѣдняго предположенія.

Сколь ни остроумно можетъ показаться нѣкоторымъ приведенное замѣчаніе Кэри, тѣмъ не менѣе справедливость заставляетъ насъ замѣтить тутъ же, что оно совершенно неосновательно.

Каковъ бы ни былъ законъ Мальтуса, справедливъ или нѣтъ; но онъ вовсе не говоритъ того, что приписываетъ ему Кэри.

Мальтусъ, утверждая, что человѣкъ размножается въ геометрической прогрессіи, не утверждаетъ въ то же время вовсе, чтобы картофель и рѣпа размножались въ арифметической прогрессіи; напротивъ того, его законъ допускаетъ совершенно размноженіе рѣпы въ прогрессіи еще болѣе быстрой, чѣмъ та, по которой размножается человѣкъ, и тѣмъ не менѣе сохраняетъ свою силу. Дѣло въ томъ, что Мальтусъ въ то же время видитъ, что размноженіе человѣка и рѣпы совершается подъ совершенно различными условіями, между тѣмъ какъ Кэри этого не замѣчаетъ вовсе. Мальтусъ очень хорошо знаетъ, что какъ бы быстро ни размножалась рѣпа, она въ то же время поѣдается человѣкомъ, между тѣмъ какъ человѣкъ не поѣдается никѣмъ.

Кэри же рассуждаетъ такимъ образомъ, какъ если бы рѣпа и картофель не подвергались насильственному уничтоженію человѣкомъ. Если бы это было такъ, тогда конечно не было бы и вопроса о томъ, кто размножается быстрѣе — пища или человѣкъ. И вопросъ этотъ возникаетъ именно вслѣдствіе того, что пища подвергается уничтоженію человѣкомъ по мѣрѣ ея рожденія; между тѣмъ какъ человѣкъ нарождается, не поступая въ пищу другимъ животнымъ. При такомъ условіи, какъ бы быстро ни наростала пища, если она уничтожается быстрѣе, чѣмъ можетъ наростать, ее можетъ оказаться недостаточно. Такимъ образомъ, взглядъ Мальтуса не требуетъ никакихъ противорѣчій въ законахъ природы; напротивъ, онъ допускаетъ болѣе быстрое размноженіе низшихъ формъ, но онъ въ то же время

указываетъ на различіе, которое существуетъ между естественнымъ размноженіемъ, нестѣсняемымъ никакими побочными условіями, и размноженіемъ пищи, которое можетъ явиться подъ условіемъ уничтоженія этой пищи человѣкомъ и свободного размноженія человѣка. Между тѣмъ, Кэри этого различія не замѣчаетъ вовсе. Имѣя въ виду это различіе, Мальтусъ и утверждаетъ, что такое различіе не можетъ существовать въ дѣйствительности иначе, какъ въ извѣстныхъ предѣлахъ, за которыми размноженіе пищи не въ состояніи поспѣвать за размноженіемъ человѣка, вслѣдствіе чего къ человѣку начнетъ примѣняться то же условіе, въ какое оно ставитъ пищу, то - есть насильственное уничтоженіе человѣка путемъ голода.

Разсужденіе Мальтуса очевидно глубже, логичнѣе разсужденія Кэри, и для того, чтобы опровергнуть его, Кэри мало доказать, что естественное размноженіе рѣпы совершается въ той же прогрессіи или даже болѣе быстрой, чѣмъ размноженіе человѣка; нужно доказать, что это размноженіе можетъ совершаться въ совершенно произвольной прогрессіи или по крайней мѣрѣ бесконечно болѣе быстрой, чѣмъ размноженіе человѣка, иначе рано или поздно должно опасаться недостатка въ пищѣ, и положеніе Мальтуса окажется справедливымъ. Для того же, чтобы доказать это, нужно доказать, что производительность человѣческаго труда не уменьшается съ населеніемъ.

Что касается технической обработки сырья, то въ этомъ отношеніи никто не отрицаетъ возрастанія производительности человѣческаго труда, спорять только о томъ, чтобы эта производительность могла возрастать и даже оставаться постоянно относительно производства самаго сырья. Пониженіе производительности труда въ этомъ послѣднемъ отношеніи выводить изъ нѣсколькихъ естественныхъ причинъ, какъ-то:

1) Изъ ограниченности самаго запаса производительныхъ силъ въ данной единицѣ или пространствѣ почвы, вслѣдствіе чего новая единица работы, приложенная къ тому же участку, не можетъ приносить того же дохода или выработки, какъ предыдущая.

2) Изъ разстоянія участка или мѣста производства отъ мѣста потребленія, вслѣдствіе чего обработка той же суммы продукта на дальнемъ участкѣ обходится дороже, чѣмъ на ближайшемъ.

3) Изъ различнаго качества участковъ, вслѣдствіе чего лучшіе участки приносятъ болѣе доходъ чѣмъ худшіе, и если они занимаются ранѣе худшихъ, ведутъ къ постепенному пониженію производительности труда.

Сумма всѣхъ подобныхъ условій, являющихся источникомъ

ренты, и была схематически примѣрно выражена у Рикардо въ его теоріи ренты, схемой постепеннаго перехода обработки отъ лучшихъ къ худшимъ участкамъ.

Кэри эту схему принимаетъ въ буквальный смыслъ, какъ единственную дѣйствительную причину возникновенія ренты, и въ этихъ видахъ прежде всего обращается къ доказательству, что такое послѣдовательное занятіе участковъ отъ лучшихъ къ худшимъ не согласно съ дѣйствительностью. Отожествляя такое занятіе участковъ съ теоріей ренты Рикардо, онъ думаетъ достаточнымъ опровергнуть его для уничтоженія теоріи Рикардо.

Но мы будемъ помнить, что онъ имѣетъ дѣло только съ частнымъ примѣромъ, опроверженіе котораго не затронетъ еще вовсе прочихъ и болѣе общихъ основаній теоріи ренты и пониженія производительности земледѣльческаго труда.

Какъ бы то ни было, что касается въ частности опроверженій Кэри въ этомъ отношеніи, то онѣ крайне любопытны и поучительны, и въ нихъ сосредоточена немалая заслуга, принесенная Кэри экономической наукѣ, если не въ смыслъ разъясненія главнаго вопроса, — вопроса о производительности труда, то въ смыслъ болѣе скромнаго и частнаго вопроса, историческаго расположенія человѣческихъ поселеній.

Человѣкъ повсюду, пишетъ Кэри, начиналъ свою дѣятельность какъ охотникъ, живя добычею. Позднѣе онъ становится пастухомъ. Въ первомъ случаѣ 800 десятинъ земли даютъ столько же пищи, сколько въ состояніи дать $\frac{1}{2}$ десятины воздѣланной земли. Во второмъ — точно также общества людей должны кочевать на значительныхъ пространствахъ для приобрѣтенія пищи. Переходъ къ земледѣльческому состоянію можно также доказать и фактами; можно точно также доказать, что человѣкъ начиналъ съ заселенія такихъ мѣстъ, которыя давали сравнительно скудные жатвы.

Первые поселенцы, вышедшіе изъ Англіи, осѣли на скудной почвѣ Масачузета и основали колонію Плимутъ. Передъ ними лежалъ весь континентъ; но они должны были взяться за то, что было доступнѣе ихъ скуднымъ средствамъ. Другія поселенія были основаны въ Нью-Портѣ и Нью-Гавенѣ, и отсюда можно слѣдить, какъ колонисты, направляясь по теченію рѣкъ, стремились всегда занимать возвышенности, оставляя на долю потомковъ осушеніе болотъ и истребленіе лѣсовъ.

Плодородныя мѣстности Новой Англіи, до сихъ поръ еще не воздѣланы, между тѣмъ какъ болѣе производительныя занятія только въ послѣднія 40 лѣтъ. Въ Нью-Йоркѣ повторяется то же: самая скудная почва острова Монатонъ и возвышенныя морскіе

берега заселились весьма рано; тогда какъ самая богатая почва низменныхъ мѣстностей еще теперь не воздѣлана. Въ Нью-жерсеѣ квакеры заняли возвышенныя мѣстности у истоковъ и теченію Делаваара, между тѣмъ какъ болѣе плодородная почва ютивуположнаго берега Пенсильваніи остается до сихъ поръ воздѣланной.

Этотъ фактъ Кэри слѣдитъ повсюду въ сѣверо-американскихъ поселеніяхъ. Вездѣ, говоритъ онъ, первые поселенцы изыскивали рѣчныхъ долинъ по причинѣ лихорадокъ и искали сухого вѣста на возвышенностяхъ и горныхъ хребтахъ, дававшихъ имъ урожай.

Болѣе плодородная почва находится подъ лѣсомъ или болотами, требуетъ осушки и расчистки, и потому обработка ея неиступна слабымъ средствамъ первобытнаго работника. Та же причина, которая побуждаетъ его, прежде чѣмъ выстроить каменный домъ, сложить наскоро бѣдный шалашъ, заставляетъ его взяться прежде за скудную почву, лишь бы получить съ нея хотя какой бы то ни было сборъ. Поэтому всюду, гдѣ были дѣланы попытки завести поселенія на лучшей почвѣ, онѣ развалились весьма медленно. Такъ было съ французскими поселеніями въ Луизианѣ и Каннѣ.

«Ни одинъ человѣкъ, ограниченный своими собственными силами, не станетъ готовить къ обработкѣ болѣе плодородную почву, потому что, начини онъ осушать болотистую почву, онъ навѣрно умретъ съ голоду ранѣе, нежели сдѣлаетъ почву годной къ воздѣлыванію. На возвышенной же мѣстности поселенецъ по крайней мѣрѣ можетъ добывать для себя хотя скудное пропитаніе».

По ту сторону Рио-Гранде, въ Мексикѣ, читатель можетъ найти широкое доказательство такого занятія земли. Не далеко отъ ея устья лежитъ городъ, основанный въ новѣйшія времена. Слѣдуя по рѣкѣ мимо роскошныхъ, еще вовсе невоздѣланныхъ пространствъ до устья Сень-Жуана и поднимаясь затѣмъ вверхъ, читатель достигаетъ довольно заселенной страны, главнымъ городомъ которой служитъ Монтерей. Сѣвернѣе, на возвышенныхъ пространствахъ Чихуахуа онъ видитъ, что земледѣліе удалено отъ рѣчныхъ береговъ; тогда какъ на западъ отъ Монтерея онъ идетъ по песчанымъ равнинамъ, которыя, несмотря на то, населены. Достигнувъ Потоси, онъ находитъ страну вовсе лишенную рѣкъ, въ которой продолжительность періодическихъ дождей влечетъ за собой голодъ и смерть, а внизъ по теченію къ морскому берегу тянется прекрасная страна, орошенная многочисленными рѣками, въ которой хлопокъ и индиго ра-

стутъ въ днѣомъ состояніи и которая могла бы снабдить военную сахаромъ. Однако страна не расчищена, потому что лица, могущія при своихъ настоящихъ средствахъ посвятить себя этому дѣлу, или голодаютъ, или умираютъ отъ лихорадки.

Переѣзжая черезъ океанъ въ Англію, видимъ также, что колыбелью земледѣлія здѣсь служили мѣстности и мѣстечки, пришедшія нынѣ въ упадокъ или гдѣ живутъ люди, незнающіе грамоты, зарабатывая не болѣе 7—8-ми шиллинговъ въ недѣлю. Дворецъ норманскихъ королей находится въ Винчестерѣ, не въ долинѣ Темзы; тогда какъ южный Ланкаширъ съ его волнующимися нивами есть страна, болота которой послужили гробницей норманскому завоевателю.

Мѣста, позднѣе всѣхъ занятыя культурой были болота Ланкошира и Кембриджшира, которые теперь даютъ лучшіе сборы и которые не имѣли никакой цѣны, пока паръ не былъ примѣненъ къ земледѣлію. Чтобы отыскать мѣста древнѣйшаго земледѣлія въ Шотландіи читатель долженъ забраться въ отдаленнѣйшіе округа, служащіе въ настоящее время пастбищемъ лишь какой-нибудь парѣ коровъ; тогда какъ плодороднѣйшія пастбища онъ находитъ на берегахъ Твиды, в которыхъ еще недавно обитали варвары, находившіе въ охотѣ и убожествѣ въ хищническихъ набѣгахъ на Англію.

Во Франціи во времена Цезаря мы находимъ значительнѣйшія племена осѣвшими на склонахъ Альповъ. Отыскивая мѣста значительныхъ городовъ временъ Филиппа-Августа, каковы Шалонъ, Сень-Кантенъ, Соассонъ, Реймсъ, Троа, Нанси, Орлеанъ, Дижонъ, Нимъ, Тулуза, мы находимъ ихъ при верховьяхъ рѣкъ или на возвышенностяхъ. Въ Бельгіи мы находимъ бѣдный Лимсбургъ и Лимбургъ воздѣланными еще въ древнѣйшія времена; между тѣмъ какъ плодородная Фландрія до XVII-го в. находилась въ состояніи непроходимой пустыни. Сѣвернѣе мы находимъ народъ, предки котораго пришли съ береговъ Дона въ плодородныя долины Сѣверной Германіи и подъ конецъ избрали своимъ мѣстопробываніемъ горы Скандинавіи. Въ этой странѣ повсемѣстно находятся слѣды древняго земледѣлія на возвышенностяхъ, которыя въ настоящее время давно покинута. Этотъ фактъ принялъ здѣсь такіе размѣры, что имъ покрѣпляли мнѣніе, будто бы этотъ полуостровъ былъ тѣмъ сѣвернымъ улемъ, изъ котораго вышли полчища, запрудившія Южную Европу и т. д.

Подобнымъ пространномъ рядомъ фактовъ Кэри доказываетъ постепенный переходъ обработки отъ худшихъ земель къ лучшимъ. Фактъ этотъ можетъ казаться считаться, какъ фактъ, имѣ

нѣ доказаннымъ, по крайней мѣрѣ, что касается низменностей и болотъ. И тѣмъ не менѣе фактъ этотъ, несмотря на доказанность, мало способствуетъ въ сущности доказательству прогрессивнаго хода производительности земледѣльческаго труда или опроверженію въ корнѣ положенія Мальтуса, которое есть въ виду Кэри. Доказательствомъ послѣдовательнаго перемѣна обработки съ худшихъ участковъ на лучшіе дѣйствительно уничтожается повидимому одна изъ причинъ ренты, и именно послѣдняя изъ трехъ причинъ ренты, которыя мы перечислили выше, но и то только подъ извѣстнымъ условіемъ. Трудъ прилагается все къ лучшей и лучшей почвѣ, слѣдовательно на первый взглядъ производительность его должна очевидно возрастать, худшіе участки приходятъ въ запустѣніе, и выработка на послѣднемъ по качеству обработанномъ участкѣ, а слѣдовательно и рабочая плата возвышаться. Но не трудно видѣть, что подобный выводъ былъ бы пока еще преждевремененъ, что если выработка и переходитъ отъ худшихъ къ лучшимъ участкамъ, то только при томъ же количествѣ труда, и не иначе какъ вслѣдствіе затратъ лишняго труда на расчистку лучшей почвы. Выводъ Кэри былъ бы совершенно справедливъ, если бы на обработку лучшей десятины переносилось просто то же количество труда, которое тратилось прежде на худшую. Но самъ же Кэри говоритъ намъ, что лучшая десятина болотистая не обрабатывалась прежде потому, что обработка ея требовала больше труда, чѣмъ обработка нагорной десятины. Такимъ образомъ, хотя обработка и переходитъ на лучшую десятину, но не иначе какъ съ увеличеніемъ истрачиваемаго на эту обработку труда, хотя новая десятина и даетъ лучшую жатву, но эта жатва стоитъ большаго труда. Гдѣ же здѣсь доказательство возвышенія производительности труда? Эта производительность, какъ извѣстно, выражается отношеніемъ урожая къ количеству затраченнаго на него труда, это отношеніе не станетъ больше, если, увеличивъ его числителя или урожай, мы въ то же время должны будемъ увеличить и знаменателя или количество труда, и вопросъ можетъ рѣшиться только точнымъ опредѣленіемъ прогрессій, въ которыхъ измѣняются обѣ величины.

Кэри полагаетъ, что эти прогрессіи дѣйствительно согласуются съ пониженіемъ стоимости производствъ. «Земля,—говоритъ Кэри,—есть великая машина данная человѣку. Но она служитъ для него богатствомъ лишь настолько, насколько онъ умѣетъ ею пользоваться. Чѣмъ больше онъ господствуетъ надъ ней, тѣмъ лучше она его кормитъ, потому что каждый шагъ посто-

янно подготовляетъ новый, болѣе производительный, требующій меньше труда и дающій болѣе богатый сборъ».

Расчистка подъ пашню лѣсныхъ пространствъ требуетъ большого труда, но сборъ съ нихъ незначителенъ, такъ какъ почва покрыта древесными корнями и пнями.

Съ каждымъ годомъ усиливается гніеніе послѣднихъ и почва становится плодороднѣе; тогда какъ трудъ вспахиванія земли значительно облегчается. Дренажъ начинается по близости рѣкъ, гдѣ трудъ всего тяжеле и притомъ осушается только весьма малое пространство земли.

Нѣсколько дальше отъ берега то же количество труда окупаютъ втрое большее пространство, благодаря уже прежде произведеннымъ работамъ. Удобрить известью пятнадцать моргенъ глинистой почвы гораздо легче, чѣмъ расчистить изъ-подъ лѣса одинъ моргенъ, и при всемъ томъ этотъ меньшій трудъ удваиваетъ сборъ. Человѣкъ, нуждающійся въ небольшомъ количествѣ топлива, употребляетъ много труда на разработку каменноугольной копи. Расширивъ послѣднюю настолько, чтобы можно было употреблять въ дѣло тачку, онъ прилагаетъ сравнительно меньше труда, но получаетъ значительно большіе сборы. Первая желѣзная дорога проводится мимо городовъ, между тѣмъ небольшой вѣтви ея, на которыя тратится значительно меньше труда, приносятъ въ сообщеніе съ главной линіей втрое большее число людей. Ферма стоитъ теперь дорого, потому что владѣлецъ ея ежегодно въ теченіи долгаго времени получалъ съ нея тысячу бушелей, между тѣмъ какъ въ то время, когда она въ теченіи столѣтій лежала безъ всякаго употребленія, накопила свое плодородіе, она не имѣла почти никакой цѣны.

Такимъ образомъ, Кэри не забываетъ того, что переходъ обработки къ лучшимъ участкамъ сопровождается увеличеніемъ труда, но онъ въ то же время думаетъ, что если лучшіе урожаи достаются народу современемъ не даромъ, а на счетъ капитала вкладываемаго въ почву, то эти капитальные улучшенія съ избыткомъ вознаграждаются урожаями. Противъ этого нужно только замѣтить, что, къ сожалѣнію, Кэри не провѣряетъ своихъ предположеній никакими точными расчетами.

Затѣмъ остаются два другіе источника ренты.

III.

Все дальнейшее содержание трудов Кэри действительно посвящено опровержению второго источника ренты, или доказательству послѣдовательнаго уменьшенія части стоимости производства, простирающейся изъ разстоянія мѣста производства отъ мѣста потребленія. То орудіе, которое дѣлаетъ возможнымъ переходъ обработки отъ бесплодныхъ нагорныхъ участковъ къ болѣе плодотворнымъ, есть увеличеніе населенія, разнообразія занятій, орудій, ошений и ассоціаціи между людьми. Та же самая ассоціація, разнообразіе занятій и децентрализація или развитіе мѣстной жизни, являющееся на смѣну централизаціи, ведетъ къ послѣдовательному уменьшенію разстояній между мѣстами производства мѣста и его потребленія, и слѣдовательно удешевляетъ стоимость его производства. А такъ какъ историческая жизнь общества идетъ отъ централизаціи къ децентрализаціи, то отсюда слѣдуетъ и историческое пониженіе стоимости производства.

Въ періодъ юношескаго состоянія общества, когда люди воздѣлываютъ плохую почву, возможна только низшая степень ассоціаціи. Но когда народонаселеніе нарастаетъ, тогда начинаютъ пролагаться дороги и воздѣлываться лучшія земли. Лавка и мельница подвигаются къ поселенцу, и у него остается больше времени для улучшенія земли, а потому сборы съ нея возрастаютъ. Шерсть превращается на мѣстѣ же въ сукно, и земледѣлецъ прямо обмѣнивается съ фабрикантомъ. Кожевенникъ даетъ ему за шкуры кожи, а бумажный фабрикантъ обмѣниваетъ его тряпье на бумагу и т. д. Чѣмъ болѣе подвигаются мѣста обмѣна и обработка сырья къ мѣстамъ его производства, тѣмъ незначительнѣе потеря въ общемъ процессѣ производства на провозъ, и тѣмъ незначительнѣе растрата питательнаго матеріала почвы. Человѣкъ, которому дана пища съ условіемъ, чтобы онъ годъ ничего не дѣлалъ, сдѣлался черезъ это бѣднѣе, потому что ферма его вмѣсто того, чтобы улучшаться отъ годичной культуры, ухудшилась, пролежавъ въ заустѣннѣ, между тѣмъ какъ онъ еще даромъ тратилъ бы лошадей и телѣгу на перевозъ даровой пищи себѣ на домъ. Послѣ пищи топливо есть предметъ первой важности. Въ то время, когда человѣкъ отапливаетъ свой домъ, онъ расчищаетъ также землю. Точно также онъ выигрываетъ вдвойнѣ, когда для постройки своего дома собираетъ камни съ своего собственнаго поля, потому что онъ въ одно и то же время строитъ домъ и очищаетъ поле отъ камней. Напротивъ, когда онъ будетъ возить топливо или камень

извнѣ, то онъ будетъ въ явной потерѣ, потому что его собственная земля не будетъ при этомъ улучшаться.

Всѣми вышеприведенными фактами Кэри повидимому хочетъ сказать, что производство растеть и удешевляется не только на счетъ одного увеличенія размѣра капитала, прилагаемаго къ обработкѣ поземельной единицы, а въ то же время еще на счетъ другихъ причинъ, на которыя не было обращено вниманія.

Съ увеличеніемъ капитала, прилагаемаго къ обработкѣ, является возможность не только получать большій доходъ съ тѣхъ же участковъ, но обрабатывать участки собственно лучшаго качества, болѣе благодарные въ конечномъ счетѣ, но обработки которыхъ невозможна при маломъ капиталѣ. Далѣе, съ увеличеніемъ населенія и разнообразіемъ занятій уменьшаются траты на обмѣнъ услугъ и провозъ предметовъ; уменьшается, словомъ, работа бесполезныхъ сопротивленій, и потому производство дешевѣетъ независимо отъ улучшенія капитала или исполнительныхъ механизмовъ полезной работы.

Если выразить это послѣднее положеніе болѣе обстоятельнымъ образомъ, то оно заключается въ слѣдующемъ: всякій продуктъ до своего потребления проходитъ нѣсколько степеней обработки, и главнымъ образомъ проходитъ черезъ руки двухъ родовъ производителей: черезъ руки производителя сырья и мануфактуриста и наконецъ потребителя; чѣмъ эти три рода лицъ будутъ болѣе сближены между собой, тѣмъ меньше трата на провозъ продукта во время обработки и тѣмъ, слѣдовательно, дешевле продуктъ для потребителя, и наоборотъ. Поэтому сколь бы ни былъ великъ капиталъ и совершенны орудія производства, сколь бы ни была дешева работа самыхъ исполнительныхъ механизмовъ обработки, или дешево самое производство, цѣна, которой будетъ стоить продуктъ, можетъ быть больше или меньше, смотря по тому разстоянію, на которомъ находится мануфактуристъ отъ производителя сырья, и будетъ меньше, чѣмъ меньше это разстояніе. Напротивъ, она будетъ тѣмъ больше, чѣмъ больше это разстояніе, и можетъ быть доведена этимъ путемъ до невозможнаго предѣла. Это экономическое условіе само собой ведетъ къ соціологическому закону, который и ставится у Кэри въ основаніе всей соціальной науки—закону *наибольшаго сближенія отдѣльныхъ производителей*, развитію мѣстныхъ мануфактуръ, мѣстной жизни и цивилизаціи и вообще децентрализаціи, какъ такого соціальнаго порядка, который ведетъ къ наиболѣе дешевому производству.

Въ противоположность этой системѣ существуетъ другая, выражающаяся въ сосредоточеніи всей обрабатывающей промыш-

ности въ небольшомъ числѣ центровъ, удаленныхъ отъ сель. та система *централизаціи промышленности* имѣетъ различныя степени. Дѣло ея или ограничивается предѣлами даннаго государства, и въ этомъ случаѣ обрабатывающая промышленность сосредоточивается въ нѣсколькихъ значительныхъ городахъ или центрахъ, въ которые стекается для обработки сырья со всей страны; или та же система централизаціи распространяется на всю систему государствъ или странъ, изъ которыхъ какая-либо одна страна стремится захватить въ свои руки всю обработку и низвести остальныхъ на степень колоній, производящихъ одно сырье. Эта система и есть та, которая существовала до сихъ поръ въ большей или меньшей степени въ дѣйствительности. Какъ система болѣе дорогого производства, эта система представляется положительно невыгодной для общества. Но она невыгодна не только какъ система болѣе дорогого производства: для мануфактуриста отъ производителя сырья, она удаляетъ послѣдняго вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ средства цивилизаціи: науку, орудія болѣе совершенной обработки почвы, уничтожаетъ средства болѣе совершеннаго производства сырья, слѣдовательно держиваетъ земледѣліе на низкой степени развитія, а земледѣльца на низкой ступени цивилизаціи, и въ суммѣ ведетъ страну къ бѣдности и варварству. Но въ то же время эта система можетъ быть выгодна для отдѣльныхъ лицъ, и этимъ Кэри объясняетъ ея господство въ исторіи.

«Удаленіе отдѣльныхъ производителей, говоритъ Кэри, вызываетъ потребность въ отдѣльномъ классѣ лицъ, который ничего не производитъ самъ, но служитъ посредникомъ обмѣновъ, какъ между отдѣльными производителями, такъ и между послѣдними и потребителями — это классъ торговый.

«Такъ какъ необходимость и существованіе этого класса обуславливается разъединеніемъ производителей, то очевидно, что онъ долженъ заботиться о поддержаніи и развитіи такого разъединенія. Усиліямъ этого-то класса, класса торговцевъ, по мнѣнію Кэри, исторія и обязана преимущественно той системой централизаціи, которая въ ней господствовала.

«Первобытные поселенцы, — пишетъ Кэри, — нигдѣ и никогда не пользовались спокойствіемъ и свободой устроить свои отношенія къ лучшему. Напротивъ, вездѣ и всегда были причины, нарушающія правильное развитіе сношеній. Между двумя поселенцами, желавшими жить своимъ трудомъ, всегда случался третій, который говорилъ первому поселенцу: «принеси мнѣ твою рыбу, тебѣ это будетъ легче, чѣмъ препровождать ее къ другому поселенцу для обмѣна». Послѣднему онъ говорилъ въ

свою очередь: «принеси мнѣ своихъ птицъ, а я уже сговорюсь съ первымъ поселенцемъ на счетъ обмѣна».

На это, конечно, оба поселенца могли отвѣчать, что они сами могутъ сговориться на счетъ мѣны, безъ его содѣйствія, будь они вмѣстѣ, они могли бы дѣйствительно устранить такое посредничество. Но такъ какъ каждая подобная попытка негодна для третьяго поселенца, то онъ старается держать ихъ дальше другъ отъ друга, потому что они въ этомъ случаѣ будутъ болѣе зависѣть отъ его произвола. Такъ какъ число поселенцевъ умножается, то очень понятно, что нѣкоторымъ изъ нихъ можетъ придти на мысль, что они могутъ улучшить свое положеніе, начавъ работать вмѣстѣ. Но это не соответствуетъ цѣлямъ торговца. Разбогатѣвъ на счетъ труда своихъ сосѣдей, онъ уже въ состояніи заплатить за помощь, нужную ему для поддержанія своей власти.

Между тѣмъ въ числѣ его сосѣдей есть такіе, которые тоже готовы скорѣе жить трудомъ другихъ, чѣмъ своимъ собственнымъ. Находясь въ бѣдности и нища удовольствій, они готовы продать свои услуги наемщику, который доставитъ имъ возможность ѣсть, пить и весело жить. Вообще при отсутствіи умѣнья располагать силами природы, характеризующемъ первобытное состояніе общества, человѣкъ долженъ почти исключительно ограничиваться своими физическими силами при добываніи жизненныхъ потребностей. Такъ какъ эти силы различны у различныхъ индивидуумовъ, то въ этотъ періодъ господствуетъ громадное неравенство состояній. Дѣти и жена находятся обыкновенно въ рабскомъ состояніи у мужа; а тѣхъ, кто по годамъ или по болѣзни не въ силахъ работать, обыкновенно бросаютъ, предоставляя имъ умирать съ голоду. Въ состояніи охотника, когда человѣкъ ограничивается присвоеніемъ даровыхъ благъ природы, физическая сила составляетъ исключительное богатство. Чтобы добыть столько пищи, сколько получается съ выморгена воздѣланной земли, для человѣка, живущаго одной охотой, нужно 800 моргеновъ. Между тѣмъ живность истребляется, годъ отъ году попадаетъ рѣже. Это заставляло жителей истощенныхъ странъ вытѣснять и грабить жителей, населяющихъ болѣе богатые пространства. Недостатокъ пищи принуждалъ такимъ образомъ человѣка грабить всюду своего ближняго. Въ этотъ древнѣйшій періодъ, сильнѣйшіе люди присваивали себѣ обширныя пространства земли и обращали слабѣйшихъ людей, ихъ женъ и дѣтей въ своихъ рабовъ. Всѣ старанія такого собственника были направлены къ тому, чтобы помѣшать всякой комбинаціи труда между его рабами, и чѣмъ успѣшнѣе онъ де-

стигаль этой цѣли, тѣмъ больше былъ его доходъ. Торговля поэтому, пишетъ Кэри, — «началась съ барышничества или торговли людьми. Первобытный торговецъ покупалъ свой товаръ на самомъ дешевомъ рынкѣ, такъ какъ онъ просто ночью выжигалъ для этого села, бралъ себѣ часть плѣнниковъ и часть продавалъ другимъ. При такомъ состояніи общества, физическая сила и хитрость, олицетворяемые въ Аяксъ и мудромъ Улиссѣ, суть единственные свойства, пользующіяся уваженіемъ. Воинъ чтится, когда ему удастся обмануть своего противника; тогда какъ купецъ пользуется уваженіемъ по своему значительному богатству, приобретенному продажей бѣдному африканцу такого оружія, которое разрывается при первомъ выстрѣлѣ или такихъ матерій, которыя разлетаются на части отъ перваго удара. Поэтому торговля и война имѣютъ между собою много общаго; они вырастаютъ на одной и той же почвѣ разобщенія людей и варварствъ, и единственное различіе между завоевательными войнами и войнами торговыми то, что послѣднія ведутся съ гораздо большимъ ожесточеніемъ. Завоеватель все-таки чувствуетъ потребность улучшить положеніе своихъ ближнихъ, но торговецъ не знаетъ другого стремленія, какъ купить на дешевомъ рынкѣ и продать на дорогомъ».

Таковы краски, которыми Кэри изображаетъ первобытную исторію общества, и таковы источники, въ которыхъ онъ видитъ настоящую причину разобщенія людей. Если эти краски, по скольку они относятся къ первобытной исторіи, не преувеличены, то съ другой стороны нельзя сказать, чтобы источникъ разединенія людей былъ на самомъ дѣлѣ таковъ, какимъ его изображаетъ Кэри. Никто не станетъ оспаривать справедливости извѣстнаго правила: «divide et impera». Но чтобы человѣческая исторія была вообще дѣломъ однихъ интригановъ, устранившихъ ее на зло всему человѣчеству, съ этимъ согласиться нельзя. Я не спору противъ того, что посредствующія лица имѣли интересъ препятствовать весьма часто сближенію людей и дѣйствительно заботились объ этомъ; но я полагаю въ то же время, что самое ихъ существованіе едва ли не настолько же вызывалось и обуславливалось отсутствіемъ сближенія между людьми и неумѣніемъ людей мирно комбинировать свои силы, сколько обуславливало это неумѣнье. Чтобы согласиться съ Кэри, нужно предположить, что человѣкъ отъ природы родился готовымъ гражданиномъ общества, что ему въ этомъ отношеніи было ровно нечему учиться, и онъ обладалъ сначала всѣми качествами ума и характера, всѣмъ тактомъ, которые необходимы для такой ассоціаціи. Ну, а это врядъ ли такъ. Поэтому, если

съ отсутствіемъ ассоціаціи въ первобытномъ обществѣ можно согласиться какъ съ фактомъ, то самому факту слѣдуетъ дать нѣсколько иное объясненіе.

Не ставя централизаціи вовсе соціальнымъ идеаломъ, мы не можемъ однако въ то же время не признать, что первобытныи человѣкъ вмѣсто способности къ ассоціаціи принесъ съ собою именно неумѣнье устроить своихъ отношеній промежъ себя, что начало централизаціи скрывалось не въ частномъ вапризѣ отдѣльныхъ личностей, а въ общей природѣ человѣка, который иначе не умѣлъ дисциплинироваться и устроить своихъ отношеній, какъ на началѣ физической силы.

Какъ бы то ни было, исторія почти всѣхъ государствъ,—продолжаетъ Кэри,—достигшихъ историческаго вліянія, Спарты, Карфагена, Рима, Франціи и т. д. представляютъ намъ картину такой централизаціи и подавленія мѣстной жизни въ пользу жизни отдѣльныхъ центровъ. Народъ вездѣ низведенъ на степень производителя одного сырья и удаленъ по самому мѣсту отъ высшихъ видовъ производства. Вся система построена на томъ, чтобы понизить елико возможно цѣну сырья и повысить цѣну обработаннаго товара, словомъ, разъединить цѣны на эти два рода продуктовъ, тогда какъ настоящая система должна стремиться къ елико возможному сближенію этихъ цѣнъ. Та же система централизаціи, утвержденная внутри государства, переносится отдѣльными государствами естественнымъ образомъ и въ ихъ внѣшнія сношенія. Каждое государство стремится низвести елико возможно большее число другихъ, въ отношеніи себя, на степень простыхъ производителей одного сырья; и эта система прежде всего примѣняется къ колоніямъ.

Эта система централизаціи торговой преслѣдовалась въ новѣйшее время съ особеннымъ усердіемъ и безпощадностью Англіей, и результаты ея яркими красками начерчены въ экономическомъ положеніи странъ, которыя имѣли только несчастье подпасть подъ ея вліяніе. Въ Ирландіи, Вестъ- и Остъ-Индіи, вездѣ, словомъ, гдѣ успѣло утвердиться англійское владичество, оно дало почувствовать свое присутствіе этой же системой политики, сознательно и ясно проводимой, и тѣми же результатами, одинаково печальными и несправедливыми. Кэри особенно долго останавливается надъ этимъ предметомъ.

«Древнія метрополии,—говоритъ онъ,—ограничивали сношеніе колоній между собой и съ другими странами, но они не вмѣшивались въ ихъ внутреннее сношеніе. Греческія колоніи могли свободно обмѣнивать свои произведенія гдѣ угодно. Карфагенскія колоніи могли какъ угодно обрабатывать свои сырыя произве-

денія. Испанія и Португалія точно также не вмѣшивались во внутреннюю торговлю и производство своихъ индѣйскихъ колоній. Франція точно также. Единственныя ограниченія, которыя позволяли себѣ эти страны, касались свободы иностранной торговли колоній. Въ англійской колоніальной системѣ встрѣчается въ первый разъ запрещеніе колоніямъ тѣхъ или другихъ промысловъ, вмѣшательство во внутреннее производство колоній, съ цѣлью воспрепятствовать ихъ развитію и обратить колоніи въ вѣчныхъ производителей одного сырья. Прошло два столѣтія съ тѣхъ поръ, какъ англійскіе купцы обратились съ просьбой въ правительство: «подавить всѣми возможными средствами развитіе мануфактуръ въ Ирландіи», и эта просьба имѣла своимъ послѣдствіемъ запрещеніе Ирландіи обрабатывать свою собственную шерсть. Последняя должна была въ сыромъ видѣ высылаться въ Англію и обрабатываться англійскими мануфактурами. Та же система затѣмъ была примѣнена и къ американскимъ колоніямъ. Въ 1710-мъ году нижняя палата объявила, что учрежденіе фабрикъ въ колоніяхъ имѣетъ цѣлью ослабить ихъ зависимость отъ Великобританіи; въ 1730-мъ году запрещено устраивать фабрики и машины для прокатыванія желѣза. Позднѣе лордъ Чатамъ объявилъ, что онъ не позволитъ колонистамъ выковывать ни одного гвоздя для подковы.

Въ 1765-мъ году запрещено выселеніе ремесленниковъ изъ Англіи въ колоніи подѣ страхомъ наказанія. Въ 1781-мъ году запрещенъ вывозъ орудій, служащихъ для обработки шерсти и шелка; въ 1782-мъ г. вывозъ мастеровъ для набивки матерій; въ 1785-мъ г. вывозъ аппаратовъ и работниковъ для обработки желѣза и стали, а въ 1795-мъ вывозъ горнорабочихъ.

Всѣ эти запрещенія имѣли одну цѣль: сдѣлать невозможнымъ развитіе мѣстныхъ мануфактуръ въ колоніяхъ и заставить весь сырой продуктъ колоній обрабатываться на англійскихъ фабрикахъ.

То же самое относительно Индіи. Здѣсь точно также было запрещено всякое мануфактурное производство, и ея населеніе не имѣло права даже рафинировать свой собственный сахаръ. Всѣ должны были заниматься производствомъ одного сырья. Мѣстные результаты такой колоніальной политики были повсюду одинаковы. Запрещеніе обработки продукта на мѣстѣ прежде всего оставляло безъ работы всѣ руки, которыя были заняты на мѣстѣ такой обработкой; далѣе, оно увеличивало расходы производства на всю стоимость вынужденнаго и напраснаго провоза сырья для обработки въ метрополию и обратно; а если цѣна обработаннаго продукта возвышалась, то уменьшалось и

его потребление въ колоніяхъ. Вслѣдствіе этого должно было уменьшаться самое количество производимаго сырья, а слѣдовательно и число рукъ занятыхъ его производствомъ. Наконецъ, обработка сырья внѣ мѣста его производства увеличивала сумму отброса, пропадавшего даромъ для производства, и постоянный вывозъ сырья, безъ возврата почвъ отброса, истощалъ все болѣе и болѣе колоніальную почву. Въ результатѣ, такіа условія должны были вести повсемѣстно къ одному и тому же концу: истощенію и запустѣнію колоній.

Подъ вліяніемъ такой системы Ирландія доведена до настоящей нищеты. Развитие ея мануфактуръ было, какъ мы видѣли, остановлено съ самаго начала по просьбѣ англійскихъ купцовъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія, въ 1783-мъ году, были установлены покровительственныя пошлины, подъ вліяніемъ которыхъ ирландскія мануфактуры стали мало-по-малу исправляться; но въ 1801-мъ году, съ присоединеніемъ острова къ королевству Англія, были открыты ирландскіе рынки и мѣстныя мануфактуры не могли конкурировать съ болѣе развитыми англійскими и должны были исчезнуть. Въ 1840-мъ году число рабочихъ на суконныхъ фабрикахъ въ Дублинѣ понизилось съ 5000 до 600. Лишась всякаго занятія кромѣ земледѣлія, ирландскій работникъ долженъ былъ понизить свою заработную плату или бѣжать въ Англію и Америку. Для людей болѣе достаточныхъ удовольствіе жить на родинѣ, лишенной всякаго мѣстнаго развитія, уничтожилось, и эти лица уѣхали въ Англію, Италію и Францію проживать ренты съ своихъ ирландскихъ помѣстій. И такимъ образомъ Ирландія продавала свою почву за ткани, которыя страна могла сама себѣ приготовить; за каменный уголь и желѣзо, которые находились у нея самой въ изобиліи. Защитники системы приписывали нищету Ирландіи избытку населенія; между тѣмъ, какъ третья часть страны, заключающая плодороднѣйшія мѣстности, оставалась необработанной. Чтобы сдѣлаться зажиточнымъ, населеніе нуждалось въ одномъ — въ равномѣрномъ развитіи на ряду съ земледѣліемъ прочихъ видовъ производства, а это было невозможно при системѣ, уничтожавшей возможность всякаго производства въ странѣ, кромѣ сырья. Страна, начавшая вывозить сырье, должна будетъ наконецъ вывозить людей — это неизбежно.

То же самое происходило и въ азіатской Индіи. До господства англичанъ страна раздѣлялась между мелкими владѣтелями; подати были велики, но всѣ онѣ истрачивались на мѣстѣ и промышленность была развита. На Коромандельскомъ берегу и въ Бенгаліи трудно было найти 60 лѣтъ тому назаль деревню, въ которой всѣ мужчины и женщины не занимались бы

таньемъ матерій. Бенгалія славилась своими кисеями, Коромандельскій берегъ ситцемъ и катуномъ. Съ утвержденіемъ господства англичанъ подати стали еще больше, а между тѣмъ сдѣлаю было также все что можно для того, чтобы заставить местное населеніе производить одно сырье и посылать его для обработки въ Англію.

При назначеніи налога на ткацкіе станки, ткачъ долженъ былъ показать, сколько у него дѣтей и какую помощь они ему оказываютъ. Маслобойня, печь гончара, инструменты золотыхъ дѣлъ мастера, пила лѣсопилищика, наковальня кузнеца, топоръ плотника, ткацкій станокъ ткача и лодка рыбака — все было обложено податью. Доносчикамъ платили значительныя суммы, чтобы принудить неработающихъ быть шпионами людей работниковъ.

Далѣе, въ мѣстныхъ таможенныхъ взымалась пошлина со всѣхъ обмѣновъ между отдѣльными частями страны, а въ пользу казны существовали монополіи на соль, опиумъ и табакъ. Въ свое время страна не только производила столько хлопка, сколько было нужно для внутренней потребности, но доставляла еще сотни милліоновъ фунтовъ хлопка для вывоза въ другія страны. Подати и запрещеніе ввоза мастеровъ и орудій, вынудившее посылать весь хлопокъ для обработки въ Англію, привели Индію къ такому обѣдненію, равнаго которому, по словамъ Роберта Пила, нѣтъ въ лѣтописяхъ. Значительные мануфактурные города совершенно исчезли. Отъ значительнаго города Дова, въ которомъ считалось 90,000 домовъ, осталась только груда развалинъ. Дренажныя работы, начатыя прежде, теперь покинуты. Въ долинѣ Гангеса необработывается и $\frac{1}{3}$ части годной земли, и половина плодородной почвы всей Индіи лежитъ въ запустѣніи. Въ Мадраскомъ президентствѣ обработанная почва занимаетъ $\frac{1}{5}$ часть его пространства. Для достиженія этого-то, говоритъ Пиль, дѣти въ Ланкаширѣ работали отъ 15-ти до 17-ти часовъ въ будни и чистили машины по воскресеньямъ отъ 6-ти до 12-ти часовъ. Главной цѣлью было дешевѣйшее сравнительно съ обѣдненнымъ индусомъ производство тканей.

Въ Британской Восточной Индіи тѣми же мѣрами производство было ограничено разведеніемъ одного сахарнаго тростника. На Ямайкѣ пробовали разводить индиго, но оказалось, что на долю провоза, коммисіи и правительства приходилась такая значительная часть его продажной цѣны, что производство стало невозможно. Пробовали разводить кофе, но и это производство оказалось невозможно. Самое производство сахарнаго тростника оста-

валось возможно только благодаря рабовладѣнію, и при этомъ доходъ производителя былъ крайне ничтоженъ.

Плантаторъ былъ обращенъ въ простаго надсмотрщика на рабами, обязаннаго уступать почти весь чистый доходъ торгцамъ и правительству. Самъ онъ былъ почти такимъ же бомъ этихъ лицъ, какъ и его пагрь, а между тѣмъ на него смотрѣли всегда какъ на настоящаго тирана и эксплуататора, тогда какъ настоящіе эксплуататоры спокойно наслаждались результатами такой колониальной системы въ Англіи.

Можно было бы по крайней мѣрѣ думать, что такая колониальная система выгодна для метрополіи; но же трудно видѣть, что Англія, разоряя этой системой Ирландію, разоряла въ же время и себя. Оставаясь безъ работы, ирландскій работникъ долженъ былъ искать труда въ Англіи. Англія наводнилась бѣдными ирландцами, понижавшими рабочую плату англійскихъ рабочихъ. Рабочая плата становилась низка, продуктъ дешевъ, но въ то же время низокъ и потребитель таеъ, что число бѣдныхъ рукъ увеличивалось, и $\frac{1}{9}$ часть населенія Англіи впала въ пауперизмъ за недостаткомъ работы.

На этомъ основаніи настоящую причину англійскаго пролетаріата слѣдуетъ искать, по утверженію Кэри, вовсе не въ естественномъ законѣ природы, но примѣру Мальтуса, а въ колониальной системѣ, стремившейся извратить естественное развитіе всѣхъ странъ міра для того, чтобы доставить Англіи монополію обработки сырья всего міра.

Такъ какъ результатъ системы долженъ быть повсемѣстно одинаковъ, то къ такому же разоренію должны были приходъ государства, которыя добровольно ставили себя въ подобную зависимость отъ иностранной торговли и мануфактуръ, государства, которыя, не заботясь о развитіи туземныхъ промысловъ, довольствовались производствомъ одного сырья. Таковы Турція, Португалія и пр.

Всякій разъ, когда тѣ или другія страны ставили себя въ положеніе странъ чисто земледѣльческихъ, онѣ бѣднѣли и разорялись неминуемо, и напротивъ, поправлялись съ развитіемъ промышленности. Для страны, которая разъ приняла такое положеніе простой производительницы сырья, единственный исходъ изъ такого положенія, по мнѣнію Кэри, есть покровительственная система, которая дала бы возможность возникнуть местнымъ мануфактурамъ и развиться до возможности конкурировать съ иностранными производителями. Кэри является поэтому ревностнымъ защитникомъ системы Кольбера и тѣхъ странъ и правительствъ, которыя придерживались этой системы въ этомъ

пошени; онъ, однако, слишкомъ идеализируетъ вліяніе повротельства и рисуетъ въ слишкомъ идеальномъ свѣтѣ положеніе тѣхъ странъ, которыя берутъ въ доказательство своей крив.

IV.

Итакъ, централизація или физическая близость производимъ сырья и мануфактуриста, его обрабатывающаго, составляетъ неизбѣжно условіе дешевизны производства или сокращенія безполезной работы. Чѣмъ ближе между собой эти лица, тѣмъ болѣе непосредственныхъ сношеній между ними и тѣмъ выше число посредствующихъ лицъ, участвующихъ въ устройствѣ сношеній. Но для возможности сношенія еще недостаточна одной близости мануфактуриста къ производителю сырья, производителю и потребителю. Сношеніе бываетъ устроено наилучшимъ образомъ въ томъ случаѣ, когда всѣ лица, участвующія въ процессѣ производства, постоянно заняты дѣломъ, перемѣщеніе продуктовъ между отдѣльными производителями совершается непрерывно, при наименьшей тратѣ времени на перемѣщеніе. Время, истрачиваемое на перемѣщеніе, зависитъ отъ состоянія между отдѣльными производителями и состоянія дорогъ. Но это время можетъ быть различно также, смотря по тому, сколько продуктъ будетъ залеживаться въ отдѣльныхъ мѣстахъ до его перемѣщенія; а это зависитъ отъ тѣхъ основаній, на которыхъ совершается передача продукта изъ однихъ въ другія, или его распредѣленіе. Въ предѣлахъ одной мастерской, одного хозяйства, работа можетъ идти непрерывно, потому что здѣсь продуктъ переходитъ отъ одного работника къ другому непосредственно безъ всякой остановки. Такая передача невозможна между двумя независимыми мастерскими сама по себѣ, и основаніемъ распредѣленія продукта между отдѣльными хозяйствами служитъ обыкновенно обмѣнъ. Если связать такой обмѣнъ условіемъ обмѣна продукта на продуктъ, то путемъ такого обмѣна нельзя достигнуть непрерывнаго распредѣленія продукта, и товаръ будетъ залеживаться въ отдѣльныхъ ступеняхъ производства или обмѣна.

Для того, чтобы этого не случилось, нужно, чтобы всякій ступица могъ представить такой товаръ въ обмѣнъ, который тогда готовъ взять въ обмѣнъ продавецъ. Такой товаръ составляютъ деньги, и потому-то деньги служатъ орудіемъ обращенія или обмѣновъ. При ихъ посредствѣ распредѣленіе или цир-

куляція продукта можетъ совершаться безостановочно, и скорость обращенія продукта зависитъ только отъ времени, истрачиваемаго на перемѣщеніе продукта. Такова настоящая роль денегъ и основаніе, по которому они цѣнятся. Когда это орудіе въ избыткѣ или достаточномъ количествѣ, тогда денежны процентъ не высокъ, и обращеніе совершается съ возможной быстротой. Недостатокъ денегъ, напротивъ, какъ недостатокъ орудія обращенія долженъ вызывать замедленіе обращенія продуктовъ, замедленіе производства и бесполезную растрату труда.

Нужно замѣтить, по мнѣнію Кэри, что такой недостатокъ денегъ весьма часто ложно смѣшиваютъ съ недостаткомъ капитала. Капиталы составляютъ всѣ орудія производства, въ томъ числѣ, конечно, и деньги, какъ орудіе обращенія, безъ котораго немислимо производство; но можно легко понять, что и орудія производства, то-есть капиталъ вообще, кромѣ денегъ могутъ быть на лицо, а между тѣмъ производство можетъ остановиваться именно за недостаткомъ денегъ или одного орудія обращенія.

Какъ всякое орудіе, деньги стремятся къ тому мѣсту, гдѣ онѣ находятъ для себя болѣе дѣла, то-есть къ тѣмъ мѣстамъ гдѣ обращеніе сильнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуется и наибольшая потребность въ деньгахъ. На этомъ основаніи, по мнѣнію Кэри, можно предсказать заранѣе, что деньги должны стремиться изъ странъ, гдѣ сношеніе замедляется или замедлено, — въ страны, гдѣ оно развито или развивается; что деньги должны стремиться изъ странъ чисто земледѣльческихъ и съ развитой централизаціей — въ страны, гдѣ производитель сырья и мануфактуристъ болѣе сближены. Выводъ этотъ Кэри странно доказываетъ примѣромъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, гдѣ ввозъ монеты превышалъ каждый разъ вывозъ ея съ введеніемъ покровительственнаго тарифа и развитіемъ подвѣдѣніемъ послѣдняго фабрикъ; и напротивъ, вывозъ монеты превышалъ ввозъ каждый разъ, какъ фабрики закрывались и сношенія падали.

Что касается количества денегъ, въ которомъ нуждается страна, то количество это можетъ быть весьма различно по суммѣ обмѣновъ и скорости обращенія денегъ, то-есть по числу покупокъ, которыя успѣваетъ совершить та же монета въ данное время. Чѣмъ обмѣнивающіяся лица болѣе сближены между собой, чѣмъ незначительнѣе налоги, централизующіе массу денегъ въ рукахъ казначейства, изъ котораго они расходуются только постепенно; чѣмъ меньше прячется денегъ въ сундукахъ, тѣмъ болѣе оборотовъ совершаетъ тотъ же денежный знакъ въ

данное время и тѣмъ сравнительно меньшимъ количествомъ монеты можетъ довольствоваться страна. Напротивъ, чѣмъ больше въ странѣ лежитъ монеты непроизводительно, тѣмъ сравнительно большаго ея количества и требуется для внутреннихъ обмѣновъ страны. Какъ предметъ общей потребности монета рано обратила на себя вниманіе правительствъ, которыя принали на себя контроль надъ нею. Контроль этотъ на дѣлѣ приходилъ весьма часто, какъ извѣстно, къ порчѣ монеты. Такая порча монеты еще производилась въ древнихъ государствахъ; но въ позднѣйшей европейской исторіи она была доведена до крайности. Филиппъ Красивый измѣнялъ монету до тридцати разъ въ году; его преемники слѣдовали его же примѣру. Почти то же самое было въ Шотландіи и Англіи. Такое положеніе дѣлъ привело къ учрежденію въ Амстердамѣ, а затѣмъ и въ другихъ городахъ, депозитныхъ банковъ для надежнаго склада денегъ и для облегченія размѣна ихъ. Эти депозитные банки вскорѣ обратились въ учетные въ томъ смыслѣ, что порученные имъ влады банки стали обращать подъ учетъ векселей; а затѣмъ опытъ привелъ къ тому убѣжденію, что банки имѣютъ возможность расширить свои учеты или кредиты на сумму, превышающую въ нѣсколько разъ денежный фондъ вкладчиковъ, замѣняя выдачу золота выпускомъ билетовъ или обязательствъ банка. Этимъ путемъ монета замѣнилась въ обращеніи кредитными знаками, и выпускъ ихъ далъ возможность сообразовать количество знаковъ съ потребностями рынка.

До сихъ поръ банковое дѣло не представляетъ ничего кромѣ пользы. Вредъ состоялъ въ томъ, что это дѣло скоро обратилось въ монополію. «Конецъ XVII-го столѣтія, — пишетъ Кэри, — былъ свидѣтелемъ возникновенія самаго вліятельнаго изъ денежныхъ учрежденій, когда-либо видѣннаго — это *англійскаго банка*. Едва лишь онъ устроился, какъ владѣльцы банка добились изданія закона, по которому лицамъ, желавшимъ помѣстить свои деньги въ видѣ вкладовъ, предоставлялся ограниченный выборъ между означеннымъ банкомъ и другими частными помѣщеніями. Такимъ образомъ, банкъ присвоилъ себѣ контроль надъ денежнымъ обращеніемъ, которымъ и распоряжался въ личныхъ выгодахъ своихъ немногихъ акціонеровъ. Съ тѣхъ поръ въ отношеніи торговли деньгами установилась та же централизація. Эта-то централизація даетъ банку возможность производить спекуляціи, отражающіяся разорительнымъ образомъ на общественномъ хозяйствѣ.

Производя усиленную покупку частныхъ обязательствъ, банкъ увеличиваетъ сумму денежнаго обращенія, вызываетъ новыя пред-

пріятія и оживленіе предпріимчивости, за которыми слѣдуетъ усиленный ввозъ иностранныхъ продуктовъ. Но этотъ послѣдній ведетъ въ концѣ къ вывозу золота; требованія на послѣднее возрастаютъ. Вслѣдствіе этого банкъ принужденъ продавать въ избыткѣ купленные имъ бумаги, и послѣднія падаютъ въ цѣнѣ. На половину начатія предпріятія, вслѣдствіе сокращенія банкомъ кредита, не могутъ быть окончены. Предпріятія эти рушатся. Тысячи людей оказываются разоренными и самъ банкъ едва избѣгаетъ той же участи. Въ такое положеніе англійскій банкъ уже неоднократно ставилъ англійское общество со времени своего учрежденія. Все это происходитъ вслѣдствіе централизаціи торговли деньгами и стремленія ее регулировать. «Но дѣло въ томъ, — говоритъ Кэри, — что торговля деньгами, какъ и торговля башмаками, не нуждается ни въ какомъ регулированіи. Напротивъ, она требуетъ полнѣйшей свободы, при которой единственнымъ регуляторомъ ея является само общество. На этомъ основаніи американская система мѣстныхъ банковъ, какъ болѣе локализирующая кредитъ и стремящаяся къ децентрализаціи, представляетъ болѣе задатковъ устойчивости и пользы для страны.

Вообще банкъ есть не что иное, какъ денежная лавка орудія обращенія, въ которой вкладываются деньги, ищущія обращенія. Чѣмъ ближе эта лавка будетъ къ потребителю, тѣмъ менѣе онъ будетъ удерживать при себѣ денегъ, имѣя возможность всегда достать ихъ изъ банка; поэтому, чѣмъ болѣе локализованы банки, тѣмъ совершеннѣе денежное обращеніе.

Экономическіе писатели, начиная отъ Юма и Адама Смита и кончая Миллемъ, также разсматривали деньги, какъ орудіе обращенія, но въ то же время они старались утвердить то мнѣніе, что измѣненіе количества драгоцѣнныхъ металловъ не производитъ никакого вліянія на экономическое положеніе народа. Чѣмъ меньше драгоцѣннаго металла, тѣмъ большее количество прочихъ продуктовъ, по ихъ мнѣнію, будетъ обмѣниваться на то же количество металла, и только. Несмотря на то, общее мнѣніе и факты постоянно противурѣчили такому воззрѣнію. Фермеръ знаетъ, что когда деньги въ изобиліи, его произведенія быстрѣе сбываются; а когда ихъ мало, ему приходится ждать покупателей. Каждый рабочій понимаетъ, что когда деньги свободно обращаются, онъ легко находитъ работу и самъ становится покупателемъ. Между тѣмъ, когда ихъ мало, то онъ остается безъ работы и его семейство терпитъ нужду. «Люди имѣютъ инстинктъ, и когда ихъ учатъ тому, что противорѣчитъ окружающей дѣйствительности, то они естественно приписыва-

ютъ это тому, что ихъ ученые изучаютъ природу въ своихъ кабинетахъ», — прибавляетъ Кэри.

Дѣйствительно, подобно всякому орудію, всякой вещи, количество денегъ должно сообразоваться съ потребностью въ нихъ. И если потребность въ орудіи обращенія превышаетъ предложеніе, то обращеніе задерживается. Всякій понимаетъ, что если уменьшить число нашихъ кораблей, то черезъ это произойдетъ неминуемое замедленіе въ обращеніи цѣнностей; а между тѣмъ корабли не приводятъ въ обращеніе и незначительной доли той суммы цѣнностей, обращеніе которыхъ зависитъ отъ денегъ. Если же уменьшеніе кораблей и дорогъ замедляетъ обращеніе, то тѣмъ ощутительнѣе долженъ быть для обращенія недостатокъ денегъ, заставляющій людей обращаться къ первобытнымъ орудіямъ мѣны.

Итакъ, чѣмъ въ большемъ достаткѣ орудія обращенія, чѣмъ менѣе централизованы деньги, тѣмъ непрерывнѣе обращеніе цѣнностей, участвующихъ въ производствѣ и потребленіи, тѣмъ быстрѣе и совершеннѣе самое производство. Отсюда слѣдуетъ, что и забота о торговомъ балансѣ не есть вовсе такая пустая забота, какъ это старались доказать.

Страна, изъ которой бѣгутъ деньги, идетъ къ застою, замедленію обращенія и уменьшенію сношеній. Но дѣло въ томъ, что страна не потому бѣднѣетъ обыкновенно, что изъ нея бѣгутъ деньги; напротивъ, послѣднія бѣгутъ потому, что страна бѣднѣетъ, сношенія уменьшаются, производство сырья начинаетъ исключать мануфактуры и оба рода производителей разъединяются все болѣе и болѣе. Удержать въ такой странѣ монету есть напрасный трудъ и невозможная мечта; въ странѣ чисто земледѣльской торговый балансъ неизбѣжно долженъ быть невыгоденъ для страны и драгоцѣнные металлы дороги.

Такимъ образомъ, правильное и быстрое денежное обращеніе и децентрализація неразрывны другъ съ другомъ. Децентрализація и развитіе мѣстной жизни, мѣстной промышленности увеличиваютъ величину свободнаго труда, остающагося за покрытіемъ первыхъ нуждъ въ странѣ; деньги способствуютъ непрерывному утилизируванію труда.

Трудъ уничтожается и погибаетъ безвозвратно скорѣе всѣхъ другихъ вещей. Онъ погибаетъ, если спросъ на него не слѣдуетъ немедленно за его готовностью, то-есть питаніемъ мускула, то-есть, если этотъ спросъ не слѣдуетъ непрерывно. Въ обществахъ первобытныхъ съ малымъ населеніемъ, съ ничтожнымъ разнообразіемъ производства теряется этимъ путемъ масса труда; отсюда ихъ бѣдность.

Напротивъ, чѣмъ непрерывнѣе и постояннѣе общественное движеніе, тѣмъ настоятельнѣе спросъ на трудъ и тѣмъ менѣе онъ пропадаетъ даромъ и бережется въ производствѣ, которому служить. Но для такой непрерывности необходимо разнообразіе занятій и отсутствіе всякаго замедленія въ обращеніи продуктовъ, а потому во всѣхъ чисто земледѣльческихъ странахъ существуетъ и громадная потеря или растрата труда. Вся задача социологій по отношенію къ производству состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать потерю труда наименьшею; и такъ какъ эта потеря уменьшается съ населеніемъ, раздѣленіемъ труда и децентрализацией, съ уменьшеніемъ разстояній между людьми, раздѣленіемъ занятій и увеличеніемъ обмѣна, то съ увеличеніемъ населенія и децентрализацией величина полезной работы въ обществѣ возрастаетъ не пропорціонально величинѣ валового труда, а быстрѣе ея. На этомъ основаніи исторія общества должна представлять ускоренное возрастаніе производства, и децентрализація должна составлять социологическій законъ ускореннаго производства. Каждая единица утилизируемаго труда не пропадаетъ безслѣдно, а бережется въ производствѣ; поэтому чѣмъ болѣе утилизируется трудъ, чѣмъ болѣе работаетъ общество, тѣмъ болѣе накопляется такого сохраненнаго неуничтожающагося труда, тѣмъ больше становится отношеніе недвижимаго капитала общества къ движимому.

Каждая осушка болота, каждое открытіе новой силы, каждое новое приложеніе силы воды къ услугамъ человѣка увеличиваетъ основной капиталъ, сопровождается увеличеніемъ притягательной силы мѣста на человѣка и ведетъ къ децентрализациі.

Централизація, напротивъ, стремится къ увеличенію движимой собственности, уменьшая недвижимую. Большіе земледѣльцы держатъ работниковъ какъ простое движимое имущество, которое можно купить и продать на открытомъ рынкѣ.

Земля при такомъ порядкѣ не имѣетъ никакой цѣны, какъ, напримѣръ, въ Индіи и Каролинѣ. Собственность почти вся имѣетъ чисто личный характеръ, какъ это мы видимъ въ хлопчатобумажныхъ штатахъ. Предводитель облагаетъ значительнымъ налогомъ своихъ подданныхъ, употребляя на содержаніе войска то, что народъ въ противномъ случаѣ обратилъ бы въ неподвижный капиталъ, улучшивъ свои маленькія фермы. Капиталъ Англіи во время Плантагенетовъ состоялъ въ значительныхъ стадахъ и табунахъ, земля же была дешева. Въ настоящее же время цѣнность недвижимой собственности втрое превышаетъ оборотный капиталъ, вопреки централизаціонной политикѣ. Обративъ взоръ на Ирландію, Индію, Португалію, Турцію, державшихся

итики, увеличивавшей власть торговца, мы находимъ въ нихъ растающую зависимость отъ оборотнаго капитала, сопровождающуюся упадкомъ цѣнности земли и труда; между тѣмъ какъ Бельгіи и Германіи пропорція движимаго капитала уменьшается, цѣнность земли возрастаетъ съ значительною быстротою. Но отъ сбереженія труда, выражающагося въ возрастаніи недвижимаго капитала, не слѣдуетъ смѣшивать съ сбереженіемъ движимаго капитала, какое разумѣется подъ словомъ «сбереженіе» обыкновенномъ смыслѣ слова. Это возрастаніе недвижимаго капитала служитъ признакомъ возрастающаго богатства, потому что въ немъ выражается возрастаніе власти человѣка надъ обнаруживающимися силами природы, или такое сбереженіе или минированіе труда, которое сопровождается возрастаніемъ этой власти. Безъ этого условія никакое сбереженіе не даетъ богатства. Политическая экономія учить поэтому совершенно напрасно, что богатства составляются однимъ сбереженіемъ. Если бы это было такъ, то мы должны были найти быстрѣйшее возрастаніе капитала въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ сбереженіе наиболѣе распространено. Ирландскій работникъ извѣстенъ своею бережливостію, а также лапландецъ и индѣецъ. Въ древнія времена въ Англіи и Шотландіи многія семейства сберегали запасы пищи. Въ Индіи государи сберегали запасы золота. Вообще сбереженіе въ наибольшемъ употребленіи тамъ, гдѣ общественное развитіе слабо, гдѣ способности остаются скрыты за отсутствіемъ спроса на ихъ примѣненіе. Уатъ добылъ власть, посредствомъ которой накопились богатства, удвоившія цѣнность земли въ Англіи. Было ли это результатомъ сбереженія? Шапталъ, Фукура и Берметъ значительно содѣйствовали увеличенію поземельнаго капитала Франціи. Морзе, устроивъ телеграфъ, приобрѣлъ богатство. Гдѣ же во всѣхъ этихъ случаяхъ было простое сбереженіе? Напротивъ того,—говоритъ Кэри,—такъ какъ богатство состоитъ въ увеличеніи власти человѣка надъ природой, то чѣмъ болѣе развивается эта власть, тѣмъ бережливость, въ буквальномъ смыслѣ это рабское чувство, стремится исчезнуть».

Результаты всѣхъ этихъ разсужденій относительно произ-
ства Кэри выражаетъ слѣдующими положеніями:

- «Полезность есть мѣра власти человѣка надъ природой.
- «Цѣнность есть наоборотъ мѣра власти природы надъ человекомъ или сопротивленія, оказываемаго природой человѣку.
- «По мѣрѣ увеличенія ассоціаціи полезность увеличивается, а цѣнность падаетъ. Уменьшеніе цѣнности сопровождается раз-
витіемъ индивидуальности, увеличеніемъ безопасности личной и общественной; капиталъ стремится къ неподвижной формѣ, и

только незначительная часть его остается оборотной. Въмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживается возрастающее стремленіе къ созданію мѣстныхъ центровъ. По мѣрѣ развитія мѣстныхъ центровъ, уменьшается потребность въ посредствующихъ лицахъ, ускоряется производство и быстрота обращенія».

V.

На этомъ не кончается еще одна апологія Кэри началу децентрализаціи. Показавъ значеніе начала децентрализаціи для производства, Кэри предстояло показать точно также, что это начало столь же благотворно и въ смыслѣ распредѣленія, что съ возрастаніемъ сношенія и увеличеніемъ капитала увеличивается производство. Кэри переходитъ къ объясненію, что тѣ же условія ведутъ неизбѣжно къ равномерному распредѣленію.

«Въ началѣ общества,—пишетъ онъ,—цѣнность капитала самая значительная, потому что самое производство перваго капитала самое дорогое. При всей незначительности работъ, которыя могли быть сдѣланы каменнымъ топоромъ, человѣкъ занимавшій его долженъ былъ платить за это весьма дорого, потому что срубалъ при посредствѣ топора въ одинъ день болѣе лѣса, чѣмъ могъ бы сдѣлать это безъ топора въ теченіи мѣсяца. Онъ находилъ выгоднымъ для себя платить за топоръ три четверти выработки, потому что ему оставалось все-таки болѣе, чѣмъ если бы онъ работалъ безъ топора. Когда былъ изобрѣтенъ желѣзный топоръ, то выработка при посредствѣ такого топора была еще значительнѣе, но собственникъ такого топора долженъ былъ согласиться взять за его наемъ не три четверти выработки, а менѣе, потому что самое производство такого топора стоило ему менѣе усилій, чѣмъ перваго каменнаго».

Поэтому съ изобрѣтеніемъ желѣзнаго топора и собственникъ и наниматель были въ выгодѣ, получая абсолютно болѣшую выработку, но относительная доля капиталиста къ долѣ работника уменьшалась. Кэри допускаетъ, словомъ, что каждая новая единица капитала приноситъ болѣе пользы, чѣмъ предыдущая; но самое производство ея обходится дешевле, и потому доля капиталиста или плата за наемъ капитала понижается, между тѣмъ какъ доля остающагося труда увеличивается. Всякая вещь, говоритъ онъ, цѣнится по стоимости ея воспроизведенія; а такъ какъ стоимость воспроизведенія капитала становится все дешевле, то доля капиталиста понижается, между тѣмъ какъ доля, остающаяся труду, увеличивается, и потому цѣнность рубль или чело-

ѣеа должна увеличиваться. Это положеніе, говоритъ онъ, вѣрно въ отношеніи всякаго рода капитала. Домъ давно построенный стоить гораздо большаго труда, чѣмъ теперь требуется на воспроизведеніе значительно лучшаго.

То же самое съ деньгами. Брутъ бралъ 50⁰/₀; въ царствованіе Генриха VIII-го законный процентъ былъ 10⁰/₀; теперь же въ Англіи этотъ процентъ 4⁰/₀.

Въ земледѣльческихъ странахъ процентъ всегда высокъ, потому что деньги отсюда стремятся уходить за границу. То же самое, по мнѣнію Кэри, примѣнимо наконецъ и къ рентѣ. Послѣдняя увеличивается въ абсолютной величинѣ вмѣстѣ съ величиной вложеннаго капитала, но относительно ея величина понижается, то-есть собственникъ земли получаетъ все меньшую и меньшую долю ея произведеній изъ общей выработки.

По какому раціональному разсчету происходитъ это на самомъ дѣлѣ, Кэри къ сожалѣнію не объясняетъ. Противупоставляя свою теорію, какъ мы знаемъ, теоріи Рикардо и искажая послѣднюю, Кэри не даетъ себѣ однако труда привести основанія, которыя руководятъ его выводомъ съ той категоричностью, какой требуетъ предметъ и съ какой сдѣлалъ это Рикардо относительно своей теоріи. Онъ бросаетъ свою теорію не только безъ доказательствъ, чисто афористично, но безъ подробнаго ея уясненія. Въ результатѣ его объясненій мы не знаемъ, почему рента должна даже увеличиваться абсолютно, хотя и падать относительно. Вмѣсто того онъ еще разъ набрасывается на предположеніе перехода обработки отъ лучшихъ къ худшимъ участкамъ и соглашается, что общепринятая теорія ренты была бы справедлива въ томъ случаѣ, если бы это предположеніе было вѣрно. Но что должно выдти, если это положеніе не вѣрно—этого онъ не изслѣдуетъ въ точности, а отвѣчаетъ на вопросъ общими мѣстами.

«Еслибы человѣкъ на самомъ дѣлѣ,—пишетъ онъ,—начиная, начиналъ съ богатѣйшей почвы, то численное увеличеніе населенія сопровождалось бы постояннымъ пониженіемъ человѣческой силы (слѣдовало бы сказать: производительности человѣческаго труда)». Но такъ какъ обратное этому доказано, то съ переходомъ работника отъ худшихъ къ лучшимъ участкамъ производительность человѣческаго труда должна возрастать.

Если бы производительность земли была даже одинакова, то все-таки приходилось бы платить вознагражденіе за пользованіе фермой съ постройками и другими хозяйственными принадлежностями. Общая теорія называетъ эту плату собственно платой за капиталъ. Общая теорія полагаетъ поэтому, что арендаторъ

долженъ заплатить собственнику эту плату за капиталъ плюсъ разность съ тѣмъ, что даетъ сама по себѣ земля данной фермы въ сравненіи съ землей худшей фермы.

Между тѣмъ, говоритъ Кэри, расценка перваго худшаго мѣста стоитъ вдвое больше труда, чѣмъ послѣдующаго лучшаго; и не смотря на то, за эту расценку онъ можетъ требовать теперь не той платы, которой она ему самому стоила, а той, которой стоитъ ея воспроизведеніе теперь. Стоимость же такой расценки постоянно понижается, слѣдовательно владѣлецъ первой фермы долженъ получить меньшую прибыль, да сверхъ того плюсъ разность между производительностью его земли и земли послѣдующей фермы. Но земля послѣдующей фермы лучше, чѣмъ предыдущей, по теоріи Кэри; слѣдовательно разность эта отрицательная. Итого въ суммѣ владѣлецъ первой фермы долженъ получить меньшую прибыль—минусъ избытокъ урожая, который давала сама по себѣ земля новой фермы—надъ землей его собственной. Въ силу этого рента должна постоянно понижаться. Однимъ словомъ, по мнѣнію Кэри, вслѣдствіе перехода обработки отъ худшихъ къ лучшимъ землямъ и удешевленія капитала, стоимость воспроизведенія единицы хлѣба должна постоянно уменьшаться, а слѣдовательно уменьшится и плата за пользованіе землей.

Ферма съ ея почвой должна быть разсматриваема, по его словамъ, какъ машина, производящая хлѣбъ, а земля какъ матеріалъ, изъ котораго она строится. Какъ всякая другая машина, она улучшается съ развитіемъ общества и въ то же время постройка ея стоитъ дешевле, а потому плата за пользованіе такой машиной должна становиться дешевле. Иначе и владѣлецъ старой мельницы имѣлъ бы право получить ренту за пользованіе неразрушимыми свойствами желѣза.

Окончательный выводъ, изъ всего этого слѣдующій, долженъ быть тотъ, что богатство и средства къ жизни должны возрастать быстрѣе потребностей. Таковъ дѣйствительно выводъ Кэри. Гдѣ же предѣлъ такому возрастанію богатства? Такого предѣла, повидимому, не должно быть по теоріи Кэри, ибо онъ дѣйствительно говоритъ: «сила природы безпредѣльна и ея готовность оказывать услуги равняется всему дѣлаемому ей спросу».

Самъ понявъ однако, что такое предположеніе было бы уже слишкомъ смѣло, Кэри спѣшитъ выдти изъ затрудненія, которое самъ себѣ создалъ. «Очевидно,—говоритъ онъ,—что при такомъ накопленіи, когда для народонаселенія останется лишь мѣсто достаточное для стоянія, пищи станетъ постоянно недоставать». Спрашивается конечно, почему же, если силы природы безпредѣльны и готовность ея оказывать услуги равна всему спросу,

нѣтъ недостатка мѣста для стоянія, но пищи недостатокъ не нѣтъ, разъ богатство можетъ возрастать безпредѣльно?

Принявъ однажды, что плодovitость человѣка не уменьшается теченіемъ времени, нельзя отрицать, что рабство есть край-удѣлъ человѣчества. «Но можетъ ли это быть, — говорить и, — могъ ли Творецъ быть столь непредусмотрительнымъ?» рѣшенія этого вопроса Кэри остается перейти только на ву фізіологическихъ догадокъ и рѣшить за фізіологовъ та-вопросъ, серьезно говорить о которомъ сама фізіологія не нѣтъ никакой возможности.

Кэри говорить о жидкостяхъ, о непостоянствѣ количества жествъ, приготовляемыхъ различными желѣзами, сравниваетъ ю зародышей у слоновъ съ числомъ ихъ у муравьевъ, и все для того, чтобы вывести слѣдующее спасительное положеніе: темень плодovitости измѣняется обратно пропорціонально съ витіемъ нервной системы». Положеніе это, конечно, спасаетъ овѣчество отъ чрезмѣрнаго размноженія, а богатство отъ занности возрастать непрерывно.

Вмѣстѣ съ такими разсужденіями Кэри переходитъ очевидно возраженію на третью причину ренты, ограниченность силъ роды, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, его разсужденія относительно этого дмета лишены уже всякаго научнаго характера, а потому мы мо-тъ не входить вовсе въ подробности разсужденій Кэри по этѣму дмету, и переходимъ къ общему заключенію относительно его сужденій.

VI.

Ошибка Кэри заключалась въ томъ, что онъ захотѣлъ при-тъ слишкомъ широкій смыслъ дѣйствию избраннаго имъ на-на сношеній и децентрализаціи и доказать вещи, которыя до-зять невозможно. Для науки и истины было бы гораздо лезнѣе и существеннѣе изслѣдовать это дѣйствіе въ его тѣ частныхъ подробностяхъ и опредѣлить этимъ путемъ его аницы, тѣмъ задаваться а ргіогі какими-либо широкими юризмами. Дѣло въ томъ, что Кэри, при всемъ своемъ по-альномъ довѣрїи къ законамъ природы внѣшней, физической, тѣтъ не совсѣмъ точное представленіе объ этихъ законахъ вслѣдствіе этого склоненъ увлекаться и допускать предполо-знія немислимныя для философа-естествоиспытателя. Дѣло въ нѣтъ, что силы природы вовсе не безпредѣльны, какъ думаетъ эри, а именно предѣльны и ограниченны; поэтому произволь-

наго соотвѣтствія предложенія спросу существовать не можетъ, и никакая наука не можетъ доказать его возможности.

Запасъ потенциальной силы, скрытой въ единицѣ обрабатываемаго вещества, есть запасъ ограниченный. Какъ бы ни разнился этотъ запасъ въ отдѣльныхъ десятинахъ земли, во всякомъ случаѣ эта разность не выходитъ изъ извѣстныхъ предѣловъ, и извлечь изъ десятины при какомъ угодно искусствѣ большаго запаса силы, чѣмъ въ ней ее заключается, мы не можемъ. Кусокъ дерева можетъ дать при сжиганіи только извѣстное количество теплоты и никогда болѣе. Это обусловлено постоянствомъ законовъ природы. Наше искусство сводится только къ тому, чтобы воспользоваться большей или меньшей долей этой теплоты, но увеличить абсолютно запасъ этой теплоты мы не можемъ. Точно также и относительно земли, все равно, будутъ ли обрабатываться прежде лучшіе, а потомъ худшіе участки или наоборотъ. Все наше искусство сводится къ тому, чтобы обратить въ полезную работу большую долю силъ, освобождающихся въ дѣятельности почвы; но увеличить безусловно запасъ этой силы мы не въ состояніи. Поэтому крайняя или безусловно наибольшая величина пищи, которую можетъ дать десятина, есть величина столь же опредѣленная и ограниченная, какъ величина тепла, которое можетъ дать фунтъ сосны.

Знаніе и искусство даютъ намъ только возможность приблизить наше пользованіе болѣе или менѣе къ этой безусловной величинѣ освобождающейся силы. Но въ то же время опытъ учитъ, что всякій новый шагъ въ этомъ направленіи обходится дороже предыдущаго, то-есть что каждая новая единица труда, прилагаемая къ такому пользованію, приноситъ меньше пользы, чѣмъ предыдущая. При посредствѣ нашихъ машинъ мы можемъ обработать десять десятинъ тѣмъ же трудомъ, которымъ обрабатывали прежде одну, или можемъ получить съ одной десятины тотъ же доходъ при трудѣ въ десять разъ меньшемъ; чѣмъ прежде, но отсюда не слѣдуетъ, чтобы удесатеривъ этотъ трудъ мы получили въ 10 разъ больше урожай съ десятины. У насъ остается $\frac{9}{10}$ свободнаго труда на другія производства, на которыя прежде не доставало времени, но количество пищи отъ этого не увеличивается, а только увеличивается количество другихъ вещей. Употребивъ теперь на ту же десятину не $\frac{1}{10}$ труда, а двѣ, три и т. д. десятыхъ, мы можемъ получить съ десятины больше пищи, чѣмъ прежде, но не пропорціонально больше, а все въ замедляющейся пропорціи. Усовершенствуя наши печи или топку машины, мы можемъ утилизировать большую долю сжигаемаго угля, но каждый шагъ впередъ стоить и здѣсь все боль-

тъ и большихъ усилий, такъ что наконецъ польза не покрываетъ этихъ усилий. Работникъ сжигаетъ болѣе пищи, чѣмъ собираетъ дровъ, и величина возможной выработки достигаетъ предела. Законъ этотъ общій.

Приращеніе продукта, извлекаемое изъ обработки каковаго угодно пространства на единицу труда, при увеличеніи этого труда становится меньше и меньше и наконецъ уничтожается. Ни вслѣдствіе того, ни величина капитала не можетъ быть увеличиваема на юмъ пространствъ земли до безконечности, а только до извѣстнаго предѣла, не вслѣдствіе невозможности умѣстить этотъ трудъ, а вслѣдствіе невозможности извлечь болѣе силы изъ этого количества вещества, чѣмъ ея въ немъ заключается.

Усовершенствованныя системы земледѣльческой культуры издаютъ изъ десятины болѣе хлѣба, чѣмъ прежнія, не иначе, какъ на счетъ болѣе великой величины труда и капитала. И производительность земледѣльческаго труда понижается вовсе не потому, что обработка переходитъ съ лучшихъ участковъ на худшіе, а для каждаго участка, какова бы ни была его качество, потому именно, что съ каждаго участка добывается съ тѣмъ же временемъ болѣе большое количество пищи. Воображаемая теория послѣдовательной обработки худшихъ участковъ, о которой много распространяется Кэри, принимая ее за теорію ренты, не имѣетъ ровно не причема; и причина пониженія производительности труда заключается въ условіи болѣе существенномъ, въ это думаетъ Кэри.

Далѣе, различіе въ доходности, какъ показалъ Тюненъ, что также зависитъ отъ разстоянія участка отъ рынка, такъ и отъ качества почвы. Но производительность труда понижается еще независимо отъ этихъ двухъ условій, по мѣрѣ увеличенія большаго труда въ обработкѣ того же участка,—понижается, какъ только требованіе заставляетъ добывать съ почвенной единицы лишнюю единицу продукта. Но производительность послѣдней единицы труда опредѣляетъ рабочую плату для всѣхъ единицъ; слѣдовательно, для уплаты за работу удѣляется та же доля дохода съ десятины. Участокъ давалъ 10 четвертей и требовалъ 1 работника, который получалъ за работу 5 четвертей. Теперь тотъ же участокъ даетъ 13 четвертей при томъ же числѣ рабочихъ. Первый рабочій доставлялъ 5 четвертей, второй прибавляетъ всего 3; поэтому за работу будетъ теперь заплачено $2 \times 3 = 6$ четвертей, а рента будетъ 7 четвертей вмѣсто 5. Прежде доля рабочаго равнялась $\frac{1}{2}$ сбора, теперь она равняется $\frac{5}{13}$, а доля всей работы $\frac{6}{13}$.

Порядокъ обработки, равно какъ и разстояніе отъ рынка не

можетъ измѣнить этого основнаго закона паденія производительности труда. Но, чѣмъ дальше будетъ рынокъ, тѣмъ меньше будетъ общая выработка за вычетомъ провоза на дальнихъ земляхъ; чѣмъ хуже участки, тѣмъ меньше общая выработка на послѣднихъ земляхъ; а такъ какъ выработка на послѣднихъ земляхъ опредѣляетъ вообще рабочую плату, то съ обработкой худшихъ и дальнихъ земель рабочая плата падаетъ и, напротивъ, должна подыматься съ улучшеніемъ этихъ земель или приближеніемъ ихъ къ рынку. То и другое дѣйствительно въ состояніи производить цивилизація, возрастаніе сношеній и капиталъ и децентрализація. И здѣсь-то именно слѣдуетъ искать благотворнаго вліянія начала, проповѣдываемаго вообще Кэри, на распределеніе.

Какова бы ни была сама по себѣ выработка послѣдняго поставленнаго рабочаго на данномъ участкѣ, само собою понятно, что выработка его, за вычетомъ провоза, можетъ измѣняться смотря по разстоянію, на которомъ участокъ находится отъ рынка. Поставимъ одинъ рынокъ или городъ на всю страну. Величина мѣстнаго прокормленія плюсъ спросъ города опредѣлитъ число рукъ, занятыхъ производствомъ хлѣба и выработку рабочаго на самомъ дальнемъ участкѣ или рабочую плату для всей страны.

Поставимъ теперь въ той же странѣ вмѣсто одного города четыре меньшихъ города, распределенныхъ равномѣрно. Валомъ сумма спроса на хлѣбъ остается та же самая, но стоимость провоза уменьшилась. Самый дальній участокъ, находившійся прежде за a верстъ отъ города или рынка, теперь находится на другомъ разстояніи. Если вся площадь страны равна n квадратнымъ верстамъ, то площадь, соотвѣтствующая каждому рынку, теперь будетъ $\frac{n}{4}$ кв. верстъ, и если разстояніе отъ города до дальнѣйшаго участка было прежде a верстъ, а новое разстояніе a' , то они будутъ относиться между собой какъ корни обратныя изъ соотвѣтствующихъ площадей, то-есть:

$$a : a' = \sqrt{n} : \sqrt{\frac{n}{4}} = \sqrt{n} : \frac{\sqrt{n}}{2} \quad \text{или} \quad a' = \frac{a}{2}$$

или стоимость провоза уменьшится вдвое.

Выработка рабочаго на самомъ дальнемъ участкѣ, если она прежде только прокармливала рабочаго и давала ему возможность продать столько хлѣба, чтобы запастись въ городѣ солью и необходимыми орудіями, теперь даетъ избытокъ вслѣдствіе удешевленія провоза. А такъ какъ выработка этого рабочаго опредѣляетъ рабочую плату вообще, то очевидно, что децен-

централизация и приближение рынка должно дѣйствовать возвышающимъ образомъ на рабочую плату и умѣрять дѣйствіе основного закона. Точно также должно дѣйствовать и всякое капитальное улучшение почвы, которое обращаетъ прежде худшій участокъ въ болѣе плодородный. Доля капиталиста за это капитальное улучшение съ каждымъ годомъ должна уменьшаться, вслѣдствіе удешевленія капитала. Между тѣмъ улучшение это остается въ почвѣ, и собственникъ участка не можетъ воспользоваться имъ всегда и сполна. Онъ можетъ воспользоваться только разностью, какая существуетъ вслѣдствіе такихъ улучшеній между качествами его участка и остальныхъ; но если эти капитальныя улучшения становятся общими, если путемъ ихъ возвышается, такъ сказать, общій уровень обрабатываемой почвы, а весьма вѣроятно, что путемъ такихъ капитальныхъ улучшеній съ развитіемъ земледѣлія, первоначальныя естественныя различія почвы должны стремиться къ уравниванію, то выгода такихъ капитальныхъ улучшеній должна доставаться на долю рабочаго.

Въ подобныхъ условіяхъ, неразсмотрѣнныхъ въ точности Кэри, должно заключаться дѣйствительное серьезное вліяніе децентрализаціи на улучшение распредѣленія.

Но эти вліянія могутъ только умѣрять дѣйствіе основного закона паденія производительности труда съ величиной валовой выработки съ участка или, по крайней мѣрѣ, не могутъ предупредить пониженія выработки послѣдняго рабочаго и рабочей платы съ возрастающимъ требованіемъ. Они могутъ дать возможность содержать въ странѣ извѣстное увеличенное населеніе при лучшей рабочей платѣ, но они не могутъ привести теченія вещей къ постоянному возрастанію рабочей платы параллельно съ населеніемъ, о которомъ говорить Кэри.

Здѣсь можетъ быть мѣсто указать еще на другое улучшение, которое вытекаетъ изъ того же начала децентрализаціи для положенія рабочаго класса. Мы можемъ видѣть изъ исторіи, что крѣпостное или рабское состояніе рабочаго не переживало вообще нигдѣ серьезнаго мануфактурнаго развитія; и по крайней мѣрѣ въ Европѣ, гдѣ въ первый разъ это развитіе достигло широкаго значенія, оно сопровождалось одновременнымъ разрушеніемъ крѣпостныхъ отношеній. Причина этому можетъ быть весьма естественная: при развитіи этого рода труда крѣпостной работникъ на землѣ его собственника не доставитъ того дохода, какой онъ можетъ уплатить ему, ставъ промышленникомъ. Вслѣдствіе этого собственная выгода можетъ заставить собственника, вмѣсто обработки земли рабскимъ трудомъ

ствоваться полученіемъ съ такого раба оброка. Этимъ путемъ прежній рабъ, если бы онъ не былъ освобожденъ закономъ въ промышленныхъ мѣстностяхъ, само собою, долженъ былъ вырости въ свободного человѣка, и первоначальная зависимость должна была бы обратиться со временемъ въ плату владѣльцу за право промысла. Но сила еще не въ этомъ, а въ томъ, что мануфактурное развитіе оказываетъ серьезное цивилизующее вліяніе. Оно не только измѣняетъ общій уровень понятій рабочаго, но дѣлаетъ въ суммѣ нѣчто большее и существенное, — на что и должно главнымъ образомъ обратить вниманіе, — оно обращаетъ самую работу изъ простого физическаго акта въ работу, требующую извѣстнаго искусства и знанія.

Работникъ, при посредствѣ разнообразія промысловъ, занятій и улучшенныхъ способовъ производства, изъ простого двигателя обращается въ специалиста извѣстнаго дѣла, отъ котораго требуется извѣстное знаніе и опытъ; онъ становится обладателемъ извѣстнаго умственнаго капитала. А капиталъ этотъ, смотря по роду занятій, можетъ быть весьма значителенъ. Такой трудъ при достаточномъ на него спросѣ оплачивается уже не заурядъ съ простымъ физическимъ трудомъ, а пропорціонально капиталу, который представляетъ искусство и знаніе рабочаго. Этимъ путемъ разнообразіе занятій и развитіе мануфактуръ, промысловъ и знанія возводитъ значительную долю прежнихъ простыхъ рабочихъ въ разрядъ такихъ рабочихъ, трудъ которыхъ оплачивается по болѣе высокой нормѣ, доходящей до весьма крушной величины.

Трудъ нашихъ ученыхъ, литераторовъ, художниковъ, техниковъ, докторовъ, мастеровъ и пр., какъ бы онъ ни вознаграждался недостаточно самъ по себѣ иногда, все-таки вознаграждается несравненно лучше работника на скотномъ дворѣ; а между тѣмъ эти лица, въ случаѣ отсутствія разнообразія занятій и общественнаго развитія, какое даютъ промыслы и знаніе, должны были бы вести жизнь не лучшую простыхъ скотоводовъ и пастуховъ. Самый трудъ земледѣльца съ развитіемъ высшихъ системъ земледѣльческой культуры получаетъ другой видъ, такъ какъ самое земледѣліе, съ развитіемъ механическихъ и другихъ техническихъ средствъ, приобретаетъ болѣе научный характеръ. И въ немъ ощущается все болѣе и болѣе потребности въ такихъ работникахъ, которые бы обладали извѣстными специальными свѣдѣніями. Управление машиной требуетъ болѣе знанія, чѣмъ управленіе клачею, а поправка машины несравненно больше, чѣмъ починка веревочной сбруи. Этимъ путемъ въ рабочей средѣ образуется все болѣе и болѣе умственнаго капитала,

и вмѣстѣ съ тѣмъ должна увеличиваться и доля въ общей выработкѣ ими производствъ, поступающая на вознагражденіе работы.

Противъ этого обыкновенно возражаютъ, что съ развитіемъ высшихъ техническихъ способовъ производства, положеніе простаго рабочаго стало становиться еще хуже, чѣмъ прежде, а нравственный его уровень понижается. Но защитники этого мнѣнія имѣютъ обыкновенно въ виду положеніе послѣдняго рабочаго и затѣмъ обобщаютъ это положеніе на весь рабочій классъ. Такое же обобщеніе совершенно невѣрно. Положеніе послѣдняго рабочаго можетъ оставаться то же или быть даже хуже, но въ то же время техническое развитіе несомнѣнно выдѣляетъ изъ той же рабочей среды рядъ лицъ, положеніе которыхъ становится лучше, увеличиваетъ словомъ сумму среднихъ недостатковъ въ обществѣ въ сравненіи съ болѣе первобытными положеніями общества. Всѣмъ этимъ подтверждается только, что благотворное вліяніе децентрализаціи и въ смыслѣ производства, и въ смыслѣ распредѣленія, справедливо только въ извѣстныхъ предѣлахъ, и что этой децентрализаціи нельзя приписывать ни въ какомъ случаѣ той всеустранивающей силы, какую думалъ приписать ей Кэри.

Мы исчерпали теперь все содержаніе труда Кэри и видимъ, что все оно вращается около опроверженія двухъ частныхъ источниковъ пониженія производительности труда: разнообразія почвъ и разстояній. Мы не видимъ дѣйствительно, чтобы Кэри гдѣ-нибудь серьезно коснулся послѣдней и главной причины пониженія производительности труда или причины ренты, а именно — ограниченности силъ природы. Между тѣмъ эта причина, какъ главная причина ренты, была въ его время указана Тюненомъ, и вопросъ ренты, по крайней мѣрѣ относительно вліянія разстояній, приведенъ послѣднимъ къ тому именно положенію, къ которому онъ приводится и у Кэри.

Мы закончимъ поэтому лучше всего разсмотрѣніе Кэри крайне категорическимъ разсужденіемъ, которое встрѣчается относительно вліянія децентрализаціи на ренту у Тюнена.

Въ государствѣ съ однообразной почвой, говоритъ этотъ писатель (Isol. St. 2 Th. 2 Abth. Стр. 115. Rostok, 1863), въ которомъ есть всего одинъ городъ, рента возникаетъ изъ разстояній, на которыхъ лежатъ отдѣльные хозяйства отъ города. Если въ такомъ государствѣ вмѣсто одного большого города вообразимъ рядъ малыхъ, такъ, чтобы дальнѣйшее разстояніе сель отъ

городовъ не превышало 2 миль, то можно будетъ пренебречь разстояніемъ, и ренты въ такомъ государствѣ повидимому существовать не должно вовсе. Понятно, что это и есть тотъ идеальный случай, котораго желаетъ Кэри. На дѣлѣ мы видимъ однако, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ населеніе гуще и города многочисленнѣе, цѣна хлѣба именно выше, чѣмъ въ мѣстахъ большей централизаціи. Вотъ таблица средней цѣны за шефелъ ржи 1828—1841 года въ Пруссіи.

	За шеф.
Вост. ч. Пруссіи	32
Познань	34
Бранденбургъ и Помер.	37
Саксонія	41
Вестфалія	47
Рейнская Пруссія	51

Какъ разрѣшить это противорѣчіе?

Причина его, говоритъ Тюненъ, очевидна — болѣе густое населеніе вызываетъ большее требованіе урожая съ участка и высшія системы обработки почвы, а эти системы обходятся много дороже простыхъ и даютъ меньшую выработку на единицу труда, то-есть связаны съ пониженіемъ производительности послѣдняго, и это есть именно та причина ренты, которую не въ состояніи уничтожить децентрализація.

Въ суммѣ Кэри не сдѣлалъ слѣдовательно того, что думалъ сдѣлать, не уничтожилъ закона пониженія производительности труда. Но онъ доказалъ, что ограниченность этой производительности, кромѣ существенныхъ и неустраняемыхъ причинъ, можетъ имѣть причины случайныя, заключающіяся въ условіяхъ первобытной жизни, маломъ населеніи, отсутствіи сношеній, разнообразіи занятій и мѣстной жизни, устраненіе которыхъ есть прямая задача историческаго развитія общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ доказалъ, что развитіе сношеній, разнообразіе занятій и децентрализація составляютъ несомнѣнный соціологическій законъ, отъ выполненія котораго зависитъ увеличеніе благосостоянія и средствъ общества въ наибольшихъ предѣлахъ, которые только доступны для общества при текущихъ условіяхъ.

Ю. Жуковскій.

ЧУМАКЪ

ВЪ

НАРОДНЫХЪ ПѢСНЯХЪ

Этнографическій очеркъ.

«Языкѣ, законодательство, кодексъ нравственныхъ правилъ—все это отвлеченности; полное же знаніе доставляетъ изученіе человека дѣйствующаго, тѣлеснаго, видимаго, который ѣстъ, ходитъ, борется, работаетъ».

Т э н ъ: Histoire de la littérature anglaise.

VI *).

Чумаки въ дорогѣ.

Вотъ, чумаки и въ дорогѣ. Съ этого только времени, собравно говоря, имъ и должно бы принадлежать названіе, ко-е они носятъ: тутъ украинецъ только и получаетъ тотъ ческій отѣнокъ, по которому узнается чумакъ. Тутъ са-и условіями жизни вызываются иные обычаи, правы, мысли, являющіе отличительную черту чумака. Послѣдуюмъ же за ацею валкою.

Оставивши родное село, чумаки, предводительствуемые ота-юмъ, минули знакомыя, сосѣднія села, потонувшія въ рос-

^{*)} См. выше: авг. 208 стр.

вошныхъ садахъ; мало-по-малу исчезаютъ, рѣдѣютъ и хутора—эти ярко-зеленые сады нашей Украины: чумацкая валка, покинувши «селидьби», выбирается на чистую, голую степь, — степь дѣвственную, по которой еще не проходилъ плугъ «хлібороба» и не оставилъ ни единой борозды... Когда эта безбрежная необозримая степь приняла длинную валку въ свое сонное, молчаливое лоно, — какая-то воля почувствовалась на душѣ ея даго изъ чумаковъ... Глухому шелесту «тирсы» (ковыль-трава) чумаекъ отвѣчаетъ оглушительнымъ крикомъ: «Гей, степи, поля—роскѣшъ моя!» И вотъ, среди этой степи, палимой знойнымъ южнымъ солнцемъ, «битимъ шляхомъ» (битой тропой) таянется подымая пыль въ гору, длинная валка чумаковъ:

Та идуть воли дорогою
 Та все бедратні,
 А за ними чумаченьки
 Та все жоватні;
 Та идуть воли дорогою
 Та все круторогі;
 А за ними чумаченьки
 Та все чорноброві;
 Та идуть воли дорогою
 Та все половни,
 А за ними чумаченьки
 Та все молодні...

Чумаекъ никогда въ дорогѣ не гонитъ своихъ любимцевъ «воливъ», онъ ѣдетъ обыкновенно не спѣша — «по хозяйскій».

Ой я зроду чумакую (говоритъ онъ), —
 Иду на гору — не бичую,
 А зъ гори йду — не гальшую,
 По рівному — поганяю...

Относительно ѣзды у чумака выработались такіа практическіа наставленія: «Пощануй худобу разъ, — вона тебе десять разъ пощануе»; — «шануй гори й мости — будуть ціліи твої кісті». Оттого одна изъ главныхъ заботъ чумака въ дорогѣ — это его воли. Чумаекъ знаетъ, что «въ кого вілъ та коса — въ того й грошей кіса», а также ему извѣстно, что «за добримъ товаромъ зовуть и паномъ». Но чтобы «товаръ» былъ такой, какъ слѣдуетъ, необходимъ бдительный уходъ за нимъ, присмотръ «хозяйське око, говоритъ пословица, товаръ тучить». Поэтому, все почти вниманіе чумака въ дорогѣ обращено на воловъ, — чтобы они и наѣлись въ пору, и напоены были въ пору, и чтобы имъ данъ былъ продолжительный отдыхъ.

Пускаясь въ путь обыкновенно съ разсвѣтомъ, чумаки не

бють отѣхать 10 — 15-ти верстѣ, какъ уже останавливаются лѣвъ попасати», а вмѣстѣ съ тѣмъ и себѣ сварить «снѣдання». бимымъ мѣстомъ, гдѣ чумаки останавливаются «на попасъ», аетъ долина. Во-первыхъ, потому, что въ долину всегда по-бываетъ довольно травы — «попасъ добрый», а во-вторыхъ — долиною неразлучна вода: или гдѣ-нибудь «озѣрце» пріюти-сь, среди густого камышу, или можетъ быть «криница» тихо юрять» изъ-подъ горы... Чумаки любятъ такіа мѣста: вода степи составляетъ едва ли не болѣе важное условіе для «по-у», чѣмъ самая «паша».

Но вотъ чумаки наши, наконецъ, расположились «на по-». Выпрягли воловъ изъ возовъ; отрядили «погоничѣвъ» ти «худобу», а сами готовятся варить кашу.

Среди степи, надъ дорогою, заставленною чумацкими «ма-и», неподалеку отъ заросшаго камышемъ озера, раннимъ омъ дымится разведенный огонь. Надъ «багаттямъ (костеръ) атъ «таганы» (родъ трепожника), а на нихъ виситъ «ва-ъ» (котелъ) съ кашею. Тутъ же, вокругъ пылающаго «огныща», положились и чумаки. Сидятъ они — кто какъ попало: одни, высокихъ «бриляхъ» (шляпа) съ широкими «крисами» (поля), панувши къ огню поги, мрачно уставили глаза на идущую казана «пару»; другіе, сбросивши брили, полулежа грѣютъ а на огнѣ отъ свѣжей утренней прохлады; третьи лежатъ пшми вверхъ... Утренній вѣтеръ «подихае» изъ озера и про-одитъ въ нинхъ ватажанахъ лихорадочную дрожь, а въ дру-тъ задѣваетъ длинныя «чуприны» и не совсѣмъ пріятно ше-ить ими. Загорѣлыя чумацкія лица угрюмы; сами чумаки малыы: къ тому обыкновенно располагается раннее утро. Ни токъ, ни пѣсенъ — неразлучныхъ спутниковъ чумацкой жизни... Лко слышенъ трескъ горящихъ дровъ; только жаворонокъ лко заливается вверху, а съ озера доносится крикъ утки, лкающей пискливыхъ утятъ, да слышенъ сапъ воловъ, съ ьшимъ аппетитомъ пожирающихъ сочную росистую траву...

Наконецъ, готова пища и для чумаковъ — обыкновенно «каша» и «галушки». Кашоваръ спимаетъ казанъ съ огня, вынимаетъ ь «торби» (сума) ложки, которыя каждый изъ чумаковъ вру-тъ ему передъ выѣздомъ — и чумаки, выпивши по чаркѣ «го-и», усѣлились «спідати». Заморивши червяка, чумаки по-селѣли: лица сдѣлались довольнѣе, языки начали развязы-ться — слышались путки, говоръ... А тѣмъ временемъ и запъ опустѣлъ. Поблагодарили Бога и кашовара «за хлѣбъ, сль и за снѣдання», и — по слову отамана — принялись под-зывать возы, запрягаютъ воловъ... Уже все готово: возлѣ каж-

даго воза чумаекъ - хозяинъ, а впереди всѣхъ — отаманъ. Тутъ снова молитва о помощи, — и валка медленно двинулась.. «Гей, сірі! гей, полові!..»

Идутъ возы изъ - за горы вискрипуючи,
А за ними чумаченьки — вигукуючи!

Но чумаки не всегда находятъ себѣ такой удобный «пѣпасъ»: иногда они ѣдутъ, ѣдутъ, — нѣтъ паши! Уже верстъ 15-ть сдѣлали — негдѣ остановиться, да и только. А волю «режутъ» и за сердце чумака хватается досада. Ёдутъ они все дальше и дальше; спускаются въ долину; но и тамъ голо: впереди прошедшія валки всю траву выеормили. Что дѣлать? Чумаки обращаются «за порадою» (совѣтомъ) къ отаману:

Отамане, батьку нашъ,
Порадь же ти теперь насъ!
Що будемо робити —
Чимъ волики кормити?

Отаманъ, который уже не разъ бывалъ въ подобной бѣдѣ, не унываетъ: онъ старается ободрить грустныхъ своихъ товарищей:

Ой ще, хлопці, не біда —
Есть у полі лобода (лебеда)
Косіть, хлопці, лободу,
Забуйте всю біду!

Когда же въ полѣ нѣтъ и «лободи», отаманъ «радитъ» косить даже «пшеницю» или «ячмінъ», а если и того нѣтъ, то хоть «споришъ» (мелкая трава) — лишь бы не голодали волю.

Видя своихъ воловъ голодающими, чумаекъ самъ не знаетъ, какъ ему и обратиться къ нимъ. Онъ готовъ передъ ними расстачать всевозможныя ласки, чтобы хоть немного смягчить свою невольную вину — отсутствіе корму:

Ой воли мої, сірі та рябіні,
Ой які жъ бо ви добрі!
Ой стоїте у возахъ та ярмахъ
Ажъ по три дні голодні...

А волю ему въ отвѣтъ:

Ой стоїмо по три дні у возахъ та ярмахъ —
Ажъ изъ очей слези...
Ой пусти жъ насъ, пане хазяїне,
Хочъ въ ті густі лози:
Ой нехай, ми трошки попасемся
И водиці напьемся,
Тоді ти насъ запражешъ,

А самъ спати ляжешь —
Ми зъ дороги не зібьемся!

Если же волю чумацкіе, отъ утѣмы или голода, пристануть —
огда бѣда. Чумаекъ самъ не свой. Пословица чумацкая говоритъ:
Якъ візь ламаецця — чумаекъ ума набираецця; а якъ вілъ при-
гае, то въ чумака й ума не стае». Пѣсня поетъ:

Ой котилося сонечко по надъ горою,
По - надъ тією чумацькою дорогою,
Стало сонечко пригрівати, —
Стали того чумаченька воли приставати,
Стали його товариші покидати...

Чумаку тяжело оставаться одному «въ чужій стороньці», и
въ просить товарищей:

Ой ви чумаченьки, ви братці мої,
Не кидайте мене, брідця, въ чужій стороні:
Ще жъ я въ чужій стороньці не привикъ,
Бо у чужій стороньці нема роду-родиночки —
Ні до кого прихилити й головочки...

Товарищи, конечно, никогда не оставятъ чумака одного въ
несчастіи: измѣна товарищу въ несчастіи почитается однимъ
въ самыхъ позорныхъ поступковъ. Чумаекъ, сдѣлавшій это, во-
преки совѣсти и «чумацького звичая», едвали когда-нибудь най-
детъ себѣ валку, которая приняла бы его въ товарищи: «Хто
изъ товариства одстане, говорить пословица, — нехай одъ того
квѣра одстане, якъ на вербі по весні». И ни въ пѣсни,
ни въ жизни намъ не встрѣчалось примѣра, чтобы чумаки
оставляли товарища одного въ несчастіи. «Товарищъ мовний
(разговорчивый), — говоритъ украинецъ, — стоить за візь смо-
рѣний» (подмазанный). Слѣдовательно, бросить товарища нельзя.
И чумаки обыкновенно остаются при несчастіи помогать сво-
ему бѣдному товарищу. Иногда день, два и три простоятъ на
мѣстѣ, ожидая пока приставшіе воли «вихорують». Но быва-
ють и другія бѣдствія, постигавшія чумаковъ въ дорогѣ.

VII.

Нападенія на чумаковъ.

Въ то довольно отдаленное отъ насъ время, къ которому мы
отнесли образованіе чумачества, да и много позже — до конца
XVIII-го столѣтія, путь, пролежавшій черезъ теперь уже засе-
ленную Новороссію, былъ самый небезопасный. Несмотря на

вооруженные походы чумаковъ, ихъ весьма часто постигали несчастія — не рѣдко стоявшіе имъ не только всего «добра чумакаго», но и жизни. Чумацкія валки постоянно подвергались нападеніямъ или камышниковъ, гайдамаковъ, или татаръ, табуны шлявшихся въ пустынной степи, или же крымцевъ. Весь этотъ жадный людъ такъ и сторожилъ на перепутьи, чтобы поживитъ на счетъ чумака.

Едва покидали чумаки населенныя мѣста Украины, на пути у самаго входа въ необитаемыя степи, ихъ поджидали хищныя шайки степныхъ «харцизъ» — камышниковъ, добышниковъ, главный притонъ которыхъ лежалъ по пути чумаковъ, на скалистомъ островѣ р. Буга—Мигеѣ, а также на островахъ р. Днѣпръ, покрытыхъ въ тѣ времена непроходимыми лѣсами, очеретными болотами. Добышники эти были тѣ самые бездомные, безсемейные бурлаки, что въ началѣ XVI-го в. бѣжали отъ польскихъ пановъ тѣ самые «винники, броварники (пивовары)», которымъ надо было дѣлать вѣкъ работать по панскимъ «винницямъ, броварамъ», которые удирали на *Низъ*. Отъ мѣстъ, на которыхъ они засѣли, происходитъ и самое ихъ названіе *камышниковъ, мулярей*. Обитые отъ семьи, бѣжавшіе отъ давленій и насилій, одичавшіе подъ вліяніемъ суровой природы лѣсовъ, болотъ, очеретовъ, эти безпріютные бурлаки часто сами принимались за всякія тяжелые промыслы, которыми они занимались — рыбную ловлю, звѣриную охоту — они мѣняли на болѣе легкіе — охоту на чумацкія валки.

Пѣсни весьма подробно изображаютъ нападенія, какимъ подвергались чумаки въ степи.

Ѣдетъ валка дорогою, которая до сихъ поръ обходится благополучно: все «товариство» здорово, воли — тоже, паша вдоволь, вода есть. Тихо плетутся воли вдоль одиночато шлиту, дѣлая 20—30 верстъ въ сутки. Останавливаются наши чумаки въ сутки три раза. Первый разъ — рано утромъ, отъѣхавши вѣдь 10—15 отъ ночлега; потомъ часовъ въ одиннадцать, какъ только станетъ «солнечко пригрѣвати», чумацкая валка сворачиваетъ съ дороги «воливъ попасати» и сварить «чумацкій обѣдъ». Шумно и весело проходитъ «чумацкій обѣдъ», приливаемый «медомъ, виномъ» и «солодкою розмовою». Лица чумаковъ беззаботны, свѣтятся подогрѣтою виномъ радостію; всѣ мысли ватажанъ переходятъ «въ веселую бесѣдочку»: тутъ забываются и горести и печали, если они у кого были... Кругомъ довольныя, смѣющіяся лица, кругомъ неподдѣльное веселье: шутки, говоръ, пѣсни... Но въ степи чумацкихъ пѣсней некому слушать: онѣ, какъ дымъ, разнесаются вѣтромъ по долинамъ, пугаютъ пріютившихся въ травѣ

тепныхъ птичекъ и теряются гдѣ-то далеко-далеко между видѣющимися горами... Только иногда можно замѣтить присутствіе печали: то — молодой, еще непривыкшій къ нелегкой дорожной жизни, новичекъ-чумаекъ, забравшись на самый дальній возъ, съ оремъ въ сердцѣ, съ печалью на лицѣ, — переливаетъ свою «тѹгу» въ грустную мелодію неразлучной сопѣлки... Тоска по «отцуюннцѣ», а еще чаще «по молодій дівчинѣ» напоминаетъ, что адости въ жизни перемѣшаны съ печальями... Такъ проходитъ аса три, четыре—пока чумаки пообѣдаютъ и заснутъ. А часу въ четвертомъ, переждавши сильную полуденную жару, валяка нова пускается въ дорогу: снова медленнымъ шагомъ плетутся омы «по закуреному шляху», пока не начнетъ «сонечко низенько адияца». Тогда чумаки поспѣшаютъ на ночлегъ, довольные, то день прошелъ «безъ пригоды». Только сердце одного «чумацького отамана» неспокойно: онъ будто предчувствуетъ что-то неброе:

Ой високо сонце сходить,
А низенько заходить:
Гей, смутень-смутень чумацькій отаманъ
Та по табору ходить.
Ой вінъ ходить, білі руки ломить
И словесно говорить:
«Гей, ви хлопці, превдали молодці,
Та де будемъ ночувати?»

«Хлопці» ему отвѣчаютъ:

— Ой ми будемъ ночувати
Въ темнімъ лузі, край байраку.

Получивши на этотъ отвѣтъ одобреніе отамана, чумаки —

Спускаютца въ глубокую долину,
Стають вони ночувати —
Сірихъ волівъ попасати;

или же:

Привертають къ зеленому гаю (роща),
Стадовляцця й випагають;

и то даже и —

Не доходя къ зеленому гаю,
Стали вони ночувати.

Ночлегъ чумацькій бываетъ также и «въ степу, край долини», гдѣ чумаки распускаютъ «сірі воли по зеленій муравині»; или «въ степу, край дороги», чтобы пустить на пашу волю «по зеленій діброві».

Но вотъ, въ то именно время, когда, «не доходя къ зеленому гаю, стали вони ночувати», —

Виходило зъ зеленого гаю
Сорокъ чоловікъ розбою, —
Попереду ватагъ молоденький
На воронімъ коню...

Этотъ «ватагъ», на добромъ конѣ «грае — до табору привертає
и привѣтствуетъ чумаковъ насмѣшкою:

А здорови хлопці, превражні сини,
А здорови ночували!
Скажіть миші, хлопці, превражні сини,
Та де жъ вашъ отаманъ?

Чумаки видять — бѣда!

Нашъ отаманъ (говорять они) та по-за возами —
Умиваецця слезами;
Нашъ отаманъ та по-за новими —
Умиваецця дрібними...

А кто отаманъ — не сказали. Но немедленно сошлись всѣ «и купи головами», порадылись, посчитали сколько ихъ — и тогда только объявили «Гавриленко — нашъ отаманъ!» Но не успѣли они осмотрѣться, а «вражий здобишникъ» какъ ударить отамана «срібнимъ списомъ въ груди, — ажъ списъ йому изогнувся»... Несмотря на то, Гавриленка не легко сбить съ ногъ: чумацкій отаманъ часто бываетъ такой же «характерникъ» (волдунъ) какъ и «ватагъ» разбойниковъ, — убить его можно только «срібною кулею» (пуля), которой онъ «заговорить» не можетъ. Гавриленко не взялъ даже «срібный списъ»: онъ стоитъ, какъ говорится въ пѣснѣ, «не вступився», а только «обернувся — осміхнувся», и, обратившись къ «товариству» спрашиваетъ у него совѣта:

Ой що жъ теперъ, славне товариство,
Що будежъ робити? —
Ой що багато вражихъ здобишниківъ
Зъ сього світа губити!..

Такъ сильно великодушіе чумацкаго отамана. И это общая черта малороссійскаго характера. Когда врагъ находится въ рукахъ малороссіянина, онъ къ нему относится не только безъ мести, но съ большимъ состраданіемъ. Вопреки увѣреній лицъ, незнающихъ близко малороссіянъ, — они вовсе не мстительны; но малороссіянинъ все-таки никогда причиненнаго ему зла не забудетъ: онъ будетъ помнить его ради осторожности.

Изъ словъ чумацкаго отамана, что «багато вражихъ здобишниківъ зъ сього світа губити», видно нежеланіе его круто расправиться со всѣми грабителями. Поэтому онъ спрашиваетъ

совѣта у «товариства». Какъ оно постановитъ, — такъ тому и быть. Другое дѣло — расправа съ «ватажкомъ» гайдамацкимъ, который всему «голова», отъ котораго вся «бѣда склалася». Съ нимъ чумацкій отаманъ не церемонится: грозный приговоръ произносится безъ всякаго колебанія:

Ой підійміте, хлопці, війня въ гору,
Та ганами підопріте, —
Ой беріть зъ возівъ, беріть шнуровання —
Та ватажку й починайте!

А такъ какъ, кромѣ пакостей, не разъ уже причиняемыхъ чумакамъ по инициативѣ «ватажки», онъ еще и подсмѣивался надъ ними (а насмѣшка для малороссіянина обиднѣе всего); то чумаки платятъ и ему тою же монетою:

Ой ото жъ тобі, превражий ватажку,
Та й на світі не жити:
Ой ото жъ тобі, превражий ватажку,
Насъ десяти не побити!

Впрочемъ, при оборонѣ отъ «здобихниківъ» дѣло иногда не ограничивается казнью одного «ватажки», а стоить жизни всѣмъ грабителямъ. Такъ, когда на чумацкую валку напало гайдамаковъ «сорокъ и чотирі», отаманъ энергически скомандовалъ:

Ой ви хлопці, предали молодці,
Та беріте дрюки (дубина) въ руки, —
Ой бийте-бийте, бийте-вибивайте
Та превражихъ гайдамаківъ!
Ой бийте-бийте, бийте-вибивайте,
На нові вози складайте;
Ой та поїдемо у городъ Полтаву,
Та наробимо славу!
Ой славенъ городъ, славная Полтава,
Що не гине наша слава:
Ой що сорокъ, сорокъ и чотирі,
Насъ десяти не побили!

Несмотря на жесткія расправы съ гайдамаками, — рѣдкая чумацкая валка въ давнія времена не подвергалась ихъ нападеніямъ. Этому, конечно, способствовали густые камыши на болотахъ: куда грабители, при видѣ бѣды, прятались. Чумаки такъ были недовольны этими «нѣтрами», что иногда поджигали ихъ, дабы лишить сповойнаго убѣжища этихъ бродягъ:

Ой ишли чумаки зъ України,
Стали попасати край долини,
Викресали огонь зъ оружжия —
Та пустили пожаръ по долині...

Но и, поминувши «нѣтри Дніпрові», вступая въ открытую степь, — чумаки были едва ли еще не въ большей опасности. Тутъ, далѣе къ югу, въ глухой степи, чумацкія валки натянулись на бродящія шайки ногайскихъ татаръ, жаждущихъ поживы «чумацкимъ добромъ».

Вотъ расположились чумаки «на пѣпастъ», повидимому, въ довольно безопасномъ мѣстѣ, неподалеку одиноко торчащей среди степи вербы; размѣстились подъ ея тѣнью: одинъ сидитъ «у скрипочку» или въ «сопілочку грае»; другіе поютъ пѣсни, а нѣкоторые вблизи —

...сидять міжъ возами
Медь-вино кружають...

Тутъ же помѣстился и старей чумакъ — Цымбалъ, «горілку кружае». — Вдругъ, среди общаго веселья, какъ камень на голову, падаетъ вѣсть о несчастіи. Пришедшій товарищъ обращается къ Цымбалу:

А годі, годі, старий Цымбалъ, горілки кружати!
Превражні бусурмане негараздъ зробили:
Усі воли позаймали, кривого лишили —
Одного кривого, другого старого...

Посмотрѣлъ Цымбалъ «вругомъ себе», а воловъ дѣйствительно нѣтъ:

Та нема Сокола, та нема Соловья,
Що поперед ходять...

Что тутъ дѣлать? Къ кому обратиться при такой бѣдѣ?..

Ой ударився старий Цымбалъ
Объ поли руками:
«Теперь же ми, миле браття,
На віки пропали!»

Однако подобное отчаяніе непродолжительно: Цымбалъ скоро оправляется, дѣлаетъ необходимыя распоряженія объ отысканіи воловъ:

Ой якъ крикнулъ старий Цымбалъ
На хлопця малого:
«Сідай, хлопче, сідай коня,
Сідай вороного, —
Давай знати въ третю роту
Ажъ до кошового!
Давай панамъ знати,
Давай панамъ знати:
Нехай дають порадовку —
Волівъ одшукати!»

Или же, чтобы паны, т.-е. войсковая запорожская старшина

....дозволили, та й повеліли
Всю громаду зібрати—
Волівъ одшукати!

А въ другомъ варіантѣ этой пѣсни чумаки посылають хлопця
«до батька рідного»:

Та нехай батько, та нехай рідний
Та листи засилає
Про чумацьки воли, про чумацьки вози,
Про його погодиці!..

Хлопець, немедленно осѣдлавши коня, поскакаль дать знать
кому слѣдовало о чумацкой бѣдѣ — и, къ счастью, нашаль какъ
разъ на слѣдъ:

Біжить хлопець, біжить малий
Густими тернами:
Похилились густі трави,
Де воли прогнали...

Конечно, воли вскорѣ были догнаны и отняты у грабителей:

За річкою та за бистрою
Въ усі дзвони дзвонять:
Не журитись, миле браття—
Назадъ воли гонять!
Та сопуть воли, та сопуть воли,
Травницю толочать,
А за ними чумаченьки
Батіжки волочать...

Иногда при преслѣдованіи случается захватить и «превраща-
емого бусурмана» въ плѣнъ. Тогда уже ему нѣтъ пощады. Тор-
жественно ведутъ его чумаки къ табору, взводятъ «на круту
могилу» и заставляютъ послѣдній разъ, какъ бы на прощанье,
посмотрѣть «на свою країну». Басурману, конечно, въ такихъ
случаяхъ бываетъ не до того:

Да теперъ миві, миле браття,
Країна не мила!

Онъ знаетъ, какая его участь постигнетъ черезъ нѣсколько
минуть. Онъ даже не проситъ пощады — и апатично отдаеть
свою судьбу въ руки неумолимыхъ враговъ: онъ только дожи-
даеть, какъ бы скорѣ наступила минута кары. Наконецъ, она
настала:

И підняли бусурмана
На три списи (пикн) въ гору!..

При этомъ слышалась злая, полная отплаты за всѣ несчастія,
насмѣшка надъ окровавленнымъ трупомъ басурмана:

Дивись, дивись, бусурмане,
 На нашу свободу!
 Ой що наша свободонька,
 Якъ має, процвітає;
 Бусурманська жь головонька
 Кровью окипає!

Но и нападеніємъ дикихъ татаръ на валки не ограничивались бѣды чумаковъ. Подвигаясь въ Крыму, они встрѣчали еще одного лютаго врага — орду крымскую. Несмотря на мирныя трактаты съ Польшею и Россією, крымцы нерѣдко подымались — и первою ихъ жертвою бывали чумаки. Таѣ, когда чумацкая валка благополучно достигла уже Крыма, — тутъ, «надъ річкою надъ Салгирью» на нее напала орда:

Ой у неділоньку, рано-пораненьку,
 Якъ стало світати, —
 Стала орда все чорная
 С-підъ моря вставати...

Чумаки и не догадываются, какое ихъ ожидаетъ несчастье: «навантажують (наваливають) мажі соли» какъ можно больше, довольные, что достигли, наконецъ, цѣли такого длиннаго и опаснаго путешествія. Но ихъ предостерегаютъ «німці-компанійці»:

Годі, годі, чумаченьки,
 Въ Крыму солі брати:
 Запрягайте воли въ вози—
 До башти (башни) втікати!

Кто изъ чумаковъ слышалъ это предостереженіе, — тотъ, набравши соли, поскорѣ утѣкъ въ переконской башнѣ:

А которі чумаченьки
 Того не чували, —
 Вони жь въ тому превражому
 Крыму пропадали...

Набѣжавшая орда однихъ «порубала, посікла», другихъ — «уполовъ заняла»... Запорожцы, прибывшіе «чумаченьківъ ратувати», застали уже кровавую картину смерти:

Лежать наші чумаченьки,
 Де — два, де — чотирі...
 Лежать наші чумаченьки,
 Якъ вьалая риба:
 На нихъ плаття и одежа
 Кровью окипіла...

VIII.

Чумацкія печали и разгулъ.

Пѣсни, изображая матеріальныя бѣдствія, сопровождающія мака въ дорогѣ, отсутствіе корма и водопоя, разныя «пригоды» волами, а также нападенія на чумацкія валки грабителей, суютъ намъ также картину душевныхъ невзгодъ чумака. Съ праваго взгляда вѣжется, будто на этихъ заваленныхъ сыновъ епей едва ли можетъ найти мрачное облако печали. И дѣйствительно, обыденное настроеніе валки въ пути, — самое безботное, веселое. На попасѣ—неумолкаемый говоръ, постоянныя утки, пѣсни. Вся, повидимому, валка принимаетъ участіе въ общемъ весельи. Но выпадаютъ минуты, когда тоска грызетъ, едя толпы шумныхъ товарищей, какую-нибудь одинокую душу... оставленный между домашними привязанностями и бездомнымъ, непрерывнымъ скитаніемъ по «широкихъ степяхъ», — чумакъ ученикъ собственной воли. Шумная, исполненная и радостей «пригодъ», жизнь не въ силахъ заглушить то грустное чувство, какое часто охватываетъ душу его при воспоминаніи о домашнихъ. А память о домашнихъ никогда не оставляетъ чумака. Для него дороги отецъ, «рідна ненька»; ему жаль «любую дину»; скучно «за малими дітьми»; тяжела разлука съ «милкою-глубонькою сивою»... Чаше всего воспоминаніе о близкихъ ревожитъ чумака вечеромъ, когда онъ, усталый отъ дневного путешествія, остается, въ ожиданіи «вечері» — самотою, съ своею «думною думною».

Вдали отъ огня, на вѣі (дышло) послѣдняго изъ возовъ, словно спрятавшись отъ товарищей, свѣсилъ чумакъ на грудь тяжелую голову. Лицо его мрачно: видно — какъ пробудилась тоска въ душѣ и охватила сердце... Тихо, чуть слышно задрала сопілка — эта неразлучная подруга чумацкой печали, — подруга, которой онъ повѣряетъ свое горе... Посмотрѣлъ бѣдлага-чумакъ на своихъ воловъ, а «вони чому-сь не пасущія», словно и они раздѣляютъ печаль своего хозяина... Ему еще тяжеле стало! Глядитъ онъ на дорогу: степь и степь кругомъ, безбрежная степь, по которой—едва примѣтно—взвилась змѣей «чумацкая дорога», теряясь изъ глазъ во мглѣ вечера... Куда идти «за порадою»? Наступаетъ ночь — тихая, дѣтняя, звѣздная ночь, какія бывають на югѣ. Ея чарующій полумракъ окутывается непроницаемымъ покровомъ и степь, и дорогу, и дальные возы, и волы... Только видны, при свѣтѣ огня, на темномъ

фонѣ, оживленные лица товарищей. Кто люльку курить; кто разлегся противъ полмы; тутъ же въ кружку, передъ огнемъ, сидитъ цѣлая «юрба». Говоръ смѣняется смѣхомъ; смѣхъ — говоромъ: то беззаботная голова тѣшитъ досужую компанію чудовищными вымыслами фантазіи или замѣчательными случаями дѣйствительности. Наконецъ, все затихло... Спустя немного, послышался изъ толпы голосъ; за нимъ — другой, третій... Дружная пѣсня разбудила мертвую тишину степной ночи. Мало-помалу грустная перешла въ веселую, веселая — въ плясовую; за свистѣла сопілка — доносятся танцы... Одиночество среди этой дикой картины еще сильнѣе даетъ себя чувствовать. Воображеніе рисуетъ чумаку его родную «хату», съ ея тихими радостями. И кажется ему — семья вечераетъ... Тутъ же и его «жінка любя», въ кругу полусонныхъ дѣтей, дѣлитъ «вечерю». Она спрашиваетъ у дѣтей: «Де-то теперь нашъ батько?» И, не получая отвѣта, добавляетъ: «Хай йому легенько згадаецца!»... Вотъ и вечера окончена. Укладываетъ дѣтей заботливая мать «на нічъ»; каганецъ потушила и сама легла на «постіль біленьку». Но ей не спится: дума о своемъ миломъ какъ огнемъ жжетъ ея голову... А «милий» въ это время всю свою душу отдавъ ей — и «сопілка» тянетъ еще болѣе грустную ноту:

Хазяїнъ дома та хазяїнує —
На білому спати лягає,
А безшасний чумаць у дорозі
Всяку муку привімає:
Ой стеде хазяїнъ та у себе дома
Пуховую пуховицю,
А безшасний чумаць у дорозі —
Та нещасну важницю!..

Или же фантазія рисуетъ чумаку «милу» при другой обстановкѣ: грустная, безутѣшная жена его «отсунула кватирку», смотритъ на улицу — не ѣдетъ ли ея чумаць? Тутъ же, возлѣ нее, обступили «малі діти» — спрашиваютъ «батька»... Чтò имъ отвѣтитъ? Она уже, бѣдная, «закаляла білі ручки, віконечко відсуваючи — на битий шляхъ виглядаючи», — только «важенько вздыхає» о томъ, что ея милого, «голубонька сивого зъ дороги немає»... И чумаць, волнуемый такими тягостными впечатлѣніями, восклицаетъ:

Лучче бъ було хазяїнувати,
Нїжъ по дорогахъ ходити!

Но тоска по домѣ — участь не однихъ семейныхъ: неженатый чумаць, оставившій «кохану дівчину», едва ли еще небольшоше тоскуетъ по ней. Мысль о ней преслѣдуетъ его во всю дорогу.

Что дѣлается съ нею? Любитъ ли она его, какъ обѣщала, или же промѣняла на другого?.. Страхъ и надежда отъ этихъ вопросовъ чередуются въ душѣ чумака. Передъ его глазами—одна степная ширь, закутанная во мракъ ночи; тутъ же безгласные вои, да разгульные товарищи, позабывшіе на время свои собственные печали... И чумакъ затягиваетъ:

Викопаю криниченьку въ степу, въ кремені, —
Чи не прийде дівчинонька по воду къ мині?

Напрасны однако его ожиданія:

Та вже съ тні криниченьки орли воду п'ють,
Та вже мою дівчиноньку нѣкъ шлюбу (вѣнецъ) ведуть:
Одинъ веде за рученьку, другий—за рукавъ,
А я їду—серце в'яне: любивъ, та не взявъ!

Въ памяти чумака еще живѣе воскресаетъ кроткій, невинный, исполненный душевной силы и вѣры въ клятву, образъ дѣвицы, которая хотя и подчинилась волѣ старшихъ—«стала на рушничку» съ нелюбомъ, но сердца ему своего не отдала. Но вотъ началось вѣнчанье. Предъ алтаремъ, въ печали и горѣ стоитъ дѣвица съ своимъ врагомъ—нелюбомъ; вотъ уже ея «білі руки» связали платкомъ съ руками нелюба—двѣ слезы горячія заискрились въ ея глазахъ варихъ и повисли на лицѣ, поблѣднѣвшемъ отъ борьбы, отъ испуга... Нелюбъ «невважає» на нихъ: онъ самодовольно обращается къ ней: «Теперь ти моя?!» Что отвѣтитъ дѣвичині? Видитъ она, что все уже кончено; она заплакала: «Неволя моя!..» только и могла сказать... Все это дѣлается дома, или сдѣлалось уже—еще до выѣзда чумака въ дорогу... И онъ, видя все свое безсиліе воротить прошлое, старается примириться съ настоящимъ:

Въ кого жінка, въ кого діти
Тому дома добре жити....
А я собі бурлакую—
Отчимъ-же я й чумакую!

Иногда тоска чумака по родинѣ доводитъ его до отчаянія, но чаще онъ старается утопить свое горе въ разгульных попойкахъ. Вино заливаєтъ «журбу впрямую», но въ немъ иногда то-нетъ и «чумацьке добро».

Самые большіе охотники «до гульні» между чумаками тѣ, кому особенно терять нечего. Это—«наймити», посылаемые въ дорогу. Въ пѣснѣ одинъ изъ такихъ бѣдняковъ, цѣлый свой вѣкъ промучившись, «чужі вози мажучи, чужі воли пасучи»,

наконецъ, не выдерживаетъ. Подъѣзжая къ шинку, весь измогшій отъ дождя, непогоды, «на волнѣхъ гукае»:

Гей, гей!
Ой чужі воли, не думі,
Та вивизить мажу въ каюжі (лука),
Та поставте мажу на суші—
Та били шинкарки Настусі!

Воли послушно. вытащили изъ грязи тяжело наложенный возъ и подъѣхали къ шинку. Чумаки тутъ какъ дома:

Въ шинокъ приїде, прямо стане,
На шинкарку любо гляне,
Ой шинкарочко Настусю,
Та дай меду-вина напьюся!

Вдучи въ Крымъ, чумаки заходятъ въ шинокъ и берутъ водку часто «на-боръ», т.-е. въ кредитъ; а потомъ, возвращаясь съ товаромъ, отдаютъ шинкарежъ за набранное вино соли или рыбкою:

Ой шинкарочко молода,
Усипъ меду, ще й вина;
Та усипъ квартиру на віру—
Пиши гроші на стіну;¹⁾
Да якъ стіну розбирешъ,
Тодій гроші заберешъ!

Шинкарка увѣрена, что чумаки только шутятъ: она ему отпускаетъ и медъ и вино въ кредитъ, потому что она ему

На сто рублівъ навірає,
А на двісті прищитає;

и въ случаѣ у чумака нечѣмъ будетъ рассчитаться, она «сирволи залигає»....

Вотъ уже «разбирає хміль» чумацкую голову, а чумаки все не унимаются. Онъ то-и-дѣло покрививаетъ на шинкарку:

Шинкарочка молода,
Підій меду, ще й вина!

Шинкарка смотритъ на него: изодранный «жупанъ» покриваетъ чумацкія плечи,—и, наконецъ, рѣшается отказать чумаку:

Не піділю, не подамъ,
Бо у тебѣ жупанъ дранъ!...

¹⁾ Въ Малороссіи до сихъ поръ сохраняется обычай «писать гроші на стіну». Если кто беретъ въ шинкѣ въ кредитъ, то шинкарка, для памяти, записываетъ на дверяхъ мѣломъ, или же на стѣнѣ углемъ, сколько налочекъ, сколько квартиръ выто. По этимъ налочкамъ производится потомъ расчетъ.

Чумака это задѣло за живое, онъ прикривнулъ:

Хоть у мене жупанъ дранъ,
Есть у мене грошей джанъ!

На помощь чумацкому кутежу являются и помощники, и помощницы; приходитъ въ шинокъ и «троіста музика». Начинаются танцы, пѣсни; настаетъ шумъ, гамъ.... Чумака все ставить ребромъ:

Грай, музико, шпарко, хутео—
Чумакови дуже жуто!
Нехай же вінъ погуляе,
Бо въ вешені (карманѣ) дідька (домовой) має....

Чумака разгулялся наконецъ до того, что «въ корчмі и ночуе», и всякого, кто бы ни зашелъ въ шинокъ, угощаетъ:

Рано встає, вино бере—
Всѣхъ людей частує....
Що одну кварту випиває,—
Другу наливає;
Ой хто прийде у жупані,
Братомъ називає....

А застольныхъ бражниковъ въ шинкѣ всегда немало; тутъ и братья и «сестриці» — всѣ готовы погулять на чужой счетъ. Чумака не унимается; все до нитки спустилъ:

Пропивъ чумака штани,
Частуючи Гапку:
Пропивъ чумака люльку,
Частуючи Любку....

Когда не хватило уже ни денегъ, ни вещей, онъ принимается спускать «худобу».... И она скоро утѣвается:

Пропивъ чумака воли,
Пропивъ чумака вози,—
Пропивъ воли, пропивъ вози,
Пропивъ ярма и занози—
Все свое добро!...

«Хміль» такъ разобралъ голову, что чумака свалился подъ лавку—и заснулъ, какъ убитый. Просыпается—

Устану я въ ранці,
Погляну въ гаманці (сумка):
Було грошей, було много,
А теперъ нема нічого—
Ни за що гуляти!

Выходитъ онъ на дворъ, чтобы посмотрѣть на свою «худобу», но и ее уже давно нѣтъ: шинварочка—

Сірі воли забрала
И въ паньскій двіръ загнала....

Чумакъ не выдержалъ: заплакалъ за худобою. Что съ нимъ теперь будетъ? какъ ему быть?... А тутъ за сердце сосетъ, голова трещить.... Хоть бы опохмѣлиться! Но на что? Досада та тяжелымъ камнемъ сдавила его сердце.... А опохмѣлиться все-таки хочется. Чумакъ въ раздумьи:

Піду до жидівки—
Вірити горілки!...

Идетъ онъ къ жидовкѣ и начинаетъ ее упрашивать отпустить ему «хоть кучличокъ» (кружечка); плакать по «худобѣ»,—все напрасно: шинварка даже стала надъ нимъ смѣяться, называетъ его «пьяницею»:

Ти пьяница, ти ледащо,
Пропивъ воли не знать за що,—
Пропивъ воли, пропивъ возі,
Пропивъ ярма и занози,
А самъ ходишь по дорозі—
Проливаешь гіркі слези!...

Ужоры эти несносны чумаку — и онъ ставитъ послѣднее имущество:

Скину козушину—
Въ жидівки покину:
Буде впицця, похмелицця,
Чумакові не журицця
За своїмъ добромъ!

Чумакъ проспался. Гдѣ его воли, возы, куда дѣвались трудовые «грѣші», заработанные цѣною всѣхъ неудобствъ дорожной жизни? Ничего не помнитъ. Въ горѣ, отчаяніи, чумакъ отправляется къ ворожкѣ.

Заворожи, бабусенько,
Де чумацькі гроші?

—проситъ онъ. Ворожка разложила карты, посмотрѣла ему на ладонь,—снова переложила карты—и отгадала: «У шинварки та у Гапульки—тамъ чумацькі гроші!» Чумакъ и самъ хорошо знаетъ откуда пришелъ: припомнилъ, какъ онъ «частувавъ Галку»... Но что же ему теперь дѣлать? Какъ выбратися изъ бѣды? Не можетъ ли сказать ворожка?... Онъ вторично обращается къ

! «Заворожи баба-бабусенько, чи чумакові жениця?» Вонька опять погадала на карты: «Ой оженись, мій синочку,—юрить она,—хочь нічого й не бери»: хотя у тебя «нічого й буде», за то «жінка буде», которая тебѣ поможетъ разбогаться.... Чумака чрезвычайно доволенъ отвѣтомъ. Но видно судьба преслѣдуетъ его, ему и тутъ неудача. Дівчина, которую онъ билъ, съ которою условился, по возвращеніи, «на рушнич-статі» —

И любила и кохала
Покіль Одеса спріяла (благоприятствовала)...
Теперь любить багатого —
Мене киди нещасного!

Жаль чумаку стало своей прежней жизни, когда его всѣ любили, «поважали», — вездѣ онъ былъ принятъ съ почетомъ.... Гдѣ люди и до сихъ поръ такъ живутъ.... Тоска по минувшемъ, сожалѣніе о потерянномъ «добрі», стыдъ передъ людьми, оставившими его за порядочнаго хозяина, — все вдругъ нахлынуло у въ душу.... Чтобы хоть немного облегчить себя, чумака есть «на гору крутую» — посмотреть «якъ люди живутъ». Смотри —

А люди живутъ,
Якъ макъ цвітуть....

Если возвратится этотъ чумака домой, такъ навѣрное отецъ проситъ, гдѣ подѣлились воли и возы.... Что ему отвѣтить? Одноразоворотитъ на несчастную долю или на чары. Сказать, что такъ «поробила шинкарочка Настя», что она дала ему отъ «у хлібові звѣсти», или «въ горільці спити», или просто объяснить тѣмъ, что онъ «безъ долі вродився».... На вопросъ отца, какова его доля: — «а чи въ Сулі, чи въ Самарі, чи у тихому Дунаї», — чумака отвѣчаетъ: «безъ долі вродився!» Семейнаго же мака, оставившаго у шинкарені «все свое добро», преслѣдуетъ вопросъ жены, которая объявляетъ ему, что «нема соли і дрібочка, муки ні пиліочка».... И огорченный чумака въ отпущеніи восклицаетъ:

Або піду утоплюся,
Або въ камінь розібьюся:
Нехай добрі люди знають,
Якъ чумаки умірають!...

1. Дѣйствительно, чумака готовъ исполнить свое рѣшеніе:

Пішовъ чумака топитися,
Чумачиха дивитися:

Стои, чумаче, не топись—
Хочь на діти подивися!

Но подобные счастливые для чумака случаи весьма рѣдки.

Чаще всего чумаки, приученный ко всякимъ невзгодамъ, непосливы при всякой бѣдѣ, не теряютъ надежды со временемъ снова нажить пропитое добро.

А такъ какъ чумакомъ нельзя сдѣлаться «безъ грошей», то чумаки стараются прежде всего ихъ добыть:

Ой піду я на Дінь—
Не по рибу, то по сіль:
Буду грошей заробляти,
Буду воли купувати,
Щобъ чумакомъ стати!

И онъ отправляется на Донъ, занимается тамъ «въ забрѣдъ» — становится *бурлакомъ*. Потомъ, «заробивши грошей», принимается снова за чумачество. Онъ такъ сжился съ этимъ промысломъ, что если не поступаетъ на время въ бурлаки, то рѣшается наняться къ чумакамъ въ «погоничі»:

Буду чужі волі гнати,
Бо хочу чумакувати!

IX.

Смерть чумака въ дорогѣ.

Смерть угрожаетъ чумаку на каждомъ шагу его длиннаго пути въ Крымъ. Нападенія гайдамаковъ и татаръ, — какъ мы видѣли, — кончаются иногда истребленіемъ цѣлой ваги.... Злополучный Крымъ, кромѣ того, не рѣдко поражалъ чумаковъ чумою, отъ которой въ то время спасенія не было. Журба (по худобѣ), пропитой въ шинкѣ, или же погибшей отъ долгаго путешествія — также бывала причиною смерти. А то — постигнетъ чумака «пригода»: или чумаку «сіль голову розбила», или его «вбито, затыгнуто въ жито», или же — неизвѣстно отчего — вдругъ чумаки «занедужавъ» и отошелъ къ предкамъ....

Первыми вѣщателями какъ несчастія чумакаго, такъ и самой смерти бывають воли. Они — эти вѣрные, неразлучные друзья его въ дорогѣ — чуютъ бѣду и всегда предупреждаютъ о ней своего хозяина. Такъ: задумался чумаки о домѣ, взгрустнулось ему по отцѣ, матери или другихъ, близкихъ его сердцу, — поглядѣлъ на воловъ — а они «не пасущця, та не будуть

води пити...» И дѣйствительно, когда онъ остановился возлѣ криниченьки», чтобы напоить воловъ—«воли ревуть, води не ѡють».... Огорченный чумакъ знаетъ, что тутъ что-то недоброе роется,—обращается къ воламъ:

Воли жъ мої, сірі, половні, чому неплете?
Тільки мині, молодому, журби-жахи задаєте!...

осмотрѣлъ на дорогу, а она—

Широкая, та прибитая,
Слизоньками перелитая...

снова къ своимъ любимцамъ:

Ой воли жъ мої, сірі, половні,
Идѣть въ возі тихо,
Бо вже жъ мене, молодого,
Нападає лихо!
Ой воли жъ мої, сірі, половні,
Идѣть тихою ходою:
Е у мене батько та ненька—
Гірко жураця за мною!

Но самый вѣрный вѣщунъ чумацкой бѣды и смерти—злой пугачъ. Если онъ «запугавъ»—быть бѣдѣ! Чумакъ, не успѣвшій на зиму «у великой лугъ», а оставшійся зимовать въ степи,—когда не отыскалъ для своихъ воловъ ни клочка сѣна, ни «въязочки соломи»,—возвращается въ тоскѣ къ своему козлу. А тутъ—гдѣ ни взялся—пугачъ:

Ой сидѣть пугачъ та на могилі,
Та на вітеръ надувся:
Ой сидѣть чумакъ на переднімъ возі—
Та вже лиха здобувся!...
Ой сидѣть чумакъ на переднімъ возі,
На важницю схилився—
Ой правою рученькою
Та за сердце вхопився,
Каринькими оченьками
Та на волики подивився....

Грустно разставаться съ тѣмъ, что такъ долго служило.... А болѣзнь между тѣмъ беретъ свое: чумакъ уже и сидѣть не въ силахъ—и на «драбину похилился».

Занедажувавъ чумаченько—
Задумаєть умерти,
Та нікому чумакові
Доглянути смерті!

Такое умирать вообще, какъ бы ни была жизнь горька; но

смерть особенно тяжела въ одиночествѣ, вдали отъ родныхъ которые въ ту минуту быть можетъ и не думаютъ и не гадаютъ про тебя... А родные нашего чумака далеко; вокругъ него — чужина:

Чужа, чужа стороненька,
Та чужні люде...
Хто чумака поховае,
Якъ смерть ему буде?

Единственная надежда и опора чумака — его товарищи. Уходя въ это время — единственная отрада страдающему больному.

И дѣйствительно, товарищи въ такія печальныя минуты замѣняютъ родныхъ. Забота ихъ о заболѣвшемъ чумака простиралась до того, что они ѣдутъ медленнѣе обыкновеннаго, не смотря на то, что имъ поспѣшать необходимо:

Ой ради бѣ ми поспішати, — говорятъ они, —
Такъ чумака занедужає....

А если товарищу очень дурно, — они даже и совсѣмъ останавливаются. — Вотъ, тихо плывущая валка, спустившись «въ долину», остановилась. Волю выпрягли; пустили на пашу, отрядивши сторожить «молодикивъ», а сами чумаки направились къ тому возу, на которомъ больной «на драбину похилился». Грустные лица у этихъ и безъ того суровыхъ ватажанъ: смерть товарища тяжело отозвалась въ сердцахъ каждого изъ нихъ. Съ нѣсколькихъ возовъ сняты рогожи, разостланы подъ возомъ, и на нихъ лежитъ «чумака молоденький» въ предсмертной агоніи. Вѣтеръ треплетъ во всѣ стороны его длинную «чуприну» и освѣжаетъ воспаленное лицо умирающаго... Кругомъ сидятъ товарищи, мрачно поглядывая на него: поджидаютъ, когда поблѣднѣетъ разгорѣвшееся лицо, когда прекратится дыханіе... Гдѣ ихъ веселыя рѣчи, гдѣ ихъ смѣющіяся лица? Ни шуму, ни гаму, ни даже говора... Передъ ними лежитъ недвижный товарищ — быть можетъ черезъ нѣсколько минутъ не жилецъ этого свѣта, а надъ ними свѣтитъ яркое солнце — вѣчно юное, животворящее, вѣчно не умирающее... Тишина, молчаніе... Только воли — кажутся — тяжело дышутъ, да вѣтеръ шелеститъ между травою... Но вотъ полумертвый товарищ очнулся. Товарищи тотчасъ же обратили вниманіе, онъ — пристально посмотрѣлъ на нихъ. Онъ проситъ, чтобы ему привели посмотреть «худібоньку». Товарищи немедленно исполнили и эту просьбу. Посмотрѣлъ чумака на своихъ дорогихъ воловъ и спрашиваетъ:

Ой воли жѣ мої, сірі, половні,
Хто вамъ панамъ буде, —

Ой якъ мене та чумаченька
На сімъ світі не буде?..

А воли ему въ отвѣтъ:

Той надъ нами буде панувати,
Хто насъ буде поганяти...

Отвѣтъ этотъ — все рѣшилъ для чумака: если уже воли такъ говорятъ, — значитъ смерть неминуема! Поэтому онъ обращается къ своимъ заботливымъ товарищамъ съ послѣднею волею о погребеніи:

Ой ви чумаченьки, ой ви молоденькі,
Ой ви люде на все гѣжі!
Ой побудуйте (постройте) мині молодому
Домовину (гробъ) зъ роґожі.
Ой ви чумаченьки, ой ви бурлаченьки,
Зробіть же ви мині славу:
Ой викопайте мині молодому
Хочъ притиками яму!

При этомъ чумака не забуваєть сдѣлать распоряженіе и на счетъ своихъ воловъ. Онъ просить, чтобы товарищи «сімъ паръ волівъ» отогнали домоі и отдали бы въ распоряженіе жены: — «хай жінка заплаче надъ моею головою». — Даже для холостого забота о домашнихъ составляетъ въ минуту смерти послѣдній долгъ. Онъ просить товарищей:

• Якъ будуть зъ Перекопу рушати, —
Воли заняті;
Якъ на Подолі становиця, —
Отцю-неньці поклониця!

А вспомнивши дівчину, умираюцій просить передать и ей поклонъ отъ него:

Якъ буде зъ васъ, котриі брацця,
Въ своїй стороньці, —
Поклониця отцю-неньці,
Й мойй дівчиньці...

Если чумака умираетъ вдали отъ родныхъ, гдѣ-нибудь въ степи, далеко отъ села, то чумаки положатъ тѣло умершаго на его возъ и везутъ «на долину», гдѣ, остановившись «на попасъ», предають землѣ тѣло товарища.

Вийшли чумаки (говорить пѣсня), вийшли на долину —
Викопали ділъ глибокий та на домовину...

А то хоронять и «въ степу, край дороги», или же — умершаго «въ неділоньку въ ранці» — «въ зеленімъ байраці». А того

чумака, что «сілѣ головку разбила,» товарищи похоронили на перекрестѣ, между «трѣома шляхами»:

Ой тамъ яму копали —
Тамъ чумака сховали!..
Насипали надъ чумакомъ
Високу могилу,
Посадили въ головонькахъ
Червону калину...

Проѣзжавшему вдоль Украины и вообще на югѣ Россіи, конечно, не могли не броситься въ глаза могилы надъ дорогами — чаще всего именно на перекресткахъ. На этихъ могилахъ иногда стоитъ простой деревянный крестъ, если могила неподалеку села или лѣса; иногда могилу эту затѣняетъ густыми вѣтвями тутъ же растущее дерево, а чаще всего — просто одинокая могила высится среди поля, надъ дорогою. То «поховані» чумаки. Могилы эти всегда почти покрыты посохшими растеніями, обрубами дровъ, или прутьями. Сдѣлано это прохожими и проѣзжими мимо скромнаго надгробнаго памятника, свидѣтельствующаго о случайномъ несчастіи въ дорогѣ. У малороссіянъ существуетъ повѣрье, что если на подобную могилу бросить что-либо, то «дорога буде щаслива». И потому всякій, проходя или проѣзжая мимо могилы въ полѣ, не преминетъ оставить и свою долю на памятникъ несчастія.

Иногда чумака, умирающій вдали отъ родныхъ, проситъ товарища похоронить себя не среди поля, гдѣ будетъ «видненько на всю Украйну», а «въ зеленімъ саду, підъ квинь-дрвиною», дабы она «спустила гілля зверху до воріння, листъ до долочку» и прикрыла «тіло, чумацькеє біле, ще й головочку» —

Та щобъ тее тіло,
Чумацькеє біле,
Та й не чорніло —
Одъ буйного вітру,
Одъ ясного сонця,
Щобъ не марніло!

Похоронивши товарища и оплакавши его, чумацкая заста снова пускается въ дальнѣйшій «путь-доріженьку»; а когда останется «на нічъ», справляютъ походныя поминки: сварятъ въ казанѣ кашу, —

Та укинуть чабака (родъ рыбы),
Та й пом'януть чумака!

X.

Ожиданіе домашнихъ и возвращеніе чумаковъ.

Много печали стоила разлука съ чумаками «дівчині», жёгъ, матери; но самымъ, конечно, большимъ нетерпѣніемъ увиѣться снова съ «милымъ» горить «дівчина». Отвергнутая чумакомъ во время погони за нимъ, — когда онъ посовѣтоваъ ей вернуться «пшениченьки жати», — она, хорошенько вынабавшись, отчасти было уже примирилась съ своею «гирною долею». Надежда на скорое свиданіе съ чумакомъ, по возвращеніи его съ дороги, стала ея единственною мыслію; приготовленіе въ встрѣчѣ — единственною заботою. Настало лѣто; поспѣваетъ пшеница; — выходитъ «дівчина» въ поле «на жнивѣ». Нѣсколько часовъ сряду, не разгибая тонкаго «стану», работаетъ она надъ пшеницею, какъ бы стараясь заглушить усталостью мучительное ожиданіе; но все напрасно: мысль о чумака не выходитъ изъ головы ея. Уже она и устала, бѣдная; но не утомилось ожиданіе:

Та болять ручки, та болять ніжки,
Та пшениченьку жнучи, —
Та вже жъ мині надокучило,
Та миленького ждучи!

Вечеромъ возвращается она домой въ надеждѣ на радостную встрѣчу; но надежда ея не оправдывается:

Та нема жъ мого миленького,
Та нема жъ мого пана, —
Та уже жъ моя постіль біла
Цилочкомъ припала...

Измученная дневнымъ тяжелымъ трудомъ, дівчина, несмотря на утому, и въ постель не ложится:

Та нема жъ мого миленького,
Та нема жъ мого сонця...
Ой уже жъ мині надокучило,
Сидячи въ віконця!..

Вотъ ей показалось, что кто-то прошелъ мимо окна ея... Не чумака ли? Вдали послышалось бичеванье воловъ, скрипъ колесъ... Не онъ ли ѣдетъ?... Въ жаръ бросило «бѣдну дівчину»... Но скоро все затихло: ни скрипу, ни стуку, — только вѣтеръ зашумѣлъ вербами...

Такія же мучительныя часы ожиданія переживаєть и чумачиха. Она уже —

Потоптала черевички,
На дорогу вибігаючи,
Виплакала карі очі,
Чумаченька виглядаючи...

А онъ не їдетъ и не їдетъ! Не случилось ли съ нимъ какое несчастье? Сердце чумачихи предчувствуетъ, что должно быть что-нибудь недоброе съ ея «милымъ»: «туга» о немъ не даромъ не даєть ей покою:

До Хорола все дорога,
А до Криму стежечка:
Прийшла туга одъ милого
Та до мого сердечка...

Но «журба», какъ извѣстно, «впрямая»: она разъ вопьется въ сердце, — ее никакими способами не выживешь оттуда. Чумачиха обращается къ «буйному вітру»:

Повій, повій, буйний вітре,
Звідкіль тебе прошу:
Возьми жъ мою тяжку тугу,
Що на серці ндшу!
Повій, повій, буйний, вітре,
Зъ глубокого яру:
Прибуди, прибуди, мій миленький,
Зъ далекого краю!

Но вѣтеръ не внемлетъ словамъ несчастной «молодиці»:

И вітеръ не віє,
И сонце не гріє, —
Тільки въ стену, край дороги,
Трава зеленіє...

По этой травѣ распустилъ чумаць воловъ своихъ, а самъ варить «снідання» или «вечерю» — и не думаетъ поспѣшать домой. Скучающая чумачиха сама не знаетъ что ей дѣлать, къ кому обратиться за помощью при своей бѣдѣ, такъ какъ у нея... «муки ні пилочка, ні соли дрібочка».... А уже и лѣто минуло, — вотъ-вотъ нагрянетъ осень, съ своими длинными, скучными вечерами.... Съ кѣмъ коротать ихъ чумачихѣ?.. Милого не видно: онъ не їдетъ, да и только!

Нелітувавъ чумаченько,
Не йде й зімувати:
Прийде нічка осіння, —
Ні съ кимъ розмовляти!..

Долгія ожиданія чумаковъ съ дороги переполняютъ грустью и старческое сердце матери. Ее ужасно беспокоитъ необъяснимо-продолжительное отсутствіе сына. Беспокойство это еще больше усиливается, когда являются недобрые предвѣстники:

Злетѣвъ півень на повіту,
Крикнувъ: кукуріку!
Не дожидай, мати, сина
До себе до-віку!

Бѣдную старуху начали сны беспокойные тревожить, предвѣщая недоброе... Разъ ей снится, что ея сынъ «чумаченько у дорозі оженився».... Перепуганная мать спѣшитъ къ сосѣдямъ, передаетъ имъ странный сонъ и проситъ разгадки... Сосѣди, какъ ни грустно было печалить «стару матіръ», не могли скрыть ужасной разгадки этого сна:

Та уже жъ тобі, стара мати,
Й малі діти сказали,
Ой що твого сина-чумаченька
У Перекопі сховали....

Наконецъ, ожиданія селянъ начинаютъ сбываться: чумацкая валка медленно приближается къ родному селу. «Завуренымъ шляхомъ» медленно подвигаются впередъ съ полными возами усталыя «паровиці». Онѣ даже какъ будто ускорили шагъ, приближаясь къ дому. Вотъ уже показалась маковка бѣдной деревенской церкви—и скрылась изъ глазъ за горою... Перекрестился каждый изъ чумаковъ, увидя родную святыню; сердце сильнѣе забилось... Ожилились суровыя лица; заиграла улыбка довольства—и, спустя немного, смѣнилась задумчивостью... Видно вопросъ: все ли благополучно дома? вспугнувъ проснувшуюся радость... Впрочемъ эта задумчивость не надолго: по мѣрѣ приближенія къ родному селу, чумаки еще веселѣе стали. А село у нихъ передъ глазами, стоить только спуститься съ горы... Оживленіе охватило всю валку: послышался говоръ, раздался дружный хоръ пѣсни... Чумацкая валка спускается съ горы...

Ой зза гори, та зза кручі,
Риплять (скрипять) вози йдучи,—
Попереду чумаченьки,
Йдуть вигукуючи...
Вози риплять, ярма брязчать,
Воли ремедаять,—
По-переду чумаченьки
У скрипочку грають...

Шумно и весело возвращается домой чумацкая валка: неумолкаемая пѣсня даетъ знать о ея приближеніи...

Недоѣзжая села, «на майдані», на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ были проводы, чумацкая валка остановилась.. Выпешіе на встрѣчу «родичі» кинулись въ толпѣ чумаковъ... Начались объятія, поцѣлуи, слезы — неразлучные съ радостью... Посыпались разспросы; слышны утѣшенія и успокоенія... Но — увы! общая радость не бываетъ безъ чьего-нибудь горя..

Чумаць, котораго такъ долго и мучительно ждала «дівчина», не возвращается съ дороги. Дівчина въ отчаяніи:

Ой Боже жъ мій, Боже,
Де мій милий дівса?
Ой чи його звіри зїли,
Чи вінъ утопився?...

Но не можетъ быть, чтобы подобное несчастье поразило ея милого:

Якъ би звіри зїли,
То бъ ліси шуміли;
Якъ би утопився,
То бъ Дунай розлився...

Товарищи, наконецъ, объясняютъ «дівчині» причину смерти: ея милого убило «підъ білою березою»:

Ой убито, вбито,
Затягнуто въ жито;
Червоною китаєчкою
Личенько прикрито...

Вотъ она пошла искать, гдѣ ея милый, чтобы хоть посмотрѣть на него въ послѣдній разъ,—чтобы проститься на вѣки..

Приходить дівчина
Зъ карими очима,
Та підняла китаєчку—
Та й заголосила...

Но случается, что чумаць находитъ дома несчастье: или онъ не застаётъ въ живыхъ кого-нибудь изъ родныхъ, или не находитъ хаты на мѣстѣ—истреблена пожаромъ, или же въ хозяйствѣ случилась какая бѣда. А холостой, котораго всю дорогу беспокоила мысль о «дівчині», узнаетъ вдругъ, что она уже принадлежит другому... Ни въ чемъ невинная бѣдная женщина, которой «світѣ завязали» съ «нелюбомъ», со слезами отвѣчаетъ ему:

Чи я жъ тобі не казала,
Та стоячи підъ кислицею:
Не йди, не йди у Кримъ по сіль,
Бо застанешъ молодичею!

Чи я жъ тобі не казала,
Та стоячи підъ повіткою:
Не йди, не йди у Кримъ по сіль,
Бо застанешъ підъ наміткою!

Чумаки видятъ, что ей дѣйствительно и самой тяжела новая жизнь, что совсѣмъ не за что укорять ее, и, чтобы хоть сколько-нибудь загладить свои несправедливыя нападки, утѣшаетъ ее:

Любивъ тебе дівчиною,
Любитиму й молодичею:
Сімъ рікъ буду тебе ждати—
Поки станешъ удовицею...

А въ ожиданіи конца такого срока, чумаки снова предаются своей полукочевой чумацкой жизни, исполненной тревогъ, лишений, несчастій...

И все же украинецъ до самаго послѣдняго времени любилъ эту жизнь. Онъ продолжалъ по прежнему дружить съ своими медленными волами; ему все-таки привольнѣе дышалось среди широкой степи, по которой «одвѣчными шляхами», съ ранней весны до глубокой осени, одна за другою, тянулись длинныя чумацкія валки... Но это время прошло; пустынная степь превратилась въ населенную сторону, среди которой не рыскаютъ болѣе шайки гайдамаковъ или дикой татарской орды: миновали опасности, улеглись невзгоды... А между тѣмъ и чумачество начало вырождаться... Прежній типъ чумака, заваленнаго въ несчастіяхъ условіями полукочевой жизни, замѣтно сталъ уступать типу извозчика, лишенному всякаго поэтическаго ореола. И быть можетъ не за горами то время, когда Малороссія совсѣмъ должна будетъ проститься съ промысломъ, въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій составлявшемъ любимѣйшее ея занятіе. Промыселъ этотъ какъ возникъ подъ вліяніемъ экономическихъ причинъ,—такъ, сослуживши службу своему краю, подъ вліяніемъ тѣхъ же причинъ долженъ и исчезнуть. Мы переживаемъ теперь эпоху постепеннаго вымиранія одного изъ симпатическихъ типовъ Малороссіи... Отъ чумака и его исполненной приключеній жизни останется рядъ поэтическихъ пѣсень, въ которыхъ запечатлѣлся духъ чумачества—унылыхъ, напоминающихъ пустынную безбрежную степь, наводящихъ на душу какую-то меланхолическую мечтательность о добромъ прошломъ, иногда вызывающихъ изъ сердца какое-то «тихо-сумне» горе... Такъ послѣ бурной, полной тревогъ и отваги, воинственной жизни казака осталась также одна эпопея казацкихъ пѣсень, которая, подобно казацкой славі, «не вмере, не поляже». Пѣсни

эти, какъ говорить Гоголь, «для Малороссіи все: и поэзія, и исторія, и отцовская могила!» Оттого малороссы такъ и любятъ свои пѣсни.

Лѣтомъ 1868 года я ѣхалъ изъ Малороссіи. Впереди меня остановилась длинная валка. Въ виду «битого шляху», по которому двигались чумацкія «паровиці», строилась желѣзная дорога. Я тоже остановился и подошелъ къ чумакамъ. Долго съ большимъ любопытствомъ разспрашивали они меня о чугунѣ, долго смотрѣли на нее и разсуждали объ ея удобствахъ и неудобствахъ, выгодахъ и невыгодахъ. Всѣ разсужденія сводились къ одному: желѣзная дорога — смерть для чумачества! Я себѣ поѣхалъ дальше, а чумаки все еще пристально продолжали смотрѣть въ глаза своей смерти... Наконецъ, и они тронулись... Раздалась грустная, заунывная пѣсня:

Та не буде знати
Ні отець, ні мати,
Ні братъ, ні сестра...
Тільки буде знати
Того чумаченька—
Чужа сторона!...

Ив. Рудченко.

АНГЛІЯ

ВЪ

КНИГЪ ТЭНА.

Notes sur l'Angleterre, par H. Taine.

III*).

Отъ характеристики писателя обратимся въ его произведе-
ію и познакоимся съ тѣмъ эскизомъ англійской жизни, англій-
скихъ нравовъ, который мастерскою рукою набросанъ Тэномъ въ
то книгъ объ Англіи. Книга Тэна—складная картина. Передъ
нами десятки, сотни разрозненныхъ, раскрашенныхъ деревян-
ныхъ кусочковъ; немножко труда, терпѣнія, и изъ нихъ слагает-
ся цѣльный, красивый узоръ. Все тутъ есть для полного вос-
произведенія англійской жизни, но все сброшено въ одну общую
руду, части не приведены въ систему, одно не подобрано къ
другому, все отзывается какимъ-то безпорядкомъ, хаосомъ, точ-
но автору не было времени докончить своего труда, точно онъ
опріицъ подѣлиться съ обществомъ своими наблюденіями, впе-
чатлѣніями, выводами. Онъ отдаетъ публикѣ сырой матеріалъ,
какъ бы говоря: «посмотрите, вотъ что набралъ я, вотъ что по-
ерпнулъ я изъ англійской жизни, стоить надъ этимъ поработать,
ткать изъ этихъ нитокъ сукно, или бросить работу

*) См. выше, сент. 124 стр.

недоконченною, предоставляя другимъ мои отрывочныя наблюденія и замѣтки привести въ стройную систему, въ гармонію?»

Читая его книгу, вы досадуете, что авторъ не потрудился сшить все это болѣе прочными нитками; но сердиться на него вы все-таки не въ правѣ, не въ правѣ уже потому, что самъ онъ предупредилъ о такомъ разрозненномъ характерѣ своего произведенія, давая ему скромное, но вѣрное названіе: «Notes sur l'Angleterre». Восхваляя англичанъ за ихъ привычку путешествовать по чужимъ странамъ и заносить въ тетрадь свои наблюденія, Тэнъ между прочимъ говоритъ: «стоитъ только каждый вечеръ описывать проведенный день, на этотъ небольшой трудъ способенъ всякій; единственно что при этомъ необходимо, это вниманіе и отсутствіе предубѣжденія». Такимъ образомъ дѣлалъ Тэнъ каждый разъ, что путешествовалъ по Англіи, первый разъ въ 1861-мъ году, второй въ 1862-мъ г. и наконецъ третій въ 1871-мъ году. Результатомъ этихъ путешествій и явилась его книга объ Англіи. Это предисловіе прямо указываетъ на отсутствіе претензій дать систематическое сочиненіе объ этой странѣ; такъ что помня его слова, вы не только примиритесь съ разбросанностью, съ отрывочностью книги, но въ концѣ концовъ, прочитавъ ее отъ первой до послѣдней страницы, начинаете удивляться, что въ вашей головѣ сложилась цѣлая картина англійской жизни, такъ точно какъ изъ мелкихъ разнокалиберныхъ деревяшекъ у ребенка является большая складная картина.

Но если нельзя сѣтовать на автора за то, что онъ даетъ намъ свои замѣтки, а не стройное систематическое сочиненіе объ извѣстной странѣ, то тѣмъ не менѣе, чтобы говорить объ этой книгѣ, необходимо сдѣлать самому то, чего не пожелалъ сдѣлать самъ авторъ, т.-е. необходимо его отрывочныя замѣтки привести хотя въ какую-нибудь систему. Иначе пришлось бы не писать о книгѣ, а переписать книгу. Но быть можетъ, читатель возразитъ намъ: да стоитъ ли таковой книжкѣ, которая есть не что иное какъ собраніе мимолетныхъ замѣтокъ, набросанныхъ авторомъ спустя рукава, стоитъ ли посвящать двѣтри статьи, стоитъ ли трудиться приводить эти замѣтки въ систему? Замѣтки, можно отвѣтить, замѣткамъ рознь!

Замѣтки Тэна поражаютъ насъ своею мѣткостью, въ нихъ онъ затрогиваетъ всѣ выдающіяся стороны жизни, въ нихъ онъ является такимъ тонкимъ наблюдателемъ, отъ вниманія котораго не ускользаютъ самыя мелкія, но типичныя черты нравовъ англійскаго народа. Какъ часто на первый взглядъ Тэнъ останавливается въ своей книгѣ на какой-нибудь частной, незначущей чертѣ

рактера того или другого лица, извѣстной привычки, воззрѣнія. Онъ разбираетъ эту черту съ необыкновенною тщательною, подробностью, и вы невольно задаетесь вопросомъ: да чему такъ настаивать на такой мелочи, на такой ничтожной чертѣ характера или воззрѣнія! Читая далѣе, вы видите, что изъ этой мелкой черты, изъ незначущаго штриха вдругъ дѣлается крупное обобщеніе и говоритъ: вотъ вамъ истинная сторона жизни, вотъ бьющая въ глаза особенность англійскихъ нравовъ. И вы должны принять это обобщеніе, вы должны согласиться, что оно сдѣлано правильно, что общій выводъ его изъ частнаго примѣра какъ нельзя болѣе вѣренъ и точенъ. Отчего же этотъ общій выводъ поражаетъ васъ своей правильностью? Оттого, что Тэнъ передъ тѣмъ приготовилъ въ цѣлыхъ страницахъ, цѣлымъ рядомъ мелкихъ, но мѣстныхъ замѣчаній къ принятію этого вывода. Примѣръ, который онъ приводитъ въ частномъ фактѣ, въ мелкой чертѣ является такъ явственно какъ *сoup de grâse*, который онъ наноситъ вамъ, и вы имѣете возможности возразить: это частный примѣръ, вы не можете правъ обобщать его, дѣлать конечные выводы! Онъ спокойно отвѣчаетъ вамъ: изъ частныхъ чертъ образуется общій характеръ; это не частная, не случайная черта, это черта типическая англійской жизни, англійскихъ нравовъ. Вся книга, какъ вы видите, состоитъ изъ частныхъ примѣровъ, случайныхъ замѣчаній, занесенныхъ въ его дневникъ какъ бы случайно, и смотря на это, когда вы закрываете книгу, вы не можете не сказать, что всѣ главныя, типичныя стороны англійской жизни прошли передъ вашими глазами. Такова внѣшняя манера послѣдняго сочиненія Тэна, о которой нужно было сказать нѣсколько словъ, прежде чѣмъ перейти къ ея внутреннему держанію.

Когда мы желаемъ познакомиться съ жизнью извѣстнаго народа, съ его нравами, когда мы обращаемся къ изученію страны, то намъ тотчасъ представляется цѣлый рядъ вопросовъ, требующихъ себѣ того или другого отвѣта. Мы должны спросить себя, каковъ общій характеръ этого народа, каковы его свойства, нравственныя качества, какія преобладающія стороны въ организмѣ людей, населяющихъ государство, какова семейная жизнь этого народа, въ какомъ состояніи находится образованіе, какое управленіе общаго народнаго воспитанія; мы должны узнать, что вѣритъ этотъ народъ, какова, другими словами, его религія; затѣмъ, идя далѣе въ общественную жизнь, мы спрашиваемъ себя, какова политическая жизнь страны, какая господствуетъ въ ней форма правленія и какъ она дѣйствуетъ, каковы

политическіе нравы и законы, управляющіе жизнію народа, и наконецъ, мы должны поставить себѣ еще одинъ вопросъ, выдвинутый на сцену XIX-мъ вѣкомъ, каковы соціальныя отношенія между большинствомъ и меньшинствомъ, каково, однимъ словомъ, распредѣленіе богатства въ странѣ. Вотъ вопросы, требующіе себѣ отвѣта каждый разъ, что мы задаемся задачею познакомиться съ внутреннею жизнію народа, и на эти-то вопросы мы попросимъ отвѣта у Тэна. Нечего и говорить, что отвѣтъ на всѣ эти вопросы не можетъ быть полнымъ, требовать такого полного многосторонняго отвѣта отъ книги въ четырехъ ста страницъ было бы по крайней мѣрѣ несправедливо. Отъ Тэна тѣмъ не менѣе мы имѣемъ право требовать больше чѣмъ отъ кого-либо другого, потому что кому много дано, отъ того много и требуется. Ошиблись бы разумѣется тѣ, которые ожидали бы найти въ книгѣ Тэна новое слово объ Англіи; давно вѣдь уже рѣшено, что ничто не ново подъ луною, и Тэнъ своею книгою нисколько не опровергаетъ этого мудраго изреченія. Все, чего можно желать, это, чтобы писатель рѣшающійся писать о странѣ, о которой написано тысячи томовъ, былъ оригиналенъ въ своихъ описаніяхъ стараго, и съ этой стороны нужно было бы быть слишкомъ взыскательнымъ, чтобы остаться недовольнымъ авторомъ «Notes sur l'Angleterre». Тэнъ пріѣзжаетъ въ Англію безъ заранее составленнаго о ней мнѣнія, онъ не предубѣжденъ ни въ пользу Англіи, ни противъ нея, онъ рѣшился составить собственное мнѣніе и говорить только о томъ, что лично видѣлъ и слышалъ. Онъ ни съ кѣмъ не полемизируетъ, онъ забываетъ о своихъ соотечественникахъ, и знаменитыхъ соотечественникахъ, писавшихъ объ Англіи, онъ дѣлаетъ видъ, что не читалъ ихъ, и потому во всей его книгѣ вы не найдете ни одной ссылки на другихъ писателей; ни однимъ словомъ онъ не упоминаетъ о томъ, что объ Англіи было писано такими французскими писателями, какъ Монтескье, Вольтеръ, Монталамберъ, Луи-Бланъ, Ледрю-Ролленъ, Эскиросъ и т. д. Онъ не становится на сторону тѣхъ, которые, какъ Монталамберъ, до извѣстной степени Эскиросъ и пожалуй Луи-Бланъ, все восхваляютъ, все стараются оправдывать, точно также какъ чуждается и тѣхъ, которые подобно Ледрю-Роллену систематически нападаютъ на Англію, доказывая, не особенно впрочемъ убѣдительно, что это—страна, быстрыми шагами стремящаяся къ рѣшительному упадку. Онъ игнорируетъ всѣхъ писавшихъ до него, претендуя, далеко не безъ основанія, дать своеобразное, оригинальное описаніе этой избитой въ литературѣ странѣ. Чѣмъ своеобразнѣе Тэнъ, тѣмъ интереснѣе разумѣется

сравненіе его съ другими писателями, тѣмъ любопытнѣе узнать, въ чемъ онъ сходится съ однимъ и въ чемъ расходится съ другимъ.

Методъ, съ которымъ Тэнъ приступаетъ къ изученію Англіи, обрисовывается съ самыхъ первыхъ страницъ, съ первой минуты его привосновенія къ Англіи и къ англичанамъ. Изученіе нравовъ начинается съ того момента, когда онъ садится на пароходъ, который долженъ перенести его на «гордый» островъ. Тэнъ присматривается къ лицамъ, къ сложенію, къ физической сторонѣ; онъ не упускаетъ случая заговорить съ англичанами, толпящимися на палубѣ, и тутъ на первыхъ шагахъ подводитъ уже ихъ разговоры, ихъ лица, ихъ манеры въ систему, классифицируетъ ихъ извѣстнымъ образомъ, начинаетъ, однимъ словомъ, собирать типы, изъ которыхъ слагается у него замѣчательная коллекція.

Прежде чѣмъ проникнуть во внутреннюю жизнь англичанъ, Тэнъ останавливается на ихъ виѣшней сторонѣ, и первый вопросъ, который онъ задаетъ себѣ, это вопросъ: какова физическая природа англичанъ? «Въ концѣ концовъ,—говоритъ онъ,—самое существенное въ странѣ, это человѣкъ; со времени моего пріѣзда я собираю коллекціи типовъ и присоединяю ихъ къ тѣмъ, которые я собралъ прежде. По сдѣланному опыту, лучшая метода въ моихъ глазахъ это метода художниковъ и естествоиспытателей: замѣчать гордую, рѣзко выдающуюся фізіономію или выраженіе, слѣдить за ея оттѣнками, измѣненіями и примѣсью, провѣрять, встрѣчается ли она у многихъ людей; выдѣлить такимъ образомъ главные характеристическія черты, сравнить ихъ, истолковать и классифицировать». Этотъ позитивный методъ въ приложеніи къ описанію какой-нибудь страны не составляетъ впрочемъ новости и права собственности Тэна. Уже Монтескьё въ нѣсколькихъ страницахъ, посвященныхъ описанію Англіи, которое, говоря мимоходомъ, носитъ то же названіе, какъ и книга Тэна,—уже онъ въ своихъ «Notes sur l'Angleterre» прежде всего обращается къ физической природѣ человѣка и начинаетъ свое описаніе со словъ: «народъ въ Лондонѣ ѣсть много говядины; это дѣлаетъ его чрезвычайно сильнымъ; но въ сорокъ или сорокъ пять лѣтъ онъ дохнетъ».

Каковы же, слѣдуетъ спросить, типы, которые преимущественно встрѣчаются въ Англіи, какова физическая природа людей, умѣвшихъ создать у себя такой общественный порядокъ, что онъ поневолѣ служитъ образцомъ или во всякомъ случаѣ поученіемъ для всѣхъ почти другихъ народовъ?

Тэнъ даетъ отвѣтъ на этотъ вопросъ во второй главѣ своей

книги, которая носить названіе: «Типы». Эта глава служитъ какъ бы основой его книги, на которой строятся всѣ дальнѣйшіе выводы. Тэнъ реалистъ и потому довольно понятно, что онъ приписываетъ большое значеніе физическимъ свойствамъ народа. Какъ отдѣльный человѣкъ, одаренный крѣпкимъ здоровьемъ, хорошо развитыми мускулами, сильный, съ меньшимъ трудомъ достигаетъ разъ намѣченной имъ цѣли, точно также и цѣль народъ, который по праву гордится физическою силою, въ которомъ нѣтъ изнѣженности, дряблости, можетъ смѣлѣе идти по начерченному пути прогресса. Безъ сомнѣнія, физическія свойства, какъ сила, здоровье, далеко еще не обезпечиваютъ за народомъ общаго благоденствія, требующаго кромѣ того и, главнымъ образомъ, великой нравственной силы. Тэнъ говоритъ только одно, что физическія свойства народа составляютъ одинъ изъ основныхъ элементовъ народнаго благополучія, хотя и ему, не хуже чѣмъ другимъ, знакомы народы, обладающіе прекрасными физическими свойствами, но тѣмъ не менѣе влечущіе самую жалкую жизнь. Англія, со стороны физическихъ свойствъ ея народъ, представляется Тэну въ самомъ заманчивомъ свѣтѣ. Наблюдая внѣшнюю жизнь, вглядываясь въ прохожихъ, останавливаясь передъ женщинами, дѣтьми, всматриваясь въ мужчинъ, Тэнъ приходитъ къ заключенію, что въ Англіи существуютъ главнымъ образомъ три типа людей. Первый типъ, это типъ здороваго, сильнаго, мускулистаго, красиваго человѣка; затѣмъ типъ человѣка флегматика; и наконецъ, третій типъ, это сухой, жилистый человѣкъ, выработанный усиленнымъ трудомъ, пропитанный энергіею, человѣкъ закаленный въ работѣ. Встрѣчаются, конечно, отклоненія отъ этихъ типовъ, но въ большинствѣ случаевъ самыя отклоненія суть не что иное какъ отгѣнки, видоизмѣненія ихъ, происходящія отъ различія воспитанія, лѣтъ, пола, положенія, занятія человѣка.

Первый типъ, т.-е. типъ человѣка сильнаго, богатырскаго, женнаго, огромнаго роста, съ свѣжимъ румянымъ лицомъ, болѣе частію съ отличнымъ расположеніемъ духа, Тэнъ слѣдитъ во всѣхъ слояхъ общества: онъ находитъ его среди солдатъ, среди прислуги аристократическихъ домовъ, онъ встрѣчаетъ его у фэціонбельной части населенія и среди простого народа. Цѣльный законченный типъ перваго разряда встрѣчается конечно не часто; болѣею частію попадаетъ онъ нѣсколько въ неизмѣнномъ видѣ, это типъ «работающаго животнаго» съ большимъ костлявымъ тѣломъ, типъ человѣка съ сильною конструкціею, схожаго нѣсколько съ автоматомъ, неловкаго, неграціознаго, но способнаго на большое упорство, на большія усилія въ работѣ. «Къ этому крѣпкому сложенію костей и мускуловъ при-

соедините, — говоритъ Тэнъ, — ясный, спокойный, дѣятельный умъ, развитый спеціальнымъ или полнымъ образованіемъ, и вы получите прекрасный оттѣнокъ того же типа, человѣка серьезнаго, способнаго, достойнаго приваивать, и къ которому, въ случаѣ надобности, и можно, и должно относиться съ довѣріемъ; типъ человѣка, который осилитъ самыя трудныя дѣла. Въ новомъ платьѣ и слишкомъ изящномъ, въ одеждѣ слишкомъ свѣтлой, несообразность содержимаго съ содержащимъ недалеко отъ того, чтобы показаться смѣшною. Но представьте вы его себѣ на палубѣ, во время сраженія, или просто въ конторѣ во главѣ двадцати приваивовъ, представьте его себѣ въ судѣ, произносящимъ рѣшенія въ вопросахъ жизни и состояній, онъ вамъ покажется прекраснымъ, одареннымъ нравственною красотою. Такое тѣло можетъ носить въ себѣ душу безъ боязни быть подавленнымъ». Сообразно съ этимъ сильнымъ и здоровымъ тѣломъ слагаются и всѣ привычки и всѣ вкусы людей. Такое тѣло должно потреблять много пищи, и пища эта должна быть питательная, тяжелая, пикантная. «Огромныя порціи жирной говядины и овощи безъ соуса: тутъ питаешься обильно и здорово, но удовольствія ѣсть тутъ не знаютъ». Экономисты, передаетъ Тэнъ, вычислили, что въ то время когда французъ въ продолженіи года съѣдаетъ полтора барана, англичанинъ съѣдаетъ ихъ четыре. Какъ въ кушаньи, такъ и въ напиткахъ, они не терпятъ ничего сладкаго, прѣснаго, этотъ крѣпкій организмъ не станетъ довольствоваться французскими винами, ему нужна водка, пиво, эль, портеръ.

Другому типу Тэнъ даетъ названіе флегматика; такіе люди, воспринимая извѣстныя впечатлѣнія, никогда не обнаруживаютъ ихъ внѣшнимъ образомъ, на нихъ повидимому ничто не дѣйствуетъ, ничто не волнуетъ и не потрясаетъ ихъ. У этого типа постоянно холодный внѣшній видъ, неподвижное выраженіе, необыкновенная скупость на слова, точно такіе люди застыли, точно они превратились въ автомата. Тэнъ нѣсколькими примѣрами, весьма мѣткими, рельефно обрисовываетъ этотъ типъ. «В..., получивъ рекомендацію въ одинъ домъ, дѣлаетъ визитъ; онъ разговариваетъ съ хозяйкой дома; является мужъ, который увидѣвъ гостя еще въ дверяхъ, проходитъ черезъ залу ни слова не говоря и съ глазами, обращенными въ другую сторону, садится, и черезъ минуту, безъ того, чтобы хотя одинъ мускулъ колебался на его лицѣ, произноситъ: «радъ васъ видѣть». Ни слова больше: черезъ пять минутъ онъ беретъ журналъ и читаетъ. Это не есть признакъ недовольства; напротивъ, онъ радушенъ и внимателенъ».

Для характеристики этого типа Тэнъ приводитъ нѣсколько

подобныхъ примѣровъ; взяты они изъ области дѣйствительной жизни, или придуманы самимъ авторомъ, во всякомъ случаѣ они живо даютъ чувствовать этотъ типъ. Безъ сомнѣнія, подобные примѣры рѣдки; быть можетъ, въ дѣйствительной жизни эта черта и не выражается такъ ярко, такъ рельефно, но она говоритъ объ общемъ характерѣ этого типа. Сбавьте половину съ этой внѣшней суровости, холодности, заставьте сказать хозяина дома вмѣсто одной фразы: «радъ васъ видѣть» — еще нѣсколько фразъ, но характеръ остается тотъ же, передъ вами живо рисуется образъ спокойнаго, ровнаго, никогда не выходящаго изъ себя, несловоохотливаго флегматика. Чтобы сдѣлать этотъ типъ еще болѣе нагляднымъ, чтобы заставить читателя почувствовать его сильнѣе, Тэнъ прибавляетъ свой личный опытъ: «Среди тѣхъ, кого я посѣщалъ, есть два или три человѣка, очень образованныхъ, очень уважаемыхъ, которые думаютъ, которые писали и умѣютъ хорошо говорить. Но говорить имъ непріятно. Они съ удовольствіемъ принимаютъ у себя и присутствуютъ при самыхъ интересныхъ разговорахъ, почти не произнося слова: не потому, чтобы они были невнимательны, разсѣянны, чтобы эти разговоры имъ надоели, — они слушаютъ и этого имъ довольно. Если къ нимъ прямо обращаются съ вопросомъ, они выскажутся въ одной фразѣ; заплативъ этотъ долгъ, они снова становятся молчаливы, и это никого не удивляетъ; чтобы объяснить только ихъ манеру, говорятъ: «этотъ человѣкъ не любитъ тратить словъ». Далѣе идутъ уже, если можно такъ выразиться, развѣтвленія этого коренного англійскаго типа, и смотря потому къ какому слою общества принадлежитъ флегматикъ, онъ носитъ на себѣ тотъ или другой характеръ. Флегматикъ попадаетъ и нужно сказать попадаетъ весьма часто среди всѣхъ классовъ англійскаго народа; встрѣчая эту натуру среди рабочаго люда, вы непременно увидите, что она носитъ на себѣ отпечатокъ какой-то тяжеловѣсности; во всѣхъ движеніяхъ, разговорахъ вы замѣчаете какую-то неуклюжесть, вы чувствуете, что люди эти едва ли способны къ утонченному развитію». Тэнъ указываетъ на этотъ оттѣнокъ новаго типа флегматика, подерѣпливаетъ свое личное наблюденіе примѣрами изъ англійской литературы, которая давно уже внесла его въ свою богатую коллекцію типовъ. Вы хотите видѣть этотъ типъ, какъ бы говорить современный намъ авторъ «Notes sur l'Angleterre», взгляните на Джонъ Виллета въ романѣ Диккенса «Barnaby Rudge», и вы встрѣтите не то человѣка, не то быка, съвозъ толстую массу тѣла котораго не можетъ проникнуть никакая новая идея; всѣ мысли, рѣдкія и узкія, кажутся какъ бы застывшими.

Но за то когда этотъ флегматическій темпераментъ попа-

дается у человѣка образованнаго, развитою, однимъ словомъ, у gentleman'a, тогда флегма придаетъ ему характеръ необыкновеннаго благородства. «Они возводятъ въ добродѣтель это качество ихъ темперамента,—говоритъ Тэнъ;—для нихъ самое главное достоинство въ человѣкѣ заключается въ томъ, чтобы у него всегда была спокойная и холодная голова. Они правы, прибавить онъ: ничто такъ не полезно въ несчастіи и въ опасности, и это качество составляетъ одну изъ національныхъ чертъ, качество заставляющее ихъ всегда успѣвать. Французскій офицеръ, участвовавшій въ крымской кампаніи, передавалъ мнѣ, какъ при Инверманѣ одинъ англійскій батальонъ стрѣлковъ уничтожилъ два русскихъ полка. Русскіе не переставали стрѣлять и не отступали ни на одну пядь; но они были возбуждены и дурно цѣпились; напротивъ, англійскіе стрѣлки избѣгали торопливости, прицѣливались и не теряли даромъ почти ни одного выстрѣла. Человѣкъ—въ десять разъ сильнѣе, замѣчаетъ Тэнъ, когда его пульсъ остается холоднымъ, и когда онъ исполнѣе владѣетъ своимъ разсудкомъ».

Флегматическій темпераментъ выражается весьма различно въ разныхъ классахъ и въ большинствѣ случаевъ онъ влечетъ за собою медленное нравственное развитіе, онъ является какъ бы задерживающимъ элементомъ въ умственной жизни.

Третій типъ, многочисленные элементы котораго по сознанію самого Тэна еще не хорошо выяснились для него, это типъ человѣка, работника по преимуществу, типъ существа необыкновенно дѣятельнаго, не останавливающагося ни передъ чѣмъ, способнаго на необыкновенныя усилія, который любитъ эти усилія ради усилій, который напрягаетъ всѣ свои способности, чтобы выкарабкаться изъ бурнаго потока жизни; который не остановится для достиженія своей цѣли ни передъ какимъ предпріятіемъ, готоваго на все, безстрашнаго, идущаго смѣло и непреклонно впередъ къ намѣченной цѣли. Обиліе энергіи таково, что его ничто не пугаетъ, ничто не въ состояніи преградить ему путь. Это люди большею частію сухіе, жилистые, тонкіе, сильные и здоровые. Природа надѣлила ихъ такимъ организмомъ, что они спокойно могутъ переносить всяческія невзгоды. Тэнъ слѣдующимъ образомъ рисуетъ жизнь этого типа людей: «быть рано предоставленнымъ на свое собственное попеченіе, жениться на дѣвушкѣ безъ состоянія, имѣть много дѣтей, прожить все что проживаешь, ничего не экономизировать, работать страшно, поставить своихъ дѣтей одинаково въ необходимость работать постоянно, обогащаться фактами и положительными свѣдѣніями, искать развлеченія отъ одной работы въ другой работѣ, отдыхать въ

путешествіяхъ, постоянно производить и постоянно приобретать; они не желаютъ ничего другого, ни для себя, ни для своихъ дѣтей».

Какимъ же образомъ слагается этотъ характеръ англичанъ, откуда проистекаетъ эта склонность къ постоянной работѣ, къ труду, составляющая рѣзкую національную черту англійскаго народа? Тэнъ менѣе, чѣмъ кто-либо другой, способенъ этотъ вопросъ оставить безъ отвѣта; его реалистическій, позитивный умъ любитъ глубоко рыться въ человѣческой природѣ и доискиваться до корня, до происхожденія той или другой склонности, той или другой характерной черты.

Одною изъ первыхъ причинъ онъ называетъ право старшинства и большое количество дѣтей. Вслѣдствіе этого невольнъ каждый долженъ заботиться о самомъ себѣ, каждый долженъ напрягать всѣ свои силы, чтобы добиться извѣстнаго довольства. Изъ того, что у англичанъ въ большей части случаевъ бываетъ много дѣтей, Тэнъ дѣлаетъ такой выводъ: у англичанъ больше смѣлости и меньше чувствительности, чѣмъ у французовъ. Больше смѣлости потому, что они не боятся обременять себя семьями, они не боятся быть вынужденными работать до глубокой старости; меньше чувствительности, чѣмъ у французовъ, потому, что послѣдніе съ ужасомъ думаютъ о томъ, чтобы ихъ дѣти проходили черезъ такую же трудную школу жизни, какъ они сами, и потому заботятся обезпечить ихъ существованіе и освободить по возможности отъ работы, въ то время, какъ англичане разсуждаютъ такъ: если мы работали всю жизнь, то отчего же не работать нашимъ дѣтямъ! Другою причиною этой необыкновенной, какой-то лихорадочной дѣятельности и изумительной энергіи, является, по мнѣнію Тэна, климатъ, который играетъ замѣтную роль во всемъ, что только выходитъ изъ-подъ пера этого замѣчательнаго индифферента. Едва ли есть у него хотя одинъ критическій этюдъ, хоть одинъ анализъ какого-нибудь поэта, историка, романиста, гдѣ бы климатъ не выступалъ впередъ, какъ одинъ изъ элементовъ, объясняющихъ того или другого автора, то или другое произведеніе. Такъ точно и въ его сужденіяхъ о характерѣ англійскаго народа онъ такъ просто и вѣистъ такъ убѣдительно выясняетъ вліяніе климата на образованіе народнаго характера, что нужно было бы особенное упрямство, чтобы не согласиться съ его доводами. Прочтите эти строки: «Вторая причина, пишетъ Тэнъ, это климатъ. Я постоянно возвращаюсь къ нему, потому что по моему нѣтъ вліянія болѣе могущественнаго. Представьте себѣ, что эта сырость и этотъ туманъ, и еще въ сильнѣйшей степени, существовали еще при

саксонскихъ короляхъ, и что эта раса жила съ тѣхъ поръ, что можно слѣдить за нею, начиная съ ея первой родины на берегахъ Эльбы и Ютландіи.... Мрачная и суровая природа подрѣзываетъ въ корнѣ всякое сладострастное представленіе жизни. Идеаль, подъ этимъ небеснымъ сводомъ, это сухая, чистая, хорошо вытопленная, хорошо законопаченная квартира, одинокая жизнь съ вѣрною женою, хорошою хозяйкою, чисто одѣтою, розовыя щеки чисто вымытыхъ и чисто одѣтыхъ дѣтей, видъ радужнаго огонька, обиліе мебели, полезныхъ и пріятныхъ бездѣлицъ, разставленныхъ въ порядкѣ и хорошо отполированныхъ, присутствіе которыхъ напоминаетъ человѣку, что онъ защищенъ отъ непогоды и скуки, что онъ хорошо снабженъ всѣмъ, что нужно для всевозможныхъ потребностей ума и тѣла. Напротивъ, въ Провансѣ, въ Италіи, въ южныхъ странахъ, идеаль—это бездѣльная прогулка въ тѣни, на террасѣ, на свѣжемъ воздухѣ, въ любовницѣ, передъ дивнымъ пейзажемъ, среди благоуханія розъ, среди статуй и звуковъ музыки. Чтобы съ тонкимъ чувствомъ упиваться красотою лѣта, мягкимъ воздухомъ, дивными фруктами и архитектурою пейзажей, нужно только, чтобы раскрылись всѣ чувства; здѣсь климатъ ихъ замыкаетъ, и держа ихъ вѣчно въ заперти, кончаетъ тѣмъ, что притупляетъ ихъ».

Послѣ такого общаго положенія Тѣнь тотчасъ беретъ примѣры одинъ, другой, третій, и эти примѣры еще болѣе заставляютъ убѣдиться въ справедливости всего, что онъ говоритъ о вліяніи климата. «Бѣдный, въ Марсели или Миланѣ, покупаетъ на одну копѣйку фунтъ винограда, достойнаго быть поданнымъ къ столу боговъ, и такимъ образомъ получаетъ идею самаго утонченнаго ощущенія; какимъ же образомъ подобная идея можетъ родиться въ головѣ человѣка, небо котораго не знаетъ ничего другаго, вромѣ вкуса куска говядины и стакана джина или эля? Исключенный изъ этого праздника природы, человѣкъ не можетъ помышлять о тонкомъ и чувственномъ наслажденіи; онъ не можетъ болѣе его испытать, онъ очерствѣлъ, сдѣлался жестокъ, онъ приспособилъ себя къ требованіямъ и суровости своей среды. Невольно его мысль обращается въ другую сторону, иначе и быть не можетъ, такъ какъ онъ не имѣлъ бы времени, чтобы предаваться лѣни и наслаждаться, если бы даже и желалъ того. Холодъ, дождь, грязь, дурная погода, неблагоприятная почва, вотъ враги, съ которыми онъ долженъ постоянно бороться. Кроме того, его внутренняя машина поглощаетъ больше и требуетъ болѣе серьезныхъ исправленій, она не могла бы дѣйствовать безъ спиртныхъ напитковъ и жирной говядины». Оттого, конечно, и находились въ Англіи писатели, которые возставали противъ об-

щество трезвости; они, какъ и Тэнъ, конечно, полагали, что среди этого суроваго климата, когда природа требуетъ отъ людей такой усиленной дѣятельности, спиртные напитки если и причиняютъ большое зло, тѣмъ не менѣе являются печальною необходимостью для поддержанія силы и энергіи въ людяхъ. Если Тэнъ, сравнивая положеніе англійскаго простолюдина, положеніе, создающее этотъ настойчивый характеръ и закаленную натуру, съ положеніемъ человѣка южныхъ странъ, нѣсколько идеализируетъ послѣднее, за то относительно перваго онъ безусловно правъ. «Бѣдный не несчастенъ на Югѣ, онъ пользуется даромъ самыми лучшими вещами, почти за ничто онъ приобретаетъ все необходимое; между тѣмъ есть столько вещей, которыя необходимы на Сѣверѣ и въ которыхъ онъ вовсе не нуждается: обильная пища, искусственный свѣтъ, топливо, хорошо защищенное отъ непогоды жилище, теплая одежда, часто возмущаемое бѣлье и все прочее! Здѣсь жалко смотрѣть на него. Нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ одѣяніе, жилье, рубаха, вся фигура англійскаго нищаго; въ Hyde Park'ѣ, въ воскресенье, когда на травѣ садится семья нищихъ, какъ пятно поражаетъ онъ глазъ. Имѣйте здѣсь двадцать тысячъ фунтовъ годового дохода или перерѣзывайте себѣ горло: вотъ мысль, говоритъ Тэнъ, которая преслѣдуетъ меня, и объявленія въ омнибусахъ во имя еще болѣе подстрекають ее, когда я узнаю, что знаменитыя бритвы Марріна стоятъ всего одинъ шиллингъ». Чтобы не перерѣзать себѣ горла бритвою въ одинъ шиллингъ, чтобы не опуститься слишкомъ низко и не потерять уваженія окружающихъ, нужно усиленно работать, и при помощи необыкновенной энергіи и изумительнаго труда приобрести себѣ то, что является необходимымъ условіемъ образованія, уваженія, всѣхъ тѣхъ качествъ, изъ которыхъ складывается понятіе о gentleman'ѣ. Необходимость энергической дѣятельности превращается въ привычку, въ національную черту характера, въ необходимость что-нибудь дѣлать, чѣмъ-нибудь быть занятымъ. Флегматическій темпераментъ и отсутствіе чувствительности, тонкихъ нервовъ, ублажаютъ то, что трудъ и, какъ говоритъ Тэнъ, современный трудъ теряетъ свое преимущественное свойство: скуку, или, если не теряетъ ее, то становится для нихъ нечувствительнымъ.

Такимъ образомъ, физическія свойства человѣка порождаютъ въ немъ нравственные качества: энергію, упорство въ трудѣ, необходимость его для каждаго человѣка, желающаго пользоваться уваженіемъ окружающихъ. «Работай и содѣйствуешь полезному дѣлу; иначе ты не человѣкъ, и не имѣешь права уважать себя!» вотъ девизъ, который выработанъ въ Англіи и образо-

цію котораго, безъ сомнѣнія, главнымъ образомъ содѣйствуютъ физическія свойства страны и народа.

Отъ мужского типа мы можемъ перейти теперь къ типу англійской женщины и хотъ въ самыхъ общихъ чертахъ указать ея особенности, которыя входятъ въ ея характеръ.

Сила, здоровье, крѣпкое сложеніе составляютъ точно также, какъ и у мужчинъ, отличительное свойство большинства англійскихъ женщинъ. Качества эти дѣлаютъ то, что несмотря на частыя попадающіяся, какъ выражается Тэнъ, вульгарность въ формѣ, общее впечатлѣніе все-таки бываетъ удовлетворительно, такъ какъ самое существенное для живого существа — это здоровье, сильное тѣло. Тэнъ пораженъ тѣмъ рѣзкимъ различіемъ, которое существуетъ между французенкою и англичанкою. Первое болѣею частью существо слабое, нѣжное, неспособное, къ какому-либо физическому труду; грація, искусственная изящность натуры, вотъ ея отличительныя качества. Когда французенка садится на лошадь, за нее становится страшно, можно опасаться, что ея бѣдныя силы не справятся съ вѣсомъ; когда она выходитъ на улицу, въ суровую погоду, идетъ на встрѣчу громко завывающему вѣтру, можно опасаться, что вѣтеръ повалитъ ее и унесетъ. Французенка — теплое растение, въ то время, какъ англичанка — это дерево, выросшее на открытомъ воздухѣ, испытавшее вѣтры, бурю, погоду. Англичанка ничего не боится и не внушаетъ за себя опасеній и другимъ. Когда она на лошади, можно думать, что жизнь она не сходитъ съ нея; англичанка — это самою природою созданная амазонка. Она лучше мужчины будетъ лазить по горамъ, безъ отдыха взбираться на страшную высоту, она не знаетъ усталости, незнакома съ опасностью, ей все тринь-тра. По мнѣнію Тэна, эта сила, здоровье англійской женщины объясняется двоякаго рода причинами. Первая — это природная особенность — наследственная организація всей расы, другая заключается въ привычкѣ жить на открытомъ воздухѣ и постоянно предаваться физическимъ упражненіямъ. Эти достоинства, на которыя указываетъ авторъ «Notes sur l'Angleterre», не стоятъ далеко, рядомъ съ ними онъ указываетъ и на недостатки въ физической природѣ англійскихъ женщинъ: цвѣтъ лица быстро смѣняется у множества молодыхъ англичанокъ, носъ весьма часто краснѣетъ; у нихъ обыкновенно бываетъ много дѣтей и послѣдствіе этого сложеніе ихъ обезображивается. Часто также первоначальный типъ, отличительное свойство котораго заключается въ крѣпкомъ и красивомъ тѣлосложеніи, значительно видоизмѣняется, и вы видите предъ собою длинную, высохшую

«спаржу» съ огромными ногами, обутыми въ неуклюжіе сапоги и съ безконечно длинными зубами, выдающимися впередъ, которые отталкиваютъ васъ и въ которыхъ вы не можете привыкнуть. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ типѣ, главную отличительную черту составляетъ все-таки физическая сила, здоровье, и какъ результатъ этой силы, большая смѣлость, неустрашимость, рѣшительность, готовность всегда и во всякое время дѣлать надъ собою «усиліе» для достиженія предполагаемой цѣли.

«Сдѣлать усиліе» это важная вещь у англичанъ, это великая способность, они гордятся ею и съ сожалѣніемъ относятся къ людямъ неспособнымъ на такое усиліе. Рисуя типъ англійской женщины, Тэнъ имѣлъ бы полное право указать на эту способность къ «усилію» и на это требованіе «усилія», и для подтвержденія этой черты онъ могъ бы сослаться на Диккенса, который такъ неподобно изобразилъ эту національную черту въ одномъ изъ своихъ лучшихъ романовъ «Домби и сынъ», именно въ той сценѣ, въ которой онъ описываетъ послѣднія минуты умирающей матери маленькаго наследника знаменитой фирмы «Домби и сынъ». Г-жа Домби страдаетъ, а ей говорятъ: «ну, полно, сдѣлайте надъ собою усиліе!» Г-жа Домби находится въ предсмертной агоніи, а родные, окружающіе ее, даже самъ мужъ обращается къ ней со словами: «сдѣлайте надъ собою усиліе!» Наконецъ, г-жа Домби умерла, и первое слово, которое вырывается у родныхъ, это не слово сожалѣнія, не слово грусти, а скорѣе слово упрека: «бѣдная женщина, говорятъ они, какъ жаль ее, она не была способна сдѣлать надъ собою усиліе». Усиліе, усиліе, усиліе—вотъ слово, которымъ опредѣляется главная, характерная черта англійской женщины.

Если сила, здоровье, физическая крѣпость составляютъ главное свойство мужчины и женщины въ Англіи, и сплошь и рядомъ, чтобы не сказать какъ общее правило, являются въ ущербъ умственному развитію, то естественно, что и дѣти отличаются тѣми же качествами. Тѣна поражаютъ красныя щеки, точно кровь съ молокомъ, англійскаго ребенка, онъ съ удивленіемъ останавливается передъ крѣпостью тѣла, толщиною дѣтей, общающихся сдѣлаться такими же коренастыми людьми, какими являются ихъ отцы и матери. Около семи лѣтъ и позже у нихъ преобладаетъ далеко не умственное развитіе, нѣтъ, въ нихъ преобладаетъ физическая и нравственная энергія. У этихъ дѣтей мало нѣжности, къ нимъ не чувствуешь какой-то жалости, которую возбуждаетъ въ себѣ беззащитность и какое-то безпомощное состояніе ребенка; они не привлекаютъ своимъ ласковымъ

идомъ, надъ ними нечего дрожать, у большинства дѣтей какой-то сердитый, неподпускающій къ себѣ видъ; глядя на нихъ, думаешь, по выраженію Тэна, «о молодыхъ щенкахъ». Всѣ животныя инстинкты чрезвычайно сильно развиты въ немъ, «у него слишкомъ много здоровья, книги ему противны, онъ не хочетъ и не можетъ учиться. Онъ предпочитаетъ ѣсть, бокси-ровать, играть въ крикетъ, ѣздить верхомъ». вмѣстѣ съ тѣмъ, и конечно въ силу своихъ физическихъ качествъ, англійскій ребенокъ обладаетъ тою же неустрашимостью, упорствомъ въ своихъ желаніяхъ, смѣлостью, способностью переносить всякое физическое утомленіе и другою чисто англійскою способностью «дѣлать усилие». Онъ жаждетъ борьбы и никогда и ни въ чемъ не хочетъ уступать. «Въ концѣ концовъ,—говоритъ Тэнъ, дѣлая общій выводъ,—для меня не подлежитъ сомнѣнію, что животное съ физической стороны, что примитивный человѣкъ, такой ка-кимъ природа отдаетъ его въ руки цивилизации, здѣсь несравненно болѣе сильной и крѣпкой породы».

Оканчивая обзоръ всѣхъ типовъ, попадающихся въ Англіи, Тэнъ дѣлаетъ въ нѣсколькихъ строкахъ какъ бы резюме всего имъ сказаннаго, и въ резюме такъ рельефно отлился внѣшній видъ, внѣшній характеръ огромнаго большинства англійскаго народа, что на немъ можно остановиться и призадуматься. «Когда въ восемь часовъ утра,—пишетъ Тэнъ,—на дебаркадерѣ желѣзной дороги останавливаешься передъ толпою людей, возвращающихся изъ деревни для своихъ ежедневныхъ занятій, или когда гуляешь по одной изъ дѣловыхъ улицъ, то невольно поражаешься количествомъ лицъ, которыя обнаруживаютъ этотъ типъ холодной и упорной воли. Они идутъ прямо, двигаясь прямолинейно, не глядя по сторонамъ, не развлекаясь, всецѣло отданные своему дѣлу, точно автоматы, толкаемые пружиною. Большая костлявая фигура, съ блѣднымъ цвѣтомъ лица, часто пожелтѣлымъ или свинцовымъ, съ строгимъ взглядомъ, все, до ихъ перпендикулярной шляпы широкой и толстой обуви, до ихъ зонтика всаженнаго въ чехоль и который они носятъ какъ-то особо, все указываетъ на человѣка нечувствительнаго къ идеямъ роскоши или удовольствія и занятаго исключительно мыслию какъ можно скорѣе и какъ можно лучше сдѣлать много дѣла. Иногда встрѣчаешь фizioномію Питта, повелительную и неподвижную тонкую фигуру, съ блѣдными и горящими глазами, взоръ, который скрываетъ въ себѣ блескъ неподвижнаго блеска шпаги; человѣкъ этотъ болѣе тонкаго закала, но его воля вслѣдствіе этого является болѣе рѣзкою и суровою; это желѣзо, превратившееся въ сталь. Впечатлѣніе достигаетъ самой высшей степени, когда

это выраженіе попадаетъ на лицѣ молодой дѣвушки; я видѣлъ его много разъ, и тонъ, слово, мысль были въ гармоніи; не проходитъ и двухъ минутъ, что вы чувствуете точно лезвіе ножа... четыре раза изъ пяти, говоритъ онъ далѣе, англійскій типъ представляется слѣдующимъ: у женщинъ бросается въ глаза способность переносить много, и часто выраженіе, лицо, которое говоритъ, что многое перенесено въ жизни; отсюда все отзывается въ ней какой-то покорностью, или чѣмъ-то погасшимъ, или упорствомъ, которое заставляетъ сказать: *She has made up her mind*; у мужчинъ выступаетъ наружу способность много работать, долго напрягать свои силы, печать продолжительнаго и упорнаго вниманія, вытянутыя черты лица, нисколько неизнѣженныя и не мечтательныя, челюсть сжатая, лицо неподвижное, «steadfastness». Избытокъ этой способности и этого рода жизни обнаруживается вездѣ, и главнымъ образомъ въ рабочемъ классѣ. Среди работниковъ и деревенскихъ *day labourers* у большаго числа лица впалыя, блѣдныя, изнуренныя усталостью, заставляющія думать объ извозчицкихъ клячахъ, которыя стоятъ разставивъ свои четыре ноги терпѣливо и неподвижно, въ то время когда дождь падаетъ ручьями по ихъ исхудалымъ бокамъ. Волосы посѣдѣли и падаютъ рѣдкими кучьями, ротъ остается полуоткрытымъ, точно отъ непроизвольнаго ослабленія мускуловъ; глазъ точно лишился взгляда. Человѣкъ еще движется; но кажется, что онъ движется только вслѣдствіе пріобрѣтенной привычки; онъ превратился въ машину. Когда лицо такого человѣка получаетъ на минуту выраженіе, кажется, что онъ пробудился отъ тяжкаго сна. Изношенность, *wear and tear of life*, истощеніе существа, обремененнаго слишкомъ тяжелою ношею, надорваннаго и оцѣпенѣлаго еще болѣе поражаетъ въ женщинѣ. Подчасъ, когда заходишь къ нимъ, когда обращаешься къ нимъ съ вопросомъ, ихъ уста стараются найти улыбку. Когда видишь эту попытку улыбнуться, тогда невольно и съ тяжелымъ сердцемъ отворачиваешь въ сторону глаза!»

Вотъ во что въ концѣ концовъ превращаются эти крѣпкія здоровыя натуры, вотъ что ожидаетъ эти геркулесовскія сложенія, вотъ что значитъ «дѣлать усиліе», чтобы протиснуться въ жизнь и занять мѣсто среди своихъ ближнихъ. Кто не согласится, что тутъ есть почему задуматься и поразмыслить надъ этимъ картиннымъ, но тяжелымъ описаніемъ внѣшняго вида человѣка, котораго природа богато надѣлила физическими качествами. Англія по праву гордится страшною массою производимаго ею труда; но не слышимъ ли дорогою цѣною для бу-

лучаго страны оплачивается этотъ трудъ? Нѣтъ организма, какъ ни крѣпокъ, какъ ни силенъ бы онъ былъ, который въ концѣ концовъ не надламывался бы отъ излишняго изнуренія и непосильной ноши.

IV.

Отъ этой внѣшней стороны, отъ этого внѣшняго вида англичанъ обратимся теперь къ главной, самой важной сторонѣ народной жизни, къ внутреннему быту, и посмотримъ прежде всего, какими представляются эти сильныя, упорныя, настойчивыя, дѣятельныя натуры въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, въ ихъ семейной обстановкѣ, среди того, чѣмъ они такъ гордятся и что такъ мѣтко характеризуется однимъ словомъ «home».

«Націи, которая, подобно англійской націи, постоянно погружена въ бурю безостановочныхъ дѣлъ,—говоритъ одинъ изъ писателей, наиболѣе близко знакомыхъ съ англійскою жизнью, именно Эскиросъ, авторъ многотомныхъ этюдовъ подъ названіемъ: «l'Angleterre et la vie anglaise»,—необходимъ былъ якорь, и такимъ якоремъ является семья. Семья занимаетъ крупное мѣсто въ англійской жизни... Англичанинъ у себя дома то же, что и на своемъ островѣ: недоступенъ, или мало доступенъ, сдержанъ, холоденъ: онъ не позволяетъ навязывать себѣ отношенія съ тѣми или другими людьми, онъ выбираетъ себѣ знакомыхъ; но когда ледъ проломанъ, нельзя не видѣть тогда, что у него доброе, великодушное сердце. Точно то же происходитъ и въ взаимныхъ отношеніяхъ членовъ семьи; отсутствіе слова «ты», изгнаннаго изъ языка (съ нимъ только обращаются къ Богу), бросаетъ какой-то отпечатокъ холодности и индифферентизма на семейное отношеніе, но приглядываясь, скоро замѣчаешь подъ суровыми формами большую внутреннюю теплоту...» Вотъ этому «home», этому «якорю», этимъ взаимнымъ отношеніямъ членовъ семьи Тонъ посвящаетъ третью главу своей книги, и если онъ сходится съ Эскиросомъ въ мнѣніи, что «когда ледъ проломанъ», то отношенія съ англичанами становятся весьма пріятны; за то замѣтки, которыя онъ разбрасываетъ по поводу чисто семейныхъ отношеній, дѣтей къ родителямъ, родителей къ дѣтямъ, вовсе не говорятъ объ особенной теплотѣ въ этихъ отношеніяхъ.

Хотя претенціозную фразу: «лицо есть зеркало души», обыкновенно, и не безъ основанія, произносятъ не иначе какъ съ усмѣшкой, и хотя въ жизни она сплошь и рядомъ получаетъ

блистательныя опроверженія, но тѣмъ не менѣе она не лишена смысла, и подчасъ нельзя не признать ея справедливости. Каждому человѣку приходилось судить о нравственной сторонѣ человѣка по его внѣшнему виду, и каждому конечно приходилось убѣждаться, что внѣшняя сторона человѣка стоитъ иногда въ весьма тѣсной связи съ его внутреннею стороною. Живая внѣшность француза отвѣчаетъ его внутренней живости, легкости, сонная, нѣсколько заспанная фигура русскаго говоритъ о его исторической лѣни и апатіи; педантическое и самодовольное выраженіе нѣмца какъ нельзя болѣе вяжется съ его внутренними свойствами. То же и можетъ быть еще въ большей степени должно быть сказано и про англичанина. Его внѣшность ярко отражаетъ въ себѣ внутренняго человѣка; энергическій, настойчивый, упорный, холодный на видъ, онъ и въ жизни является со всѣми этими атрибутами; въ немъ нѣтъ мягкости, онъ не знаетъ чувствительности, вмѣсто искренней нѣжности у него подчасъ является какая-то слабоватость, дѣланная сентиментальность, чему подтвержденіемъ можетъ служить чуть не вся англійская литература. Когда романистъ, и изъ самыхъ крупныхъ, хочетъ представить типъ человѣка нѣжнаго, чувствительнаго, ему почти никогда это не удастся, у него является приторно-сладкая фигура, и отчего? оттого, что самой природѣ англичанина чужды эти стороны, сама жизнь исключаетъ эти свойства. Хорошо это или дурно, это опять другой вопросъ; вѣрнѣе, что хорошо, если судить по другимъ народамъ. Тѣ народы, у которыхъ въ характерѣ много мягкости, чувствительности, тѣ продолжаютъ биться какъ рыба объ ледъ, устранивая свою жизнь; холодный же и суровый, нѣсколько безсердечный англійскій народъ давно устроилъ свою государственную жизнь такъ, какъ дай Богъ всякому народу. Съ цѣлымъ народомъ то же что и съ отдѣльными людьми. Холодный, безсердечный, эгоистическій человѣкъ въ большинствѣ случаевъ несравненно счастливѣе мягкаго, нѣжнаго, чувствительнаго человѣка, который мѣшается во всякое горе, во всякое несчастіе, который страдаетъ чужимъ страданіемъ. Идеалисты и реалисты—вотъ двѣ большія группы, на которыя раздѣляются всѣ люди, всѣ народы земного шара. Французы, взятые вмѣстѣ, какъ цѣлый народъ, безспорно принадлежать къ группѣ идеалистовъ, Англія и англичане къ группѣ реалистовъ. Идеалистовъ больше любишь, больше сочувствуешь, съ ними теплѣе живется, но самому лучше принадлежать къ группѣ реалистовъ, потому что послѣднимъ лучше и спокойнѣе живется, нежели первымъ.

Посторонняго человѣка, вступающаго въ англійское обще-

ство, въ англійскую семью, непріятно поражаетъ холодность, сдержанность, отсутствіе мягкости, какая-то даже суровость; но вѣдь люди живутъ для себя, а не для другихъ, а потому англичанъ нужно спросить, довольны они или нѣтъ своею внутреннею, семейною жизнью. Оказывается, на дѣлѣ, что они какъ нельзя болѣе довольны, и еслибы можно было путемъ статистическихъ данныхъ рѣшить вопросъ: болѣе или менѣе счастлива внутренняя семейная жизнь въ Англіи, чѣмъ въ другихъ странахъ, то по всей вѣроятности, вопросъ былъ бы рѣшенъ не противъ Англіи.

Тэнъ прежде всего обращается въ нравамъ и характеру англійской женщины, быть можетъ основательно полагая, что женщина—жена и мать—является такъ сказать краеугольнымъ камнемъ зданія семьи. Счастье семейной жизни гораздо болѣе обезпечивается женщиной, нежели мужчиной. На женщинѣ въ современной семьѣ лежитъ гораздо больше обязанностей, нежели на мужчинѣ. Мужъ, отецъ, главнымъ образомъ поглощенъ матеріальными заботами; на женѣ, на матери лежатъ нравственныя заботы. Узелъ семьи заключается въ дѣтяхъ, дѣти же до десятилѣтняго возраста, т-е. весь тотъ періодъ, въ теченіи котораго изъ нихъ какъ изъ воска можно лѣпить ту или другую фигуру, всецѣло находятся на попеченіи матери, всецѣло испытываютъ вліяніе женщины. И какое вліяніе! самое прочное, самое глубокое, которое не изглаживается въ теченіи цѣлой жизни. Женщина бросаетъ въ ребенка сѣмена, изъ которыхъ должно вырасти и широко раскинуться то или другое дерево; вотъ почему важно, чтобы женщина какъ можно скорѣе перестала быть куклою, а сдѣлалась «человѣкомъ»; вотъ почему такъ называемый «женскій вопросъ», который еще такъ недавно казался «солиднымъ» людямъ какимъ-то сумасбродствомъ, какою-то бреднею шальныхъ людей, такъ шибко подвинулся впередъ въ общественномъ сознаніи цивилизованной Европы.

Англійская женщина въ большинствѣ случаевъ не кукла. Тэнъ, который вездѣ почти ведетъ параллель между Франціей и Англіей, отдаетъ безусловное предпочтеніе англійской женщинѣ. Дѣвушка, —конечно, тутъ можетъ идти рѣчь только о болѣе или менѣе достаточныхъ классахъ, среди которыхъ ребенокъ двѣнадцати лѣтъ или даже и раньше не долженъ уже становиться работницею, —получаетъ несравненно лучшее воспитаніе и образованіе чѣмъ во Франціи. Онѣ учатся языкамъ и учатся настолько, что въ состояніи читать въ оригиналѣ Данте, Шиллера, Гете, французскихъ классиковъ; ихъ обучаютъ немного и латинскому языку, настолько, чтобы онѣ могли въ послѣдствіи оказывать помощь своимъ

дѣтямъ. Онѣ много занимаются естественною исторіею, ботаникою, минералогіею, геологіею; во время путешествій, прогулокъ въ деревнѣ, на берегу моря онѣ собираютъ травы, минералы, дѣлаютъ коллекціи, онѣ постоянно заняты, постоянно приобрятаютъ новыя свѣдѣнія. Въ жизни, однимъ словомъ, и съ самыхъ первыхъ шаговъ, серьезный элементъ играетъ большую роль, онѣ привыкаютъ серьезно смотрѣть на жизнь, онѣ всѣ приготовляются занять извѣстное положеніе въ обществѣ, положеніе, налагающее весьма серьезныя обязанности. Онѣ знаютъ очень хорошо, что выходя замужъ онѣ не выполнили еще своего назначенія, что это только начало, но что далѣе, когда онѣ станутъ матерями, отъ нихъ потребуются выполненіе иной задачи, тяжелой задачи сдѣлаться разумною матерью, разумною воспитательницею своихъ дѣтей. Вотъ отчего здѣсь рѣдко бываетъ, чтобы семнадцатилѣтняя дѣвушка, умная, способная не зная что дѣлать съ собою и бросаясь изъ одного угла въ другой повторяла: «мнѣ скучно, что мнѣ дѣлать», какъ часто бываетъ и съ французскою, да и съ русскою дѣвушкою.

Рядомъ съ этимъ англійская дѣвушка пользуется гораздо большею свободою, нежели въ любой другой странѣ Европы. Тутъ дѣвушка преспокойно одна выходитъ на улицу, одна гуляетъ среди многолюднаго Лондона, и никого это не шокируетъ, никто не приставляетъ къ ней нянекъ. Но свобода тутъ и не останавливается. Точно также онѣ пользуются несравненно большею свободою въ обращеніи съ мужчинами; никто не захочетъ оскорбить ихъ тамъ, оскорбляя вмѣстѣ съ тѣмъ и мужчину, не отпуская ихъ сдѣлать два шага вмѣстѣ. «Въ деревнѣ, — рассказываетъ Тэнъ, — послѣ двухдневнаго пребыванія, меня просятъ дать руку молодой дѣвушкѣ, дочери хозяина дома, и просятъ проводить ее за милую». Въ другой странѣ такое простое человеческое обращеніе подняло бы гвалтъ на двадцать верстъ въ округѣ, здѣсь же никому не проходитъ въ голову, чтобы могло быть иначе. Эта простота въ обращеніи съ мужчинами дѣлаетъ то, что въ англійской дѣвушкѣ нѣтъ вовсе кокетства, она какъ нельзя болѣе естественна, и всѣ ея помыслы не сосредоточены на томъ, какъ бы «плѣнить своими прелестями» человѣка. Въ ихъ простотѣ кроется большая любезность, общительность. «Когда разговариваешь здѣсь съ женщиною, — замѣчаетъ Тэнъ, — то два раза изъ трехъ чувствуешь себя успокоеннымъ, тронутымъ, чуть не счастливымъ; онѣ относятся къ вамъ дружески, съ милымъ вниманіемъ, и какая добрая и спокойная улыбка! Никакой злой мысли; намѣреніе, выраженіе — все открыто, естественно, добродушно. Тутъ чувствуешь себя гораздо лучше нежели обого-

рануженки; нѣтъ тутъ смутнаго опасенія быть судимымъ, обвиннымъ; вы не приходите здѣсь въ столеновеніе съ отточен-
 нымъ, пронзительнымъ, острымъ умомъ, который однимъ ударомъ
 изрѣжетъ васъ на четыре части; вы не встрѣчаетесь здѣсь съ
 лѣнымъ, требовательнымъ, съ соскучившимся воображеніемъ,
 которое требуетъ отъ васъ анекдотовъ, пикантности, блеска, за-
 вы, лести, всевозможныхъ пріностей, и тотчасъ бросаетъ
 съ, какъ только у васъ нѣтъ сластей, которыя вы могли бы
 предложить. Разговоръ здѣсь не походить ни на дуэль, ни на
 истязаніе; вы можете излагать ваши мысли безъ всякихъ при-
 ясъ, а такъ просто, какъ онѣ есть; тутъ имѣешь право быть
 нымъ, чѣмъ человѣкъ бываетъ въ дѣйствительности—обыкновен-
 нымъ человѣкомъ. Можно даже, нисколько не наскучая и не имѣя
 цѣ педанта, толковать объ очень серьезныхъ вопросахъ, полу-
 чить отъ женщины весьма положительныя свѣдѣнія, рассуждать съ
 ей точно также какъ съ мужчиною». Правда, рядомъ съ этимъ,
 плечанка одѣвается сама безъ вкуса, она нацѣпнута на себя
 расное, зеленое и голубое платье за-разъ, дурно пригнанное,
 рно сшитое; она явится передъ вами въ уродливыхъ сапогахъ,
 цнымъ словомъ, лишенная вкуса; она постарается себя изуро-
 вать насколько возможно, вы не найдете въ ней французской
 раціи, польской удалы, русской распущенности и нѣмецкой ку-
 онной сентиментальности; но согласитесь, что съ этимъ можно
 омириться и что отсутствіе вкуса не есть уже такое большое
 счастье.

Серьезная подготовка къ жизни дѣлаетъ то, что дѣвушка
 е становится несчастною; не выходя замужъ и оставаясь ста-
 ою дѣвою, не усваиваетъ себѣ того глубоко-отвратительнаго
 арактера, который составляетъ принадлежность большей части
 тарыхъ дѣвъ, переставшихъ жить прежде, чѣмъ онѣ умерли. Во
 Франціи, въ Россіи старая дѣва это нѣчто особенное, непри-
 надлежащее почти ни къ какому полу, это существо, которое
 не имѣетъ никакой цѣли, кромѣ развѣ злословія, которое не
 имеетъ никакого смысла въ жизни. Оно и понятно. Когда съ
 амыхъ малыхъ лѣтъ дѣвушкѣ не переставали твердить: ты вый-
 дешъ замужъ, ты должна выдти замужъ! когда ее приготавливали
 только къ тому, чтобы изъ *mademoiselle X* сдѣлаться *madame Y*,
 ни къ чему другому, то естественно, что, не выходя замужъ,
 она сбивается съ колен и превращается въ сухую, злую и пре-
 тенціозную «старую дѣву». Въ Англіи вовсе не то. Нельзя ска-
 зать, чтобы и въ Англіи дѣвушки не стремились выдти замужъ,
 это совершенно понятно; но не выходя замужъ, оставаясь ста-
 рыми дѣвами, онѣ не теряются въ жизни и не превращаются

въ живыхъ мумій. Оставаясь въ семьѣ, онѣ не обременяютъ ее, не обременяютъ потому—что онѣ становятся немедленно полезны: онѣ могутъ учить дѣтей, онѣ заняты, одна тѣмъ, другая другимъ; онѣ дѣлаются членами различныхъ ассоціацій, различныхъ комитетовъ, существующихъ не потому только, чтобы на нихъ была мода, а потому, что они являются дѣйствительною потребностью, и потому, что женщины желаютъ приносить истинную пользу, не помышляя вовсе о томъ, что это даетъ имъ извѣстное положеніе въ свѣтѣ, которымъ онѣ могутъ гордиться и рисоваться. Ни въ какой странѣ нѣтъ столько женщинъ писательницъ, какъ въ Англіи, и это разумѣется должно быть объяснено не тѣмъ, что талантъ, талантъ прирожденный, чаще понадается здѣсь среди женщинъ, чѣмъ въ другихъ странахъ, а просто лучшею подготовкою, болѣе серьезнымъ образованіемъ. Не все что пишутъ женщины въ Англіи талантливо, но почти все полезно. Тѣмъ приводитъ цѣлый списокъ женскихъ именъ, которыя довольно извѣстны въ литературѣ, и извѣстны не романами, а серьезными, научными трудами. «Всѣ эти статьи,—говоритъ Тэнъ,—полезны и поучительны; привычка слѣдить за уроками, посѣщать бѣдныхъ, разсуждать съ серьезными людьми, изученіе, личное наблюденіе надъ фактами принесли свои плоды; онѣ умѣютъ наблюдать и разсуждать; онѣ проникаютъ въ самую сущность вещей и понимаютъ истинныя основы всякаго улучшенія... Нельзя быть исправленнымъ, улучшеннымъ иначе какъ черезъ самого себя; инициатива, личное усиліе, self-government необходимы; нравственное правило не должно быть налагаемо извнѣ, оно должно исходить изъ самого человѣка. Тотъ, кто читалъ англійскіе романы, замѣчаетъ Тэнъ, знаетъ съ какою точностью и вѣрностью эти писательницы описываютъ характеры; часто женщина, которая жила въ деревнѣ, въ маленькомъ кружкѣ, занятая семейными заботами, вынуждена писать повѣсти, чтобы заработать себѣ кусокъ хлѣба, и тогда обнаруживается, что она лучше постигла человѣческое сердце, чѣмъ иной психологъ по профессіи. Быть образованною, ученою, полезною, выработать себѣ убѣжденія, передавать ихъ другимъ, съ пользою употреблять свои силы,—это чего-нибудь да стоить. Можно смѣяться, если угодно, можно говорить, что нравы эти создаютъ гувернантокъ, педантокъ, «синіе чулки», а не женщинъ. Сколько хотите! но сопоставьте рядомъ съ этимъ пустую провинціальную праздность, скуку нашихъ дамъ, жизнь старой дѣвушки, которая выводитъ канареекъ, разноситъ сплетни, вяжетъ и не пропускаетъ ни одного богослуженія». Во всякомъ случаѣ, своимъ достоинствомъ она исключительно обязана серьезной подготовкѣ въ жизни, надъ которою никто не смѣется,

и противъ которой никто тупоумно не возстаетъ. По природнымъ способностямъ англійская женщина нисколько не выше другихъ европейскихъ женщинъ; во многихъ отношеніяхъ по природѣ французская да и русская женщина стоятъ выше англичанки; но во Франціи, къ несчастію, слишкомъ часто думаютъ, употребляя мѣткое выраженіе Тэна, что женщина, переставая быть куклою, перестаетъ быть и женщиною, въ Россіи же стремленіе женщинъ стать на одну ногу съ мужчинами охотно клеймать какою-нибудь глупою кличкою, и въ каждой работающей женщинѣ не прочь заподозрить какую-нибудь Кукшину.

Такимъ образомъ, серьезно подготовленная къ жизни и не жертвѣя при одной мысли остаться «старою дѣвою», англичанка не дѣлаетъ изъ брака единственного помысла своей жизни и вступаетъ въ него не потому только, что иначе она не будетъ знать что съ собою дѣлать. Свободная въ обращеніи съ мужчинами, она, встрѣчая человѣка, который ей нравится, сходится съ нимъ, сближается, много говоритъ, они узнаютъ другъ друга, и когда идутъ подъ вѣнецъ, то идутъ не чужими. Если въ Англіи случается сплошь и рядомъ, что мужчина и дѣвушка остаются женихомъ и невѣстою въ продолженіи многихъ лѣтъ, за то весьма рѣдки случаи, обыденные въ континентальной Европѣ, что человѣкъ является въ домъ, побывавъ нѣсколько разъ, перебросился нѣсколькими фразами о погодѣ, театрѣ и т. п. съ дѣвушкою, и затѣмъ прямо въ церковь. Но если хороша жизнь дѣвушки, пользующейся въ дѣвичествоѣ полною свободою, если жизнь дѣвушки стоитъ неизмѣримо выше жизни дѣвушки въ континентальной Европѣ, то нельзя сказать того же о жизни замужней женщины. Счастливая пора тутъ оканчивается и начинается жизнь зависимая, подчиненная, женщина теряетъ свою самостоятельность и попадаетъ въ положеніе худшее, нежели положеніе европейской женщины. Въ имущественномъ отношеніи онѣ совершенно подчинены своимъ мужьямъ, состояніе жены совершенно переходитъ въ руки мужа, а имущественная зависимость заключаетъ въ себѣ такую силу, что она влечетъ общую нравственную зависимость и подчиненность. Мужъ является въ полномъ смыслѣ главою дома, часто деспотическимъ главою; мужъ требуетъ себѣ полного подчиненія и третируетъ свою жену какъ главную экономку своего дома и главную гувернантку своихъ дѣтей. Тутъ именно проявляется та внутренняя холодность англичанъ, которая отражаетъ и ихъ внѣшнюю физиономію. «Мужъ,—говоритъ Тэнъ,—господинъ (lord), и очень часто онъ принимаетъ этотъ титулъ весьма серьезно; такъ какъ жена не приноситъ большею частью своего состоянія, то онъ

считаетъ себя въ правѣ ничего не говорить ей о своихъ дѣлахъ. Очень часто жена не знаетъ, какъ и чѣмъ занимается ея мужъ, какъ онъ наживаетъ деньги, онъ даетъ столько-то въ мѣсяцъ на расходы, и объ остальномъ не говоритъ. Онъ спекулируетъ, строитъ, покупаетъ, продаетъ, это все до нея не касается, и часто наступаетъ разореніе безъ того, чтобы жена могла даже предчувствовать его. Она не болѣе какъ экономка, она должна заниматься своимъ хозяйствомъ и своими дѣтьми. Въ большаи-ствѣ случаевъ женщина подчиняется этой роли; вслѣдствіе воспитанія и внутренняго сознанія своихъ обязанностей, она тиха и покорна. Нельзя не сказать, что если женщина, выходя замужъ, что должно быть и что въ дѣйствительности представляется общимъ правиломъ, превращается въ не что иное какъ экономку и гувернантку своихъ дѣтей, то серьезная подготовка къ жизни, на которую Тэнъ выдаетъ дипломъ англійской женщины, едва ли достигаетъ своей цѣли, такъ какъ стряпная кухня, обмывая дѣтей и обучая ихъ чтенію, первымъ правиламъ арифметики и даже латинскому языку, едва ли женщина выполняетъ этимъ все свое назначеніе въ обществѣ.

Если таково отношеніе мужа къ женѣ, то не лучше отношеніе мужа, отца, однимъ словомъ, главы семейства ко всѣмъ остальнымъ домашнимъ. Отношенія эти представляются крайне несимпатичными, хотя быть можетъ онѣ обезпечиваютъ большую сумму счастья, чѣмъ въ другихъ странахъ. Обращаясь съ женою какъ съ подчиненнымъ, зависимымъ существомъ, а не съ равнымъ себѣ человекомъ, англичанинъ является по отношенію къ своимъ дѣтямъ, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны, тѣмъ же холоднымъ *lord'омъ*, или какъ дѣти называютъ отца *governor'омъ*. Какъ образчикъ холодныхъ отношеній между родителями и дѣтьми, Тэнъ приводитъ такой случай: у одного богатаго человека, принадлежащаго къ старой фамилии, нѣсколько человекъ дѣтей; одинъ изъ нихъ страдаетъ чахоткой. Возвращаясь изъ Ниццы, юноша останавливается въ Бюлонѣ; ему хотѣлось бы возвратиться домой, чтобы умереть тамъ, гдѣ онъ родился, но онъ не рѣшается. Онъ не смѣетъ пріѣхать къ своему отцу, не получивъ приглашенія, не испросивъ себѣ разрѣшенія. Мать его, тоже больная, которой страстно хочется поскорѣе увидѣть и поцѣловать своего сына, не смѣетъ безъ позволенія поѣхать на встрѣчу сына.... Лучше этого конечно ничего не придумаешь. Можно сказать, что это частный случай, что подобное уродство исключеніе; нѣтъ, это въ нравахъ англійской семьи; быть можетъ, этотъ случай, такое возмутительно-уродливое отношеніе отца къ сыну принадлежитъ къ осо-

бенно рельефнымъ, особенно обрисовывающимъ эти нравы случаямъ, но сбавьте съ него на половину и все-таки довольно. Такія холодныя отношенія между отцомъ и дѣтьми распространяются и на другихъ членовъ семьи; холодъ, сдержанность, эгоизмъ являются и въ отношеніяхъ братьевъ между собою, точно также какъ скрытность, хотя и съ большимъ почтеніемъ, въ отношеніяхъ между матерью и дѣтьми. Какая въ самомъ дѣлѣ можетъ быть близость между братьями, когда съ самыхъ раннихъ лѣтъ между двумя братьями проводится рѣзкое различіе: одинъ юлучаетъ состояніе, титулъ, если онъ есть, одинъ пользуется жѣмъ преимуществами; другой самъ долженъ прокладывать себѣ дорогу и считать справедливымъ, что брату его все достанется безъ труда, въ то время, когда онъ, работая цѣлую жизнь, быть можетъ ни до чего не добьется. Близкія отношенія въ семьѣ невольно исчезаютъ. Являются если не зависть, то ропотъ. Это слишкомъ человѣчно, чтобы требовало объясненія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и конечно въ силу такой официальнойности въ отношеніяхъ англійской семьи, дѣти рано получаютъ независимость, самостоятельность. Всѣ младшіе, обязанные сами зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба, разбѣгаются по разнымъ частямъ свѣта: одинъ въ Австралію, другой въ Америку, третій въ Индію, и разбѣгаются для того, чтобы можетъ быть никогда болѣе не увидѣться, а если и увидятся, встрѣтятся на своей родной землѣ черезъ двадцать, тридцать лѣтъ, то для того только, чтобы встрѣтиться какъ бы чужими. Отсутствіе теплоты, сердечности, необыкновенная сдержанность, замѣнутость—вотъ отличительная черта англійскихъ семей, и намъ, привыкшимъ жить на распашку, намъ, обладающимъ «горячимъ сердцемъ», намъ, любящимъ залѣзать въ душу не только родного, но просто знакомого, весьма естественно, что подобныя официальные отношенія должны быть не по-нутру. Но чтобы быть справедливымъ, нельзя не сказать, что если мы грѣшимъ въ одну сторону, то англичане грѣшатъ въ другую, и ихъ семейныя отношенія не вызываютъ сочувствія. Привычка сдерживать себя въ Англіи развита до необыкновенныхъ размѣровъ; сынъ никогда не рѣшится откровенно рассказать своей матери то, что у него лежитъ на сердцѣ, въ этомъ отношеніи разница между Англіей и, напр., Франціей или Россіею огромна. Въ послѣднихъ странахъ сынъ все расскажетъ матери, мать все знаетъ, сынъ не стѣсняется передъ матерью говорить даже о своихъ сердечныхъ, любовныхъ дѣлахъ. Въ Англіи, замѣчаетъ Тэнъ, это немыслимо: «симъ чужды эти безконечныя разговоры, эти полныя изліянія, гдѣ различіе лѣтъ возмѣщаетъ различіе пола, гдѣ сынъ, вступающій въ свѣтъ, на-

ходить въ матери самаго драгоцѣннаго совѣтника и дорогого друга». Между родителями и дѣтьми нѣтъ, однимъ словомъ той близости, которая существуетъ между ними въ другихъ странахъ, и отсутствіе ея ведетъ къ тому, что дѣти весьма рано стремятся стать на свои ноги и приобрѣтаютъ въ шестнадцать семнадцать лѣтъ полную независимость. Въ тѣ года, когда у другихъ европейскихъ народовъ мальчикъ находится еще въ полномъ попеченіи родителей, въ Англіи онъ уже человѣкъ сплошь и рядомъ покидаетъ родительскій домъ и отправляется по свѣту искать себѣ счастья.

Если сдержанность и холодность такъ рѣзко бросаются въ глаза въ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми, то что же сказать объ отношеніи англичанъ къ тѣмъ «чужимъ», которые все-таки такъ или иначе примыкаютъ къ домашнимъ, т.-е. къ учителямъ, гувернанткамъ и наконецъ къ прислугѣ. Кому сколько-нибудь знакомы англійскіе романы, тотъ хорошо знаетъ какъ чванливо, презрительно-холодно, какъ негуманно относятся англичане къ людямъ, которые являются помогать имъ въ воспитаніи и образованіи ихъ дѣтей. Сколько ни предавали осмѣянію, позору, сколько ни клеймили эту печальную сторону ихъ домашней, внутренней жизни—обращеніе съ домашними не родными, ничто не помогаетъ, и англичане до сихъ поръ не могутъ отрѣшиться отъ того, чтобы не смотрѣть на людей, вступающихъ въ ихъ дома за плату, какъ на людей отверженныхъ, недостойныхъ не только уваженія, но простого человѣческаго обращенія. Тѣмъ, упоминая объ этихъ отношеніяхъ, не прибавляетъ къ тому, что такъ хорошо извѣстно, ничего новаго; и какъ ни хладнокровно относится онъ ко всему, что проходитъ передъ его глазами, но и онъ не можетъ удержаться, чтобы не высказать, какъ «тяжело видѣть подобное отношеніе одного человѣка къ другому человѣку».

Говоря объ англійской семьѣ, о внутренней, домашней жизни англичанъ, слѣдуетъ коснуться еще тѣхъ отношеній, которыя зовутся незаконными, но которыя имѣютъ на законныя отношенія такое огромное вліяніе. Оно и попятно. Законныя и незаконныя отношенія такъ часто между собою переплетаются. Эти незаконныя, вѣ-брачныя отношенія играютъ во всей современной Европѣ, да впрочемъ, и всегда играли такую роль, что пройти ихъ молчаніемъ было бы рѣшительно невозможно. Нужно, впрочемъ, сказать, что незаконныя отношенія въ Англіи играютъ меньшую роль, чѣмъ въ какой-нибудь изъ другихъ странъ Европы, и въ этомъ не трудно убѣдиться. Литература отражаетъ въ себѣ нравы общества, и потому литература можетъ служить доказательствомъ.

Возьмите же для разрѣшенія этого вопроса англійскую литературу и сравните ее съ какою хотите, ну хоть съ французскою, или даже русскою. Возьмите на выдержку десять французскихъ романовъ, десять французскихъ комедій или драмъ, и вы можете быть увѣрены, что въ девяти изъ нихъ, если не во всѣхъ десяти, вы найдете описаніе такъ-называемой «преступной связи». Она вездѣ играетъ главную роль, и смѣло можно назвать исключеніемъ тотъ романъ или то сценическое произведеніе, которое обходится безъ любовницы или любовника, безъ обманутаго мужа или обманутой жены. Вся эта «преступная» литература, доведенная въ послѣднее время до геркулесовыхъ столбовъ, весь этотъ ливень романовъ, драмъ, книгъ, въ видѣ «L'homme-femme», «L'homme», «Femme» и т. п., въ которыхъ умными и честными писателями предлагаются глупыя и безчестныя средства для того, чтобы внести во французскую семью, въ семейныя отношенія болѣе сильное нравственное начало, вся эта литература вовсе не представляется измышленіемъ развращенныхъ людей; далеко явѣе, она обнаруживаетъ, что во французскомъ обществѣ послѣдняго времени строгое семейное начало потерпѣло извѣстное потрясеніе. Не одна литература указываетъ на этотъ фактъ; его подтверждаютъ и судебныя процессы — эти драмы безъ прикрасть, вырванные изъ дѣйствительной жизни. Русская литература въ этомъ отношеніи старается не отстать отъ французской, и подражаніе тутъ не произвольное. Одинаковыя причины даютъ одинаковыя послѣдствія.

Англійская литература представляетъ собою совсѣмъ иное. Тутъ описаніе «преступной связи» незаконныхъ, внѣ-брачныхъ отношеній представляется исключеніемъ, составляющимъ «скандалъ», отъ котораго англичане отворачиваются съ негодованіемъ, или, если они и не негодуютъ, то по крайней мѣрѣ дѣлаютъ видъ, что негодуютъ. Конечно, отсутствіе литературы, посвященной незаконной связи, не можетъ служить доказательствомъ того, чтобы англійское общество было свободно отъ подобныхъ отношеній; въ значительной степени отсутствіе указаній въ литературѣ на эту черту нравовъ должно быть объяснено англійской «pruderie» или даже лицемеріемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не признать, что англійскіе нравы въ этомъ отношеніи болѣе чисты, нежели нравы французскіе или русскіе, и какъ на одну изъ главныхъ причинъ относительной чистоты англійскихъ нравовъ, вужно прежде всего указать на свободу расторгенія брака, т.-е. на разводъ, который съ такимъ трудомъ допускается во Франціи и Россіи. Во Франціи онъ обставленъ такими условіями, которыя дѣлаютъ его просто невозможнымъ, въ Россіи же, если

онъ и возможенъ, то стоить такихъ огромныхъ денегъ, что добыться его могутъ только люди весьма состоятельные.

«Бракъ,—говорить Тэнъ,—огражденъ глубокимъ уваженіемъ, и въ этомъ отношеніи общественное мнѣніе безусловно строго; стоить только почитать книги, газеты, и въ особенности тѣ произведенія, въ которыхъ у насъ писатели наиболѣе свободны, напр., романы, легкіе журналы; прелюбодѣяніе никогда не извиняется, даже при свободѣ интимныхъ разговоровъ между мужчиною и женщиною, прелюбодѣяніе всегда представляется какъ преступленіе». Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что если французъ, напр., любитъ щеголять своимъ порокомъ и смѣло выставляетъ его напоказъ, то въ натурѣ англичанъ лежитъ черта прямо противоположная. Онъ будетъ казаться и притворяться святошей, не будучи вовсе святымъ, и два англичанина, разсуждающіе между собою и клеймящіе прелюбодѣяніе именемъ преступления, нѣсколько походятъ на римскихъ авгуровъ. Нравственное начало, безъ сомнѣнія, крѣпче въ англійской семьѣ, нежели русской или французской, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы въ этомъ громко заявляемомъ отвращеніи къ незаконнымъ отношеніямъ не играло значительную роль лицемеріе.

Помимо развода, который устраняетъ часто возникновеніе незаконныхъ отношеній, естѣ разумѣется на то и другія причины. Тэнъ, говоря объ относительной чистотѣ семейныхъ отношеній въ Англіи, указываетъ, что англійскія женщины ведутъ себя болѣе строго, во-первыхъ, потому, что съ дѣтства онѣ были болѣе свободны въ обращеніи съ мужчинами и потому умѣютъ себя вести; во-вторыхъ, потому, что онѣ менѣе склонны къ иллюзіямъ и мечтаніямъ, зная болѣе близко молодыхъ людей; въ-третьихъ, потому, что онѣ болѣе привыкли мыслить, получивъ болѣе серьезное воспитаніе; затѣмъ у нихъ обыкновенно бываетъ много дѣтей и кромѣ того онѣ никогда не остаются праздными,—а кто не знаетъ, что праздность это мать всѣхъ пороковъ. У англійскихъ женщинъ умъ постоянно занятъ, время наполнено, имъ нескогда предаваться празднымъ мечтаніямъ. Кромѣ того, Тэнъ отдаетъ предпочтеніе и самому нравственному принципу въ Англіи. «Во Франціи,—говоритъ онъ,—онъ основанъ на чувствѣ чести, въ Англіи на идеѣ долга. Первый нѣсколько произволенъ; его сила различна, смотря по воззрѣніямъ людей. Одинъ строгъ въ одномъ отношеніи и считаетъ себя свободнымъ во всѣхъ другихъ; въ области дурныхъ поступковъ онъ отдѣляетъ такіе, которые себѣ строго воспрещаетъ; но опредѣленіе дурныхъ подчиняется личнымъ вкусамъ человѣка, такъ,

напр., онъ будетъ правдивъ, когда говорить, но не тогда, когда пишетъ и наоборотъ. Моя честь заключается въ томъ, въ чемъ я вижу мою славу, а я могу поставить ее какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ. Напротивъ, идея долга строга и не терпитъ никакихъ компромиссовъ. Англичанка знаетъ, что выходя замужъ она вѣялась въ вѣрности мужу, и воспоминаніе объ этомъ обѣщаніи приковано къ ея совѣсти... Помимо того, у нея нѣтъ той гибкости ума, той ловкости, которыя необходимы, чтобы совмѣстить отношенія къ мужу и вмѣстѣ къ любовнику; двойственность противна ея прямому характеру; дѣлежъ ее возмущаетъ; необходимость лгать и лгать непрерывно ей невыносима».

Если англійская женщина относится къ своимъ супружескимъ обязанностямъ несравненно болѣе строго, чѣмъ женщина континентальной Европы, то и мужчины точно также представляются болѣе сдержанными во всемъ, что касается незаконныхъ любовныхъ отношеній. Тэнъ замѣчаетъ, что вызвать англичанина на такой разговоръ дѣло вовсе не легкое: онъ увертывается и какъ бы совѣстится его. Отчасти это происходитъ изъ желанія показать себя съ лучшей, съ болѣе строго-нравственной стороны, отчасти, и можетъ быть главнымъ образомъ, это объясняется тѣмъ, что натура англичанъ дѣйствительно болѣе холодная. Къ этой главной причинѣ присоединяется еще много другихъ, которыя объясняются общимъ складомъ англійской жизни. Вотъ какъ объясняетъ Тэнъ относительную чистоту англійскихъ нравовъ: «Англичане работаютъ много и конкуренція постоянно толкаетъ ихъ впередъ и впередъ; нужно составить себѣ карьеру; комфортъ стбить дорого, поэтому, чтобы добыть его, требуется много денегъ; умъ постоянно напряженъ; для воображенія мало времени. Физическія удовольствія отвлекаютъ ихъ точно также, чтобы отдохнуть отъ работы: они гребутъ, катаются на конькахъ, играютъ въ крикетъ, ѣздятъ верхомъ, путешествуютъ, охотятся въ Highlands или за-границей, поднимаются на горы, устраиваютъ прогулки; молодой человѣкъ, богатый и праздный, проводитъ въ Лондонѣ всего три мѣсяца въ году, и соблазнъ Лондона несравненно менѣе привлекателенъ, нежели соблазнъ Парижа. Общественное мнѣніе менѣе терпимо, чѣмъ у насъ, и его очень боятся. Большинство долго сохраняетъ свои религіозныя вѣрованія, которыя хотя представляютъ собою и слабую узду, но все-таки узду. Очень рано англичанинъ думаетъ уже о бракѣ и строить въ своемъ воображеніи маленькій сердечный романъ и семейное счастье. Вся современная литература, стихи

и проза, поддерживаютъ въ такомъ образѣ мыслей, который, пустивъ корни, исключаетъ всякія противоположные помыслы»...

Вотъ отчего, если у кого и заводится любовница, то онъ тщательно скрываетъ ее, скрываетъ даже отъ друзей, опасаясь молвы, нареканій, нападокъ. Если англичанинъ и будетъ бросать тысячи на свою любовницу, то онъ будетъ бросать тайно отъ всѣхъ, а не такъ, какъ то дѣлается въ другихъ странахъ, гдѣ одно изъ удовольствій имѣть любовницу заключается именно въ хвастовствѣ ею. Ей даютъ великолепныхъ лошадей, дивные экипажи, ее покрываютъ брилліантами и кружевами, все для чего? для того, чтобы когда спросятъ на улицѣ или въ театрѣ, кто эта жепщина, всякій могъ сказать: это любовница такого-то! Вотъ этой презрѣнной черты не существуетъ въ англійскомъ обществѣ. Изъ того, что сказано, не слѣдуетъ однако выводить заключенія, что англійская семейная жизнь представляетъ собою идеалъ нравственной чистоты, и что порокъ, безнравственность, развратъ бѣжитъ отъ англійскихъ береговъ. Конечно, нѣтъ. Въ Англіи, и въ особенности въ Лондонѣ развратъ существуетъ и часто проявляется въ несравненно болѣе грубыхъ формахъ, чѣмъ на материкѣ. у него нѣтъ той утонченности, которую онъ себѣ выработалъ въ остальной Европѣ; развратъ въ Лондонѣ болѣе отталкиваетъ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, онъ тутъ болѣе гадокъ, болѣе циниченъ, его никогда здѣсь не встрѣтишь подъ тою привлекательною личиною, подъ которою онъ является, напр., въ Парижѣ; но болѣе грубый, болѣе отталкивающий, онъ остается въ Англіи болѣе изолированнымъ и несравненно менѣе проникаетъ во внутреннюю, семейную жизнь Англіи. Въ этомъ заключается великое преимущество англійскихъ нравовъ. Развратъ здѣсь долженъ скрываться, онъ бѣжитъ дневного свѣта, въ то время, когда въ другихъ странахъ онъ первенствуетъ, и семейная жизнь робко сторонится отъ него, уступая ему почетное мѣсто. Семейная жизнь приучаетъ въ Англіи къ труду, къ исполненію своихъ обязанностей, своего долга, къ заботѣ о самомъ себѣ, тому self-government'у, который лежитъ въ основѣ общественной жизни Англіи.

V.

Познакомившись съ англійскими типами, насколько они проявляются въ ихъ физической природѣ, затѣмъ съ ихъ внутреннею, семейною жизнью, мы должны теперь обратиться къ системѣ воспитанія и образованія въ Англіи, которая стоитъ на рубежѣ между семейною и общественною жизнью въ странѣ. Воспитаніе

начинается дома, и продолжается или должно бы продолжаться въ школѣ, университетѣ. Школа, университетъ формируютъ человѣка, который въ свою очередь долженъ сдѣлаться главою семьи и дѣятельнымъ членомъ общества. Когда мальчикъ находится дома, о чемъ заботятся главнымъ образомъ его родители? О томъ, чтобы онъ былъ силенъ физически, чтобы въ немъ развилось сознаніе долга, строгое пониманіе своихъ обязанностей, чтобы онъ поскорѣе могъ стать на собственные ноги. Умственное развитіе стоитъ на второмъ планѣ. Таковъ же и общій характеръ воспитанія въ школѣ и университетѣ Англіи.

Англійская система образованія представляетъ собой одну изъ самыхъ слабыхъ сторонъ англійской жизни. Образованіе является въ Англіи достояніемъ исключительно привилегированныхъ классовъ; нужно принадлежать къ аристократіи по рожденію или къ аристократіи по богатству, чтобы пользоваться его рѣдкими и слишкомъ дорогими плодами. Система образованія менѣе какой-либо другой отрасли общественной жизни подвинулась впередъ; и въ то время, когда, по сознанію самыхъ горячихъ приверженцевъ аристократическаго начала, Англія демократизируется не по днямъ, а по часамъ, образовательная система стоитъ чуть не на точкѣ замерзанія. Она мало чѣмъ разнится отъ той, которая процвѣтала два-три вѣка назадъ.

«Образованіе—роскошь», вотъ то дикое начало, съ которымъ до сихъ поръ еще не можетъ раздѣляться англійская жизнь, начало, представляющее собою темное пятно на относительно свѣтломъ фонѣ англійской общественной жизни. Начало это тѣмъ болѣе вредно, тѣмъ болѣе пагубно, что оно служитъ какъ бы аргументомъ для тѣхъ, которые употребляютъ всѣ свои силы, все свое вліяніе, чтобы затушить просвѣщеніе среди народныхъ массъ и искусственно создать аристократическій слой, въ надеждѣ доставить ему господство надъ чернымъ и невѣжественнымъ народомъ. Какъ ни дико это начало, оно находитъ себѣ нѣкоторое оправданіе въ цѣломъ историческомъ развитіи Англіи, такъ рѣзко отличающемся отъ историческаго развитія другихъ народовъ; въ Англіи, наконецъ, оно не можетъ имѣть такого бѣдственнаго вліянія, такъ какъ оно до извѣстной степени ослабляется господствующими въ странѣ нравами, благодаря которымъ люди развиваются, получаютъ здравыя понятія о своихъ правахъ и обязанностяхъ, помимо умѣнія читать и писать. Эти нравы составляютъ достояніе одной только Англіи, добиться ихъ другіе народы могутъ только при помощи щедро распространяемаго образованія среди всѣхъ классовъ, всѣхъ сословій народа. Тѣмъ не менѣе Англія, которая почти во всемъ другомъ можетъ служить

образцомъ для народовъ континентальной Европы, въ отношеніи системы образованія не можетъ и не должна служить имъ примѣромъ.

И несмотря на то, что жалкое состояніе системы образованія въ Англіи до такой степени очевидно, несмотря на то, что противорѣчіе между этою системою и современными стремленіями англійскаго народа, стремленіями по существу демократическими, такъ явно, среди писателей, говорившихъ объ Англіи и англійскихъ общественныхъ учрежденіяхъ, далеко нѣтъ того единства въ нападеніи на эту печальную систему образованія, на которое можно бы надѣяться. Впрочемъ, нельзя и особенно удивляться такому явленію. Писатели, принадлежащіе къ аристократическому лагерю, хотя и считаютъ своею обязанностью говорить о необходимости образованія для всего народа, а не одной какой-нибудь касты, въ глубинѣ души все-таки не могутъ чувствовать особаго расположенія къ просвѣщенію народныхъ массъ, такъ какъ каждый шагъ, который дѣлается впередъ народнымъ образованіемъ, заставляетъ аристократическое начало пятиться шагомъ назадъ. Вотъ почему такіе писатели восхищаются системою образованія, перенесенной изъ среднихъ вѣковъ, или вѣрнѣе застывшей на среднихъ вѣкахъ. Среди французскихъ писателей, восторгающихся англійскою системою образованія, выдается талантливый писатель аристократическаго лагеря Монталамберъ, который не находитъ достаточно хвалебныхъ словъ, говоря объ англійскихъ школахъ и университетахъ. Но за то съ другой стороны, на противоположномъ концѣ стоитъ Ледрю-Ролленъ, который въ свою очередь не находитъ словъ, чтобы заклеить позоромъ эту систему.

Описывая въ своемъ сочиненіи «De la décadence de l'Angleterre» порядки въ англійскихъ школахъ и университетахъ, описывая это аристократическое, стоющее тысячи фунтовъ стерлинговъ образованіе дѣтей герцоговъ и богачей, Ледрю-Ролленъ задаетъ вопросъ: «а народъ? народъ, отвѣчаетъ онъ съ ироніей, развѣ онъ нуждается въ образованіи, чтобы научиться созерцать дѣла Всевышняго? Развѣ онъ не находитъ въ своихъ вѣчныхъ страданіяхъ достаточнаго сознанія своего ничтожества? До 1839-го года, этому съ трудомъ можно вѣрить, одна только благотворительность распространяла нѣкоторое просвѣщеніе среди народа. Въ этомъ году правительство въ первый разъ вмѣшалось въ важный вопросъ народного обученія. Предложеніе, сдѣланное парламенту, прошло въ Нижней Палатѣ большинствомъ всего двухъ голосовъ. Тридцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ были вотированы, и то только послѣ трехдневныхъ дебатовъ. Палата

ордовъ отнеслась одинаково враждебно къ этой мѣрѣ. Въ этой Англіи, столь щедрой когда дѣло идетъ объ ея аристократіи, емьсотъ пятьдесятъ тысячъ франковъ жертвуются правительствомъ для образованія цѣлаго народа. Удивительная щедрость! то логично, съ озлобленіемъ прибавляетъ этотъ враждебный, такъ часто несправедливо враждебный къ Англіи писатель: игархія, которая ведетъ фатальнымъ образомъ къ нищетѣ, ожетъ властвовать только надъ невѣжествомъ». Я нарочно примъ эти слова, чтобы прямо указать на большое мѣсто въ системѣ англійскаго образованія—народъ остается безъ обученія, иа него ничего не дѣлають и ничего или почти ничего не отать дѣлать. Правда, съ тѣхъ поръ, что была написана книга Ледрю-Роллена, т.-е. съ 1850-го г., утекло много воды, и Англія, оторая непрерывно идетъ впередъ и непрерывно развивается, онечно улучшая ихъ, свои общественныя учрежденія и свои равы, сдѣлала и въ отношеніи народнаго образованія шагъ передъ, хотя шагъ этотъ и могъ бы быть несравненно больше. мѣсто тридцати тысячъ фунт. стерл., о которыхъ говоритъ Ледрю-олленъ, государство даетъ теперь на народное образованіе миллионъ фунтовъ или около того; но что значитъ миллионъ фунт. иа такой страны какъ Англія и для такого народа какъ англличане!

Нѣтъ сомнѣнія, что Англія, разъ сдѣлавъ шагъ въ дѣлѣ народнаго образованія, послѣ того, что въ продолженіи вѣковъ шчего для него не дѣлала, пойдетъ шибко впередъ и построитъ бразованіе народа на болѣе прочныхъ началахъ, чѣмъ скудные юдаанія, въ которыхъ прибѣгаетъ правительство въ настоящее время; но тѣмъ не менѣе въ данную минуту народное образованіе въ Англіи находится относительно, напр., Германіи, Швейцаріи, даже Франціи, въ жалкомъ состояніи. Можно смѣло указать на двѣ главные причины застоя въ дѣлѣ народнаго образованія Англіи: причины эти: во-первыхъ, нежеланіе государства взять въ свои руки дѣло народнаго обученія, и во-вторыхъ, вредное вліяніе англійскаго духовенства.

Что касается до первой причины, нежеланія или опасенія государства взять въ свои руки вопросъ народнаго образованія, то въ этомъ отношеніи Англія до сихъ поръ еще не вступила на тотъ путь, который одинъ можетъ привести къ уничтоженію невѣжества среди народныхъ массъ. До сихъ поръ вопросъ о народномъ образованіи былъ вопросомъ не государственнымъ, вопросомъ частнымъ, до котораго правительству не было дѣла. Образованъ народъ или не образованъ, разсуждало правительство, это не мое дѣло, лишь бы народъ платилъ подати, лишь бы

отправлялъ онъ свои обязанности, а до остального мнѣ нѣтъ дѣла. Образование было дѣломъ частныхъ людей, дѣломъ самого общества, а такъ какъ народъ не понималъ, да и не имѣлъ времени, чтобы понять пользу обученія, то онъ и продолжалъ коснѣть въ невѣжествѣ. То, что дѣлалось для народнаго образованія дѣлалось сильною англійскою благотворительностью; народъ, и притомъ самая ничтожная его доля, получалъ образованіе какъ милостыню, а не какъ право. Очевидно при этомъ что правительство, не бравшее на себя обязанности заботиться о народномъ образованіи, въ силу этого и не имѣло права вмѣшиваться какъ и чему учить народъ. Не давая на образованіе денегъ, оно не имѣло права имъ распоряжаться. Такъ продолжалось весьма долго, и только двадцать-тридцать лѣтъ тому назадъ, когда официальные данныя, обнародованныя правительствомъ, показали какъ велико невѣжество среди массъ и какою ничтожный процентъ населенія обученъ грамотѣ, тогда среди либеральной части общества поднялся вопль, который принудилъ правительство назначить для споспѣшествованія народному обученію ту ничтожную субсидію, надъ которой зло смѣется Ледеръ Ролленъ, существовавшимъ уже школамъ. Но какъ ни ничтожна была эта правительственная субсидія, она подняла цѣлую бурю среди тѣхъ, которымъ невмѣшательство государства въ дѣло народнаго образованія было съ руки. Англійское духовенство, въ союзѣ съ большинствомъ привилегированныхъ сословій завопило противъ правительства. «Долой вмѣшательство государства! кричали они; если допустить его въ сферѣ народнаго образованія, то вы должны будете допустить его во всѣ остальные сферы, и тогда прощай самоуправленіе, прощай наши коренныя права!» Въ одномъ изъ своихъ «Писемъ объ Англіи», относящемся къ 1862-му году, т.-е. къ тому времени, когда правительство предложило парламенту нѣкоторыя реформы въ дѣлѣ народнаго образованія, желая укрѣпить за собою право болѣе серьезнаго за нимъ контроля, Луи-Бланъ передаетъ разсужденія противниковъ вмѣшательства государства въ дѣло образованія. Разсужденія эти были такого рода: Какъ! вы хотите допустить государство вмѣшиваться въ народное образованіе! Опомнитесь! развѣ вы не понимаете, что допустивъ его разъ, вы должны будете допускать его всегда—и всюду. Сегодня правительство простираетъ свою лапу на народное образованіе, завтра оно захочетъ наложить ее и на другія отрасли общественной жизни. Логика, неумолимая логика вещей принудитъ предоставить все, абсолютно все во власть правительству: литературу, журналы, священныя каѳедры, прощаніе бѣдныхъ, ихъ жилища, наконецъ, даже ихъ лохмоты!»

Напрасно этимъ противникамъ вмѣшательства государства возражали и доказывали, что вмѣшательство государства въ то, во что слѣдуетъ ему вмѣшиваться, не значитъ еще, чтобы оно вмѣшивалось тамъ, гдѣ его вмѣшательство было бы вредно; напрасно указывали на примѣры, напрасно приводили въ доказательство управленіе, напр., почтовою частію, которое не повело за собою вмѣшательства въ прессу, въ литературу и т. п. Ихъ ничто не убѣждало. Эти противники вмѣшательства правительства въ дѣло народнаго образованія хотѣли оправдать собою поговорку: горбатаго могила исправить. Оппозиція ихъ тогда была такъ сильна, что къ отчаянію всѣхъ истинно либеральныхъ умовъ правительство должно было уступить. Враги народнаго образованія взяли верхъ.

«Между тѣмъ, какъ справедливо замѣчаетъ Луи-Бланъ, если есть какой-нибудь вопросъ на свѣтѣ, который требуетъ вмѣшательства государства, то это народное образованіе. Нѣтъ возможности примѣнить разумно къ этому вопросу принципъ «предложенія и спроса» вслѣдствіе той простой причины, что со стороны бѣднаго, слишкомъ невѣжественнаго, чтобы оцѣнить выгоды образованія, «спросъ» почти не существуетъ и еще по той главной причинѣ, что у бѣднаго нѣтъ рѣшительно средствъ пріобрѣсти образованіе. Общество же заинтересовано въ томъ, чтобы огромное число его членовъ не коснѣло въ невѣжествѣ, въ которомъ коренится порокъ и которое такъ часто порождаетъ преступленіе. Что это означаетъ? Вотъ законы, которымъ мы должны повиноваться подъ страхомъ наказанія, которое иногда ужасно, и въ то же самое время мы не имѣемъ права научиться соблюдать ихъ. Право образованія необходимымъ образомъ заключается въ обязанности подчиняться!» Но какъ бы то ни было, какую бы вражду ни встрѣтило въ Англіи вмѣшательство государства въ дѣло народнаго образованія, шагъ сдѣланъ, воротиться назадъ нельзя, лицемѣрный принципъ, прикрывающійся такъ часто псевдо-либерализмомъ — *laissez faire* долженъ былъ уступить передъ натискомъ общественнаго мнѣнія, съ ужасомъ взглянувшего въ ту бездну невѣжества, въ которую погруженъ былъ самый свободный народъ, или вѣрнѣе, единственный свободный народъ въ Европѣ. Только первый шагъ труденъ, говоритъ французская поговорка: первый шагъ сдѣланъ, и Англія волей-неволей должна будетъ придти къ обязательному и даровому обученію, этому принципу *sine qua non* для общества, замѣняющаго аристократическія основы демократическими началами. Англія двигается иногда медленно впередъ, она не дѣлаетъ прыжковъ и скачковъ, она не кричитъ о быстромъ пересозданіи всего обще-

ственного строя, но за то она никогда не пятится назадъ и не уродуетъ разъ совершенной реформы такъ-называемыми «усовершенствованіями», этими плодами неразумнаго страха à la Донъ-Кихотъ передъ созданіемъ собственной фантазіи. Она не разрушаетъ созданнаго, она не побиваетъ дѣтей своихъ; въ этомъ ея сила, ея могущество, въ этомъ кроется то уваженіе, которое питаешь къ каждому шагу, который она дѣлаетъ впередъ. Въ каждой реформѣ ея лежитъ уже задатокъ къ дальнѣйшей реформѣ; реформа не гнется, смотря по вѣтру, то въ ту, то въ другую сторону. Реформа въ дѣлѣ народнаго образованія также пойдетъ неуклонно по прямому пути, и никакіе іезуиты не заставятъ свернуть ее съ дороги.

Вліяніе англійскаго духовенства — вотъ та вторая причина, которая такъ долго задерживала реформу народнаго обученія и которая виновна въ томъ, что и по-сю-пору образованіе въ Англіи находится на такой поразительно низкой степени. «Элементъ религіозный, истолкованный въ духѣ секты, вотъ тотъ врагъ, говоритъ Луи-Бланъ, съ которымъ въ продолженіи сорока лѣтъ долженъ былъ бороться принципъ народнаго образованія, и который до сихъ поръ еще не побѣжденъ въ Англіи. Лозунгъ всѣхъ религіозныхъ сектъ, начиная отъ католиковъ ультрамонтановъ и кончая конгрегационистами самыми свободными, всегда заключается въ слѣдующемъ: если не будутъ обучать нашимъ собственнымъ догматамъ, то пусть лучше ничему не обучаютъ. По поводу этого стремленія духовенства держать въ своихъ рукахъ народное образованіе авторъ «Писемъ объ Англіи» вспоминаетъ очень кстати объ императорѣ Карлѣ V-мъ, который имѣлъ обыкновеніе, разсуждая о Миланѣ, говорить: «Мой братъ Францискъ I-й и я, мы удивительно сходимся по отношенію къ Милану: онъ хочетъ его имѣть и я тоже». Каждый изъ нихъ, любя Миланъ, скорѣе согласился бы истребить его, нежели уступить одинъ другому. Такъ точно разсуждаетъ и духовенство: лучше пусть не будетъ вовсе народнаго образованія, но лишь бы оно не было вырвано изъ нашихъ рукъ, лишь бы образованіе не получило свѣтскаго характера. И они такъ искусно устроили свои дѣла, что до сихъ поръ еще держатъ народное образованіе въ своихъ ежовыхъ рукавицахъ.

Всѣ, кто только внимательно присматривался къ вопросу о народномъ образованіи, всѣ приходятъ къ такому выводу: «Въ Англіи образованіе не представляется вопросомъ свѣтскимъ, это вопросъ попа. Глядя на одѣяніе и духъ тѣхъ, кто управляетъ школою, систему, которою она управляется, заботливость, съ которою приносятъ въ жертву религіозному образованію — образо-

ваніе свѣтское, можно придти къ выводу, что тутъ воспитывать дѣтей не для того, чтобы сдѣлать изъ нихъ членовъ общества, но для того, чтобы сдѣлать изъ нихъ членовъ той или другой конгрегаціи. Школа вмѣсто того, чтобы быть разсадникомъ гражданъ, является гнѣздомъ прозелитовъ. Не думайте говорить здѣсь объ «отдѣленіи церкви и государства», не только церковь не отдѣлена здѣсь отъ государства, но въ томъ, что касается образованія, церковь господствуетъ, поглощаетъ, заставляетъ его служить себѣ». И какъ только государство пожелало, путемъ финансовыхъ мѣръ и нѣкотораго контроля надъ школами, вмѣшаться въ дѣло народнаго образованія и подчинить его своей власти, со всѣхъ сторонъ Англіи раздалися крики негодованія, исходившіе отъ духовенства. Государство желало, чтобы школа по крайней мѣрѣ доставляла народу возможность научиться читать, писать, первымъ правиламъ ариметики—желаніе повидимому самое скромное и самое законное, но его закидали укорами, что оно хочетъ изъ людей сдѣлать нехристей, атеистовъ и т. п. Люди, стоявшіе во главѣ школъ для народа, объявили, что если государство думаетъ обусловливать свою помощь недостойными свѣтскими требованіями, то пусть лучше государство не даетъ пособій, но пусть не вмѣшивается въ образованіе, раздаваемое народу благочестивыми руками. Духъ мрака и тьмы силенъ, и много времени еще должно будетъ пройти, прежде чѣмъ духъ свѣта вытѣснитъ его въ конецъ.

Какой же, можно спросить теперь, выводъ слѣдуетъ сдѣлать изъ всего, связаннаго до сихъ поръ по поводу системы образованія въ Англіи? Въ отношеніи образованія Англія принадлежитъ къ числу самыхъ отсталыхъ странъ западной Европы; только нравы этой свободной страны и глубоко вкоренившаяся привычка къ обсужденію всѣхъ серьезныхъ вопросовъ общественной жизни дѣлаютъ недостатокъ образованія менѣе чувствительнымъ, чѣмъ среди другихъ народовъ. Высшее образованіе принаровлено исключительно для привилегированныхъ классовъ общества, оно является удѣломъ аристократіи по рожденію или по богатству и безусловно недоступно для людей бѣдныхъ и незнатныхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ высшее образованіе поκειται до настоящей поры на дряхлыхъ и негодныхъ началахъ, позабытыхъ и не унесенныхъ въ могилу средними вѣками. Образованіе, приспособленное къ среднимъ классамъ и массѣ народа, крайне ничтожно по своимъ размѣрамъ и еще болѣе ничтожно по духу, господствующему въ школахъ. Народное образованіе находится главнымъ образомъ въ рукахъ духовенства, или во всякомъ случаѣ подъ его непосредственнымъ вліяніемъ,

и потому не отвѣчаетъ требованіямъ времени и духу тѣхъ новыхъ демократическихъ началъ, которые вытѣсняють вѣковую аристократію. Недостаточность и негодность существующей въ Англіи системы образованія сознаны въ настоящее время всею передовою частью англійскаго народа, и это сознаніе выражается въ неотступныхъ требованіяхъ возможно быстрой реформы въ дѣлѣ образованія. Реформѣ этой положено начало, и при томъ постепенномъ, но неуклонномъ шествіи впередъ англійскаго народа во всѣхъ вопросахъ общественной жизни, можно, безъ боязни ошибиться, выразить увѣренность, что и въ вопросѣ образованія англичане сбросять наконецъ средневѣковые и религіозные путы и придадутъ ему тотъ характеръ, который одинъ можетъ удовлетворить современному развитію Англіи.

Теперь мы можемъ обратиться къ книгѣ Тэна, и спросить, какъ относится къ системѣ образованія въ Англіи писатель, воспитанный на началахъ прямо противоположныхъ тѣмъ, которыя онъ встрѣтилъ въ Англіи, писатель, принадлежащій къ народу, среди котораго начало равенства лежитъ въ основѣ всей государственной жизни? Тэнъ посвящаетъ вопросу образованія отдѣльную главу въ своей книгѣ, но ошиблись бы тѣ, которые думали бы найти тутъ подробную картину состоянія образованія въ Англіи. Нѣтъ. Тэнъ преважно ставитъ въ заголовкѣ: «образованіе», и почти ни слова не говоритъ о народномъ образованіи. Вся глава посвящена высшимъ аристократическимъ школамъ и университетамъ Англіи; какъ будто бы о другомъ образованіи не можетъ быть и рѣчи. Впрочемъ, быть можетъ и безъ намѣренія, Тэнъ, умалчивая о народномъ образованіи, отнесся къ этому вопросу съ злою ироніею. Молчаніемъ своимъ о народномъ образованіи онъ какъ бы говоритъ: «народное образованіе въ Англіи! да помилуйте, развѣ оно существуетъ. Образованіе это предметъ роскоши, годной въ этой странѣ только для избранныхъ!» Съ умысломъ или безъ умысла, Тэнъ умалчиваетъ о главной сторонѣ вопроса объ образованіи, но во всякомъ случаѣ онъ оригиналенъ. Всѣ, которые писали объ Англіи до него, всѣ рѣзко становились на ту или другую сторону, одни съ умиленіемъ говорили о томъ, что только въ Англіи средніе вѣка въ дѣлѣ образованія сохранили весь свой букетъ, другіе съ горечью и укоромъ указывали на печальное положеніе этого вопроса. Тэнъ же не пристаётъ ни къ тѣмъ, ни къ другимъ; онъ передаетъ то, что видитъ, видѣлъ же и интересовался онъ однимъ высшимъ образованіемъ, и потому дѣлаетъ его характеристику безъ предвзятой мысли, выставляетъ на видъ хорошія и дурныя его стороны, ничего не хваля, ничего не порицая, предоставляя

проницательности читателя дѣлать какіе угодно выводы. Я говорю, онъ выставляетъ на видъ и хорошія и дурныя стороны, потому, что высшее образованіе на средневѣковой подкладѣ не лишено и хорошихъ сторонъ. Въ этомъ убѣждаютъ и замѣтки Тэна.

Прежде всего онъ останавливается на англійскихъ школахъ, школахъ аристократическихъ, какъ Eton, Harrow, и приравниваетъ ихъ въ среднимъ учебнымъ заведеніямъ Франціи, къ такъ-называемымъ лицеямъ. Въ какомъ же отношеніи Тэнъ отдаетъ предпочтеніе англійскимъ школамъ? Англійскія большія школы помѣщаются не въ большихъ городахъ, а за городомъ, въ нѣсколькихъ часахъ отъ города. Не говоря уже о томъ, что воздухъ, которымъ дышутъ дѣти, чище и здоровѣе, жизнь ихъ въ школѣ вслѣдствіе этого получаетъ болѣе привольный характеръ. Дѣти не должны быть заперты въ четырехъ стѣнахъ, они не должны совершать чинныхъ прогулокъ подъ надзоромъ гувернеровъ, нѣтъ, въ свободные часы они могутъ разбѣгаться во всѣ стороны, бродить по деревнямъ, гулять гдѣ имъ вздумается. Зданіе школъ не огорожено заборомъ, иди куда хочешь, только будь въ назначенный часъ дома и съ тебя никто не взыщетъ. «Это великое дѣло,—говоритъ Тэнъ,—предоставить возможность тѣлу, воображенію, уму и характеру развиваться въ средѣ здоровой, спокойной и отвѣчающей нѣмымъ требованіямъ ихъ инстинктовъ». По его мнѣнію, и съ этимъ нельзя не согласиться, природа человѣческая окружена въ Англіи большимъ уваженіемъ; на нее обращаютъ большое вниманіе. Въ школахъ другихъ странъ дѣтей заставляютъ работать по десяти и иногда по одиннадцати часовъ, въ Англіи же не болѣе восьми, и часто даже семь и шесть часовъ сутки. Остальное время занято у дѣтей играми, всевозможными физическими упражненіями, которыя развиваютъ въ нихъ силу и крѣпость. Выбѣстъ съ тѣмъ, отчасти въ силу этого, дѣти здѣсь несравненно болѣе свободны во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, во всѣхъ своихъ поступкахъ, они привыкаютъ здѣсь къ независимости, самостоятельности, осваиваются съ нею, такъ что когда юноша вступаетъ въ жизнь, онъ не бываетъ ослѣпленъ тою свободою, которую онъ впервые вкушаетъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, мальчикъ, юноша—уже въ школѣ привыкаетъ къ обсужденію различныхъ политическихъ и нравственныхъ вопросовъ, и въ Англіи никто не опасается сходбищъ юношей, весьма важно трактующихъ о политикѣ, никто не стѣсняетъ ихъ, никто не опасается, что юноши, учащаяся молодежь, перевернутъ своими толками, рѣчами, весь государственный строй. Собирай-

тесъ, толкуйте, спорьте о политикѣ, критикуйте правительственныя дѣйствія даже, какъ бы говорить имъ, вамъ никто не будетъ мѣшать, вы свободны. Юноши въ школахъ образуютъ общества, «debating societies», и въ собраніяхъ этихъ обществъ обсуждаются всевозможные вопросы. «Послѣ того, — говоритъ Тэнъ, — что молодые ораторы произнесли свои рѣчи, присутствующіе вотируютъ, составляется протоколъ, въ который вносятся высказанные по извѣстному вопросу аргументы; это парламентъ въ миниатюрѣ». Рядомъ съ этимъ воспитанники школъ издають журналы, и издають они ихъ не тайкомъ, опасаясь преслѣдованій какъ заговорщики, нѣтъ, издають по праву имъ принадлежащему, и въ ихъ журналахъ обсуждаются не ихъ школьные интересы, а вопросы политическіе, волнующіе въ данную минуту все общество. Они толкують о выборахъ, о политическихъ союзахъ, о различныхъ правительственныхъ дѣйствіяхъ. Познакомившись съ жизнью дѣтей въ школахъ, Тэнъ приходитъ къ такому заключенію: «Съ какой бы стороны я ни смотрѣлъ, говоритъ авторъ «Notes sur l'Angleterre», я прихожу къ одному заключенію: въ Англіи не существуетъ глубокаго раздѣленія между жизнью ребенка и жизнью зрѣлаго человѣка; школа и общество стоятъ рядомъ другъ съ другомъ, между ними нѣтъ стѣны или пропасти; одна ведетъ и приготовляетъ къ другой. Юноша не выходитъ здѣсь точно изъ темницы, изъ какого-то исключительнаго порядка, изъ особой атмосферы. Перемѣна воздуха не составляетъ его теряться и испытывать потрясеніе. Онъ не только обрабатывалъ свой умъ, но онъ уже приучался къ жизни. У него не только есть извѣстныя идеи, но его идеи отвѣчаютъ тому обществу, въ которое онъ вступаетъ. Въ политикѣ, въ религіи, въ двадцать лѣтъ онъ находитъ уже совсѣмъ готовыя рамки, въ которыхъ уже заранѣе приноровлены его вкусы и способности. Такимъ образомъ, ему легче избѣгнуть скептицизма; жизнь его скорѣе опредѣляется, онъ менѣе блуждаетъ, чтобы отыскать употребленіе для своихъ силъ. — Всѣ тѣ, которыхъ я видѣлъ въ классахъ, на улицахъ и на поляхъ, всѣ имѣли видъ healthy and active, рѣшительный, энергичный. Очевидно, по крайней мѣрѣ для меня, — продолжаетъ Тэнъ, — что здѣсь они болѣе дѣти и вмѣстѣ болѣе люди; болѣе дѣти, т.-е. они болѣе любятъ забавы и менѣе склонны переходить границы ихъ лѣтъ; болѣе люди, т.-е. болѣе свободны, болѣе способны управлять собою и дѣйствовать». Того же самаго взгляда на приучающее къ свободѣ и самостоятельности англійское воспитаніе держится и Монталамберъ, который говоритъ почти тѣми же словами: «Безъ надзирателей и безъ другихъ стѣсненій, кромѣ тѣхъ, которыя налага-

гаются извѣстными обычаями и уваженіемъ къ самому себѣ, которыми проникнуть каждый англичанинъ, съ отвагою и молодую силою они приступаютъ къ изученію общественной жизни, self-government'a, точно также какъ дѣлали то ихъ отцы и наши, прибавляетъ Монталамберъ, въ средневѣковыхъ школахъ». Если французскіе писатели, принадлежащіе къ различнымъ полюбіямъ, различнымъ партіямъ, писатели, которые менѣе всего могутъ быть заподозрѣны въ радикализмъ, указывая на эти выгодныя стороны англійскаго воспитанія, попрекаютъ французское въ недостаткѣ свободы, предоставленной юношеству, то что же сказали бы они про всякую другую систему воспитанія, которая была бы вся направлена къ тому, чтобы оградить юношество отъ соприкосновенія съ вопросами, занимающими общество, и которая заставляетъ юношество жить съ мертвецами и среди всего мертвого?

Тѣнь, говоря объ англійскомъ воспитаніи, не ограничивается указаніемъ только на однѣ хорошія стороны, онъ точно также говоритъ и о дурныхъ; и если бросить тѣ и другія на вѣсы, то конечно чаша дурного перевѣситъ чашу хорошаго. Если забота о физическомъ развитіи достигаетъ дѣйствительно того, что дѣти становятся чрезвычайно крѣпки и сильны, то вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ сказать, что физическое развитіе идетъ въ ущербъ нравственному. Игры, забавы, физическія упражненія стоятъ на первомъ планѣ, ученіе же, книги, умственное развитіе отодвигаются на второй. Маленькій англичанинъ стремится не къ тому, чтобы отличиться въ ученіи, въ познаніяхъ, объ этомъ онъ заботится мало, нѣтъ, свою славу онъ полагаетъ въ томъ, чтобы быть первымъ въ криветѣ, чтобы быть первымъ наѣздникомъ, чтобы лучше всѣхъ грестъ, чтобы стяжать себѣ славу гимнаста. Вслѣдствіе этого является извѣстная грубость, которая всячески поддерживается школьными порядками, школьными учрежденіями. На первомъ планѣ тутъ фигурируютъ розги, и розги не только не возмущаютъ, но напротивъ пользуются нѣкоторою популярностью. Тѣнь приводитъ примѣръ одной школы, воспитанники которой, узнавъ о намѣреніи начальства изгнать розги и замѣнить ихъ штрафомъ, чуть не взбунтовались и громко кричали: да здравствуютъ розги! долой штрафъ!

Другая грубая черта въ англійскихъ школахъ—это обычай, что маленькіе должны быть лакеями большихъ. Такъ какъ лакействовать можно заставить только силой, принужденіемъ, то потому ни въ какой другой странѣ дѣти не подвергаются такимъ побоямъ какъ здѣсь. Пощечины, пинки, палочные удары тутъ ни по чемъ. Мальчика заставляютъ стоять смирно и въ это

время ему безъ отдыха даютъ десять-двѣнадцать полновѣсныхъ пощечинъ. Обо всемъ этомъ говорится потому, что здѣсь такою обращеніе не случайное злоупотребленіе силой, нѣтъ, оно составляетъ систему, является необходимостью, оно составляетъ существенную черту школьныхъ нравовъ. Такое направленіе край не вредно отзывается на умственномъ развитіи юноши; «школы говорить авторъ» «Notes sur l'Angleterre, представляетъ собой родъ первобытнаго общества, въ которомъ сила господствуетъ безконтрольно, и тѣмъ болѣе, что благодаря извѣстному ролю d'honneur угнетенные никогда не жалуются на своихъ гонителей... Не слѣдуетъ, продолжаетъ онъ, давать полную свободу развиваться инстинктамъ господства и грубости. Обычай всегда ведетъ къ злоупотребленіямъ; одно требованіе возбуждаетъ другое, одни укоры вызываютъ желаніе другихъ; человѣку не слѣдуетъ никогда доставлять возможность становиться деспотомъ или падачомъ. Въ концѣ концовъ, образованіе, понимаемое такимъ образомъ, не лишено сходства съ спартанскимъ; оно укрепляетъ тѣло и закаляетъ характеръ; но насколько я могу заключить, оно часто приводитъ къ тому, что дѣлаетъ изъ людей спортсменовъ и дуралеевъ».

Проводя параллель между англійскимъ и французскимъ юношами, Тэнъ отдаетъ рѣшительное предпочтеніе послѣднему во всемъ, что касается умственного развитія. Молодой англичанинъ, который хорошо учился, въ состояніи будетъ писать греческіе и латинскіе стихи, будетъ знать много фактовъ, но смыслъ ихъ, историческое значеніе для него не ясно. Онъ мало читалъ самостоятельно, еще меньше думалъ, у него чрезвычайно мало идей, которыя глубоко бы проникли въ него, его не волнуетъ и не мучитъ никакой нравственный вопросъ, скептицизмъ чуждъ ему. Французъ же въ восемнадцать-девятнадцать лѣтъ бытъ можетъ обладаетъ меньшимъ количествомъ фактовъ, но за то общее образованіе его несравненно выше; въ него заброшено множество идей, онъ самъ размышляетъ, роется въ самомъ себѣ, у него свои вкусы, онъ предпочитаетъ того или другого писателя, у него составились уже общіе взгляды на искусство, на исторію, на философію, во всѣхъ серьезныхъ вопросахъ онъ составляетъ свое собственное мнѣніе, до котораго доходить самъ путемъ думы и размышленія. У француза нѣтъ того, что Тэнъ называетъ «готовымъ якоремъ», за который каждый англичанинъ можетъ уцѣпиться: рано потерявъ религіозныя вѣрованія и окруженный цѣлымъ океаномъ скептицизма; онъ волей-неволей долженъ самъ добыть себѣ свой якорь, безъ котораго жизнь его разобьется, онъ самъ долженъ отыскать себѣ свое пристанище.

ще, которое зовется міросозерцаніемъ. Французъ добирается него самъ, и часто оно стоить ему много страданій, много вѣ; англичанинъ же о немъ не думаетъ, оно дается ему го-
вое, и онъ довольствуется тѣмъ, которое ему преподносятъ.

Какова школа, таковъ и университетъ. Тутъ мы снова на-
чимъ всѣ достоинства, но за то и всѣ почти недостатки, съ
горыми пришлось встрѣтиться въ англійскихъ школахъ. Глав-
е достоинство, самая характерная сторона заключается въ
и связи, которая существуетъ между общественною жизнію
университетомъ. Въ этомъ сходятся всѣ писатели, говорив-
е объ Англіи. Что касается до другихъ достоинствъ, то тутъ
довало бы условиться, что считать достоинствомъ и что не-
статкомъ. Для Монталамбера главное достоинство заключается
томъ, что «нигдѣ въ свѣтѣ средніе вѣка не сохранились
въ живо и цѣльно, какъ въ Оксфордѣ и Кембриджѣ»; онъ вос-
ргается тѣмъ, что «ничего не было измѣнено въ тѣхъ стату-
хъ», которые были даны въ 1505-мъ году, высказывая мысль,
о «англійскіе университеты, какъ конституція и все общество,
тъ не что иное какъ великолѣпный образецъ стараго общества
еднихъ вѣковъ, такъ, какъ оно существовало во всей Запад-
ой Европѣ». Во взглядѣ на такія достоинства точно также
нзя согласиться, какъ нельзя согласиться съ Монталамберомъ,
гда онъ, выставивъ на видъ всѣ особенности аристократиче-
каго образованія, то рѣзкое различіе, которое существуетъ въ
нглійскихъ университетахъ между болѣе и менѣе знатными,
азличіе, доходящее до того, что болѣе знатные носятъ особые
наки, садятся за отдѣльный столъ и т. п., кончаетъ тѣмъ, что
оворить: «нельзя не согласиться, что нигдѣ и никогда не под-
ерживалась организація болѣе благопріятная нравственности,
вободѣ, достоинству и образованію». Все это разумѣется не
достоинства, все это весьма крупные недостатки, которые въ
Англіи менѣе вредны чѣмъ гдѣ-нибудь только потому, что они
слабляются цѣлымъ строемъ англійскаго общества, его вѣковою
независимостью и свободою.

Тэнъ рисуетъ весьма полную картину жизни англійскихъ
университетовъ, картину вѣрную, безспорно, какъ вѣрны всѣ тѣ
картины, которыя даетъ авторъ «Notes sur l'Angleterre». Тэнъ
не слѣдуетъ примѣру Монталамбера, онъ далеко не признаетъ
англійскихъ университетовъ идеальными университетами, онъ
весьма мѣтко опредѣляетъ ихъ значеніе, когда говоритъ: «ан-
глійскій университетъ во многихъ отношеніяхъ представляетъ
собою не что иное, какъ клубъ молодыхъ людей знатныхъ или
по крайней мѣрѣ богатыхъ». Тэнъ, какъ французъ, въ которомъ

равенство въѣлось, не могъ отнестись съ симпатією къ отсутствію равенства, которое онъ здѣсь встрѣтилъ. Не воля Франціи, Тэнъ тѣмъ не менѣе гордо замѣчаетъ: «у насъ политехнической школѣ, воспитанники не знаютъ даже стипендіатовъ; имена эти извѣстны только комитету, обязанному сохранять тайну; это деликатность присущая уму, питанному равенствомъ. Здѣсь напротивъ, богатство и знатность весьма цѣнятся». Такъ какъ въ англійскіе университеты идетъ по преимуществу богатая и знатная молодежь, то она постоянно происходитъ кутежи, пиры, обѣды, ужины; здѣсь льется рѣками, курятся самыя тонкія сигары, одними словами, молодежь ведетъ здѣсь безпечную и привольную жизнь, окруженную всѣми удобствами, всяческою роскошью, похвалы барства нравственнаго и матеріальнаго, такую жизнь, при которой занятія должны отходить далеко на задній планъ. В силу этого люди занимающіеся, работающіе, являются какъ исключеніе, большинство же проводитъ время праздно или въ чисто формальныхъ занятіяхъ.

Тѣ же физическія упражненія, тѣ же забавы, которыми занимаются дѣти въ школахъ, существуютъ, и еще въ усиленном размѣрѣ, и здѣсь. Цѣлые дни проходятъ въ игрѣ въ крикетъ въ боксированіи, въ бѣгахъ, въ охотѣ, въ гонкахъ на лошадей на конькахъ, въ скачкахъ, въ фехтованіи, однимъ словомъ, всевозможныхъ физическихъ забавахъ, что конечно ведетъ только къ тому, что подтверждаетъ, какъ выражается Тэнъ, съ Платона о несовмѣстимости жизни атлета и жизни мыслителя. Среди англійской университетской молодежи поэтому и встрѣчаются гораздо чаще атлеты, нежели мыслители. Но гимнастическія упражненія имѣютъ и свои выгодныя стороны. Онѣ не позволяютъ развиваться воображенію, онѣ заваляютъ нервы, влияют на спокойствіе человѣка, и въ концѣ концовъ способствуютъ выработкѣ нравственной жизни.

Но какъ бы то ни было, англійскимъ университетамъ нечего особенно хвалиться, и только такіе пристрастные писатели, какъ Монталамберъ, въ состояніи, указывая на англійскіе университеты, говорить, что «они могутъ съ торжествующимъ видомъ отвѣчать всѣмъ своимъ хулителямъ, показывая на свои плоды т.-е. англійскую націю, представленную своими руководителями и правящими классами». Между тѣмъ, не университеты доставили англійской націи величіе, принадлежащее ей по праву. Можно даже смѣло сказать, что Англія велика, — не благодаря своимъ университетамъ, — а несмотря на университеты. Впрочемъ, реформа образованія стоитъ въ Англіи на очереди, и въ

нѣнія, что и въ этомъ вопросѣ она не отклонится отъ того, по которому слѣдуетъ во всѣхъ другихъ вопросахъ, т.-е., ни и не быстро, за то неуклоннаго движенія впередъ.

Настанетъ время, и время это конечно не далеко, когда Англія во всемъ, что касается образованія народа, достигнетъ тѣхъ степеней, какой достигли въ этомъ отношеніи нѣкоторые народы западной Европы. Это обязанность такой страны, какъ Англія, и разумѣется, она не отступится передъ ней. Но уже и теперь нельзя не сказать, что Англія своимъ примѣромъ доказываетъ одно: политическое развитіе націи не находится въ зависимости отъ грамотности націи. Никто не станетъ спорить, что полуграмотная Англія стоитъ въ отношеніи общественной жизни, политическихъ правъ, выше и гораздо выше грамотной Франціи. Повидимому, тутъ кроется противорѣчіе. Какъ, можно сказать, развѣ не справедливо, что невѣжество и отсутствіе политической свободы тѣсно связаны между собою! но противорѣчіе тутъ только кажущееся. Образование заключается не только въ умѣніи читать и писать, оно гораздо болѣе выражается въ умѣніи понимать свои обязанности и пользоваться своими правами. Этимъ-то послѣднимъ образованіемъ и сильна Англія; тутъ кроется ея мощь и значеніе. Въ отношеніи такого образованія англійскому народу принадлежитъ пальма первенства въ Европѣ.

Евг. Утинъ.

ОТЪ АТЛАНТИЧЕСКАГО

ДО

ТИХАГО ОКЕАНА

Американскій путевой указатель новой желѣзной дороги, проведенной отъ береговъ Миссури къ Тихому Океану, называетъ ее *международнымъ путемъ*, открытымъ какъ для перевозки пассажировъ, такъ и для размѣна товаровъ между Европой, Америкой и Азіей. Такимъ образомъ, попытка знаменитыхъ европейскихъ мореплавателей,—въ теченіи трехъ вѣковъ стремившихся, по слѣдамъ Христофора Колумба, открыть удобнѣйшій путь изъ Европы въ Азію, въ наши дни увѣнчалась, въ предѣлахъ возможности по крайней мѣрѣ, полнымъ успѣхомъ. Проложеніемъ рельсовъ поперекъ всего американскаго материка эта трехвѣковая задача мореплавателей разрѣшена теперь, хотя для нихъ и неожиданнымъ, но вообще для цивилизованнаго міра все-таки наиболѣе удовлетворительнымъ образомъ. И въ самомъ дѣлѣ, совершавшееся въ былое время опасное и многотрудное плаваніе по морямъ, длившееся по нѣскольку томительныхъ мѣсяцевъ, замѣняется теперь весьма удобнымъ и въ своемъ родѣ пріятнымъ путешествіемъ, доступнымъ даже для самыхъ изнѣженныхъ организмовъ и продолжающимся всего мѣсяць или немногимъ болѣе того. Роскошные пароходы, снабжаемые всѣми принадлежностями избалованной прихоти нашего вѣка, въ какой-нибудь десятокъ дней переносятъ европейскихъ пассажировъ черезъ Атлантическій Океанъ въ Нью-Йоркъ, а отсюда еще скорѣе и еще удобнѣе совершается перѣздъ по

льсамъ черезъ материкъ до Сантъ-Франциско, гдѣ, въ свою очередь, другіе столь же роскошные пароходы принимаютъ уже ссаживовъ съ тѣмъ, чтобы по спокойнымъ водамъ Тихаго Океана перевезти ихъ въ одну изъ гаваней Азіи.

Во время моей поѣздки въ Калифорнію по новой желѣзной дорогѣ на самомъ дѣлѣ немало приходилось встрѣчать пассажировъ, направлявшихся изъ Европы въ Японію и Китай, и наоборотъ, также такихъ, которые, напримѣръ, изъ нашего же Амурскаго края ѣхали въ европейскую Россію. Пролагая рельсы въ Тихомъ Океану, американцы вполне сознавали, что постройка такой дороги не есть только ихъ частное, національное предпріятіе, но что оно должно расшириться до мірового значенія. Дѣйствительно, въ этомъ дѣлѣ заинтересованы всѣ цивилизованныя страны, флаги которыхъ развѣваются по дальнимъ морямъ. Американскій указатель упоминаетъ также, что пассажирскіе билеты для поѣздки *вокругъ свѣта* по новому пути могутъ быть получаемы «во всѣхъ главныхъ конторахъ, Европы, Азіи и Америки». Цѣны билетамъ для поѣздки въ Китай, напр., слѣдующія: изъ Нью-Йорка въ Шангай или Нангазаки въ первомъ классѣ 440 долларовъ, а во второмъ 180.

Новая желѣзная дорога заслуживаетъ названія международнаго и потому уже, что по ней встрѣчаются племена изъ разныхъ концовъ земного шара, не только отдѣльными личностями, но и цѣлыми группами: эмигрантскіе поѣзды изъ Нью-Йорка перевозятъ толпы европейскихъ переселенцевъ въ дѣвственные мѣста цвѣтущей Калифорніи; а такіе же поѣзды, направляясь на встрѣчу къ первымъ, доставляютъ изъ Сантъ-Франциско большое число китайскихъ работниковъ на фабрики восточныхъ приатлантическихъ штатовъ. Итакъ, мы видимъ здѣсь, что потокъ переселенцевъ изъ древняго материка, устремлявшійся до недавнихъ временъ неуклонно на западъ, встрѣчается нынѣ съ противоположнымъ потокомъ, направленнымъ на востокъ, и благодаря рельсовому пути поперекъ американскаго материка, на нашихъ глазахъ совершается знаменательная для будущихъ народовъ развитій встрѣча древнѣйшей китайской цивилизаціи съ юной американской.

Съ другой стороны, рассматривая новый рельсовый путь въ отношеніи ко внѣшней его обстановкѣ, мы увидимъ, что никакая другая желѣзная дорога не являетъ столько въ высшей степени интересныхъ подробностей, какъ относительно желѣзно-дорожнаго дѣла вообще, такъ и относительно своеобразныхъ, можно сказать, единственныхъ въ своемъ родѣ свойствъ мѣстностей, по которымъ пролегаютъ рельсы, протянутые отъ одного

океана до другого. Стоить только представить себѣ огромное протяженіе этого рельсоваго пути. И въ самомъ дѣлѣ, по прямому направленію отъ Нью-Йорка до Санъ-Франциско будетъ столько же, сколько, напримѣръ, отъ Нижняго-Новгорода черезъ всю Россію, Германію и Францію—до Бреста, лежащаго на сѣверо-западной приатлантической окраинѣ Европы. Другими словами: разстояніе, проѣзжаемое нынѣ отъ Нью-Йорка до Санъ-Франциско по желѣзной дорогѣ равно 3306 англійскимъ милямъ, т.-е. 5019 нашимъ верстамъ, и стало быть оно почти въ пять длиннѣе пути отъ Петербурга до Нижняго.

Удивляясь столь огромному протяженію американской дороги и вмѣстѣ съ тѣмъ успѣхамъ техническаго искусства, вслѣдствіе которыхъ преодолѣны значительныя препятствія при ея построеніи, признавая за нею несомнѣнное вліяніе на судьбы цивилизованныхъ народовъ земнаго шара, мы должны сознаться, что подобное громадное предпріятіе могъ привести въ исполненіе только народъ, въ постановленіяхъ котораго коренятся самыя твердыя основы дѣйствительнаго величія и силы страны. И тѣмъ болѣе въ настоящемъ случаѣ должна поражать насъ энергія американцевъ, что новая дорога была заложена въ одинъ изъ труднѣйшихъ моментовъ ихъ исторіи,—когда республика раздиралась ужасами междоусобія,—и сооружена въ относительно-короткій срокъ самаго тягостнаго для народа времени, только—что послѣдовавшаго за окончаніемъ войны, стоившей странѣ громадныхъ жертвъ и людьми и капиталами.

Правда, къ берегамъ Миссури уже за нѣсколько лѣтъ тому назадъ подходили локомотивы изъ восточныхъ приатлантическихъ штатовъ; но далѣе, къ берегамъ Тихаго Океана рельсовая дорога открыта всего года два тому назадъ. Такимъ образомъ, весь путь отъ Нью-Йорка до Санъ-Франциско самъ собой разбивается на двѣ большія половины: а именно отъ Нью-Йорка до города Омахы на Миссури, слишкомъ въ 2000 верстъ разстояніи, и отъ Омахы до Санъ-Франциско почти 2500 верстъ. Говоря о дорогѣ Тихаго Океана (Pacific Rail-Road), разумѣютъ собственно только вторую часть ея; но для болѣе полной связи начнемъ на этотъ разъ наше путешествіе поперекъ американскаго материка съ самаго Нью-Йорка.

I.

Отъ Нью-Йорка до Омаха.

Во время путешествія по Соединеннымъ Штатамъ насъ всегда дивило отсутствіе той лихорадочной суеты на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, какою отличаются наши, и вообще всѣ европейскія станціи съ ихъ сонмомъ смотрителей, кондукторовъ, солдатъ и даже жандармовъ. Вопреки недостатку такого сбора обмундированныхъ личностей, на американской желѣзной дорогѣ все совершается въ порядкѣ, просто, какъ бы само собою, и несмотря на крайнюю малочисленность прислуги, каждый поѣздъ не суетливо отправляется въ назначенное впередъ время. Такому спокойствію и порядку, здѣсь соблюдаемому, немало способствуютъ между прочимъ тѣ приемы, какіе приспособлены американцами для удобства пассажировъ. Прежде всего каждый пассажиръ, если хочетъ, можетъ избавиться отъ неприятности тѣсниться у кассы для покупки билета и хлопотать доставкѣ и взвѣшиваніи своего багажа: для этого, какъ сейчасъ увидимъ, существуютъ другіе менѣе хлопотливые пути.

Проходя по главной улицѣ Нью-Йорка, по широкому, но тѣмъ не менѣе тѣсному Бродвею, вы между множествомъ вывѣсокъ и надписей на домахъ непременно обратите ваше вниманіе на объявленія, золотыми буквами начертанныя на стеклянныхъ дверяхъ и окнахъ и состоящія изъ названій разныхъ городовъ: это—конторы желѣзныхъ дорогъ, а также и пароходствъ разныхъ компаній. И вотъ, собираясь въ дальній путь, вы заранѣе заходите въ одну изъ такихъ конторъ, преспокойно покупаете тамъ билетъ до извѣстнаго мѣста, хоть бы до Санъ-Франциско; при чемъ на полномъ досугѣ можете навести тутъ же какія вамъ нужно справки относительно предпринимаемаго путешествія. Билетъ 1-го класса въ Нью-Йорка до Санъ-Франциско стѣбитъ 140 долларовъ; а 2-го класса или мѣсто на такъ-называемомъ эмигрантскомъ поѣздѣ 80 долларовъ. Если взять въ расчетъ остальные путевыя издержки,—за спальныя вагоны, за пищу и питье,—то весь поѣздъ отъ Нью-Йорка до Санъ-Франциско обойдется въ 1-мъ классѣ въ 180 долларовъ или около 235-ти рубл. серебромъ.

Взявъ такимъ спокойнымъ порядкомъ свой билетъ или по-американски—*тикетъ*, въ конторѣ, вы затѣмъ оставляете тамъ же свой адресъ съ тѣмъ, чтобы оттуда прислали телегу или экспрессъ за вашимъ чемоданомъ, за доставку котораго отъ дома

до желѣзной дороги вы приплачиваете около четверти доллара. Хотя въ указателѣ и объявляется, что каждый пассажиръ имѣетъ право брать съ собой бесплатно до 100 фунтовъ багажа, но если у васъ одно или даже два мѣста клади, то ее принимаютъ вовсе не вѣшая. При сдачѣ чемодана экспрессу, присланному отъ конторы, или даже на самой станціи, пассажиру необходимо заботиться лишь объ одномъ, а именно, ему слѣдуетъ взять чека, т.-е. мѣдный ярлыкъ. У багажнаго смотрителя на ремняхъ всегда по парѣ такихъ чековъ съ однимъ и тѣмъ же номеромъ и обозначеніемъ мѣста. Выдернувъ изъ ремешка одинъ чекъ, багажный вручаетъ его вамъ, а другой прицѣпляетъ къ вашему чемодану. Прибывъ на мѣсто, вы по чеку получаете ваши вещи.

Операція, какъ оказывается, весьма простая, и не разъ удивляясь быстротѣ, съ какою одинъ человекъ на станціи принимаетъ здѣсь большое количество клади,—не разъ мы думали, отчего бы нашимъ компаніямъ не позаимствовать этотъ экономическій способъ, сберегающій не только клейстеръ и бумагу, щедро расточаемые у насъ въ подобныхъ случаяхъ, но и значительное число прислуги. Въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, когда багажному покажется, что у васъ уже черезъ чуръ много клади, онъ вѣшаетъ ее; и тогда за излишекъ вѣса приходится, конечно, приплатить нѣсколько долларовъ.

Отправивши съ экспрессомъ свой багажъ на станцію, вы съ тикетомъ и чекомъ въ карманѣ вольны теперь располагать днемъ отъѣзда по своему собственному желанію: билетъ выдается здѣсь не на опредѣленный какой-нибудь одинъ поѣздъ, какъ у насъ; а напротивъ, американскій тикетъ не теряетъ своей силы до тѣхъ поръ, пока пассажиръ не доѣдетъ съ нимъ до мѣста назначенія, хотя бы онъ отправился въ путь недѣлю или двѣ спустя послѣ покупки своего билета.

Рѣшившись наконецъ выѣхать изъ Нью-Йорка, вы, не заботясь болѣе о своемъ багажѣ, переѣзжаете на спокойномъ пароходѣ на другую сторону Гудсона. Станція желѣзной дороги или *дино* (Depot), какъ называютъ ее американцы, находится тамъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мѣста гдѣ причаливаетъ пароходъ. На ней вы по надписямъ на вагонахъ можете отыскать свой поѣздъ и беспрепятственно занимаете свое мѣсто, когда вамъ угодно. Васъ никто не остановитъ, еслибъ даже, — какъ это сплошь да рядомъ дѣлаютъ американцы, — вамъ вздумалось вскочить на платформу вагона въ то самое время, когда поѣздъ двинулся уже съ мѣста: здѣсь всякій самъ за себя отвѣчаетъ и самъ себя бережетъ. Правда, на двери при входѣ въ вагонъ,

похожій по внутреннему расположенію на вагоны нашей Николаевской желѣзной дороги, прибита дощечка съ надписью, предостерегающею пассажировъ, чтобы они, въ то время когда движется поѣздъ, не переходили на платформу—«иначе компанія ни за что не ручается». Предупредивъ такимъ образомъ публику, компанія сдѣлала свое дѣло, и затѣмъ всякій воленъ на свой страхъ выходить на платформу и даже переходить во время ѣзды изъ одного вагона въ другой: ни кондукторъ, ни помощникъ его не мѣшаютъ въ это дѣло.

Вы даже долгое время совсѣмъ не видите кондуктора, несмотря на то, что поѣздъ уже выѣхалъ и песется между красивыми фермами, разсыпанными по слегка всхолмленной мѣстности штата Нью-Йорка. Въ это самое время входитъ въ вагонъ прилично одѣтый джентльменъ въ поярьовой шляпѣ, къ которой прикрѣплена маленькая бланка съ надписью: Conductor. Она только и отличаетъ послѣдняго отъ остальныхъ пассажировъ. Осмотрѣвъ билеты у пассажировъ, кондукторъ спѣшитъ уже къ другому своему дѣлу. А дѣла у него не мало: вотъ раздается—свистъ не свистъ, а какой-то зычный гулъ съ локомотива, которымъ машинистъ даетъ знать, что слѣдуетъ укрѣпить быстрый ходъ поѣзда; и кондукторъ съ помощникомъ, одинъ на одной, а тотъ на другой платформѣ, принимаются тормозить вагоны. Поѣздъ движется медленнѣе; онъ проходитъ по мосту, а потомъ вновь пускается съ прежней быстротой... Но вотъ раздается опять злобщій свистъ локомотива, и громче и громче повторяется разъ за разомъ. Затормозивъ вагоны, кондукторъ старается усмотрѣть, что случилось? Оказывается, что стадо коровъ, пользуясь отсутствіемъ оградъ по сторонамъ рельсовъ, появилось на самой дорогѣ. Испуганныя гуломъ локомотива, онѣ безсмысленно озираются, не зная куда бѣжать отъ угрожающей имъ опасности. Наконецъ, онѣ со всѣхъ ногъ бросаются въ сторону, и перескакивая черезъ пни и кочки, скрываются въ чащѣ лѣса. Если же машинисту не удастся согнать скотину съ рельсовъ и поѣздъ наѣзжаетъ на нее, то она подхватывается извѣстнымъ кокетчеромъ и тотчасъ сбрасывается имъ въ сторону отъ дороги. Несмотря на отсутствие заставъ и сторожей въ мѣстахъ, гдѣ рельсы пересѣкаются проселкомъ, не слышать, чтобы вслѣдствіе этого случались особенныя несчастія.

Дѣлая такимъ образомъ большія сбереженія по части внѣшняго устройства своихъ желѣзныхъ дорогъ, американскія компаніи тѣмъ болѣе заботятся объ удобствѣ внутреннего расположенія вагоновъ. Въ этомъ отношеніи въ особенности отли-

чаются спальные вагоны извѣстнаго предпринимателя Пельмана. Днемъ такой вагонъ представляется въ видѣ роскошно-убранной залы съ мягкими коврами на полу, съ двойными окнами жалюзи и бархатными диванами по сторонамъ. По обѣимъ концамъ залы находятся уборныя, одна для леди, другая для джентльменовъ. На ночь зала преобразуется въ спальню: диваны сдвигаются и превращаются въ широкія постели; а надъ ними стелется другой рядъ такихъ же постелей, образуемыхъ изъ откосовъ потолка, спускаемыхъ внизъ на шальнерахъ. Похода на войки на пароходахъ, эти постели однако гораздо просторнѣе и комфортабельнѣе. Благодаря этимъ удобствамъ, нынѣ даже непривычныя къ путешествіямъ леди съ маленькими дѣтьми легко совершаютъ шестидневную поѣздку отъ океана до океана.

Но американцы не довольствуются и этимъ комфортомъ: по одному разу въ недѣлю въ Санъ-Франциско отходитъ поѣздъ съ гостинницей (Hôtel Express Train), устроенной въ великолѣпно отдѣланномъ вагонѣ съ кухней при немъ. Средина такого вагона занята длиннымъ столомъ, накрываемымъ по три раза въ день. Пассажиры за особую плату, конечно, завтракаютъ, обѣдаютъ и ужинаютъ въ то самое время, когда поѣздъ мчится на всѣхъ парахъ. Отлично содержимый буфетъ всегда готовъ къ услугамъ пассажировъ. Кромѣ того, при поѣздѣ всегда находится букинистъ; онъ по всѣмъ вагонамъ разноситъ только что вышедшія газеты, новыя книги и журналы. Такимъ образомъ можно совершить многодневную поѣздку до Санъ-Франциско, рѣшительно не выходя изъ вагона.

Выѣхавъ изъ Нью-Йорка съ восьми-часовымъ вечернимъ поѣздомъ, мы прибудемъ около слѣдующаго затѣмъ полудня къ висящему на проволочныхъ канатахъ мосту, перекинутому черезъ рѣку Ніагару. Поѣздъ медленно подвигается по верхнему ярусу двухъэтажнаго моста; изъ оконъ вагоновъ лѣвой стороны, верстахъ въ трехъ разстояніи, видѣнъ водопадъ съ высоко поднимающимися облаками брызгъ. Перебравшись осторожно по мосту на другую, канадскую сторону, поѣздъ быстрѣе мчится по сѣверному берегу озера Ири и, проѣхавъ цѣлыя сутки отъ Нью-Йорка, вечеромъ останавливается на станціи города Детрой.

Что касается до быстроты ѣзды по американскимъ желѣзнымъ дорогамъ, то объ ней можно судить по сравненію: отъ Нью-Йорка до Детрой, 678¹/₂ англійскихъ миль, поѣздъ проходитъ въ 25 часовъ. По расчету выходитъ, что онъ дѣлаетъ въ среднемъ выводѣ около 38-ми верстъ въ часъ; тогда какъ сред-

ая скорость по нашей Николаевской желѣзной дорогѣ составитъ почти 30 верстъ.

Проѣхавъ затѣмъ въ ночь часовъ десять отъ Детрой, поѣздъ съ наступившимъ раннимъ утромъ катитъ уже по южной границѣ озера Мичигена, свѣтлозеленыя воды котораго видны изъ оконъ вагона съ правой стороны; тогда какъ съ лѣвой—тянется рядъ красивыхъ домовъ, служащихъ убѣжищемъ и богатыхъ семействъ шумнаго и довольно дымнаго Чикаго. Тотъ быстро развивающійся городъ составляетъ одинъ изъ главныхъ узловъ рельсовыхъ сообщеній въ сѣверныхъ штатахъ; а потому Чикаго—одинъ изъ самыхъ важныхъ пунктовъ по желѣзнымъ дорогамъ, направляющимся къ Тихому океану, и на росторной станціи его стеченіе народа гораздо значительнѣе, чѣмъ въ другихъ городахъ по этому тракту. Притомъ отсюда, о пути далѣе къ западу, замѣчается рѣзкій переходъ въ характеръ мѣстности: оставшаяся за нами холмистая и лѣсная грана замѣняется теперь ровными луговыми пространствами. Узкой полосой стелятся рельсы по однообразной степи. Мѣстами только и видно, что небо да степь. Мѣстами показываются рѣдущія фермы и новые города, недавно возникшіе благодаря желѣзной дорогѣ, проложенной по дѣйственному краю.

Проѣхавъ по весьма длинному мосту черезъ Миссисипи, поѣздъ быстро продолжаетъ свой путь поперекъ степей къ берегамъ другой большой рѣки, Миссури. Здѣсь, у города Консилъ-иуфа, подѣхавъ почти къ самой водѣ, локомотивъ наконецъ останавливается съ тѣмъ, чтобы сдать пассажировъ и кладъ на ожидающій ихъ пароходъ. Мостъ черезъ Миссури, уже проектированный, пока еще не готовъ, а потому здѣсь прерывается рельсовое сообщеніе между восточными и западными странами материка. Перебравшись на противоположный берегъ, гдѣ раскинулся городокъ Омаха, мы можемъ сказать, наконецъ, что находимся на самой дорогѣ Тихаго океана: Омаха—настоящій исходный пунктъ ея.

Совершивъ, такимъ образомъ, въ двое съ половиной сутокъ переездъ отъ Нью-Йорка до береговъ Миссури, мы переходимъ теперь на совершенно новую часть длиннаго рельсоваго пути, ю которому и станемъ проникать въ пустынные, еще мало населенныя мѣста дальняго Запада.

II.

Отъ Омаха до Огдена.

Условія, сопровождающія проложеніе желѣзной дороги въ Америкѣ, во многихъ отношеніяхъ представляютъ рѣзкую противоположность тѣмъ, какія существуютъ въ Европѣ. Въ послѣдней дорога пролагается обыкновенно по мѣстамъ болѣе или менѣе заселеннымъ, а въ Америкѣ — зачастую по пустынямъ. Тамъ стараются рельсами связать между собою торговые и промышленные центры, а здѣсь прокладываются рельсы для того, чтобы по сторонамъ ихъ возникали новые города. Притомъ, эти города въ Америкѣ нерѣдко появляются даже прежде сельскохозяйственныхъ фермъ; локомотивъ предшествуетъ даже всякимъ другимъ перевозочнымъ средствамъ. Вообще, въ Европѣ рельсовый путь есть продуктъ высшаго развитія цивилизаціи; тогда какъ въ Америкѣ, напротивъ, именно этотъ путь вноситъ ее прямо въ дѣйствительныя страны.

Понятно, что всему этому должны отвѣчать также и экономическія и финансовыя условія желѣзно-дорожнаго дѣла. Въ Европѣ приобретаются земли подъ желѣзную дорогу путемъ экспроприаціи, что составляетъ одну изъ самыхъ дорогихъ расходныхъ статей предпріятія. Американскія же компаніи въ пустынныхъ краяхъ не только избавлены отъ подобнаго рода значительныхъ расходовъ, но, сверхъ того, незанятая земля, принадлежащая правительству, сами еще даютъ средства для постройки желѣзной дороги: безъ нихъ американскія компаніи едва ли могли бы привести въ исполненіе свои громадныя постройки. Дѣло въ томъ, что правительство, выдавая концессию на постройку желѣзной дороги, уступаетъ значительное количество земель по обѣ стороны ея въ пользу компаніи; и такая уступка служитъ въ обоюдной выгодѣ. Привлекая поселенцевъ, доставляемыхъ туда локомотивомъ, компаніи выручаютъ значительный процентъ не только за перевозку, но также и за уступленную ей земли. Правительство съ своей стороны, продавая оставшіяся свои земли наѣзжающимъ колонистамъ по дешевой цѣнѣ, по 1¼ доллара за акръ, тоже получаетъ значительный доходъ, служащій главною опорой финансовъ республики.

Важныя обстоятельства политическаго свойства, въ свою очередь, ускорили возникновеніе желѣзной дороги Тихаго океана. А именно: во время войны между сѣверными и южными штатами партія плантаторовъ-сепаратистовъ старалась отторгнуть отъ

союза Калифорнію и другія прилежащія къ ней территоріи. Вашингтонское правительство по причинѣ громаднаго разстоянія и разобщенія не могло, конечно, имѣть сильнаго вліянія на эти земли, и если онѣ остались вѣрными союзу, то этимъ единственно одолжены энергическому противодействию благонамѣренныхъ жителей всѣмъ проискамъ южной демократической партіи. Для того, чтобы на будущее время еще тѣснѣе связать интересы оставленныхъ странъ на западѣ съ Союзомъ, Вашингтонскій конгрессъ, въ 1862-мъ г., въ самый разгаръ войны утвердилъ актъ, одобренный президентомъ Линкольномъ, имѣвшій цѣлью способствовать скорѣйшему проведенію рельсовъ и телеграфа отъ Миссури къ берегамъ Тихаго океана.

Вслѣдствіе этого акта образовались двѣ главныя компаніи: одна изъ нихъ состояла изъ капиталистовъ восточныхъ штатовъ, другая—изъ калифорнскихъ золотопромышленниковъ. Первая—назавшаяся «Компаніей союзной желѣзной дороги Тихаго океана» (Union Pacific Rail-Road, или въ сокращеніи U. P. R. R.), получила концессию на постройку отъ Омахи на западъ до Большаго Соленаго озера (Great Salt Lake). Эта, самая большая изъ всѣхъ существующихъ нынѣ желѣзно-дорожныхъ компаній на свѣтѣ, взяла на себя протяженіе дороги въ слишкомъ 1000 миль. Концессія на другую, калифорнскую часть дороги, была выдана компаніи такъ-называемой «Центральной желѣзной дороги Тихаго океана» (Central Pacific Rail-Road или въ сокращеніи C. P. R. R.). Она взялась за постройку слишкомъ 700 миль, начиная отъ города Сакраменто на востокъ, т.е. на встрѣчу къ первой союзной компаніи. Что касается до пути отъ Санъ-Франциско до Сакраменто, всего 138 англ. миль, то за эту часть взялась третья компанія, такъ-называемой «Западной желѣзной дороги Тихаго океана» (Western Pacific Rail-Road или W. P. R. R.), образовавшаяся, впрочемъ, независимо отъ концессій, выданныхъ вашингтонскимъ правительствомъ.

Земли, дарованныя по разрѣшенію конгресса какъ союзной, такъ и центральной компаніямъ, состоятъ изъ перемежающихся площадей называемыхъ секціями, каждая въ одну кв. милю величиной и растянутыхъ вдоль по рельсовому пути на разстояніи 20-ти миль по каждую его сторону сообразно постановленію. Секціи, обозначенныя нечетными числами, поступаютъ во владѣніе компаніи, а лежащія въ промежуткахъ секціи съ четными числами правительство оставляетъ за собой. Обѣ компаніи вмѣстѣ получили такимъ порядкомъ 22.707,200 акровъ, что составляетъ пространство земель величиною слишеомъ въ 35,000 кв. миль. Если эти земли собрать въ одно мѣсто, то

совокупная ихъ поверхность будетъ даже болѣе того, какое въ Европѣ занимаетъ цѣлое королевство въ родѣ Португаліи. Сверхъ земельныхъ уступокъ обѣ компаніи выговорили себѣ отъ вашингтонскаго правительства денежныя субсидіи въ качествѣ займа и облигацій, всего на сумму до 55-ти милл. долларовъ. Съ своей стороны онѣ обязались выстроить дорогу не позже какъ къ 1-му іюлю 1876-го года.

Получивъ концессіи, та и другая компаніи принялись за дѣло въ 1863-мъ г. Постройки съ обоихъ концовъ дороги шли съ небывалою дотогѣ быстротою: кладка рельсовъ производилась по временамъ со скоростью, доходившею до 10-ти миль въ одинъ день. Компанія центральной дороги въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ къ ряду нанимала на работу по 10,000 китайцевъ. Почти столько же бѣлыхъ работниковъ были заняты на союзной дорогѣ. Сами американцы, привыкшіе у себя къ быстротѣ подобныхъ построекъ, считали въ свое время химерическими заявленія компаній, обѣщавшихъ отереть дорогу уже въ 1869-мъ году ко дню объявленія независимости республики, 4-го іюля, т. е. всего шесть лѣтъ спустя послѣ того какъ начались постройки. За то и велико же было народное торжество во всѣхъ городахъ Союза, когда еще въ маѣ мѣсяцѣ того же 1869-го г. первый почтовый поѣздъ, выѣхавшій изъ Нью-Йорка, повстрѣчался съ такимъ же поѣздомъ изъ Санъ-Франциско. Итакъ, дорога была готова семью годами ранѣе обязательнаго срока; и это достойно удивленія тѣмъ болѣе, что огромный рельсовый путь пролегаетъ черезъ пустыни, взбирается на горныя высоты. Притомъ весь строевой матеріалъ приходилось доставлять издалева: по мѣрѣ того какъ рельсы подвигались впередъ, по мѣрѣ того локомотивъ подвозилъ къ новымъ пустыннымъ мѣстамъ инженеровъ и работниковъ, шпалы и рельсы, всякаго рода лѣса и желѣза, съѣстные припасы, словомъ, все необходимое для людей и для работъ. Такая безпримѣрная быстрота постройки поневолѣ заставила многихъ усомниться на счетъ прочности самой дороги. И дѣйствительно, въ началѣ многія мѣста на ней внушали немалыя опасенія пассажирамъ; однако вопреки всему до сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, на дорогѣ не случалось никакихъ несчастій отъ ея непрочности или неисправности вообще.

Замѣтимъ еще, что вся дорога обимъ компаніямъ по приблизительному расчету стоила слишкомъ 180,000,000 долл. Подвижной составъ ея въ 1870-мъ г. состоялъ изъ 320-ти локомотивовъ, 163-хъ пассажирскихъ вагоновъ — и 88-ми эмигрантскихъ. Этому соотвѣтствуютъ и остальные части подвижного состава. Съ дальнѣйшими подробностями желѣзно-дорожнаго дѣла ознакомимся во время самаго переѣзда.

Прибывъ на «дѣпо» въ Омахѣ, при видѣ небольшого одноэтажнаго деревяннаго дома и простаго досчатаго дебаркадера, расположеннаго въ лощинѣ на краю города, вы сначала никакъ не подумаете, что находитесь на станціи, служащей мѣстомъ отправленія большой международной желѣзной дороги. Эта неприглядная станція, поставленная лишь на первое время, пока еще не готово строющееся большое зданіе дѣпо, также можетъ служить характеристической чертой американскихъ приѣмовъ относительно желѣзно-дорожныхъ построекъ. И въ самомъ дѣлѣ, здѣшнія компаніи не ждутъ, пока будутъ совершенно готовы всѣ принадлежности дороги: онѣ отырываютъ ее для публики тотчасъ же, какъ только представляется возможность ѣздить по рельсамъ, хотя бы станціонные дома или мосты, замѣняемые временно парходами, или другія части дороги не были еще совершенно готовы. Все это достраивается во время самаго перѣзда пассажировъ и товаровъ.

Несмотря на тѣсноту на станціи, все скоро приходитъ въ надлежащій порядокъ, и цѣлыя горы подвезенныхъ на экспрессахъ чемодановъ ловко и быстро размѣщаются по багажнымъ вагонамъ. Около полудня поѣздъ, обогнувъ сперва холмы, окружающіе городъ, выѣзжаетъ на просторъ степей и мчится по ровному пространству между фермами, недавно лишь заложеными по обѣимъ сторонамъ дороги. Послѣдняя пролегаетъ сначала по лѣвому берегу рѣки Небраски или Платтъ-Ривера, быстрья, но мелкія воды котораго по временамъ сѣвозъ рѣдкій береговой лѣсъ виднѣются изъ окна вагоновъ. Поѣздъ останавливается здѣсь и тамъ возлѣ маленькихъ городовъ лишь для того, чтобы высадить однихъ пассажировъ и принять другихъ. Лѣтъ десятокъ тому назадъ на мѣстѣ этихъ городовъ стояло лишь по нѣскольку бревенчатыхъ блокгаузовъ, а далѣе на западъ простирались однѣ безпріютныя степи. Въ то время на всемъ огромномъ протяженіи по пути черезъ Скалистыя горы до самаго Соленаго озера не было ни одного города, и только два-три форта должны были охранять смѣлыхъ странниковъ, пускавшихся въ неоглядныя пустыни, отъ нападеній враждебныхъ индѣйцевъ. Но локомотивъ сталъ проникать въ степи и повлекъ за собой толпы поселенцевъ разнаго рода. Они болѣе всего стекались къ тѣмъ крайнимъ пунктамъ строящейся желѣзной дороги, до которыхъ открывалось по ней сообщеніе. На этихъ крайнихъ пунктахъ возникали скороспѣлые города, состоявшіе частью изъ досчатыхъ барачковъ, частью изъ простыхъ палатокъ. Тутъ собирався весь людъ, участвовавшій въ постройкѣ дороги; сюда же наѣзжали торговцы съ товарами, содержатели гостинницъ и пи-

тейныхъ домовъ или баррумовъ; а вслѣдъ за ними и аферисты разнаго рода, открывавшіе игорные дома и другія увеселительныя заведенія, служившія притонами ночныхъ оргій. Шумная, безпорядочная жизнь кипѣла въ каждомъ изъ этихъ временныхъ городовъ до той поры, пока сообщеніе по дорогѣ не открывалось далѣе, до другого крайняго пункта. Тогда обитатели перваго мѣста зачастую цѣлымъ городомъ со всѣми его бараками, палатками, товарами, игорными и питейными домами переселялись на новую станцію, и здѣсь въ свою очередь возникалъ новый городъ въ томъ же родѣ какъ и прежній. Иные города существовали такимъ образомъ лишь по нѣскольکو мѣсяцевъ, а потомъ совершенно пустѣли. Другіе же напротивъ, продолжая свое существованіе, успѣли впослѣдствіи обстроиться порядочными домами, и теперь среди пустынь они служатъ главными средоточіями для края, только-что начинающаго заселяться.

Образцомъ городовъ перваго рода можетъ служить *Джюлесбургъ* (Julesburg), находящійся въ территоріи Колорадо, въ 377-ми миляхъ отъ Омахи, куда, пробѣжавъ ночь по степямъ, мы прибудемъ на разсвѣтѣ слѣдующаго утра. Когда желѣзная дорога дошла до этого мѣста, то въ возникшемъ городѣ набралось до 6000 жителей. Въ это бойкое время Джюлесбургъ представлялъ одно изъ самыхъ опасныхъ мѣстъ для мирнаго честнаго обитателя. Развратъ, мошенничество и убійства открыли здѣсь свои притоны, привлекая въ свои увеселительныя и игорные дома работниковъ, прожигавшихъ въ нихъ свои тяжкимъ трудомъ добытыя деньги. Даже именемъ своимъ городъ одолженъ убійству, жертвой которой палъ нѣкто *Джюлесъ*. Однако уже въ слѣдующему 1868 г. Джюлесбургъ обезлюдѣлъ, и печальнымъ слѣдомъ его нѣкогда столь необузданнаго существованія осталось кладбище, подобное которому едва ли найдется гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Въ могилахъ этого страшнаго кладбища, числомъ до 80-ти, покоятся лишь три-четыре челоуѣкъ, окончившихъ жизнь свою на смертномъ одрѣ. Всѣ же остальные покойники погибли вслѣдствіе происходившихъ ссоръ и побоевъ, или доведенные до отчаянія лишали сами себя жизни, или же пали жертвой самоуправнаго суда, составленнаго изъ жителей озлобленныхъ, противъ нарушителей ихъ правъ и спокойствія, и извѣстнаго подъ именемъ суда линча. Эти покойники умерли,—какъ для краткости и большей выразительности говорится на дальнемъ Западѣ,—*въ собственныхъ сапогахъ*. Оставшіеся въ живыхъ большею частію разобрали свои дома, нагрузили ихъ на платформы, и гоняясь за сомнительнымъ прибыткомъ, перебирались далѣе по желѣзной дорогѣ, въ другой открывшійся

на живую руку городъ. А въ Джолесбургѣ въ настоящее время осталось лишь пять-шесть домишковъ, одиноко стоящихъ среди пустѣлой мѣстности.

Послѣ такихъ безотрадныхъ картинъ отжившихъ короткою жизнію поселеній, тѣмъ поразительнѣе по своему контрасту бываетъ впечатлѣніе, производимое на путника появленіемъ среди раздольныхъ степей другого рода молодыхъ городовъ, обнаруживающихъ явные задатки своего прочнаго будущаго развитія. Таковъ между прочимъ *Чайенна*, лежащій далѣе къ западу, почти въ полтораста миляхъ отъ Джолесбурга. Выѣхавъ изъ послѣдняго мѣста, мы сперва очутимся среди обширныхъ луговыхъ пространствъ, представляющихъ богатыя пастбищныя мѣста, способныя прокормить миллионы рогатаго скота. Версть на 1000 къ сѣверу и югу отъ дороги тянутся эти степные луга, обильные питательными травами, представляющіе возможность содержать круглый годъ стада на подножномъ корму: зимой, когда снѣгъ на короткое лишь время покрываетъ степи на нѣсколько дюймовъ, скотъ, разгребая его копытами, безъ труда добирается до зелѣющей подъ снѣгомъ травы. Несмѣтныя стада буйволовъ, такъ-называемыхъ американскихъ буффало, бродили по этимъ лугамъ до появленія здѣсь локомотива. Во время постройки желѣзной дороги, когда вдоль по ней поставлены были телеграфные столбы, косматые буффало причиняли не мало хлопотъ строителямъ. Бродя по степямъ, они воспользовались случаемъ почесать свою толстую шкуру о телеграфные столбы и нерѣдко опрокидывали ихъ совсѣмъ. Для того чтобы удалить животныхъ, работники придумали-было обивать столбы большими гвоздями, обращенными остриемъ къ наружи. Однако буйволы, повидимому, еще болѣе обрадовались возможности хорошенько расчесаться, и валили столбы пуще прежняго. Лишь тогда, когда чаще сталъ раздаваться гудящій свистъ локомотива по степямъ, избавились совершенно отъ колючивыхъ животныхъ, удалившихся навсегда въ другія болѣе привольныя мѣста. Надо полагать, что на этихъ кормовыхъ лугахъ въ недалекомъ будущемъ разовьется скотоводство въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. А будущимъ средоточіемъ этого скотоводства безъ всякаго сомнѣнія предназначено быть *Чайенну*, который и теперь уже носятъ названіе будущаго *Чикаго степей*.

Недоѣзжая до города, мы замѣчаемъ однако, что мѣстность передъ нами мѣняется свой общій характеръ; правда, передъ нами все еще степи, но онѣ представляются уже въ видѣ широко всхолмленной поверхности; въ пустынной дали здѣсь и тамъ выступаютъ уже отдѣльныя вершины такъ-называемыхъ пиковъ (это перекопны грады Скалистыхъ горъ). Мы подъѣзжаемъ къ ихъ подножію.

Однако, если хотимъ быть вѣрными въ изображеніяхъ своихъ очерковъ, то должны остановить здѣсь порывы фантазіи, невольныя возбужденной названіями въ родѣ пиковъ, Скалистыхъ горъ и т. д. И въ самомъ дѣлѣ, здѣсь не видать ни скалъ нагроможденныхъ другъ на друга, ни вершинъ съ причудливыми формами, ступенныхъ на тѣсномъ пространствѣ какъ въ швейцарскихъ альпахъ. Напротивъ, здѣсь, въ Скалистыхъ горахъ широко расстилаются нагорныя площади, и только мѣстами, въ разбросъ, торчатъ на нихъ вершины такъ-называемыхъ пиковъ съ не очень крутыми боками и незатѣйливыми очертаніями, такъ что здѣсь нѣтъ ничего подобнаго тому, что швейцарскіе туристы привыкли называть «горной картиной». А между тѣмъ мы, вовсе того не замѣчая, поднялись уже на довольно значительную высоту почти шести тысячъ футовъ надъ моремъ: съ такой незамѣтной для путника постепенностью подымается все выше и выше поверхность равнинъ, начиная отъ самаго города Омаха, лежащаго на высотѣ почти 1000 футовъ надъ моремъ. Далѣе—Колумбусъ находится футовъ на 400 выше, а Джюлсбургъ стоитъ еще выше на цѣлыхъ 2000 футовъ. Въ той же мѣрѣ подъемъ продолжается до Чайенна, такъ что въ среднемъ выводѣ до этого мѣста, т.-е. на разстояніи слишкомъ 500 миль отъ Омаха поверхность повышалась около 10 футовъ на каждую милю. Такая постепенность подъема степныхъ площадей, конечно, много облегчала въ этихъ мѣстахъ проложеніе рельсовъ на самыя высоты Скалистыхъ горъ.

Около полудня поѣздъ подъѣзжаетъ въ станціи Чайенна, самому значительному изъ всѣхъ городовъ по дорогѣ между Омахо и Соленымъ озеромъ. Въ настоящее время въ немъ до 3000 жителей. Небольшая рѣка, описывая дугу, орошаетъ съ двухъ сторонъ этотъ степной городъ, состоящій изъ восьми сотенъ деревянныхъ домовъ, между которыми съ дебаркадера виднѣтся театръ, вмѣщающій въ себѣ до 300 зрителей и узнаваемый по вывѣсѣ съ громкимъ названіемъ Орега-Хаусе. Въ этомъ же городѣ, недавно возникшемъ среди пустыни, находятся школы—одна общественная и двѣ частныхъ; въ немъ же издаются двѣ газеты, представляющія два органа нынѣ составляющихся между собою политическихъ партій въ штатахъ, а именно—республиканской и демократической. Городъ одолженъ своимъ развитіемъ отчасти той безопасности отъ нападеній индѣйцевъ, какою онъ пользуется благодаря близости форта Росселя, расположеннаго въ трехъ миляхъ отъ него. Этотъ фортъ, точно также какъ и другіе далеко другъ отъ друга раскинутые по степямъ форты, не представляетъ впрочемъ ничего, что напоминало бы какуи-

будь крѣпость: четырехугольная площадь съ деревянными строениями, въ которыхъ помѣщается отрядъ изъ 1000 человекъ пѣхоты и 200 кавалеристовъ, огорожена досчатымъ заборомъ— и весь фортъ, служащій для защиты города и всего окрестнаго края отъ нечаянныхъ набѣговъ краснокожихъ. Напомню еще, что компанія желѣзной дороги поставила въ Чайеннѣ одно изъ своихъ машинныхъ заведеній для разныхъ починковъ и даже круглое зданіе изъ дикаго камня для помѣщенія 20-ти локомотивовъ.

Покидая Чайеннѣ продолжаемъ нашъ путь къ западу. Тамъ, передъ нами, поперекъ дороги темнѣютъ очерки такъ-называемыхъ Черныхъ горъ (Black hills). Въ этихъ мѣстахъ горные туманы зачастую застилаютъ окрестную мѣстность; тутъ начинаютъ появляться мрачные хвойные лѣса по ущеліямъ, черезъ которыя перекинуты мосты. Все тише и тише подвигаемся мы къ крутому подъему. Не доѣзжая Шермана припрыгается на поѣздъ еще одинъ локомотивъ позади поѣзда, и при всемъ томъ онъ медленно взбирается на высоту, дѣлая не болѣе 10-ти миль въ часъ. Здѣсь дорога на каждую милю повышается футовъ на 10. Наконецъ-то мы достигаемъ высшей точки, на какую поднимается дорога въ Скалистыхъ горахъ и до какой до сихъ поръ не доходила еще ни одна желѣзная дорога на свѣтѣ. Находящаяся здѣсь станція Шерманъ лежитъ на 8200 фут. надъ уровнемъ, т. е. выше самаго высокаго обитаемаго мѣста въ Европѣ, и именно альпійскаго монастыря С-тъ Бернара (8100 фут.). Такое какъ бы случайное, но не разъ встрѣчающееся сопоставленіе во всякомъ случаѣ знаменательно въ отношеніи характеристики Старого и Нового Свѣта: тамъ высшія обитаемыя мѣста заняты монастырями, а здѣсь станціями желѣзныхъ дорогъ.

Съ дебаркадера видны 2 гостиницы, 2 пивныхъ салона и цѣль дюжины деревянными досками обшитыхъ домовъ, изъ которыхъ состоитъ Шерманъ. Лишь на три или четыре лѣтнихъ мѣсяца освобождается онъ совершенно отъ снѣгу, который выпадаетъ даже въ маѣ; а холодъ, вѣющій съ торчащихъ на югѣ сѣверныхъ вершинъ Лонгъ-пика и Пепкъ-пика, увеличиваетъ суровость нагорнаго климата тѣмъ болѣе, что Шерманъ окруженъ голою безлѣсною мѣстностью, и только бурныя каменные глыбы лежатъ по сторонамъ. Вдали, по отлогости Черныхъ горъ на сѣверѣ темнѣютъ хвойныя породы. Оттуда нерѣдко выходятъ медведи, олени, антилопы, привлекающіе въ Шерманъ любителей охоты за подобною дичью.

Выѣхавъ изъ Шермана, мы перевалимъ на другую сторону гребта. Быстро спускается по западному склону поѣздъ, увлекая

емий собственною тяжестью: въ парахъ нѣтъ уже надобности, то-и-дѣло раздается свистъ локомотива, дающій знать кондукторамъ, чтобы они тормозили сильнѣе, иначе насъ понесло бы внизъ съ сокрушительной быстротой. Мѣстами, тамъ, гдѣ дорога прорѣзана сквозь скалы, по сторонамъ являются обнаженныя горныя породы буро-краснаго цвѣта, съ продольными жилами блѣдно-розоваго и зеленоватаго оттѣнковъ.

Не долго, однако, приходится любоваться этими слабыми намеками на горныя картины; вскорѣ мѣстность становится опять ровнѣе, и локомотивъ, работая уже всѣми парами, несетъ насъ по возвышенному плоскогорію. Мы вѣзжаемъ въ равнину Лереми, ограниченную съ сѣвера и юга рядами горъ и простирающуюся миль на 25 въ ширину и 60 въ длину. Эта слегка наклонная возвышенная площадь лежитъ отъ 6 до 7-ми тысячъ футовъ надъ моремъ и представляетъ собою видъ довольно тощихъ луговыхъ пространствъ, пригодныхъ развѣ только для разведенія здѣсь обширнаго овцеводства. Подобныя мѣста въ Скалистыхъ горахъ получили мало свойственное имъ прозваніе «парковъ».

На этой со всѣхъ сторонъ открытой мѣстности, находящейся большую часть года подъ снѣгомъ, чаще прежняго встрѣчаются по сторонамъ дороги особаго рода валы, грубо сложенные изъ голыхъ камней и досчатые заборы или палисады, служащія для охраненія дороги отъ снѣжныхъ наносовъ. И валы и палисады, до 7-ми футовъ вышины, бываютъ различной длины, смотря по свойству мѣстности, и тянутся не въ дальнемъ разстояніи отъ дороги то параллельно съ ея полотномъ, то изгибаясь широкими дугами. Высокіе сугробы накопившагося около нихъ снѣга, который иначе завалилъ бы собой полотно, достаточно свидѣтельствуютъ о цѣлесообразности этихъ весьма простыхъ преградъ. Въ другихъ же мѣстахъ, гдѣ они оказывались недостаточными для защиты дороги отъ снѣжныхъ заваловъ, сооружены болѣе или менѣе длинныя крытыя галереи.

Часа три спустя по отъѣздѣ изъ Чайенна поѣздъ приближается уже къ другому городу, *Лереми*, и громкій, раздающійся съ дебаркадера *звонъ колокола* возвѣщаетъ намъ, что въ станціонной гостинницѣ готовъ обѣдъ. Пассажиры гурьбой высыпаятъ изъ вагоновъ и направляются въ обширный обѣденный залъ, уставленный столами, изобилующими разнообразными отборными блюдами. Компанія желѣзной дороги позаботилась о доставленіи всякихъ удобствъ пассажирамъ, пускающимся въ дальній пустынный путь. Съ этою цѣлью какъ въ Чайеннѣ, такъ и здѣсь на станціи Лереми ея воздвигнуты даже особыя пространныя гостинницы съ нумерами, снабженными всѣми принадлежностями.

ни утонченнаго комфорта, для желающихъ прожить на мѣстѣ нѣсколько дней. Эта покойная, даже роскошная мебель, эти ковры, зеркала и бронза въ комнатахъ поражаютъ насъ здѣсь тѣмъ пріятнѣе, что, отправляясь въ необитаемые края дальняго Запада, мы никакъ не ожидаемъ такого комфорта и, напротивъ, готовимся къ разнаго рода лишениямъ суровой страннической жизни.

По выѣздѣ изъ долины Лереми, мы слишкомъ на сутки ѣзды оставляемъ за собой всѣ признаки цивилизованнаго быта. Куда ни посмотришь, вездѣ одна и таже безводная степь, скудно покрытая пучками шалфея зеленовато-пепельнаго цвѣта, голая почва посыпана мѣстами мелкимъ камнемъ, а мѣстами на большихъ пространствахъ какъ снѣгъ бѣлѣютъ солонцы. Безпріютный, тоску наводящій видъ представляютъ эти равнины, такъ удачно прозванныя переселенцами *великой американской пустыней* (Great American Desert). Въ кое-какихъ рѣчкахъ, лѣниво пробирающихся по степямъ, вода насыщена горькими солями и вовсе негодна для питья. Малая, неприглядная станція, къ которымъ нрѣдка пристаешь поѣздъ, увеличиваютъ лишь общее впечатлѣніе безпріютной пустынности: воевругъ нихъ валяются остатки въ родѣ развалившихся кирпичныхъ трубъ, разбросанныхъ досокъ, ящичковъ, бутылокъ и мусора, свидѣтельствующіе о бывшихъ здѣсь нѣкогда зачаткахъ нынѣ покинутаго города. Хорошо еще, что большую часть безжизненнаго пути приходится быстро проѣзжать въ теченіи ночи, пользуясь притомъ удобными спальными вагонами Пельмана.

Съ наступившимъ затѣмъ утромъ мы въѣзжаемъ въ территорію Юта, занятую мормонами. Кое-гдѣ по сторонамъ дороги начинаютъ выступать чудные, фантастическіе облики горъ; настроенному пустыннымъ однообразіемъ воображенію чудятся въ нихъ то развалины громаднаго храма, то неприступные замки, то столбы и пирамиды, что далѣе, то разнообразіе становится мѣстность. Поднявшись около полудня, — т.-е. какъ разъ по истеченіи двухъ сутокъ, считая отъ Омаха, — на вторую, высшую точку этого плоскогорія, слишкомъ на 7500 футовъ надъ моремъ, поѣздъ быстрѣй и быстрѣй спускается внизъ и мчится по ущельямъ, называемымъ по-американски каніонъ (cañon). Пара рельсовъ вьется, изгибаясь, по самому краю такъ, что съ одной стороны отъ вагоновъ висятъ отвѣсныя красно-бурыя скалы, а съ другой — зіяетъ пропасть, на днѣ которой по камнямъ плещетъ горный потокъ. По мосту на высокихъ сваяхъ поѣздъ перебирается на другой берегъ русла. Скалы мѣстами сходятся такъ близко, что удивляешься смѣлости инженеровъ, незадумавшихся

прорѣзать рельсами это ущелье. Въ одномъ изъ такихъ мѣстъ возлѣ самой дороги стоитъ одинокая сосна; къ сучьямъ ея привѣшена доска съ надписью «1000 Mile Tree», т.-е. дерево 1000 миль. Инженеры воспользовались сосной для обозначенія разстоянія, совершеннаго локомотивомъ отъ города Омахъ.

Вслѣдъ затѣмъ поѣздъ вѣзжаетъ въ тѣснины, прозванныя *чертовыми вратами* (Devils gate). Проѣхавъ сквозь два недлинныхъ туннеля поѣздъ выбирается на просторъ; горы раздвигаются по обѣ стороны дороги, и передъ нами, среди весело зеленѣющихъ пажитей являются первыя поселенія мормоновъ съ ихъ домиками изъ высушенныхъ на солнцѣ вирпичей, съ ихъ фруктовыми садами и полями, искусственно орошенными стараніемъ этихъ земледѣльцевъ, не знающихъ ни цѣны, ни мѣры своему труду. Подъ вечеръ поѣздъ подкатываетъ къ Огдену, небольшому мѣстечку, откуда проведена побочная вѣтвь желѣзной дороги на югъ, прямо къ ихъ главному городу Соленого озера (Salt Lake City).

Употребивъ на проѣздъ отъ Омахъ до Огдена, т.-е. 1032 миль разстоянія, двое съ четвертью сутокъ, мы въ этомъ мѣстѣ мѣняемъ вагоны, переходя съ *Союзной* на *Центральную* желѣзную дорогу Тихаго океана, до котораго намъ осталось еще 882 мили. вмѣстѣ съ тѣмъ мѣняется также отчасти и характеръ мѣстностей, по которымъ пролегаютъ рельсы: отсюда мы вѣзжаемъ въ новый край, на встрѣчу къ новымъ для насъ предметамъ и впечатлѣніямъ.

III.

Отъ Огдена до Санъ-Франциско.

Вскорѣ по выѣздѣ изъ мормонскаго города Огдена, поѣздъ начинаетъ приближаться къ сѣвернымъ берегамъ обширнаго Соленого озера, держась при этомъ на высотѣ отъ 4000 до 5000 фут. надъ моремъ. Изъ оконъ вагона по временамъ виднѣется неогладная поверхность синихъ водъ, изъ лона которыхъ выступаютъ мѣстами горныя вершины высокихъ острововъ. По пути обратимъ наше вниманіе на станцію, нынѣ почти забытую, но игравшую важную роль при открытіи новой желѣзной дороги. *Промонтори-пойнтъ* (Promontory Point),—имя опустѣвшей теперь станціи,—служилъ съ самаго начала тѣмъ соединительнымъ пунктомъ для обѣихъ желѣзныхъ дорогъ къ Тихому океану, т.-е. для союзной и центральной, какимъ въ настоящее время слу-

жить городъ Огденъ. Здѣсь, въ Промонтори-пойнтѣ, въ 1869-мъ г. мая 10-го, происходило великое празднество по случаю соединенія рельсовъ той и другой компаніи, въ которомъ принимали участіе всѣ главные города молодой республики. Телеграфное сообщеніе было устроено—съ одной стороны съ Сакраменто, Санъ-Франциско, а съ другой съ Нью-Йоркомъ, Бостономъ, Чикаго и пр. Поѣзды съ прибывшими на нихъ участниками торжества подъѣхали сюда—одинъ съ востока, другой съ запада—и остановились на оконечностяхъ еще не вполнѣ связанныхъ между собою рельсовъ. Посѣтители вышли изъ вагоновъ и послѣдній, вылагаемый серебромъ, соединительный рельсъ былъ положенъ на свое мѣсто. Президентъ центральной желѣзной дороги серебрянымъ молоткомъ, рукоятъ котораго состояла въ связи съ телеграфной проволокой, вбилъ золотой гвоздь, служащій окончательной скрѣпою,—и вѣсть о совершившемся такимъ порядкомъ соединеніи востока и запада съ быстротой электричества разнеслась по всѣмъ концамъ Соединенныхъ Штатовъ. А локомотивы между тѣмъ по ново-наложеннымъ рельсамъ съ обѣихъ сторонъ осторожно подкатили другъ къ другу, и инженеры, стоявшіе на нихъ, подали другъ другу руки при восторженныхъ вликахъ собравшихся гостей. Подобныя событія—истинное торжество для американскаго народа, готоваго на всякія жертвы и подвиги, если дѣло касается по истинѣ производительнаго, благотворнаго предпріятія....

Миновавъ Промонтори, мы замѣчаемъ, что мѣстность, которая было-оживилась сначала вблизи Соленаго озера, опять становится пустынною: опять на цѣлыя сутки по обѣ стороны дороги потянулись безжизненные степныя пространства, то поросшія все тѣмъ же пучвообразнымъ шалфеемъ, то покрытыя солонцами. На другой день мы проѣзжаемъ по долинѣ рѣки Гумбольдта, и слѣдуя береговымъ изгибамъ, рельсы извиваются змѣей. По долинѣ встрѣчаются луговныя мѣста, годныя для земледѣлія. Кое-гдѣ по нагорной степи показываются крытыя бѣлою парусиною длинныя телѣги муверовъ, этихъ передовыхъ переселенцевъ, направляющихся далѣе на западъ съ тѣмъ, чтобы отыскать тамъ на привольѣ удобный, еще нигѣмъ незанятый участокъ для заведенія фермы. Городокъ Илько, въ территоріи Невада, въ которому поѣздъ подходитъ еще утромъ, есть мало замѣчательная станція въ долинѣ Гумбольдта. Находясь близко въ мѣстамъ, изобилующимъ серебряною рудою, Илько служитъ сборнымъ мѣстомъ для рудоправовъ и для всѣхъ заинтересованныхъ въ серебряномъ промыслѣ, которымъ территорія Невада прославилась въ послѣднее время также, какъ Калифорнія своимъ золотомъ.

Въ этихъ мѣстахъ мы встрѣчаемся также съ новыми національностями: на станціяхъ появляются индѣйцы изъ мирнаго племени Шашоновъ, одѣтые въ какія-то старыя платья и лохмотья, добытыя, какъ видно, отъ переселенцевъ. Они по старой привычкѣ вымазываютъ свои лица красно-бурою краскою; жены съ корзинами на плечахъ, изъ которыхъ выглядываютъ головы папусовъ, т.-е. дѣтей ихъ, расхаживаютъ по дебаркадеру, выжидая какой-нибудь подачки отъ пассажировъ. Своею наружностью и своими приемами эти дикіе напоминаютъ собою отчасти нашихъ цыганъ.

Впечатлѣніе совершенно противоположнаго свойства производятъ на насъ китайцы, попадающіеся теперь въ значительномъ числѣ, частью въ качествѣ работниковъ, занятыхъ починкою полотна, частью въ качествѣ прислуги на обѣденныхъ станціяхъ. Обвивъ вокругъ головы длинныя поддѣльныя косы свои, въ широкихъ бѣлыхъ рубахахъ, эти сыны Небесной имперіи стараются по возможности удовлетворить всякимъ требованіямъ наѣзжающихъ гостей. Большая часть работниковъ по центральной желѣзной дорогѣ состояла и состоитъ до сихъ поръ изъ китайцевъ. Пользуясь крайне дешевою заработною платою, которою они довольствуются, компанія только и могла съ выгодною производить свои громадныя постройки; такъ что еслибъ не явились китайцы съ ихъ дешевымъ трудомъ, то центральная дорога едва ли была бы готова къ настоящему времени.

Въ теченіи цѣлаго дня поѣздъ несется то по одному, то по другому берегу мало оживляющей окрестныя мѣста рѣчки Гумбольдта, которая наконецъ пропадаетъ въ лежащемъ близъ дороги степномъ озерѣ того же имени. По такимъ же мѣстамъ и по долинѣ подобной же степной рѣчки поѣздъ катитъ въ теченіе цѣлой ночи, приближаясь къ подножію гористаго хребта Сьерра-Невады.

Послѣ томительнаго однообразія мѣстностей, по которымъ приходилось проѣзжать въ послѣднія сутки, передъ нами открывается теперь цѣлый рядъ быстро смѣняющихся горныхъ видовъ. Въ Европѣ подобныя виды можно встрѣтить развѣ только когда проникнешь въ самые дикіе, мало-доступные притоны швейцарскихъ Альповъ, гдѣ люди и не помышляли еще о проложеніи желѣзной дороги, куда лишь на собственной подошвѣ забираются самые отъявленные туристы, и то не иначе какъ подъ руководствомъ хорошо-знакомыхъ съ горами альпійскихъ охотниковъ. Крутые скаты и глубокія ущелья Сьерра-Невады, видныя изъ окна вагона, покрыты мрачными, сосновыми лѣсами. Нерѣдко отвѣсныя скалы обнаруживаютъ каменные породы красно-

бурого цвѣта. Тамъ виднѣются бѣлоснѣжныя вершины; здѣсь, на днѣ ущелья, по краямъ котораго лѣплятся рельсы, хлещетъ по валунамъ бурный потокъ, образуя шумныя каскады. Впереди же круче вздымаются свалы, преграждая узкій горный проходъ, и уже не видать никакой возможности пробраться далѣе поѣзду. Но онъ осторожно вѣзжаетъ на высокій деревянный мостъ. Выстроенный на нагроможденныхъ другъ на друга сваяхъ и лѣсахъ, надъ самыми быстринами горнаго потока, онъ описываетъ надъ нимъ широкую дугу; и только по этой дугѣ поѣзду открылась возможность перебраться съ одной стороны потока на другую и продолжать свой путь по краю ущелья. Потому то-и-дѣло приходится проѣзжать подъ тоннелями, изъ которыхъ самый большой тянется на полверсты въ длину. На постройку этихъ тоннелей одного пороку пошло на 1 мил. долларовъ.

Проѣхавъ то мѣсто, гдѣ въ лощинѣ, окруженной горами, свѣтъ поверхность небольшого озера Доннера, поѣздъ при помощи двухъ локомотивовъ начинаетъ взбираться по весьма крутому подъему, — доходящему до 115 футовъ на каждую милю, — на вершины, покрытыя большую часть года снѣгами, сходящими отсюда лишь на короткое время самыхъ жаркихъ лѣтнихъ дней.

Въ этихъ-то мѣстахъ чаще всего появляются тѣ длинныя деревянныя галлерей или навѣсы, которые здѣсь впервые были приѣнены въ дѣло съ цѣлю предохранять полотно дороги отъ снѣжныхъ наносовъ и обваловъ. На постройку этихъ снѣжныхъ навѣсовъ (snow-sheds) воспользовались тѣми могучими соснами и пихтами, которыми изобилуютъ горы Невады. Бревна, укрѣпленные въ почву на значительную глубину, связаны на верху такими же толстыми бревнами, образующими собою крутыя крыши навѣсовъ. Кромѣ того, все сверху до низу обшито здоровыми досками, такъ что по галереѣ ѣдешь словно въ тоннель, и только благодаря щелямъ между досками проникаетъ во внутрь скудный полусвѣтъ дня.

Мѣстами среди дикой горной природы въ самыхъ галлерейхъ находятся обѣденныя станціи. Всѣ снѣжныя навѣсы въ горахъ Невады въ совокупности составляютъ протяженіе, равное почти пятидесяти верстамъ. Постройка всѣхъ выѣстъ стоила компаніи 1.731,000 долларовъ. Такъ какъ самая большая часть ихъ распределена на короткомъ разстояніи семидесяти верстъ дороги, то они и слѣдуютъ быстро другъ за другомъ, а нѣкоторые изъ навѣсовъ тянутся непрерывно на протяженіи десяти и болѣе верстъ; такъ что, проѣзжая подъ ними, изъ окна вагона только урывками открываются виды на мелькающія кругомъ снѣжныя вершины и на покрытыя хвойнымъ лѣсомъ ущелья.

При такой-то своеобразной, чудной обстановкѣ поѣздъ взбирается на высшую точку, до которой доходятъ рельсы въ горахъ Невады, тамъ, гдѣ на высотѣ слишномъ 7,000 фут. надъ моремъ, подъ снѣжными навѣсами стоитъ станція *Соммитъ* (Summit), или въ переводѣ — *Вершина*. Отсюда поѣздъ уже самъ собой, безъ помощи локомотива, спускается по крутому западному склону Сьерры. Свѣжій горный воздухъ вѣритъ мышцы; краснобурные отвѣсные скаты, уходящіе въ высь снѣжныя вершины, покрытыя дѣвственнымъ лѣсомъ склоны, падающіе въ пропасти, въ которую такъ и кажется стремглавъ несется поѣздъ, — все настраиваетъ насъ къ чему-то сверхъестественному. Дивишься только тому, какъ отважился человѣкъ вѣзвать въ каменные нѣдра горъ страшный желѣзный путь — въ эти мѣста, куда до сихъ поръ проникали только звѣрь да птица! Какими путями могъ забраться инженеръ въ эти полныя опасности ущелья? какъ устанавливалъ онъ здѣсь свой теодолитъ для того, чтобы проектировать дорогу? И теперь даже, когда проѣзжаешь по проложеннымъ уже подъ отвѣсными скалами рельсамъ, невольно спирается дыханіе. Всѣ фибры нашего организма напряжены въ ожиданіи чего-то необычайнаго впереди; и что бы тамъ ни встрѣтилось еще, но тутъ уже нѣтъ болѣе мѣста страху. Вотъ, обогнувъ за уголъ выдавшейся скалы, локомотивъ издаетъ сигнальный свистъ; вотъ — поѣздъ подкатывается къ станціи Кольфаксъ; мы выходимъ на платформу и — невольный радостный восторгъ охватываетъ насъ при видѣ чудно-зеленой лощины, разостланной между широко-раздвинувшимися горами. И опомниться некогда: какъ бы волшебствомъ перенесены мы изъ холодной снѣжной среды грозно нагроможденныхъ мертвыхъ скалъ на вершинѣ въ этотъ живоительно-чистый воздухъ, на этотъ ласкающій взоръ ярко-зеленый лугъ, осыпанный множествомъ блестящихъ золотистыхъ и разноцвѣтныхъ вѣнчиковъ.

— «Вотъ она, наша Калифорнія!» — восклицаютъ увлеченные такимъ рѣзкимъ переходомъ, пассажиры-американцы.

Спустившись съ высоты 7,000 фут. на 3,000, поѣздъ продолжаетъ отсюда быстро скатываться по наклоннымъ площадямъ цвѣтущихъ пажитей и луговъ, съ раскинутыми по нимъ широко-вѣтвистыми дубами, не образующими здѣсь группъ или рощей, а стоящими въ разбросъ, поодиоцкѣ. Весело смотрятъ быстро слѣдующія другъ за другомъ фермы съ ихъ густо-посрошными фруктовыми садами и нивами.

Поѣздъ нѣсколько разъ останавливается въ городкахъ, недавно лишь заложенныхъ, но заручившихся уже тѣмъ широкимъ размахомъ цивилизаціи, къ какому способны одни лишь молодые города Калифорнія.

Спустившись вскорѣ послѣ полудня до какихъ-нибудь 50-ти футовъ надъ моремъ, локомотивъ сдерживаетъ свою скорость и поѣздъ медленно переѣзжаетъ по длинному мосту, перекинутому надъ красноватыми водами Америкенъ-ривера. Выѣхавъ на другой берегъ, локомотивъ вскорѣ затѣмъ подкатываетъ въ станцію столичнаго города Калифорніи, *Сакраменто*, лежащаго при слияніи рѣки того же имени съ Америкенъ-риверомъ. При видѣ большихъ складочныхъ магазиновъ по лѣвую нашу сторону, и кипящихъ торговою дѣятельностью верфей по правую руку, при видѣ правильныхъ прямыхъ улицъ, обстроенныхъ многоэтажными домами, и оѣбненнаго куполомъ высокаго капитолія, и прекрасныхъ садовъ съ ихъ густою зеленью,—при видѣ всѣхъ этихъ принадлежностей хорошо обстроеннаго города, трудно вѣрится какъ-то, чтобы Сакраменто основанъ лишь двадцать лѣтъ тому назадъ. Подобно другимъ городамъ молодой Калифорніи, и эта столица ея, какъ видно, не знала переходнаго состоянія, не переживала того юношескаго возраста, какой необходимо переживаютъ всѣ, даже быстро развивающіеся города Америки на востокъ отъ Скалистыхъ горъ. Сакраменто, напротивъ того, какъ будто вышелъ изъ роскошной калифорнской почвы во всеоружіи новѣйшей цивилизаціи, подобно миеологической Минервѣ, вышедшей изъ головы Юпитера.

Послѣ четырехъ-суточного переѣзда отъ города Омахъ мы прибыли здѣсь къ концу той части желѣзной дороги Тихаго океана, которая носитъ названіе *Центральной*. Для отъѣзжающихъ изъ Калифорніи въ восточные штаты, Сакраменто служитъ такимъ же исходнымъ пунктомъ международнаго пути, какъ Омахъ для мѣстъ на востокъ отъ Миссури. До береговъ Тихаго океана намъ остается еще совершить короткій переѣздъ въ 138 миль по такъ-называемой *Западной желѣзной дорогѣ*.

Но и этой короткой поѣздки достаточно для того, чтобы увлечься ясною прелестью богатой калифорнской природы. Какой теплый и вмѣстѣ съ тѣмъ освѣжающій воздухъ! Какая густая и въ то же время яркая зелень луговъ, усыпанныхъ цвѣтами, словно блесками! При ясныхъ, но не знойныхъ лучахъ солнца даже простыя, незатѣливыя фермы или ранчи, какъ называютъ ихъ калифорнцы, съ окружающими ихъ садами, виноградниками и пшеничными полями кажутся роскошными дачами. Особенной типичной чертой всякаго калифорнскаго пейзажа служатъ непремѣнно многокрылыя мельницы, въ большомъ числѣ окружающія фермы, а также и города. Этими не очень большими, безпреставно вертающимися мельницами жители пользуются для накачиванія воды изъ колодезевъ. Даже на

станціяхъ вода для паровика набачивается обыкновенно такою же мельницей. А городъ *Стоктонъ*, къ которому подъѣзжаемъ мы часа два спустя послѣ Сакраменто, прозванъ даже «городомъ мельницъ» именно вслѣдствіе обилія ихъ въ окрестностяхъ.

До Стоктона, такого же молодого, но также уже вполне развитого города какъ и Сакраменто, наша дорога шла прямо на югъ. Отсюда же она вновь загибаетъ къ западу, подымаясь вмѣстѣ съ тѣмъ футовъ на 500 надъ моремъ, на холмы, составляющіе такъ-называемую *береговую цѣпь* (Coast range). Пребравшись черезъ нее въ Ливерморскомъ проходѣ, поѣздъ, постепенно спускаясь, въѣзжаетъ между садами въ прибрежный Окландъ, служащій для Санъ-Франциско чѣмъ-то въ родѣ предмѣстья; и тутъ уже, по рельсамъ, насланнымъ по мостовникамъ надъ мелкою заводью, локомотивъ врѣзывается въ самую бухту. Трехъ-этажный пароходъ поджидаетъ уже пассажировъ у высокихъ подмостковъ и немедленно несетъ ихъ по обширному заливу въ Санъ-Франциско, къ конечной цѣли нашего шестисуточного переѣзда по желѣзной дорогѣ. Тамъ, впереди, за Золотыми воротами, какъ называется узкій проливъ, солнце погружается уже въ воды Тихаго океана. Сввозъ золотистую дымку пара, кажимъ обыкновенно бываетъ пропитанъ воздухъ надъ далеко раскинувшимся заливомъ, видѣнъ уже самый городъ, причудливо расположенный по высокимъ песчанымъ холмамъ.

Такимъ образомъ, начавъ свою поѣздку съ поверхности Атлантическаго океана въ Нью-Йоркѣ, взобравшись на высоту горъ, Скалистыхъ и Невады, до 8,000 фут. надъ моремъ, мы вновь спустились къ поверхности океана, переѣхавъ поперекъ материка въ шесть съ половиной сутокъ. А изъ Санъ-Франциско пароходныя сообщенія открыты къ Амуру, въ Японію и Китай, къ Сандвичевымъ островамъ и въ Австралію. Не даромъ же городъ и прозванъ американцами «Царицей Тихаго Океана».

Эд. Циммерманъ.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СТАТИСТИЧЕСКИЙ КОНГРЕССЪ

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Восьмая сессія.

II *).

Восемнадцатаго августа закрыта сессія международного статистическаго конгресса въ ПетербургѢ. Пройдетъ конечно не мало времени, пока появится полный офиціальный отчетъ объ этомъ конгрессѢ, съ стенографированными преніями и рѣчами и съ полными докладами по всѣмъ вопросамъ программы, которые были рассмотрѣны. Но потребность хотя въ сжатомъ отчетѢ, съ оцѣнкою, что сдѣлано конгрессомъ по каждому пункту его программы и какихъ результатовъ можно ожидать отъ петербургской сессіи, какъ для международной, такъ и для отечественной статистики, особенно ощутительна именно теперь, пока въ обществѢ еще не исчезъ интересъ, возбужденный въ немъ кратковременнымъ присутствіемъ въ русской столицѢ лучшихъ представителей офиціальной статистики и научной ея разработки.

Чтобы хотя отчасти удовлетворить этой потребности, мы постараемся представить, насколько это возможно въ настоящее время, вѣрную картину трудовъ конгресса въ его исторической связи съ предшествовавшими конгрессами и сдѣлать оцѣнку этихъ трудовъ.

Мысль объ избраніи Петербурга мѣстомъ для одной изъ сессій международного статистическаго конгресса, впервые была высказана въ БерлинѢ въ 1863-мъ году, и встрѣченная самымъ радушнымъ обра-

*) См. выше: августъ, стр. 759.

зомъ, не переставала повторяться и на двухъ послѣдующихъ сессіяхъ, флорентинской и гагской, въ 1867 и 1869 годахъ. Извѣстно, что Россія не принимала участія въ двухъ первыхъ конгрессахъ, бриссельскомъ и парижемъ въ 1853 и 1855 годахъ, въ первомъ повидимому по недовѣрію тогдашней русской администраціи къ пользѣ подобныхъ международныхъ съѣздовъ, во второмъ, по причинѣ войны Россіи съ Франціею. На вѣнскомъ конгрессѣ въ 1857-мъ году было уже 3 представителя изъ Россіи, въ томъ числѣ одинъ офиціальный (И. В. Вернадскій), одинъ отъ русскаго географическаго общества (Е. И. Ламанскій); на лондонскомъ и берлинскомъ конгрессахъ русскихъ было уже до 13-ти человѣкъ. Дѣятельная роль, принятая русскими съ перваго появленія ихъ на конгрессахъ, скоро расположила къ нимъ лучшихъ дѣятелей иностранной статистики, и потому неудивительно, что при открытіи преній въ Берлинѣ объ избраніи мѣста для будущаго конгресса, представитель Великобританіи, д-ръ Фарръ, по поводу предложенія г. Корренти о перенесеніи слѣдующаго конгресса въ столицу итальянскаго королевства, заявилъ, что онъ готовъ согласиться на этотъ выборъ, но при этомъ напомнилъ, что конгрессъ не посѣщаль еще изъ сѣверныхъ странъ Россію. Слова эти были встрѣчены обычнымъ: Hear! Hear! (Слушайте). „Въ Лондонѣ, какъ и здѣсь (т. е. въ Берлинѣ), — продолжалъ онъ, — представители Россіи были многочисленны и оказали намъ существенную помощь. Мы были съ ними въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, и я думаю, что выражу столько же чувства цѣлаго конгресса, сколько и свои собственныя, сказавъ, что мы чрезвычайно имъ обязаны и что конгрессъ долженъ когда-нибудь посѣтить С.-Петербургъ (слушайте!)“¹⁾.

Но не всѣ были столь же дружелюбно расположены къ Россіи, какъ тотъ представитель Великобританіи; не слѣдуетъ забывать, что то былъ 1863-й годъ и что въ Европѣ было тогда не мало людей относившихся враждебно къ Россіи. Поэтому нѣкоторыми членами конгресса дѣлались попытки отклонить конгрессъ отъ мысли о Россіи, подъ благовиднымъ предлогомъ, что для успѣха международнаго конгресса, мѣсто для него избранное должно обладать двумя условіями: быть вполне нейтральнымъ, и имѣть выгодное географическое положеніе, для большаго доступа статистикамъ всѣхъ сторонъ. Такимъ мѣстомъ представлялась Швейцарія²⁾.

Поддерживая доктора Фарра въ его предложеніи имѣть въ виду для будущихъ конгрессовъ Петербургъ и отвѣчая недоброжелате-

¹⁾ Rechenschafts-Bericht über die fünfte Sitzungsperiode des internationalen Statistischen Congresses in Berlin. II Band. Berlin. 1865 стр. 522—523.

²⁾ Ibid. стр. 522.

въ Россіи, организаторъ и душа берлинскаго конгресса, докторъ пель между прочимъ сказалъ слѣдующее: „При выборѣ мѣста для конгресса, кромѣ географическаго положенія, кромѣ политическихъ догмъ страны необходимо принимать еще третье условіе во вниманіе: именно возможность подготовки конгресса съ такимъ направлениемъ, чтобы работы слѣдующаго конгресса находились въ гармонической связи съ работами предшествующаго. И если я смѣю высказать и искреннія чувства въ отношеніи этого третьяго пункта, то я малъ бы подать голосъ въ пользу Россіи, т. - е. Петербурга. Отъ насъ не могло ускользнуть, что русскіе со времени появленія своего статистическихъ конгрессахъ, не взирая на дальность разстояній, принадлежали къ числу вѣрнѣйшихъ, многочислѣннѣйшихъ и пріязнѣйшихъ его посѣтителей. И нынѣшній разъ представители этой обширной имперіи такъ дружно и усердно поддерживали насъ — достаточно напомнить, что почти всѣ они явились предъ вами докладчиками и я чувствую себя обязаннымъ выразить имъ за то специально мою благодарность и увѣренъ, что благодарность эта найдетъ отголосокъ въ собраніи“.

Обращаясь къ географическому дѣленію Европы въ отношеніи конгресса, сдѣланному Фарромъ, на сѣверную и южную, и къ правамъ той и другой; видѣть у себя конгрессъ, д-ръ Энгель заключилъ своимъ предложеніемъ: имѣть слѣдующій конгрессъ въ одной изъ странъ южной Европы, и слѣдующій за нимъ въ одной изъ странъ сѣверной Европы, и если Россія пожелаетъ принять его у себя, то въ Петербургѣ¹⁾.

Предложеніе д-ра Фарра и д-ра Энгеля было поддержано также и представителемъ Америки г. Регглесомъ²⁾. При такой постановкѣ вопроса, и по недостатку положительныхъ полномочій на приглашеніе конгресса, подобно итальянскому и швейцарскому уполномоченнымъ, въ столицу своего отечества, главному представителю Россіи, г. Семенову, оставалось сказать, „что деликатный вопросъ о выборѣ мѣста для конгресса не можетъ подлежать длиннымъ дебатамъ, а долженъ бы рѣшиться довольно единодушно, и что для достиженія этого единодушія, онъ готовъ подать голосъ безразлично въ пользу Турина или Берна, сохраняя за собою право пригласить конгрессъ отъ имени своего правительства въ Россію, какъ только конгрессъ выразитъ свое желаніе довольно единодушно“³⁾. По обычаю прежнихъ конгрессовъ, окончательный выборъ мѣста для слѣдующей его сессіи былъ предо-

¹⁾ Rechenschaftsbericht über die V Sitzungsperiode des Congresses in Berlin. II, стр. 523.

²⁾ Ibid. стр. 525.

³⁾ Ibid. стр. 525.

ставленъ берлинской организаціонной комиссіи подъ условіемъ, что она приметъ въ соображеніе желанія и заявленія, высказанныя въ собраніи ¹⁾).

Рѣшеніе, какъ извѣстно, оказалось въ пользу новой столицы итальянскаго королевства — Флоренціи.

Въ послѣднемъ засѣданіи флорентинскаго конгресса, когда открылись обычные пренія о выборѣ мѣста для слѣдующаго конгресса, г. Фарръ ²⁾ снова выдвинулъ на первый планъ Россію и высказалъ, что если Россія пригласитъ конгрессъ къ себѣ, то это приглашеніе слѣдуетъ принять по двумъ главнымъ причинамъ: „во-первыхъ—говорилъ онъ—Россія обладаетъ многочисленнымъ народонаселеніемъ, ея производительность громадна, и статистическій матеріалъ въ ней изобилуетъ; затѣмъ Россія переживаетъ великую соціальную реформу, которая дѣлаетъ изученіе ея въ статистическомъ отношеніи весьма интереснымъ: я хочу сказать объ уничтоженіи крѣпостного состоянія. Глава этой великой имперіи, принявъ эту мѣру, сдѣлалъ огромный шагъ на пути цивилизаціи, и я весьма желалъ бы, чтобы конгрессъ посѣтилъ эту страну, дабы ознакомиться съ счастливыми результатами одной изъ величайшихъ мирныхъ революцій, когда-либо совершившихся въ мірѣ.

„Я думаю, никто не сомнѣвается здѣсь, что Россія въ состояніи принять у себя конгрессъ. По опыту прежнихъ конгрессовъ, мы знаемъ, что представители Россіи особенно отличаются своимъ знаніемъ почти всѣхъ языковъ, и въ этомъ отношеніи они оказали положительныя услуги на лондонскомъ конгрессѣ. Что я говорю о лондонскомъ конгрессѣ, то безъ сомнѣнія г. Энгель засвидѣтельствуетъ о берлинскомъ“.

Поэтому г. Фарръ предлагалъ, чтобы слѣдующій конгрессъ собрался въ Россіи, а въ случаѣ отсутствія приглашенія съ ея стороны, въ Швецію, Данію или Голландію, или наконецъ въ Швейцарію. Дѣйствительно приглашенія со стороны Россіи на флорентинскомъ конгрессѣ не послѣдовало, и даже гг. Энгель и Піоза прямо заявили ³⁾, что въ частномъ совѣщаніи официальныхъ делегатовъ нѣкоторыхъ странъ, по поводу вопроса о мѣстѣ будущаго конгресса, главный представитель Россіи, директоръ центрального статистическаго комитета, заявилъ не отъ имени своего правительства, а лично отъ своего имени, что русское правительство желало бы, чтобы *на сей разъ* конгрессъ не сдѣлалъ ему чести засѣдать въ Петербургѣ. Изъ всѣхъ названныхъ г. Фарромъ странъ, одна Голландія явилась съ категорическимъ

¹⁾ Ibid. стр. 526.

²⁾ Compte rendu des travaux de la VI Session du Congrès international de Statistique réuni à Florence. 1868. стр. 453.

³⁾ Ibid. стр. 461—462.

и самым жаркимъ приглашеніемъ конгресса къ себѣ и результатомъ этого было, что седьмой международный статистическій конгрессъ засѣдалъ въ Гагѣ.

Въ заключительномъ засѣданіи гагскаго конгресса, первое предложеніе объ избраніи Петербурга для восьмой сессіи исходило отъ представителя Австріи, г. Фиккера ¹⁾. Напомнивъ о готовности Россіи съ 1863-го года видѣть у себя конгрессъ, на безпримѣрное развитіе Россіи въ послѣднія полтора столѣтія, на новую эру открывшуюся съ уничтоженіемъ крѣпостного права и на быстрые успѣхи статистики въ послѣднее время г. Фиккеръ высказалъ съ своей стороны, что въ настоящее время самымъ рациональнымъ представляется выборъ Петербурга, хотя къ числу соискателей чести видѣть у себя конгрессъ присоединилась еще и Венгрія.

Представитель официальной статистики въ Голландіи, г. Баумгагеръ, напомнивъ о духовной связи существующей со временъ Петра Великаго между этою страной и Россіею, выразилъ, что „это въ нѣкоторомъ родѣ обязанность конгресса принять приглашеніе слѣдующей его сессіи въ столицу этой великой имперіи“ ²⁾.

Г. Фаррѣ повторилъ почти то же, что было имъ сказано въ Берлинѣ и во Флоренціи, отозвавшись при этомъ съ большимъ одобреніемъ объ участіи русскихъ въ пяти послѣднихъ конгрессахъ и о докладахъ, читанныхъ ими въ Гагѣ, и заключилъ словами: „Для насъ важно изучитъ на мѣстѣ этотъ замѣчательный народъ. Я думаю, что конгрессъ могъ бы дать значительный толчокъ изученію статистической науки и ея приложенію въ Россіи. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, и еслибы я обладалъ краснорѣчіемъ гг. Баскале, Дюпре, то я прибавилъ бы, при современномъ положеніи Европы я приглашаю васъ, мм. гг., согласиться на предложеніе моихъ почтенныхъ товарищей, имѣвшихъ предшествовавшихъ, и рѣшить, что слѣдующій конгрессъ собирается въ Петербургѣ“ ³⁾.

Придерживаясь прежнихъ традицій, конгрессъ не сдѣлалъ окончательнаго постановленія по этому вопросу и предоставилъ рѣшеніе его организаціонной комиссіи, которая, принявъ въ соображеніе заявленія, сдѣланныя нѣкоторыми членами, и взвѣсивъ права тѣхъ странъ, которыя предлагали себя для засѣданій конгресса, единогласно избрала въ засѣданіи своемъ 11-го марта 1870-го года, — Петербургъ мѣстомъ для восьмой сессіи конгресса. Рѣшеніе это было принято и утверждено русскимъ правительствомъ ⁴⁾.

¹⁾ *Compte rendu des travaux de la septième session 2-e partie.* стр. 509—510.

²⁾ *Ibid.* стр. 510.

³⁾ *Ibid.* стр. 511.

⁴⁾ *Compte rendu des travaux de la septième session. 2-e partie. Introduction.* стр. XVI.

Если мы остановились довольно долго на вопросѣ о томъ, какъ совершилось избраніе Петербурга для международнаго статистическаго конгресса, то единственно потому, что въ нашей публикѣ изложенное нами было мало извѣстно, и даже въ печати высказывались мысли, что конгрессъ попалъ къ намъ чуть не нечаянно. Изъ приведенныхъ нами отрывковъ рѣчей наиболѣе уважаемыхъ представителей европейской статистики, легко убѣдиться, что уже съ 1863-го года конгрессъ стремился въ Россію и лишь по недостатку официального и дружественнаго приглашенія съ ея стороны, долженъ былъ сдерживать это стремленіе. Лишь въ Гагѣ главный представитель Россіи, г. Семеновъ заявилъ наконецъ торжественно въ общему удовольствію всего собранія, „что достоинство великой націи, какова Россія, не позволяло ему вызывать рѣшенія конгресса въ пользу выбора Петербурга; но что въ виду единодушнаго и почти свободно выразившагося желанія собранія перенести туда слѣдующій съѣздъ, онъ считаетъ за особенную честь пригласить конгрессъ въ Россію отъ имени своего правительства, уполномочившаго его на то“¹⁾).

Заявленіе это было принято самымъ сочувственнымъ образомъ, потому что въ Гагѣ желаніе иностранцевъ ѣхать въ Петербургъ было высказываемо ими непритворно; постоянно русскимъ членамъ предлагался вопросъ: будетъ ли конгрессъ приглашенъ русскимъ правительствомъ?

Приготовленія къ конгрессу въ Петербургѣ начались лишь по изданіи нидерландскою организаціонною комиссіею въ декабрѣ 1870 года отчета о гагской сессіи конгресса, и по окончаніи обычныхъ дипломатическихъ сношеній между голландскимъ и русскимъ правительствами, о готовности послѣдняго принять конгрессъ у себя. Политическія обстоятельства Европы вынудили русское правительство отсрочить VIII-ю сессію конгресса на одинъ годъ противъ установленнаго обычая двухлѣтнаго срока и назначить ее не въ 1871-мъ, а въ 1872-мъ г. Еще до учрежденія организаціонной комиссіи, директоръ центрального статистическаго комитета г. Семеновъ былъ командированъ лѣтомъ 1871-го года за границу, чтобы войти въ личныя сношенія съ представителями административной статистики въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы по различнымъ предметамъ, относящимся до предстоящаго собранія конгресса.

Окончательная организація подготовительныхъ работъ была установлена по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, высочайше утвержденному 12-го ноября 1871-го г. Для составленія проекта программы (*avant-projet*) предстоящаго конгресса, учреждена была подготовительная комиссія, подъ предсѣдательствомъ г. Семенова.

¹⁾ Ibid. стр. 512.

кова, изъ лицъ принимавшихъ наиболѣе дѣятельное участіе въ прежнихъ собраніяхъ конгресса, гг. Бушена, Вернадскаго, Вешнякова, Вильсона, Куломзина и Тернера, и сверхъ того гг. Артемьева, академика Веселовскаго и профессора Вредена. По исполненіи этою комиссіею возложеннаго на нее порученія, была учреждена подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ организаціонная комиссія, въ составъ которой, кромѣ членовъ подготовительной комиссіи, вошли члены изъ всѣхъ вѣдомствъ, близко заинтересованныхъ въ статистическихъ работахъ, предстоявшихъ VIII-ой сессіи конгресса, а именно отъ министерствъ: внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, юстиціи, государственныхъ имуществъ, народнаго просвѣщенія, путей сообщенія, военного, морского и иностранныхъ дѣлъ, отъ главнаго общества желѣзныхъ дорогъ, отъ нѣкоторыхъ ученыхъ обществъ, русскаго географическаго, вольно-экономическаго, техническаго, содѣйствія промышленности и торговли и с.-петербургскаго собранія сельскихъ хозяевъ, с.-петербургскій губернский предводитель дворянства, городскіе головы С.-Петербурга и Москвы, предсѣдатели с.-петербургской губернской земской управы и с.-петербургскаго биржевого комитета. Кромѣ того къ участію въ комиссіи были приглашены нѣкоторые лица, извѣстные своими научными трудами или принявшія на себя спеціальныя работы по нѣкоторымъ предметамъ программы. Въ полномъ составѣ своемъ организаціонная комиссія заключала до 80-ти членовъ.

Общее руководство всѣми работами организаціонной комиссіи, а равно и предсѣдательство какъ въ этой комиссіи, такъ и на самой сессіи конгресса, возложено была на министра внутреннихъ дѣлъ, съ назначеніемъ въ помощь ему трехъ вице-предсѣдателей, товарища его статсъ-секретаря князя Лобанова-Ростовскаго, товарища министра финансовъ генералъ-адъютанта Грейга и директора центральнаго статистическаго комитета г. Семенова.

Почетное предсѣдательство на конгрессѣ поручено было Е. И. В. великому князю Константину Николаевичу. Занятія подготовительной комиссіи заключались главнымъ образомъ въ составленіи краткой предварительной программы конгресса, въ которой намѣчены вопросы, предлагаемые обсужденію конгресса. Программа эта была напечатана на русскомъ и французскомъ языкахъ и разослана въ большомъ числѣ экземпляровъ въ Россіи и за-границею. Сверхъ того, подъ ближайшимъ руководствомъ предсѣдателя комиссіи напечатанъ общій сводъ постановленій предшествовавшихъ семи сессій конгресса, по плану, начертанному и исполненному г. Энгелемъ въ 1863-мъ году, и покойнымъ Маэстри въ 1867-мъ году, съ значительнымъ улучшеніемъ въ дѣленіи главъ на рубрики и съ болѣе ясной и систематической группировкой всѣхъ статей свода. Изданіе это заключаетъ болѣе 33-хъ печатныхъ листовъ и носитъ заглавіе: *Compte rendu général des travaux du*

Congrès international de Statistique aux sessions de Bruxelles (1853), Paris (1855), Vienne (1857), Londres (1860), Berlin (1863), Florence (1867), et la Haye (1869), publié par ordre du Ministre de l'Intérieur, sous la direction de P. de Sémenow, Directeur du Comité Central de Statistique en Russie. St.-Petersbourg, 1872. Этотъ сводъ представляется весьма полезнымъ для справокъ и замѣнить въ значительной мѣрѣ пользованіе отчетами предшествующихъ конгрессовъ, изъ коихъ многіе сдѣланы библіографическою рѣдкостью и существуютъ въ Петербургѣ въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ.

Подготовительная коммиссія установила также списокъ учреждений и лицъ, которыя должны быть приглашены къ участию въ конгрессѣ и опредѣлила время наиболѣе удобное для собранія VIII-го сѣзда. Хотя іюнь представлялся болѣе благопріятнымъ не только въ климатическомъ отношеніи, но и потому еще, что въ это время многія лица, участіе которыхъ въ занятіяхъ конгресса особенно желательно, не успѣли покинуть столицы; но неудобство этого срока для многихъ иностранныхъ членовъ конгресса, и невозможность окончить къ этому сроку всѣ подготовительныя работы, заставили предпочесть августъ іюню. Оказалось, что августъ какъ нельзя болѣе оправдалъ выборъ и заставилъ забыть всѣхъ членовъ конгресса, что они находятся подъ 60° сѣверной широты.

Организаціонная коммиссія приступила къ своимъ работамъ, подъ предсѣдательствомъ князя Лобанова-Ростовскаго, въ апрѣлѣ нынѣшняго года. Она утвердила выборъ вопросовъ, сдѣланныхъ подготовительною коммиссіею о распредѣленіи занятій, но вмѣсто предложенныхъ ея четырехъ отдѣленій учредила пять, въ видахъ болѣе удобнаго и равномернаго распредѣленія занятій между отдѣленіями.

Изъ 14-ти вопросовъ, поставленныхъ предшествовавшею гагскою сессіею и перечисленныхъ г. Баумгауеромъ въ предисловіи къ отчету, объ этой сессіи, петербургская организаціонная коммиссія приняла въ свою программу только четыре: 1) о графическихъ методахъ, употребляемыхъ въ статистикѣ; 2) о планѣ сравнительнаго международнаго статистическаго изданія; 3) о лучшихъ способахъ опредѣленія цѣнности ввозныхъ и вывозныхъ товаровъ, и 4) о недостаткахъ статистическихъ таблицъ, публикуемыхъ желѣзно-дорожными правленіями, относительно движенія товаровъ по желѣзнымъ дорогамъ.

Сверхъ того коммиссія включила также въ программу вопросъ, оставшійся неразрѣшеннымъ въ Гагѣ о лучшей организаціи международнаго статистическаго конгресса. Австро-Венгерскимъ правительствомъ предложенъ былъ также вопросъ о военной статистикѣ, но такъ какъ вопросъ этотъ былъ уже достаточно исчерпанъ въ Лондонѣ и Берлинѣ, то организаціонная коммиссія не нашла удобнымъ включать его въ свою программу. Для изготвленія докладовъ по каждому изъ

внесенныхъ въ программу вопросовъ, комиссія распалась на отдѣленія, изъ коихъ, первое избрало себѣ предсѣдателемъ г. Семенова, а вице-предсѣдателями гг. Форша и Макшеева и занялась вопросами объ организаціи будущихъ конгрессовъ: о методологіи статистики, о переписяхъ населенія и о медицинской статистикѣ.

Второе, посвященное постояннымъ спискамъ населенія и движенія народонаселенія, избрало предсѣдателемъ г. Гагемейстера, и вице-предсѣдателями гг. Бушена и Янсона.

Третье отдѣленіе статистики горной и мануфактурной промышленности состояло подъ предсѣдательствомъ г. Вешнякова и вице-предсѣдательствомъ гг. Юссы и Ходнева.

Четвертое, статистики торговой и почтовой, имѣло предсѣдателемъ г. Ламанскаго, а вице-предсѣдателями гг. Журавскаго и Тернера.

Пятое, статистики уголовной—работало подъ предсѣдательствомъ г. Стояновскаго и вице-предсѣдательствомъ г. Таганцева.

Плодомъ четырехмѣсячныхъ трудовъ организаціонной комиссіи былъ объемистый и полновѣсный томъ in-quarto въ 38-мъ печатныхъ листовъ *программы* (Programme), заключающей въ себѣ 21 докладъ, въ составленіи которыхъ принимало участіе столько же лицъ¹⁾; потому что хотя четыре доклада подписаны каждый двумя подписями, за то подъ четырьмя также докладами подписано одно и то же имя—директора центральнаго статистическаго комитета. Болѣе половины тома заняты приложеніями и поясненіями къ докладамъ, или замѣчаніями, доставленными отъ русскихъ и иностранныхъ членовъ конгресса. Въ числѣ этихъ работъ есть не мало весьма капитальныхъ и замѣчательныхъ, и мы будемъ еще имѣть случай подробнѣе указать на нихъ при обзорѣ работъ самого конгресса.

Печатаніе программы окончилось лишь передъ открытіемъ конгресса, а потому большинство членовъ конгресса могли ознакомиться съ нею лишь во время самой сессіи.

Приглашеніе иностранныхъ правительствъ прислать своихъ представителей на конгрессъ было встрѣчено самымъ радушнымъ образомъ въ 25-ти странахъ, которыя прислали 44 официальныхъ делегата. Сверхъ того 78 частныхъ лицъ, ученыхъ или интересующихся успѣхами статистики, отозвались на именныя приглашенія организаціонной комиссіи или заявили сами о желаніи своимъ принять участіе въ конгрессѣ, такъ что общее число иностранныхъ членовъ, пріѣхавшихъ въ С.-Петербургъ простиралось до 123. Изъ всѣхъ предшествующихъ конгрессовъ, одинъ берлинскій собралъ нѣсколько большее число ино-

¹⁾ Гг. Андреевъ, Бекъ, Бушенъ, Вешняковъ, Вреденъ, Зѣвринскій, Юсса, Кузнецъ, Майковъ, Майръ, Макшеевъ, кн. Мещерскій, Пелликанъ, Поггенполь, Раевскій, Семеновъ, Таганцевъ, Тернеръ, Утинъ, Шперкъ и Янсонъ.

странцевъ, именно: 127. Но безъ сомнѣнія такому приливу иностранцевъ на петербургскій конгрессъ не мало содѣйствовали доставленіе имъ дарового проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ отъ самой границы до Петербурга, облегченіе, обѣщанное торжественно еще на гагскомъ конгрессѣ отъ имени Главнаго общества російскихъ желѣзныхъ дорогъ однимъ изъ неофициальныхъ представителей Россіи. Затѣмъ иностранцевъ ожидали въ Петербургѣ новыя удобства. Городское управленіе желая выразить свое сочувствіе иностраннымъ членамъ конгресса, предложило имъ свое гостепріимство и предоставило въ ихъ распоряженіе готовыя помѣщенія въ пяти лучшихъ гостиницахъ, по сосѣдству съ мѣстомъ засѣданій конгресса. Сверхъ того въ распоряженіе иностранныхъ членовъ конгресса отдано было извѣстное число экипажей.

По государствамъ иностранные члены распредѣлились слѣдующимъ образомъ:

	Обще число членовъ.	Официальныхъ представителей.	Представители университетовъ и частн. обш.
Австрія	15	2	2
Бельгія	6	2	—
Бразилія	1	1	—
Великобританія	17	3	—
Венгрія	7	2	—
Германская Имперія	1	1	—
Баварія	1	1	—
Виртембергъ	1	—	—
Гамбургъ	3	1	—
Пруссія	9	1	—
Саксонія	3	3	—
Тюрингенскія государства	2	—	—
Греція	1	1	—
Данія	1	1	—
Египетъ	2	2	—
Испанія	3	1	—
Италія	10	3	1
Нидерланды	4	2	—
Норвегія	1	1	—
Португалія	1	1	—
Румынія	3	2	—
Сербія	1	1	—
Соединенные Штаты	10	3	1
Франція	5	5	—
Швейцарія	3	3	—
Швеція	3	1	—
Японія	9	—	—
Всего	123	44 ¹⁾	4

¹⁾ Д-ръ Энгель, официальный делегатъ Пруссіи, былъ также представителемъ Дессау и Коста-Рики.

Число русскихъ членовъ, приглашенныхъ и записавшихся на конгрессъ, простиралось до 520, но изъ нихъ болѣе половины или отсутствовали изъ Петербурга въ это время, или не принимали участія въ конгрессѣ.

Торжественному открытію конгресса предшествовало съ 7-го по 10-е августа, по примѣру нѣкоторыхъ прежнихъ конгрессовъ, совѣщаніе представителей официальной статистики и почетнѣйшихъ дѣятелей конгресса, или какъ принято называть эти совѣщанія со времени гагской сессіи — *avant-congrès*. Совѣщанія официальныхъ статистиковъ продолжались и во время самаго конгресса, и по окончаніи главныхъ работъ его, до официального закрытія конгресса. Предметами этихъ совѣщаній были главнымъ образомъ: вопросы объ организаціи конгресса а будущее время и о способахъ исполненія предпринятаго конгрессомъ международнаго статистическаго изданія. Къ результатамъ этихъ совѣщаній мы возвратимся по обзорѣ трудовъ конгресса съ его гдѣленіями.

Торжественное открытіе конгресса послѣдовало 10-го августа, въ залѣ ворянскаго собранія. Засѣданіе открыто было въ четверть 12-го часа ривѣтственною рѣчью, на французскомъ языкѣ, которую прочелъ почетный предсѣдатель конгресса, великій князь Константинъ Николаевичъ. Такъ какъ эта рѣчь очерчиваетъ задачу и значеніе статистики, какъ соціальной науки и важность успѣховъ ея для Россіи, и можетъ служить выраженіемъ того взгляда, который русское правительство имѣетъ на эту отрасль государственныхъ знаній, то мы приводимъ ее здѣсь вполнѣ, безъ всякихъ сокращеній.

„Наше время было свидѣтелемъ возникновенія многихъ наукъ. Различныя элементы общаго знанія, путемъ преемственности научнаго труда, подъ вліяніемъ оживляющаго духа анализа и приложенія научныхъ методовъ, группируются около нѣсколькихъ центровъ, образуя отдѣльныя научныя отрасли съ болѣе или менѣе точно опредѣленными границами.

„Къ этимъ еще юнымъ по возрасту наукамъ и принадлежитъ статистика.

„Изученіе человѣка въ его общественно-государственной жизни стало центромъ, къ которому применили различныя отрасли изслѣдованій изъ сферы общественной и государственной. Благодаря послѣдовательному расширенію этой сферы, благодаря положительному методу, прилагаемому къ изученію соціальныхъ фактовъ, благодаря, наконецъ, генію, обширнымъ знаніямъ и неутомимымъ трудамъ знаменитаго ученаго, котораго мы имѣемъ честь видѣть сегодня въ средѣ нашей и имя котораго каждый изъ васъ теперь уже вѣроятно произнесъ, статистика заняла свое мѣсто между науками. Труды многихъ изъ васъ, мм. гг., обезпечили ей самое широкое развитіе и доставили ей право гражданства между самостоятельными группами человѣческаго знанія. Правда, еще не оконченъ споръ о предѣлахъ этой науки, составляющіе ее элементы, тѣсно связанныя съ другими отраслями знанія, по необхо-

димости находятся въ соприкосновеніи съ элементами другихъ наукъ; правда, что существуетъ множество опредѣленій статистики; правда, наконецъ, что существуетъ даже мнѣніе, что статистика не наука, а искусство, даже не болѣе, какъ особый методъ изслѣдованія.

„Не стану, мм. гг., обсуждать предъ вами эти различныя мнѣнія и предлагать вамъ свое мнѣніе въ смыслѣ рѣшенія, но позволю себѣ призвать вниманіе ваше на факты, не подлежащіе никакому спору. Наблюденія, относящіяся до состоянія и движенія народонаселенія, законовъ рожденій, смертности и средней жизни, разсматриваемыя со стороны вліянія, оказываемаго на нихъ различными условіями общественно-государственной жизни, приливъ и отливъ экономическаго благосостоянія, подъ вліяніемъ тѣхъ же самыхъ условій, изученіе различныхъ явленій изъ нравственнаго міра въ средѣ человѣческаго общества—всѣ эти и многіе другіе вопросы не должны ли составлять сферы спеціальнаго изслѣдованія, совершенно независимой отъ области фізіолога, экономиста, психолога и историка?

„Если статистика не привела еще до сихъ поръ къ открытію какого-нибудь великаго міроваго закона, какъ астрономія или физика, то нельзя ставить ей этого въ упрекъ—многія науки находятся въ тѣхъ же условіяхъ. Ея изслѣдованія еще слишкомъ новы, средства, которыми она располагаетъ, еще далеки отъ желательной степени совершенства, наконецъ самое поле ея изслѣдованій слишкомъ еще ограничено, распространяясь лишь на незначительную часть обитаемаго міра. Быть можетъ, въ будущемъ статистика распространитъ свои изслѣдованія на новыя явленія общественно-государственной жизни, оставшіяся до сихъ поръ внѣ научнаго анализа; быть можетъ—и едва ли позволительно въ томъ сомнѣваться—статистика оживится съ приливомъ новыхъ фактовъ и съ приложеніемъ новыхъ законовъ, заимствованныхъ изъ другихъ областей знанія, и, благодаря этому приливу, преобразуется въ науку, которой границы и важность нынѣ невозможно предвидѣть; но это рѣшить будущее, въ своемъ же настоящемъ статистика имѣетъ предъ собою еще обширную почву для воздѣлыванія.

„Но, признавая за статистикой значеніе науки, призванной устанавливать законы соціальной физики, невозможно, однакожь, отрицать, что самое слово „статистика“ заключаетъ въ себѣ понятіе объ извѣстной отрасли административной техники: отсюда—смѣшеніе понятій о статистикѣ какъ о наукѣ и искусствѣ. Техника, т. е. систематическая группировка собранныхъ статистикою данныхъ, имѣетъ громадную важность, и отъ способа, по какому производится эта операція, зависятъ болѣею частью и результаты, которыхъ достигаетъ наука. Чѣмъ совершеннѣе способы и операціи, которыми пользуется статистика—записи постоянныя и періодическія и т. п.—тѣмъ вѣрнѣе и прочтѣе прогрессивный ходъ науки. Что же касается до значенія статистики, какъ метода, нужно сдѣлать одно замѣчаніе: наиболѣе свойственный статистикѣ методъ изслѣдованія—т. е. исчисленіе, математическіе выводы—съ успѣхомъ прилагается и въ другихъ наукахъ; но не слѣдуетъ заключать отсюда, чтобы изучаемыя тѣми науками явленія могли относиться къ области статистики, равно какъ нельзя не признать самостоятельности статистической науки.

„Но называется ли статистика наукою, искусствомъ или методомъ—неоспоримо, что она существуетъ для блага человѣчества. Какия ея

дѣль? Къ чему стремятся усилія посвящающихъ ей свои труды? Къ изслѣдованію подъ вліяніемъ какихъ законовъ и учрежденій, при какихъ физическихъ и экономическихъ условіяхъ благосостояніе человѣческое совершеннѣе и къ раскрытію источника зла, задерживающаго прогрессъ человѣчества. Наставленіе, обращенное къ человѣку учителемъ древности: „познай самого себя“, можетъ относиться и ко всему обществу. Но такъ какъ человѣкъ можетъ достигнуть своего полного развитія только въ организованномъ обществѣ, то статистика является неизбежною помощницею всякаго органа общественно-государственной жизни. Слова эти, мм. гг., исходятъ не изъ теоретическаго убѣжденія, а изъ личнаго опыта, пріобрѣтеннаго мною въ качествѣ предсѣдателя государственнаго совѣта. Какъ морякъ, я позволю себѣ здѣсь одно сравненіе, именно: я сравниваю статистику съ маякомъ. Какимъ образомъ могъ бы кормчіи избѣжать мелей, подводныхъ камней, крушенія, если бы не эти спасительные огни, бросающіе съ берега свой предохранительный свѣтъ? Правда, что долгое время эти научные маяки тускло свѣтили человѣчеству. Однакожъ, здѣсь, какъ и вездѣ, нельзя не замѣтить нѣкотораго прогресса. Въ настоящее время всѣ правительства признали значеніе статистики и не отступаютъ уже предъ улучшеніемъ статистическихъ учреждений или предъ расширеніемъ области изслѣдованій этой науки. Учрежденіе конгресса обратило на эту науку особенное вниманіе правительствъ. Стремясь къ плодотворной дѣлѣ объединенія статистическихъ изслѣдованій и уже достигнувъ его въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, труды конгресса всегда вызвали развитіе статистическихъ операцій и изслѣдованій въ тѣхъ странахъ, которыя имѣли честь принимать у себя конгрессъ. Русское правительство внимательно слѣдило за трудами конгресса, въ особенности съ третьей вѣнской сессіи его, и съ живымъ удовольствіемъ приняло рѣшеніе гаагской сессіи устроить слѣдующій съѣздъ въ Петербургѣ. Русское правительство, считая для себя честью принимать столько славныхъ представителей научной и практической статистики отъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ міра, видитъ въ настоящемъ собраніи залогъ будущаго прогресса статистической науки въ нашей странѣ. Живой обмѣнъ идей и наблюденій, пріобрѣтенныхъ опытомъ, связи, которыя не замедлятъ соединить иностранныхъ статистическихъ учрежденій съ русскими, нравственная обязанность привести въ исполненіе постановленія конгресса—все это послужитъ дѣлу статистики и будетъ способствовать развитію ея въ странѣ.

„Позвольте мнѣ, мм. гг., выразить мысль, что успѣхъ статистики въ Россіи послужитъ къ успѣху и статистической науки вообще. Географическое положеніе Россіи, обширное пространство ея территоріи въ двухъ частяхъ свѣта, цифра ея народонаселенія, придають статистическимъ изслѣдованіямъ въ нашей странѣ глубокой интересъ.

„Условія общественно-государственной жизни въ Россіи, при сравненіи ихъ съ такими же условіями въ другихъ европейскихъ государствахъ, во многомъ различны: эти различія зависятъ отчасти отъ географическихъ условій Россіи, отчасти отъ меньшей продолжительности ея политической жизни, отчасти, наконецъ, отъ особенностей національнаго характера.

„Съ одной стороны, ни въ какомъ другомъ европейскомъ государствѣ изслѣдуемыя статистикою явленія не представляются менѣе

сложными, чѣмъ въ Россіи. Обширная часть имперіи населена однимъ и тѣмъ же племенемъ, исповѣдующимъ одну религію; цѣлыя территоріи почти не имѣютъ городовъ и заняты однимъ сельскимъ населеніемъ; области одной и той же промышленности распространяются на нѣсколько десятковъ градусовъ широты и долготы. Однѣ и тѣ же бытовныя особенности встрѣчаются на обширныхъ пространствахъ, отъ лѣсовъ сѣвера до степей юга. Очевидно, что статистическія данныя, полученныя при подобныхъ условіяхъ и на такомъ обширномъ пространствѣ, легче поддаются анализу, и что становится притомъ нетруднымъ открыть постоянныя и перемѣнныя причины, обусловливающія изслѣдуемые факты. Съ другой стороны, явленія общественной и частной жизни въ Россіи не лишены и разнообразія, иногда даже и весьма значительнаго. Заклучая въ своихъ предѣлахъ всѣ климаты и всѣ почвы, равнины и горы, степи и лѣса, множество различныхъ племенъ различной вѣры, отличающихся между собою степенью умственного и нравственнаго развитія, Россія представляетъ поле изслѣдованій, полное интереса какъ для статистика-демографа, такъ и для статистика-экономиста. Первый найдетъ глубокій интересъ въ изученія вліянія, оказываемаго физическими условіями расъ на законы движенія и возрастаніе народонаселенія, въ изученіи вліянія, оказываемаго различными степенями умственного развитія на проявленіе природы человѣка. Не меньшій интересъ представитъ статистику-экономисту какъ разнообразіе отношеній народонаселенія къ пространству, проявляющееся въ различіи плотности населенія, равной въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи той, какая замѣчается въ центральныхъ частяхъ Европы, а въ другихъ спускающаяся до крайняго minimum'a, такъ и разнообразіе виды человѣческой дѣятельности,—отъ скотоводства юго-восточныхъ кочевниковъ, птицеводства и звѣроловства обитателей крайняго сѣвера до самаго высокаго проявленія умственной и технической дѣятельности.

„Правильность, систематическій порядокъ и разнообразіе статистическихъ наблюденій, собранныхъ на обширномъ пространствѣ Россіи и надъ 80-милліоннымъ народонаселеніемъ, доставятъ наукѣ драгоценныя матеріалы и послужатъ къ расширенію статистическихъ выводовъ, а равно и къ выясненію многихъ спорныхъ вопросовъ.

„Съ этими мыслями и въ твердомъ убѣжденіи, что ваши труды послужатъ на пользу науки и моего отечества, привѣтствую васъ отъ имени моего Августѣйшаго брата и объявляю сессію конгресса открытою“.

За рѣчью почетнаго предсѣдателя послѣдовало окончательное образованіе бюро конгресса. По предложенію г. Фарра, согласному съ обычаями конгресса, временное бюро его, составленное изъ предсѣдателей и вице-предсѣдателей организационной комиссіи, определено обратить въ постоянное и окончательное бюро; но затѣмъ, по предложенію г. Семенова, собраніе рѣшило призвать въ бюро, въ качествѣ почетныхъ вице-предсѣдателей, официальныхъ представителей 24-хъ странъ: гг. Кетле—отъ Бельгіи, Фарра—отъ Великобританіи, Энгеля—отъ Пруссіи, Мейцена—отъ Германіи, Фиккера—отъ Австріи, Левассера—отъ Франціи, Берга—отъ Швеціи, Корренти—отъ Италіи, Макса Вирта—отъ Швейцаріи, Баухауера и Виссеринга—отъ Голландіи, Кьерра—отъ Норвегіи, Келет—

отъ Венгріи, Юнга—отъ Соединенныхъ Штатовъ, Шарлинга—отъ Дании, Майера—отъ Баваріи, Паскуаля де-Виллмара—отъ Испаніи, вивонта де-Фиганьера—отъ Португаліи, де-Форнгагена—отъ Бразиліи, Манзоласи—отъ Греціи, Лаговари—отъ Румыніи, Якшича—отъ Сербіи, де-Репли—отъ Египта, Феремана—отъ Гамбурга и Фауля—отъ Мекленбургъ-Шверина.

Секретарями собранія кромѣ русскихъ: гг. Вильсона, Майкова, Равескаго и Бока, сохранившихъ это званіе, признаны изъ иностранныхъ членовъ конгресса: гг. д-ръ Майеръ (Баварія), Бодио (Италія), Вормсъ (Франція), Эрбенъ (изъ Праги), Гаммикъ (Англія), Пенкавитцъ (Румынія) и графъ Пусловскій.

По окончательномъ образованіи бюро конгресса, представители Англіи, Франціи и Пруссіи каждый на своемъ языкѣ выразили чувства признательности собранію и выраженіе удовольствія, что конгрессъ собрался въ Петербургѣ, что свидѣтельствуеть о постоянномъ расширеніи статистикою ея предѣловъ, и наконецъ надежду на плодотворные результаты этого конгресса не только для Россіи, но и для другихъ странъ, приславшихъ своихъ представителей. Затѣмъ гг. Семеновъ, Кетле, Корренти, Фиккеръ, Баумгауеръ, Бушенъ, Фарръ и Левассеръ напомнили собранію о потеряхъ, которыя понесла статистика со времени послѣдней сессіи, въ лицѣ Маэстри, Тройницкаго, Шпрингера, Фридриха Штейна, Валентина Стрефлера, Судемана, Шницера, Чарльза Беббеджа и Жюля Дювала; къ этимъ именамъ мы присоединимъ еще и тѣ, которыя были названы въ предпослѣднемъ общемъ собраніи 17-го августа, а именно: Швигамме, Моро де-Жоннеса, Амброзоли и Фибана.

Сверхъ того собраніе по предложенію гг. Баумгауера и Фарра почти дружными рукоплесканіями воспоминаніе объ отсутствующемъ, наистомъ представитель датской статистики г. Давидъ.

Изъ залы Дворянскаго Собранія члены конгресса перешли въ зданіе министерства внутреннихъ дѣлъ, гдѣ въ верхнемъ этажѣ устроены были помѣщенія для засѣданія отдѣленій. Три обширныя залы были предназначены исключительно для этихъ засѣданій, сверхъ того была устроена читальная комната, снабженная газетами на всѣхъ языкахъ, одна комната была отведена для помѣщенія секретаріата конгресса и наконецъ въ одной комнатѣ были выставлены изданія, привезенныя представителями разныхъ странъ въ даръ конгрессу, а также и изданія русскаго статистическаго комитета и другихъ правительственныхъ и общественныхъ учреждений въ Россіи. Подобныя выставки на всѣхъ конгрессахъ занимали весьма важное мѣсто и давали возможность наглядно ознакомиться съ тѣмъ богатствомъ матеріаловъ, которое офиціальная ста-

тистика, или—какъ г. Энгель ввелъ еще съ берлинскаго конгресса въ обычай выражаться, *производители* статистическихъ цифръ доставляютъ ихъ *потребителямъ*, т.-е. образованной публикѣ, ими интересующейся и въ особенности ученымъ, занимающимся изслѣдованіемъ разныхъ социальныхъ вопросовъ при пособіи этихъ цифръ, какъ симптомовъ состоянія общества въ ту или другую минуту.

Не имѣя возможности останавливаться даже на самыхъ интересныхъ иностранныхъ изданіяхъ, принесенныхъ въ даръ конгрессу, мы отмѣтимъ здѣсь, что подобныя приношенія сдѣланы почти всѣми странами, имѣвшими своихъ представителей на конгрессѣ и затѣмъ укажемъ на изданія, приготовленные къ нынѣшней сессіи и ей представленныя здѣшнимъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ. Они состоятъ изъ шести выпусковъ: 1-й, вышедшій еще весною, посвященъ пространству и населенію Россіи; 2-й заключаетъ матеріалы для статистики рѣчного судоходства въ европейской Россіи, составляющіе подготовку къ работѣ, выпавшей на долю Россіи по этому именно вопросу въ международномъ статистическомъ изданіи, предпринятомъ на основаніи рѣшенія, состоявшагося въ Гагѣ; 3-й представляетъ въ высшей степени интересный сводъ матеріаловъ для изученія кустарной промышленности и ручного труда въ Россіи, собранныхъ статистическими комитетами по 17-ти губерніямъ и обработанныхъ редакторомъ центрального комитета Майковымъ, преимущественно въ виду особаго отдѣла, бывшаго на московской политехнической выставкѣ; 4-й заключаетъ свѣдѣнія о внѣшней торговлѣ Россіи и о русскомъ торговомъ флотѣ съ 1865-го по 1869-й г.; 5-й—статистику почтъ, телеграфовъ, ярмарокъ и пожаровъ въ Россіи, и 6-й содержитъ матеріалы для статистики заводско-фабричной промышленности въ европейской Россіи, за 1868-й г., обработанные г. Вокомъ. Сверхъ того комитетъ издалъ карту важнѣйшихъ отраслей производительности европейской Россіи, которая по отчетливости исполненія своего обратила вниманіе иностранцевъ и въ особенности докладчика по географическому методу г. Левасера.

10-го числа отдѣленія собрались только для выбора председателей, вице-председателей и секретарей, самыя же работы начались лишь на слѣдующій день и продолжались всего три или четыре дня, 11-го, 12-го, 14-го и отчасти 16-го августа, въ такомъ притомъ порядкѣ, что 1-е, 4-е и 5-е отдѣленія засѣдали по утрамъ съ 10-ти до 1 часу, а 2-е и 3-е съ 2-хъ до 5-ти пополудни. Этимъ распредѣленіемъ, въ которомъ г. Фаррѣ видѣлъ нѣкоторое улучшеніе (improvement) въ сравненіи съ прежними конгрессами, была достигнута возможность для разныхъ членовъ, и въ особенности для официальныхъ представителей, посѣщать по крайней мѣрѣ два отдѣленія, не теряя нити засѣданій въ обоихъ, что было особенно важно при однородности пред-

летовъ нѣкоторыхъ отдѣленій и при необходимости соглашенія между ихъ работами. Но нельзя не сознаться, что трехдневный срокъ, назначенный для работъ въ отдѣленіяхъ, былъ слишкомъ коротокъ, и самое ограниченіе времени занятій утренними или послѣполуденными часами еще болѣе сокращало и этотъ короткий срокъ. Если всѣ отдѣленія успѣли въ нынѣшнюю сессію исчерпать свою программу, то это единственно потому, что многіе вопросы для большаго успѣха были выдѣлены въ спеціальныя подъ-коммиссіи, которыя работали независимо отъ отдѣленій и представляли имъ лишь результаты своихъ трудовъ.

Общее число лицъ, приписавшихся къ отдѣленіямъ, простиралось до 325 человекъ, въ томъ числѣ 202 русскихъ и 123 иностранцевъ; но такъ какъ нѣкоторые приписывались къ двумъ и даже болѣе отдѣленіямъ, то составъ каждаго отдѣленія представлялся въ слѣдующемъ видѣ:

		Число лицъ принадлежащихъ къ бюро.		Число русскихъ членовъ.	Число иностранн. членовъ.	Всего.
		русск.	иностр.			
Въ 1-мъ отдѣленіи		4	7	97	41	149
„ 2-мъ	„	5	5	36	23	69
„ 3-мъ	„	8	7	49	29	93
„ 4-мъ	„	7	10	54	22	93
„ 5-мъ	„	1	6	30	22	59
Итого		25	35	266	137	463

Такимъ образомъ, число русскихъ членовъ конгресса, принявшихъ участіе въ его работахъ, составляло 62%, а иностранныхъ—38%.

Переходя къ обзорѣнью самыхъ работъ конгресса по отдѣленіямъ, мы изложимъ ихъ въ связи съ трудами прежнихъ сессій и съ предварительными работами организаціонной комиссіи, а также и въ связи съ рѣшеніями общаго собранія по каждому вопросу.

Первое отдѣленіе, имѣя во главѣ своей почетнымъ президентомъ г. Кетле, дѣйствительнымъ—г. Семенова, вице-президентами—иностранцевъ гг. Фиккера, Берга, Кьерра и Боденгеймера, изъ русскихъ—г. Форша, и секретарями изъ иностранцевъ А. Фиккера, Г. Фиккера, Принципальди, Самуэля Броуна, Кастильони, а изъ русскихъ г. Майкова, Струве и графа Пусловскаго, сосредоточилось главнымъ образомъ на вопросѣ о переписяхъ, выдѣливъ изъ остальныхъ частей своей программы номенклатуру занятій (profession) въ 3-е отдѣленіе, вопросы о графическомъ и географическомъ методахъ статистики въ особую комиссію, подъ предсѣдательствомъ гг. Фиккера и Форша, и

вопросы по регистраціи данныхъ, относительно физическаго развитія человѣка и вопросы по санитарной статистикѣ, а именно о холерѣ и сифилисѣ, въ другую комиссію подъ предсѣдательствомъ академика Миддендорфа.

Вопросъ о переписяхъ населенія обращалъ на себя постоянное вниманіе конгресса почти во всѣхъ его сессіяхъ и былъ, можно сказать, главнымъ центромъ, около котораго вращались занятія конгресса. Основанія для этой важнѣйшей статистической операціи были начертаны въ брюссельскую сессію 1853-го года, затѣмъ онѣ были подтверждены пересмотру въ парижскую сессію 1855-го и въ лондонскую 1860-го г., и наконецъ пополнены новыми рѣшеніями берлинской и флорентинской сессіи 1863-го и 1867-го годовъ. Рѣшеніями своими конгрессы имѣли положительное вліяніе на внесеніе въ народныя переписи вмѣсто прежняго чисто административнаго и фискальнаго характера, строгихъ требованій науки, и почти во всѣхъ странахъ Европы послѣднія переписи по способу ихъ организаціи и исполненія удовлетворяютъ уже въ значительной мѣрѣ требованіямъ конгресса и обнаруживаютъ замѣтное улучшеніе. Даже въ Россіи, несмотря на громадность ея территоріи и разбросанность населенія, представлявшія повидимому неодолимое препятствіе для однодневныхъ переписей населенія, съ соблюденіемъ важнѣйшихъ требованій конгресса, подобныя переписи были произведены въ Петербургѣ, Москвѣ, Ригѣ, во многихъ городахъ и даже въ цѣлыхъ губерніяхъ, и въ недалекомъ будущемъ предполагается распространить подобныя переписи на всю имперію. Но долготѣннй и разносторонній опытъ производства переписей въ разныхъ странахъ, съ строгимъ по возможности соблюденіемъ требованій науки, доставилъ множество полезныхъ указаній, на основаніи которыхъ остается еще выяснитъ нѣкоторые вопросы, оставшіеся, если и не совершенно темными, то неопредѣленными, устранить то, что оказывается бесполезнымъ, дополнить требованіями вѣка и успѣховъ науки, въ особенности же методологіи статистики, сдѣлать нѣкоторые опредѣленія болѣе точными и строго отдѣлить то, что необходимо для международной статистики отъ того, что можетъ быть представлено частной статистикѣ каждой страны. Съ этою цѣлью организаціонною комиссіею нынѣшняго конгресса представленъ былъ особый докладъ, составленный г. Семеновымъ, который обнималъ вопросъ о перемѣнахъ населенія съ пяти точекъ зрѣнія: 1) со стороны распространенія переписей на наличное и приписное населеніе; 2) со стороны времени и продолжительности производства переписей; 3) со стороны квартирныхъ листковъ, какъ основанія переписи и 4) со стороны способовъ производства и контроля переписей, и 5) со стороны свѣдѣній, подлежащихъ собиранію о каждомъ лицѣ.

Принципъ переписей именныхъ, провозглашенный брюссельскимъ

конгрессомъ и подтвержденный лондонскимъ, въ настоящее время господствуетъ во всей Европѣ главнымъ образомъ и принципъ, по которому переписи подвергается одно только наличное населеніе (*population de fait*), на основаніи рѣшеній брюссельскаго, лондонскаго и флорентинскаго конгрессовъ былъ примѣнимъ также во всѣхъ послѣднихъ переписяхъ; но уже во времена брюссельской сессіи конгрессъ признавалъ желательнымъ распространеніе исчисленій и на приписное населеніе (*population de droit*), не предписывая его, однако, безусловно; флорентинскій конгрессъ пошелъ еще дальше, требуя кромѣ исчисления наличнаго и приписнаго населенія, еще исчисления того, что немцы называютъ *Wohnbevölkerung*, т.-е. лицъ, случайно находящихся въ отсутствіи изъ мѣста, гдѣ производится перепись, хотя оно и принадлежитъ неразрывно къ семействамъ, подвергнутымъ переписи. Сюда особенно относятся лица, временно отсутствующія, и въ минуту переписи находящіеся внѣ всякаго жилища, напр. въ дорогѣ, на охотѣ, на промыслахъ и т. п. Такія лица ускользаютъ нынѣ совершенно отъ переписи, несмотря на всѣ принимаемыя мѣры.

Изложивъ способы, употребляемые въ разныхъ странахъ при производствѣ переписей, для опредѣленія пребываетъ ли лицо въ данной мѣстности постоянно, или временно, и на какомъ основаніи, докладчикъ приходилъ къ убѣжденію въ пользу констатирования для каждой мѣстности, кромѣ наличнаго населенія, еще населенія дѣйствительнаго (*population effective* или *Wohnbevölkerung*) и приписнаго, и предлагалъ рядъ мѣръ для осуществленія этого. Опредѣленіе дѣйствительнаго населенія казалось ему необходимымъ для знанія состава семействъ и для записи лицъ, которыхъ перепись застаётъ отсутствующими; приведеніе въ извѣстность населенія приписнаго казалось ему полезнымъ не только какъ средство для повѣрки постоянныхъ списковъ населенія, но и потому еще, что періодическое сравненіе дѣйствительнаго населенія съ приписнымъ одно даетъ возможность опредѣленія для каждой мѣстности числа жителей, которые несмотря на свое отсутствіе сохраняютъ съ нею свои связи, а также возможность оцѣнки вліянія, нерѣдко весьма значительнаго, оказываемаго лицами этой категоріи на производительность страны, и вообще на экономическія отношенія различныхъ мѣстностей между собою.

Вопросъ этотъ возбудилъ самыя оживленныя пренія въ 1-мъ отдѣленіи конгресса, въ которыхъ главное участіе приняли гг. Бергъ, Боденгеймеръ, Фарръ, Энгель, Фиккеръ, Левассеръ, Виртъ, Совёръ, Керези и Кастильони. Изъ этихъ преній выяснилось, что прежде всего необходимо знать точно наличное населеніе, т.-е. населеніе, находящееся въ день переписи. Это единственный способъ узнать сумму населенія, избѣгнуть двойныхъ показаній и пропусковъ. Если въ день, назначенный для переписи будутъ записаны всѣ лица, находившіеся

въ каждой мѣстности той страны, то получится цифра наиболѣе близкая къ истинной цифрѣ цѣлаго населенія. Нѣкоторыя страны, какъ, напр., Англія могутъ удовольствоваться этою цифрою; другія, напротивъ, имѣютъ надобность по разнымъ случаямъ отдѣлять въ своихъ статистикахъ постоянную часть населенія отъ подвижной и желаютъ знать населеніе въ обычномъ его мѣстопребываніи. Въ прежнихъ трудахъ конгресса это населеніе по мѣсту его жительства (*population à demeure, Wohnbevölkerung*) называлось дѣйствительнымъ; но такъ какъ этотъ терминъ былъ только повтореніемъ, въ формѣ прилагательнаго, термина, употребляемаго для цѣлаго населенія, признано было необходимымъ избрать другое выраженіе. Думали одно время взять слово *мѣстопребываніе* (*domicile*), но должны были также отказаться отъ него, потому что это слово на юридическомъ языкѣ имѣетъ особенное значеніе, непримѣнимое здѣсь, потому что имъ хотѣли означить не то населеніе, которое имѣетъ право пребывать въ мѣстностяхъ, гдѣ производится перепись, а то, которое имѣетъ тамъ свое жилище и дѣйствительное мѣстопребываніе. Поэтому отдѣленіе остановилось на выраженіи *обычное жительство* (*séjour habituel*) или *обычное пребываніе* (*résidence habituelle*). Г. Боденгеймеръ предлагалъ еще выраженіе *настоящее населеніе* (*population présente*) для означенія населенія, подвергаемаго переписи, и населеніе дѣйствительное (*population effective*) для означенія того населенія, которое имѣетъ обычное пребываніе въ мѣстности, подвергнутой переписи.

Есть еще третій родъ населенія, который нѣкоторыя страны желаютъ знать, именно приписное. Французы, бельгійцы, подданные германской имперіи или всякой другой страны, признающей національный индигенатъ, безъ всякаго ограниченія, и допускающей наиболѣе возможную свободу въ дѣлѣ водворенія и мѣстопребыванія, не дѣлаютъ различія между населеніемъ имѣющимъ обычное пребываніе и населеніемъ приписнымъ; но не то бываетъ вездѣ, и въ нѣкоторыхъ странахъ совершенно необходимо констатировать населеніе, имѣющее право пребывать въ различныхъ мѣстностяхъ. Поэтому отдѣленіе опредѣлило, что для избѣжанія недоразумѣній и предупрежденія двойныхъ записей надо различать: а) наличное или настоящее населеніе; б) населеніе по мѣсту его жительства, въ обыкновенномъ смыслѣ слова мѣстожительства (*domicile*), и в) населеніе приписное или законное.

Подъ наличнымъ или настоящимъ населеніемъ (*population de fait ou présente, ortsanwesende Bevölkerung*) разумѣтся общее число лицъ присутствующихъ въ мѣстѣ производства переписи, во время самой переписи.

Подъ населеніемъ имѣющимъ обыкновенно мѣстопребываніе (*population de séjour habituel, domiciliée*, въ обыкновенномъ значеніи слова

lomicile, effective, de résidence habituelle, Wohnbevölkerung) разумѣтся, независимо отъ ихъ присутствія или отсутствія, всѣ лица, обыкновенно живущія въ мѣстѣ производства переписи, т.-е. наличное население, съ присоединеніемъ къ нему лицъ временно отсутствующихъ, но за исключеніемъ лицъ находившихся въ той мѣстности только временно при переписи.

Подъ населеніемъ приписнымъ или законнымъ (Wohnsitz-, oder Heimathberechtigte Bevölkerung) разумѣтся население, имѣющее свое законное мѣстопробываніе въ мѣстѣ переписи и ниматрикулированное или приписанное, насколько законная приписка существуетъ. Отдѣленіе пришло въ заключенію, что общія переписи населенія должны имѣть именныя и распространяться только на наличное население. Установленіе же однообразныхъ международныхъ правилъ для опредѣленія населенія, обыкновенно пребывающаго и населенія приписного, признано пока невозможнымъ, по разнообразію въ этомъ отношеніи законодательства въ разныхъ странахъ и въ разное время.

Въ отношеніи времени производства переписей конгрессы брюссельскій и лондонскій уже рѣшили, что онѣ должны возобновляться каждыя десять лѣтъ, а лондонскій при этомъ высказался и въ пользу сохраненія пятилѣтняго срока для тѣхъ странъ, гдѣ онѣ уже существуютъ. Десятилѣтній срокъ переписей существуетъ нынѣ въ большей части государствъ Европы; въ Англіи, Бельгіи, Голландіи, Даніи, Норвегіи, Австро-Венгріи, Швейцаріи, Италіи, Испаніи и Португаліи; пятилѣтній срокъ, установленный во Франціи и въ Швеціи, совпадаетъ съ временемъ производствъ большей части 10-ти-лѣтнихъ переписей. Явля въ одной Германіи съ 1834-го года принять трехлѣтній срокъ, но статистическая коммиссія депутатовъ таможеннаго союза уже высказалась въ февралѣ 1869-го г. въ пользу принятія и для Германіи пятилѣтнихъ сроковъ для народныхъ переписей.

Брюссельскій и лондонскій конгрессы указали на декабрь мѣсяцъ, какъ на время года, наиболѣе удобное для производства народныхъ переписей, потому что население тогда наиболѣе находится въ движеніи. Въ настоящее время переписи производятся во всей Европѣ въ декабрѣ, исключая Англіи, гдѣ послѣдняя перепись 1871-го года была 2-го апрѣля 1871-го года и Даніи, гдѣ она была 1-го февраля 1871-го года.

Лондонскій конгрессъ въ особенности настаивалъ на необходимости, чтобы перепись была производима въ одинъ день, или по крайней мѣрѣ, если по какимъ-либо обстоятельствамъ это невозможно, чтобы былъ назначаемъ наикратчайшій срокъ, и чтобы исчисленіе всего населенія было относимо къ одному опредѣленному дню во всей странѣ. Требованіе это исполняется нынѣ во многихъ странахъ. Въ Бельгіи, во Франціи, въ Португаліи, Швейцаріи, Италіи, Австро-Вен

грии, Швеція и Норвегія переписи если и не производятся въ одинъ день, то сводятся къ одному дню и даже къ одному и тому же — 31-му декабря; въ государствахъ таможенного союза и въ Голландіи — 1-го декабря, въ Испаніи — 25-го декабря.

Въ этомъ отношеніи нынѣшній конгрессъ ограничился лишь подтвержденіемъ рѣшеній прежнихъ конгрессовъ, выразивъ желаніе, чтобы при производствѣ одной переписи въ 10-ть лѣтъ, былъ избранъ для этого годъ кончающійся нулемъ.

Въ отношеніи организаціи и контроля переписей конгрессъ также подтвердилъ лишь то, что уже было постановлено въ Брюсселѣ и въ Берлинѣ, т.-е. что это предоставляется усмотрѣнію правительства каждой страны, сообразно мѣстнымъ условіямъ, но что желательнo назначеніи для этого особыхъ агентовъ, при участіи и содѣйствіи самого населенія.

Рѣшеніемъ брюссельскаго и лондонскаго конгрессовъ опредѣлено было собирать свѣдѣнія при переписяхъ посредствомъ отдѣльныхъ листовъ по-семейно или по-квартирно, и система эта, принятая во всѣхъ странахъ, дала наилучшіе результаты; но при разработкѣ этихъ семейныхъ листовъ оказалось, что они представляютъ нѣкоторыя неудобства при извлеченіи изъ нихъ данныхъ для общихъ таблицъ, особенно при сложныхъ комбинаціяхъ и разнообразной редакціи отвѣтовъ. Для устраненія этихъ неудобствъ, при переписи Берлина въ 1867-мъ г. и при послѣдней общей переписи въ Германіи въ 1871-мъ году и при переписи города Ревеля, семейные листки были замѣнены отдѣльными листками для каждаго лица, при чемъ въ двухъ послѣднихъ переписяхъ присоединялся еще общій семейный списокъ, для указанія состава семейства и отношенія лицъ къ нему принадлежащихъ. Облегчая значительно трудъ выборки и свода данныхъ, система личныхъ листовъ представляетъ то неудобство, что увеличиваетъ трудъ населенія и контролирующихъ агентовъ, вслѣдствіе многократнаго повторенія однихъ и тѣхъ же данныхъ (напр. о мѣстѣ жительства), и доступна лишь при извѣстной степени развитія населенія. Поэтому первое отдѣленіе конгресса полагало, что наличное населеніе можетъ быть подвергаемо переписи посредствомъ личныхъ (индивидуальныхъ) бюллетеней, когда степень образованія народа и особенныя условія страны это допускаютъ; въ противномъ случаѣ нужно употреблять систему семейныхъ листовъ. Когда перепись производится при помощи личныхъ листовъ, послѣдніе дополняются листами, которые, замѣняя семейные листки, указываютъ для каждаго лица степень его родства или отношеніе къ главѣ семейства или хозяину квартиры. Въ личныхъ листахъ формъ вопросовъ, обращенныхъ къ переписываемому лицу, должно быть отдано предпочтеніе предъ всѣмъ другимъ.

Кругъ свѣдѣній требуемыхъ переписями о каждомъ лицѣ, былъ зрѣнъ весьма удачно бриссельскимъ конгрессомъ, но въ послѣдующихъ сессіяхъ онъ постоянно былъ то суживаемъ, то расширяемъ, въ вліяніемъ обычаевъ принятыхъ въ той странѣ, гдѣ конгрессъ происходилъ. Эта шаткость и неопредѣленность требованій отразилась на самыхъ результатахъ переписей; ни своими программами, ни постановкой вопросовъ они не достигли единства, котораго конгрессъ бываетъ въ видахъ международной статистики. Первое отдѣленіе гербургскаго конгресса раздѣлило всѣ свѣдѣнія, которыя желательно изучать при переписяхъ, на существенныя (essentiels) и условныя. первыми относятся слѣдующія свѣдѣнія, безъ которыхъ невозможна хорошая международная статистика: а) имя и фамилія; b) полъ; возрастъ; d) отношеніе къ главѣ семейства; e) семейное состояніе; занятіе; g) вѣроисповѣданіе; h) употребляемый языкъ; i) умѣнье читать и писать; j) происхожденіе, мѣсто рожденія и національность; обычное мѣсто жительства и характеръ пребыванія въ мѣстѣ производства переписи; l) слѣпота, глухонѣмота, идіотизмъ, кретинизмъ упомянутаго.

Всѣ прочія свѣдѣнія, которыя могутъ имѣть интересъ для страны, въ которой перепись производится, признаны условными. Характеръ свѣтовъ, требуемыхъ вышеуказанными 12-ю рубриками о каждомъ лицѣ, еще ближе опредѣлены въ докладѣ перваго отдѣленія. Вообще съ предложенія этого отдѣленія, по вопросу о переписяхъ, формулированны г. Боденгеймеромъ и утверждены безъ всякихъ измѣненій общимъ собраніемъ конгресса, не измѣняя общей системы принятой прежними конгрессами, вносить въ нее лишь нѣкоторыя улучшенія и измѣненія.

Самый интересный вопросъ, подлежащій разсмотрѣнію субъ-комиссіи, подъ предсѣдательствомъ академика Миддендорфа, касался регистраціи данныхъ относительно физическаго развитія человѣка; весьма интересный и обстоятельный докладъ по этому предмету былъ представленъ отъ организаціонной комиссіи г. Вреденомъ.

„Явленія физической жизни человѣка имѣютъ,—какъ справедливо замѣчаетъ г. Вреденъ,—неоспоримое значеніе для нравственныхъ и политическихъ наукъ; болѣе или менѣе счастливое физическое развитіе человѣка является въ одно и то же время и признакомъ и послѣдствіемъ извѣстной степени культуры и цивилизаціи и самымъ дѣятельнымъ факторомъ улучшенія или ухудшенія этого положенія вещей. Статистика, дѣлая физическаго человѣка предметомъ своихъ изслѣдованій, разсматриваетъ съ несравненно болѣе широкой точки зрѣнія, нежели фізіологія и медицина, и потому этой главѣ въ науку слѣдуетъ присвоить названіе, которое обозначало бы всю совокупность разсматриваемыхъ вопросовъ: съ одной стороны разсмотрѣніе фактовъ,

означающихъ степень физическаго благосостоянія человѣка, съ другою назначеніе мѣръ, принимаемыхъ обществомъ для обезпеченія, поддержанія и увеличенія этого благосостоянія. Наименованіе *статистики биологической* лучше всего соотвѣтствуетъ этому предмету“.

Биологическая статистика человѣка, при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи относящихся къ ней вопросовъ въ комиссіи, подраздѣлена была: а) на статистику соматологическую, которая состоитъ въ собраніи данныхъ о физической силѣ и общемъ состояніи здоровья населенія; б) на статистику нозологическую, которая занимается изученіемъ вліянія, оказываемаго на населеніе какъ спорадическими, такъ и эпидемическими болѣзнями; в) на статистику гигиеническую, которая рассматриваетъ зависимость санитарнаго состоянія населенія отъ естественныхъ, экономическихъ и другихъ условій, среди которыхъ оно живетъ, съ цѣлю опредѣленія мѣръ, съ помощью которыхъ могутъ быть предупреждены гибельныя послѣдствія этихъ условій, и наконецъ г) на статистику медицинскую, которая имѣетъ цѣлю изученіе дѣйствій лицъ и учреждений, которымъ ввѣрено подаваніе медицинской помощи.

Изъ четырехъ отдѣловъ биологической статистики, послѣдніе три занимали уже до извѣстной степени вниманіе предшествующихъ конгрессовъ; такъ бруссельская сессія занималась физическимъ состояніемъ человѣка съ точки зрѣнія медицинской статистики и ограничилась составленіемъ однообразной номенклатуры причинъ смертности. Восточная война, совпавшая съ парижскою сессіею, и итальянская, происходившая въ промежуткѣ между вѣнской и лондонскою, обратили вниманіе этихъ сессій на военно-медицинскую статистику. Но уже въ Лондонѣ гг. Фаррѣ и Сутерландъ представили доклады по статистикѣ санитарной, причѣмъ г. Фаррѣ требовалъ, чтобы при изысканіяхъ санитарнаго состоянія населенія не ограничивались данными, собираемыми въ госпиталяхъ, но по возможности распространяли эти изысканія и на другіе классы населенія, въ особенности на членовъ всѣхъ обществъ взаимнаго вспоможенія (Friendly Societies). Г. Фаррѣ считалъ необходимымъ собирать между прочимъ данныя о ростѣ, вѣсѣ, силѣ, напряженіи труда и способностей народа, насколько возможно по группамъ и возрастамъ населенія; о причинахъ, имѣющихъ наибольшее вліяніе на народное здравіе, какъ-то о почвѣ и климатѣ, о воздухѣ, которымъ онъ дышитъ, о пищѣ и питъѣ, о напряженіи умственнаго и мускульнаго труда. „Занятія,—говорилъ г. Фаррѣ,—имѣютъ замѣтное вліяніе на народное здравіе, и извѣстно, что легкихъ измѣненій достаточно, чтобы сдѣлать самыя вредныя для здоровья занятія сравнительно безвредными“. Г. Фаррѣ просилъ даже конгрессъ, чтобы онъ предложилъ произвести спеціальное изслѣдованіе во всѣхъ странахъ о вліяніи, производимомъ занятіями народа на его

здравіе, на основаніяхъ, принятыхъ въ Англіи при изслѣдованіи о трудѣ въ рудникахъ.

Программа г. Сутерланда была еще обширнѣе и подробнѣе; но конгрессъ не утвердилъ ни того, ни другого доклада и высказалъ нѣсколько желаній относительно санитарной статистики армій и относительно статистики жизни въ сухопутныхъ и морскихъ войскахъ.

Приготовительная коммиссія берлинской сессіи расширила слишкомъ военную точку зрѣнія предшествующихъ сессій въ обширной работѣ о сравнительной статистикѣ здравія и смертности гражданскаго и военного населенія. Флорентинскій конгрессъ также занимался исключительно вопросомъ о санитарномъ состояніи войска. Наука извлекла впрочемъ извѣстную долю пользы изъ этого слишкомъ исключительнаго направленія, которое приняли до сихъ поръ статистическія изслѣдованія о физическихъ свойствахъ человѣка. Отрицательный и косвенный методъ изслѣдованія человѣка заставилъ науку сосредоточиться преимущественно на статистикѣ смерти и болѣзней. Но статистика не можетъ остановиться на этомъ, она не можетъ ограничиваться собираніемъ только косвенныхъ свѣдѣній о жизненности, силѣ и физическихъ свойствахъ человѣка; свѣдѣнія эти должны быть изучаемы, какъ замѣтила приготовительная коммиссія берлинскаго конгресса, непосредственно. Патріархъ конгрессовъ и отецъ современной статистики, знаменитый Кетле, уже 40 лѣтъ тому назадъ настаивалъ въ своей *Physique sociale* на необходимости собиранія возможно большаго числа наблюденій надъ физическимъ развитіемъ человѣка; но въ послѣднемъ изданіи этого сочиненія онъ съ горестью засвидѣтельствовалъ о недостаточности собранныхъ наблюденій и отсутствіи въ нихъ единства, что дѣлаетъ невозможнымъ сравненіе ихъ между собою.

Петербургская сессія конгресса сознавая, что соматологическая статистика не достигла желаемаго развитія не только со стороны практической, но и со стороны теоретической, высказала, что для пополненія этого пробѣла необходимо учредить во всѣхъ странахъ регистрированіе данныхъ, при помощи которыхъ возможно было бы опредѣлять прямо степень здоровья и физической силы населенія.

Конгрессъ, согласно заключенію перваго отдѣленія, докладчикомъ котораго былъ докторъ Бредовъ, опредѣлилъ: 1) что регистрація соматологическихъ данныхъ должна производиться на особенныхъ карточкахъ, редактированныхъ въ двухъ экземплярахъ, изъ коихъ одинъ остается у регистрируемаго лица, а другой представляется въ центральное статистическое бюро. Регистрація поручается лицамъ медицинскаго вѣдомства или вообще имѣющимъ нужныя для того свѣдѣнія, для женскаго же населенія она производится преимущественно лицами женскаго пола.

Спеціальныя соматологическія наблюденія должны быть производимы какъ при вскрытіи мертвыхъ тѣлъ, такъ и надъ живыми людьми, а также по возможности и надъ новорожденными младенцами, тотчасъ послѣ рожденія. Они должны заключаться въ измѣреніи роста, окружности головы, груди, ширины плечъ, ляшекъ, конечностей, въ взвѣшиваніи тѣла у живыхъ, и мозга у мертвыхъ, и т. п. Для каждаго вида производства подобныхъ наблюденій начертана особая программа. Всѣ измѣренія должны быть производимы по метрической системѣ, однообразно во всѣхъ странахъ, и притомъ безъ одежды и обуви, въ опредѣленные промежутки между ѣдою, съ указаніемъ въ представляемыхъ карточкахъ способовъ и снарядовъ, употребляемыхъ при производствѣ наблюденій. Признаки состоянія здоровья и силы должны быть различаемы на прямыя и непрямые, причемъ послѣдніе должны быть подраздѣляемы на врожденные и приобретенные, съ указаніемъ приобретены ли они вслѣдствіе болѣзни, случая или предумышленнаго дѣянія, и притомъ отъ фанатизма, или для избѣжанія исполненія какихъ-либо общественныхъ обязанностей.

Средствомъ для полученія возможно большаго количества соматологическихъ данныхъ указано вмѣненіе въ обязанность собранія ихъ дѣтскимъ пріютамъ, воспитательнымъ домамъ, разнаго рода учебнымъ и воспитательнымъ заведеніямъ, общественнымъ и частнымъ госпиталямъ, гимнастическимъ и стрѣлковымъ обществамъ, яхтъ-клубамъ и т. п., рекрутскимъ комиссіямъ, военнымъ и морскимъ вѣдомствамъ, тюремнымъ, пенитенціарнымъ и исправительнымъ заведеніямъ, обществамъ взаимнаго вспоможенія, застрахованія жизни и другимъ имъ подобнымъ. Соотвѣтственно этому желанію программы, утвержденныя прежними конгрессами для статистики нѣкоторыхъ изъ означенныхъ учреждений, должны быть дополнены.

Всѣ произведенныя въ теченіе года наблюденія должны быть представляемы въ центральное статистическое бюро, которое съ своей стороны обявано заботиться о снабженіи лицъ, производящихъ наблюденія, нужными инструкціями и формами.

Но если соматологической статистикѣ посчастливилось на нинѣшнемъ конгрессѣ, и она принята имъ единодушно благодаря живому участию въ разрѣшеніи этого вопроса такихъ свѣтилъ науки, какъ Кетле, Фаррѣ, Бергъ, за то статистика двухъ другихъ санитарныхъ вопросовъ, холеры и сифилиса, потерпѣла неудачу.

Вопросъ о статистикѣ эпидемій занималъ конгрессъ еще въ Парижѣ и въ Вѣнѣ. Въ виду особенностей, представляемыхъ холерною эпидеміею въ ея распространеніи и развитіи, организаціонная комиссія предложила нинѣшнему конгрессу, чтобы при появленіи холеры въ извѣстной мѣстности была учреждена одна или нѣсколько комиссій, которая бы, независимо отъ мѣръ санитарныхъ, взяла на себя

направленіе и наблюденіе за собираніемъ статистическихъ свѣдѣній объ эпидеміи. При этомъ гг. Семеновъ и Архангельскій выработали подробную программу этихъ свѣдѣній, какъ въ отношеніи къ личности и образу жизни больного, такъ и въ отношеніи къ самой мѣстности, гдѣ открылась эпидемія.

Равнымъ образомъ и въ отношеніи распространенія сифилиса и влияния его на физическое и нравственное настроеніе населенія, организаціонная коммиссія нашла возможнымъ предложить дополненіе прежнихъ рѣшеній конгресса по этому предмету нѣкоторыми новыми, и выработала программу вопросовъ для собиранія свѣдѣній о раздѣленіи этой болѣзни по ея формамъ, о способахъ ея передачи, о влияніи ея на смертность населенія, на нервную систему, на безобразіе, на способность къ военной службѣ. Коммиссія, докладчиками которой были доктора Пеликанъ и Шперкъ, считала необходимымъ, чтобы данныя о сифилисѣ были собираемы обязательно, въ госпиталяхъ, больницахъ, родильныхъ домахъ, пріютахъ для дѣтей и кормилицъ, въ войскахъ, въ комитетахъ для инспекціи проститутокъ, а также при всякомъ случаѣ освидѣтельствованія врачами фабрикъ и другихъ мѣстъ большого скопленія населенія. Но коммиссія не могла не засвидѣтельствовать при этомъ, что все это возможно лишь при извѣстномъ пропорціональномъ отношеніи числа врачей къ населенію, и что даже въ странахъ, находящихся въ наилучшихъ условіяхъ, это отношеніе еще не определено, и вслѣдствіе того всѣ собираемыя свѣдѣнія о распространеніи сифилиса совершенно неудовлетворительны и ограничиваются преимущественно весьма поверхностнымъ изслѣдованіемъ сифилиса, распространяемаго проституціею.

Спеціальная коммиссія, обсудивъ, по порученію перваго отдѣленія конгресса, медицинскіе и санитарные вопросы въ 4-хъ засѣданіяхъ, найдя программы представленныя ей организаціонною коммиссіею по статистикѣ холеры и сифилиса вполне отвѣчающими требованіямъ науки внесла ихъ, съ незначительными поправками, чрезъ секретаря своего доктора Бенезе на утвержденіе конгресса, причемъ докладъ о статистикѣ сифилиса не былъ читанъ, изъ уваженія къ присутствію дамъ въ собраніи.

Въ докладѣ коммиссіи выражено было желаніе, 1) чтобы статистика біологическая и медицинская вошла въ программу и будущихъ конгрессовъ и обсуждалась въ особомъ отдѣленіи, и 2) чтобы въ виду громадной важности, представляемой для науки и для международной статистики холеры, предпринята была повѣрка теорій профессора Петтенкофера объ отношеніяхъ, существующихъ между подземною водою и появленіемъ холерной и тифозной эпидеміи въ городахъ, представляющихъ гидрологическія отношенія подобныя тѣмъ гдѣ холера свирѣпствуетъ по преимуществу и гдѣ нивелировка подземной воды еще не

произведена, по методу вполне научному, чтобы доказать въ какихъ частяхъ этихъ городовъ подземная вода исключительно метеорическаго происхожденія, и въ какихъ рѣчная вода пробѣгаетъ аллювіальные слои.

Ни одинъ вопросъ не возбуждалъ въ общихъ собраніяхъ нынѣшняго конгресса такихъ оживленныхъ преній, какъ докладъ г. Бенезе о статистикѣ холеры. При прочтеніи его въ засѣданіи 16-го августа, г. Энгель заявилъ, что невозможно удержать въ памяти бѣгло прочитанныхъ резолюцій и формъ собиранія свѣдѣній и утвердить ихъ сознательно, а г. баронъ Фредериксъ нашелъ предлагаемую программу слишкомъ обширною и невыполнимою. По предложенію г. Семенова, вопросъ былъ отложенъ до слѣдующаго дня, съ тѣмъ, чтобы предварительно докладъ г. Бенезе былъ напечатанъ и розданъ всѣмъ членамъ. Въ засѣданіи 17-го августа снова возбудился сильный споръ: гг. Бетакки и Фредериксъ возставали противъ заключеній доклада, доктора Муатъ и Эдекауеръ его защищали; затѣмъ сдѣлано было два предложенія: одно докторомъ Кастильони и поддержано г. Фаррономъ, другое г. Ціономъ и поддержано г. Энгелемъ и Семеновымъ. Г. Кастильони предлагалъ утвердить основныя положенія доклада и передать приложенныя къ нему вопросныя пункты въ постоянную комиссію, для пересмотра ихъ въ отношеніи статистической техники, но съ сохраненіемъ духа, въ которомъ они составлены. Докторъ Ціонъ предлагалъ, чтобы по ограниченному числу иностранныхъ врачей въ настоящемъ конгрессѣ, онъ, не входя въ подробное обсужденіе программъ, выразилъ желаніе о принятіи ея по возможности въ руководство врачами и статистиками, при регистраціи холеры и сифлиса, въ особенности же русскими врачами, при частомъ повтореніи холерной эпидеміи въ Россіи, для представленія будущему конгрессу заключенія о степени удобопримѣнимости этой программы.

Вопросъ этотъ былъ рѣшенъ бадлотировкой. Большинство голосовъ высказалось въ пользу предложенія г. Ціона.

Вторая комиссія учреждена была при первомъ отдѣленіи конгресса, для разсмотрѣнія вопроса о примѣненіи графическаго и географическаго методовъ къ статистикѣ. Вопросъ о графическомъ методѣ, т.-е. о наглядномъ изображеніи предметовъ съ помощію диаграммъ или картъ, въ первый разъ былъ поднятъ на вѣнскомъ конгрессѣ; но тамъ не было принято никакого рѣшенія, и вопросъ былъ отложенъ до лондонской сессіи, гдѣ однако не хватило для него времени. Спустя 12 лѣтъ вопросъ былъ снова поднятъ въ Гагѣ; былъ составленъ большой докладъ по этому предмету и сдѣлана большая выставка картъ и диаграммъ, но и гагскій конгрессъ ограничился совѣтомъ, чтобы къ официальнымъ изданіямъ были присоединяемы карты и диаграммы, и выразилъ желаніе, чтобы организаціонная комиссія слѣдующаго конгресса приготовила мемуаръ о различныхъ графическихъ методахъ,

отребляемыхъ въ статистикѣ и о лучшихъ способахъ сдѣлать эти блнцы однообразными и сравнимыми. Желаніе это было исполнено. и мемуара были представлены нынѣшнему конгрессу по настоящему просу: одинъ директоромъ статистическаго бюро въ Австріи, г. Фикромъ, другой директоромъ статистическаго бюро въ Баваріи, г. Майромъ, третій директоромъ городского статистическаго бюро въ Бернѣ, г. Швабе. Кромѣ того особый докладъ отъ имени организаціи комиссіи былъ представленъ еще г. Семеновымъ и Форшемъ.

Впрочемъ и петербургскій конгрессъ не нашелъ возможнымъ разширить настоящій вопросъ въ какомъ-нибудь положительномъ смыслѣ.

Два доклада были представлены общему собранію по этому предмету отъ комиссіи 1-го отдѣленія: одинъ собственно о графическомъ отдѣлѣ или о діаграммахъ—д-ромъ Швабе, другой о географическомъ отдѣлѣ—членомъ французскаго института г. Левассеромъ, и оба были приняты.

Заключеніе перваго доклада, съ поправкой предложенной въ собраніи гг. Семеновымъ, Форшемъ, Майромъ и Энгелемъ, заключалось: 1) въ выраженіи желанія, чтобы международное статистическое изданіе, предпринятое въ сплѣ рѣшеній гагскаго конгресса, было снабжено графическими изображеніями, насколько то допускается свойствомъ предмета и средствами каждаго сотрудника; 2) въ признаніи, что не настало еще время для предложенія какихъ-либо однообразныхъ правилъ для составленія однообразныхъ діаграммъ; 3) въ приглашеніи начальниковъ статистическихъ учрежденій и разныхъ специалистовъ къ представленію постоянной комиссіи конгресса діаграммъ и картограммъ съ объясненіемъ способовъ ихъ выполненія, дабы эта комиссія могла учреждать при каждомъ конгрессѣ выставку подобныхъ діаграммъ и картограммъ и могла рекомендовать методы, которыя она найдетъ наилучшими.

Г. Левассеръ въ обстоятельномъ докладѣ обозрѣлъ работы предшествующихъ конгрессовъ по статистической картографіи, указавъ на предлагаемую Фиккеромъ систему искусственныхъ графическихъ группировокъ, на систему естественной географической группировки однородныхъ данныхъ по небольшимъ территоріальнымъ округамъ, систему одновременно предложенную и испытанную г. Майромъ въ его картѣ смертности дѣтей въ южной Германіи, г. Семеновымъ въ его распределеніи населенія Россіи по уѣздамъ; объяснивъ значеніе и важность графическо-географическаго метода изображенія данныхъ, и указавъ на лучшія въ этомъ отношеніи изъ работъ представленныхъ нынѣшнему конгрессу, предложилъ утвержденію конгресса слѣдующую резолюцію: желательно, чтобы при официальной разработкѣ статистическихъ матеріаловъ были устанавливаемы, на основаніи изученія всѣхъ спеціальныхъ данныхъ, соотвѣтствующія географическія группы

и чтобы образованіе этихъ группъ было основываемо на дѣленіи слѣдующихъ вычисленій по малымъ округамъ наблюденія. Рекомендуетъ также изображеніе съ помощію картографіи результатовъ, добытыхъ примѣненіемъ географическаго метода къ статистикѣ.

Оба доклада были приняты единогласно собраніемъ.

Второе отдѣленіе конгресса, избравъ своимъ предсѣдателемъ г. фонъ Бушена, который направлялъ всѣми работами этого отдѣленія и въ организационной комиссіи, вице-предсѣдателями гг. Левассера, Берга, Баумгауера и Янсона, а секретарями: гг. Керези, Гендрикса, Шванебаха, Кауфмана и Сталь фонъ-Гольштейна, занималось двумя вопросами: 1) въ просомъ о регистраціи и изданіи фактовъ, относящихся до движенія населенія, и 2) вопросомъ о постоянныхъ спискахъ населенія (*registre de la population*).

Первый вопросъ обратилъ на себя вниманіе самаго перваго конгресса, который и указалъ основанія для подобной регистраціи. Изъ послѣдующихъ конгрессовъ, парижскій останавливался только на причинахъ смертности, а гагскій на статистикѣ мертворожденныхъ; и несмотря на всѣ успѣхи статистики населенія въ послѣднее время, данныя, публикуемыя по этому предмету, оставляютъ весьма много желать какъ относительно способовъ и порядка производства записей такъ и относительно самаго существа дѣла, особенно въ виду новыхъ задачъ, возникшихъ въ статистикѣ съ расширеніемъ поприща ея наблюденій. Въ этихъ видахъ, второе отдѣленіе, обсудивъ въ 2-хъ засѣданіяхъ докладъ профессора Янсона, поручило ему же представить общему собранію слѣдующія заключенія и предложенія: „Правительства приглашаются установить для фактовъ, касающихся движенія народонаселенія, *гражданскія записи* безъ различія вѣроисповѣданія. Въ странахъ же, гдѣ записи ведутся духовенствомъ, послѣднее обязано придерживаться при этомъ общихъ правилъ, установленныхъ конгрессомъ для гражданскихъ записей. Необходимо также, чтобы округи записей совпадали съ административнымъ дѣленіемъ. Относительно существа фактовъ, подлежащихъ регистраціи, признается полезнымъ при *сложныхъ рожденіяхъ* показывать полъ и число дѣтей, различать живорожденныхъ отъ мертворожденныхъ, законнорожденныхъ и незаконнорожденныхъ, и сверхъ того обозначать возрастъ матери во время родовъ. Въ записяхъ роженій слѣдуетъ показывать, съ какого времени мать состоитъ въ бракѣ и сколько имѣла дѣтей, включая мертворожденныхъ и отличая сложные рожденія, а равно и національность матери въ тѣхъ странахъ, гдѣ находится смѣшанное народонаселеніе. Въ записяхъ умершихъ слѣдуетъ показывать родъ ихъ занятій по однообразной классификаціи, принятой для переписей. Возрастъ умершихъ долженъ обозначаться подробно: помѣсячно до 12-го мѣсяца включительно, затѣмъ трехмѣсячно до 2-хъ лѣтъ; съ трехъ лѣтъ

погодно и помѣсячно, причемъ предлагается возрастныя показанія замѣнить показаніями года рожденія умершаго, съ различіемъ до 5-ти лѣтъ законно и незаконнорожденныхъ. Въ записяхъ браковъ слѣдуетъ отбѣчать степень родства между брачащимися, если такое родство существуетъ, сообразно чему и въ таблицахъ браковъ принимаются 4 главныя рубрики, равнымъ образомъ предлагается обозначать религію и національность, если брачащіеся разныхъ вѣръ или національностей. Относительно изданія фактовъ, касающихся движенія населенія, признано полезнымъ отличать города съ 20,000 жителей и болѣе отъ сего остального населенія. Главныя факты группируются по мѣсяцамъ и временамъ года; всѣ подробности объ умершихъ воспроизводятся въ соотвѣтственныхъ формахъ таблицъ. Для классификаціи же браковъ по возрастамъ устанавливаются однообразныя формы, до 25-ти лѣтъ погодно, а затѣмъ по пятилѣтіямъ“.

Заключенія доклада приняты были общимъ собраніемъ.

Вопросъ о постоянныхъ спискахъ населенія былъ лишь затронутъ на первомъ конгрессѣ и не былъ возбуждаемъ въ слѣдующихъ сессіяхъ. Возможность веденія подобныхъ списковъ, доказанная опытомъ Пруссіи, Швеціи и Бельгіи, и выгоды представляемыя ими въ отношеніи сосредоточенія всѣхъ элементовъ по статистикѣ населенія, въ отношеніи точнаго констатированія приписного населенія, въ отношеніи возможности въ каждый моментъ получать свѣдѣнія о состояніи населенія по возрастамъ и занятіямъ, а также о всѣхъ перемѣнахъ происшедшихъ въ положеніи населенія съ извѣстнаго времени, привели второе отдѣленіе къ убѣжденію въ возможности предложить конгрессу слѣдующія заключенія, вызванныя докладомъ г. Бушена и представленныя собранію венгерскимъ профессоромъ Гунфальви, отъ имени отдѣленія: „Конгрессъ представляетъ правительствамъ различныхъ государствъ о введеніи общихъ записей народонаселенія взаимнѣ многихъ спеціальныхъ записей, ведущихся въ настоящее время по различнымъ системамъ, смотря по потребностямъ различныхъ административныхъ отраслей. Въ странахъ, гдѣ существуетъ однообразная и точно опредѣленная общинная организація, веденіе записей должно быть довѣрено общиннымъ властямъ. Въ странахъ же, въ которыхъ города образуютъ отдѣльныя отъ прочей тѣрриторіи единицы, веденіе записей можетъ быть поручено или городскимъ властямъ, или полиціи. Во всякомъ случаѣ желательно, чтобы для регистраціи были установлены однообразныя формы и чтобы границы районовъ регистраціи совпадали съ административными дѣленіями. Въ записи народонаселенія всякое хозяйство (ménage) имѣетъ для себя особую страницу. Лица обоеихъ половъ, живущія отдѣльно, считаются за отдѣльное хозяйство. Работники и прислуга могутъ быть вписываемы въ качествѣ членовъ хозяйства, въ мѣстностяхъ же, гдѣ личность ра-

ботника и слуги различается, въ особенности въ большихъ городахъ удобнѣе имѣть особныя записи для летучаго населенія и всякому имъ назначать особую страницу. Запись должна заключать всѣ данныя доставляемыя переписью, и сверхъ того нѣсколько специальныхъ графъ для обозначенія позднѣйшихъ перемѣнъ, равно какъ и для перемѣнъ народонаселенія. Для первоначальной записи должны находиться слѣдующія графы: 1) имя и фамилія; 2) полъ; 3) мѣсто рожденія; 4) возрастъ; 5) семейное состояніе; 6) физическіе недостатки; 7) вѣровнѣе повѣданіе; 8) обыкновенное занятіе. Происшедшія послѣ записи перемѣны могутъ быть отмѣчаемы въ соотвѣтственныхъ графахъ; и для облегченія обработки записей, желательно, чтобы для перемѣнъ были особныя графы. Сверхъ того необходимы двѣ спеціальныя графы для отмѣтокъ умершихъ и причинъ ихъ смерти, причемъ должно придерживаться принятой конгрессомъ классификаціи. Для перемѣнъ населенія требуются слѣдующія графы: 1) графа для отмѣтки мѣста жительства временнаго пребыванія по существующимъ правиламъ и законамъ страны; 2) число записи и число прибытія въ общину; 3) показаніе мѣста жительства; 4) число выхода изъ общины и обозначеніе будущаго мѣста жительства; 5) свѣдѣнія о временно-отсутствующихъ свыше 14-ти дней. Къ записи прибавляются еще особныя графы для дополнительныхъ свѣдѣній, необходимыхъ администраціи, и во всякомъ случаѣ спеціальная графа для ссылокъ на спеціальныя записи и другіе списки, ведущіеся съ какою-нибудь спеціальною цѣлью. Что же касается практическихъ подробностей веденія записей, равно какъ и административныхъ мѣръ, долженствующихъ гарантировать ихъ точность, то конгрессъ, не имѣя права обсуждать ихъ, считаетъ однако нужнымъ обратить вниманіе правительствъ на способы, существующіе въ Голландіи и Бельгіи, и рекомендуетъ ихъ какъ самыя простыя и вмѣстѣ дѣйствительныя.

Заключенія доклада г. Гунфальви были приняты Собраніемъ.

Сверхъ того отъ второго отдѣленія, по предложенію г. Керенъ, былъ представленъ докладъ относительно *смертности большихъ городовъ*, въ которомъ выражается, чтобы въ большихъ городахъ, гдѣ введено медицинское освидѣтельство умершихъ, собирались данныя относительно положенія жилища умершаго, плотности населенія въ той мѣстности, гдѣ онъ жилъ, и степени его благосостоянія.

Третье отдѣленіе конгресса, состоя подѣ предсѣдательствомъ г. Вешнякова, имѣло 5 иностранныхъ президентовъ гг. Ангеля, М. Вирта, Фикера, Келети и Іоанаке, и 4-хъ русскихъ: гг. Юссу, Ходнева, Вернадскаго и Андреева, а секретарями: гг. Веселовскаго, Тимирязева, Чеха и гр. Пусловскаго.

Задачею этого отдѣленія было разсмотрѣніе двухъ важныхъ вопросовъ: статистики промышленности обрабатывающей и статистики гор-

ий. Первый вопросъ былъ возбужденъ г. Энгелемъ, который, будучи редакторомъ главы о промышленности мануфактурной въ общемъ международномъ изданіи, не нашелъ возможнымъ исполнить своей задачи, по неудовлетворительности существующаго матеріала и желалъ предложить конгрессу свой планъ по этому предмету, изложенный въ мемуарѣ: *Die Reform der Gewerbestatistik im Deutschen Reiche und in den übrigen Staaten von Europa und Nord-Amerika*. Berlin 1872.

Вопросъ о горной статистикѣ былъ поднятъ директоромъ нашего центрального статистическаго комитета г. Семеновымъ, на основаніи тѣхъ же побужденій, какъ и предшествующій г. Энгелемъ.

Оба эти вопроса уже не въ первый разъ являются въ программахъ конгресса. Уже брюссельскій конгрессъ, раздѣливъ статистику труда на 5 главныхъ классовъ, на статистику земледѣльческую, горную, мануфактурную, торговую и рыболовную, очертилъ кругъ свѣдѣній, которыхъ должно требовать отъ мануфактурной промышленности. Парижскій конгрессъ примѣнилъ эту программу къ статистикѣ большихъ городовъ. Наконецъ въ Вѣнѣ вопросъ былъ повидимому исчерпанъ, потому что цѣлое отдѣленіе было посвящено имъ и въ основнѣю работу лежалъ превосходный докладъ барона Чернига, тогдашняго директора официальной статистики въ Австріи, который представилъ подробную классификацію всѣхъ отраслей промышленности, состоящую изъ 8-ми группъ, заключающихъ въ себѣ 34 класса съ 185-ю подраздѣленіями. Отъ каждаго производства требовалось 23 рода общихъ свѣдѣній, и сверхъ того по каждому производству были составлены спеціальныя вопросы о двигателяхъ, машинахъ и снарядахъ ими употребляемыхъ. Не рассчитывая получить всегда точныхъ и искреннихъ отвѣтовъ отъ самихъ производителей о размѣрахъ и цѣнности ихъ производства, баронъ Чернигъ предлагалъ, для успокоенія промышленниковъ, не обнародывать свѣдѣній съ именами производителей, а ограничиться территоріальною группировкою ихъ, гдѣ бы въ общихъ итогахъ исчезали частныя цифры того или другого фабриканта, и въ сомнительныхъ случаяхъ прибѣгать къ повѣркамъ и дополненію собранныхъ данныхъ путемъ приблизительныхъ оцѣнокъ и вычисленій. Послѣдній пунктъ встрѣтилъ довольно сильныя возраженія и былъ принятъ лишь съ значительными оговорками. Г. Энгель выступилъ съ представителемъ Бельгіи, г. Витерсомъ, былъ докладчикомъ на конгрессѣ. Несмотря на работы трехъ конгрессовъ по промышленной статистикѣ, ни одна страна еще не имѣетъ удовлетворительной статистики этого рода. Наименѣе полною представляется подобная статистика въ самой промышленной странѣ міра — въ Англіи. Лишь о такъ-называемыхъ ткацкихъ производствахъ собираются тамъ ежегодно чрезъ фабричныхъ инспекторовъ свѣдѣнія о числѣ заведеній, числѣ и силѣ двигателей, числѣ шпинделей и механическихъ

театрихъ станкахъ, о числѣ рабочихъ съ раздѣленіемъ по полу и возрасту, ниже 13-ти, отъ 13-ти до 18-ти, и свыше 18-ти лѣтъ. Сверхъ того, въ изданіи Board of trade's—Miscellaneous statistics можно найти много свѣдѣній, собранныхъ во время разныхъ парламентскихъ и слѣдованій о нѣкоторыхъ производствахъ, и между прочимъ о размѣрахъ заработной платы, о цѣнахъ на разные предметы жизненныхъ потребностей, на горючіе матеріалы, сырыя и обработанныя произведенія; но всѣ эти данныя совершенно разрозненны и требуютъ нереальной работы по одному общему плану съ собраніемъ новыхъ первоначальныхъ матеріаловъ; планъ подобнаго статистическаго изученія промышленности былъ составленъ г. Фарромъ и представленъ сперва лондонскому конгрессу, а въ 1863-мъ г. и начальнику главной регистраціи въ Англіи, но не получилъ практическаго осуществленія.

Единственное существующее изданіе промышленной статистики Франціи сдѣлано въ 1847—52-мъ годахъ и основано на данныхъ, собранныхъ въ 1839-мъ году; перечень промышленности, сдѣланный въ 1850-мъ году, осталась необнародованною; перепись же, произведенная въ 1860-мъ году, находится до настоящаго времени въ печати; по отзыву г. Энгеля, имѣвшаго случай лично ознакомиться съ этой работой въ минувшемъ году, она заслуживаетъ мало довѣрія, потому что многія данныя не были собраны въ дѣйствительности, а основаны на приблизительныхъ оцѣнкахъ, производившихся въ теченіи 5-ти лѣтняго промежутка времени.

Промышленная статистика Бельгіи, основанная на данныхъ, собранныхъ во время генеральной переписи 1846-го года, до сихъ поръ еще служить источникомъ свѣдѣній по этому предмету, благодаря тщательности этой операции и искусной разработкѣ. Но за то перепись 1866-го года была столь малоуспѣшна, что администрація отказалась отъ мысли публиковать собранныя этимъ путемъ свѣдѣнія.

Въ Россіи установлено до начала нынѣшняго столѣтія ежегодное собраніе свѣдѣній о всѣхъ фабрикахъ и заводахъ по довольно обширной программѣ, но къ сожалѣнію результаты этой долголетней практики крайне неудовлетворительны, о чемъ лучше всего свидѣтельствуетъ 6-й выпускъ статистическаго Временника, издаваемый центральнымъ комитетомъ подъ редакціей г. Бока, который откровенно указываетъ на всѣ недостатки полученныхъ у насъ до настоящаго времени данныхъ по промышленности обрабатывающей, и даетъ образчикъ свѣдѣній, собранныхъ инымъ, болѣе рациональнымъ способомъ, въ двухъ губерніяхъ, Московской и Владимірской.

Въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки каждыя 10 лѣтъ, начиная съ 1810-го г., производится, при общей переписи населенія, регистрація всѣхъ производствъ, цѣнностью свыше 500 долларовъ, и сводъ такихъ данныхъ за 1860-й годъ изданъ особою книгою, но при

дой переписи заявляется множество желаній объ измѣненіи порядка производства, и многія компетентныя лица въ самой Америкѣ, въ томъ числѣ г. Сно, находившіяся официальнымъ представителемъ конгресса, выражаютъ весьма мало довѣрія къ этимъ свѣдѣніямъ.

Въ самой Австріи, равно какъ и въ Венгріи до сихъ поръ не приложено еще къ выполненію во всемъ объемѣ программы барона Чернига, утвержденной вѣнскимъ конгрессомъ, хотя и издаются пожающими статистическими учреждениями инструкціи и руководства городскимъ и промышленнымъ палатамъ. О неудовлетворительности промышленной статистики, обнародованной по Таможенному Союзу 1846-й и 1861-й годъ, и по Пруссіи за 1846, 1849, 1852, 1855 и 1858-й а свидѣлствуетъ самъ д-ръ Энгель. Эта неудовлетворительность и была впрочемъ поводомъ къ составленію новаго обширнаго плана промышленной переписи въ Германіи. Душою учрежденной въ поѣтому поводу, такъ и вообще по объединенію и усовершенствованію статистическихъ записей въ германской Имперіи, коммиссіи былъ д-ръ Энгель. Его работа, *Die Reform der Gewerbestatistik*, легла въ основіе доклада, представленнаго коммиссіею Союзному Совѣту и всего плана промышленной переписи; Союзный Совѣтъ однако до сихъ поръ, за другими болѣе важными и неотлагательными дѣлами, не могъ заняться этимъ вопросомъ, а потому предположеніе о производствѣ подобной переписи въ Германіи 1-го мая 1872-го года не могло осуществиться. Такимъ образомъ, въ виду организаціонной коммиссіи ербургскаго конгресса было и нѣсколько рѣшеній прежнихъ конгрессовъ, неисполненныхъ ни однимъ государствомъ, и цѣлый проектъ реформы по этому предмету одного изъ наиболѣе компетентныхъ вѣдѣній современной статистики.

Коммиссія, докладчиками которой были по общей части вопроса Вешняковъ, а по классификаціи производствъ профессоръ Андреевъ, принимая въ соображеніе, что по отзыву самого г. Энгеля неспѣхъ въ этой отрасли статистики происходитъ главнымъ образомъ отъ неудовлетворительности приѣмовъ, старалась согласовать рѣшенія прежнихъ конгрессовъ, въ особенности вѣнскаго, съ указаніями практики и съ тѣми улучшеніями, которыя введены въ проектъ германскихъ переписей, при чемъ признано было нужнымъ расширить вѣнскую программу вопросами о положеніи фабричнаго населенія и средствахъ принимаемыхъ къ его улучшенію. Что касается классификаціи производствъ, то г. Андреевъ, рассмотрѣвъ всѣ извѣстныя до настоящаго времени, и въ томъ числѣ классификацію барона Чернига и г. Энгеля, предложилъ новую, основанную на принципѣ удовлетворенія той или другой потребности отдѣльнаго человѣка и цѣлаго общества. При этомъ дѣленіи промышленность, взятая въ обширномъ смыслѣ

этого слова, распадается на 4 категории: 1) промышленность извѣщающую, 2) производство орудій труда и перевозки, 3) производство удовлетворяющія потребности человѣка въ жилищѣ, одеждѣ и пищѣ, вещественной и умственной, и 4) торговли. Эти четыре главных отдѣла распадаются еще на 11 группъ, 73 класса и 491 отдѣленіе.

Разсмотрѣніе этой классификаціи въ связи съ классификаціею занятій, основанія которой изложены въ докладѣ г. Майкова, переданномъ на обсужденіе 3-го отдѣленія конгресса, было поручено отдѣленіемъ особой комиссіи. Предсѣдателемъ ея былъ избранъ г. Фаррѣ. Комиссія не успѣла однако подвергнуть подробному обсужденію вопросъ о номенклатурѣ профессій, выработанной г. Майковымъ и ограничилась разсмотрѣніемъ одной классификаціи производствъ. Хотя предложенная г. Андреевымъ классификація и была принята, съ не большими поправками, но при внесеніи ея на разсмотрѣніе отдѣленія со стороны г. Энгеля сдѣланы были возраженія противъ главныхъ дѣленій, а потому отдѣленіе и приняло предложеніе г. Андреева, просить организационную комиссію о передачѣ этой классификаціи на окончательное разсмотрѣніе комиссіи экспертовъ на будущей всемирной выставкѣ въ Вѣнѣ въ 1873-мъ г., куда соберутся безъ сомнѣнія всѣ необходимыя для этого вопроса авторитеты и компетентныя лица.

Пренія объ общихъ условіяхъ промышленныхъ переписей или въ отдѣленіи весьма оживленно, благодаря присутствію г. Энгеля, принявшаго на себя роль докладчика отдѣленія передъ конгрессомъ, и на этомъ основаніи отказавшагося съ самаго начала отъ предложеннаго ему президентства, гг. М. Вирта, М. Блока, Келети, профессора Андреева, Ласпейреса, Симоненко и многихъ другихъ лицъ, интересовавшихся вопросомъ. Главными предметами преній были вопросы о томъ, должно ли отдѣленіе установить общія нормы свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ промышленности, или по одной мануфактурной? какъ часто должны быть производимы переписи? что удобнѣе требовать отъ хозяевъ—размѣръ заработной платы или общую цифру расхода по этой статьѣ? Въ результатъ впрочемъ программа организационной комиссіи, съ небольшими измѣненіями, была принята отдѣленіемъ, и г. Энгель въ докладѣ, представленномъ общему собранію, сформулировалъ слѣдующія предложенія, которыя и были приняты собраніемъ.

1) Большія переписи или изслѣдованія (*enquête*) о состояніи промышленности въ техническомъ, экономическомъ и социальномъ отношеніяхъ должны быть производимы по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ 10 лѣтъ, одновременно во всѣхъ странахъ.

2) Сверхъ того желательно собирать ежегодно нѣкоторыя свѣдѣнія о состояніи промышленности, а потому конгрессъ проситъ прави-

ства тѣхъ странъ, въ которыхъ существуетъ ежегодное собраніе вѣдѣній о промышленности, сохранять эти переписи и на будущее время. При этомъ достаточно было бы ограничиваться лишь свѣдѣніемъ о числѣ и родѣ промышленныхъ заведеній, о числѣ рабочихъ, занятыхъ въ промышленности съ раздѣленіемъ ихъ по полу и возрасту (дѣти моложе 14-ти лѣтъ и взрослые свыше 14-ти лѣтъ).

3) Свѣдѣнія, собираемыя при десятилѣтнихъ переписяхъ, должны быть собираемы по каждому заведенію отдѣльно, на основаніи составленныхъ организаціонною комиссіею и исправленныхъ отдѣльными формуляровъ.

4) Переписи промышленности должны быть производимы на тѣхъ основаніяхъ, какъ и переписи населенія, т.-е. посредствомъ листовъ, раздаваемыхъ всѣмъ лицамъ производящимъ какую-либо промышленность.

5) Эти листки выполняются или самими промышленниками, или агентами, или же членами повѣрочныхъ комиссій, но во всякомъ случаѣ на основаніи словесныхъ показаній самихъ промышленниковъ.

6) Мѣстный контроль переписей промышленности производится посредствомъ комиссій, составленныхъ изъ лицъ компетентныхъ и заинтересованныхъ въ успѣхахъ и процвѣтаніи промышленности, будутъ ли они принадлежать къ мѣстнымъ властямъ или къ самому промышленному классу.

7) Разработка листовъ и сводъ ихъ въ систематическія таблицы вручаются мѣстнымъ статистическимъ учрежденіямъ, которые въ своихъ работахъ должны по возможности сообразоваться съ рѣшеніями и желаніями международнаго статистическаго конгресса.

8) Результаты переписей, собранные вышеозначеннымъ образомъ, должны быть регулярно предаваемы гласности по предварительномъ изслѣдованіи ихъ лицами вполне знакомыми съ техническими науками.

9) Въ отношеніи классификаціи промышленныхъ, отдѣленіе, призывающее классы предложенныя въ классификаціи выработанной профессоромъ Андреевымъ, опредѣлило просить организаціонную комиссію петербургскаго конгресса предложить разсмотрѣніе этой классификаціи комитету экспертовъ международной промышленной выставки, имѣющей быть въ будущемъ 1873-мъ году въ Вѣнѣ, дабы этотъ ареолъ промышленности, технику и ученыхъ, наиболѣе знакомыхъ съ промышленностію, высказалъ свое мнѣніе о томъ, какая классификація промышленныхъ должна быть принята всѣми народами для одной цѣли, которую мы здѣсь имѣемъ въ виду.

10) Въ отношеніи классификаціи двигателей, машинъ и снарядовъ отдѣленіе приняло ту, которая предложена германскою комиссіею для германскихъ переписей промышленности и изложенной въ сочиненіи Ангеля: *Die Reform der Gewerbestatistik*.

11) Наконецъ послѣднее заключительное предложеніе состояло въ томъ, что такъ какъ статистика промышленности была включена въ программу нынѣшняго конгресса въ тѣхъ видахъ, чтобы дать полный и могущественный толчокъ работамъ по этой отрасли статистики и продвинуть трудъ международной сравнительной статистики, то отдѣленіе не желаетъ, чтобы работа эта останавливалась до собранія и обнародованія данныхъ, требуемыхъ настоящимъ рѣшеніемъ, а по-

гаеть напротивъ, что эта работа должна быть начата и продолжаема даже при помощи тѣхъ болѣе или менѣе совершенныхъ матеріаловъ, которые имѣются теперь и убѣждена въ томъ, что она можетъ быть постоянно улучшаема въ силу самаго факта своего существованія.

Вопросы горной статистики, которая уже занимала собою конгрессы брюссельскій и лондонскій, и отчасти парижскій и вѣнскій, были выдѣлены отдѣленіемъ въ особую субъ-коммиссію, избравшую своимъ предсѣдателемъ генерала Озерскаго. Состоя почти исключительно изъ однихъ русскихъ горныхъ инженеровъ, субъ-коммиссія полагала, что окончательная обработка программы для собиранія свѣдѣній по заводской промышленности должна быть предоставлена постоянной коммиссіи съ содѣйствіемъ специалистовъ. Въ основаніе программы субъ-коммиссія предлагала принять слѣдующія замѣчанія: свѣдѣнія о минералахъ должны составлять часть горной статистики въ тѣхъ странахъ, гдѣ производство минераловъ имѣетъ значеніе. Свѣдѣнія о фабрикаціи монеты должны быть исключены изъ горной статистики. Программа періодическихъ вѣдомостей должна быть дополнена свѣдѣніями о солеварняхъ. Въ отчетахъ должно быть строго различаемо желѣзо, перерабатываемое изъ старыхъ матеріаловъ, напримѣръ рельсовъ, отъ новаго. Программа ежегодныхъ вѣдомостей должна быть дополнена въ свѣдѣніяхъ о матеріальной части завода. Напротивъ, свѣдѣнія о возрастѣ рабочихъ, о числѣ рабочихъ дней, заработной платѣ и т. п. могутъ быть собираемы разъ въ пять или въ десять лѣтъ. Отчеты должны быть сопровождаемы краткимъ пояснительнымъ текстомъ о горномъ законодательствѣ, пошлинахъ на горные продукты и таможенныхъ пошлинахъ. Субъ-коммиссія выразила также желаніе, чтобы правительственные учрежденія, издающія ежегодныя свѣдѣнія по горной статистикѣ, принимали во вниманіе постановленія предыдущихъ сессій конгресса.

Четвертое отдѣленіе, сохранивъ русское бюро въ полномъ его составѣ, избрало изъ иностранцевъ: г. Виссеринга предсѣдателемъ, г. Мейцена, Блока, Ферсмана, Гендрикса и Барнса—вице-предсѣдателями, и гг. Кенвана, Леона Леви, Водію, Нессмана, Горна, де-Роберти и Куманнина—секретарями.

Предметъ занятій четвертаго отдѣленія составляли вопросы статистики почтовой и торговой и номенклатуры товаровъ, перевозимыхъ по воднымъ и желѣзнымъ путямъ. По всѣмъ этимъ предметамъ организаціонною коммиссіею представлены были весьма интересные и обстоятельные доклады, съ обширными приложеніями, обработанные гг. Потгенполемъ, Тернеромъ, Звѣринскимъ и Куломзиннымъ.

Вопросъ о почтовой статистикѣ былъ выдѣленъ отдѣленіемъ для разсмотрѣнія въ особую коммиссію подъ предсѣдательствомъ г. Мейцена. До сихъ поръ вопросъ этотъ былъ разсматриваемъ конгрессомъ лишь

какъ предметъ государственныхъ доходовъ и расходовъ; между тѣмъ онъ заслуживаетъ вполне особаго вниманія, какъ самостоятельное орудіе развитія торговли и промышленности, распространенія цивилизаціи и поддержанія семейныхъ связей. Поэтому вопросъ о доходности или не доходности является, какъ справедливо доказывалъ г. Поггенполь, совершенно случайнымъ и второстепеннымъ. Въ подтвержденіе этого имъ приведены и весьма краснорѣчивыя цифры. Въ Германіи, гдѣ устройство почтъ можно считать образцовымъ, всѣ доходы почтового управленія предоставляются въ его безусловное распоряженіе, и лишь за удовлетвореніемъ всѣхъ его потребностей избытокъ поступаетъ въ государственное казначейство. Въ 1871-мъ г. при 26-ти милліонахъ талеровъ дохода, 22½ милліона были употреблены на потребности почтового управленія, а 3½ мил. чистаго дохода поступили въ казначейство. Въ Англіи почтовые доходы, простиравшіеся въ 1839-мъ г. до 1½ мил. ф. ст. вслѣдствіе почтовой реформы 1840-го г. упали до полумилліона ф. ст., и несмотря на постоянное возвышеніе ихъ въ теченіе 30-ти лѣтъ, до сихъ поръ не достигли прежней цифры. Несмотря на такой неудовлетворительный въ фискальномъ отношеніи результатъ, въ глазахъ англійской публики почтовая реформа остается одною изъ самыхъ либеральныхъ мѣръ правительства. Въ Соединенныхъ Штатахъ съ 1852-го г. и по настоящее время, за исключеніемъ одного 1865-го года, когда были прекращены почтовые сношенія съ Югомъ, счета почтовой администраціи ежегодно заключаются дефицитомъ, достигающимъ нынѣ до 4-хъ мил. долларовъ, несмотря на то, что на каждого жителя тамъ приходится ежегодно вдвое болѣе писемъ, чѣмъ въ сѣверной Германіи. При разнообразіи въ различныхъ странахъ круга дѣятельности почтовыхъ учреждений и при отсутствіи или упрощеніи многихъ записей въ показанныхъ странахъ, по случаю быстроты почтовыхъ сношеній, оказывается необходимость въ ограниченіи программы международной почтовой статистики данными возможными для регистраціи. Вслѣдствіе того въ докладѣ г. Поггенполя предложено собирать статистическія свѣдѣнія: 1) о самыхъ почтовыхъ учрежденіяхъ, начиная съ центральнаго управленія и кончая сельскими почтами, 2) о самыхъ результатахъ эксплуатаціи, т. е. о числѣ писемъ, посылокъ и пр. съ разными подраздѣленіями ихъ на категоріи и о числѣ пройденныхъ ими путей; о числѣ перевезенныхъ почтами путешественниковъ и о числѣ почтовыхъ лошадей; о финансовыхъ результатахъ почтовой эксплуатаціи; по возможности о вѣсѣ корреспонденціи. Программа эта принята съ самыми незначительными поправками, и по докладу ея автора въ общемъ собраніи утверждена конгрессомъ.

Вопросъ о введеніи однообразія въ товарной классификаціи былъ поднятъ на гагскомъ конгрессѣ, по иниціативѣ покойнаго Маэстри, причемъ выражено было желаніе объ учрежденіи специальной междуна-

родной комиссіи для соглашенія по этому предмету, на подобіе комиссій, учреждавшихся по вопросамъ монетному, почтовому и телеграфному. Но желаніе это, какъ предсказывали гг. Давидъ, Ферманъ, и самъ Мазетти, не получило осуществленія, главнымъ образомъ по отсутствію достаточно предварительной работы. Вслѣдствіе того организаціонная комиссія нынѣшняго конгресса нашла нужнымъ пополнить этотъ пробѣлъ и представила сличительный сводъ 9-ти тарифовъ: русскаго, германскаго, австрійскаго, французскаго, бельгійскаго, итальянскаго, англійскаго и американскаго, составленныя по новой классификаціи г. Тереховымъ, сводъ системъ употребляемыхъ въ разныхъ странахъ при составленіи таможенныхъ отчетовъ и при опредѣленіи цѣнности товаровъ, г. Тернера, проектъ классификаціи товаровъ перевозимыхъ водою—г. Звѣринскаго, и—по желѣзнымъ дорогамъ г. Кулсмзина.

Отдѣленіе, послѣ оживленныхъ дебатовъ въ засѣданіяхъ, пришло къ слѣдующимъ рѣшеніямъ:

1) Алфавитная система не можетъ быть предложена для классификаціи товаровъ въ статистическихъ изданіяхъ о внѣшней торговлѣ.

Составленная отдѣленіемъ классификація товаровъ представляется предварительному утвержденію конгресса и подлежитъ передачѣ разнымъ статистическимъ бюро для предварительнаго развитія и внесенія замѣтъ на окончательное утвержденіе будущаго конгресса. Для соизмѣримости данныхъ, заключающихся въ отчетахъ различныхъ странъ о движеніи товаровъ, желательно, чтобы расчетъ и оцѣнка количествъ товаровъ привозныхъ и вывозныхъ, производилась всюду на основаніи однородной системы оцѣнки (вѣсъ, мѣра, цѣнность) и примѣнялась къ таблицѣ утвержденной съ этою цѣлью конгрессомъ.—Чистый вѣсъ долженъ быть принятъ при расчетахъ всѣхъ товаровъ, которые показываются не по-штучно и не мѣрою. Въ случаѣ уклоненія отъ этого правила таможенными, тара должна быть вычисляема статистическимъ бюро на основаніи среднихъ, выведенныхъ изъ опыта. Въ таможенныхъ вѣдомостяхъ показывается страна откуда отправляются товары, проходящіе транзитомъ одну или нѣсколько странъ, прежде чѣмъ они дойдутъ до мѣста своего назначенія,—во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ транзитъ происходитъ по желѣзной дорогѣ, на судахъ или какимъ бы то ни было другимъ способомъ, безъ таможеннаго контроля. Въ таможенныхъ вѣдомостяхъ о прибывшихъ моремъ товарахъ, товары нагруженные на корабль въ мѣстѣ его отправленія показываются отдѣльно отъ тѣхъ, которые были нагружены въ промежуточныхъ портахъ, принадлежащихъ иной странѣ. Статистика должна искать въ таможенныхъ отчетахъ лишь тѣхъ свѣдѣній, которыя требуются интересами казны, обращаясь за дополнительными свѣдѣніями къ другимъ источникамъ. Исключеніе можетъ быть дѣлаемо лишь для безошечныхъ товаровъ. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда товары не облагаются

пошлиною ad valorem, всякая страна опредѣляетъ дѣйствительную цѣнность такихъ товаровъ по системѣ среднихъ цѣнъ за вычетомъ извозныхъ и ввозныхъ пошлинъ. Желательно, чтобы для товаровъ, вывозная и ввозная цѣнности которыхъ значительно между собою различаются, были приняты различныя среднія цѣны, руководствуясь при томъ указаніемъ торговыхъ центровъ, ближайшихъ къ главнымъ таможнямъ, предназначеннымъ для ввоза и вывоза. Статистическія учрежденія разныхъ странъ приглашаются заняться на мѣстѣ изысканіемъ способовъ для усовершенствованія правильности рыночныхъ цѣнъ.

Общій докладъ отъ 4-го отдѣленія по торговой статистикѣ представленъ былъ конгрессу г. Тернеромъ, а по классификаціи товаровъ г. Кеннономъ, начальникомъ отдѣленія во французскомъ министерствѣ финансовъ, и оба были утверждены собраніемъ.

Пятое отдѣленіе избрало себѣ предсѣдателемъ г. фонъ-Баумгауера, вице-предсѣдателями: гг. Ивернеса, Майра и Таганцева, и секретарями: гг. Лаговари, Гаминка, Гюнне и Кауфмана.

Пятое отдѣленіе конгресса занималось нѣкоторыми вопросами уголовной статистики, въ предварительной разработкѣ которыхъ приняли участіе докторъ Майръ изъ Баваріи, профессоръ Таганцевъ и г. Утинъ и Раевскій.

Прежнее рѣшеніе конгрессовъ, какъ видно изъ записки д-ра Майра, равно какъ и изъ Avant-projet конгресса, вовсе мало подвинуло впередъ уголовную статистику разныхъ странъ. Обсужденіе началось съ вопроса о регистраціи уголовно-статистическихъ данныхъ, при чемъ иностранцы не могли не отдать полной справедливости прекрасной системѣ регистраціи, которая введена у насъ по судебному вѣдомству съ 1-го января 1872-го года, съ которою представители нашего министерства юстиціи наглядно ознакомили ихъ въ самомъ министерствѣ. Отдѣленіе пришло къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1. Необходимо ввести вездѣ правильную и однообразную регистрацію уголовно-статистическихъ данныхъ.
2. Лучшій для того способъ есть именная записъ.
3. Приложение этого способа заключается во введеніи: а) особыхъ листовъ для *каждою дѣла*, и в) *именныхъ листовъ* для всѣхъ подсудимыхъ. Листокъ, предназначенный для дѣла, содержитъ въ себѣ всѣ фазы уголовного процесса; именной листокъ подсудимыхъ заключаетъ характеристическіе признаки обвиняемыхъ.
4. Перваго рода листокъ долженъ быть введенъ для всѣхъ правонарушеній, послѣдній только для наиболѣе важныхъ.

Заключенія эти по докладу д-ра Майра приняты общимъ собраніемъ.

Второй вопросъ касался списковъ судимости (*cahiers judiciaires*) или періодической регистраціи для изслѣдованія и константированія

рецидивовъ преступленій. Пренія по этому вопросу выяснили, что всякая изъ существующихъ нынѣ системъ имѣетъ столь важныя недостатки, что этого вопроса нельзя еще считать теперь созрѣвшимъ для окончательнаго рѣшенія, и потому отдѣленіе, признавъ необходимость введенія списковъ судимости и обязанность официальной статистики доставлять обстоятельныя свѣдѣнія о рецидивахъ, предложило подробное развитіе этого вопроса оставить до будущей сессіи. Заключение это, доложенное г. Ивернесомъ, принято было и общимъ собраніемъ.

Подобнымъ же образомъ и вопросъ о номенклатурѣ преступленій по которому представлена замѣчательная работа профессоромъ Таганцевымъ, признано необходимымъ передать специальной комиссіи изъ представителей всѣхъ странъ, съ тѣмъ, чтобы она изготавила свой докладъ къ слѣдующему конгрессу. Предложеніе это было утверждено общимъ собраніемъ.

Какъ до открытія занятій по отдѣленіямъ, такъ и въ это время происходили еще спеціальныя работы официальныхъ иностранныхъ делегатовъ и чиновъ бюро организаціонной комиссіи. Засѣданія эта до открытія конгресса носили названіе Avant-congrès, по открытіи же конгресса—собранія официальныхъ делегатовъ. Кромѣ предварительнаго обсужденія программы конгресса и его регламента, два главныхъ предмета сосредоточивали на себѣ вниманіе этихъ собраній: 1) вопросъ о способахъ исполненія международнаго статистическаго изданія, предпринятаго согласно рѣшенію принятому конгрессомъ въ Гагѣ, и 2) вопросъ о преобразованіи конгресса.

Хотя по первоначальному предположенію къ нынѣшнему конгрессу должна была быть изготавлена по крайней мѣрѣ часть изданій этого рода разными статистическими бюро, однако это предположеніе не оправдалось; сообщенія, сдѣланныя разными сотрудниками въ этомъ дѣлѣ по разнымъ предметамъ, показали, что ни одна глава этой работы не приведена еще къ концу, хотя всюду приступлено уже къ собиранію нужнаго матеріала. При этомъ случаѣ обваружились тѣ трудности, съ которыми пришлось бороться и то разнообразіе въ пріемахъ и въ пониманіи первоначальнаго постановленія. Одни, какъ, напр., г. Энгель, считали возможнымъ основывать свои работы только на печатныхъ официальныхъ свѣдѣніяхъ, считая манускрипты, архивныя свѣдѣнія не заслуживающими довѣрія; другіе, какъ г. Бергъ, считали совершенно неисполнимымъ, при современномъ положеніи статистики, осуществленіе предначертаннаго плана, особенно по программамъ конгресса: одни считали себя въ правѣ составлять и разсылать въ другія бюро собственныя программы для собиранія матеріаловъ къ этому изданію, другіе напротивъ допускали это право въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда встрѣчаются пробѣлы въ программахъ

конгресса, т.-е. когда по известнымъ предметамъ совсѣмъ не было составлено программъ. Всѣ эти разногласія подали поводъ къ весьма оживленнымъ преніямъ и привели къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) Рѣшеніе объ изданіи международной статистики совокупными силами статистическихъ бюро остается (въ силѣ. 2) Сотрудники обязаны придерживаться по возможности формъ, предложенныхъ конгрессомъ, и могутъ измѣнять ихъ лишь въ случаѣ если самые матеріалы этого требуютъ. 3) Прежде всего сотрудники обращаются къ существующимъ изданіямъ. 4) Они сообщаютъ статистическимъ бюро другихъ странъ планъ своей работы и списокъ печатныхъ матеріаловъ, находящихся въ ихъ распоряженіи, съ отмѣткою недостающихъ имъ матеріаловъ. 5) Въ каждомъ изданіи должны быть тщательно указаны источники и матеріалы, съ раздѣленіемъ ихъ на официальные и неофициальные, и притомъ печатные или писанные.

Сверхъ того по предложенію норвежца г. Кьерро принять однообразный географическій порядокъ, въ которомъ должны быть располагемы всѣ страны въ будущемъ международномъ изданіи. Наконецъ въ самой программѣ этой работы сдѣлано добавленіе: статистика большихъ городовъ, которая была пропущена; она поручена гг. Швабе и Керези. Сверхъ того приобрѣтено нѣсколько новыхъ сотрудниковъ и сдѣланы незначительныя измѣненія въ распредѣленіи предметовъ.

Несравненно большій интересъ представляли пренія официальныхъ делегатовъ по вопросу о преобразованіи конгресса. Вопросъ этотъ уже съ 1863-го г. занималъ послѣдовательно четыре сессіи, и лишь нынѣшней петербургской сессіи выпала на долю честь привести къ соглашенію въ этомъ трудномъ и деликатномъ вопросѣ. Потребность въ измѣненіи устройства и направленія конгресса высказалась еще ранѣе берлинской сессіи. Конгрессъ скоро понялъ, что ему недостаточно устанавливать только однообразныя формы для собранія свѣдѣній по разнымъ предметамъ, но и необходимо знать, какъ предложенныя имъ формы выполняются, какія представляются при этомъ затрудненія, какія вслѣдствіе того требуются измѣненія. Результатомъ этого явилась потребность международныхъ изслѣдованій по тому или другому пункту общей программы. Въ силу этого убѣжденія уже на вѣнскомъ конгрессѣ было постановлено, что при всякой сессіи его официальные представители правительства собираются въ специальное засѣданіе и возлагаютъ на особую комиссію представленіе доклада о томъ, какъ исполняются рѣшенія конгресса въ разныхъ странахъ. Постановленіе это получило исполненіе лишь въ томъ отношеніи, что каждому конгрессу съ тѣхъ поръ предшествовали засѣданія официальныхъ делегатовъ, или Avant-Congrès. Но кратковременность этихъ собраній, неопредѣленность ихъ роли и незнакомство

членовъ съ занятіями всѣхъ отдѣленій конгресса, значительно уменьшали пользу, которую можно было ожидать отъ этихъ совѣщаній; притомъ официальные делегаты въ устныхъ и даже письменныхъ общеніяхъ болѣе представляли панегирики работъ своей національной статистики, нежели отчеты объ исполненіи въ ихъ отечествѣ рѣшеній конгресса.

Первый полный планъ реорганизаціи конгресса исходилъ отъ организатора берлинскаго конгресса г. Энгеля, и основывался главнымъ образомъ на необходимости измѣнить личный составъ конгресса разграниченіемъ правъ его членовъ, смотря по характеру ихъ положенія и отношенія къ статистикѣ, и на необходимости учрежденія особаго органа, который бы сохранялъ преемственность конгрессовъ въ промежуткѣ между ихъ засѣданіями и направлялъ ихъ работы. Проектъ выработанный г. Энгелемъ обращалъ конгрессъ въ постоянное общество, съ членами почетными неплатящими, и членами дѣйствительными, корпоративными и годовыми платящими, съ постоянной комиссіей изъ 9-ти членовъ, по выбору конгресса, съ центральнымъ бюро, архивомъ, бібліотеккой, періодическимъ листкомъ. Но проектъ этотъ былъ забракованъ конгрессомъ и вопросъ о преобразованіи былъ переданъ обсужденію особой международной комиссіи и отложенъ до слѣдующей сессіи.

Ни во Флоренціи, ни въ Гагѣ, несмотря на сдѣланныя представленія и заявленія, и на продолжительные дебаты, вопросъ этотъ не получилъ удовлетворительнаго разрѣшенія, и переданъ былъ петербургскому конгрессу въ томъ же скромнѣ видѣ.

Исходя изъ тѣхъ соображеній, что общія собранія конгресса, имѣющія право окончательнаго рѣшенія всѣхъ вопросовъ, состоятъ, кромѣ лицъ вполне компетентныхъ въ статистикѣ, официальныхъ делегатовъ и ученыхъ, т.-е. главныхъ производителей и потребителей статистическихъ данныхъ, еще изъ массы лицъ только интересующихся статистикою, и притомъ что на 100 членовъ конгресса приходится отъ 70 до 90 мѣстныхъ, туземныхъ членовъ; что этимъ значительно ослабляется международный характеръ конгресса; что тотъ же исключительно національный характеръ имѣютъ и организаціонныя комиссіи, мало знакомыя съ характеромъ и положеніемъ изучаемыхъ предметовъ въ другихъ странахъ; что въ работахъ конгрессовъ нѣтъ единства, и что конгрессъ не имѣетъ средствъ слѣдить за исполненіемъ своихъ рѣшеній, г. Семеновъ въ представленномъ имъ докладѣ, въ видахъ раздѣленія работъ между общимъ собраніемъ, отдѣленіями и организаціонною комиссіею съ одной стороны, или потребителями по преимуществу статистическихъ цифръ и начальниками статистическихъ бюро, или производителями этихъ цифръ, предлагалъ учрежденіе постоянной комиссіи, которая бы дѣйствовала между двумя сессіями

конгресса и сохраняла его традиціи. Послѣ продолжительныхъ и оживленныхъ преній, танувшихся два засѣданія, собраніе официальныхъ делегатовъ остановилось на слѣдующей организаціи, которая выработана была въ комиссіи, составленной подъ предсѣдательствомъ Кет-е и Семенова, изъ Баумгауера, Берга, Энгеля, Фиккера, Вирта и Пернеса:

1. Учреждается постоянная комиссія международного статистического конгресса изъ членовъ, на которыхъ возложена обязанность приготовить планъ международной статистики. Страны, не участвующія въ распредѣленіи работъ по международной статистикѣ, имѣютъ право назначать своихъ делегатовъ въ постоянную комиссію.

2. Предсѣдателемъ комиссіи долженъ состоять, отъ одного конгресса до другого, организаторъ послѣдней сессіи.

3. Предсѣдатель назначаетъ секретаря.

4. Постоянная комиссія собирается по крайней мѣрѣ одинъ разъ между двумя сессіями. Она имѣетъ предметомъ:

а) Сбирать свѣдѣнія о приведеніи въ исполненіе постановленій конгресса въ различныхъ странахъ и о представляющихся при томъ затрудненіяхъ; изслѣдовать, не требуютъ ли эти затрудненія пересмотра принятыхъ рѣшеній.

б) Стремиться къ объединенію статистическихъ изданій въ различныхъ странахъ, насколько то будетъ необходимо для образованія международной статистики.

в) Обращать вниманіе организаціонной комиссіи на подлежащіе обсужденію въ слѣдующей сессіи вопросы и помогать ей въ составленіи программы.

г) Производить международныя изслѣдованія для того, чтобы представлять организаціонной комиссіи слѣдующей сессіи доклады по положеніи во всѣхъ странахъ тѣхъ отраслей статистики, къ которымъ относятся предлагаемые вопросы. Представленіе всякаго доклада общему собранію конгресса о какомъ бы то ни было вопросѣ должно быть сопровождаемо международнымъ изслѣдованіемъ.

е) Коллективныя международныя работы вести такимъ образомъ, какъ это было предпринято въ Гаагѣ; разрѣшать вопросы, относящіеся къ выполненію этихъ работъ и составлять для нихъ программы.

ж) Представлять конгрессу окончательную редакцію принятыхъ рѣшеній.

Заключенія эти были приняты весьма сочувственно собраніемъ и встрѣтили живое одобреніе со стороны многихъ значительныхъ членовъ конгресса.

Слушаніе и обсужденіе 19-ти докладовъ пяти отдѣленій и семи субъ-комиссій заняли два полныхъ засѣданія общаго собранія,

16-го и 17-го августа и часть 18-го; какъ мы видѣли, за исключеніе весьма немногихъ всѣ эти доклады были утверждены почти безъ никакихъ измѣненій и поправокъ. Кромѣ того общее собраніе приняло еще нѣсколько предложеній, сдѣланныхъ ему преимущественно относительно будущихъ работъ конгресса и статистическихъ бюро. Такъ мысли коммодора Мори и г. Кетле, объ установленіи для изслѣдованій отношеній между жатвою и погодою обширной сѣти метеорологическихъ наблюденій на землѣ по тѣмъ способамъ которые приняты морѣ, и по обсужденіи этого предложенія въ комиссіи изъ гг. Кет. Семенова, барона Остенъ-Сакена и адмирала Горковенко, конгрессъ выразивъ свое сочувствіе къ мысли г. Мори, пригласилъ официальныхъ делегатовъ обратить вниманіе различныхъ правительственныхъ учреждений и ученыхъ обществъ на важность осуществленія проекта г. Мори и на необходимость опредѣлить во всякой странѣ способъ такого осуществленія. Подобное же предложеніе о союзѣ между метеорологами и статистиками было сдѣлано и г. Левассеромъ и принято сочувственно конгрессомъ, несмотря на возраженіе г. Вирта.

Другое предложеніе, исходившее отъ г. Керези и подписанное многими членами второго отдѣленія конгресса о томъ, чтобы статистическія учрежденія различныхъ странъ установили между собою постоянныя сношенія для сообщенія способовъ, употребляемыхъ и при собираніи первоначальныхъ данныхъ, также было принято съ общимъ одобреніемъ конгрессомъ и занесено въ его протоколъ.

Наконецъ г. Виссерингъ предложилъ поручить особенному вниманию организаціонной комиссіи будущей 9-й сессіи конгресса вопросу о статистикѣ желѣзныхъ дорогъ, и г. Энгель о преподаваніи статистики.

Вопросъ объ избраніи мѣста для будущаго конгресса занялъ послѣднее общее собраніе 18-го августа. Самое энергическое, радужное и настойчивое приглашеніе исходило отъ представителей Венгріи, и Келети и Гунфальви, которые явились съ уполномочіемъ отъ своего правительства на приглашеніе конгресса въ столицу Венгріи Буда-Пестъ, и ручались за радушный и гостепріимный приѣмъ со стороны венгерскаго народа.

Главный представитель Америки Йонгъ, поддержанный также гг. Дерби и Горалечемъ, приглашалъ конгрессъ отъ имени американскаго народа въ Америку—на 1876 г.—годъ столѣтняго юбилея независимости Соединенныхъ Штатовъ. Несмотря на сочувствіе, выраженное собраніемъ этому приглашенію, г. Кетле выразилъ мысль, что при всѣхъ симпатіяхъ его къ союзу Европы и Америки въ дѣлѣ статистическаго изученія, онъ считалъ бы весьма опаснымъ для конгресса, прежде нежели твердо установилось единство статистическихъ работъ въ Европѣ, переноситься въ другую часть свѣта, гдѣ работа производится и

основаніи данныхъ совершенно иного рода, чѣмъ въ Старомъ Свѣтѣ; г. Блокъ выразилъ мнѣніе о неудобствѣ особенно для конгресса заѣзжать во время торжественныхъ празднествъ въ память независимости Америки.

Третье приглашеніе исходило отъ представителей Швейцаріи, гг. Вурта и Боденгеймера, которые возобновили приглашеніе, сдѣланное еще въ 1863 г., но повидимому не особенно настаивали на своемъ приглашеніи. Наконецъ нельзя не упомянуть, что г. Корренти, представитель Италіи, предложилъ конгрессу собраться въ новой ея столицѣ, въ Римѣ.

Согласно обычаю конгресса и по предложенію гг. Энгеля и Фарра вопросъ о выборѣ мѣста для будущаго конгресса переданъ усмотрѣнію организаціонной комиссіи. Князь Лобановъ-Ростовскій, выражая представителямъ странъ, отъ которыхъ исходили приглашенія, признательность собранію, заявилъ, что организаціонная комиссія вѣситъ серьезно всѣ сдѣланныя предложенія, также и высказанныя замѣчанія. — Въ томъ же собраніи, гдѣ шла рѣчь о мѣстѣ будущаго конгресса, высказано было сочувствіе къ появленію въ первой разѣ на конгрессѣ представителей такихъ отдаленныхъ странъ, какъ Аргентинская республика и Японія, и желаніе, чтобъ южно-американскія республики приняли участіе въ будущихъ конгрессахъ. Бразилія также впервые имѣла на конгрессѣ своего представителя.

Занятія конгресса заключились торжественнымъ засѣданіемъ общаго собранія, въ которомъ предсѣдательствовалъ в. князь Константинъ Николаевичъ. Оно занято было рѣчами представителей пяти первоклассныхъ державъ: Франціи, Пруссіи, Англіи, Германской имперіи и Италіи. Въ этихъ рѣчахъ, сказанныхъ каждымъ на родномъ языкѣ, гг. Левассеръ, Энгель, Фарръ, Мейценъ и Корренти высказали въ распорѣчивыхъ выраженіяхъ признательность конгрессу Россіи и ея правительству — за оказанное ему гостепріимство; — почетному презенту конгресса — за высокую честь оказанную имъ конгрессу и за состоянное, болѣе усидчивое нежели со стороны кого-либо изъ членовъ конгресса, вниманіе и интересъ къ его занятіямъ; наконецъ всей организаціонной комиссіи и тремъ главнымъ ея руководителямъ, вице-предсѣдателямъ: князю Лобанову-Ростовскому, генералу Грейгу и І. П. Семенову, за вполне удачное устройство конгресса; при чемъ многими было выражено, что они нашли въ Россіи гораздо болѣе интереснаго и достойнаго изученія нежели предполагали. — Засѣданіе было закрыто рѣчью почетнаго предсѣдателя, великаго князя Константина Николаевича, который съ величайшимъ интересомъ и вниманіемъ слѣдилъ за всѣми работами конгресса и не пропустилъ ни одного засѣданія, присутствуя обыкновенно въ императорской ложѣ. Поблагодаривъ ораторовъ за ихъ краснорѣчивыя слова сочувствія,

высказанныя отъ имени конгресса, заявилъ о своемъ личномъ уваженіи и о вниманіи Государя Императора и Россіи къ наукѣ и доблестнымъ ея представителямъ, и заключилъ слѣдующею вѣрной мыслію.

„Съѣзды, подобные тому, который сегодня оканчивается, представляютъ одну изъ характеристическихъ и, безъ сомнѣнія, одну изъ самыхъ свѣтлыхъ сторонъ нашего времени. Сходясь на нейтрально почвѣ науки съ отдаленныхъ краевъ всего образованнаго міра, люди знанія и опыта, люди различныхъ убѣжденій въ сферѣ практической дѣятельности, укрѣпляются во взаимномъ уваженіи и, перенося это уваженіе отъ личностей къ цѣлымъ странамъ, представителями которыхъ они служатъ, тѣмъ самымъ способствуютъ къ укрѣпленію связей между народами. Почерпая въ этомъ сознаніи новыя силы для служенія на томъ поприщѣ, которому они себя посвятили, и какъ бы отдыхая отъ ежедневныхъ трудовъ и заботъ, люди науки своими съѣздами способствуютъ распространенію въ массахъ положительныхъ знаній и тѣмъ самымъ еще болѣе достигаютъ цѣли служенія истинѣ и прогрессу человѣчества“.

Дѣйствительно, первымъ и ближайшимъ для насъ результатомъ окончившагося конгресса должно бы быть знакомство съ нами и болѣе трезвый взглядъ на Россію сотни образованныхъ представителей всѣхъ странъ міра, которые, несмотря на короткое пребываніе у насъ, могли однако убѣдиться, на какихъ ложныхъ понятіяхъ о Россіи многие изъ нихъ были воспитаны съ юности, и безъ сомнѣнія будутъ распространять свои новыя впечатлѣнія и убѣжденія въ своемъ отечествѣ. Русское гостепріимство было опѣнено ими вполне по достоинству и было принято съ самой непритворной признательностью. Можно надѣяться, что мы приобрѣли сотню новыхъ вѣрныхъ друзей во всѣхъ странахъ свѣта.

Съ другой стороны и большинству русской образованной публики, принявшей участіе въ конгрессѣ въ качествѣ праздныхъ зрителей, или слѣдившей за ходомъ занятій конгресса по газетамъ, и привыкшей смотрѣть на статистику какъ на могилу мертвыхъ и большей частью бесполезныхъ цифръ, она явилась источникомъ знаній, необходимыхъ каждому государственному и общественному дѣятелю. Присутствіе конгресса безспорно также возбуждаетъ въ странѣ дѣятельность лишь знакомыхъ съ статистикою и ея требованіями, и популяризуетъ въ массахъ образованной, но не специальной публики, понятія о статистикѣ и ея данныхъ.

Если разсматривать конгрессъ независимо отъ этого мѣстнаго значенія его для Россіи, какъ преемника семи предшествующихъ конгрессовъ, то безъ преувеличенія можно сказать, что онъ не уступалъ своимъ предшественникамъ, ни въ отношеніи подготовительныхъ работъ, ни въ отношеніи работъ по отдѣленіямъ. Ненадо забывать, что съ

каждымъ конгрессомъ дѣлается все труднѣе и труднѣе составлять программы его занятій, потому что кругъ вопросовъ все болѣе и болѣе исчерпывается, а между тѣмъ каждая организаціонная коммиссія желаетъ представить программу, составленную изъ интересныхъ, по возможности нетронутыхъ вопросовъ. Къ старымъ разсматривавшимся въ прежнихъ сессіяхъ обращаются лишь тогда, когда они получили прежде совершенно неудачное разрѣшеніе, и общаются достаточно интересный матеріалъ для программы и обсужденія. Поэтому нельзя не признать программу вопросовъ бывшаго конгресса составленною весьма удачно; что касается самого выполненія программы, то нельзя не отдать справедливости, что она выполнена добросовѣстно и отличается отъ прежнихъ не однимъ объемомъ. Если не считать приложений, то она собственно даже не превышаетъ объемомъ программы другихъ конгрессовъ, но именно въ приложенияхъ и заключается много весьма интереснаго, потому что они являются какъ бы результатомъ отдѣльныхъ изслѣдованій или enquétes по разнымъ вопросамъ, и притомъ по свѣдѣніямъ о многихъ странахъ. Таковы обширныя работы профессора Таганцева о номенклатурѣ преступленій, гг. Семенова и Анучина — о переписяхъ, гг. Майкова и Щепкина — о номенклатурѣ занятій, г. Терехова — по товарной классификаціи. Сверхъ того, въ приложенияхъ же заключается интересная статья о статистикѣ денежнаго обращенія въ Россіи, г. Кауфмана, нѣсколько замѣтокъ русскихъ врачей по медицинской статистикѣ, и весьма интересныя работы иностранцевъ: гг. Майра, Фиккера, Швабе и Вирта. Все это даетъ нынѣшней программѣ интересъ болѣе чѣмъ временный. Что касается самихъ работъ конгресса, т.-е. его отдѣленій,—потому что общее собраніе не вышло изъ своей обычной роли, утверждать почти безпрекословно предложенія отдѣленій,—то и здѣсь едва ли работы конгресса уступали работамъ прежнихъ сессій. Мы думаемъ, что дѣло шло не лучше, но и не хуже нежели на другихъ конгрессахъ.

Изъ 19-ти докладовъ, рѣшеніе семи вопросовъ привело къ передачѣ ихъ вполне или отчасти на разсмотрѣніе слѣдующаго конгресса или постоянной коммиссіи. Изъ остальныхъ 12-ти вопросовъ многіе, какъ, напр., о переписяхъ, о движеніи и спискахъ населенія, о соматологическихъ наблюденіяхъ, о промышленной статистикѣ, о товарной классификаціи, были подвергнуты тщательному и всестороннему обсужденію и привели къ довольно удачному развитію и разрѣшенію предложеній, сдѣланныхъ по каждому изъ нихъ организаціонною коммиссіею.

Самымъ существеннымъ результатомъ нынѣшняго конгресса слѣдуетъ считать довольно удачное разрѣшеніе вопроса о преобразованіи конгресса. Не измѣняя состава и характера конгресса, какъ предлагалъ г. Энгель въ 1863-мъ г., не увеличивая промежутковъ времени между сессіями, какъ предлагалъ г. Семеновъ, учрежденіе постоянной комис-

сія даетъ возможность конгрессу продолжать свою дѣятельность и въ закрытіи его официально, и повидимому можетъ облегчить труды организационныхъ коммиссій послѣдующаго времени. Постоянная коммиссія должна служить живою, непрерывною органическою связью между сессіями конгресса и между представителями официальной статистики. На ней отнынѣ должна лежать обязанность блюсти за исполненіемъ и осуществленіемъ рѣшеній конгресса или за измѣненіемъ ихъ въ случаѣ неудобноисполнимости. Она можетъ быть опасна лишь въ томъ отношеніи, что можетъ забрать въ свои руки дѣла самого конгресса и привести къ его незамѣтному упраздненію, если конгрессъ самъ во-время не постарается предотвратить этой опасности, будучи главнымъ двигателемъ дѣла. Надо однако надѣяться, что этого никогда не случится, потому что это было бы посягательствомъ на уничтоженіе могущественнаго средства сближенія между собою лицъ, занимающихся одновременно на разныхъ концахъ вселенной разработкою матеріаловъ для изученія общественныхъ условий жизни человѣка, и распространеніемъ въ массахъ поучительныхъ знаній на пользу истины и прогресса человѣчества; скорѣе нужно надѣяться, что съ расширеніемъ статистикою предѣловъ ея дѣятельности, и конгрессъ будетъ развиваться, можетъ быть, на новыхъ началахъ, и что современнѣе объѣхавъ всѣ страны Европы и достигнувъ того объединенія статистическихъ работъ, къ которому направилъ его знаменитый виновникъ конгресса—Кетле, и къ которому онъ такъ неуклонно стремится въ теченіе 20-ти лѣтъ, а со времени гагской и петербургской сессіи уже почти видитъ если не берегъ, то возможность достигнуть берега—въ осуществленіи совокупными силами международного статистическаго изданія,—нужно надѣяться, говоримъ мы, что конгрессъ со временемъ распространитъ свой районъ дѣйствія—за предѣлы океановъ и будетъ переноситься въ другія части свѣта, такъ какъ онъ до сихъ поръ переносился въ Европѣ съ сѣвера на югъ, и съ запада на востокъ.

W.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го октября, 1872.

мѣтній юбилей воспитательнаго дома въ Петербургѣ. — Взглядъ на исторію
по учрежденія. — Новѣйшія преобразованія въ немъ. — Сельскія сеудо-сбере-
гательныя товарищества. — Докладъ кн. А. Васильчикова. — Отчеты товари-
ществъ. — Нынѣшнее положеніе этого дѣла.

Населеніе города Петербурга по отношенію къ воспитанію дѣтей,
въ сомнѣніи, поставлено въ условія болѣе благоприятныя, чѣмъ
иселеніе другихъ русскихъ городовъ. Съ одной стороны сравнитель-
но высота зарбботковъ даетъ болѣе средствъ къ содержанію дѣтей,
съ другой стороны относительно большое число школъ всякаго рода,
отъ низшихъ до высшихъ, даетъ возможность обезпечить ихъ воспи-
таніе. Процентъ учителей въ Петербургѣ внѣ всякаго сравненія съ
тѣмъ, какимъ располагаютъ города провинціальныя; педагогія всякаго
рода, гражданская, военная и духовная, казенная и частная, классиче-
ская и даже реальная въ Петербургѣ процвѣтаетъ, насколько она
вообще можетъ процвѣтать въ извѣстныхъ рамкахъ. Несмотря однако
на соединеніе столь благоприятныхъ условій, неподкупныя статистиче-
скія цифры обнаруживаютъ фактъ, что населеніе Петербурга относи-
тельно воспитанія дѣтей въ значительной мѣрѣ придерживается мысли
Жанъ-Жака Руссо, и гораздо болѣе одной трети всего числа рож-
дающихся въ столицѣ дѣтей отдаются на воспитаніе—въ воспитатель-
ный домъ. Съ 1810-го по 1864-й годъ въ Петербургѣ родилось 632 т.
дѣтей и изъ этого числа около 220½ тысячъ были отданы въ на-
званное учрежденіе. Итакъ, болѣе трети петербуржцевъ слѣдовали
примѣру Жанъ-Жака и на призваніе отца семейства смотрѣли согласно
съ Лафонтеномъ: *je n'ai jamais envié cet honneur*. Замѣчательно еще,
что такіа убѣжденія прошлаго столѣтія въ средѣ петербургскаго на-
селенія еще не успѣли привѣтаться въ свой вѣкъ, такъ какъ въ 1771-мъ
году процентъ дѣтей поступившихъ въ воспитательный домъ состав-
лялъ только 10, 7; развивались же помянутыя убѣжденія въ Петер-

бургъ преимущественно въ текущемъ столѣтіи, и притомъ развились постоянно и до такой степени, что въ 1836-мъ году, изъ вса числа дѣтей рожденныхъ въ столицѣ, меньшая половина оставалась у родителей, а бѣльшая половина (почти 54%) поступали въ воспитательный домъ.

Оказались нужными разныя ограничительныя мѣры противъ притока дѣтей и тогда число приносимыхъ стало уменьшаться, такъ что въ 1864-мъ году въ воспитательный домъ поступило уже только 28,4% всего числа рожденныхъ въ столицѣ дѣтей. Ограничительныя правила дѣйствовали до половины 1871-го года, а потому мы не имѣемъ возможности судить, въ какой мѣрѣ петербургское населеніе положило бы нынѣ для воспитанія своихъ дѣтей на „спеціально предназначенное къ тому учрежденіе. Въ теченіи 1870-го года въ Петербургъ родилось 19,572 души, а въ воспитательный домъ принесено было незаконныхъ и законныхъ дѣтей 6,814 (отчетъ за 1870-й годъ) стало быть все-таки гораздо болѣе трети всего числа рожденныхъ. На эти данныя соотвѣтствуютъ 1870-му году, въ которомъ ограничительныя правила еще дѣйствовали. Каковъ же будетъ результатъ ихъ отмены, послѣдовавшей въ 1871-мъ году, мы узнаемъ не ранѣе, какъ изъ отчета за 1872-й годъ. Во всякомъ случаѣ надо полагать, что процентъ принесенныхъ дѣтей будетъ приближаться скорѣе къ половинѣ всего числа рожденныхъ въ Петербургъ, чѣмъ къ трети. Считаю основанія петербургскаго воспитательнаго дома, въ немъ было призрачно (грамота по случаю юбилея) до 370-ти тысячъ дѣтей.

Изъ приведенныхъ цифръ явствуетъ, какое громадное значеніе принадлежитъ воспитательному дому въ той реальной, такъ-называемой „повседневной“ жизни собственно Петербурга, мимо которой скользятъ помыслы общества, занятые или личными или болѣе „эстетическими“ интересами. Но приведенными цифрами еще далеко не обрисовывается все значеніе такого учрежденія, какъ это. Въ экономіи петербургской жизни воспитательный домъ представляется собственно какъ учрежденіе подбирающее и уносящее куда-то дѣтей, оставленныхъ родителями по бѣдности или равнодушію или подъ давленіемъ другихъ социальныхъ условій, однимъ словомъ — скажемъ горькую правду — какъ нѣкая благотѣльная сила, освобождающая городъ отъ цѣлой трети или половины дѣтей. Но вѣдь эти подобранныя дѣти не всѣ же умираютъ; многіе выживутъ несмотря на всю неблагоприятность условій, вырастутъ, станутъ дѣятелями. Благодаря школамъ воспитательнаго дома, они составятъ въ окрестныхъ мѣстностяхъ значительный процентъ всего числа грамотныхъ, дадутъ большой контингентъ для профессіи учителей народныхъ школъ, примутся и за другія отрасли труда и представятъ собою то немаловажное значеніе, какое имѣетъ учрежденіе, ихъ усыновившее, и внѣ города Петербурга. Распространен-

ніе оспонпрививанія также составляет большую заслугу воспитательнаго дома. Наконецъ, и одинъ тотъ фактъ, что воспитательнымъ домомъ сохранено большое число человѣческихъ жизней, самый этотъ фактъ, филантропическій и не имѣющій ничего общаго съ потребностью Петербурга освободиться отъ массы дѣтей во что бы то ни стало — даетъ воспитательному дому право на горячее сочувствіе и глубокое уваженіе всѣхъ развитыхъ людей, даетъ намъ право сказать, что его дѣятельность, скромная какъ все, что не удовлетворяетъ и не задѣваетъ страстей, въ сущности стоитъ выше иной дѣятельности. Если не отчаяваться въ будущности человѣчества, если не считать, что взгляды и убѣжденія, въ немъ преобладающіе, никогда существенно не измѣнятся, не направятся къ общему благу, къ реальному дѣлу улучшенія условій человѣческой жизни, то можно думать, что нынѣшніе воспитательные дома и другія мѣста призрѣнія представляютъ еще не болѣе какъ фундаментъ величественнаго зданія будущности, когда первымъ, главнымъ въ государствѣ дѣломъ будетъ именно дѣло общественнаго призрѣнія, просвѣщенія и врачеванія.

Вотъ въ этомъ смыслѣ особенно велико и дорого значеніе воспитательныхъ домовъ, каковы бы ни были его недостатки за прошлое, а можетъ быть и въ настоящее время. Наши воспитательные дома существуютъ уже цѣлое столѣтіе. Въ 1863-мъ году праздновалъ свой вѣковой юбилей московскій воспитательный домъ; въ истекшемъ мѣсяцѣ праздновалъ свое столѣтіе воспитательный домъ въ Петербургѣ. По поводу юбилея 6-го сентября мы и хотимъ бросить взглядъ на дѣятельность этого учрежденія въ Петербургѣ, какъ она представляется тѣмъ, къ сожалѣнію весьма неполными свѣдѣніями, какія были доселѣ опубликованы въ матеріалахъ къ исторіи московскаго дома, въ извлеченіяхъ изъ отчетовъ петербургскаго дома, помѣщенныхъ въ „Прав. Вѣстникъ“¹⁾, въ высочайшей грамотѣ по поводу юбилея и нѣсколькихъ газетныхъ статьяхъ.

Въ основаніе учрежденія воспитательныхъ домовъ положены были цѣли хотя взаимно не противорѣчащія, но тѣмъ не менѣе существенно различныя, и любопытно видѣть, какъ духъ времени отражался и въ измѣнявшемся взглядѣ правительства на направленіе столь чуждаго повидимому всякаго отношенія къ политическимъ принципамъ, учрежденія. Первоначальная мысль, инициатива въ учрежденіи воспитательныхъ домовъ въ Россіи безспорно принадлежала одному изъ лучшихъ людей въ нашей исторіи—И. И. Бецкому. Онъ лично побужденъ былъ къ этому дѣлу просто гуманностью, желаніемъ устранить вопиющую

¹⁾ Къ сожалѣнію, мы не могли воспользоваться извлеченіемъ изъ отчета за 1871-й годъ, которое стало печататься въ „Прав. Вѣстникѣ“ въ двадцатыхъ числахъ, когда наше обозрѣніе уже было набрано.

жестокость, рвеніемъ къ тому, чтобы сдѣлать великое доброе дѣло. Бецкій посвятилъ потомъ этому дѣлу всю свою жизнь и принесть ему въ жертву значительную часть своихъ доходовъ. Онъ продалъ подаренныя ему государемъ помѣстья и вырученную сумму 400 тысячъ рублей положилъ въ учрежденную при петербургскомъ воспитательномъ домѣ, для увеличенія его средствъ, сохранную казну, для того чтобы внушить довѣріе къ этой казнѣ. По завѣщанію, Бецкій оставилъ воспитательному дому до 163 т. р., да еще около 93 т. р. разнымъ училищамъ. Уже этихъ фактовъ достаточно, чтобы уяснить въ Бецкомъ направленіе чисто-филантропическое, чуждое государственныхъ видовъ на привитіе къ народу какихъ-либо особенныхъ, искусственныхъ системъ. Аракчеевъ энергически прививалъ къ народу подобную систему, но вѣдь Аракчеевъ не отказывался отъ части своихъ доходовъ въ пользу военныхъ поселеній. Со стороны же Бецкаго самое безорыстіе его доказываетъ чистую филантропичность его намѣреній.

Впрочемъ основная мысль, служившая ему побужденіемъ въ этомъ дѣлѣ, и была имъ высказана во всей своей простотѣ и безхитростности своей гуманности въ первоначальномъ докладѣ, представленномъ имъ императрицѣ Екатеринѣ II, 10-го іюня 1763-го года, которымъ онъ просилъ дозволенія подъ покровительствомъ государыни „завести домъ для найденныхъ и оставленныхъ родителями дѣтей“, для того собственно, какъ выразился онъ тогда, чтобы спасти „тѣхъ несчастныхъ дѣтей, которыхъ злосчастныя, а иногда безчеловѣчныя матери покидаютъ и умерщвляютъ“, и чтобы, „по надлежащемъ воспитаніи, сдѣлать ихъ полезными членами общества“. Та же чисто гуманная цѣль, высказывается и въ написанномъ Бецкимъ „предувѣдомленіи къ генеральному плану воспитательнаго дома для приносимыхъ дѣтей“. „Первое, что дало бытіе сему дому, — говоритъ онъ, — есть милосердіе изреченное слово къ отверженнымъ отъ родителей, безъ пристанища, на погибель осужденнымъ, невиннымъ, кромѣ слезъ своихъ къ изясненію себя никакого способа не имѣющимъ младенцамъ: и вы живы будете! Благотворящій разумъ онаго не только тотъ, чтобы они существовали, но чтобы жили какъ люди, по своему состоянію полезныя себѣ и обществу, безъ чего всякій человѣкъ есть тщетное бремя земли. Итакъ“, — совершенно точно опредѣляетъ Бецкій двѣ личныя свои, вполнѣ совпадающія цѣли — „главнѣйшій предметъ есть *спасать* жизнь, укрѣплять здоровье и *образовать* душу благонравную“.

Что личныя цѣли Бецкаго, когда онъ вызывалъ къ жизни это учрежденіе, были свойства исключительно-гуманнаго, безъ всякихъ „заднихъ мыслей“ о какихъ-либо государственныхъ экспериментахъ надъ народомъ, это, повторяемъ, и достаточно было высказано имъ, и доказывается тѣмъ безкорыстіемъ и самопожертвованіемъ, съ какими онъ велъ это дѣло. Только чистый филантропъ могъ пожертвовать

дѣлу и всю свою жизнь, и значительную часть своихъ средствъ, и даже перѣдко свое самолюбіе, какъ то видно изъ смиреннаго перенесенія Бецкимъ всякихъ неприличныхъ шутокъ со стороны богача Демидова, потому только, что Демидовъ дѣлалъ большія приношенія на то же дѣло. Дѣятели, преслѣдующіе какія-либо особыя государственныя цѣли, смотрящіе на народъ не какъ на совокупность чело-вѣческихъ личностей, имѣющихъ право на „жизнь, здоровье и образованіе благонравной души“, но какъ на матеріалъ для государственныхъ экспериментовъ и политическихъ подвиговъ, поступаютъ обыкновенно иначе, чѣмъ поступалъ Бецкій: они служатъ дѣлу для того, чтобы дѣло служило имъ самимъ. Даже большинство самихъ благотворителей благотвореніями стараются приобрести себѣ если не чины и кресты, то спасеніе души или хотя бы удовольствіе. Филантропическій подвигъ труднѣ всякаго иного именно потому, что чистая филантропія не увлекаетъ никого. На великое дѣло нужна большая двигательная сила, а такую силу всегда бываетъ или расчетъ, или страсть. Къ чистой филантропін люди равнодушны во всѣхъ сферахъ.

Вотъ почему Бецкому вскорѣ пришлось не только присоединить къ „общему подаванію“, на которое онъ разсчитывалъ для содержанія воспитательныхъ домовъ, разныя привилегіи, какъ-то продажу картъ, сборъ съ „публичныхъ позорищъ“, и кредитную операцію ссудъ и вкладовъ, но и къ самому „общему подаванію“ возбуждать общество разными побочными средствами, какъ-то раздачею жертвователямъ чиновъ, освобожденіемъ ихъ отъ тѣлесныхъ наказаній, и т. п. Но если оказалось необходимымъ обратиться къ подобнымъ, постороннимъ филантропін мѣрамъ для пріобрѣтенія отъ общества тѣхъ милліоновъ, которые были нужны на продолженіе существованія воспитательныхъ домовъ, то позволительно думать, что и тѣ первые милліоны, которые требовались для самаго основанія этихъ домовъ, не могли бы быть получены во имя одной чистой филантропін, для осуществленія въ государствѣ единственно того „слова милосердія“, которое изрекалъ отъ его имени Бецкій покинутымъ дѣтямъ — „и вы живы будете!“ Екатерина II не была похожа на императрицу Марію Ѳеодоровну, и заинтересовать ее къ дѣлу, требовавшему большихъ денежныхъ пожертвованій, надо было чѣмъ-нибудь еще кромѣ одной чистой филантропін. Направленіе блестящаго царствованія Екатерины заключалось въ совершеніи подвиговъ славы. Одни изъ подвиговъ, представлялись въ тѣснѣйшемъ значеніи этого слова — военными побѣдами, расширеніемъ территоріи государства и необыкновеннымъ блескомъ двора. Другіе подсказывались современною философіею, сношенія съ которою также вполне соотвѣтствовали заботливости о славѣ, пока эта заботливость не уступила мѣста иной, еще болѣе настоятельной. Современ-

ная же философія была проникнута убѣжденіемъ въ возможности полнаго пересозданія народовъ руками мудрыхъ законодателей.

Такое пересозданіе имѣлось отчасти въ виду и для русскаго народа. Идеалы, по которымъ въ то время считалось полезнымъ пересоздать русскій народъ, весьма легко отыскать и нынѣ во всей ихъ чистотѣ. Стоить только справиться о нихъ у любого полуобразованнаго нѣмца, или вообще иностранца; онъ прямо назоветъ ихъ тѣми самыми именами, подъ какими они ходили въ правительственныхъ сферахъ во времена Екатерины: „улучшеніе нравовъ“, „отбѣна грубости и пьянства“ и — „учрежденіе средняго сословія“. Нѣтъ нужды говорить о томъ, въ какой мѣрѣ эти идеалы съ самымъ дѣломъ представляютъ идеалы наиболѣе желательныя для русскаго народа. Дѣло не въ этомъ вопросѣ, а въ томъ фактѣ, что одними законодательными мѣрами народа пересоздать невозможно. Это сознается и въ наше время еще не вполне; а во времена Екатерины господствовало именно убѣжденіе противоположное. И вотъ эти идеалы „улучшенія нравовъ русскаго народа“ и внезапнаго созданія въ Россіи „третьяго сословія“, какъ средствъ необходимыхъ для того, чтобы она во всемъ сравнилась съ Европою — и представили тѣ виды, которыми филантропъ Бецкій могъ заинтересовать Екатерину къ дѣлу чисто филантропическому, а между тѣмъ требовавшему большихъ жертвъ. Благодаря такой обстановкѣ оно являлось въ привлекательномъ видѣ „подвига“ и притомъ подвига съ цѣлью пересозданія народа. Если уже въ своемъ генеральномъ учрежденіи о воспитаніи обоюго пола юношества онъ приводитъ тѣ же мотивы въ уясненіе необходимости школъ вообще, то тѣмъ болѣе могли они казаться ему нужными для поддержанія мысли объ основаніи пріюта для покинутыхъ дѣтей.

Вотъ почему въ предувѣдомленіи къ генеральному плану воспитательнаго дома Бецкій какъ будто защищаетъ важность своей гуманной мысли и для государственныхъ цѣлей, какъ будто даже полемизируетъ съ кѣмъ-то, повидимому, сомнѣвавшимся въ пользѣ одного только „слова милосердія“ и приводитъ въ помощь своей цѣли именно идеалы „улучшенія нравовъ русскаго народа“ и „созданія въ немъ третьяго сословія“. „Безъ сомнѣнія, справедливо оное всего свѣта общее мнѣніе, — пишетъ онъ, — что доброе или худое состояніе нравовъ каждаго зависитъ, во всю его жизнь, отъ перваго его добраго или худого воспитанія. Посему, я ласкаю себя, что и учрежденіе сего дома не почтется за ненужное, тѣмъ напротивъ, что весьма бы худо употреблено было попеченіе и изживленіе на воспитаніе сихъ дѣтей, когда бы оныя не приводимы были къ прилежанію и трудолюбію, во возрастали бы въ праздноствіи и невѣжествѣ и наконецъ, не имѣя полезнаго обществу, выпускаемы были. Надѣяться можно, вышедшіе изъ онаго дома обоюго пола люди не только за обычайную уже имъ

трезвость и трудолюбивую жизнь свою не оставлять, но еще и дѣтей своихъ равнымъ образомъ воспитывать стануть и въ другихъ примѣромъ своимъ къ подражанію тому же охоту возбуждать; а по умноженіи и по разсѣяніи таковыхъ въ обществѣ можетъ со временемъ послѣдовать счастливая *перемѣна въ нравахъ* и склонностяхъ всей той части народа, къ которой они принадлежать будутъ“.

Но этого еще было мало. „Довольно извѣстно“, говорится еще въ генеральномъ регламентѣ, какъ бы въ оправданіе пользы самаго учрежденія Воспитательнаго Дома, — „сколь надобно (т.-е. государству) воспитаніе сходственное съ намѣреніемъ, съ которымъ сей домъ учрежденъ: для того пространныя о семъ доказательства для просвѣщенныхъ читателей не нужны. Здѣсь упоминается только нижеслѣдующее: *въ чужихъ юсударствахъ* третій чинъ народа, заведенный уже за нѣсколько вѣковъ, продолжается изъ рода въ родъ. Но какъ здѣсь третій чинъ еще не находится, то мнится въ ономъ и нужда состоятъ. Слѣдовательно, приуготовить основаніе сего чина заведеніемъ сперва учителей и учительницъ, имѣющихъ потребныя качества для воспитанія и обученія обоего пола дѣтей, какъ сего требуетъ намѣреніе“ (то-есть намѣреніе создать „третій чинъ“).

Первый воспитательный домъ учрежденъ былъ въ Москвѣ, въ 1763-мъ году; но уже и въ то время Бецкій думалъ учредить такой же домъ въ Петербургѣ. Приемъ дѣтей въ петербургскій домъ начался съ 1770-го года, а самый указъ объ учрежденіи его состоялся 6-го сентября 1772 года—день, котораго столѣтняя годовщина нынѣ и праздновалась. Въ томъ же 1772-мъ году была учреждена и сохранныя и ссудная казна, дававшая со временемъ главный источникъ дохода на содержаніе воспитательнаго дома. Что учрежденіе „третьяго чина“ было подставлено Бецкимъ для большей заманчивости задуманнаго предпріятія, а не составляло въ самомъ дѣлѣ его собственной цѣли, очевидно; не сталъ бы человѣкъ жертвовать состояніемъ и самолюбіемъ изъ любви къ какому-то „третьему чину“; другое дѣло — изъ горячаго чувства чистой гуманности. Дѣлать какіе угодно эксперименты всего легче было надъ дѣтьми безъ рода и племени, которыхъ можно было пожалуй предназначить и въ несуществующее сословіе. Но мы видимъ, что Бецкій съ самаго начала открылъ доступъ въ воспитательныя дома дѣтямъ не только незаконнорожденнымъ, но и законнымъ, а эти послѣдніе уже не годились для образованія третьяго чина, такъ какъ наслѣдовали права и обязанности опредѣленныхъ сословій.

Слѣдуетъ вообще отдать справедливость гуманному даже не по времени, и въ то же время практически - вѣрному взгляду Бецкаго на задачу, предлежавшую ему учрежденію. Общія черты, какими онъ опредѣлилъ дѣятельность воспитательныхъ домовъ, были безусловно-

вѣрны, и если впоследствии учрежденіе это отклонялось отъ нихъ, то дѣлало это подѣ влияніемъ обстоятельствъ постороннихъ самому своему назначенію, и во всякомъ случаѣ лучшая будущность для воспитательнаго дома въ томъ и состоитъ, чтобы возвратиться къ общимъ чертамъ, какъ онѣ установлены были Бецкимъ; его учрежденіе можетъ быть во многомъ развито, и уже теперь ему дано большее развитіе, но основныя черты все-таки должны быть сохранены или же восстановлены именно по мысли Бецкаго. Отчасти такое возвращеніе или восстановленіе уже началось нынѣ, а именно въ назначеніи денежной преміи за приносимыхъ дѣтей, притомъ для дѣтей отъ 6-ти недѣль до 2-хъ мѣсяцевъ, въ томъ самомъ размѣрѣ—10 рублей, каковой былъ установленъ Бецкимъ для дѣтей 2-хъ-лѣтняго возраста. Впрочемъ, и по мысли самого основателя, Воспитательный Домъ долженъ былъ со временемъ получить большее развитіе, сдѣлаться не только пріютомъ вскормленія покинутыхъ младенцевъ, но огромной школою, которая чѣмъ больше „отвоевала“ бы дѣтей у бѣдной, невѣжественной или равнодушной семьи, тѣмъ вѣрнѣе исполнила бы свое великое назначеніе. Бецкому не могли поэтому придти и въ мысль какія-либо ограничительныя или стѣснительныя правила относительно приноса дѣтей. Напротивъ, онъ положилъ выдавать за всякаго принесеннаго младенца 2 рубля, выхлопотавъ повелѣніе, чтобы всѣ приходскіе священники, монастыри и богадѣльни принимали „несчастно-рожденныхъ“ и пересылали ихъ въ Дома, и чтобы по всей имперіи частныя лица принимали и воспитывали покинутыхъ родителями дѣтей, а потомъ привозили ихъ въ Дома, за что Дома платили имъ преміи: за ребенка 2-хъ лѣтъ—10 р., 3-хъ лѣтъ—18 р., 4-хъ лѣтъ—24 р., 5-ти лѣтъ—30 р. за cadaго.

Уже изъ одного этого факта ясно, что Бецкій вовсе не имѣлъ въ виду разсылать дѣтей по деревнямъ. Онъ хотѣлъ, чтобы Воспитательные Дома были, во-первыхъ, пріютами для вскормленія младенцевъ и вскормленіе это первоначально производилось искусственными средствами, а сверхъ того и школами для подроставшихъ дѣтей, такъ чтобы дѣти оставались въ нихъ до 11-ти лѣтъ, учились грамотѣ, счету, закону Божію и мастерствамъ, а потомъ отдавались—притомъ на короткіе сроки, а не въ кабалу—на выучку къ частнымъ мастерамъ, и не закрывалъ имъ Дома и послѣ, дозволяя имъ работать въ самыхъ Домахъ, если они женились на воспитанницахъ. Но этого мало. Въ уставѣ оговорено было, что если изъ воспитанниковъ найдутся нѣкоторые такого понятія и остроты, что государству больше принести пользы могутъ изученіемъ наукъ и художествъ, нежели какимъ-нибудь грубымъ мастерствомъ, то дарованія такого не должно пренебрегать, но по довольномъ испытаніи особенной къ тому способности, отсылать для наукъ ихъ въ императорскій московскій уни-

итеть, а для художествъ — въ академію художествъ“. Сообразно тѣмъ видамъ Бецкаго, въ самомъ Воспитательномъ Домѣ были учены разныя фабрики и мастерскія и преподавался избраннымъ мѣстамъ весь средній курсъ для поступленія въ высшія учебныя дѣнія, въ томъ числѣ и латинскій, и живые иностранные языки.

въ 1778 году, на празднествѣ въ московскомъ Воспитательномъ въ воспитанники произносили рѣчи на русскомъ, французскомъ, ецкомъ и итальянскомъ языкахъ. Для руководства при воспитаніи Домахъ, Бецкій далъ наставленіе въ отношеніяхъ какъ гигиеникомъ, такъ и педагогическомъ, и надо замѣтить, что наставленіе — столѣтіе тому назадъ — воспрещало употребленіе тѣлесныхъ навій. Самимъ уставомъ воспитанники объявлялись навсегда своими отъ закрѣпощенія.

При подобныхъ ретроспективныхъ обращеніяхъ къ нѣкоторымъ тѣмъ явленіямъ нашего прошлаго, невольно приходитъ на умъ, хотя Россія вообще далеко ушла впередъ, но насколько быст- и прочнѣе были бы ея успѣхи, если бы нѣкоторыя позднѣйшія тоятельства не заглушили, а частью и не истребили совсѣмъ нѣ- орныхъ добрыхъ сѣмянъ, давно посѣянныхъ у насъ! Сравните съ имъ величественнымъ высоко-гуманнымъ Воспитательнымъ Домомъ, имъ онъ безъ сомнѣнія представлялся въ будущности Бецкому, имъ позднѣйшій — хотя и не нынѣшній — Воспитательный Домъ, ко- ый понимался и самъ себя понималъ въ смыслѣ передаточной нціи, временного приѣмнаго покоя, для очищенія столицъ отъ ни- ку ненужныхъ, лишнихъ дѣтей, отъ которыхъ онъ и самъ ограж- ь себя, стараясь принимать ихъ какъ можно меньше и торопясь свою очередь освободиться отъ нихъ во чтобы то ни стало, разо- ь ихъ по деревнямъ, платя деньги не за то, чтобы ему приноси- дѣтей, но за то, чтобы его отъ нихъ освобождали, хотя это и дѣ- ьлось предметомъ гнуснѣйшей торговли дѣтьми по деревнямъ, а по- ь, сообразно требованію разныхъ начальствъ, сдавалъ пропзвольное ьло этихъ людей, приобрѣтенныхъ имъ одной уплатою какихъ-ни- ь 200 рублей за содержаніе въ деревнѣ до 17-ти-лѣтняго возраста— ь солдаты, въ матросы, фельдшера и т. д.

Но уже при самомъ Бецкомъ нѣкоторыя изъ первоначальныхъ ьсей его найдены были неисполнимыми по недостатку средствъ. ьачать съ того, что искусственное вскармлиеніе массы дѣтей оказалось ьвозможнымъ. Смертность дѣтей была по истинѣ ужасна: въ теченіи 2-ти лѣтъ, съ 1772—1784 г., изъ 7709-ти дѣтей, поступившихъ въ здѣш- ьй Воспитательный Домъ, умерло 6,606, то-есть 89%. Жаль, что поч- ьенный г. Кетле не дождался обнародованія у насъ цифръ смертности ь воспитательныхъ Домахъ за первое время ихъ существованія: онъ ьциально занимался этимъ предметомъ, но и въ собранныхъ въ его

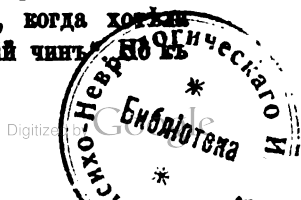
сочиненіи свѣдѣніяхъ встрѣчается немного такихъ цифръ смертности въ воспитательныхъ домахъ всѣхъ странъ. Съ 1785 по 1797 годъ смертность въ здѣшнемъ Домѣ была 76%. Императрица Марія Ѳеодоровна,—говоритъ г. А. Громачевскій въ своей статьѣ,— по вступленіи своемъ въ управленіе Воспитательными Домами, съ ужасомъ узнавъ, что изъ 65,000 дѣтей, поступившихъ въ Домъ въ теченіи 30-ти лѣтъ, уцѣлѣло только 7000, во все время своего управленія изыскивала разныя мѣры, результатомъ которыхъ было уменьшеніе смертности *съ некоторыхъ годов* до 50-ти и даже до 46%. Въ настоящее время, смертность питомцевъ Воспитательнаго Дома, говорить, составляетъ не болѣе 20%.

Огромная смертность и трудность отвратить ее, по недостатку кормилицъ, заставила Бецкаго еще съ 1768 года начать разсылку дѣтей по деревнямъ, что было противно его первоначальной мысли. Тѣмъ не менѣе, эта первоначальная мысль была вѣрна, и приведенныя цифры показываютъ, что разсылка дѣтей по деревнямъ не уменьшила огромнаго процента смертности. Впрочемъ, хотя дѣти разсылались по деревнямъ, но по шестому году они возвращались въ Воспитательный Домъ для обученія, такъ что самое назначеніе Домъ этимъ еще не измѣнилось. Новое отступленіе было сдѣлано въ 1796-мъ году, когда за умноженіемъ питомцевъ, при тѣснотѣ помѣщенія, рѣшено было опредѣлить норму питомцевъ, которые могли оставаться для обученія ремесламъ въ самомъ Домѣ, а прочихъ не возвращать въ Домъ, но прямо поселять въ деревняхъ. Тогда же установлено было, питомцевъ Дома для дальнѣйшаго обученія мастерствамъ отдавать къ мастерамъ и гораздо раньше чѣмъ полагалось прежде, именно вмѣсто 11-ти уже съ 8-ми-лѣтняго возраста на гораздо болѣе долгіе сроки; вмѣсто 4—5 лѣтъ, на 12-ть (дѣвочки) и 16-ть (мальчики), что уже составило тяжкую кабалу. Это введено уже послѣ Бецкаго.

Однако надо признать, что Бецкому принадлежитъ огромный заслуга собственно по самой мысли объ учрежденіи Воспитательныхъ Домовъ и по энергическому проведенію этой мысли въ жизнь. Самые же результаты его управленія, какъ показываютъ приведенные факты, были не блестящи. Но первоначальныя его мысли все-таки представляютъ тотъ рациональный первообразъ, къ которому чѣмъ ближе будетъ подходить Воспитательный Домъ, тѣмъ болѣе принесетъ пользы народу. Съ 1797-го года, Воспитательные Дома перешли въ завідованіе императрицы Маріи Ѳеодоровны и положеніе ихъ въ санитарномъ отношеніи улучшилось. Вообще, можно сказать, что управленіе императрицы Маріи, которая также близко принимала къ сердцу это дѣло, въ практическомъ отношеніи привело къ болѣе удовлетворительнымъ результатамъ, чѣмъ управленіе Бецкаго, а между тѣмъ и

въ самомъ направленіи своемъ не отступало отъ мысли Бецкаго, насколько то позволяли средства. Такъ, въ каждомъ Домѣ воспитывалось по 500 дѣтей, а прочіе разсылались по деревнямъ не по убѣжденію, что такъ и слѣдовало бы, но просто по невозможности содержать большее число. При Маріи Федоровнѣ устроено было въ Домахъ кормиличное отдѣленіе; она пожертвовала на это 100 т. р. и давала ежегодно по 50-ти т. р. Отсылаемые въ деревни дѣти оставались тамъ до 3-хъ лѣтъ, потомъ привозились въ дома для привитія оспы и снова размѣщались по деревнямъ, гдѣ и воспитывались, подъ наблюдениемъ экспедиціи государственнаго хозяйства. Дѣтямъ же, которыя воспитывались въ Домахъ даваемо было и общее и ремесленное образованіе, по мысли Бецкаго, для чего въ Домахъ вновь были устроены равныя мастерскія и куплена была александровская прядильная мануфактура; продолжалось и приготовленіе способнѣйшихъ питомцевъ къ инымъ, въ томъ числѣ и къ высшимъ профессіямъ, для чего при Домахъ существовали писарскіе и латинскіе классы, и женскіе классы для образованія повивальныхъ бабокъ и гувернантокъ. Воспитывавшихся въ деревняхъ зачисляли послѣ 17-ти лѣтъ въ казенные крестьяне, давая имъ деньги на обзаведеніе, а дѣвушкамъ на приданое.

Совершенная перемѣна въ направленіи здѣшняго Воспитательнаго Дома произведена была указомъ 25-го іюня 1837-го года. Указъ этотъ характеризуетъ перемѣну, происшедшую къ тому времени въ общемъ направленіи администраціи. Указомъ этимъ положено было учебные классы въ здѣшнемъ Домѣ закрыть для питомцевъ, обративъ эти классы впредь въ институтъ для оберъ-офицерскихъ дѣтей. Только питомцевъ, уже состоявшихъ до того времени въ классахъ, дозволено было оставить въ нихъ, и опредѣлить затѣмъ въ медицинскую академію, университетъ, на службу, въ гувернантки, однимъ словомъ такъ, какъ было прежде. Но затѣмъ, въ учебные классы принимать уже только оберъ-офицерскихъ сиротъ, а незаконнорожденныхъ дѣтей и законныхъ питомцевъ — круглыхъ сиротъ, предписано было отдавать безъ всякаго изъятія въ деревни и затѣмъ обращать ихъ всѣхъ въ сельское состояніе. Такая разсылка по деревнямъ уже истекала не изъ внѣшней необходимости, а изъ принципа; вслѣдствіе ея Воспитательный Домъ и превращался просто въ пріемный покой для вывоза изъ Петербурга лишнихъ дѣтей, то-есть цѣлой трети всего числа его дѣтей. Наступало вновь такое время, когда на воспитаніе людей смотрѣли уже съ точки зрѣнія не педагогической и гуманной, а съ точки зрѣнія такъ-называемыхъ „высшихъ государственныхъ“, а въ сущности произвольныхъ, искусственныхъ соображеній. Екатерина II могла руководствоваться соображеніемъ подобнаго же рода, когда хотѣла создать въ государствѣ „новую породу людей“, „третій чинъ“.

счастію такіе виды совпадали и съ простыми видами гуманности — дать покинутымъ дѣтямъ возможно большее человѣческое развитіе. Въ 1837-мъ же году, мысль о созданіи „третьяго въ государствѣ чина“ никакъ не внушала къ себѣ сочувствія въ высшихъ административныхъ сферахъ. Совсѣмъ напротивъ, тогдашнимъ идеаломъ было, чтобы всякій человѣкъ непремѣнно былъ къ чему-нибудь прирѣзленъ: или къ сельскому тяглу, или къ службѣ. И вотъ почему питомцевъ Воспитательнаго Дома положено было всѣхъ обращать въ сельское состояніе, и они въ дѣйствительности съ тѣхъ поръ до познѣйшаго времени оставались почти безъ всякихъ средствъ воспитанія. „Московскія Вѣдомости“ и въ настоящее время высказываютъ свое сочувствіе къ указу 1837-го года. „Нѣтъ сомнѣнія, — говорятъ они, — что при установленіи этой мѣры дѣйствовало то же мудрое государственное правило, которое проходитъ почти чрезъ всю нашу исторію и которое (?) всегда стремилось къ тому, чтобы создать какъ можно болѣе собственниковъ и какъ можно менѣе бездомныхъ людей, составляющихъ ядро пролетаріата“. Упомянувъ затѣмъ, что будто бы германскіе ученые, на основаніи примѣра Франціи, признаютъ воспитательные дома „не безопасными въ политическомъ отношеніи“, газета полемизируетъ противъ основной мысли Бецеаго еще тѣмъ аргументомъ, что особенно-талантливыхъ людей бываетъ немного, „большинство же образованныхъ питомцевъ поступало въ то бѣдное чиновничье сословіе, которое составляетъ истинный русскій пролетаріатъ“. Московская газета и не могла отнестись иначе къ указу 1837-го года, такъ какъ сама она стоитъ именно на той точкѣ, съ которой въ дѣлѣ воспитанія представляется наиболѣе важною не прямая цѣль воспитанія, то-есть человѣческое развитіе, но мнимо-государственный, а скорѣе полицейскій преокупаціи. Но что касается до вѣрности высказываемаго ею историческаго взгляда, то эта вѣрность весьма сомнительна. Если и допустить, что проходящее чрезъ почти всю нашу исторію „правило стремилось“ къ созданію наибольшаго числа собственниковъ, даже и тогда, когда оно устанавливало крѣпостное право, эту прямую противоположность собственности, даже и тогда, когда вслѣдствіе таковаго „стремленія“ образовались у насъ вѣнкорусское казачество, многочисленное разбойничество, то ужъ никакъ нельзя допустить, что мысль Бецеаго давать образованіе питомцамъ болѣе содѣйствовала размноженію бѣднаго чиновничества, чѣмъ именно всѣ мѣры той самой системы, которая представляется 1837-мъ годомъ. Замѣтимъ, что закрывъ учебные классы Воспитательнаго Дома для питомцевъ, указъ 1837-го года предназначилъ ихъ именно для оберъ-офицерскихъ дѣтей, то-есть имѣлъ въ виду дать сиротамъ чиновниковъ возможность самими обращаться въ чиновниковъ же, а не

для ихъ отъ необходимости поступать въ мастеровыя, привязчики и т. п.

Указъ 1837-го года запрещалъ и возвращать питомцевъ изъ деревень въ воспитательные Дома, допуская, и то только въ видѣ исключеній, опредѣленіе ихъ туда въ качествѣ служителей, нянекъ, кучеровъ и т. д., а также назначеніе ихъ на александровскую мануфактуру и другія фабрики. За то, нѣкоторое число питомцевъ передавалось въ морское вѣдомство для службы во флотѣ и рабочимъ экипажамъ и въ министерство государственныхъ имуществъ, для обращенія тамъ въ писаря, фельдшеры и т. д. Все образованіе для питомцевъ послѣ указа 1837-го года ограничено было обученіемъ ихъ одной грамотѣ деревенскими учителями.

Существенное измѣненіе въ этой системѣ и измѣненіе именно въ смыслѣ возвращенія къ мысли Бецкаго о распространеніи, посредствомъ воспитательныхъ домовъ, образованія въ массѣ народа, о приготовленіи изъ питомцевъ учителей и учительницъ, началось въ Петербургѣ уже только при нынѣшней администраціи, то-есть всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Въ эти года учреждено было въ деревняхъ для питомцевъ 73 школы, въ которыхъ учится до 2000 дѣтей. Изъ такого числа учениковъ, Воспитательный Домъ имѣетъ возможность выбирать вполне способныхъ кандидатовъ въ учителя для народныхъ школъ. Ежегодно лучшихъ 25 учениковъ своихъ сельскихъ школъ онъ опредѣляетъ въ учрежденную въ немъ учительскую семинарію. Эта семинарія успѣла уже приготовить много дѣльных учителей, поступившихъ какъ въ школы самаго Дома, такъ и въ школы удѣльные и земскія, въ Ильинскомъ, Бородинскомъ императорскихъ имѣніяхъ, въ Ливадіи, въ Одессѣ, Рязани и проч. Для окончательнаго подготовленія учениковъ сельскихъ школъ къ слушанію курса учительской семинаріи, учрежденъ въ одномъ изъ округовъ Ямбургскаго уѣзда приготовительный классъ, гдѣ въ теченіи одного лѣта кандидаты въ семинарію повторяютъ курсъ, пройденный ими въ разныхъ школахъ, такъ, чтобы по возможности приблизиться къ одному уровню знаній. А разнѣръ курса таковъ, что въ него входитъ исторія и географія. Учреждено также женское училище на 60 воспитаницъ, для приготовленія учительницъ. Въ видѣ опыта, основанъ въ селѣ Грызовѣ, въ Царско-сельскомъ уѣздѣ дневной пріютъ для 50-ти дѣтей, которыми завѣдываютъ двѣ учительницы и въ которомъ примѣнена фребелевская метода игръ и упражненій; въ этомъ пріютѣ помѣщаются не только питомцы Дома, но и дѣти сосѣднихъ крестьянъ; воспитательницы ежедневно утромъ обходятъ избы и собираютъ дѣтей въ пріютъ. Крестьяне, какъ удостовѣряетъ „Голосъ“, стали уже сознавать приносимую пріютомъ пользу и выражая признательность за его учрежденіе, просятъ объ открытіи другихъ подобныхъ заведеній. И такихъ пріютовъ

предполагается, по словамъ той же газеты, открыть цѣлый рядъ, въ различныхъ мѣстностяхъ, такъ что эти пріюты, вмѣстѣ съ сельскими школами Дома, разсѣянными по Петербургской и Новгородской губерніямъ, съ учительскою семинаріей и женскимъ училищемъ представлять безъ сомнѣнія значительный рычагъ для распространенія образованія въ сельской массѣ, а это тѣмъ нужнѣе, что для этой именно массы повидимому не предполагается новыхъ средствъ въ этомъ отношеніи со стороны государства, которое пока ограничиваетъ свои усилія преобразованіемъ городскихъ училищъ.

Итакъ, повторяемъ, нынѣшняя администрація здѣшняго Воспитательнаго Дома осуществила большія улучшенія противъ того періода, который начался съ 1837-го года и отчасти возвратилась къ мысли Бецкаго; но только отчасти. Дѣти призрѣваются въ самомъ Воспитательномъ Домѣ только весьма короткое время (если не ошибаемся—всего 6 недѣль), а потомъ раздаются крестьянкамъ, которыя пріѣзжаютъ за ними изъ деревень и берутъ ихъ на вскормленіе за ежемѣсячную плату по 2 р. 40 коп. въ мѣсяцъ. Хотя намъ и говорить статья г. Громачевскаго въ „С.-Петербург. Вѣдомостяхъ“, что процентъ смертности питомцевъ въ настоящее время не болѣе 20⁰/₀, но мы не знаемъ, какъ согласовать этотъ фактъ съ тѣмъ извѣстнымъ фактомъ, что у самихъ нашихъ крестьянъ процентъ смертности дѣтей гораздо больше, такъ какъ на 1000 рождающихся въ Россіи дѣтей 5-ти-лѣтняго возраста достигаютъ только 603, стало быть умирать до этого возраста немногимъ менѣе 40 процентовъ. Неужели же чужихъ дѣтей крестьяне могутъ содержать лучше, чѣмъ своихъ? Притомъ извѣстно, что система денежной выдачи за вскормленіе ведетъ непременно къ спекуляціи, въ перекупкѣ дѣтей, при чемъ уже конечно не обращается вниманія на то, какому возрасту какое соотвѣтствуетъ молоко. Относительно кормленія питомцевъ и ухода за ними и нынѣшнею администраціею здѣшняго Воспитательнаго Дома сдѣлано не много, а именно только учреждены въ разныхъ деревняхъ такъ-называемыя „колыбельни“ (crèches), для охраненія дѣтей отъ недостатка присмотра во время ухода кормилицъ на работы; такимъ образомъ большое число дѣтей остается все-таки подъ присмотромъ, хотя одной няньки. Но дѣло не въ одномъ этомъ. Самая перевозка младенцевъ въ деревни и отсутствіе всякаго надзора за тѣмъ, кто и какимъ образомъ будетъ въ дѣйствительности кормить ихъ—вотъ гдѣ должна быть главная причина значительной смертности питомцевъ. Что женщины, принявшія ихъ въ Домъ, должны достаточно заботиться о нихъ уже потому, что получаютъ за нихъ ежемѣсячную плату, это—гарантія крайне недостаточная. Для полученія платы достаточно, чтобы ребенокъ былъ едва живъ, да если онъ и умретъ, то можно взять или перекупить другого. Въ этомъ отношеніи открыты были

грашныя злоупотребленія въ Германіи и въ особенности въ Англіи, дѣ такъ-называемое baby-farming въ послѣдніе года обратилось въ респугленіе, сильно встревожившее и общество, и печать.

При настоящей организаціи въ дѣлѣ воспитанія покинутыхъ дѣтей наиболѣе существенную пользу приносятъ собственно высшее управленіе учрежденіями Воспитательнаго Дома, а не самый этотъ домъ, потому что такъ распредѣлена между ними дѣятельность. На попеченіи высшаго управленія находится теперь до 25-ти тысячъ питомцевъ, изъ которыхъ самая незначительная часть находятся въ самомъ Домѣ, остальные распредѣлены по 15-ти округамъ, внѣ Петербурга; въ 10-ти изъ этихъ округовъ устроены лазареты, а въ остальныхъ 5-ти предполагается ихъ устроить. Все это прекрасно; но самъ Воспитательный Домъ въ Петербургѣ все-таки остается передаточной станціею для освобожденія Петербурга отъ трети его дѣтей, да еще оспопрививательнымъ заведеніемъ для всего населенія столицы, и больше ничѣмъ. Относительно приѣма дѣтей нынѣшней администраціи также принадлежитъ большая заслуга; ею отмѣнены всякія ограниченія въ приѣмѣ дѣтей; по правиламъ 24-го іюня 1871-го года, которыя были наклеены на стѣнахъ петербургскихъ домовъ, незаконнорожденные младенцы не старѣе года принимаются въ домъ во всякое время дня и ночи, съ метриками или безъ метрикъ, и будучи сланы безъ метрикъ могутъ быть взяты и обратно въ теченіи шести недѣль. За приносъ же незаконнаго ребенка въ возрастѣ отъ 6-ти недѣль до 2-хъ мѣсяцевъ, съ метрической выпиской, выдается 10 рублей, а если представляется еще и удостовѣреніе о привитіи ему оспы, то еще 3 рубля. Цѣль этой преміи за вскормленіе до 6-ти недѣль та, чтобы уменьшить смертность, которая бываетъ всего сильнѣе въ первое же время жизни младенца. Выдача денегъ родителямъ также вполне соотвѣтствуетъ мысли Бецкаго и нѣтъ сомнѣнія, что въ очень многихъ случаяхъ уплата родителямъ десяти рублей вѣрнѣе заставитъ ихъ продержатъ ребенка нѣкоторое время дома, чѣмъ самое основательное опасеніе смерти ребенка, отданнаго тотчасъ по рожденіи. Вообще въ соціологическихъ предположеніяхъ слѣдуетъ менѣе всего разсчитывать на чувствительность, а болѣе всего на личный, хотя бы и незначительный интересъ.

Но коренного улучшенія въ системѣ вскормленія и самаго первоначальнаго воспитанія дѣтей и уходѣ за ними можно бы достигнуть иначе, какъ полнымъ возвращеніемъ къ мысли Бецкаго: чѣмъ больше дѣтей будетъ на непосредственномъ попеченіи государственнаго призрѣнія, тѣмъ будетъ лучше для нихъ и для самого государства. Уменьшенія смертности, рациональнаго ухода возможно достигнуть не иначе, какъ совсѣмъ оставивъ разсылку питомцевъ по деревнямъ, на произволъ судьбы, и не обращаясь конечно къ искусственному

вскормленію, все-таки сохранять всѣхъ питомцевъ въ самомъ Воспитательномъ Домѣ и его отдѣлахъ, которые можно бы устроить внѣ города. Предположеніе, что дѣтямъ въ деревняхъ лучше, чѣмъ могло бы быть въ большомъ городскомъ заведеніи, гдѣ возможенъ рациональный уходъ — есть предразсудокъ. Мы не можемъ допустить, что процентъ смертности питомцевъ по деревнямъ меньше, чѣмъ общій процентъ смертности крестьянскихъ дѣтей. Мы полагаемъ, что первый несомнѣнно выше послѣдняго, и что вообще говоря, судьба дѣтей разсылаемыхъ по деревнямъ не внушаетъ и бѣднякамъ довѣрія, какъ то видно изъ факта, что несмотря на существованіе Воспитательнаго Дома, и на облегченный въ немъ пріемъ, значительное число дѣтей въ Петербургѣ по прежнему подкидываются къ частнымъ лицамъ въ надеждѣ избавить ихъ отъ будущности, которая ихъ ожидаетъ. Но примемъ на минуту, что этотъ процентъ и не превышаетъ 20-ти. Все-таки въ самомъ Воспитательномъ Домѣ, то-есть въ его главныхъ отдѣленіяхъ онъ ниже: въ 1867-мъ году онъ былъ всего съ небольшимъ 16% всего числа принесенныхъ дѣтей, и хотя въ слѣдующіе года онъ (не знаемъ отъ какой причины) и возвысился, но и въ 1870-мъ году составлялъ менѣе 18½%. И это—надо замѣтить—относится къ дѣтямъ новорожденнымъ, среди которыхъ, само собою разумѣется, смертность бываетъ сильнѣе.

Невозможно, скажутъ намъ, оставлять всѣхъ питомцевъ въ Домѣ уже по недостатку помѣщенія. Дѣйствительно, зданія, первоначально предназначенныя для Воспитательнаго Дома и составляющія громадный кварталъ, разобраны въ разныя времена для помѣщенія разныхъ заведеній, изъ которыхъ многія и ничего общаго не имѣютъ съ Воспитательнымъ Домомъ: такъ въ зданіяхъ по Мѣщанской помѣщался бывшій Ломбардъ, Опекунскій Совѣтъ, а на самихъ внутреннихъ дворахъ два женскихъ института, на Гороховой училище глухонемыхъ, и всѣ эти заведенія снабжаютъ тутъ же казенными квартирами всѣ свои управленія; такъ что собственно Воспитательному Дому, то-есть помѣщенію покинутыхъ дѣтей принадлежитъ какая-нибудь двадцатая часть этой громадной площади и этой массы построекъ. Пожертвованія Бецкаго, Екатерины II, Демидова, и множества благотворителей, а также операціи учрежденной собственно въ интересахъ Воспитательнаго Дома ссудной и сохранной казны обратились такимъ образомъ въ значительной мѣрѣ на цѣли вполне почтенныя, но не на тѣ, для которыхъ они предназначались. Но если разобраны эти помѣщенія, то слѣдуетъ пріобрѣсть инныя, достаточныя для того, чтобы содержать въ нихъ тысячи три-четыре малолѣтнихъ дѣтей изъ всего числа 25 тысячъ налпчныхъ питомцевъ, такъ какъ въ этомъ числѣ заключаются и взрослые юноши и дѣвушки. Но еще лучше было бы, быть можетъ, разбить Воспитательный Домъ на нѣсколько отдѣловъ,

строенныхъ въ города, но не слишкомъ далеко, въ видѣ дачъ или *ottages*, съ тѣмъ, чтобы во главѣ каждого отдѣла стоялъ специалистъ, о-есть врачъ дѣтскихъ болѣзней. Къ деревнямъ было бы ближе, кор-пилицъ доставать было бы легче, тѣмъ болѣе, что при просторѣ за-ородныхъ помѣщеній можно бы позволять кормилицамъ поступать въ отдѣлы Дома со своими грудными дѣтьми, которыхъ и выкармли-ать вмѣстѣ съ питомцами. Затѣмъ, нѣкоторыя изъ такихъ загород-ныхъ помѣщеній уже служили бы собственно школами, и во главѣ ихъ должны бы быть тоже спеціалисты — опытные учителя. Такимъ образомъ, въ городѣ оставался бы Воспитательный Домъ въ нынѣш-немъ его видѣ, то-есть какъ пріемный покой для новорожденныхъ, а администраціи было бы оставлено общее управленіе всѣмъ дѣломъ. Какое развитіе дано бы было школамъ, это уже зависѣло бы отъ средствъ и отъ просвѣщеннаго усердія руководителей всего дѣла.

При самомъ празднованіи юбилея здѣшняго Дома, объявлено было о послѣдовавшемъ утвержденіи новыхъ уставовъ и штатовъ для учеб-ныхъ заведеній Воспитательнаго Дома, и объ учрежденіи особаго ка-питала въ 200 т. рублей для оказыванія пособій и наградъ тѣмъ изъ питомцевъ, которые, посвятивъ себя педагогической дѣятельности, бу-дутъ продолжать ее въ деревенскихъ школахъ и по окончаніи срока своей обязательной службы. Общество, безъ сомнѣнія, съ глубокимъ сочувствіемъ узнало о дарованіи такого средства для обезпеченія сель-ской массѣ нѣкотораго числа хорошихъ народныхъ учителей, и вѣ-домство IV отдѣленія канцеляріи его величества своимъ ходатай-ствомъ по этому предмету безспорно оказало услугу наиболѣе настоя-тельной изъ прямыхъ потребностей народнаго просвѣщенія, въ чемъ съ нами на этотъ разъ навѣрно согласится и само министерство на-роднаго просвѣщенія.

Отъ благотворительности перейдемъ къ самопомощи. Недавно мы получили вышедшую вторымъ изданіемъ книжку, содержащую образцо-вый уставъ для сельскихъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, со-ставленный г. Яковлевымъ. Въ концѣ книжки, въ новомъ изданіи по-мѣщены между прочимъ отчетная вѣдомость тѣхъ ссудо-сберега-тельныхъ товариществъ, которыя доставили особому комитету, состоя-щему при московскомъ обществѣ сельскихъ хозяевъ, свои отчеты къ 1-му января текущаго года, и сравнительная таблица уставовъ раз-личныхъ товариществъ. Общій обзоръ основаній и дѣятельности тѣхъ товариществъ, которыя доставили отчеты, былъ сдѣланъ и въ докладѣ кн. А. Васильчикова Вольному Экономическому Обществу въ мартѣ нынѣшняго года (онъ напечатанъ въ сборникѣ газеты „Недѣля“). Кн. Васильчиковъ заключалъ свой докладъ словами: „отказывать народ-нымъ массамъ въ кредитѣ составляетъ такое же общественное пре-ступленіе, какъ отказывать народу въ правосудіи“, и съ этими сло-

вами нельзя не согласиться въ томъ смыслѣ, что при отсутствіи сколько-нибудь умѣренного въ своемъ ростѣ кредита, наше крестьянское земледѣліе положительно не будетъ имѣть средствъ поправить свои дѣла, находящіяся, какъ извѣстно, въ положеніи столь незавидномъ, что ему со временемъ можетъ угрожать серьезный кризисъ.

Несомнѣнно, что будь даже вся Россія покрыта товариществами крестьянскаго взаимнаго кредита, одинъ этотъ кредитъ не въ состояніи безусловно отвратить кризисъ. Но наши псевдо-консерваторы, которые охотно доказываютъ это, упускаютъ притомъ вѣроятно изъ виду, что чѣмъ очевиднѣе сталъ бы такой фактъ, тѣмъ въ то же время яснѣе была бы доказана необходимость оказать крестьянамъ государственную помощь въ облегченіи, съ одной стороны, выкупныхъ платежей, а съ другой и податной тягости, перенесеніемъ части ея на другія сословія. Въ дѣлѣ поправленія крестьянскаго хозяйства замѣшанъ еще и законодательный вопросъ о круговой поруцѣ въ платежѣ податей. Но изъ того, что такое огромное по своему значенію и размѣрамъ дѣло вмѣщаетъ въ себѣ различные элементы и даетъ поводъ въ вопросамъ разнообразнымъ, все-таки не слѣдуетъ, что доступность крестьянамъ дешеваго кредита не будетъ для нихъ весьма значительнымъ подспорьемъ. Это, кажется, несомнѣнно, и тутъ весь вопросъ сводится къ тому: возможно ли достигнуть этой цѣли путемъ учрежденія товариществъ крестьянскаго взаимнаго кредита? Вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ именно только опытомъ и никакими теоретическими соображеніями впередъ предрѣшаемъ быть не долженъ уже и потому, что самая теорія кредита основалась на существующемъ, на опытѣ, и вовсе не имѣетъ значенія окончательной научной безусловности. Вотъ почему тѣ дѣятели, какъ кн. Васильчиковъ и г. Яковлевъ, которые, несмотря на теоретическія возраженія, принялись за это дѣло, какъ бы вѣруя, что результатъ опыта подтвердитъ ихъ ожиданія, а не сомнѣнія теоретиковъ, поступили совершенно рационально, и были бы правы даже тогда, если бы считали въ такомъ дѣлѣ „практику выше науки“. Въ дѣлѣ, которое въ случаѣ успѣха обѣщаетъ пользу огромную, а началось въ малыхъ размѣрахъ, стало быть съ небольшимъ рискомъ, было вполне благоразумно не стѣсняться соображеніемъ, что чего не было, того и не можетъ быть. Самое развитіе науки идетъ не иначе, какъ путемъ опыта, и почти всѣ открытія представляютъ результатъ предположенія.

Данныя, какія представилъ до сихъ поръ опытъ дѣятельности уже открытыхъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, всего за два года, еще далеко недостаточны, конечно, чтобы по нимъ можно было считать вопросъ рѣшеннымъ въ утвердительномъ смыслѣ окончательно. Однакоже наличныхъ данныхъ вполне достаточно, чтобы поддержать энергію начинателей и чтобы приобрѣсть опыту вниманіе и поддержку

сторони всего общества. Первое ссудо-сберегательное товарищество въ Россіи было учреждено С. Ф. Лугининымъ, въ селѣ Рождественскомъ, Ветлужскаго уѣзда, Костромской губерніи. Затѣмъ значительный толчокъ этому дѣлу былъ данъ въ 1870-мъ году новгородскимъ жствомъ, которое назначило ссуды отъ 1000 до 3000 рублей для бразованія основнаго капитала ссудныхъ товариществъ въ губерніи. Въ концѣ 1870-го года, вслѣдствіе доклада, представленнаго г. Яковлевымъ на сельско-хозяйственномъ съѣздѣ въ Москвѣ, и была учреждена при московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства коммиссія, которой поручено было выработать нормальный уставъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Коммиссія эта впослѣдствіи обратилась въ комитетъ при томъ же обществѣ, утвержденный правительствомъ. Предсѣдателемъ коммиссіи былъ и нынѣ состоитъ предсѣдателемъ комитета князь А. Васильчиковъ. Комитетъ имѣетъ отдѣленіе въ Петербургѣ. Въ первоначальной коммиссіи составленъ былъ образцовый ставъ для товариществъ, и уставъ этотъ одобренъ министерствомъ финансовъ, такъ что товарищества, которыя соглашаются принять тотъ уставъ, подлежатъ немедленному утвержденію. Этотъ уставъ, проработанный коммиссіею и затѣмъ одобренный министерствами финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, нѣсколько разнится отъ образцоваго става, который былъ составленъ непосредственно самимъ министерствомъ финансовъ. Но министерство поступило весьма благоразумно, настаивая на предпочтеніи своего устава, такъ что оба эти образцовыхъ устава пользуются совершенно равными правами и выборъ между ними зависитъ отъ самихъ учредителей товариществъ. Официальное же утвержденіе товариществъ, принимающихъ одинъ изъ образцовыхъ уставовъ, дается безъ промедленія, а именно въ теченіи нѣдѣли или двухъ недѣль. Затѣмъ коммиссія, и потомъ комитетъ продолжали свою дѣятельность изданіемъ правилъ и образцовъ счетоводства, устава, разосланнаго бесплатно во всѣ земскія управы, и обращалось во всѣ управы о доставленіи свѣдѣній относительно принимаемыхъ и предполагаемыхъ мѣръ къ развитію сельскаго кредита. Коммиссія получила около 150-ти отзывовъ, въ которыхъ частью сообщались мѣры и предположенія, частью просилось о доставленіи свѣдѣній. Изъ 153-хъ отзывовъ упомянутыхъ въ книгѣ, изданной коммиссіею, 118 выражали сочувствіе къ ея дѣламъ.

Дѣло учрежденія ссудо-сберегательныхъ товариществъ при помощи земскихъ управъ пошло очень быстро. Къ іюлю 1871 года ихъ было 27, къ октябрю 36, къ ноябрю 50, къ январю 1872 состояло уже такихъ обществъ, утвержденныхъ и открытыхъ 66, и къ 1 мая 72. Первоначальное основаніе капиталу товариществъ почти повсемѣстно дано было земствами. Такъ новгородское губернское собраніе первоначально ассигновало на ссуды такимъ товариществамъ 14.500 р., по-

томъ еще 15.000 р., назначивъ въ каждое товарищество поначету для наблюденія за цѣлостію этихъ ссудъ. Тамбовское губернское собраніе открыло для пособія товариществамъ кредитъ въ 10.000 р. Тамбовское губернское собраніе образовало земскую ссудную кассу съ капиталомъ въ 46,700 р., состоящимъ главнымъ образомъ изъ продовольственнаго капитала, спеціально для выдачи ссудъ артелямъ и ссудо-сберегательнымъ товариществамъ. При помощи этой кассы и образовались тѣ 27 кузнечныхъ и 2 сапожныхъ артели, о которыхъ мы уже однажды говорили, а теперь начинаютъ возникать и ссудныя товарищества. Ярославское губернское собраніе назначило 25 т. р. для выдачи товариществамъ по 6%, съ тѣмъ, что если дивидендъ товариществъ будетъ выше 10%, то возвысить процентъ земской ссуды до 7-ми. Иныя земства первоначальную ссуду давали безъ процентовъ, такъ напр., бѣлозерское земство дало съ этой цѣлью своей ссудной кассѣ учрежденной также въ видѣ товарищества, 1000 р. безъ процентовъ безсрочно. Костромское земство ассигновало съ той же цѣлью по 3000 р. на уѣздъ, съ тѣмъ, чтобы каждому товариеству выдавалось по 1000 р.; московское губернское собраніе въ декабрѣ 1871 года предположило назначить на устройство ссудо-сберегательныхъ товариществъ 200.000 р. Однимъ словомъ, дѣло устройства товариществъ въ весьма короткое время успѣло уже принять почтенные размѣры, и если только первый опытъ дастъ результатъ благопріятный, то можно навѣрное разсчитывать, что дѣло мелкаго земледѣльческаго кредита будетъ поставлено у насъ серьезнымъ образомъ. Отъ этихъ свѣдѣній, извлеченныхъ изъ книжки, изданной комитетомъ, возвратимся къ докладу князя Васильчикова, въ которомъ подробнѣе анализируются какъ значеніе ссудо-сберегательныхъ товариществъ у насъ, такъ и результаты перваго опыта ихъ дѣятельности. Указывая на распространенность и успѣхъ шульцевскихъ кредитныхъ ассоціацій въ Германіи, кн. Васильчиковъ основательно доказываетъ, что въ Россіи подобныя ассоціаціи еще гораздо нужнѣе, чѣмъ въ Германіи. Если общедоступный кредитъ, разсуждаетъ онъ, признается полезнымъ тамъ, гдѣ большинство населенія состоитъ изъ фабричныхъ, бездомныхъ и безземельныхъ рабочихъ, то онъ является необходимымъ въ Россіи, гдѣ огромное большинство населенія состоитъ изъ крестьянъ - земледѣльцевъ, эксплуатирующихъ свои собственныя земли. Никакой промыселъ не нуждается столько въ затратахъ, какъ именно сельское хозяйство. Дешевый кредитъ въ Россіи, по мнѣнію автора, не только необходимъ для рабочей массы, чѣмъ въ Германіи, но и возможнѣе именно для нея, чѣмъ тамъ. Приведено возраженіе Лассала противъ ассоціацій Шульце, что онѣ служатъ болѣе мелкимъ торговцамъ и мастерамъ-хозяевамъ, чѣмъ массѣ населенія, которая состоитъ изъ такихъ рабочихъ, которые не имѣютъ

мущества, а потому и не могутъ ни къ чему примѣнить предлагаемыя ссуды, авторъ указываетъ, что у насъ наоборотъ, масса населенія состоитъ изъ самостоятельныхъ мелкихъ земледѣльцевъ, которые имѣютъ полную возможность примѣнять ссуды къ улучшенію собственнаго хозяйства, крайне нуждаются именно въ такихъ авансахъ, и въ же время будучи прикрѣплены къ землѣ, представляютъ уже одной бровольной круговой порукою своей по ссудамъ болѣе гарантіи для браемаго имъ капитала, чѣмъ рабочіе за границу, переходящіе съ бста на мѣсто. Возможность воспользоваться, въ случаѣ нужды, дешевой ссудою рублей въ 50, на покупку лошади или сѣмянъ, представляетъ для крестьянина такое огромное подспорье и обезпеченіе, что оно само служить лучшимъ залогомъ въ томъ, что онъ постарается непременно возвратить полученную ссуду исправно, для того, чтобы остаться и на будущее время членомъ товарищества, между тѣмъ какъ границей рабочій, и не возвративъ ссуды въ одномъ мѣстѣ, можетъйти въ другое мѣсто, и тамъ снова воспользоваться ссудой, если только ссуды даются бездомнымъ рабочимъ. Авторъ не скрываетъ отъ себя факта, что и у насъ бѣднѣйшіе, то-есть совершенно уже разорившіеся крестьяне не будутъ въ состояніи воспользоваться кредитомъ. Тому, кто уже продалъ послѣднюю корову и лошадь, не дадутъ ссуды, потому что не повѣрятъ его состоятельности къ уплатѣ; не дадутъ и ему, кто по образу жизни представляется неблагонадежнымъ. Но большинство населенія не принадлежитъ къ этой категоріи. По мнѣнію втора, въ волости дешевымъ кредитомъ не воспользуется примѣрно два третъ хозяевъ: наиболѣе зажиточные и совершенно неисправные. Во остальные двѣ трети, которыя находятся въ положеніи среднемъ, то-есть хотя и стѣсненномъ, но все-таки дающемъ имъ возможность водить концы съ концами или перебиваться, воспользуются дешевымъ кредитомъ и онъ будетъ для нихъ истиннымъ благодѣяніемъ, избавляя ихъ отъ такихъ случайностей, которыя заставляютъ ихъ продавать хлѣбъ на корню за безцѣнокъ или брать хлѣбъ за ростъ въ 00%, то-есть съ обязательствомъ возвратить двѣ мѣры за одну, однимъ словомъ отъ тѣхъ именно случайностей, въ силу которыхъ средній хозяинъ обращается въ бѣднаго, а бѣдный въ окончательно несостоятельнаго и неисправнаго. А вѣдь $\frac{2}{3}$ составляютъ все-таки огромное большинство населенія.

Мы сказали выше, что свѣдѣнія, какія имѣются доселѣ о дѣятельности открытыхъ товариществъ, хотя и недостаточны для того, чтобы по нимъ можно было судить о томъ, какъ идетъ дѣло въ нынѣшнихъ то размѣрахъ, но все-таки достаточны для того, чтобы поощрить свѣателей, и для того, чтобы все общество могло имѣть надежду на успѣхъ дѣла. Князь Васильчиковъ въ своемъ докладѣ приводитъ свѣ-

дѣнія только о дѣйствіяхъ 10-ти такихъ товариществъ, которые доставили къ 1-му января текущаго года отчеты, составленные удовлетворительно. Что такіе отчеты были получены комитетомъ въ 1871-мъ году всего отъ 10 товариществъ изъ 66, нисколько не удивительно, такъ какъ большинство товариществъ открыли свои дѣйствія въ теченіи года, сверхъ того при крайней умѣренности ихъ расходовъ на счетоводство и переписку, не мудрено, что нѣкоторое число отчетовъ на первый разъ были составлены слишкомъ неполно и неясно, а многіе и просто не были доставлены въ комитетъ. Приведемъ главные выводы изъ доставленныхъ 10-ти отчетовъ, какъ они показаны въ докладѣ кн. Васильчикова. Въ теченіи перваго года въ 10-ти товариществахъ, при первоначальномъ капиталѣ 13.900 р., обороты достигли 76,062 р., число членовъ возрасло до 2474 и сумма частныхъ займовъ до 14.855 р. паевые взносы составляли сумму 8.590 р. Ссуды, выданныя товариществами своимъ членамъ, простирались до 66.879 р., изъ которыхъ по наступившимъ уже срокамъ уплачено 25.978 р. и считается отсроченными, но не просроченными 32 ссуды, на сумму 1008 р. Во всѣхъ 10-ти отчетахъ убытковъ никакихъ не показано, и пени за просрочки составляютъ незначительныя суммы (28 р.). Средній размѣръ ссуды представляется цифрою 39 р. 70 коп., что и подтверждаетъ мысль князя Васильчикова, что дешевый кредитъ будетъ служить именно для среднихъ хозяевъ, такъ какъ на подобныя ссуды почти невозможно торговый оборотъ (хотя въ книжкѣ коммиссіи указано на примѣръ пріобрѣтенія крестьянами 20% прибыли на ссудахъ, пущенныхъ ими въ оборотъ), но весьма возможно очень существенное улучшеніе въ хозяйствѣ, напр., покупка лошади. Вкладовъ поступило относительно говоря мало: отъ 2474 членовъ всего 375 р., и отъ постороннихъ лицъ 1006 р. Но это никакъ не означаетъ недовѣрія къ товариществамъ, такъ какъ въ то же время ими занято у частныхъ лицъ, по большей части у крестьянъ же, 14.885 р., безъ всякаго другого обезпеченія кромѣ круговой поруки членовъ. Прибыль товариществъ на ихъ оборотахъ, въ сравненіи съ паевымъ капиталомъ весьма значительна: 24%, 39%, 48%, 79% и въ одномъ даже 82%; въ средней же сложности всѣхъ товариществъ, отношеніе чистой прибыли къ собственному, паевому капиталу составляетъ 31—32%. Само собою разумѣется, что прибыль въ краткосрочномъ кредитѣ можетъ быть велика и при маломъ процентѣ, такъ какъ капиталъ можетъ оборачиваться болѣе одного раза въ годъ, или что то же: въ краткосрочныхъ ссудахъ нестѣснительно высокій годовой процентъ. Но сверхъ того надо замѣтить, что паевой капиталъ 8.590 р. составлялъ только небольшую часть оборотовъ, такъ что главная часть прибыли пріобрѣтена разумѣется на ссуду, данную земствомъ, и на займы, сдѣланные у частныхъ лицъ, по проценту низ-

му того, какой получали съ членовъ товарищества бравшихъ ссуду. И почему прибыль сравнительно съ паевымъ капиталомъ и представляется такъ высокою.

Повторяемъ, приведенные факты весьма утѣшительны, такъ какъ и несомнѣнно доказываютъ, что дѣло *можетъ* идти успѣшно, а болѣе чего пока и не требуется доказать. А то, что дѣло идти можетъ, и цифры доказываютъ, и мы считаемъ обязанностію печати защищать кой утѣшительный результатъ, подающій надежду въ успѣхъ важнаго народнаго дѣла отъ тѣхъ неосновательныхъ сомнѣній, какими доброжелатели желали бы подорвать его. Вотъ единственный поводъ, ставляющій насъ обратиться къ нѣсколькимъ статьямъ, помѣщеннымъ въ минувшемъ мѣсяцѣ въ одной изъ петербургскихъ газетъ. Цѣль газеты доказать, что „ссудо-сберегательныя товарищества, въ томъ видѣ, въ какомъ стараются привить ихъ къ нашей народной почвѣ, не только спасутъ народъ отъ дальнѣйшаго обѣднѣнія, но послужатъ новымъ въ тому средствомъ, ставъ новыми сѣтями, въ которыхъ довѣрчивые и безопасные люди, т.-е. огромное большинство крестьянъ, должны шутаться самымъ пагубнымъ образомъ“. Замѣчательно, что такое убѣжденіе“ (sic) газета выводитъ не изъ какихъ-либо собственныхъ свѣдѣній о товариществахъ, которыя противорѣчили бы фактамъ и цифрамъ, сообщеннымъ кн. Васильчиковымъ, но именно и исключительно изъ самыхъ этихъ фактовъ и цифръ. Между тѣмъ фактами и цифрами, сообщенными въ докладѣ кн. Васильчикова, нельзя доказывать ничего, кромѣ того, что доказываетъ онъ, какъ мы это сейчасъ и видимъ. Мы не дадимъ себѣ труда указывать на всѣ старанія газеты выйти въ словахъ кн. Васильчикова и самопротиворѣчіе и утопію. Достаточно сказать для примѣра, что самая умѣренность автора доклада, когда онъ говоритъ, что „потребности народа укажутъ пригодны ли ему эти учрежденія“, вмѣняется ему въ вину, изъясняется какъ сомнѣніе его самого въ дѣлѣ, а мнѣніе кн. Васильчикова, что дѣлу этому должны помогать своимъ содѣйствіемъ всѣ образованные люди и правительство своею гарантіею, опровергается возраженіями въ такомъ родѣ: „у образованныхъ людей и безъ того дѣла по горло“... „Какое количество милліоновъ потребовалось бы на все это?“. Между тѣмъ у кн. Васильчикова сказано только, что правительство должно помочь дѣлу устраненіемъ затрудненій и предоставленіемъ гарантіи для кредита, и что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отношеніи правительство уже оказало помощь дѣлу народнаго кредита: уставы товариществъ утверждаются теперь въ двѣ недѣли, и высочайшимъ повелѣніемъ 25-го февраля открытъ въ государственномъ банкѣ, во всѣхъ его конторахъ и отдѣленіяхъ, кредитъ подъ прямые векселя всѣмъ ссудо-сберегательнымъ товариществамъ, по истеченіи года со

дня ихъ открытія. Вообще изъ словъ кн. Васильчикова не видно чтобы онъ еще чего-нибудь ожидалъ отъ правительства. Напротивъ упомянувъ о помощи уже оказанной правительствомъ, онъ говоритъ „теперь остается пожелать, чтобы со стороны частныхъ лицъ и съ временнаго общества было оказано такое же вниманіе къ этому дѣлу и позволю себѣ выразиться, снисхожденіе“. О какомъ же количествѣ милліоновъ идетъ тутъ рѣчь? Но и самое слово „снисхожденіе“, употребленное авторомъ доклада, указывается газетой въ выносныхъ знакахъ, какъ будто удивительно, что просить снисхожденія для того что начавшагося, труднаго дѣла.

Экономическіе выводы газеты изъ цифръ кн. Васильчикова представляютъ попытку сокрушить всякую надежду на успѣхъ товариществъ. Изъ того, что авторъ доклада говоритъ только на основаніи 10-ти обстоятельныхъ отчетовъ, газета выводитъ заключеніе, что „для какихъ бы то ни было выводовъ необходимы данныя по всѣмъ 66-ти товариществамъ и эти данныя должны быть добыты во что бы то ни стало—чтобы предупредить быть можетъ гибель многихъ милліоновъ въ предпріятіяхъ, которыя могутъ оказаться пустою химерой“. Да кто же сказалъ газетѣ, что всѣ товарищества кромѣ 10-ти, о которыхъ упомянулъ кн. Васильчиковъ, такъ никогда и не составятъ своихъ отчетовъ? Вѣдь говорятъ только слѣдующее: тѣ 10 обществъ, которые прислали намъ отчеты ясные, пригодные для выводовъ, удалась на первый разъ, стало быть такіа товарищества *могутъ* дѣйствовать успѣшно. Вотъ и все. Въ числѣ обществъ, которыми присланы въ комитетъ отчеты толково составленные, находится, напр., печерское, которое открыло свои дѣйствія 3-го декабря 1871-го г. Но не могли же прислать отчеты въ 1-му января 1872-го г. всѣ общества, которыя открылись почти наканунѣ этого дня, а вѣдь всѣ они заключались въ числѣ 66-ти. Да, наконецъ, изъ того, что другія общества не прислали въ комитетъ отчетовъ или прислали отчеты въ видѣ прихода и расхода, безъ подраздѣленій, однимъ словомъ безтолковые, ничего ровно не слѣдуетъ, кромѣ того, что о нихъ нельзя говорить. А газету они-то именно и интересуютъ. Что излагаются дѣйствія 10-ти обществъ, это газета называетъ „дурочить публику, доказывая ей полезность того, что въ 5-ти случаяхъ изъ 6-ти можетъ быть нигде негодится“. Но утѣшимъ газету: положимъ, современемъ комитетъ будетъ дѣлать свои выводы на основаніи 100 отчетовъ; но въ послѣдствіи ссудо-сберегательныхъ товариществъ въ Россіи можетъ образоваться 600. Позволительно ли будетъ на основаніи 100 отчетовъ утверждать, что дѣло это можетъ имѣть успѣхъ, или и тогда газета возразитъ, что „для какихъ бы то ни было выводовъ“, необходимо имѣть всѣ до единого отчеты, что дѣло въ 5-ти случаяхъ изъ 6-ти все-таки можетъ оказаться

годнымъ? Но вѣдь, въ такомъ случаѣ, сужденіе возможно будетъ только тогда, когда уже Россія получитъ все нужное ей число товариществъ, когда уже ни одного изъ нихъ не будетъ открываться вновь.

Экономическія и кредитныя соображенія, которыми газета опровергаетъ кн. Васильчикова на основаніи его же цифръ, отличаются извѣстностью самого первобытнаго свойства. „При громадной сравнительно мѣлкости ссудъ на 67 т. р., вкладовъ отъ всѣхъ членовъ поступило только 15 р. Паевые взносы, конечно—глубокомысленно прибавляетъ газета, нельзя относить къ сбереженіямъ, такъ какъ они дѣлаются для того, чтобы получить право на ссуду (для чего они дѣлаются, это—другой вопросъ, но наличныя деньги, которыя крестьянинъ вноситъ въ видѣ пая или части пая, все-таки представляютъ его сбереженіе, замѣтимъ). а и они (пай) составили лишь $\frac{1}{3}$ оборотнаго капитала, а $\frac{2}{3}$ пришлось занимать на сторонѣ. Такимъ образомъ, заключаетъ экономистъ газеты, отличительная черта подобныхъ учреждений, начало самопомощи, опирающейся на средства самихъ нуждающихся лицъ—осталось съ самаго начала совершенно чуждою товариществамъ“ и т. д. Какъ же совершенно чуждою, когда вы сами говорите, что пай составили треть оборотнаго капитала? Но это не все. Финансисты газеты, по-видимому, разумѣютъ самопомощь въ такомъ смыслѣ, что каждый членъ кладетъ свои сбереженія въ кассу, и затѣмъ, когда ему понадобятся деньги, беретъ часть своихъ сбереженій, однимъ словомъ занимаетъ за проценты самъ у себя, при чемъ за ссуду платитъ согласно образцовому уставу) 3-мя процентами больше, чѣмъ получаетъ на свой вкладъ. Но смѣемъ увѣрить этихъ финансистовъ, что и самопомощь, и кредитное дѣло не разумѣются прочими европейскими финансистами въ столь тѣсномъ смыслѣ, въ видѣ опусканія въ копилку своихъ грошей и выниманія ихъ оттуда. Возьмите балансъ любого банка и посмотрите на отношеніе паеваго капитала къ оборотамъ, тогда вы и увидите въ чемъ дѣло. Особенность же сельскихъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ въ томъ и заключается, что вмѣсто обезпеченія долга портфелемъ и имуществомъ, они обезпечиваютъ его одной круговой порукою осѣдлыхъ крестьянъ. Вотъ эта-то круговая порука и представляетъ главнымъ образомъ самопомощь, потому что она даетъ средство занимать значительныя суммы по низкому проценту, и пускать ихъ въ оборотъ по годовому проценту болѣе высокому, или то все равно, отдавать ихъ за невысокій процентъ на краткіе сроки, такъ что капиталъ оборачивается $1\frac{1}{2}$ или 2 раза въ годъ, а можетъ быть и больше. При этомъ собственный капиталъ товарищества представляютъ все-таки только пай, и расчетъ прибыли съ годового оборота совершенно правильно дѣлать именно по отношенію къ паевому, то-есть собственному капиталу товарищества. Вотъ этого-то и не по-

нимають финансисты газеты, когда сомнѣваются въ возможности утверждаемаго кн. Васильчиковымъ факта, что въ средней сложности товариществъ отношеніе чистой прибыли къ собственному, паевому капиталу составляетъ 31—32%. „Мы никакъ не могли понять—говорятъ они,—какимъ образомъ онъ высчиталъ такую прибыль“, и затѣмъ пускаются въ соображенія ни къ чему не ведущія и вовсе не нужныя, потому что дѣло совершенно ясно. Пaeвой капиталъ составлялъ 8,590 рублей; 31% его составляетъ 2,662 р. 90 коп. Ссудъ выдано на 66,879 рублей; если по нимъ получено въ годъ только 10 процентовъ, то это уже составляетъ 6,687 р. 90 коп., то-есть такую сумму, изъ которой 4,025 рублей могли идти на уплату процентовъ по займамъ товарищества и по вкладамъ, а 2,662 р. 90 коп. оставаться въ прибыли, то-есть именно 31% въ сравненіи съ собственнымъ паевымъ капиталомъ.

Разсчетъ этотъ легко сдѣлать самимъ и мы могли бы имъ удовольствоваться. Но финансистамъ, о которыхъ идетъ рѣчь, если они хотѣли „понять“ то, что имъ было непонятно въ выводахъ кн. Васильчикова, слѣдовало не ставить своего непониманія въ вину ему, а разъяснить себѣ собственное непониманіе, обратившись не къ гаданіямъ, а къ положительнымъ даннымъ. Данныя эти имъ легко было найти въ таблицахъ, приложенныхъ ко 2-му изданію книжки комитета. Тутъ увидѣли бы они, что выводы составляются теперь уже на основаніи отчетовъ не 10-ти, но 27-ми товариществъ, и нашли бы точный счетъ прихода и расхода. Тутъ они усмотрѣли бы, что годовоі процентъ по ссудамъ въ товариществахъ составляетъ 12, а не 17, какъ газета неизвѣстно откуда вывела; за 12 % въ годъ по кратко срочнымъ ссудамъ денегъ нельзя достать безъ залога *нидѣ*, кромѣ какъ въ товариществахъ. Имѣть возможность получать за рубль въ мѣсяцъ 100 рублей безъ залога—это ли называютъ финансисты газеты „самымъ дѣйствительнымъ и скорымъ средствомъ къ конечному разоренію крестьянъ-заемщиковъ?“ Изъ тѣхъ же, не гадательныхъ предположеній, а положительныхъ цифръ, которыя, прибавимъ, „добыть непремѣнно слѣдовало“, прежде чѣмъ возводить свое непониманіе въ аргументъ, финансисты узнали бы, что по 27-ми товариществамъ выдано было въ ссуду до 135-ти тысячъ рублей, изъ которыхъ уже возвращено до 68-ми т. р.; что прибыли въ процентахъ на ссуды, за отсрочки, въ пеняхъ и проч. было 8,968 р. 82 коп.; что на уплату процентовъ по вкладамъ, займамъ, на управленіе и проч. израсходовано было 2,890 р. 59 коп., то чистая прибыль такимъ образомъ составляла 6,078 р. 23 коп., а это въ сравненіи съ паевымъ капиталомъ въ 25,565 рублей и выходитъ нѣсколько менѣе 24% чистой прибыли. Этотъ размѣръ прибыли менѣе того, который былъ высчитанъ кн. Васильчиковымъ на основаніи дан-

имѣ 10-ти товариществъ, но все-таки весьма удовлетворителенъ, и конечно болѣе того, какой реализовали бы товарищества, если бы практиковали самопомощь такъ, какъ ее повидимому разумѣютъ цитируемые нами финансисты, то-есть если бы каждый бралъ ссуду только въ размѣръ своего пая или своего вклада, однимъ словомъ самъ у себя. Сообщимъ еще почтенной газетѣ, что и сѣтованія ея на незначительность вкладовъ неосновательны. Вкладовъ по отчетамъ 27-ми товариществъ состояло къ 1-му января 1872-го года почти на 11-ть тысячъ рублей. Но вкладовъ со стороны крестьянъ едва ли и будетъ много: по уставу, если $\frac{1}{4}\%$ по ссудамъ 12, то $\frac{1}{2}\%$ по вкладамъ долженъ быть 9. Очень многіе хозяева вмѣсто того, чтобы отдавать какіе-нибудь лишніе 50 рублей въ ростъ по $9\frac{1}{2}\%$, предпочтутъ купить на нихъ штуку скота или лошадь, на которой приобрѣтутъ въ годъ $75\frac{1}{2}\%$. Да вклады здѣсь и важны только для развитія операцій, а не для обезпеченія: обезпеченіе—круговая порука.

Приведенныя цифры достаточно свидѣтельствуютъ, что опытъ учрежденія сельскаго кредита у насъ сдѣланъ уже въ серьезныхъ размѣрахъ, и что есть основанія надѣяться на успѣхъ его. Затѣмъ, намъ остается только выразить сочувствіе къ начинателямъ, ревнителямъ этого дѣла, которое вполне заслуживаетъ того содѣйствія со стороны всѣхъ образованныхъ людей, какого ожидаетъ кн. Васильчиковъ, несмотря на то, что по свидѣтельству цитируемой газеты у нихъ свихъ дѣлъ „по горло“.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го октября. 1872 г.

Свиданіе трехъ императоровъ. — Офіціальные отзывы и слухи. — Заявленіе гр. Андраши. — Панславистскія стремленія. — Новый великій визирь. — Болгарскій вопросъ. — Совершеннолѣтіе кн. Милана. — Сербскія дѣла. — Маріенбургскій праздникъ. — Баларское министерство. — Третейскій судъ въ Женевѣ. — Французскіе монархисты. — Письмо К. Перье. — Адресы. — Комиссія собранія. — Тьеръ у Гизо и Тьеръ въ Гаврѣ.

Главный интересъ мѣсяца, подлежащаго настоящему обозрѣнію, представляло свиданіе въ Берлинѣ трехъ императоровъ. Объ этомъ фактѣ высказано было въ печати столько предположеній, сообщеній и заключительныхъ взглядовъ самаго разнообразнаго свойства, что намъ не достало бы мѣста, если бы мы хотѣли систематически изложить отношеніе европейской прессы къ берлинскому свиданію. Между тѣмъ прямыхъ сообщеній о сущности происходившихъ переговоровъ было мало, да и тѣ, какія были, заключали въ себѣ собственно только увѣренія о взаимномъ расположеніи, объ отсутствіи въ намѣреніяхъ всѣхъ трехъ державъ чего-либо несогласнаго съ видами другихъ. Особенно популярно стало изреченіе, приписываемое князю Горчакову, именно, что одно изъ главныхъ достоинствъ переговоровъ представляется тѣмъ, что „ничего написано не было“. Прусскія газеты сообщали значеніе политическаго заявленія тосту за германскую армію, провозглашенному нашимъ Государемъ. По этому поводу среди прусскихъ газетъ возникло даже небольшое недоумѣніе: нѣкоторыя газеты, заботливо взвѣшивая каждое отдѣльное слово, останавливались надъ выраженіемъ „храброй прусской арміи“, и спрашивали себя: слѣдуетъ ли придавать особое значеніе выраженію „прусской“, вмѣсто котораго могло быть и „германской“. Недоумѣніе это продолжалось до тѣхъ поръ, пока „Бѣльнская Газета“ не сообщила изъ достовѣрнаго источника, что въ подлинныхъ словахъ не было ни „прусской“, ни „германской“, а просто „храброй вашей арміи“. Приводимъ это собственно

въ доказательство, какъ скудны, лучше даже сказать ничтожны были тѣ свѣдѣнія о берлинскихъ переговорахъ, которыя доселѣ проникли въ печать, если ей приходилось угадывать намѣренія даже въ какихъ-нибудь пяти словахъ тоста, произнесеннаго августѣйшимъ гостемъ императора Вильгельма. Заявленіе въ рѣчи князя Бисмарка депутаціи берлинскаго магистрата, поднесшей ему дипломъ на званіе почетнаго гражданина города Берлина, что самый фактъ свиданія трехъ императоровъ представляетъ важное политическое событіе и обезпеченіе всеобщаго мира, безъ сомнѣнія вполне соотвѣтствуетъ истинѣ, но истина эта и безъ того очевидна, и все-таки не даетъ ключа къ „дешифрированію“ переговоровъ, при которыхъ „ничего написано не было“. Сообщенія графа Андраши австро-венгерскимъ делегаціямъ были уже нѣсколько болѣе опредѣлительны, но слишкомъ односторонни и притомъ отрицательно-односторонни. Австро-венгерскій министръ иностранныхъ дѣлъ заявилъ, что его государь предпринялъ поѣздку въ Берлинъ собственно за тѣмъ, чтобы выразить полное сочувствіе къ германской имперіи; относительно же Россіи, графъ Андраши сказалъ, что „панславистскія стремленія“ не находятъ поддержки въ русскихъ правительственныхъ сферахъ, такъ что и съ этой стороны ничто не жѣшаетъ общему согласію. Къ этому заявленію австрійскаго перваго министра мы сейчасъ возвратимся, а теперь только констатируемъ фактъ, что и изъ этого заявленія нельзя вывести заключенія о результатахъ тѣхъ переговоровъ, которые происходили въ Берлинѣ.

Затѣмъ всѣ собственно-газетные слухи и предположенія о вопросахъ, подлежавшихъ будто бы обсужденію въ Берлинѣ, къ числу которыхъ относились и обезпеченіе территоріальныхъ пріобрѣтеній Германіи на счетъ Франціи, и соглашенія для общихъ дѣйствій или лучше сказать общаго бездѣйствія на случай новой войны между этими двумя странами, о принятіи общаго положенія противъ католическаго клерикализма, польскихъ стремленій, распространенія республиканскихъ, а тѣмъ болѣе социалистическихъ идей, о возвращеніи сѣвернаго Шлезвига Даніи и т. д. — мы можемъ просто оставить въ сторонѣ, не имѣя причины ни предпочесть одинъ слухъ другому, ни вообще допускать котораго-либо изъ нихъ. Конечно, если понимать берлинскіе переговоры въ томъ смыслѣ, что государи въ своихъ беседахъ, а ихъ министры въ разговорахъ между собою, обмѣнивались взглядами на общее положеніе дѣлъ въ Европѣ, то такимъ образомъ можно допустить, что не только исчисленные вопросы, но еще и „всѣ другіе“, даже, напр., и рѣшенія женеваго третейскаго суда по дѣлу „Элебеи“, могли быть предметами переговоровъ. Но предположивъ для переговоровъ такую раму, мы тѣмъ самымъ отрицаемъ бы имъ характеръ положительныхъ соглашеній по такому или такому дѣлу. Ничто, впрочемъ, и не доказываетъ, чтобы подобныя соглашенія и по-

слѣдовали, такъ какъ доселѣ послѣ берлинскаго свиданія не было обнародовано рѣшительно никакихъ международныхъ мѣръ, кромѣ новой конвенціи между Пруссіею и Россіею о взаимной высылкѣ и выдачѣ безпаспортныхъ изъ пограничныхъ мѣстностей.

Доказывать à priori, что толки о чемъ-либо въ родѣ восстановленія въ Берлинѣ „священнаго союза“ неосновательны, мы не станемъ потому, что перемѣна обстоятельствъ съ того времени очевидна. Стремленія всѣхъ членовъ священнаго союза могли быть одинаковы и въ основаніе ихъ дѣйствій могла лечь одна общая программа потому, что въ то время были почти одинаковы учрежденія тѣхъ странъ, которыя въ этомъ союзѣ участвовали. Нынѣ этого нѣтъ, а потому и священный союзъ не могъ бы имѣть программы. Допустимъ на минуту, что въ наше время священный союзъ установился бы просто для повсемѣстнаго поддержанія консервативныхъ началъ. Но то, что консервативно для Австріи, совсѣмъ не консервативно для Пруссіи, а то, что консервативно для Пруссіи, вовсе не консервативно для Россіи. Не говоримъ уже о поддержаніи „консервативныхъ началъ“ въ остальной Европѣ. Что можетъ быть признано „консервативнымъ“ для Италіи, для Франціи, для Швейцаріи? Во времена священнаго союза Швейцарія одна на континентѣ и составляла исключеніе; въ остальныхъ государствахъ господствовали въ сущности одни начала, для поддержанія которыхъ и былъ возможенъ союзъ.

Къ сожалѣнію, нѣмецкая печать сдѣлала все что могла, чтобы приписать берлинскому свиданію цѣли очевидно преувеличенныя, даже прямо невозможныя, потому что нѣкоторыя изъ нихъ взаимно исключаютъ себя. Нѣмецкая печать — за исключеніемъ нѣкоторыхъ органовъ, какъ берлинская „Volkszeitung“ — съ самаго начала предприняла „Kapital zu schlagen“ изъ этого факта, для всѣхъ преувеличеній германскаго національнаго чувства. Даже такія газеты, какъ „Кёльнская“, зашли въ этомъ случаѣ такъ далеко, что въ ихъ сужденіяхъ не оказывалось уже и слѣда хваленной нѣмецкой „трезвости воззрѣнія“. „Кёльнская Газета“, напр., утверждала, что главный смыслъ свиданія представляется въ разочарованіи для расчетовъ Франціи и въ то же время, что свиданіе это Франціи не угрожаетъ; что Пруссія въ 1866-мъ году по собственному желанію, изъ дружбы, не потребовала отъ Австріи ни пяди земли; что берлинское свиданіе необходимо для укрѣпленія монархическихъ учреждений въ Европѣ; что „республики вообще страдаютъ внутренними потрясеніями и монархамъ необходимо, отбросивъ споры, стать дружно на защиту порядка, такъ какъ республиканизмъ постоянно стремится изъ Америки проникнуть въ Европу, а потому было бы крайне неблагоприятно всѣ теперь династическія войны“; что монархи воспользуются нынѣшнимъ случаемъ „для соглашенія противъ внутреннихъ враговъ“, какими

представляются теперь особенно католическое духовенство и социализмъ. Замѣтимъ еще, что по толкованію „Кѣльнской Газеты“ подъ именемъ социализма слѣдуетъ разумѣть всякія „стремленія (Bestrebungen), ведущія къ тому, чтобы пробудить въ рабочемъ недовольство его судьбой“ и т. д. Хотя при этомъ „Кѣльнская Газета“ и оговаривается, что цѣлью берлинскаго свиданія не могло быть возстановленіе священнаго союза, но и тѣхъ цѣлей, какія она приписываетъ свиданію, слишкомъ много, чтобы могло быть сдѣлано какое-либо соглашеніе для достиженія всѣхъ ихъ вмѣстѣ. Утвержденіе единства германской имперіи и ея приобрѣтеній, охраненіе неприкосновенности имперіи оттоманской, соглашеніе на всякій случай противъ мщенія Франціи, союзъ противъ республиканизма, клерикализма, социализма, одновременное наблюденіе пожалуй и за всѣми сочиненіями, въ которыхъ можно усмотрѣть указаніе на неудовлетворительное положеніе тѣхъ или другихъ рабочихъ, и за переходомъ республиканизма въ Европу изъ Америки — все это ужъ слишкомъ сложно и разнообразно. Притомъ же все это слишкомъ очевидно-выгодно одной только сторонѣ. Для Россіи, напр., не предстоитъ со стороны Франціи никакой опасности, со стороны проникновенія республиканизма изъ Америки — тоже никакой, со стороны католическаго клерикализма весьма малая. Не участвуя въ выгодахъ въ такихъ отношеніяхъ, какую же цѣль имѣла бы Россія, обязываясь вмѣстѣ и поддерживать хотя бы сочувствіемъ, цѣлость германской имперіи, и не поддерживать своимъ сочувствіемъ турецкихъ славянъ, что и называется охраненіемъ неприкосновенности турецкой имперіи? Такъ какъ Австрія — in diesem Bunde der Dritte, то въ соглашеніи подразумѣвается конечно охраненіе и ея неприкосновенности. Спрашивается, могла ли Россія безъ всякой выгоды для себя обязаться поддерживать неприкосновенность и германской имперіи, и оттоманской имперіи, и австрійской имперіи?

Попытки нѣмецкой печати „дѣлать капиталъ“ изъ берлинскаго свиданія, то-есть возлагать на него ожиданія всевозможныхъ результатовъ для торжества нѣмецкой національности какъ на Шпрее и Эльбѣ, такъ и на Рейнѣ, и на Дунаѣ, были нѣсколько разсѣяны, когда изъ корреспонденцій англійскихъ газетъ оказалось, что бесѣды въ Берлинѣ бывали не общія, а отдѣльно между представителями двухъ державъ; такъ графъ Андраши видѣлся съ княземъ Бисмаркомъ, и князь Бисмаркъ видѣлся съ княземъ Горчаковымъ; но вмѣстѣ они не засѣдали ни разу. Къ концу свиданія получило извѣстность и выраженіе, что „ничего написано не было“ и что „тѣмъ лучше“. Въ какой мѣрѣ такихъ сообщеній было достаточно, чтобы умѣрить преувеличенныя ожиданія нѣмецкихъ газетъ, судить не беремся, но несомнѣнно, что къ концу свиданія и по окончаніи его, нѣмецкія газеты

выказали нѣкоторое „пониженіе тона“, причемъ стали увѣрять, что никакихъ положительныхъ соглашеній и не предвидѣлось съ самаго начала.

Для правильного пониманія свиданія, бывшаго въ Берлинѣ, едва ли не вѣрнѣе всего будетъ остановиться на словахъ князя Бисмарка, объявившаго берлинской городской депутаціи, что „самый фактъ свиданія трехъ императоровъ представляется какъ обезпечивающее миръ заключеніе послѣднихъ великихъ событій“. Графъ Мольтке, которому былъ также поднесенъ дипломъ отъ города, прибавилъ съ своей стороны, что „главное значеніе свиданія заключается въ укрѣпленіи довѣрія къ миру“. Правда, все это очевидно по себѣ, и все-таки не даетъ ключа къ раскрытію предполагаемыхъ тайнъ, но быть можетъ важнѣе всего и есть именно только то, что очевидно; быть можетъ, никакихъ особыхъ „тайнъ“ собственно и не было. И все-таки „самый фактъ“, что государи Россіи и Австріи встрѣтились, и встрѣтились въ Берлинѣ, несомнѣнно имѣетъ значеніе весьма крупнаго историческаго событія. Одно простое, но столь наглядное удостовѣреніе добраго согласія трехъ имперій само по себѣ уже весьма важно. Въ этомъ смыслѣ берлинское свиданіе уже оказало вліяніе на общественное мнѣніе: теперь въ заграничной печати уже возникли слухи о предстоящемъ будто бы приѣздѣ императора Франца-Иосифа въ Петербургъ, а нашего государя въ Вѣну, ко времени выставки. Вѣри эти слухи или нѣтъ, но не далѣе какъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ они не могли бы и возникнуть. Только вслѣдствіе этого свиданія и у насъ могъ распространиться слухъ, что предположенныя въ постройкѣ на нашей западной границѣ пять новыхъ укрѣпленій строиться не будутъ. Свиданіе же дало „Силезской газетѣ“ поводъ выступить недавно съ весьма замѣчательной и весьма замѣченной въ высшихъ берлинскихъ сферахъ статьей противъ предпринятыхъ мѣръ къ удвоенію состава прусской артиллеріи. „Силезская газета“ доказывается, что именно въ виду берлинскаго свиданія потребность немедленнаго осуществленія этихъ мѣръ вовсе не настоятельна, а между тѣмъ правительство, предпринимая подобныя преобразованія въ арміи безъ согласія сейма на увеличеніе издержекъ, создаетъ вновь то положеніе, въ какое оно поставило и себя и сеймъ послѣ итальянской войны 1859-го года, то-есть исходить изъ предположенія, что „равно“, сеймъ „послѣ“ утвердитъ расходъ произведенный, но не разрѣшенный, посредствомъ ассигнованія особаго валового кредита (Pauschquantum). Этотъ путь, какъ утверждаетъ „Силезская газета“, ни ведетъ къ новому столкновенію съ сеймомъ (Verfassungs-Conflikt), ни если даже сеймъ оправдаетъ ожиданіе — обращаетъ въ ничто парламентское право опредѣлять бюджетъ.

Теперь возвратимся къ заявленію графа Андраша, относящемуся

къ Россіи. Что слѣдуетъ разумѣть подъ названіемъ „панславистскихъ стремленій, которыя не находятъ поддержки въ русскихъ правительственныхъ сферахъ“? Нѣмецкая печать избрала себѣ для обозначенія „панславистскихъ стремленій“ два русскихъ имени: генерала Фадѣева, который только писатель, и генерала Игнатѣева, который — посолъ русской имперіи въ Константинополѣ. Поочередно говорится то о панславистскихъ „идеяхъ“, которыхъ главнымъ выразителемъ для нѣмцевъ какъ-то сдѣлался г. Фадѣевъ, то о панславистскихъ „пронскахъ“, въ которыхъ каждая нѣмецкая корреспонденція изъ Константинополя обвиняетъ генерала Игнатѣева. О какихъ же „панславистскихъ стремленіяхъ“ говорилъ графъ Андраши — вотъ что спрашивается. Что высказанныя г. Фадѣевымъ мысли о пользѣ соединить всѣ славянскія народности въ одинъ союзъ, подъ предводительствомъ русскаго императора, съ членами царствующаго въ Россіи дома въ качествѣ славянскихъ владѣтелей, не встрѣчаютъ поддержки въ русскихъ правительственныхъ сферахъ, это для насъ несомнѣнно, и если сообщеніе графа Андраши означаетъ, что это стало теперь несомнѣнно и для австрійскихъ государственныхъ людей, то намъ остается только порадоваться такому послѣдствію свиданія.

Совершенно иное дѣло — политика, представляемая генераломъ Игнатѣевымъ. Мы не имѣемъ права толковать заявленія графа Андраши и должны принимать его буквально, стало быть въ томъ смыслѣ, что правительственныя сферы отвергли такіа стремленія, которыхъ онѣ и не имѣли. Но нѣмецкому обществу и политика генерала Игнатѣева извѣстна именно подъ именемъ панславистскихъ стремленій. А вѣдь изъ заявленія графа Андраши никакъ не должно выводить заключенія, что Россія нынѣ отреклась отъ политики, какой до сихъ поръ слѣдовала. Нашъ посолъ въ Константинополѣ самъ безспорно принадлежитъ къ русскимъ правительственнымъ сферамъ, стало быть тѣ панславистскія стремленія, о которыхъ говорилъ графъ Андраши, не означаютъ политику генерала Игнатѣева, то-есть просто — традиціонную политику Россіи на юго-востокѣ.

Больше ничего и не требуется для Россіи, но это, очевидно, — требуется. Отречься отъ своей традиціонной политики сочувствія и поддержки по отношенію къ турецкимъ славянамъ Россія не можетъ, да ни у Австріи, ни у самой Германіи нѣтъ въ распоряженіи и той цѣны, которою онѣ могли бы вознаградить Россію за отреченіе отъ естественной ея политики въ Европѣ. Если мѣняться услугами, то что, собственно говоря, могутъ намъ дать Германія и Австрія? — обезпечить намъ обладаніе царствомъ польскимъ во всякомъ случаѣ и какой бы системы мы тамъ ни держались. Затѣмъ, чѣмъ суровѣе будетъ эта система, тѣмъ скорѣе царство польское онѣмечится совершенно, и тогда со временемъ можетъ возникнуть вопросъ о присоеди-

неніи его къ германскому отечеству. Больше рѣшительно никакого содѣйствія Пруссія и Австрія оказать намъ не могутъ, а это содѣйствіе само по себѣ представляетъ нѣчто совершенно безплодное.

И за это содѣйствіе Россія отказалась бы отъ покровительства турецкимъ славянамъ, которые искони смотрятъ на нее какъ на свою защиту, отреклась бы отъ нихъ? Это невозможно. Укажемъ въ самомъ бѣгломъ очеркѣ на положеніе, представляющееся русской дипломатіи относительно турецко-славянскихъ дѣлъ. Начнемъ съ отношеній къ самой Портѣ и допустимъ на минуту, что эти отношенія менѣе благопріятны при Мидхатъ-пашѣ, чѣмъ были при Аали и при Махмудъ-пашахъ. Нѣсколько не сравнивая турецкихъ государственныхъ людей между собою и признавая, что бразды правленія принадлежатъ достойнѣйшему, напомнимъ, что если Аали первый сблизился съ Россіею, а Махмудъ послѣдовалъ его примѣру, то вѣдь пронестекло это изъ того, что Портѣ нелегко было иго, тяготѣвшее на ней при Фуадѣ, иго правленія трехъ западныхъ посланниковъ, которые вдобавокъ не всегда были согласны между собою. Если отношенія русской дипломатіи къ новому великому визирю еще не успѣли установиться съ достаточной удовлетворительностью, то это неудивительно, потому что Мидхатъ, благодаря вмѣшательству египетскаго вице-короля, свергнулъ министра, дружественно расположеннаго къ Россіи, а кромѣ того, еще будучи генераль-губернаторомъ въ дунайскомъ вилайетѣ, выказалъ себя приверженцемъ крутыхъ мѣръ противъ болгаръ, заподозрѣнныхъ въ сочувствіи къ Россіи. Русскій посолъ въ Берлинѣ, конечно, не можетъ выказывать своего предпочтенія тому или другому управляющему министерствомъ иностранныхъ дѣлъ: г. фон-Тиле, или г. фон-Багану. Но положеніе всѣхъ европейскихъ пословъ въ Константинополѣ совсѣмъ иное: оно таково, что они не могутъ не относиться опредѣленнымъ образомъ къ такому или иному составу администраціи. И если правда, что сообщаютъ нѣмецкія же газеты о замѣчаніи, какое слышалъ покойный Джемиль-паша всего нѣсколько недѣль тому назадъ, при проѣздѣ своемъ чрезъ Вѣну, то обвинять одну русскую дипломатію во „вмѣшательствѣ въ турецкія дѣла“ слишкомъ несправедливо: „еслибы Махмудъ продержался еще малое время“—будто бы сказалъ Францъ-Іосифъ Джемилю— „то вся Европа принуждена бы была интервенировать“. За что же? за то только, что вліяніе русскаго посла на Махмуда, какъ и на Аали прежде, было сильнѣе, чѣмъ вліяніе иныхъ посланниковъ; но вѣдь это дѣло переменное, и чье-нибудь вліяніе должно быть сильнѣе. Правда, теперь Махмудъ судили въ диванѣ и осудили его къ уплатѣ въ казну 100 тыс. фунтовъ, которые онъ будто бы „подарилъ“ какому-то Зубини, агенту въ Лондонѣ, за успѣхъ послѣдняго займа. Но вѣдь судятъ только тѣхъ, кто въ немилости. Положеніе Мидхата, говорятъ, непрочно и

мень можетъ случиться, что онъ будетъ замѣненъ Эссадомъ-пашой, который, какъ и Махмудъ, не убѣжденъ въ огромномъ превосходствѣ западной опеки надъ сѣверной. Но сношенія Россіи и съ нынѣшнимъ правительствомъ Турціи удовлетворительны, какъ то было доказано гѣмъ фактомъ, что бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ Джемилъ-паша представлялся государю въ Бендерахъ.

Поддержка, оказываемая со стороны русской дипломатіи независимости болгарской церкви—вотъ еще одна капитальная статья пресловутыхъ „панславистскихъ происковъ“. Но и по этому пункту русская политика не можетъ отречься ни отъ чего, что только ею было сдѣлано, ни даже отъ того, что она старалась сдѣлать, потому что все это было рacionales, естественно и вполне соответствовало какъ ожиданіямъ болгаръ, такъ и нравственной обязанности Россіи, нисколько не нарушая верховныхъ правъ султана. Нѣмецкія и англійскія газеты утверждаютъ, что въ церковномъ вопросѣ въ Болгаріи заключается вопросъ политическій. Это совершенно вѣрно. Византійскіе греки искони захватили въ свои руки іерархію въ Болгаріи, эксплуатировали эту страну самымъ возмутительнымъ образомъ, и притомъ шли сознательно къ уничтоженію болгарской народности; въ греческихъ книгахъ она даже отрицается. Освобожденіе отъ греческой іерархіи, независимость церкви для Болгаріи есть конечно болѣе чѣмъ церковный вопросъ: это означаетъ избавленіе отъ матеріальной эксплуатаціи и отъ такого гнета нравственного, который выражался отрицаніемъ самой народности. Не слѣдуетъ ли, оцѣнивая безпристрастно тѣ обязанности, какія сама исторія уже возложила на Россію въ отношеніи славянскаго юго-востока, не слѣдуетъ ли, говоримъ, вмѣнять въ заслугу генерала Игнатьева, если его старанія способствовали тому, что болгары получили наконецъ фирманъ на независимость своей церкви, что Порта признала главу ея—самостоятельнаго болгарскаго экзарха? И въ настоящее время, когда константинопольскій патріархъ созвалъ синодъ изъ всѣхъ восточныхъ патріарховъ, изъ бывшихъ патріарховъ константинопольскихъ, 25-ти епископовъ и нѣсколькихъ ученыхъ богослововъ для провозглашенія, что отдѣленіе болгарской церкви *есть ересь*, слѣдуетъ ли удивляться стараніямъ русскаго посла, чтобы такое нелѣпное провозглашеніе не состоялось? Генералъ Игнатьевъ при этомъ, говорятъ, рассчитываетъ болѣе всего на просвѣщенное содѣйствіе патріарха іерусалимскаго. Но чтобы дать понятіе, до какой степени мелочны тѣ средства, къ которымъ прибѣгаютъ въ Константинополѣ для борьбы съ противниками, приведемъ со словъ одной иностранной корреспонденціи, что патріарху іерусалимскому, который, какъ извѣстно, по случаю георгіевскаго праздника присылалъ сюда воззваніе къ георгіевскимъ кавалерамъ о помощи Храму Гроба Господня, противники Россіи вмѣняютъ это въ вину, толкуя его воззваніе въ такомъ

смыслъ, что онъ будто бы просилъ георгіевскихъ кавалеровъ освободить Гробъ Господень отъ „турецкаго варварства“. На этомъ основаніи въ собственномъ патріархатѣ этого архипастыря поднята была агитація, и разные архіепископы и епископы, подчиненные іерусалимскому патріарху, прислали въ Константинополь протестъ противъ обращенія къ георгіевскимъ кавалерамъ, причемъ цѣлью ихъ конечно было снискать себѣ благорасположеніе заявленіемъ такого заботливаго вѣрнопопданничества оттоманской Портѣ.

Не панславистскія ли стремленія усматриваются и въ сочувствіи русскаго правительства къ молодому сербскому князю?

Совершеннолѣтіе сербскаго князя Милана IV было привѣтствовано Россією чрезъ посредство особаго уполномоченнаго. Но чѣмъ сочувственнѣе и искреннѣе будутъ отношенія наши къ Сербіи, тѣмъ здравѣе, то-есть и реальнѣе и осмысленнѣе будетъ положеніе Россіи въ восточномъ вопросѣ. Что такое восточный вопросъ въ смыслѣ дипломатическомъ?—предположеніе объ открытіи оттоманскаго наслѣдства. Но такой опекунь, который искренно и дѣятельно поддерживаетъ главнаго наслѣдника, тѣмъ самымъ доказываетъ, что не имѣетъ въ виду завладѣть наслѣдствомъ самъ. А Сербія есть именно главный естественный наслѣдникъ „больного человѣка“. Это обуславливается какъ фактомъ численности славянскаго населенія, которое далеко превосходитъ въ европейской Турціи всякое иное, такъ и историческими преданіями, и наконецъ—реальной силою сербскаго княжества, этого небольшого, но плотнаго ядра, вокругъ котораго можетъ группироваться большая часть турецкаго сѣвера. По числу населенія, правда, нѣтъ небольшихъ государствъ, прилежащихъ къ Балканскому полуострову, важнѣе всѣхъ Румыніи (около 4½ милл. жит.), за нею слѣдуетъ королевство греческое (1½ милл.) и уже только третью является Сербія (1 м. 216 т. жит. въ 1866-мъ г.). Но будущность Румыніи находится не въ предѣлахъ турецкой имперіи, и Румыніи нечего наслѣдовать отъ Турціи. Крѣпостью же своей организаціи Сербія превосходитъ и Грецію, и Румынію. Достаточно взглянуть на цифры, представляющія военную и финансовую силу. Румыніи гораздо богаче Сербіи; бюджетъ первой вчетверо больше, чѣмъ второй; но у Румыніи есть ежегодный дефицитъ, и долгъ для нея значительный—172 милл. фр. Войско у Румыніи (1866) 53 т. чел. Греческій бюджетъ занимаетъ среднее положеніе между двумя первыми; но состояніе греческихъ финансовъ издавна приводится въ примѣръ неисправности; хуже греческихъ финансовъ въ Европѣ нѣтъ: если считать весь греческій долгъ, то онъ составляетъ сумму около 220-ти милл. фр., то-есть до 150-ти франковъ на душу населенія. Долгъ Греціи почти въдесятеро превышаетъ ея годовой доходъ. При этомъ надо еще замѣтить, что мы не считаемъ накопившихся процентовъ, которые по старымъ долгамъ вовсе и не пла-

тсѣ; иначе сумма греческаго долга выразится цифрою 330 милл. фр. Войска у Греціи считается 31 т. чел., въ томъ числѣ подъ знаменами (1868) только 8½ тысячъ. У сербскаго же княжества долговъ *вовсе нѣтъ*, а въ бюджетъ его оказывается превышеніе расходовъ доходовъ на около 200 т. фр. (бюджетъ 1871—72).

Изъ отчета, представленнаго регентствомъ князю по случаю его совершеннолѣтія, за 1868—1872 года, оказывается замѣчательное развитіе страны за это время. Установленіе полной парламентской конституціи, съ отвѣтственностью министерства передъ скупщиной, свободой печати, введеніемъ института присяжныхъ—вотъ главное изъ дѣлъ регентства. Конституція 11 іюля 1869 года—не октроированная, а добровольно выработанная и утвержденная обоюднымъ согласіемъ правительства и народа. Учрежденіе учительскаго института, множества среднихъ училищъ и народныхъ школъ, а также множества народныхъ библіотекъ показываетъ, какъ въ Сербіи понимаютъ народное просвѣщеніе. Образовались нѣсколько кредитныхъ установленій, проведено много дорогъ, устроены телеграфы и т. д. Замѣчательно, что съ возвышеніемъ благосостоянія и поднятіемъ образованности въ Сербіи рѣшительно уменьшается число обвиненныхъ въ преступленіяхъ: въ 1871-мъ г. число арестованныхъ за преступленія было 1218, между тѣмъ какъ въ предшествовавшемъ году оно было на 437 болѣе. Сербское постоянное войско состоитъ всего изъ 6½ т. челов.; но первый призывъ ополченія (ландвера) даетъ 60 т. чел., а сербское ополченіе лучше, чѣмъ греческое или румынское регулярное войско. Все это число людей снабжено ружьями Пибоди,—одной изъ самыхъ совершенныхъ новейшихъ системъ. [2]

Упомянувъ о совершеннолѣтіи князя Милана, мы должны напомнить главные предшествовавшіе факты: освободитель Сербіи Милошъ Обреновичъ былъ изгнанъ за чрезмѣрное самовластіе. Въмѣсто него на престолъ былъ призванъ сынъ другого героя войны за независимость, Георгія Чернаго, Александръ Карагеоргиевичъ. Онъ также былъ свергнутъ и по той же причинѣ. Милошъ возвратился, но вскорѣ умеръ; послѣ него воцарился сынъ его Михаилъ, который 11-го іюня 1868-го года палъ отъ руки убійцы. Полковникъ Блазнавацъ объявилъ, что ему извѣстно личное желаніе Михаила Обреновича, чтобы ему наследовалъ его племянникъ—16-ти-лѣтній Миланъ Обреновичъ. Миланъ былъ избранъ, полковникъ Блазнавацъ сталъ регентомъ. Онъ сопровождалъ князя Милана и въ поѣздкѣ его въ Россію для свиданія съ Государемъ. Нынѣ, когда князю Милану исполнилось 20 лѣтъ, онъ по сербскимъ законамъ объявленъ совершеннолѣтнимъ и регентство прекратилось.

Не откроютъ ли панславистское стремленіе въ пріѣздѣ въ Бѣлградъ по этому случаю князя Долгорукаго, съ поздравленіемъ, одно-

временно съ прїѣздомъ туда черногорскаго воеводы Вукотича? Но было бы положительно странно, если бы со стороны Россіи не было прислано никого по этому случаю. Уже гораздо болѣе похожи на „стреленіе“ и даже прямо на „демонстрацію“ были мѣры, принятія по этому случаю правительствомъ австро-венгерскимъ: австрійскимъ сербамъ запрещено было участвовать въ бѣлградскихъ празднествахъ, а тѣ, которые не послушались запрещенія, привлечены были къ суду; пражской городской думѣ, которая хотѣла отправить въ Бѣлградъ депутацію, запрещено было это, въ томъ смыслѣ, что губернаторъ кассировалъ относившееся сюда постановленіе думы; затѣмъ запрещеніе это было распространено на всѣ городскія управленія въ имперіи и королевствѣ Венгріи.

Повторяемъ, несправедливо обвинять Россію въ томъ, что дѣлаютъ есъ въ Константинополѣ; но этого мало. Напрасно, невозможно ожидать, чтобы Россія отеклась отъ тѣхъ „панславистскихъ стремленій“, которыя заключаются въ традиціонной политикѣ Россіи: выражать сочувствіе славянскимъ народамъ Турціи и оказывать имъ покровительство. Эта политика неизмѣнна, какъ все что вытекаетъ просто изъ природы вещей; эта политика—единственная русская политика, никуда не уходящая въ Европѣ, и она несравненно цѣннѣе для Россіи и важнѣе для будущаго, даже чѣмъ всякія соглашенія съ Пруссіей и Австріей относительно поддержанія какихъ-либо строгостей въ польскихъ провинціяхъ, соглашеній, которыя доселѣ только тормозили естественное призваніе Россіи на юго-востоки.

Празднованіе столѣтней годовщины присоединенія восточной Пруссіи къ прусскому королевству, происходившее въ Маріенбургѣ 13-го и 14-го сентября, было не что иное какъ празднованіе перваго раздѣла Польши. Нельзя не замѣтить, что ни въ Россіи, ни въ Австріи не возникло такой мысли. Впрочемъ и самая мысль о раздѣлѣ Польши принадлежала Фридриху Великому. Вотъ новый прецедентъ для раздѣланія національныхъ страстей празднествами. Ни Франція не праздновала годовщинъ своего владѣнія Эльзасомъ, ни Австрія своихъ прежнихъ завоеваній въ Италіи. Удивительно не то собственно, что такое празднество могло состояться, а скорѣе то, какъ можетъ нѣмецкое общество дружно восхищаться имъ, оставляя совершенно въ сторонѣ не только пресловутое свое „уваженіе ко всѣмъ національностямъ“, но хотя бы и тѣ общечеловѣческія чувства, для выраженія которыхъ на нѣмецкомъ же языкѣ есть два такіа хорошія слова: Rücksicht и Zartgefühl. Но большинство нѣмецкаго общества (если судить о немъ по печати) очевидно „вышло изъ равновѣсія“. Такъ, напр., временный арестъ Абу, котораго единственной виной были враждебныя Германіи статьи въ французской газетѣ „Soir“, защищается нѣмецкими либеральными газетами *по принципу*, хотя сама военно-

судебная власть отказалась отъ преслѣдованія его судебнымъ порядкомъ. Дѣло въ томъ, что § 131 германскаго уголовнаго уложенія, гласящій „о преднамѣренныхъ искаженіяхъ и вымыслахъ для возбужденія презрѣнія въ государственнымъ учрежденіямъ и распоряженіямъ нѣмецкаго начальства“—былъ примѣненъ къ Абу тотчасъ по пріѣздѣ его въ районъ нѣмецкой военной юстиціи, за статьи помѣщенныя имъ въ *французской газетѣ*. Напр., въ Россію пріѣхалъ бы одинъ изъ нѣмецкихъ писателей о нашихъ прибалтійскихъ дѣлахъ; еслибы онъ былъ арестованъ — то это и было бы равносильно тому, что случилось съ Абу.

Обстоятельство, что германскіе короли, то-есть баварскій, виртембергскій и саксонскій, не пріѣхали въ Берлинъ, такъ что германскій императоръ не могъ явиться при свиданіяхъ съ государями Россіи и Австріи во всемъ блескѣ своего могущества, окруженный всѣми своими „вассалами“, было весьма замѣчено и подало національно-либеральной печати въ Пруссіи поводъ къ довольно рѣзкимъ разсужденіямъ. Но давать этому обстоятельству слишкомъ большого значенія не слѣдуетъ, въ особенности же было бы совершенно напрасно видѣть въ немъ демонстрацію противъ единства Германіи. Для чего было королямъ пріѣзжать въ Берлинъ? Всѣмъ очевидно, что они не могли участвовать въ тѣхъ соглашеніяхъ, какія предполагались между главами трехъ могущественныхъ державъ. Стало быть, если бы короли явились въ Берлинъ, то явились бы именно только для приданія большаго блеска церемоніалу и положеніе ихъ въ Берлинѣ было бы именно таково, какъ мы опредѣлили его выше: пріѣхавшіе въ прусскую столицу императоры нашли бы тамъ германскаго императора, „окруженнаго его вассалами“. Но естественно, что короли, даже и не имѣя никакого желанія оспаривать свою нынѣшнюю зависимость отъ главы единой Германіи, все-таки могли не желать безъ всякой нужды играть такую роль.

Единичныя свиданія короля баварскаго съ императоромъ Вильгельмомъ, бывающія обыкновенно лѣтомъ, достаточно удостовѣряютъ отсутствіе взаимнаго нерасположенія; родственныя связи короля виртембергскаго съ однимъ изъ высокихъ гостей германскаго императора не позволяютъ сомнѣваться, что король охотно пріѣхалъ бы на свиданіе при другой обстановкѣ; саксонскій же король прислалъ въ Берлинъ своего наслѣдника, слѣдовательно о демонстраціи съ его стороны не могло быть и рѣчи.

По отношенію къ королю баварскому прусская печать выказала, правда, нѣкоторое раздраженіе уже потому, что одновременно со свиданіемъ въ Берлинѣ въ Мюнхенѣ происходилъ министерскій кризисъ, которому придавали значеніе прямо враждебное единству Германіи. То, что называется „единствомъ Германіи“, можетъ быть названо

также подчиненностью всѣхъ германскихъ правителей правительству императорскому, то-есть въ дѣйствительности прусскому. Это неоспоримо, и какъ ни обставлено единство оговорками относительно сохранения неприкосновенныхъ монаршихъ правъ за прочими владѣтелями Германіи, тѣмъ не менѣе дѣйствительная зависимость не только вытекаетъ изъ положенія вещей, но и записана въ самыхъ учрежденіяхъ имперіи, которыя опредѣляютъ единство командованія надъ арміями въ случаѣ войны, и компетентность и имперскаго сейма и имперскаго правительства въ самой законодательной и высшей административной сферѣ. Зависимость въ отношеніяхъ торговомъ, военномъ, дипломатическомъ, а съ нынѣшняго года отчасти и въ духовномъ (въ смыслѣ общезависимости закона противъ іезуитовъ), повторяемъ, несомнѣнна. Но по самому свойству дѣла зависимость эта, которой въ будущемъ предстоитъ постоянно возрастать, въ настоящее время не безусловна и не можетъ быть опредѣлена съ совершенной точностью. Такимъ образомъ, остается просторъ для обвиненій того или другого королевства со стороны централистской печати въ томъ, что внутреннее управленіе въ немъ ведется „въ духѣ“, враждебномъ единству. Въ современномъ политическомъ языкѣ Германіи образовались уже выраженія: *reichsfeindlich*, *reichsfreundlich*, *separatistisch* и т. п. Но такимъ выраженіямъ слѣдуетъ придавать только весьма условное значеніе. Въ Баваріи, напр., могло бы образоваться такое министерство, которое прусская печать провозгласила бы „*entschieden reichsfeindlich*“, но изъ этого все-таки не надо бы заключать, что это министерство намѣрено что-либо дѣлать для возстановленія прежней независимости Баваріи, не говоря уже о какихъ-либо помыслахъ о посторонней помощи для осуществленія чего-либо подобнаго. Это значило бы просто, что такое министерство желало бы поступать немного самостоятельнѣе, чѣмъ хотѣлось бы берлинскимъ централистамъ.

Въ Баваріи существуютъ двѣ партіи: католическая и прогрессивная. Первая называетъ себя „баварскою“, и „церковною“, и „униформною“. Вторую называютъ централистскою, не потому чтобы она въ самомъ дѣлѣ стремилась къ полной отиѣнѣ самостоятельности Баваріи, къ осуществленію того, что называется теперь въ Германіи *Einheitsstaat*, но потому главнымъ образомъ, что партія, съ которою она борется, партія консервативная, будучи католическою, поставлена нынѣ въ отношенія неблагопріятныя къ имперскому правительству. Врагъ нашихъ враговъ приходится намъ другомъ, и вотъ такимъ образомъ прогрессивная партія въ Баваріи приходится другомъ князю Бисмарку, и наоборотъ. Положеніе баварскаго правительства между этими двумя крайними партіями довольно затруднительно. Опереться окончательно на вторую значить, во-первыхъ, сознательно идти по пути больного и

большаго развитія собственной подчиненности, и во-вторыхъ, компрометтировать себя передъ значительной частью народа.

Выходъ изъ этого затрудненія, разумѣется,—одинъ: держаться пути *средняго*, опереться на какую-либо среднюю партію. Но въ томъ-то и дѣло, что средней партіи въ Баваріи теперь нѣтъ. Душою прежняго министерства былъ графъ Гегненбергъ, который съумѣлъ изыскать средину и старался образовать соотвѣтственную среднюю партію. Онъ умеръ, а съ нимъ исчезъ и его секретъ. Да едва ли образованіе искомой средней партіи въ смыслѣ парламентской партіи и возможно. Что правительство можетъ найти желанную средину, это ясно; для этого не нужно принциповъ, нуженъ просто тактъ. Но парламентская партія можетъ держаться только принципами; едва ли возможна вліятельная партія, которая единственнымъ своимъ девизомъ имѣла бы „тактъ.“ А между тѣмъ, безъ достаточной поддержки въ парламентѣ никакое министерство долго держаться не можетъ: оно не можетъ долго пробавляться поочередными уступками то направо, то налѣво. Прогрессивная партія въ палатѣ недостаточно сильна, а партія консервативная, „баварская,“ католическая, хотя и сильна въ баварской палатѣ, но за то слаба въ германской имперіи, стало быть опираться на нее можетъ быть опасно баварскому королю. Вообще, положеніе незавидное.

Изъ предшествующаго ясно, что когда король поручилъ составленіе министерства барону фонъ-Гассеру, члену партіи церковной, то это вовсе не имѣло смысла открытія какихъ-либо враждебныхъ дѣйствій противъ имперіи; король просто пробовалъ назначить министерство, опирающееся на большинство палаты, но составленное изъ людей наиболѣе умѣренныхъ въ партіи католическо-баварской. Министерство это не могло состояться потому именно, что существующія партіи представляютъ крайности и никто изъ значительныхъ людей правой стороны не хотѣлъ обязаться отыскивать „середину.“ Когда не удалась комбинація съ одной партіею, король поступилъ совершенно согласно съ парламентарнымъ духомъ, обратился къ другой партіи. Одинъ изъ представителей этой *reichsfreundliche Partei*, бывшій министръ финансовъ фонъ-Пфреципперъ успѣлъ составить кабинетъ, во главѣ котораго и сталъ онъ самъ, въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ и президента совѣта. Прусская печать неоднократно жаловалась, что новый имперскій законъ, направленный противъ іезуитовъ и всѣхъ духовныхъ конгрегацій, имѣющихъ съ ними сходство, доселѣ не приводилъ въ исполненіе въ Баваріи. Теперь примѣненіе этого закона началось и тамъ.

Утѣшительное явленіе среди нынѣшняго положенія „дважды-вооруженнаго мира“ представило счастливое окончаніе знаменитаго „Элебенскаго“ дѣла третейскимъ судомъ въ Женевѣ. Извѣстно, что въ уашингтонскомъ трактатѣ 8 мая 1871 года, Англія согласилась не только на третейское разбирательство этого вопроса, но и на форму-

лированіе нѣсколькихъ нормальныхъ правилъ объ обязанностяхъ нейтральнаго государства, объявивъ въ то же время, что хотя правила эти не входили въ составъ международнаго права доселѣ, но что изъ дружеслюбія къ Соединеннымъ Штатамъ Англія, по собственному побужденію, соглашается на обратное дѣйствіе этихъ правилъ, то-есть на примѣненіе ихъ къ настоящему случаю. Третейскій судъ, состоявшій подъ предсѣдательствомъ итальянскаго сенатора графа Склониса, изъ уполномоченныхъ Америки и Англіи и изъ посредниковъ, назначенныхъ императоромъ бразильскимъ и республикою швейцарскою — виконта д'Итахуба и г. Стэмпли, рѣшеніемъ 14 сентября, признавъ въ дѣлѣ „Элебеми“ англійское правительство не предупредило нарушенія того нормальнаго правила, которое признаетъ обязательность надзора за невооруженіемъ въ предѣлахъ нейтральной страны крейсеровъ, назначенныхъ для одной изъ сторонъ воюющихъ, и еще того нормальнаго правила, которымъ признано, что нейтральные порты и воды должны быть недоступны для заготовленія оружія или военныхъ запасовъ вообще и вербовки солдатъ; въ дѣлѣ „Флориды“ англійское правительство не соблюло какъ этихъ двухъ правилъ, такъ и третьяго, гласящаго особо, что надзоръ за исполненіемъ первыхъ двухъ статей и отвращеніе всякаго ихъ нарушенія подданными воюющихъ державъ долженъ быть дѣйствителенъ; въ дѣлѣ „Шенандоа“, англійское правительство отвѣтственно по тѣмъ же пунктамъ, какъ и въ дѣлѣ „Элебеми“; относительно вспомогательныхъ судовъ, снаряженныхъ каждымъ изъ крейсеровъ, примѣняется основаніе, признанное въ отношеніи каждаго изъ послѣднихъ; относительно крейсеровъ Retribution, Sumter, Nashville, Tallahassee, Chicamauga, Georgia, Jefferson Davis, Boston, B. H. Joy, Sallie, или были соблюдены всѣ правила, нынѣ признанныя нормальными, или нѣтъ достаточно доказательствъ ихъ нарушенія; требованіе о косвенныхъ убыткахъ представляло или просто часть общихъ военныхъ издержекъ Соединенныхъ Штатовъ, или гадательную оцѣнку выгодъ, которыя могли быть, но не существовали, отклоняется. Установивъ эти основанія и произведя затѣмъ на нихъ, сообразно представленнымъ доказательствамъ, валовую оцѣнку въ общей суммѣ, судъ призналъ, что Англія обязана уплатить Соединеннымъ Штатамъ 15 милліоновъ 500 тыс. долларовъ золотомъ, и что затѣмъ судъ объявляетъ „выполнѣ, совершенно и окончательно удовлетворенными и прекращенными всякія требованія, предъявленныя или непредъявленныя, признавая такіа требованія впредь и навсегда ничтожными.“ Рѣшеніе подписали всѣ члены суда, кромѣ англійскаго уполномоченнаго Кокберна; но его уклоненіе имѣетъ только формальное значеніе и нѣтъ сомнѣнія, что англійское правительство по нится рѣшенію.

Перерывъ въ сессіи законодательнаго собранія во Франціи обозна-

члѣны нѣкоторымъ усиленіемъ шансовъ въ пользу прочности нынѣшняго порядка, т.-е. республики. Какъ ни странно, что отсутствіе представительства страны и нестѣсненное преніями его, правленіе одного изъ бывшихъ вождей монархической партіи, Тьера, оказалось благопріятнымъ для республики, но это фактъ, болѣе или менѣе признанный всѣми, въ томъ числѣ и добросовѣстными монархистами. Благопріятное ей настроеніе обнаружилось въ генеральныхъ совѣтахъ и — надо полагать — въ бесѣдахъ самихъ членовъ національнаго собранія съ ихъ избирателями, такъ какъ въ настоящее время въ печати оказывается преобладающею мысль, что нынѣшнее, монархическое большинство палаты не долго уже будетъ имѣть возможность задерживать окончательное утвержденіе республиканскаго порядка. Безтенденціозная, фактическая „Indépendance Belge“ рѣшается уже теперь относиться къ собранію такъ: „гдѣ бы собраніе ни засѣдало, въ Версали или въ Парижѣ, вопросомъ этимъ заниматься не стоить, такъ какъ вообще засѣдать оно будетъ недолго“. Бельгійская газета прибавляетъ, что пусть ужъ лучше нынѣшнее собраніе и не переходитъ въ Парижъ, но ограничиваетъ свое существованіе въ Версалѣ.

Отношенія президента республики къ собранію, какъ извѣстно, таковы, что со стороны Тьера необходимо было соблюдать величайшую осторожность въ заявленіяхъ, касающихся собранія и продолжительности его полномочій. Доселѣ Тьеръ и пользовался всякимъ случаемъ, чтобы устранять мысль о какомъ-либо своемъ собственномъ мнѣніи на этотъ счетъ: вы хозяева, вы повелители, отъ васъ зависитъ и т. д. — твердилъ онъ большинству. Теперь же, секретарь и другъ президента республики, Бартеlemi Сент-Илеръ, въ письмѣ къ г. Боассе, президенту генеральнаго совѣта Соны-и-Лоары, напечатанномъ въ газетѣ, открыто, занимается вопросами о распушеніи собранія. Правда, секретарь Тьера выдаетъ высказываемыя имъ при этомъ воззрѣнія за свои личныя. Но Сент-Илеръ, конечно, зналъ, что имъ будетъ придано не такое значеніе, да и не могло быть придано, такъ какъ письмо, въ которомъ они высказываются, написано вѣдь въ отвѣтъ на сочувственный адресъ, присланный генеральнымъ совѣтомъ для свѣдѣнія президента республики, а не для свѣдѣнія г. Сент-Илера. Стоить признать подлинныя слова заявленія секретаря президента республики: „въ законномъ смыслѣ (légalement) распушеніе національнаго собранія зависитъ исключительно отъ него самого и исполнительная власть была бы не права, вмѣшиваясь въ это дѣло. Напомню, что самъ г. Тьеръ торжественно обѣщалъ съ трибуны, что не будетъ участвовать въ походѣ за распушеніе, если бы такой походъ былъ предпринятъ. Предупредить палату, что настало время призвать ей преемниковъ, должно само общественное мнѣніе. Я убѣжденъ, что само собраніе, по собственному побужденію, сознаетъ эту необходимость, когда осво-

божденіе территоріи настолько приблизится, что его можно будетъ почитать свершившимся, и когда страна, ставъ въ положеніе совершенно не похожее на то, въ которомъ она произвела въ 1871-мъ г. выборы, почувствуетъ потребность заявить непосредственно свой голосъ, возобновленіемъ своихъ представителей. Обстоятельства въ то время будутъ уже столь отличны отъ прежнихъ, что очевидность этого различія поразитъ всѣхъ и вызоветъ всеобщее въ этомъ смыслѣ согласіе“.

Газета „Siècle“, напечатавъ письмо Бартеlemi Сент-Илера, отбѣиваетъ его слѣдующимъ образомъ: „распущеніе версальскаго собранія ускорится, стремительно приближается; быстрота его приближенія такова, что сегодня она уже превосходитъ тѣ ожиданія, какія мы имѣли вчера, а завтра превзойдетъ, быть можетъ, и сегодняшніе наши расчеты.“ Письмо Бартеlemi Сент-Илера служило, какъ уже сказано, отвѣтомъ на сочувственный адресъ, присланный большинствомъ генеральнаго совѣта Сены-и-Лоары; въ этомъ адресѣ высказано было желаніе какъ относительно распущенія нынѣшняго національнаго собранія, такъ и относительно дарованія амнистіи. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, секретарь президента отклоняетъ желаніе адреса, но выражаетъ мысль, что казней болѣе не будетъ, „развѣ въ видѣ исключеній“. Исключеній, какъ извѣстно, недавно состоялось три: въ Сатори казнены еще трое коммуналистовъ, обвиненныхъ въ участіи въ казняхъ, совершенныхъ во время коммуны.

Орлеанскіе принцы пребываютъ въ полномъ бездѣйствіи, и этотъ фактъ самъ по себѣ уже показываетъ, что они не считаютъ благоприятнымъ, по крайней мѣрѣ настоящее время для того, чтобы выступать впередъ со своими надеждами и программой „либеральной монархіи“, въ противоположность „консервативной республикѣ“ Тьера. Графъ Парижскій даже уѣхалъ въ Италію. Другой легитимный кандидатъ, герцогъ Бордосскій молчитъ, какъ молчатъ пока и Бонапарты. Правда, нѣкоторые сторонники разныхъ монархій дѣлали и въ послѣднее время заявленія своихъ сочувствій, какъ-то, напр., маркизъ де-Карайонъ-Латуръ, маркизъ д'Анделарръ и герцогъ де-Брольи. Но двое первыхъ не имѣютъ значенія, а заявленіе герцога Брольи, бывшаго посла въ Лондонѣ, было такъ неясно, что его можно разсматривать, какъ выраженіе нерѣшительности, безсилія скорѣе, чѣмъ видѣть въ немъ монархическій манифестъ. Заявленіе это было сдѣлано герцогомъ въ рѣчи на одномъ земледѣльческомъ обществѣ, бывшемъ 22-го сентября, то-есть въ день провозглашенія первой республики. Надо замѣтить, что „консервативная республика“ Тьера, какъ пугливая лошадь, боится собственной своей тѣни: она весьма старательно и строго запрещаетъ праздновать собственный свой день рожденія, то-есть 4-е сентября, а также и день рожденія своей прабабушки, первой революціи, именно

22-го сентября (1792 г.), когда національный конвентъ провозгласилъ республику *une et indivisible*. По обоимъ случаямъ были разосланы министрамъ внутреннихъ дѣлъ циркуляры префектамъ. Такимъ образомъ, никакихъ республиканскихъ демонстрацій состояться не могло, и такіе республиканцы, которые не понимаютъ республики безъ шумныхъ уличныхъ заявленій, крайне обижаются не только тѣмъ, что подобныя заявленія запрещаются,—что конечно нераціонально,—но еще и тѣмъ, что въ то же время демонстраціямъ клерикальнымъ, какъ они называютъ религіозныя процессіи, предоставляется полнѣйшая свобода, что безспорно рационально. Большая религіозная процессія въ Лионѣ и множество процессій въ Лурдѣ, гдѣ праздновалось новое какое-то чудо, происходили безпрепятственно, къ крайней досадѣ тѣхъ республиканцевъ, которые изъ всѣхъ атрибутовъ республики дорожатъ наиболѣе ея фригійскимъ колпакомъ. Надо однако замѣтить, что и консерваторы не совсѣмъ чужды такого несерьезнаго взгляда на вещи, такъ какъ мѣстами они нарочно избрали день 22-го сентября для устройства анти-республиканскихъ демонстрацій подъ видомъ „земледѣльческихъ“ и другихъ частныхъ обѣдовъ, которые запрещены не были. Вотъ на одномъ изъ такихъ обѣдовъ, въ Эрскомъ департаментѣ, герцогъ де-Брольи и произнесъ рѣчь, проникнутую глубокой ненавистью къ радикализму. Но выражая такую ненависть, герцогъ не рѣшился упомянуть о какой-либо монархической реставраціи. Онъ ограничился доказательствомъ необходимости союза всѣхъ консерваторовъ въ національномъ собраніи для отпора „разрушительныхъ идей“; но разумѣетъ ли онъ въ числѣ такихъ идей и самую идею республики—не сказалъ, увѣряя даже, что главное состоитъ не въ самыхъ формахъ правленія, что и справедливо, такъ какъ несомнѣнно, что и республика, если она еще долгое время будетъ сохранять осадное положеніе въ Парижѣ, продолжать казни, искажать всеобщую воинскую повинность, не допускать обязательности обученія и устранивать налогъ на доходы—можетъ представить нѣчто нисколько не либеральное. Но уже самая сдержанность герцога Брольи въ этомъ случаѣ представляетъ признакъ, что имя республики перестаетъ быть пугаломъ, съ которымъ доселѣ носились монархисты для достиженія своихъ цѣлей.

Самый же значительный, дѣйствительно важный признакъ въ смыслѣ сближенія консервативныхъ классовъ съ идеею республики представляетъ письмо, присланное въ редакцію „*Journal des Débats*“ бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Казимиромъ Перье. Казимиръ Перье—личный другъ орлеанскихъ принцевъ, и фамилія Перье связана съ орлеанскою монархіею почти также, какъ историческія имена Ларошфуко, Дампьерра и т. д. связаны съ монархіею легитимною. И вотъ что пишетъ Казимиръ Перье: „Я принадлежу къ тѣмъ людямъ, которые оставались вѣрны конституціонной монархіи до тѣхъ поръ,

пока имъ казалась возможною конституціонная монархія на томъ единственномъ основаніи, которое могло сдѣлать ее пригодною и прочною (acceptable et durable): на основаніи соглашенія между монархическими партіями и обѣими отраслями бурбонскаго дома, соглашеніи, которое было бы освящено одобреніемъ (assentiment) страны. Не желаю и считаю не нужнымъ распространяться о всемъ томъ, что въ теченіи послѣднихъ двухъ лѣтъ явилось для уничтоженія (mettre à néant) вѣроятности такого монархическаго рѣшенія вопроса, которое было бы согласимо съ правами народа и съ честью прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ. Это объясняетъ, какимъ образомъ я приведенъ нынѣ къ тому, чтобы высказаться ясно и безъ задней мысли въ пользу правленія *республиканскаго*, единственнаго, какое, по мнѣнію моему, предназначено отнынѣ къ отвращенію отъ Франціи кризиса безначалія, за которымъ непремѣнно послѣдовалъ бы какой-нибудь деспотизмъ, не говоря уже объ опасностяхъ внѣшнихъ. Я твердо убѣжденъ, что не далеко тотъ день, когда парламентское большинство, согласное съ знаменитымъ человѣкомъ, которому Франція должна быть столько благодарна послѣ ужасныхъ перенесенныхъ ею испытаній, сдѣлаетъ установитъ правленіе, опирающееся уже на окончательныя учрежденія. До тѣхъ поръ, пока правленіе это будетъ поддерживать уваженіе къ законамъ, народнымъ правамъ, правамъ личности и свободѣ совѣсти, въ обширнѣйшемъ смыслѣ этого слова,—я буду его защитникомъ. Если же республика, на свое и наше несчастіе, уклонилась бы отъ этихъ путей, то она бы неминуемо погибла. Въ продолженіи почти полнаго столѣтія послѣдовательныхъ переворотовъ были испробованы поочередно всѣ формы правленія, за исключеніемъ одной, а именно—республики правильной, искренно признаваемой большинствомъ націи, и свободной съ одной стороны отъ предубѣжденія, а съ другой—отъ слабостей. Намъ предстоитъ испытать ее; приступимъ же къ тому мужественно и добросовѣстно. Что касается меня, я къ этому обязуюсь, и если кому-нибудь такая рѣшимость будетъ стоить пожертвованій, тѣ пусть посмотрятъ на все ихъ окружающее и тогда они найдутъ достаточно поводовъ для укрѣпленія ихъ въ такой рѣшимости.“

Заявленіе это имѣетъ большое значеніе какъ признакъ. Казимір Перье, провозглашающій республику, это—признакъ, что та богатая, образованная часть французской буржуазіи, которая доселѣ видѣла въ умѣренной, орлеанской монархіи свой исключительный идеалъ, а республику считала невозможною, значительно пошатнулась въ такомъ убѣжденіи и начинаетъ думать, что республика можетъ имѣть болѣе шансовъ прочности, чѣмъ монархія. И нѣтъ сомнѣнія, что настолько, насколько прочность извѣстнаго правленія зависитъ собственно отъ политическихъ партій, а не отъ умственного состоянія массъ на-

рода, республика во Франціи въ самомъ дѣлѣ имѣетъ болѣе приверженцевъ, чѣмъ какая-либо изъ монархій. Дѣло въ томъ, что монархія по существу своему есть понятіе гораздо болѣе конкретное, чѣмъ республика. Монархисты разныхъ партій не могутъ дѣйствовать вмѣстѣ на пользу „монархін вообще“. Монархія есть опредѣленная династія, то-есть одна изъ трехъ династій, претендующихъ на царствованіе. Многочисленные признаки заставляютъ думать, что легитимисты предпочтутъ республику воцаренію орлеановъ или бонапартовъ, а бонапартисты точно также предпочтутъ республику возстановленію одной изъ отраслей бурбонскаго дома. Итакъ, если даже и предположить, что всѣ монархическія партіи взятыя вмѣстѣ числомъ своихъ приверженцевъ превосходятъ совокупность всѣхъ подраздѣлений партій республиканской — что еще далеко не доказано — то все-таки каждая изъ монархическихъ партій, взятая отдѣльно, безконечно слабѣе противъ остальныхъ двухъ и республиканской партіи. А каждая изъ монархическихъ партій можетъ рассчитывать именно только на самое себя, отдѣльно отъ прочихъ; общей *монархической* партіи во Франціи нѣтъ, есть только три династическія партіи, между тѣмъ какъ партія республиканская имѣетъ единство, несмотря на свои подраздѣленія.

Значеніе письма Казимира Перье было еще усилено распространившимся слухомъ, что заявленіе это одобрено княземъ Жуанвильскимъ и герцогомъ Омальскимъ, хотя самимъ претендентомъ орлеанистовъ—графомъ Парижскимъ—оно безъ сомнѣнія одобрено не было. И самъ непосредственный органъ орлеанскихъ принцевъ, *Journal de Paris*, отнесся къ этому письму такимъ образомъ, что никакъ не умаляя его значенія. Выражая сожалѣніе, что человѣкъ съ такимъ вѣсомъ, какъ Казимиръ Перье, рѣшительно отдѣлился отъ приверженцевъ монархін, *Journal de Paris* даетъ однако понять, „что въ настоящее по крайней мѣрѣ время, а можетъ быть и надолго, возстановленіе монархіи во Франціи не имѣетъ за собой вѣроятности“ въ томъ смыслѣ, что, по убѣжденію *Journal de Paris*, нынѣшній порядокъ просуществуетъ до смерти Тьера. „Потомъ“, прибавляетъ орлеанистская газета, „можно будетъ испробовать и правильное республиканское правленіе. Мы отнеслись бы къ такому опыту безъ энтузіазма, безъ большого довѣрія, но съ полной добросовѣстностью, готовы преклониться передъ фактомъ, если бы фактъ доказалъ намъ, что правильная республика въ самомъ дѣлѣ можетъ прожить во Франціи — и главное — что Франція можетъ жить при республикѣ“. Въ добросовѣстности орлеанскихъ принцевъ нѣтъ повода сомнѣваться, но во всякомъ случаѣ нынѣшнее отношеніе ихъ къ политическому положенію таково, что его можно опредѣлить выраженіемъ *bonne mine à mauvais jeu*.

Итакъ, въ совокупности можно сказать, что послѣдніе два мѣсяца укрѣпили во Франціи республику и во всякомъ случаѣ упрочили положеніе Тьера до такой степени, что національное собраніе, по возобновленіи сессіи, будетъ уже рѣшительно не въ силахъ его свергнуть. Тѣмъ не менѣе, изъ различныхъ мелкихъ фактовъ можно вывести предположеніе, что большинство, по возобновленіи сессіи, соберетъ остатки своихъ силъ, чтобы напугать Тьера и опираясь на безвыходность нынѣшняго временнаго порядка, вырвать у него согласіе на нѣкоторыя учредительныя мѣры въ консервативномъ духѣ. Наболѣе рьяные изъ консерваторовъ - легитимистовъ прямо заявляютъ, что Тьера слѣдуетъ смѣстить во что-бы то ни стало, такъ какъ нельзя „предоставить“ ему производства выборовъ въ новое собраніе. Въ этомъ смыслѣ высказался депутатъ департамента Ландовъ—г. де-Дампьерръ; въ томъ же смыслѣ высказался и главный органъ легитимистовъ *Gazette de France*. Но слишкомъ очевидно, что этого сдѣлать теперь нельзя и все, на что реакціонеры могутъ рассчитывать, это—нѣсколько испугать Тьера и заставить его согласиться на нѣкоторыя учредительныя мѣры, которыя вели бы къ дальнѣйшему преобладанію консервативныхъ элементовъ вообще. Каковы эти предполагаемыя мѣры, еще неизвѣстно, но образчикъ ихъ представляетъ предложеніе клерикальной газеты *Monde*, которая желаетъ, чтобы всенародное голосованіе было ограничено и чтобы избирательное право было предоставлено только „главамъ семействъ, платящимъ подати и не подвергавшимся судебной карѣ“. Само собою разумѣется, что отъ этой мѣры или другихъ, подобныхъ ей, нельзя бы ожидать упроченія порядка, хотя онѣ повидимому и имѣли бы спеціально эту цѣль. Намъ могутъ возразить, что предоставленіе избирательнаго права однимъ главамъ семействъ въ Англіи доселѣ представляетъ крайнюю уступку, сдѣланную требованіямъ о расширеніи участія массы въ политической жизни, а между тѣмъ въ Англіи существуютъ и свобода, и порядокъ. Это несомнѣнно, какъ несомнѣнно и то, что въ Англіи свобода и порядокъ существовали и прежде, чѣмъ избирательное право распространено было на всѣхъ хозяевъ квартиръ, то-есть на главы семействъ. Но изъ этого ничего не слѣдуетъ въ примѣненіи къ Франціи, потому собственно, что въ странѣ, которая уже почти вѣкъ идетъ путемъ насильственныхъ переворотовъ, напрасно было бы ожидать прочности отъ такого порядка, который лишалъ бы права мирно проводить свои желанія въ законъ массу людей, имѣющихъ возможность осуществлять свои желанія насильемъ. Ограниченіе избирательнаго права, созданіе тѣснаго круга участвующихъ въ политической жизни во Франціи противорѣчило бы жизни; тамъ теперь уже неизбѣжно предоставлять всякому, кто только хочетъ участвовать въ политической дѣятельности, право дѣлать

то мирнымъ, законнымъ образомъ. Искусственное сословіе привилегированныхъ избирателей не можетъ создать ничего прочнаго въ странѣ, которая свылкалась съ проявленіемъ въ политикѣ простой естественной силы. И въ самомъ дѣлѣ, какъ только избирательное право было бы ограничено, то порядокъ, установленный на такомъ ограниченіи, вызвалъ бы противъ себя и бонапартистовъ и огромное большинство республиканцевъ, всѣхъ республиканцевъ, кромѣ такихъ какъ Тьеръ или, напримѣръ, Казиміръ Перье, республиканцевъ „полѣдняго призыва“.

Но каковы бы ни были предположенія крайнихъ консерваторовъ относительно нынѣшнихъ учреждений, несомнѣнно одно, что при возобновленіи парламентской сессіи они, съ такою или иною цѣлью, предпримутъ новый походъ на Тьера. Начало уже сдѣлано. Въ засѣданіи постоянной комиссіи національнаго собранія 26-го сентября, (н.-с.) положеніе, принятое правительствомъ къ заявленіямъ нѣкоторыхъ генеральныхъ совѣтовъ въ смыслѣ распушенія собранія, подверглось рѣзкому осужденію. Герцогъ Ларошфуко и другіе члены комиссіи утверждали, что подобныя заявленія членовъ генеральныхъ совѣтовъ составляли прямое нарушеніе закона, такъ какъ совѣтамъ этимъ не принадлежитъ никакой политической власти. Но въ томъ-то и дѣло, что авторы этихъ заявленій, наученные бывшими примѣрами, прибѣгли на этотъ разъ къ уловкѣ: они подписывали адреса не во время сессіи генеральныхъ совѣтовъ, но тотчасъ по окончаніи ея, и подавали эти адреса не отъ имени генеральныхъ совѣтовъ, а просто отъ имени частныхъ лицъ, ихъ подписавшихъ. Такъ какъ подписывались подъ ними президенты совѣтовъ и большинство ихъ членовъ—какъ, напр., на адресѣ Соны-и-Лоары—то значеніе этихъ адресовъ было совершенно такое же, какъ если бы ихъ составили отъ имени совѣта и подписали во время его засѣданія; но въ точномъ, юридическомъ смыслѣ авторы такихъ адресовъ закона не нарушали, потому что законъ предоставляетъ право петиціи или адреса къ правительству или собранію всякому французскому гражданину, нисколько не лишая такого права и гражданъ, состоящихъ членами генеральныхъ совѣтовъ. Вотъ на это-то и указывали министры въ оправданіе правительства.

Одинъ изъ подобныхъ адресовъ былъ присланъ Тьеру генераломъ Шанзи отъ имени совѣта арденнскаго департамента, въ которомъ бывший главнокомандующій лоарской арміи состоитъ президентомъ. Генералъ Шанзи въ то же время, какъ извѣстно, состоитъ президентомъ лѣваго центра національнаго собранія. Въ адресѣ, о которомъ идетъ рѣчь, было выражаемо довѣріе къ преданности Тьера установленію и упроченію консервативной республики во Франціи. Тьеръ, на этотъ разъ, отвѣчалъ собственнымъ письмомъ. Такъ какъ объ этомъ

письмѣ можетъ быть будетъ рѣчь и въ національномъ собраніи, то мы приведемъ его. „Любезный генераль, получивъ адресъ арденнскаго генеральнаго совѣта (такъ какъ въ этомъ адресѣ выражалась только преданность „существующимъ“ учрежденіямъ, то онъ и былъ составленъ прямо отъ имени совѣта), обязательно вами присланномъ, спѣшу благодарить васъ. Прошу передать мою благодарность всѣмъ тѣмъ членамъ совѣта, которые пожелали присоединиться къ вамъ и сказать имъ, что переданное мнѣ удостовѣреніе въ ихъ уваженіи (*estime*) и довѣріи ко мнѣ служить лучшей наградой, какой я могу ожидать за мои старанія. Уваженіе людей просвѣщенныхъ, соединяющихъ въ себѣ патріотизмъ со свѣтлымъ взглядомъ, есть для меня самое сильное ободреніе; оно заставляетъ меня забывать тягость заботъ, утомленіе, бремя моихъ лѣтъ, и даетъ мнѣ, однимъ словомъ, ту силу, въ которой я нуждаюсь для того, чтобы продолжать мое трудное дѣло въ *томъ самомъ духѣ*, который они одобряютъ и въ которомъ я намѣренъ неуклонно дѣйствовать и *впредь*“. Собственно говоря тутъ ничего нѣтъ, кромѣ учтивостей. Но объявляя о своемъ намѣреніи дѣйствовать и впредь неуклонно (*persévérer*) въ духѣ одобряемомъ тѣми, кто прислалъ адресъ, желающій окончательнаго упроченія республики во Франціи, Тьеръ, конечно, зналъ *что* писалъ. Это заявленіе со стороны Тьера опять было признакомъ, что онъ сознаетъ усиленіе и своего авторитета и самого принципа республики въ обществѣ.

Замѣчательно, что въ постоянной комиссіи, когда она собралась въ первый разъ послѣ обнародованія письма Тьера къ Шанзи, не было сдѣлано никакихъ по этому предмету запросовъ. Консерваторы повидимому отложили ихъ, чтобы „подогрѣть“ этотъ случай впослѣдствіи, такъ чтобы онъ былъ свѣжъ еще и ко дню возобновленія сессіи собранія. И вотъ, въ слѣдующемъ засѣданіи постоянной комиссіи, то-есть черезъ двѣ недѣли, герцогъ Ларошфуко по поводу этого письма прямо обвинилъ Тьера въ нарушеніи „бордоскаго уговора“.

Итакъ, въ самомъ началѣ сессіи можно ожидать открытія враждебныхъ дѣйствій противъ Тьера со стороны крайнихъ консерваторовъ. Теперь болѣе чѣмъ когда-либо несомнѣнно, что Тьеръ останется на мѣстѣ, но спрашивается, не слукавитъ ли онъ самъ при этомъ по отношенію къ лѣвой сторонѣ, такъ безусловно его поддерживавшей, не сошлется ли на вымогательства реакціонеровъ для того, чтобы согласиться въ самомъ дѣлѣ на какія-либо мѣры въ родѣ ограниченія права избирательства, однимъ словомъ на такія консервативныя мѣры, которыя, судя по прошлому Тьера, ему самому не должны быть противны и въ настоящемъ. Нѣчто подобное легко можетъ случиться потому, что всякое новое учредительное постановленіе, будь то *или* бы изданіе новаго избирательнаго закона или учрежденіе второй палаты, имѣло бы все-таки смыслъ новаго признанія нынѣшняго по-

рядка, т.-е. республики, законодательнымъ актомъ. Вотъ на эту-то удочку и можно поймать многихъ членовъ лѣвой стороны, такъ какъ французскія партіи вообще болѣе всего дорожатъ провозглашеніемъ извѣстной формы правленія, болѣе даже чѣмъ осуществленіемъ его сущности. О проектѣ самого Тьера относительно учрежденія второй палаты въ послѣднее время что-то не было слышно. За то, говорятъ, онъ положительно намѣренъ испросить учрежденія должности вице-президента, какимъ быть можетъ и будетъ Казиміръ Перрь.

Изъ своей лѣтней резиденціи, Трувилля, Тьеръ однажды въ сопровожденіи военнаго министра генерала Сиссэ, посѣтилъ Гизо, въ его замкѣ. Любопытна была эта встрѣча двухъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей іюльской монархіи, нѣкогда непримиримыхъ противниковъ, своими парламентскими интригами много способствовавшихъ къ неудачѣ парламентарной монархіи во Франціи. Почти тридцать лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ Гизо „проглядѣлъ“ четверной союзъ, заключенный противъ Франціи по египетскому дѣлу и окончательно прибралъ къ рукамъ парламентское кормило правленія, съ которыми и палъ впослѣдствіи. Тьеръ, возглашавшій въ то время воинственныя намѣренія противъ Англіи, являлся теперь къ Гизо самъ безсмысленнымъ, пожизненнымъ правителемъ, въ то время какъ въ Берлинѣ только что произошло тройное соглашеніе опять безъ участія Франціи; но за то на этотъ разъ Тьеръ только-что откланялся на салюты англійскихъ фрегатовъ, пришедшихъ въ Гавръ для отдачи ему почести. Въ Гавръ Тьеръ ѣздилъ для того, чтобы заявить тамошнему торговому міру, что онъ не намѣренъ слѣдовать системѣ, прямо враждебной принципу свободной торговли. Гавръ, какъ портъ, заинтересованъ въ томъ, чтобы внѣшняя торговля не падала, чтобы какъ вывозъ, такъ и ввозъ не уменьшались. Настоящіе экономическіе одномышленники Тьера находятся, правда, именно въ сѣверныхъ городахъ Франціи, но не въ приморскихъ: въ Руанѣ, но не въ Гаврѣ. По случаю пріѣзда президента французской республики въ Гавръ, туда пришли два англійскихъ фрегата и сѣверо-американскій корветъ, которые и произвели при этомъ обычную салютацію, а затѣмъ офицеры ихъ были приняты Тьеромъ. Ему воздаютъ королевскія почести!— провозгласили во Франціи повседневные политики, и правду сказать, такое заявленіе великихъ морскихъ державъ не останется безъ пользы въ самой Франціи. Но печать пошла еще нѣсколько далѣе. Даже таюй хладнокровный органъ какъ „Temps“ счелъ нужнымъ выставить на видъ, что эта манифестація произошла вслѣдъ за берлинскимъ свиданіемъ. Каково бы ни было намѣреніе, внушившее эту „манифестацію“, она была все-таки весьма скромнаго свойства. Но тѣмъ не менѣе ея нельзя объяснять иначе какъ желаніемъ правительства англійскаго и американскаго выразить Франціи сочувствіе, и въ этомъ

смыслѣ Тьеръ былъ правъ, придавая въ своей рѣчи къ синдикатъ гаврскаго порта большую цѣну дружественному заявленію Англіи и Америки. Въ той же рѣчи онъ объявлялъ, что имъ получены были отъ императоровъ русскаго и австрійскаго самыя успокоительныя заявленія относительно берлинскаго свиданія.

ЖЕЛѢЗНАЯ ДОРОГА НА РИГИ-КУЛЬМЪ.

Изъ воспоминаній туриста.

Съ именемъ Риги-Кульмъ связано, на Западѣ, понятіе Мекки туристовъ. Изъ всѣхъ швейцарскихъ горъ, на которыя поднимаются въ потѣ лица, Риги пользуется искони заманчивою славою самой доступной; на нее можно взобраться съ самыми меньшими усиліями, и тѣмъ не менѣе имѣть возможность насладиться прелестями альпійской природы. Расположенная въ кантонѣ Швицъ на берегу озера „Четырехъ-Кантоновъ“, поднимаясь надъ уровнемъ моря на 5,541 футовъ (а 4,200 надъ озеромъ), Риги, на небольшомъ пространствѣ 10-ти часовъ ходьбы вокругъ подошвы, представляетъ рѣзкіе контрасты, какъ въ климатѣ, такъ и въ флорѣ.

Склонъ ея, обращенный къ Цугскому озеру, обрывистъ и суровъ; противоположный же ему южный, болѣе покатый, покрытъ у подошвы миндалевыми, каштановыми и фиговыми деревьями. Чуткое къ восторгамъ путешественниковъ ухо содѣлателей гостинницъ давно уже успѣло подслушать ихъ, а предпримчивый духъ спекуляціи предложилъ имъ пріюты на разныхъ высотахъ, съ большимъ или меньшимъ комфортомъ, соображаясь иногда съ средствами туристовъ, а еще чаще—отвлекаясь отъ нихъ, руководствуясь только моралью возможно большей и скорой наживы. Риги не избѣжала общаго закона. На вершинѣ ея, на разныхъ разстояніяхъ, красуются отели. Надъ филологическимъ происхожденіемъ общаго имени этихъ пріютовъ странствующаго человѣчества нерѣдко приходится задумываться путешественнику, въ особенности при созерцаніи предъявляемыхъ въ нихъ счетовъ. Туристъ, въ виду ихъ, даже получившій самое солидное классическое образованіе, въ нерѣшимости отъ какого корня производить это слово „отель“; что оно римскаго происхожденія, это, конечно, очевидно, но происходитъ ли оно отъ hospes (гость), или отъ hostis (врагъ)? Мои личныя наблюденія, основанныя на изученіи многочисленныхъ отельныхъ актовъ, предъявляемыхъ услужливыми оберъ-кельнерами, заставляютъ склоняться къ принятію послѣдняго корня, хотя классики и будутъ, можетъ быть, утверждать противное.

Десятки тысячъ туристовъ, ежегодно снующихъ по всѣмъ направленіямъ Швейцаріи, желая удовлетворить своему самолюбію цѣною легкихъ, съ напряженіемъ всѣхъ своихъ мышцъ, взбираются на Риги, чтобы имѣть все-таки право сказать, что поднимались на 5,000 футовъ надъ поверхностью моря и наслаждались горною природою. Но все же, несмотря на неособенную затруднительность этого путешествія, многими часто заявлялись желанія облегчить путь еще болѣе, чѣмъ это было возможно при посредствѣ четвероногихъ, терпѣливо подымавшихъ на вершину фэшѣнебельной горы. Задумывались разные проекты, чтобы помочь этой невзгодѣ туристовъ-сибаритовъ, находившихъ верховую ѣзду тряскою, но проекты оставались проектами. Предположеніе, о которомъ въ исходѣ 50-хъ годовъ было болѣе всего рѣчи, состояло въ томъ, чтобы облегчить восхождение на Риги при посредствѣ воздушнаго шара, двигавшагося по проволочному канату отъ подошвы горы до ея вершины, съ гондолою, предназначенною для принятія путешественниковъ. Но и этотъ проектъ не осуществился. Вскорѣ затѣмъ механикъ швейцарской центральной желѣзной дороги, Риггенбахъ въ Ольтенѣ, задумалъ устроить желѣзную дорогу на Риги. Онъ составилъ подробный, детальный планъ ея, приготовилъ модели подвижнаго состава, но проектъ его не былъ выполненъ по причинѣ совершеннаго равнодушія къ нему на родинѣ, хотя во Франціи его система горной дороги и получила привилегію. Планы гениальнаго инженера лежали около 10-ти лѣтъ въ портфель безъ всякаго практическаго примѣненія, какъ вдругъ, въ исходѣ 60-хъ годовъ, швейцарское правительство получило отъ своего консула, аккредитованнаго въ Вашингтонѣ, извѣщеніе, что тамъ устроена и уже болѣе 2-хъ лѣтъ эксплуатируется горная желѣзная дорога на Mount Washington, одинаковой высоты съ Риги, близъ Бостона, построенная по системѣ, очень близкой къ системѣ Риггенбаха. Послѣдній, видя практическое осуществленіе своей заветной мысли, хотя и по ту сторону океана, рѣшился еще разъ, при содѣйствіи полковника Адольфа Неефа (Naeff) изъ Сентъ-Галлена, и Цшокке, изъ Аарау, попытаться провести дорогу на Риги. Отправленный въ Америку швейцарскій инженеръ Грюнингерь, изучившій американскую дорогу на мѣстѣ, убѣдился въ совершенной возможности ея осуществленія и въ Швейцаріи. Это еще болѣе укрѣпило названныхъ выше инжснеровъ въ ихъ намѣреніи. Мѣстная буржуазія, 10-ть лѣтъ тому назадъ смотрѣвшая на проектъ Ольтенскаго техника какъ на плодъ досужаго воображенія, въ виду положительнаго успѣха сходнаго американскаго предпріятія, рѣшилась, ничего не рискуя, сыграть роль Мецената и предложила для горной желѣзной дороги на Риги свои капиталы. Въ очень короткое время 1.250,000 франковъ, исчисленныхъ на постройку, подписаны были различными плутократами,—кто въ грече-

скомъ, а кто и въ русскомъ значеніи этого слова,—по преимуществу же содержателями отелей въ Люцернѣ, чужавшими добычу, вытекавшую отъ этой великодушной затраты капитала. Въ октябрѣ 1869 года приступлено было къ работамъ; 600 человекъ каменотесовъ и землекоповъ принялись за свое дѣло подъ руководствомъ людей, которымъ было дорого осуществленіе ихъ завѣтной идеи, чуть было не погибшей.

Западно-европейская печать, болѣе солидарная въ международныхъ вопросахъ даже второстепенной важности, касающихся, какъ здѣсь, комфорта и небывалой технической попытки, постоянно держала au courant своихъ читателей насчетъ хода предпріятія швейцарскихъ инженеровъ, но со второй половины 1870 года пресса отвлечена была отъ этого другими событіями. По крайней мѣрѣ мы не встрѣчаемъ, во все это время, свѣдѣній о дорогѣ на Риги.

Посѣтивъ, въ маѣ прошлаго года, Швейцарію, мы изъ частныхъ разговоровъ узнали, что постройка ея потерпѣла замедленіе по причинѣ франко-германской войны, такъ какъ рельсы, заказанные въ Mars-la-Tours, вблизи Меца, не могли быть изготовлены къ назначенному сроку, вслѣдствіе чего дорога не могла быть окончена, какъ предполагалось, къ осени 1870. Но, прибывъ 9/20 мая изъ Интерлакена въ Люцернъ, мы узнали, что на-дняхъ дорога будетъ открыта, и что рабочіе поѣзды давно уже ходятъ на вершину, развозя по пути строительные матеріалы. Изъ разсказовъ мѣстныхъ жителей можно было заключить, что инженеры не отказываютъ иностранцамъ, желающимъ взобраться на рабочемъ поѣздѣ съ матеріалами, если есть мѣсто на платформѣ, прокатить ихъ на паряхъ на Риги. Мы были не прочь воспользоваться этою любезностью швейцарскихъ инженеровъ и на другой же день рѣшились отправиться въ Фицнау (Vitznau), деревушку, лежащую на берегу озера „Четырехъ кантоновъ“, гдѣ находится пароходная пристань и станція новой желѣзной дороги.

9/21 мая, въ чудное весеннее утро, отправились мы съ первыми, отходившимъ изъ Лютерна пароходомъ къ мѣсту, недавно еще совершенно неизвѣстному, но которому теперь предстоитъ приобрести громкое имя въ мірѣ туристовъ. Пароходъ былъ биткомъ набитъ народомъ, по преимуществу туземцами, такъ какъ по времени года иностранцы были еще гагае aves. Только пруссаки изъ арміи Вердера, дѣйствовавшей противъ Бурбаки, разсѣянные по сосѣдней Швейцаріи цѣлыми вереницами, имѣли и на нашей пагубѣ своихъ представителей. Ихъ мундиры, которыхъ вообще ни одинъ приличный военный не надѣваетъ на иностранной территоріи, сабли и палаши, прыгавшіе безцеремонно по ногамъ пассажировъ, составляли рѣзкій контрастъ съ мирнымъ швейцарскимъ населеніемъ, созерцающимъ

даже свои родные мундиры только въ теченіи нѣсколькихъ недѣль въ году.

Наблюденія мои надъ спутниками были прерваны остановившимся у моего складного стула господиномъ, начавшимъ рѣчь о погодѣ.

Вскорѣ онъ завелъ рѣчь о путешествіи, при чемъ я, отвѣчая на его вопросъ, замѣтилъ ему, что ѣду въ Финнау, а оттуда попытаюсь подняться, хотя бы на платформѣ, на Риги.

— О, это вамъ не удастся,—замѣтилъ съ участіемъ мой собесѣдникъ.

— Почему же?

— Вотъ уже недѣли полторы или двѣ какъ строители наотрѣзъ отказываютъ всѣмъ и каждому въ любезности, на которую вы рассчитываете. Теперь у нихъ такая спѣшная работа, что путешественники только мѣшаютъ имъ.

Не скрою, въ первую минуту извѣстіе это, похожее на правду, озадачило меня, но я тутъ же вспомнилъ, что не далѣе какъ дня четыре тому назадъ я встрѣтилъ на Бріенцкомъ озерѣ путешественника, который рассказывалъ мнѣ, что наканунѣ онъ взбирался на платформу со щербной на Риги.

Не желая прекословить, я замолчалъ, хотя мною все-таки овладало безпокойство, что, пожалуй, собесѣдникъ говоритъ правду.

— Вы имѣете, однако, возможность побывать ссегодня на Риги, несмотря на эту неудачу,—продолжалъ, съ видомъ участія, мой собесѣдникъ, личность котораго начала меня теперь интересоватъ, такъ какъ я не могъ дать себѣ яснаго отчета, съ кѣмъ имѣю дѣло.

Я молчалъ.

— Я могу дать вамъ благой совѣтъ,—продолжалъ онъ,—чтобы воспользоваться сегодняшней прекрасной погодой; сходите съ парохода въ Веггисъ (станція, не доѣзжая Финнау); возьмите тамъ лошадей для себя и осла для вашей жены и часа черезъ полтора будете на Риги.

Я поблагодарилъ его за наставленіе.

— Вотъ и Веггисъ въ виду,—продолжалъ онъ. Рѣшайтесь скорѣе. На платформу никакъ не попадете. Погода чудная. Я берусь вамъ доставить въ Веггисъ лошадей, или муловъ.

— Что будетъ стоить пара,—спросилъ я, какъ будто соглашаясь на его предложенія, сообразивъ теперь, какого это поля ягода.

— Только 30 франковъ за пару; очень дешево!

— Дѣйствительно дешево, если бы вычесть изъ этой суммы франковъ 15; но я все-таки попытаюсь изобраться на Риги при посредствѣ пара; обратитесь лучше вотъ къ тѣмъ иностранцамъ,—сказалъ я, указывая на выкидывавшихъ разные куст-штюки пруссаковъ. Они, можетъ быть, будутъ сговорчивѣе.

Потративъ напрасно свою любезность, мой собесѣдникъ, — оказавшійся Fremdenfänger'омъ, ловцомъ иностранцевъ, однимъ изъ тѣхъ которые снуютъ въ разнообразнѣйшихъ видахъ, на пароходахъ, пристаняхъ, дебаркадерахъ, вагонахъ, гдѣ они подхватываютъ довѣрчивыхъ пассажировъ — послѣдовалъ моему совѣту и остановившись возлѣ одного изъ героев, вступилъ вскорѣ съ нимъ въ разговоръ.

Вѣроятно онъ былъ краснорѣчивъ и убѣдителенъ, потому что когда пароходъ остановился у пристани деревушки Веггиса, прессы вывалили гурьбой на сушу. Побѣдители Бурбаки, въ своей голубиной невинности, попались на удочку Fremdenfänger'a, успѣвшаго увѣрить ихъ въ томъ, что по желѣзной дорогѣ изъ Фицнау нельзя подняться на Риги.

Избавившись отъ бряцанія сабель и бесѣды докучливаго путевода, мы могли привольнѣе остановиться на прелестяхъ окружающей природы и на предметъ болѣе достойномъ вниманія. На палубѣ ѣхали съ нами изъ одной окрестной деревни двѣ школы, мальчиковъ и дѣвочекъ. Одѣтые необыкновенно просто, дѣти около 10 — 12 лѣтъ, гляѣли по всѣмъ сторонамъ „розы вѣтровъ“, бросая притомъ взоры свои на небольшія бумажки, которыя каждый изъ нихъ держалъ въ своихъ рукахъ. Учитель и учительница, окруженные группами дѣтей, ежеминутно указывали своимъ питомцамъ то на бумагу, то на окрестныя горы и деревни. Прислушавшись къ объясненіямъ, я замѣтилъ, что это былъ живой урокъ отечествовѣдѣнія съ историческими комментаріями изъ швейцарской исторіи. Бумажки, замѣченныя мною въ рукахъ дѣтей, были карты, рисованныя ими самими въ школѣ, и теперь, во-очію, наглядно, объясняемы учителемъ посреди свободного божьяго міра, на палубѣ парохода, который значительно сбавляетъ провозныя цѣны для школъ, дѣлающихъ такія экскурсіи.

Прибывъ въ Фицнау, я къ большому удовольствію убѣдился, что весь разговоръ Fremdenfänger'a былъ не болѣе какъ мнѣ, при посредствѣ котораго онъ рассчитывалъ заставить меня прогуляться изъ Веггиса подъ его руководствомъ. На пристани, узнавъ, что тутъ находится одинъ изъ строителей, полковникъ Адольфъ Неефъ, я обратился къ нему съ вопросомъ, не представится ли намъ возможность подняться сегодня, на рабочемъ поѣздѣ, на Риги.

— На рабочемъ, ни въ какомъ случаѣ, — былъ отвѣтъ Неефа; — такъ какъ, — прибавилъ онъ, — сегодня работы приостановлены по случаю технического осмотра дороги комиссіей изъ Берна. Но если вы желаете взобраться на Риги на *первомъ, пробномъ пассажирскомъ* поѣздѣ вмѣстѣ съ комиссіей, то я доставлю вамъ къ этому возможность. Предупреждаю васъ, однако, что поѣздъ будетъ дѣлать всѣ необходимыя при испытаніи дороги маневры, не совсѣмъ пріятныя для путешественника непривычнаго, или не особенно довѣряющаго прочно-

и нашей постройки. Если вы согласны при этихъ условіяхъ сѣсть въ первый пассажирскій поѣздъ на Риги, то вамъ придется только дождать нѣсколько времени слѣдующаго парохода, на которомъ придутъ члены комиссіи.

Мы переглянулись съ женой; на лицѣ ея выразилась борьба бонни съ любопытствомъ, но послѣднее одержало верхъ, вѣроятно въ слѣдствіе соображенія, что она будетъ имѣть возможность подняться въ Риги съ *первымъ* пассажирскимъ поѣздомъ.

Въ ожиданіи прибытія парохода мы стали осматривать работы не заданной нами до того горной дороги. Дебаркадеръ, простой, уютный и степенскій, въ извѣстномъ швейцарскомъ стилѣ, устроенный въ нѣсколькихъ шагахъ отъ паромной пристани, не представлялъ ничего особеннаго; но въ небольшомъ сараѣ близъ него замѣтили мы совершенную невидаль. Только по клубившемуся изъ нея дыму мы догадались, что это горный локомотивъ. Представьте себѣ, читатель, всѣмъ намъ знакомый локомотивъ опрокинутымъ, поставленнымъ почти вертикально, и вы согласитесь, что это курьезное зрѣлище произведетъ на васъ впечатлѣніе страха; вы естественно вообразите себѣ, что вы находитесь на мѣстѣ „крушенія поѣзда“; оно напомнило бы нѣкоторымъ изъ соотечественниковъ тѣ ужасы, которые имъ приходилось переживать, благодаря своеобразному примѣненію одного изъ величайшихъ современныхъ открытій на родной почвѣ. Успокойтесь, однако! Не на мѣстѣ „крушенія“ находитесь вы, а на исходной точкѣ одного изъ величайшихъ наслажденій природою; котель поднять почти вертикально для того, чтобы слой воды въ немъ находился во всѣхъ его частяхъ постоянно на одинаковой высотѣ, что было бы невозможно, если бы паровикъ лежалъ въ горизонтальномъ направленіи. При подъемѣ въ гору вода принимала бы въ послѣднемъ случаѣ такое положеніе, что въ одномъ концѣ котла слой ея былъ бы выше, въ другомъ—гораздо ниже. Тутъ же, составляя одно цѣлое съ локомотивомъ, устроенъ тендеръ и платформа для багажа путешественниковъ, если таковые имѣютъ удовольствіе ѣхать на Риги въ сопровожденіи прекраснаго пола, который, какъ каждому мужу, отцу или брату хорошо извѣстно, связываетъ съ понятіемъ о путешествіи, хотя бы это было за облака, необходимость возможно большаго количества увѣсистыхъ сундуковъ, перевозка и перевозка которыхъ обходится зачастую дороже содержимаго ими.

Здѣсь же мы увидѣли впервые полотно горной желѣзной дороги. Все отличіе ея отъ обыкновенной состоитъ въ томъ, что посрединѣ ея, между двухъ рельсовъ, тянется третій съ зубцами, направленными вверхъ. Кромѣ того концы перекладинъ, къ которымъ прикручены рельсы, не лежатъ свободно, какъ на обыкновенной дорогѣ, а соединены между собою по обѣимъ сторонамъ бревнами, образу-

щими наружную раму всей дороги, которая тянется во всю длину ея, параллельно рельсамъ. Цѣль этой рамки — придать дорогѣ и въ особенности лежащимъ на полотнѣ ея тремъ рельсамъ больше solidity, крѣпости, сдѣлать невозможнымъ передвиженіе частей ея, что, при значительномъ склонѣ пути, безъ этой предосторожности было бы возможно, тѣмъ болѣе, что онъ проложенъ по очень рыхлой почвѣ (Nagelfluh).

Подъ локомотивомъ видны не четыре, а шесть колесъ, изъ которыхъ два среднія—зубчатые, прикрѣплены по серединѣ осей, въ положеніи, соответствующемъ зубчатому среднему рельсу. Этотъ простой механизмъ рѣшилъ вопросъ осуществленія горной желѣзной дороги. Зубцы колесъ локомотива, захватывая зубцы среднего рельса, приводятъ поѣздъ въ движеніе.

Нижняя часть вагона не представляетъ ничего особеннаго; верхняя же приспособлена для горной дороги нѣсколько своеобразно. Стекла находятся только съ передней и задней стороны вагона, и эта особенность доставляетъ туристу возможность безпрепятственно наслаждаться видами вдоль всего пути; по сторонамъ взглядъ его тоже не встрѣчаетъ препятствій, такъ какъ крышка вагона покончена на нѣсколькихъ желѣзныхъ подпорахъ, ничуть не мѣшающихъ обозрѣвать окрестность. Въмѣсто оконъ сдѣланы *jalousies*, которыя остаются въ большей части случаевъ безъ употребленія, такъ какъ трудно предполагать, чтобы путешественники, собравшіеся сюда со всѣхъ концовъ Европы и Америки ради альпійской природы, добровольно лишились этого наслажденія. Употреблять ихъ будутъ развѣ только въ случаѣ грозы; тогда они спускаются съ внутренней стороны крышки вагона, на которой они прикрѣплены, при посредствѣ очень простаго, удобнаго механизма и только въ такомъ видѣ этотъ желѣзнодорожный *chaq-à-banc* приближается нѣсколько, по наружности, къ вагону въ общепринятомъ смыслѣ. Не менѣе практично устройство самыхъ сидѣлищъ. Онѣ состоятъ изъ скамеекъ въ родѣ садовыхъ, но спинки ихъ больше опрокинуты назадъ, а часть ихъ, предназначенная для сидѣнія, сзади углублена, спереди же приподнята. При этомъ устройствѣ путешественникъ—если бы скамейка такая была поставлена на ровной землѣ—сидѣлъ бы на нѣсѣ провалившись назадъ спиной съ приподнятыми вверхъ колѣнами; но такъ какъ поѣздъ, по причинѣ сильнаго подъема дороги (на 25°), находится постоянно на наклонной плоскости, то путешественникъ, благодаря этому углубленію скамеекъ и выгибу спинокъ, можетъ сохранить вполне горизонтальное положеніе. Кромѣ того, наклонная плоскость полотна дороги обуславливаетъ амфитеатральное расположеніе скамеекъ въ вагонѣ (ихъ въ вагонѣ 9, и на каждой 6 мѣстъ; слѣдовательно полный поѣздъ, состоящій только изъ одного вагона, везетъ 54 пассажира),

какъ верхняя (обращенная къ вершинѣ горы) часть послѣдняго всегдѣ протяженіи дороги приподнята значительно надъ нижнимъ концомъ его (обращеннымъ къ озеру). Вслѣдствіе этого обстоятельство, какъ бы ни былъ наполненъ вагонъ, спереди сидящіе пассажиры конечно не мѣшаютъ помѣщающимся сзади ихъ обозрѣвать нижнюю часть пути, и обратно.

Едва мы успѣли осмотрѣть описанное выше, какъ на озерѣ раздался звонъ колокольчика, оповѣщавшій приближеніе къ Фицнау парохода. Полковникъ Неефъ, сообщивъ намъ, что на немъ находятся члены правительственной технической коммиссіи, назначенной для осмотра дороги, пригласилъ насъ занять мѣста въ вагонѣ, гдѣ чрезъ сколько минутъ помѣстился и самъ съ бернскими инженерами. Благодаря счастливой случайности я занялъ мѣсто въ купе, рядомъ съ роуптелемъ дороги, обязательно посвящавшимъ меня, профана въ инженерномъ дѣлѣ, въ разныя подробности ея устройства и постройки.

Первое, обратившее на себя наше вниманіе, обстоятельство было, что локомотивъ съ тендеромъ оказались не передъ вагономъ, а задъ его. Неефъ объяснилъ намъ это тѣмъ, что на горной его дорогѣ локомотивъ не тащитъ вверхъ вагонъ, а толкаетъ его въ этомъ направленіи сзади; при слѣдованіи же поѣзда съ горы къ озеру—онъ идетъ впереди, но тутъ роль его ограничивается тѣмъ, что онъ поддерживаетъ поѣздъ, какъ бы регулируя только его спусканіе по наклонной плоскости. Этотъ характеръ тяги сказывается во время всего движенія; оно не такъ ровно, какъ по обыкновенной желѣзной дорогѣ, а заявляетъ себя толчками.

Другая особенность состоитъ въ томъ, что локомотивъ не сцепленъ съ вагономъ. Эти обѣ составныя части каждаго поѣзда имѣютъ каждая для себя, особенныя тормозы, представляющіе возможность, въ случаѣ надобности, немедленно остановить поѣздъ. При принятыя предосторожностяхъ едва ли будетъ часто представляться необходимость въ этомъ. На всегдѣ до сихъ поръ открытомъ пути (1 $\frac{3}{4}$ нѣмецкихъ миль) находятся семь сторожей, на обязанности которыхъ лежить между прочимъ, при слѣдованіи поѣзда, идти передъ нимъ, осматривая путь, не случилось ли какихъ-либо внезапныхъ поврежденій, возможныхъ въ горной мѣстности, обвала, загроможденія камнями и т. п. случайностей. Такъ какъ поѣздъ взбирается и спускается съ незначительною скоростью (1 $\frac{3}{4}$ миль въ часъ, иногда въ 5 четвертей часа), то подобная обязанность сторожей не выходитъ изъ пределовъ возможнаго. Предусмотрительная администрація дороги, зная напередъ, что окрестное населеніе проводниковъ и погонщиковъ, жившее до проведенія дороги своимъ прибыльнымъ ремесломъ, отнесется къ ней враждебно и будетъ дѣлать разныя попытки портить дорогу, вызвать даже на ней несчастія, чтобы подорвать у путешественниковъ

довѣріе къ ней, устранило эти возможныя попятыванія своихъ враговъ наилучшимъ образомъ. Она не искала помощи у полиціи отъ всевозможныхъ золъ, а заключила союзъ съ силами болѣе надежными. Администрация обратилась къ интересу самихъ окрестныхъ жителей. Отдавъ всѣ мѣста по этой новой дорогѣ преимущественно имъ, она тѣмъ самымъ связала интересъ дороги съ ихъ собственнымъ и нашла такимъ образомъ не только дорожащихъ мѣстами служителей, но и лучшихъ, надежнѣйшихъ охранителей дороги отъ враждебныхъ силъ, имъ, какъ мѣстнымъ жителямъ, лучше извѣстныхъ, чѣмъ самымъ прозорливымъ жандармамъ, незнакомымъ съ окружающимъ людомъ.

Для удобства живущихъ на Риги и для потребностей дороги тянется вдоль ея телеграфная проволока, прикрѣпленная мѣстами къ скаламъ.

Путь идетъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ кривыхъ изгибовъ, почти безъ всякихъ уклоненій, прямо въ гору, и путешественникъ имѣетъ возможность обозрѣвать полотно на значительное протяженіе вверхъ и внизъ. Такъ какъ путь проходитъ мѣстами, съ правой стороны, у основанія громаднхъ скалъ, возвышающихся отвѣсно и скрывающихъ окрестность, то путешественникъ, желающій насладиться вполнѣ прелестями альпійской природы, долженъ, занимая мѣсто въ вагонѣ, въ Фицнау, стараться сѣсть на одно изъ крайнихъ, а лучше всего на самое крайнее съ правой стороны (когда онъ сидитъ въ вагонѣ, обращенный лицомъ къ локомотиву).

По мѣрѣ удаленія отъ станціи виды, прелестныя уже на самомъ берегу озера „Четырехъ—Кантоновъ“, становятся все болѣе и болѣе очаровательны; панорама расширяется, дѣлается грандіознѣе и упоеннѣе прелестями природы путешественникъ забываетъ о желѣзной дорогѣ, благодаря которой онъ, безъ малѣйшаго расхода своихъ силъ, можетъ ими наслаждаться. Не подлежитъ сомнѣнію, что десятки тысячъ туристовъ, взбирающихся теперь безъ утомленія на Риги, едва будутъ знать, если только не справятся предварительно у Бедекера или Берленша, даже имена лицъ, которымъ они обязаны этимъ дешевымъ восторгомъ; и человечество, такъ слабопамятное къ крупнымъ и мелкимъ благодѣтелямъ своимъ, вскорѣ и забудетъ имена трехъ швейцарскихъ инженеровъ, предпримчивости, энергій и искусству которыхъ оно обязано этимъ мирнымъ произведеніемъ. На этотъ разъ, какъ мы подымались на Риги, подобная забывчивость была невозможна; строители были на лицо, ихъ произведенія подвергались, во время многочисленныхъ остановокъ поѣзда, весьма подробному и тщательному осмотру компетентныхъ судей. Какого упорнаго труда стоило сдѣлать столько выемокъ, насыпей, укрѣпить откосы, защитить дорогу отъ опаснаго сосѣдства скалъ!

Возить землю для насыпи на обыкновенныхъ подводахъ, при столь

чительномъ подъемѣ дороги (на 4 фута протяженія 1 футъ подъема) ю невысказуемо. Поэтому строители придумали небольшія сани, вмѣ-
 вшіе отъ 6 до 8-ти кубическихъ футовъ земли, и на нихъ привозили
 ю значительную часть матеріала, причемъ особенный отрядъ ра-
 ихъ постоянно лилъ воду на землю, стараясь поддержать ее на
 лько влажною, чтобы путь былъ постоянно скользкимъ и пред-
 влялъ возможно меньше тренія для полозьевъ. На обратномъ пути,
 и возвращеніи наверхъ, сани разбипались такимъ образомъ, что по-
 я несъ одинъ человекъ, верхнюю же часть — другой. Только при
 умъ устройствъ перевозочныхъ средствъ оказалось возможнымъ, безъ
 асности для рабочихъ, доставлять необходимую землю сверху
 изъ. О попыткахъ же доставлять матеріалъ снизу вверхъ не
 го быть и рѣчи, такъ какъ даже перенесеніе въ этомъ направ-
 ніи упомянутыхъ салазковъ и пустыхъ ящиковъ, въ которыхъ по-
 щалась земля, сопряжено было съ значительными затрудненіями и
 ебовало большихъ усилій.

Минутахъ въ десяти отъ Фицнау поѣздъ входитъ въ туннель 75-ти
 тровъ длины, 6-ти метровъ высоты, $5\frac{1}{2}$ метровъ ширины, и непос-
 редственно затѣмъ, на высотѣ 115 футовъ, желѣзный перекинутый мостъ,
 3-ти метровъ длины, который описываетъ на всемъ этомъ пространствѣ
 ромную дугу въ 180 метровъ радіуса, при подъемѣ на 95-ть процен-
 товъ.

Поѣздъ нашъ, доѣхавъ до противоположнаго туннелю конца моста,
 другъ сталъ спускаться вновь къ туннелю. Пассажиры пришли отъ
 того чуть не въ ужасъ; воцарилось безмолвное молчаніе, и, какъ
 казалось послѣ изъ обмѣна впечатлѣній, всѣ думали, что вслѣдствіе
 какой-нибудь неисправности поѣздъ пошелъ назадъ по наклонной
 плоскости, конечно — съ неудержимой силой! Этотъ паническій страхъ
 продолжался, къ счастью, недолго. На срединѣ моста поѣздъ остано-
 вился. Всѣ высунулись на край вагона, и, о ужасъ, убѣдились, что
 мы висимъ надъ пѣнистымъ горнымъ потокомъ, изливающимся здѣсь
 въ видѣ водопада (въ весеннее время), надъ Шнуртобелемъ! Изъ огня
 да въ полымя! Оглушительный ревъ воды, висѣніе на высотѣ, дово-
 дящей до головокруженія, при совершенной неожиданности впечатлѣ-
 нія, смѣнили въ большей части присутствующихъ прежнюю радость
 освобожденія отъ опасности чувствомъ новаго, еще пущаго страха.
 Онь продолжался недолго. Весь маневръ дѣлался съ цѣлью изслѣ-
 довать — насколько висачій надъ пропастью мостъ осѣдаетъ подъ
 тяжестью поѣзда. Инженеры, выйдя изъ вагона, при посредствѣ устав-
 ленныхъ на берегу инструментовъ, опредѣлили, что осадка не дости-
 гаегъ даже допущенной закономъ, и простирается, если я не оши-
 баюсь, всего на 10 линій. Во время этихъ изслѣдованій, вися надъ
 Шнуртобелемъ, я понималъ, о какихъ „маневрахъ поѣзда“ упоминалъ пол-

ковникъ Неефъ. Какъ ни напугали они, на первыхъ порахъ, нѣкоторыхъ изъ первыхъ пассажировъ горной дороги, большинство ихъ осталось въ послѣдствіи очень довольны этимъ *intermezzo*, такъ какъ въ продолженіи его мы вдоволь насладились восхитительною мѣстностью, которая, при будущихъ поѣздахъ нашихъ преемниковъ, только бѣгло промелькнетъ передъ ихъ глазами.

Прибывъ на высоту Риги - Кальтбадъ, поѣздъ остановился, такъ какъ мы достигли крайняго предѣла открытой дороги. Въ Риги - Кальтбадъ мы видѣли довольно работниковъ, занятыхъ продолженіемъ желѣзной дороги до *Staffelhöhe*, границы Швицкаго кантона. Этимъ пунктомъ она и должна была кончиться вслѣдствіе того, что Цугскій кантонъ не разрѣшалъ провести ее по своей территоріи.... Но сила паровъ взяла свое: не прошло и полугода съ тѣхъ поръ, какъ открыта была желѣзная дорога изъ Фицнау на Риги - Кальтбадъ, какъ застучали кирки и лопаты на сѣверномъ склонѣ Риги, по направленію къ Арту на берегу Цугскаго озера.... Мѣстные власти Цуга убѣдились, что для того, чтобы спасти промыслъ своихъ проводниковъ, составляющій значительную статью доходовъ жителей этого кантона, недостаточно одного запрета, который не защититъ ихъ отъ конкуренціи желѣзной дороги на южномъ склонѣ Риги. Теперь постройки дороги по территоріи Цуга въ полномъ ходу, и вѣроятно не даѣе какъ въ слѣдующемъ году можно будетъ не только подняться на Риги изъ Фицнау, но и спуститься съ нея въ противоположномъ направленіи въ Артъ. Такимъ образомъ отъ этого выиграютъ не только Швицкій кантонъ, но и Цугскій, а вмѣстѣ и европейскіе путешественники. Совершивъ, въ числѣ первыхъ, это интересное путешествіе при посредствѣ паровъ на Риги, благодаря любезности полковника Неефа, мы конечно пользовались привилегіей бесплатности, но теперь за часъ съ четвертью ѣзды до *Staffelhöhe* каждый пассажиръ платитъ 5 франковъ, обратный же путь стоить только 2½ франка. Въ теченіе пастоящаго лѣта отправляются 8 поѣздовъ ежедневно, 4 изъ Фицнау на Риги, и 4 обратно, корреспондирующіе съ пароходами озера „Четырехъ-Кантоновъ“. Если желающихъ подняться соберется не менѣе 20 человекъ, то управленіе дороги отправляетъ экстренный поѣздъ. Хотя дорога имѣла только одинъ путь, но устроенные мѣстами развѣзды дѣлаютъ возможнымъ отправленіе таковыхъ поѣздовъ почти во всякое время. На ночь движеніе останавливается.

Сближившись во время четырехъ-часовой прогулки и непосредственнаго сосѣдства съ полковникомъ Неефомъ, любезности котораго я обязанъ сообщенными подробностями, я просилъ его дополнить изъ нѣкоторыми числовыми данными, на что онъ изъявилъ свое согласіе, приглашая меня въ свое бюро въ Фицнау. Возвратившись туда, мы отправились къ нему вмѣстѣ. Я ожидалъ встрѣтить здѣсь цѣлый

сонъ чертежниковъ, кондукторовъ, писарей и т. п. служебныхъ ду-ховъ, извѣстныхъ у насъ каждому, кому приходилось заглянуть къ нашимъ дистанціоннымъ инженерамъ. Ничуть не бывало! Бюро полковника Несса — не болѣе какъ свѣтлая комната въ гостиницѣ средней руки, занятая кругомъ длинными столами, съ планами его собственнаго произведенія, и въ одномъ углу ея пріютилась скромная кость строптеля, подарившаго Швейцаріи одно изъ интереснѣйшихъ сооруженій страны. За бутылкой простого туземнаго вина онъ, перелистывая свои бумаги, сообщалъ мнѣ всѣ интересовавшія меня подробности, которыя, можетъ быть, вовсе и несущественны въ глазахъ техника. Тѣмъ болѣе обязанъ я его благосклонному вниманію и терпѣнію, съ которыми онъ относился къ вопросамъ человѣка, котораго имени онъ даже не зналъ. Съ своей стороны я, кромѣ личной любознательности и желанія подѣлиться видѣннымъ съ отечественной публикой, искалъ нѣкотораго оправданія своей назойливости въ томъ обстоятельствѣ, что, можетъ быть, строки эти будутъ полезны для примѣненія системы горной дороги на Рига при проложеніи желѣзнаго пути на Кавказъ и черезъ Уралъ. Конечно, русскій техникъ, пролагающій пути цивилизаціи на азіатскихъ окраинахъ нашего отечества, не удовлетворится настоящимъ бѣглымъ очеркомъ, но научныя указанія, со всѣми необходимыми техническими подробностями, онъ найдетъ въ монографіи Кронауера подъ заглавіемъ: „Rigibahn“, съ чертежами.

А. С—ій.

Лугеръ. — 15 (27) іюня, 1872.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

БЕРЛИНСКІЕ ПРАЗДНИКИ И ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА.

Берлинъ 24 (12) сентября.

По окончаніи сессій рейхстага, 19/7 іюня, наступило то прекрасное время, которое князь Бисмаркъ называетъ „періодомъ кажущейся остановки въ исторіи міра“, а берлинцы времененъ кислыхъ огурцовъ. Какъ ни различны эти выраженія, но въ понятіяхъ разницы нѣтъ. Повсюду наступили каникулы: для ученика сельской школы, для профессора, для юриста, для чиновника.

Необходимость парламентскихъ каникулъ не требуетъ доказательства, по крайней мѣрѣ для того, кто долгое время вращался въ

парламентскомъ мірѣ, потому что врядъ ли какая-нибудь дѣятельность способна такъ утомлять человѣка, какъ парламентская. Англійская нижняя палата насчитываетъ 658 членовъ, верхняя немного болѣе 750-ти, настоящее французское національное собраніе свыше 700, прусская палата депутатовъ 432 члена, германскій рейхстагъ 382 и т. д. Общее число народныхъ представителей всякаго рода въ Европѣ превосходитъ 10,000 и когда всѣ собранія, или по крайней мѣрѣ большая часть изъ нихъ находятся въ разгарѣ дѣятельности, безчисленные потоки рѣчей наполняютъ воздухъ. Все это прекрасно, но наконецъ публика утомлена, большинство членовъ парламентовъ не менѣе. Есть правда между ними такіе, которые никогда не устаютъ слушать самихъ себя, но эти принадлежатъ всегда къ менѣе значительнымъ членамъ парламента. Хорошій работникъ имѣетъ право рассчитывать на порядочный отдыхъ, и англійская аристократія умѣетъ пользоваться имъ. Любовь къ домашнему очагу и сельской жизни въ Англіи между аристократіей была всегда сильнѣе, чѣмъ въ Германіи; это обуславливается въ значительной степени богатствомъ англійской аристократіи, богатствомъ, допускающимъ не только роскошные замки и парки, но и картинныя галлерей и библіотеки, соперничающія по стоимости съ общественными. Нѣмецкій дворянинъ, если не работаетъ самъ, какъ простой крестьянинъ, своего маленькаго клочка земли, то ищетъ пріятнаго отдохновенія въ городѣ, въ главномъ городѣ страны или провинціи, или же въ ближайшемъ городѣ отъ своего имѣнія. Это дѣлается частью въ силу привычки, главнымъ же образомъ вслѣдствіе недостатка денегъ: comfortъ, которымъ пользуются всѣ, дешевле комфорта, составляющаго привлекію немногихъ; наконецъ это объясняется также недостаткомъ культуры, по сравненію съ Англіей, гдѣ вся страна участвуетъ въ общественныхъ дѣлахъ, между тѣмъ какъ въ Германіи, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ существуютъ большія помѣстья (на Рейнѣ и въ южной Германіи земля такъ раздроблена и цѣны на нее такъ высоки, что большія помѣстья рѣдкость), культура едва коснулась населенія. Такъ въ Верхней Силезіи, напримѣръ, въ большихъ имѣніяхъ, расположенныхъ вдали отъ желѣзныхъ дорогъ, натаптываемся часто на совсѣмъ первобытное положеніе дѣлъ. Аристократъ и членъ парламента, посвятивъ часть канікулярнаго времени приведенію въ порядокъ своихъ дѣлъ, совершаютъ для отдыха путешествія и увеличиваютъ возрастающій съ каждымъ годомъ потокъ посѣтителей водъ и лѣтнихъ туристовъ.

Въ это время консерваторъ наравнѣ съ агитаторомъ ищетъ покоя, а газеты влечутъ жалкое существованіе. Несмотря на то, все движется, человѣчество продолжаетъ работать, частью сознательно, частью инстинктивно, и политикъ, умѣющій узнавать пульсъ общественнаго

мнѣнія, находить, что именно въ этотъ періодъ кажущагося затишья и возникаютъ новыя идеи, новыя направленія.

Впрочемъ въ настоящій моментъ можетъ быть и несправедливо говорить о всеобщемъ покоѣ; элементомъ броженія является снова Франція, гдѣ со дня на день республиканскія идеи все болѣе и болѣе сливаются съ мыслью о возмездіи, поглощающей всю часть французскаго народа, способную дѣйствовать. Есть не мало людей, которые не признають за французами республиканскихъ талантовъ; они ссылаются, въ доказательство своего мнѣнія, на тотъ фактъ, что республика во Франціи дважды погибала, послѣ короткаго существованія, но этотъ доводъ ослабляется чрезвычайнымъ упадкомъ монархическаго настроенія во Франціи. Кромѣ того, республиканскія идеи съ начала этого столѣтія дѣлали постоянные успѣхи между романскими народами, и французскіе политики въ нѣкоторой степени инстинктивно ищутъ тамъ себѣ союзниковъ. На сѣверѣ и востокѣ Европы напротивъ, монархическій принципъ непоколебимо твердъ; въ Германіи, за послѣднія 26 лѣтъ, онъ сдѣлалъ даже несомнѣнные успѣхи. Хотя такимъ образомъ между Франціей и сѣверными державами и существуетъ коренное различіе, тѣмъ не менѣе прошли времена, когда подобное различіе въ принципахъ могло бы вызвать образованіе коалиціи, признающей за собой право вмѣшательства и угрожающей независимости мелкихъ государствъ.

Въ какой степени эти соображенія способствовали осуществленію великаго событія, нарушившаго тишину нынѣшняго лѣта, свиданію *трехъ императоровъ*, рѣшить невозможно, но что подобныя общія соображенія послужили поводомъ къ нему, въ этомъ трудно ошибиться. Послѣ того, какъ газеты всего міра уже произнесли свое сужденіе объ этомъ свиданіи, можетъ показаться дерзкимъ еще говорить о немъ, тѣмъ не менѣе *невозможно* пройти подобное событіе молчаніемъ.

Прежде чѣмъ императоры встрѣтились, газеты уже выставляли программы ихъ переговоровъ, программы, которыя отличались болѣе обиліемъ содержанія, нежели выборомъ его: нѣтъ темы, обсуждавшейся какой-нибудь газетой въ теченіи послѣдняго года, о которой не предстояло бы разсуждать монархамъ и сопровождавшимъ ихъ государственнымъ людямъ.

Принимая во вниманіе краткость времени, которое сверхъ того все почти пошло на придворныя и военныя празднества, а также на взаимныя посѣщенія,—можно кажется было бы придти къ заключенію, что некогда было обстоятельно обсуждать важныхъ вопросовъ. Во всякомъ случаѣ, можетъ быть, мимоходомъ и упоминалось о томъ или другомъ вопросѣ, но вѣроятнѣе всего тѣ данныя, которыя сообщены офиціозными органами и подтверждены княземъ Бисмаркомъ,

а именно, что важнѣйшимъ результатомъ свиданія было дружеское согласіе между монархами и ихъ личное сближеніе. Оффиціальныя заявленія о свиданіи весьма скудны. Во главѣ ихъ стоитъ рѣчь, обращенная императоромъ Александромъ къ представителямъ донскаго казачества 25/13 августа, въ которой его величество сказалъ, что для большаго обезпеченія мира онъ предпринимаетъ путешествіе за-границу, которое, какъ надѣется, не будетъ безъ пользы для Россіи. Другое оффиціальное извѣстіе сообщаетъ о трехъ тостахъ, произнесенныхъ монархами на торжественномъ обѣдѣ 7-го сентября (26-го августа); третье—о словахъ Бисмарка къ берлинскимъ городскимъ чинамъ, поднесшимъ ему 9-го сентября (28-го августа) дипломъ на почетнаго гражданина; четвертое—о заявленіи императора австрійскаго на счетъ дружественныхъ отношеній къ сосѣднимъ государствамъ. Наконецъ, какъ пятое, можно считать заявленіе Тьера о дружескомъ настроеніи, выраженномъ французскому посланнику въ Берлинѣ императорами русскими и австрійскими. Историкамъ, дипломатамъ дажѣ, не говори уже о журналистахъ, приходилось не разъ удовлетворяться еще болѣе скуднымъ матеріаломъ, но къ несчастію достовѣрность большей части и этихъ-то извѣстій подлежитъ сомнѣнію. Такъ слова Бисмарка къ городскимъ депутатамъ существуютъ въ трехъ редакціяхъ, значительно разнящихся между собой; относительно заявленій, сдѣланныхъ Гонтю-Виропу, весьма существенная разница, заявляютъ ли монархи свою симпатію просто Франціи, или „мирной Франціи“. Даже тосты на торжественномъ обѣдѣ не установлены съ достовѣрностью: такъ въ началѣ стояло во всѣхъ газетахъ и передано во всѣ концы міра вполне оффиціознымъ телеграфнымъ бюро, что императоръ Александръ пилъ за здоровье храброй прусской арміи; восемь дней спустя вдругъ въ корреспонденціи, исходящей отъ двора, сообщаемой лицомъ присутствовавшимъ при обѣдѣ, находимъ, что его величество императоръ Александръ не произносилъ слова „прусской“, но, обращаясь къ императору Вильгельму, сказалъ: „пью за здоровье вашей храброй арміи“.

Одно несомнѣнно, что во время свиданія императоровъ не было рѣчи о коалиціи. Защита новыхъ владѣній, если такая будетъ необходима, есть дѣло, касающееся чести Германіи.

Тѣмъ не менѣе миръ приобрѣлъ новую гарантію; французы, основываясь на бывшемъ свиданіи, должны наконецъ убѣждаться, что имъ не слѣдуетъ разсчитывать на союзъ обѣихъ сосѣднихъ Германіи державъ, на который они, къ своей невыгодѣ, такъ долго надѣялись во время послѣдней войны.

Оффиціальныи органъ „*Provinzial-Correspondenz*“, въ одной изъ своихъ статей возбудилъ особенное вниманіе слѣдующими словами: „поводомъ къ опредѣленнымъ дипломатическимъ переговорамъ могло

бы послужить только то обстоятельство, если бы одна изъ сторонъ дѣйствительно угрожала миру, чего, къ счастью, не было^а.

Эти слова вполне согласны съ тѣмъ, что было опубликовано со стороны австрійской дипломатіи, уже во время свиданія, а именно, что три монарха согласились не дѣлать никакого политическаго шага, не попытавшись разъяснить дѣло мирнымъ путемъ. Одинъ господинъ, горячо защищавшій эту идею, на вопросъ мой: что же должно послѣдовать, если разъясненія ни къ чему не приведутъ?—отвѣчалъ съ жаромъ: тогда двое пойдутъ противъ третьяго войной!

На ряду съ французскимъ вопросомъ, если можно такъ выразиться, во время свиданія, по всей вѣроятности, были затронуты восточный вопросъ, выборъ папы, интернаціональ и датскій (вѣрнѣе сѣверно-шлезвигскій) вопросъ. Которому изъ этихъ трехъ вопросовъ было придано большее значеніе, а также какихъ результатовъ достигли по каждому изъ нихъ,— не могу сказать, но существуютъ несомнѣнные свидѣтельства, что всѣ эти вопросы были затронуты. Повидимому ихъ затрогивали безъ системы, скачками. Такъ было относительно *интернаціонала*, который впрочемъ, вслѣдствіе переселенія генеральнаго совѣта изъ Лондона въ Нью-Йоркъ, избавилъ своего главу (многіе полагаютъ, что кромѣ главы никакого тѣла и нѣтъ) отъ вліянія континентальныхъ державъ. Въ Даніи, а также въ нѣкоторыхъ лондонскихъ кружкахъ, рассчитывали съ увѣренностью на то, что въ вопросѣ о Шлезвигѣ будетъ сдѣланъ рѣшительный шагъ. Этого не случилось, и полагаютъ, что нѣкоторое неудовольствіе, выразившееся въ Англіи по окончаніи свиданія, объясняется главнымъ образомъ разочарованіемъ въ этомъ отношеніи.

Остается еще сказать о томъ, какъ отнеслись къ свиданію державы, не принимавшія въ немъ участія. Большинство изъ нихъ отнеслось къ этому событію довольно равнодушно. Замѣчательнѣе всего было спокойствіе Италіи. Казалось бы, тамъ могли явиться опасенія относительно того, что Австрія, заручившись союзомъ на сѣверѣ и востокѣ, снова почувствуетъ сожалѣніе о провинціяхъ, потерянныхъ въ 1859-мъ и 1866-мъ годахъ; по подобнаго безпокойства не выказалось и, я полагаю, совершенно справедливо, потому что австрійскому правительству столько заботъ и работы внутри государства, что оно навѣрно не желаетъ никакихъ усложненій въ своей внѣшней политикѣ. Кромѣ того, отношенія между Франціей и Италіей въ послѣднее время столь мало удовлетворительны, что Италія склоняется болѣе къ Пруссіи, гдѣ дружеское расположеніе къ ней обезпечено, а пока Италія будетъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Пруссіей, она гарантирована со стороны Австріи.

Въ Англіи руководящій органъ, совершенно неожиданно, началъ смуриться. Я уже упоминалъ о причинѣ. Худое расположеніе духа

англійской публики вполне понятно, но ей слѣдуетъ упрекать въ этомъ самое себя, а не другихъ. *Tu l'as voulu Georges Dandin!* Догмать, что континентальныя дѣла не касаются Англій, съ такою же легкостью привилась между англичанами, съ какою догмать непогрѣшимости папы между католиками, и оба догмата имѣютъ между собою то общее, что оба очень удобны и что ихъ оборотныя стороны сказываются съ теченіемъ времени. Настроеніе англичанъ не могло улучшиться отъ исхода элзбемскаго вопроса (рѣшеніе еще не было произнесено во время свиданія, но въ немъ никто не сомнѣвался), который долженъ быть весьма чувствителенъ для каждого англичанина, потому что правительство, за нерадѣніе котораго англійскій народъ долженъ заплатить 3 милліона фунтовъ, дѣйствовало вполне согласно съ общественнымъ мнѣніемъ, стоявшимъ на сторонѣ южныхъ штатовъ. Если англичане не интересуются нисколько континентомъ, то это ихъ дѣло, и мы не станемъ просить ихъ заботиться о насъ. Такъ говорятъ здѣсь, совершенно справедливо, и въ официальныхъ кружкахъ прибавляютъ, что королева Викторія встрѣтила бы здѣсь безъ сомнѣнія самый дружескій приемъ, если бы выразила желаніе присутствовать при свиданіи.

Что касается Франціи, то она, какъ хамелеонъ, принимала всѣ цвѣта и переживала всѣ настроенія отъ надутаго равнодушія до яростнаго гнѣва, но въ концѣ концовъ утѣшилась по необходимости, какъ приходится утѣшаться во всемъ, чего не передѣлаешь, и веселый нравъ французовъ помогъ имъ въ этомъ. Въ словахъ русскаго и австрійскаго монарховъ, обращенныхъ къ маркизу Гонто-Бирону, она усмотрѣла признаніе могущества и величія Франціи, а въ посѣщеніи нѣсколькихъ англійскихъ кораблей — доказательство, что Франція имѣетъ союзниковъ. Во всякомъ случаѣ надо быть оптимистомъ, чтобы вѣрить въ англійскую дружбу, по крайней мѣрѣ въ безкорыстную.

Государи Баваріи, Виртемберга и Саксоніи не присутствовали при свиданіи; представителемъ саксонскаго престола былъ наслѣдний принцъ, прибывшій сюда съ императоромъ австрійскимъ и съ нимъ же вмѣстѣ и уѣхавшій. Со стороны баварской королевской фамиліи присутствовалъ одинъ отдаленный родственникъ, герцогъ Максъ, который, по газетнымъ извѣстіямъ, былъ чрезвычайно любезно принятъ императоромъ. Объ отсутствіи Баваріи много говорилось, и французская пресса, сопоставляя это обстоятельство съ продолжающимся нѣсколько мѣсяцевъ министерскимъ кризисомъ, сочла его за симптомъ распада германской имперіи. Последнее мнѣніе по крайней мѣрѣ слишкомъ поспѣшно. Извилистый путь баварской политики обуславливается личными отношеніями и прослѣдить его до конца невозможно, не обладая талантомъ и нахальствомъ господъ *Феске* или

Фортисена. Для всякаго понятно, что колебанія ультрамонтановъ и партикуляристовъ, неудавшіяся сегодня, могутъ снова возникнуть каждую минуту, тѣмъ не менѣе ясно, что въ Баваріи партикуляристо-ультрамонтанская и либерало-національная партія почти уравновѣшиваютъ другъ друга и хотя германская имперія, какъ таковая, весьма мало виѣшивается во внутреннія дѣла Баваріи, національное стремленіе пересиливаетъ и дѣйствуетъ рѣшающимъ образомъ на отдѣльныя стремленія баварскихъ партій. Всякій, кто не желаетъ предаваться иллюзіямъ, долженъ признать, что идея единства сдѣлала громадные успѣхи въ Германіи съ 1870 года (собственно даже съ 1866) и что противустоятъ ей, кромѣ ультрамонтановъ и небольшого числа лично заинтересованныхъ индивидуумовъ, только тѣ, которые подходятъ подъ французское выраженіе *têtes carres allemandes*, прототипомъ которыхъ можетъ служить профессоръ Эвальдъ въ Гёттингенѣ, одинъ изъ „семи Гёттингенцевъ“, протестовавшихъ противъ нарушенія конституціи короля Эрнста-Августа и въ настоящее время яростныхъ защитниковъ положенія дѣлъ до 1866-го года. Стремленіе къ національному объединенію не только принадлежитъ духу настоящаго времени: покоренныя въ 1866-мъ году провинціи благоденствуютъ со времени ихъ покоренія, какъ нѣкогда. Даже самые упорные люди должны признать этотъ фактъ, который впрочемъ слѣдовало предвидѣть, такъ какъ уничтоженіе тѣсныхъ рамокъ всегда оказывается полезнымъ для развитія матеріальныхъ интересовъ.

Сдѣлавъ краткій обзоръ сужденій иностранныхъ правительствъ и народовъ, а также нѣмецкихъ дворовъ о свиданіи императоровъ, остановимся на вопросѣ: что говоритъ о немъ нѣмецкій, особенно прусскій народъ, чего ожидаетъ и чего опасается? Судя по тому, какъ масса себя держала во время празднествъ, судя по отзывамъ печати и сужденіямъ отдѣльныхъ лицъ, свиданіе не произвело сильнаго впечатлѣнія. Понятно само собой, что иностранные государи были встрѣчены населеніемъ съ энтузіазмомъ, но изъ этого не слѣдуетъ дѣлать дальнѣйшихъ выводовъ. Масса публики, относящаяся ко всему скептически, стала можетъ быть даже недовѣрчива къ *смышломъ часто* повторяемымъ увѣреніямъ, что свиданіе не имѣло никакой другой цѣли, кромѣ закрѣпленія мира, который и безъ того былъ проченъ, и на биржѣ сейчасъ же по окончаніи свиданія произошло пониженіе курсовъ, продолжающееся по настоящее время. Конечно, это можетъ быть объяснено мѣстными причинами, избыткомъ предложенія, тѣмъ не менѣе упомянутое совпаденіе обстоятельствъ было. Я не хочу утверждать, что эти симптомы заключаютъ въ себѣ что-нибудь опасное, я отмѣчаю только фактъ. Одно несчастное происшествіе омрачило праздникъ 7-го сентября во время большой зари: на *Schlossfreiheit*—это рядъ домовъ, расположенныхъ на западъ отъ

дворца — было раздавлено нѣсколько челоуѣкъ. Подобныя несчастія почти неизбѣжны при обстоятельствахъ, при которыхъ они произошли, но въ данномъ случаѣ ихъ приписываютъ единогласно худшимъ распоряженіямъ полиціи, которая допустила скопленіе большихъ массъ народа на весьма узкомъ пространствѣ и затѣмъ, когда зоря должна была начаться, стала совершенно неожиданно очищать мѣсто, сдвигала массу, причемъ конная полиція произвела настоящую атаку. Одинъ репортеръ написалъ, по внушенію полиціи, въ нѣсколькихъ газетахъ похвалу этой атакѣ, называя ее дѣломъ *присутствія дуга*, выраженіе, возбуждившее чуть ли не большее негодованіе, чѣмъ трупы несчастныхъ, поплатившихся жизнью за свое любопытство. Въ подобныхъ случаяхъ говорятъ обыкновенно, что люди сдѣлали бы лучше, если бы оставались дома; но что-жъ бы это было за празднество безъ народныхъ массъ? Возбужденіе противъ случившагося было тѣмъ сильнее, что это происшествіе было первымъ дебютомъ новаго президента полиціи Мадайя, и дѣйствительный юмористическій листокъ (*Ulk*), представленный во всѣхъ окнахъ, изобразилъ президента полиціи въ формѣ — не знаю, похожъ ли портретъ — скачущаго на конѣ по трупу, съ подписью: „Неужли это единственный путь къ нашимъ господамъ“?

Все это происшествіе раскрываетъ большое мѣсто берлинской жизни. Прежній президентъ полиціи Вурмъ, разбитой, веселый малый, посѣщавшій клубы и театры, охотникъ до вина и женщинъ, былъ спусходителемъ какъ къ себѣ, такъ и къ другимъ. Даже близкіе друзья его соглашались съ тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ему слѣдовало бы поступать энергичнѣе, что уличный развратъ дошелъ въ Берлинѣ до крайности, что поведеніе посѣтителей *Cafés-chantants* и винныхъ погребовъ возмутительно и что такъ-называемые Луи совершенно безнаказанно записываютъ своимъ ремесломъ. Полиція была слаба; но забываютъ, что въ прежнія времена грѣшили слишкомъ большой строгостью, которая была тягостна даже для прпличныхъ бюргеровъ; забываютъ, что быстрое возрастаніе города, громадный наплывъ иностранцевъ, новыя законы, почти не ограничивающіе свободу промышленности, и полная свобода переселенія — создало совершенно новыя условія и наконецъ, что, по единогласному мнѣнію всѣхъ практическихъ людей, невозможно съ успѣхомъ дѣйствовать противъ общественнаго зла, не предоставивъ ему, хоть весьма ограниченнаго, но законнаго права существованія, чего рѣшительно не желаютъ тамъ, гдѣ это должно быть окончательно порѣшено.

Другое обстоятельство, ослабляющее значеніе полиціи, это то, что настоящій составъ ея былъ образованъ во времена сильнѣйшей реакціи и прежде всего употреблялся для политическихъ цѣлей; въ то же время президентъ полиціи Гинкельдей имѣлъ въ виду только одну цѣль — усилить въ этой корпораціи сознаніе своего авторитета. И ви-

или, что городовые считают себя чиновниками, которымъ прежде всего слѣдуетъ оберегать свой авторитетъ передъ публикой, что они охотнѣе всего исполняютъ свою обязанность въ тѣхъ случаяхъ, когда это не сопряжено для нихъ съ непріятностями и опасностью, и что они не выказываютъ никакого рвенія дѣйствовать на пользу общественнаго порядка и спокойствія, если имъ не будетъ на то специальныхъ приказаній или предписаній. Корпорации сохраняютъ духъ, въ которомъ они возникли, весьма долго и въ данномъ случаѣ было бы чудо, если бы люди, привыкшіе считать себя повелителями публики, помирились съ мыслью, что они слуги ея. Оттого и происходитъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда городовые дѣйствительно ужжны, ихъ нѣтъ; жалобы и насмѣшки юмористическихъ листковъ въ этомъ отношеніи совершенно основательны и не преувеличены. Недостаетъ самостоятельности, инициативы, свободного чувства долга, и бюргеры, не обладающіе также самостоятельностью и встрѣчающіе при своихъ сношеніяхъ съ полиціей гораздо чаще притѣсненія, чѣмъ пользу для себя, относятся къ ней весьма враждебно. Я не знаю изъ личнаго опыта столь прославленной англійской полиціи, но видѣлъ, напримеръ, въ Швейцаріи, что полиція, сознающая свою обязанность относительно публики, пользуется симпатіей и, гдѣ нужно, находитъ поддержку въ публикѣ, чего здѣсь никогда не бываетъ, или чрезвычайно рѣдко. Положимъ, что нельзя измѣнить порядковъ, положимъ, что въ обществѣ, если хотите, въ крови народа, воспитаннаго преимущественно въ военномъ духѣ, не ощущать неудобствъ подобнаго положенія дѣлъ, но правительству тѣмъ не менѣе слѣдуетъ сознать, что оно опасно. Слово, обращенное президентомъ полиціи къ народу, послѣ сраженія при Іенѣ: спокойствіе есть первый долгъ бюргера! выражаетъ собой жалкій результатъ того полицейскаго государства, того духа несамостоятельности, который сдѣлалъ катастрофу 1806-го года столь страшной; но тотъ же духъ царитъ и теперь, въ гораздо сильнѣйшей степени, чѣмъ можно бы было полагать послѣ четверти столѣтія конституціонной жизни и циникъ могъ бы сказать, что пруссаки лучше всего себя чувствуютъ подъ ружьемъ.

Вслѣдствіе ли равнодушія или чувства увѣренности—во всякомъ случаѣ во время свиданія не было заявлено никакихъ опасеній на счетъ того, что встрѣча трехъ могущественнѣйшихъ представителей монархическаго порядка положить границы стремленію народовъ къ свободѣ, какъ то было сдѣлано послѣ войны за освобожденіе, *священнымъ союзомъ*. Только одинъ ультра-демократическій или ультрамонтанскій органъ высказалъ подобныя опасенія, противъ которыхъ слѣдуетъ привести слова Бисмарка, произнесенныя имъ въ отвѣтъ на адресъ знатныхъ англичанъ, выразившихъ ему свои поздравленія успѣха въ борьбѣ противъ ультрамонтановъ: Англія есть стра-

на, „которую Европа въ теченіи послѣднихъ столѣтій научилась цѣнить какъ краеугольный камень политической и религіозной свободы“. Я убѣжденъ, что канцлеръ адресовалъ эти слова къ нѣмецкой публикѣ и имѣлъ при этомъ, можетъ быть, еще особую цѣль: высказаться вполне ясно противъ всякихъ реакціонныхъ направленій.

Перехожу къ другому предмету, обращающему на себя вниманіе политиковъ, къ продолжающейся борьбѣ правительства съ ультрамонтанствомъ, которая идетъ до сихъ поръ съ прежнимъ жаромъ. Эта борьба занимала рейхстагъ, равно какъ прусскій ландтагъ и съ помощью этихъ парламентовъ были проведены законы противъ злоупотребленія касседры, противъ іезуитовъ и о надзорѣ за училищами (два первые для всей имперіи, послѣдній только для Пруссіи). Законъ противъ злоупотребленія касседры еще не приведенъ въ дѣйствіе и это можетъ служить доказательствомъ его излишества, хотя столь же основательно можно утверждать, что одного существованія его на бумагѣ достаточно, чтобы предупредить зло; законъ о надзорѣ за училищами, имѣющій особенно важное практическое значеніе для восточныхъ провинцій, приводится въ дѣйствіе и повидимому достигаетъ своей цѣли; официальные іезуиты изгоняются мало-по-малу изъ Германской имперіи и переносятъ это изгнаніе съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ, будучи по всей вѣроятности убѣждены, что достаточно останется неофициальныхъ іезуитовъ. Вообще этотъ законъ сдѣлалъ гораздо больше шума, чѣмъ принесъ пользы; важнѣйшимъ результатомъ этихъ законовъ было возвращеніе государству главнаго надзора надъ школами и наблюденія за преподаваніемъ. Съ теоретической точки зрѣнія свобода обученія есть право каждого, но такъ какъ на дѣлѣ эта свобода, гдѣ она существуетъ, во множествѣ случаевъ употребляется на то, чтобы *ничему не учиться*, то нельзя не одобрить нѣкотораго принужденія. Я не желаю входить въ разсужденіе о томъ, кому слѣдуетъ вести школьное дѣло: государству или духовенству; этотъ вопросъ разрѣшается весьма различно, при различныхъ условіяхъ. Но несомнѣнно, что Пруссіи какъ государству, въ которомъ два христіанскія вѣроисповѣданія почти одинаково многочисленны, слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы не увеличивать вражды между ними, а это было бы неизбежно, если бы протестантское духовенство продолжало преподаваніе въ элементарныхъ школахъ. Какъ бы этотъ законъ ни примѣнялся въ дѣйствительности, онъ существуетъ однаю на дѣлѣ и тѣ, противъ которыхъ онъ направленъ, подчинились ему. Однимъ словомъ, въ этой области наступило полное спокойствіе и правительство не встрѣчаетъ нигдѣ сопротивленія. Борьба кипитъ въ другой сферѣ, а именно между епископской и государственной властью. Кто изучалъ исторію, или слѣдилъ просто за совершающимися событіями, тотъ не можетъ не изумляться поразительной организаціи

толической церкви, организаціи, которая помогла ей устоять несмотря на страшные, грозившіе ей существованію кризисы и которая дала ее равносильной государству, располагающему милліонами тьковъ, доходами и имуществомъ своихъ подданныхъ. Кто желаетъ учать дипломатію, тотъ не можетъ найти лучшихъ образцовъ, чѣмъ ты римской государственной канцеляріи, и кто внимательно разсмодитъ переписку епископа Эрмландскаго съ правительствомъ, опубликованную недавно одной газетой, съ ясною цѣлью апеллировать къ общественному мнѣнію, — тотъ хотя и найдетъ, что князь Бисмаркъ надѣется блестящимъ перомъ, но что въ дипломатіи „маленькій Эрмландецъ“ его превзошелъ. Содержаніе этого спора, какъ извѣстно, заключается въ томъ, что епископъ Эрмландскій отлучилъ отъ церкви въ прошломъ году нѣкоего доктора Вольманна, учителя священной сторіи въ лицѣ въ Браунсбергѣ, за то, что тотъ не подчинялся погднимъ ватиканскимъ декретамъ. Правительство нашло, что поступокъ епископа не согласенъ съ законами страны и что епископъ долженъ былъ предварительно получить на то согласіе правительства; епископъ же возражалъ, что отлученіе отъ церкви не распространяется на гражданскую честь отлученнаго. Еще въ первыхъ числахъ іюля правительство порѣшило принять энергическія мѣры противъ непокорнаго епископа. Оффиціозные органы сообщили, что министерство, въ засѣданіи 4-го іюля, рѣшило лишить епископа его доходовъ и запретить ему отправленіе мірскихъ обязанностей. Эти мѣры должны были получить законную силу посредствомъ королевскаго указа, а впоследствии представлены на утвержденіе представителей народа для того, чтобы законнымъ путемъ отстранить договоры съ папскимъ престоломъ относительно компетентности епископовъ, установленные въ двадцатыхъ годахъ. Этотъ вопросъ чрезвычайно сложенъ, потому что весьма трудно провести рѣзкую границу между властью епископа и государственными правами.

Императоръ не одобрилъ министерскаго рѣшенія отъ 4-го іюля и оно до сихъ поръ не приведено въ исполненіе. При нормальномъ ходѣ дѣлъ, въ строго конституціонномъ государствѣ, министры должны бы были подать въ отставку; но въ Пруссіи объ этомъ и не помышляютъ и, дѣйствительно, нѣтъ положительнаго критерія, который бы въ Англіи въ подобномъ случаѣ побудилъ министерство удалиться, а именно нѣтъ положительно заявленнаго, посредствомъ *velo*, несогласія монарха со своимъ министерствомъ. Напротивъ, императоръ вполне раздѣляетъ церковную политику министерства, только серьезно опасается, что католическое населеніе (особенно изъ низшихъ классовъ и въ деревняхъ), питающее безграничное уваженіе къ *церковнымъ князьямъ*, будетъ глубоко оскорблено поступкомъ съ епископомъ. Во всякомъ случаѣ затрудненіе это не устранился и на будущее время,

несмотря на существованіе имперскаго закона, потому что когда-нибудь да придется на основаніи этого закона дѣйствовать противъ непокорныхъ епископовъ. Зло состоитъ въ томъ, что слишкомъ долго снисходительно относилсъ къ возрастающей самостоятельности католической церкви, не подвергая ея бдительному контролю; притомъ католичество находится въ особенномъ возбужденіи. Сила ея ученій выказалась на догматѣ непогрѣшимости, отвергнутомъ большинствомъ высшаго и низшаго духовенства, но которому они тѣмъ не менѣе подчинились; общество и пресса изумительно организованы и многія ультрамонтанскія газеты, называемыя врагами ихъ „іезуитскими газетами“, какъ, напримѣръ, здѣшняя „Germania“, занимающая первое мѣсто между ними, превосходно редактируется, остроумна, готова всегда дать отпоръ и превосходно знакома съ церковнымъ правомъ, чего недостаетъ большинству ея либеральныхъ противниковъ.

Споръ между епископомъ и правительствомъ такъ бы и затихъ, по крайней мѣрѣ на время, но въ настоящемъ мѣсяцѣ предстоитъ юбилей присоединенія восточной Пруссіи къ прусскому государству, который долженъ былъ праздноваться въ Маріенбургѣ закладкою памятника Фридриху Великому, при которой пожелалъ присутствовать императоръ. Епископъ обратился вслѣдствіе этого къ нему съ вопросомъ, въ письмѣ отъ (22) 10-го августа, не имѣется ли препятствій къ его участию въ празднествѣ. Императоръ отвѣчалъ, что онъ охотно приметъ епископа, если тотъ искренно заявитъ, что готовъ подчиняться государственнмъ законамъ въ полномъ ихъ объемѣ. На это послѣдовалъ 24-го августа (5-го сентября) отвѣтъ епископа, въ которомъ онъ заявляетъ слѣдующее:

„.....Завяляю охотно и искренно: 1) что я признаю вполнѣ господство мірской власти въ дѣлахъ *государственныхъ*; 2) что въ этихъ дѣлахъ я не признаю никакого *другого* господства; 3) что, на основаніи этого, я буду вѣрно исполнять возложенную на меня Богомъ обязанность, подчиняясь государственнымъ законамъ въ полномъ ихъ объемѣ. Я произношу это съ тою же искренностью и добросовѣстностью, съ которой признаю, что въ дѣлахъ вѣры и пути къ вѣчному блаженству единственною и неопровержимую нормою для меня служатъ Божіе откровеніе и законъ, и что въ этомъ я одинаково безусловно подчиняюсь откровенію нашего Господа и Спасителя Ісуса Христа и авторитету основанной Имъ и руководимой Его Святимъ Духомъ церкви“.

Одна демократическая газета, которая изъ ненависти къ Пруссіи заигрываетъ иногда съ ультрамонтанами, утверждаетъ, что отвѣтъ епископа вполнѣ удовлетворяетъ тому, чего отъ него требовали. Это очень разсердило прусскія оффиціальныя газеты, а либеральная и независимая пресса почти не коснулась этого важнаго вопроса. Я

также не раздѣляю мнѣнія, что отвѣтъ епископа удовлетворялъ требованіямъ правительства, но, къ несчастью это требованіе было такъ формулировано, что епископъ могъ удовлетворить ему, не связавъ себя нисколько на будущее время. Само собою разумѣется, что епископъ признаетъ господство государства въ государственныхъ дѣлахъ, и другого признанія правительства и не требуетъ, такъ какъ конституція гарантпруетъ свободу религій. Но слѣдовало направить дѣло на другой путь, и бисмарковской дипломатіи принадлежить честь развязки этого затрудненія. Прямая корреспонденція императора съ епископомъ заканчивается вышеупомянутымъ письмомъ, и отвѣтъ на письмо отъ 5-го сентября порученъ канцлеру. Въ этомъ отвѣтѣ Бисмаркъ пишетъ, что онъ совѣтовалъ императору только въ томъ случаѣ принять епископа, если этотъ послѣдній признаетъ, что произведеннымъ имъ отлученіемъ отъ церкви онъ нарушилъ законы страны. На это епископъ не соглашается, объясняя въ письмѣ къ императору, что предложеніе канцлера не согласно съ письмомъ его величества, а въ посланіи къ Бисмарку проситъ у него объясненія. Бисмаркъ объясняетъ, не безъ проиін, что въ виду того, какъ трудно будетъ епископу дать обѣщаніе, которое свяжетъ на будущее время его положеніе относительно правительства, онъ хотѣлъ облегчить ему это тѣмъ, что потребовалъ отъ него признаніе относительно фактовъ прошедшихъ. Конечно, канцлеръ очень хорошо знаетъ, что именно *этого* признанія нельзя ожидать отъ епископа, потому что это было настоящимъ подчиненіемъ государству, отреченіемъ отъ правъ, т.-е. высшей власти церкви надъ всякой земной силой, а этого не желаютъ ни въ Римѣ, не на епископскихъ мѣстахъ въ Германіи. Епископъ Кременцъ не присутствовалъ при празднествѣ; эрмландское духовенство поднесло императору адресъ, который былъ милостно принятъ, и при этомъ высказалъ желаніе (какъ сообщаетъ „*Germania*“), чтобы „печальное столкновение“ поскорѣй окончилось. Это всеобщее желаніе, которое впрочемъ только тогда было бы удовлетворено, если бы дѣло окончилось не вслѣдствіе уступокъ со стороны правительства, а признаніемъ авторитета государства въ спорномъ вопросѣ.

Князь Бисмаркъ дѣятельно употребилъ время, проведенное имъ въ Берлинѣ. Кромѣ дипломатическихъ занятій по поводу свиданія, которыя, относительно Пруссіи, лежали цѣликомъ на немъ, онъ предпринималъ весьма значительныя преобразованія въ дипломатическомъ департаментѣ, а также ознакомился съ положеніемъ дѣлъ, подготовляемыхъ для слѣдующихъ сессій парламента.

Судя по слухамъ, имперскій законодательный локомотивъ; быстрый ходъ котораго горько оплакивается приверженцами старинны и партикуляристами всѣхъ партій, станетъ работать на всѣхъ парахъ. Изъ числа законопросектовъ, которые подготовляются, находится законъ

объ имперскомъ промысловомъ налогѣ, законъ объ имперской печати, законъ объ имперскомъ правѣ сходовъ. Каждый изъ этихъ законовъ является шагомъ впередъ на пути къ болѣе тѣсному объединенію Германіи. Касательно закона о печати носятъ особенно благоприятные слухи: говорятъ, что налоги будутъ отмѣнены (ежедневная газета вносила до сихъ поръ 5000 талеровъ залога, а газета, выходящая три раза въ недѣлю—2500 талеровъ), и что правительство отказывается отъ правъ предварительной конфискаціи, за которое до сихъ поръ крѣпко держалось. Отмѣна залоговъ вызоветъ значительное развитіе маленькой прессы, хотя и теперь въ ней нѣтъ недостатка и ежедневно появляются новыя газетки. Но, вообще, даже консерваторы желаютъ отмѣны залоговъ, потому что это будетъ выгодно также и для ихъ изданій. Консервативная же партія мало-по-малу приходитъ къ тому мнѣнію, что ей не слѣдуетъ полагаться только на симпатію и поддержку правительства, но надо приложить руки къ дѣлу и бороться умственнымъ оружіемъ. Но самымъ важнымъ прогрессомъ будетъ отмѣна права предварительной конфискаціи, которое являлось ужасающимъ средствомъ въ рукахъ правительства или полиціи, при существованіи котораго конституціонная свобода печати становилась призракомъ. (Передъ выпускомъ каждаго нумера газеты слѣдуетъ посылать въ полицію такъ-называемый обязательный экземпляръ. Если полицейская власть находила, что въ газетѣ заключается что-либо противузаконное, то она имѣла право конфисковать газету, прежде чѣмъ она вышла въ свѣтъ. Конечно, судъ принадлежитъ рѣшить затѣмъ, заслуживала газета конфискаціи или нѣтъ. Но до тѣхъ поръ пройдетъ нѣсколько дней, газета, если ее оправдаютъ, потеряетъ всякую цѣну и частое повтореніе подобныхъ случаевъ можетъ совершенно разорить издателя).

Я полагаю, что не только въ настоящее, мирное время въ Германіи не можетъ представлять никакой опасности самая широкая свобода печати, но и вообще нѣкоторая привычка общества къ печати совершенно устраняетъ всякую опасность въ этомъ отношеніи.

Будетъ ли и въ какомъ смыслѣ правительство заниматься социальнымъ вопросомъ—еще неизвѣстно; но соблазнъ долженъ быть великъ, если взять во вниманіе многочисленныя бѣдствія, которыя произошли въ послѣдніе годы отъ слишкомъ либеральнаго экономическаго законодательства. Сами либералы, можно даже сказать, что они первые (я говорю не про всѣхъ, но про такъ-называемыхъ буржуазныхъ либераловъ, которые добились своего и теперь желаютъ мирно насладиться добытыми результатами) желаютъ ограниченія права стачекъ рабочихъ и свободы переселенія. Я не спорю, что свобода стачекъ представляетъ многія непріятныя стороны, но правительство дало ее не разомъ, но постепенно, шагъ за шагомъ. Разъ система полицейскаго

государства, то-есть опеки государства надъ трудомъ, оставлена, то приходится неизбѣжно идти все впередъ по пути свободы. Если же начать ограничивать свободу, то придется переходить отъ одного стѣсненія къ другому. Сто и тысячу разъ при обсужденіи экономическихъ законовъ самые жаркіе ихъ защитники признавали, что они могутъ вызвать также и разнообразное зло, которое придется терпѣливо вынести, и вотъ теперь, когда зло проявилось, этого терпѣнія и не хватаетъ.

По вопросу о квартирахъ сдѣланъ одинъ рѣшительный шагъ. Нѣсколько дней тому назадъ разрушены знаменитые бараки. Только тѣмъ, кто могъ доказать, что припасъ квартиру къ 1-му октября, рѣшено было остаться въ нихъ до этого срока. Тѣ же, у кого нѣтъ другого убѣжища, должны переселиться въ рабочій домъ, изъ котораго съ этой цѣлью переведены его прежніе обитатели: нищіе, бродяги и публичныя женщины. Для меня эта ярость противъ барачковъ не вполне понятна. Само собой разумѣется, что тамъ, гдѣ владѣлецъ не давалъ согласія на занятіе его почвы, онъ можетъ требовать насильственной очистки ея; но если земля арендована, какъ это въ большинствѣ случаевъ и бываетъ, то могли бы оставить въ покоѣ эти поселенія, которыя могли бы постепенно расширяться и украшаться, пока не образовали бы новыхъ городскихъ частей. Многочисленныя строительныя общества, которыя образовались въ нынѣшнемъ году, до сихъ поръ еще ничего не строятъ, а только спекулируютъ, что, конечно, не можетъ облегчить зла, протекающаго отъ недостатка въ квартирахъ, а напротивъ, усиливаетъ его. Практическій путь указалъ Шульце-Деличъ, который перенесъ принципъ ассоціаціи и въ эту сферу. Нѣкоторые финансовыя тузы условились въ послѣднее время доставить капиталы въ распоряженіе истиннымъ и практическимъ друзьямъ народа. Они рѣшились основать общество на акціяхъ, которое бы согласилось удовольствоваться умѣреннымъ процентомъ на затраченный капиталъ. На этотъ капиталъ будутъ покупаться участки земли, и общество будетъ или само застраивать ихъ, или же продавать тѣмъ, кто пожелаетъ построить домъ, и станетъ ссужать деньгами и т. д. Въ одномъ изъ окружныхъ собраній (во многихъ городскихъ округахъ существуютъ подобныя собранія, которыя происходятъ въ опредѣленные сроки и служатъ центрами политическихъ преній) недавно предлагалось, при общемъ одобреніи всѣхъ присутствующихъ, перенести фабрики изъ городовъ, вытѣнить владѣльцамъ участки, на которыхъ онѣ стояли, выстроить жилища для рабочихъ и установить пошлину за право въѣзда въ городъ. Другіе видятъ единственное спасеніе въ развитіи путей сообщенія, и разумѣется, что вліяніе этихъ послѣднихъ могло бы быть весьма полезно, если бы только вообще

все дѣло не ограничивалось одними разговорами, какъ это было до сихъ поръ.

Наконецъ, нельзя не сообщить теперь чего-нибудь о биржѣ, которая съ каждымъ днемъ приобретаетъ все больше и больше значенія. Биржа рассчитывала въ сентябрѣ мѣсяцѣ на значительное повышение, а между тѣмъ, какъ я уже упоминалъ, переноситъ пониженіе, которое наступило непосредственно послѣ свиданія трехъ императоровъ, чуть-было не разразилось катастрофой и до сихъ поръ еще не устраниено. Величайшіе финансовыя знатоки поражены этимъ явленіемъ, равно какъ и многими другими явленіями денежнаго рынка, и не знаютъ, чѣмъ ихъ объяснить. Но однимъ изъ главныхъ факторовъ пониженія является конечно чрезмѣрное развитіе спекуляціи: когда всякій покупаетъ лишь затѣмъ, чтобы немедленно продать съ возможно большимъ барышомъ, то понятно, что курсы должны подвергаться сильнымъ колебаніямъ. Если же положеніе денежнаго рынка вообще натянуто, курсы уже ненормальны, то пониженіе легко принимаетъ опасныя размѣры. Но несомнѣнно, что таково положеніе многихъ бумагъ, и пменно банковыхъ билетовъ, изъ которыхъ, напр., бумаги учетнаго банка еще 10-го сентября стояли 319, 18-го ч. упали до 296, а теперь снова поднялись до 308. Этотъ банкъ далъ въ прошедшемъ году 24 процента дивиденда, и по всей вѣроятности дастъ еще больше въ текущемъ. Но во всякомъ случаѣ такіе доходы ненормальны, потому что въ противномъ случаѣ произошла бы социальная революція, необходимымъ слѣдствіемъ которой явилась бы денежная олигархія съ пауперизмомъ въ видѣ оборотной стороны. Рошерь начерталъ классическую картину подобнаго положенія въ своемъ сочиненіи „Основанія политической экономіи“ (3-е изданіе, стр. 444): „Только разбогачѣй,—кричатъ голодающему бѣдняку,—никакого юридическаго препятствія нѣтъ у тебя на пути, и ты немедленно примешь участіе въ нашемъ положеніи. Здѣсь доводится до крайности однообразіе и централизациа государства, которая для настоящей аристократіи отвратительна. Вмѣсто людей выдвигаются капиталы; вся жизнь зависитъ отъ государства, чтобы господа его, большіе капиталисты, могли вполнѣ владычествовать надъ ней. Устраненіе всякихъ ограниченій въ обращеніи, всякихъ некомерческихъ соображеній о лицахъ и отношеніяхъ расчищаютъ свободный путь для капитала, и наживаются громады состояніи, но почти всегда на счетъ другихъ, будетъ ли то при помощи государственной власти или же помощью спекуляцій на колебанія цѣнностей. Зависимость пролетаріата здѣсь тѣмъ значительнѣе, что благодаря полнѣйшему недостатку въ капиталахъ или земельной собственности, онъ принужденъ постоянно предлагать свои рабочія силы на денежномъ рынкѣ. А кромѣ того еще и потому, что предложеніе идетъ отъ многочисленныхъ массъ, между тѣмъ какъ спросъ

находится въ рукахъ немногихъ лицъ и легко можетъ быть сосредоточенъ по извѣстному плану. При такихъ обстоятельствахъ зараза коммунизма бываетъ велика и грозитъ опасностью для порядка и свободы". Рошеръ конечно имѣлъ въ виду римскую исторію, и въ Германіи дѣла приняты бы иное и не столь ужасающее направленіе, но перевѣсъ легко наживаемаго и въ колоссальныхъ размѣрахъ увеличивающагося богатства, надъ трудной и медленной наживой производительныхъ классовъ населенія (образованнаго класса, государственныхъ чиновниковъ, ремесленниковъ и чернорабочихъ) всегда опасенъ, и дурное нравственное вліяніе его уже замѣтно. Но возвратимся къ биржѣ. Нельзя отрицать, что все зданіе ея, все ея богатство, состоящее изъ бумагъ, опирается на слабomъ фундаментъ, но уроки прошлаго не прошли для нея совершенно безслѣдно и въ сравненіи съ прежними сумасбродными періодами (въ эпоху нидерландской тюльпано-маніи, тюльпанная луковица продавалась за 3000 гульденовъ и дѣло велось почти со всѣми подвохами современной биржи; а во времена Лоу акція нидѣйской компаніи поднялась съ 500 до 8000 франковъ) настоящая биржа является образцомъ разсудительности; но постоянно возвращающійся „процессъ расчистки“, какъ любятъ выражаться биржевые отчеты, при которомъ, удерживая терминологию биржи, бумаги переходятъ изъ „легкихъ рукъ“ въ тяжелыя, есть не что иное въ сущности, какъ принесеніе въ жертву мелкихъ капиталистовъ, съ тѣмъ, чтобы крупныя стали еще крупнѣе. Мелкіе капиталисты и стоящіе за ними частныя лица нужны для того, чтобы помочь вызвать повышеніе, но когда дѣло зайдетъ о продажѣ, то крупныя капиталисты всегда въ состояніи купить и выждать слѣдующаго періода повышенія и вся экономическая система такъ основана, чтобы обезпечить интересы крупныхъ капиталистовъ. Если наступаетъ настоящая катастрофа, то хотя она отзывается на всѣхъ, но на бѣдныхъ сильнѣе чѣмъ на богатыхъ.

Послѣ такихъ нерадостныхъ разсужденій съ удовольствіемъ переносимся въ другую область, болѣе свѣтлую, а именно въ область искусства. Столица германской имперіи представляетъ въ настоящій моментъ довольно обильный матеріалъ для всякаго любителя искусства, благодаря художественной выставкѣ въ академіи искусствъ. Но здѣшняя публика и здѣшняя печать во всякомъ случаѣ слишкомъ sanguinически относятся къ выставкѣ, какъ будто бы она представляла нѣчто выходящее изъ ряду вошъ. На самомъ же дѣлѣ на ней не видать ничего выдающагося, ничего такого, что бы имѣло значеніе для развитія искусства или бы являлось отголоскомъ идей, волнующихъ публику въ настоящую минуту. Чѣмъ настоящая выставка поражаетъ особенно, такъ это обиліемъ матеріала и чрезвычайнымъ совершенствомъ техники. Жертвами критики являются обыкновенно

на художественныхъ выставкахъ такіа картины, въ которыхъ замѣтенъ разладъ между желаніемъ и исполненіемъ. На настоящей выставкѣ можно увидѣть лишь два-три подобныхъ неудачныхъ твореній. Всего богаче, по обыкновенію, отдѣлъ портретовъ и ландшафтовъ. По части портретовъ Густавъ Рихтеръ снова превзошелъ всѣхъ экспонентовъ своей блистательной техникой. Бархатъ, шелкъ и кружева сдѣланы на его портретахъ съ такой поразительной правдой, что каждый приказчикъ сразу оцѣнитъ ихъ достоинство и опредѣлитъ имъ цѣну. Я также конечно удивляюсь этому искусству, но желалъ бы встрѣтить на выставкѣ что-нибудь болѣе безсмертное. Но и другіе портретисты ничего не дали въ этомъ смыслѣ, и если потомство станетъ судить о великихъ людяхъ современной эпохи по ихъ портретамъ и бюстамъ, то не получить къ нимъ особеннаго уваженія. Въ отдѣлѣ ландшафтовъ блещутъ все тѣ же знаменитости, идущія все по той же проторенной дорожкѣ. Одинъ рисуетъ итальянскіе ландшафты съ избыткомъ освѣщенія, другой сѣверные виды съ недостаточнымъ освѣщеніемъ (я обвиняю въ этомъ не художника, но природу, которая, по крайней мѣрѣ для живописцевъ, поступаетъ въ своихъ твореніяхъ не телеологически). Иной изображаетъ морскіе виды съ водой, которая больше напоминаетъ о морской болѣзни, чѣмъ объ освѣжающемъ дѣйствіи морскихъ волнъ, другой—глетчеры и альпійское освѣщеніе, т.-я. *Alpenglühen*, которые также недостижимы для искусства, какъ и море, потому что красота заключается въ чувствѣ безконечности, охватывающемъ человѣка. Жанръ тоже богато представленъ на выставкѣ. Пальма превосходства отдается большею частію картинѣ Кнауса „Погребеніе“, съ которой уже фотографія успѣла снять многочисленные снимки и которая съ истинно возвышенной простотой изображаетъ страшные для человѣка житейскіе контрасты. Сцена происходитъ на дворѣ и въ сѣняхъ крестьянскаго дома. Направо отъ центра картины спускается во дворъ лѣстница крестьянскаго дома. Налѣво задній планъ замыкается боковымъ строеніемъ, съ покрытой снѣгомъ крышей. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ лѣстница примыкаетъ къ нижнему этажу, довольно высоко лежащему надъ землей, она образуетъ небольшія, четырехугольныя, крытыя сѣни, изъ которыхъ ведетъ дверь направо. Два носильщика только-что вынесли узкій гробъ и находятся очевидно въ затрудненіи, какъ пронести его черезъ узкія сѣни и по крутой лѣстницѣ. Впереди гроба спускается съ лѣстницы крестьянинъ, очевидно отецъ покойнаго или покойницы. Такіе крестьяне всегда широко ступаютъ въ жизни, потому что любятъ крѣпко и плотно держаться на ногахъ. Старикъ на картинѣ еще шире обыкновеннаго разставилъ ноги, но, несмотря на его коренастость, колѣни немного дрожатъ у него на томъ тяжеломъ пути, который теперь предстоитъ ему совершить. Внизу посреди двора стоятъ про-

стыя носилки съ чернымъ сукномъ, которыя должны принять гробъ. Направо виднѣется дѣвочка, которая нянчить меньшую дѣвочку, нѣко молодежь, которая съ плѣнемъ должна отнести гробъ на кладбище, а кистеръ или школьный учитель, который ими дирижируетъ, повернулся спиной къ зрителямъ и лицомъ къ лѣстницѣ, чтобы поддержать пошатнувшагося старика. Въ этой картинѣ есть настоящая поэзія и чѣмъ больше на нее смотришь, тѣмъ сильнѣе охватываетъ она своей правдой. Въ ней преобладаютъ двѣ противоположныя черты: чувство и юморъ; но я слишкомъ долго застоялся передъ этой картиной. Нельзя пропустить безъ вниманія картины Рифенштала, который снова изобразилъ процессію монаховъ съ такимъ мастерствомъ, что она можетъ привести въ восторгъ самаго свободномыслящаго человека, и маленькую картинку, имя творца которой я позабылъ и не могу найти въ настоящую минуту въ каталогѣ: маленькая горница, въ которой двое молодыхъ людей сидятъ за столомъ, при свѣтѣ обыкновенной лампы. Одинъ изъ молодыхъ людей куритъ сигару, которая уже такъ докурилась, что едва виднѣется изъ рта. Эффектъ этой картины заключается въ двойномъ свѣтѣ. Лампа и сигара горятъ такъ ярко, что эффектъ выходитъ чисто волшебный. Гильдебрандъ, рисовавшій ярко свѣтящее солнце, умеръ.

Сравнительно мало батальныхъ картинъ. Самую большую изъ нихъ, изображавшую сраженіе при Кёниггрецѣ, постигла та судьба, что она была припрятана на время австрійскаго визита, чтобы не будить непріятныхъ воспоминаній. Вотъ единственное, что въ ней интересно. Кампгаузенъ весьма характерно изобразилъ принцевъ Фридриха-Вильгельма и Фридриха-Карла, одного во время рекогносцировки, другого скачущаго въ галопъ, оба въ сопровожденіи начальниковъ штаба, которыми такимъ образомъ отдана подобающая честь. Блейбтрэ и графъ Гаррахъ увѣковѣчили тотъ моментъ, когда генералъ Рилле, въ вечеръ сраженія подъ Седаномъ, передалъ императору Вильгельму письмо Наполеона. Кромѣ того, война 1870-го года представлена на выставкѣ большой картиной Гюнтена, гдѣ изображена гессенская дивизія на полѣ битвы при Гравелоттѣ, чрезвычайно реальная, технически прекрасно выполненная картина. Подъ конецъ перехожу къ главнымъ произведеніямъ выставки: картинѣ Бендерманна, изображающей какъ уводять іудеевъ въ вавилонское плѣненіе, замѣчательной по богатству мыслей и чистотѣ отдѣлки, но получившей лишь *succès d'estime*, благодаря тому, что композиція не достаточно ярко освѣщена, и картинѣ вышеупомянутаго Густава Рихтера: „Постройка египетскихъ пирамидъ“, которая собственно является магнатомъ выставки. Рихтеръ былъ въ Египтѣ и заимствовалъ богатство красокъ этой страны, и какъ художникъ, извлекаетъ также изъ созерцанія природы и изученія исторіи представленіе о своеобразномъ величіи стараго Египта, царства Фараоновъ.

Но онъ не историческій живописецъ. Кто желаетъ выбрать сюжетъ для картины изъ старинной египетской исторіи, тотъ долженъ былъ бы остановиться на моментъ возмущенія, въ которыхъ не было недостатка, или на моментъ національнаго возбужденія. Но Рихтеръ изображаетъ повседневную жизнь; это можетъ быть весьма интересно для исторіи культуры, для жанра, но это не есть собственно историческая живопись, которая охватываетъ душу зрителя. Глядя на его картину, я готовъ простить королю Жерому, который велѣлъ вырѣзать изъ дорогихъ картинъ Кассельской галереи красныя жемчужныя головки. Я не такъ безчеловѣченъ и не такой варваръ, но желалъ бы вырѣзать изъ картины каждую отдѣльную фигуру, каждый отдѣльный сосудъ, убѣжденный, что въ такомъ случаѣ онъ доставилъ бы мнѣ гораздо больше наслажденія, чѣмъ теперь, когда онъ скученъ на одной картинѣ, которая вслѣдствіе этого поражаетъ своимъ частностями, но въ общемъ и въ цѣломъ оставляетъ зрителя холоднымъ.

Заканчивая это письмо, я вынужденъ еще разъ вернуться къ политикѣ, благодаря послѣднимъ событіямъ, касающимся отношеній Франціи съ Германіей: арестъ Эдмонда Абу и мнимая отставка графа Арнима. Что касается перваго, то здѣшнія власти этому не причастны. Эльзасскія власти просто поступили здѣсь согласно международному праву, по которому подданный данной страны (а г. Абу былъ пѣмецкимъ подданнымъ, потому что еще не высказался за французскую національность), можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности за свои дѣйствія. Поступокъ этотъ пожалуй не былъ ни практичнымъ, ни политически-мудрымъ, потому что конечно не Абу будетъ тѣмъ камнемъ, который пошатнетъ теперешнее господство Германіи въ Эльзасѣ-Лотарингіи; но надо принять также во вниманіе и то, что французы считаютъ для себя *все* позволительнымъ и что маленькій урокъ не бесполезенъ. Извѣстіе, пущенное одной бельгійской газетой о томъ, будто бы графъ Арнимъ подалъ въ отставку, объявлено официальнымъ путемъ за совершенно неосновательное и самъ графъ уже сегодня вернулся къ своему посту. Все дѣло похоже на то, что князь Бисмаркъ, какъ это было уже два раза послѣ заключенія мира, желалъ показать французамъ, что онъ готовъ щадить ихъ національную щекотливость лишь до извѣстныхъ предѣловъ, а затѣмъ готовъ поступить весьма рѣшительно. Такой образъ дѣйствій можетъ, конечно, быть полезенъ въ теченіи пѣкотораго времени, но постоянное обращеніе къ нему, по всей вѣроятности, только усилитъ раздраженіе французовъ и вовсе не обѣщаетъ хорошихъ результатовъ въ смыслѣ прочности мира. Это печально, но все же лучше признать это, чѣмъ ублаживать себя иллюзіями.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ФЛОРЕНЦІИ.

ИТАЛІЯ И ЕЯ ВНЕШНІЯ ОТНОШЕНІЯ.

17-го сентября, 1872 г.

Я хотѣлъ остановиться на нашихъ отношеніяхъ къ Франціи со времени франко-прусской войны, но необходимо, на ряду съ враждебнымъ отношеніемъ французскаго правительства къ нашей странѣ, упомянуть также и о дружескихъ сношеніяхъ, установившихся въ послѣднее время между Италіей и другими европейскими государствами.

Школьный учитель, временно управляющій французской республикой, въ своихъ многочисленныхъ рѣчахъ, которыми онъ желаетъ насадить добрые принципы въ умахъ своихъ подданныхъ, удостоиваетъ во временахъ бросить намъ слово одобренія или по крайней мѣрѣ снисхожденія къ нашимъ поступкамъ и нашему поведенію. Намъ весьма трогаютъ подобныя заявленія, но такъ какъ почтенный президентъ не отрицаетъ въ насъ нѣкоторой дозы провинительности, то скептицизмъ внушаетъ намъ не очень-то довѣрять сладкимъ похваламъ, потому что послѣднія бываютъ зачастую опасны и вредны откровенной брани. Но если рѣчи г. Тьера могутъ порою ввести въ заблужденіе, то поступки его весьма ясно доказываютъ его настоящія чувства. Исторія съ закладкой минъ у прохода Фрежюсъ со стороны Франціи, свидѣлствуетъ о томъ, что господинъ Тьеръ и Франція считаютъ насъ своими врагами. Правда, они говорятъ: въ общей системѣ обороны французскихъ границъ эти мины необходимы. Берега обороняются со стороны Англіи, обороняется линія Эльзасская и Лотарингская со стороны Германіи, Пиренеи—со стороны Испаніи; необходимо также преградить путь черезъ Альпы. Какіе благонамѣренные люди! и что за простодушные планы! Первымъ дѣломъ бросились закладывать мины въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ всегда бы можно было успѣть заложить ихъ въ случаѣ необходимости и гдѣ бы никогда не слѣдовало закладывать ихъ, изъ уваженія къ дѣлу цивилизаціи, которое они намѣрены разрушить. Ничего не значило бы объявить, посредствомъ спеціального договора, этотъ проходъ нейтральнымъ и воспретить въ случаѣ войны сообщеніе этимъ путемъ. Но приходится поневолѣ вывести заключеніе, что главѣ французскаго правительства особенно желательно уничтожить *chef-d'oeuvre* итальянскаго гения и снова изолировать Италію отъ Франціи. Но единственный политическій результатъ, котораго достигъ Тьеръ, это то, что онъ возбудилъ въ Италіи новое неудовольствіе противъ Франціи, которая уже и безъ того подавала достаточно поводовъ быть ею недовольной. Закладка

минъ со стороны Франціи остановилась, потому что итальянская печать подняла громкій и единодушный крикъ и потому, что итальянское правительство, доказавъ Тьеру бесполезность и неосторожность подобной мѣры, пригрозило заложить мины также и со стороны Италіи. Но предположимъ, что мины дѣйствительно были бы заложены со стороны Франціи, и какъ естественная предосторожность—также и со стороны Италіи, къ чему бы это привело? Къ тому, что торговля между Франціей и Италіей, благодаря опасеніямъ, внушаемымъ этими страшными минами, почти прекратилась бы или по меньшей мѣрѣ стала бы обѣгать прохода Фрежюсъ. Вотъ каковы мирныя дѣла Тьера! Вотъ какова его филантропія! А большинство французовъ не только не возмущается подобнымъ образомъ дѣйствій, недостойнымъ и неполитичнымъ, но еще восторгается имъ. Ничто такъ не соблазняетъ французовъ, какъ желаніе дать щелчокъ этой Италіи, которая, какъ они говорятъ, видитъ свою независимость только въ *indépendance du socur*, то-есть въ неблагодарности. Бранить Италію—вотъ удовольствіе, которымъ охотно занимаются французы. Газеты ихъ поддерживаютъ въ нихъ этотъ священный огонь и отрекаясь отъ славы быть потомками Вольтера, гоняются за славой Ламорисьеровъ и Шарреттовъ. Лишь немногія газеты относятся къ намъ прилично; раціональный *Débats* и философичный *Temps* быть можетъ единственные, которыя мягко относятся къ намъ и порою даже защищаютъ насъ. Но въ самой защитѣ ихъ чувствуется неловкость людей, защищающихъ непопулярное дѣло, а вслѣдствіе этой самой неловкости, названныя газеты для умиловленія своихъ французскихъ читателей нѣтъ-нѣтъ, да и отпустить какую-нибудь изящную колкость на нашъ счетъ.

Во время послѣдняго французскаго займа, мы окончательно разсердили нашихъ великодушныхъ сосѣдей. Мы не откленились на ихъ призывъ и не поторопились снести своихъ милліоновъ въ ихъ казначейство. Мы не захотѣли доставить имъ деньги, необходимыя для фабрикаціи новыхъ *Chassepots*, силу которыхъ они станутъ испытывать, какъ *in anima vili*, надъ итальянцами. И вотъ журналы ихъ разукрашены карриатурами, въ которыхъ всѣ другія націи несутъ золото Франціи, а одна Италія, представленная въ одеждѣ разбойника, готовится унести прочь мѣшки съ золотомъ, добытымъ французскою промышленностью. Но французы забываютъ, что французское золото никогда еще не достигало Италіи, между тѣмъ какъ итальянское золото постоянно наводнило Францію. Не считая вторженій французскихъ, со временъ Бренна и по наши дни, французы всегда приходили грабить насъ; справедливо также и то, что французы до сихъ поръ ничего не понимаютъ въ дѣлахъ Италіи, тогда какъ итальянцы довольно хорошо знакомы съ французскими дѣлами и знакомились бы съ ними еще охотнѣе, еслибы французская наглость не удаляла насъ

отъ французскихъ рынковъ. Это можно видѣть, напримѣръ, на книжной торговлѣ. На тысячу книгъ французскихъ, которыя продаются въ Италіи, во Франціи едва ли приходится одна итальянская книга. Правда, что французы не даютъ себѣ труда изучать нашъ языкъ, слишкомъ легкій и слишкомъ бесполезный, чтобы заслуживать изученія. Но фактъ въ томъ, что они его не знаютъ и поэтому не могутъ находить никакого удовольствія въ чтеніи книгъ и газетъ, написанныхъ на языкѣ, котораго они не понимаютъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ выраженій, которыя они любятъ повторять и которыя только можно услышать въ устахъ француза. Такъ, напр.: *il dolce far niente, se non e vero, e ben trovato, lingua toscana in bocca romana* и другія подобныя пошлости.

Нѣтъ ничего мудренаго послѣ этого, что всякая симпатія между Италіей и Франціей заглохла въ настоящую минуту и что ихъ патріотическіе призывы не особенно насъ трогаютъ. Доказательствомъ тому служить полнѣйшее равнодушіе, съ какимъ принято было ихъ приглашеніе содѣйствовать къ возстановленію муниципальной библіотеки въ Страсбургѣ. Вашимъ читателямъ по всей вѣроятности извѣстно это дѣло, но для тѣхъ, кто о немъ не знаетъ, я вкратцѣ изложу его, и напомнимъ о призывѣ, который былъ сдѣланъ Италіи объ основаніи университетской библіотеки и къ которому здѣсь отнеслись съ большой симпатіей. Лишь только въ Германіи распространился печальный слухъ о томъ, что Страсбургская библіотека почти вся погибла отъ пламени, то первое мыслію ученыхъ нѣмцевъ было постараться поправить, хотя частію, эту великую бѣду и надѣлать главный городъ Эльзаса новой библіотекой. Но такъ какъ въ то же самое время правительству пришла похвальная мысль основать въ Страсбургѣ большой нѣмецкій университетъ, то естественно, что родилась идея присоединить библіотеку къ университету, дабы книги не оставались, какъ въ былое время въ Страсбургѣ, мертвымъ капиталомъ. Въ то же самое время прусское правительство назначило сумму въ 600,000 ливровъ муниципальному совѣту, въ видѣ вознагражденія за утрату библіотекъ, съ предложеніемъ, что если такая сумма будетъ истрачена съ образовательными цѣлями, отпустить такую же сумму на новую университетскую библіотеку. Тогда нѣкоторые эльзаскіе патріоты, въ томъ числѣ Рудольфъ Рейссъ, сынъ извѣстнаго богослова Эдуарда Рейсса, попытались подорвать дѣло любителей науки, указывая на бесполезность ихъ усилій, въ виду невозможности замѣнить новѣйшими книгами утрату старинныхъ и единственныхъ экземпляровъ. Но убѣдись въ нераціональности своей оппозиціи и въ симпатіи, съ какою была встрѣчена со стороны ученыхъ мысль о возстановленіи въ Страсбургѣ большой библіотеки, пѣзвѣнили тактику и стали обвинять первыхъ зачинщиковъ этого дѣла въ узурпаціи за то,

что они вздумали присоединить къ университету новую библіотекѣ, тогда какъ погибшая старая библіотека принадлежала только одному городу.

Вслѣдствіе этого они пригласили всѣхъ сочувствующихъ Франціи и Эльзасу, какъ французской провинціи, содѣйствовать возстановленію старинной, свободной, муниципальной библіотеки въ Страсбургѣ, пытаясь, такимъ образомъ, уронить и задержать дѣло первыхъ начинателей, быстро подвигавшееся впередъ. Но тѣмъ не менѣе остается фактомъ, что первая мысль наградить Страсбургъ новой библіотекой родилась не у эльзасцевъ, а у нѣмцевъ; и въ Англіи, говорятъ, успѣли въ нѣсколько мѣсяцевъ собрать болѣе восьми тысячъ томовъ для университетской библіотеки Страсбурга. Въ Италіи подписка началась всего только съ мѣсяцъ, но собрано уже болѣе тысячъ томовъ пестъ надежда, что эта цифра удесатерится, изъ чего легко заключить, какъ мало симпатіи встрѣтилъ у насъ призывъ французовъ къ возстановленію муниципальной библіотеки. Библіотека, которую желаетъ возсоздать страсбургскій муниципалитетъ, будетъ удовлетворять французскій патріотизмъ; для научныхъ же цѣлей, которыя всего важнѣе для ученыхъ, будетъ служить главнымъ образомъ университетская.

Такимъ образомъ, Германія начинаетъ познавать отчасти плоды той симпатіи, которую она намъ выказываетъ. Конечно, мы не такъ наивны, чтобы принимать серьезно всю эту симпатію и считать ее слѣдствіемъ платонической любви, которая возникла между Италіей и Германіей. Мы еще не позабыли своей исторіи и той роли, какую въ ней играли нѣмцы до послѣднихъ лѣтъ; но мы знаемъ также, что если нѣмецъ много притѣснялъ насъ, чѣмъ и возбуждалъ противъ себя ненависть, за то никогда насъ не презиралъ. Какъ скоро причины ненависти между Италіей и Германіей устранены, обѣ націи могутъ любить другъ друга, потому что уважаютъ другъ друга. Иныя совѣтъ чувства питали къ намъ всегда французы. Они конечно усердно хвалили *la beauté du sol, le ciel azuré, l'air embaumé*, этой Италіи *enchanteresse*, по итальянцевъ постоянно оскорбляли. Не имѣя возможности отказать въ титулѣ *braves* пьемонтцамъ, которые слишкомъ хорошо доказали свою храбрость при Сен-Квентенѣ, при *Colle dell'Assietta*, въ сраженіи при Туринѣ въ 1706-мъ г., гдѣ французы были жестоко побиты обитателями *petit pays au pied des Alpes* (какъ окрестилъ Наполеонъ III Пьемонтъ въ одинъ прекрасный день, когда въ немъ разыгрался сильный аппетитъ и ему пришла охота проглотить его), въ сраженіяхъ съ Наполеономъ I и въ войнѣ 1859-го г., когда пьемонтскій солдатъ, руководимый хорошими начальниками, дѣлалъ чудеса храбрости. Но если они умалчиваютъ о пьемонтахъ, то во всѣмъ другимъ итальянцамъ выказываютъ презрѣніе, которое объясняется только ихъ собственнымъ высокомѣріемъ и незнакомствомъ съ

нашими дѣлами или же жалкой завистью. Они не могутъ примириться съ тѣмъ, что молодая Италія, твореніе ихъ собственныхъ рукъ, какъ они это утверждаютъ, начинаетъ распоряжаться собой и своими дѣлами безъ согласія, и несмотря на запрещеніе Франціи. Опекаемый вышелъ изъ-подъ опеки, и это нестерпимо для Франціи. Не будучи въ состояніи помѣшать намъ, она старается унижить насъ, а мы тѣмъ временемъ спокойно идемъ своимъ путемъ. Финансы наши улучшаются, школы размножаются, промышленность процвѣтаетъ, города украшаются и расширяются. Конечно, еще много золъ тяготѣетъ надъ нами, и я менѣе, чѣмъ кто другой, закрываю на это глаза, но нельзя не признать, что въ суммѣ Италія, несмотря на многія препятствія и громадныя жертвы, совершенствуется сравнительно быстрѣе, чѣмъ другія страны; что наши занятія принимаютъ хорошее направленіе, а кредитъ нашъ увеличивается. Французы могутъ пожимать плечами отъ нетерпѣнія, глядя на наши дѣйствія, дерзкія, потому что они не разрѣшены въ Парижѣ или въ Версалѣ. Но тѣмъ хуже для нихъ, если они не понимаютъ, что мы выросли изъ пеленокъ, одарены громадными жизненными силами и надѣемся на великую будущность. Мы не путаемся въ чужія дѣла, и если присматриваемся къ тому, что дѣлается за границей, то лишь затѣмъ, чтобы лучше устроить свои собственные дѣла. Роль нарушителей спокойствія намъ не по сердцу. Мы охотнѣе бываемъ умиротворителями, когда насъ къ этому приглашаютъ. Та роль, которую игралъ недавно въ Женевѣ нашъ графъ Федерико Склописъ, избранный президентомъ третейскаго суда, отъ рѣшенія котораго зависѣло быть миру или войнѣ между Америкой и Англіей изъ-за Элебемскаго вопроса, есть живой примѣръ довѣрія, которое питаютъ за границей и въ особенности въ Англіи къ практическому здравому смыслу итальянскихъ законовѣдовъ. Склописъ одна изъ самыхъ именитыхъ личностей среди пьемонтскихъ патрициевъ. Онъ одинаково успѣшно занимался исторіей и законовѣдѣніемъ, и о познаніяхъ его, какъ по той, такъ и по другой части, свидѣтельствуетъ его *Исторія итальянскаго законодательства* и другія спеціальныя сочиненія, касающіяся итальянской исторіи и юриспруденціи. Онъ былъ министромъ сардинскаго короля, былъ президентомъ итальянскаго сената и принадлежитъ къ числу кавалеровъ высшаго ордена *dell'Annunziata*. По смерти Массимо д'Азеліо нѣтъ другой личности въ Пьемонтѣ, которая бы заслуживала болѣе, чѣмъ графъ Федерико Склописъ, тѣхъ чествованій, какія выпали ему на долю въ Италіи и за границей за счастливый исходъ третейскаго суда въ Женевѣ.

Другія чествованія выпали на долю Италіи въ ученыхъ и университетскихъ собраніяхъ за границей. Таковы: званіе президента и вице-президента, поднесенное на археологическомъ конгрессѣ нашему

археологу, графу Джіованни Гоццадини, и нашему геологу профессору Капеллини; степень почетнаго доктора юридическихъ наукъ, предложенная Гейдельбергскимъ университетомъ нашему юристу Паскуале Сан-Манчини, и въ недавнее время званіе члена-корреспондента Вѣнской академіи наукъ нашему лингвисту профессору Асколи, предпочтительно передъ другими кандидатами въ это почетное званіе. Подобныя заявленія, которыя довольно часты, доказываютъ сами по себѣ, что въ Италіи очень серьезно занимаются наукой и что за границей умѣютъ цѣнить это. Синьоръ Корренти, который, немедленно по выходѣ изъ министерства народнаго просвѣщенія, отправленъ въ качествѣ представителя итальянскаго правительства на петербургскій статистическій конгрессъ, нашелъ нужнымъ прислать телеграмму, въ которой высказываетъ свое удовольствіе отъ торжественнаго приѣма, оказаннаго въ его лицѣ всей Италіи, и отъ великодушнаго русскаго гостепріимства. Всему этому, легко повѣрить, и что касается меня, то я нисколько этому не удивляюсь. Но я однако убѣжденъ, что въ Петербургѣ получили бы еще лучшее понятіе объ Италіи, если бы вмѣсто Корренти, человѣка чрезвычайно талантливаго, но не отличающагося особенно глубокой эрудиціей, былъ посланъ человѣкъ истинной учености, который не только бы умѣлъ красно говорить, но и могъ бы высказать глубокія и полезныя вещи, и который былъ бы лучше подготовленъ къ этому конгрессу, чѣмъ Корренти. Вообще Италія пребываетъ въ совершенномъ невѣдѣніи касательно того, что дѣлается въ Россіи, касательно ея правительства и ея народа, ея языка, литературы и обычаевъ. И уже разумѣется Корренти въ этомъ отношеніи знаетъ не больше перваго попавшагося итальянца; поэтому она не удивляетъ его нѣсколько наивное удивленіе тому, что онъ нашелъ русскихъ далеко не такими, какими они рисуются итальянскому воображенію. Всего болѣе вредятъ русскимъ во мнѣніи иностранцевъ безтактное поведеніе нѣкоторыхъ русскихъ за границей, да еще французскіе публицисты, своими иногда легкомысленными разсужденіями о русской политикѣ относительно Польши.

Что касается меня, то я позволю себѣ высказать одно желаніе и отъ души хотѣлъ бы, чтобы кто-нибудь изъ русскихъ откликнулся на него; я желалъ бы, чтобы вмѣсто безчисленныхъ *Voyages en Russie*, мы могли бы прочесть сочиненіе о Россіи, написанное по-французски русскимъ, и изъ котораго мы могли бы узнать, каковы на самомъ дѣлѣ русскіе и чего можно отъ нихъ ожидать. Такимъ образомъ мнѣ съ знакомствомъ могла бы явиться и симпатія къ Россіи, и въ будущемъ никакому министру иностранныхъ дѣлъ не показалось бы чудовищной мысль о союзѣ съ Россіей, результатомъ котораго могло бы быть рѣшеніе Италіей и Россіей, сообща съ Греціей, восточнаго

вопроса, который въ сущности касается исключительно этихъ трехъ державъ.

Пока радуюсь возможности возвѣщать каждыя три мѣсяца читателей „Вѣстника Европы“, что Италія здравствуетъ. Въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ она кажется особенно оживленной, благодаря различнымъ національнымъ и иностраннымъ конгрессамъ, въ которыхъ она принимаетъ участіе. Конгрессъ типографовъ и книгопродавцевъ въ Венеціи и дидактическая выставка, происходящая въ томъ же городѣ; конгрессъ артистовъ и архитекторовъ въ Миланѣ и большая выставка художественная и античная, которая привлекаетъ въ настоящую минуту столько посѣтителей въ этотъ городъ, о которомъ Викторъ-Эммануилъ, посѣтивъ его нѣсколько дней тому назадъ, предсказалъ, что онъ станетъ въ непродолжительномъ времени прекраснѣйшимъ городомъ Италіи; юридическій конгрессъ, который готовится въ Римѣ, и другіе конгрессы провинціальныя, земледѣльческіе и промышленныя,—всѣ посѣщаемыя многочисленной публикой и оживленные,—доказываютъ довольно хорошо лихорадочную дѣятельность, царствующую въ Италіи. Если послѣдняя и покрыта славными гробницами, то современные итальянцы доказываютъ, что они годятся на что-нибудь получше, чѣмъ роль бесполезныхъ хранителей гробницъ. Всѣ мы стоимъ на часахъ; моряки кричатъ правительству: обратите вниманіе на наши беззащитные берега и займитесь ихъ обороной. Полеи молодыхъ волонтеровъ, которымъ впервые на этихъ дняхъ дѣлалъ смотръ генералъ Рикотти, военный министръ, заслужили похвалы всѣхъ своихъ начальниковъ. Наши инженеры предупреждаютъ правительство объ опасностяхъ, которыя грозятъ въ случаѣ войны, если наши желѣзныя дороги будутъ продолжать управляться французскими компаніями; въ университетскихъ занятіяхъ употребляютъ всѣ усилія, чтобы устранить старыя методы преподаванія и ввести научныя. *Fervet opus!* Итальянцу, послѣ того, какъ онъ въ теченіи долгихъ столѣтій выносилъ иго, нѣсколькихъ лѣтъ будетъ достаточно, чтобы догнать всѣ остальные націи. Рвеніе, съ какимъ нашъ министръ земледѣлія и промышленности старается подготовить Италію съ честью конкурировать на всемірной выставкѣ въ Вѣнѣ, которая откроется въ будущемъ году,—является однимъ изъ лучшихъ свидѣтельствъ нашей настоящей, относительной дѣятельности. 27-го мая этого года назначены королевскимъ декретомъ члены, составляющіе королевскую итальянскую комиссію, которой поручено распоряжаться этой выставкой. А въ настоящее время у меня передъ глазами два тома официальныхъ документовъ, изданныхъ этой комиссіей, за исключеніемъ циркуляровъ, изданныхъ непосредственно министромъ земледѣлія и его главнымъ секретаремъ, которыми промышленники приглашаются представлять свои произведенія, а провинціальныя совѣты и

торговныя палаты назначить наибольшую сумму, какую только возможно, чтобы помочь промышленникамъ принять участіе въ выставкѣ. Можно сказать, что между Италіей и Германіей возникъ родъ миролюбиваго соперничества въ томъ, кто изъ двухъ будетъ играть наилучшую роль на выставкѣ, и надо думать, что наше правительство употребитъ всѣ усилія, чтобы новая Италія была достойно представлена на этомъ торжествѣ. Вотъ какъ выражаетъ свои принципы и цѣли министръ земледѣлія и торговли въ своемъ первомъ циркулярѣ, обращаясь къ префектамъ, президентамъ торговыхъ палатъ, земледѣльческихъ комиссій и земледѣльческихъ и промышленныхъ обществъ королевства: „Въ первый день мая мѣсяца, 1873 г., будетъ открыта всемірная выставка въ Вѣнѣ. Италія, приглашенная въ ней участвовать, обязана показать, что годы, протекшіе со времени установленія политическаго единства, не прошли безплодно для ея экономическаго устройства и что зародыши естественныхъ богатствъ разумно оплодотворяются промышленностью ея обитателей. Наше королевство, основанное только лишь въ 1862-мъ г., еще незнакомое вѣдѣнъ съ своими собственными силами, въ 1867-мъ г., взволнованное недавней войной и внутренними потрясеніями, не могло быть достойно представлено на выставкахъ Лондона и Парижа. Но, въ настоящее время, когда прекратились политическія волненія и возстановленны искусства мирнаго времени даютъ обильные плоды, необходимо, чтобы на всемірной выставкѣ въ Вѣнѣ экономическія силы страны проявились во всей ихъ полнотѣ. Эта выставка заслуживаетъ нашего особеннаго сочувствія. Она открывается въ странѣ, связанной съ нами важнѣйшими коммерческими соображеніями и общими интересами, въ странѣ, болѣе всякой другой способной усилить нашу дѣятельность на Востокѣ, гдѣ еще живы и славны воспоминанія о древней величіи итальянскомъ. Кромѣ того, выставка въ Вѣнѣ представляетъ случай для изученія и улучшенія различныхъ производствъ. Не будучи далеко безплоднымъ собраніемъ предметовъ, она представляетъ собою производительную силу всего міра, предлагая способы ученья и просвѣщеннымъ правительствамъ для рѣшенія, посредствомъ наблюденія фактовъ, многихъ трудныхъ вопросовъ. Правительство, убѣжденное въ важномъ значеніи этого великаго промышленнаго состязанія, не пренебрегало заниматься необходимыми изученіями для того, чтобы страна могла достойно подготовить себя; а въ настоящее время, — когда парламентъ освятилъ законъ, которымъ назначается необходимая сумма, — полагаетъ, что наступилъ моментъ взяться за дѣло. Италія, привыкшая къ различнымъ другимъ выставкамъ, является не новичкомъ на состязаніе, но достоинство ея требуетъ, чтобы она была представлена теперь въ лицѣ лучшихъ своихъ экономическихъ силъ. Необходимо, чтобы изъ безчисленныхъ произведеній и

браны были самыя полезныя, самыя прекрасныя, чтобы, покинувъ великую вѣнскую выставку съ сокровищами прибрѣтенныхъ свѣдѣній, мы могли утѣшать себя мыслью, что оставили послѣ себя нѣкоторые полезные уроки и что такимъ образомъ содѣйствовали взаимному промышленному усовершенствованію и вмѣстѣ съ тѣмъ поддержали собственное достоинство". Слова эти просты и могли послужить къ чести главному секретарю Лунджи Луццатти, который ихъ написалъ, но когда на нихъ откликнется, какъ этого слѣдуетъ надѣяться, вся страна, то эти слова станутъ замѣчательнымъ документомъ. Когда рѣчь правительства исполнена достоинства, то по всей вѣроятности будутъ достойными и дѣла націи. Тѣмъ временемъ заведывающіе различными отдѣлами уже приготовили программы, которыя распредѣляютъ отдѣльныя группы итальянской выставки. Программы довольно обширны, и если будутъ выполнены на половину, то итальянская часть вѣнской выставки можетъ получить большое значеніе. Но главная бѣда заключается въ томъ, что официальные документы обращаются въ рукахъ немногихъ, между тѣмъ какъ выставки устраиваются содѣйствіемъ массы. Центральныя комитеты выбиваются изъ силъ, но онъ не въ состояніи будетъ совершить многого, если въ каждомъ городѣ, въ каждомъ селѣ Италіи не будетъ людей, которые бы принимали близко къ сердцу интересы итальянской выставки въ Вѣнѣ. Значительную долю неуспѣха многихъ предпріятій слѣдуетъ приписать не злонамѣренности, а инерціи. Многіе промышленники, которые не выставляютъ своихъ произведеній охотно, отпустили бы ихъ изъ своихъ лавокъ, если бы кто-нибудь взялся въ цѣлости и сохранности доставить ихъ на выставку и обратно. Этой инерціи въ настоящее время сильно поубавилось въ Италіи, но все еще не настолько, чтобы обезпечить полный успѣхъ намѣреній королевской итальянской комиссіи. Тѣмъ не менѣе, довольствуясь и относительнымъ прогрессомъ, я не сомнѣваюсь, что Италія въ Вѣнѣ представитъ въ блестящемъ свѣтѣ и не только со стороны искусствъ, въ которыхъ едва ли кто можетъ ее превзойти, но и по части промышленности, въ которой она сильно отстала отъ Франціи, Германіи, Бельгіи и Англіи, послѣ того, какъ въ былое время сильно опережала ихъ. Желательно, чтобы настоящій миръ подольше продлился, чтобы Италія могла продолжать преуспѣвать во всѣхъ отношеніяхъ. Въ настоящую минуту она быстрыми шагами идетъ впередъ и вовсе не желаетъ, чтобы ее остановили на ея пути. Любезности, оказываемыя итальянцамъ иностранными государствами (за исключеніемъ Франціи), поощряютъ не гордость, но дѣятельность и промышленность ихъ. Желательно, чтобы Италія сблизилась съ славянскимъ міромъ, подобно тому какъ въ послѣдніе годы она сблизилась съ міромъ германскимъ. Надо также надѣяться, что со временемъ и французы об-

разуматься и дадутъ намъ свободно дышать. Наши иностранные сосѣди до сихъ поръ всегда дрались на нашей почвѣ изъ-за того, чтобы подѣлить между собой награбленную у насъ добычу. Отнынѣ Италія слѣдуетъ сдѣлаться нейтральной почвой, куда бы враги приходили мириться и распивать наше вино въ честномъ весельѣ.

D. G.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ДВѢ ВАРШАВСКІЯ ДИССЕРТАЦІИ.

Русскія народныя пѣсни объ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ. Исслѣдованіе *Петра Вейнберга*. Варшава 1872 г. 134 стр.

Историческій очеркъ древне-скандинавской поэзіи скальдовъ. Сочиненіе *Г. М. Левестамъ*. Варшава 1872 г. 137 стр.

Историческій очеркъ древне-скандинавской поэзіи скальдовъ. Сочиненіе *Г. М. Левестамъ*. Кіевъ 1872 г. 86 стр.

Хотя предъ нами *три* книги, но какъ увидитъ читатель,—на дѣлѣ ихъ только *два*, и замѣчательны онѣ, главнымъ образомъ, своею рѣдкостью, или, лучше сказать, ненаходимостью—обстоятельство мало-объяснимое, по крайней мѣрѣ относительно послѣдней изъ нихъ. *Исслѣдованіе* г. Вейнберга, хотя и предназначено быть диссертацией, какъ видно изъ того, что оно напечатано по опредѣленію совѣта императорскаго варшавскаго университета, но таковая диссертация, сколько намъ извѣстно, еще не защищалась ни въ одномъ изъ русскихъ университетовъ. Понятно, что авторъ могъ попридержатъ ее и не пускать въ продажу до поры до времени; и я самъ познакомился съ ней совершенно случайно, благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ. Но другое дѣло — сочиненіе г. Левестамъ, лежащее передъ нами въ двухъ изданіяхъ, изъ которыхъ на одномъ значится: *Дозволено цензурою. Варшава, 28-го марта 1872 г.*; на другомъ такъ: *По опредѣленію историко-филологическаго факультета университета Св. Владиміра, 30-го марта 1872 г., печатаніе дозволяется*. Что преподаватель варшавскаго университета, какимъ состоитъ г. Левестамъ, защищалъ свою диссертацию въ Кіевѣ — въ этомъ нѣтъ еще ничего особеннаго; но къ чему понадобились въ теченіи двухъ дней (28—30 марта) два изданія книжки, которая, несмотря на свой незначительный объемъ, найдетъ весьма мало читателей—это намъ рѣшительно не въ домѣкъ. Добро-бы эти изданія отличались чѣмъ-нибудь существеннымъ, такъ чтобы одно представлялось улучшеніемъ другого. Но этого

нѣтъ, да и тѣ немногія отличія, какія оказываются между ними, могутъ быть объяснены развѣ вмѣшательствомъ чуда—если не предположить въ одномъ изъ нихъ опечатку, или въ другомъ помѣтку заднимъ числомъ. Вѣдь въ двухъ-дневный срокъ отъ 28-го до 30-го марта не только исправить книгу, но и перепечатать ее трудно. Какъ-бы то ни было, кievская редакція отличается отъ варшавской лишь тѣмъ, что нѣсколько сократила варшавскую: такъ, ею выпущено по страницѣ изъ начала IV и X главъ, причемъ редакторомъ руководили, кажется, болѣе соображенія стилистическія, чѣмъ вопросъ о содержаніи. Сличите, напр., слѣдующія строки, зачеркнутыя имъ въ X-ой главѣ (стр. 88—9 варш. изд.): „Прежде всего необходимо распределить эти матеріалы на два періода: донисторическій и историческій. Въ первомъ изъ нихъ, основную точку повидимому составляетъ Данія, съ принадлежащими ей поэтами (Старводдеръ, Браге Старый и проч.) и поэтическими предметами (совсѣмъ мифическій Фроде, полу-мифическій Рольфъ Краке, мифическо-историческій Рогнаръ Людброкъ и друг.). Второй періодъ, историческій, главнымъ образомъ опирается на исторію Норвегіи и т. д., и въ немъ еще замѣчается декаркаціонная линия, дѣлящая его на двѣ части, одну прежнюю, болѣе поэтическую, и позднѣйшую, менѣе поэтическую“. Вообще кievскій редакторъ болѣе пурпестъ, чѣмъ варшавскій, хотя онъ и не вездѣ вѣренъ себѣ: такъ, онъ пишетъ *скандинавы* вмѣсто *скандинавцы* (стр. 29 варш. изд.); *въроятно* вм. *правдоподобно* (стр. 36); *естественныя* вм. *натуральныя* (стр. 46); *крылья* вм. *крыла* (стр. 65); *тяжливостъ* вм. *галантерейностъ* (стр. 93); *самыя древнѣе* вм. *самыя древнѣйшія* (стр. 21); *однихъ дворянъ* вм. *самыя дворянъ* (23); *несомнѣнный* вм. *не отрицательный* (83); *скандинавская мифологія представляется въ картинахъ* вм. *скандинавскую мифологію составляютъ самыя картины* (стр. 123). Онъ ставитъ вездѣ *Саксона Грамматика* вм. *Саксо Грамматика*, но оставляетъ *Йорнандеса* (стр. 71), *Окситанію* (10) и *Ринго*, латинизированную форму вм. *Ринъ*, *Рина*, какъ на стр. 24: *Инь*, *Ина*. Это впрочемъ относится къ вопросу о транскрипціи древне-сѣверныхъ именъ, употребляемой авторомъ — но объ этомъ ниже. Удивительно, какъ при такой наклонности къ выправкѣ слога, кievскій редакторъ не удалилъ такіа выраженія, какъ *самое важнѣйшее* на первой стран. предисловія; „они (т.-е. герои) считались *Ираклесами*“ (18); *головные черепа* (65); *Бэвильда* улетаетъ *воздушнымъ путемъ* (ib. какимъ же еще?); *живая королевская охота* (124), какъ будто дѣло идетъ о рыбѣ — кievская редакція исправила только: *царственная*. *Дранка* (112) тоже едва-ли можетъ быть употреблено какъ уменьшительное отъ *драна*—родъ пѣсни. Всѣ это тѣмъ болѣе удивительно, что слабость къ красному слогу могла его понудить оставить слѣдующую негѣпость, написанную въ духѣ

самой завзятой романтической школы. Дѣло идетъ о поэзіи среднихъ вѣковъ, которая такъ характеризуется: „Въ романтической поэзіи среднихъ вѣковъ преобладаютъ въ міросозерцаніи не природа и не ясныя картины жизни, а фантазіи, пренебрегающія дѣйствительностію и поднимающія человѣка въ надземныя сферы, гдѣ въ облакахъ носятя феи, въ небѣ представляется Богородица съ сонмомъ ангеловъ и святыхъ. Вѣра тамъ соединяется съ любовью, любовь съ тоскою, наслажденіе переходитъ въ раскаяніе, мысль и чувство наполняются мрачными мечтаніями мистицизма, тщательно пріобрѣтеннымъ спокойствіемъ преданія себя волѣ Божіей и муками раскаянія“. (Стр. 120—1).

Г. Вейнбергъ назвалъ свою книгу изслѣдованіемъ; г. Левестамъ *сочиненіемъ*. Впрочемъ въ данномъ случаѣ одно названіе могло-бы стоять за другое, безъ особаго ущерба дѣлу. Г. Вейнбергъ *изслѣдуетъ* по источникамъ, которыхъ впрочемъ немного, такъ какъ сборники русскихъ пѣсенъ на перечесть—и изъ всего этого выходитъ *сочиненіе*. Г. Левестамъ прямо сочиняетъ, съ любовью предаваясь творчеству: для него матеріалъ безразличенъ, какъ для поэта; онъ цитуетъ въ одну строку (стр. 26) Саксона Грамматика, Понтана и Меурсія—въ родѣ того, напр., какъ еслибы кто-нибудь, ссылаясь на фактъ, приводимый Несторомъ, вслѣдъ за тѣмъ написалъ-бы такъ: а вотъ что мы находимъ у Соловьева или Костомарова. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ воображаетъ себя изслѣдователемъ, предупреждая своихъ критиковъ, что онъ занимался въ берлинской и копенгагенской бібліотекахъ (стр. III предисл.), и требуетъ, чтобы на его трудъ смотрѣли именно съ указанной имъ точки зрѣнія. Я такъ именно понимаю его цитату изъ Питрэ, которая такъ только и получаетъ значеніе. Я привожу ее въ переводѣ, за точность котораго отвѣчаетъ авторъ. Питрэ обращается къ критикамъ: „Думаете ли вы, или можетъ ли подумать какой-либо человѣкъ, что будто-бы тѣ, которыхъ вы такъ норицаете, были убѣждены въ томъ, что произвели что-то очень дурное, а не напротивъ, что ихъ произведенія заключаютъ въ себѣ не мало полезнаго и великаго, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ своему времени? *А если у нихъ было такое убѣжденіе, то отчего же вы смотрите на ихъ сочиненія съ другой точки зрѣнія, нежели съ какой они сами смотрѣли на нихъ?* Что-нибудь произведено въ свѣтъ, теперь или прежде, и вы восклицаете, что тамъ большое количество недостатковъ; конечно и мы въ томъ никогда не сомнѣвались. Но есть ли за этимъ произведеніемъ какая-либо заслуга? Есть ли въ немъ какая-нибудь истина? Толкуется ли тамъ новымъ и живымъ образомъ какая-либо, хотя и старая мысль? Высказывается ли какое-либо новое наблюденіе надъ человѣческимъ сердцемъ? Находится ли тамъ какое-либо прекрасное поэтическое выраженіе? Или, наоборотъ, нѣтъ ли тамъ че-

го-либо вовсе неудачного, до такой степени, что оно уже должно считаться образцем вообще всякой неудачи въ поэтическомъ отношеніи? Вотъ, что преимущественно насъ занимаетъ, ибо критикъ и историкъ литературы долженъ смотрѣть на вещи такъ, какъ онѣ представляются въ дѣйствительности, и судить о нихъ по ихъ особому роду и степени, на которой онѣ находятся“. (стр. 135—6) (?).— Попытаюсь посмотрѣть „на вещи такъ, какъ онѣ находятся въ дѣйствительности“. Какъ бы строгъ ни вышелъ нашъ приговоръ, авторъ напередъ приготовилъ себѣ утѣшеніе: „По нашему убѣжденію, говорить онъ въ заключеніи своей книги, одна только *посредственность* вовсе лишена внутреннего достоинства, хотя, жъ сожалѣнію, она *всегда имѣла и имѣетъ многочисленныхъ приверженцевъ и поклонниковъ*“ (стр. 137).

Мы не хотѣли бы, впрочемъ, чтобы нашъ приговоръ надъ г. Левестамомъ падалъ всецѣло и на г. Вейнберга, его собрата по кафедрѣ. Книжка послѣдняго не приносить ничего новаго, въ ней даже не толкуется новымъ и живымъ образомъ ни одна *старая* мысль — мы припоминаемъ только что приведенную цитату г. Левестамъ. Тѣмъ не менѣе она не бесполезна, какъ первый опытъ монографіи о нашихъ народныхъ историческихъ пѣсняхъ. Другое дѣло—диссертация г. Левестамъ, которому мы желаемъ многочисленныхъ приверженцевъ и поклонниковъ. И г. Вейнбергъ, и г. Левестамъ, очевидно недавно познакомились съ той областью знанія, представителями которой они состоятъ при варшавскомъ университетѣ; понятно, что они еще не успѣли ни овладѣть методомъ изслѣдованія, ни познакомиться порядкомъ съ литературой предмета. Юные научнымъ опытомъ, они поминутно сражаются съ вѣтранными мельницами, воображая себѣ небывалаго противника, несущаго чепуху: противъ него они открываютъ компанію, которая обыкновенно кончается счастливо для нихъ, потому что ничего нѣтъ легче, какъ создать себѣ противника по плечу. Иногда имъ случается дѣлать открытія, давно уже сдѣланныя, высказывать съ глубокомысленнымъ видомъ истины, ставшія аксіомами, и вѣдѣть съ тѣмъ не зная вещей, достаточно извѣстныхъ любому студенту-филологу. Разница въ томъ, что г. Вейнбергъ открываетъ во второй разъ Америку съ очень наивнымъ и отчасти скромнымъ видомъ; между тѣмъ какъ г. Левестамъ далекъ отъ наивности и идетъ смѣло впередъ, ссылаясь на обслѣдованныя имъ сокровища берлинской и копенгагенской библіотекъ. Говоря объ эпическихъ поэмахъ скальдовъ (собственно о старшей Эддѣ) онъ съ видомъ знатока дѣлитъ ихъ на мифическія, героическія и историческія (47—8); если припомнить его „*совсѣмъ мифическою*“ Фроде, „*полумифическою*“ Рольфа Краке и „*мифическо-историческою*“ Рогнара Людброка (sic стр. 89), то это дѣленіе можно бы усложнить до невиданной тонко-

сти отличій. Г. Вейнбергъ также пытается отличить въ нашихъ пѣсняхъ мнѣшескія отъ историческіхъ (стр. 1 и далѣе), иначе, историческую пѣснь отъ чисто-эпической (стр. 75), богатырскій эпосъ отъ эпоса историческаго (стр. 79). Но это отличіе либо онъ самъ себѣ представляетъ неясно, либо оно у него неясно выражено. Онъ только что высказалъ его, какъ беретъ свое слово назадъ: „Русская былина, говоритъ онъ, несмотря на свою *чисто-мнѣшескую основу* и не менѣе мнѣшескія подробности, не можетъ быть рѣзко отдѣлена отъ *исторической пѣсни*, не можетъ быть признаваема за нѣчто, не имѣющее родства съ этою послѣдней,—потому что почти въ каждой изъ этихъ былинъ ясно видно приуроченіе къ извѣстнымъ *историческимъ мѣстностямъ и событіямъ*. Многие изъ богатырей, дѣйствующихъ въ нашихъ былинахъ, дѣйствительно существовали; многія событія дѣйствительно совершались, если не въ такомъ видѣ, какое придаетъ имъ фантазія автора-народа, то все-таки съ нѣкоторымъ сходствомъ въ извѣстныхъ подробностяхъ. Но исторія стоитъ тутъ на второмъ мѣстѣ; историческій фактъ служитъ какъ бы дополненіемъ или, вѣрнѣе сказать, едва замѣтною рамкою, въ которую вставляются образы, не имѣющіе ни малѣйшаго отношенія къ дѣйствительности. Пѣсня историческая построена уже на чисто-исторической основѣ“ п. т. н. (стр. 1 и сл.). Только что передъ этимъ авторъ началъ свой трудъ словами: „Пѣснями объ Иванѣ Грозномъ начинается въ русской народной словесности рядъ тѣхъ пѣсенъ, которыя могутъ быть названы *историческими* въ строгомъ значеніи этого слова“ (стр. 1); а еще выше (стр. IV предисл.) онъ повторилъ то же въ еще болѣе опредѣленныхъ выраженіяхъ. Но и это положеніе авторъ спѣшитъ ограничить слѣдующимъ образомъ: „Говоря, что пѣснями объ Иванѣ Грозномъ *начинается* въ русской народной словесности отдѣлъ чисто-исторической поэзіи, мы имѣемъ въ виду не то, что дѣйствительно было, а то, что дошло до насъ изъ этой поэзіи; что касается до дѣйствительности бывшаго, создававшагося въ этой области, то мы считаемъ невозможнымъ предположить, чтобы творчество историческое было чуждо народу до времёнъ Ивана, чтобы только съ этихъ поръ оно создалось какимъ-то крутымъ поворотомъ отъ эпоса былиннаго“ (стр. 2).

И въ самомъ дѣлѣ: „если напр. такое отдаленное время, какъ княженіе Олега, не осталось чуждымъ для народнаго творчества, записнаго, хотя въ сильно затемненномъ видѣ, нѣкоторыя подробности этого княженія въ былинѣ о Волгѣ,—то не могло это творчество съ равнодушіемъ пройти мимо другихъ, позднѣйшихъ событій, когда историческая жизнь народа развилась уже гораздо полнѣе и когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этихъ событіяхъ и лицахъ, игравшихъ въ нихъ болѣе или менѣе важную роль, было много такого, что давало обильную пищу поэтическому творчеству. Не могли остаться чуждыми для

этого послѣдняго удѣлннн междуусобіа, полный истиннаго, чистонароднаго трагизма, татарское нашествіе, собираніе русской земли Иваномъ Калитою, княженіе Ивана III съ такими событіями, какъ паденіе Великаго Новгорода, уничтоженіе татарскаго владычества, и т. п.“ (стр. 2—3). Авторъ напрасно не припомнилъ при этомъ случаѣ историческое приуроченіе нашихъ былинъ къ именамъ, напр., Владиміра и Добрыни. Историческая струя протягивается такимъ образомъ далеко назадъ въ самую глубь мнѣическаго эпоса; если въ послѣднемъ она менѣе ощутительна для насъ, то это объясняется просто тѣмъ, что эти былины дольше жили въ народѣ и болѣе исказились отъ пересказовъ, отчего пное историческое указаніе стало общимъ мѣстомъ и могло безразлично переходить изъ одной былины, гдѣ оно имѣло фактической смыслъ, въ другую, гдѣ ему и быть не слѣдовало. Наконецъ, время Владиміра и до-Владимірскаго отъ насъ такъ далеко, памятники его настолько бѣдны, что иной, можетъ быть, очень реальный историческій намекъ, заключающійся въ той или другой былинѣ этого цикла, поневолѣ ускользаетъ отъ насъ, мы не въ состояніи его провѣрить, и выносимъ изъ чтенія какое-то смутное впечатлѣніе, которое отличаемъ названіемъ *мнѣическаго* въ противоположность съ *кажущеюся* историческою ясностью послѣдующихъ пѣсень. Но дѣло въ томъ, что если бы, напр., пѣсни о Грозномъ, болѣе близкія къ намъ, прожили въ народѣ еще лѣтъ 200—300 при тѣхъ условіяхъ, при какихъ существовали владиміровскія былины, т. е. при отсутствіи грамотности, быстрыхъ сообщеній и фабричнаго вліянія; еслибы притомъ наша развивающаяся историческая наука при богатствѣ памятниковъ, относящихся до XVI-го в., не давала намъ съ каждымъ днемъ больше возможности раскрыть историческую суть этихъ пѣсень—онѣ поразили бы насъ лѣтъ черезъ 200 такою же загадочностью своего содержанія, какою поражаютъ теперь былины о Владимірѣ и его богатыряхъ. Тутъ, стало быть, разница во времени, а не въ существенномъ отличіи былины отъ исторической пѣсни.

Я только что назвалъ историческую опредѣленность пѣсень объ Иванѣ Грозномъ *кажущеюся*. Доказательство тому представитъ самъ авторъ. На стр. 12—48 онъ собралъ „всѣ отдѣльные эпизоды и событія, воспѣваемые этими пѣснями“, излагая ихъ общими сводами всѣхъ варіантовъ и т. п. (стр. 11). Оказывается, что только въ третьемъ и четвертомъ эпизодахъ, о взятіи Казани и покореніи Сибири (35 — 44), есть историческія черты. Что до перваго (стр. 12 — 21: женитьба Ивана Грознаго и единоборство Кастрюка), то въ немъ ничего нѣтъ историческаго: въ Кастрюкѣ „весьма ясно сквозитъ мнѣическая основа, близко роднящая этотъ эпизодъ съ героическимъ эпосомъ. Кастрюкъ—богатырь, со всѣми атрибутами и признаками эпическаго богатырства“ (15); его единоборство служитъ „видовымъ

неніемъ борьбы русскихъ силъ съ татарскими" (110); „вся пѣсня объ единоборствѣ Кастрюка есть нечто иное, какъ позднѣйшій отголосокъ пѣсенъ о татарщинѣ" (132). Тоже самое можно сказать и о второмъ эпизодѣ (21—34: покушеніе на жизнь сына): самъ авторъ вынужденъ былъ позднѣе признать (51), что онъ „находится съ дѣйствительнымъ историческимъ фактомъ только въ отдаленной связи, какъ-бы вызванъ воспоминаніемъ о немъ". „Никита Романовичъ, одинъ изъ любимыхъ героевъ народнаго эпоса" (стр. 27) спасающій царевича въ указанномъ эпизодѣ, — „человѣкъ обладающій богатырскими, сверхъестественными свойствами" (78); его трудно уложить въ историческую мѣрку, такъ что самъ авторъ колеблется. Трудно рѣшить, говорить онъ, историческій ли это Никита зашелъ въ былинну о Добрынѣ, гдѣ онъ является его отцемъ, или существуетъ онъ въ ней самъ по себѣ? (ib.). „Въ лѣтописяхъ имя его почти не упоминается; по крайней мѣрѣ, онъ не играетъ въ событіяхъ никакой, особо выдающейся, роли. Въ пѣсняхъ, какъ мы видѣли, онъ любимый народный герой. Такимъ образомъ, пѣсня дополняетъ лѣтопись(?), сообщая ея указаніе на характеръ Никиты (!) и на *популярность*, которою онъ пользовался" (121 — 122). Изъ всего этого заключенія можно выбрать развѣ одно положеніе: *о популярности* Никиты Романовича—но эта именно популярность и была причиной, что на него были перенесены „богатырскія, сверхъестественныя свойства" какаго-нибудь старшаго богатыря, и въ этомъ смыслѣ едва ли можно сказать, что здѣсь пѣсня восполняетъ лѣтопись.—Наконецъ въ пятомъ эпизодѣ (44—48: осада Пскова, походъ къ Серпухову и проклятіе Вологдѣ) „пѣсня о походѣ къ Серпухову не имѣетъ значенія ни въ историческомъ, ни въ литературномъ отношеніи и представляется какимъ-то, довольно непонятнымъ, отрывкомъ" (45). Если, тѣмъ не менѣе, по мнѣнію автора, всѣ эти пѣсни могутъ быть отнесены въ разрядъ историческихъ, то почему бы не отнести туда же и пѣсню „съ совершенно сказочнымъ характеромъ, помѣщенную въ III-мъ томѣ Рыбниковаго сборника: о царствѣ подсолнечномъ, царѣ Иванѣ Васильевичѣ и царевичѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ" (стр. 75 — 6), или „прозаическій и чисто легендарнаго свойства рассказъ „отчего на Руси завелась измѣна", въ которомъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является Иванъ Грозный" (стр. 9)—хотя содержаніе его заимствовано изъ Пален.

Въ концѣ своего изслѣдованія г. Вейнбергъ пытается выяснитъ по пѣснямъ, „какъ отнесся народъ къ самой личности царя, какъ отпечатлѣлась въ народномъ творчествѣ эта, во всякомъ случаѣ, необыкновенная фигура" (стр. 127). Какъ ни бѣдны историческими фактами относящіеся сюда пѣсни, попытка автора весьма понятна: вѣдь отъ пѣсни нельзя и ожидать, чтобы она съ точностью сохранила именно факты; она передаетъ обыкновенно лишь впечатлѣніе, про-

изведенное ими на современниковъ, тотъ идеальный образъ, которыми извѣстное происшествіе или героическая личность отразились въ народномъ сознаніи. Вотъ это-то впечатлѣніе и хочеть схватить г. Вейнбергъ, самъ не сознавая того, что онъ едва ли вправѣ сдѣлать это, оставаясь при своемъ исключительномъ взглядѣ на значеніе эпического творчества. Это внутреннее противорѣчіе между основной точкой зрѣнія и послѣдними выводами раскроется изъ слѣдующаго. Мы видѣли, что историческія указанія можно услѣдить въ былинахъ богатырскаго цикла задолго до того времени, когда съ пѣснями объ Иванѣ вышла на свѣтъ пѣснь историческая. Наоборотъ, мифическій эпосъ проникаетъ въ эту послѣднюю, приемами и выраженіями, обуславливая ея складъ, вводя въ нее свои любимые образы, къ которымъ историческія имена приурочиваются чисто внѣшнимъ образомъ. Пыры Владиміра съ неизмѣнной похвалой богатырей повторяются въ пѣрахъ Грознаго, „самый процессъ единоборства Кастрюка весьма сходенъ въ главныхъ подробностяхъ съ единоборствомъ богатырскаго эпоса“ (68). Дальнѣйшихъ примѣровъ подобнаго согласія или совпаденія я приводить не буду: это—черта слишкомъ хорошо извѣстная всякому, кто только заглядывалъ въ какой-нибудь сборникъ народныхъ эпическихъ пѣсней—и я, признаюсь, не понимаю, почему г. Вейнбергъ счелъ нужнымъ посвятить этому предмету стр. 60—74 своего изслѣдованія. Для насъ важнѣе результаты, къ которымъ привело его такое изученіе: „*Вопреки восторженнымъ поклонникамъ народнаго творчества* (какимъ?), мы не можемъ не видѣть въ вышеуказанномъ близкомъ родствѣ (былиннаго эпоса съ историческимъ) извѣстной слабости этого творчества, или, по крайней мѣрѣ, значительнаго ослабленія его по мѣрѣ того, какъ жизнь народа все болѣе и болѣе подвигается впередъ. Мы видѣли, какъ событія, совершенно другъ отъ друга особня, отдѣленные одно отъ другого нѣсколькими столѣтіями, передаются въ совершенно одинаковыхъ выраженіяхъ, рисуются совершенно одинаковыми образами, красками, изображаются съ совершенно одинаковыми подробностями. Мы понимаемъ что можно... усматривать внутреннюю связь, или вѣрнѣе, внутреннее родство между этими событіями... но творчество состоитъ не только въ угадываніи этого внутренняго смысла предмета, дающаго ему пищу; форма, въ которую облекается мысль, чувство, составляетъ важный, существенный элементъ творчества—и чѣмъ слабѣе это послѣднее, тѣмъ слабѣе первая. Если бы писатель, усматривая внутреннее средство между двумя совершенно разнородными событіями, изобразилъ ихъ совершенно одинаковымъ образомъ, повторилъ-бы во второй разъ все то, что далъ ему въ первый разъ его фантазія, его поэтическое чутье—всякій считалъ-бы себя въ правѣ упрекнуть этого писателя въ недостатокъ творчества или въ ослабленіи его. Народъ, творящій пѣсни—тотъ же писатель,—съ тою

только разницей, что его нельзя подводить во всякъ отношеніяхъ нафѣ одинаковыя условія съ единоличнымъ авторомъ-художникомъ; если его творчество, въ смыслъ соединенія внутренняго смысла съ внѣшнимъ выраженіемъ, останавливается на извѣстномъ пунктѣ и только пользуется готовымъ матеріаломъ, — мы имѣемъ положительное право сказать, что пора этого творчества миновала или близится къ концу... Чѣмъ далѣе подвигаемся мы, тѣмъ чаще заимствованія и повторенія, и, слѣдовательно, тѣмъ слабѣе творческое начало. Безъ большой натяжки, безъ упорно-предвзятой мысли невозможно усмотрѣть въ этихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ присутствіе многихъ новыхъ существенныхъ чертъ, такъ что, прочтя, напримѣръ, описаніе одной какой-нибудь битвы, одного какого-нибудь лица, вы почти утвѣрите, что встрѣтите то же самое въ описаніи другой битвы и другого лица, хотя бы совершенно различныхъ отъ первыхъ. Есть пѣсни о поѣздѣ Петра въ Стокгольмъ, въ ней царь ѣдетъ на тридцати корабляхъ, изъ которыхъ первый летитъ какъ соколъ, и изукрашенъ особеннымъ образомъ, — ѣдетъ и приказываетъ матросамъ посмотрѣть „во трубочки подозрныя“, чтобы узнать „далеко-ли до Стевольнова“ (Стокгольма)? И тутъ же напечатана совершенно такая же пѣсня, почти буквально такая же, только вмѣсто тридцати кораблей — тридцать три, а вмѣсто Петра на первомъ кораблѣ сидитъ императоръ Александръ Павловичъ. Спрашиваемъ, въ какой мѣрѣ такіе приемы — а ихъ не мало — свидѣлствуютъ о силѣ народнаго творчества? — Или, напримѣръ, безусловно-восторженные поклонники народной поэзіи восхищаются тѣмъ, что въ пѣсни о Петрѣ перешли во всей неприкосновенности нѣкоторыя мѣста слова о полку Игоревѣ; въ чемъ-же тутъ творчество? Всѣ эти заимствованія, сближенія и т. п. любопытны и, во многихъ случаяхъ, важны какъ характеристика взгляда народа на то или другое событіе, тотъ или другой предметъ, — но они не только не могутъ свидѣлствовать въ пользу силы народнаго творчества, а еще напротивъ того, говорятъ противъ него“ (113—115).

Изъ всего этого мы заключаемъ слѣдующее:

Пѣсни объ Иванѣ Грозномъ — и историческія и не историческія. Выше мы видѣли, что ихъ фактическая достовѣрность совсѣмъ слаба, теперь мы узнаемъ, что и поэтическая недостовѣрна, потому что кто-же поручится, что всѣ эти единоборства и похвалы и описаніе казни не перенесены изъ какой-нибудь древней пѣсни по памяти или забывчивости? А отъ этого могло выходить то, что краски накладывались иногда слабѣе, иногда рѣзче, чѣмъ было надо для выраженія дѣйствительности, потому что эпическое описаніе было разъ навсегда готово. Съ такими матеріалами едва ли возможно выяснитъ себѣ

въ пѣсни даже „характеристику взгляда народа на то или другое событие, тотъ или другой предметъ“.

Что до взгляда автора на народное творчество, то оно обличаетъ весьма слабое знакомство съ положеніемъ этого вопроса въ наукѣ. Я сошлюсь только на его сопоставленіе народнаго творчества съ единоличнымъ; онъ повидимому неясно представляетъ себѣ, какая существенная разница между тѣмъ и другимъ. Однажды онъ попытался указать на эту разницу: народъ,—говоритъ онъ,—нельзя подводить во всѣхъ отношеніяхъ подъ одинаковыя условія съ единоличнымъ авторомъ — и только; какія это отношенія — это и требуется опредѣлить. То, что говорится о бѣдности русскаго эпического творчества, можно бы повторить о всякомъ эпосѣ вообще; это не бѣдность, а его существенная черта: авторъ и здѣсь не могъ отказаться отъ точки зрѣнія личнаго поэта, къ которому приложены совсѣмъ инныя требованія. Необходимо помнить, что когда у народа сложилась впервые эпическая поэзія, это доказываетъ, что *известныя* событія, *известныя* формы дѣйствительности произвели на него особенно глубокое впечатлѣніе, оставили въ его сознаніи *известныя* идеалы—„если это слово, можетъ быть здѣсь у мѣста“, спрашиваетъ себя авторъ (112),—въ его фантазій извѣстные образы, которые отражаются въ его поэзіи столь же опредѣленными выраженіями, какъ первичныя впечатлѣнія въ постоянной формѣ слова. Его міросозерцаніе сложилось въ своихъ основныхъ чертахъ: всякій дальнѣйшій опытъ на историческомъ пути, всякое впечатлѣніе, какое народъ воспринимаетъ позже, будетъ считаться съ основными типами этого міросозерцанія. Оттого народъ и не поетъ о многомъ, что представляется намъ наиболѣе замѣчательнымъ въ его исторіи — и нечего было г. Вейнбергу приходить въ смущеніе (50—58) и объяснять себѣ различными неправдами, почему это народъ не воспѣлъ ни правленіе Елены Глинской съ страшными боярскими смутами и казнями, ни дикія забавы юнаго царя и т. п., и наоборотъ, воспѣлъ многое такое, что кажется намъ лишеннымъ всякаго значенія. На этотъ разъ народъ нашелъ именно то, что приходилось ему именно по сердцу: богатырей подъ стать тѣмъ, которыхъ онъ воспѣвалъ въ былые дни, приключенія и происшествія, напоминавшія ему другія, уже опоэтизированные былиной. Онъ на нихъ и останавливался: новыя лица и событія укладывались сами собою въ готовую рамку, приравниваясь къ своимъ двойникамъ. Это въ цѣломъ; но то же происходитъ и въ частностяхъ: оттого и Иванъ Грозный пируетъ по старинному и какъ Владиміръ, расхаживая „черныя кудри расчесываетъ частымъ гребешкомъ“. Въмѣстѣ съ образами прировнялись другъ къ другу и выраженія и цѣлыя эпическіе обороты. Такимъ образомъ, между мнѣстеческимъ эпосомъ и историческимъ не представляется никакой существенной

граница: разница не существуетъ ни объективно, ни для народнаго сознанія, а только субъективно для насъ, которымъ время Ивана Грознаго и ближе и понятнѣе эпохи, которую мы продолжаемъ называть миѣческой.

Мысли, подобныя высказаннымъ, можно найти и у г. Вейнберга, но онъ едва ли достаточно выяснилъ ихъ себѣ, какъ не выяснилъ отношеній миѣческаго эпоса къ историческому. Онъ понимаетъ ихъ какъ-то механически. Появленіе въ богатырскомъ эпосѣ самого Грознаго и Никиты Романовича, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ (стр. 79—80), *„не смотря на нѣкоторыя, такъ сказать внутреннія причины... все-таки въ большей степени случайное, — послѣдствіе случайнаго совпаденія именъ“*. Еще характернѣе выражень этотъ механическій взглядъ въ слѣдующихъ строкахъ. Онъ касается отношеній исторической пѣсни къ ея легендарнымъ искаженіямъ. „На близкихъ современниковъ даннаго событія, это послѣднее дѣйствуетъ не такъ обяательно-поэтически, какъ на поколѣнія послѣдующія; чѣмъ далѣе событіе, имѣющее героическій характеръ, отодвигается въ область прошедшаго, тѣмъ легендарнѣе становится оно въ глазахъ народа. Историческая пѣсня слагается по горячимъ слѣдамъ событія; поэтому въ нее прежде всего заносится самый фактъ; чѣмъ далѣе отодвигается событіе, чѣмъ болѣе разносится пѣсня, тѣмъ обильнѣе украшаетъ она первый текстъ цѣлтами фантазіи“ (84). Въ примѣръ приводится пѣсня, записанная раньше 1688 г., гдѣ исторія воцаренія Гришки Отрепьева разсказана безъ всякихъ фантастическихъ подробностей и, напротивъ, совершенно вѣрно въ историческомъ отношеніи—и рядомъ другая пѣсня, гдѣ то же самое событіе обставлено уже нѣсколько иначе: Марина обертывается сорокою и вылетаетъ вонъ изъ дворца (84—85). Такимъ образомъ, собственно поэтическая, легендарная часть пѣсни является продуктомъ забвенія или искаженія. Это, можетъ быть, и вѣрно въ извѣстныхъ случаяхъ; но неужели автора не остановила и другая часть вопроса, имъ поднятаго: если народная фантазія дѣйствуетъ такимъ образомъ на фактъ, который авторъ предполагаетъ уже воспринятымъ, то, вѣдь, та же фантазія, богатая образами и поэтическимъ прошлымъ, и восприняла его впервые сквозь свою призму, приравнивавшую новыя воспріятія къ старымъ. Такимъ образомъ, легендарное искаженіе факта должно было совершаться на первыхъ же порахъ, если удержатъ фразеологію автора. Но на наши глаза цѣнность исторической пѣсни и не измѣняется ея вѣрностью лѣтописной дѣйствительности, а именно ея искаженіемъ въ смыслѣ тѣхъ вѣковыхъ идеаловъ, которые задолго передъ тѣмъ овладѣли сознаніемъ народа. Они—мѣрка для всего новаго, прибавляющаго въ жизни; новое содержаніе примыкаетъ къ нимъ по естественному подбору. Это одна изъ существенныхъ сторонъ эпоса, объ-

ясняющая намъ вмѣстѣ съ тѣмъ и отличія народныхъ эпическихъ стилей, русскаго отъ нѣмецкаго, испанскаго и т. д.

Если г. Вейнбергъ не думаетъ остановиться на своемъ трудѣ и будетъ продолжать свои изслѣдованія о русскихъ историческихъ пѣсняхъ, мы пожелаемъ ему предварительно ближайшаго знакомства съ состояніемъ этого вопроса въ наукѣ: съ разработкой средневѣковаго эпоса на Западѣ, съ задачами народной психологіи. Г-ну Левестаму мы не желаемъ ничего подобнаго, хотя самъ онъ общается намъ въ будущемъ новое сочиненіе о слогѣ и внутреннихъ качествахъ, характеризующихъ произведенія поэзіи скальдовъ (стр. 27). И на настоящей его книжкѣ я остановлюсь единственно настолько, насколько надо будетъ, чтобы предупредить русскаго читателя, который, при бѣдности русской литературы именно по этому вопросу, легко можетъ обратиться за справою къ диссертациі г. Левестама. Въ самомъ дѣлѣ: нашъ русскій эпосъ действительно сравнивали съ Эддой, русскую мифологію съ древне-сѣвѣрною; у насъ есть даже цѣлая партія норманистовъ, готовыхъ въ огонь и воду за варяжское происхожденіе Руси — между тѣмъ въ литературѣ у насъ не явилось ни одного сколько-нибудь виднаго труда ни по исторіи, ни по языку скандинавскаго Сѣвера; иные изъ нашихъ норманистовъ его вовсе и не знаютъ, что ихъ, кажется, ничуть не беспокоитъ. Хорошее изслѣдованіе о древне-сѣвѣрной поэзіи было бы въ такихъ обстоятельствахъ какъ нельзя болѣе кстати. Къ сожалѣнію, диссертациія варшавскаго профессора не только не можетъ восполнить этого пробѣла, ее нельзя отнести даже къ числу сносныхъ компиляцій. Нечего было посѣщать библіотеки берлинскую и копенгагенскую, чтобы написать нѣчто такое, послѣ чего статья любого нѣмецкаго *Conversationslexicon's*, а, и даже залежавшаяся, должна показаться зеркаломъ мудрости. Мы указываемъ для начала на перечень сочиненій, представившихъ матеріалъ для изслѣдованія. Такой перечень можно было составить развѣ изъ охоты самообличенія. Авторъ положительно незнакомъ съ современнымъ состояніемъ своей науки, и если въ его росписи забѣжала иная книжка поновѣе, то это надо приписать чисто случайности. Съ трудами Dietrich'a, Möbius'a и Maurer'a онъ незнакомъ; Müller'a, автора извѣстной *Sagabibliothek*, онъ называетъ Paulus Erasmus вмѣсто Petrus E.; онъ цитуетъ Möbius, *Catalogus librorum islandicorum* (не *islandorum*) et *norvegicorum* (не *norvegiensium*) *aetatis mediae*—и не знаетъ ни его изданія Эдды, ни послѣдняго изданія Sophus Bugge (*Christiania* 1867 г.); указываетъ на *Lexicon poëticum linguae septentrionalis* Jon'a Sigurdsson'a, изданный въ прошломъ столѣтіи (*Stockholm*, 1716)—какъ будто изученіе языка на немъ и остановилось. А словари Эгильсона, Йонсона, Fritzner'a, Möbius'a, *Cleasby* и *Vigfusson'a*? Но я подозреваю вѣрность самой цитаты: *Jon Sigurds-*

воп еще живъ, какъ сообщаетъ мнѣ письменно проф. Либрейтъ, в 1716 г. едва ли не опечатка, исправно повторенная и въ киевскомъ изданіи. Не идетъ ли дѣло о какомъ-нибудь другомъ Сигурдсонѣ? Или авторъ не имѣлъ ли въ виду извѣстнаго словаря Björn'a Haldorsson'a, явившагося впрочемъ не въ 1816, а въ 1814 г.? Какъ нецеремонно онъ вообще обходится съ цитатами доказываетъ между прочимъ его наивный промахъ на стр. 50, прим. 70. Въ какой-нибудь книжкѣ ему довелось прочесть ссылку на *Rafn, Ant. Am.* т.-е. *Antiquitates Americanae*. Но этого изданія онъ никогда не видѣлъ, потому что развиваетъ сокращенный титулъ такимъ образомъ: *Anthologia Armoricana*! Такой книги никогда не существовало. Въ числѣ его источниковъ помѣщенъ: Mone, Geschichte des Heidenthums im nördlichen Europa — и нѣтъ миеологии Петерсена. Немудрено послѣ этого, что авторъ даже не задавалъ себѣ вопроса, который интересуется всѣхъ, занимающихся этимъ дѣломъ на Западѣ: какой собственно области принадлежить языкъ, которымъ написаны поэтическія произведенія древне-германскаго Сѣвера? Назвать ли его древне-сѣвернымъ или древне-норвежскимъ, или же исландскимъ? Какой области принадлежить по преимуществу создавшаяся на немъ литература? Maurer задалъ себѣ этотъ вопросъ въ разсужденіи: Ueber die Ausdrücke altnordische, altpogwegische und isländische Sprache, и еще недавно вернулся къ нему съ литературной стороны въ статьѣ, помѣщенной въ Zeitschrift für deutsche Philologie, 1869 (I, 22—28) по поводу собранныхъ сочиненій Кейзера. Г-ну Лавестаму это затрудненіе показалось, вѣроятно, несущественнымъ; онъ обходится съ нимъ также нецеремонно, какъ съ заглавіемъ своего труда. Намъ обѣщаютъ историческій очеркъ древне-скандинавской поэзіи *скальдовъ*, — а почти половина сочиненія занята разборомъ старшей и младшей Эдды. Подъ поэзіей скальдовъ мы привыкли разумѣть нѣчто болѣе опредѣленное. Но это куда ни шло; съ чѣмъ мы не можемъ помириться, такъ это съ тѣмъ, что разборъ пѣсенъ Эдды вышелъ такъ безцвѣтенъ, такъ дѣтски-просто — что не мѣшаетъ автору, утомившему васъ своей постной прозою, утверждать всякій разъ, что онъ извлекъ для васъ самыя дивныя дѣтны поэзіи. Вотъ, напр., какъ передается содержаніе пѣсни о Гельга Гундингсбани: „Сигмундъ, сынъ Вальсунга, женится на Борггильдѣ, съ которою онъ имѣетъ двухъ сыновей, Гельга и Гамунда. При рожденіи Гельга присутствуютъ Норны. Гельгъ отправляется на войну, убиваетъ Гундинга и встрѣчается съ его невѣстою, валькирією Сигруною. Она насильственно обручена съ Годброддомъ, но отыскиваетъ Гельга, который убиваетъ Годбродда и женится на ней. Однакожъ во время сраженія Гельгъ убилъ также братьевъ и друзей Сигруны, изъ которыхъ остался въ живыхъ одинъ Дагъ; богъ Одинъ даетъ ему свое копьё, которымъ Дагъ и убиваетъ Гельга. Умершій Гельгъ воз-

вращается къ холму, гдѣ опять встрѣчается съ Сигруною. *Это одно изъ самыхъ превосходнѣйшихъ изображеній* (!) стр. 66—7.

Чтобы убѣдить насъ въ этомъ, автору слѣдовало бы не столько извлекать содержаніе Эдды, сколько постараться перевести изъ нея возможно болѣе характерныхъ отрывковъ. Вѣдь говорить же онъ о себѣ, что изучилъ древне-скандинавскій языкъ (III предисл.). Близкое знакомство съ его книжкой убѣдило меня, впрочемъ, что онъ даже не усвоилъ себѣ содержаніе Эдды, хотя бы въ переводѣ, а языка и вовсе не знаетъ. На стр. 83—4 онъ передаетъ въ нѣсколькихъ строкахъ сюжетъ Ригсмала; но онъ остался для него настолько неясенъ, что названіе людей—дѣтьми Геймдалля, вполне объяснимое изъ этой саги, прошло для него незамѣченнымъ. Замѣть онъ его, онъ избѣжалъ бы какъ-нибудь, въ переводѣ первой строфы Вѣлюспы (стр. 51), оплошности, которая такъ блистательно доказываетъ незнаніе имъ грамматики того языка, литературу котораго онъ изучаетъ. Онъ переводитъ:

Молчите (воскликаетъ пророчица); слушайте всѣ,
Дѣти святаго рода,
Большія и малыя!
Я дочь Геймдалля.

Пророчица Вола стала такимъ образомъ дочерью Геймдалля и съ этимъ родствомъ перешла даже въ текстъ (50). Но *tögu Heimdallar* значитъ только: *дѣти Геймдалля*, т.-е. люди, къ которымъ и обращено прорицаніе Вола. *Mögu*—вин. пад. мн. числа отъ *mögr*—*filius*, им. множ. числ. *megir*. Что Вола считалась дочерью Геймдалля—этотъ фактъ долженъ быть всецѣло отнесенъ на счетъ фантазій г. Левестама. Ученый мужъ, который вздумалъ бы такъ именно перевести приведенный стихъ Вѣлюспы, самъ себѣ сломаешь шею, пишетъ мнѣ проф. Симрокъ, къ которому я обратился съ вопросомъ по поводу этого неожиданнаго открытія—такъ какъ въ настоящее время у меня нѣтъ подъ руками ни текста Эдды, ни словаря. Вотъ между прочимъ переводъ Симрока:

Allen Edeln
Gebiet ich Andacht,
Hohen und Niedern
Von Heimdalls Geschlecht.

Стоить впрочемъ присмотрѣться къ транскрипціи сѣверныхъ именъ въ книжкѣ г. Левестама, чтобы убѣдиться въ незнаніи имъ языка, о которомъ онъ трактуетъ. Онъ постоянно связанъ своими источниками латинскими или датскими, какіе случатся. Такъ, онъ пишетъ: Ринго вм. Рингъ, Льоке вм. Локи; Нарфе, Скаде, Браге, Гране, Гельге вм. Нарфи и т. д. Эгеръ, Скирнеръ вм. Эгиръ, Скирниръ—Старкоддеръ и т. д. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ позволяетъ себѣ краснорѣчиво распространяться

объ особенностяхъ древне-сѣвернаго языка и его поэтической выразительности. Приведу одинъ примѣръ изъ нѣсколькихъ. „Древне-скандинавское нарѣчіе, пишетъ онъ на стр. 121—2, само весьма способствовало поэзіи, такъ какъ оно изобиловало естественными (?) звуками, и твердость его удачно смягчалась благозвучною смѣсью тоновъ. Сильно звучащія гласныя буквы смѣняются въ немъ такъ, что ни одна не заглушаетъ другой, при чемъ соединяются въ перемежающійся рядъ двугласныхъ, или же связываются съ полугласными, отчего происходитъ извѣстное переломленіе звуковъ (ia-e). Такимъ образомъ, поэтъ можетъ пользоваться полною свободою въ выборѣ нѣсколькихъ однозначащихъ словъ. Правда, что система согласныхъ буквъ сама по себѣ тверда, но если поэтъ захочетъ, то можетъ еѣ смягчить съ помощію плавныхъ буквъ. Почти для каждаго понятія имѣется по нѣскольку словъ съ твердыми, мягкими или плавными согласными буквами. Сверхъ того поэтъ можетъ прибавлять нѣкоторые согласныя буквы или пропускать, или же наконецъ замѣнять ихъ подходящими. Древне-скандинавскій языкъ легко допускаетъ подобныя измѣненія. При томъ грамматическія формы его совершенно полныя и у нѣкоторыхъ изъ нихъ есть даже двойное выраженіе. При огромномъ богатствѣ словъ, синтаксисъ свободенъ и, можетъ быть, болѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ, древнемъ нарѣчій. Такъ какъ это языкъ первоначальный (!), то въ немъ находятся самыя древнія, краткія и сильныя слова, составляющія ядро или основу вообще языка“ (?!).

Опираясь на такую филологическую мудрость, не предполагающую впрочемъ особаго знанія грамматики, г. Левестама не прочь и отъ этимологій. Такъ мы узнаемъ отъ него по поводу разбора Вёлундар-виды, что *Völundr*, *Veland*, *Wieland* будетъ по-французски *galant*, отъ чего происходитъ слово *galanterie*. Едва ли. *Galant* *Völundr* само по себѣ, а прилагательное *galant* относится къ старо-франц. *gale*—роскошь, украшеніе, увеселеніе, довольство, грація и т. п. Ср. Brachet, Dictionnaire étymologique de la langue a francaise: „*Galant*, participe du verbe *galer*, qui dans notre ancienne langue a le sens de se réjouir; *galer* est d'origine germanique et dérive de l'anglo-saxon *gál* (gai, réjouir).“

Впрочемъ, въ Россіи катедра общей литературы, которой въ нѣмецкихъ университетахъ ближе всего отвѣчаетъ катедра романской и германской филологіи, пока лишена строго-филологическаго характера, какъ мнѣ кажется, въ ущербъ дѣлу. На нее приучились смотрѣть какъ на общеобразовательную, да и студенты и профессора слишкомъ мало приготовлены, чтобы отдаться съ пользою специально-филологическому изученію предмета. Съ этой точки зрѣнія можно пожалуй оправдать прорухи г. Левестама и даже посмотреть сквозь пальцы на его наивную цитату изъ Мезрэ (стр. 9). Но за тѣмъ еще

стаются многіе вопросы и подробности, въ которыхъ г. Левестама, какъ историка литературы, извинить невозможно. Я уже не говорю о томъ, что распространяясь о пѣтихъ скальдовъ, объ ихъ искусствѣ пользоваться приемами, о поэтической фразеологіи и метафорахъ кстати: *gungnir* на стр. 130 — не имя сюны бога Одина, а его юшья) — онъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ о такъ-называемой митраціи — а вѣдь разборъ Эдды, мы видѣли, удѣлена значительная часть его книги. — Въ замѣнъ того мы узнаемъ, что „французскихъ мемованныхъ (?) эпическихъ поэмъ, относящихся ко времени ранѣе половины XII-го вѣка, вовсе нѣтъ“ (стр. 16). А легенда о Св. Алексѣѣ, *Chanson de Roland*? Развѣ принципъ ассонанса, господствующій въ древнѣйшихъ *chansons de geste*, не тождественъ съ принципомъ мемы, развившимся изъ нихъ позднѣе? Но авторъ уже остановился на цитатой изъ Герена, гдѣ говорится, что „самая древняя извѣстная поэма этого рода (кромѣ такъ-названныхъ канцонъ), авторомъ которой считается Карлъ ди-Беша (*di Rechad*) (!) изъ Тура, есть пѣснь о завоеваніи Іерусалима, написанная между 1112 и 1130 г.“ (ib.). Это также наивно, какъ и свѣдѣніе, что „менестрели, минестрели во Франціи, пѣвцы и играющіе на цитрахъ, сами считали себя прямыми наслѣдниками бардовъ со скандинавскаго Сѣвера“ (стр. 11)!. Степень незнакомства автора не только съ народной поэзіей, — что было бы необходимо для всякаго занимающагося Эддой — но съ самыми главными фактами литературной исторіи — трудно себѣ представить. Этимъ незнаніемъ я объясняю себѣ, что въ примѣръ стиля *grésieux*, осмѣяннаго Мольеромъ, авторъ не зналъ, откуда лучше подобрать образчикъ, какъ — изъ Ронсара (стр. 133). Но самый краснорѣчивый фактъ я оставилъ для десерта. Г. Левестамъ открылъ на скандинавскомъ Сѣверѣ — *друидовъ*: „Скальды или скальдры принадлежали къ сословію жрецовъ, которыхъ вообще въ языческой Скандинавіи были три рода. Первый классъ составляли *друиды*, какъ называли ихъ иностранцы, или по-скандинавски *diery* (*Diag*) и *дроттенеры*; обязанностью ихъ было исполненіе религіозныхъ обрядовъ и отправленіе суда. Официально они были первыми послѣ королей“ (стр. 1 — 2). „Скальды вообще ставились выше вѣщуновъ и по нѣкоторымъ сказаніямъ выше даже самыхъ *друидовъ*“ (стр. 5). Итакъ, друиды, которыхъ мы до сихъ поръ искали только у кельтовъ, были извѣстны и на скандинавскомъ Сѣверѣ — и наоборотъ скандинавскіе скальды существовали у кельтовъ. „Если бы достовѣрность пѣсней Оссіана не была слишкомъ сомнительна..., мы могли бы утверждать, что воспѣваемый въ пѣснѣ Фингала знаменитый Сниванъ — скальдъ и Старнъ, король Лохлина (что, по географическимъ указаніямъ въ самой пѣснѣ, должно означать Скандинавію или по крайней мѣрѣ Ютландію), также принадлежалъ къ числу скальдовъ“ (стр. 8), что сѣверный

языкъ распространился въ предѣлы съ кельтскимъ населеніемъ — это несомнѣнно. Прежде чѣмъ перейти въ Исландію, норвежскіе выходцы коснулись побережьевъ Ирландіи и Шотландіи, Гебридовъ, Шотландскихъ, Оркнейскихъ и Ферейскихъ острововъ. Иныя скандинавскія имена обличаютъ кельтское происхождение, напр. Njall, Konall, Mael-köfr (Malcolm). Но все это еще ничуть не даетъ повода къ отождествленію, къ которому пришелъ авторъ, отыскивая друцтовъ на почвѣ Скандинавіи. Его трубные звуки о походахъ въ Берлинскую и копенгагенскую библіотеки привели его только къ ломанію ступень.

Читателямъ, знающимъ только русскій языкъ и желающимъ познакомиться сколько-нибудь съ содержаніемъ древне-сѣверной поэзіи, мы серьезно совѣтуемъ избѣгать книжки г. Левестама, и ограничиться тѣмъ немногимъ, что они найдутъ у гг. Буслаева, Грановскаго, Полеваго. Изслѣдованіе г. Левестама не только не могло бы быть принято, какъ диссертация на степень доктора, но не было бы одобрено ни въ одномъ университетѣ, какъ кандидатское сочиненіе.

АЛЕКСАНДРЪ ВЕСЕЛОВСКІЙ.

Статистическій Временникъ Россійской Имперіи. Изданіе Центрального Статистическаго Комитета мин. внутреннихъ дѣлъ. Серія II-я, выпуски: II, III, IV, V, VI и VII. 7 томовъ. Спб. 1872.

Центральный Статистическій Комитетъ, долго молчавшій, съ прошлаго года сталъ заявлять о своей жизни, начавъ вторую серію своего „Статист. Временника“ выпускомъ первымъ, наполненнымъ таблицами населенія Россіи за 1870-й г. и свѣдѣніями объ экономическомъ состояніи городовъ. Въ этотъ выпускъ вошла статья г. Семенова: „Населенность Европейской Россіи въ зависимости отъ причинъ, обуславливающихъ распредѣленіе населенія Имперіи“, весьма хорошая статья по выводамъ, сдѣланнымъ авторомъ изъ массы таблицъ этого выпуска и по тѣмъ научнымъ даннымъ, которыя онъ положилъ въ основу дѣленія Россіи не по административнымъ единицамъ, а по естественнымъ условіямъ. За изданіемъ этого выпуска насталъ новый промежутокъ, въ теченіе котораго печаталась масса новыхъ изданій, которые и вышли въ послѣдніе два-три мѣсяца. Вдругъ появилось шесть выпусковъ „Статистическаго Временника“. Между трудами этими первое мѣсто безспорно принадлежитъ работѣ г. Безобразова: „Государственные доходы Россіи, ихъ классификація, нынѣшнее состояніе и движеніе (1806—1872)“. Трудъ этотъ явился случайно, или по крайней мѣрѣ ему г. Безобразовъ не придавалъ самостоятельнаго значенія; таблица государственныхъ доходовъ должна была служить только ему самому какъ необходимый матеріалъ для предпринятаго имъ из-

лѣдованія финансовъ Россіи. Выписываемъ изъ его предисловія слѣдующія строки, которыми онъ характеризуетъ трудность своей работы: „Чтобъ сдѣлать систематическое обзорѣніе всѣхъ нынѣшнихъ способовъ покрытія государственныхъ расходовъ Россіи, опредѣлить качество и количество разнородныхъ финансовыхъ силъ, заключающихся въ этихъ способахъ, и узнать наконецъ главные характеристическія черты нашихъ финансовыхъ источниковъ, въ сравненіи съ другими государствами, нужно было раздѣлить всѣ получаемые государствомъ доходы на такія группы, въ какихъ они никогда не представляются въ официальныхъ документахъ (не только русскихъ, но и иностранныхъ). Поэтому, чтобы получить суммы доходовъ по всѣмъ этимъ группамъ, разложить и соединить для составленія ихъ официальные цифры, а также чтобы имѣть данныя о многихъ государственныхъ доходахъ, вовсе не показываемыхъ ни въ государственныхъ росписяхъ, ни въ отчетахъ государственнаго контроля (таковы между прочимъ всѣ спеціальныя ресурсы разныхъ вѣдомствъ), невозможно было ограничиться этими послѣдними документами, а необходимо было обратиться къ первоначальнымъ ихъ источникамъ, къ смѣтамъ всѣхъ вѣдомствъ и учреждений, къ разнымъ правительственнымъ работамъ, сюда относящимся, и сверхъ всего этого къ самымъ первымъ рукамъ, т.-е. къ должностнымъ лицамъ, въ распоряженіи которыхъ находятся первоначальныя матеріалы публикуемыхъ правительствомъ свѣдѣній; только путемъ такихъ личныхъ (частныхъ) словесныхъ и письменныхъ сношеній съ этими лицами могли мы собрать всѣ нужныя для нашей цѣли и неопубликованныя въ правительственныхъ изданіяхъ данныя, уяснить разныя стороны уже опубликованныхъ матеріаловъ и выполнить нашу задачу, хотя бы въ той недостаточной мѣрѣ, въ какой мы это сдѣлали. Такимъ образомъ, вопреки первоначальной нашей мысли настоящій трудъ получилъ такое обширное развитіе, что мы рѣшились отпечатать прилагаемую таблицу, не ожидая изданія въ свѣтъ упомянутаго выше сочиненія, для котораго она была предназначена, и въ которомъ будутъ сдѣланы изъ нея общіе выводы относительно нынѣшняго положенія финансовыхъ силъ Россіи. Составленіе одной этой таблицы взяло у насъ около двухъ лѣтъ работы“. Два года работы надъ одною группировкою государственныхъ доходовъ — это много, это даже черезъ-чуръ много, тѣмъ болѣе, что г. Безобразова не преслѣдовала даже масса цифръ, ибо онъ всѣ выводы свои представилъ въ тысячахъ рублей. Между тѣмъ, въ препятствіямъ и трудностямъ, сопровождавшимъ эту работу, г. Безобразовъ возвращается не однажды, какъ бы стараясь убѣдить читателя, что подобный трудъ требуетъ значительныхъ усилій. Онъ говоритъ: „Официальные финансовые документы и изданія всюду подчинены своимъ правиламъ и преслѣдуютъ свои цѣли, весьма далекія отъ

требованій науки, которая однакоже съ своей стороны стремится нигдѣ въ разрѣшенію задачъ, не чуждыхъ къ потребностямъ здоровой практики. Большинству читателей, незнакомыхъ съ характеромъ матеріаловъ, которые мы должны были разработать, поставленная нами задача можетъ показаться весьма простою; между тѣмъ она окружена такими препятствіями, что до сихъ поръ не было еще вполне разрѣшена не только у насъ, но даже ни въ одной иностранной литературѣ. Все это справедливо, но лишь въ извѣстной степени. Живописца трудности, преслѣдовавшія его на каждомъ шагу, г. Безобразовъ упустилъ изъ виду однако матеріалъ, или, лучше сказать, безъ должнаго уваженія отнесся къ одному матеріалу, который въ значительной степени могъ облегчить и, конечно, облегчилъ ему задачу группировки доходовъ не по министерствамъ, а по научнымъ рубрикамъ. Съ одною „Росписью“ въ рукахъ и даже съ „Приложеніемъ“ къ ней трудности лягутъ на всякомъ шагу; но „Отчеты государственнаго контроля“, эти по истинѣ прекрасные труды, ужъ должны были значительно облегчить работу нашему академику; затѣмъ работа эта могла свестись чисто на механическую съ подробными приходо-расходными „Смѣтами“ по разнымъ министерствамъ и департаментамъ. Извѣстно, что государственная роспись слагается изъ смѣтъ разныхъ министерствъ; каждое министерство къ опредѣленному сроку должно представить въ министерство финансовъ и государственный контроль подробную смѣту своихъ расходовъ, мотивируя каждую статью своихъ доходовъ и расходовъ извѣстными законами и высочайшими повелѣніями. Смѣты эти, по необходимости, составляются чрезвычайно подробно и представляютъ драгоцѣннѣйшій матеріалъ для нашихъ финансовъ. И эти смѣты были въ рукахъ у г. Безобразова, ибо безъ нихъ невозможно обойтись въ такой работѣ, какъ классификація доходовъ и расходовъ,

особенности въ классификаціи расходовъ: эта послѣдняя работа, даже съ названными смѣтами передъ глазами, гораздо сложнѣе и затруднительнѣе, чѣмъ работа надъ доходами. Послѣдніе обыкновенно не особенно дробны и при тѣхъ подробныхъ смѣтныхъ мотивахъ, которыми сопровождаются они въ работахъ министерскихъ чиновниковъ, ихъ легко группировать, какъ скоро писатель сдѣлалъ для себя классификацію доходовъ. Ему остается затѣмъ трудъ почти механической и практикованіе ариметическихъ дѣйствій. Подведя итоги, г. Безобразовъ вывелъ процентныя отношенія средняго за пять лѣтъ дохода по каждой рубрикѣ къ итогу государственныхъ доходовъ общихъ и специальныхъ за 1871-й г. и процентное же возрастаніе доходовъ или убыли ихъ за пять лѣтъ. Послѣдняя работа если и не особенно трудна, то во всякомъ случаѣ не труднѣе работы, муки которой изобразилъ г. Безобразовъ въ выписанныхъ нами выше строкахъ. Дѣло въ томъ, что спеціальныя смѣты, о которыхъ г. Безобразовъ говоритъ, что они

«весьма далеки от требований науки», на самом деле вовсе не так далеки от нея уже потому, что они составляются весьма толково и разумительно; а это качество чрезвычайно важно для научных целей, потому что оно указывает на известную степень обработки материала и дает возможность брать этот материал целиком и доверчиво. Если он далек от научных целей, то лишь настолько, насколько далеко от них иногда случайное распределение народного хозяйства между многоразличными ведомствами; но во всяком случае он гораздо ближе к ним, к этим научным целям, чем любой материал, которым пользуется, напр., историк. Последнему приходится определить качество и происхождение каждого материала, его историю, т. е. условия, под которыми он сложился, и затем, помирить множество противоречий и угадать истину. Ничего подобного на долю г. Безобразова не выпадало: сдвигая себя несколько ящиков, он спокойно мог раскладывать по ним готовый и обработанный материал. Чтобы слова наши не могли показаться голословными, возьмем, напр., учебные доходы. В подробной смете по министерству народного просвещения, г. Безобразов легко находил все, что ему было нужно в эту рубрику доходов: суммы, получаемые с частных воспитанников в пансионах при гимназиях, суммы сбора с учащихся за слушание лекций в учебных заведениях и проч. и проч.; но так как учебные заведения разбросаны по разным ведомствам и так как ведомства эти и департаменты этих ведомств очень хорошо известны, то составитель мог брать смету, напр., горного департамента и находил там доходы по горному институту; по смете мин. внутр. дело он легко отыскивал строительное училище, по смете военного мин. военно-учебные заведения, и т. д. Налоги, т. е. самые крупные цифры доходов г. Безобразов мог целиком брать из отчетов госуд. контролера, где ясно указано их качество. Затруднения могли представиться только относительно мелких доходов, но и эти затруднения настолько неважны, что об них следовало не распространяться.

Если мы обращаем внимание на эту сторону работы г. Безобразова, то единственно потому, что мы вообще не можем смотреть дружелюбно на ту живопись, которая не жалует красок для того, чтобы выставить как можно ярче свои заслуги. Г. Безобразов должен был отнестись с уважением к материалу, которым он пользовался, и не столько живописать мнимые трудности своей работы, сколько благодарить те условия, которые дали ему возможность на свободе располагать таким богатым материалом. Кроме того, мы не можем дружелюбно смотреть на некоторые другие страницы предисловия г. Безобразова, на которых он старается изобразить какую-то необычайность своей работы даже в европейской литературе. К чьей

му эти страницы? Къ чему эта постоянная забота о томъ, чтобы читатели не подумали, что его работа очень проста и не головоломна? Каждая работа сама за себя говоритъ, и писатель долженъ ставить свое достоинство выше ненужнаго объясненія съ читателями о трудахъ, имъ понесенныхъ. Затѣмъ, помимо этой дозы ученаго самохвальства, трудъ г. Безобразова имѣетъ несомнѣнные достоинства, какъ довольно удачная попытка группировать государственные доходы наши по научнымъ рубрикамъ.

Естественно, что и въ самой этой классификаціи дѣло не обходится безъ неполноты и натяжекъ, безъ положеній, которыя недостаточно мотивированы. Такъ, напр., г. Безобразовъ относитъ изданія II отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи къ предпріятіямъ промышленнымъ, а всѣ другія, періодическія и не-периодическія officialныя изданія, къ предпріятіямъ, имѣющимъ государственныя дѣла. Это выдѣленіе изданій II отдѣленія не имѣетъ за собою твердыхъ основаній. Въ перечисленіи мелкихъ доходовъ есть неполноты. Говоря, напр., что „весьма крупный сборъ“ по „Правит. Вѣстнику“ не показанъ въ смѣтахъ за 1870-й г., но будетъ показываемъ впредь, согласно постановленію государственнаго совѣта, онъ называетъ сборы по губернскимъ вѣдомостямъ „мелкими“; но эти послѣднія весьма мало разнятся отъ первыхъ: такъ, доходы „Правит. Вѣстника“ за 1869-й г. равнялись 170,089 р., за 1870-й г. — 135,954 р. и за 1871-й годъ — 150,592 р.; доходы губернскихъ вѣдомостей за 1868-й г. — равнялись 147,954 р., за 1869-й г. — 157,869 р., за 1870-й г. — 154,737 рублямъ; они составляли довольно значительную часть въ доходахъ губернскихъ типографій, съ которыхъ получено въ 1868-мъ году — 569,998 р., въ 1869-мъ г. — 592,478 р. и въ 1870-мъ г. — 673,431 р. Вообще доходы по ученымъ, литературнымъ и художественнымъ учрежденіямъ, заведеніямъ и изданіямъ выработаны у г. Безобразова весьма неполно, какъ и доходы по учебнымъ заведеніямъ. Театры и другія заведенія, подвѣдомственные министерству двора, совсѣмъ не вошли въ роспись, составленную г. Безобразовымъ; не вошли въ нее также и учебныя заведенія вѣдомства императрицы Маріи, весьма многочисленныя; г. Безобразовъ говоритъ, что по специальнымъ средствамъ вѣдомства имп. Маріи никакихъ свѣдѣній не имѣется; но нашли же ихъ составители IV тома „Военно-Статистическаго Сборника“.

Всѣхъ доходовъ насчиталъ г. Безобразовъ 521,719,000 р., въ томъ числѣ общихъ 450,949,000 р. и специальныхъ 70,770,000 р. Главнымъ образомъ авторъ принимаетъ три рубрики доходовъ: 1) налоги, 2) государственно-промышленные доходы и 3) посторонніе источники государственнаго бюджета. Затѣмъ налоги онъ подраздѣляетъ на прямыя подати съ лицъ и имущества, косвенныя подати съ предметовъ по-

ребленія и пошлины и вознагражденія за особыя услуги государственныхъ учреждений. Подраздѣленія эти весьма обыкновенны и на- только выработаны финансовою наукою, что думать надъ ними много не приходилось; то же относится и къ другимъ рубрикамъ, но у г. Безобразова можно найти длинное разсужденіе и объ этой трудности обыкновенію лишенное ясности и опредѣленности, какъ почти все исходящее изъ-подъ пера его. Въ процентныхъ отношеніяхъ всѣ исчисленные г. Безобразовымъ сборы распределяются такъ:

Косвенныя подати съ предметовъ потребления . . .	40,3%
Прямая подати съ лицъ	13,9 „
Имущественныя подати	6 „
Пошлинъ за особыя услуги государственныхъ учре- жденій	4 „
Государственно-промышленные и въ тѣсномъ-смы- слѣ (?) промышленные доходы	29 „
Посторонніе источники	1,7 „

Но все это валовые доходы; г. Безобразовъ не сдѣлалъ главнаго въ исчисленіи доходовъ, то-есть не отдѣлилъ чистый доходъ отъ валового; такимъ образомъ у него почтовый доходъ значится въ 8,773,000 руб., тогда какъ на самомъ дѣлѣ почтоваго дохода не существуетъ. Въ заключеніи своей брошюры, г. Безобразовъ привелъ бюджеты земскихъ учреждений, не потрудившись подвести подъ ними общіе итоги и не представивъ никакихъ процентныхъ или другихъ выводовъ. Есть основаніе думать, что въ этой послѣдней таблицѣ г. Безобразовъ такъ торопился, что не вѣрно дѣлалъ сложеніе. Такъ, сборы земскіе у него показаны въ пяти графахъ: 1) съ земель, 2) съ городскихъ недвижныхъ имуществъ, 3) итого съ земель и съ городскихъ недвижныхъ имуществъ, 4) съ торговыхъ свидѣтельствъ и питейныхъ патентовъ и 5) всего. Естественно думать, что послѣдняя графа „всего“ заключаетъ въ себѣ сумму третьей и четвертой графы, а третья графа, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ нѣтъ прибавленія въ первыхъ двухъ графахъ „безъ губерн. сбора“, итогъ двухъ суммъ, заключающихся въ первыхъ двухъ графахъ. Если это дѣйствительно такъ (а если не такъ, то г. Безобразовъ долженъ былъ оговориться), то наше, выше-высказанное предположеніе должно быть справедливо: такъ по Калужской губерніи сборъ съ земель 237,000 р., съ городскихъ недвижныхъ имуществъ 62,000 р. итого 299,000 р., у г. Безобразова—292,000 р.; затѣмъ съ торговыхъ свидѣтельствъ по той же губерніи сбора 53,000 р., а въ графѣ „всего“ стоитъ 644,000 р., тогда какъ $299,000 + 53,000 = 352,000$ р.; подобная же ошибка по Новгородской губ. въ таблицѣ доходовъ, и по Пензенской и Саратовской—въ таблицѣ земскихъ расходовъ. Если читатель можетъ подумать, что мы упоминаемъ о мелочахъ, то г. Безобразовъ этого не можетъ подумать,

ибо онъ очень хорошо знаетъ, что цифра должна быть точна и не должна возбуждать никакихъ недоразумѣній, иначе ею нельзя пользоваться; а такъ какъ она находится въ строю другихъ цифръ, то и эти послѣднія возбуждаютъ недоверіе.

„Матеріалы для статистики заводско-фабричной промышленности въ Европейской Россіи за 1868-й г.“ обработаны г. Боконъ. Это большой томъ почти исключительно сырого матеріала, въ которомъ трудно осмотрѣться; г. Боконъ „обработалъ“ эти матеріалы поверхностно и расположилъ ихъ по системѣ не строго-обдуманной. Только карта, приложенная къ этому выпуску, даетъ нѣкоторую возможность получить наглядное понятіе о промышленности обрабатывающей; говоритъ „нѣкоторую возможность“, ибо карты „Военно-Статистическаго Сборника“ лучше и обстоятельнѣе, а карты г. Тимирязева („Статистическій Атласъ главнѣйшихъ отраслей фабрично-завод. промышленности“, 1 и 2 вып. 1870-го г.) далеко оставляютъ за собою и карты „Военно-Стат. Сборника“ и бѣдную карту, приложенную къ „Временнику“. Извѣстно, что статистика фабричнаго дѣла не только у насъ, но и въ Европѣ только въ зачаткѣ и самое утѣшительное, что находимъ въ „обработкѣ“ г. Боконъ—это слѣдующія слова его: „въ неслыханномъ отдаленномъ будущемъ предстоитъ полная реформа въ Россіи какъ записей по обрабатывающей промышленности, такъ и способовъ собиранія о ней свѣдѣній“. Г. Боконъ, представляя итоги заводско-фабричной промышленности по губерніямъ, не представилъ общихъ итоговъ, находя вѣроятно эту работу слишкомъ утомительной: въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько часовъ пришлось бы посидѣть довольно прилежно. Мы серьезно посовѣтовали бы нѣкоторымъ гг. редакторамъ центрального статистическаго комитета поучиться добросовѣстности и умѣнью распорядиться статистическимъ матеріаломъ у гг. офицеровъ главнаго штаба. Въ самомъ дѣлѣ, сравните, напр., статью „Мануфактурная промышленность“ (стр. 316—436), помѣщенную въ „Военно-Статист. Сборникѣ“, т. IV, съ этой массой сырья, будто бы „обработаннаго“ въ центральномъ статистическомъ комитетѣ г. Боконъ. Тамъ, при недостаткѣ матеріала, собраннаго съ величайшимъ тщаніемъ и кропотливостью отовсюду, вы видите нѣчто стройное, вы присутствуете дѣйствительно при научной „обработкѣ“ матеріала, по системѣ строго обдуманной и наглядно расположенной; тамъ, при всей недостаточности матеріала, читатель получаетъ понятіе о заводско-фабричной промышленности Россіи по всѣмъ отраслямъ; здѣсь, въ этой яко бы „обработкѣ“ спеціальнаго статистика, вы не видите почти ничего, кромѣ первичной работы надъ цифрами и труда наборщика. Все свалено кое-какъ, на всемъ печать той статистики, которая является по шутке вагнера, и, облекая въ званіе статистика человека не приготовленнаго къ тру-

камъ подобнаго рода, даетъ ему право ставить слово: „обработано такимъ-то“...

„Обработано“—слово, въ приложеніи къ научнымъ трудамъ, введенное съ нѣмецкаго. „Bearbeiten“—„обработать“; но bearbeiten гораздо вѣрнѣе переводится словомъ „переработать“, ибо bearbeiten—значить приготовить что-нибудь посредствомъ работы, привести что-нибудь въ надлежащій, потребный видъ; слѣдовательно, дѣйствіе похвальное. Напр., трудъ г. Безобразова о государственныхъ доходахъ—„обработка“ сырого матеріала и обработка въ нѣмецкомъ значеніи этого слова. У насъ же слово „обработать“ означаетъ дѣйствіе не совсѣмъ похвальное, напр. „обработать дѣльцо“, „обработать человѣка“—вовсе не значить устроить какое-нибудь похвальное дѣло или въ какомъ-нибудь отношеніи усовершенствовать человѣка. Почти напротивъ,—обработать что-нибудь и кого-нибудь—значить ловко поступить, провести человѣка, сбыть не совсѣмъ красивую вещь за красивую. Въ этомъ смыслѣ, пожалуй, слово „обработано такимъ-то“ исполнѣ цѣлесообразно и въ приложеніи къ научнымъ трудамъ, и въ особенности къ труду г. Майкова: „Матеріалы для изученія кустарной промышленности и ручнаго труда въ Россіи“. На трудѣ этомъ, составляющемъ выпускъ 2-й, 2-й серіи „Статистическаго Временника“ напечатано: „Собраны (т.-е. матеріалы) губернскими статистическими комитетами и *обработаны* редакторомъ центрального статистическаго комитета Л. Майковымъ“. Въ чемъ же заключалась эта обработка? Что касается перваго тома (будетъ еще второй о той же промышленности), то она почти ни въ чемъ не заключалась, или лучше сказать она заключалась только въ томъ, что „матеріалы“, полученные центральнымъ статист. комитетомъ изъ губернскихъ статист. комитетовъ, посылались въ типографію, придерживаясь алфавитнаго порядка губерній, такъ послѣ Архангельской губ., Вологодская, потомъ Вятская и т. д. Согласитесь, что такая „обработка“ не особенно трудна, и ее въ состояніи совершить всякій мало-мальски грамотный человѣкъ. Г. Майковъ, въ предисловіи къ „Матеріаламъ“, не составляющемъ и 4-хъ страницъ, говоритъ, что въ первый томъ вошли труды губернскихъ статистиковъ, *почти* въ томъ видѣ, въ какомъ были доставлены, т.-е., безъ *значительной* переработки; очевидно, тутъ слово „значительной“ поставлено для красоты слога, ибо немного выше тотъ же г. Майковъ, во-первыхъ, свидѣтельствуетъ, что „изъ числа доставленныхъ матеріаловъ нѣкоторые были присланы въ обработанной формѣ“, а эти нѣкоторые именно тѣ самые, которые между прочимъ вошли въ первый томъ сборника; во-вторыхъ, что „центральный статистическій комитетъ исполнѣ сознаетъ, что печатаемыя имъ обзорнія *не могутъ считаться удовлетворительными*, ни въ статистико-экономическомъ, ни въ техническомъ отношеніяхъ“, что они „не отдѣляютъ

производствъ, вырабатывающихъ на продажу, отъ производствъ, издѣлія которыхъ не распространяются далѣе круга мѣстнаго потребленія“, что, наконецъ, „они смѣшиваютъ кустарное производство съ производствомъ, имѣющимъ характеръ фабричный“. Но вѣдь всѣ эти недостатки печатаемыхъ матеріаловъ именно и представляютъ тѣ элементы, которыхъ должно было коснуться „обработкѣ“; но она ихъ не коснулась „по недостатку времени“, какъ объясняетъ тотъ же г. Майковъ, вставившій для успокоенія читателей, немного ниже, „безъ значительной переработки“. Въ этомъ предисловіи есть вещи еще болѣе курьезныя, еще болѣе недостойныя того, что носить на себѣ печать изданія ученаго. Говоря о томъ, что изъ нѣкоторыхъ губерній „Матеріалы“ получены совершенно въ сырѣмъ видѣ, что они, поэтому, требовали пересмотра и дополненія, г. Майковъ продолжаетъ такъ: „Пособіями и матеріалами для дополненій служили главнымъ образомъ изданія губернскихъ же статистическихъ комитетовъ, также статьи, разбросанныя въ губернскихъ вѣдомостяхъ и *другихъ мѣстныхъ* періодическихъ изданіяхъ, и, наконецъ, *нѣкоторыя* новѣйшія описанія отдѣльныхъ мѣстностей или цѣлыхъ губерній“. Признавъ всякаго порядочнаго научнаго труда заключается прежде всего въ указаніяхъ на литературу предмета, въ указаніяхъ не въ такихъ общихъ выраженіяхъ, какъ „другія“ и „нѣкоторыя“, а въ спискѣ названій сочиненій, въ оцѣнкѣ ихъ. Г. Майковъ нашелъ возможнымъ упомянуть только, что литература кустарной промышленности бѣдна и что, конечно, есть „нѣкоторыя новѣйшія“ (почему же только „новѣйшія“?) описанія губерній, изъ которыхъ можно кое-что извлечь, но какія это описанія—составляетъ тайну г. Майкова. Г. Майковъ не подозреваетъ, что, умалчивая о матеріалахъ, онъ тѣмъ самымъ подрываетъ значеніе изданія своего и является „сочинителемъ“, а не статистикомъ; быть только „редакторомъ Ц. Стат. Комитета“—еще не значить имѣть право на довѣріе; г. Майковъ ровно ничѣмъ такимъ не заявилъ себя въ литературѣ, что давало бы ему право на особенное, безконтрольное довѣріе.

Начиная изданіе „Матеріаловъ для изученія кустарной промышленности“, необходимо было пересмотрѣть всю литературу этого предмета и привести списокъ всѣхъ сочиненій; гдѣ же искать такого перечня частному человѣку, который рѣшился бы заняться этимъ предметомъ, какъ не въ специальномъ изданіи учрежденія, располагающаго массою печатнаго матеріала въ своей библіотекѣ и рукописнаго въ своемъ архивѣ. Или г. Майковъ воображаетъ, что всякое слово „Центр. Стат. Комитета“—законъ, а всякая компіляція „редактора“ этого комитета—совершенство, не требующее повѣрки и пересмотра по источникамъ? У этихъ статистиковъ ex officio есть забавная манера не признавать ничего такого, что не ихъ вѣдомства: есть

тотенный трудъ г. Корсака о кустарной промышленности, едва ли не первая попытка соединить въ одно цѣлое все то, что писано было объ этой промышленности въ разныхъ повременныхъ и неповременныхъ изданіяхъ; ему же принадлежитъ удачная научная постановка вопроса объ этой промышленности въ нашей экономической литературѣ; есть описанія губерній, сдѣланныя по порученію военнаго министерства, описанія, гдѣ на кустарное производство, въ видахъ потребностей военнаго министерства, обращено вниманіе; но все это не ихъ вѣдомства, а потому зачѣмъ объ этомъ упоминать? Гораздо спокойнѣе сваять „нѣкоторыя описанія“ и „бѣдная литература“...

Осуждая эту манеру, не совсѣмъ приличную въ научномъ изданіи, мы, однако, совершенно согласны съ Ц. Стат. Комитетомъ, который „полагалъ не безполезнымъ и своевременнымъ обнародовать собранныя по его иниціативѣ данныя“ о кустарной промышленности. Мы отдаемъ также справедливость г. Пудовикову, сотруднику г. Майкова, который, т.-е. г. Пудовиковъ, компилируя о кустарной промышленности въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, указалъ на нѣсколько источниковъ, въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

„Свѣдѣнія о ви́ншей торговлѣ Россіи и о русскомъ торговомъ флотѣ съ 1865-го по 1869-й годъ“ обработаны тѣмъ же г. Майковымъ. Нѣкоторая степень „обработки“ дѣйствительно есть въ свѣдѣніяхъ о частномъ русскомъ торговомъ флотѣ; но лишь нѣкоторая, не простирающаяся даже до общихъ итоговъ, которыхъ, очевидно, не любить дѣлать нѣкоторые редакторы Ц. Статистическаго Комитета. Состояніе нашего торговаго флота выражается въ слѣдующихъ цифрахъ за 1869-й г.: на Бѣломъ морѣ было 497 судовъ въ 13,174 ластва, на Балтійскомъ 312 судовъ въ 27,196 ластво́въ, на Черномъ и Азовскомъ 1,776 судовъ въ 81,439 ластво́въ и на Каспійскомъ 609 судовъ въ 21,176 ластво́въ, всего 3,197 судовъ въ 142,985 ластво́въ; да изъ этого бѣднаго количества надо еще исключить выбывшія изъ наличности: на Бѣломъ морѣ 6, на Каспійскомъ 3, на Черномъ и Азовскомъ 28, и на Каспійскомъ 11, итого 48. Что касается ви́ншей торговли, то это не обработка, а первичная работа, простая выписка изъ „Видовъ Торговли“ и „Ежегодниковъ“ министерства финансовъ, сдѣланная по той же самой системѣ, которая принята этими изданіями.

Пятый выпускъ „Статистическаго Временника“ содержитъ въ себѣ общій обзоръ почтовой дѣятельности въ имперіи за десять лѣтъ, съ 1857-го по 1866-й годъ по пятилѣтіямъ, общій очеркъ телеграфной дѣятельности съ 1860-го по 1866-й г., свѣдѣнія о ярмаркахъ въ Російской Имперіи и статистику пожаровъ. Интересъ представляютъ только пожары; все остальное крайне старо, въ особенности относительно телеграфовъ; тутъ мы сдѣлали въ нѣсколько лѣтъ громадныя шаги, и свѣдѣнія за 1866-й г. могутъ служить только историческимъ

матеріаломъ. Впрочемъ, все это представлено тщательно и весьма выразительно.

Весьма почтенный трудъ составляютъ „Матеріалы для статистики рѣчнаго судоходства въ Европ. Россіи“, собранные и обработанные г. Звѣринскимъ. Автору предстоялъ трудъ огромный, и онъ выполнилъ его необыкновенно старательно и разумно. Работа его распадается на двѣ части; въ одной общіе выводы изъ матеріала, въ другой — самый матеріалъ. Общіе выводы построены съ тѣмъ умѣньемъ и знаніемъ дѣла, которыя ясно говорятъ вамъ, что авторъ дѣйствительно работалъ надъ своею задачею, а не загребалъ жаръ чужими руками. Самые матеріалы, кромѣ статистики судоходства, представляютъ очень важный географическій матеріалъ о рѣкахъ европейской Россіи; одинъ перечень рубрикъ дастъ понятіе о богатствѣ этого матеріала: названіе рѣки; мѣсто и начало лѣснаго сплава; мѣсто начало и окончаніе рѣчного судоходства; длина рѣки; ширина ея; глубина; высота уровня водъ надъ моремъ; среднее паденіе на версту; направленіе судоходства; періодъ судоходства; связь съ другими морскими бассейнами; пороги, мели, перевалы и другія естественныя препятствія; шлюзы, плотины, обводные каналы и различныя гидротехническія сооруженія. Затѣмъ слѣдуетъ: „Вскрытіе и замерзаніе рѣкъ Евр. Россіи въ 1859 — 1869 годахъ“; потомъ подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія о судахъ и судоходствѣ. Трудъ г. Звѣринскаго не только имѣетъ большое значеніе въ географической и статистической литературѣ, но онъ отвѣчаетъ и чисто практическимъ, насущнымъ цѣлямъ для всѣхъ тѣхъ, кто занимается рѣчнымъ судоходствомъ, конечно при томъ условіи, если свѣдѣнія, сообщаемыя имъ, вѣрны.

ИЗВѢСТІЯ.

I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Засѣданіе комитета 31-го іюля 1872 года.

1. Выдано писателю, находящемуся въ бѣдности, 30 р.

2. Выдано 40 р. писателю, оставшемуся за прекращеніемъ одного журнала безъ работы.

3. Отклонены ходатайства: а) трехъ лицъ о пособіи, такъ какъ просители не удовлетворяютъ условіямъ, при существованіи которыхъ выдаются пособія отъ Общества, и б) одного лица о ссудѣ, такъ какъ никто изъ членовъ Комитета не принялъ на себя ручательства въ вѣрности возвращенія ссуды.

Отчетъ по казначейской части за май.

Къ 1-му маю значилось на приходѣ 63,140 р. 60 к., въ расходѣ 5,262 р. 10 коп.; итого на лицо 58,148 р. 50 коп.

Въ теченіи мая вновь поступило 668 руб., израсходовано 1,392 р., въ остаткѣ на лицо къ 1 іюня 57,424 руб. 50 коп. Статьи прихода: годовыхъ взносовъ отъ 21 члена Общества—250 р., единовременныхъ (пожизненныхъ) взносовъ отъ 4 членовъ общества—400 р., пожертвовано: г. Андреяновымъ—8 руб., неизвѣстнымъ 10 руб. Статьи расхода: на пенсіи 8 лицамъ или семействамъ—552 р., единовременно выдано 12-ти лицамъ 685 руб., на воспитаніе издержано 155 руб.

Въ кассѣ на лицо: процентными бумагами 53,140 р., на текущемъ счету 4,199 р. 50 к.; наличными деньгами въ казначействѣ 85 руб. Всего 57,424 р. 50 к.

Списокъ членовъ Общества, внесшихъ платежи въ кассу въ теченіи мая 1872 г.

За 1872 годъ: Барчъ, И. М.—10 руб.; Жемчужниковъ, В. М. 10 р.; Кондратьевъ, Г. П.—10 р.; Креницынъ, А. В.—10 р.; Суцовъ, Н. Н.—10 р.; Зыковъ, С. П.—10 р.; Половцовъ, В. А.—10 р.; Пешуровъ, М. А.—10 р.; Сальковъ, А. Н.—10 р.; Розенблюмъ, М. К.—20 р.; Пуштинъ, Н. И.—25 р.; Свальковский, К. А.—10 р.; Посытъ К. Н.—10.; Неклюдовъ, Н. А.—10 р.; Коршъ, Е. Ѳ.—10 р.; Колбасинъ, Е. Я.—10.; Лугининъ, Ѳ. Н.—10 р.; Третьяковъ, П. М. 25 р.; Басистовъ, П. Е. 10 р.; Гарткевичъ, К. М.—10 р.; Львова, княжна Е. В.—10 р. Пожизненно: Потѣхинъ П. А., Золотаревъ А. Г., Урусовъ князь А. И., и Жадимеровскій М. И.—каждый по 100 руб.

Засѣданіе комитета 14-го августа 1872 года.

1. Отклонены ходатайства: двухъ лицъ о пособіи, такъ какъ просители не удовлетворяютъ условіямъ, при которыхъ выдаются посо-

бія, и одного лица о ссудѣ, потому что никто изъ членовъ комитета не принялъ на себя ручательства за возвращеніе ссуды.

2. Выдано 50 рублей вдовѣ писателя, находящейся въ бѣдности.

3. Выдано 40 рублей писателю въ пособіе на изданіе его сочиненія.

4. Выдано 25 рублей писателю на уплату сдѣланнаго имъ долга.

5. Выслано въ канцелярію совѣта с.-петербургскаго женскаго Патриотическаго Общества 49 руб. 69 коп. за содержаніе въ школѣ воспитанницы общества.

II. ПОДПИСКА НА ПАМЯТНИКЪ ПУШКИНА.

(Отъ высочайше утвержденнаго комитета *).

А. За время съ открытія, въ апрѣлѣ 1871 г., дѣйствій комитета по 1-е апрѣля текущаго года поступило 31,414 р. 91 к.

Затѣмъ въ теченіи апрѣля доставлено:

а) наличными деньгами 626 р. 81 к.

б) квитанціями главнаго, губернскихъ и уѣздныхъ казначействъ 1,358 р. 66½ к.

1.985 р. 47½ к.

Итого . . 33.400 р. 38½ к.

По подпискѣ 1860 года, прежде собрано и находится въ государственномъ банкѣ съ процентами 18,254 р. —

Всего по 1-е мая 1872 года . . . 51,654 р. 38½ к.

По сборнымъ книжкамъ въ апрѣлѣ поступило:

Отъ ярославскаго губернскаго воинскаго начальника 25 р. 36 к., отъ управляющаго люблинскою контрольною палатою 15 р., отъ директора училищъ Олонецкой губерніи 43 р. 35 к., отъ управляющаго тверскою контрольною палатою 3 р., отъ управляющаго казенною палатою и акцизными сборами Нижегородской губерніи 520 р. 77 коп., въ томъ числѣ: отъ Семена Ипатова 10 руб., отъ З. Любимова 10 р. и отъ А. М. Богословскаго 10 р.; отъ управляющаго ростовскою конторою государственнаго банка 266 руб., въ томъ числѣ: отъ Яновича 10 р.; отъ ректора харьковскаго университета 44 р. 14 к., въ томъ числѣ отъ В. Кочетова 10 р. Отъ М. Л. Королева 100 р., въ томъ числѣ: отъ М. Королева 50 р., отъ А. В. Андреева 10 р., отъ И. Л. Королева 10 р. Отъ управляющаго сѣдлецкою казенною палатою 42 р. 39½ к., отъ управляющаго владимірскою контрольною палатою 3 р., отъ олонецкаго губернатора 68 р. 96½ к. Отъ начальника Псковской губерніи 110 р., въ томъ числѣ: отъ М. Коханова 10 р. Отъ управляющаго сарapulьскою удѣльною конторою 14 р., отъ управляющаго таврическою казенною палатою 149 р. 97 к., отъ начальника калишскаго таможеннаго округа 132 р. 40½ к., отъ Х. Х. Мейена 198 р. 27 к. (въ числѣ этихъ денегъ, а также въ числѣ 1,000 р., доставленныхъ г. Мейеномъ до 1-го апрѣля 1872 г. и показанныхъ въ прежнихъ отчетахъ, закладываются пожертвованія: отъ Пахомова 20 р., отъ Вах-

*) См. вѣше: іюнь, 907 стр.

герчика 30 р., отъ К. Конверъ 20 р., отъ Патрикѣева 10 р., отъ Д. Мартынова 25 р., отъ Елисеѣва 25 руб., отъ М. Ратькова-Рожнова 25 р., отъ г. Марка 100 р., отъ Ангель 25 р., отъ М. Оедосѣева 10 р., отъ В. Линда 10 р., отъ Я. С. Полякова 100 р., отъ Б. Лившицъ 13 р., отъ Вольчанинова 10 р., отъ Рыбинскаго 10 р., отъ Мерсицесъ 10 р., отъ Горнова 10 р., отъ Шостакаъ 10 р., отъ Таскина 10 р., отъ Знаменскаго 10 р., отъ Шнѣзъ 10 р., отъ Е. Ф. Келлеръ 26 р. 55 коп., отъ Д. Ф. Кобеко 147 р. 85 к., въ томъ числѣ: отъ Г. К. Рѣпинскаго 10 р., отъ Д. Ф. К. 25 р., отъ костромскаго губернатора 45 р. 95 коп., въ томъ числѣ отъ В. Доргобужина 25 р., отъ директора училищъ нижегородской губерніи 23 р. 55 к.

Кромѣ сего, помимо сборныхъ книжекъ, при особомъ объявленіи доставлено отъ командира 114 пѣхотнаго Новоторжскаго полка 4 р. 95 к. Итого 1,985 р. 47½ к.; всего по 1-ое мая 1872-го года собрано 51,654 р. 38½ к.

За время съ открытія въ апрѣлѣ 1871-го года дѣйствій комитета по 1-е мая текущаго года поступило: 33,400 р. 38½ к.

Затѣмъ въ теченіи мая и іюня доставлено:

	Руб.	К.		Руб.	К.
а) наличными деньгами.	1,520	64			
б) квитанціями главнаго, губернскихъ и уѣздныхъ казначействъ.	2,443	61¼		3,964	25¼
Итого.				37,364	63¾
По подпискѣ 1860-го года, прежде собрано и находятся въ государственномъ банкѣ съ процентами .				18,254	—
Всего по 1 іюля 1872 г.				55,618	63¾

А. По сборнымъ книжкамъ въ май и іюні поступило:

Отъ управляющаго олонекскою казенною палатою 18 р. 19 к., отъ саратовскаго губернскаго предводителя дворянства 35 р. 60 к., въ томъ числѣ: отъ неизвѣстнаго 10 р. и отъ М. М. Рославлева 15 р.; отъ управляющаго казанскою казенною палатою 74 р., въ томъ числѣ: отъ П. Платова 10 р., отъ Н. Шайкина 10 р., отъ неизвѣстнаго 10 р., отъ директора училищъ Калужской губерніи 73 р. 12 к., отъ управляющаго валужскою казенною палатою 144 р. 58 к., въ томъ числѣ: отъ Евг. Кудрявцева 10 р., отъ А. П. Заблоцкаго 62 р., въ томъ числѣ: отъ Заблоцкаго-Десятовскаго 10 р., и отъ Н. И. Погребова 25 р.; отъ директора института сельскаго хозяйства и лѣсоводства 15 р., отъ управляющаго акцизными сборами Вятской губерніи 18 р., отъ управляющаго сарапульскою удѣльною конторою 10 р., отъ пермскаго губернатора 18 р. 49 к., отъ М. Н. Островскаго 25 р., въ томъ числѣ: отъ М. Островскаго 10 р.; отъ М. Н. Любошинскаго 115 р., въ томъ числѣ: отъ Безакаъ 10 р., отъ Шидловскаго 10 р., отъ Катера 10 р., отъ Абазы 25 р. отъ Н. Бенардаки 25 р., отъ К. Домантовича 10 р.; отъ Любошинскаго 10 р., отъ Серебрянаго 15 р., отъ А. Ф. Ромберга 13 р., отъ Е. Ф. Гана 50 р., въ томъ числѣ: отъ сенатора Н. А. Гернгросса 25 р., отъ А. Крузенштерна 34 р., въ томъ числѣ отъ Крузен-

штерна 10 р., отъ управляющаго акцизными сборами Костромской губерніи 164 р. 60 к., въ томъ числѣ: отъ К. Шидловскаго 10 р., отъ М. Доливо-Добровольскаго 10 р., отъ кн. Л. Вяземскаго 10 руб.; отъ инспектора классовъ с.-петербургскаго екатерининскаго училища 36 р. 30 к., отъ управляющаго государственными имуществами Смоленской губерніи 18 р. 50 к., отъ Н. И. Лаубе 28 р. 65 к. *), отъ В. Е. Энгельгардта 75 руб., въ томъ числѣ: отъ В. В. Жуковского 10 руб. и отъ Малкиеля 25 руб., отъ управляющаго государственными имуществами С.-Петербургской губерніи 26 р., отъ управляющаго вельскою удѣльною конторою 31 р. 50 к., въ томъ числѣ: отъ Н. Осипова 10 р.; отъ А. Д. Шумахера 140 р., въ томъ числѣ: отъ А. Шумахера 25 р.; отъ директора горнаго департамента 7 р. 20 к., отъ тамбовскаго губернскаго предводителя дворянства 50 р., отъ К. Д. Бенардаки 228 р., въ томъ числѣ: отъ барона А. Врангеля 25 р., отъ Н. Карапи 10 р., отъ И. Ивонникова 10 р., отъ Шликина 10 р., отъ Н. Бенардаки 15 р., отъ К. Бенардаки 25 р.; отъ Салтыкова 10 р., отъ Кугинскаго 15 руб., отъ неизвѣстнаго 15 р., отъ Сафонова 15 р., отъ Н. П. Худякова 10 р., отъ Е. А. Строганова 15 р., отъ неизвѣстнаго 10 р., отъ А. Миrowsка 10 р., отъ А. О. Нумерса 125 р., въ томъ числѣ: отъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Екатерины Михайловны 100 р., отъ А. О. Нумерса 15 р.; отъ дѣвицъ В. и Н. О. 10 р., отъ инспектора рязанской прогимназіи 14 р. 60 к., отъ директора молодецкннской учительской семинаріи 33 р., отъ директора училищъ Смоленской губерніи 124 руб. 46 коп., въ томъ числѣ: отъ П. Якимова 10 р.; отъ управляющаго акцизными сборами Восточной Сибири 107 р. 34 1/4 к., отъ управляющаго лифляндскою казенною палатою 34 р. 70 к., въ томъ числѣ: отъ В. Грейга 10 р.; отъ управляющаго государственными имуществами Тамбовской губерніи 31 р. 85 к., отъ калызинскаго уѣднаго предводителя дворянства 20 р. 55 к., отъ псковскаго городского головы 15 р., въ томъ числѣ отъ П. Калашникова 10 р.; отъ управляющаго акцизными сборами Варшавской и Сѣдлецкой губерній 25 р., въ томъ числѣ: отъ Семенова 20 р., отъ барона А. А. Гревеница 50 р.; отъ директора виленскаго раввинскаго училища 11 р. 48 к., отъ саратовскаго губернатора 52 р., въ томъ числѣ: отъ Х. Готовицкаго 10 р. и отъ Д. Лукашевича 10 р.; отъ вице-директора горнаго департамента 8 р., отъ управляющаго акцизными сборами Курской губерніи 404 р. 50 к., отъ костромскаго губернскаго воинскаго начальника 16 р. 87 к., отъ тульскаго губернатора 54 р., въ томъ числѣ: отъ Ю. К. Арсенъева 25 р. и отъ неизвѣстнаго 10 р.; отъ попечителя кievскаго учебнаго округа 348 р. 95 к., отъ управляющаго вологодскою казенною палатою 130 р. 33 к., отъ главнаго инспектора училищъ Восточной Сибири 36 р. 36 к., отъ правителя канцеляріи виленскаго, ковенскаго и гродненскаго генераль-губернатора 59 р. 20 к., въ томъ числѣ: отъ Бибикова 10 р.; отъ инспектора донскаго маринскаго института 200 р., въ томъ числѣ: отъ О. Уважновой 25 р., отъ неизвѣстнаго 25 р.; отъ кн. Имеретинскаго 10 р., отъ неизвѣстнаго 10 р., отъ Рафальскаго 10 р., отъ могилевскаго губернскаго воинскаго начальника 1 р. 36 к., отъ управляющаго государственными имуществами Подольской губерніи 25 р. 41 к., въ томъ числѣ: отъ В. Костовскаго 10 р.; отъ директора

*) Сверхъ того, имъ собрано 21 р. 35 к., которые вошли въ прежніе отчеты.

горнаго департамента 30 р., отъ управляющаго тульской контрольною палатою 25 р. 20 к., отъ тамбовскаго губернатора 10 р., отъ В. М. Безобразова 139 р., въ томъ числѣ отъ В. Безобразова 10 рублей.

В. При особыхъ объявленіяхъ въ маѣ и іюнѣ доставлено:

Отъ моголевскаго губернскаго воинскаго начальника 20 р. 12 к., отъ директора сибирской военной гимназіи 11 р., отъ козелецкаго уѣзднаго исправника 5 р. 69 к., отъ начальника 28-й пѣхотной дивизіи 7 руб. 68 к., отъ В. Я. Буяковскаго 5 р., отъ Н. В. Назарова 25 р. 35 к., отъ Н. И. Любимова 50 р., отъ управляющаго акцизными сборами Варшавской и Сѣдлецкой губерніи 156 р. 10 к., отъ начальника штаба виленскаго военного округа 13 р., отъ Н. Полетики 5 р. 35 коп., отъ новозыбковскаго уѣзднаго исправника 6 руб. 30 к., отъ моголевскаго губернскаго воинскаго начальника 2 р. 78 к., отъ директора училищъ Рязанской губерніи 10 р. Всего по 1-ое іюля 1872 г. собрано 55,618 руб. 66³/₄ коп.

III. Конкурсъ на проектъ памятника Пушкину.

Высочайше учрежденный комитетъ для сооруженія памятника Пушкину объявляетъ слѣдующее:

Съ высочайшаго разрѣшенія избрано для возведенія памятника Пушкину мѣсто въ Москвѣ, на оконечности Тверскаго бульвара, примыкающей къ Тверской площади, противъ Страстного монастыря.

Вслѣдствіе того комитетъ открываетъ конкурсъ на составленіе проекта памятника, на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Проектъ памятника, имѣющій состоять изъ двухъ частей: 1) фигуры поэта во весь ростъ, и 2) пьедестала—долженъ быть представленъ не въ видѣ рисунка, а въ формѣ модели изъ гипса, глины или воска, причемъ размѣры статуи въ модели полагается въ 8—9 вершковъ вышины, а соотвѣтственная величина пьедестала предоставляется усмотрѣнію художника. Размѣры памятника въ натурѣ будутъ опредѣлены впослѣдствіи.

2) Для руководства конкурентовъ составленъ планъ мѣстности для сооруженія памятника. Оттискъ этого плана можно безденежно получить въ С.-Петербургѣ, въ IV отдѣленіи собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, и въ Москвѣ—въ канцеляріи тамошняго опекунскаго совѣта.

3) Въ вознагражденіе художниковъ за модели, которыя будутъ признаны лучшими, назначается изъ жертвуемыхъ на памятникъ суммъ 5 тыс. руб., съ учрежденіемъ шести премій: 1) въ *тысячу пятьсотъ руб.*, 2) въ *тысячу руб.*, 3) въ *семьсотъ руб.* 4), 5) и 6) по *шестисотъ руб.* каждая, съ тѣмъ, однакоже, что 1-я премія выдается только въ томъ случаѣ, если составителю принятой модели не будетъ поручено самое исполненіе въ натурѣ.

4) Для разсмотрѣнія имѣющихъ быть представленными моделей, для опредѣленія ихъ относительнаго достоинства и цѣлесообразности, назначается, въ помощь комитету, особая коммиссія присяжныхъ, въ которую предположено пригласить гг. А. И. Резанова, Д. И. Гримма, М. П. Клодта, Чистякова, И. Н. Крамскаго и нѣсколькихъ скульпторовъ изъ тѣхъ, которые не будутъ участвовать въ открываемомъ конкурсѣ, что можетъ выясниться лишь впослѣдствіи. Этой коммиссіи

предоставляется, совокупно съ членами комитета, окончательно избрать къ исполненію проектъ статуи и пьедестала, хотя бы порознь изъ двухъ внесенныхъ на конкурсъ моделей.

5) Всякая получившая премію модель считается исключительною собственностью комитета.

6) *Пятнадцатое марта* будущаго *тысяча восемьсотъ семьдесятъ третьяго года* назначается крайнимъ срокомъ, къ которому модели должны быть представлены въ IV отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, причемъ художники могутъ сопровождать ихъ девизами, съ присоединеніемъ именъ своихъ въ запечатанных конвертахъ, изъ которыхъ соотвѣтствующіе одобренныя моделямъ будутъ сожжены въ присутствіи комиссіи.

7) Исполненіе пьедестала въ натурѣ можетъ быть поручено художникомъ, избраннымъ для сооруженія памятника, подъ его отвѣтственностью, другому приглашенному имъ лицу.

Стоимость памятника, вмѣстѣ съ пьедесталомъ, не должна превышать *шестидесяти тысячъ рублей*.

О П Е Ч А Т К А.

Въ іюльской книгѣ, на 233 стр., 1 строка сл. напечатано: Вегшейдера, вмѣсто Вашейдера.

М. Стасюлевичъ.

СО Д Е Р Ж А Н І Е

ПЯТАГО ТОМА.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — XXXVII-й ТОМЪ.

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ, 1872.

Книга девятая. — Сентябрь.

	СТР.
Кто виноватъ въ смутномъ времени?—Н. И. КОСТОМАРОВА.	5
Возсоединеніе уни.— Историческій очеркъ.— VI.— Окончаніе.—М. Я. МО- РОШКИНА	35
Отецъ Варфоломей.— Психологическій этюдъ.— Д. С—т—х—	74
Англія въ книгѣ Тэна.— I-II.—Е. И. УТИНА.	124
ПЕТЕРБУРГСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМІЯ до графа Протасова.— Воспоминанія.— IV.— Окончаніе.— Р. С.	152
Чумаки въ народныхъ пѣсняхъ.— Этнографическій очеркъ.— И. Я. РУДЧЕНКО.	208
Изъ записокъ С. Н. Глинки.— 1825-1829 гг.	289
КРЕДИТЪ.— Государственные долги.— Э. Вредена, Финансовый Кредитъ.— Ил. И. КАУФМАНА.	265
Пять дней на выставкѣ въ Москвѣ.— I-V.— Письма туриста.— Е. В.	337
Внутреннее Овозраженіе.— Учрежденіе женскихъ курсовъ при медико-хирургиче- ской академіи.— Будущее значеніе и практика ея ученицъ.— Ученицы юридическаго университета.— Привилегіи воспитанникамъ иностранныхъ гимназій.— Развитие холеры и условія благоприятныя для нея въ С.-Пе- тербургѣ.— Холера 1872 года.— Мѣры пресѣченія эпидеміи.— Устрой- ство помѣщеній для прибывающихъ рабочихъ.— Правила о примѣненіи городового положенія къ столицамъ.— Денежныя средства Петербурга и главные его потребности	357
«Виды» и «Соображенія» министерства народнаго просвѣщенія по дѣлу реаль- ныхъ училищъ.— М. С.	383
Иностранное Овозраженіе.— Сорокъ три миллиарда.— Учредительные планы Тьера.— Сессія генеральныхъ совѣтовъ.— Тьеръ въ Трувиллѣ.— Пар- ламентская сессія въ Англіи.— Положеніе министерства.— Ballot на практикѣ.— Бельфастскіе безпорядки.— Митинги.— Уйдетъ ли папа изъ Рима?— Муниципальные выборы въ Италіи.— Тьеръ о Викторѣ-Эмману- илѣ.— Толки о берлинскомъ свиданіи.— Министерскій кризисъ въ Турціи.	395
Английское мнѣніе о русскомъ флотѣ.— The imperial russian navy, by E. J. Reed.— Z.	416
Корреспонденція изъ Парижа.— Признаки возрожденія Франціи.— Н.	427
РУССКАЯ ЛІТЕРАТУРА.— Новости изъ нашей старины.— Архивъ кн. Воронцова. Книги 4-я и 5-я.— Девятнадцатый вѣкъ, изд. П. Барте- нева. Книга вторая	443
Новыя Книжки.— Сочиненія Державина. Т. VII.— Объ отношеніи государства къ народному образованію, А. Окольскаго.— Городскіе общественные банки Россіи, В. Ососова.— Повѣсти и рассказы Д. Григоровича	455

	Стр.
Иностранная Литература. — Gasparin: La France. Nos fautes, nos périls, notre avenir. — П.—ЧБ	467
Некрологъ.—П. П. ПЕКАРСКИЙ.—А. Н.	471
Извѣстия.—I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.— II. Программа конкурса распорядительной комиссiи третьяго сѣзда русскихъ сельскихъ хозяевъ въ Кіевѣ	477
Библиографическій Листокъ.	

Книга десятая. — Октябрь.

✓ Ролла. — Поэма Альфреда де-Мюссе. — В. П. БУРЕНИНА	481
✓ Русскія и Японцы на Сахалинѣ. — Дневникъ Н. В. БУССЕ	513
✓ Алкесей Словодинъ. — Семейная исторiя. — Часть первая. — П. АЛБМИН- СКАГО	559
Кэри и его теорiя. — I-VI. — Ю. Г. ЖУКОВСКАГО	611
✓ Чумахъ въ народныхъ пѣсняхъ. — Этнографическій очеркъ. — VI-X. — Оконча- ніе. — И. Я. РУДЧЕНКО	661
Англия въ книгѣ Тэна. — III-V. — Е. И. УТИНА	691
✓ Отъ Атлантическаго до Тихаго Океана. — I-III. — Эд. Циммермана	736
Хроника. — Международный статистическій конгрессъ въ Петербургѣ. — Восмалъ сессiя. — II. — W.	761
Внутреннее Овозрѣніе. — Столѣтній юбилей воспитательнаго дома въ Петер- бургѣ. — Взглядъ на исторiю этого учрежденiя. — Новѣйшія преобразо- ванія въ немъ. — Сельскія ссудо-сберегательныя товарищества — До- кладъ кн. А. Васильчикова. — Отчеты товариществъ. — Ныѣшнее поло- женіе этого дѣла	911
Иностранное Овозрѣніе. — Свиданіе трехъ императоровъ. — Официальныя от- зывы и слухи. — Заявленіе гр. Андраши. — Панславистскія стремленія. — Новый великій визиръ. — Болгарскій вопросъ. — Совершенновлѣтіе кн. Милана. — Сербскія дѣла. — Мариенбургскій праздникъ. — Баварское министерство. — Третейскій судъ въ Женевѣ. — Французскіе монархи- сты. — Письмо К. Перье. — Адресы. — Коммиссiя собранія. — Тьеръ у Гизо и Тьеръ въ Гаврѣ	936
Железная дорога на Риги-Кульмъ. — Изъ воспомнаній туриста. — А. С.—ИЙ	962
Корреспонденція изъ Берлина. — Берлинскіе праздники и внутренняя политика. — К.	973
Корреспонденція изъ Флоренціи. — Италия и ея важныя отношенія. — D. G.	993
Русская Литература. — Два варшавскія диссертации. — Исслѣдованіе г. Вейнберга, и сочиненіе г. М. Левестамъ.—А. Н. ВЕСЕЛОВСКАГО.	902
Новыя Книги. — Статистическій Временникъ Россійской Имперіи. — Сессіа вторая	918
Извѣстия.—I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.— II.—Подписка на памятникъ Пушкину.—III. Конкурсъ на проектъ па- матника Пушкину	929
Библиографическій Листокъ.	

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ А. Θ. БАЗУНОВА

ОС-
НОВА-
НІЯ ТОР-
ГОВЛИ
1811.

С.-Петербургъ, Невскій пр., № 80.

Въ сентябрѣ поступили въ продажу слѣдующія книги:

ГАЛИФАКСЪ, Д. Славная женщина. Спб. 1872 г. Ц. 2 р., вѣс. за 2 ф.

ШКЛЯРЕВСКИЙ, А. Сочиненія, рассказы слѣдователя. Спб. 1872 г. Ц. 1 р., вѣс. за 2 ф.

РОЗЕНТАЛЬ, М. Руководство къ діагностикѣ и терапіи нерв-
ныхъ болѣзней, выпускъ второй. Казань. 1872 г. Ц. 2 р., вѣс. за 2 ф.

РЕХНЕВСКИЙ, С. Телеграфы и примѣненіе ихъ къ военному
дѣлу, съ 270-ю рисунками въ текстѣ. Спб. 1872 г. Ц. 3 р., вѣс. за 3 ф.

МИЛЮКОВЪ, А. Доброе старое время (очерки былаго). Спб.
1872 г. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. за 1 ф.

ВЕЗОБРАЗОВЪ, В. Государственные доходы, теоретическія и
практическія изслѣдованія. Т. 2-й. Спб. 1872 г., Ц. 1 р., вѣс. за 2 ф.

СИРЪ, Ж. О питаніи въ физиологическомъ, патологическомъ и
терапевтическомъ отношеніяхъ. Спб. 1872 г. Ц. 2 р., вѣс. за 2 ф.

ВЛАДИСЛАВЛЕВЪ, М. Логика, обзоръ индуктивныхъ и де-
дуктивныхъ приемовъ мышленія. Спб. 1872 г. Ц. 3 р., вѣс. за 3 ф.

ФИНДЕЛЬ, І. Исторія франк-масонства отъ возникновенія его
до настоящаго времени. 2 тома. Спб. 1872 г. Ц. 5 р., вѣс. за 5 ф.

ЛѢТОПИСЬ по лаврентіевскому списку, изданіе археографической
коммиссіи. Спб. 1872 г. Ц. 3 р., вѣс. за 5 ф.

МЕЖОВЪ, В. Исторія русской и всеобщей словесности. Библио-
графическіе матеріалы, расположенные въ систематическомъ порядкѣ
и касающіеся литературы: русской и другихъ славянскихъ нарѣчій,
западно-европейскихъ, сѣверо-американской, классической и восточной,
и появившихся въ свѣтъ на русскомъ языкѣ, какъ отдѣльными со-
чиненіями, такъ и статьями въ періодическихъ изданіяхъ, за послѣд-
нія 16-ть лѣтъ, т.-е. съ 1855-го до 1870-го года, включительно. Спб.
1872 г. Ц. 3 р. 75 к., вѣс. за 4 ф.

О подпискѣ на ежемѣсячное, выходящее въ Петербургъ историческое изданіе:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1872-й г. (ГОДЪ ТРЕТІЙ).

«Русская Старина» посвящена преимущественно изданію записокъ и воспоминаній русскихъ дѣятелей, а также матеріаловъ къ отечественной исторіи и исторіи русской литературы XVIII и XIX вв. Въ вышедшихъ книгахъ 1872 г., между многими другими матеріалами, напечатаны: Записки гр. Чернышева, сподвижника Петра Великаго; — Воспоминанія академика Витберга, съ его словъ записанныя въ Вяткѣ Герценомъ (Искандеромъ) въ 1836 г.; — записки поч. лейбъ-хирурга Тарасова; записки партизана Дениса Давыдова; собственноручныя шуточныя произведенія Петра Великаго о князь-папѣ и «всепьяныйшемъ соборѣ» (Петръ I — какъ юмористъ); сенныя депеши прусскаго посла объ обидахъ, нанесенныхъ ему царемъ Петромъ и Меншиковымъ, и др. матеріалы о Петрѣ Великомъ и его времени. — Письма и мнѣнія генералиссимуса кн. Суворова, гр. Мордвинова, Сперанскаго, Ермолова и др. — Крѣпныя донесенія Дибича и Паскевича о Ермоловѣ 1826 — 1827 гг.; письмо Ермолова къ Устрялову. Историческіе рассказы и анекдоты, записанные со словъ именитыхъ людей — П. О. Карамзинимъ. Думы, посланія, сатира на Аракчеева и пророческія ода «Видѣніе» Рытѣва; — неизданныя отрывки изъ «Мертвыхъ Душъ» — Гоголя. Воспоминанія о Гоголѣ — Берга, о Грибоѣдовѣ — Каратыгина, объ Аракчеевѣ — докторе Евронеусѣ; смерть Грибоѣдова — изслѣдованіе по подлиннымъ, неизданнымъ документамъ А. Берже; неизд. стихотворенія — Лермонтова; «Насильный бракъ» — баллада гр. Ростопчиной; — басни и сказки Хемингера (по подлинной его рукописи); пьеса Дубельта; «Майоръ» — шутка-поэма Федотова, — «Солдатская сказка про царя русскаго и нѣмецкаго» — Чернышева; мнѣніе по дѣлу Петрашевскаго 1849 г. и проч.

«Русская Старина» 1872 г., третій годъ выходитъ книжками, непремѣнно 1-го числа каждаго мѣсяца; вышли и тогда же разосланы подписчикамъ: Январская, Февральская, Мартовская, Апрельская, Майская, Июньская, Июльская, Августовская, Сентябрьская и Октябрьская книги — съ приложеніями: «Записокъ» А. Т. Болотова портретовъ академика Витберга, — пѣвца бывшаго Рабинина, рисунковъ: Храма Спасителя въ Москвѣ — по проекту Витберга; — дома, въ которомъ скончался кн. Кутузовъ-Омоленскій въ Бунцау и памятника ему тамъ же; — снимка съ письма кн. Бутузова о Бородинской битвѣ 1812 г.

Подписка на «РУССКУЮ СТАРИНУ» изд. 1872 г., третій годъ, дѣлается въ книгъ съ приложеніями записокъ русскихъ людей, а также, время отъ времени, портретовъ и снимковъ съ писемъ замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей — принимается въ С. Петербургѣ, въ главной конторѣ «Русской Старины», въ книжномъ магазинѣ А. О. Базунова; въ Москвѣ у Ивана Григорьевича Соловьева — на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Гг. Иногородныхъ просятъ исключительно обращаться въ редакцію «Русской Старины»: въ С.-Петербургѣ, Литейной части, въ д. Лисицина, или въ д. Трута, кв. № 12.

Цѣна «Русской Старины» 1872 г. съ доставкой въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ, и съ пересылкой въ прочіе города Имперіи

восемь рублей.

Вышелъ въ свѣтъ и поступилъ въ продажу сборникъ „НЕДѢЛИ“:

РУССКІЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ВОПРОСЫ

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ОТДѢЛА.

Изданіе П. А. Гайдебурова и Е. И. Конради.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Реформы и русское общество. П. А. Гайдебурова. — II. Значеніе податной реформы. Н. В. Шелгунова. — III. Жизненные задачи земства (съ приложеніемъ плана земской больницы). В. О. Португалова. — IV. Нерѣшенные вопросы крестьянскаго дѣла. А. О. Жохова. — V. Нужды русскаго сѣвера. С. А. Шаширо. — VI. Непрактичный законо-проектъ. — VII. Ассоціація и артель. А. В. Яковлева. — VIII. Ссудо-сберегательныя товарищества въ Россіи. Князя А. И. Васильчикова. — IX. Кассационный судъ и наше законодательство. И. Г. Орнанскаго. — X. Провинція и мировой судъ. Барона Н. А. Корфа. — XI. Духовно-общественные вопросы: 1) Духовная администрація. 2) Выходъ изъ духовнаго званія. И. С. Беллюстина. — XII. Какъ быть со скопцами? — ОТДѢЛЪ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ. — XIII. Классическая страна крупнаго землевладѣнія. Н. Флеровскаго. — XIV. Умствен. ное движеніе Испаніи. М. Д. Боборыкина. — XV. Лѣтописецъ темнаго люда. М. К. Цебриковой. — XVI. Нравы и типы англичанъ. — XVII. Странная секта. В. Н. Майнова. — XVIII. Организация литературнаго труда. Е. И. Конради. — XIX. Личное объясненіе, нелишенное общаго интереса.

Сборникъ „Недѣли“ составляетъ большой томъ въ 48½ печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Цѣна 4 руб.

Продается въ редакціи „Недѣли“, на углу Ивановской и Кабинетской, д. Матушевича, кв. № 23, и въ „Русской книжной торговлѣ“, на Невск. просп., противъ Гостиннаго двора, № 42. Выписывающіе изъ редакціи за пересылку не платятъ.

РУССКАЯ ЧАЙНАЯ ТОРГОВЛЯ Дмитрія Ивановича Прилукова.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Большая Мѣшанская, д. № 43½, Тура, 2-й подъѣздъ отъ угла Вознесенскаго, а не на самомъ углу (на углу магазинъ другаго владѣльца).

Черные чай первой доставки, 1 р. 60 к., 2 р. и 2 р. 20 к. за фунтъ, во всѣхъ отношеніяхъ добросовѣстнаго качества.

Господа иногородные-россійскіе и заграничные покупатели пересылку чая принимаютъ на свой счетъ. По требованіямъ по городской почтѣ въ Петербургъ, доставка чая на домъ безъ платы за пронось.

BULLETIN

de la librairie de CARL RICKER (Münx).

Perspective de Nevsky, № 14.

AMBROS, Die Grenzen der Musik und Poesie. II Aufl. — 1 r. 50 c. BARLINS, Sittliche und sociale Zustände. — 25 c. BERNHARDY, Grundriss der römischen Litteratur. V Aufl. 3 Bände. — 6 r. 75. BOHMERT, Der Socialismus und die Arbeiter in Frage. — 1 r. 50 c. BRACHVOGEL, Der Fels von Erz. Roman. 4 Bände. — 9 r. BRAUN, Ueber die Bedeutung der Entwicklung in der Naturgeschichte. — 60 c. BRUNNER, Der Humor in der Diplomatie und Regierungskunde des 18 Jahrhunderts. 2 Bände. — 7 r. 50 c. EXNER, Die Ansteller und die Anstellungen. — 2 r. 10 c. GRUNEST, Forstlehre. 2 Bände. — 3 r. 50 c. HAECKEL, Schöpfungsgeschichte. III Aufl. — 5 r. HERMANN, Das Frauenstudium und die Interessen der Hochschule Zürich. — 20 c. HORN, Bei Friedrich Karl. Bilder und Skizzen aus dem Feldzug der 2-ten Armee. 2 Bände. — 4 r. 50 c. KLEIN, Geschichte des Dramas. IX Band. — 6 r. KÖPKE, Kleine Schriften zur Geschichte, Politik und Litteratur. — 5 r. 50 c.	LACKOWITZ, Berühmte Menschen. Musikalische Skizzen. — 2 r. MASIUS, Luftreisen. — 4 r. 50 c. MOHL, Encyclopedie der Staatswissenschaft. — 6 r. 50 c. MÜLLER, Der Fall von Konstanz. Roman. 3 Bände. — 6 r. OTTO, Privatgeschichten der Weltgeschichte. VI Band. — 1 r. 50 c. PAYEN, Handbuch der technischen Chemie. I Band. 3 Lfrg. — 2 r. PETTENKOFER, Beziehungen der Luft zu Kleidung, Wohnung und Boden. — 1 r. 20 c. ROLLET, Ueber die Erscheinungsformen des Lebens. — 20 c. SCAMONI, Handbuch der Heliographie. — 4 r. 50 c. SCHUCKING, Herrn Didiers Landham. Roman. 3 Bände. — 6 r. 75 c. SMILES, Der Character, deutsch von Steger. — 3 r. TESTE, l'Espagne contemporaine. — 1 r. 40 c. ULRICI, Compendium der Logik. II Aufl. — 2 r. 25 c. VAMBERY, Geschichte Bokara's oder Transoxaniens. 2 Bände. — 10 r. 50 c. WINTERFELD, Narren der Liebe. Komischer Roman. 3 Bände. — 7 r. 50 c.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

I. ЮРГЕНСОНА,

Коммиссіонера Русскаго Музыкальнаго Общества, С.-Петербургъ,
Большая Морская, № 9 (на углу Невского проспекта),

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

**Новыя дешевыя изданія классической музыки и оперъ
для фортепіано.**

ПОЛНЫЯ ОПЕРЫ для одного фортепіано: Фенелла, Норма, Пуритане, Соннамбула, Ромео и Юлія, Пиратъ, Фиделіо, Эгмонтъ, Білая дама, Калифъ Багдадскій, Волшебный стрѣлокъ, Оберонъ, Эврианта, Препіоза, 4 времени года, Сотвореніе міра, Цампа, Орфей, Армида, Лючія, Любовный напитокъ, Іосифъ, Донъ-Жуанъ, Волшебная флейта, Свадьба Фигаро, Отелло, Севильскій цирюльникъ, Реквіемъ Моцарта и др. по 50 коп.

БЕТХОВЕНА. Всѣ сонаты, 1 р. 85 к. — Тоже въ двухъ частяхъ съ аликватурой. 3 р. — Всѣ мелкія сочиненія, 60 к. — Всѣ вариации, 1 р. 50 к. — Всѣ симфоніи, 2 р. 50 к.

ВЕБЕРЪ. Всѣ сонаты, 60 к. — 8 знаменитыхъ пьесъ, 50 к. — Концерты 60 к. — Всѣ вариации, 50 к.

ГАЙДНЪ. 10 избранныхъ сонатъ, 60 к. — Всѣ 34 сонаты, роскошное изданіе, 3 р. 75 к. — Избранныя симфоніи, 90 к.

ГУММЕЛЬ. Всѣ сонаты, 1 р. — Разныя сочиненія, 50 к. — Концерты, 50 к.

КЛЕМЕНТИ. Прелюдіи и упражненія, 50 к. — «Graduated Raganns», знаменитыя упражненія, 2 р. 50 к. — 12 знаменитыхъ сонатъ, — 1 р. 25 к. — 12 сонатинъ, 60 к.

КУЛАУ. Любимыя сонатины, 50 к.

МОЦАРТЪ. Всѣ сонаты, 1 р. 25 к. — Мелкія пьесы, 50 к. — Всѣ вариации, 1 р. — Избранныя симфоніи, 1 р. — Концерты, 2 р.

ШУБЕРТЪ. Всѣ сонаты, 1 р. 25 к. — Всѣ танцы, 50 к. — Всѣ прочія сочиненія 1 р. 50 к. — Любимыя мелодіи, 50 к.

ФИЛЬДЪ. 176 знаменитыхъ вокторнъ, 60 к.

СБОРНИКЪ ЛЮБИМЫХЪ УВЕРТЮРЪ, для фортепіано, Бетховена, Бетлини, Вебера, Моцарта, Россини и др., 8 выпускъ (въ каждомъ отъ 8 до 10 увертюръ), каждый выпускъ 50 к. — Такой же сборникъ увертюръ въ 4 руки, 9 выпускъ каждый, 65 к. — Такой же сборникъ увертюръ для фортепіано и скрипки, 6 выпускъ каждый, 75 к.

Въ этомъ же изящномъ изданіи всѣ сочиненія Бетховена, Гайдна, Моцарта, Вебера, Гуммеля, Шуберта и др., для одного фортепіано, въ 4 руки, дуэты, тріо, квартеты и пр. по чрезвычайно дешевымъ цѣнамъ. Каталогъ онымъ высылается по требованію. За пересылку прилагается особо.

Въ магазинѣ Юргенсона продаются всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы и объявлены. Требования гг. иногороднихъ исполняются съ первоотходящею почтою.

Въ этомъ же магазинѣ принимается подписка на новый дешевый музыкальный журналъ «*Die Musikalische Welt*» (Музыкальный Свѣтъ), издаваемый г. Литольфомъ въ Брауншвейгѣ и содержащій ежемѣсячно по 5 избранныхъ пьесъ для фортепіано, любимыхъ современныихъ композиторовъ. Всѣ пьесы совершенно новыя и появляются въ печати въ первый разъ въ этомъ журналѣ. Годовая цѣна подписки 2 р. 70 к., съ пересылкою 3 р. 50 к. Желающіе подписаться получаютъ всѣ вышедшія тетради,

„РУССКІЙ КАЛЕНДАРЬ“

НА 1873 ГОДЪ

А. СУВОРИНА.

„РУССКІЙ КАЛЕНДАРЬ“ на 1873 годъ — второй годъ изданія — значительно исправленъ и дополненъ; нѣкоторыя свѣдѣнія явятся въ немъ въ первый разъ. Такъ, между прочимъ, будутъ помѣщены: „Практическія замѣтки о духовныхъ завѣщаніяхъ, о вводѣ во владѣніе и объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства“, статья одного изъ нашихъ юристовъ; „Современники“ (біографическіе очерки современныхъ ученыхъ, литераторовъ, художниковъ, музыкантовъ и проч.); „Обычаи Петербургской Биржи“; Населеніе Россіи за 1870 годъ и движеніе населенія (браки, рожденія и смертность) за 1868—1870 гг.; Планы всѣхъ петербургскихъ и московскихъ театровъ, и проч.

Объявленія принимаются въ конторѣ „Спб. Вѣд.“ (при книжн. магазинѣ Черкесова). Цѣна за стран. 20 р., $\frac{1}{2}$ стран. 10 р., $\frac{1}{4}$ стран. 5 р. Желающіе помѣстить объявленія впереди Календаря, передъ главнымъ листомъ, платятъ за стран. 30 руб., $\frac{1}{2}$ стран. 16 руб. и $\frac{1}{4}$ стран. 8 руб.

Цѣна „Русскаго Календаря“: 1 р., съ перес. 1 р. 30 к.; въ папкѣ 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 60 к.; въ переплетѣ 1 р. 50 к., съ перес. 2 р. Съ требованіями обращаются къ Алексѣю Сергѣевичу Суворину, въ Спб., Вас. Ост., 15-я лин., д. № 8.

Выйдетъ въ первой половинѣ ноября текущаго года.

Прилагается особо: отъ кн. магазина Э. Мелье, для иногородныхъ, Каталогъ журналовъ и періодическихъ изданій на 1873-й годъ.

достѣ. Популярныя бѣсѣды съ политиками и тексты. *Э. А. Россмесслера*. Перев. съ нѣм. П. Андреевскаго. Спб. 1872. Стр. 560. Ц. 3 р. 50 к.

Нѣмецкое изданіе дѣйствительно популярно, именно потому его слѣдовало не переводить, а только принять за образецъ и передѣлать, чтобы русское изданіе книги приобрѣла свою популярность и въ томъ обществѣ, для котораго начается переводъ. Конечно, передѣлка менѣе важна, чѣмъ переводъ, но за то и услуга ея нѣ. Нѣмецкій авторъ соединилъ въ одну книгу отдѣльныя статьи изъ своего популярнаго труда: «Изъ отчизны». Потому тутъ нѣтъ нѣкой строгой системы: область естественныхъ наукъ преобладаетъ и переплетается наблюденіями изъ жизни человека и его промышленною и общественной дѣятельностью. Такъ, напр., въ отдѣлѣ «Путь къ просвѣщенію», гдѣ въ формѣ изложены весьма интересно всѣ метафоры, которыя испытываетъ трипка, поднятая изъ мусора, до обращенія ея въ изицію напечатанный листъ бумаги. Но польза этой преводной книги значительно уменьшается вслѣдствіе того, что въ ней, весьма естественно, всѣ предметы описываются подъ условіями германской жизни, знакомой и у насъ, но только лишь, имѣющимъ болѣе, чѣмъ популярное образованіе. Вотъ потому по-русски книга уже не только популярна, какъ въ оригиналѣ.

Изданіе Родовспомогательнаго заведенія Императорскаго С.-Петербургскаго Воспитательнаго Дома. Спб. 1872. Стр. 163. Съ 12-ю приложеніями чертежей, таблицъ и проч.

Историческій очеркъ Родовспомогательнаго заведенія составленъ ко дню столѣтняго его юбилея, подъ редакціею директора заведенія, академика Крассовскаго. Родильный госпиталь и поалый институтъ, соединенные теперь подъ однимъ названіемъ Родовспомогательнаго Заведенія, существовали прежде отдѣльно. Этого нѣтъ ихъ исторіи, какъ объясняетъ предисловіе, могъ быть составленъ съ надлежащею полнотою, потому что трудно было добыть нужной маіиаль, и нѣкоторые документы такъ и не могли бытъ отысканы. Изложеніе позднѣйшаго періода нѣмѣйшаго устройства Заведенія достаточно полно. Книга издана роскошно, съ фасадами и нѣмами зданія и т. п. Къ сожалѣнію, она представляетъ не что иное, какъ оффиціальныя «документы» съ приложеніями, со всей безжизненностію доклада. Спеціалистамъ онъ не сообщитъ ничего, не имѣя никакого отношенія къ наукѣ, для чтенія неспеціалистовъ онъ неудобенъ, такъ, что почтенный г. Крассовскій не предпринимать ко дню юбилея самъ написать статистическо-врачебный обзоръ заведенія въ его нѣмѣйшій устройствѣ, предпославъ ему очеркъ историческій, страницъ въ 10, на которыхъ удобно было бы всѣ тѣ изъ изложенныхъ въ книгѣ факты, которые имѣютъ значеніе.

Телеграфы и примѣненіе ихъ къ военному дѣлу. Профессора Академ. ген.-шт. *С. С. Рехневскаго*.

Спб. 1872 г. стр. 332, съ 270-ю рисунками въ текстѣ. Ц. 3 р.

Послѣ краткаго описанія телеграфовъ оптическихкихъ, и акустическихкихъ, г. Рехневскій даетъ полное руководство для ознакомленія съ устройствомъ и дѣйствіемъ телеграфовъ электрическихкихъ, излагаетъ теорію ихъ и объясняетъ всѣ наиболѣе употребительныя аппараты. Какъ теоретическаго, такъ и практической стороны дѣла изложены съ полнотою и точностью, которыя не оставляютъ желать ничего лучшаго. Самостоятельный, дѣльный трудъ автора былъ бы замѣтитъ и въ нѣкой литературѣ, чѣмъ наша, которая по этой части, какъ извѣстно, крайне бѣдна. Замѣтитъ, что подобный трудъ не былъ предпринятъ нѣмѣй-либо изъ чиновъ телеграфнаго вѣдомства; предполагаемъ, что въ немъ есть ученые спеціалисты, умѣющие писать по-русски. Описаніе примѣненія телеграфовъ въ военномъ дѣлѣ составляетъ не болѣе трети книги, и само весьма интересно, излагая примѣненіе телеграфа отдѣльно въ каждой изъ войнъ, въ которыхъ онъ употреблялся, въ томъ числѣ и въ войнѣ 1870—1871 г.

Полный французско-русскій словарь, составленный *Н. Макаровымъ*. Ч. II. Н.—З. Спб. 1872 г. стр. 550. Ц.

Это—окончаніе нѣмѣйшаго труда, отягчающегося главнымъ достоинствомъ словарей—полнотою. Полнота притомъ соблюдена составителемъ не только въ числѣ словъ, но и въ подборѣ большаго числа акціцій. Въ приложеніи—перечень употребительныхъ во французскомъ письмѣ сокращеній и французско-русская метрологія. Очень полезенъ былъ бы составленный въ такомъ же разбѣрѣ и порядкѣ словарь русско-французскій.

Труды Высочайше учрежденной коммиссіи для пересмотра правилъ о служебныхъ пенніяхъ, пенніяхъ и пенсіоннаго устава, т. I. Спб. 1872 г.

Книга эта—сброшюрованные вмѣстѣ печатныя журналы коммиссіи съ печатными же записками по разнымъ отдѣльнымъ вопросамъ, которые подлежали разработкѣ. Главный предметъ здѣсь—вопросъ о пенніяхъ. Коммиссія для пересмотра пенсіоннаго устава была учреждена въ концѣ 1866 г. Она разработала предметъ весьма обстоятельно при помощи такихъ ученыхъ, какъ В. Я. Бунаковскій, К. С. Веселовскій и др.; многія изъ собранныхъ ею данныхъ и сдѣланныхъ ею выводовъ весьма любопытны. Главными цѣлями, къ которымъ она стремилась, были: возвышеніе пенсіонныхъ окладовъ и вмѣстѣ уменьшеніе государственнаго расхода по этому предмету. Расходъ этотъ собственно по гражданскому вѣдомству составлялъ въ 1869 году до 5½ милл. р. Не знаемъ, въ какомъ положеніи находится работа коммиссіи теперь. Послѣднее свидѣніе о нихъ въ настоящей книгѣ относится къ началу марта прошлаго года. Въ то время, предсѣдатель коммиссіи въ виду совершенно равнаго раздѣленія въ ней голосовъ по самому существенному вопросу, именно объ учрежденіи особой пенсіонной кассы на началахъ взаимнаго пожизненнаго страхованія, просилъ дальнѣйшихъ инструкцій министра финансовъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

ВЪ 1873-мъ году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

НА ГОДОВОЙ ЭКЗЕМПЛЯРЪ — 12-ть книгъ:

I. — Въ С.-Петербургѣ: 1) *Безъ доставки на домъ*—15 руб. 50 коп. — 2) *съ доставкой по городской почтѣ*—16 р.

II. — Въ Москвѣ: 1) *Съ пересылкою чрезъ книжный магазинъ Н. Г. Соловьева*—12 р. — 2) *Съ пересылкою чрезъ Газетную Экспедицію*—17 р.

III. — Въ губерніи: *Съ пересылкою чрезъ Газетную Экспедицію* 17 р.

IV. — Заграницею: За пересылку чрезъ Иностранную Экспедицію къ разнымъ путямъ цѣна (17 р.) прилагается: а) 2 руб. — въ Германію и Австрію; б) 3 р. — въ Бельгію, Нидерланды и Придунайскія Княжества; в) 4 р. — во Францію и Швейцарію; г) 5 р. — въ Англію, Швецію, Испанію, Португалію, Турцію и Грецію; е) 6 р. — въ Сібирію; ф) 7 р. въ Италію.

I.—ПОДПИСКА принимается: а) отъ городскихъ подписчиковъ въ Главную Контору журнала при книжномъ магазинѣ А. О. Базунова, въ С.-Петербургѣ, Инженерный Пр., 30; б) Изгородные и иностранные вносятъ по почтѣ исключительно въ Редакцію (Галерная, 20), съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имени, отчества, фамиліи и того почтового мѣста, его губерніи и уѣзда, гдѣ есть выдатель и журналовъ и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ.

2.—ПЕРЕМѢНА АДРЕССА сообщается въ Редакцію такъ, чтобы выдатель могъ послать до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностью извѣстить Редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой конторѣ свой новый адресъ для дальнѣйшаго отправленія журнала, а Редакцію извѣстить о перемѣнѣ адреса для слѣдующихъ номеровъ. При перемѣнѣ адреса, необходимо указывать мѣсто прежняго отправленія журнала, и съ какого номера начать перемѣну.

Примѣчаніе. — По почтовымъ правиламъ, городскіе подписчики, переходя въ другое мѣсто, прилагаютъ 1 р. 50 к., а изгородные—въ городскіе 50 коп.

3.—ЖАЛОБА, въ случаѣ неполученія книги журнала въ срокъ, препровождается или въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы, или въ Главную Контору. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ въ Главную Контору дубликатъ для отсылки съ первою почтою; но безъ свидѣтельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно съобщиться съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи отъ нея свидѣтельства.

Примѣчаніе. — Жалоба должна быть отправляема никакъ не позже полученія слѣдующаго номера журнала; въ противномъ случаѣ, Редакція лишится возможности удовлетворить подписчика.

М. СТАСЮЛВИЧЪ

Издатель и отвѣтственный редакторъ.

РЕДАКЦІЯ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ»:

Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Невскій просп., 30.

OCKER
NOV 20 1980

